ХРИСТІАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

1861.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. 13-го Декабря, 1860 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

I.

УЧАСТІЕ СЕРДЦА

ВЪ ПОЗНАНІИ ИСТИНЪ ВѢРЫ.

Чтобы познавать предметы міра видимаго, нужно обладать извѣстными умственными способностями и достаточно развить ихъ, и—больше не требуется ничего. Расположенія сердца не имѣютъ прямаго вліянія на пріобрѣтеніе свѣдѣній этого рода. Научное знаніе не предполагаетъ необходимо ни праваго сердца, ни добраго характера, и, къ несчастію, весьма часто можно видѣть прекраснѣйшія умственныя дарованія въ соединеніи съ самымъ жалкимъ эгоизмомъ и съ величайшею испорченностію сердца. Истины земныхъ наукъ Богъ открываетъ, по видимому, равно и для любящихъ и для ненавидящихъ Его, подобно тому, какъ Онъ *солнце свое сіяетъ* равно *на злыя и благія, дождитъ* равно *на праведныя и неправедныя* (Матѳ. 5, 45). Но не такъ — съ истинами Вѣры: онѣ доступны только любящимъ Бога (1 Кор. 2, 9). Это не значитъ, что ихъ не могутъ сколько нибудь понимать ученые и даровитые люди: но значитъ, что ни хорошее дарованіе, ни ученость сами по себѣ здѣсь не-

достаточны, какъ въ другихъ знаніяхъ. Здѣсь нужна любовь. Любовь есть единственно вѣрный истолкователь истинъ Евангелія. Мудрость вѣка сего и князей вѣка сего побѣждена простотою любви; любовь—это есть *премудрость въ совершенныхъ*, по слову возлюбленнаго Ученика: *всякъ любяй, знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога* (1 Іоан. 4, 7. 8).

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, между Богомъ и человѣкомъ происходитъ нѣчто подобное тому, что—между двумя лицами, говорящими на различныхъ языкахъ: нужно, чтобы между двумя сторонами посредничествовалъ толкователь, знакомый съ языками той и другой, чтобы, выслушивая слова одной, передавалъ ихъ смыслъ другой — на извѣстномъ ей нарѣчіи. Между Богомъ и человѣкомъ, между истинами Вѣры и нашей душей толкователь этотъ и есть любовь. Любовь дѣлаетъ понятными человѣку истины Вѣры, особенно тѣ истины, которыя выражаютъ наши отношенія къ Богу и составляютъ самое основаніе Вѣры. Эти истины разуму недоступны, но любовію постигаются безъ труда.

Иной удивится, можетъ быть, слыша, что любовь, чувствованіе сердца, въ дѣлѣ Вѣры производитъ то, что, по его мнѣнію, принадлежитъ одному разуму. Но такой пусть вспомнитъ, что и бо́льшая часть нашихъ познаній пріобрѣтается непосредственно не разумомъ, а другими нашими силами. Когда мы хотимъ пріобрѣсти познаніе о какомъ либо предметѣ природы, мы для этой цѣли дѣйствуемъ прежде всего нашими чувствами, а не разумомъ. Посредствомъ зрѣнія пріобрѣтаемъ мы понятіе о протяженіи и формѣ тѣлъ; посредствомъ слуха получаемъ понятіе о звукахъ; посредствомъ обонянія—понятія о запахахъ. Необходимо, конечно, чтобы за тѣмъ дѣйство-

валъ и разсудокъ, чтобы и онъ обнаруживалъ свою дѣятельность совмѣстно съ дѣятельностію чувствъ: но, какъ бы ни было важно въ этомъ случаѣ его участіе, должно согласиться, что познаніе предметовъ внѣшняго міра и ихъ свойствъ передается первоначально чувствами. Точно также — и въ предметахъ міра нравственнаго. Не чрезъ разсудокъ и не имъ первоначально получаемъ свѣдѣнія о предметахъ этого міра. Чтобы узнать ихъ, мы дѣйствуемъ также чувствомъ, — только внутреннимъ, духовнымъ. Разсудокъ въ послѣдствіи приходитъ и сюда, какъ сила вспомогательная; онъ вникаетъ, сопоставляетъ, сравниваетъ наши ощущенія: но онъ не производитъ ихъ; и утверждать, что ими мы обязаны разсудку, столь же странно, какъ увѣрять, что познаніе о цвѣтахъ мы пріобрѣтаемъ ушами,—о благовоніяхъ—глазами, о звукахъ и тонахъ—обоняніемъ. И какъ предметы міра внѣшняго непосредственно постигаются внѣшними чувствами: подобно сему и то, что принадлежитъ сердцу, можетъ быть истинно понято только сердцемъ.

Но говоря, что сердце понимаетъ, мы отнюдь не утверждаемъ, что сердце становится разсудкомъ, что оно мыслитъ. Сердце понимаетъ не какъ разсудокъ, хотя также хорошо, если еще не лучше. Что значитъ понимать въ отношеніи къ разсудку? Значитъ ловить логическую связь между двумя или нѣсколькими предметами, значитъ убѣждаться или увѣряться, но не путемъ опыта, а путемъ мышленія, — значитъ ставить себя въ посредственное отношеніе съ предметами, которыхъ непосредственное соотношеніе для насъ недоступно. Итакъ пониманіе разсудочное есть собственно не что иное, какъ дополненіе того, чего нельзя постигнуть опытомъ. Опытомъ постигаются только внѣшнія стороны предметовъ;

но ихъ свойства и сущность, ихъ взаимное отношеніе, ихъ значеніе для опыта недоступны, и понять ихъ опытъ и внѣшнія чувства не въ состояніи. Если бы все это могло быть постигаемо только опытомъ, то человѣку нечего было бы понимать, такъ какъ онъ видѣлъ бы, осязалъ бы, вкушалъ бы все, чтó бы ему ни встрѣтилось. Онъ не разсуждалъ бы, а видѣлъ все непосредственно. Тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто это непосредственное видѣніе, пониманія нѣтъ, потому что есть нѣчто лучшее; или, если угодно, назовемъ это и пониманіемъ, но это есть пониманіе уже другаго рода, высшее, которое усвояетъ все безъ труда, для котораго все ясно, но котораго не передать словами разсудку другаго. И вотъ таково-то пониманіе сердца. Конечно, оно имѣетъ опредѣленныя границы. Оно простирается на всю область чувства, и не идетъ далѣе. Но и разсудокъ имѣетъ свои, строго опредѣленныя границы, и не можетъ переступать ихъ, подобно какъ и сердце не можетъ переступать свои. Въ приложеніи къ предметамъ, исключительно принадлежащимъ къ области чувства, онъ блуждаетъ во тьмѣ; они проходятъ мимо его, не становясь нисколько для него понятными, и самая напряженная его дѣятельность въ этомъ случаѣ совершенно безплодна.

Вы можете силою вашего ума, при пособіи вашей учености, доказать подлинность св. Писанія, можете наилучшимъ образомъ объяснить всѣ трудности и кажущіяся противорѣчія какъ въ немъ, такъ и въ св. Преданіи; поймете связь и взаимное соотношеніе всѣхъ истинъ Вѣры; все это и еще болѣе этого можете вы сдѣлать: но, если въ васъ нѣтъ любви, Евангеліе будетъ для васъ мертвымъ письменемъ и закрытой книгой; его откровенія для васъ будутъ отвлеченными понятіями и про-

стыми умозрѣніями, его система—единственной въ своемъ родѣ теоріей: но все, что оно заключаетъ въ себѣ наиболѣе разительнаго, драгоцѣннаго и сладостнаго, вамъ будетъ казаться можетъ быть труднымъ испытаніемъ вашей вѣры, и — больше ничѣмъ. Коль же скоро между Евангеліемъ и душею явится небесный посредникъ — любовь, тогда евангельское слово будетъ имѣть для васъ смыслъ, и смыслъ столько же ясный, сколько и глубокій; тогда вашему уму не будетъ стѣснительно и станетъ легко среди этихъ чрезвычайныхъ откровеній; тогда эти истины, принятыя вами съ послушаніемъ и покорностію, сдѣлаются для васъ столь же знакомыми, столь же необходимо-истинными, какъ и обыкновенныя, окружающія васъ вещи; тогда вы безъ усилій проникнете въ эту чудную систему, которую умъ вашъ, такъ сказать, боится видѣть вблизи; тогда вы удивитесь, какъ, прежде Откровенія, вы не предугадали этихъ истинъ, столь ясныхъ, простыхъ и въ тоже время столь таинственныхъ и божественно-высокихъ.

Всегда, какъ скоро человѣкъ съ однимъ только умомъ, но безъ любви, всходилъ на Голгоѳу и созерцалъ зрѣлище креста, всегда въ дѣлѣ божественнаго истощанія онъ видѣлъ только тайну и мракъ. Да и какимъ образомъ умъ, холодный умъ пойметъ что-либо въ этой горькой чашѣ, осушенной до дна самою Святостію, въ этомъ милосердіи, которое явлено безмѣрностію страданій, въ этомъ изліяніи крови, безъ котораго не было бы спасенія? Онъ, можно сказать, ни одного шагу не сдѣлаетъ впередъ въ пониманіи этой божественной тайны, дотолѣ, пока, бросивъ безплодныя умозрѣнія, не предоставитъ сердцу трудъ понять ее. И какъ быстро тогда раскрываются всѣ покровы и исчезаютъ всѣ тѣни! Какъ тому,

кто любитъ самъ, легко понять любовь! Какъ ему кажется естественнымъ, что Богъ, безконечный во всемъ, также безконеченъ и въ любви! Какъ, съ другой стороны, ему кажется непонятнымъ, что есть сердца, которыя не чувствуютъ величія самаго великаго дѣла Божія! Какъ онъ удивляется слѣпотѣ тѣхъ, которые читаютъ и перечитываютъ Писаніе, не понимая въ немъ главной мысли, которые проходятъ мимо божественной любви, не признавая, не замѣчая ея величайшаго обнаруженія!

Вѣра говоритъ человѣку о молитвѣ, какъ о сильнѣйшемъ средствѣ привлечь благодать Божію, какъ о силѣ, которая низводитъ съ небесъ на землю милосердіе небесное и которая, можно сказать, усвояетъ себѣ Божіе владычество надъ міромъ. Такое ученіе непостижимо уму. Но для сердца какъ эта истина пріятна, какъ естественна! Какъ охотно оно усвояетъ его себѣ! Какъ спѣшитъ оно помѣстить его въ рядъ самыхъ дорогихъ своихъ убѣжденій! И какими жалкими мудрователями кажутся ему тѣ, которые, чувствуя съ одной стороны, что вѣра безъ молитвы не есть вѣра, а съ другой, — что дѣйствія вѣры на жизнь необъяснимы и непонятны, рѣшаются оставаться въ неизвѣстности относительно этого ученія, медлятъ, ждутъ и—не молятся!

Тоже самое должно сказать и о всѣхъ тайнахъ Вѣры. Даже для тѣхъ, которые принимаютъ ее за вѣру божественную, для тѣхъ, которые умомъ вѣрятъ ей, она непонятна, она мертва до тѣхъ поръ, пока они не призовутъ на помощь сердца. Есть много между вѣрующими такихъ, которые долго ходили около Христіанства—вѣрою ума ихъ, какъ около непроницаемаго святилища, безпрестанно ударяя безъ всякаго успѣха въ двери его, вѣруя и въ тоже время не вѣруя, — есть много христі-

ан по своимъ желаніямъ, и невѣрующихъ по своимъ надеждамъ, увѣренныхъ—но не убѣжденныхъ, знающихъ и—не успокоивающихся. Отъ чего это,—спросимъ мы ихъ—вы вѣруете и не испытываете благотворности Вѣры? Отъ чего Вѣра—для васъ есть иго, которое безпокоитъ и давитъ васъ, а не крылья, на которыхъ могли бы вознестись вы превыше всѣхъ смятеній и безпокойствъ сердца? Отъ чего въ нѣдрахъ этой Вѣры, которую вы принимаете, чувствуете вы себя чуждыми ей? Отъ чего въ дому Отца вашего небеснаго вы чувствуете себя какъ бы внѣ дома? Это отъ того, что холодно сердце ваше. Лидіи нужно было, чтобы ей отверзлось *сердце внимати глаголемымъ отъ Павла* (Дѣян. 16, 14). Точно также должно отверзться и ваше сердце, чтобы понимать истины, которыя только сердце можетъ понимать; или—выразимся языкомъ Писанія—нужно, чтобы каменное сердце замѣнилось въ вашей груди *сердцемъ плотянымъ* (2 Кор. 3, 3).

Да, сколько можно видѣть людей съ православіемъ безукоризненнымъ, но въ тоже время чуждыхъ утѣшеній Вѣры! Сколько людей, которые во всю жизнь свою ни разу не выразили сомнѣній въ истинахъ Вѣры, которые постоянно читаютъ Писаніе, знаютъ многое изъ него наизустъ, и которые, не смотря на все это, еще не вѣруютъ! Значитъ, вѣра не есть произведеніе ума; вѣра—это любовь. Знаніе можетъ раскрывать намъ предметъ Вѣры, но одна любовь даруетъ живое убѣжденіе.

Представьте, съ одной стороны, человѣка благочестиваго, крѣпкаго духомъ, съ душою, готовою на всѣ пожертвованія и на всякаго рода самоотверженія,—а съ другой, человѣка съ соображеніемъ быстрымъ, съ рассудкомъ обширнымъ и глубокимъ, но съ сердцемъ хо-

лоднымъ: не правда ли, что первый будетъ вѣчной загадкой для втораго? Какъ въ самомъ дѣлѣ онъ пойметъ движеніе воодушевленія, дѣйствія самоотреченія, полныя жизни рѣчи, — когда ихъ источникъ заглушенъ въ его душѣ? *Духовный человѣкъ*, говоритъ Апостолъ, *востязуетъ вся, а самъ той ни отъ единаго же востязуется* 1 Кор. 2, 15). Прилагая эти слова къ одному изъ тѣхъ людей, о которыхъ мы говоримъ, именно первому, мы должны сдѣлать такой выводъ: никто, безъ зародыша тѣхъ же самыхъ чувствъ, не можетъ правильно судить о немъ.

Притворство! лицемѣріе! вопіютъ часто по поводу различныхъ поступковъ, особенно тѣхъ, которыми выражается благочестіе христіанское. Жаръ, объемлющій эту душу, направляющій извѣстнымъ образомъ всѣ ея способности, для многихъ кажется слишкомъ страннымъ, чтобы ему можно было вѣрить. Для того, чтобы повѣрить, имъ недостаетъ одного — испытать самимъ. А не испытавши, они никогда не повѣрятъ, будутъ считать преувеличеніемъ, притворствомъ, лицемѣріемъ такое чувство, которое напротивъ, можетъ быть, сдерживается, скрывается и обнаруживается далеко не во всей своей силѣ. Заблужденіе весьма естественное! Всѣ усилія самаго дѣятельнаго ума не могутъ дать намъ понятіе о вкусѣ плода, котораго мы никогда не вкушали, о запахѣ цвѣтка, котораго мы не обоняли, а еще менѣе о чувствѣ, котораго мы никогда не испытывали. Возвышенныя движенія души — тоже, что сіяніе тверди небесной. Когда въ ясную ночь милліоны звѣздъ сверкаютъ въ небесахъ: это величіе свода небеснаго восхищаетъ всякаго, кто имѣетъ глаза; но тотъ, кому Провидѣніе отказало въ дарѣ зрѣнія, хотя бы имѣлъ самый быстрый,

обширный и проницательный умъ, хотя бы развилъ и образовалъ его наилучшимъ образомъ, никогда не получитъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ восхитительномъ зрѣлищѣ, между тѣмъ какъ человѣкъ, не одаренный особенными талантами и не получившій образованія, только откроетъ вѣки,—и увидитъ это величіе тверди небесной и посредствомъ глазъ получитъ отъ этого зрѣлища впечатлѣніе, недоступное вовсе для слѣпаго мудреца. Но другое небо, несравненно величественнѣе распростертаго надъ нами, представляетъ намъ вѣра Христова; божественныя истины суть звѣзды этого таинственнаго неба и блистаютъ на немъ свѣтлѣе и чище, чѣмъ звѣзды на тверди небесной: но нуженъ глазъ, чтобы ихъ видѣть, и этотъ глазъ есть любовь. Евангеліе есть дѣло любви; Христіанство есть не что иное, какъ любовь въ ея чистѣйшемъ проявленіи; и какъ свѣтъ можетъ быть понятъ только посредствомъ глаза, такъ любовь можетъ быть понята только любовію.

Первый совѣтъ, который должно бы дать разуму, это— не брать на себя того, что не принадлежитъ къ его области. Но разумъ гордъ, разумъ упрямъ; онъ не хочетъ уступить. И потому Господь, когда хочетъ спасти душу, оставляетъ ее на время въ борьбѣ съ собою отъ навѣтовъ своего же разума. И, когда уже она утомится и какбы придетъ въ отчаяніе, когда признаетъ себя неспособною ни потушить пожирающую ее жажду свѣта, ни удовлетворить ей,—тогда Онъ касается своею рукою этой души, утомленной своими усиліями, сокрушенной своими паденіями, и даетъ ей силу—просить помилованія. Тогда она смиряется, покаряется, сокрушается; она вопіетъ о помощи; она отказывается отъ знанія и проситъ вѣры; она не хочетъ понимать,—а осязать,—ощу-

щать. Тогда сердце начинает свои дѣйствія и заступаетъ мѣсто ума,—сердце сокрушенное и смиренное. Оно проситъ милости,—ему дается помилованіе; оно проситъ опоры,—ему даруется опора; оно проситъ спасенія,—ему низпосылается спасеніе. Этому жалкому и смущенному сердцу дается все то, въ чемъ отказывалось гордому и надменному разуму. Оно понимаетъ безъ труда, оно съ жаромъ пріемлетъ истины, въ которыхъ нуждается и безъ которыхъ душа человѣческая не можетъ имѣть мира и счастія. И такимъ образомъ исполняется слово Премудраго: *отъ сердца исходища живота* (Притч. 4, 23).

Захочетъ ли гордый умъ спросить у него отчета въ его вѣрѣ? Конечно, оно не объяснитъ ему необъяснимаго и, въ этомъ отношеніи, мало удовлетворитъ его. Но, если оно говоритъ, если можетъ сказать одно только: я люблю,—развѣ недостаточно этого отвѣта? Если оно можетъ сказать: я не принадлежу ни самому себѣ, ни міру; моя пища—творить волю Отца моего небеснаго; я воздыхаю только о благахъ вѣчныхъ; я люблю всѣхъ моихъ братій о Господѣ любовью всесердечною; я доволенъ жизнію, но съ радостію встрѣчу и смерть; все во мнѣ течетъ стройно и согласно,—мои силы и мои дѣйствія, мои цѣли и мои стремленія, мои чувства и мои мысли; міръ, жизнь, дѣла человѣческія не имѣютъ уже для меня тайны, которая бы смущала меня, и противорѣчій, которыя бы волновали меня; словомъ,—я воскресло для новой жизни..., если оно говоритъ и можетъ говорить все это, и если вся жизнь его оправдываетъ эти слова: не тратьте съ нимъ пустыхъ разсужденій; не пытайтесь опровергать его; оно владѣетъ истиной, потому что владѣетъ жизнію. Такой человѣкъ осязаетъ какъ бы руками,

видитъ какъ бы очами, вкушаетъ истину, которой съ равной очевидностію не утвердятъ никакія доказательства въ мірѣ и которой никакія доказательства въ мірѣ не поколеблютъ. Тотъ, кто имѣетъ зрѣніе, нуждается ли въ доказательствахъ существованія свѣта? Того, кто здоровъ, можно ли убѣдить, что онъ страждетъ? Это—несокрушимыя истины, которыхъ доказательства въ немъ самомъ, или лучше, которыхъ самъ онъ живое доказательство.

Такимъ образомъ когда мы стяжали вѣру, когда въ нашемъ сердцѣ, недавно больномъ и безчувственномъ, любовь водрузитъ свой незыблемый престолъ: эта любовь дѣлается обильнымъ источникомъ просвѣщенія. Тогда ясны для насъ всѣ тайны Вѣры. Ея пламя даетъ тѣмъ больше свѣта, чѣмъ больше теплоты; дивное дѣло!—по мѣрѣ того, какъ мы возрастаемъ въ любви, возрастаемъ и въ знаніи. Таковъ христіанинъ!—Будемъ молить Бога, чтобы Онъ вложилъ въ наше сердце любовь, которая одна только можетъ понимать и знать, любовь, которая одна есть источникъ свѣта и жизни!

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

II.

Самыя вѣрныя и несомнѣнныя основанія любви къ человѣчеству представляетъ намъ божественная религія Іисуса Христа.

Говоримъ: самыя *вѣрныя* и *несомнѣнныя*. Потому что истинность и непререкаемость нашей Вѣры выше всѣхъ сомнѣній и недоумѣній человѣческихъ, выше всѣхъ нападеній и возраженій ея враговъ. Внутренняя, духовная высота ея ученія о Богѣ и мірѣ, — высота, до которой самъ собою не могъ подняться ни одинъ мудрецъ древняго и новаго міра и которою она безмѣрно превосходитъ всѣ вѣрованія народовъ не-христіанскихъ; — глубокое знаніе духовной и тѣлесной природы человѣка, которое мы находимъ въ писаніяхъ мужей богодухновенныхъ и въ которомъ цѣлые вѣка и тысячелѣтія не нашли ничего невѣрнаго и ошибочнаго,—уже одно это не должно ли убѣдить всякаго разумно-мыслящаго человѣка, что вѣра Христова есть истина несомнѣнная, что она произошла не отъ людей, всегда подверженныхъ ошибкамъ и

заблужденіямъ, но отъ высочайшей и безконечной Истины,—Бога? Но кромѣ этого Вѣра наша имѣетъ и другіе признаки своего божественнаго происхожденія, болѣе ясные и очевидные.—Самое вѣрное и точное исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій въ новомъ Завѣтѣ, чудеса пророковъ и апостоловъ, чудеса самаго Іисуса Христа, историческая несомнѣнность которыхъ подтверждается свидѣтельствомъ ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ учениковъ Его, нерѣдко за свое свидѣтельство терпѣвшихъ жесточайшія мученія и полагавшихъ жизнь, — даже свидѣтельствомъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ Христіанства, дивное распространеніе нашей Вѣры и сохраненіе Церкви Божіей на землѣ, при непрерывныхъ возстаніяхъ на нее цѣлаго міра, при непрестанной борьбѣ противъ нея враговъ видимыхъ и невидимыхъ: вотъ самыя ясныя, очевидныя и разительныя доказательства истинности нашей Вѣры, лучше и очевиднѣе которыхъ не можетъ представить никакая человѣческая мудрость въ подтвержденіе своихъ умозрѣній и соображеній.

А имѣя такой источникъ истины, гдѣ, какъ не въ немъ, мы должны искать самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ основаній для ученія о любви къ человѣчеству? Оставлять безъ вниманія непререкаемую, богооткровенную истину— не значитъ ли добровольно низводить самихъ себя въ то погибельное состояніе, въ которомъ находились и находятся язычники, не озаренные свѣтомъ божественнаго откровенія? Прибѣгать къ произвольнымъ догадкамъ и предположеніямъ о предметѣ, о которомъ есть ученіе истинное и несомнѣнное, не значитъ ли даромъ терять время и силы? Не гораздо ли лучше содѣйствовать всѣми силами тому, чтобы христіанское ученіе о любви къ человѣчеству, такъ давно возвѣщаемое міру, но, къ сожалѣнію,

многими, въ самыхъ нѣдрахъ Христіанства, незнаемое и непонимаемое во всей своей силѣ,—чтобы это ученіе болѣе и болѣе проникало въ жизнь и было постояннымъ началомъ человѣческой дѣятельности, было душею и жизнію всѣхъ желаній и стремленій, всѣхъ отношеній однихъ членовъ общества къ другимъ?...

Можно сказать, что христіанская религія внушаетъ намъ любовь къ ближнему въ каждой истинѣ, которую она возвѣщаетъ міру. «Есть много отличительныхъ признаковъ Христіанства», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «но больше всѣхъ и лучше всѣхъ—любовь другъ къ другу и миръ» (1). Христіанство—это истинная любовь къ человѣчеству; гдѣ нѣтъ этой любви, тамъ—только призракъ Христіанства, но не само оно, только образъ благочестія, но не сила его, только буква, а не духъ.—Укажемъ на главныя и самыя существенныя основанія любви къ человѣчеству, какія предлагаетъ намъ Христіанство.

Любовь къ человѣчеству, которую проповѣдуетъ намъ Вѣра наша, въ своемъ первомъ основаніи весьма много различается отъ любви, которой учитъ естественная человѣческая мудрость. Послѣдняя ищетъ основаній этой любви единственно въ природѣ и жизни человѣка; а Христіанство, не отвергая этихъ основаній, указываетъ на другое, гораздо высшее нашей природы, но въ тоже время вполнѣ сообразное съ нею, совершенно согласное съ требованіями здраваго разсудка и потребностями человѣческой жизни. Вѣра Христова указываетъ самое первое основаніе любви къ человѣчеству въ любви къ Богу, ту и другую любовь проповѣдуя совмѣстно, внушая, что безъ истинной любви къ Богу нѣтъ истинной любви къ

(1) Бес. на посл. къ Евр. 31. Христ. Чт. 1859 г, Окт.

человѣчеству, и обратно, въ комъ нѣтъ любви къ человѣчеству, въ томъ нѣтъ и не можетъ быть истинной любви къ Богу (1 Іоан. 4, 20).

Нужно ли доказывать ту истину, что человѣкъ долженъ любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію своею (Матѳ. 22, 37)? Богъ самъ по Себѣ, по существу своему, есть высочайшее, безконечное благо, истина и красота: какой же человѣкъ, если онъ признаетъ бытіе Божіе и не хочетъ отказаться отъ здраваго смысла, станетъ утверждать, что Бога не должно любить любовію самою полною, самою пламенною и совершенною, какая только возможна для человѣка? Но если Бога мы обязаны любить ради безконечной доброты и красоты Его существа; то не менѣе того мы должны любить Его и за тѣ безчисленныя блага, которыя Онъ явилъ и являетъ намъ въ твореніи и промышленіи, а еще болѣе въ искупленіи насъ чрезъ единороднаго Сына своего, и за тѣ вѣчныя блага, которыя, по благодати искупленія, Онъ имѣетъ даровать человѣку въ жизни будущей.—Если, при мысли о Богѣ, какъ высочайшемъ благѣ и истинѣ, любовь къ Нему по преимуществу является необходимымъ требованіемъ здраваго разсудка; то, при мысли о безчисленныхъ благодѣяніяхъ намъ Божіихъ, она особенно является необходимымъ требованіемъ сердца, способнаго чувствовать благодѣянія и благодарить за нихъ.

Вотъ главныя и существенныя основанія нашей любви къ Богу. Но они же должны быть и основаніями нашей любви къ человѣчеству.—Если мы любимъ Бога, то необходимо должны любить и образъ Божій—человѣка. Если благоговѣемъ предъ величіемъ Творца, то не дерзнемъ ненавидѣть лучшее изъ Его твореній. Если, какъ христіане, чувствуемъ всю безпредѣльность божественныхъ

благодѣяній, излитыхъ на насъ чрезъ воплощеніе единороднаго Сына Божія; то не можемъ творить зло тѣмъ, которымъ Онъ благотворитъ. Если вѣруемъ въ безсмертіе нашей души и ожидаемъ блаженства жизни будущей: то не можемъ не питать въ себѣ любви къ Богу и человѣчеству, потому что безъ любви невозможно никакое блаженство, потому что безъ любви мы не можемъ даже представить себѣ какого бы то ни было счастія и блаженства, достойнаго человѣка!...

Человѣкъ—образъ Божій! Вотъ самое существенное и главное его достоинство.—Человѣкъ разуменъ, и есть образъ Существа безконечно разумнаго, премудраго и всевѣдущаго; человѣкъ нравственно-свободенъ, и есть образъ Существа высочайше свободнаго; человѣкъ имѣетъ стремленіе къ добру, отъ природы уважаетъ нравственный законъ совѣсти, и есть образъ Существа безконечно праведнаго и святѣйшаго; человѣкъ безсмертенъ, и есть образъ Вѣчнаго, человѣкъ—властелинъ и царь видимой природы, и есть образъ Всемогущаго. Кто признаетъ эту истину, тому нужно ли доказывать, что не любить человѣка,—прекрасный образъ безконечной красоты, образъ, по которому мы, существа ограниченныя, отчасти познаемъ и Того, Кто самъ по Себѣ выше всѣхъ нашихъ познаній,—въ существѣ есть тоже, что не любить и самаго Бога?—Если естественное чувство, естественный здравый разумъ согласно внушаютъ намъ, что презирать и ненавидѣть ближняго значитъ въ лицѣ его презирать и ненавидѣть ту же природу и тѣ силы ея, которыя общи всѣмъ намъ; то разумъ, озаряемый свѣтомъ божественнаго Откровенія, руководимый ученіемъ Вѣры, внушаетъ намъ несравненно болѣе,—показываетъ, что ненавидѣть и презирать ближняго значитъ оскорблять и унижать Того

Котораго могущество безпредѣльно, святость всесовершенна, премудрость всеобъемлюща, слава и величіе безконечны!... Человѣкъ—образъ Божій! Какъ многіе и какъ часто повторяютъ эту истину, извѣстную въ мірѣ христіанскомъ всѣмъ и каждому! Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ многіе мало вникаютъ въ силу и сущность этой возвышенной истины, мало сознаютъ и исполняютъ тѣ священныя обязанности, которыя она внушаетъ! Въ образѣ Божіемъ сообщено человѣку столь высокое достоинство, что никакое иное достоинство, лично пріобрѣтаемое человѣкомъ, никакая земная слава и честь не могутъ сравниться съ этимъ даромъ любви и благости Божіей. А если такъ, то само собою очевидно, что никакая земная слава, никакое личное достоинство и заслуга никому не даютъ права унижать и презирать самаго послѣдняго и бѣднѣйшаго изъ людей; потому что поступать такимъ образомъ значитъ предпочитать низшее высшему, случайное существенному, тлѣнное и преходящее нетлѣнному и безсмертному. Понятно отсюда и то, что всякое достоинство и преимущество, право и власть, богатство и образованность,—однимъ словомъ: все, чѣмъ люди, по мудрому устроенію Промысла, возвышаются другъ надъ другомъ, только тогда имѣетъ надлежащую цѣну и значеніе, когда не находится въ противорѣчіи съ существеннымъ достоинствомъ человѣка, — когда, возвышаясь надъ другими, онъ не забываетъ того, что и самъ онъ прежде всего и болѣе всего—человѣкъ, когда своихъ достоинствъ и преимуществъ онъ не дѣлаетъ средствомъ или орудіемъ къ униженію и обидѣ другихъ. Иначе, тѣже самыя достоинства и преимущества, если они только питаютъ эгоизмъ и своекорыстіе, тщеславіе и гордость человѣка, часто содѣйствуютъ только большему униженію его самаго. Жи-

вой опытъ многихъ вѣковъ несомнѣнно доказалъ, что на верху славы и почестей человѣкъ тѣмъ болѣе истинно почтенъ и славенъ, чѣмъ болѣе является онъ дѣйствующимъ въ духѣ самоотверженія и любви къ человѣчеству,— и напротивъ, эгоизмъ и своекорыстіе, всякая обида и насиліе, всякое явленіе вражды и ненависти къ ближнему тѣмъ скорѣе и легче бываютъ всѣми замѣчаемы, тѣмъ болѣе подвергаются осмѣянію и презрѣнію, чѣмъ люди, подверженные такимъ порокамъ, бываютъ выше другихъ по своимъ правамъ и власти, по богатству и образованности, и проч.

Если образъ Божій, которымъ мы одарены, показываетъ, что намъ естественно любить Бога и ближняго; то цѣль, для которой мы созданы, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 16), говоритъ Слово Божіе. Богъ есть вѣчная, безпредѣльная любовь; Онъ «есть любовь по существу, и самое существо любви (¹)». Поэтому все, совершаемое Богомъ, совершается по побужденію любви и для любви. Богъ творитъ міръ, и творитъ его по благости и любви: «для благости Его,» говоритъ св. Григорій Богословъ, «не довольно было наслаждаться только созерцаніемъ Себя, но надлежало сему благу разлиться и распространиться, дабы весьма многихъ облагодѣтельствовать (²).» Богъ творитъ человѣка, и опять по побужденію той же благости и любви: «любовь твоя, Боже,» восклицаетъ св. Ефремъ Сиринъ, «подвигла Тебя по благости твоей сотворить меня изъ персти (³).» Но когда такимъ образомъ любовь и благость подвигли премудрость и всемогущество Божіе сотворить

(¹) Преосв. Фил. М. Моск. Слово въ Вел. Пятокъ.

(²) См. Григ. Бог. сл. 38 и 45.

(³) Твор. Св. Еф. Сирина. О покаян. гл. 29. См. Твор. Св. Отц. 1859 г. книжка 4.

міръ и человѣка; то само собою очевидно, что любовь и благость должны, какъ въ нѣкоторомъ зерцалѣ, отражаться во всѣхъ видимыхъ нами твореніяхъ Божіихъ; но болѣе и совершеннѣе всего онѣ должны быть видимы въ жизни и дѣятельности человѣка, который созданъ по образу Божію и долженъ стремиться къ богоподобію. Вся его жизнь внѣшняя и внутренняя должна проистекать изъ любви, всѣ его дѣйствія должны имѣть своею цѣлію любовь къ Богу и человѣчеству; иначе онъ никогда не достигнетъ той высокой цѣли, для которой созданъ, никогда не уподобится Богу, который *любы есть.* Если въ Богѣ «всѣ Его свойства суть облаченія любви, всѣ дѣйствія— выраженія любви» (1): то и въ человѣкѣ, образѣ Божіемъ, всѣ силы его духа только тогда дѣйствуютъ правильно, истинно по человѣчески, когда источникомъ и цѣлію ихъ дѣйствій бываетъ любовь. Въ этомъ отношеніи истиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ, точно также, какъ истиннымъ и совершеннымъ христіаниномъ, можно назвать единственно того, въ комъ *любы Божія совершенна есть* (1 Іоан. 2, 5). Иначе, пусть человѣкъ обладаетъ знаніемъ вещей божескихъ и человѣческихъ, пусть онъ обладаетъ самою изумительною силою воли, самымъ твердымъ и неодолимымъ характеромъ, — все это безъ любви къ Богу и ближнимъ—маловажно и ничтожно: потому что въ этомъ еще нѣтъ всей полноты и цѣлости истинно-человѣческой жизни, еще нѣтъ уподобленія Богу, который *любы есть. Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими,* говоритъ Апостолъ, *любве же не имамъ, быхъ (яко) мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве*

(1) Преосв. Филар. Митр. Моск. Сл. въ Велик. Пятокъ.

же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть (1 Кор. 13, 1—3).

Происходя отъ единаго Бога-Творца, одарившаго насъ своимъ образомъ и указавшаго намъ высокую и прекрасную цѣль бытія и жизни—уподобленіе Ему, мы, по закону естественнаго рожденія, происходимъ отъ одной первозданной четы,—отъ мужа и созданной изъ ребра его жены. Въ силу этой истины, возвѣщаемой богооткровеннымъ ученіемъ Христіанства, каждый обязанъ видѣть въ другомъ человѣкѣ своего брата, члена одной и той же великой семьи человѣчества. По своей простотѣ, эта истина доступна разумѣнію людей самыхъ простыхъ и малообразованныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и людьми самыми учеными и образованными она необходимо должна быть признана за одно изъ самыхъ важныхъ основаній любви къ ближнему. Какъ простой здравый смыслъ, такъ и глубочайшая мудрость, такъ и Вѣра въ этомъ случаѣ одинаково внушаютъ, что ненависть одного человѣка къ другому въ существѣ своемъ—тоже, что̀ ненависть роднаго брата къ брату, раздоръ и брань между дѣтьми одного отца и матери. Правда, и въ мірѣ христіанскомъ, къ сожалѣнію, не рѣдки примѣры ненависти и вражды между людьми, не только чужими, но и соединенными между собою узами ближайшаго родства. Но за то подобныхъ христіанъ ученіе христіанское признаетъ гораздо худшими язычниковъ: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8).

Какъ подобныя, такъ и всѣ вообще явленія вражды и ненависти, самолюбія и эгоизма, показываютъ несомнѣнно, что человѣкъ вообще находится не въ томъ состояніи, въ

которомъ онъ долженъ быть. Первоначальная причина такого противоестественнаго состоянія человѣчества есть паденіе нашихъ прародителей. Оно въ существѣ своемъ было не инымъ чѣмъ, какъ уклоненіемъ отъ закона любви къ Богу и ближнему, точно такъ, какъ и теперь въ жизни и дѣятельности каждаго человѣка всякій грѣхъ, всякое законопреступное дѣйствіе есть нарушеніе этаго закона. Оно было уклоненіемъ отъ закона любви къ Богу, потому что вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода человѣкъ, кромѣ того, что нарушилъ ясную и положительную заповѣдь Божію, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ открытую вражду и возстаніе противъ Бога, желая самому себѣ присвоить Его честь и славу. Оно было уклоненіемъ отъ закона любви къ ближнему, потому что за вкушеніемъ отъ запрещеннаго древа, какъ о томъ было сказано человѣку еще прежде, неминуемо должна была послѣдовать смерть и первозданной четы, и всего ея потомства,—смерть не тѣлесная только, но, что всего важнѣе, смерть духовная, погруженіе въ грѣхъ и зло, нравственное растлѣніе и развращеніе человѣка, распаденіе и разстройство всѣхъ духовныхъ силъ его. Тѣлесная смерть есть уже слѣдствіе, малый и, можно сказать, слабый, не вполнѣ ясный образъ этой внутренней духовной смерти человѣка, этаго духовнаго растлѣнія его природы.—Здѣсь именно, по ученію божественнаго Откровенія, единственнаго источника несомнѣнной истины,—первоначальная причина той ужасной борьбы между свѣтомъ и тьмою, между добромъ и зломъ, между любовію и ненавистію къ Богу и человѣчеству,—борьбы, которую мы непрестанно замѣчаемъ въ природѣ и жизни человѣка и изъ которой онъ самъ собою, одними своими усиліями не можетъ выдти побѣдителемъ. Въ этомъ, кромѣ ясныхъ свидѣтельствъ Писанія, можно убѣдиться и

свидѣтельствомъ Исторіи. Живой опытъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ доказываетъ, что человѣкъ, живущій одною естественною жизнію, при всѣхъ своихъ усиліяхъ творить добро, болѣе и болѣе искажаетъ въ себѣ образъ Божій и уклоняется отъ цѣли своего бытія и жизни, болѣе и болѣе, не смотря на просвѣщеніе и образованіе, не смотря на всѣ средства воспитанія, коснѣетъ во враждѣ противъ Бога, погружается въ эгоизмъ и своекорыстіе въ отношеніи къ ближнимъ.....

На этомъ пути человѣчество необходимо пришло бы къ совершенному развращенію и гибели, если бы любовь Божія не нашла новаго, чрезвычайнаго способа возвратить человѣка на путь любви, дать ему средства преодолѣть ту наклонность ко враждѣ противъ Бога и ближняго, какую человѣкъ получилъ въ паденіи. Отъ воли человѣка зависитъ воспользоваться этими средствами, поданными намъ въ воплощеніи единороднаго Сына Божія, въ искупленіи человѣчества, которое Онъ совершилъ своими страданіями и крестною смертію.

Дивна благость и любовь Божія, просіявшія въ твореніи міра и человѣка; но еще болѣе, еще совершеннѣе проявились онѣ въ искупленіи человѣка. «И то (твореніе),» говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «есть дѣло Его премудрости, силы и благости, но гораздо болѣе то, что Онъ сдѣлался рабомъ (¹).» Если Богъ, какъ совершеннѣйшій и всемогущій Творецъ, безъ всякихъ усилій можетъ создавать безчисленные міры и существа и надѣлять ихъ такими или другими совершенствами, если для этого достаточно одной Его воли и хотѣнія: то какъ ни велика любовь Божія, явленная въ твореніи міра и че-

(¹) 6-я бес. Злат. на 2-е посл. къ Тим. См. Христ. Чт. 1854 года Окт. стр. 86.

ловѣка, при всемъ томъ она не есть, такъ сказать, жертва со стороны Бога. Чтобы явить роду человѣческому всю любовь свою, Господь творитъ то, болѣе чего уже не можетъ сотворить и Его Божественное всемогущество: своего единороднаго и единосущнаго Сына, имѣющаго единую Божественную власть, честь и славу со Отцемъ, Онъ посылаетъ въ міръ для спасенія человѣчества!.. И *Богъ явися во плоти* (Тимоѳ. 3, 16), *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 7. 8). Какое слово можетъ изобразить, какой умъ можетъ обнять и постигнуть все величіе этой жертвы? Сама Упостасная Премудрость Божія Христосъ-Спаситель на свое пришествіе въ міръ указываетъ, какъ на самое величайшее и самое совершенное проявленіе любви Божіей къ человѣчеству: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16).

И одна простая мысль о величіи такой любви Божіей къ падшему человѣку не должна ли возбуждать въ сердцѣ истиннаго христіанина самыхъ живыхъ и пламенныхъ чувствъ благодарности и благоговѣнія предъ безконечною благостію и милосердіемъ Божіимъ, не должна ли возбуждать въ немъ самой живой и пламенной любви къ Богу, а если къ Богу, то непремѣнно и къ ближнему? Ибо какъ истинному христіанину не любить всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, когда за спасеніе всего міра и каждаго человѣка принесена на крестѣ безконечно-великая жертва? Какъ не любить каждаго человѣка, когда его природа, въ лицѣ Спасителя міра, вознесена въ славу Божественную, когда ей покланяется, ее славосло-

вить міръ горній и дольній, небо и земля, ангелы и человѣки (Филип. 2, 10)?...

Такимъ образомъ любовь ко всему человѣчеству, ко всѣмъ людямъ безъ различія странъ, народовъ, обычаевъ и самыхъ вѣрованій, есть основа, есть сущность истиннаго Христіанства; потому что она необходимо требуется самымъ первымъ, главнымъ и существеннымъ догматомъ христіанскаго ученія. Кто признаетъ за несомнѣнную истину пришествіе въ міръ Сына Божія, тотъ необходимо долженъ признать священнѣйшею и непремѣнною обязанностію своею любить все человѣчество. Если же онъ ограничиваетъ свою любовь только однимъ какимъ либо кругомъ людей, то онъ не понимаетъ сущности Вѣры нашей, и его личная вѣра въ такомъ случаѣ не всецѣлая, не совершенная. Онъ сознательно или безсознательно уменьшаетъ и уничижаетъ величіе жертвы, принесенной за спасеніе міра единороднымъ Сыномъ Божіимъ.

Послѣ сего не трудно понять, почему ученіе о всеобщей любви къ человѣчеству особенно распространено въ мірѣ христіанскомъ и почти невѣдомо у народовъ не христіанскихъ. Это ученіе по началу своему не человѣческаго, но божественнаго происхожденія.—Человѣческая мудрость, занявъ его у Христіанства, часто не сознается въ этомъ и старается или вывести его изъ началъ ума или, по крайней мѣрѣ, подвести подъ эти начала и подчинить единственно требованіямъ человѣческой природы. Но такъ какъ умъ человѣка ограниченъ и подверженъ ошибкамъ, такъ какъ природа его повреждена и растлѣнна: то дивно ли, что и высокое, христіанское ученіе о любви къ человѣчеству часто искажается людьми, не хотящими руководиться ученіемъ и духомъ Вѣры? Дивно ли, что во имя любви къ человѣчеству часто про-

повѣдуются ученія и одобряются поступки вовсе несообразные съ ученіемъ Спасителя?.. Нѣтъ, проповѣдывать истинную любовь къ человѣчеству невозможно безъ содѣйствія и помощи Евангелія. Требовать чего-либо во имя этой любви значитъ требовать во имя Христа-Спасителя; но было бы величайшей дерзостію и безуміемъ требовать во имя Его чего либо несообразнаго съ Его волею и ученіемъ!

Пришествіе въ міръ Сына Божія, возвѣщающее всеобщую любовь къ человѣчеству, еще болѣе внушаетъ имѣть взаимную любовь другъ къ другу тѣмъ, которые вѣруютъ въ Іисуса Христа и исповѣдуютъ Его своимъ Спасителемъ и Богомъ.

Всѣ христіане суть послѣдователи одного и того же божественнаго ученія, которое предалъ міру Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ. А это ученіе, кромѣ того, что даетъ христіанамъ положительную заповѣдь любить другъ друга, какъ и самъ Христосъ возлюбилъ ихъ (Іоан. 15, 12. 1 Іоан. 4, 11), свидѣтельствуетъ, что какъ Законъ и Пророки (Матѳ. 22, 42), такъ еще болѣе само оно, какъ полнѣйшее раскрытіе Закона и Пророковъ, все основано на любви и проникнуто любовію (Іоан. 13, 34. 1 Іоан. 2, 8 — 11. Матѳ. 5, 16 — 48). Чему оно ни учитъ, что ни предписываетъ намъ, всегда въ основѣ всѣхъ его ученій и повелѣній заключается любовь къ Богу и ближнему. Требуетъ ли оно отъ насъ даже того, что язычнику и невѣрующему можетъ казаться страннымъ, неестественнымъ, невозможнымъ, какъ напр. любить враговъ, благословлять клянущихъ, молиться за творящихъ напасть, добро творить ненавидящимъ насъ (Матѳ. 5, 44), оно требуетъ этаго во имя любви къ Отцу небесному, во имя той высокой цѣли, для которой человѣкъ созданъ и стремленіемъ къ которой особенно отличаются христіане отъ язычниковъ и невѣрующихъ

(46 — 48). И если мы всѣ заповѣди Евангелія будемъ разсматривать при свѣтѣ главной и существенной заповѣди о любви къ Богу и ближнему,—тогда и для Вѣры и для простаго здраваго смысла онѣ являются въ высшей степени естественными и сообразными съ природою человѣка, и потому всѣ—обязательными и удобоисполнимыми. Потому что для любящихъ Бога *заповѣди Его тяжки не суть* (Іоан. 5, 3), потому что любовь пламенная и совершенная, объемлющая всѣ силы человѣка, готова, какъ доказываетъ опытъ, принести всякую жертву, чтобы только исполнить волю и желаніе любимаго. А такой именно любви къ Богу требуетъ и понятіе о Богѣ, и ученіе Евангелія.

Ученіе это не есть ученіе отвлеченное, не есть одно высокое созерцаніе ума, неоправданное опытомъ и жизнію, какъ это не рѣдко случается съ ученіями человѣческими. Напротивъ оно во всей своей полнотѣ и точности оправдано примѣромъ и жизнію самаго Іисуса Христа. Поэтому Его жизнь и примѣръ имѣютъ всю силу закона и также обязательны для каждаго христіанина, какъ прямая заповѣдь, какъ положительное повелѣніе Евангелія. Не исполнять заповѣдей Евангелія и не подражать примѣру Іисуса Христа есть одно и тоже. Іисусъ Христосъ оставилъ *намъ образъ* не для одного только удивленія Ему, не для одного прославленія Его самаго, но и для того, *да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21). А если всѣ христіане имѣютъ одинъ и тотъ же верховный образецъ жизни и дѣятельности, если всѣ они обязаны подражать своему Учителю и Господу: то это самое не должно ли вести ихъ къ теснѣйшему единенію между собою въ союзѣ мира и любви? Здѣсь любовь къ Богу и ближнимъ необходима и потому, что примѣръ, которому всѣ подражаютъ, есть примѣръ высочайшей и

совершеннѣйшей любви къ Богу и человѣчеству, и потому, что самое стремленіе къ достиженію тѣхъ совершенствъ, которыхъ онъ требуетъ, необходимо предполагаетъ взаимную помощь и содѣйствіе, единодушіе и любовь. Живой опытъ всѣхъ истинныхъ послѣдователей Іисуса Христа какъ нельзя болѣе подтверждаетъ эту истину. Такъ о христіанахъ первенствующей Церкви говорится, что во всемъ обществѣ ихъ *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. 4, 32). Такъ во времена гоненій истинные послѣдователи Іисуса Христа весь міръ удивляли своею совершенною любовію къ Богу, своимъ единодушіемъ и взаимною ревностію о спасеніи другъ друга, съ какою они возбуждали другъ друга терпѣть за исповѣданіе имени Христова всѣ мученія и самую смерть. Необоримую силу этой возвышенной любви къ Богу и ближнимъ изображаетъ св. апостолъ Павелъ, когда говоритъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?... Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 35. 38. 39)!...

Столь совершенная любовь къ Богу и ближнимъ не есть, впрочемъ, одно только усиліе воли, не есть плодъ только человѣческой дѣятельности, но прежде всего и болѣе всего она есть одинъ изъ многихъ даровъ благодати Божіей, подаваемыхъ намъ ради безконечныхъ заслугъ единороднаго Сына Божія. Величіе этихъ благодатныхъ даровъ Божіихъ также побуждаетъ христіанина любить Бога и ближняго.

Елицы пріяша Его, говоритъ объ Іисусѣ Христѣ св. Іоаннъ евангелистъ, *даде имъ область чадомъ Божіимъ*

быти (Іоан. 1, 12). Тѣ, которые увѣровали въ Іисуса Христа и крестились въ Него, суть благодатныя чада Божіи, причастники Святаго Духа, возраждающаго ихъ въ таинствѣ крещенія въ новую, духовную жизнь, во столько же высшую и лучшую естественной человѣческой жизни, во сколько все вообще духовное выше плотскаго, небесное земнаго, божественное человѣческаго. Рожденные въ эту жизнь силою Святаго Духа, облагодатствованные Его дарами, облекшись въ правду и святость Христову, содѣлавшись наслѣдниками царствія Божія и сонаслѣдниками Христу (Рим. 8, 17), христіане питаются единою нетлѣнною и, по истинѣ, Божественною пищею и питіемъ въ таинствѣ евхаристіи, о которомъ самъ Господь сказалъ: *ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Послѣ сего можно ли найти большія основанія и побужденія ко взаимной любви между христіанами? По ближайшему, существенному единенію христіанина съ Богомъ въ таинствахъ св. Церкви, каждый христіанинъ есть живой, нерукотворенный храмъ Божій: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ?.. Храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 16. 17). *Вы бо есте церкве Бога жива* (2 Кор. 6, 16), говоритъ Апостолъ христіанамъ. Единъ и тотъ же Богъ таинственно и благодатно обитаетъ и въ храмахъ христіанскихъ, и въ каждомъ христіанинѣ, Богъ, величію котораго нѣтъ числа, предъ которымъ трепещутъ и херувимы!... Нужно ли послѣ сего доказывать, что не только открытая вражда и ненависть, но и всякое, хотя бы самое малое, враждебное желаніе ближнему, возникающее въ сердцѣ христіанина, есть оскорбленіе Того, который благоволитъ обитать въ сердцѣ и во всемъ су-

ществѣ христіанина, который питаетъ насъ своею плотію и кровію, который содѣлываетъ вѣрующихъ живыми храмами своими? Если въ христіанинѣ—*царствіе Божіе* (Лук. 17, 21), если въ немъ обитаетъ самъ Духъ Божій; то заповѣдь, повелѣвающая намъ не только не творить, но и не мыслить зла ближнему—въ такой же мѣрѣ обязательна для насъ, какъ и заповѣди: не убій, не укради, не прелюбы сотвори, не лжесвидѣтельствуй.... Допуская въ своемъ сердцѣ злобу и ненависть противъ ближняго, мы удаляемъ отъ себя благодать Святаго Духа и изъ храма Божія дѣлаемся жилищемъ духа тьмы. Ибо только въ душѣ, проникнутой всецѣло любовію, Богъ можетъ обитать благодатно: *пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). Но какъ скоро въ душѣ начинаютъ гнѣздиться помыслы вражды и ненависти, то, хотя бы они и не переходили еще въ дѣла и жизнь человѣка, благодать Божія начинаетъ удаляться отъ человѣка, и тѣмъ болѣе удаляется отъ него, чѣмъ болѣе онъ коснѣетъ и упорствуетъ въ своихъ враждебныхъ желаніяхъ ближнему. Иначе и не можетъ быть: *кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христови съ Веліаромъ* (2 Кор. 6, 14, 15)?...

Какъ ни велики благодатные дары Божіи, подаваемые христіанину въ этой жизни, какъ ни близко его таинственное общеніе съ Богомъ, но оно есть только начало или залогъ тѣхъ величайшихъ благъ, которыя Господь уготовалъ своимъ послѣдователямъ въ жизни будущей,—тѣхъ благъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, ина сердце человѣку не взыдоша;* но эти высочайшія блага *уготова Богъ* не всѣмъ безъ исключенія, но *любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). Если и здѣсь, въ царствѣ бла-

годати, не возможна истинно-христіанская жизнь и дѣятельность безъ любви къ Богу и ближнему; то еще болѣе не возможно безъ нея наслѣдіе будущихъ благъ въ царствѣ славы, гдѣ христіане будутъ зрѣть вѣчную Любовь *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12); въ то царство правосудіе Божіе призоветъ единственно тѣхъ, которые укоренили и возрастили въ себѣ любовь (Матө. 25, 31—40).—Необходима для спасенія вѣра, необходима надежда вѣчныхъ благъ; но будетъ время, когда вѣра и надежда прейдутъ, и будетъ царствовать одна любовь: *любы николи же отпадаетъ: аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится. Отъ части бо разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упразднится* (1 Кор. 13, 8 — 10)! Такъ, любовь вѣчно пребудетъ въ царствѣ славы, и необходимо должна пребывать тамъ; потому что будущее царство славы есть царство блаженства; а любовь есть необходимое условіе, есть источникъ и начало блаженства. «Истинно христіанская любовь», говоритъ бл. Тихонъ Воронежскій, «есть предвкушеніе вѣчнаго живота. Она здѣ начинается, а въ вѣчномъ животѣ совершится. Въ вѣчномъ бо животѣ избранніи Божіи взаимно другъ друга будутъ любить, другъ о другѣ радоваться, другъ друга духовнѣ наслаждатися.... Аще убо кто хощетъ нѣкое предвкушеніе живота вѣчнаго имѣть, сей любовь христіанскую долженъ стяжать (1).»

Ө. Надеждинъ.

---

(1) Сочин. Преосв. Тих. томъ III, слово о любви къ Богу и ближ. стр. 118. 119.

I.

СЛОВО

в неделю мясопустную, сказанное преосвященным Макаріем, епископом харьковским и ахтырским ([1]).

Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя; прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе. Псал. 136, 5. 6.

Эти слова изъ той трогательной пѣсни, въ которой выражали скорбь свою объ отечествѣ сыны Израиля въ плѣну вавилонскомъ, — слова, показывающія до какой степени они любили свой родной Іерусалимъ и какъ желали памятовать о немъ непрестанно. И благодѣтельно было для израильтянъ это памятованіе: оно ободряло духъ ихъ посреди бѣдствій и скорбей тягостнаго плѣна; оно возбуждало ихъ хранить вѣру отцевъ и благочестіе посреди идолопоклонства и нечестія вавилонскаго, и тѣмъ заслужить милость Божію и возвращеніе въ отечество. О, если бы, братіе христіане, и мы также пламенно любили нашу горнюю отчизну, такъ же непре-

---

([1]) Еще въ бытность его епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ въ казанской церкви архіерейскаго дома, 15 Февраля 1850 года.

станно памятовали о небесномъ Іерусалимѣ въ продолженіе всего нашего грѣховнаго плѣна на землѣ!... Нѣтъ сомнѣнія, что и для насъ въ высшей степени было бы благотворно это памятованіе.

Многоскорбна наша земная жизнь. Съ воплемъ и слезами мы являемся въ міръ, какбы предчувствуя, что̀ ожидаетъ насъ здѣсь. Непріязненныя дѣйствія стихій окружающей насъ природы, безчисленное множество болѣзней, всякаго рода нужды и утраты, несбывшіяся надежды, неудавшіяся предпріятія, взаимная зависть, ненависть, клеветы, притѣсненія, гоненія, — и можно ли изчислить всѣ виды золъ, какіе терпимъ мы отъ колыбели до гроба? А съ другой стороны когда обратимся къ самимъ себѣ и заглянемъ поглубже въ собственную душу: что—тамъ? Мы увидимъ въ ней силы, примѣтимъ потребности, удовлетворенія которымъ напрасно ищемъ въ настоящей жизни. Умъ нашъ жаждетъ истины, старается познать, что̀ такое всѣ эти вещи, составляющія міръ, что̀ такое мы сами, откуда все, какъ и для чего, и часто, послѣ многолѣтнихъ трудовъ и всевозможныхъ усилій, приходитъ только къ горькому убѣжденію, что истина для насъ почти недоступна. Сердце наше жаждетъ счастія и блаженства, и мы стремительно бросаемся на тѣ радости, какія представляетъ намъ міръ. Но, увы, скоро слѣдуетъ разочарованіе: удовольствія міра увлекаютъ насъ только на мигъ и за тѣмъ производятъ въ насъ еще бо̀льшую пустоту и томленіе, а часто вливаютъ въ душу грѣховный ядъ и лишаютъ ее послѣдняго спокойствія,— и бѣдное сердце остается обманутымъ. Чтожъ дѣлать намъ подъ гнетомъ земныхъ бѣдствій и при неудовлетворимости всѣхъ высшихъ потребностей нашего духа? Гдѣ искать для себя ободренія и подкрѣпленія? Ищите, — и

вы всегда найдете ихъ въ размышленіи о горнемъ отечествѣ. Помните постоянно, что земля для насъ нынѣ есть страна чужая, мѣсто изгнанія, что мы здѣсь въ плѣну, въ продолженіе котораго неизбѣжны для плѣнниковъ всякаго рода страданія, и внѣшнія и внутреннія. Помните, что есть другой міръ, гдѣ мы будемъ жить вѣчно, гдѣ не будетъ ни бѣдствій, ни скорбей, и гдѣ найдемъ мы полное удовлетвореніе для всѣхъ нашихъ высокихъ потребностей. Тамъ умъ нашъ узритъ истину лицемъ къ лицу, и сердце будетъ упиваться изъ самаго источника неизсякаемаго блаженства. Освѣщайте всегда вашу мрачную земную жизнь свѣтлою мыслію о небесномъ Іерусалимѣ,—и жизнь эта сдѣлается для васъ менѣе тяжкою и горестною.

Трудно, иногда крайне трудно для насъ соблюдать св. вѣру и заповѣди Божіи. Мы любимъ добро по самой своей природѣ и желали бы творить его; но, зачатые и рожденные во грѣхахъ, чувствуемъ въ себѣ недостатокъ нравственныхъ силъ. Зла мы не любимъ и не желаемъ по природѣ, между тѣмъ неудержимо влечемся къ нему прирожденною намъ порчею. А въ тоже время вокругъ себя мы встрѣчаемъ почти на каждомъ шагу всякаго рода искушенія и соблазны. Сколько нужно борьбы съ собою, сколько усилій, сколько самоотверженія, чтобы, при помощи Божіей, оставаться намъ вѣрными голосу совѣсти и Евангелія! И однакожъ были люди, которые оставались имъ вѣрными, которые достигали даже высшихъ степеней христіанскаго совершенства. Мы удивляемся св. апостоламъ, которые, покинувъ домы и все, что имѣли, пошли вслѣдъ за Христомъ и, не взирая ни на какія бѣдствія, Имъ предсказанныя, обтекли весь міръ съ евангельскою проповѣдію, перенесли безчисленныя

лишенія, труды, гоненія, муки, и запечатлѣли свою проповѣдь собственною кровію. Изумляемся св. мученикамъ всякаго возраста и пола, которыхъ ни отнятіе имущества, ни обольщенія со стороны мучителей, ни пытки и самыя безчеловѣчныя истязанія, ни всѣ виды смертей не могли отклонить отъ вѣры Христовой. Мы благоговѣемъ предъ высокими подвижниками Христіанства, удалявшимися въ глубокія пустыни и проводившими тамъ цѣлые десятки лѣтъ въ непрестанномъ постѣ, молитвѣ, самоумерщвленіи. Чѣмъ же водились и воодушевлялись всѣ эти люди, завѣщавшіе намъ образцы приверженности къ св. вѣрѣ и благочестію? Они водились мыслію о горнемъ отечествѣ, одушевлялись любовію къ нему. Они твердо помнили, что мы *не имамы здѣ пребывающаго града*, и потому искали *грядущаго* (Евр. 13, 14). Они желали освободиться изъ тяжкаго нравственнаго плѣна, въ какомъ мы томимся здѣсь,—и не щадили никакихъ жертвъ, никакихъ трудовъ, чтобы только возвратиться на родину, достигнуть небеснаго Іерусалима. Въ этой-то сладостной мысли и памятованіи о горнемъ отечествѣ, въ этой-то любви къ нему должны искать и мы для себя возбужденія и подкрѣпленія посреди всѣхъ подвиговъ вѣры и благочестія, какихъ требуетъ отъ насъ Евангеліе.

Повторимъ же, братіе мои, ту страшную и вмѣстѣ священную клятву любви къ отечеству, которую произнесли нѣкогда сыны Израиля въ плѣну вавилонскомъ, стремясь мыслями въ свой престольный градъ—Іерусалимъ. Да речетъ каждый изъ насъ во глубинѣ души своей, обращаясь мысленно къ горнему Іерусалиму: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя; прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе.* Аминь.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

III.

Значеніе иночества въ православно-христіанскомъ мірѣ.

Христіанинъ въ своей любви къ Богу, высочайшей истинѣ, безконечному добру и красотѣ, не можетъ остановиться на одной какой-либо степени и сказать, что онъ довольно возлюбилъ Бога, вполнѣ достойно Его безпредѣльнаго величія. Поэтому любовь къ Богу можетъ и должна возвышаться отъ совершенства къ совершенству. Но такъ какъ истинная любовь къ Богу есть корень и основаніе истинно-христіанской любви къ человѣчеству, то чѣмъ болѣе и совершеннѣе христіанинъ любитъ Бога, тѣмъ лучше и совершеннѣе онъ любитъ человѣчество; а чѣмъ болѣе и совершеннѣе онъ любитъ Бога и ближнихъ, тѣмъ болѣе жизнь и дѣятельность его дѣлаются благоугодными Богу и благотворными въ отношеніи къ ближнему. Потому что истинная любовь не можетъ навсегда остаться сокровенною въ сердцѣ человѣка; но изъ сердца она обниметъ и всѣ силы духа, изольется въ слово, перейдетъ въ дѣло, обнаружится въ различныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ.

Такимъ образомъ нравственное совершенство христіанина и благотворное вліяніе его жизни и дѣятельности на другихъ прежде всего опредѣляются тою мѣрою истинной любви къ Богу, какую имѣетъ онъ въ своемъ сердцѣ.—Бываютъ люди, которые въ своей, положимъ, доброй жизни и дѣятельности руководятся страхомъ суда Божія, страхомъ временнаго или вѣчнаго наказанія за преступленіе заповѣдей Божіихъ. Ученіе христіанское не признаетъ такихъ людей совершенными христіанами, потому что духъ Христіанства есть духъ усыновленія Богу, или, по выраженію Апостола, *духъ сыноположенія* (Рим. 8, 15); а такіе люди служатъ Богу и человѣчеству не какъ чада Божіи во Христѣ Іисусѣ, но какъ наемники и рабы. Удалите отъ нихъ страхъ наказанія,—и они тотчасъ же могутъ измѣнить своимъ обязанностямъ; оставьте ихъ навсегда при одномъ страхѣ, не возбудите въ сердцѣ ихъ любви, — и они навсегда останутся наемниками и рабами, будутъ дѣлать только то, что имъ велятъ, и никогда сами собою не рѣшатся совершить какой либо подвигъ въ славу Божію и благо ближнихъ. — Другіе въ своей жизни руководятся страхомъ и любовію вмѣстѣ: они тѣмъ ближе къ нравственному совершенству христіанскому, тѣмъ полезнѣе для блага общественнаго, чѣмъ болѣе въ ихъ сердцѣ чувство любви господствуетъ надъ чувствомъ страха. Но бываетъ, хотя, можетъ быть, очень рѣдко, что въ сердцѣ христіанина водворяется *совершенная любовь*, которая, по слову Апостола, *вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 12); бываютъ, хотя, можетъ быть, весьма немногія благодатныя души, для которыхъ вся жизнь, все счастіе и блаженство—въ любви къ Богу, для которыхъ внѣ Бога нѣтъ ни въ чемъ никакого блага и наслажденія, нѣтъ ничего пріятнаго и вожде-

лѣннаго въ цѣломъ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Подобную любовь къ Богу выражаетъ Царь—Пророкъ, когда говоритъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Псал. 41, 2)! *Что ми есть на небеси? И отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Псал. 72, 25. 26)!

Но когда подобная любовь къ Богу возбуждается въ сердцѣ христіанина и, становясь постояннымъ настроеніемъ и расположеніемъ его души, стремится проявить себя во внѣ: тогда дивно ли, что жизнь и дѣятельность его во многомъ отличаются отъ жизни и дѣятельности другихъ людей, хотя бы также не чуждыхъ вѣры въ Бога и любви къ Нему,—подобно тому, какъ яркій свѣтъ полдневнаго солнца отличается отъ сіянія ранней зари, хотя тамъ и здѣсь онъ въ существѣ одинъ и тотъ же? Такъ, когда любовь объемлетъ и проникаетъ все существо человѣка, подобно тому, какъ огонь объемлетъ и проникаетъ раскаленное желѣзо, тогда человѣкъ легко и свободно можетъ совершать и такія дѣла, которыя для другихъ, менѣе любящихъ, тяжки и неудобоисполнимы; тогда онъ можетъ исполнять не только тѣ заповѣди Евангелія, которыя обязательны для всѣхъ и каждаго, но и тѣ, которыя предлагаются, какъ *совѣтъ*, ищущимъ высшаго совершенства христіанскаго. *Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъже дано есть*, говоритъ Господь. *Могій вмѣстити, да вмѣститъ. Не вси вмѣщаютъ,* потому что не всѣ обладаютъ мѣрою любви, которая нужна для совершенія высшихъ подвиговъ евангельскаго самоотверженія; но есть и такіе, которые вмѣщаютъ, потому что живая, пламенная, совершенная любовь къ Бо-

гу,—плодъ ихъ усилій и вмѣстѣ *даръ* благодати, — побуждаетъ ихъ къ этому. «Если чувственная любовь,» говоритъ одинъ изъ такихъ людей, «такъ порабощаетъ душу, что отвлекаетъ ее отъ всего и привязываетъ только къ любимой особѣ, то чего не сдѣлаетъ любовь ко Христу (¹)?.. Если любовь человѣческая часто заставляетъ рѣшаться на смерть; то чего не сдѣлаетъ любовь Христова, какой трудности не облегчитъ (²)?»

Вотъ сущность и начало, источникъ и корень христіанскаго *подвижничества*.

Оно есть явленіе самое естественное и, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, необходимое тамъ, гдѣ любовь къ Богу восходитъ на высшую степень совершенства. Живой опытъ, живой примѣръ убѣдительнѣе всякихъ отвлеченныхъ доказательствъ подтверждаетъ эту истину.—Еще прежде, нежели Евангеліе возвѣстило міру объ особенныхъ, чрезвычайныхъ подвигахъ любви и самоотверженія, уже были люди, которые совершали эти подвиги, потому что живая и пламенная любовь къ Богу побуждала ихъ къ этому; великіе и дивные въ глазахъ другихъ людей, они даже и не думали о томъ, что дѣлаютъ нѣчто великое и необычайное, потому что дѣйствовать иначе они и не могли, потому что дѣйствовать такимъ образомъ было для нихъ существенною потребностію жизни. Еще прежде, нежели было сказано: *лучше есть не жекитися* (Матѳ. 19, 10),—великій и пламенный ревнитель вѣры и благочестія, Илія проводилъ жизнь дѣвственную, — проводилъ ее въ то время, когда

(¹) Св. Злат. въ словѣ о сокруш. къ Димитрію монаху, гл. 15. См. слова Злат., перевед. при С.П.Б. Д. Ак. т. III.

(²) Сл. къ Дим. мон. о сокруш. гл. 16.

всѣ крайне заботились о многочадіи, среди народа, у котораго безчадіе, всегдашнее дѣвство и бездѣтное вдовство считались укоризною и поношеніемъ (Суд. 11, 38. 40. Исаіи 4, 1. Лук. 1, 24). Еще прежде, нежели явились сонмы христіанскихъ пустынниковъ и постниковъ, Предтеча Господень Іоаннъ уже жилъ въ пустынѣ, носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса, ѣлъ акриды и медъ дивій. Еще прежде, нежели сонмы христіанскихъ дѣвственниковъ устроили мирныя иноческія обители и дали имъ извѣстный чинъ и порядокъ, — явилась Пресвятая Дѣва Богоматерь,—высочайшій и совершеннѣйшій образецъ чистоты дѣвства, въ лицѣ Ея вознесшагося выше всего міра горняго и дольняго, уготовившаго живой храмъ Богу-Слову, давшаго Ему плоть человѣческую.

Послѣ такихъ примѣровъ, одобренныхъ и подтвержденныхъ ученіемъ и жизнію самаго Іисуса Христа, примѣровъ, которые, возникая изъ пламенной любви къ Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ въ живыхъ образахъ небесную красоту этой первой и главной добродѣтели христіанской,—возможно ли было, чтобы подвижничество не распространилось въ Церкви Христовой и, оставаясь однимъ и тѣмъ же по существу своему, не проявило себя въ разнообразныхъ видахъ? Возможно ли было, чтобы въ мірѣ христіанскомъ, въ которомъ все должно бы жить и дышать чистѣйшею любовію къ Богу, не явились ревностные подражатели дѣвственной жизни Иліи, Іоанна Крестителя, Пресвятой Дѣвы и самаго Іисуса Христа?

И они дѣйствительно явились.—Пламенная и всецѣлая любовь къ Богу съ самыхъ первыхъ вѣковъ Христіанства побуждала очень многихъ проводить жизнь дѣвственную и въ строгомъ смыслѣ подвижническую. Правда, первоначально дѣвственники и подвижники видимымъ образомъ

не отдѣлялись отъ общества христіанъ, безъ сомнѣнія, потому, что самое это общество не только не препятствовало, а напротивъ содѣйствовало преспѣянію высшаго подвижничества и нравственною чистотою всѣхъ своихъ членовъ, и глубокимъ уваженіемъ къ дѣвственникамъ и подвижникамъ. Но впослѣдствіи сближеніе общества христіанскаго съ языческимъ, пороки и соблазны, проникшіе въ жизнь христіанъ, заставили св. подвижниковъ искать уединенія и пустыни. Не страхъ гоненій и мученій былъ главною причиною ихъ удаленія въ пустыню, какъ думаютъ и говорятъ нѣкоторые, желая этимъ унизить высокое нравственное значеніе св. подвижниковъ, — не страхъ, но пламенная любовь къ Богу болѣе всего влекла ихъ въ пустыню; она же часто побуждала ихъ и оставлять пустыню, когда это нужно было для славы Божіей и блага ближнихъ. Такъ, во времена гоненій, которыя воздвигали противъ Церкви язычники, аріане и иконоборцы, многіе подвижники добровольно оставляли свое уединеніе, являлись къ собратіямъ по Вѣрѣ, своимъ словомъ и примѣромъ укрѣпляли ихъ на подвигъ исповѣдничества и часто вмѣстѣ съ ними принимали мученическій вѣнецъ. Какъ могли бы идти на встрѣчу гоненіямъ и мученіямъ тѣ, которые бѣжали отъ гоненій и мученій? Что за странность? Что за противорѣчіе однихъ и тѣхъ же людей самимъ себѣ?

Въ удаленіи отъ міра каждый изъ святыхъ подвижниковъ выражалъ свою пламенную любовь къ Богу такъ, какъ находилъ лучше и сообразнѣе съ своимъ нравственнымъ состояніемъ, съ своими физическими и духовными силами, и какъ внушала ему благодать Божія. Такъ иные уединялись въ самую глубокую и непроходимую пустыню, чтобы здѣсь въ самихъ себѣ и въ окружающей

природѣ созерцать единаго Виновника и Творца всего,— предметъ ихъ любви, цѣль ихъ жизни. Другіе скрывались во мракѣ пещеръ и подземелій, чтобы, не видя ничего земнаго, не развлекаясь никакимъ предметомъ видимаго міра, удобнѣе возвышаться къ познанію и созерцанію Невидимаго. Иные, живя среди другихъ подобныхъ себѣ отшельниковъ, давали и строго исполняли обѣтъ постояннаго безмолвія, чтобы и однимъ лишнимъ и празднымъ словомъ не оскорбить Того, Котораго они возлюбили болѣе и совершеннѣе всего. Иные даже восходили на столпъ, чтобы этимъ яснѣе выразить свое стремленіе отъ земли къ небу, отъ дольняго къ горнему, отъ міра къ Богу.

Но ни этихъ высокихъ подвиговъ, ни обыкновеннаго иночества мы не поймемъ, если опустимъ изъ вида главную и существенную причину, которая ихъ производила,—живую и пламенную любовь къ Богу. Она—жизнь и душа этихъ подвиговъ. А если такъ, то высшее подвижничество, или иночество какъ прежде постоянно было, такъ и всегда пребудетъ въ истинной Христовой Церкви. Все, что основано не на истинѣ, а на догадкахъ, на случайной прихоти, а не на дѣйствительной потребности человѣческой природы, все то можетъ прекратиться и пережить само себя. Но иночество, какъ основанное на непререкаемой истинѣ Евангелія, какъ утвержденное примѣромъ Іисуса Христа и вполнѣ сообразное съ природою нашего сердца, которое въ пламенной любви предается все безъ остатка тому, кого любитъ,—иночество не можетъ прекратиться ни вообще въ православно-вселенской Церкви, ни въ какой либо ея части, доколѣ эта часть остается вѣрною истинно Христову и апостольскому ученію. Утверждать противное этому значило бы

противорѣчить и вѣковому опыту, и яснымъ, опредѣленнымъ словамъ Спасителя: *могій вмѣстити, да вмѣститъ!*

Но иночество, какъ высокое выраженіе пламенной любви къ Богу, есть вмѣстѣ и высокое служеніе благу человѣчества.

Обратитесь къ исторіи Христовой Церкви, — и вы увидите, какъ много воспитало иночество великихъ и самыхъ неутомимыхъ проповѣдниковъ, самыхъ ревностныхъ и пламенныхъ защитниковъ евангельской истины. Въ самомъ ликѣ св. апостоловъ-Іоаннъ и Павелъ—вотъ великіе представители жизни дѣвственной, подвижнической, и вмѣстѣ съ тѣмъ великіе апостолы, доселѣ непрестанно проповѣдующіе евангельскую истину въ своихъ богодухновенныхъ посланіяхъ. Идите далѣе своею мыслію по всѣмъ вѣкамъ Христіанства, и вы увидите, что иночество воспитало св. Антонія и Пахомія великихъ, св. Аѳанасія Александрійскаго, св. Кирилла Іерусалимскаго, Василія великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, блаженнаго Іеронима, Августина, св. Іоанна Дамаскина, патріарха Фотія, и весьма много другихъ знаменитыхъ отцевъ и учителей Церкви, защитниковъ и проповѣдниковъ евангельской истины. Обратитесь вашею мыслію къ исторіи православной Церкви въ нашемъ отечествѣ,— и здѣсь легко примѣтите, что лица, послужившія къ распространенію и утвержденію, охраненію и защитѣ Вѣры и Церкви въ нашемъ отечествѣ, большею частію были или иноки-іерархи, или иноки-основатели обителей. Таковы были: Антоній и Ѳеодосій печерскіе, таковъ былъ св. Сергій Радонежскій; таковы были древніе русскіе митрополиты: Иларіонъ, Фотій, Кипріанъ, Алексій, Іона, Петръ и Филиппъ; таковы были всероссійскіе патріархи:

Гермогенъ, Филаретъ и Никонъ; таковы были великіе и знаменитые проповѣдники благочестія и защитники Православія: св. Кириллъ Туровскій, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Георгій Конисскій, митрополиты Платонъ, Амвросій и другіе.

При одномъ воспоминаніи этихъ знаменитыхъ именъ, мы естественно приходимъ къ мысли, что иночество, жизнь дѣвственно-подвижническая есть одно изъ самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ созиданію Церкви и распространенію Вѣры, есть, такъ сказать, училище для воспитанія и образованія опытныхъ и достойныхъ проповѣдниковъ вѣры и благочестія христіанскаго. Иначе, впрочемъ, не можетъ и быть. Потому что истинно иноческая жизнь и своею внѣшнею стороною,—тѣмъ самымъ, что удаляетъ инока отъ мірской разсѣянности и шума, отъ мелочей и дрязгъ обыденной жизни, которыя такъ часто переполняютъ горечью и страданіемъ сердце, такъ часто поглощаютъ всѣ мысли и желанія, всю душу и тѣло мірскаго человѣка,—уже этимъ самымъ она предоставляетъ иноку болѣе свободы и возможности заниматься предметами высшими, духовными. Но, что̀ всего важнѣе, истинно-иноческая жизнь, какъ плодъ живой и пламенной любви къ Богу, естественно располагаетъ инока-подвижника постоянно возноситься мыслію къ Богу, къ непрестанному созерцанію Его совершенствъ, Его премудрости и всемогущества, дѣлъ Его творенія, промышленія и искупленія. Поэтому неудивительно, что между иноками-подвижниками было весьма много глубокихъ и возвышенныхъ *богослововъ*, изъ которыхъ нѣкоторые, подобно Макарію великому и Ефрему Сирину, даже не получили обширнаго и многосторонняго образованія въ наукахъ, такъ что въ этомъ отношеніи надъ ними во всей силѣ и обширности испол-

нялись слова Апостола: *всякъ любяй, знаетъ Бога* (1 Іоан. 4, 7.).—Постоянное созерцаніе Бога, первообраза нашей природы, и вмѣстѣ постоянное углубленіе внутрь самихъ себя, постоянное наблюденіе за всѣми движеніями сердца, за всѣми помыслами и расположеніями души, повѣрямое и словомъ Божіимъ, и опытомъ другихъ отшельниковъ, давало св. инокамъ—подвижникамъ сколько глубокое, столько же обширное и многостороннее познаніе человѣческой природы. Поэтому они въ своихъ писаніяхъ оставили намъ неисчерпаемый, хотя, къ сожалѣнію, многими пренебрегаемый источникъ познаній человѣческой природы, познаній, какихъ мы, быть можетъ, и не найдемъ въ иной современной намъ наукѣ о душѣ.—Не удивительно поэтому, что во всякое время, когда только нужды Церкви и обстоятельства времени вызывали ихъ на общественную проповѣдь, — слово ихъ оказывалось сильнымъ, могущественнымъ, побѣдоноснымъ, каково, напримѣръ, было слово Златоуста, Аѳанасія александрійскаго, Василія великаго. Это было слово евангельской истины, проникнутое живою и пламенною любовію къ Богу и человѣчеству, подкрѣпляемое собственнымъ примѣромъ и жизнію святыхъ проповѣдниковъ, слово глубокой мудрости и вѣдѣнія истинъ Вѣры, глубокаго и опытнаго знанія человѣческой природы,—и потому всегда прямо и вѣрно направленное къ своей цѣли, состояла ли эта цѣль въ томъ, чтобы защитить извѣстную истину Вѣры отъ нападенія язычниковъ и еретиковъ, или въ томъ, чтобы преподать и изъяснить вѣрующимъ истины Евангелія, или, наконецъ, въ томъ, чтобы укрѣпить въ подвигахъ добродѣтели немощныхъ, изобличить развратныхъ, пролить отраду и утѣшеніе въ сердца скорбящихъ и притѣсняемыхъ, побудить къ благотворенію бѣдствую-

щимъ, и т. д., Кратко сказать: слово ихъ, обнимая собою всѣ потребности человѣческой жизни, всѣ отношенія, всѣ обязанности человѣка, старалось дать имъ смыслъ, значеніе и направленіе истиннно-христіанское, или, что̀ одно и тоже, истино-человѣческое, такъ какъ цѣль Христіанства возвесть человѣка въ его истинное, но потерянное имъ, достоинство.

Такое служеніе св. иноковъ-подвижниковъ дѣлу Вѣры и Церкви было въ тоже время и служеніемъ общественному, гражданскому благу людей. Стараясь себя самихъ трудомъ и терпѣніемъ, а другихъ словомъ и примѣромъ своей жизни образовать и воспитать въ истинныхъ христіанъ, они уже этимъ самымъ воспитывали достойныхъ гражданъ для общества, готовыхъ служить его благу съ истиннымъ самоотверженіемъ, готовыхъ полагать самую жизнь за благо ближняго единственно по любви къ нему, безъ всякихъ разсчетовъ своекорыстія и самолюбія. — Но, какъ вѣрные и строгіе блюстители ученія, которое возвѣщали другимъ, св. иноки-подвижники и сами являли высокій образецъ доблестей гражданскихъ, когда того требовали нужда и обстоятельства времени. Такъ во времена Удѣловъ наши иноки-іерархи являлились умиротворителями князей, стараясь словомъ обличенія и любви прекращать ихъ взаимные раздоры, предупреждать войны и кровопролитія. Во время монгольскаго ига они часто ходатайствовали предъ ханами за̀ князей и народъ, и своимъ словомъ поддерживали духъ народа въ надеждѣ на милосердіе Божіе, на избавленіе отъ ненавистнаго ига;—и вотъ, когда приблизилось время исполненія этой надежды, великій въ мірѣ русскаго иночества Сергій, и словомъ, и дѣломъ, и молитвою, и благословеніемъ ободряетъ и укрѣпляетъ Димитрія Донскаго на брань съ пол-

чищами Мамая. Кто опять не знаетъ, какъ важны и велики заслуги келаря Аврамія и архимандрита Діонисія въ бѣдственныя времена междуцарствія, какъ великъ и важенъ мученическій подвигъ патріарха Гермогена не только въ религіозномъ, но и гражданскомъ отношеніи?

Но не будемъ долго останавливаться на гражданскихъ заслугахъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ иноковъ. Укажемъ на одно весьма важное дѣло, которое въ Церкви Христовой издревле по преимуществу было дѣломъ иноковъ и которое по всей справедливости должно быть признано величайшею заслугою со стороны ихъ не для одного какого нибудь народа, но и для всего человѣчества, и не только въ отношеніи къ вѣрѣ и нравственности христіанской, но и въ отношеніи къ просвѣщенію и цивилизаціи. Мы разумѣемъ труды иноковъ-миссіонеровъ. Не связанные никакими семейными и родственными отношеніями, никакими цѣлями своекорыстными и земными, одушевляемые живою и пламенною любовію къ Богу и ревностію о спасеніи ближняго, многіе изъ православныхъ иноковъ, подобно святымъ Кириллу и Меѳодію, издревле посвящали и нынѣ посвящаютъ себя на труды апостольскіе, на распространеніе и утвержденіе Вѣры среди отдаленнѣйшихъ языческихъ народовъ. Ни трудность дальняго и часто вовсе неизвѣстнаго имъ пути, ни море, ни суша, ни безлюдныя и, какъ море, обширныя степи, ни безводныя и песчаныя пустыни, ни цѣпи горъ, ни дебри лѣсовъ, ни холодъ полярныхъ странъ, ни зной экватора, ни страхъ мученій и смерти со стороны грубыхъ и фанатическихъ идолопоклонниковъ, — ничто не могло удержать ихъ: они шли, куда призывала ихъ божественная благодать, куда влекла ихъ ревность о славѣ Божіей и спасеніи ближнихъ! И вотъ проповѣдь

инока-миссіонера проникаетъ въ грубыя сердца язычниковъ, возбуждаетъ въ нихъ вѣру во Христа Спасителя,— и *людіе сѣдящіи во тьмѣ видятъ свѣтъ велій* (Матѳ. 4, 16). По истинѣ, — *свѣтъ велій!* Ибо тамъ, гдѣ прежде было царство лжи и мрака, гдѣ люди, коснѣя въ своихъ грубыхъ суевѣріяхъ, часто боготворили самыя низкія страсти и пороки, принося имъ въ жертву все, даже людей себѣ подобныхъ, гдѣ корыстолюбіе и развратъ, убійство и смерть имѣли свои алтари, тамъ возсіяваетъ небесный свѣтъ Евангелія, тамъ познается правда и добро, уваженіе къ правамъ и жизни ближняго, является любовь къ Богу и человѣчеству, корень всего истинно добраго и прекраснаго! Тамъ, гдѣ прежде была безплодная и невоздѣланная степь, крестъ, водруженный рукою инока-миссіонера, служитъ основаніемъ христіанскихъ обителей и храмовъ, около которыхъ потомъ сосредоточиваются цѣлые многолюдные города и селенія; монастырскія келліи, убѣжище христіанскго благочестія отъ соблазновъ міра, въ тоже время дѣлаются и первымъ убѣжищемъ науки. Вотъ высокая и ни съ чѣмъ несравнимая услуга человѣчеству со стороны христіанскаго иночества! Въ православной Церкви, неизмѣнно сохраняющей ученіе Христово и апостольское, эта услуга тѣмъ выше, тѣмъ болѣе достойна признательности, что иноки православные всегда были одушевляемы въ своихъ апостольскихъ трудахъ цѣлями самыми высокими и святыми,—ревностію о спасеніи ближнихъ, желаніемъ пронести ученіе Евангелія въ страны языческія. Дѣйствуя въ духѣ сего божественнаго ученія, въ духѣ любви и кротости христіанской, какъ истинные посланники Господа нашего Іисуса Христа, царство котораго не отъ міра сего (Іоан. 18, 36), они проповѣдывали слово Божіе, но не съ оружіемъ въ

рукахъ, возвѣщали приближеніе царствія Божія, но никогда не думали насильно подчинять обращаемыхъ чьей бы то ни было земной власти, раждали чадъ Богу, но не рабовъ человѣческаго своенравія и деспотизма.

Конечно, не всѣ иноки являлись и являются защитниками Вѣры и проповѣдниками благочестія, или великими дѣятелями на поприщѣ гражданскомъ; не всѣ идутъ проповѣдывать Евангеліе отдаленнымъ языческимъ народомъ. Потому что для проповѣданія слова Божія, кромѣ ревности и желанія, нужно и особенное умѣнье, и особенное призваніе; для показанія какихъ либо доблестей гражданскихъ нужны особенныя обстоятельства, побуждающія инока изъ мирной келліи выдти на поприще гражданское; для проповѣданія Вѣры язычникамъ нужно и особенное распоряженіе церковной власти и, кромѣ того, особенная ревность къ распространенію Христовой вѣры, ревность, которой нельзя требовать отъ каждаго инока, такъ какъ этотъ подвигъ много выше выполненія обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ.

Такимъ образомъ мы неизбѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ: какое значеніе имѣетъ иночество, когда оно состоитъ только въ исполненіи обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ и не соединяется съ какимъ нибудь особеннымъ служеніемъ Церкви и обществу, когда инокъ единственно занятъ молитвою, постомъ, исполненіемъ обязанностей монашескаго послушанія? Его жизнь въ такомъ случаѣ, есть ли служеніе благу общества, есть ли выраженіе *любви къ ближнему?*

Подъ служеніемъ благу общества не всегда можно должно разумѣть какія либо дѣла, явно имѣющія значеніе всеобщее, значеніе прямой, матеріальной или духовной, пользы для всѣхъ и каждаго, каково, напримѣръ, слу-

женіе на высшихъ степеняхъ гражданскихъ или церковныхъ.—Часто дѣло, совершаемое извѣстнымъ лицемъ, по видимому, только для нѣсколькихъ близкихъ ему лицъ, даже для себя одного, можетъ имѣть значеніе пользы и блага для всѣхъ, лишь бы только это дѣло было совершаемо честно, сообразно съ закономъ христіанскимъ и гражданскимъ. Иной, напримѣръ, честно занимается дѣлами торговли, желая доставить этимъ пользу себѣ и своему семейству; а между тѣмъ нужно ли много объяснять и доказывать, что вмѣстѣ съ этимъ онъ служитъ и благу всего общества, даже благу всего человѣчества? — Подобно этому нужно судить и о жизни и дѣятельности тѣхъ иноковъ, которые въ тишинѣ монастырской обители единственно заняты исполненіемъ монашескихъ обѣтовъ и уставовъ монастырскихъ. Часто исполненіемъ какого либо послушанія, имѣя въ виду спасеніе своей души, собственное преспѣяніе въ духовной жизни, инокъ служитъ и благу общему. Такъ, стройное церковное пѣніе и чтеніе, строгое и точное выполненіе богослужебнаго устава, великолѣпіе и торжественность церковныхъ обрядовъ, какую мы находимъ во многихъ обителяхъ нашего отечества и какую не всегда можемъ найти въ церквахъ приходскихъ, — все это въ дѣлѣ Вѣры и благочестія христіанскаго не имѣетъ ли весьма важнаго общенароднаго значенія, не питаетъ ли въ народѣ чувства религіознаго? А между тѣмъ и чтеніе, и пѣніе, и совершеніе обрядовъ и молитвословій выполняется иноками по обязанности монастырскаго послушанія, ради спасенія своей души и преспѣянія въ благочестіи христіанскомъ. Конечно, найдутся люди, которые не признаютъ этой заслуги въ отношеніи ко всему обществу со стороны иноковъ, — тѣ люди, которые всему предпочи-

тають выгоду и пользу чисто-матеріальную и которые уже по этому самому не признають пользы и священной важности обрядовъ и богослуженія православной Церкви и важнаго значенія ихъ въ духовно-нравственной жизни христіанина. Но мы и не станемъ теперь спорить съ такими людьми, не станемъ доказывать, какъ важно значеніе православно-христіанскаго богослуженія, какъ много уроковъ вѣры и жизни, любви и упованія можетъ найти христіанинъ въ обрядахъ и богослуженіи нашей Церкви. А тѣ, которые въ простотѣ вѣры и любви христіанской ходятъ въ наши обители, чтобъ видѣть высокое благолѣпіе ихъ священнослуженія, чтобъ слышать ихъ благоговѣйное чтеніе, ихъ трогательное и потрясающее душу пѣніе, — тѣ опытно знаютъ, какъ важно значеніе нашего иночества и обителей въ дѣлѣ Вѣры, и потому не нуждаются ни въ какихъ объясненіяхъ и доказательствахъ.

Но кромѣ этого, каждый инокъ, строго и точно исполняющій обѣты своего званія, имѣетъ всегда благотворное нравственное вліяніе на другихъ, какъ образецъ, какъ живой примѣръ благочестія христіанскаго. Хотя бы онъ не проходилъ никакого особенно важнаго служенія въ Церкви и обществѣ, хотя бы онъ никого не училъ словомъ, — онъ всегда учитъ жизнію и дѣломъ гораздо сильнѣе, краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе слова. — Чтó такое строгое и точное исполненіе иноческаго обѣта нестяжательности и добровольной нищеты, какъ не постоянное и притомъ рѣзкое обличеніе ненасытной жадности и корыстолюбія, хищничества и своекорыстія, — явленій не рѣдкихъ въ прежніе вѣка, не рѣдкихъ, къ сожалѣнію, и въ наше время? Чтó такое высокій подвигъ дѣвства, какъ не постоянная, неумолкаемая проповѣдь о живой и

всецѣлой любви къ Богу, и, съ другой стороны, что—онъ, какъ не постоянное обличеніе необузданнаго разврата, явленія котораго, къ сожалѣнію, и въ наше время такъ часты и обыкновенны?

Для тѣхъ, которые истинно вѣруютъ ученію Евангелія и Церкви, указываемъ на ту великую заслугу предъ Богомъ и человѣчествомъ истинныхъ иноковъ-подвижниковъ, какую являютъ они, какъ пламенные и усердные молитвенники и ходатаи предъ Богомъ о мирѣ и спасеніи вѣрующихъ. Кто признаетъ святость и важность взаимной молитвы вѣрующихъ другъ о другѣ, — молитвы, которой нѣкогда просилъ себѣ у всѣхъ вѣрующихъ даже величайшій изъ апостоловъ Павелъ (Евр. 13, 18), тотъ, безъ сомнѣнія, признаетъ и то, что молитва истиннаго инока—подвижника о мирѣ всего мира и спасеніи всѣхъ вѣрующихъ есть великая заслуга предъ Богомъ и людьми. Инокъ, по самымъ обѣтамъ своимъ посвящающій себя непрестанной молитвѣ, непрестанному созерцанію Господа, распятаго за грѣхи міра, за искупленіе бѣдствующаго и страждущаго человѣчества, болѣе другихъ способенъ одушевляться любовію къ Богу и человѣчеству самою полною и глубокою, и отъ полноты этой любви возноситъ молитву къ Богу живую и дѣйственную,—ту молитву, которая въ устахъ Иліи повелѣвала силами природы, производила дождь и бездождіе, голодъ и плодородіе (Іак. 5, 16. 17. 18), которая, излившись изъ устъ Моисея, нѣкогда спасла цѣлый народъ, уже осужденный на погибель (Исх. 32), которая, по слову самаго Господа, можетъ достигнуть всего, чего проситъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя мое, дастъ вамъ* (Іоан. 16, 23). Для невѣрующихъ, конечно, и такая, какъ и всякая вообще молитва, не

имѣетъ никакой цѣны и значенія; но для истинно-вѣрующихъ она — высокая заслуга предъ Богомъ и человѣчествомъ, высокій подвигъ любви къ Богу и ближнимъ.

Указываемъ еще на ту высокую заслугу иноковъ — подвижниковъ въ дѣлѣ благочестія христіанскаго, которую многіе изъ благочестивыхъ христіанъ знаютъ по опыту своей жизни. Разумѣемъ тѣ духовные совѣты и уроки, то руководство къ совершенству въ жизни христіанской, которыми многіе изъ благочестивыхъ христіанъ пользуются отъ иноковъ, или какъ своихъ духовныхъ отцевъ, или же просто какъ опытныхъ наставниковъ и руководителей въ духовной жизни. Кто истинно ищетъ спасенія и непритворно заботится объ усовершенствованіи себя по духу и ученію Евангелія, тотъ по опыту могъ узнать, какъ часто мудрый совѣтъ инока-старца, опытнаго въ разумѣніи потребностей духовно-нравственной жизни, исправляетъ пороки и слабости, или же ведетъ христіанина къ высшему совершенству. Сколько христіанъ вынесло спасительныхъ уроковъ для жизни и дѣятельности изъ келлій иноковъ—подвижниковъ! Какъ часто мудрое слово старца, уважаемаго за свою труженическую и самоотверженную жизнь, водворяло миръ и покой въ семействахъ, раздѣленныхъ взаимною враждою и завистію, обращало развратныхъ къ жизни чистой и цѣломудренной, пробуждало истинную вѣру въ сердцѣ невѣрующаго или неправовѣрующаго! Читайте сказанія св. Церкви о жизни великихъ иноковъ-подвижниковъ, каковы, напримѣръ, были: Макарій египетскій, Пахомій, св. Савва, или въ нашемъ отечествѣ: Антоній, Θеодосій и Сергій. Тамъ найдете вы, какъ иногда къ нимъ прибѣгали за совѣтами въ духовной жизни цари и вельможи, люди ученые и неученые, не только міряне, но и духовные, даже облеченные высшею властію

и служеніемъ въ Церкви Христовой. И мудрые совѣты святыхъ подвижниковъ всегда приносили плодъ сторицею, если только принимаемы были отъ искренняго сердца и прилагаемы къ жизни и дѣятельности. Примѣръ такого рода, болѣе близкій къ нашему времени, представляетъ жизнь великаго старца саровской пустыни Серафима. А тѣ, которые посѣщаютъ наши обители и внимательно вникаютъ въ ихъ внутреннюю жизнь, знаютъ, что примѣръ этотъ — не единственный въ своемъ родѣ.

Такимъ образомъ какъ всѣ вообще высокіе подвиги евангельскаго самоотверженія, такъ и подвижничество, жизнь иноческая по началу и существу своему есть живая и пламенная любовь къ Богу, по своей дѣятельности — живая, проявляемая въ многоразличныхъ отношеніяхъ, любовь къ ближнему.

«Но всегда ли и всѣ ли иноки являются тѣмъ, чѣмъ они должны быть?» — не рѣдко приходится слышать отъ многихъ; «всегда ли жизнь ихъ есть проявленіе истинной и пламенной любви къ Богу и человѣчеству?»

Точно, — не всѣ и не всегда. — Но и Церковь сущность иночества полагаетъ не въ одной монашеской одеждѣ, не въ одномъ удаленіи въ монастырь или пустыню, хотя въ то же время учитъ, что и скромная одежда инока, и удаленіе отъ суеты и соблазновъ міра очень много способствуютъ преспѣянію въ духовной жизни. И Церковь, говоримъ, не защищаетъ, не признаетъ тѣхъ истинными иноками, которые произнесли обѣтъ иночества, но живутъ вопреки этому обѣту, удалились въ обитель, но не удалились въ существѣ дѣла отъ міра, — отъ его похотей и соблазновъ. Невѣжество и непониманіе духа истинно-христіанскаго подвижничества, желаніе жизни обезпеченной отъ нуждъ и бѣдности, мгновенный порывъ

сердца, при характерѣ не получившемъ надлежащей твердости и направленія, и многое другое бываетъ причиною того, что иночество иногда пріемлютъ люди, которые послѣ являются недостойными иноческаго сана. Но истинный христіанинъ не соблазнится такими явленіями въ мірѣ иночества, потому именно, что иноковъ, живущихъ недостойно своего званія, обличаетъ сама Церковь устами своихъ пастырей и учителей. Такъ, еще св. Іоаннъ Златоустъ обличалъ многихъ иноковъ своего времени въ уклоненіи отъ духа истиннаго иночества: «мы, имѣя повелѣніе входить тѣсными вратами, выискиваемъ вездѣ широкихъ. И что такихъ вратъ желаютъ и любятъ нѣкоторые изъ мірскихъ людей, это не такъ еще удивительно: но что мужи, которые, кажется, распялись для міра, ищутъ этихъ же вратъ еще болѣе, чѣмъ мірскіе, вотъ это изумительно, даже похоже на загадку! Вѣдь отъ всѣхъ почти монаховъ, пригласи только ихъ на какое либо дѣло, тотчасъ услышишь эти слова и вопросы: можно ли имъ найти покой, можетъ ли приглашающій успокоить ихъ? Только и рѣчей, что о покоѣ! Что говоришь, человѣкъ? Тебѣ повелѣно идти тѣснымъ путемъ, а ты спрашиваешь о покоѣ (1)?» и т. д. «Не говори мнѣ о горныхъ вершинахъ, о лѣсистыхъ холмахъ, о долинахъ и о пустынѣ непроходимой: однѣхъ ихъ недостаточно для освобожденія души отъ шума мірскаго; нѣтъ, нуженъ тотъ пламень, который зажегъ Христосъ въ душѣ Павла, а поддерживалъ самъ блаженный духовнымъ размышленіемъ (2).» Сообразно съ ученіемъ этого святаго отца, и современный намъ пастырь Церкви гово-

(1) Слово къ Дим. мон. о сокруш. гл. 14.
(2) Къ Стелехію сл. о сокруш. гл. 2.

ритъ: «кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.—Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ либо, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ египетскихъ, и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.— Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ, или даже повелѣвать, нежели покаряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра.—Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители, усвояетъ, что не благословлено, или болѣе, нежели что благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра» (¹), и т. д.

Но, между тѣмъ, какъ сама Церковь имѣетъ столь высокій взглядъ на жизнь иноческую и, глубоко уважая истинныхъ иноковъ-подвижниковъ, грозно обличаетъ недостойныхъ, нѣкоторые изъ чадъ ея, соблазняясь жизнію послѣднихъ и не понимая сущности иночества, ни вообще сущности Христіанства и жизни христіанской, поз-

(¹) Преосв. Фил. М. Моск. въ сл. по освящ. храма надъ мощами преп. Михея въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

вояяють себѣ, вопреки закону христіанскаго и естественнаго человѣколюбія, вопреки здравому смыслу, смѣяться и глумиться надъ званіемъ инока.... Нѣтъ нужды много доказывать, какъ безнравственно и вмѣстѣ неразумно поступаютъ такіе люди. Довольно вспомнить, что они смѣются надъ званіемъ, которое основано на ученіи Іисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ, освященно жизнію и примѣромъ Его самаго, примѣромъ и жизнію Пресвятой Дѣвы и многихъ величайшихъ отцевъ и учителей Церкви.... Смѣяться надъ званіемъ инока только потому, что есть люди, не достойно носящіе это званіе, не тоже ли самое, что — смѣяться надъ званіемъ судьи только потому, что въ этомъ званіи есть люди, судящіе неправо, попирающіе совѣсть и законы, — не тоже ли самое, что смѣяться надъ просвѣщеніемъ и наукой только потому, что есть люди во имя науки и просвѣщенія проповѣдующіе развратъ и безбожіе, — не тоже ли самое, что смѣяться надъ Христіанствомъ и именемъ христіанина только потому, что очень много христіанъ, живущихъ хуже язычниковъ? Но не будемъ много говорить объ этомъ, такъ какъ для человѣка съ здравымъ разсудкомъ не нужно и доказывать, какъ это неразумно! Мы и вовсе умолчали бы объ этомъ, еслибъ, къ сожалѣнію, не встрѣчались люди, во имя пороковъ и слабостей нѣкоторыхъ иноковъ смѣющіеся надъ самымъ званіемъ иноческимъ и, къ удивленію, люди не одни грубые и невѣжественные, но и болѣе или менѣе образованные, по крайней мѣрѣ, со внѣшней стороны.

Другіе, — вообще тѣ, которые о самомъ Христіанствѣ судятъ болѣе по своимъ догадкамъ, нежели по ученію Іисуса Христа, апостоловъ и вселенской Церкви, — жизнь иноческую даже считаютъ плодомъ *фанатизма*, насиліемъ

человѣческой природы, явленіемъ не естественнымъ, не гуманнымъ. А такимъ образомъ надъ чѣмъ одни смѣются по легкомыслію, то самое другіе отвергаютъ, по видимому, въ слѣдствіе разумныхъ убѣжденій. И въ этомъ случаѣ мы не будемъ входить въ обширныя отвлеченныя изслѣдованія, чтобы опровергнуть такое мнѣніе; даже вовсе не будемъ прибѣгать для этой цѣли ни къ св. Писанію, ни къ св. Преданію: довольно одного,—силы здравой и свѣтлой мысли, спокойнаго изслѣдованія и размышленія, чтобы опровергнуть это унизительное для иночества мнѣніе. Мы только спросимъ людей, которые его держатся: назовутъ ли они *фанатикомъ* человѣка, который, оставляя всѣ пріятности и удовольствія семейной и общественной жизни, родителей, любимую супругу, дѣтей, друзей и всѣхъ милыхъ сердцу, пускается въ далекія страны, переплываетъ моря, обходитъ сушу, проникаетъ въ непроходимые лѣса и пустыни, поднимается на вершины горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, терпитъ множество опасностей и непріятностей, иногда лишается и жизни отъ звѣрей иль дикарей,—и все это—съ тою цѣлію, чтобы, для блага своего и человѣчества, или открыть новыя, еще неизвѣстныя земли, или точнѣе изслѣдовать какія либо явленія и предметы природы и обогатить естествознаніе сокровищами всѣхъ царствъ ея? Назовутъ ли они *фанатикомъ* человѣка, который, по живой и пламенной любви къ отечеству, также оставляетъ всѣ удовольствія семейной и общественной жизни, родныхъ и друзей, и идетъ противъ непріятеля, терпитъ при этомъ неизбѣжныя лишенія и трудности, получаетъ въ сраженіи тяжкія и глубокія раны, или и вовсе лишается жизни? Назовутъ ли они *фанатикомъ* человѣка, который, никуда не уходя изъ общества, имѣя всѣ средства къ

жизни роскошной, веселой и праздной, полной всѣми радостями и удовольствіями міра, при всемъ томъ отказывается отъ нихъ и проводитъ дни и ночи въ своемъ кабинетѣ, въ занятіяхъ наукою? Мы уже умалчиваемъ о тѣхъ, которые въ такихъ занятіяхъ находятъ единственное средство къ жизни. Но если любовь къ отечеству и наукѣ имѣютъ своихъ героевъ: то ужели христіанская любовь къ Богу, желаніе высшихъ нравственно-христіанскихъ совершенствъ, благочестіе — эта цѣль всего, что только есть въ Христіанствѣ: и ученія, и богослуженія, и таинствъ,—не можетъ и не должно имѣть самоотверженныхъ подвижниковъ? Разумно ли, достойно ли вполнѣ образованнаго человѣка считать ихъ жизнь явленіемъ неестественнымъ, насиліемъ нашей природы, только потому, что для достиженія своей цѣли они отказываются отъ многихъ радостей и удовольствій семейной и общественной жизни, точно такъ, какъ другіе отказываются отъ нихъ для иныхъ цѣлей, можетъ быть, добрыхъ и полезныхъ, но во всякомъ случаѣ не столь святыхъ и высокихъ, какъ достиженіе нравственно-христіанскаго совершенства?

Ѳ. Надеждинъ.

I.

СЛОВО

въ недѣлю православія, сказанное преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ ([1]).

Аще кто вамъ благовѣститъ, паче еже пріясте, анаѳема да будетъ. Гал. 1, 9.

Не разъ въ домашнихъ бесѣдахъ намъ предлагали вопросъ: «отъ чего же, когда все въ человѣчествѣ измѣняется, развивается, усовершается, одно Христіанство остается неизмѣннымъ, безъ всякаго развитія и усовершенствованія, одна Церковь православная считаетъ даже своимъ отличительнымъ свойствомъ то, что она неизмѣнно сохраняетъ принятое ею вначалѣ отъ Господа?.. Не можетъ ли, не должна ли эта неподвижность, при всеобщемъ прогрессѣ, служить укоромъ Христіанству и православной Церкви?» Вопросъ, какъ сами видите, братіе, такой важности, что заслуживаетъ и не домашней бесѣды. И нынѣ особенно, когда св. мать наша торжествуетъ свое православіе и поражаетъ анаѳемою дерзающихъ измѣнить или отвергать св. вѣру Христову, нынѣ весьма

([1]) Еще въ бытность его епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ, въ казанской церкви архіерейскаго дома, 1-го Марта 1859 года.

прилично намъ побесѣдовать объ этомъ вопросѣ и съ церковной каѳедры.

Справедливо ли, что все въ человѣчествѣ измѣняется, — не измѣняется одно Христіанство? Напротивъ, все, чтó только есть въ человѣчествѣ человѣческаго, чтó относится къ его сущности, все это остается неизмѣннымъ, всегда однимъ и тѣмъ же. Измѣнились ли въ людяхъ ихъ природа, ихъ силы и прирожденные имъ законы? Ни мало. И мы имѣемъ туже самую двойственную природу, вещественную и духовную, какую имѣли наши прародители, хотя, увы, — зараженную грѣхомъ; и мы обладаемъ тѣми же самыми силами и способностями, тѣлесными и душевными, умственными и нравственными, которыя даны были Богомъ еще при твореніи Адаму и Евѣ; и мы мыслимъ и желаемъ, живемъ и дѣйствуемъ по тѣмъ же самымъ законамъ, по какимъ жили и дѣйствовали они. Прошли вѣка и тысящелѣтія, а человѣчество не измѣнилось ни въ своей природѣ, ни въ силахъ, ни въ законахъ. Отъ чего? Отъ того, что такъ оно создано, такъ угодно его Творцу, иначе — отъ того, что въ основаніи человѣчества положена воля Божія, высочайшая и неизмѣнная. Послѣ этого можете судить, разумно ли желать или требовать измѣняемости отъ Христіанства. Что такое Христіанство? Это сверхъестественная помощь Божія падшему человѣку. Яснѣе — это совокупность сверхъестественныхъ средствъ, данныхъ намъ Богомъ для нашего очищенія отъ грѣховъ, освященія и облаженствованія. Кто жъ изъ людей въ правѣ сказать, что то или другое изъ богодарованныхъ средствъ не нужно, и, слѣдовательно, можетъ быть отвергнуто, то или другое изъ нихъ не хорошо, и потому можетъ быть измѣняемо? Еще яснѣе: Господь Богъ благоволилъ даровать намъ свое откровеніе или ученіе, и въ немъ истины вѣ-

ры, законы нравственности и св. обѣтованія, которыми мы должны водиться на пути къ горнему отечеству. И мы ли осмѣлимся измѣнить или отвергнуть какую либо изъ всѣхъ этихъ истинъ? Развѣ истина можетъ быть болѣе или менѣе истиною? Измѣнить или отвергнуть послѣ того, какъ изрекъ ее самъ Богъ? Господь Богъ даровалъ намъ главнѣйшія священнодѣйствія, — седмь спасительныхъ таинствъ: таинство крещенія, чтобы мы, рожденные во грѣхахъ, возрождались въ немъ для жизни благочестивой и содѣлывались чадами Божіими; таинство муропомазанія, чтобы мы получали чрезъ него *божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3); таинство покаянія, чтобы мы вновь очищались въ немъ отъ грѣховъ, совершенныхъ послѣ крещенія; таинство причащенія, чтобы мы пріискреннѣ соединялись съ своимъ Главою и Спасителемъ; другія таинства — для другихъ высокихъ, извѣстныхъ вамъ, цѣлей. Сколько жъ нужно своеволія и дерзости со стороны человѣка, чтобы отвергнуть или исказить какое либо изъ этихъ священнодѣйствій, установленныхъ самимъ Богомъ? Господь Богъ даровалъ намъ церковное управленіе: основавъ на землѣ свою св. Церковь, Онъ учредилъ въ ней священноначаліе, — чинъ пастырей и учителей, которыхъ и облекъ своею божественною властію блюсти и преподавать людямъ откровенное ученіе, совершать для нихъ священнодѣйствія и руководить вѣрующихъ въ царство небесное. Какъ же позволитъ себѣ кто либо изъ насъ измѣнить это церковное устройство и управленіе, отвергнуть или низвратить богоучрежденную іерархію, перемѣшать взаимныя права и обязанности пастырей и пасомыхъ? Если неизмѣняемо человѣчество въ своей природѣ, силахъ и законахъ, то точно такъ же должно оставаться неизмѣняемымъ и Хри-

стіанство въ своемъ существѣ — въ своемъ ученіи, священнодѣйствіяхъ и управленіи: потому что въ основаніи человѣчества и Христіанства равно лежитъ воля Божія, высочайшая и неизмѣнная.

Справедливо ли, что все въ человѣчествѣ развивается, — не развивается одно Христіанство? Тамъ, гдѣ есть жизнь, силы, дѣятельность, тамъ естественно развитіе. И человѣчество дѣйствительно развивается. Мы по опыту знаемъ, какъ со времени появленія на свѣтъ всѣ мы росли, развивались и укрѣплялись своимъ тѣломъ, какъ пробуждалась наша душа, пробуждались и раскрывались ея способности и силы; знаемъ, какъ поколѣнія, слѣдуя за поколѣніями и получая одни отъ другихъ разныя изобрѣтенія и учрежденія, продолжаютъ идти по начатому пути и простираются далѣе и далѣе. Но, замѣтьте, что хотя человѣчество, и въ отдѣльныхъ лицахъ и вообще, развивается, однакожъ при этомъ ни сколько не измѣняются въ немъ ни природа, ни силы, ни законы. А въ такомъ смыслѣ развивается и Христіанство. Во всей цѣлости и неизмѣнности соблюдаетъ православная Церковь божественное ученіе; но она всегда, по власти ей данной отъ Бога и предохраняемая отъ заблужденій Духомъ Святымъ, постоянно въ ней обитающимъ, раскрывала и изъясняла это ученіе для своихъ чадъ и не престаетъ раскрывать его болѣе и болѣе соотвѣтственно ихъ потребностямъ. Когда возникали искаженія въ вѣрѣ и ереси, пастыри Церкви сходились на соборы, и на основаніи слова Божія, наставляемые тѣмъ же Духомъ истины, опредѣляли и излагали спорные догматы съ бо́льшею точностію и раздѣльностію, нежели какъ они были предлагаемы до того времени. Чтобы не только утверждать вѣрующихъ въ православіи, но и предохранять отъ всякаго

совращенія, св. Церковь давала и даетъ имъ по временамъ, кромѣ постоянныхъ краткихъ образцовъ Вѣры, составленныхъ соборами, и обстоятельнѣйшія изложенія Вѣры, направляя эти послѣднія противъ господствующихъ ересей и расколовъ и потому раскрывая нѣкоторыя истины съ новыхъ сторонъ, съ какихъ онѣ не были раскрываемы прежде. Равнымъ образомъ во всей цѣлости и неизмѣнности сохраняетъ православная Церковь и богоучрежденныя священнодѣйствія,—седмь св. таинствъ, составляющія какъ бы основаніе и средоточіе ея общественнаго богослуженія. Но, по власти, отъ Бога данной, она никогда не сомнѣвалась болѣе и болѣе раскрывать и устроять это богослуженіе: составляла или принимала новыя молитвы и пѣснопѣнія, цѣлыя послѣдованія и службы, учреждала праздники, посты, крестные ходы и другіе свящ. обряды; не усомнится, конечно, и впредь открывать празднества и составлять службы въ честь новыхъ угодниковъ и въ память новыхъ благодѣяній Божіихъ. Наконецъ неизмѣнно сохраняетъ православная Церковь и данное ей отъ Бога устройство и управленіе, строго держась тѣхъ основныхъ правилъ, какія пріяла она въ словѣ Божіемъ, писанномъ и устномъ. Но кому неизвѣстно, что съ самаго начала Христіанства предстоятели Церкви постоянно собирались на соборы и, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени, составляли, на основаніи этихъ коренныхъ правилъ, новые каноны для руководства вѣрующимъ? Кто не знаетъ, что и доселѣ правительственная власть въ православной Церкви продолжаетъ давать новыя постановленія, примѣняя древніе церковные законы къ новымъ потребностямъ? Словомъ: не человѣчество только живетъ и развивается; живетъ и Церковь Христова, а потому развивается, не измѣняя одкожъ самаго существа Христіанства.

Справедливо ли, что все въ человѣчествѣ усовершается,—не усовершается только Христіанство? Человѣчество дѣйствительно предназначено къ усовершенствованію, и если бы человѣкъ не палъ еще вначалѣ, онъ постоянно усовершался бы и во всѣхъ отношеніяхъ. Но послѣ того, какъ грѣхъ заразилъ своимъ ядомъ и низвратилъ природу человѣка, онъ хотя подвигается впередъ на пути къ совершенству, но отнюдь не постоянно и не во всѣхъ отношеніяхъ. Всего замѣтнѣе усовершенствованіе людей умственное: бываютъ періоды, когда у одного или у нѣсколькихъ народовъ быстро распространяется и возвышается просвѣщеніе, процвѣтаютъ науки, искусства, художества; но за тѣмъ просвѣщеніе постепенно ослабѣваетъ, а иногда слѣдуютъ даже времена мрака и невѣжества. Нельзя также отрицать, что многіе народы усовершались и усовершаются въ отношеніи гражданскомъ, домашнемъ, торговомъ и вообще во всемъ томъ, что относится къ вещественному быту человѣка и удобствамъ его временной жизни, хотя, какъ всякому извѣстно, и этого рода усовершенствованія совершаются не непрерывно, а часто смѣняются неудачами или совершенно прекращаются. Но можно ли сказать, что человѣчество усовершается въ нравственномъ отношеніи? Увы, совсѣмъ напротивъ. Древній міръ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ іудейскомъ народѣ, постепенно низпадалъ въ этомъ отношеніи, такъ что предъ рождествомъ Спасителя нечестіе рода человѣческаго достигло самой послѣдней своей степени. Въ новой исторіи человѣчества, хотя первыя времена Христіанства представили многіе и высокіе образцы нравственнаго совершенства, но въ послѣдующіе вѣка благочестіе начало болѣе и болѣе ослабѣвать между самыми христіанами. И въ наши дни, столько славящіеся,

и справедливо, успѣхами и изобрѣтеніями разума и чудными примѣненіями этихъ изобрѣтеній къ житейскому быту, можемъ ли мы похвалиться такъ же успѣхами нравственности? Или скорѣе должны сознаться съ прискорбіемъ, что въ самыхъ средоточіяхъ современнаго образованія нечестіе видимо растетъ и изъ нихъ распространяется повсюду? А между тѣмъ нравственное усовершенствованіе и есть самое важное изъ всѣхъ видовъ усовершенствованія человѣческаго: оно только одно собственно возвышаетъ и облагороживаетъ самую нашу духовную природу и уподобляетъ насъ Богу; оно одно можетъ пріобрѣсть намъ вѣчную жизнь и блаженство, — тогда какъ прочіе виды нашего усовершенствованія, въ умственномъ ли то отношеніи или матеріальномъ, безъ соединенія съ нравственнымъ, могутъ служить намъ только въ настоящей жизни. Что-жъ надобно, чтобы человѣчество могло усовершаться и въ нравственномъ отношеніи, т. е., истинно усовершаться? Вотъ для этого-то и дано намъ отъ Бога Христіанство. Оно есть совокупность сверхъестественныхъ средствъ, предназначенныхъ для уврачеванія нашихъ нравственныхъ язвъ и прочихъ, привнесенныхъ въ насъ грѣхомъ, для дѣйствительнаго очищенія, обновленія и усовершенствованія всего нашего существа, — средствъ единственныхъ, безъ которыхъ ни отдѣльныя лица, ни все человѣчество, ничѣмъ и никогда не въ состояніи изцѣлиться отъ своей грѣховной заразы, чтобы потомъ постепенно возвышаться до богоуподобленія. Христіанство неизмѣняемо само въ себѣ и неусовершимо, хотя и развивается св. Церковію, когда она прилагаетъ эти божественныя врачевства къ уврачеванію своихъ духовныхъ чадъ, — неусовершимо: потому что врачевства эти даны самимъ Врачемъ небеснымъ и суть самыя лучшія

на всѣ времена. Но Христіанство, если позволимъ себѣ такъ выразиться, можетъ усовершаться въ насъ, какъ и развивается и раскрывается оно Церковію только для насъ. За тѣмъ и дано оно намъ, чтобы мы усвояли его себѣ, пользовались имъ. А по мѣрѣ того, какъ мы будемъ переводить въ себя Христіанство, насаждать и возращать его въ себѣ, оно, какъ уже наше, будетъ постепенно усовершаться въ насъ. Св. Церковь Христова преподаетъ намъ божественное ученіе, совершаетъ для насъ спасительныя таинства, подчиняетъ насъ своему духовному управленію, чтобы всѣхъ привести къ вѣчной жизни. И чѣмъ болѣе мы будемъ принимать это ученіе и утверждаться въ Вѣрѣ, чѣмъ усерднѣе будемъ пользоваться этими таинствами и благодатными силами, чрезъ нихъ намъ сообщаемыми, чѣмъ послушнѣе будемъ предаваться церковному водительству и подвигаться по пути благочестія: тѣмъ болѣе и болѣе мы будемъ усовершаться въ Христіанствѣ, а Христіанство, нами усвоенное, будетъ усовершаться въ насъ.

Да не обольщаютъ же васъ, братіе мои, пышные возгласы гордыхъ мнимо-образованныхъ людей нашего времени, которые постоянно твердятъ о прогрессѣ человѣчества и о неподвижности, отсталости Христіанства. Помните твердо, что если, по волѣ Божіей, неизмѣняемо Христіанство въ своей сущности, то такъ же неизмѣняемо и человѣчество; если развивается человѣчество, при своей неизмѣнности, то развивается и Христіанство, но только не частными лицами, а св. Церковію, руководимою Духомъ Святымъ; что если усовершается человѣчество, то только въ умственномъ отношеніи и матеріальномъ, а въ нравственномъ отношеніи можетъ усовершаться единственно при пособіи Христіанства, которое и само, бу-

лучи неусовершимо въ существѣ, можетъ усовершаться въ насъ. Не о томъ мы должны помышлять и заботиться, чтобы измѣнять, развивать и усовершать нашу св. вѣру, а о томъ, какъ бы намъ самимъ, при помощи ея, измѣниться къ лучшему, развиваться и усовершаться, какъ бы намъ изъ худыхъ и порочныхъ содѣлаться добрыми и благочестивыми, отвыкнуть отъ нашей гордости, сребролюбія, честолюбія и другихъ страстей и украситься христіанскимъ самоотверженіемъ и христіанскою любовію къ Богу и ближнимъ, какъ бы намъ восходить по духовной лѣствицѣ все выше и выше, отъ совершенства къ совершенству, пока, наконецъ, не взойдемъ на самое небо и не повергнемся предъ престоломъ Всесовершеннѣйшаго. Аминь.

СЛОВО

въ недѣлю православія и въ день возшествія на всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича ([1]).

Торжество православія совершаетъ нынѣ Православная Церковь. Торжество возшествія на всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича празднуетъ нынѣ Церковь и отечество. Оба сіи торжества препровождаютъ мысль и слово къ одному и тому же предмету. Торжество православія естественно располагаетъ и мыслить и говорить о правой и спасительной Вѣрѣ; торжество возшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Монарха, коего «первое живѣйшее желаніе, да свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, — сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія» (слова Высоч. Манифеста), опять препровождаетъ мысль къ той же правой и спасительной Вѣрѣ. Итакъ слово о Вѣрѣ, какъ основаніи и вѣрнѣйшемъ залогѣ благоденствія царствъ и народовъ, не неприлично и для истинныхъ сыновъ Церкви, торжествующихъ православіе, и для вѣрныхъ сыновъ отечества,

([1]) Произнесено 21 февр. 1860 года.

празднующихъ возшествіе на престолъ Благочестивѣйшаго Монарха.

Вѣра святая есть основа и внутренняго счастія и благоденствія царствъ и народовъ, и вѣрнѣйшій залогъ славы и величія ихъ внѣшняго.

Нужны ли для кого либо увѣренія въ сей непреложной истинѣ? Опытъ — лучшая проба всему. *Возврите*, говоритъ древній мудрецъ, *на древнія роды, и видите: кто вѣрова Господеви, и постыдѣся? Или кто пребысть въ страсѣ Его, и оставися? Или кто призва Его, и презрѣ й* (Сир. 2, 10)? Обратите вниманіе и на скрижали исторіи міра христіанскаго: все великое и доблестное, чѣмъ славились вѣка прошедшіе и чтó перешло и къ намъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, есть прямой или непрямой плодъ Вѣры; и на оборотъ,—не было примѣра, чтобы народъ, потерявшій Вѣру, наслаждался счастіемъ и благоденствіемъ внутри, славою и величіемъ во внѣ, — напротивъ, по той мѣрѣ, какъ оскудѣвалъ духъ Вѣры въ томъ или другомъ народѣ, возникали въ немъ внутренніа смятенія и крамолы, доводившія его до униженія и во внѣ, а когда свѣтильникъ Вѣры передвигался съ какого либо мѣста за то, что въ народѣ не оставалось людей, творящихъ плоды царства Божія, прекращалось и самое политическое бытіе народа. Посмотрите безпристрастнымъ окомъ и на страницы нашей отечественной исторіи. Вѣра, какъ краеугольный камень, положена была въ основу благобытія отечества нашего еще первымъ Благочестивѣйшимъ Монархомъ его, насадившимъ и утвердившимъ ее въ немъ; отъ ней зависѣли счастіе и благоденствіе внутреннія, слава и величіе внѣшнія Россіи; она же служила щитомъ и огражденіемъ народности въ тѣ страшныя годины испытаній, когда власть чуже-

земная угрожала отечеству нашему совершеннымъ истребленіемъ и всѣ человѣческія силы и средства истощались и ослабѣвали, а по временамъ и изъ развалинъ отечества возстановляла его еще въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ. И это естественно. Ибо на чемъ утверждается благоденствіе и счастіе государствъ внутреннія, слава и величіе ихъ внѣшнія? На истинномъ благочестіи народа, на искренней, нелицемѣрной преданности вѣнценоснымъ монархамъ, на уваженіи и повиновеніи поставленнымъ ими властямъ. А все сіе есть плодъ Вѣры истинной; все сіе насаждается и утверждается въ сердцахъ истинныхъ сыновъ отечества Вѣрою, возрастаетъ и приноситъ плодъ подъ водительствомъ ея же. Вѣра служитъ самымъ твердымъ оплотомъ общественной нравственности,—сего вѣрнѣйшаго залога порядка и счастія. Никто, конечно, не будетъ спорить, что справедливость, трудолюбіе, честность, взаимная любовь и довѣренность составляютъ необходимыя условія благоденствія всякаго общества. Какое благоденствіе можетъ быть тамъ, гдѣ каждый заботится только о своихъ выгодахъ, хочетъ жить на счетъ другихъ, не стараясь по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ обществу въ томъ кругѣ, гдѣ кто поставленъ промысломъ Божіимъ? Безъ любви, связующей всѣхъ членовъ общества во едино, безъ сочувствія другъ къ другу и взаимной довѣренности не возможно не только благоденствіе общества, но и самое его бытіе. А между тѣмъ сколько препятствій къ развитію сихъ качествъ полезныхъ членовъ общества и внѣ насъ—въ окружающей насъ средѣ, въ принятыхъ правилахъ, въ установившихся обычаяхъ, и въ насъ самихъ — въ нашихъ страстяхъ, въ честолюбіи, корыстолюбіи и сластолюбіи, заставляющихъ каждаго думать только о себѣ самомъ!

Что можетъ истребить это зло, при которомъ, очевидно, не можетъ благоденствовать никакое общество? Никакими законами и учрежденіями, какъ бы ни были они подробны и справедливы, нельзя достигнуть сего: ибо и во имя закона беззаконные блюстители и исполнители закона совершаютъ иногда ужасныя, до глубины души возмущающія злодѣянія. Законы могутъ заставить только прикрыть внѣшнею благовидностію внутреннюю нечистоту сердца, но не могутъ исторгнуть зла изъ сердца. Одна Вѣра вселяетъ въ сердца наши тотъ спасительный страхъ Божій, который, проникая до раздѣленія души и духа, до внутреннихъ составовъ и мозговъ, можетъ истреблять въ насъ не только худые поступки, но и помышленія зловредныя, и намѣренія преступныя. О, какъ бы счастливы были человѣческія общества, какимъ бы безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ міра благоденствіемъ наслаждались люди, если бы всѣ члены общества располагали жизнь свою по духу Вѣры! Не было бы тогда на землѣ ни хищенія, ни обмановъ, ни неправды, ни вражды, ни вѣроломства, отъ которыхъ столько страдаютъ общества человѣческія. — Вѣра, далѣе, поддерживаетъ благоустроенный порядокъ въ обществѣ. Она особымъ священнодѣйствіемъ освящаетъ восходящихъ на престолъ монарховъ, и чрезъ то дѣлаетъ въ глазахъ всѣхъ власть ихъ сугубо священною и неприкосновенною, какъ власть не только занявшихъ престолъ по праву рожденія, но и какъ помазанниковъ Божіихъ; словомъ Божіимъ, живымъ и дѣйственнымъ, она часто смиряла внутреннія крамолы и нестроенія, и всегда утверждаетъ въ сердцахъ нелицемѣрную преданность къ боговѣнчаннымъ монархамъ, подчиненіе и строгое повиновеніе законнымъ властямъ: ибо *нѣсть власть, аща не отъ Бога* (Рим. 13,

1). — Вѣра наконецъ служитъ крѣпкимъ щитомъ и противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній на отечество. Она благословляетъ руки христолюбивыхъ воиновъ на брань противъ враговъ отечества, и чрезъ то вдыхаетъ въ нихъ силу и крѣпость, бодрость и мужество, какъ защитниковъ не только отечества, но и самой Вѣры; она располагаетъ и каждаго вѣрнаго сына отечества жертвовать за благо его, когда то нужно, и самою жизнію, указывая ему на возмездіе за сіе въ другой жизни, гдѣ положившимъ животъ свой за вѣру, царя и отечество уготованъ вѣнецъ безсмертія.

Слава и благодареніе Господу, соединившему тѣснымъ, неразрывнымъ союзомъ отечество наше съ святою вѣрою, въ залогъ всегдашняго благоденствія и величія его, среди всѣхъ превратностей и временныхъ испытаній, доколѣ пребудетъ цѣлъ и несокрушимъ сей союзъ, доколѣ Вѣра святая и спасительная будетъ находить себѣ живое и глубокое сочувствіе въ сердцахъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества!

Говоримъ: живое и глубокое сочувствіе.—Нужно всегда помнить и не должно никогда забывать, что можно и при самомъ источникѣ живота оставаться мертвымъ, и среди полуденнаго свѣта смѣжить очи свои и ничего не видѣть. *Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте* (2 Кор. 13, 5), увѣщевалъ св. Апостолъ коринѳскихъ христіанъ. Если такое увѣщаніе св. Апостолъ находилъ нужнымъ преподать вѣрующимъ своего времени, не тѣмъ ли необходимѣе напоминать о немъ въ наше, скудное духомъ Вѣры, время? *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8); вѣра, принесенная Имъ на землю, и доселѣ одна и таже проповѣдуется Церковію, какую проповѣдалъ самъ Онъ и поручилъ

пронести своимъ апостоламъ во всю землю; *глаголы* Его, не смотря на то, что они *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63), казались нѣкоторымъ жестокими, несообразными съ потребностями человѣка, не современными, а инымъ и прямо буйствомъ и юродствомъ. Еже было, тожде есть и теперь. Есть и теперь, даже изъ числа мнимо-вѣрующихъ, которые не только не сочувствуютъ святой Вѣрѣ, но не стыдятся и открыто возставать съ нареканіями на Вѣру и тѣмъ приводить въ смущѐніе и недоумѣніе и истинно вѣрующихъ.

Вѣра, говорятъ одни, вредитъ успѣхамъ просвѣщенія, мѣшаетъ свободному изслѣдованію, препятствуетъ свободно относиться къ наукѣ; Вѣра—это застой, неподвижность, отсталость, оцепенѣлость въ формахъ, омертвѣніе, выражаются менѣе умѣренные ревнители разума не по-разуму.—Это нареканіе на Вѣру не ново. Съ тѣми же мыслями встрѣтили правую Вѣру и при первомъ явленіи ея на землѣ... За пятнадцать вѣковъ предъ симъ нашелся мудрецъ, который изъ самаго существа правой Вѣры думалъ вывесть мысль, что христіане не имѣютъ и права на образованіе и должны всегда оставаться въ невѣжествѣ. Нашлось довольно и сочувствующихъ ему, такъ что онъ почелъ себя сильнымъ не только учить такъ, но и издать законъ, воспрещающій правовѣрующимъ всякое образованіе, якобы не согласное съ ихъ Вѣрою. А въ тоже время православные Аѳанасіи, Василіи, Григоріи, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ дѣлѣ просвѣщенія, были не только передовыми людьми своего вѣка, но опередили другихъ и на много послѣдующихъ вѣковъ.

Вѣра, говорятъ другіе, замедляетъ успѣхи народнаго благоденствія, мѣшаетъ развитію общественнаго благосостоянія. Не ново и это. Припомните, съ какою увѣ-

ренностію въ истинѣ своихъ соображеній высказались еще болѣе рѣзко на этотъ счетъ мнимые ревнители благоденствія своего народа и отечества: *что сотворимъ, яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ? Аще оставимъ Его тако, вси увѣруютъ въ Него: и пріидутъ римляне, и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ* (Іоан. 11, 47. 48). Припомните, съ какою еще бо́льшею самоувѣренностію произнесенъ былъ рѣшительный приговоръ по сему случаю: *вы не вѣсте ничесоже: ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ* (ст. 49. 50). *И отъ того дне*, замѣчаетъ Евангелистъ, *совѣщаша, да убіютъ Его* (ст. 53). Не лучше разсуждали и послѣ. Было время, когда правой Вѣрѣ приписывали всѣ бѣдствія общественныя, въ ней находили источникъ всѣхъ несчастій государственныхъ... А между тѣмъ Апостолъ языковъ въ слухъ всего міра сказалъ, что *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8), то есть, что правая Вѣра служитъ основаніемъ и счастія настоящей жизни, и блаженства будущей,—и опыты осьмнадцати вѣковъ Христіанства подтвердили и доселѣ подтверждаютъ сію истину.

Но то было въ древнемъ, еще не просвѣщенномъ христіанскою Вѣрою мірѣ. Мѣхи старые не могли вмѣстить новаго вина; ветхая жизнь человѣчества не могла принять въ себя животворныхъ началъ христіанской Вѣры и отстаивая саму себя, какъ бы естественно должна была вооружаться противъ нея всѣми остававшимися у нея силами. Что же бы значило, что тоже, или почти тоже повторяется и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ?

Одною изъ главныхъ причинъ сего прискорбнаго явленія служитъ невѣдѣніе правой Вѣры. Нѣкогда св. Апостолъ съ сожалѣніемъ писалъ къ однимъ изъ вѣрующихъ,

что они, *должни суще быти учители лѣтъ ради, паки требуютъ учитися, кая письмена начала словесъ Божіихъ* (Евр. 5, 12), а другихъ и прямо укорялъ въ невѣжествѣ: *невѣдѣніе Божіе нѣцыи имутъ: къ сраму вамъ глаголю* (1 Кор. 15. 34). Не оскорбляя никого, думаемъ, что не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что подобная укоризна относится и ко многимъ изъ насъ. У каждаго изъ насъ есть общія свѣдѣнія о Вѣрѣ, остающіяся изъ уроковъ дѣтства. Свѣдѣнія сіи безспорно важны и существенно необходимы: но развѣ это составляетъ точное знаніе Вѣры? А за исключеніемъ этихъ свѣдѣній, много ли найдется у насъ понятій о предметахъ Вѣры, надлежащимъ образомъ выясненныхъ и глубоко прочувствованныхъ душею? У многихъ, можетъ быть, есть еще отрывочныя свѣдѣнія о Вѣрѣ, которыя уже въ зрѣломъ возрастѣ случилось гдѣ либо мимоходомъ прочитать, или выслушать отъ кого-либо: но и это только поверхностное познаніе Вѣры. Удивительно ли, что при такомъ познаніи Вѣры всякое нареканіе на Вѣру имѣетъ свободный доступъ къ умамъ и сердцамъ и самихъ вѣрующихъ, и чѣмъ съ бо́льшею рѣзкостію и дерзостію выражается, тѣмъ глубже западаетъ въ души тѣхъ, кои, по выраженію Апостола, *не имѣютъ чувствія, обучена долимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла* (Евр. 5, 14)? Братъ возлюбленный, раздѣляющій въ мысляхъ своихъ нареканіе на Вѣру! Возставая на правую Вѣру, ты въ тоже время принимаешь на вѣру неправыя мнѣнія о Вѣрѣ другихъ; подумай, хорошо ли это? Правая Вѣра не боится изслѣдованій: вникни въ дѣло самъ, изучи въ точности Вѣру, но изучи подъ руководствомъ Церкви, содержащей и знающей сію Вѣру, а не по отзывамъ о ней лицъ, или не знающихъ ея, или имѣющихъ свои причины превращать

истину Божію во лжу;—и тогда узнаешь, что Вѣра истинная не только не задерживаетъ поступленія ума человѣческаго впередъ, не только не останавливаетъ хода мысли къ совершенству,—а напротивъ, только при ней и возможно истинное развитіе разума, и въ ней самой заключается и источникъ правильнаго развитія. Она не останавливаетъ, а возбуждаетъ восходить къ высшему совершенству въ познаніи: *оставльше начала Христова слова, на совершеніе да ведемся* (Евр. 6, 1), убѣждаетъ св. Апостолъ.

Другою, столько же, если еще не болѣе, общею причиною такого печальнаго явленія служитъ жизнь не по духу Вѣры. Вѣра не есть сборъ нѣсколькихъ отвлеченныхъ истинъ для разума, а живое убѣжденіе, проникающее все существо человѣка и неизбѣжно вплетающееся во всю его жизнь и дѣятельность. Какова вѣра человѣка, такова должна быть его и дѣятельность, такова и жизнь; и наоборотъ, такая или другая жизнь человѣка всегда имѣетъ неотразимое вліяніе на его вѣру. Не стѣсняя свободной дѣятельности человѣка слишкомъ дробными и мелочными предписаніями, больше убивающими, чѣмъ поддерживающими жизнь истинную, правая Вѣра даетъ однакожъ опредѣленныя правила благоповеденія человѣка и требуетъ, чтобы всѣ дѣйствія его были согласны съ духомъ Вѣры. Представимъ теперь, что, по какимъ бы то ни было причинамъ, жизнь дѣйствительная сложилась не по требованіямъ Евангелія, не по духу Вѣры: что тогда должно выйдти съ самою Вѣрою? Одно изъ двухъ—или она можетъ оставаться цѣлою и неприкосновенною, но будетъ не живымъ убѣжденіемъ человѣка, а мертвымъ бездушнымъ согласіемъ его на нѣкоторыя, не имѣющія жизни, положенія; или онъ постепенно извратитъ правую Вѣру по тѣмъ началамъ, по которымъ сложилась самая

жизнь, начавши, какъ показываетъ опытъ, съ произвольнаго выбора для себя однихъ предметовъ вѣрованія и оставленія или перетолкованія по своему другихъ, и кончая прямымъ отрицаніемъ всей Вѣры и открытымъ возстаніемъ на нее. И какъ нельзя сказать, чтобы дѣйствительная жизнь всѣхъ была согласна съ духомъ Вѣры, то что удивительнаго, если и между вѣрующими есть люди, не сочувствующіе правой Вѣрѣ, если для однихъ она представляется чѣмъ-то старымъ, отжившимъ свой вѣкъ, для другихъ — незанимательнымъ и неважнымъ; если, стѣсняя необузданные порывы воли, не желающей отказывать себѣ ни въ чемъ, она представляется нѣкоторымъ мѣшающею ихъ благополучію и мнимому счастію? Что удивительнаго, если такіе люди, судя по себѣ о цѣломъ обществѣ и составивши своеродныя понятія о счастіи, видятъ въ Вѣрѣ препону общественному благоденствію и развитію народнаго благосостоянія?...

Да не внимаемъ, братія, тлетворнымъ ученіямъ, предполагающимъ основать и утвердить благосостояніе царствъ и народовъ на какихъ бы то ни было началахъ, помимо Вѣры и благочестія. Да хранимъ твердо и непоколебимо Вѣру отцевъ нашихъ, какъ вѣрнѣйшій залогъ нашего благоденствія! *Велія слава* царя и царства *спасеніемъ* Господнимъ (Псал. 20, 6), говоритъ слово Божіе. А это спасеніе, эта помощь Божія и благословеніе отъ Господа, вѣнчающее всѣ человѣческія предпріятія благимъ успѣхомъ, зависитъ отъ святой Вѣры и благочестія. *Аще слухомъ послушаете гласа Господа Бога вашего, хранити и творити заповѣди Его, возлюбитъ тя Господь Богъ твой и дастъ тя выше всѣхъ языкъ земли, и пріидутъ на тя вся благословенія Его, и обрящутъ тя* (Второз. 28, 1. 2): вотъ старая, но не старѣющая истина. Аминь.

ХРИСТІАНСКАЯ ВСТРѢЧА

ЮНОСТИ СЪ СТАРОСТІЮ.

Юность и старость—два различныхъ возраста жизни человѣческой на землѣ, одинъ—первый, другой—послѣдній. Какъ въ жизни физической, такъ и въ жизни нравственной нельзя быть юношѣ старцемъ и старцу—юношей: правда, въ существѣ своемъ жизнь юности и старости одинакова, потому что и юноша и старецъ, оба—люди-христіане; но *характеръ проявленія* этой жизни весьма различенъ въ юности и старости, потому что юноша едва начинаетъ свое развитіе, а старецъ уже оканчиваетъ его (на землѣ). Различныя по характеру своей жизни, старость и юность существуютъ, однако, другъ подлѣ друга и не могутъ не встрѣчаться между собою въ нравственной жизни... Но какъ встрѣтятся онѣ между собою? Различаясь въ характерѣ своей жизни, юность и старость встрѣтятся ли непріязненно, или, можетъ быть, дружелюбно, при всемъ различіи своей жизни?—Евангеліе, изображающее жизнь Іисуса Христа, есть идеалъ жизни для христіанина какъ въ общихъ требованіяхъ этой жизни, такъ и въ многихъ частныхъ случаяхъ: въ Евангеліи же мы находимъ и высокій образецъ встрѣчи юности съ старостію, это—встрѣча Богомладенца Іисуса святыми Симеономъ и Анною, когда Онъ

принесенъ былъ во храмъ для посвященія Богу (Лук. 2, 25—38). Читая изображеніе этой встрѣчи у Евангелиста, нельзя не остановиться на ней съ любовію сердца. Въ самомъ дѣлѣ, какая истинно-прекрасная встрѣча! Глубоко престарѣлые Симеонъ и Анна не съ другими какими нибудь чувствами, а съ великою радостію встрѣчаютъ недавно-рожденнаго божественнаго Младенца, — Онъ служитъ для нихъ напутственнымъ утѣшеніемъ при предстоящемъ отходѣ ихъ изъ этой жизни въ будущую, и они въ пророческомъ восторгѣ говорятъ о величіи и славѣ судьбы, ожидающей Младенца въ мірѣ. О, если бы всегда такъ встрѣчалась юность съ старостію!....

Къ сожалѣнію, въ настоящее время, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда нибудь, вступающая въ жизнь юность съ какимъ-то недовѣріемъ смотритъ на старость, достигшую послѣдняго предѣла жизни человѣческой на землѣ. Юность обладаетъ полнотою силъ не только духовныхъ, но и тѣлесныхъ, и высказываетъ порывы къ жизни широкой и разнообразной; а старость болѣе или менѣе ослабѣваетъ въ своихъ силахъ и любитъ кругъ жизни, строго очерченный. Юность надѣется жить долго и сдѣлать многое, и любимое слово ея: «впередъ, впередъ!,» а старость уже и прожила, и сдѣлала свое, и ей желателенъ ходъ жизни спокойный, ровный, возможно-тихій. Не знающая жизни, не испытавшая неудачъ, юность вѣритъ въ осуществимость всего того, что ей хотѣлось бы сдѣлать, она сочувствуетъ всякимъ истинно или мнимо добрымъ начинаніямъ; а старость весьма осторожна въ своихъ рѣшеніяхъ и изъ многаго избираетъ немногое. Всѣ эти противорѣчія въ жизни юности и старости располагаютъ юность имѣть неблагопріятный взглядъ на старость, и въ устахъ юности старость нерѣдко назы-

вается *отсталою* въ жизни и въ самыхъ понятіяхъ о жизни. Но вполнѣ ли справедливъ этотъ взглядъ юности на старость? Эта сосредоточенность старости на одномъ опредѣленномъ занятіи, вопреки стремленіямъ юности къ многимъ и разнообразнымъ занятіямъ, не свидѣтельствуетъ ли о желаніи старости исполнять свое дѣло какъ должно, вполнѣ, отчетливо? Она старается о добросовѣстномъ выполненіи своихъ дѣлъ, а не о разнообразіи ихъ.—Эта склонность старости къ возможно-спокойному теченію жизни человѣческой, вопреки неудержимымъ стремленіямъ юности впередъ, не говоритъ ли о заботѣ старости избѣгать всякихъ насильственныхъ переворотовъ въ жизни, при которыхъ не могутъ избѣжать страданій многіе? Она желаетъ добра людямъ,—путемъ мира. Эта осторожность старости въ намѣреніяхъ и дѣлахъ, вопреки довѣряющей всему юности, не показываетъ ли желанія старости избѣгать ошибокъ и избирать одно несомнѣнно вѣрное? Она желаетъ вести людей къ добру путемъ несомнѣнной истины. А если все это такъ, а не иначе, бываетъ въ старости: то имѣетъ ли право юность называть старость отсталою, на томъ одномъ основаніи, что жизнь юности различна отъ жизни старости? Каждому, и юношѣ и старцу—своя жизнь, и одинъ исполняетъ свое, а другой свое дѣло; но тотъ и другой равно способны стремиться къ добру по мѣрѣ силъ своихъ.

Но если юность съ какимъ-то недовѣріемъ смотритъ на старость: то—будемъ справедливы—и старость съ какимъ-то предубѣжденіемъ смотритъ на юность. Старость, прошедшая жизнь опытомъ и видѣвшая въ ней не столько отраднаго, сколько печальнаго, смотритъ на жизнь взглядомъ болѣе или менѣе строгимъ, суровымъ, печальнымъ; а юности, надѣющейся на жизнь впереди,

эта жизнь улыбается, и юность радостно смотритъ на міръ Божій. Старость, привыкшая къ тѣмъ или другимъ порядкамъ жизни, не хочетъ разстаться съ ними и считаетъ ихъ годными и для другаго поколѣнія, какъ они годны были для нея; а юность жаждетъ новаго, перемѣнъ, улучшеній въ жизни, она хочетъ устроять жизнь по другимъ понятіямъ.. Старость, ослабѣвшая въ силахъ, не надѣется на себя и не довѣряетъ многимъ изъ предпріятій человѣческихъ; а юность, полная силъ и жизни, съ самоувѣренностію смотритъ на себя и считаетъ себя способною произвесть все, что представляется возможнымъ сдѣлать. Всѣ эти противорѣчія въ жизни старости и юности располагаютъ старость къ неблагопріятному взгляду на юность, и въ устахъ старости юность нерѣдко называется *легкомысленною* во взглядѣ на вещи. Но вполнѣ ли справедливъ этотъ взглядъ старости на юность? Радостный взглядъ юноши на жизнь не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что юноша смотритъ на жизнь съ лучшей стороны ея, которая дѣйствительно есть въ жизни? Не только многія блага жизни, но и самая жизнь есть уже величайшее благо, и радость такъ же законна въ жизни, какъ и печаль.—Стремленіе юноши къ перемѣнамъ въ жизни общественной не говоритъ ли о томъ, что юноша своимъ свѣжимъ чутьемъ понялъ несовершенства прошедшей жизни и прислушался къ современнымъ требованіямъ ея и, въ порывахъ любви къ человѣчеству, желаетъ сколько возможно болѣе добра людямъ? У жизни—свой ходъ; смѣняются ея дѣятели, а она все идетъ впередъ.—Увѣренность юности въ своихъ замыслахъ и предпріятіяхъ не показываетъ ли того, что у нея не только много силъ для дѣятельности, но и много любви къ дѣятельности? Время юности и есть время развитія силъ, и кто

много дѣлалъ въ юности, тотъ не будетъ раскаяваться въ этомъ въ другіе возрасты жизни человѣческой. А если все это такъ, а не иначе, бываетъ въ юности; то справедливо ли юность называть легкомысленною потому только, что она въ своей жизни различается отъ старости? Юность дѣйствуетъ такъ, какъ требуетъ природа ея, точно также, какъ и старость дѣйствуетъ по требованіямъ своей природы.

Однако же, если требованія юности и старости въ существѣ своемъ справедливы, и юность и старость поэтому не имѣютъ права *всегда* смотрѣть другъ на друга неблагопріятно; то юность и старость дѣйствительно впадаютъ *иногда* въ нѣкоторые недостатки, къ которымъ онѣ болѣе или менѣе склонны по характеру самой природы своей и которые подаютъ справедливый поводъ —старости укорять юность въ легкомысліи, а юности—укорять старость въ отсталости.....Кажется, съ этимъ должна согласиться и безпристрастная старость и безпристрастная юность. Очевидно, и юность и старость должны избѣгать своихъ недостатковъ, иначе онѣ никогда не будутъ смотрѣть другъ на друга съ самой лучшей стороны....Гдѣ же средства, которыя бы способствовали и юности и старости избѣгать свойственныхъ имъ недостатковъ и такимъ образомъ примиряли бы ихъ другъ съ другомъ, такъ что и юность и старость встрѣчались бы не съ взаимными подозрѣніями, а съ любовію и радостію?—Обратимся къ радостной встрѣчѣ Богомладенца Іисуса святыми Симеономъ и Анною и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ чертахъ встрѣчавшейся здѣсь юности съ старостію мы увидимъ прекрасное средство установлять миръ и любовь между юностію и старостію человѣческою вообще, именно: здѣсь встрѣчалась юность *невинная* и старость *благо-*

честивая. Божественный Младенецъ, встрѣченный престарѣлыми Симеономъ и Анною, былъ святѣйшій святыхъ; а о престарѣлыхъ Симеонѣ и Аннѣ говорится въ Евангеліи: Симеонъ *былъ мужъ праведный и благочестивый и Духъ Святый былъ на немъ*; Анна *не отходила отъ храма* Божія, *постомъ и молитвою служа Богу и день и ночь* (Лук. 2, 25. 37). Невинность юности и благочестіе старости, — вотъ что нужно для того, чтобы и старость и юность избѣгали своихъ недостатковъ и встрѣчали другъ друга съ любовію. Въ самомъ дѣлѣ, если юность будетъ заботиться о своей невинности, т. е. о томъ, чтобы и себя не запятнать никакимъ худымъ поступкомъ и другимъ не сдѣлать никакого оскорбленія; то при взглядѣ на эту свѣтлую юность можетъ ли не радоваться старость, которой особенно отраднымъ представляется прекрасное юности? Съ другой стороны, если и старость будетъ украшаться благочестіемъ, т. е. будетъ и сама дѣлать одно доброе и будетъ сочувствовать всякому благу другихъ; то можетъ ли безъ глубокаго благоговѣнія смотрѣть на нее юность, которая такъ мало потрудилась еще въ добрѣ и которой, можетъ быть, не достигнуть такой почтенной старости? О, если бы всегда украшалась юность невинностію, а старость благочестіемъ! Въ этомъ случаѣ, старость и юность не только радостно встрѣчали бы другъ друга, но и сознавали бы необходимость одна въ другой: одна предлагала бы свою опытность, пріобрѣтенную годами, а другая—обиліе живыхъ силъ, еще не растраченныхъ. И единодушными усиліями ихъ жизнь человѣчества пошла бы твердыми и быстрыми шагами по пути усовершенствованій... Отсталость и легкомысліе — недостатокъ старости и недостатокъ юности—не находили бы себѣ мѣста при этомъ ра-

зумномъ движенія: старость умѣряла бы излишніе порывы юности, а юность оживляла и поддерживала бы слабѣющую бодрость старости.

Наконецъ, не можемъ не обратить вниманія еще на одно обстоятельство встрѣчи Богомладенца Іисуса святыми Симеономъ и Анною, именно на то, что Богомладенецъ Іисусъ и святые Симеонъ и Анна встрѣтились во *храмѣ* Божіемъ (Лук. 2, 27. 27). Сюда—въ храмъ Божій—пусть чаще и чаще спѣшитъ и юность и старость, чтобы здѣсь осязательно убѣдиться, что всѣ мы—и юные, и старые—братья между собою о Христѣ и дѣти одного Отца Небеснаго. Здѣсь въ общей молитвѣ вѣрующихъ къ Отцу нашему, иже на небесѣхъ, исчезаетъ всякое разногласіе возрастовъ – человѣческое и земное. Здѣсь старости говорится: *если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное* (Матѳ. 18, 3); а юности внушается: *не будьте дѣтьми въ разумѣ, увлекаясь всякимъ вѣтромъ ученія* (1 Кор. 14, 20; Еѳ. 3, 14). Здѣсь чувствуется всѣми необходимость одной высшей помощи, которая и подается—юности для восполненія ея несовершенствъ, и старости—для укрѣпленія ея немощей. Словомъ, христіанскій храмъ, сосредоточившій въ себѣ всѣ требованія религіи христіанской, есть особенное мѣсто примиренія юности съ старостію.

І. Аѳанасій.

I.

БЕСѢДА

въ день обнародованія Высочайшаго Манифеста о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ быта ихъ, сказанная Преосвященнѣйшимъ Ниломъ Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ въ Крестовой Ярославскаго Архіерейскаго дома церкви въ недѣлю Православія 12 марта 1864 г.

Съ торжествомъ Православія срѣтается нынѣ у насъ другое торжество,—торжество возношенія благодарственныхъ и колѣнопреклонныхъ Господу Богу молитвъ о благоденствіи Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего Александра Николаевича, даровавшаго крѣпостнымъ людямъ права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей.

Сугубо-радостный праздникъ сей почтимъ, братіе, бесѣдою о томъ, сколь много Отечество и Вѣра обязаны за царскія милости и щедроты любвеобильному Государю Императору нашему и приснопамятнымъ Его Предшественникамъ.

Богохранимая Россія въ тысячелѣтній періодъ существованія своего много видѣла знаменій, проявляющихъ дивное о ней смотрѣніе Всевышняго; много преуспѣвала на пути шествія своего къ цѣлямъ нравственнаго совершенства и гражданскаго благоустроенія.

Земля наша велика, а порядка въ ней нѣтъ, говорили посланные просить Рюрика на царство. Въ словахъ сихъ выражается все значеніе древней Руси. Хаотическое не-

строеніе, безвѣріе, отсутствіе законовъ и правды, опредѣляя собою ея характеръ, оставляли, въ теченіе вѣковъ, за предками нашими слишкомъ непочетное названіе варвара и скиѳа.

Восшествіе перваго самодержца на престолъ было для Россіи восходомъ лучезарнаго свѣтила на ея горизонтѣ. Облегавшій ее мракъ началъ рѣдѣть, разъединенныя части пришли къ началу единства, народъ сознамъ свои силы, и скоро самъ Цареградъ дрогнулъ отъ оружія Россовъ.

Равноапостольный князь Владиміръ не остановился на развитіи матеріальныхъ силъ государства. Сознавая въ душѣ своей ту непреложную истину, что токмо на основаніяхъ Вѣры утверждается благоденствіе царствъ земныхъ, уподобился онъ упоминаемому въ Евангеліи купцу, ищущему *добрыхъ бисерей* (Матѳ. 13, 45).

Всюду искалъ онъ бисера Вѣры, и, обрѣтши его на востокѣ, апостольски ревновалъ объ озареніи сіяніемъ его державы своей.

Великъ и премудръ Государь, оказавшій такую услугу народу своему. Имя его благословенно во вѣки! Но мудръ и народъ, умѣвшій внять гласу благовѣстника, исполнившій, съ душевною готовностію, волю Самодержца.

Аще не бы добръ былъ законъ греческій, то бы князь и бояре не приняли его ([1]). Такъ разсуждая, отцы наши съ радостію спѣшили къ водамъ Днѣпра и Почайны для принятія св. Крещенія, для озаренія свѣтомъ благодати Христовой.

Раздѣленіе Россіи на удѣлы было съ одной стороны данію духу вѣка, подъ вліяніемъ котораго совершилось

([1]) Лѣтоп. Рус. Изд. Львова стр. 120.

оное; съ другой — необходимымъ для юнаго народа урокомъ, — урокомъ, который чѣмъ больше занимаетъ кровавыхъ въ исторіи страницъ, тѣмъ сильнѣе обличаетъ зловредность поліархіи, тѣмъ яснѣе даетъ видѣть истину древняго изреченія: *всепагубно правленіе многихъ; да будетъ единъ царь!*

Для насъ, умудренныхъ вѣковыми испытаніями, или, какъ Апостолъ выражается: *питаемыхъ словесы вѣры и добрымъ ученіемъ* (1. Тим. 4, 6), для насъ истина сія свѣтлѣе солнца.

Но и не легко было привить ее къ древу народному, среди мрачнаго невѣжества, при ярыхъ буряхъ самолюбія и тщеславія.

Димитрій Донской, Василій и Іоаннъ умѣли ослабить, устранить препоны сіи и положить краеугольный камень единодержавству. Съ тѣхъ поръ Россія орлинымъ, можно сказать, полетомъ стала возноситься на высоту славы. Враги ея облеклись студомъ, на ней же процвѣла святыня Господня. Народы чуждые притекли подъ сѣнь законовъ ея, и царства стократъ опирались на ея незыблемой твердынѣ.

Въ вѣкъ Петра I-го Россія, по могуществу своему, занимала почетное между державами Европы мѣсто. Но ей не доставало цивилизаціи, не доставало тѣхъ качествъ, которыми обусловливается характеръ государствъ образованныхъ. И геній Монарха не затруднился открыть для Московіи дверь въ Европу.

По манію великаго Монарха, науки и художества потекли къ намъ изо всѣхъ образованныхъ странъ. А по мѣрѣ ихъ притока, нравы естественно стали смягчаться; богатство народное возрасло, и всѣ сословія, ощутивъ

благотворность Монаршихъ попеченій, единомысленно нарекли Его Отцемъ отечества.

Екатерина вторая, шедшая по стопамъ Петра Великаго, упрочивая и довершая начинанія Его, обращала истинно-матернее вниманіе и на судьбу бѣднѣйшаго класса людей, на судьбу тѣхъ, къ которымъ вполнѣ прилагаются слова пророческія: *людіе мои, приставницы ваши пожинають васъ, и истязующіе обладають вами* (Ис. 3, 12)!

Монархиня, въ духѣ милосердія, въ цѣляхъ ослабленія тяжести отношеній между обладающими и обладаемыми, изгладила рабство изъ книги отечественныхъ законовъ. Была бы, конечно, изглажена Ею и самая память о рабствѣ, если бы духъ тогдашняго вѣка, — духъ слѣпаго эгоизма и ненасытной алчности, не полагалъ собою неодолимыхъ въ дѣлѣ семъ препятствій.

Токмо православная Церковь и ея пастыри явились превыше всѣхъ житейскихъ разчетовъ, принесши на алтарь отечества такую жертву, каковая только требовалась отъ нихъ.

Но для сыновъ вѣка сего была она превыше силъ, не по мысли и не по сердцу ихъ. А потому спасительнаго юбилея пришлось ожидать цѣлое столѣтіе.

Въ теченіи цѣлаго столѣтія оставалось какбы въ обѣтованіи восшествіе на тронъ Россійскія Державы Монарха, подобнаго тому, о которомъ, болѣе чѣмъ за сто до рожденія его годовъ, изрекъ Богъ устами пророка Исаіи: *Азъ возставихъ его съ правдою царя, и вси путіе его правы. Сей созиждетъ градъ мой, и плѣненіе людей моихъ возвратитъ, не по мздѣ, ни по дарамъ* (Ис. 45, 13).

Достигнувъ въ рѣчи своей этой славной эпохи, — эпохи, вѣнчающей собою рядъ великихъ событій, которыми

обязана Россія Самодержцамъ своимъ, и которыми возвеличена она, — могли бы мы изобразить и представить свѣто-тѣни отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ; могли бы указать на факты и засвидѣтельствовать непреложность ихъ предъ Богомъ и Церковію.

Но не время для такихъ отвлеченій, когда насталъ уже день, котораго цѣлые ряды поколѣній желали видѣть, и не видѣли; когда слышится Державный глаголъ, радостію исполняющій землю Русскую, вносящій вѣрную надежду и отраду даже въ тѣ сердца, для которыхъ будто не существовали эти дары неба.

Итакъ, да исполнятся днесь уста наша хваленія твоего, Господи, яко да воспоемъ славу твою и славу Помазанника Твоего, ущедряющаго насъ, якоже щедритъ отецъ сыны!

Знаю, однакоже, что малодушныхъ и нетерпѣливыхъ озабочиваетъ та мысль, что Всемилостивѣйше даруемыя крестьянамъ новыя права и льготы не вдругъ приходятъ къ нимъ, а придутъ и усвоятся лишь по времени. Имъ хотѣлось бы однимъ разомъ переиначить свой бытъ и всѣ отношенія свои.

Ежели въ числѣ предстоящихъ здѣсь находится кто либо, занятый подобною мыслію, то въ успокоеніе его полезнымъ нахожу прибавить въ рѣчи своей еще нѣсколько словъ.

Каждый благоразумный человѣкъ скажетъ, что настоящее дѣло не есть дѣло рядовое, обычное, удоборѣшимое, какъ говорятъ иногда, однимъ почеркомъ пера. Нѣтъ, дѣло это чрезвычайное. Здравый и свѣтлый умъ, сознавая колоссальность дѣла сего, можно сказать, цѣпенѣетъ. Ибо все здѣсь поразительно,—и сущность вещи, и объемъ, и цѣль.

По существу своему, дѣло это требуетъ отмѣны крѣпостнаго права на крестьянъ, права укорененнаго вѣками, закономъ и обычаями. По объему своему, оно чуть не равняется объему цѣлаго Государства. Ибо нѣтъ почти губерніи, гдѣ бы не было помѣщиковъ и помѣщичьихъ крестьянъ. А общее число тѣхъ и другихъ даетъ изумительную цифру, восходящую съ одной стороны до сотенъ тысячь, съ другой—до двадцати трехъ милліоновъ. По цѣли своей, клонится къ устраненію всякаго отяготительнаго произвола въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, къ доставленію крестьянамъ способовъ къ улучшенію ихъ быта, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы благосостояніе помѣщиковъ охранено было, какъ требуетъ того законъ справедливости.

Все это и больше должно совершиться и войдти въ силу государственнаго закона не на время, а на вѣкъ; не для настоящаго только поколѣнія, но и для всѣхъ грядущихъ; не въ одной ярославской, но въ пятидесяти губерніяхъ, раскинутыхъ отъ моря до моря, и отъ юнецъ до конецъ земли. Ибо извѣстно, что Господь по преимуществу благословилъ царство Русское, яко Сима, и разширилъ его, якоже Іафета.

Посуди-же, православный народъ, есть ли въ мірѣ человѣкъ, который могъ бы столь обширное, разнообразное и многостороннее дѣло, безъ дальнихъ такъ сказать разсужденій, обнять, измѣрить, изчислить, опредѣлить и наконецъ, воздавъ каждому должное, порѣшить во славу Божію, на пользу православнаго народа;—есть ли, опять спрошу, въ мірѣ человѣкъ могущій это сдѣлать? Отвѣчаю: нѣтъ его, не было и не будетъ.

Одинъ Богъ не имѣетъ нужды во времени. Ибо умъ Его всеобъемлющій, сила Его всемогущая, Онъ вездѣ-

сущъ, все видитъ и все знаетъ. А потому и творитъ единымъ словомъ своимъ вся, елика хощетъ.

Люди же, какъ существа немощію обложенныя, не могутъ ничего важнаго произвесть безъ терпѣливаго и тщательнаго обсужденія, а и того горше безъ средствъ. Средства же, какъ извѣстно, не сами приходятъ, а изыскиваются временемъ.

Посему-то и сказалъ премудрый Соломонъ: *всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ*. (Еккл. 3, 1.).

И въ настоящее время, когда свышевдохновенный Царь, возжелавшій привести милліоны отъ народа своего къ жизни новой, когда изъ устъ его, яко изъ устъ Іезекіиля, слышится глаголъ Господень: *се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть и простру по вамъ кожу и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь* (Іез. 37, 5—6); когда рукою Его, яко иногда Моисеевою, изводится народъ изъ дому неволи, и вводится, якоже Навиномъ, въ землю обѣтованную; то условія времени суть необходимое врачевство. Тысячи уроковъ въ этомъ убѣждаютъ.

Не безъ довольной конечно причины, сорокъ лѣтъ странствовалъ въ пустынѣ изведенный изъ Египта Израиль, прежде, нежели вошелъ въ землю, *о ней же клятся Богъ отцемъ ихъ* (Быт. 50, 24); не безъ причины семдесятъ лѣтъ длилось плѣненіе вавилонское, пока наконецъ огласился Сіонъ пѣснію Господнею, и стали созидаться стѣны Іерусалима.

Огненная, многолѣтная пещь искушеній послужила къ очищенію народа, къ утвержденію въ уповаціи на Бога жива и истинна.

Утверждайтесь, братіе, и вы въ семъ же упованіи:

упованіе не посрамитъ (Рим. 5, 5). Мѣрою, еюже пріемлете дары, возмѣрите ваши добрыя дѣла, вѣрноподданическія чувства и самое радѣніе о пользѣ общей и частной, о долгѣ и отношеніяхъ вашихъ. Ибо *малъ квасъ все смѣшеніе квасимъ* (1 Кор. 5, 6), — малое уклоненіе отъ долга и порядка къ тяжкимъ ведетъ паденіямъ.

Не полагаясь много на себя, ищите совѣта у честныхъ и благоразумныхъ людей. Таковыхъ *устнѣ каплютъ благодати* (Притч. 10, 32), а совѣтъ ихъ *спасеніе и разумъ и живота источникъ* (Притч. 9, 10. 11, 14. Сир. 21, 16).

Паче же не вдавайтесь въ вѣру злокозненнымъ льстецамъ. Они на языкѣ своемъ носятъ медъ, а въ сердцѣ смертоносный ядъ, и, какъ сказалъ самъ Господь, приходятъ *въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Мѳ. 7, 15).

Соблюдая сіи и подобныя правила жизни, ревнуя о точномъ, добросовѣстномъ исполненіи законовъ Божіихъ и царскихъ и уже озаряемы будучи благодатнымъ свѣтомъ взошедшей отъ престола Царева денницы, скоро увидимъ мы и все велелѣпіе дня и *лѣта Господня пріятна* (Лук. 4, 19). Они грядутъ къ намъ и не закоснятъ; и пришествіемъ ихъ, *яко о всякомъ богатствѣ* (Псал. 118, 14) насладимся въ веселіи тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе оправдаемъ о себѣ чаяніе Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, и явимся достойными Его отеческихъ милостей и щедротъ.

Тебѣ же, Боже отецъ нашихъ, Боже всякаго милосердія, молимся во умиленіи душъ нашихъ: приложи дни на дни Цареви нашему, даждь крѣпость Ему и благослови люди Его миромъ. Аминь.

РѢЧЬ

по прочтеніи Высочайшаго Манифеста о Всемилостивѣйшемъ дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта, сказанная преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, въ каѳедральномъ соборѣ 11 марта 1861 г.

О всемъ благодарите. 1 Сол. 5, 18.

Если, по слову св. Апостола, мы должны *благодарить о всемъ*, чтó бы съ нами ни случилось добраго или худаго: то какъ же, братіе, не благодарить намъ нынѣ, когда съ высоты Царскаго престола къ намъ раздался такой сладостнѣйшій гласъ, полный любви и милости? Нынѣ предъ нами совершается одно изъ величайшихъ и благодѣтельнѣйшихъ событій, какія когда либо совершались въ предѣлахъ земли русской. Почти цѣлая треть исполинскаго населенія Россіи пріемлетъ новый, лучшій жребій изъ рукъ своего Благочестивѣйшаго Государя. Около 23 милліоновъ (легко сказать!), около 23 милліоновъ нашихъ соотечественниковъ получаютъ новыя гражданскія права и какбы новую жизнь. А съ тѣмъ вмѣстѣ и для всего нашего отечества открывается новый, обширнѣйшій путь къ раскрытію его силъ и средствъ и къ всестороннему, всѣхъ объемлющему образованію, усовершенствованіямъ, благоденствію и славѣ. Мысль изнемогаетъ, усиливаясь обнять всю громадность событія, котораго мы видимъ одно начало. Только потомки, дальніе потомки въ состояніи будутъ измѣрить полное значеніе этого событія и, конечно, запишутъ его, какъ

самую яркую эпоху, на страницахъ русской исторіи. Пусть не всѣхъ насъ непосредственно касается оно, а отъ нѣкоторыхъ потребуетъ даже, быть можетъ, и не малыхъ жертвъ. Но, во имя отечества, во имя человѣчества, во имя христіанства, предъ которыми должны умолкнуть всѣ наши личные расчеты и частные интересы, можемъ ли мы, сыны Россіи, всѣ до единаго не сочувствовать вполнѣ этимъ милліонамъ нашихъ согражданъ, которые равны намъ и по природѣ и по вѣрѣ, а теперь приравниваются намъ по правамъ гражданскимъ? Ихъ участь неразрывно связана съ нашею и неотразимо отзовется въ судьбѣ всего отечественнаго края.

Да вознесутся же наши благодарныя сердца, прежде всего, къ престолу Вседержителя, который даровалъ намъ такого добраго, благодушнаго, многопопечительнаго Монарха и постоянно согрѣваетъ сердце Его любовію къ подданнымъ, который возбудилъ въ душѣ Его святое намѣреніе и неугасимую заботу объ улучшеніи быта цѣлаго огромнѣйшаго класса крѣпостныхъ поселянъ и умудрилъ, подкрѣпилъ Его своею всемощною благодатію совершить этотъ необыкновенный подвигъ Его царственнаго служенія.

Благодарность, отъ лица всей земли русской благодарность, въ роды родовъ благодарность и Тебѣ, Помазанникъ Божій, Отецъ отечества, какъ всего приличнѣе мы въ правѣ называть Тебя нынѣ послѣ новаго, безпримѣрнаго доказательства Твоей отеческой любви къ намъ и заботливости о насъ! Знаемъ и не перестанемъ помнить, что, кромѣ искреннихъ благожеланій Тебѣ, кромѣ теплыхъ молитвъ о Тебѣ и о всемъ Твоемъ Августѣйшемъ Домѣ, мы можемъ и должны воздавать Тебѣ еще тѣмъ, если, какъ дѣти, будемъ любить Тебя, со-

чувствовать Твоимъ благимъ намѣреніямъ о насъ, повиноваться всѣмъ Твоимъ постановленіямъ и ревностно, добросовѣстно будемъ проходить, каждый, обязанности своего званія ко благу нашего общаго отечества.

Вы особенно, наши братья, на кого непосредственно излилась нынѣ милость Царская, умѣйте понять эту чрезвычайную милость, умѣйте оцѣнить ее и достойно возблагодарить Помазанника Божія своимъ добрымъ поведеніемъ и повиновеніемъ Его священной власти. Все, что можно было сдѣлать для улучшенія вашего быта, сдѣлано согласно съ закономъ любви и правды: будьте жъ довольны своею новою участію и не домогайтесь большаго, чего не указала вамъ Монаршая воля. Вамъ дарованы теперь новыя права и льготы; но чрезъ то самое на васъ возложены и новыя обязанности: старайтесь же исполнять ихъ со всею ревностію. Если и прежде вы трудились и работали: то теперь трудитесь и работайте еще усерднѣе. Если и прежде вы *воздавали всѣмъ должная, емуже убо урокъ урокъ, а емуже дань дань* (Рим. 13, 7): то теперь еще добросовѣстнѣе несите всѣ законныя повинности, еще не уклончивѣе платите опредѣленныя подати и оброки. Если и прежде вы повиновались начальствамъ, отъ Царя постановленнымъ надъ вами, и своимъ господамъ: то особенно теперь покажите свое повиновеніе имъ согласно Высочайшей волѣ, выраженной вамъ въ Манифестѣ. Иначе, чѣмъ же вы засвидѣтельствуете, что глубоко чувствуете новую милость къ вамъ Благочестивѣйшаго Государя? Чѣмъ оправдаете Его отеческія попеченія о васъ? И только при вашемъ усиленномъ трудолюбіи, при вашей исправности въ платежѣ государственныхъ податей и оброковъ, при вашемъ всецѣломъ повиновеніи начальству, вы дѣйстви-

тельно будете способствовать какъ улучшенію вашего собственнаго быта, такъ и благу всего нашего отечества.

Господи Боже, Благодателю нашъ! Призри съ небеси и благослови великое дѣло, совершившееся на землѣ Русской, да принесетъ оно самые вожделѣнные и сладостнѣйшіе плоды для всѣхъ насъ,—сыновъ Россіи, и да возрадуется, при видѣ этихъ плодовъ, доброе сердце Помазанника Твоего, Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича. Аминь.

ЯДЪ ГРѢХА.

Ими же кто согрѣшаетъ, сими и мучится. Прем. Солом. 11, 17.

Есть одно явленіе, обнаруживающееся во всѣхъ отношеніяхъ жизни и возводящее вѣру въ высокое правосудіе Божіе на степень яснаго созерцанія. Объ этомъ-то явленіи говоритъ приведенное мѣсто слова Божія. Имя ему—ядъ, казнь или проклятіе грѣха.

Присмотритесь внимательнѣе къ порядку вещей нравственнаго міра, и вы замѣтите, что въ немъ господствуетъ совершенно такая-же естественность, какъ и въ чувственной области творенія,—въ видимой природѣ: таже сообразность стремленій съ цѣлями; таже вѣрность самимъ себѣ въ правилахъ; таже неизмѣнность въ законахъ. Обыкновенное мнѣніе—плодъ страстей человѣческихъ—представляющее власть вѣчнаго Судіи такъ, какъ будто-бы откуда-то издалека, такъ сказать, искуственнымъ образомъ распространяется отъ Него наказаніе на душу, преданную грѣхамъ,—это мнѣніе, котораго источникъ понять не трудно, при разумномъ взглядѣ на вещи, всегда уступитъ мѣсто той мысли, что наказаніе не столько слѣдуетъ за грѣхомъ, сколько вытекаетъ изъ грѣха, какъ его совершенно-неизбѣжное зло или, что, по выраженію Премудраго, всякій *чѣмъ согрѣшаетъ, тѣмъ же и мучится*. Это сущая правда.

Бо́льшая часть людей привыкла смотрѣть на бѣдствія жизни, какъ на испытаніе, посылаемое свыше, и это въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно справедливо. Остережемся однакоже все изъяснять такою мыслію: право-

судіе и благость Божія вовсе не такъ раздѣлены между собою въ Существѣ Высочайшемъ, какъ раздѣляетъ ихъ ограниченность нашихъ умопредставленій; онѣ всегда соединены между собою, какъ неразлучныя чада единаго совершенства, именуемаго святостію.

Какъ упражненіе въ добродѣтели уже само по себѣ составляетъ блаженную награду, такъ и изъ грѣха непосредственно возникаетъ свойственное ему наказаніе. Его могутъ иногда не примѣчать посторонніе свидѣтели нашихъ бѣдствій; но отвергать, какъ ихъ причину, не могутъ. Онъ можетъ принимать самые разнообразные виды; но ужасное, губительное существо его остается неизмѣннымъ. Пріятенъ ли бываетъ или горекъ тотъ ядъ, которымъ онъ разрушаетъ природу духа, но смертоносная сила его всегда одна. Обольщаетъ ли онъ насъ своею временною сладостію, или неотразимо привлекаетъ даже при видимыхъ всѣмъ гнусныхъ своихъ свойствахъ: въ обоихъ случаяхъ онъ полагаетъ на насъ тотже оброкъ — смерть: *грѣхъ содѣянъ раждаетъ смерть* (Іак. 1, 15). Горе несчастному, который, по слову Писанія, *пленицами своихъ грѣховъ затязается* (Прит. Сол. 5, 22). Какъ бы ни было широко поприще, которое предоставляетъ грѣхъ своимъ плѣнникамъ, какъ бы ни была далеко вокругъ ихъ раскинута его сѣть погибели, — они всегда остаются уловленными и опутанными, подобно тому, кого крѣпко обвившійся змѣй лишилъ дыханія и движенія. Да, кто попалъ на струю порока, тотъ навѣрное попадетъ въ бездну, хотя бы въ волнахъ постоянно отражался свѣтъ солнца, хотя бы теченіе несчастнаго пловца шло среди цвѣтущихъ окрестностей. Никто не завидуй съ безразсудствомъ нечестивому въ его счастіи. Никто не желай себѣ побѣдной до-

бычи, попадающей въ руки неправды. Никто не домагайся быть на мѣстѣ развращеннаго богача, окруженнаго всякимъ обиліемъ и веселящагося по вся дни свѣтло. Каждый вѣстникъ счастія, посѣщающій домъ нечестивца, скоро, иногда очень скоро является въ своемъ истинномъ видѣ; является онъ какъ духъ отмститель, котораго удары хозяину дома тяжки и ужасны, хотя и наносятся бичемъ позлащеннымъ. Ахъ, мы слишкомъ легко ослѣпляемся блестящимъ покровомъ и не думаемъ, какія пытки онъ прикрываетъ; нашъ глазъ любитъ слишкомъ долго останавливаться на изукрашенной внѣшности, а о томъ, какія безобразіе и нечистота подъ нею, мы не помышляемъ. Не много людей, выдающихъ себя за то, что они на самомъ дѣлѣ; и особенно тѣ люди, которые опутаны увлекательными узами грѣха, если они еще не достигли крайней степени развращенія, обладаютъ, часто въ изумительной степени, искуствомъ лицемѣрія. Но, если имъ случается обманывать поверхностнаго наблюдателя, проницательнаго они не обманутъ! Кто своимъ развитымъ умомъ умѣетъ понимать тайны души и ея жизни, кто умѣетъ слышать самые тихіе удары больнаго сердца, тотъ легко замѣчаетъ, какіе острые камни, холмы и тернія сокрыты подъ этимъ путемъ *грѣшниковъ и гобзующихъ въ вѣкъ* (Псал. 72, 12), по видимому, гладкимъ и усѣяннымъ цвѣтами; сколько терзаній и бури подъ этимъ спокойствіемъ, сколько горечи и трудно скрываемыхъ слезъ подъ нескрываемымъ смѣхомъ, сколько безвыходнаго чувства неисправимыхъ ошибокъ подъ кажущимися успѣхами, внушающими зависть; сколько лишеній и чужаго добра подъ роскошью; какъ эта жизнь, однажды сбившаяся съ пути благороднаго и прямаго, напрасно усиливается достигнуть истиннаго мира и прочнаго счастія,

течетъ ли она медлѐнно или шумитъ и бурно несется. Положеніе тяжелое и печальное!

Чтó сказано о грѣхѣ вообще, то можно примѣнить и въ частности къ каждому роду грѣховъ: величайшее изъ золъ есть грѣхъ. Какими бы блестящими основаніями ни старался успокоить себя грѣшникъ въ своемъ легкомысліи, къ какимъ бы пособіямъ лжи ни прибѣгалъ онъ въ своемъ заблужденіи, о какомъ бы выходѣ изъ своего положенія ни помышлялъ онъ въ страхѣ, какой бы опоры ни искалъ при безсиліи,—всегда пребудетъ несомнѣнною, какъ несомнѣнно то, что небо распростерто надъ нашими головами или что земля подъ ногами нашими, несомнѣнною эта истина: порядокъ міроправленія Божія святый и дивный никогда не будетъ поруганъ безнаказанно! Но при этомъ тяжеломъ и горестномъ сознаніи, остается ли намъ какое утѣшеніе, какая нибудь надежда? Ибо кто можетъ утверждать о себѣ, что онъ никогда не шелъ противъ этого порядка? Кто, съ спокойствіемъ совѣсти и вѣрностію истинѣ, скажетъ, что грѣхъ остался безъ вліянія на жизнь его? Мы всѣ до одного грѣшники.... Впрочемъ не станемъ унывать. Если будемъ усердны въ вѣрѣ и благочестіи, со страхомъ и трепетомъ содѣвая свое спасеніе, то и жребій нашъ будетъ самый счастливый.

Обратимся къ Тому, Кто Единъ есть Избавитель нашъ отъ тлетворнаго яда и клятвы грѣха, въ Комъ явилась благодать Божія спасительная, неистощимо богатая. У Него все: спасеніе, жизнь и блаженство. Взыщемъ Его, и Онъ уврачуетъ, упокоитъ и спасетъ насъ!

Азъ есмь путь и истина и животъ (Іоанн. 14, 6).

Обратитеся ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ (Зах. 3, 1).

ПОСЛѢДОВАНІЕ СВЯТЫХЪ И СПАСИТЕЛЬНЫХЪ СТРАСТЕЙ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Св. Церковь, услаждая шествіе чадъ своихъ по тѣсному пути святой и богоподобной жизни, между прочимъ, чрезъ изображеніе предъ ними въ свѣтлыхъ празднествахъ свѣтлой стороны Креста Христова, не оставляетъ безъ вниманія и другой—мрачной стороны его, тяжелой для сердца вѣрующихъ. Но самое торжественно-плачевное преднаписаніе Креста уничиженнаго прекрасно сближается Церковію съ самымъ торжественнымъ и всерадостнѣйшимъ изображеніемъ Креста побѣдоноснаго!... Уже вѣрующіе протекли покаянное поприще св. четыредесятницы въ надеждѣ неосужденно достигнуть и поклониться св. воскресенію: еще мало,—и возсіяетъ предъ ними слава Іисуса Христа, побѣдителя смерти. Въ это-то время Церковь, какбы съ особенною ревностію *очищая* чадъ своихъ отъ *всякія скверны плоти и духа*, дабы они достойно узрѣли Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, отымаетъ отъ очію ихъ всякую радость и, подобно Апостолу, *не судитъ* имъ ничего *вѣдѣти*, *точію Іисуса Христа*, *и сего распята* (1 Кор. 2, 2). Во св. и великій пятокъ, преимущественно же

на первомъ его богослуженіи, она съ особенною силою *преднаписуетъ* намъ *распятіе* Господа (Гал. 3, 1), и эту печальную картину изображаетъ въ чертахъ особенно разительныхъ. И прежде всего, какой скорби исполненъ, какимъ страданіемъ запечатлѣнъ видъ самой Церкви-изобразительницы! Это уже не *царица, въ ризы позлащенныя одѣянная* (Псал. 44), не невѣста, срѣтающая Жениха своего, *добрая какъ луна, избранная какъ солнце* (Пѣснь П. 6, 9). Къ чему великолѣпіе одеждъ и веселіе неблаговременное! Нѣтъ; это — дѣва, у которой отнятъ Женихъ, ея душа и источникъ жизни, отнятъ, сокрытъ отъ земли *прекраснѣйшій паче сыновъ человѣческихъ* (Пс. 44, 3), сокрытъ нечестивыми, не оцѣнившими Его, не узнавшими своего Зиждителя, и Законоположника вмѣнившими со беззаконными!!... Не сомкнуты уста ея, но одна—рѣчь ихъ, прерываемая рыданіями: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ* (Іер. 9, 1)? Въ ней слышится скорбь, подобная печали Іакова и Давида о потерѣ самыхъ любезныхъ ихъ сердцу (Быт. 37, 34; 2 Цар. 18, 33), и скорбь о торжествѣ неправдъ человѣческихъ; и всѣ ея чтенія, пѣнія, псалмы и духовныя пѣсни сливаются въ одно грустное воззваніе къ покаянію, обращенное къ вѣрующимъ.

«Востани, какбы такъ взываетъ теперь Церковь къ нашей душѣ, востани отъ долгаго сна грѣховнаго, пріиди сюда и стань на позорищѣ святыхъ и спасительныхъ страстей твоего Господа! Въ сихъ поучайся глубинѣ бездны грѣховной и трудности избавленія отъ нея; въ сихъ пребывай сокрушеніемъ сердечнымъ и духомъ самоотверженія; въ сихъ разумѣвай, *елика сотвори тебѣ Богъ, да не горше ти что будетъ!*»

Священныя моленія вѣрныхъ предначинаетъ тропарь

великаго четверга: «егда славніи ученицы на умовеніи вечери просвѣщахуся», служащій какбы введеніемъ въ повѣсть страданій Спасителя: его пѣніе — медленно и сладкогласно, чтобы вѣрные, по возможности, вошли духомъ своимъ въ духъ всего богослуженія и уже заранѣе знали о дѣйствователяхъ плачевной исторіи, о побужденіяхъ и характерѣ предателя, судей-распинателей и Божественнаго Страдальца.

Едва кончилось пѣніе, исполнившее вѣрныхъ тою-же скорбію, какою полны были души учениковъ Христовыхъ при вѣсти о предателѣ (Іоан. 13, 23 и д.), настоятель Церкви, въ священномъ облаченіи, приличномъ дню сокрушенія, иногда сопровождаемый цѣлымъ сонмомъ священно-служителей, износитъ на среду храма св. Евангеліе, и тамъ, какбы отъ лица самого Спасителя, обращаетъ къ вѣрующимъ умилительную и трогательную бесѣду (13, 31—18, 1), которою Онъ утѣшалъ учениковъ своихъ, *грядый на вольное страданіе*. Сколько божественной мудрости утѣшенія заключено въ этихъ предсмертныхъ словахъ Искупителя! Какою любовію, по истинѣ, свойственною только Іисусу, Учителю любви, оживлены они! И, еще прежде того, какая въ нихъ скорбь объ ученикахъ, оставляемыхъ, и какая ревность объ участи святаго дѣла, скорбь и ревность глубокая и сосредоточенная, для которой не было Симона Киринейскаго, потому что даже приближенные, даже избранные Божественнаго Страдальца не могли еще вмѣстить всего слова крестнаго и сами нуждались въ утѣшеніи, будучи скорбны и смущены!... Приближался конецъ трехлѣтнему уничиженному пребыванію на землѣ Бога съ человѣками: надлежало возвратиться Ему къ Отцу Небесному, воспріять славу, которую Онъ имѣлъ прежде сложенія

міра, до исполненія же времени поручить дѣло устроенія Церкви возлюбленнымъ ученикамъ. Но эти ученики были еще слабы: по превратному понятію о Мессіи, легко могли соблазниться видомъ креста Его; по обыкновенной человѣческой немощи, могли ослабѣть подъ крестомъ собственнымъ, съ которымъ должны были идти въ мірѣ, какъ шелъ ихъ Подвигоположникъ; по неопытности и нетвердости въ вещахъ божественныхъ, скоро могли потерпѣть кораблекрушеніе въ своей ревности по Богѣ, лишившись, съ Господомъ, и Его дѣйственнаго примѣра, и Его постоянной бдительности и сильныхъ увѣщаній. А между тѣмъ, это *малое стадо* назначалось привести всю вселенную къ доброму Пастырю: потеря и одной овцы изъ него (Іуды) была болѣзненна для Спасителя міра! А между тѣмъ, *сатана просилъ* Господа, *дабы сѣялъ* всѣхъ учениковъ—слабыхъ и неопытныхъ—*яко пшеницу* (Лук. 22, 31): духъ злобы, конечно, не перестанетъ дѣйствовать къ погибели учениковъ съ тѣмъ искусствомъ, которое пріобрѣлъ болѣе нежели пятитысячелѣтнею опытностію!... Какъ же не скорбѣть при этомъ Господу за учениковъ! Какъ не скорбѣть Ему еще и отъ той великой скорби, которой имѣли подвергнуться ученики, разлучившись съ Нимъ послѣ трехлѣтней, самой нѣжной дружбы! Они и теперь не молвятъ съ Нимъ и единаго слова, потому что *скорбь исполни сердца ихъ* (Іоан. 16, 5): что же будетъ тогда?!... Но Господь забываетъ свою печаль, чтобы утѣшить другихъ скорбящихъ! И невольно благоговѣешь предъ этою мудростію и любовію, съ которою душа Его изливается въ слово, утѣшающее скорбныхъ и укрѣпляющее немощныхъ! Здѣсь во всей силѣ открываешь и высочайшее повиновеніе Сына Отцу, и плоды крестныхъ страданій, и непости-

живую любовь Божію къ человѣческому роду; здѣсь получаешь и силу къ перенесенію страданій отъ міра, зная, что ими достигается царство, которое не отъ міра. Здѣсь постигаешь тайну, которая столь важна была для апостоловъ и для всѣхъ послѣдователей Господа,—тайну сохраненія себя и св. вѣры среди всѣхъ бѣдъ и напастей: это—заповѣдь о *любви взаимной;* здѣсь же слышишь и сладостныя обѣтованія о Духѣ-Утѣшителѣ, о небесныхъ обителяхъ, о вѣчномъ пребываніи Отца и Сына съ учениками, о возвращеніи Его къ нимъ.... Пламенная и возвышенная молитва къ Богу Отцу, заключающая бесѣду, лучше всего свидѣтельствуетъ о состояніи духа Господа Іисуса въ эти минуты. Безъ послѣдней бесѣды Господа сказаніе о страстяхъ Его было бы не ясно и лишилось бы важнѣйшей своей части; она есть *завѣтъ страстей Христовыхъ*, по прекрасному выраженію Церкви!... И какъ прилична она состоянію вѣрующихъ, которыхъ надобно и успокоить, чтобы, видя Страждущаго, не сказали: гдѣ же надежда наша? — и въ тоже время возбудить къ глубокой скорби не о Грядущемъ къ вольному страданію, а о себѣ и о грѣхахъ своихъ!...

Кончилъ Учитель страдальческое слово, и оскорбѣли ученики Его! Но всѣ ли? Ахъ! Одинъ уже оставилъ ихъ собраніе, чтобы творить дѣло погибели; Іуда уже совѣщался съ спирою, и идетъ, во главѣ ея, предать кровь неповинную. Наступилъ часъ, тотъ самый, для котораго Господь снисшелъ на землю, часъ безславія, поношенія, уничиженія для Сына Божія, непостижимый для всѣхъ силъ небесныхъ, спасительный для человѣковъ!... Недоумѣваешь, читая сказаніе объ Исаакѣ, приносимомъ въ жертву, до того мѣста, гдѣ Ангелъ удерживаетъ руку,

не щадящую сына. Но здѣсь — болѣе Авраама и болѣе Исаака! Здѣсь жертвоприношеніе должно окончиться, — всесожженіе совершиться самымъ дѣломъ; здѣсь нѣтъ овчати вмѣсто Іисуса, нѣтъ гласа, останавливающаго (Быт. 22, 7), а слышанъ голосъ покорнаго: *се иду сотворити волю твою, Боже* (Евр. 10, 7. Пс. 39, 9)!... Израиль не позналъ своего Господа! Объюродѣвши, онъ боялся войдти въ преторъ, *да не осквернится;* но не осквернился ли уже, пожертвовавъ Агнцемъ благодатнымъ?! Судія – язычникъ призналъ невиннымъ Невиннаго и хотѣлъ искупить Его не малою жертвою правосудія; а Израиль смѣжилъ очи и предпочелъ Варавву, *бѣ же Варавва разбойникъ!* Онъ отрекся Царя своего, и призналъ, конечно, только устами, по обычаю, кесаря-римлянина, котораго никогда не терпѣлъ! Убійца праведниковъ распялъ Господа славы на древѣ злодѣевъ: между беззаконными помѣстилъ Его, облекъ Его *въ ризы червленыя яко отъ истоптанія точила,* и Онъ сталъ *не имущимъ цѣлости отъ ногъ даже до главы, ни вида, ни доброты!* Его *друзи и искренніи и ближніи стали далече* (Пс. 27, 12). *Ждетъ* Онъ *соскорбящаго,* и—напрасно—*не обрѣтаетъ!* И кто же поноситъ Его! Не врагъ, это было бы еще легко (*аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо* 54, 13), но Его возлюбленный, для кого не щадитъ Онъ души Своей! Грѣшникъ! Это за тебя — язвы, за твое беззаконіе—муки (Ис. 53, 5)! Это цѣна мира твоего съ Богомъ!... Наконецъ, во гробѣ Божественный Страдалецъ, запечатанъ, огражденъ стражею. Боже! Что̀ сталось бы съ міромъ, лежащимъ во злѣ, что̀ сталось бы съ его мудростію, много требующею и ничего не врачующею, что̀ сталось бы съ бѣднымъ человѣчествомъ,

если бы эта беззаконная печать богоубійственнаго первосвященника не растаяла отъ праведнаго твоего гнѣва?! *Воскресни, Боже, суди земли! Время сотворити Господеви* (Пс. 118, 126)!

Глубокою скорбію исполнены сказанія св. Евангелистовъ (¹) о послѣднихъ событіяхъ въ жизни Искупителя. Скорбь о торжествѣ неправдъ человѣческихъ, увеличивающаяся при мысли о безконечной любви Божіей къ недостойнымъ, объемлетъ весь умъ и все сердце вѣрующихъ. Съ возженными во все время евангельскихъ чтеній свѣтильниками, они уподобляются благовѣстникамъ, пламенѣющимъ ревностію къ Господу, или дѣвамъ, исшедшимъ во срѣтеніе Жениха и твердо вѣрующимъ, что Онъ не оставитъ ихъ, хотя нечестивые и отняли Его.... И Господь не укоснитъ, не оставитъ!

Каждому евангельскому чтенію соотвѣтствуютъ извѣстные антифоны, которые, также какъ и всѣ другія церковныя пѣсни, настроиваютъ душу на тонъ самый грустный и страдальческій. Съ ужасомъ видишь въ нихъ и слышишь, какъ Церковь, пораженная, какбы нѣкоторымъ острымъ оружіемъ, въ самое сердце — исходище жизни, — долго не можетъ собрать себя, съ трепетомъ примѣчаетъ, какъ быстро разливается смертная болѣзнь по всему Ея духовному составу, — останавливаетъ вниманіе на одной язвѣ, будто бы сильнѣйшей и требующей болѣе скораго излеченія, и вдругъ ощущаетъ новую, прежде незамѣченную, — снова возвращается къ прежней, кажется, вопрошаетъ мимоходящихъ: *аще есть болѣзнь, яко болѣзнь*

(¹) Эти сказанія суть: Іоан. 13, 31—18, 1. Іоан. 18, 1—28. Матѳ. 26, 57—75. Іоан. 18, 28—19, 16. Матѳ. 27, 2—32. Марк. 15, 16—32. Матѳ. 27, 33—54. Лук. 23, 32—49. Іоан. 19, 25—37. Марк. 15, 43—47. Іоан. 19, 38—42. Матѳ. 27, 62—66.

моя?! — Куда ни обратится она, все исторгаетъ новые вопли, свидѣтельствующіе о новыхъ ужаснѣйшихъ страданіяхъ. То возмущаютъ Ея сердце злочестивые образы іудеевъ и предателя, неразумныхъ и неблагодарныхъ; то вызываетъ къ скорби видъ Божественнаго Страдальца — Его невинностію и долготерпѣніемъ. Тамъ соскорбятъ ей ветхозавѣтные и новозавѣтные посланники Божіи; здѣсь приводятъ ее въ содраганіе земля и небо, нетерпящія униженія Владыки. Индѣ же слышится и голосъ самаго Богочеловѣка и громкій вопль Святѣйшей Матери Слова. Во всемъ выражается скорбь Церкви, ищущей утѣшенія, и — отчасти утѣшеніе и воззваніе къ покаянію.

«На вечери ученики питая и притворенія преданія вѣдый, на ней Іуду обличилъ еси, неисправлена сего вѣдый, познати же всѣмъ хотя, яко волею предался еси, да міръ исхитиши отъ чуждаго, Долготерпѣливе, слава Тебѣ!»

Такъ воспѣваетъ Церковь вольное ради насъ страданіе Господа и ясно исповѣдуетъ, что Онъ ничего не оставилъ для вразумленія предателя, — и ничто не вразумило его! Ни ясныя указанія на вечери, ни торжественная пѣснь еврейскихъ дѣтей, ни договоры подкупавшихъ, ни заповѣдь о молитвѣ и бодрствованіи, ни самыя благодѣянія Іисуса, — ничто не могло исправить Іуду! *Неисправимый и изъмѣнникъ*, обращается онъ къ священникамъ и хочетъ предать *Онаго*, по ихъ понятію, *якобы законъ разорившаго и осквернившаго субботу!* Вотъ вся вина Предаемаго! Кому не извѣстенъ этотъ мнимый Разоритель закона — исполнившій всякую правду, — этотъ мнимый Сквернитель субботы — освятившій ее благотвореніемъ, Учившій, что не человѣкъ ради субботы?! — Итакъ не ревность, даже не неразумная ревность къ закону Бо-

жію управляла сыномъ погибели! — Чтожъ такъ могло ослѣпить его? Что заставило измѣнить Спасу міра? — *Уязвленная любовію* къ Господу (Пѣснь П. 5, 9), не находящая *ни на небѣ, ни на землѣ* подобнаго Ему сокровища, *изчезнувшая въ Немъ* своимъ *сердцемъ* (Пс. 72, 25. 26), Церковь какбы не въ силахъ отвѣчать на эти вопросы, и—предлагаетъ ихъ самому предателю:

«Кій тя образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ лика тя апостольска отлучи? Еда дарованія исцѣленій лиши? Еда со онѣми вечерявъ, тебе же отрину? Еда иныхъ ноги умывъ, твои же презрѣ? О! коликихъ благъ не памятливъ былъ еси! И твой убо неблагодарный обличается нравъ, Того же безмѣрное проповѣдуется долготерпѣніе и велія милость.»

Но, какбы вспомнивъ страсть предателя, сама за него отвѣчаетъ:

«Днесь Іуда притворяетъ богочестіе и отчуждается дарованія, ученикъ является предателемъ, во обычномъ лобзаніи лесть сокрываетъ, и владычной любви предпочитаетъ — несмысленно работать сребролюбію.»

Проникая же, далѣе, въ тайные изгибы сердца Іуды, объясняетъ вѣрнымъ и самое рожденіе адскаго плода отъ нечистой страсти:

«Ослѣпляется страстію сребролюбія, отпадаетъ свѣта омраченный; ибо какъ могъ бы зрѣти, продавый свѣтило на тридесятихъ сребренникахъ? — Но намъ возсія Страдавый за міръ: къ Нему же возопіимъ: Господи слава Тебѣ!»

А Іудеи? — И они, эти убійцы праведниковъ, присно наслаждающіеся Христовыхъ дарованій, также, какъ погибшій ученикъ Христовъ, устремляются на Господа, не вразумляясь ни солнцемъ, сокрывшимъ лучи свои, ни мер-

твецами возставшими, ни раздраніемъ завѣсы!... Недовольные сами преданіемъ, они покиваютъ, однакожъ, главою, неся хулу и руганія, предпочитая Варавву. И вотъ—

«Днесь виситъ на древѣ Повѣсивый на водахъ землю; вѣнцемъ отъ терніевъ облагается Царь ангеловъ; въ ложную багряницу облекается Покрываяй небо облаками; заушеніе пріемлетъ Свободивый Адама во Іорданѣ.... Покланяемся страстемъ твоимъ, Христе: покажи намъ и славное Твое воскресеніе.»

Тогда ликъ апостольскій, призванный Церковію въ скорбное собраніе вѣрныхъ, обращается къ неблагодарнымъ и обманувшимся въ расчетѣ законоположникамъ израилевымъ, и тѣмъ — еще болѣе увеличиваетъ скорбь Церкви:

«Се храмъ, который вы разорили; се Агнецъ, котораго вы распяли и предали гробу: но властію своею воскресъ Онъ, не льститеся іудеи. Той бо есть въ морѣ Спасшій и Питавшій въ пустыни! Той есть животъ, и свѣтъ, и миръ мірови.»

Въ тоже время и самъ Божественный Женихъ, вмѣсто невѣсты скорбящей, обличаетъ неблагодарныхъ распинателей и угрожаетъ конечнымъ отверженіемъ:

«Людіе мои, что сотворихъ вамъ? Или чѣмъ оскорбихъ?— Слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа на одрѣ лежаща возставихъ. Людіи мое! что сотворихъ вамъ и что Ми воздаете? За манну—желчь, за воду—оцетъ, вмѣсто любви ко Мнѣ ко кресту Мя пригвоздисте. Но я уже не терплю болѣе; призову моя языки, и тіи Мя прославятъ со Отцемъ и Духомъ и Я дарую имъ животъ вѣчный.»

Слышенъ и другой голосъ, изъ глубины души исходя-

щій и раздирающій душу! Это—голосъ Матери, надъ которой сбывается пророченіе Симеона! Когда еще только вели на заколеніе Агнца, Марія съ распростертыми власами вопрошала Его: «куда идеши чадо? Для чего теченіе совершаеши? Или другой бракъ въ Канѣ Галилейской? Итти ли и Мнѣ съ Тобою, чадо, или пождать Тебя?» Не въ Кану отошелъ Сынъ Царицы Небесной: на Крестѣ пригвождено тѣло Сына Человѣческаго! Не по просьбѣ Матери претворилъ Онъ воду въ вино: по своей святой волѣ *единъ истопталъ точило!* Не для гостей брачныхъ сотворилъ чудо: Онъ Самъ испилъ *чашу гнѣва Господня!* И вотъ —

«Непорочная Дѣва, зря на крестѣ Слово возвышаемо, рыдая матернію утробою, уязвляется сердцемъ горько, и стѣная болѣзненно изъ глубины души, лице со власы терзая, и бія перси жалостно взываетъ: увы Мнѣ Божественное чадо! Увы мнѣ свѣтъ міра! Почто зашелъ Ты отъ очей моихъ, Агнецъ Божій?»

Болѣзненные вопли болѣзненно отзываются въ душѣ Церкви и чадъ ея! Желая утѣшить и утѣшиться, она нарочно обращаетъ вниманіе на величіе и невинность Страдальца, на совершенную свободу и высочайшую цѣль страданія:

«Когда беззаконные взяли Тебя, Господи, Ты страдая такъ вопіялъ къ нимъ: хотя и поразили вы Пастыря и разсѣяли двѣнадцать овецъ—учениковъ моихъ, однако Я могъ бы болѣе двѣнадцати легіоновъ представить ангеловъ. Только долготерплю, да исполнятся яже явихъ вамъ пророки моими, безвѣстная и тайная. Господи! слава Тебѣ!»

«Распялся еси мене ради, да мнѣ источиши оставленіе; прободенъ былъ еси въ ребра, да капли жизни мнѣ ис-

точиши... Слава кресту твоему, Спасе, и страсти твоей!»

Желая утѣшить и утѣшиться, она представляетъ, какъ велики плоды страстей Божественныхъ:

«Живоносныя ребра твои, какбы изъ едема источникъ источающія, напаяютъ Церковь твою, Христе, какъ словесный рай! Отсюда какъ въ начала, раздѣляясь въ четыре Евангелія, міръ напаяютъ, веселятъ тварь и языки научаютъ вѣрою покланяться твоему царствію!»

«На крестѣ растерзалъ Ты рукописаніе наше, Господи, и, вмѣненный съ мертвыми, связалъ тамошняго мучителя и избавилъ всѣхъ отъ узъ смертныхъ!...»

Желая утѣшить и утѣшиться, Она прислушивается къ гласу неба и земли, свидѣтельствующему, что не напрасно совершается страшное событіе:

«Небесныя силы отъ страха поколебались, когда предсталъ Каіафѣ, Боже, и предался Пилату, Судія!... Незлобиве Господи! Слава Тебѣ!»

«Когда распялся Ты, Христе, вся тварь, видя то, трепетала; основанія земли колебались отъ страха державы твоей. Ибо съ нынѣшнимъ твоимъ вознесеніемъ, завѣса церковная раздралась на двое, мертвые изъ гробовъ воскресли, сотникъ видя чудо ужаснулся...»

Ища утѣшеніе себѣ и чадамъ, церковь внимаетъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ, которые также призваны ею къ святому собранію и ясно говорятъ ей, что давно уже Господь опредѣлилъ такъ совершить спасеніе.

«Князи людстіи собрались на Господа и на Христа Его», восклицаетъ Давидъ, издалека прозрѣвшій измѣну іудеевъ.

«Они поставили тридесять сребренниковъ цѣну цѣненнаго, Егоже оцѣниша отъ сыновъ израилевыхъ», —

говоритъ Захарія, какбы продолжая мысль Царя-Пророка.

«Раздѣлиша ризы мои и о одеждѣ моей метали жребій»,—говоритъ онъ же—писатель исторіи Распятаго за цѣлую тысячу лѣтъ до событія.

«Даша въ снѣдь мою желчь и въ жажду мою напоиша Мя оцтомъ!...»

За симъ Церковь взываетъ къ намъ о сердечномъ сокрушеніи и побуждаетъ къ благочестію. Указывая на страсть, погубившую одного изъ избранныхъ Христовыхъ, приглашаетъ вѣрующихъ представить чистыми свои души Христу, не увлекаться житейскими заботами, и молить Господа, да избавитъ отъ лукаваго, ибо по вечери въ Іуду вниде сатана:

«Чувствія наши чистыми Христу представимъ и, какъ други Его, пожертвуемъ за Него душами нашими; и не соугнетаемся яко Іуда попеченіями житейскими, но въ клѣти сердецъ нашихъ возопіимъ: Отче нашъ!... отъ лукаваго избави насъ!»

Отвѣчая на кроткій зовъ Церкви, вѣрующіе воспѣваютъ трипѣснецъ славнаго Космы Маюмскаго. Въ немъ повторяются тѣже сказанія о долготерпѣніи Господа, объ Его утѣшеніи ученикамъ, о высокихъ плодахъ страданія, о суетныхъ шатаніяхъ беззаконнаго сборища, и т. п.,—которыя уже настроили душу присутствующихъ на чувство покаянія. Но, чтобы это чувство долѣе хранилось, живѣе дѣйствовало и вѣрнѣе направлялось, трипѣснецъ разсказываетъ умилительную бесѣду Господа съ Петромъ, въ которой прекрасно изображается съ одной стороны самонадѣянность человѣческаго сердца, съ другой—его непостоянство и потребность постоянной молитвы и бодрствованія. Трогательно уже и начало трипѣсница:

«Къ Тебѣ утреннюю, милосердія ради Себе истощившему непреложно и до страстей безстрасно преклоншемуся, Слове Божій,—миръ подаждь ми падшему, Человѣколюбче.»

М. Г.

I.

ПОУЧЕНІЕ

по освященіи новоустроеннаго храма въ г. Яранскѣ вятской епархіи, 21-го іюля 1857 года ([1]).

Освятилъ есть селеніе свое Вышній: Богъ посредѣ его и не подвижится. Пс. 45, 5.

Молитвами и священнодѣйствіемъ церковнымъ и невидимымъ наитіемъ Духа Святаго нынѣ совершилось то, что древле провозвѣстилъ вѣнчанный Псалмопѣвецъ въ священной пѣсни своей. Нынѣ новосозданный и благоукрашенный храмъ сей, чрезъ благодатное освященіе, содѣлался селеніемъ Вышняго, жилищемъ Божіимъ. Богъ вездѣ и всегда, на всякомъ мѣстѣ владычество Его, но особенно близкимъ къ намъ и ощутительнѣйшимъ образомъ Онъ присутствуетъ въ святыхъ храмахъ, создаемыхъ во славу пресвятаго Его имени. Здѣсь, по обѣтованію Его всеблагаго, *очи Его и уши Его отверзты* день и ночь *на молитву рабовъ Его и къ моленію людей Его, послушати ихъ о всѣхъ, о нихже призовутъ Его* (3 Цар. 8, 52). Благодареніе убо Господу, благоволившему утвердить посредѣ насъ жилище свое. Благодареніе Ему многомилостивому, сподобившему насъ недостойныхъ послужить настоящему совершенію освященія благодатнаго се-

([1]) Покойнаго пр. Елпидифора, епископа вятскаго.

ленія Его. Благодареніе и всѣмъ боголюбивымъ христіанамъ, кои своимъ усердіемъ и приношеніями споспѣшествовали устроенію и благоукрашенію храма сего. Самъ Господь храма и Владыка всей твари, *отъ Него же всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенный исходитъ*, да пріиметъ жертвы ихъ въ пренебесный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, и да ниспослетъ имъ божественную благодать свою, ко освященію и спасѣнію душъ и тѣлесъ ихъ.

Велика, братія, милость къ намъ Господня, что Онъ благоизволяетъ освящать храмы наши въ селеніе Себѣ. Онъ, вездѣсущій, не имѣетъ нужды въ этихъ рукотворенныхъ храмахъ, но они для насъ нужны. Весь міръ, творческимъ словомъ созданный, есть велелѣпный храмъ Божій, въ которомъ, по выраженію Псалмопѣвца, *всякое дыханіе хвалитъ Господа*. Но мы такъ слабы зрѣніемъ, что взоръ нашъ въ этомъ всемірномъ храмѣ, разсѣяваясь между множествомъ земныхъ предметовъ, не досязаетъ до Живущаго на небесахъ; такъ тупы слухомъ, невнимательны и дебелы сердцемъ, что хваленіе Господа, отъ всей твари возносимое, бываетъ для насъ не слышно или не понятно; и мы среди этого всемірнаго богослуженія остаемся хладными и какбы не принадлежащими къ числу созданій Божіихъ, выну хвалящихъ и благословящихъ своего Творца и Господа. Намъ нужно какъ можно ближе видѣть и осязать, дабы уразумѣть и возлюбить что либо. И вотъ, всеблагій Господь, снисходя къ таковой нашей немощи, Самъ приближается къ намъ и утверждаетъ селеніе свое въ созидаемыхъ нами храмахъ. Здѣсь Онъ представляется взорамъ нашимъ въ священныхъ изображеніяхъ и въ совершаемыхъ таинствахъ; говоритъ съ нами какбы усты ко устамъ въ божествен-

номъ словѣ Его, возвѣщаемомъ служителями Церкви. Какой же еще бо́льшей близости Господней можно желать намъ? И не есть ли это величайшее къ намъ милосердіе Божіе? Мы должны къ Нему стремиться и искать Его, но Онъ Самъ взыскиваетъ насъ заблуждающихъ, Самъ нисходитъ къ намъ оземленѣвшимъ съ высоты небеснаго престола своего и водворяется на землѣ посредѣ насъ во храмахъ святыхъ, дабы мы тѣмъ свободнѣе и скорѣе приступали къ Нему. И если гдѣ, то особенно во храмѣ каждый христіанинъ *вкушаетъ и видитъ, яко благъ Господь* (Пс. 33, 9).

Если же, братіе, храмы святые, какъ селеніе Вышняго, служатъ свидѣтельствомъ и залогомъ особенной къ намъ любви и милости Божіей, то со стороны нашей любовь къ благолѣпію и попеченіе объ устроеніи и благоукрашеніи храмовъ есть обязанность священная и добродѣтель Богу любезная. Кто любитъ Бога и желаетъ близости Его, какъ тотъ не попечется о домѣ Божіемъ, въ которомъ Господь являетъ особенное свое присутствіе, и гдѣ всякой можетъ какбы непосредственно представать предъ лице Божіе? Мы любимъ украшать свои собственныя жилища: какъ же намъ не позаботиться о благолѣпіи дома Божія? Все, что мы имѣемъ, отъ Бога намъ подается, есть даръ всещедрой Его десницы, ничѣмъ нами незаслуженный: на что же намъ лучше и прежде всего употреблять эти дары, какъ не во славу имени Божія? И что надобно думать о тѣхъ христіанахъ, кои не брегутъ о благолѣпіи храмовъ Господнихъ? Домы ихъ блистаютъ золотомъ и серебромъ; не жалѣютъ они никакихъ издержекъ на свои убранства, на предметы прихоти и роскоши; другъ предъ другомъ стараются въ этомъ отличиться; а обратятся къ нимъ съ изъясненіемъ

нуждъ церковныхъ, попросятъ у нихъ пособія въ дѣлѣ устроенія или благоукрашенія храма Господня: на этотъ предметъ имъ жаль бываетъ пожертвовать и нѣсколько лептъ; начинаютъ жаловаться на свои нужды и недостатки, на дурныя обстоятельства въ своихъ дѣлахъ, и не стыдятся съ ничѣмъ отсылать отъ себя тѣхъ, кто обращается къ нимъ съ такимъ прошеніемъ. И люди не одобряютъ такихъ нечувствительныхъ къ потребностямъ церкви христіанъ: можетъ ли это быть благопріятно Господу Богу?

Похвальное и боголюбезное дѣло — любовь къ благолѣпію дома Господня и попеченіе объ устроеніи и благоукрашеніи храмовъ святыхъ. Но еще необходимѣе для насъ и спасительнѣе — любить посѣщать сіи храмы для благоговѣйной въ нихъ молитвы. Мы и свои домы строимъ не для того, чтобъ они оставались пустыми, но чтобы жить въ нихъ; и если домъ запустѣваетъ, то это уже худой признакъ. Что же, если мы, настроивъ храмовъ, не будемъ посѣщать ихъ? Какая въ этомъ будетъ для насъ честь и польза? Конечно, храмъ освященный и безъ предстоящихъ въ немъ христіанъ будетъ селеніемъ Вышняго; но Богъ вселяется въ немъ для насъ, чтобы насъ здѣсь собирать предъ лице свое. Итакъ удаляться храмовъ святыхъ—значитъ бѣгать отъ лица Божія. Хорошее ли же это дѣло? Тотъ не сынъ Отца небеснаго, не вѣрный слуга Господа Вышняго, кто не любитъ *примѣтатися во дворѣхъ Бога* своего *паче, нежели жити въ селеніихъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 11), тотъ уже не причастникъ и тѣхъ даровъ милости и благодати Божіей, которые преизобильно во храмѣ изливаются отъ Господа всѣмъ притекающимъ во храмъ съ вѣрою и усердною молитвою.

Да не будутъ же, братіе, напрасно отверзаться для насъ двери храмовъ святыхъ; но да поспѣшаемъ въ нихъ съ веселіемъ и радостію, когда слышимъ призывъ на молитву церковную. Не отзывайся никто отъ этого какими либо дѣлами своими: для истиннаго поклонника Божія нѣтъ дѣла важнѣе, какъ служить Богу, когда совершается церковное Ему служеніе. Не указывай на бывающіе во храмѣ соблазны и развлеченія, которыя будто бы мѣшаютъ молитвѣ: для того, кто самъ предстоитъ во храмѣ благоговѣйно и молится усердно, нѣтъ здѣсь соблазновъ и помѣшательствъ. Не говори никто, что и дома можно молиться: кто дѣйствительно любитъ дома молиться, тотъ не будетъ оставлять и церковныхъ богослуженій безъ участія въ нихъ; а напротивъ, кто не любитъ ходить во храмъ, тотъ вѣрно и дома не много молится.

Господи, Боже нашъ, благоволившій днесь освятить въ семъ храмѣ селеніе Себѣ, сотвори съ нами, чтобы и мы возлюбили благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы твоея; и *да услышиши отъ небесе, отъ готоваго жилища твоего молитву нашу, и да сотвориши по всѣмъ, въ елицѣхъ аще призовемъ Тя на мѣстѣ семъ, и да будутъ сердца наши совершенна къ Тебѣ Богу нашему преподобно ходити въ повелѣнихъ твоихъ, и хранити вся заповѣди твоя* (3 Цар. 8, 39. 43. 61). Аминь.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

IV.

Необходимость и духъ истинно-христіанскаго подвижничества въ жизни каждаго христіанина.

Чтобы во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни быть истиннымъ послѣдователемъ Іисуса Христа, вѣрнымъ ученію Евангелія, — для этого, какъ само собою очевидно, нужно усиліе и стараніе, тѣмъ бо́льшее, чѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ препятствій на пути къ нравственно-христіанскому совершенству, нуженъ трудъ постоянный и неутомимый, нужно терпѣніе и самоотверженіе, однимъ словомъ: нуженъ *подвигъ*. Поэтому и въ мірѣ точно также, какъ въ иноческой обители или въ пустынѣ, истинный христіанинъ всегда бываетъ подвижникомъ.

Основаніе христіанскаго подвижничества лежитъ въ самой природѣ человѣка или, точнѣе сказать, въ ея испорченности и наклонности ко грѣху. Если бы въ насъ не было этой наклонности, если бы наша природа сохранила ту чистоту и неповрежденность, съ которою она вышла изъ рукъ Творца: то и подвижничества въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь требуется отъ христіанина —въ смыслѣ постоянной, иногда крайне трудной и тяжелой, сопровождаемой лишеніями и страданіями, борьбы

со зломъ въ себѣ самомъ и внѣ себя, безъ сомнѣнія, не было бы. Тогда добро нравственное было бы единственною стихіею нашей духовно-нравственной жизни, и стремленіе къ богоподобію,—къ той цѣли, для которой мы и созданы,—сопровождалось бы ощущеніемъ непрестаннаго счастія и блаженства; тогда и все общество людей было бы подобно обществу ангеловъ-небожителей, и въ немъ царствовала бы совершеннѣйшая любовь и согласіе, единодушное стремленіе ко всякому добру, въ немъ не было бы никакой борьбы добрыхъ со злыми. Но теперь не тотъ порядокъ жизни и въ насъ самихъ, и внѣ насъ: теперь и тотъ, кто достигъ высшаго нравственно-христіанскаго совершенства, долженъ непрестанно бороться съ самимъ собою, съ своими порочными наклонностями, которыя хотя могутъ быть ослаблены, но никогда не могутъ быть совершенно истреблены до конца нашей земной жизни. Теперь, — уже какъ необходимое слѣдствіе нашего внутренняго разстройства,—и общество человѣческое вездѣ и всюду, такъ или иначе, но постоянно слагается изъ людей или нравственно-добрыхъ, или же злыхъ и нерѣдко до крайняго ожесточенія. Поэтому христіанину необходимо бороться и съ самимъ собою, и со всякимъ нравственнымъ зломъ въ мірѣ: ему нужно располагать свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь не такъ, какъ внушаютъ намъ однѣ наши естественныя наклонности и влеченія, не такъ, какъ хотѣли бы отъ насъ тѣ или другіе люди: нѣтъ, онъ долженъ дѣлать только то, что̀ внушаетъ ему голосъ совѣсти и Евангелія, долженъ исполнять требованія людей только сообразныя съ требованіями долга, совѣсти и закона. Конечно, для этаго нужно много усилій надъ самимъ собою, нуженъ трудъ и терпѣніе, а иногда необходимо перенести много

лишеній и страданій. Ученіе Евангелія и не скрываетъ этого. Обѣщая своимъ послѣдователямъ вѣчное блаженство въ жизни будущей и, какбы въ залогъ и начатокъ сего блаженства, утѣшенія духовныя и здѣсь на землѣ: миръ съ Богомъ, миръ съ своею совѣстію, миръ и радость о Дусѣ Святѣ, проповѣдуя, что благочестіе имѣетъ обѣтованіе живота не только *грядущаго*, но и *нынѣшняго* (1 Тим. 4, 8), оно, однакожъ, не обѣщаетъ имъ полнаго рая на землѣ, не обѣщаетъ жизни всегда счастливой и безпечальной, чуждой вовсе страданій и болѣзней. Напротивъ, оно ясно учитъ, что тѣ, которые *Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22), что желающій идти вслѣдъ за Христомъ долженъ *отвергнуться себе*,— отказаться отъ всѣхъ своихъ желаній, привычекъ и наклонностей несообразныхъ съ Евангеліемъ, какъбы онѣ ни были пріятны ему, долженъ *взять крестъ свой* и послѣдовать за Христомъ (Марк. 8, 34). Словомъ: трудъ и усиліе, терпѣніе и самоотверженіе,—подвижничество есть непремѣнное условіе жизни истинно-христіанской, не только въ пустынѣ, но и въ мірѣ, не только въ глубочайшемъ уединеніи и удаленіи отъ общества человѣческаго, но и въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ нимъ.

Обратитесь къ исторіи Церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной,—и вы увидите, что въ ликѣ угодниковъ Божіихъ есть много великихъ подвижниковъ, много знаменитѣйшихъ и величайшихъ мужей, высокихъ ревнителей Вѣры, неутомимыхъ проповѣдниковъ благочестія, которые, однакожъ, не уходили въ пустыни, не давали обѣта постояннаго дѣвства и не раздавали всего имѣнія сво-

его нищимъ. Таковъ былъ Енохъ, подобно Иліи чудесно взятый на небо, хотя онъ и не былъ дѣвственникомъ и пустынникомъ, подобно Иліи. Таковы были Ной и Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, Іовъ, Моисей. Таковъ былъ Давидъ, который, какъ говоритъ о немъ св. Іоаннъ Златоустъ, «живя въ городѣ, управляя царствомъ и обремененный безчисленными заботами, горѣлъ любовію ко Христу пламеннѣе жившихъ въ пустыняхъ (¹)». Таковы же были Захарія и Елисавета, Іоакимъ и Анна. Идите далѣе вашею мыслію по всемъ временамъ Христіанства— и вы увидите, что въ сонмѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ есть цари и вельможи, рабы и свободные, повелѣвающіе и подчиненные, пастыри и пасомые, ученые и малообразованные, земледѣльцы, ремесленники, врачи,— люди всѣхъ званій и состояній, которые отъ колыбели и до могилы постоянно жили въ мірѣ, часто несли обязанности самыя многосложныя, были связаны съ обществомъ отношеніями самыми разнообразными.

Впрочемъ, какъ бы ни были велики подвиги святыхъ мужей, какъ бы ни были важны и достойны подражанія ихъ дѣятельность и жизнь, — при всемъ томъ для каждаго христіанина высочайшій и совершеннѣйшій примѣръ, которому онъ долженъ подражать, есть примѣръ самаго Іисуса Христа. А вся земная жизнь нашего Господа большею частію протекла среди общества человѣческаго, въ ближайшемъ отношеніи къ людямъ.—Прежде вступленія своего въ общественное служеніе, Онъ тридцать лѣтъ провелъ въ нѣдрахъ семейной жизни, въ повиновеніи своимъ родителямъ, и далъ намъ примѣръ, какъ въ семейной жизни, среди своихъ родныхъ, жить

(¹) Слово о сокруш. къ Стелех., гл. 4.

для славы Божіей и преспѣвать благодатію у Бога и человѣкъ (Лук. 2, 52). Исходя на поприще общественнаго служенія, Онъ прежде всего приходитъ къ Іоанну на Іорданъ, куда стекалось множество народа изъ Іудеи и Іерусалима, гдѣ являлись простые рыбари и ученые саддукеи, люди малоизвѣстные и гордые своею мнимою праведностію и общественнымъ положеніемъ фарисеи, воины и законники, священники и левиты. Удалившись на четыредесять дней въ пустыню и показавъ совершеннѣйшій образъ пустыножительства, Онъ потомъ опять является постоянно живущимъ и дѣйствующимъ среди общества человѣческаго. Такъ, Онъ вмѣстѣ съ Матерію своею является на бракѣ въ Канѣ Галилейской, и здѣсь съ любовію отца и друга принимаетъ участіе въ невинномъ веселіи гостей. — Далѣе, Онъ идетъ всюду съ своею божественною проповѣдію, въ города и веси, не только къ овцамъ дома Израилева, но и въ *Галилею языкъ, къ людямъ, сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй* (Мѳ. 4, 15. 16); Онъ является во храмѣ и принимаетъ участіе въ народныхъ торжествахъ по случаю праздниковъ іудейскихъ; Онъ входитъ въ синагоги, которыя для древняго іудея были и мѣстомъ молитвы, и школою общественнаго образованія; Онъ является на горѣ, на озерѣ, на пути, въ полѣ. Онъ бесѣдуетъ съ учителемъ израилевымъ Никодимомъ, бесѣдуетъ и съ самарянкой; Онъ открываетъ апостоламъ величайшія тайны царствія Божія, но учитъ и весь народъ; Онъ приходитъ въ домъ къ фарисею, но принимаетъ участіе и въ трапезѣ мытарей; Онъ вмѣстѣ съ сестрами Лазаря плачетъ надъ гробомъ ихъ брата и утѣшаетъ ихъ воскрешеніемъ его. Онъ исцѣляетъ слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, бѣсноватыхъ; Онъ благотворитъ всѣмъ и каждому, іудею и язычнику, хотя

Самъ въ то же время не имѣетъ гдѣ главы подклонити, и подвергается постояннымъ гоненіямъ, клеветѣ и насмѣшкамъ своихъ враговъ. Словомъ: вся Его жизнь, отъ яслей виѳлеемскихъ до крестнаго подвига на Голгоѳѣ, есть путь креста и самоотверженія, непрерывный подвигъ для славы Божіей и блага человѣчества, и въ тоже время вся она, за исключеніемъ немногихъ дней пребыванія въ пустынѣ и немногихъ часовъ уединеннаго молитвеннаго собесѣдованія съ Отцемъ Небеснымъ, проходитъ среди общества людей, въ самыхъ близкихъ и разнообразныхъ отношеніяхъ къ нимъ.

Такимъ образомъ примѣръ и жизнь многихъ святыхъ Божіихъ, и особенно примѣръ и жизнь самаго Іисуса Христа очевиднѣе и убѣдительнѣе всего доказываютъ ту истину, что каждый христіанинъ, остающійся въ мірѣ и желающій остаться вѣрнымъ ученію Евангелія, долженъ быть подвижникомъ. Но кромѣ того, изъ самаго величія этихъ примѣровъ мы видимъ, что не малый подвигъ, не малая борьба предстоитъ христіанину и въ мірѣ, что иногда онъ можетъ и долженъ подвизаться даже болѣе тѣхъ, которые живутъ въ удаленіи отъ міра.

Если міръ своими соблазнами, своею суетою и шумомъ заставляетъ нѣкоторыхъ бѣжать отъ него какъ можно далѣе, скрываться въ пустынѣ: то не очевидно ли, что живущіе въ мірѣ должны тѣмъ болѣе подвизаться, тѣмъ болѣе бодрствовать на стражѣ своего спасенія, чѣмъ тѣснѣе тѣ узы, которыя связываютъ ихъ съ міромъ? Если много усилій воли, много самоотверженія нужно для того, чтобы ради Бога и царствія Божія оставить нѣкоторыя, даже невинныя, удовольствія и радости семейной и общественной жизни: то и въ мірѣ, среди его радостей и удовольствій, какъ много нужно терпѣнія, осторожности,

вниманія, самаго строгаго наблюденія за самимъ собою, чтобы и въ позволенныхъ удовольствіяхъ не преступить опредѣленной границы, или, что еще хуже, не предаться удовольствіямъ преступнымъ, унижающимъ достоинство христіанина и человѣка! Если и въ пустынѣ или въ иноческой обители не мало усилій нужно для того, чтобы, по заповѣди Апостола, *непрестанно молиться* (1 Сол. 5, 17),—непрестанно помнить о Богѣ и возноситься къ Нему мыслію и сердцемъ, всегда *духомъ горѣть, Господеви работать* (Рим. 12, 11): то менѣе ли труда и усилій нужно для того, чтобы въ мірѣ, среди суеты и шума, исполнить эту заповѣдь, равно обязательную для мірянина, какъ и для пустынника, — чтобы горѣть духомъ въ то время, когда окружающіе насъ предметы и лица, обыкновенія и приличія бо́льшею частію вѣютъ на насъ холодомъ въ отношеніи ко всему великому и священному, когда мелочи обыденной жизни стремятся поглотить все наше вниманіе, вовлечь насъ съ тѣломъ и душою въ круговоротъ страстей, желаній, стремленій и разсчетовъ крайне своекорыстныхъ и самолюбивыхъ?

Правда, въ уединенной жизни инока могутъ быть и дѣйствительно бываютъ особенныя состоянія, искушенія внѣшнія и внутреннія, требующія величайшей борьбы и подвига,—и почти вовсе невѣдомыя мірянину. Но за то и живущіе въ мірѣ не подвергаются ли многимъ скорбямъ и искушеніямъ, также требующимъ величайшаго самоотверженія и терпѣнія,—и вовсе неизвѣстнымъ живущимъ въ удаленіи отъ міра?

Не малый трудъ—воспринять на себя и строго исполнять обѣтъ добровольной нищеты ради царствія небеснаго. Но мало ли терпѣнія и самоотверженія нужно и въ мірѣ для того, чтобы истинно по христіански пере-

носить нищету и бѣдность не добровольную, но посылаемую Богомъ, какъ крестъ, для нашего исправленія и усовершенствованія? — Легко ли, напримѣръ, человѣку, едва-едва имѣющему дневное пропитаніе, видѣть, какъ другіе утопаютъ въ удовольствіяхъ и благахъ міра, въ самой изысканной роскоши и сластолюбіи, — и въ тоже время не только не похищать чужаго,—что́ уже само по себѣ есть явное преступленіе, осуждаемое и караемое закономъ, — но и не завидовать, не *желать, елика суть ближняго,* и, по закону любви христіанской, считать его благополучіе какбы своимъ собственнымъ и личнымъ благополучіемъ? Легко ли человѣку, обремененному многочисленнымъ семействомъ, трудиться день и ночь, иногда до крайняго истощенія силъ, чтобы только доставить себѣ и своимъ домашнимъ жизнь покойную и безбѣдную, и при всемъ томъ иногда видѣть, что цѣль еще далеко не достигнута, что горе и нужда тяжелымъ гнетомъ лежатъ на немъ и на близкихъ сердцу, — видѣть это, и не терять вѣры во вседѣйствующій промыслъ Божій, не охладѣвать въ любви къ Отцу Небесному, который счастіе и несчастіе посылаетъ для одной и тойже цѣли, —для нашего нравственнаго блага и преспѣянія? Не есть ли это подвигъ, можетъ быть, болѣе высокій, нежели добровольная нищета инока?

Справедливо, что жизнь въ семействѣ, среди своихъ родныхъ, имѣетъ много весьма пріятнаго и привлекательнаго, бываетъ источникомъ невинныхъ и въ то же время великихъ радостей и утѣшеній, которыхъ лишаются посвятившіе себя иноческому подвигу. Но всегда ли такъ бываетъ? Всегда ли жизнь семейная есть источникъ утѣшеній и радостей? Не бываетъ ли и такъ, что именно она дѣлается для человѣка источникомъ печалей

и огорченій?—Самое супружество, основаніе семейной жизни, вмѣсто утѣшеній, которыя думаютъ найдти въ немъ, не бываетъ ли иногда источникомъ величайшихъ мукъ и страданій?.... Легко ли, напримѣръ, мужу видѣть, какъ иногда жена дерзко шутитъ своими обязанностями и отношеніями къ нему? Легко ли доброй и цѣломудренной женѣ переносить холодность и невѣрность своего мужа и въ тоже время, по требованію неумолимыхъ приличій свѣта, казаться вполнѣ счастливою и довольною своимъ состояніемъ? Легко ли доброй женѣ видѣть, какъ иногда мужъ, вмѣсто того, чтобы трудомъ и бережливостію устроять благополучіе своего семейства, только разоряетъ его своимъ мотовствомъ и расточительностію? Легко-ли и мужу видѣть, какъ легкомысленная жена тратитъ достояніе семейства на предметы самые ничтожные и пустые, на убранства и наряды, безъ которыхъ очень удобно было бы обойдтись, какъ она, ради удовольствій и развлеченій, оставляетъ въ презрѣніи и пренебреженіи домъ, прислугу, даже собственныхъ дѣтей? Легко-ли ему нести двойной трудъ—исполнять свои общественныя обязанности и личнымъ вниманіемъ и участіемъ исправлять недостатки и опущенія въ домѣ, допущенныя по небрежности и невниманію супруги? Къ сожалѣнію, въ жизни не рѣдко можно видѣть, какъ иногда одинъ изъ супруговъ себѣ хотѣлъ бы предоставить только удовольствія и радости, а другому—однѣ заботы, труды и лишенія. Бываютъ нерѣдко и такія супружества, въ которыхъ мужъ къ женѣ, или жена къ мужу имѣетъ такія же отношенія, какія полновластный господинъ—къ своему рабу,—когда одинъ изъ супруговъ, вопреки закону христіанскаго супружества, себѣ усвояетъ право только повелѣвать и приказывать, а другому предоставляетъ одно—безмолв-

но повиноваться, когда съ одной стороны позволяютъ себѣ обращеніе дерзкое и грубое, презрительное и гордое, крайне обидное и жестокое, а отъ другой требуютъ безпрекословнаго исполненія всѣхъ своихъ прихотей, часто самыхъ пустыхъ и вздорныхъ, когда одинъ позволяетъ себѣ обходиться съ другимъ скорѣе какъ съ вещію, нужною для дома, нежели какъ съ другомъ сердца и спутникомъ жизни!... Не мало супружествъ, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ, вслѣдствіе предзанятыхъ мнѣній, или превратнаго образованія и воспитанія, дерзко и нагло смѣется надъ вѣрованіями и убѣжденіями другаго, хотя бы они были сами по себѣ безвредны, или даже вполнѣ истинны, сообразны съ достоинствомъ человѣка и ученіемъ Евангелія; бываетъ такъ, что одинъ изъ супруговъ старается препятствовать другому въ исполненіи самыхъ священныхъ обязанностей христіанина... *Врази человѣку домашніи его* (Мѳ. 10, 36), говоритъ Господь Іисусъ Христосъ: бываетъ и мужъ врагомъ женѣ, и жена — мужу, хотя и по естественному порядку, и по ученію слова Божія, ихъ взаимная привязанность и любовь другъ къ другу должна быть выше и сильнѣе всякой другой родственной любви (Быт. 2, 54). Такъ, и супружеская жизнь, вмѣсто радостей, которыя желаютъ найдти въ ней, часто приноситъ одни огорченія, дѣлается для христіанина крестомъ тяжкимъ и мучительнымъ, требуетъ величайшаго подвига и терпѣнія, чтобы не пасть подъ гнетомъ несчастій неожиданныхъ и незаслуженныхъ, огорченій, тѣмъ болѣе тяжкихъ и жестокихъ, что виновниками ихъ бываютъ лица, отъ которыхъ болѣе всего ожидаютъ привязанности самой искренней и глубокой, любви самой пламенной и нѣжной, взаимнаго уваженія и заботы о счастіи и спокойствіи. — Но

и въ тѣхъ случаяхъ, когда отношенія между супругами бываютъ самыя правильныя и благопріятныя, основанныя на взаимной любви и уваженіи,—развѣ мало требуется отъ христіанскихъ супруговъ терпѣнія и труда, чтобы исполнить обязанности супружеской жизни во всей ихъ полнотѣ и точности,—чтобы содѣйствовать взаимному нравственному преспѣянію и строгому исполненію общихъ христіанскихъ обязанностей, чтобы съ любовію и снисходительностію сносить и, если можно, исправлять взаимные недостатки, которыхъ не чуждо никакое совершенство на землѣ, чтобы, какъ должно, управлять своимъ домомъ, дать воспитаніе и образованіе своимъ дѣтямъ? И въ самомъ счастливомъ супружествѣ развѣ можно прожить безъ всякихъ печалей и огорченій? Развѣ болѣзнь или смерть нѣжно-любимой супруги или супруга, потеря дѣтей, особенно въ самомъ цвѣтѣ ихъ возраста, не есть тяжкій крестъ, требующій терпѣнія и подвига, безропотной покорности и преданности всеблагой волѣ Отца Небеснаго? Подлинно, и семейная жизнь христіанина, если только она—жизнь истинно евангельская, во всякомъ случаѣ есть жизнь подвижническая: имѣя свои радости и утѣшенія, она имѣетъ и свои труды и заботы, свои лишенія и страданія!...

Если отъ семейнаго, домашняго быта христіанина мы обратимся къ его общественной жизни и дѣятельности: то и здѣсь легко примѣтимъ, что строгое и точное, вполнѣ сообразное съ ученіемъ Евангелія исполненіе общественныхъ обязанностей необходимо требуетъ труда и усилія, терпѣнія и подвига, а иногда и самоотверженія, готоваго ради добра и правды на самыя тяжкія страданія и лишенія. Легко ли, напримѣръ, человѣку честному и прямодушному видѣть, какъ иногда лесть и

лицемѣріе, обманъ и притворство осыпаются благами и почестями міра, восходятъ на высшія степени въ обществѣ, а честность и правда остаются въ презрѣніи и пренебреженіи? Но если ревнителю добра и правды не легко и видѣть это; то легко ли ему испытывать тоже самое на самомъ себѣ и оставаться поборникомъ правды и закона, противодѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ всякой лжи и неправдѣ, не уступать никакимъ соблазнамъ, терпѣливо сносить вражду и гоненія людей, быть можетъ, давно заглушившихъ совѣсть и привыкшихъ идти къ своимъ цѣлямъ темными путями обмана и притворства, и потому людей крайне жестокихъ и мстительныхъ,— легко ли ему переносить всѣ обиды и гоненія, клевету и насмѣшки, и въ то же время не желать зла врагамъ, молиться о нихъ и благословлять ихъ, какъ того требуетъ законъ евангельскій?.. Легко ли судіи всегда оставаться вѣрнымъ совѣсти и закону христіанскому и гражданскому,— легко ли, напримѣръ, ему оправдать невиннаго, но бѣднаго и неизвѣстнаго человѣка, и осудить его соперника, человѣка сильнаго и знаменитаго, когда онъ знаетъ и увѣренъ, что за свою правоту онъ лишится и мѣста, которое занимаетъ, и тѣхъ, быть можетъ, единственныхъ средствъ къ жизни, которыя даетъ ему мѣсто, что нищета и бѣдность будутъ первою наградою его правоты, что за нищетою, можетъ быть, послѣдуютъ многія гоненія и притѣсненія? Легко ли пастырю Церкви, желающему пребыть вѣрнымъ своему званію и долгу, во имя Вѣры и Церкви, во имя Бога и человѣчества, бороться то съ невѣжествомъ и предразсудками, то съ мнимо-образованнымъ невѣріемъ и вольнодумствомъ, иногда дерзающимъ глумиться и кощунствовать надъ самыми священными убѣжденіями и вѣ-

рованіями христіанина, то съ ожесточеніемъ и развратомъ? Легко ли ему обличать порокъ и зло, не унижаясь и не скрывая истины предъ сильными и великими міра, равно какъ не гордясь и не превозносясь предъ бѣдными и слабыми, быть всегда и вездѣ пламенно-ревностнымъ къ славѣ Божіей и вмѣстѣ тихимъ и кроткимъ ко всѣмъ безъ исключенія, даже къ самымъ явнымъ и ожесточеннымъ врагамъ Вѣры, быть чистымъ и невиннымъ душою и сердцемъ не менѣе инока или пустынника, чтобы дерзновенно и съ незазорною совѣстію приступать къ престолу благодати и неповинными руками приносить ту Жертву, на которую и ангелы взираютъ со страхомъ и трепетомъ, и въ то же время имѣть самыя близкія сношенія съ міромъ, жить среди его шума и суеты, среди обольщеній и соблазновъ? Легко ли ему всѣхъ и каждаго руководить ко спасенію своимъ пастырскимъ словомъ и убѣжденіемъ, и въ то же время для всѣхъ и каждаго быть живымъ примѣромъ, совершеннѣйшимъ образцомъ вѣры и благочестія христіанскаго, быть всѣмъ вся, быть всегда, во всякое время дня и ночи, готовымъ идти по первому зову къ одру больнаго или умирающаго? А кромѣ того, при столь великихъ нравственно-христіанскихъ и пастырскихъ обязанностяхъ, священникъ долженъ часто встрѣчать величайшія огорченія со стороны людей крайне холодныхъ къ Вѣрѣ и равнодушныхъ ко всему, кромѣ самихъ себя, людей, которые, не понимая сущности христіанскаго священства и видя священника только изрѣдка, при совершеніи церковныхъ требъ и богослуженія, думаютъ и говорятъ, что должность его крайне легка и покойна; можетъ быть, не мало и такихъ, которые, называясь христіанами, въ то же время священника, преемника служенія Христова

и апостольскаго, принимаютъ только въ случаяхъ необходимости, съ такимъ же, если не бо́льшимъ, пренебреженіемъ, съ какимъ они привыкли относиться къ людямъ, вполнѣ имъ подвластнымъ. Какъ нерѣдко бываетъ и то, что служитель Божій, иногда самый достойный и ревностный, переноситъ крайнюю нищету и скудость во всемъ самомъ необходимомъ, и долженъ доставать пропитаніе себѣ и своему семейству трудами собственныхъ рукъ! Сколько подвиговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, сколько крестовъ и испытаній!

Отъ людей, болѣе или менѣе высокихъ по своему положенію и значенію въ обществѣ, отъ судящихъ, обладающихъ и пасущихъ, — обратитесь, если угодно, къ людямъ самымъ малымъ и незначительнымъ: въ ихъ жизни вы также найдете не мало случаевъ и обстоятельствъ, когда, для исполненія обязанностей христіанскихъ, имъ нужно совершить подвигъ терпѣнія, понести крестъ тяжелый и мучительный. Мало ли труда и подвига нужно кому бы то ни было изъ подчиненныхъ, особенно же человѣку бѣдному и незначительному, безъ богатства, безъ силы и связей, чтобы, не нарушая долга покорности и повиновенія начальствующимъ, всегда и во всемъ подчинять этотъ долгъ еще болѣе высокому и святому, — долгу повиновенія совѣсти и закону? Мало ли самоотверженія нужно для того, чтобы противостать повелѣнію неправедному и беззаконному, чтобы, не страшась никакихъ угрозъ и наказаній, сказать то же самое, что нѣкогда апостолы сказали начальникамъ іудейскимъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. 5, 29)?..

Впрочемъ, мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что истинно-христіанская жизнь и дѣятельность

на поприщѣ общественномъ требуетъ самоотверженія, труда и подвига только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только при обстоятельствахъ болѣе или менѣе неблагопріятныхъ. Нѣтъ, и въ положеніяхъ самыхъ покойныхъ и независимыхъ, самыхъ видныхъ и блестящихъ, христіанинъ долженъ быть истиннымъ подвижникомъ, если только онъ хочетъ быть христіаниномъ не по одному имени. Пусть счастіе, спокойствіе и миръ окружаютъ жизнь христіанина; пусть богатство обильнымъ потокомъ льется къ нему со всѣхъ сторонъ: и при такихъ обстоятельствахъ жизни, какъ много нужно для того, чтобы остаться вѣрнымъ ученію Евангелія, быть истиннымъ христіаниномъ и достойнымъ гражданиномъ! Обратитесь къ дѣйствительной жизни и посмотрите: много ли она представляетъ намъ истинныхъ христіанъ между людьми, состояніе которыхъ болѣе или менѣе счастливо и благополучно? На большей части богатыхъ не оправдываются ли слова Христа Спасителя: *неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное* (Матѳ. 19, 23)? Не бываетъ ли очень часто, что именно тѣ, которые особенно богаты, вмѣстѣ съ тѣмъ по преимуществу самолюбивы, своекорыстны и жадны до жестокости? Не приходится ли видѣть, какъ иногда богатые стараются отнять у бѣдняка послѣднюю копѣйку, добытую пóтомъ и трудомъ, лишить вдову съ сиротами послѣдняго прибѣжища? Не случается ли и такъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, пока находится въ состояніи болѣе или менѣе бѣдномъ, бываетъ добрымъ христіаниномъ и полезнымъ членомъ общества, а наживъ богатство, дѣлается и гордымъ, и надменнымъ, и скупымъ, и жестокимъ, или же предается мотовству и роскоши, жизни самой безпорядочной и развратной, унижающей достоинство человѣка и христіанина, положи-

тельно вредной для него самаго и для другихъ? Значитъ, и обладаніе и управленіе богатствомъ требуетъ отъ христіанина подвига и труда; значитъ, нужно много старанія и заботы, чтобы, при обиліи средствъ, удерживать свои чувственныя желанія въ должныхъ границахъ и сберегать свое сердце отъ жадности и своекорыстія, отъ холодности и безчувствія къ страданіямъ и бѣдствіямъ другихъ!...—Представьте себѣ человѣка, занимающаго болѣе или менѣе видное и важное положеніе въ обществѣ, имѣющаго право и власть повелѣвать другимъ и управлять ими, совершенно увѣреннаго въ преданности своихъ друзей, совершенно безопаснаго со стороны своихъ враговъ: и ему много, много нужно терпѣнія и труда, вниманія къ себѣ самому и другимъ, если онъ хочетъ быть истиннымъ христіаниномъ! Требуя послушанія и покорности отъ своихъ подчиненныхъ, онъ самъ не долженъ ли быть для нихъ самымъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ примѣромъ послушанія и повиновенія закону, требованіямъ долга и совѣсти? Сохраняя свои права и власть, не долженъ ли онъ постоянно наблюдать и то, чтобы его распоряженія и требованія не имѣли и тѣни своеволія и произвола, чтобы никакой упрекъ совѣсти не возмутилъ его души, чтобы ни одинъ его поступокъ не сдѣлался для подчиненныхъ камнемъ преткновенія и соблазна, поводомъ къ осужденію и осмѣянію не только его самаго, но и самой власти, которою онъ пользуется? Сохраняя свои достоинства и преимущества, не долженъ ли онъ въ то же время быть крайне внимательнымъ, чтобы сохраненіе ихъ не переходило въ гордость и надменность, въ тайное или явное презрѣніе къ своимъ подчиненнымъ, чтобы его отношенія къ нимъ не были запечатлѣны наглостію и высокомѣріемъ?... А сколь-

ко опять нужно вниманія, труда и заботъ начальствующимъ для того, чтобы въ ряду подчиненныхъ узнать и отличить людей истинно добрыхъ и честныхъ отъ лицемѣровъ, льстецовъ и ласкателей!...

Такимъ образомъ и по закону совѣсти, и по закону Евангелія, и по обыкновенному порядку жизни семейной и общественной, въ счастіи и въ несчастіи, на высотѣ величія и славы, равно какъ въ бѣдности и неизвѣстности, въ мірѣ и въ пустынѣ, — всегда и вездѣ истинный христіанинъ долженъ быть подвижникомъ!...

Но не всякій труженикъ есть въ то же время истинный христіанинъ въ полномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.... По внѣшнимъ дѣламъ и жизни еще не всегда можно съ полною увѣренностію сказать, что тотъ или другой человѣкъ въ своей жизни и дѣятельности идетъ путемъ истинно-христіанскаго подвижничества. По внѣшнимъ дѣламъ и жизни, можно мытаря осудить и признать человѣкомъ погибшимъ, а фарисея — величайшимъ образцомъ праведности и святости, можно рыбаря галилейскаго счесть невѣждою во всемъ, а саддукея — величайшимъ мудрецомъ, учителемъ и провозвѣстникомъ истины! То — непререкаемая, несомнѣнная истина, что христіанская любовь къ Богу и человѣчеству не можетъ не обнаруживать себя въ различныхъ дѣлахъ, въ исполненіи обязанностей въ отношеніи къ Богу и ближнимъ, въ преодолѣніи препятствій, въ перенесеніи трудовъ, однимъ словомъ: въ подвижничествѣ. Но несомнѣнно также и то, что подвижничество, — всѣ дѣла благочестія и христіанской добродѣтели могутъ проистекать и не изъ любви. А въ такомъ случаѣ и величайшіе труды и подвиги, по свидѣтельству Апостола, могутъ превратиться въ ничто (2 Кор. гл. 13).

По видимому, что может быть лучше и прекраснѣе дѣлъ милосердія и благотворенія? Но и милостыня, по свидѣтельству Спасителя, бываетъ малоцѣнна предъ Богомъ и теряетъ достоинство подвига истинно-христіанскаго, если не любовь живая и пламенная движетъ рукою, подающею милостыню. *Внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими*: что хочетъ сказать сими словами ѵпостасная Премудрость Божія? То ли, чтобъ нашихъ дѣлъ милосердія рѣшительно никогда и никто не видѣлъ, и потому никто и никогда не восхищался ими, не хвалилъ ихъ, не подражалъ имъ? Но кромѣ того, что это иногда невозможно физически, напримѣръ, когда у насъ просятъ помощи многіе и всенародно, — кромѣ того есть прямая, положительная заповѣдь Спасителя: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла!* Изъ снесенія тѣхъ и другихъ словъ Спасителя само собою ясно и очевидно, что Онъ отнюдь не порицаетъ дѣлъ милосердія, когда люди ихъ видятъ и хвалятъ, но порицаетъ то своекорыстное и чисто-самолюбивое побужденіе, по которому иногда благотворятъ другимъ,—*единственно* для того, чтобы ихъ видѣли и хвалили, — порицаетъ тѣхъ, которые, благотворя ближнему, имѣютъ въ виду *единственно* себя, — свою честь и славу, пользу иль удовольствіе. Впрочемъ, Спаситель самъ объясняетъ свои слова: *егда твориши милостыню, не воструби предъ собою.* О такомъ-то родѣ благотворенія и Апостолъ говоритъ: *аще раздамъ вся имѣнія моя, любве же не имамъ, никая польза ми есть!*

Тѣмъ, которые не понимаютъ силы и сущности Христіанства, такой судъ Евангелія можетъ показаться чрезмѣрно строгимъ и взыскательнымъ. «Ужели, — скажутъ

они — всѣ дѣла и подвиги, совершаемые по побужденію честолюбія и славолюбія, не значатъ ничего, не заслуживаютъ никакой награды и похвалы?» — Въ отвѣтъ на это прежде всего повторяемъ, что какъ Спаситель, такъ и Апостолъ осуждаютъ не добрыя дѣла, но нечистыя, самолюбивыя и своекорыстныя побужденія, по которымъ иногда совершаются добрыя дѣла, — и слѣдовательно, ни Спаситель, ни Апостолъ не даютъ намъ права осуждать самыя добрыя дѣла, оставлять ихъ безъ вниманія, безъ поощренія и награды, по какимъ бы тайнымъ, сокровеннымъ въ сердцѣ человѣка, побужденіямъ они ни совершались. Но иное дѣло — судъ человѣка, существа ограниченнаго, видящаго дѣла, но не всегда знающаго побужденія къ нимъ, и иное дѣло — судъ Божій, всегда основанный на высочайшемъ правосудіи и всевѣдѣніи Бога, испытующаго сердца и утробы. А этотъ судъ всегда справедливъ и человѣколюбивъ. Безконечно справедливъ и человѣколюбивъ онъ и въ томъ случаѣ, когда не усвояетъ великой цѣны и достоинства даже дѣламъ благотворенія, совершаемымъ по побужденіямъ своекорыстнымъ. Онъ справедливъ, потому что основанъ на правѣ самомъ святомъ и высокомъ, на правѣ, котораго не можетъ не признать человѣкъ, не отказавшись отъ здраваго разсудка. Ибо Господь, который сотворилъ насъ и непрестанно промышляетъ о насъ, который и въ царствѣ природы и въ царствѣ благодати осыпаетъ насъ благодѣяніями столь великими, что никакой умъ постичь, никакое слово изобразить ихъ не можетъ, который, по безконечной любви своей къ намъ, и Сына своего единороднаго предалъ на муки и страданія крестныя, который все сдѣлалъ для нашего блага и спасенія, — ужели Онъ не имѣетъ права требовать, чтобы мы съ своей стороны всѣ наши

добрыя дѣла совершали по любви къ Нему, безъ расчетовъ эгоизма, самолюбія и честолюбія?—Требованіе сіе и въ отношеніи къ людямъ въ высшей степени человѣколюбиво, проникнуто уваженіемъ къ правамъ и достоинству человѣка. — Обратимся къ жизни обыкновенной: много ли мы даемъ цѣны и уваженія человѣку, который дѣлаетъ намъ разныя услуги, показываетъ всѣ возможные знаки преданности и любви, но который, — какъ пришлось намъ убѣдиться, — все это дѣлаетъ единственно ради своихъ личныхъ выгодъ и, при первомъ случаѣ, какъ только не будетъ ему нужды въ насъ, готовъ оставить и забыть насъ, или даже предать насъ нашимъ личнымъ врагамъ? А если такой образъ дѣйствій нельзя признать нравственнымъ въ отношеніи къ частному лицу: то можно ли признать его такимъ въ отношеніи къ цѣлому обществу? Итакъ не трудно понять, справедливо ли и человѣколюбиво ли Евангеліе требуетъ отъ насъ, чтобы мы всѣ свои дѣла, всѣ подвиги благотворенія, всѣ предпріятія на пользу общественную дѣлали прежде всего и болѣе всего по живой и пламенной любви къ ближнимъ и Богу. Легко понять, строго ли и сурово, или напротивъ весьма благо и милосердо поступаетъ Евангеліе, если не много цѣнитъ такія дѣйствительно добрыя дѣла, которыя совершаются по цѣлямъ и побужденіямъ болѣе или менѣе нечистымъ и своекорыстнымъ. Кто дѣлаетъ благо для ближняго ради себя самаго, ради своей чести и славы, выгоды иль удовольствія, о томъ, судя по здравому смыслу и по ученію Евангелія, можно ли всегда съ увѣренностію сказать, что онъ —надежный христіанинъ и гражданинъ? При перемѣнѣ обстоятельствъ, —тамъ, гдѣ подвигъ можетъ остаться безъ вниманія и

награды,—не измѣнитъ ли онъ своему долгу, по крайней мѣрѣ, не ослабитъ ли онъ своей ревности и усилій къ подвигамъ правды и добра? — Правда, Евангеліе никому не воспрещаетъ заботиться о своемъ добромъ имени и доброй славѣ у людей; оно не даетъ намъ прямой и положительной заповѣди, чтобы мы съ усиліемъ и нарочито отвергали всякую земную награду за наши добрыя дѣла; но оно хочетъ внушить намъ, что эти побужденія всегда должны быть подчинены побужденію живой и пламенной любви къ Богу и человѣчеству. А требуя этого, оно кромѣ того, что имѣетъ въ виду наше нравственное совершенство, наше уподобленіе Богу — вѣчной и безпредѣльной любви, очевидно имѣетъ цѣлію утвердить и благо всего общества. Кто не знаетъ, что честолюбіе и вообще всѣ побужденія къ дѣятельности, имѣющія цѣлію личную пользу, честь и славу, суть начала всегда болѣе или менѣе разъединяющія членовъ общества между собою, что каждый, кто только руководится единственно этими началами, можетъ и завидовать другому, даже помѣшать ему въ самыхъ добрыхъ дѣлахъ и начинаніяхъ? Кто, сколько нибудь знакомый съ исторіей человѣчества и опытомъ жизни, не знаетъ, что зависть къ славѣ другихъ часто бывала препятствіемъ къ совершенію дѣлъ и предпріятій самыхъ благихъ и общеполезныхъ, что люди самые ревностные къ благу общему не достигали вполнѣ своихъ цѣлей тамъ, гдѣ не находили живаго сочувствія и любви къ себѣ? — Только одна любовь соединяетъ членовъ общества между собою и побуждаетъ ихъ искренно помогать другъ другу. Только она можетъ дать обществу силу несокрушимую, могущество, котораго никакая земная сила преодолѣть не можетъ;—

и чѣмъ болѣе въ обществѣ членовъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ духѣ истинно-христіанской любви, тѣмъ тверже и прочнѣе благоденствіе общества.

Если предъ судомъ Евангелія наши добрыя дѣла въ отношеніи къ ближнимъ имѣютъ мало достоинства и значенія, безъ любви къ Богу и человѣчеству: то и всѣ наши подвиги благочестія, всѣ дѣла богослуженія и богопочтенія, однимъ словомъ: исполненіе всѣхъ нашихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу ничтожно и маловажно безъ любви къ ближнему: *аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь... и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть!*... Не любить ближняго, живой образъ и подобіе Божіе, значитъ оскорблять Бога; не любить ближняго и въ тоже время чтить Бога, показывать всѣ знаки любви и благоговѣнія къ Нему,—значитъ въ одно и тоже время и почитать и хулить Его, значитъ попирать святость евангельскаго закона, который требуетъ отъ насъ единой, нераздѣльной любви къ Богу и человѣчеству, значитъ обманывать и людей, и Бога, котораго обмануть невозможно, значитъ издѣваться надъ высочайшимъ правосудіемъ и всевѣденіемъ Его.

Какъ преступно и оскорбительно для Бога—лицемѣрно исполнять обряды Вѣры и нарушать то ученіе, которое они внушаютъ и на которомъ опираются, исполнять предписанія религіи касательно богослуженія и въ тоже время не благотворить ближнему или, что еще хуже, дѣлать ему зло,—это мы можемъ видѣть въ самомъ словѣ Божіемъ. *Что Ми множество жертвъ вашихъ?*—говоритъ

нѣкогда Богъ къ іудеямъ чрезъ пророка Исаію. *Исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу.. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? Ходити по двору моему не приложите: и аще принесете Ми семидаль, всуе: кадило—мерзость Ми есть. Новомѣсячій вашихъ, и субботъ, и дне великаго не потерплю: поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя: бысте Ми въ сытость.... Егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ.* (Исаіи I 11—15). Какъ это могло случиться, что Господь отвергаетъ то самое богослуженіе, которое Онъ же установилъ? Какъ могло случиться, что благоуханіе дыма кадильнаго, символъ молитвы восходящей къ Богу, сдѣлалось *мерзостію* предъ очами Божіими, что Господь возненавидѣлъ всѣ праздники іудейскіе? Какъ могло случиться, что Онъ отвергаетъ тѣ жертвы, которыя установилъ руками своего великаго пророка Моисея и которыя уже потому долженствовали быть *благопріятны Богови*, что прообразовали всемірную искупительную жертву, принесенную *Іисусъ Христомъ* (I Петр. 2, 6)? *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ?...Мерзость Ми есть!... Не потерплю!.. Ненавидитъ душа моя!.. Не услышу васъ!...* Какія грозныя слова, какой ужасный судъ! Но этотъ судъ, этотъ приговоръ неумытнаго правосудія Божія былъ порожденъ не инымъ чѣмъ, какъ безконечнымъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ Божіимъ: *не услышу васъ: руки бо ваша исполнены крове.... Научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу,—и пріидите!..* Вотъ чего требовалъ

Богъ отъ іудеевъ,—и только при этомъ условіи и праздники, и жертвы, и всѣ обряды были Ему благоугодны; а безъ этого они не значили ничего...

Но если такъ было въ ветхомъ Завѣтѣ, во времена сѣней, гаданій и кровавыхъ жертвъ: то не тѣмъ ли болѣе должно быть такъ въ Завѣтѣ новомъ, когда *прейде сѣнь законная*, когда преизобильно открылась благодать и истина, когда мы всѣ, какъ братья по природѣ и благодати, какъ дѣти единаго небеснаго Отца, призываемся Церковію въ каждомъ ея богослуженіи единѣмъ сердцемъ и устами взывать: *Отче нашъ!*—когда вмѣсто жертвъ кровавыхъ мы вкушаемъ Жертву безкровную, жертву мира и спасенія, безконечной благости и любви, и въ ней таинственно, но истинно и существенно дѣлаемся всѣ едино съ Іисусомъ Христомъ, и едино между собою?—Итакъ пусть и тотъ, кто ревностно, даже очень ревностно подвизается въ соблюденіи и исполненіи обрядовъ Церкви, пусть и тотъ строго наблюдаетъ за собою, точно ли онъ подвизается благоугодно Богу, благотворно для ближнихъ и спасительно для себя. Пусть внимательно, въ глубинѣ своей совѣсти, рѣшитъ вопросъ: не направлена ли его жизнь и дѣятельность къ раздѣленію того, что ни какимъ образомъ не можетъ быть раздѣлено,—къ отдѣленію любви къ Богу отъ любви къ ближнимъ, или, вѣрнѣе сказать, къ уничтоженію той и другой, такъ какъ одна безъ другой онѣ никогда не бываютъ!..

Къ сожалѣнію, внимательный, имѣющій очи видѣти, можетъ иногда примѣчать и то, какъ люди, не понимающіе духа и значенія христіанскихъ обрядовъ, исполняя эти обряды, въ тоже время оставляютъ безъ вниманія *вящшая закона—судъ и милость* (Мате. 23, 23), какъ,

ревнуя объ образѣ благочестія, въ тоже время отвергаются его силы, думая благоугождать Богу, на самомъ дѣлѣ оскорбляютъ Его!..

Такъ иные, слѣдуя ученію и заповѣдямъ Церкви, молятся дома утромъ и вечеромъ. По видимому, чего инаго слѣдовало бы ожидать отъ христіанской молитвы, отъ бесѣды съ Богомъ мира и любви, какъ не мирнаго и покойнаго настроенія духа, какъ не словъ и дѣлъ проникнутыхъ любовію и благожеланіями въ отношеніи къ ближнему? Но какъ много молитвенниковъ, которые тотчасъ послѣ своей молитвы переходятъ къ словамъ и дѣламъ крайне не доброжелательнымъ въ отношеніи къ ближнему, къ брани и ссорамъ съ домашними, къ клеветѣ и злорѣчію на своихъ ближнихъ! Не о такихъ ли молитвенникахъ Господь сказалъ: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. 15, 8)?

Иные, слѣдуя уставамъ и заповѣдямъ св. Церкви, почитаютъ дни воскресные и праздничные, ходятъ въ храмы, жертвуютъ на украшеніе ихъ, возжигаютъ свѣчи предъ образомъ Христа Спасителя, Пресвятой Дѣвы и угодниковъ Божіихъ, постятся, участвуютъ въ таинствахъ Церкви. Такія ли дѣла не достойны похвалы и подражанія? Здѣсь ли нѣтъ истиннаго Христіанства, нѣтъ пути ко спасенію?—Такъ, и этимъ путемъ мы не прійдемъ ко спасенію, безъ чувствъ и дѣлъ мира и любви къ ближнему. Богъ болѣе всего славится добрыми дѣлами; напротивъ дѣлами злыми только хулится имя Божіе. Поэтому, какая честь и слава Богу, если тотъ же самый человѣкъ, который украшаетъ рукотворенный храмъ Божій, въ тоже время грабитъ и разоряетъ, унижаетъ и

оскорбляетъ живой, нерукотворенный храмъ Божій,— христіанина? Какая слава Богу, если кто предъ образомъ возжигаетъ свѣчу, а самъ не горитъ духомъ и не являетъ въ своей жизни дѣлъ свѣта, а напротивъ всюду распространяетъ дѣла тьмы и погибели? Чтò пользы отъ множества поклоновъ и колѣнопреклоненій предъ олтаремъ Господнимъ, когда, удалившись отъ этого олтаря, тотъ же самый человѣкъ хочетъ всѣхъ преклонить и унизить своею наглостію и высокомѣріемъ, оскорбить суровымъ и ядовитымъ словомъ? Какая слава для Бога, какая польза для общества, какое благо для христіанина, если въ день воскресный и праздничный одинъ и тотъ же человѣкъ утромъ присутствуетъ во храмѣ, а вечеромъ, также подъ предлогомъ праздника, въ домѣ пьянства, гдѣ теряетъ разсудокъ, вступаетъ въ ссору и драку съ другими, и такимъ образомъ въ самомъ себѣ и въ другихъ крайне унижаетъ человѣческое достоинство, нарушаетъ порядокъ и спокойствіе общественное, а возвратясь домой, вноситъ и сюда шумъ и брань, печаль и огорченіе? Какая польза человѣку отъ поста, если постясь *тѣлесно*, онъ не постится и *духовно*, если, воздерживаясь отъ мяса, онъ въ тоже время пожираетъ, можно сказать, плоть и кровь своихъ ближнихъ, — грабитъ вдовъ и сиротъ, или же обманываетъ всѣхъ въ дѣлахъ купли и продажи?—Чтò сказать о тѣхъ, которые, питая въ сердцѣ вражду и злобу, занимаясь дѣлами грабительства, хищенія, издоимства и лихоимства и вовсе не думая отстать отъ нихъ, въ тоже время участвуютъ въ таинствахъ Церкви, приступаютъ и къ самому святѣйшему изъ таинствъ,— причащенію тѣла и крови Господней? О такихъ людяхъ говоритъ самъ Апостолъ:

ядый и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ (I Кор. 11, 20): не во спасеніе, а въ погибель, не въ оправданіе, а въ осужденіе себѣ приступаютъ такіе люди къ самому Источнику жизни и спасенія.

Ѳ. Надеждинъ.

I.

ПРЕДѢЛЫ ХРИСТІАНСКОЙ УСЛУЖЛИВОСТИ.

Услужливость въ ряду достоинствъ человѣка занимаетъ высокое мѣсто. Она принадлежитъ къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя никогда не являются отдѣльно одна отъ другой и изъ которыхъ каждая своимъ присутствіемъ даетъ знать, что, вмѣстѣ съ нею, въ нашемъ сердцѣ есть еще и другія драгоцѣнныя сокровища. Скромность, снисходительность, безкорыстіе, доброта сердца, великодушіе,—вотъ тѣ прекрасныя качества, съ которыми она самымъ тѣснымъ образомъ сплетается и возрастаетъ. И если къ простому чувству доброжелательства присоединяется еще та благородная проницательность и то чистое чувство нѣжности, которыя такъ хорошо умѣютъ угадывать всю истинную мѣру услугъ, требуемыхъ положеніемъ ближняго, умѣютъ облекать ихъ въ нималонеоскорбляющую форму и избирать для нихъ надлежащую дорогу: тогда красотою этой добродѣтели можетъ не трогаться только испорченное и огрубѣлое сердце. Это языкъ сердца—простой и молчаливый, но дѣйствующій сильнѣе всякой рѣчи. Самая малая услуга отъ способа, какимъ она оказана, иногда пріобрѣтаетъ большое значеніе и производитъ не мало благотворныхъ послѣдствій; и во многихъ, для безчувственнаго и тупаго зрѣ-

нія не замѣтныхъ, чертахъ друга человѣчества, открывается болѣе доброму и отъ того болѣе острому взору вся чудная красота души его...

Но это — услужливость истинная. Есть услужливость ложная, происходящая не отъ благородства, а отъ низости души, не приносящая никому никакой пользы, напротивъ производящая только вредъ и отягощающая душу бременемъ, котораго тяжесть будемъ чувствовать всего болѣе въ послѣдній день. И, что̀ особенно замѣчательно, ложная услужливость нерѣдко носитъ на себѣ признаки истинной, имѣетъ столько видимаго съ нею сходства, что самый благомыслящій человѣкъ можетъ страшно ошибаться на счетъ ея, если не озаряетъ его свѣтъ истины, просвѣщающій всякаго человѣка. Въ предосторожность отъ такого заблужденія, пагубнаго и для временнаго и для вѣчнаго нашего благополучія, мы всегда должны помнить, какъ далеко простирается обязательная сила христіанской услужливости.

Долгъ христіанской услужливости перестаетъ быть обязательнымъ прежде всего тогда, когда отъ насъ требуютъ чего нибудь противнаго Богу и совѣсти; за тѣмъ— тогда, когда намъ представляются такія вещи, которыя, хотя сами по себѣ и позволительны, даже имѣютъ добрую сторону, но, въ приложеніи къ особеннымъ обстоятельствамъ, могутъ оказаться дурными и производятъ только зло.

И во первыхъ: долгъ христіанской услужливости перестаетъ быть обязательнымъ въ томъ случаѣ, когда отъ насъ требуютъ того, что противно Богу и совѣсти. Излишне было бы доказывать это; ибо какой христіанинъ не убѣжденъ въ томъ, что должно повиноваться болѣе Богу, нежели людямъ, что, ни изъ какихъ видовъ, не

слѣдуетъ жертвовать святынею заповѣдей Господнихъ ради того или другаго человѣка? Нѣтъ, лучше потерпѣть упреки, насмѣшки, ненависть, злословіе, презрѣніе и самыя жестокія гоненія и огорченія, нежели оказать преступную услугу, пріобрѣсти дружбу или купить постыдный миръ съ людьми цѣною истины, невинности, добродѣтели, правды и долга. Повторяемъ, излишне оправдывать это правило; но тѣмъ не менѣе нужно непрестанно напоминать о немъ. Какъ мало мы понимаемъ или, лучше сказать, чувствуемъ все величіе и силу его и, однако, какъ часто бываетъ нужно обращаться къ нему въ жизни, гдѣ почти на каждомъ шагу подвергаемся искушенію — оставить путь добрый, но трудный, и избрать, вмѣсто него, легкій, но недобрый! Нужно согласиться, въ жизни нашей не разъ могутъ образоваться такія положенія, при которыхъ осуществленіе этого правила представится труднымъ и въ которыхъ такъ легко увлечься изъ области божественнаго послушанія въ рабство страстямъ человѣческимъ. Никогда не бываетъ недостатка въ искушеніяхъ самыхъ разнообразныхъ, исполненныхъ или всей обольщающей прелести, или страшной потрясающей силы. Мы можемъ вдругъ оказаться въ обстоятельствахъ самыхъ неожиданныхъ и вмѣстѣ непріятныхъ, въ положеніи самомъ затруднительномъ, въ борьбѣ самой тяжелой и вмѣстѣ продолжительной; даже болѣе, можетъ быть — среди такихъ обстоятельствъ отъ насъ потребуется пожертвованіе уваженіемъ свѣта, нашимъ достояніемъ, счастіемъ, надеждами, самою жизнію: что́ мы сдѣлаемъ тогда, это еще неизвѣстно; но что́ мы должны сдѣлать, это намъ вполнѣ извѣстно.

Дороже всего для насъ всегда и вездѣ должна быть Вѣра. *Иже отвержется Мене предъ человѣки*, говоритъ

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ* (Мѳ. 10, 33). Отвергнуться Христа—страшное дѣло! А не происходитъ ли оно иногда просто изъ постыдной терпимости, которая въ сущности есть только прикрытая трусость! Да, до самой постыдной измѣны Богу и слову Божію можетъ иногда увлекать человѣка это слишкомъ далеко простираемое желаніе ни съ кѣмъ не разногласить и быть въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣмъ свѣтомъ. Гдѣ нужно употребить взглядъ строгій и безпощадный, туда раболѣпный взоръ и не взглянетъ. Гдѣ нужно откровенно высказать горькую правду, тамъ льстивый языкъ нѣмѣетъ. Какъ часто даютъ осуществиться какому нибудь беззаконному и пагубному стремленію, тогда какъ одно слово, сказанное въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, могло бы пристыдить, обезоружить и обезсилить явнаго злодѣя. Но не хотятъ наживать себѣ враговъ, хотятъ лучше лишиться похвалы и милости у Бога, чѣмъ потерять славу и благосклонность у человѣка. О, безпечная и невѣрная душа, забывшая, что Христосъ не пришелъ *воврещи миръ на землю, но мечь* (ст. 34), что истинные ученики Христовы должны быть *солію земли* (5, 13)!

Далѣе, дороже всего для насъ должна быть истина. Человѣкъ, и съ этой стороны, можетъ подвергаться жестокимъ испытаніямъ. Цѣною лжи и обмана онъ иногда можетъ избавиться отъ нужды, пріобрѣсти высокое положеніе въ обществѣ, обезпечить себя на многія лѣта; можетъ оказать существенную услугу людямъ, близкимъ его сердцу, которыхъ счастіе ввѣрено его попеченію или которые имѣютъ полное право на его признательность; можетъ вывести ихъ изъ бѣды, снять съ нихъ позоръ, избавить отъ печали и т. п. Какъ устоять ему противъ

убѣдительныхъ напоминаній о дружбѣ, противъ нѣжныхъ словъ любви, какъ вынести ему взоры грусти, тоски и безпокойства, со всѣхъ сторонъ устремленные на него съ надеждою! Други мои! мы вовсе не думаемъ бросить камень на того, кто подпалъ, при такихъ случаяхъ, человѣческой слабости; но не можемъ не сказать о такомъ человѣкѣ: «онъ поступилъ не хорошо.» Всѣмъ, что принадлежитъ человѣку и надъ чѣмъ онъ полный властелинъ, всѣмъ этимъ онъ можетъ жертвовать любви и дружбѣ. Но истина должна быть выше личныхъ отношеній: ей каждый долженъ подчиняться и ею каждый долженъ управляться; а кто пренебрегаетъ ею, тотъ святотатственною рукою касается совѣсти — святыни своего духа, и оскорбляетъ свое высокое христіанское званіе. *Купленные цѣною* не должны быть *рабами человѣкомъ* (1 Кор. 7, 23). Будемъ же всегда твердо ходить и стоять въ истинѣ, какъ бы ни были сладостны узы любви или тѣсны узы дружбы.

Подобно истинѣ, должна быть дороже всего для насъ и правда. Неправда иногда является подъ самымъ плѣнительнымъ покровомъ, обольщаетъ самыми нѣжными рѣчами, обѣщаетъ большія выгоды; а правда, напротивъ, всего чаще бываетъ бѣдна, скромна и угнетена, повергаетъ во многія опасности, не обѣщаетъ въ мірскихъ дѣлахъ никакого успѣха. И однакожъ, кто, сколько нибудь исполненный духа Христова, станетъ, хотя на минуту, колебаться въ избраніи именно того, чего требуетъ долгъ и что пріятно Богу? Люби правду, заповѣданную Богомъ, и никого не бойся: *аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. 8, 31)? Счастливъ такой человѣкъ! Его ничто не обольщаетъ, ничто не устрашаетъ. Онъ съ твердостію отвергаетъ плату за измѣну, какъ плату

Іуды предателя; съ неустрашимостію говоритъ и дѣйствуетъ противъ насилія и угнетенія; съ геройскимъ мужествомъ устремляется противъ всякихъ нестроеній. И чтó бы ни пришлось потерять ему въ счастіи земномъ за правду, онъ знаетъ, что небесный Свидѣтель его правды вознаградитъ его сторицею такими сокровищами, *ихъже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9).

Итакъ чтó противно Богу и совѣсти, то не входитъ въ область священной обязанности услуживать ближнему. Впрочемъ и то, чтó, хотя само по себѣ позволительно и хорошо, но въ приложеніи къ дѣлу, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ принести вредъ, — и это для насъ необязательно.

Уступчивость напр. есть, безъ сомнѣнія, добродѣтель прекрасная. Не безъ основанія говорятъ: умный уступаетъ. Но это умное выраженіе не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо. Тамъ, гдѣ нужно обуздать тщеславіе, сокрушить дерзость, сломить упорство, унизить надменнаго, смирить гордаго, — тамъ мы должны, даже въ самыхъ маловажныхъ предметахъ, стоять твердо за правду, утѣшая себя тою благою мыслію, что въ такихъ случаяхъ, правильно говоря, мы оказываемъ ближнему бóльшую услугу, когда не оказываемъ ему никакой.

Достохвальна также снисходительность. Мы сами всего чаще нуждаемся въ снисхожденіи ближнихъ: какъ же не быть и намъ снисходительными къ ихъ слабостямъ? Но гдѣ благотворныхъ и спасительныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ строгости, тамъ снисходительность — порокъ. Эта уступчивость и слабость сердца, постоянно дозволяющаго побѣждать себя слезами, прось-

бами, обѣщаніями или ласками, часто можетъ быть источникомъ величайшаго несчастія. Подумайте, какой отвѣтственности мы подвергаемся, когда своею снисходительностію ободряемъ легкомысліе, способствуемъ къ полному забвенію долга и дозволяемъ многимъ, едва только возникающимъ слабостямъ въ нашемъ ближнемъ, безпрепятственно разрастаться до тѣхъ поръ, пока не обратятся они мало по малу въ пагубный навыкъ, чтобы отравить и разстроить всю жизнь его. Подумайте, что даже тѣ самые, которымъ мы поблажаемъ и потворствуемъ, когда нибудь могутъ воздать намъ ненавистію и проклятіемъ за наше пагубное добродушіе...

Милосердіе, безспорно, одна изъ высокихъ добродѣтелей христіанина. И однакожъ каждый согласится, что и касательно этой добродѣтели есть мудрыя правила, которыхъ не должно терять изъ виду. *Доброхотна дателя*, говорится въ Писаніи, *любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7),—но, конечно, не безразсуднаго. Есть люди, которые не хотятъ развить и употребить, какъ должно, ни одной изъ силъ, дарованныхъ Богомъ,—только потому, что они надѣются на наше добродушіе, которымъ они злоупотребляютъ и которое постоянно усиливаетъ и питаетъ въ нихъ страсти. Есть такіе, которыхъ нужды только увеличиваются, если имъ будешь удовлетворять постоянно. Въ такихъ случаяхъ, суровость часто бываетъ благодѣяніемъ и рѣшительный отказъ добродѣтелью. Истинно—несчастному наше щедрое пособіе, благородной душѣ наше посильное заступничество, нуждающейся заслугѣ искреннее съ нашей стороны ободреніе, угнетенному крайнимъ положеніемъ скорѣйшая отъ насъ помощь, стыдящейся за себя бѣдности наше нѣжнѣйшее участіе, — вотъ, други мои, тѣ жертвы, которыми благоугождается Богъ (Евр. 13,

16), вотъ тѣ дѣла, которыя производятъ въ сердцѣ пріятное довольство и воспоминаніе о которыхъ бываетъ сладостно и живительно особенно тогда, когда на наши радости и утѣхи опускается печальное покрывало смерти. А кто съ закрытымъ взоромъ и излишнею слабостію сердца расточаетъ свои дары, какъ случится, тотъ обкрадываетъ истинно-нуждающихся, и вмѣсто того, чтобы видѣть благословенную жатву, получить добрые плоды отъ своего дѣла, съ ужасомъ замѣтитъ рано или поздно, какъ онъ воспиталъ и развилъ только плевелы: праздность, лѣность, наглость, буйство,—не упоминаемъ уже о тѣхъ несчастіяхъ, которыя съ этими страстями соединены или которыя отъ нихъ происходятъ. Благотворительность такого человѣка есть вовсе не плодъ разумнаго служенія Богу: всего чаще она является не болѣе, какъ выраженіемъ торопливаго желанія, такъ сказать, успокоить нервы, раздраженные зрѣлищемъ страданія, нерѣдко только мнимаго. Лишь въ одномъ случаѣ мы обязуемся къ благотворительности безусловной. Это тамъ, гдѣ, по какимъ нибудь причинамъ, которыя ни мало отъ насъ не зависятъ, мы не имѣемъ достаточно средствъ или времени провѣрить справедливость нашего различенія нищеты ложной отъ истинной, а между тѣмъ обращенная съ мольбою рука не терпитъ медлительности. Тогда дай просящему, не размышляя,—все прочее предоставь Богу.

Такимъ образомъ, почти во всѣхъ состояніяхъ жизни имѣетъ мѣсто та истина, что есть вещи, которыя, хотя вообще и позволительны и даже имѣютъ свою похвальную сторону, но которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ сдѣлаться гибельными и произвести только вредъ. Для всякаго благомыслящаго человѣка понят-

но, что такіе случаи освобождаютъ насъ отъ обязанности услуживать ближнему, что мы поступили бы безразсудно, если бы, на перекоръ здравому смыслу, послѣдовали слабому чувству.

Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте (Фил. 4, 8).

О ДѢВСТВѢ.

Высоко въ очахъ Божіихъ дѣвство! Величайшей, безпримѣрной для человѣка чести и славы, – славы быть Матерію Богочеловѣка,—Господь сподобилъ чистѣйшую изъ женъ, пренепорочную и пречистую Приснодѣву Марію.

Высоко всегда было и будетъ дѣвство и въ глазахъ Церкви Христовой, въ глазахъ истинныхъ христіанъ. И дивно ли это, когда дѣвство почтилъ своею Божественною чистотою воплотившійся Сынъ Божій, когда Приснодѣва была Его преславная Матерь, когда дѣвственники были: болій въ рожденныхъ женами — Іоаннъ Креститель (Матѳ. 11, 11), возлюбленный ученикъ Христовъ св. Іоаннъ Богословъ, больше всѣхъ апостоловъ потрудившійся въ благовѣстіи Христовомъ св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 15, 10)? Такъ, и одно благоговѣніе къ высокимъ представителямъ дѣвства справедливо побуждаетъ св. Церковь высоко цѣнить дѣвство. Но Церковь чтила и чтитъ дѣвство не изъ благоговѣнія только къ его представителямъ, а и ради его самаго. Она чтила и чтитъ въ дѣвствѣ чистоту ангелоподобную, самоотверженіе, приносящее въ жертву Господу земныя радости, возвышенность помысловъ и стремленій, имѣющихъ своимъ постояннымъ предметомъ Господа. Сколько по своимъ высокимъ образцамъ, столько же и по высотѣ своей, подвигъ дѣвства всегда былъ верхомъ желаній или предметомъ глубокаго уваженія для людей,

пламенно любящихъ Христа-Спасителя и ревнующихъ о благочестіи.

Но чтò высоко цѣнится и уважается Церковію, то обыкновенно подвергается поруганію и хулѣ со стороны враговъ Церкви или недостойныхъ чадъ ея. Самъ Христосъ Спаситель, который для званныхъ есть Божія сила и Божія премудрость, — для погибающихъ—соблазнъ и безуміе (1 Кор. 1, 23). Дивно ли, что для многихъ соблазнъ и безуміе и досточтимое дѣвство? Въ наше время многіе смотрятъ на дѣвство именно такъ; почти такъ о немъ пишутъ и говорятъ во всеуслышаніе. Они стараются низвести дѣвство съ той нравственной высоты, на которую поставило его Христіанство, и лишить его того уваженія, которымъ окружаютъ его послѣдователи Христовы.

Враги дѣвства ратуютъ противъ дѣвства во имя блага человѣка и человѣчества, которымъ будто бы вредитъ дѣвство. По понятію ихъ, дѣвственникъ грѣшитъ и противъ себя самаго, поступая, будто, вопреки своей природѣ, созданной для супружества; грѣшитъ противъ общества, противъ всего человѣчества, не призывая къ бытію и жизни новыхъ членовъ человѣчества, дѣятелей въ средѣ его. Разсмотримъ сіи нареканія на дѣвство при свѣтѣ слова Божія.

«Дѣвство, говорятъ, противно природѣ человѣческой.»

Иногда изучаютъ природу человѣческую съ такой точки зрѣнія и въ такой средѣ людей, что дѣвство дѣйствительно можетъ показаться явленіемъ страннымъ, неестественнымъ. Если въ человѣкѣ видятъ одну только плоть, и не допускаютъ въ немъ безсмертнаго духа; если, на основаніи такого понятія о природѣ человѣческой, стоятъ за права и потребности только плоти, из-

дѣваясь надъ высшими нравственными требованіями духа, какъ вымысломъ; если считаютъ естественными, — потому разумными и законными, — даже всѣ безпорядочныя похоти и извращенныя требованія испорченной природы человѣческой: то могутъ ли не считать противнымъ природѣ—дѣвство, которое не только отвергаетъ все нечистое и грѣховное, но и отказываетъ, ради царствія небеснаго, въ удовлетвореніи законнымъ потребностямъ своей плоти? Когда изучаютъ душу человѣческую въ такихъ обществахъ, гдѣ даже цѣломудріе супружеское рѣдкость, а христіанское дѣвство и вовсе не имѣетъ достойныхъ представителей, способныхъ заставить полюбить и уважать его; когда, на основаніи явленій мнимо-правильной жизни въ этихъ обществахъ, считаютъ неправильностію все, несообразное съ образомъ этой жизни: тогда могутъ ли не видѣть насилія природѣ въ дѣвствѣ, строго обличающемъ беззаконія этихъ обществъ? Но дѣло въ томъ: не одностороння ли эта точка зрѣнія? не слишкомъ ли тѣсенъ кругозоръ ея? не ложная ли она? Среда, приводящая къ подобнымъ понятіямъ о природѣ человѣческой, такова ли, чтобы по ней можно было правильно судить о природѣ нашей во всей ея полнотѣ и разнообразіи? Нѣтъ и нѣтъ! Это отрицаніе мы слышимъ изъ устъ вѣчной истины—Христа Спасителя; слышится оно и со стороны опыта. Іисусъ Христосъ не только не видитъ насилія природѣ въ дѣвствѣ, но и указываетъ на такія личности, въ отношеніи къ которымъ насиліемъ природѣ было бы супружество и для которыхъ естественное состояніе — дѣвство. На вопросъ фарисеевъ: *«по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею?»*—Онъ отвѣчалъ: *«Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣя-*

ніе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ. Говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ; то лучше не жениться. Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами ради царствія небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ.» (Матѳ. 19, 3—13). Какъ ясно и побѣдоносно обличается этимъ всестороннимъ, всеобъемлющимъ взглядомъ на человѣчество по отношенію къ браку и безбрачію, односторонность враговъ дѣвства, признающихъ естественною и правильною только жизнь супружескую. Онъ ясно показываетъ, что брачное состояніе не для всѣхъ—естественное и обязательное состояніе. Онъ ясно и очевидно показываетъ, что *инымъ дано* нести подвиги дѣвства; что инымъ сама природа, инымъ высшее призваніе указываютъ на безбрачіе, какъ на состояніе самое естественное для нихъ. Раздѣляя все человѣчество на людей, призванныхъ къ брачному состоянію, и на людей, призванныхъ къ дѣвству самою природою, Іисусъ Христосъ показываетъ для послѣднихъ неестественность не въ дѣвствѣ, а въ супружествѣ. Таковъ взглядъ на бракъ и безбрачіе всесторонній и всеобъемлющій.

«Дѣвство, говорятъ, противно природѣ человѣческой.» Но въ Христіанствѣ есть такія благословенныя семейства, роды, въ которыхъ сотворилъ себѣ обитель духъ цѣломудрія. Здѣсь имъ проникается все; онъ проникаетъ и одухотворяетъ даже тѣ дѣйствія человѣческія, которыми отдается дань плоти. Въ этихъ семействахъ и родахъ, какъ благословенный плодъ многихъ чистыхъ, цѣлому-

древнихъ рожденій, являются личности, столько чистыя по самой природѣ, что видимо самою природою назначаются къ дѣвственному цѣломудрію. Естественный даръ чистоты еще больше укрѣпляется въ нихъ воспитаніемъ и естественнымъ и нравственнымъ. Съ молокомъ матери они всасываютъ цѣломудріе, одушевляющее мать, и имъ питаютъ и укрѣпляютъ цѣломудріе, наслѣдованное ими отъ родителей вмѣстѣ съ жизнію. Еще въ дѣтствѣ въ нихъ является сильное влеченіе къ чистому и святому. Когда же они начинаютъ возрастать и укрѣпляться въ разумѣ; то правила и духъ чистоты, управляющія св. семействомъ, благодать, постоянно присущая ему, дѣлаютъ чистоту дѣтей болѣе сознательною, разумною, и сообщаютъ ей новую силу, твердость, достоинство, цѣну. И вотъ являются люди, облеченные плотію, но до такой спепени духовные, что, кажется, безъ борьбы съ плотію могутъ отказывать ей въ удовлетвореніи ея потребностямъ; являются люди, въ отношеніи къ которымъ даже мысль о супружествѣ—странность, несообразность. Кто знакомъ съ жизнію св. Алексія человѣка Божія, св. діакониссы Олимпіады: тотъ не могъ не поражаться тою изумительною — и въ тоже время такъ естественною, — высотою дѣвственной чистоты, до которой возвысился въ нихъ бренный человѣкъ. А Пресвятая Дѣва Марія? Не оскорбленіе ли для Ея дѣвственной чистоты—даже мысль о супружествѣ, не смотря на всю нравственную высоту супружества? Чтожъ? Ужели дѣвство и подобныхъ лицъ противно природѣ? Напротивъ, супружество поставило бы ихъ въ отношенія, имъ несродныя и неестественныя.

Конечно, избранниковъ, сохраняющихъ и въ зрѣломъ возрастѣ чистоту и непорочность ангельскую, немного въ грѣшномъ родѣ человѣческомъ. Тѣмъ не менѣе при-

мѣръ ихъ показываетъ, что несправедливо рѣшительно назвать дѣвство противнымъ природѣ человѣческой, что, напротивъ, для нѣкоторыхъ возвышеннѣйшихъ личностей противнымъ природѣ былъ бы союзъ супружескій. Но если мало въ мірѣ такихъ людей, то есть много рода люди, для которыхъ также было бы противнымъ природѣ не дѣвство, а супружество. Есть люди, которые, не смотря на трудность подвиговъ дѣвства, легче могутъ нести эти подвиги, чѣмъ многотрудныя и многоотвѣтственныя обязанности супружескія и семейныя. На столько благородные и честные, чтобы искать въ избираемомъ состояніи не выгодъ только, правъ и удобствъ, но вмѣстѣ обрекать себя и на лишенія, труды и обязанности, неразлучныя съ нимъ,—они, при выборѣ состоянія, взвѣшиваютъ и обдумываютъ все, и обрекаютъ себя, какъ на естественное для нихъ состояніе, на дѣвство, отрекаясь отъ супружества. Ибо все—и природа, и воспитаніе, и обстоятельства жизни, все,—видятъ они, — приготовило ихъ къ иночеству, дѣвству, а не къ жизни супружеской. Они сами чувствуютъ, что не созданы для того, чтобы составить счастіе лица, которое связало бы съ ними на всю жизнь судьбу свою. Они ясно понимаютъ, что у нихъ не достало бы силъ и искуства надлежащимъ образомъ воспитать дѣтей своихъ, сдѣлать ихъ истинными христіанами, достойными гражданами. Они чувствуютъ въ себѣ силы для однихъ подвиговъ и рѣшительное безсиліе для другихъ, по видимому и легчайшихъ. По свойству природы своей они легче могутъ переносить величайшія лишенія и подвиги, когда будутъ дѣйствовать одни, отвѣчать за себя только и собою, страдать и лишаться только сами, чѣмъ самыя маловажныя лишенія и несчастія, обрушивающіяся вмѣстѣ съ ними и на

другихъ, ближнихъ. Они, по свойству своей природы, могутъ легче управляться съ самыми сильными порывами своей природы, и господствовать надъ собою, чѣмъ управлять слабыми существами, которыхъ они должны быть опорою. Для нихъ, когда они—одни, легче выносить ужаснѣйшую жизненную бурю, чѣмъ въ семействѣ слышать стонъ страдающаго дитяти. Словомъ: для нихъ естественнѣйшій и безопаснѣйшій путь жизни и спасенія — путь дѣвства. И чтожъ? Ужели они насилуютъ природу свою, когда, отрекаясь отъ жизни, для нихъ несродной, отъ обязанностей, для нихъ неисполнимыхъ, берутъ на себя подвиги трудные, но для нихъ болѣе удобоисполнимые? Напротивъ, супружество поставило бы такихъ людей въ неестественныя для нихъ отношенія и вовлекло бы ихъ въ жизнь бѣдственную и для нихъ и для другихъ.

Скорѣе, повидимому, можно было бы осудить тѣхъ людей, которые получили отъ природы всѣ дары, нужные для жизни супружеской и семейной, но сами себя, ради царствія небеснаго, обрекли на жизнь дѣвственную. Но и ихъ можетъ осудить только судъ людей, не имѣющихъ понятія о подвигахъ, о правѣ, даже обязанности нѣкоторыхъ избранниковъ Божіихъ служить извѣстному св. дѣлу исключительно, съ самоотверженіемъ, съ отреченіемъ отъ всѣхъ удобствъ и радостей жизни. Подвигъ есть торжество высшихъ нравственныхъ чувствъ и стремленій человѣка надъ низшими, большею частію самолюбивыми потребностями его, а не насилованіе природы. Когда человѣкъ, для спасенія своего ближняго, бросается въ воду, въ огонь, въ среду разбойниковъ, подвергаясь опасности потерять жизнь, онъ совершаетъ подвигъ, доставляя торжество любви къ ближнимъ надъ самолю-

бiемъ; но кто осмѣлится сказать, что онъ поступаетъ вопреки своей природѣ? Когда отецъ семейства обрекаетъ себя на всѣ лишенія, труды и опасности, для того, чтобы обезпечить свое семейство, дать своимъ дѣтямъ лучшее воспитаніе,—ужели онъ насилуетъ свою природу? Ужели онъ поступалъ бы сообразнѣе съ нею тогда, когда самолюбиво предавался бы удовольствіямъ и бездѣйствію, оставляя дѣтей и безъ воспитанія и безъ содержанія? Такъ же нужно смотрѣть и на дѣвство ради царствія Божія. Если цѣною лишеній дѣвственной жизни человѣкъ можетъ купить себѣ возможность лучше служить Богу, всецѣло посвятить себя Господу; если онъ въ состояніи дѣвства можетъ лучше служить и своему собственному благу и спасенію, и благу и спасенію ближнихъ, и словомъ благовѣстія и назиданія и дѣлами любви и милосердія: не будетъ ли его дѣвство, пріемлемое съ такою цѣлію, подвигомъ, и подвигомъ самымъ высокимъ? И какъ отказать въ правѣ на такіе подвиги тѣмъ лицамъ, которыя своимъ призваніемъ, своимъ избраніемъ прямо обязываются къ нимъ? Какъ отказать въ правѣ на такіе подвиги лицамъ, призваннымъ на исключительное служеніе Богу съ полнымъ самоотреченіемъ и самоотверженіемъ? Какъ было воспретить дѣвство св. Предтечѣ, когда именно сурово подвижническою жизнію предназначено было ему обратить вниманіе современниковъ на его строгую проповѣдь покаянія? Какъ было воспретить дѣвство Павлу, когда любовь его нераздѣльно принадлежала Христу, когда всѣ его помыслы обращены были на слово благовѣстія, и когда у него не было времени для заботъ и попеченій житейскихъ? Обязывать такихъ людей къ супружеству значило бы полагать препоны успѣхамъ святаго служенія ихъ, столь важнаго и благотворнаго для

человѣчества. Для людей, подобныхъ Предтечѣ и Павлу, предпочитающихъ духъ тѣлу, блага, радости, удовольствія духовныя тѣлеснымъ, легче пожертвовать дольнимъ горнему, чѣмъ горнимъ дольнему; легче отречься отъ удобствъ и радостей жизни для успѣха духовнаго служенія, чѣмъ пожертвовать этимъ служеніемъ радостямъ жизни. Потому, для нихъ скорѣе можетъ быть противнымъ природѣ супружество, неизбѣжно вынуждающее ихъ дѣлить заботы о Господнемъ съ заботами о мірскомъ, какъ угодить женѣ (1 Кор. 7,33), чѣмъ дѣвство, предоставляющее имъ полную свободу заботиться о Господнемъ, какъ угодить Господу (32).

«Дѣвственники, говорятъ еще, грѣшатъ противъ общества, потому что не служатъ распространенію рода человѣческаго.» Но въ такомъ случаѣ грѣшитъ противъ общества и тотъ великодушный, благородный человѣкъ, который, спасая своего ближняго отъ смерти, самъ въ цвѣтѣ лѣтъ лишается жизни, и уноситъ вмѣстѣ съ собою изъ царства жизни въ могилу цѣлыя, можетъ быть, многочисленныя поколѣнія потомковъ? Въ такомъ случаѣ грѣшитъ противъ общества юный воинъ, падающій на полѣ брани за отчизну,—неутомимый труженикъ, разстроивающій свое здоровье на служеніе благу общественному? Если долгъ имѣть потомство безусловенъ, неизмѣненъ, неотвратимъ ни для кого: то мы должны бросить камень осужденія на преждевременныя могилы и этихъ людей за то, что они не оставляютъ по себѣ потомства. Но если голосъ совѣсти, правда, Вѣра заставляютъ насъ преклоняться предъ доблестію, съ которою они жертвуютъ собою и своимъ возможнымъ потомствомъ благу ближнихъ: то, очевидно, распространеніе рода человѣческаго не составляетъ долга, безусловно-обяза-

тельнаго для всѣхъ людей; очевидно, оно можетъ быть приносимо въ жертву обязанностямъ въ отношеніи къ обществу высшимъ, благотворнѣйшимъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и есть. Если мы со вниманіемъ всмотримся въ то, что составляетъ благо человѣчества; то увидимъ, что размноженіе членовъ его—и не исключительное, и даже не высшее, не первое благо его, что, напротивъ, оно само получаетъ цѣну свою отъ другихъ благъ, и потому, какъ благо низшее, можетъ быть приносимо въ жертву другимъ благамъ. Какая будетъ отъ того польза, что человѣчество будетъ состоять изъ безчисленнаго множества членовъ, если эти члены будутъ грубы, дики, безнравственны, свирѣпы, почти не будутъ отличаться отъ звѣрей и скотовъ? Достоинство человѣчества не въ численности, а въ качествахъ его, въ его умственныхъ и нравственныхъ совершенствахъ. Потому, очевидно, больше дѣлаетъ для человѣчества тотъ, кто служитъ усовершенствованію, развитію, облагороженію его, чѣмъ тотъ, кто служитъ его распространенію. И если человѣкъ, служащій высшимъ пользамъ человѣчества, не можетъ совмѣстить этаго своего служенія съ служеніемъ пользамъ низшимъ и потому жертвуетъ послѣднимъ первому: онъ—не только не преступникъ предъ обществомъ, но и считается и долженъ считаться благодѣтельнымъ слугою его за усиленное, самоотверженно-исключительное служеніе высшимъ пользамъ человѣчества. Приложимъ сіи общеизвѣстныя положенія къ дѣвству, и они оправдаютъ дѣвство въ мнимой виновности его предъ обществомъ.

Человѣкъ неослѣпленный и неиспорченный не можетъ отрицать высокаго значенія нравственности для блага обществъ. Безъ нравственности общество тлѣетъ, разлагается, и должно,—рано ли поздно ли,—или пасть,

или возродиться нравственною жизнію. Дѣвство имѣетъ неоспоримо весьма важное вліяніе на общественную нравственность: нравственное начало, представляемое дѣвствомъ,—цѣломудріе такъ необходимо и для счастія и взаимной любви супруговъ, и для добраго воспитанія дѣтей, и вообще для процвѣтанія въ обществѣ добродѣтелей и семейныхъ и общественныхъ! Такое высокое, благодѣтельное для общества начало не заслуживаетъ ли того, чтобы поддерживать его въ обществѣ всѣми мѣрами, хотя бы то и въ ущербъ распространенію человѣчества? Что лучше: многочисленный ли, но безнравственный родъ, или родъ малочисленный, но нравственный, цѣломудренный, добродѣтельный? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: «лучше малочисленный, но добрый родъ.» А если такъ; то не справедливо ли пожертвовать тѣмъ, что умножаетъ родъ, тому, что улучшаетъ, возвышаетъ его? Такъ, цѣломудріе—величайшая драгоцѣнность, нравственная сила, потребность обществъ, и представители его въ обществѣ — не только не преступники противъ общества, но и благотворные, полезные въ немъ дѣятели, если бы они служили чистотѣ нравовъ общественныхъ и съ ущербомъ для умноженія членовъ общества.

Скажутъ: «и безъ дѣвства можетъ научить общество чистотѣ нравовъ цѣломудріе супружеское?» По крайней мѣрѣ—не тамъ, гдѣ дерзко и нагло поднимаетъ свою голову развратъ. Особенно не тамъ, гдѣ онъ не краснѣетъ даже предъ высокою чистотою дѣвства. Крайній порокъ яснѣе выступаетъ во всей своей преступности и гнусности, когда онъ встрѣчается съ противоположною добродѣтелію въ самомъ усиленномъ, возвышенномъ видѣ. Высокая добродѣтель особенно сильно обличаетъ проти-

воположный ей гнусный порокъ, показывая и его мерзость, и возможность борьбы съ нимъ. Еслиже и съ дѣвствомъ, высшимъ родомъ цѣломудрія, встрѣчается развратъ не краснѣя, и остается неисправимымъ: то достаточно ли для вразумленія его, для поддержанія цѣломудрія въ обществѣ одной чистоты супружеской? Излишне ли для сей послѣдней пособіе дѣвства, самаго сильнаго и краснорѣчиваго обличителя растлѣнія нравовъ?

Дѣвство благодѣтельно для обществъ уже и тогда, когда оно только поддерживаетъ въ немъ чистоту нравовъ. Но кромѣ этой великой услуги оно оказывало, оказываетъ и будетъ оказывать обществу и другія важныя услуги. Дѣвство, освобождая человѣка отъ замкнутости въ тѣсномъ кругу семейства, даетъ ему возможность полнѣе посвятить себя на служеніе обществу. Кто удобнѣе дѣвственника можетъ служить обществу своими созерцательными, учеными трудами? Кто удобнѣе дѣвственниковъ и дѣвственницъ можетъ призрѣвать членовъ общества больныхъ, страждущихъ, безпріютныхъ? Кто съ бо́льшимъ сочувствіемъ и сердечностію будетъ облегчать ихъ скорби и страданія? Сердца дѣвственниковъ и дѣвственницъ, не замкнутыя въ семействѣ, отверсты для всѣхъ людей. И исторія, и современный опытъ подтверждаютъ слова наши. Кто были великіе столпы, славные учители Церкви-Аѳанасій Великій, Василій Векій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ? Дѣвственники. И теперь не видимъ ли мы благочестивыхъ дѣвственницъ и вдовицъ, усердно служащихъ обществу дѣлами любви и милосердія? Такіе подвиги дѣвственниковъ не говорятъ ли ясно, что можно,—не только безъ вреда, но и съ пользою для общества, — оставаться въ дѣвствѣ, отрекаясь отъ супружества?

Такъ, дѣвственниковъ нельзя не признать благотворными общественными дѣятелями, если даже и допустить, что общественная дѣятельность ихъ сопряжена съ замедленіемъ размноженія человѣческаго рода. Но правда ли, что въ слѣдствіе дѣвства нѣкоторыхъ членовъ общества замедляется размноженіе человѣческаго рода? Въ царствѣ жизни вообще, и въ жизни человѣческой въ частности, постоянно борются и стараются одна другую уничтожить двѣ силы: сила жизни, призывающая къ бытію живыя существа, и сила смерти, стремящаяся разрушить царство жизни. Силѣ жизни, дарованной человѣчеству Богомъ, человѣчество обязано тѣмъ, что оно растетъ и множится; сила смерти постоянно похищаетъ изъ царства живыхъ новыя и новыя жертвы. Болѣзни сводятъ въ могилу, въ царство тлѣнія, безъ разбора, и дитя и юношу, мужа и старца. Разрушительныя страсти человѣческія часто обращаютъ въ кладбища цѣлыя селенія, города, области. Растлѣнная нравственною порчею природа теряетъ во многихъ членахъ человѣчества, данную Богомъ человѣку, способность раститься и множиться. При такомъ состояніи царства жизни въ человѣческомъ родѣ, достаточно ли, для размноженія человѣчества, одного только распространенія его чрезъ рожденія? Не нужно ли поискать другаго оружія для борьбы съ силою смерти, другихъ средствъ для отвращенія опустошительныхъ дѣйствій ея? Для охраненія земли отъ совершеннаго запустѣнія не нужно ли позаботиться объ обузданіи страстей человѣческихъ? Нужда настоятельная, очевидная! Если предоставить борьбу съ смертію одной силѣ рожденія; если не принимать разнородныхъ, естественныхъ и нравственныхъ мѣръ противъ опустошительныхъ дѣйствій смерти: то царству жизни можетъ угро-

жать величайшая опасность. Одна болѣзнь въ нѣсколько дней похищаетъ изъ царства жизни то, что призывалось къ жизни въ теченіи десятилѣтій. Мечъ одного честолюбца полагаетъ всю вселенную пусту (Исаія 14, 17). Цѣлыя племена исчезаютъ съ лица земли, варварски истребляя другъ друга въ безумныхъ распряхъ. Какъ ясно все это говоритъ о томъ, что для успѣшной борьбы жизни съ смертію недостаточно только распространенія человѣчества, что необходимы сверхъ того разнообразныя мѣры къ сохраненію его. И вотъ дѣйствительно дарованныя человѣчеству Богомъ чувство самосохраненія и разумъ въ борьбѣ съ смертію не довольствуются однимъ только распространеніемъ человѣчества. Нѣтъ, они принимаютъ самыя разнообразныя мѣры къ сохраненію царства жизни отъ разрушительныхъ дѣйствій смерти. Противъ недуговъ естественныхъ принимаются врачебныя мѣры; противъ недуговъ духовныхъ, — разрушительныхъ страстей—мѣры нравственныя. И если мы съ должнымъ вниманіемъ будемъ рѣшать вопросъ о томъ: кто больше содѣйствуетъ размноженію человѣчества, раждающій ли или сохраняющій рожденное; то нерѣдко справедливость заставитъ насъ отдать предпочтеніе послѣднему предъ первымъ. Посмотримъ съ этой точки зрѣнія на дѣвство, и мы увидимъ въ немъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ сохраненію и размноженію человѣчества. Неоспоримо благотворнѣйшее вліяніе цѣломудрія на распространеніе человѣческаго рода: постоянный опытъ свидѣтельствуетъ и о плодородіи цѣломудрія, и о неплодствѣ нравственнаго растлѣнія. Неоспоримо благотворное вліяніе цѣломудрія и на сохраненіе человѣчества: постоянный опытъ свидѣтельствуетъ, что оно спасаетъ людей и отъ страшныхъ недуговъ, и отъ кровавыхъ ссоръ, и отъ смерти, зрѣли-

ще которыхъ такъ часто представляется въ средѣ людей растлѣнныхъ. Такъ много дѣлаетъ для блага общества цѣломудріе, а съ нимъ и главный представитель его— дѣвство. А что сказать о другихъ, косвенныхъ вліяніяхъ дѣвства на размноженіе человѣчества? Сколько тысячъ людей обязаны своимъ спасеніемъ отъ смерти бдительному и любвеобильному попеченію о нихъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ во время болѣзни! Сколько обуздано гибельныхъ страстей, сколько отвращено кровавыхъ истребительныхъ войнъ святымъ ученіемъ Христовымъ,— ученіемъ, внушающимъ миръ и любовь и обуздывающимъ звѣрскія, разрушительныя страсти! — А великое дѣло возрожденія человѣчества многимъ и многимъ обязано дѣвственникамъ. Какъ много зависитъ преспѣяніе царства жизни, размноженіе человѣчества отъ того довольства, благоденствія, которое приноситъ съ собою Христіанство! А и здѣсь своя лепта принадлежитъ дѣвственникамъ, много потрудившимся для распространенія Христіанства! Да, дѣвство, когда его надлежащимъ образомъ понимаютъ и проходятъ, составляетъ одну изъ самыхъ живыхъ силъ, воздвигнутыхъ Господомъ для размноженія и сохраненія человѣчества: такъ велико нравственное вліяніе его на размноженіе человѣческаго рода.

Если бы порицатели дѣвства съ благоговѣніемъ, подражая небесному благовѣстнику, перенеслись духомъ въ Назаретскую горницу, предстали предъ дѣвственнымъ ликомъ Пресвятой Дѣвы Богородицы и прочитали на немъ всю нравственную высоту Ея; если бы они проникли въ глубины множества душъ христіанскихъ и приникли въ ихъ тайны, — въ тайны душъ исправленныхъ, очищенныхъ, освященныхъ и Ея св. примѣромъ, и Ея молитвами; если бы они глубже и внимательнѣе изучили ве-

ликое дѣло воплощенія Сына Божія и искупленія Имъ человѣчества,—дѣло, которому Она, какъ чистый сосудъ, святое орудіе, удостоилась послужить за свою дѣвственную чистоту: о, тогда прильпнулъ бы у нихъ языкъ къ гортани, слово хульное противъ дѣвства замерло бы на устахъ ихъ! Они съ благоговѣніемъ преклонились бы предъ чистотою и непорочностію Приснодѣвы, и познали бы изъ нея, что есть люди, столько чистые по природѣ и такъ очищенные благодатію, что для нихъ естественно, достойно ихъ только дѣвство. Они увидѣли бы, какое благотворное вліяніе имѣла дѣвственная чистота на родъ человѣческій. Сколько душъ грѣшныхъ и нечистыхъ она направила на путь чистоты и цѣломудрія; сколько душъ неиспорченныхъ и предостерегла отъ нравственной порчи, и научила подвигамъ высокаго цѣломудрія! Они благоговѣйно почтили бы дѣвство ради великаго дѣла спасенія, совершеннаго Сыномъ Божіимъ, благоволившимъ родиться отъ Приснодѣвы ради Ея дѣвства! Да вразумитъ и исправитъ ихъ Господь! А насъ да не попуститъ совратиться на путь нечистоты и нечестія. Будемъ чаще воспоминать пресвятую Дѣву; будемъ учиться у ней цѣломудрію; будемъ располагать къ нему другихъ и такимъ образомъ поддерживать въ обществѣ одно изъ важнѣйшихъ условій благоденствія его здѣсь и спасенія вѣчнаго.

Особенно должны быть присущи дѣвственный, непорочный ликъ Приснодѣвы и лики всѣхъ великихъ подвижниковъ дѣвства тѣмъ, кто взялъ на себя подвигъ дѣвства. Особенно ихъ жизнь должна быть со всею строгостію устрояема по образцу жизни Приснодѣвы и другихъ представителей дѣвства! Въ жилищахъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ хулители дѣвства должны встрѣчать

обличительные для нихъ опыты чистоты, свидѣтельствующіе о естественности его для избранниковъ Божіихъ; въ жизни дѣвственниковъ и дѣвственницъ они должны встрѣчать доказательства благотворности дѣвства для человѣчества. Какое неотразимое обличеніе себѣ встрѣчали бы хулители дѣвства въ святой, благотворной для общества жизни и дѣятельности дѣвственниковъ! Какое сильное слово,—слово не словъ, а примѣровъ,—какое сильное слово въ пользу дѣвства была бы эта жизнь особенно для тѣхъ, которые или не хотятъ или не умѣютъ отдѣлить дѣвство отъ дѣвственниковъ, и ради недостоинства дѣвственниковъ хулятъ самое дѣвство! Сколько дурною жизнію дѣвственниковъ хулится дѣвство; столько же святая жизнь ихъ послужила бы во славу высокихъ представителей дѣвства—Христа Спасителя, Пресвятой Его Матери, подражателей ихъ, и самаго дѣвства.

II.

ХРИСТІАНСТВО И ПРОГРЕССЪ.

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки (Евр. 13, 8).

Братіе, азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, впредняя же простираяся, къ намѣренному теку, къ почести вышняго званія (Филип. 3, 13. 14).

Слово: прогрессъ, не смотря на то, что и въ литературѣ и въ жизни, какъ выражаются, получило у насъ право гражданства, до сихъ поръ не перестаетъ возбуждать разногласія и споры, когда рѣчь коснется его. Нѣкоторые не хотятъ и слышать о немъ, какъ о чемъ-то враждебномъ Христіанству и православной Вѣрѣ; оно, говорятъ, занесено къ намъ съ Запада,—и этого уже достаточно, чтобы намъ, чадамъ православной восточной Церкви, выбросить его изъ нашей рѣчи; и дѣйствительно выбрасываютъ, а если и употребляютъ, то съ оговоркой, съ ироніей и иногда съ прибавкой, отъ которой даже страшно становится: прогрессъ *безбожія*. Но эти почтенные, потому что—отъ души вѣримъ—искренніе, защитники Вѣры упускаютъ изъ виду нѣкоторыя очень немаловажныя вещи: во-первыхъ — внушенія самой же

Вѣры, что дѣло не въ словѣ, а въ мысли, не въ буквѣ мертвящей, а въ духѣ оживляющемъ; во-вторыхъ то, что, если они имѣютъ какое-нибудь нравственное вліяніе на другихъ, то своимъ способомъ защищать Вѣру неизбѣжно возбуждаютъ въ нихъ подозрительность относительно прочности религіозныхъ убѣжденій во всѣхъ тѣхъ, которые не затрудняются выраженіемъ—прогрессъ; а подозрительность — расположеніе во всякомъ случаѣ дурное, особенно когда оно касается священныхъ и задушевныхъ убѣжденій и вѣрованій собрата. Этого мало: жаркое преслѣдованіе слова, само собой указывая на неясное пониманіе дѣла, производитъ еще другаго рода зло: люди, которые мало понимаютъ духъ Христіанства, и въ то же время, чтобы не отстать отъ современности, стоятъ за прогрессъ, не выяснивъ его значенія, приходятъ къ мысли, что, вѣрно, само Христіанство противно прогрессу какому бы то ни было, если во имя его ратуютъ противъ самаго слова,—мысль такая, которая можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія. Другіе охотно употребляютъ слово—прогрессъ и признаютъ самое дѣло; но, когда начнутъ судить объ немъ, къ удивленію, замѣчаютъ, что далеко не согласны между собой; при этомъ рѣчь обыкновенно сводится къ Христіанству,—и одному кажется,что защитникъ Христіанства отвергаетъ прогрессъ, другому,—что защитникъ прогресса отвергаетъ Христіанство; дѣло оканчивается по большой части ничѣмъ. Все это зависитъ отъ неяснаго пониманія съ одной стороны Христіанства, съ другой прогресса, а главное—отъ того, что говоря о Христіанствѣ и прогрессѣ и ихъ взаимномъ отношеніи, упускаютъ изъ виду необходимость строгаго гразграниченія между прогрессомъ, какъ жизнію, и прогрессомъ, ка къ извѣстною теоріею. Иное дѣло—искренно

желать того, чтобы человѣчество постоянно развивалось и шло къ совершенству, сочувствовать каждому явленію жизни, которое дѣлаетъ честь природѣ человѣческой, самому совершенствоваться и содѣйствовать другимъ въ достиженіи совершенства; и опять совсѣмъ иное дѣло—держаться философскаго, раціоналистическаго ученія, что человѣчество идетъ къ совершенству шагъ за шагомъ, впередъ и впередъ, безъ конца. Не быть прогрессистомъ въ первомъ отношеніи значило бы—не дорожить человѣческимъ достоинствомъ, значило бы прямо отвергать внушенія Вѣры и занести себя въ разрядъ людей, подлинно отсталыхъ; не быть же прогрессистомъ относительно указанной нами теоріи—значитъ только быть въ сторонѣ отъ ограниченнаго числа извѣстныхъ умствователей. Поэтому, чтобы вопросъ объ отношеніи Христіанства къ прогрессу имѣлъ опредѣленность и могъ получить рѣшеніе ясное, недопускающее никакихъ недоразумѣній, онъ долженъ быть постановленъ такъ: въ какомъ отношеніи находится къ развитію и усовершенствованію человѣка, съ одной стороны Христіанство, съ другой философское ученіе, допускающее безусловное развитіе человѣка,—безусловный прогрессъ; иначе говоря: какъ относится Христіанство и теорія прогресса къ самому прогрессу. Только при такой постановкѣ вопроса, и можно, по нашему мнѣнію, разъяснить значеніе какъ Христіанства, такъ и этой теоріи.

Христіанство—дѣло божественнаго Промышленія о людяхъ, отвѣтъ человѣчеству на его болѣзненные вопли о божественной помощи, безъ которой оно, оставленное самому себѣ, дошло наконецъ до крайняго нравственнаго растлѣнія, до безнадежности узнать что-либо истинное и сдѣлать что-нибудь доброе, до отвращенія къ са-

мой жизни, полной для однихъ пресыщенія, для другихъ безвыходныхъ страданій, до желанія уничтоженія. Христіанство есть тотъ жизненный духъ, который, повѣявъ на древній міръ, походившій на поле, полное костей человѣческихъ, пробудилъ въ немъ новую жизнь, такъ что *мертвые ожиша и сташа на ногахъ, соборъ многъ зѣло* (Іезек. 37 гл.). Спаситель человѣчества, воплотившійся Сынъ Божій, пришедши на землю, не обращалъ вниманія на разности національностей, званій, состояній, умственнаго и нравственнаго развитія, а имѣлъ въ виду человѣка, его душу, совѣсть, имѣлъ въ виду то, чтобы каждый, кто бы онъ ни былъ, могъ, вѣруя въ Него и принимая Его ученіе, остаться вѣренъ человѣческому достоинству и сдѣлаться участникомъ вѣчно блаженной жизни въ Богѣ и съ Богомъ. Поэтому Онъ не перестроивалъ общественныхъ формъ, не касался частныхъ положеній того или другаго лица, а училъ тому, чѣмъ долженъ быть всегда и вездѣ каждый человѣкъ—мущина и женщина, богатый и бѣдный, образованный и необразованный, господинъ и рабъ, царь и подданный, членъ республики и членъ монархіи, еврей и римлянинъ, грекъ и скиѳъ. Такимъ образомъ Его ученіе, заключая въ себѣ требованія всеобщія и вѣчныя, обнимающія жизнь каждаго человѣка на всѣхъ степеняхъ его развитія, съ его временною и вѣчною судьбою, само по себѣ неизмѣнно и всегда одно и тоже, какъ и *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки*. Оно поэтому безконечно выше всякаго человѣческаго развитія, какъ все божественное выше человѣческаго, неизмѣнное постоянно измѣняющагося, сущность формы. Будучи само неподвижно и неизмѣнно, оно составляетъ жизненное начало всякаго человѣческаго движенія впередъ къ совершенству, всякой перемѣны

къ лучшему,—и прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ постояннаго разъясненія и приложенія христіанскихъ требованій къ жизни, которая не стоитъ, но постоянно движется, приноситъ съ собою новыя и новыя явленія, производитъ новыя перемѣны, вызываетъ новые вопросы. Гдѣ нѣтъ этихъ требованій, гдѣ они не уясняются или не дѣйствуютъ, тамъ застой или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ застою и окаменѣлости. Чтобы наше убѣжденіе относительно Христіанства было глубже, всмотримся пристальнѣе въ это прогрессивное начало жизни человѣческой. Но если для нашей цѣли мы остановимся на частныхъ догматахъ вѣры Христовой, то едвали когда покончимъ свой трудъ, потому что должны будемъ потеряться въ частностяхъ. Поэтому постараемся уяснить себѣ духъ Христіанства,—тѣ существенныя черты, въ которыхъ высказывается его отношеніе къ человѣку. Этихъ чертъ немного, и опредѣляются онѣ тѣмъ воззрѣніемъ, съ какимъ Христіанство относится къ человѣку.

Христіанство смотритъ на человѣка прежде всего, какъ на разумно-свободное созданіе Божіе. Богъ, говоритъ оно, сотворивъ человѣка, предоставилъ ему самому, *его собственному усердію* и усилію сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть *по намѣренію Создателя*. Эта возможность достигать собственными, сознательными усиліями цѣли бытія, эта нравственная свобода человѣка составляетъ такое его достояніе, которое оставляетъ неприкосновеннымъ самъ Создатель, и въ тоже время—такое преимущество, которое безконечно возвышаетъ человѣка надъ всѣми остальными земными тварями; потому, что онѣ выполняютъ свое назначеніе невольно, сами не зная того и не имѣя возможности направить свою жизнь какъ нибудь иначе; левъ не трудится надъ тѣмъ, чтобы быть

львомъ, орелъ не заботится удержать за собою характеръ орла, пчелѣ не нужно бояться за свое умѣнье строить соты; на одномъ человѣкѣ лежитъ забота о томъ, чтобы сохранить свое человѣческое достоинство, потому что онъ можетъ и унизить его, если не приложитъ къ тому собственнаго труда и усилій; онъ одинъ въ ряду земныхъ созданій можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не угодно Богу, если самъ не озаботится остаться вѣрнымъ волѣ Божіей. Имѣя это въ виду, легко понять, что духъ Христіанства—есть духъ нравственной свободы.

Онъ высказывается въ томъ, во-первыхъ, что Христіанство одинаково относится ко всѣмъ людямъ; никого оно не отвергаетъ, никого не презираетъ, напротивъ всѣхъ равно зоветъ въ царство Божіе и принимаетъ каждаго, если только онъ искренно желаетъ того, будь это развратнѣйшій человѣкъ. *Приходящаго ко мнѣ*, говоритъ Оно, *не изгоню вонъ* (Іоан. 6, 37). Оно дружески, привѣтливо подаетъ руку всякому, и отнюдь не обрекаетъ однихъ на спасеніе, а другихъ на погибель прежде, чѣмъ люди сами не опредѣлятъ окончательно своей участи, рѣшительнымъ принятіемъ или отверженіемъ благодатныхъ внушеній. Предопредѣленныхъ быть добрыми или быть злыми, вѣчно страдать или вѣчно блаженствовать—оно не знаетъ. Спаситель, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь евангельскую, заповѣдалъ имъ идти во весь міръ, проповѣдывать евангеліе всей твари, прибавивъ: *кто увѣруетъ, тотъ спасется, а кто не увѣруетъ, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16). Этимъ Онъ выразилъ ту мысль, что каждый, кто бы онъ ни былъ, какъ человѣкъ, какъ разумно-свободное созданіе Божіе, можетъ, если захочетъ, по вѣрѣ въ Спасителя, сдѣлаться достойнымъ благодатныхъ обѣтованій, и что поэтому обращаться къ од-

ному и отказывать во вниманіи другому значило бы оскорблять человѣческое достоинство, которымъ украсилъ человѣка самъ Богъ, значило бы попирать въ человѣкѣ его человѣческія права. Кажется, такъ проста и ясна эта мысль Христіанства; однако сколько нужно было усилій и трудовъ первымъ проповѣдникамъ евангельскаго ученія, чтобы отрѣшить евреевъ отъ низкаго, рабскаго взгляда на каждаго не—еврея, какъ на человѣка, лишеннаго права на примиреніе съ Богомъ и усыновленіе, недостойнаго даже слышать слово Евангелія.

Но, обращаясь ко всѣмъ людямъ безъ различія и всѣмъ открывая входъ въ царство Божіе, Христіанство въ тоже время не влечетъ никого насильно, не спѣшитъ умножать число своихъ послѣдователей, но терпитъ и выжидаетъ, пока не рѣшитъ человѣкъ самъ, слѣдовать или не слѣдовать Евангелію, и пока самъ не убѣдится, что отъ вѣры въ Спасителя и жизни, согласной съ вѣрою, зависитъ его вѣчная судьба. Потому-то Христосъ Спаситель не возложилъ на апостоловъ отвѣтственности за то, что не всѣ примутъ ихъ ученіе, а заповѣдалъ только идти и проповѣдывать всѣмъ и каждому: приметъ кто,—хорошо; не приметъ,—каждый отвѣтитъ самъ за себя передъ Богомъ и своею совѣстію. Потому-то, посылая ихъ на проповѣдь, Онъ не далъ имъ ни денегъ, которыми можно было бы увлечь по своимъ слѣдамъ только людей недостойныхъ, оцѣнивающихъ истину наравнѣ съ товаромъ и торгующихъ своими убѣжденіями,—ни жезла, которымъ можно добиться отъ человѣка только лицемѣрнаго выполненія чужой воли, а не участія, не уваженія къ самому дѣлу,—ни ножа, которымъ можно истребить непокорныхъ, но не исртебить въ нихъ непокорности. Правда, Онъ облекъ ихъ силою свыше, но не позволилъ сво-

дить съ неба огонь на тѣхъ, которые не будутъ принимать ихъ ученія; притомъ чудеса не могли дѣйствовать на ихъ слушателей и не дѣйствовали неотразимо; они только давали возможность убѣдиться внѣшнимъ образомъ въ истинѣ божественнаго ученія тѣмъ, для которыхъ было недостаточно его внутренняго значенія и достоинства, а не внѣдряли этого убѣжденія насильственно: Евангелистъ съ грустію замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ о дѣйствіи чудесъ самаго Спасителя на тѣхъ, среди которыхъ Онъ обращался: *столько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними, и они не вѣровали въ Него* (Іоан. 12, 37). Потому-то, далѣе, въ проповѣдники своего ученія Онъ избралъ людей не знатныхъ, которые могли бы свои убѣжденія навязывать другому, посадивъ его въ темницу, заковавъ въ кандалы, или держа надъ его головой мечъ, а простыхъ галилейскихъ рыбарей, которымъ самимъ угрожали узы, темницы и мечи отъ знатныхъ міра сего;—избралъ людей умѣвшихъ хорошо связывать и закидывать сѣти, но и не подозрѣвавшихъ ловкости сплетать затѣйливые софизмы на обольщеніе простодушныхъ;—младенцевъ душой, могшихъ искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ и во всей точности передать міру ученіе Спасителя міра, содержавшее въ себѣ столько же и обличеній ему, сколько и утѣшеній, но даже не слыхавшихъ о такъ называемомъ искусствѣ возбужденія страстей, т. е. искусствѣ льстить человѣческимъ страстямъ и поставлять человѣка въ такое состояніе, въ которомъ онъ самъ не владѣетъ собой, чему учили тогда люди, слывшіе за премудрыхъ и разумныхъ. Потому-то Спаситель, хотя и обѣщалъ апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ всѣ небесныя утѣшенія и вѣчное блаженство въ Богѣ и съ Богомъ, но не скрывалъ отъ нихъ и того, что очень и очень мог-

ло заставить каждаго призадуматься надъ рѣшеніемъ вопроса, слѣдовать или не слѣдовать за Нимъ, именно: что путь по Его слѣдамъ усыпанъ не розами, а терніями, что онъ не широкъ, а тѣсенъ, что кто пойдетъ имъ, тому, быть можетъ, не разъ придется смочить его слезами, или, еще хуже, закончить его не на спокойномъ ложѣ, а на лобномъ мѣстѣ, наряду съ отъявленными злодѣями. *Истинно, истинно говорю вамъ*, говорилъ Онъ своимъ ученикамъ за нѣсколько часовъ до своей крестной смерти, *вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша обратится въ радость.... Даже наступаетъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу* (Іоан. 16, 3. 20). И апостолы, впослѣдствіи наученные собственнымъ опытомъ, не только не скрывали того, а еще предупреждали о томъ вѣрующихъ, говоря: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Во всемъ этомъ видно полнѣйшее отрицаніе насилія и физическаго и нравственнаго, видна одна забота, чтобы каждый во имя истины, и только во имя истины,—слѣдовательно самъ, рѣшилъ, что для него лучше — слѣдовать или не слѣдовать слову Евангелія.

Послѣ этого становится вполнѣ понятною новая и послѣдняя особенность того духа нравственной свободы, который отличаетъ Христіанство, именно: требованіе, чтобы каждый, называющій себя вѣрующимъ во Христа Спасителя, вѣровалъ въ Него искренно, отъ всей души,— чтобы онъ не измѣнялъ своей вѣрѣ, хотя бы пришлось за это поплатиться жизнію, чтобы онъ старался придти въ такое состояніе, въ которомъ бы исполнялъ заповѣди евангельскія не изъ страха наказаній, а по любви къ Спасителю, по сердечному влеченію выполнить ихъ

ради ихъ самихъ, ради ихъ спасительности и святости, однимъ словомъ—чтобы христіанинъ былъ вѣренъ самому себѣ. Христіанство говоритъ человѣку: я тебя не принуждаю, ты воленъ принимать или не принимать мои внушенія; поэтому что-нибудь одно: или вполнѣ довѣрься моему водительству, или же отвергни меня. Ты свободенъ; веди же себя, какъ свободный, а не какъ рабъ, который злится на господина за его приказанія, и въ тоже время не смѣетъ выразить своей злости ни однимъ мускуломъ; не дѣлай себѣ изъ моихъ требованій двойной тягости, которую тебѣ страшно и отбросить, страшно и взять на себя. Если ты не вѣришь въ то, что я говорю тебѣ, но имѣешь свои убѣжденія; то не бойся же высказывать ихъ и отстаивать, не укрывайся за христіанскимъ именемъ и христіанскою наружностію, а живи и дѣйствуй прямо, открыто, съ готовностію на всѣ лишенія за то, что, по крайней мѣрѣ, по твоему мнѣнію, истинно. Мнѣ не нужно, говоритъ Христіанство, тѣхъ людей, которые «боятся и ненавидѣть и любить»; потому что никто не можетъ двоимъ господамъ работать, но или одного возлюбитъ, а другаго возненавидитъ, или къ одному будетъ усерденъ, а къ другому небреженъ. Лицемѣріе, двоедушіе въ вѣрѣ и жизни вводитъ только въ обольщеніе и самаго лицемѣра и другихъ. Тайновидецъ св. Іоаннъ отъ имени Того, Кто есть альфа и омега, начало и конецъ, такъ писалъ предстоятелю Лаодикійской церкви: *вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ниже горящъ. О дабы студенъ былъ еси, или горящъ! Тако понеже тепль еси и ни студенъ еси, ниже горящъ, имамъ тя изблевати отъ устъ моихъ. Зане глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую: и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ,*

и нагъ (Апок. 3, 15—17). Вотъ черты нравственной свободы, въ духѣ которой Христіанство обращается къ человѣку.

Всмотримся въ нихъ, и мы увидимъ, къ чему стремится Христіанство, дѣйствуя въ этомъ духѣ. Во-первыхъ, оно обращается одинаково ко всѣмъ людямъ безъ различія. Понятно, что естественнымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ этого въ человѣкѣ, усвоившемъ духъ Христіанства, должно быть уваженіе къ самому себѣ, имѣющее въ основѣ ту мысль, что онъ можетъ быть вѣренъ человѣческому достоинству точно также, какъ и всякій другой,—мысль такая,которая не позволяетъ ему съ одной стороны заноситься и свысока посматривать на кого бы то ни было, съ другой не позволяетъ ему раболѣпствовать, унижаться предъ кѣмъ бы то ни было и въ своихъ сужденіяхъ, и въ чувствахъ, и въ поступкахъ, короче сказать: она каждаго подводитъ подъ одинъ уровень съ другими, заставляя его уважать себя также, какъ и другихъ, и другихъ также, какъ себя. Далѣе—Христіанство въ своемъ дѣйствіи на человѣка отвергаетъ насиліе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Этимъ оно поставляетъ человѣка въ необходимость—по совѣсти, во имя одной истины и справедливости, рѣшить, какъ ему распорядиться своею судьбою; т. е. оно прямо вызываетъ человѣка на то, чтобы онъ въ своей жизни самъ думалъ, и думалъ, не смотря ни на кого и ни на что, а имѣя въ виду одно—выработать убѣжденіе, что ему должно жить и дѣйствовать такъ, а не иначе,—найти истину, то, чего нельзя не признать, если есть въ человѣкѣ хоть капля добросовѣстности и уваженія къ истинѣ. Если Самъ Богъ не требуетъ отъ меня вѣры неразумной, — такъ имѣетъ полное право думать каждый христіанинъ; то

почему же я не могу, по мѣрѣ силъ своихъ, обсуживать того, что говорятъ и дѣлаютъ другіе, такіе же люди, какъ я, почему мнѣ слѣдовать имъ рабски? Съ другой стороны не могу же я пренебрегать мнѣніемъ чьимъ бы то ни было, но ради истины и справедливости долженъ остановиться на каждомъ, въ каждое вдуматься и посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь и вѣрнаго: не обращать вниманія на мнѣнія и убѣжденія другихъ значило бы относиться къ нимъ деспотически, своевольно,—значило бы не искать истины, но умничать и дозволять своему уму ту заносчивость, съ какою онъ не затруднится возстать и на разумъ Божій. Но отрицая насиліе въ своемъ отношеніи къ человѣку, Христіанство по той мѣрѣ, какъ внѣдряется въ его жизнь и убѣжденія, настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ и отъ него того же,—чтобы т. е. и онъ свои убѣжденія проводилъ также отнюдь не насиліемъ, а раскрытіемъ истинности ихъ самихъ; опять—новый вызовъ человѣку, отбросивъ всѣ физическія внушенія, всѣ софизмы и всѣ способы возбужденія страстей, думать и думать, входить во внутреннія основы того, что онъ находитъ вѣрнымъ и полезнымъ для другихъ, если хочетъ, чтобы то было принято другими. Такимъ образомъ, если въ первомъ отношеніи Христіанство стремится развить въ человѣкѣ самоуваженіе, то во второмъ—самостоятельность мысли. Что же касается до послѣдняго требованія: чтобы каждый христіанинъ былъ христіаниномъ не по имени, а на самомъ дѣлѣ, или же, если онъ отказывается отъ дѣла, не прикидывался бы и христіаниномъ ни въ чемъ и не передъ кѣмъ; то само собою очевидно, что оно направляется къ тому, чтобы образовать въ человѣкѣ силу воли, благородство характера. Соображая все это, мы не можемъ не видѣть

того, что Христіанство, дѣйствуя въ духѣ нравственной свободы, стремится къ тому, чтобы каждая личность развивалась самостоятельно и самобытно,—чтобы каждый человѣкъ, выполняя въ своей жизни общечеловѣческія требованія, въ тоже время опредѣлялъ болѣе и болѣе свою нравственную физіономію, сообщая своимъ дѣйствіямъ и произведеніямъ свой собственный характеръ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ. Что — въ мірѣ видимомъ, гдѣ не найдешь двухъ деревьевъ или двухъ цвѣтковъ, совершенно тождественныхъ, и гдѣ только дивишься безконечному разнообразію произведеній творческой силы; того же Христіанство хочетъ и въ мірѣ нравственномъ. Подводить людей всѣхъ подъ одну мѣрку, опредѣляя каждый шагъ жизни, и поставлять ихъ въ такое положеніе, въ которомъ бы имъ оставалось только выполнять чужія дробныя и частныя требованія, а для собственной сознательной и свободной дѣятельности не было бы и мѣста, или самому, безъ всякаго разсужденія, подражать другому, перенимать всѣ его особенности и тѣмъ сглаживать черты собственной личности; или наконецъ водиться въ жизни началомъ: *я* такъ хочу, *я* такъ думаю,—и больше ничего знать не хочу, и чрезъ то становиться одиноко отъ всѣхъ людей и въ противорѣчіе съ ними, это противно духу христіанской свободы, отвергающему и рабство и своеволіе.

Но Христіанство смотритъ на человѣка не только какъ на разумно-свободное созданіе Божіе; нѣтъ, оно говоритъ еще, что это высокое созданіе есть въ тоже время падшее, измѣнившее своему назначенію и волѣ Создателя, унизившее себя грѣхомъ. Грѣхъ прародителей, вмѣстѣ съ униженіемъ, внесъ поврежденіе въ физическую и нравственную природу какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ

ихъ потомковъ; до сихъ поръ онъ служитъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество; такъ что жизнь человѣчества походитъ на длинный развивающійся свитокъ, въ который время постоянно вписываетъ *рыданіе*, *жалость* и *горе* (Іезек. 2, 10). Какъ оскорбленіе безконечной правды Божіей, онъ такъ великъ, что обрекалъ людей не только на временныя, но и на вѣчныя мученія, въ удаленіи отъ Бога. Но, согрѣшивши предъ своимъ Создателемъ, человѣкъ не полюбилъ грѣха до того, чтобы не желать выхода изъ этого состоянія вражды къ своему Создателю, — въ такомъ случаѣ слѣдовало бы только, сохраняя свободу человѣка неприкосновенною, предоставить его влеченію его развращенной природы и неизбѣжнымъ при этомъ страданіямъ во времени и вѣчности,—нѣтъ, онъ оскорбилъ Бога, но всегда искалъ примиренія съ Нимъ, воздвигалъ Ему алтари и обагрялъ ихъ кровію, не только животныхъ, но даже своею собственною; удалился отъ Него, но не хотѣлъ жить безъ Него, и искалъ Его въ деревахъ, камняхъ, даже въ своихъ страстяхъ, которыхъ неотразимое, исключающее возможность сопротивленія, дѣйствіе замѣчалъ надъ собой; не находя выхода изъ заблужденій умственныхъ и нравственныхъ и не имѣя силъ отвратить страданія жизни, онъ не мирился однакожъ съ своей судьбой, но обращалъ свои взоры на небо и оттуда просилъ себѣ помощи, ждалъ Избавителя. Паденіе сдѣлало изъ человѣка безсильнаго младенца, который, хотя ничего не можетъ сдѣлать и самъ придти къ матери, однакожъ движется, кричитъ и плачетъ, ища матери. Это не то, что злой духъ, обольстившій нашихъ прародителей, который однажды на всегда рѣшилъ гордо нести свою ужасную судьбу, и оледенилъ бы сердце всякаго,

кто выразилъ бы ему участіе, саркастическимъ хохотомъ надъ непрошенымъ участіемъ. Такимъ образомъ человѣкъ существо не просто падшее, а несчастное, жалкое. Отсюда духъ Христіанства—духъ жалости, при видѣ бѣдствій человѣчества. Жалость эта также безпредѣльна, какъ безпредѣленъ самъ Богъ, который ради насъ грѣшныхъ Сына своего Единороднаго не пощадилъ, но предалъ Его на уничиженіе, на всевозможныя лишенія, на позорнѣйшую смерть наряду съ злодѣями, чтобы только, Его мученіями искупивъ предъ своею правдою и наши страданія и наши грѣхи, открыть намъ доступъ къ вѣчному блаженству. Страданіе человѣка, какъ бы ни было мало и какую бы не имѣло оно форму — физической ли боли, или мученія души, томящейся отъ заблужденія умственнаго или отъ страстнаго расположенія, но какъ скоро оно есть, Христіанство всегда обращается къ нему съ участіемъ и стремится облегчить, если нельзя его вдругъ уничтожить. Правда, оно прежде всего обращаетъ вниманіе на нравственныя страданія человѣка, потому что во всѣхъ внѣшнихъ бѣдствіяхъ человѣчества видитъ одинъ общій источникъ—нравственное разстройство; но отнюдь не упускаетъ изъ виду и послѣднихъ вслѣдъ за первыми, принимая подъ свое покровительство всѣхъ несчастныхъ и физически. Жизнь Спасителя представляетъ рядъ безчисленныхъ чудесныхъ исцѣленій, совершенныхъ надъ прокаженными, глухонѣмыми, слѣпыми и бѣсноватыми. Онъ отзывается на голосъ всякаго, кто говоритъ: умилосердися, помоги. Онъ помогаетъ и горю отца, у котораго сынъ при смерти, и горю матери, у которой дочь находится въ мукахъ бѣснованія, и скорби господина о болѣзни своего слуги; Онъ утѣшаетъ въ горѣ сестеръ, лишившихся брата, самъ возмущается духомъ,

проливаетъ слезы, и возвращаетъ умершаго къ жизни. Онъ плачетъ о неблагодарномъ городѣ, прозирая въ его грозное будущее, сокрытое до времени отъ его жителей. самъ не имѣетъ мѣста, гдѣ голову приклонить; и въ тоже время не упускаетъ случая подать нуждающемуся то, что можетъ. Предлагаетъ своимъ слушателямъ духовную пищу, но не забываетъ и о необходимости для нихъ пищи тѣлесной; Онъ милосердуетъ о народѣ, когда тотъ долго слѣдуя за Нимъ, начинаетъ чувствовать голодъ, не слушаетъ совѣта своихъ учениковъ отпустить его, чтобы, отправившись безъ куска хлѣба, не ослабѣлъ въ дорогѣ, и самъ насыщаетъ,—и не однимъ только хлѣбомъ, а и рыбой; за неимѣніемъ достаточнаго количества, творитъ даже чудо. Онъ не хочетъ огорчить человѣка отказомъ въ его искренней просьбѣ придти на бракъ и не считаетъ не стоющимъ вниманія то, что могло омрачиться нѣсколько брачное пиршество, когда оказался недостатокъ въ винѣ; но, приказавъ наполнить водою шесть водоносовъ, претворяетъ ее въ вино. Онъ негодуетъ на учениковъ, отказывающихъ дѣтямъ въ удовольствіи прикоснуться къ Учителю; и самъ обращается къ нимъ, ласкаетъ ихъ, обнимаетъ и возлагаетъ на ихъ головы свои руки, преподавая имъ то благословеніе, безъ котораго никто не можетъ быть чадомъ Отца небеснаго. Онъ посылаетъ своихъ учениковъ къ овцамъ погибшимъ дома израилева съ проповѣдію о приближеніи царствія небеснаго для истомленныхъ душъ, но не упускаетъ изъ виду и истерзанныхъ болѣзнями тѣлъ; даетъ даже прямую чудодѣйственную заповѣдь — болящихъ исцѣлять, прокаженныхъ очищать, мертвыхъ воскрешать, бѣсовъ изгонять, и все это даромъ, безъ всякаго вынужденія платы за такія благодѣянія, чтобы кого-либо не отяго-

тить. Онъ заботится о всѣхъ страждущихъ и утомленныхъ тѣлесно до того, что называетъ ихъ братьями своими меньшими и, во имя этого братства требуя отъ всѣхъ полнаго участія къ нимъ и состраданія, обѣщаетъ за то благословеніе Отца небеснаго и вѣчно-блаженное царствованіе на небѣ. Эту черту, т. е. дѣятельное сочувствіе тѣлеснымъ нуждамъ и страданіямъ бѣднаго человѣчества, Онъ представляетъ столь существенною и необходимою для каждаго, что въ комъ нѣтъ ея, того Онъ не признаетъ и своимъ послѣдователемъ, того Онъ относитъ къ безжалостному обществу діавола съ его слугами и обрекаетъ на одинаковую съ ними судьбу. *Когда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей*, говоритъ Онъ..., *поставитъ овецъ по правую свою руку, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ тѣмъ, которые по правую руку Его: придите благословенные Отца моего! наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ.... Истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ; сдѣлали Мнѣ. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую руку: идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня* (Мѳ. 25, 31—46). Сердце сжимается, когда слышишь этотъ страшный приговоръ людямъ безжалостнымъ; но въ тоже время видишь, что другаго не можетъ и быть, что Судія человѣчества требуетъ отъ подсудимыхъ для

оправданія очень немногаго — одной жалости ко внѣшнимъ лишеніямъ и нуждамъ ближняго, столь естественно возбуждающейся въ каждомъ человѣкѣ, если только онъ не потрудился самъ подавить въ себѣ это доброе чувство. Но, обращаясь съ состраданіемъ къ бѣдствіямъ человѣчества физическимъ, Христіанство, какъ мы уже замѣтили, еще больше показываетъ участія къ страданіямъ собственно души, къ недугамъ умственнымъ и нравственнымъ, и стремится ихъ уврачевать, уничтожить. Этого оно достигаетъ тѣмъ, что беретъ подъ свою защиту всѣхъ грѣшниковъ и заблуждающихся, не мститъ имъ, не караетъ, не отталкиваетъ ихъ съ презрѣніемъ, не обрекаетъ на погибель, но умоляетъ одуматься, ищетъ только ихъ исправленія, ожидаетъ его до самой послѣдней минуты ихъ жизни, пока еще смерть не успѣла положить рѣшительный приговоръ о ней, и прощаетъ немедленно, какъ скоро человѣкъ сознаетъ свою виновность предъ Богомъ и совѣстію и рѣшится исправиться. Обращеніе заблуждающагося на истинный путь — для Христіанства торжество, при которомъ уже нѣтъ помину о прежнихъ заблужденіяхъ человѣка, нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы онъ поплатился за нихъ какими бы то ни было страданіями, — онъ принимается, какъ любимый сынъ отцемъ, послѣ долгой разлуки. И торжество это тѣмъ больше, чѣмъ преступнѣе была предъидущая жизнь человѣка; гдѣ преизбыточествуетъ грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ и благодать прощенія. Спаситель нашъ во всю Свою жизнь проповѣдуетъ и учитъ, что Онъ пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ на покаяніе, не судить міръ, а спасать, не требовать отчета въ преступленіяхъ и опредѣлять за нихъ возмездіе, а миловать кающихся. Потому-то Онъ не чуждается людей, по

суду общественнаго мнѣнія, презрѣнныхъ, не боится унизить себя ихъ обществомъ, но сближается съ ними, охотно раздѣляетъ трапезу, предоставляя полную свободу лицемѣрамъ и пустосвятамъ говорить о Немъ: *вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ* (Мѳ. 11, 19). За трапезою Сѵмона прокаженнаго, одного изъ лучшихъ фарисеевъ, онъ не отталкиваетъ блудницы, плачущей у Его ногъ о своихъ паденіяхъ, и не только прощаетъ ей множество ея грѣховъ; но даже не стѣсняется тутъ же, при видѣ ея глубокаго раскаянія, поставить ее выше пригласившаго его фарисея, который горделиво думалъ: *если бы онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ нему, ибо она грѣшница* (Лук. 7, 39). Еще разительнѣе Онъ съ одной стороны смиряетъ гордость святошъ, съ другой—обнаруживаетъ милосердіе къ грѣшникамъ, когда книжники и фарисеи съ торжествомъ представляютъ ему женщину, пойманную въ прелюбодѣяніи. Онъ не входитъ въ пренія съ этими законниками, опредѣлившими преступницѣ смертную казнь, не уличаетъ ихъ самихъ, не высчитываетъ каждому его преступленій; а требуетъ только, чтобы прежде другихъ бросилъ въ нее камень тотъ, кто безъ грѣха. Когда же уличенные — каждый своею совѣстію — они одинъ по одному разошлись, оставивъ виновную въ смущеніи, Онъ не усиливаетъ въ ней смущенія, не обличаетъ, не укоряетъ ее, а предлагаетъ ей кроткій, успокоительный вопросъ: *женщина! гдѣ твои обвинители? Осудилъ ли кто тебя?* и къ ея смиренному отвѣту: *никто, Господи!* — прибавляетъ еще болѣе успокоительныя слова: *и Я не осуждаю тебя. Иди, и впредь не грѣши* (Іоан. 8, 3 — 11). Правда, Онъ высказываетъ иногда сильныя обличенія порокамъ; такова

напримѣръ, его рѣчь противъ лицемѣрія книжниковъ и фарисеевъ, предрекающая имъ *горе* и *горе* (Мѳ. 23 гл.); но въ каждомъ словѣ этой грозной рѣчи чувствуется боль сердца, разрывающагося отъ жалости при видѣ несчастныхъ, даже не сознающихъ собственнаго несчастія, а въ заключительныхъ словахъ: *Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ, и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не восхотѣли! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ*, — въ этихъ словахъ слышится сдержанное рыданіе о погибающихъ. Своими благодѣяніями Онъ возбуждаетъ множество враговъ, которые въ Его ученіи видятъ обольщеніе народа, Его чудотворенія производятъ отъ силы Веельзевула, и ищутъ Его убить; но Онъ не караетъ ихъ, не уничтожаетъ, хотя могъ бы уничтожить однимъ дуновеніемъ своихъ устъ, а терпитъ всѣ оскорбленія, и наконецъ добровольно отдаетъ Себя въ руки грѣшниковъ,—отдаетъ для того, чтобы привлечь къ нимъ милосердіе Отца небеснаго. Совершается ужасающее преступленіе, котораго міръ не видывалъ и больше не увидитъ: Его возносятъ на крестъ. У подножія своего креста, безгрѣшный Страдалецъ, сама Святость, видитъ отвратительнѣйшій разгулъ страстей человѣческихъ, отъ котораго содрагается земля, меркнетъ солнце и пробуждаются мертвые, — и Его взоры обращаются на небо, но не затѣмъ, чтобы свести оттуда громы на преступныхъ, не затѣмъ даже, чтобы только не видѣть ихъ нравственнаго безобразія, но чтобы умолить Отца о ихъ помилованіи: *Отче!* говоритъ Онъ, *прости имъ*; *ибо не знаютъ, что дѣлаютъ* (Лук. 23, 34). Здѣсь же Онъ принимаетъ раскаяніе одного изъ повѣшенныхъ съ Нимъ злодѣевъ и

обѣщаетъ ему рай, какъ будто злодѣяній его и не существовало. По воскресеніи Онъ является на ряду съ другими апостолами и Петру, отрекшемуся отъ Него въ самую критическую минуту,—и что же? Ни слова объ отреченіи; спрашиваетъ же только, любитъ ли Его Петръ,— и троекратнаго искренняго признанія любви для Него достаточно, чтобы отвѣтить Петру своею безпредѣльною любовію. Тотъ же духъ жалости и состраданія къ заблуждающимъ умственно и нравственно проникаетъ жизнь и ученіе и апостоловъ. Апостолъ Павелъ желалъ, чтобы лучше самъ онъ отлученъ былъ отъ Христа, чѣмъ его братія, сродники его по плоти, которые были его злѣйшіе враги и потому самому люди несчастнѣйшіе.

Стараясь, по возможности, раскрыть духъ жалости къ бѣдствіямъ человѣчества, отличающій Христіанство, мы намѣренно до сихъ поръ не называли его духомъ любви къ человѣчеству; — потому именно, что жалость лучше всего характеризуетъ эту любовь въ Христіанствѣ. Она указываетъ на то, что христіанская любовь есть любовь, во первыхъ, совершенно безкорыстная, которая ищетъ только счастія людей и готова сама страдать, только бы не видѣть чужихъ страданій, — во вторыхъ — всеобъемлющая, такъ какъ жалость расширяетъ ея кругъ до того, что въ него входятъ не только радующіеся, но и плачущіе, не только терпящіе бѣдствія физическія, но и нравственныя, не только добрые, но и злые, не только друзья, но и недруги. Такой-то любви къ людямъ требуетъ отъ вѣрующихъ Спаситель, и отличаетъ ее отъ всякой другой, говоря: *если любите любящихъ васъ; какая вамъ за это благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро; какая вамъ за то благодарность? и грѣшники тоже дѣла-*

ютъ. И если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно: какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ взаймы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. Итакъ будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ. (Лук. 6, 32—36). Отсутствіе въ христіанинѣ этого милосердія или, что тоже, любви ап. Павелъ признаетъ рѣшительнымъ признакомъ того, что христіанинъ еще и не начиналъ быть христіаниномъ, что въ Христіанствѣ онъ усвоилъ, если только усвоилъ, одну лишь форму безъ содержанія, которая сама по себѣ совершенно тоже, что тѣло безъ души, рѣчь безъ смысла, звонъ металла, ничего не выражающій. *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими*, говоритъ Апостолъ, *любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцай. И аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая же польза ми есть* (1 Кор. 13, 1—7).

Послѣ этого легко понять, что должно произойти съ человѣкомъ, если онъ усвоитъ себѣ духъ христіанской любви. Съ одной стороны эта любовь есть начало, отрицающее въ человѣкѣ все, что можетъ внутренно отчуждать его отъ другихъ людей: и гордость, нашептывающую ему: ты не таковъ, какъ прочіе люди, — и самоуниженіе, при которомъ человѣка давитъ присутствіе лица высшаго, — и зависть, непозволяющую радоваться вмѣстѣ съ радующимся, — и нравственную суровость,

безпощадную къ человѣческимъ немощамъ,—и религіозную нетерпимость, которая боится осквернить себя общеніемъ съ разновѣрцемъ и можетъ спокойно смотрѣть на его мученія,—и своекорыстіе, для котораго общіе интересы не имѣютъ значенія. Въ тоже время она составляетъ внутреннюю связь, по которой все вообще, что касается другихъ людей — и радости ихъ и горести, и успѣхи и неудачи — находитъ самый живой отголосокъ въ сердцѣ человѣка, и каждый общественный вопросъ затрогиваетъ его такъ, какъ если бы относился къ нему лично. По силѣ этой связи, христіанинъ,—разумѣемъ того, который ввелъ Христіанство въ свою жизнь и убѣжденія,—не можетъ не сочувствовать съ одной стороны всему, что въ какомъ бы то ни было отношеніи служитъ къ матеріальному благосостоянію людей; таково развитіе промышленности, умножающей и улучшающей способы удовлетворенія потребностей тѣлесной природы; таковы всѣ открытія въ области естествознанія, изъ которыхъ каждое, положительно или отрицательно, рано или поздно, приноситъ съ собою людямъ сокращеніе физическихъ страданій, потому что каждое освобождаетъ человѣка болѣе или менѣе отъ томительнаго рабства природѣ, порабощая человѣку саму природу. И если бы между христіанами нашелся человѣкъ, съ непріязненнымъ взглядомъ на заботы другихъ людей о томъ, чтобы дать болѣе простора промышленности, на ихъ усилія проникнуть въ тайны природы, чтобы имѣть болѣе возможности распоряжаться ею для своей пользы; то это значило бы одно изъ двухъ: или крайнюю неразвитость, которая не можетъ понять самой простой вещи, что все это, по меньшей мѣрѣ, клонится къ сокращенію матеріальныхъ лишеній, которыя не рѣдко ложатся тяжелымъ гнетомъ на

человѣка, не позволяя ему заняться на свободѣ удовлетвореніемъ высшихъ потребностей — нравственныхъ; или же—отсутствіе духа Христіанства, которое выражаетъ участіе и къ тѣлеснымъ нуждамъ человѣка, въ тяжкомъ трудѣ его до пота и крови изъ за куска хлѣба, въ волчцахъ и терніяхъ, произращаемыхъ землей, видитъ зло, желаетъ его уничтоженія и утѣшаетъ вѣрующихъ, что настанетъ время, когда истребится и послѣдній врагъ тѣла человѣческаго — смерть. Нѣтъ, истинный христіанинъ, если позволяютъ ему средства матеріальныя и нравственныя и его положеніе (напр. химикъ, механикъ, медикъ), не ограничится случайною благотворительностію алчущимъ, жаждущимъ, недужнымъ и т. п. людямъ, которые встрѣтятся съ нимъ въ жизни, или участіемъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; а озаботится быть полезнымъ для другихъ и изобрѣтательностію ума противъ неудобствъ и страданій жизни; и каждое его изобрѣтеніе будетъ дѣломъ истинно христіанскимъ: — по своему побужденію тѣмъ же, что и милостыня ради Христа, а по своимъ послѣдствіямъ оно можетъ быть даже несравненно выше его частныхъ благотвореній, потому что частная благотворительность ограничивается всегда небольшимъ числомъ благотворимыхъ, а каждое замѣчательное изобрѣтеніе дѣлается достояніемъ цѣлыхъ народовъ, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, вызываетъ новыя изобрѣтенія и открытія. Съ другой стороны, истинный христіанинъ не можетъ не принимать живѣйшаго участія во всемъ, что прямо клонится къ умственному и нравственному развитію его ближнихъ, къ распространенію между ними истины и правды; какъ не можетъ не горевать, видя торжество лжи и неправды. Обратимся къ настоящему времени. Въ комъ есть хоть капля любви христі-

анской, тотъ можетъ ли не чувствовать ускореннаго біенія сердца, слыша толки о гласности судопроизводства, въ видахъ сокращенія числа осуждаемыхъ невинно, о мѣрахъ противъ взяточничества и казнокрадства, о распространеніи грамотности въ народѣ, о воспитаніи, объ учрежденіи для уголовныхъ преступниковъ исправительныхъ заведеній вмѣсто эшафотовъ, о средствахъ освободить женщину отъ того униженія, которому она подверглась со времени паденія своей прародительницы и т. д. и т. д...? А не забудемъ при этомъ, что любовь христіанская не останавливается на одномъ сочувствіи, а стремится заявить себя самымъ дѣломъ, и не задумается ни надъ какою жертвою, если она необходима. Такимъ образомъ, если, дѣйствуя въ духѣ нравственной свободы, Христіанство упрочиваетъ за человѣкомъ самостоятельность развитія; то проникая его духомъ любви, оно дѣлаетъ изъ него живаго члена общества, котораго развитіе совершается не отдѣльно, а совмѣстно съ развитіемъ другихъ людей и самымъ благотворнымъ для нихъ образомъ. Если въ первомъ случаѣ оно имѣетъ въ виду разнообразіе личностей, то въ послѣднемъ направляется къ тому, чтобы развить между ними гармоническія соотношенія и установить прочную связь. Эта связь не заключаетъ однако въ себѣ ничего стѣснительнаго для нихъ; напротивъ любовь христіанская поставляетъ каждую личность въ такое отношеніе ко всѣмъ другимъ, въ которомъ она чувствуетъ полный просторъ, именно-ту широту, о которой писалъ апостолъ Павелъ Коринѳянамъ: *сердце наше распространися, не вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ* (2 Корин. 6, 11. 12). Душа, любящая христіански, дѣлаетъ добро людямъ, не стѣсняясь выборомъ между ними и не обращая вниманія

на то, кто они, — добрые или злые, христіане или язычники, православные или иновѣрцы.

Теперь намъ остается разсмотрѣть еще одну черту воззрѣнія, которое Христіанство имѣетъ на человѣка. И если бы мы сказали только, что Христіанство смотритъ на него, какъ на падшее разумно-свободное созданіе Божіе, то сказали бы далеко не все. Оно говоритъ еще, что это падшее созданіе есть въ тоже время возстановленное. Для возстановленія его самъ Богъ, самъ Единородный Сынъ Божій воспринялъ на Себя естество человѣческое, совершенно чистое, неповрежденное грѣхомъ, такое же, какое имѣлъ при сотвореніи первый человѣкъ. Такимъ образомъ съ воплощеніемъ явился на землѣ опять человѣкъ, чистый и невинный, точно такой же, какимъ вышелъ Адамъ изъ рукъ Творца; притомъ и произошелъ также, какъ тотъ, непосредственно отъ Бога — отъ наитія Духа Святаго, а не отъ похоти мужескія. Но этотъ второй Адамъ есть въ тоже время Единородный Сынъ Божій; потому что въ Немъ человѣчество воспринято въ единство Божественнаго Лица. Онъ не просто человѣкъ, но Богочеловѣкъ. Въ Его Лицѣ человѣчество чистое и невинное выстрадало за всѣ грѣхи и страданія человѣчества падшаго, и по силѣ единенія съ Лицемъ Божественнымъ превознеслось *превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ* (Ефес. 1, 21). И какъ отъ перваго Адама идетъ родъ сыновъ человѣческихъ; такъ отъ втораго Адама — родъ сыновъ Божіихъ, которые по вѣрѣ въ Него, по жизни согласной съ вѣрою, по благодатному возрожденію и таинственному пріобщенію Его плоти и крови, имѣютъ полное право сказать о себѣ: мы *отъ плоти*

ею и отъ костей ею (Ефес. 5, 30). *Егда пріиде кончина лѣта,* говоритъ Апостолъ, *посла Богъ Сына своего рождаемаю отъ жены, бываема подъ закономъ: да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе пріимемъ. И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче! Тѣмъ же нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ* (Гал. 4, 4—7). Отсюда духъ Христіанства—духъ усыновленія. Оно стремится поставить человѣка къ Богу не въ отношеніе твари къ Творцу, не въ отношеніе раба къ господину, а въ отношеніе сына къ отцу. До пришествія Спасителя падшій человѣкъ могъ только бояться Бога и называть себя рабомъ Его; теперь же ему предоставлено полное право любить Бога и обращаться къ Нему съ такимъ же дерзновеніемъ, какъ обращается любимый и любящій сынъ къ отцу. Потому-то, смотря на вѣрующихъ, какъ на чадъ Божіихъ, Христіанство не затрудняется уже предложить имъ такое требованіе: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. 5, 48). Мысль этого требованія та, что вѣрующіе, какъ чада Божіи, не должны самодовольно ограничиваться какимъ-либо частнымъ условнымъ совершенствомъ, какое замѣчаютъ въ себѣ, — это прямо противорѣчило бы существенному ихъ характеру сыновства,—а должны восходить отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, отъ совершенства къ совершенству, во имя Бога — безусловнаго Совершенства, изъ любви къ Нему, нашему Отцу, ради Его любви къ намъ и въ полной надеждѣ на Его помощь. Такимъ образомъ Христіанство возлагаетъ на вѣрующаго трудъ непрерывнаго упражненія и развитія его силъ, данныхъ ему отъ Бога, одушевляемый любовію къ Богу; оно желаетъ, чтобы каждый христіанинъ могъ

о себѣ сказать тоже, что сказалъ однажды о себѣ Апостолъ: *задняя забывая, впредняя же простираяся, къ намѣренному теку, къ почести вышняго званія.* Сущность этого стремленія и вмѣстѣ труда—безпощадная критика человѣка самому себѣ—всему, что онъ думаетъ, чувствуетъ, дѣлаетъ, сопровождаемая усиліями освободиться отъ того, что несогласно съ его высокимъ званіемъ, и развить въ себѣ то, что согласно съ нимъ. Мы говоримъ: безпощадная критика; потому что мѣрою для суда человѣка надъ самимъ собой служитъ не относительное достоинство другихъ людей, а самъ Богъ или, что тоже, Христосъ Спаситель, истинный Богъ и совершенный человѣкъ, съ своею жизнію и ученіемъ. Потому-то Христіанство, во первыхъ, отвергаетъ лѣнь, какъ начало, отрицающее въ человѣкѣ всякое движеніе впередъ къ совершенству и требующее застоя и матеріальнаго и нравственнаго, во всѣхъ ея видахъ. А ихъ не мало. Есть лѣнь, какъ отрицаніе вообще дѣятельности; человѣку не хочется заниматься ничѣмъ полезнымъ, о самоусовершенствованіи нѣтъ и помину; онъ ищетъ только того, чтобы жить въ свое удовольствіе, и, если—богатъ, беззаботно растрачиваетъ богатство, добытое чужимъ трудомъ, на свои прихоти, отчего съ теченіемъ времени тупѣетъ и тупѣетъ; если же бѣденъ, обращается къ нищенству, дѣлается попрошайкой, для котораго ничего не значитъ униженіе и физическое и нравственное, лишь бы былъ даровой кусокъ хлѣба. Такимъ людямъ Христіанство говоритъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10). Есть лѣнь другого рода, которая смотритъ на трудъ, какъ на средство, обезпечивающее ее въ будущемъ; человѣкъ трудится, но не для того, чтобы дѣлаться нравственно лучше и лучше, а чтобы со време-

немъ достигнуть болѣе или менѣе независимаго положенія въ обществѣ, и потомъ спокойно почить на лаврахъ, сказавъ себѣ: довольно потрудился, будетъ съ меня; понятно, что здѣсь нѣтъ уваженія къ труду, какъ средству развитія, нѣтъ мысли о небесномъ сыновствѣ и наслѣдіи, а есть одна земная забота, въ которой проглядываетъ низкій взглядъ человѣка на себя, какъ на жителя только этого міра. На этотъ разъ Христіанство говоритъ: *какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?* (Марк. 8, 36. 37). *Горняя мудрствуйте, а не земная; наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа* (Филип. 3, 20). Далѣе—есть лѣнь самодовольная, когда человѣкъ, потрудившись нѣкоторое время надъ самоусовершенствованіемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, начинаетъ думать о себѣ, что онъ уже совершенъ, что ему уже не остается ничего прибавлять къ своему совершенству,—мысль гибельная, которая прямо показываетъ, что человѣкъ уже порѣшилъ съ своимъ развитіемъ, и только любуется тѣмъ, что сдѣлано, или же повторяетъ зады. Потому-то Спаситель говоритъ: *когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы, ничего не стоющіе: потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать* (Лук. 17, 10). А Тайновидецъ Іоаннъ Богословъ, отъ имени Его, на мысль человѣка, что онъ нравственно богатъ и ничего не требуетъ, указываетъ, какъ на рѣшительный признакъ внутренней пустоты и ничтожества. Къ этому виду лѣни близко подходитъ лѣнь, убаюкивающая себя самою неосновательною мыслію, что впереди остается еще много времени; человѣкъ понимаетъ, что его состояніе дурно, но весело

смотритъ впередъ, рисуя себя тамъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ,—положеніе опасное; Христіанство стремится вывести человѣка и изъ него. *Блюдите*, говоритъ Апостолъ, *како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 15. 16). Въ противоположности съ разсмотрѣнной нами, есть лѣнь озабоченная, тоскливая, навязывающаяся съ своей тоской всѣмъ и каждому; человѣкъ видитъ, что много ему нужно сдѣлать, и что не сдѣлано еще ничего добраго, и вотъ онъ хандритъ, тревожно всматривается въ будущее, строитъ планы, какъ распорядиться временемъ; между тѣмъ въ этихъ пустыхъ заботахъ проходитъ день за днемъ, а онъ и не принимался за дѣло. Предостерегая отъ этого настроенія души, Спаситель говоритъ: *не заботьтесь о завтрешнемъ днѣ. Ибо завтрешній самъ будетъ заботиться о своемъ. Довольно для каждаго дня своей заботы* (Мѳ. 6, 34); т. е. каждый изъ насъ при началѣ дня долженъ обдумать, что онъ можетъ въ этотъ день сдѣлать добраго, и безъ отлагательства сдѣлать то, не заботясь о слѣдующемъ днѣ, на долю котораго должны выпасть свои заботы и свой трудъ; долженъ не распредѣлять своихъ трудовъ по днямъ впередъ, а каждый день трудиться столько, сколько можетъ. Въ заключеніе не можемъ не замѣтить еще о двухъ видахъ, которые принимаетъ въ людяхъ лѣнь: это, во-первыхъ, непріязненный взглядъ на все новое, небывалое, противорѣчащее сколько-нибудь утвердившемуся обычаю, общепринятымъ понятіямъ, застарѣлымъ предразсудкамъ, и безусловная вѣрность всему старому; человѣкъ не хочетъ принять на себя труда подумать, что хорошаго или худаго въ старомъ и въ новомъ, и не нужно ли что-нибудь улучшить; ему не хочется разстать-

ся съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ уже сжился и съ чѣмъ жить ему поэтому стало такъ легко; онъ смотритъ поэтому на каждаго нововводителя также недружелюбно, какъ человѣкъ, привыкшій нѣжить себя сномъ, на того, кто неожиданно вздумалъ вывесть его изъ пріятной дремоты. Такіе-то люди говорили о Спасителѣ міра, явившемся къ міру съ новымъ ученіемъ, что Онъ раззоряетъ отеческія преданія, обольщаетъ народъ, и объ нихъ-то Онъ замѣтилъ: *огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ* (Мѳ. 13, 15). Такіе люди могутъ показаться иногда тружениками, а на самомъ дѣлѣ они—работники, которые выполняютъ только то, чего требуетъ отъ нихъ существующій порядокъ вещей, беззаботно, безъ всякой мысли о возможности улучшеній, и, если измѣнить этотъ порядокъ, они останутся въ рѣшительномъ недоумѣніи, что съ собой дѣлать. Имъ повидимому противоположны люди, которые ничѣмъ настоящимъ недовольны, все порицаютъ, то и дѣло—говорятъ о призваніи, о подвигахъ, о жертвахъ, обыкновенныя дѣла, въ которыхъ всегда можно много высказать любви и къ Богу и къ людямъ, считаютъ ниже себя, перебѣгаютъ отъ занятія къ занятію, не останавливаясь долго ни на одномъ, хотятъ чего-то новаго, чего-то лучшаго, сами не зная чего; старое для нихъ не существуетъ, новое не выработано. Что же имъ остается дѣлать?—Прикрываясь именемъ истины и правды, зло смѣяться надъ недостатками дѣйствительными или воображаемыми, чужими или даже своими; а это такъ легко! Въ нихъ, очевидно, таже лѣнь. Къ нимъ принадлежатъ, по большей части, или даже исключительно, люди со

средствами, изнѣженные, которымъ есть полная возможность, сколько угодно, умничать, мечтать о своемъ призваніи, и ничего не дѣлать. Объ нихъ никто, конечно, не скажетъ того, что сказалъ о себѣ Апостолъ: *задняя забывая, впредняя простираюся*, и что заповѣдалъ каждому христіанину; потому что не къ чему и простираться впередъ, когда впереди нѣтъ никакой опредѣленной цѣли жизни, нечего и забывать позади себя, когда тамъ одна пустота. Есть однакоже и трудъ, которому Христіанство не придаетъ никакой цѣны и который также отвергаетъ. Бываютъ натуры, въ высшей степени живыя и энергичныя, для которыхъ бездѣлье невыносимо; для нихъ пріятно быть постоянно въ трудахъ: едва окончатъ одинъ, какъ спѣшатъ къ другому: постоянно заняты планами и соображеніями или ихъ выполненіемъ; ни на минуту, можно сказать, не даютъ себѣ покоя, — и такъ проходитъ цѣлая жизнь. Но если спросить ихъ, для чего всѣ эти заботы, всѣ эти хлопоты, они не найдутся, что отвѣчать, или же отвѣтятъ, что иначе не могутъ и жить, т. е. трудятся для труда, который составляетъ для нихъ и цѣль жизни, и наслажденіе. Такое самоуничиженіе человѣка предъ трудомъ, очевидно, недостойно его, и о его трудѣ, безцѣльномъ, лишенномъ мысли, нельзя не сказать того же, что сказалъ Екклезіастъ: *суета суетствій, и всяческая суета*. Такой человѣкъ не любитъ заглядывать впередъ за предѣлъ своей суетливой жизни, гдѣ долженъ предстать живому Богу, и если, среди его суеты, вдругъ представится ему темный, неопредѣленный для него вопросъ: для чего все это; онъ постарается по скорѣе выбросить его изъ головы, чтобы не чувствовать тоски, въ такомъ случаѣ неизбѣжно охватывающей его и убійственной для его энергіи,—положеніе тѣмъ болѣе

жалкое, чѣмъ болѣе человѣкъ принимаетъ на себя трудовъ. Иначе говоря: Христіанство смотритъ не на форму труда, а на сущность его, на то начало, которое одушевляетъ человѣка въ трудѣ.

Представимъ же себѣ, что человѣкъ усвоилъ себѣ духъ Христіанства въ томъ отношеніи, о которомъ мы только что сказали. Въ этомъ случаѣ, вмѣсто вялости и лѣни, мы увидимъ въ немъ жизнь и энергію; вмѣсто длинныхъ разглагольствій — самое дѣло, вмѣсто самодовольства и гордаго сознанія своихъ достоинствъ—забвеніе о нихъ, вслѣдствіе усилій дѣлаться лучше и лучше. Характеръ внутренней непрерывной борьбы за то, чтобы приблизиться въ совершенствахъ своихъ къ Отцу небесному, неизбѣжно отразится и на внѣшнихъ его занятіяхъ непрерывнымъ усовершенствованіемъ и улучшеніемъ того, чѣмъ человѣкъ занимается. Тѣмъ, что называется рутинеромъ, онъ быть не можетъ. Дѣйствовать извѣстнымъ образомъ потому только, что такъ заведено, не въ его духѣ. Усовершенствованій въ той отрасли внѣшняго труда, которою онъ занимается, мы имѣемъ право отъ него ожидать тѣмъ больше, что Христіанство предоставляетъ ему полную свободу въ выборѣ труда: — не на основаніи относительнаго его достоинства, а на основаніи собственнаго расположенія и природной способности; такъ какъ для Христіанства все равно, будетъ ли христіанинъ ученымъ, художникомъ, ремесленникомъ, земледѣльцемъ, лишь бы онъ живо чувствовалъ свое отношеніе къ Отцу небесному и ходилъ достойно своего званія. Самъ будучи проникнутъ мыслію объ улучшеніи себя и всего, что можетъ улучшить, онъ будетъ смотрѣть благопріятно и на всѣ попытки другихъ къ тѣмъ или другимъ улучшеніямъ, принимая впрочемъ ихъ не иначе,

какъ послѣ строгаго обсужденія, въ томъ случаѣ, когда онъ по совѣсти можетъ о себѣ сказать, что чувствуетъ себя въ силахъ обсудить то или другое. Короче сказать: вся его жизнь будетъ непрерывнымъ выполненіемъ одной мысли—быть совершеннымъ не сравнительно съ другими людьми, а безусловно, не въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, но во всѣхъ, — мысли столько же безпредѣльной, какъ безпредѣленъ самъ Богъ; и если въ концѣ своихъ земныхъ трудовъ замѣтитъ приближающуюся смерть, онъ бодро встрѣтитъ ее, говоря съ Апостоломъ: *аще живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. 14, 8).

Такимъ образомъ, развивая въ первомъ случаѣ въ человѣкѣ тѣ черты, которыя указываютъ, что человѣкъ—самостоятельная, отдѣльная личность,—во второмъ, что онъ есть въ тоже время живой членъ общества человѣческаго, — въ послѣднемъ случаѣ Христіанство развиваетъ въ немъ тѣ свойства, которыя прямо указываютъ на внутреннее живое отношеніе его къ Богу, существу всесовершенному, на его пріискреннее единеніе съ Отцемъ небеснымъ, о которомъ молился въ предсмертные часы Спаситель человѣчества, Единородный Сынъ Божій.

Но внѣдряясь въ жизнь и убѣжденія частныхъ лицъ, Христіанство проникаетъ и въ цѣлыя массы, простирается на цѣлый народъ. Прогрессивное стремленіе его и въ этомъ случаѣ тоже самое. Чтó отдѣльная личность, то каждый въ отдѣльности народъ; какъ тамъ Христіанство направляется къ развитію личнаго характера, такъ здѣсь къ развитію и опредѣленію народности, т. е. тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ одинъ народъ отъ другаго, давая самымъ ощутительнымъ образомъ чувствовать

себя въ языкѣ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, проникнетъ въ народныя массы то самоуваженіе, которое Христіанство развиваетъ въ частномъ лицѣ. Тогда въ народѣ не окажется ни рабскаго подражанія другимъ народамъ, болѣе развитымъ, при которомъ зауряд заимствуется все — и хорошее и дурное; — ни замкнутости, отчужденія, презрѣнія къ иноземцамъ, при чемъ народъ цѣнитъ только то, что видитъ у себя, и отъ другихъ народовъ не хочетъ заимствоваться ничѣмъ. При отсутствіи же того и другаго начала въ народной жизни, изъ которыхъ первое стираетъ народныя черты и стремится слить одну народность съ другой, а послѣднее развиваетъ народность въ уродливыхъ формахъ, въ народѣ неизбѣжно явится разумное стремленіе сблизиться съ другими народами, чтобы отъ нихъ заимствовать себѣ только то, что согласно съ истинными его потребностями и съ извѣстною мѣрою его собственнаго развитія, слѣдовательно явится заимствованіе, основанное на осмотрительной и безпристрастной оцѣнкѣ того, что заимствуется, равно какъ на прилежномъ и внимательномъ изученіи жизни и потребностей самаго народа. За такое подражаніе, очевидно, бояться нечего; по мѣрѣ разумнаго усвоенія народомъ того, что онъ замѣчаетъ въ другомъ, будетъ только болѣе и болѣе очищаться и выработываться народный типъ, освобождаясь отъ всего случайнаго, пришлаго, уродливаго. Съ другой стороны, если народъ разовьетъ въ себѣ то самоуваженіе, котораго хочетъ Христіанство, и будетъ дѣйствовать въ духѣ свободы,—онъ никогда не дозволитъ себѣ насильственныхъ мѣръ къ тому, чтобы подавлять чужую народность, чтобы навязывать другому народу тотъ языкъ, которымъ онъ не хочетъ говорить, тѣ стремленія, которымъ онъ никогда не можетъ

сочувствовать. Для Христіанства тѣмъ лучше, чѣмъ самостоятельнѣе развивается народъ, а слѣдовательно чѣмъ больше опредѣляется его народность; потому что это— ясный признакъ, что мысль и характеръ народа крѣпнутъ, а при этомъ только и возможно разъясненіе Христіанства и приложеніе его требованій къ жизни. И на оборотъ: гдѣ развивается подражательность, гдѣ народныя силы и матеріальныя и нравственныя растрачиваются на неразумный трудъ подавленія чужихъ народностей, или гдѣ господствуетъ презрѣніе ко всему иноземному; тамъ непремѣнно—слабость мысли или народнаго характера, или и то и другое вмѣстѣ, чтó естественно должно отразиться и на усвоеніи народомъ началъ христіанскихъ.

Какъ отдѣльной личности самостоятельность развитія отнюдь не мѣшаетъ принимать живое участіе въ развитіи другихъ личностей; такъ точно и народу его народность не мѣшаетъ нисколько входить въ самыя тѣсныя отношенія съ другими народами. Съ точки зрѣнія христіанской, тѣмъ лучше, чѣмъ живѣе и тѣснѣе становятся международныя отношенія, если при этомъ имѣется въ виду общее благо народовъ—взаимная помощь и взаимный обмѣнъ всего полезнаго для матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народовъ. Тотъ же народъ, который идетъ въ противоположности общимъ интересамъ народовъ, имѣя въ виду себя одного, недостоинъ называться христіанскимъ, хотя бы въ немъ и исповѣдывалось Христіанство. Своекорыстный, завоевательный духъ народа прямо противенъ духу мира и любви, которыя проповѣдуетъ Христіанство, — хотя бы даже завоеванія совершались подъ знаменемъ Креста и съ благословенія служителя Креста. Христіанство хочетъ житія тихаго и

безмолвнаго, которое даетъ возможность народу сосредоточить свои силы на внутренней борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью, неправдою, и вообще всѣмъ, что мѣшаетъ его развитію; оно поэтому умоляетъ вѣрующихъ употреблять не только свои собственныя усилія къ тому, чтобы тишина не нарушалась, а просить содѣйствія въ этомъ и самаго Бога.

Давая начала для развитія въ народѣ народности и общительности, Христіанство въ тоже время заключаетъ въ себѣ прочныя начала и для развитія цивилизаціи. Это въ отношеніи ко всему народу—самая строгая и постоянная критика всѣмъ явленіямъ и требованіямъ народной жизни, направляющаяся къ тому, чтобы недостатки, какіе окажутся, исправить, а что есть хорошаго, согласнаго съ общечеловѣческими требованіями, улучшить и развить,—начало тоже самое, которое указываетъ Христіанство каждому человѣку въ отдѣльности. Гдѣ оно не дѣйствуетъ, гдѣ народная мысль находится въ дремотѣ, убаюканная тѣмъ, что все у него хорошо, или гдѣ народъ не смѣетъ говорить о недостаткахъ своей жизни и страданіяхъ, а вынужденъ высказывать одно довольство своимъ положеніемъ, тамъ нѣтъ движенія цивилизаціи. Но такъ какъ, при стремленіи къ улучшеніямъ и реформамъ въ народной жизни, всегда могутъ быть люди нетерпѣливые, которымъ хотѣлось бы какъ можно скорѣе ввести въ жизнь то, что они считаютъ полезнымъ для блага народа, хотя бы для этого нужно было сдѣлать насильственный переворотъ, распаливши страсти народныя; то на этотъ разъ Христіанство содержитъ въ себѣ другое начало, предупреждающее подобныя несчастныя явленія,—рѣшительное отрицаніе насилія и физическаго и нравственнаго. *Вси взявшие мечь мечемъ погибнутъ* (Мѳ.

26; 52),—вотъ что говоритъ Христіанство каждому, кто вздумалъ бы проводить мечемъ свои убѣжденія вообще, и въ частности—относительно народныхъ вопросовъ. И каждый истинный христіанинъ никогда не дозволитъ себѣ подобной мѣры; а если встрѣтитъ заблуждающагося нетерпѣливаго собрата, позаботится образумить его, въ полномъ убѣжденіи, что если извѣстная реформа можетъ быть произведена не иначе, какъ насиліемъ, то она непремѣнно или прямо противорѣчитъ истинному благу народа, или еще не соотвѣтствуетъ степени его развитія,—и слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ положительно гибельна. *Злостражду даже до узъ, яко злодѣй; но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. 2, 9),—писалъ ап. Павелъ въ узахъ, выражая мысль, что сила въ истинѣ, а не въ насиліи; таково убѣжденіе и каждаго истиннаго христіанина. Такимъ образомъ Христіанство по своему духу стремится къ тому, чтобы тотъ или другой народъ путемъ непрерывныхъ, но не торопливыхъ,—разумныхъ, но не насильственныхъ реформъ возвышался до того, чѣмъ долженъ быть каждый народъ всегда и вездѣ, иначе говоря, чтобы съ теченіемъ времени онъ болѣе и болѣе цивилизовался.

Что же касается вообще до всего человѣчества, то Христіанство направляется къ тому, чтобы человѣчество самостоятельно, т. е. сознательно и свободно стремилось къ выполненію Божественной воли, совмѣстными усиліями всѣхъ людей, чтобы составилось одно царство Божіе, въ которомъ миръ и радость о Дусѣ Святѣ.

Такимъ образомъ духъ Христіанства—духъ всевозможнаго прогресса; такъ какъ оно всесторонне обнимаетъ жизнь частныхъ лицъ, цѣлыхъ народовъ и всего человѣ-

чества; и быть истиннымъ христіаниномъ значитъ быть истиннымъ прогрессистомъ.

Обращаемся теперь къ самой теоріи безусловнаго прогресса. Человѣчество, говорятъ послѣдователи этой теоріи, непрерывно идетъ отъ первоначальнаго грубаго, дикаго, почти животнаго состоянія къ болѣе и болѣе возвышенному; и пойдетъ по пути всевозможныхъ усовершенствованій впередъ и впередъ безъ конца; это его непреложный законъ, котораго оно не можетъ не выполнять. Отдѣльныя личности появляются и исчезаютъ; но родъ человѣческій остается на землѣ постоянно, будетъ существовать на ней вѣчно и вмѣстѣ съ этимъ формы его жизни время отъ времени будутъ становиться выше и совершеннѣе. Жизнь человѣчества представляется такимъ образомъ однимъ безостановочнымъ и безконечнымъ потокомъ, который, начавшись неизвѣстно гдѣ и когда, чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ становится шире и шире. Кажется чего лучше: тутъ есть какъ будто и отвѣтъ на недовольство человѣка настоящимъ, на его ненасытимую жажду новаго и лучшаго; есть какъ будто и ободреніе ему въ его трудахъ, въ его борьбѣ за общее благо людей,—и утѣшеніе при видѣ недостатковъ и страданій человѣчества, выступающее само собою при мысли, что ихъ со временемъ не будетъ; и вся жизнь человѣчества на первый взглядъ представляется какимъ-то дивнымъ движеніемъ, полнымъ жизни и разумности.

Но не все то золото, что блеститъ,—поговорка старая, которая однакожъ очень идетъ и къ этой блестящей теоріи, недавнему издѣлію ума человѣческаго. Мы не станемъ здѣсь заниматься ея опроверженіемъ, не станемъ раскрывать, на сколько она оправдывается или подрывается въ своихъ основаніяхъ свидѣтельствомъ исторіи

и разума, возвышающагося надъ исключительнымъ направленіемъ той или другой философской школы; какъ не считали нужнымъ раскрывать истины и божественности самого Христіанства. Для нашей цѣли, которую мы обозначили въ самомъ началѣ, мы считаемъ достаточнымъ показать только, откуда беретъ свое начало теорія безусловнаго прогресса и куда направляется; иначе говоря, какіе имѣетъ въ себѣ задатки для того, чтобы человѣкъ, усвоившій ее, былъ истиннымъ прогрессистомъ, какимъ мы его изобразили, по указанію Христіанства?

Посмотримъ же, во-первыхъ, гдѣ зародышъ этой теоріи? Въ головѣ искренняго члена Христовой Церкви, сохраняющей ученіе Христа Спасителя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно преподано міру, она не могла явиться. Христіанство, какъ мы видѣли, даетъ начала для непрерывнаго развитія и усовершенствованія человѣка во всѣхъ отношеніяхъ: духъ его—духъ всевозможнаго прогресса. Поэтому, если бы христіанинъ, проникнутый этимъ духомъ и понимающій его, въ своемъ стремленіи къ совершенству, сталъ искать себѣ опоры внѣ Христіанства, въ какой-либо теоріи, противоположной откровенному ученію (какова и есть теорія безусловнаго прогресса); то это было бы въ немъ ничѣмъ необъяснимымъ противорѣчіемъ,—отъ добра добра не ищутъ.

Мысль о безусловномъ прогрессѣ и безконечномъ развитіи человѣчества на землѣ не могла явиться и у искренняго члена римскокатолической церкви. Съ точки зрѣнія чисто-римскокатолической невозможно говорить не только о безусловномъ прогрессѣ, который составляетъ уже гибельную крайность, но и о томъ, какой внушаетъ своимъ послѣдователямъ Христіанство, какъ оно существуетъ въ истинной Христовой Церкви. Прогрессивный

характеръ Христіанства въ римской церкви рѣшительно парализируется ея отступленіями отъ Церкви вселенской, а главнымъ образомъ ея догматомъ о главенствѣ и непогрѣшимости римскаго первосвященника. Эту мысль считаемъ необходимымъ нѣсколько пояснить, — потому именно, что защитники безусловнаго прогресса, видя себя въ прямомъ противорѣчіи съ Христіанствомъ, нерѣдко ссылаются въ свое оправданіе на католичество и, указывая тамъ черты чисто-регрессивныя, дѣлаютъ выводъ, что Христіанство, хотя и имѣло нѣкоторое время вліяніе на развитіе человѣчества, но теперь уже отжило свой вѣкъ и утратило значеніе начала, движущаго впередъ. Но измѣрять Христіанство католичествомъ — жестокая ошибка. Въ католичествѣ усвоены нѣкоторыя начала, противныя духу Христіанства; удивительно ли же, что оно не имѣетъ прогрессивнаго характера? А что это дѣйствительно такъ, въ этомъ можно убѣдиться легко, не пускаясь въ тонкости богословской полемики и остановившись только на догматѣ римской церкви о главенствѣ и непогрѣшимости ея первосвященника. Такое лицо необходимо въ церкви для того, чтобы въ ней постоянно сохранялась истинная вѣра во Христа Спасителя, — говорятъ римскіе католики. Непогрѣшимость его въ дѣлахъ вѣры и въ управленіи церковью—его неотъемлемый характеръ. Итакъ, папа непогрѣшимъ, и погрѣшить не можетъ, хотя бы и захотѣлъ; едва только онъ приналъ ключи Петровы, какъ возможности погрѣшать (положимъ — въ однихъ дѣлахъ Вѣры) онъ уже лишился. Онъ сталъ такимъ образомъ ни больше, ни меньше, какъ мертвымъ орудіемъ власти божественной! Гдѣ же тутъ нравственная свобода, о которой такъ заботится Христіанство?.. Христосъ Спаситель предсказалъ, что Ег-

Церкви и врата адовы не одолѣютъ, что истинные Его послѣдователи будутъ продолжаться на землѣ до скончанія вѣка, что истинная Вѣра продолжится до послѣдняго дня міра; но предсказалъ, имѣя въ виду собственное усердіе людей къ сохраненію Вѣры и свою готовность помогать имъ божественною силою, а не-то, что Онъ до скончанія вѣка будетъ имѣть на землѣ органъ, который волею—неволею будетъ провозвѣстникомъ истинной Вѣры въ Спасителя міра. Это прямо противорѣчило бы духу всего Его ученія и жизни. Но пойдемъ далѣе: если римскій первосвященникъ—мертвое орудіе власти божественной, слѣдовательно — власть, дѣйствующая необходимо: то уже не можетъ быть и рѣчи о разности въ ней элементовъ—духовнаго и свѣтскаго; это просто власть, дѣйствующая для извѣстныхъ цѣлей. Станьте только на точку зрѣнія римскокатолическую, и вамъ уже не возможно будетъ разсуждать о римскомъ первосвященникѣ, какъ о правителѣ духовномъ и какъ о государѣ: въ вашемъ представленіи то и другое сольется, и вашему взору неизбѣжно явится просто владыка земной, представляющій собою лицо Царя неба и земли [1]. Этотъ синкретизмъ власти духовной и свѣтской естественно долженъ имѣть своимъ результатомъ смѣшеніе цѣлей небесныхъ и земныхъ и уравненіе ихъ значенія. И на самомъ дѣлѣ, въ католичествѣ совершенно въ порядкѣ вещей—провозгласить такую же грозную анаѳему за отнятіе какого-

---

[1] По нашему мнѣнію, пока въ католическихъ догматикахъ не перестанутъ защищать догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника, нельзя никакъ разсчитывать на паденіе католичества въ томъ случаѣ, если бы de facto римскій первосвященникъ былъ лишенъ свѣтской власти. Это значило бы только подрѣзать вѣтви дерева и оставить нетронутымъ корень.

либо владѣнія у римскаго престола, какъ и за упорное искаженіе истинъ Вѣры. Вмѣстѣ съ различіемъ цѣлей для непогрѣшимой власти должно исчезнуть и различіе въ средствахъ; каждое средство хорошо, лишь бы достигало своей цѣли; цѣль оправдываетъ средства: явился человѣкъ, который подрываетъ въ другихъ уваженіе къ апостольскому престолу,—если можно, на костеръ его; другой мѣшаетъ распространять Вѣру, не довѣряетъ благимъ намѣреніямъ пропаганды,—если можно, долой его съ лица земли; быть іезуитомъ до ногтей, усерднымъ инквизиторомъ со всѣми орудіями пытокъ, которыми терзали первенствующихъ христіанъ, значитъ быть только искреннимъ, добросовѣстнымъ сыномъ святаго отца. Какъ все это далеко отъ того, что мы выше говорили о Христіанствѣ! При догматѣ о главенствѣ, который въ существѣ своемъ заключаетъ, быть можетъ, незамѣтный для римскокатоликовъ, но на самомъ дѣлѣ существующій — унизительный взглядъ на римскаго первосвященника, какъ на мертвое орудіе власти божественной, очевидно, не можетъ быть выше взглядъ и на всѣхъ подчиненныхъ папской власти. Относительно своей видимой главы они также мертвыя орудія; ихъ дѣло отнюдь не мыслить, не разсуждать, а только выслушивать и во всей точности выполнять то, что приказываетъ св. отецъ, самъ ли или чрезъ представителей своей власти; чѣмъ меньше въ нихъ самостоятельности и самодѣятельности, чѣмъ меньше развитія, и больше вѣрности обычаю, рутинѣ,—тѣмъ лучше. Отсюда искусство римскокатолическихъ пастырей входить въ души пасомыхъ, безъ ихъ вѣдома и согласія,—безцеремонное вмѣшательство во всѣ ихъ дѣла, начиная съ дѣлъ совѣсти до хозяйственныхъ распоряженій. Отсюда въ жизни — развитіе казуистики, которою

опутывается каждый шагъ сына римскокатолической церкви. Отсюда въ наукѣ — развитіе схоластики: умъ, которому отказано въ правѣ разсуждать и для котораго все разрѣшено или разрѣшается съ апостольскаго престола, естественно обращается къ игрѣ въ логическія формы, дробленія и подраздѣленія, оставляя содержаніе, заключающееся въ этихъ формахъ, нетронутымъ и неразъясненнымъ. Отсюда — забота о количествѣ добрыхъ дѣлъ, а не о качествѣ, о ихъ формѣ, а не о внутреннемъ настроеніи христіанина, — нравственность внѣшняя, безъ жизни и духа. При отрицаніи самодѣятельности въ человѣкѣ, — его разумнаго и свободнаго участія въ томъ, что́ онъ дѣлаетъ, о чемъ же можно и говорить, какъ не о внѣшнихъ только его поступкахъ (1)? Если они хороши, больше ничего и не нужно; чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Отсюда далѣе — строгое разграниченіе того, къ чему христіанинъ обязанъ, и къ чему не обязанъ, сортировка дѣлъ добрыхъ и злыхъ, разсужденія объ относительной ихъ важности, чтобы знать, какое злое дѣло должно замѣнить какимъ добрымъ; отсюда гибельная для нравственнаго развитія мысль, что можно имѣть и преизбыточествующія, сверхдолжныя заслуги, что ихъ можно переводить на другаго, подобно векселю.

(1) Какъ мало цѣнятъ римскіе католики свободныя усилія человѣка угодить Богу и какъ любятъ обращать вниманіе не на сущность дѣла, а на внѣшнюю обстановку, это со всей рѣзкостію выразилось между прочимъ въ новомъ догматѣ «о непорочномъ зачатіи Богоматери». Имъ хотѣлось этимъ прибавить новую черту къ славѣ Честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ. Но развѣ можетъ прибавить славы человѣку то, что́ случается съ нимъ независимо отъ его воли и нравственнаго достоинства? Пр. Дѣва возвысилась надъ Безплотными не своимъ рожденіемъ, а своимъ нравственнымъ характеромъ, по которому и оказалась достойною быть Матерію Богочеловѣка и быть предочищенною къ тому отъ Духа. *Вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. 44, 14).

Отсюда наконецъ—карательный характеръ обращенія съ грѣшниками и заблуждающимии: какъ скоро является для очищенія совѣсти грѣшникъ, допустившій какой-нибудь тяжкій грѣхъ, на него налагаютъ эпитимію, соотвѣтственно грѣху; ее онъ долженъ понесть именно какъ наказаніе, и отъ этого наказанія до опредѣленнаго духовникомъ времени онъ не можетъ освободиться ни въ какомъ случаѣ, хотя бы гораздо ранѣе срока онъ пріобрѣлъ настроеніе души, вполнѣ достойное неба, хотя бы душа его отъ горячихъ обильныхъ слезъ давно стала бѣлѣе снѣга! Этихъ немногихъ, бѣглыхъ указаній на черты, характеризующія католичество, достаточно, чтобы видѣть, что искренній римскокатоликъ не можетъ придти какъ къ теоріи безусловнаго прогресса, такъ и къ раскрытію прогрессивнаго характера Христіанства. А если бы между членами римской церкви кто-либо и представилъ отношеніе Христіанства къ прогрессу въ томъ видѣ, въ какомъ мы его представили; то это значило бы только, что онъ отрѣшился уже отъ духа своей церкви и понимаетъ Христіанство по разумѣнію Церкви вселенской.

Обращаемся наконецъ къ протестанству, которое каждаго уполномочиваетъ въ дѣлѣ Вѣры быть столько же независимымъ, сколько независимъ римскій первосвященникъ одинъ за всѣхъ. На этой именно почвѣ возрасла германская идеалистическая философія съ своею теоріею безусловнаго прогресса; здѣсь же должно искать и ея элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ протестанствѣ есть всѣ начала для того, чтобы она могла образоваться; такъ что мыслящій протестантъ можетъ съ покойною совѣстію принимать ее. Во-первыхъ, протестанство своимъ ученіемъ, что каждый можетъ толковать св. Писаніе по сво-

ому разумѣнію, предоставляетъ полный произволъ каждому строить, какую угодно, философскую систему и, нисколько не стѣсняясь положительнымъ ученіемъ Христіанства, подводить его подъ мѣрку своего философскаго воззрѣнія. Сколько бы разъ ни мѣнялись философскіе взгляды у протестанскаго мыслителя, столько же разъ онъ спокойно можетъ мѣнять и свое пониманіе св. Писанія. Тамъ не смыслъ св. Писанія или христіанскаго ученія опредѣляетъ направленіе мысли, а направленіе мысли даетъ извѣстный смыслъ и св. Писанію. Сказать, что св. Писаніе чрезъ каждые пятнадцать лѣтъ измѣняетъ свой смыслъ (¹), для насъ странно, дико; мы видимъ, что это прямо противно духу Христіанства, которое говоритъ: ты или вѣруй въ то, что я говорю, или не вѣруй (²); но для протестанта, которому само исповѣданіе, имъ содержимое, позволяетъ говорить: я принимаю Христіанство на столько, на сколько хочу, и вѣрую въ немъ въ то, во что хочу, это совершенно естественно. Удивительно ли же, что въ его головѣ можетъ образоваться теорія, противоположная Христіанству? Но этого мало. Своимъ ученіемъ о предопредѣленіи, которое однихъ об-

---

(¹) Такъ утверждалъ профессоръ берлинскаго университета, Шлейермахеръ въ 1820 году. См. у Алдія Востокова т. I. стр. 371.

(²) Такое требованіе побуждаетъ каждаго обратиться не только къ священному Писанію, но и къ священному Преданію и къ авторитету Церкви. Рѣшать вопросъ, чему именно училъ Іисусъ Христосъ и апостолы, очевидно, нельзя собственными умствованіями и соображеніями; тутъ остается только прислушаться къ свидѣтельству и общему голосу тѣхъ, которымъ преподано было это ученіе и чрезъ которыхъ оно преемственно сохранялось. Ограничиваться же однимъ источникомъ христіанской Вѣры, желая узнать ее содержаніе, напр. священнымъ Писаніемъ, какъ дѣлаютъ протестанты—ни съ чѣмъ не сообразно; говорить: мнѣ достаточно для опредѣленія того, чему училъ Іисусъ Христосъ, одного св. Писанія,—чистый произволъ.

рекаетъ на спасеніе, а другихъ на погибель, помимо ихъ воли, своимъ отрицаніемъ значенія личныхъ заслугъ человѣка предъ Богомъ, протестанство подрываетъ значеніе личности; оно прямо ведетъ къ мысли, что человѣкъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія, что онъ развивается не свободно, а по необходимости, что онъ только необходимое проявленіе бытія высшаго, самаго Божества; оно, такъ сказать, наталкиваетъ мыслящаго протестанта на пантеизмъ, который и развили въ своихъ системахъ — Шеллингъ и Гегель съ своими послѣдователями. Представляя жизнь рода человѣческаго проявленіемъ самаго Божества, пантеистическая философія, естественно должна была допустить непрерывное и вѣчное развитіе рода человѣческаго, постоянныя и необходимыя перемѣны въ его жизни, но перемѣны только къ лучшему; заботиться о вѣчной судьбѣ отдѣльныхъ личностей по ея характеру ей не было нужды. Таково происхожденіе теоріи безусловнаго прогресса.

Будучи обязана своимъ происхожденіемъ непосредственно пантеистической германской философіи, и посредственно — протестанству, она стремится подорвать въ самомъ основаніи прогрессивное начало въ жизни каждаго человѣка и всего человѣчества — Христіанство, живую вѣру во Христа Спасителя и Его ученіе. Если въ природѣ человѣческой лежитъ законъ, по которому люди съ теченіемъ времени неизбѣжно должны становиться и образованнѣе и нравственнѣе (объ одномъ умственномъ прогрессѣ стоитъ ли и хлопотать?); то этотъ законъ есть роковая необходимость; а въ такомъ случаѣ и рѣчи не можетъ быть о нравственной свободѣ человѣка. Это уже одно подрываетъ всѣ основы христіанскія; потому что мысль о свободѣ человѣка существенно входитъ въ Хри-

ст̆анств̆ въ ученіе и о сотвореніи человѣка, и о его паденіи, и о возстановленіи, и о воздаяніи каждому по дѣламъ. Далѣе: если человѣчество развивается непрерывно, переходя отъ низшей степени къ высшей, то паденія человѣка не было, недостатки и страданія его суть только слѣдствія ограниченности его развитія и вмѣстѣ съ развитіемъ исчезнутъ сами собою. Поэтому опасности погибнуть не угрожало человѣчеству никакой; въ Искупителѣ и Спасителѣ міра міру не было никакой нужды; божественное промышленіе о людяхъ и божественная помощь въ смыслѣ христіанскомъ оказываются вовсе не необходимыми; явленіе Іисуса Христа и Христіанства на землѣ уже теряетъ свой сверхъестественный характеръ, и представляется только естественнымъ фазисомъ въ развитіи человѣчества, опредѣлившимся всею предъидущею жизнію человѣческаго рода,—степенью, посредствующею между низшими и высшими степенями этого развитія. Наконецъ, если прогрессъ въ жизни человѣчества будетъ продолжаться на землѣ безъ конца, какъ выраженіе жизни самаго Божества; то каждая личность должна проститься съ надеждою на безсмертіе, потому что, при такомъ прогрессѣ, возможно только непрерывное возникновеніе и исчезновеніе личностей въ общемъ движеніи жизни рода человѣческаго, — не больше. Что же такое послѣ этого Богъ, котораго исповѣдуетъ Христіанство,— Существо высочайшее, Творецъ, Спаситель и Судія человѣчества, Богъ живой и личный, у котораго всѣ живы и предъ лице котораго всѣ люди должны явиться, чтобы отдать отчетъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, намѣреніяхъ, словахъ и дѣлахъ? Не дорожа отдѣльными человѣческими личностями, теорія безусловнаго прогресса не видитъ нужды признавать и Его существомъ личнымъ; она дер-

заетъ низводить Его до неопредѣленной безусловной идеи, до какого-то неопредѣленнаго разумнаго начала, которое стремится выразиться и опредѣлиться въ безконечномъ разнообразіи явленій міра и формъ человѣческой жизни, такъ что развитіе человѣчества есть Его собственное развитіе и уясненіе сознанія въ людяхъ есть раскрытіе Его собственнаго сознанія. Такимъ образомъ эта теорія не оставляетъ нетронутымъ ни одного завѣтнаго убѣжденія христіанина; она заслоняетъ отъ него божественный ликъ Искупителя; она закрываетъ непроницаемою мглою жизнь, ожидающую его за гробомъ; она внушаетъ ему отказывать благодати, толкущей въ сердце его; она подъ видомъ доброжелательства имѣетъ предательскій умыселъ расхитить все, для него священное, съ чѣмъ онъ могъ бы пройти жизнь бодро, стремясь къ истинно-человѣческому развитію, не пугаясь могилы, ожидающей его впереди, и не падая подъ гнетомъ страданій, которыя ему пришлось бы испытать въ жизни.

Что же даетъ и можетъ дать христіанину, въ замѣнъ его христіанскихъ убѣжденій, теорія безусловнаго прогресса? Ничего, кромѣ одной мертвой, обдающей холодомъ, идеи непрерывнаго развитія и безконечнаго усовершенствованія рода человѣческаго на землѣ. Но поддержитъ ли эта идея въ человѣкѣ благородныя усилія къ самоусовершенствованію? Будетъ ли онъ при ней бороться съ заблужденіемъ и неправдою? Будетъ ли ратовать до конца жизни за благо и счастіе другихъ людей? Вынесетъ ли онъ тѣ страданія, которыхъ не мало выпадаетъ въ жизни на долю каждаго? Положимъ, что такъ; но что за несчастное положеніе—мучиться, изнурять себя трудами, выбиваться изъ силъ во имя прогресса, и въ тоже время быть увѣреннымъ, что не сегодня, такъ завтра, отъ

этого труженика, отъ этого бойца жизни не останется ничего, кромѣ безобразнаго труна, да и тотъ не замедлитъ разсыпаться въ прахъ? Что за странность — заботиться о будущемъ, находить себѣ тамъ отраду и ободреніе въ жизненной битвѣ, и въ тоже время въ этомъ отрадномъ будущемъ видѣть и себѣ и другимъ исчезновеніе? Что наконецъ за несправедливость—страдать тѣмъ больше, чѣмъ больше усилій содѣйствовать прогрессу человѣчества и чѣмъ эти усилія благотворнѣе? Извѣстное дѣло: такъ называемые, передовые люди, двигатели человѣчества вынуждены бываютъ становиться въ разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ, въ противорѣчіе съ человѣческими страстями и предразсудками; этимъ они неизбѣжно вызываютъ противъ себя множество враговъ, и тайныхъ и явныхъ; имъ всего скорѣе можно расчитывать не на лавровый, а на терновый вѣнокъ. Скажутъ: они находятъ въ самихъ себѣ удовлетвореніе и награду? Но ужели имъ не хотѣлось бы, чтобы чаша незаслуженныхъ страданій прошла мимо ихъ? Ужели и другой кто-нибудь, понимая и цѣня ихъ благородныя усилія, не пожелалъ бы имъ и самъ того же? Невольно приходятъ при этомъ на мысль слова одного изъ тѣхъ мужей, которые своимъ ученіемъ внесли въ обветшавшій міръ новую жизнь и которымъ это стоило жизни: *аще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа,* писалъ апостолъ Павелъ, излагая ученіе о воскресеніи, которое при безусловномъ прогрессѣ не имѣетъ мѣста, *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы.... Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 19. 32). Въ самомъ дѣлѣ, не умнѣе ли и не логичнѣе ли—не навязываясь на страданія, отпраздновать жизнь какъ можно веселѣе, если уже за ея предѣломъ конецъ всему?...

Что же лучше: держаться ли всею крѣпостію души Христіанства и развиваться непрерывно по тому направленію, которое оно указываетъ, или принимать безусловный прогрессъ и хлопотать о развитіи, безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ Нему и безъ всякой надежды на то, что за гробомъ начнется новая жизнь, полная нескончаемаго блаженства? И справедливо ли—потому только, что христіанинъ не признаетъ безусловнаго прогресса, заподозривать его прогрессивныя стремленія и смотрѣть на него, какъ на человѣка отсталаго?

П. Шалфеевъ.

НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

И ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ ХРИСТІАНСТВУ ([1]).

Амелій и Порфирій.

По смерти Плотина школа его раздѣлилась на двѣ вѣтви—восточную (въ Сиріи) и западную (въ Римѣ).

Представителемъ первой былъ *Гентиміанъ Амелій*, котораго философскій характеръ состоитъ въ чувственномъ воспріятіи отвлеченныхъ понятій и довольно грубомъ пониманіи нѣкоторыхъ философскихъ опредѣленій Плотиновой системы. Между тѣмъ какъ Плотинъ, описывая умъ, различаетъ въ немъ три стороны или отношенія: бытія, мышленія и мыслимаго, Амелій олицетворяетъ эти отношенія и говоритъ о трехъ умахъ, какъ трехъ сущностяхъ и творцахъ. Первый умъ творитъ міръ своею волею, второй—своимъ повелѣніемъ, третій—дѣятельнымъ исполненіемъ воли перваго и повелѣній втораго. И наоборотъ, изъ многихъ душъ, которыя, по ученію Плотина, выдѣляетъ изъ себя міровая душа, онъ дѣлаетъ одну душу, которая является только въ разныхъ отношеніяхъ въ отдѣльныхъ душахъ, и находитъ указаніе на нее въ

([1]) Христ. Чт. 1860 г. №№ IX и XII.

ученіи Іоанна о Словѣ (1). Въ практической сторонѣ своего ученія тотъ находится подъ вліяніемъ Нуменія и такой же, какъ онъ, другъ теургіи, мистики и всякихъ суевѣрій. Наконецъ, совершенно въ его характерѣ то, что говорятъ о немъ Олимпіодоръ и Порфирій, будто онъ совершенно презиралъ чувственныя удовольствія, но былъ горячимъ защитникомъ и почитателемъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній (2).

Большую славу пріобрѣлъ представитель западной вѣтви *Порфирій* (232—304 по Р. Х.), по однимъ—тирянинъ, по другимъ ватанеотъ. На 30 году жизни онъ прибылъ въ Римъ къ Плотину и сдѣлался оракуломъ его школы. Восторженный мистицизмомъ учителя, онъ почувствовалъ отвращеніе къ жизни (3); но Плотинъ своими совѣтами удержалъ его отъ самоубійства. По смерти Плотина онъ женился на вдовѣ своего друга, чтобы помочь ей въ воспитаніи дѣтей.

Порфирій не имѣлъ дарованій своего учителя и не былъ мыслителемъ оригинальнымъ, самостоятельнымъ. Особенность его таланта заключалась въ томъ, чтобы разработывать данное уже ученіе, чему благопріятствовала его обширная ученость, легкость представленія и ясность мысли, по которой сейчасъ можно узнать въ немъ ученика аристотелевой логики.

Философія его сравнительно съ Плотиновой имѣетъ болѣе практическій характеръ. Онъ возстаетъ противъ суевѣрія, старается произвесть реформу въ религіи по-

(1) *Euseb.* Praep. Ev. lib. XI, c. 19. *Cyrill. Alex.* contra Julian. 1, 8, p. 233.
(2) *Olimpiod.* Comment. in Phileb. 309. *Porphyr.* Vita Plotini, 10.
(3) De abstinenia ab esu anim. 1, 9.

средствомъ философіи и такимъ образомъ составляетъ переходъ отъ чисто философическихъ стремленій своего учителя къ одностороннему теологическому направленію своего ученика.

Цѣль и задача философіи, по ученію Порфирія, заключается въ нравственной жизни человѣка, въ отвращеніи его отъ пороковъ, въ оживленіи и очищеніи его дѣятельности. Всѣ наши познанія суть только средства къ очищенію, а не существенныя составныя части доброй жизни (1). Какое достоинство имѣетъ рѣчь философа, спрашиваетъ Порфирій, когда она не умѣетъ уврачевать болѣзней души? (2). Поэтому и побужденіе къ философствованію заключается въ заботливости человѣка о здравіи души.

Божество, по ученію Порфирія, также какъ по ученію Плотина, одно въ трехъ началахъ — души міра, ума и чистаго единства—вѣчный источникъ бытія и мысли; потому что никакая идея не можетъ существовать внѣ идеи о Богѣ и никакое бытіе не можетъ существовать внѣ Его бытія.

Но Порфирій иначе относится къ народнымъ вѣрованіямъ, нежели Плотинъ. Послѣдній въ своемъ идеальномъ созерцаніи довольствуется философическимъ расположеніемъ, не прибѣгая къ чувственной опорѣ внѣшняго богопочитанія. Порфирій, напротивъ, этимъ не удовлетворяется. Онъ чувствуетъ силу демоническаго начала въ мірѣ и для борьбы съ нею, для процесса очищенія, которымъ ограничивается земная добродѣтель, онъ требуетъ помощи религіи и вступаетъ въ союзъ съ нею.

---

(1) Ad Marcellam c. 31.
(2) Το τε σωμα και ανθρωπος ειναι εμιαναι.

Въ стремленіи своемъ къ Первосущему душа возвышается постепенно. Всякая слѣдующая ступень возводитъ ее выше. Поэтому нужно почитать всѣ классы существъ, занимающихъ мѣсто между первымъ бытіемъ и человѣческою душею. Что это за существа, мы знаемъ уже изъ Плотина, именно: кромѣ перваго существа, ума и міровой души, есть еще видимые боги и демоны. По ученію Порфирія, мы должны различать разные классы демоновъ. Одна часть ихъ имѣетъ добрую и благодѣтельную природу, другая—злую и вредящую. Тѣ господствуютъ надъ матеріею (ψυχαί), съ которою они связаны, а эти подчиняются ей (ὑλικαὶ δυνάμεις); оттого у тѣхъ прекрасныя, а у этихъ безобразныя тѣла (1). Добрые демоны имѣютъ въ завѣдываніи большія и малыя части міра: однимъ ввѣрено наблюденіе надъ извѣстными животными, другимъ—надъ плодами, третьимъ—надъ состояніемъ воздуха; иные завѣдываютъ человѣческою жизнію, музыкою, гимнастикою, врачебнымъ искусствомъ, другіе суть вѣстники, переносящіе отъ боговъ къ людямъ откровенія, а отъ людей къ богамъ молитвы; одни охраняютъ отдѣльныхъ лицъ, другіе—города, области и царства (2). Порфирій, принявшій многое въ свою демонологію изъ Нуменія, въ тоже время занялъ нѣкоторыя черты изъ іудейства и языческой народной вѣры. На это указываютъ какъ вообще согласіе ея съ іудейскою религіею, такъ въ особенности усвоенныя Порфиріемъ іудейскія названія высшихъ духовъ: ἄγγελοι, ἀρχάγγελοι, и знаменательное Филоново выраженіе: δυνάμεις δορυφοροῦσαι (3). При

(1) De abstin. I, 38. *Procli* in Tim. 53, 54.
(2) De abstin. I, 38. *Procli*. in Tim. 47. *Euseb*. Praep. Evang. V, 6.
(3) *Procl*. in Tim. 9.

описаніи злыхъ духовъ онъ вдается еще въ большія подробности. Это—злыя и коварныя существа, которыя наводятъ на людей всѣ роды бѣдствій, внушаютъ имъ ложныя понятія и дурныя желанія, производятъ засухи, землетрясенія, безплодіе и пугаютъ людей призраками и видѣніями. Къ самымъ пагубнымъ дѣйствіямъ ихъ принадлежитъ извращеніе религіи и богослуженія. Они внушаютъ людямъ ложную мысль, что зло точно также происходитъ отъ боговъ, какъ добро, и что, потому, надо умилостивлять ихъ кровавыми жертвами. Коротко, Порфирій хотѣлъ очистить политеизмъ отъ примѣсей суевѣрія и невѣжества и возстановить его въ духѣ Аполлонія Тіанскаго и неопиѳагорейцевъ.

Порфирій допускалъ также гаданія и пророчества, какъ показываетъ его собраніе оракуловъ (1). Возможность ихъ онъ основывалъ частію на предположеніи, будто добрые демоны дѣлаютъ людямъ предостереженія и даютъ совѣты въ разныхъ формахъ (2), частію на мнѣніи о предвѣщательной силѣ душъ нѣкоторыхъ животныхъ, изъявляющихъ будущее различными движеніями своего тѣла. При этомъ, однакожъ, онъ старался изъяснить всѣ эти явленія болѣе или менѣе естественнымъ образомъ.

Судя по всѣмъ этимъ чертамъ, онъ дѣйствовалъ, какъ возстановитель политеизма. Относительно богослуженія Порфирій допускаетъ положеніе древнихъ народовъ, что всякое божество должно быть почитаемо по обычаю своей страны (3), хотя желалъ собственно не измѣнить

(1) De abst. II, 41. 53.
(2) *Euseb.* Praep. Evang. IV, 7.
(3) Ad Marc. 18.

народную вѣру, но образовать изъ нея очищенную, раціональную, философскую религію.

Религіозный переворотъ, произведенный христіанскимъ ученіемъ, разрушалъ самыя основанія Порфиріева политеизма. Поэтому и Порфирій враждебно выразилъ свое отношеніе къ христіанскому ученію, и написалъ противъ послѣдователей его—христіанъ пятнадцать книгъ.

Чтобы придать своему опроверженію болѣе силы, Порфирій началъ это дѣло тщательнымъ изученіемъ св. Писанія; и по негодованію, возбужденному имъ въ Церкви, можно догадываться если не о важности, то по крайней мѣрѣ о дерзости нападеній, какія въ немъ содержались ([1]). Изъ немногихъ отрывковъ его сочиненія и указаній на него въ твореніяхъ церковныхъ писателей мы знаемъ, что въ первой книгѣ онъ свелъ противорѣчія, какія находилъ въ свящ. книгахъ; въ четвертой противопоставилъ повѣствованіе Санхоніатона повѣствованію Моvсея; въ двѣнадцатой опровергалъ подлинность нѣкоторыхъ древнихъ пророчествъ, при чемъ выводилъ свое доказательство изъ особеннаго характера этихъ пророчествъ, въ такой степени яснѣхъ и опредѣленныхъ, что мы должны признать ихъ составленными уже послѣ событій. Полемика его имѣла цѣлію показать неразуміе христіанъ, которые почитаютъ Богомъ человѣка. Но онъ признаетъ добродѣтели и высокую мудрость Іисуса Христа. Онъ самъ разсказываетъ объ одномъ пророчествѣ Гекаты, въ которомъ Іисусъ Христосъ является человѣкомъ добродѣтельнымъ и безсмертнымъ (впрочемъ онъ упоминаетъ объ этомъ съ большою предосторожностію и

([1]) *Евсев.* Ц. *Истор.* кн. VI, гл. 19.

какбы стыдится, что оракулъ показалъ такое уваженіе къ Іисусу Христу). Другое подобное же пророчество онъ приписываетъ Аполлону. Эти пророчества, эти изысканія Порфирія, эти продолжительныя занятія свящ. книгами показываютъ, что язычники, еще презирая Христіанство, уже начинали бояться его. Неоплатоники видѣли въ этой религіи врага цивилизаціи, язычества и своего собственнаго врага. До сихъ поръ ни одна религія не казалась въ такой мѣрѣ стѣснительною для мысли, какъ показалось Христіанство, не терпѣвшее никакихъ примѣсей и не допускавшее никакихъ уклоненій въ дѣлѣ догмата. Поэтому естественно, что оно подверглось ненависти и нападеніямъ такихъ философовъ, какъ Порфирій, которые хотѣли все примирить, не только философіи между собою, но и всѣ религіи со всѣми философіями. На другія религіозныя вѣрованія и ученія онъ нападалъ только въ частностяхъ, порицая то, что было въ нихъ исключительнаго, и будучи готовымъ принять ихъ догматы, коль скоро можно было посредствомъ изъясненія привязать ихъ ко всеобщей религіи. Но на христіанскую религію нападалъ въ самыхъ ея основаніяхъ, потому что она существенно расходилась съ его философскою религіею (1).

МЛАДШАЯ НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

ЯМВЛИХЪ.

Младшую неоплатоническую школу въ противоположность съ первою, которой средоточіемъ былъ Римъ, можно

(1) *J. Simon.* Histoire de l'Ecole d'Alexandrie II. 181—183.

назвать *восточною*, если только не связывать съ этимъ именемъ преобладающаго влiянiя восточныхъ элементовъ. Ямвлихъ самъ былъ сирiецъ и училъ въ Сирiи. Оттуда философiя его распространилась до отдаленныхъ предѣловъ Азiи, но особенно широко распространилась въ Малой Азiи. Двѣ послѣдующiя школы; аѳинская и александрiйская, были какбы вѣтвями этой великой школы.

Основатель и глава этой школы Ямвлихъ—родился въ Халкидѣ сирiйской отъ богатыхъ и знатныхъ родителей; но большую часть жизни своей провелъ въ Александрiи, въ качествѣ начальника философской школы. Уваженiе къ нему, какъ наставнику, соединялось съ суевѣрнымъ почтенiемъ къ нему, какъ существу, одаренному чрезвычайными дарованiями. Ямвлихъ, подобно прочимъ начальникамъ школы, поддерживалъ эту химеру разными вымыслами и баснями. Но на развитiе ученiя неоплатонической школы онъ имѣлъ неблагопрiятное влiянiе, потому что примѣшалъ къ нему несродный ему элементъ — миѳологiю и суевѣрiя. Онъ изучалъ вѣроученiя и таинства халдеевъ, египтянъ, финикiянъ, индiйцевъ, персовъ и, находя повсюду одинаковые основные взгляды древней мудрости на происхожденiе вещей, хотѣлъ воспользоваться ими для созданiя одной всеобщей религiозной системы. Вмѣстѣ съ этимъ онъ ввелъ въ философiю въ широкомъ размѣрѣ математическое умозрѣнiе и считалъ числа и геометрическiя фигуры за символы идеальныхъ отношенiй. Единица, по понятiю его, представляетъ тожество, двойство—прогрессъ, тройство—возвратъ и т. д. Вся его система расположена математически по трiадамъ и подчинена числовымъ отношенiямъ.

Что касается до содержанiя его ученiя; то онъ есть

творецъ той цѣлой системы боговъ, которая составляетъ единственное значительное различіе новой школы отъ древней, которая не имѣла о ней никакого чаянія. Его не удовлетворяло ясное и простое построеніе Плотиновой системы. Подъ вліяніемъ фантазіи, мышленіе его олицетворяло самыя отвлеченныя логическія понятія. При тогдашней склонности къ таинственному, мистическому, самымъ любимымъ вопросомъ былъ вопросъ объ іерархіи боговъ, потому, безъ сомнѣнія, что здѣсь игра систематики и числовыхъ отношеній могла развиваться свободнѣе, нежели въ предѣлахъ упругой дѣйствительности. Этотъ вопросъ былъ любимою темою Ямвлиховыхъ размышленій. Между тѣмъ какъ предшественники его допускали одно начало бытія въ трехъ проявленіяхъ, онъ насчитываетъ цѣлый рядъ божественныхъ существъ. Одному изъ нихъ соотвѣтствуетъ понятіе безусловнаго бытія; другому — понятіе силы, изъ которой развивается противоположность безпредѣльнаго и ограниченнаго, или одного и многаго. Поелику эта противоположность имѣетъ въ свою очередь божественное происхожденіе, то онъ и ее ввелъ въ понятіе о божествѣ, какъ третье божественное начало. Но простая троичность не удовлетворяла его политеистической склонности. Отдѣльные члены этой троичности у него превращаются въ новыя тройства, такъ что каждая изъ нихъ въ своемъ собственномъ существѣ заключаетъ троичность. Отъ этого умосозерцаемаго или мыслимаго міра (κόσμος νοητὸς) онъ отличалъ міръ умственный или разумный (νοερὸς) и отъ умосозерцаемыхъ боговъ — боговъ разумныхъ. Этотъ второй рядъ боговъ раздѣленъ у него также на тріады или на тройства. Это область духа (νοῦς). Наконецъ третій

классъ боговъ составляютъ души, которыя также дѣлятся по тройствамъ. Такимъ образомъ всѣ божественныя свойства и опредѣленія превращаются у него въ самостоятельныя божественныя начала.

Описывая съ такою подробностію небесную іерархію и опредѣляя природу и свойства каждаго опредѣленнаго класса боговъ, Ямвлихъ не имѣлъ никакого другаго источника для этой генеалогіи, кромѣ собственнаго вдохновенія или теургіи. «Природа демоновъ, говоритъ онъ, и вообще всѣхъ высшихъ существъ открывается съ большимъ трудомъ только тѣмъ, которые совершили необходимыя очищенія» (¹).

Это же вдохновеніе открыло ему, что послѣдованіе существъ одного за другимъ въ цѣпи вселенной соразмѣрно уменьшаетъ степень ихъ совершенства. Такимъ образомъ зло естественно входитъ въ порядокъ міра, какъ мѣра относительнаго совершенства существъ.

Души человѣческія, по сотвореніи ихъ Богомъ, всѣ были равны между собою и размѣщены были по разнымъ небеснымъ тѣламъ; но, оставивъ лучшую жизнь, онѣ низпадаютъ на землю и тутъ уже теряютъ свое равенство, по неодинаковому употребленію своихъ способностей— любви и разумѣнія. Звѣномъ, которое соединяетъ душу съ земнымъ тѣломъ, служитъ тонкое эѳирное тѣло души, одаренное неразумными силами. Послѣ разрѣшенія съ земнымъ тѣломъ душа переходитъ въ чинъ высшихъ духовъ или переселяется въ другое человѣческое тѣло, смотря по степени своего совершенства.

Средствами къ достиженію совершенства служатъ всѣ

(¹) Procl. Comm. Alcib. Bas. p. 84, 88.

тѣ аскетическія предписанія и правила, которыя развились въ неопиѳагорейской и іудейско-александрійской школахъ и породили религіозно-философскія секты терапевтовъ, ессеевъ и прочихъ презрителей жизни.

Политеистическое направленіе мышленія составляетъ отличительный характеръ Явлиховой школы въ сравненіи съ прежнею неоплатоническою школою и даетъ его ученію историческое значеніе, которое въ томъ и состоитъ, что онъ поставилъ неоплатонизмъ въ служебное отношеніе къ религіи и изъ философскаго ученія сдѣлалъ религіозно-философскою доктриною.

О направленіи, въ которомъ здѣсь разработываема была религія, самое ясное понятіе даетъ намъ извѣстное сочиненіе *О таинствахъ египтянъ*—кому бы оно ни принадлежало, Ямвлиху или другому послѣдователю этой школы. Сочинитель поставилъ себѣ цѣлію опровергнуть возраженія Порфирія противъ народной вѣры и теургическаго искусства (¹). Въ этихъ видахъ онъ представляетъ пространное умозрительное богословіе, которое и начинается высшими метафизическими вопросами, но скоро потомъ спускается къ самымъ грубымъ суевѣріямъ. По его разсужденію, вѣра въ боговъ внѣдрена въ самую нашу природу; мы нераздѣльно связаны съ божествомъ, погружены въ него, и только въ сознаніи его чувствуемъ собственное бытіе. Это же разумѣется и о всѣхъ прочихъ классахъ высшихъ существъ. Поэтому богословіе превращается въ постулятъ религіознаго сознанія и вмѣстѣ съ этимъ получаетъ такую форму, въ которой легко можетъ найти мѣсто всякая несообразность. Тѣмъ не

(¹) Первоначальное заглавіе сочиненія: Ἀβάμμωνος διδασκάλου πρὸς τὴν Πορφυρίου πρὸς Ἀνεβὼ ἐπιστολὴν ἀπόκρισις καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορημάτων λύσεις.

менѣе сочинитель старается привесть свои мнѣнія въ систему и связать религіозныя положенія, которыя онъ защищаетъ, съ философскими основаніями своей школы. Самое важное дѣло состоитъ здѣсь въ раздѣленіи высшихъ существъ по разрядамъ и опредѣленіи ихъ свойствъ и особенностей. Прежде истиннаго бытія и прежде всѣхъ другихъ началъ, существуетъ единый Богъ, который неподвижно пребываетъ въ своемъ единствѣ. Отъ него произошелъ, чрезъ отраженіе, *второй Богъ*, который есть начало бытія, основаніе умосозерцаемаго порядка (νοητ-άρχης) и источникъ всякаго блага, потому что идея перваго Бога выше представленія о началѣ и благѣ. За этимъ двоякимъ основаніемъ слѣдуетъ бытіе или умосозерцаемая сущность, въ которой боги имѣютъ свое пребываніе. Отъ него ясно отличается умъ, когда сочинитель говоритъ, что боги выше мышленія. О разумныхъ νοεροί) богахъ Ямвлиха здѣсь не упоминается; но, примѣнительно къ этому раздѣленію, сочинитель отличаетъ видимыхъ боговъ отъ невидимыхъ и насчитываетъ ихъ нѣсколько классовъ. Въ дальнѣйшемъ разстояніи отъ боговъ находятся души, между богами и душами—духи (демоны) и герои. Духи имѣютъ подъ своимъ наблюденіемъ цѣлыя отдѣльныя части міра, герои—только ограниченную область человѣческихъ душъ. Между богами и духами находятся ангелы и архангелы; между героями и душами два класса архонтовъ. Съ другой стороны, сочинитель, опровергая бытіе злыхъ боговъ и считая зло естественно необходимымъ, помѣщаетъ подлѣ добрыхъ и разумныхъ злыхъ и неразумныхъ духовъ, которые пользуются людскими страстями для распространенія между людьми суевѣрія и ложныхъ предвѣщаній. Невидимые

боги безтѣлесны (хотя могутъ принимать на себя тотъ или другой образъ) и не имѣютъ никакого отношенія къ тѣламъ, между тѣмъ какъ видимые, какъ отображенія невидимыхъ, одушевляютъ то эѳирныя тѣла звѣздъ, то воздухъ или воду, не смѣшиваясь однако съ ихъ тѣлесной природой. Добрые духи (демоны) также безтѣлесны; равно и высшая часть души можетъ возвышаться надъ всѣмъ страстнымъ, подражать образу жизни ангеловъ и восходить въ ихъ чинъ. За тѣмъ сочинитель описываетъ съ большою подробностію признаки, по которымъ различаются между собою явленія боговъ, ангеловъ и демоновъ,—форму, въ которой каждый изъ нихъ является, и дѣйствія, которыя производитъ ихъ явленіе. Иногда низшія существа принимаютъ на себя видъ высшихъ и производятъ явленія, соотвѣтственныя ихъ свойствамъ: но истинный теургъ никогда не ошибется въ распознаніи ихъ. Всякій народъ и храмъ имѣютъ своего бога или ангела; всякій человѣкъ имѣетъ своего духа-охранителя.

За догматическимъ изложеніемъ слѣдуетъ обрядовая часть сочиненія. Кто убѣжденъ въ бытіи этого рода существъ, для того становится естественнымъ вопросъ о средствахъ, которыми мы можемъ привлекать расположеніе добрыхъ и отвращать вредное дѣйствіе злыхъ существъ. Порфирій искалъ ихъ главнымъ образомъ въ философіи; но сочинитель трактата о таинствахъ не удовлетворяется этою духовною связію. Не мышленіе, говоритъ онъ, соединяетъ теурговъ съ божествомъ, но таинственныя дѣла, которыя выше всякаго мышленія, и могущество знаковъ или символовъ, которые извѣстны только богамъ. Знаки эти сохраняютъ свою полную силу даже тогда, когда мы не понимаемъ ихъ. Мы не должны измѣрять божественнаго

нашею ограниченною человѣческою мѣрою, не должны по нашимъ отношеніямъ судить о томъ, что выше ихъ. Хотя сочинитель указываетъ при этомъ на философскія основанія разныхъ обычаевъ и дѣйствій, которыя вводили въ раздумье его образованнаго противника (Порфирія); но ясно, что эти философскія основанія у него только добавочная, второстепенная опора для убѣжденій, которыя имѣютъ силу прежде всякихъ основаній. «Божество вездѣприсуще», говоритъ онъ, и изъ этого заключаетъ, что оно можетъ совершать свои откровенія, гдѣ хочетъ. Высшія существа, продолжаетъ онъ, не имѣютъ никакихъ нуждъ и желаній,—они не подвержены никакому увлеченію и никакой перемѣнѣ; но это не мѣшаетъ ему защищать всѣ представленія и обычаи, предполагающіе, даже въ самыхъ грубыхъ формахъ, страдательность и измѣняемость божества. Человѣкъ дѣйствуетъ въ теургіи не на божество, говоритъ онъ, но на самаго себя, чтобы сдѣлать себя способнымъ къ воспринятію высшаго вліянія. О теургическомъ обращеніи съ божествомъ нельзя составить никакого понятія по ограниченной аналогіи нашего обращенія съ другими людьми. Что дѣлаетъ теургъ, то дѣлаетъ онъ, какъ проникнутый божественнымъ существомъ—это дѣлаетъ чрезъ него Богъ. Обряды, которыми божество предполагается то гнѣвнымъ, то умилостивленнымъ, вообще страстнымъ, частію имѣютъ сокровенный смыслъ и сокровенное основаніе, частію суть символы и выраженія чести, усвояемой божеству, частію же имѣютъ цѣлію очищеніе и освященіе человѣка. Такому изворотливому писателю и услужливому защитнику язычества не трудно было принять политеистическую религію своего времени во всѣхъ ея отношеніяхъ подъ свое

покровительство. Необходимость вспомогательныхъ теургическихъ средствъ сочинитель доказываетъ вообще положеніемъ, что до невещественныхъ боговъ можно достигнуть только чрезъ дѣйствующія въ матеріи силы, а кромѣ того ссылается на нужды нашей чувственной природы, говоря, что душа безтѣлесная или свободная отъ своей чувственной склонности можетъ входить въ общеніе съ невидимыми богами чисто духовнымъ образомъ; напротивъ, кто не свободенъ отъ тѣлесныхъ нуждъ и склонностей, тотъ долженъ обращаться къ богамъ съ помощію чувственнаго и чрезъ видимыхъ боговъ востекать къ невидимымъ. Что матеріальныя вещи могутъ исполнять это служеніе, можно доказать изъ связи ихъ съ нематеріальными. Такъ какъ во всемъ тѣлесномъ дѣйствуютъ безтѣлесныя силы; то тѣлесное есть также соотвѣтственный органъ для принятія божественнаго. Поелику теургическое искусство допускаетъ матерію, которая свойственна богамъ вообще и всякому богу въ особенности, то оно показываетъ намъ средства достигнуть общенія съ ними. Но какъ обращаться со всѣми этими вещами, этому не можетъ научить никакая человѣческая мудрость; избранные же знаютъ объ этомъ по божественному откровенію. Боги просвѣщаютъ теурговъ, открывая имъ извѣстныя молитвенныя формулы и учреждая жертвы и богослуженіе.

При Ямвлихѣ неоплатонизмъ снова оживился. Онъ окружилъ свою систему какимъ-то поэтическимъ блескомъ. Образованные язычники толпились вокругъ него, какъ вокругъ своего оракула, и съ благоговѣніемъ внимали каждому его слову, покрытому таинственностью проро-

жескаго вдохновенія. Юліанъ, возстановитель язычества, показывалъ къ нему глубокое уваженіе. Вслѣдствіе этого скоро случилось то, что школу окружали толпы жрецовъ, теурговъ, риторовъ, софистовъ, и перенесли въ школу всю неурядицу тогдашняго языческаго общества, съ его предубѣжденіями и суевѣріями, съ его внѣшнимъ блескомъ и внутреннею испорченностію. Однакожъ зерно ея составляли, безъ сомнѣнія, тѣ научные изслѣдователи, которые продолжали труды прежнихъ неоплатониковъ и ихъ великихъ образцовъ—Платона и Аристотеля.

Система Ямвлиха господствовала почти безгранично до конца неоплатонической школы, впродолженіе трехъ вѣковъ. Величайшіе почитатели его Проклъ, Симплицій, Дамасцій осыпаютъ его выраженіями своего особеннаго уваженія, какъ своего учителя. Онъ рѣшительно глава и законодатель младшей генераціи неоплатониковъ, какъ Плотинъ—глава старой. Ни въ содержаніи, ни въ обработкѣ философіи со времени Ямвлиха не сдѣлано никакой существенной перемѣны.

Преемникъ Ямвлиха по школѣ, *Сопатеръ*, соединялъ съ ученостію рѣдкій даръ слова, которымъ искусно пользовался для своихъ личныхъ видовъ. Преемникъ его *Эдесій* сновалъ школу въ Каппадокіи, на своей родинѣ; но потомъ передалъ ее *Евстафію*, а самъ переселился въ Пергамъ, одинъ изъ главныхъ литературныхъ центровъ того времени, гдѣ его слушали Хрисанеъ, Максимъ, Прискъ и Юліанъ. По словамъ Евнапія, Эдесій только въ одномъ уступалъ Ямвлиху,—что тотъ былъ постоянно вдохновенъ и находился въ общеніи съ богами; но чтобы не обидѣть и Эдесія, онъ прибавилъ, что Эдесій, по всей вѣроятности, тоже былъ

вдохновенъ, но принужденъ былъ скрывать этотъ даръ по обстоятельствамъ времени. Изъ учениковъ его замѣчательнѣе всѣхъ *Максимъ*, совѣтникъ и руководитель, а впослѣдствіи наперсникъ Юліана (1).

И. Чистовичъ.

---

(1) *Eunap.* Vitae Sophist. et philosophorum.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОЛОГІИ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ МІРА И БУДУЩЕЙ ЕГО СУДЬБѢ,

ПРИ СВѢТѢ БОЖЕСТВЕННАГО ОТКРОВЕНІЯ.

Во ученія странна и различна не прилагайтеся (Евр. 13, 9.).

Блюдите, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Колос. 2, 8.)

Между всѣми отраслями естествовѣдѣнія едва ли есть еще наука, задача которой была бы такъ высока и вмѣстѣ такъ трудна, какъ задача геологіи. Другія естественныя науки, астрономія, естественная исторія, физика, химія, разсматриваютъ видимый міръ, съ той или другой стороны, только въ настоящемъ его состояніи, занимаются предметами, подлежащими опыту или наблюденію, почти не касаясь его прошедшаго и не простирая своихъ взоровъ впередъ—въ отдаленное будущее. Область геологіи гораздо обширнѣе; она не ограничивается предѣлами настоящаго, не довольствуется тѣмъ, что́ можно

видѣть и осязать, а съ одной стороны восходитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ самому началу вещей, съ другой— углубляетъ любопытный взоръ и въ тайну ихъ будущности, стараясь въ разнообразныхъ пластахъ земнаго шара найдти объ немъ и лѣтопись, и пророчество.

Вопросъ о происхожденіи міра, о его прошедшей и будущей судьбѣ не есть вопросъ одной науки; столько же, если еще не болѣе, онъ принадлежитъ и Вѣрѣ. Главнѣйшій предметъ Вѣры есть Богъ и Его законъ. Но Богъ есть Творецъ и Промыслитель видимаго міра, который вызванъ Имъ изъ небытія къ бытію и сохраняется Его промысломъ; съ судьбою видимаго міра неразрывно связана и судьба человѣка, которая находится въ рукахъ Божіихъ и подчинена Его нравственному закону. Такимъ образомъ вопросъ о началѣ и концѣ міра находится въ тѣсной, неразрывной связи съ ученіемъ о Богѣ и Его законѣ. Потому сверхъестественное откровеніе, научая насъ вѣрѣ въ Бога, излагая намъ Его законъ, не оставило и вопроса о судьбѣ видимаго міра безъ отвѣта; и онъ рѣшенъ имъ на столько, на сколько намъ нужно знать объ этихъ предметахъ.

Такимъ образомъ какъ вообще къ богопознанію ведутъ два пути: путь откровенный и путь естественный, такъ въ частности и къ рѣшенію вопроса о началѣ и концѣ міра есть также два пути: путь Вѣры и путь науки.

Несомнѣнно, что оба эти пути должны вести къ истинѣ, потому что они проложены Тѣмъ, Кто самъ и путь и истина. Онъ далъ намъ сверхъестественное откровеніе, какъ руководство къ истинѣ; Онъ же, какъ Творецъ природы и человѣка, устроилъ и тотъ путь къ истинѣ, на которомъ путникъ, оставляя назади явленія видимаго міра, встрѣчаетъ впереди правильные выводы, дѣлаемые

на основаніи ихъ умомъ. Такимъ образомъ начало и конецъ у этихъ путей одни, но въ срединѣ они расходятся и—иногда на дальнее разстояніе, и представляютъ кромѣ того неодинаковыя удобства для путника. Первый прямъ, ровенъ и кратокъ, второй чрезвычайно извилистъ, неровенъ и длиненъ; но въ концѣ они сойдутся, и гдѣ сойдутся они, тамъ и истина.

Ученыя изъисканія о земномъ шарѣ начались всего только еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; потому нисколько неудивительно, что такой трудный и многосложный вопросъ, какъ вопросъ о происхожденіи земнаго шара и о его будущности, не могъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ въ такое короткое время. Но рѣшеніе его все же, хотя и медленно, подвигается впередъ по пути, который видимо сближается съ путемъ Откровенія, хотя можетъ быть и не близко еще то время, когда они совершенно сойдутся другъ съ другомъ. Сначала дѣйствительно казалось, что знакомство съ геологіей, вмѣсто того, чтобы сообщить намъ новыя убѣжденія, должно вести лишь къ потерѣ старыхъ, подрывая въ однихъ вѣру въ Откровеніе, а въ другихъ довѣріе къ наукѣ. Цѣлыми десятками являлись мнѣнія противныя Откровенію и несогласныя между собою; но эти мнѣнія, естественно, забывались, почти такъ же скоро, какъ скоро возникали. Съ другой стороны извѣстно нѣсколько не безуспѣшныхъ попытокъ примирить науку съ Откровеніемъ; кромѣ того между геологическими предположеніями многое такое, что противорѣчило св. Писанію, съ теченіемъ времени само собою оказывалось ложнымъ, такъ что можно надѣяться, что со временемъ наука ни въ чемъ не будетъ противорѣчить Откровенію.

Обращая вниманіе на современное состояніе геологіи,

нельзя не замѣтить двухъ отрадныхъ явленій, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что и эта наука не чужда прогресса, понимаемаго въ истинномъ его значеніи, въ смыслѣ движенія впередъ,—къ истинѣ. Съ одной стороны мы видимъ, что она теперь не такъ много противорѣчитъ сама себѣ, какъ прежде. Если и остается еще, какъ увидимъ мы, разногласіе между различными учеными, то оно касается немногихъ частныхъ предметовъ что же касается до общаго взгляда на предметъ, то въ этомъ отношеніи разногласіе болѣе не существуетъ. Всѣмъ извѣстенъ прежній споръ между нептунистами и плутонистами, изъ которыхъ одни какъ первоначальное образованіе земнаго шара, такъ и происхожденіе всѣхъ, замѣчаемыхъ въ немъ, перемѣнъ объясняли дѣйствіемъ воды, а другіе—дѣйствіемъ огня. Но теперь споръ этотъ можно считать оконченнымъ; каждой изъ спорящихъ сторонъ отдана должная справедливость, но ни одинъ изъ этихъ двухъ взглядовъ не считается совершенно полнымъ и удовлетворительнымъ. Вмѣсто ихъ теперь господствуетъ взглядъ, который можно назвать нептунико-плутоническимъ, который соединяетъ оба прежніе взгляды въ одинъ, допуская къ участію въ образованіи земли и огонь и воду,—разумѣется, не совмѣстно и не современно, а въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ. Такой взглядъ, если смотрѣть на него съ чисто-научной точки зрѣнія, разумѣется, гораздо удовлетворительнѣе для нашего ума, чѣмъ взгляды нептуническій и плутоническій, взятые отдѣльно одинъ отъ другаго. Каждый изъ этихъ двухъ послѣднихъ взглядовъ имѣетъ, конечно, твердыя основанія въ опытѣ; но тотъ и другой составляютъ взгляды односторонніе, объясняющіе геологическія явленія одного рода легко и естественно, а дру-

гія съ большею или меньшею натяжкою. Что же касается до ученія современной геологіи,—оно, соединяя и тотъ и другой взглядъ вмѣстѣ, гораздо лучше можетъ обнять всѣ явленія.

Съ другой стороны немного теперь можно указать и такихъ пунктовъ, по которымъ бы наука *прямо* противорѣчила *прямому* смыслу св. Писанія. Съ намѣреніемъ останавливаемъ вниманіе читателей на словахъ: *прямо* и *прямому*, для того, чтобы никто не искалъ противорѣчія тамъ, гдѣ его нѣтъ. Извѣстно, что́ обыкновенно разумѣютъ подъ прямымъ противорѣчіемъ, которое одно и есть настоящее противорѣчіе; это—то, когда объ одномъ и томъ же предметѣ и въ одно и тоже время одинъ говоритъ: *да*, а другой—*нѣтъ*. Но какое противорѣчіе тамъ, гдѣ одинъ говоритъ, а другой молчитъ? Между тѣмъ, если вникнемъ серіозно въ тѣ пункты, по которымъ наука и Откровеніе по видимому противорѣчатъ другъ другу, окажется, что это противорѣчіе—почти всегда послѣдняго, а не перваго рода. Таковы всѣ положенія геологіи, касающіяся такихъ предметовъ, о которыхъ въ св. Писаніи не сказано ни слова. Справедливо ли считать ихъ противорѣчіемъ? Научая насъ такимъ истинамъ, которыя необходимы для нашего спасенія и которыя безъ сверхъестественнаго откровенія остались бы навсегда неизвѣстными для насъ, божественное Откровеніе никогда не предполагало для себя задачею учить вмѣстѣ съ тѣмъ насъ и предметамъ естественнаго любомудрія; если же по мѣстамъ и касается этихъ предметовъ, то мимоходомъ, только по связи ихъ съ истинами Вѣры, и въ такомъ случаѣ говоритъ о нихъ весьма кратко, какъ о предметахъ для него стороннихъ, и выражается простымъ человѣческимъ языкомъ, изображая предметы такъ, какъ они представ-

ляются простому взгляду наблюдателя, а не какъ они извѣстны ученому. Если мы будемъ имѣть это постоянно въ виду, то число противорѣчій между наукою и Откровеніемъ значительно уменьшится. Но оно сократится еще болѣе, если мы будемъ обращать вниманіе на простой буквальный смыслъ св. Писанія. Въ отношеніи особенно къ тѣмъ мѣстамъ Откровенія, въ которыхъ говорится о предметахъ вещественныхъ, чувственныхъ, должно имѣть полную силу то правило, что чѣмъ ближе къ простому, буквальному смыслу, тѣмъ ближе къ истинѣ. Иначе, кто поручится намъ, что мы идемъ по пути Откровенія, что мы никогда не собьемся съ него, если безъ всякой нужды будемъ уклоняться отъ его простаго смысла? Мы сказали, что путь Откровенія прямъ; пойдемъ же по нему прямо, держась того смысла, который заключается въ словахъ подлинника, передаваемыхъ въ точнѣйшемъ переводѣ, обращая полное вниманіе не только на каждое слово, а даже и на разстановку словъ, и не упуская изъ виду даже самыхъ мелочныхъ подробностей и оттѣнковъ рѣчи. Но, разумѣется, этотъ смыслъ долженъ имѣть еще бо́льшую силу въ нашихъ глазахъ, если онъ утверждается кромѣ того голосомъ православной Церкви.

Если строго держаться этого правила при сличеніи положеній науки съ истинами Откровенія, въ такомъ случаѣ бо́льшая часть противорѣчій между ними исчезнетъ сама собою. Если же и останутся нѣкоторые пункты взаимно несогласные, то этого разногласія нельзя считать за разногласіе науки съ Откровеніемъ и разногласіе непримиримое, потому что мнѣнія однихъ ученыхъ, несогласныя съ Откровеніемъ, могутъ быть оспориваемы на началахъ той же науки и опровергаются мнѣніемъ другихъ еще важнѣйшихъ авторитетовъ—вообще потому, что

геологія не сказала еще о землѣ своего послѣдняго слова и не достигла окончательнаго своего развитія.

Постараемся въ возможно-краткомъ очеркѣ изложить мнѣнія новѣйшихъ геологовъ касательно прежней и будущей судьбы нашей планеты и, поставивъ эти мнѣнія предъ судомъ Откровенія, оцѣнить ихъ съ полнымъ безпристрастіемъ.

Мнѣнія эти касаются трехъ важнѣйшихъ вопросовъ о нашей планетѣ: 1-й вопросъ — о происхожденіи земнаго шара; 2-й вопросъ—о древности его существованія; 3-й вопросъ—о послѣдней судьбѣ, которая ожидаетъ его въ будущемъ.

I.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЕМНАГО ШАРА.

А) *Происхожденіе земнаго шара по ученію геологовъ.*

Первый вопросъ, который возникаетъ въ насъ при взглядѣ на земной шаръ, есть вопросъ о его происхожденіи: откуда и какъ явился земной шаръ? Изъ чего и какъ устроился? Чѣмъ онъ былъ прежде и какъ достигъ до того состоянія, въ какомъ мы видимъ его теперь? Съ особенною полнотою и обстоятельностію этотъ вопросъ раскрывается въ сочиненіи Бернгарда Котты, профессора Фрейбергской Горной Академіи, которое было переведено въ 1859 году на русскій языкъ г. Пузыревскимъ и издано подъ заглавіемъ: «Геологическія Картины Бернгарда Котты.» Касательно этого предмета авторъ приводитъ не свое, а общее мнѣніе геологовъ. Такимъ образомъ онъ считаетъ себя представителемъ тѣхъ убѣжденій, которыя выработала современная наука, хотя, какъ мы увидимъ, не вездѣ выдерживаетъ этотъ характеръ. Какъ же думаетъ объ этомъ важномъ предметѣ совре-

менная геологія? Съ начала у нея дѣйствуетъ огонь. «По мнѣнію геологовъ, говоритъ авторъ, земля была нѣкогда огнежидкою.» Такъ обыкновенно начинаютъ исторію земнаго шара геологи-послѣдователи такъ называемой плутонической теоріи. Но физики и астрономы, по словамъ автора, простираютъ свои взоры еще дальше, предполагая, что такому состоянію земнаго шара, какъ тѣла, расплавленнаго по всей своей массѣ, предшествовало состояніе газообразное. Эта мысль родилась въ головѣ Лапласа. Точка опоры для нея была уже не на землѣ, а на небѣ; она составлена, по теоріи вѣроятностей, на основаніи наблюденій надъ движеніемъ тѣлъ [1] небесныхъ. По этой теоріи всѣ планеты солнечной системы первоначально находились въ состояніи газовъ и всѣ вмѣстѣ составляли огромную атмосферу около солнца; вслѣдствіе постепеннаго охлажденія газообразнаго тѣла мало по малу онѣ сгустились и наконецъ составили тѣла огнежидкія. Такъ образовались, по мнѣнію Лапласа, всѣ планеты солнечной системы; въ такомъ видѣ, по мнѣнію геологовъ-плутонистовъ, явилась первоначально и наша Земля.

На чемъ основываетъ геологія эту смѣлую гипотезу? Въ доказательство указываетъ а) на сплюснутую форму земнаго шара (стр. 4); какъ шарообразность, такъ и сплюснутость необходимо предполагаютъ, что масса земнаго шара была нѣкогда жидкою или по крайней мѣрѣ тѣстообразною. Конечно, размягчать твердыя тѣла и превращать ихъ въ жидкости можно двумя способами: или посредствомъ огня, или посредствомъ воды. По мнѣнію нептунистовъ, земля была размочена водою. Но противъ этого говорятъ, что для того, чтобы размягчить посредствомъ воды массу земнаго шара, то́ количество воды, какое находится въ настоящее

(1) Лекц. попул. астрон. Зелен. стр. 410 и слѣд.

время на землѣ, далеко недостаточно. Среднюю глубину морей, говоритъ Беданъ, по самой большей мѣрѣ, съ вѣроятностію можно положить въ 4,800 метровъ (нѣсколько болѣе $4^1/_2$ верстъ), а отсюда слѣдуетъ, что вся масса воды, которая покрываетъ такую огромную часть земнаго шара, не превышаетъ и двухъ милліоновъ кубическихъ миріаметровъ; это объемъ чрезвычайно малый сравнительно съ объемомъ земли, такъ что становится совершенно непонятнымъ то, какимъ образомъ наша планета могла быть разжижена посредствомъ воды, — по крайней мѣрѣ посредствомъ настоящаго количества воды, которое *не составляетъ даже и милліонной доли* того, что потребовалось бы для разведенія такой массы при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какія только можно себѣ вообразить. (Geolog. Beud. 1858 г. стр. 8, § 12). На этомъ основаніи въ настоящемъ случаѣ дается предпочтеніе взгляду плутоническому предъ нептуническимъ. б) На горячіе ключи и вулканическія изверженія. Въ прежнее время происхожденіе огнедышащихъ горъ и вообще подземнаго жара пытались-было объяснить дѣйствіемъ химическаго сродства, и въ доказательство указывали на опытъ, извѣстный въ химіи подъ именемъ Лемеріева искуственнаго вулкана и состоящій въ томъ, что смѣсь желѣза и сѣры, смоченная водою, сама собою разгорячается и выбрасывается вонъ изъ сосуда, въ которомъ бываетъ заключена (Хим. Егор. 1857 г. стр. 327). Думали, что и внутри земнаго шара находится огромный запасъ тѣлъ, не соединившихся между собою, даже не окисленные металлы земель и щелочей, и что отъ окисленія этихъ металловъ при доступѣ къ нимъ воздуха и вообще отъ химическаго соединенія тѣлъ и происходятъ вулканическія изверженія и другія явленія того же рода. Но если зем-

ной шаръ первоначально былъ весь размоченъ водою, то окисляемые металлы, особенно металлы щелочей, которые быстро окисляются при первомъ прикосновеніи ихъ къ водѣ, никакъ не могли до сихъ поръ остаться неокисленными. И искуственный вулканъ, производимый соединеніемъ желѣза съ сѣрой, обнаруживаетъ свое дѣйствіе сейчасъ же, какъ только смочить смѣсь ихъ водою. Такимъ образомъ первое и второе положеніе нептунистовъ-химиковъ неизбѣжно другъ друга исключаютъ. Кромѣ того, ни одному химику еще не удалось, и вѣроятно никогда не удастся, посредствомъ однихъ химическихъ процессовъ произвести что нибудь похожее на обсидіанъ (вулканическое стекло, входящее въ составъ лавы), или мраморъ, которые между тѣмъ могутъ быть произведены искуственно при помощи сильнаго жара (Куторга Ест. Ист. Зем. Кор. стр. 436. Хим. Егор. 1857 г. стр. 282). Отсюда видно, что и въ отношеніи къ настоящему пункту теорія плутоническая должна имѣть также перевѣсъ надъ нептуническою. в) На постепенное возвышеніе температуры по мѣрѣ углубленія внутрь земнаго шара, замѣчаемое даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ продолжающихся химическихъ соединеній. Наблюденія надъ увеличеніемъ тепла въ нижнихъ слояхъ земли привели, какъ извѣстно, геологовъ-плутонистовъ къ тому предположенію, что внутренняя часть земнаго шара до сихъ поръ находится въ расплавленномъ состояніи и только снаружи онъ покрытъ твердою корою, которая въ толщину имѣетъ отъ 20 до 50 миль (Геол. Карт. Котты стр. 10) и составляетъ не болѣе, какъ листъ бумаги на обыкновенномъ глобусѣ (Beud. Geolog. p. 6, § 8). г) На измѣненія уровня земли, производимыя землетрясеніями, или совершающіяся спокойно, безъ всякаго

замѣтнаго колебанія, и иногда безъ всякихъ перемѣнъ во внутреннемъ или наружномъ строеніи земли и даже безъ всякаго поврежденія стоящихъ на ней зданій-на значительныхъ пространствахъ, — измѣненія, замѣченныя въ Чили, въ Италіи, Остъ-Индіи, Скандинавіи и въ другихъ мѣстахъ. «Большею частію это были только поднятія, какъ говоритъ авторъ Геологич. Картинъ, однакожъ замѣчены и пониженія ея, или, наконецъ, попеременно то и другое. Этотъ феноменъ поднятія, или пониженія значительной части земной коры, который трудно согласить съ понятіемъ о совершенно неподвижномъ и твердомъ тѣлѣ земли, доказываетъ намъ въ то же время возможность поднятія цѣлой страны свѣта надъ уровнемъ моря. Поднятіе можетъ происходить медленно, или толчками, постепенно и вдругъ, безъ всякаго однакожъ измѣненія внутренняго строенія коры и безъ соотвѣтствующаго ему пониженія другой какой либо части земной поверхности.» (Геол. Карт. Котты. стр. 34 и 35).

Предполагая на основаніи этихъ данныхъ, что наша земля первоначально была расплавлена по всей своей массѣ, современные геологи думаютъ, что вслѣдствіе постепеннаго охлажденія она облеклась твердою корою; что эта кора, охладѣвая и утолщаясь болѣе и болѣе, покрылась вся водою, но потомъ извѣстныя части ея, приподнявшись надъ прочими частями, составили изъ себя сушу. Вотъ какъ описываетъ авторъ Геологич. Картинъ постепенное ея преобразованіе. «По мнѣнію геологовъ, говоритъ онъ, земля была нѣкогда огнежидкою, но при этомъ она могла быть окружена воздухообразною атмосферою, которая однакожъ необходимо должна была имѣть иной составъ, нежели нынѣшній воздухъ. Такъ какъ міровое пространство имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія весьма низ-

кую температуру, которая хотя и не опредѣлена, но во всякомъ случаѣ ниже 50°, то понятно, что огнежидкій земной шаръ, температура котораго непремѣнно превышала + 2,000°, долженъ былъ охлаждаться вслѣдствіе постояннаго испусканія лучистаго теплорода въ небесное пространство. При остываніи образовалась кора совершенно такъ, какъ при замерзаніи вода покрывается льдомъ. Но такъ какъ приливъ и отливъ, вслѣдствіе дѣйствія луны и солнца, производили постоянное движеніе въ этой жидкой массѣ, то кора необходимо должна была подвергаться разрушенію, неоднократно растрескивалась въ куски, которые стремились вновь соединиться, и вѣроятно прошло много времени, пока образовалась наконецъ прочная кора, вслѣдствіе дальнѣйшаго охлажденія, изъ спекшихся кусковъ. Такая кора по крайней мѣрѣ не разрывалась въ отдѣльные куски, но только давала мѣстами трещины. Такимъ образомъ наконецъ земля дошла до состоянія расплавленнаго ядра, окруженнаго со всѣхъ сторонъ твердою корою, которая въ свою очередь была окружена тогдашнею атмосферою. Но воды еще не было. Она могла образоваться только при охлажденіи поверхности до той температуры, которая не превышаетъ точки ея кипѣнія. Вѣроятно точка кипѣнія воды, при тогдашнемъ давленіи воздуха, была гораздо выше нынѣшней. Вслѣдствіе дальнѣйшаго охлажденія, кора земли постоянно утолщалась, подобно льду въ прудѣ при продолжительныхъ морозахъ. Лишь только открылась возможность составнымъ частямъ воды (парамъ и газамъ) обратиться въ жидкость, тотчасъ началось разрушительное дѣйствіе послѣдней на поверхность земли. Что она въ однихъ мѣстахъ растворяла, или механически увлекала, то осаждала на другихъ. Такимъ образомъ появились первыя

такъ называемыя осадочныя или слоистыя породы, и нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ эти породы представляютъ одинаковый химическій составъ, потому что вода постоянно находила одинъ и тотъ же матеріалъ для разрушенія и осажденія» (стр. 4 и 5).

Теперь, — какимъ образомъ на землѣ, покрытой водою, могла по мнѣнію геологовъ явиться суша, это мы уже видѣли. «Феноменъ поднятія или пониженія значительной части земной коры, говоря словами автора Геологическихъ Картинъ, доказываетъ намъ возможность поднятія цѣлой страны свѣта надъ уровнемъ моря. Поднятіе можетъ происходить медленно или толчками, постепенно и вдругъ.»

Вотъ какъ учитъ современная геологія о происхожденіи земнаго шара. Образованіе его, по ея мнѣнію, перешло четыре послѣдовательныхъ степени: а) состояніе огнежидкое, какъ переходъ изъ газообразнаго состоянія въ твердое; б) образованіе твердой коры, вслѣдствіе поверхностнаго охлажденія его расплавленной массы; в) покрытіе всей его поверхности водою, упавшею вслѣдствіе дальнѣйшаго его охлажденія изъ атмосферы; г) поднятіе вулканическими силами материковъ надъ уровнемъ моря.

Обратимся теперь къ Откровенію. Ученіе Откровенія о происхожденіи земли излагается съ нѣкоторыми подробностями въ двухъ мѣстахъ священнаго Писанія: одно находится въ ветхомъ, другое—въ новомъ Завѣтѣ; одно принадлежитъ свящ. бытописателю Моисею, другое—первоверховному апостолу Петру. Первое находится въ первыхъ стихахъ книги Бытія, второе—во второмъ Соборномъ Посланіи св. апостола Петра.

Б. Происхожденіе земнаго шара по ученію свящ. бытописателя Моисея.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю—такъ начинаетъ богодухновенный Бытописатель свое сказаніе о сотвореніи міра,—*земля же бѣ не видима и не устроена* (по подлиннику: земля была пуста и необитаема), *и тьма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, и проч. до стиха 11.

Прежде, нежели приступимъ къ выполненію своей задачи, — сравнить положенія науки о происхожденіи земли съ ученіемъ Откровенія и обсудить первыя при свѣтѣ послѣдняго,—считаемъ нужнымъ предварительно установить взглядъ на сказаніе свящ. Бытописателя о сотвореніи міра. Взглядъ сей заимствуемъ изъ Записокъ на книгу Бытія. Вотъ что говоритъ знаменитый авторъ этихъ записокъ, приступая къ изъясненію Моисеева сказанія о твореніи міра. «Моисей описываетъ шестидневное твореніе не какъ естествословъ—для однихъ мудрыхъ, но какъ богословъ—для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ. Посему о высокихъ дѣйствіяхъ Божества онъ изъясняется по возможности сообразно съ ихъ достоинствомъ, и однако чувственно и человѣкообразно. Точка зрѣнія, съ которой онъ ихъ разсматриваетъ и описываетъ, въ мірозданіи есть земля, а на землѣ мѣсто пребыванія первыхъ человѣковъ, т. е. рай, насажденный на Востокѣ—въ той части земли, на которую прежде всѣхъ возсіялъ новосотворенный утренній свѣтъ. Въ семъ мѣстѣ долженъ поставить себя зритель творенія, дабы войти въ созерцаніе Божественнаго Дѣеписателя» (стр. 7 и 8). Въ этомъ взглядѣ заключаются три мысли:

а) Моисей описываетъ твореніе міра, какъ богословъ,—*для людей простыхъ*, не мудрыхъ. Таковыми, конечно, были его современники и ихъ ближайшіе потомки, для

которыхъ прежде всего и главнымъ образомъ онъ и назначалъ свои богодухновенныя писанія. Это были люди [1], которыхъ вниманіе было еще исключительно приковано къ явленіямъ видимой природы и водилось ея законами. Не мѣсто было тутъ понятіямъ отвлеченнымъ, не мѣсто созерцаніямъ возвышеннымъ, не мѣсто словамъ и выраженіямъ таинственнымъ. Ясность, простота, общедоступность — вотъ первыя и важнѣйшія качества, которыя болѣе всего требовались отъ сочиненія, назначаемаго для такихъ читателей. И богопросвѣщенный Бытописатель, предавая письмени свое драгоцѣнное сказаніе о сотвореніи міра, безъ всякаго сомнѣнія употребилъ съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы говорить примѣнительно къ воззрѣнію своихъ современниковъ, не ввести никого въ заблужденіе выраженіями переносными, или неточными. Дѣйствительно, онъ описываетъ шестидневное твореніе такъ, чтобы быть понятнымъ для всѣхъ (Прав. Догм. Бог. том. 2, § 73 — 6); отъ того-то о предметахъ духовныхъ онъ выражается чувственно и человѣкообразно. Что же касается до предметовъ вещественныхъ, чувственныхъ, онъ описываетъ ихъ не какъ ученый естествословъ, проникающій въ сокровенныя причины явленій, а какъ простой наблюдатель, разсматривающій только внѣшнюю, видимую для глаза сторону творенія и разсматривающій ее съ земли, изъ Эдема. Отсюда само собою ясно то, какъ мы должны обращаться съ сказаніемъ Моисея о твореніи міра. Высказанное нами выше правило—держаться со всею строгостію простаго, буквальнаго смысла

---

[1] Св. Василій Великій, говоря о современникахъ Моисея и ихъ ближайшихъ потомкахъ — первыхъ читателяхъ его богодухновенныхъ книгъ, называетъ ихъ *еще начально только руководствуемыми и младенцами*. Записк. на кн. Быт. стр. 4. Подстр. примѣч.

свящ. Писанія, должно имѣть полную силу закона. Мы должны помнить, что читаемъ не ученый трактатъ о происхожденіи вещей, а простое безхитростное повѣствованіе о творенія.

б) Моисей описываетъ твореніе міра не для однихъ простыхъ людей, но и *для мудрыхъ и ученыхъ*. Въ его сказаніи найдетъ для своего ума обильную пищу и глубоко-ученый натуралистъ, если безъ предубѣжденія обратитъ внимательный взоръ на тѣ событія, о которыхъ онъ разсказываетъ. Разсказъ его, правда, простой; въ немъ нѣтъ глубокомысленныхъ взглядовъ, остроумныхъ теорій, строгой системы. Но не взгляды, не теоріи, не системы нужны натуралисту; онъ ищетъ фактовъ, а систему построитъ самъ. Въ сказаніи Моисея одни факты только и излагаются и притомъ такъ, какъ будто бы писатель былъ ихъ очевидцемъ. Эти факты важны для натуралиста въ томъ отношеніи, что могутъ пополнить тѣ пробѣлы, которые остаются у него въ ряду данныхъ, заимствованныхъ непосредственно имъ самимъ у природы; тѣ и другіе, соединяясь вмѣстѣ, могутъ взаимно проливать свѣтъ другъ на друга и мало по малу вести его къ разрѣшенію великой задачи о происхожденіи вещей. На этомъ основаніи можно сказать, что и для богослова, занимающагося разъясненіемъ Моисеева сказанія о твореніи міра, не могутъ не имѣть цѣны подлинные, несомнѣнные факты, добытые учеными изслѣдователями природы. Это сказаніе писано не для простыхъ только, но и для мудрыхъ; не для тѣхъ однихъ, которые вѣруютъ, не разсуждая, но и для тѣхъ, которые желаютъ вѣрить разумно и отчетливо. Но составить о разсказываемыхъ здѣсь событіяхъ понятіе вполнѣ удовлетворительное, дать себѣ въ нихъ разумный отчетъ, привести ихъ къ един-

ству и согласію можно только при достаточномъ запасѣ свѣдѣній о предметахъ, относящихся къ области естествознанія. Что дѣйствительно истины науки должны имѣть цѣну и для богослова при объясненіи откровеннаго ученія о происхожденіи видимаго міра, въ этомъ мы убѣдимся послѣ изъ такихъ примѣровъ, которымъ никакъ нельзя отказать въ уваженіи.

в) Моисей описываетъ твореніе міра съ точки зрѣнія, находящейся на землѣ, въ Эдемѣ. Предметы, получавшіе изъ рукъ Творца бытіе, перемѣны, происходившія съ ними при постепенномъ преобразованіи ихъ до той степени совершенства, на которой мы видимъ ихъ теперь, онъ представляетъ въ томъ видѣ, въ какомъ явились бы они взору наблюдателя, если бы при твореніи міра были свидѣтели-очевидцы и если бы они находились тогда въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ устроено было Творцемъ жилище для первыхъ людей. Обстоятельство—весьма важное, которое надобно постоянно имѣть въ виду при объясненіи Моисеева сказанія о міротвореніи, потому что безъ этого невозможно составить вѣрнаго понятія о нѣкоторыхъ описываемыхъ въ немъ событіяхъ. Надобно помнить, что Моисей жилъ на землѣ и писалъ свое сказаніе также для земныхъ обитателей. Какъ житель земли, разсматривающій твореніе съ земной эдемской точки зрѣнія, онъ занимается въ своемъ сказаніи по преимуществу, *даже почти исключительно*; землею; въ самомъ дѣлѣ, «сказавъ, по словамъ Записокъ на книгу Бытія (стр. 7), о сотвореніи неба и земли, онъ оставляетъ первое и занимается послѣднею», и хотя потомъ (въ ст. 14) говоритъ и о сотвореніи свѣтилъ, но не о сотвореніи *вообще*, а о сотвореніи *для земли*, о началѣ того отношенія ихъ къ нашей планетѣ, по которому они такъ благотворны

для ея обитателей; «главнымъ образомъ и съ особенною подробностію Моисей описываетъ происхожденіе земли съ различными ея обитателями, а неба и вещей небесныхъ касается какъ бы мимоходомъ, въ той мѣрѣ, какъ они имѣютъ отношеніе къ землѣ» (Прав. Догм. Бог. преосв. Мак. т. 2, § 37).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ приступить и къ изъясненію Моисеева сказанія о происхожденіи міра. Въ основаніе этого изъясненія можемъ положить толкованіе православной Церкви, содержащееся въ пространномъ христіанскомъ катихизисѣ. Толкованіе это слѣдуетъ прямому смыслу Моисеева сказанія почти съ буквальною точностію; въ немъ нѣтъ и слѣда уклоненій отъ простаго его смысла. По этому толкованію «въ началѣ Богъ сотворилъ изъ ничего небо и землю. Земля была необразована и пуста. Потомъ Богъ постепенно произвелъ: въ первый день міра свѣтъ; во второй день твердь, или видимое небо, въ третій — вмѣстилища водъ на землѣ, сушу и растенія, въ четвертый — солнце, луну и звѣзды (Простр. Христ. Катих. о перв. членѣ) и проч.

Очевидно, что это ученіе, если понимать его, по примѣру св. православной Церкви, въ строгомъ, буквальномъ смыслѣ, — ни однимъ изъ своихъ положеній не опровергаетъ прямо и рѣшительно ни одного предположенія геологовъ о первоначальномъ образованіи нашей планеты. Мало того, — какъ увидимъ, тѣ и другія другъ друга подкрѣпляютъ, пополняютъ и поясняютъ. Разногласіе же, или противорѣчіе между ними происходитъ собственно отъ того, что ученіе Церкви и Откровенія о сотвореніи міра принимается иногда не въ простомъ и собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ переносномъ, иносказательномъ. Здѣсь все зависитъ отъ того, какъ будемъ понимать два

первые стиха Моисеева сказанія о твореніи. Прямой, буквальный смыслъ этихъ стиховъ говоритъ о сотвореніи Богомъ неба и земли и о первобытномъ состояніи последней,—состояніи, изображаемомъ такими чертами, которыя совершенно тожественны съ научными выводами, или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ имъ ни мало. При такомъ пониманіи этихъ стиховъ между научными предположеніями и откровеннымъ ученіемъ о происхожденіи земли не только нѣтъ никакого разногласія, а напротивъ, бывъ соединены вмѣстѣ, они подкрѣпляютъ, пополняютъ и поясняютъ друга друга. По иносказательному толкованію въ этихъ стихахъ нѣтъ рѣчи ни о небѣ, ни о землѣ; подъ именемъ неба здѣсь разумѣется, говорятъ, міръ духовный, ангельскій, а подъ именемъ земли—безжизненное, хаотическое вещество, изъ котораго потомъ образованъ весь видимый міръ непосредственнымъ дѣйствіемъ божественнаго всемогущества, безъ всякаго участія силъ естественныхъ. При такомъ толкованіи, которое, какъ можно думать, вызвано крайностію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ натуралистовъ, объяснявшихъ происхожденіе міра дѣйствіемъ однѣхъ естественныхъ силъ, безъ участія силы Божіей, и которое составляетъ другую противоположную крайность, натуралистическій и богословскій взгляды на исторію образованія земнаго шара неминуемо должны разойтись на столько, что согласить и соединить ихъ едва ли кто будетъ въ состояніи, не измѣнивъ нисколько ни того, ни другаго. Мы будемъ строго держаться буквальнаго смысла свящ. Писанія и ученія Церкви, разумѣя подъ небомъ—небо (вещественное), а подъ землею—землю, какъ разумѣли ихъ великіе учители Церкви: св. Василій В. и св. Іоаннъ Зла-

хочетъ [1], представляя себѣ твореніе, согласно съ словомъ Божіимъ,—дѣломъ Божіимъ, совершившимся чрезъ посредство сотворенныхъ Богомъ же силъ природы, которыя досела продолжаютъ и поддерживаютъ по волѣ Божіей великое дѣло творенія. Такое толкованіе, имѣющее на своей сторонѣ столь очевидныя преимущества, почти не нуждается въ доказательствахъ.... Но такъ какъ кромѣ этого толкованія есть другое, несогласное съ нимъ, то, для разумнаго и отчетливаго убѣжденія въ справедливости его, не лишнимъ будетъ опровергнуть тѣ возраженія, которыя говорятъ противъ него, и поставить на видъ то, что̀ говоритъ въ его пользу. Это и будетъ предметомъ нашихъ послѣдующихъ разсужденій.

---

(1) «Кто хочетъ повѣствовать о составѣ міра,» говоритъ св. Василій В. въ началѣ первой бесѣды на Шестодневъ, — «для того приличное начало сказать предварительно о началѣ устроенія *видимыхъ* вещей, ибо онъ долженъ передать исторію о твореніи неба и земли.» Бесѣд. I на Шестодн. въ Твор. Св. Отц. т. 5. стр. 1.—Далѣе, говоря о времени, которое предшествовало бытію міра видимаго и въ которое Богъ сотворилъ міръ Ангельскій, св. Отецъ выражается такъ: *но сіе однакоже не введено въ повѣствованіе*—стр. 7. Еще далѣе, говоря о сотвореніи тверди, онъ высказываетъ мнѣніе, «что поелику передано намъ и другое имя и особенное назначеніе втораго неба, то оно отлично отъ сотвореннаго въ началѣ. Бесѣд. 3. стр. 45. «Если кто скажетъ, что небо означаетъ силы созерцательныя, а твердь—силы дѣятельныя, приводящія въ исполненіе, что прилично; то принимаемъ сіе, какъ остроумное слово, но не согласимся вполнѣ, чтобы оно было истинно»—стр. 58. Изреченія великаго учителя Церкви касательно первозданной земли будутъ приведены нами послѣ; изъ нихъ мы увидимъ, что св. Отецъ разумѣетъ подъ нею землю въ самомъ строгомъ смыслѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ иносказательныхъ толкованій. Что касается до св. Златоуста, то вотъ его слова: «сперва распространяетъ небо, а потомъ уже подстилаетъ землю; прежде дѣлаетъ кровлю,,а потомъ основаніе». Бесѣд. 2 на кн. Быт. Част. 1, стр. 23. «Моисей не говоритъ о силахъ невидимыхъ, не говоритъ: въ началѣ сотворилъ Богъ Ангеловъ, или Архангеловъ»—стр. 20.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РАСКОЛА.

Есть мысль, и она высказывается даже печатно, будто кто бы ни совершалъ въ половинѣ XVII-го вѣка основательное преобразованіе обрядовъ, Никонъ ли, или Іоакимъ, расколъ *долженъ* былъ явиться, какъ безобразный, сгнившій трупъ, или плевелы при вѣяніи пшеницы (1). Кто же послѣ этого былъ виною появленія раскола? Очевидно, никто. При такомъ взглядѣ на расколъ, онъ – горькая необходимость, неизбѣжное зло. Мы далеки отъ такого взгляда на расколъ и думаемъ, что какъ ни много было въ XV и XVI вѣкахъ задатковъ для раскола въ будущемъ, онъ только *могъ* явиться въ XVII вѣкѣ при благопріятныхъ этому условіяхъ, но *могъ и не явиться*, если бы обстоятельства этого времени и особенно обстоятельства патріаршества Никонова были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Не смотря на множество обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ появленію, или точнѣе, *развитію* раскола, начало которыхъ скрывается въ вѣкахъ XV и XVI, онъ все-таки произведеніе собственно XVII вѣка, и именно тѣхъ лицъ, при которыхъ явился, и той обстановки, среди которой возникъ. Высказывая эту мысль, мы понимаемъ расколъ не какъ совокупность

---

(1) Истор. Русск. Церкв. Филар. IV, стр. 180.

извѣстныхъ обрядовыхъ погрѣшностей,—онѣ были прежде XVII вѣка, могли существовать и послѣ, если бы и не было раскола,—но какъ противленіе Церкви и рѣшительное отдѣленіе отъ нея извѣстнаго бóльшаго или меньшаго числа вѣрующихъ, совершившееся изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей. А при такомъ взглядѣ на расколъ и его происхожденіе, естественно возникаетъ вопросъ: на кого же падаетъ вина появленія его именно въ началѣ второй половины XVII вѣка?

Отвѣтовъ на этотъ вопросъ—многое множество и еще больше разнорѣчія между ними. Каждый рѣшалъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, отъ того нерѣдко правый у одного дѣлался безотвѣтно виновнымъ подъ перомъ другаго. Раскольники, какъ и слѣдовало ожидать, винили и винятъ во всемъ п. Никона и его единомышленниковъ; православные, въ противодѣйствіе раскольникамъ, обвиняли и обвиняютъ первыхъ вождей раскола, оправдывая Никона и его сотрудниковъ. Это—отвѣты общіе, но они развѣтвляются на множество другихъ, болѣе частныхъ и потому болѣе опредѣленныхъ. Который же изъ указанныхъ отвѣтовъ справедливъ? По нашему мнѣнію, безусловно — ни тотъ, ни другой, хотя въ каждомъ есть своя доля правды.

Мы не будемъ останавливаться долго на томъ обвиненіи, дѣлаемомъ Никону *раскольниками*, будто бы онъ 1) безъ нужды предпринялъ трудъ исправленія богослужебныхъ книгъ и 2) будто бы при выполненіи своего труда поступалъ не только *недобросовѣстно*, но даже *злонамѣренно*. Не приводя многихъ и многихъ свидѣтельствъ въ доказательство того, что наши древнія до-никоновскія книги были наполнены разнаго рода погрѣшностями и требовали исправленія, которое и совершалось въ разное время и разными лицами до п. Іосифа включительно, мы укажемъ

только на свидѣтельство объ этомъ предметѣ Іосифовской Кормчей. «Воззри, православный читатель, говорится въ этой Кормчей, аще не лѣностенъ еси, обрящеши ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу? Обрящеши ли чинъ и послѣдствіе по узаконенному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконенію? Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти можеши, не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ, паче же ниже въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна суть сія окаянная времена наша, въ няже, увы, достигохомъ» (1). Для человѣка непредубѣжденнаго однихъ этихъ словъ достаточно, чтобы видѣть, на сколько справедливы увѣренія раскольниковъ, будто бы наши старыя книги были исправлены еще прежде Никона препод. Максимомъ Грекомъ и другими «святыми и великоучеными мужами.» Если же мы обратимъ вниманіе еще на то, что печатаніе Кормчей, свидѣтельство которой мы привели, началось въ *послѣдніе годы* жизни п. Іосифа и кончено уже при Никонѣ, впрочемъ въ ту пору его дѣятельности пастырской, когда, по сознанію самихъ раскольниковъ, онъ былъ еще православенъ,—что совершалось печатаніе Кормчей трудами и подъ надзоромъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя послѣ съ такою силою вооружались противъ исправленій п. Никона, — разумѣемъ справщиковъ при п. Іосифѣ: Аввакума, Лазаря, Никиту, діакона Өеодора и другихъ; то поймемъ, какая несправедливость со стороны раскольниковъ—утверждать, будто бы Никонъ началъ исправленіе книгъ *безъ нужды*, а съ злымъ умысломъ.

Не болѣе справедливъ и тотъ упрекъ раскольниковъ, дѣлаемый Никону, будто бы онъ, начавъ исправленіе

(1) Полн. Ист. Изв. Прот. Іоаннова стр. 60, изд. 1799 г.

книгъ, велъ это дѣло недобросовѣстно и даже злонамѣренно,—старался при исправленіи объ одномъ, лишь бы испортить истинную вѣру. Странное дѣло! Никону, родившемуся и воспитанному въ православіи, мужу высокой добродѣтели, неподражаемыхъ подвиговъ жизни аскетической, пламенной любви къ Вѣрѣ и Церкви (¹), человѣку ума необыкновеннаго, образованія высокаго, вдругъ ни съ того, ни съ сего пришла охота портить книги, извращать Вѣру, губить еретичествомъ церковь. Не правда ли, подобная перемѣна больше, чѣмъ необъяснима? Раскольники хотятъ объяснить ее вліяніемъ Арсенія Грека, по сказанію раскольниковъ, еретика, человѣка самой дурной жизни, трижды отступавшаго отъ православія. Но если бы и дѣйствительно Арсеній былъ таковъ, какимъ изображаютъ его раскольники, вліяніе его на Никона не могло имѣть никакихъ худыхъ слѣдствій для религіозныхъ убѣжденій Патріарха; потому что этого вліянія не было на самомъ дѣлѣ, да и не могло быть. Если Никонъ взыскалъ Арсенія своимъ вниманіемъ и вызвалъ его изъ Соловецкаго монастыря для наблюденія за исправленіемъ книгъ, это значитъ только, что Арсеній былъ признанъ Никономъ человѣкомъ способнымъ для этого дѣла, какъ знатокъ греческаго и славянскаго языковъ. Предполагать что либо большее въ этомъ случаѣ было бы несправедливо. Притомъ еще прежде, чѣмъ Никонъ узналъ Арсенія,—не только прежде вызова его въ Москву,—онъ уже вводилъ въ новгородскую церковь многое такое, что послѣ признано раскольниками ересью (²). А послѣ этого считать Арсенія виновникомъ мнимыхъ заблужденій Патрі-

(¹) См. объ этомъ въ «Трудахъ Кіевской Академіи» кн. 2, статья о Никонѣ.

(²) Напр. партесное пѣніе.

арха — больше, чѣмъ несправедливо. Несправедливо также видѣть въ Арсеніѣ причину и тѣхъ мнимыхъ «новшествъ», какія будто бы появились въ книгахъ, изданныхъ при Никонѣ. Не говоря уже о томъ, что неправославіе Арсенія (если бы и допустить его) при переводѣ и исправленіи имъ книгъ могло и должно было встрѣчать противодѣйствіе въ другихъ справщикахъ, истинно православныхъ и благочестивыхъ, напр. въ Епифаніѣ Славеницкомъ, Дамаскинѣ и под., не станемъ забывать того, что дѣйствія всѣхъ ихъ вообще контролировались самимъ Никономъ и другими русскими архіереями—на соборахъ,— злоупотребленіе не могло укрыться, если бы оно и было ([1]). Обвинять же Никона въ томъ, будто онъ, при исправленіи книгъ, «едино точію въ разумѣ имѣлъ — древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное *римское* нечестіе утвердити» значитъ не знать или забывать, что Никонъ вооружался напр. противъ иностраннаго платья, музыки и под., называя все это обычаями *латинскими*, что онъ, при принятіи въ Церковь православную уніятскихъ священниковъ, повелѣвалъ имъ «римское и латинское недугованіе проклинати» ([2]), что наконецъ въ числѣ причинъ, по которымъ онъ былъ осужденъ и лишенъ патріаршества, поставлено было между прочимъ то, что Никонъ въ письмахъ своихъ къ восточнымъ патріархамъ называлъ Алексѣя Михайловича *латинствующимъ*, а церковь русскую — преклонившеюся къ *латинскимъ* догма-

---

([1]) Подробное опровержение клеветъ раскольническихъ на Арсенія см. въ Твор. Св. Отц. 1860 г, кн. 2, стр. 300 — 310. Здѣсь же находится опровержение клеветъ раскольническихъ и на п. Никона.

([2]) Грам. Ник. о. Каллисту, игумену Марковскому, на намѣстничество Полоцкое и Витебское, данн. 1656 г., Март. 13 дня, въ др. Р. Вивліое. ч. III, стр. 306. 1788.

тамъ [1]. Что же касается вообще дѣйствій Никона при исправленіи книгъ, то нельзя не сознаться, что имъ приняты были всѣ мѣры для успѣшнаго исполненія этого важнаго дѣла, и притомъ мѣры тѣ самыя, какія употребляла для этого дѣла церковь и прежде него.

Такъ изъ практики древней церкви видно, что исправленіе богослужебныхъ книгъ по преимуществу совершалось людьми образованными, обладавшими достаточными свѣдѣніями въ наукахъ, какія были извѣстны въ ту пору, и особенно людьми знакомыми съ языкомъ греческимъ. Главные труды по этому дѣлу несли сами пастыри церкви, безъ всякаго сомнѣнія, мужи просвѣщеннѣйшіе между современниками, а за ними лица, нарочито избиравшіяся для этой цѣли, каковы были напр. препод. Максимъ Грекъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, троицкій архимандритъ Діонисій и др., на западѣ—ученыя братства. На такихъ же людей возложилъ дѣло книжнаго исправленія и п. Никонъ. Епифаній Славеницкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Іаковъ «черный попъ, по прозванію философъ,» Арсеній Грекъ, архимандритъ Аѳонскій Діонисій,—вотъ имена тѣхъ ученыхъ мужей, которымъ п. Никонъ поручилъ великое дѣло исправленія и перевода книгъ. Обо всѣхъ ихъ справедливо можно сказать, что это были люди «божественнаго Писанія вѣдущіе и еллинскаго языка навычные, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющіе, и латинскую рѣчь достаточно знающіе» [2]. Далѣе: издревле исправленіе богослужебныхъ книгъ нашихъ совершалось по древлеписьменнымъ книгамъ славянскимъ и по греческимъ

---

[1] Древн. Р. Вивліоѳ. ч. III, стр. 406.
[2] Полн. Собр. Зак. т. I, № 7; Ист. о Раск. Игн. 178.

подлинникам. Максим Грек исправлял наши книги по греческим подлинникам (1); при первых патріархах исправленіе книг совершалось по древлеписьменным и древлепечатным книгам славянским (2). В період между-патріаршества опять при исправленіи книг сочли необходимым обратиться к греческим подлинникам (3). П. Филарет рѣшился исключить из наших требников слово «и огнем» потому, что в греческих подлинниках «ни в которых книгах тоя рѣчи» не было, как удостовѣряли его в этом восточные патріархи (4). При п. Іосифѣ, столько уважаемом раскольниками, книги печатались хотя только «с прежних переводов» славянских, но при сознаніи исправителями необходимости и в книгах греческих (5). Точно также поступали в этом случаѣ и в нашей западной церкви. Чаще руководствовались при изданіи книг славянскими древними, но иногда появлялись книги, исправленные «с еллинскими истинными изводы» (6). Патріарх Никон ни на шаг не отступил в этом случаѣ от примѣра своих предшественников. Всѣм извѣстно, как послѣ соборнаго рѣшенія, признавшаго нужду в исправленіи книг, и по совѣщаніи с царем, он отправил нарочитых лиц для собранія в Москву древлеписьменных славянских книг из всѣх болѣе знаменитых наших монастырей, а потом, не удовольствовавшись книгами славянскими, послал Арсенія Суханова на Восток, чтобы он, не

(1) Іоаннов. стр. 34—5.
(2) Ист. Р. Р. 119—120.
(3) Чтен. Моск. Ист. общ. 1848 г. № 8, 1, 4.
(4) Ист. о Раск. пр. Игн. стр. 135.
(5) В послѣсловіи к Шестодневу 1651 г. сказано: «с прежних переводов печатахом, а *греческих* еще не видѣхом.»
(6) Ист. Р. Церк. Филар. IV, стр. [illegible].

щадя никакихъ издержекъ, старался пріобрѣсть тамъ греческія рукописи. По этимъ-то собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Востока книгамъ славянскимъ и греческимъ, изъ которыхъ однѣ принадлежали знаменитѣйшимъ нашимъ святителямъ и угодникамъ, другія писаны были за 500, 600, 700 и даже 1000 лѣтъ прежде, патріархъ Никонъ рѣшился производить исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ.

Наконецъ, въ древней русской церкви до Никона исправленіе книгъ совершалось большею частію соборно, не единолично, и такой порядокъ вещей считался болѣе надежнымъ и успѣшнымъ. Еще стоглавый соборъ, въ слѣдствіе жалобъ царя Іоанна Васильевича Грознаго на неисправность тогдашнихъ книгъ, постановилъ: протоіереямъ и старшимъ священникамъ въ каждомъ городѣ по всѣмъ церквамъ осматривать священныя и церковныя книги; и если найдутся книги неправильныя и съ описями, то такія книги исправлять *соборне* по лучшимъ спискамъ ([1]). Потомъ предъ патріаршествомъ Филарета занималось исправленіемъ книгъ цѣлое общество лицъ духовныхъ, во главѣ котораго стоялъ троицкій архимандритъ Діонисій, а при п. Іосифѣ—общество извѣстныхъ справщиковъ: Аввакума, Лазаря и другихъ, подъ начальствомъ князя Львова. Подобныя же общества, или точнѣе братства, занимались исправленіемъ книгъ въ Кіевѣ, особенно при Петрѣ Могилѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ Запада ([2]). Мало того: исправители книгъ до п. Никона сознавали и постоянно высказывали въ своихъ изданіяхъ ту мысль, что исправлять книги всего лучше

([1]) Гл. 27.
([2]) Ист. Р. Церк. IV, 101—108.

соборомъ всей русской церкви, по совѣту и согласію съ церковію греческою, отъ которой и заимствованы наши церковно-богослужебныя книги. Въ тріоди постной 1589 г., изданной при первомъ нашемъ патріархѣ Іовѣ, говорится: «аще что кому въ ней помнится непотребно; и вы Бога ради сами исправляйте съ *совѣтомъ освященнаго собора*, елико васъ свыше наставитъ святый Параклитъ.» Эта же мысль повторяется почти во всѣхъ книгахъ, изданныхъ и при п. Іосифѣ: въ Сборникѣ, напечатанномъ въ 1642 г. (на л. 169), въ Прологѣ 1643 г., въ Апостолѣ 1649 г и другихъ (1). Вотъ что сказано въ предисловіи послѣдней книги, напечатанной за три года до патріаршества Никонова: «васъ о богособранная чета! православія отецъ и братію освященныхъ, и причетъ, наче же и простыхъ, и всѣхъ въ благочестіи преспѣвающихъ, писанія догматѣхъ прилѣжащихъ; мы грубіи... со усердіемъ молимъ прощенія просяще... елико аще что обрящете въ сей книзѣ погрѣшительная за невѣдѣніе наше..., *по совѣту соборныя церкве* исправите недоконченная или погрѣшенная въ разумѣ.» Точно также смотрѣли на этотъ предметъ и въ южно-русской церкви. Въ предисловіи къ требнику Львовскаго изданія 1645 г. (2), Арсеній, еп. львовскій говорилъ: «что касается корректуры и исправленія типографскаго или литтеральнаго (т. е. чтобы вмѣсто *а* не стояло *ос*, вмѣсто *б*—*в*, вмѣсто *далъ*—*билъ* и пр.), то оно тщательно было замѣчаемо и обыкновенно исправлено. Что же касается новопоявляющихся, всегда различныхъ въ текстѣ и смыслѣ, корректуръ и исправленій, которыя дѣлаются въ другихъ типографіяхъ, то мы

(1) Іоанн. полн. Ист. изв. 54—56.

(2) Обозр. Славянорусск. библіограф. Сахарова № 456.

оставляли эту сторону въ покоѣ, надѣюсь, что при удобномъ случаѣ (что дай Богъ!) за общимъ и неослабнымъ *стараніемъ архіереевъ православной россійской церкви*, станетъ у насъ какъ одна достаточная и постоянная корректура книгъ переведенныхъ, такъ и переводъ книгъ, еще не бывшихъ на нашемъ славянскомъ языкѣ.» (1). Что же касается до участія церкви греческой въ исправленіи нашихъ книгъ, то за нимъ обращались на Востокъ постоянно. На Западѣ еще въ концѣ XVI вѣка епископъ львовскій Гедеонъ, которому брестъ-литовскій соборъ поручилъ заняться исправленіемъ Требника, обращался за помощію къ Мелетію, александрійскому патріарху, управлявшему тогда и константинопольскимъ престоломъ; «извѣщая его о разности и неисправности славянскихъ книгъ», Гедеонъ просилъ восточнаго патріарха прислать ему греческій Евхологій (2). Патріархъ Филаретъ, какъ мы уже замѣчали, по случаю возникшихъ недоумѣній на счетъ слова «и огнемъ», обращался за совѣтомъ къ восточнымъ святителямъ и только съ ихъ согласія повелѣлъ епископамъ и начальникамъ монастырей замарать это слово, а равно и сдѣланную на полѣ замѣтку: «бысть сему глаголанію до соборнаго указу» (3). Наконецъ самъ п. Іосифъ, послѣ того, какъ замѣчено было ему іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ о разныхъ нововведеніяхъ, вкравшихся въ нашу церковь, рѣшился приступить къ исправленію поврежденныхъ чиновъ и обычаевъ не иначе, какъ по предварительномъ изученіи чиновъ церкви восточно-гре-

(1) Руков. для Сельск. Паст., 1860 г., № 17, стр. 462.

(2) Ист. Р. Церк. Фил. IV, стр. 101; Москвитян. 1844 г. № 8, стр. 406—407.

(3) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848 г., № 8, I, 18.

вославной. Для чего и отправлен был на Восток известный Арсений Суханов. По примѣру своих предшественников и п. Никон, рѣшившись на исправленіе книг, совершал это дѣло не иначе, как соборнѣ,—совѣтом не только пастырей русской церкви, но и восточных патріархов. Еще прежде исправленія созван был царем, по мысли Никона, в 1654 г. собор в Москвѣ, на котором, под предсѣдательством самого царя и патріарха, присутствовали пять митрополитов, четыре архіепископа, один епископ, почетнѣйшій клир и царскій синклит. Послѣ того, как собор признал и опредѣлил, что «достойно и праведно исправлять» новыя печатныя (нынѣ старопечатныя—раскольническія) в Москвѣ книги «противу старых харатейных и греческих,» Никон, вмѣстѣ с благочестивым царем, «умыслим, да не едина их воля, но да и совѣт вселенских патріархов оных книг о исправленіи будет,» обратились за совѣтом к восточным святителям, и собор, составившійся по этому случаю в Константинополѣ, под предсѣдательством Паисія, вполнѣ одобрил рѣшеніе московскаго собора. По собраніи древлеписанных славянских и греческих книг, по желанію Никона и с согласія царя, составлялся (1655 г.) в Москвѣ второй собор, замѣчательный особенно потому, что на нем, кромѣ нашего первосвятителя, с митрополитами, архіепископами, епископами и знатнѣйшим духовенством, присутствовали еще два восточных патріарха—антіохійскій Макарій и сербскій Гавріил. Так как отцы собора «обрѣтоша древнія греческія» книги «с ветхими славенскими книгами во всем согласующася, в новых же московских печатных книгах, с греческими же и славенскими древними многая несогласія и

погрѣшенія,» то и опредѣлили — поступать такъ, какъ опредѣлили прежніе соборы—московскій 1654 г. и послѣдовавшій за нимъ константинопольскій; и, чтобы показать примѣръ другимъ, сами немедленно занялись исправленіемъ служебника и «во всемъ справя сію святую книгу и согласно сотворя древнимъ греческимъ и славенскимъ,» повелѣли напечатать ее въ томъ же 1655 г., опредѣливъ, чтобы и другія книги, въ какихъ только находятся погрѣшности, были также исправлены по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ. Когда же Никонъ, при помощи восточныхъ святителей, Макарія патріарха антіохійскаго, Гавріила патріарха сербскаго, Григорія митрополита никейскаго и Гедеона митрополита молдавскаго, окончательно убѣдился въ неправильности двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, онъ снова созвалъ (23 апр. 1656 г.) на соборъ всѣхъ русскихъ архипастырей, которые, выслушавъ рѣчь Патріарха, объяснившаго имъ пути, приведшіе его къ познанію правильнаго перстосложенія, опредѣлили слагать персты для крестнаго знаменія такъ, «якоже древле святая восточная Церковь пріяла есть,» т. е. изображать крестъ «тремя первыми великими персты десныя руки,»—и одобрили, послѣ тщательнаго пересмотра, переведенную съ греческаго и только-что напечатанную книгу Скрыжаль [1]. А послѣ всего этого, кто не согласится, что Никонъ для исправленія церковныхъ книгъ употреблялъ всѣ самыя лучшія мѣры, какія употребляла наша церковь и прежде: исправленіе производилось по древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ и рукописямъ, — лицами самыми образованными, какихъ только можно было тогда найти

(1) Ист. Р. раск. стр. 158—174.

въ православной Россіи и на Востокѣ, и потому естественно болѣе другихъ способными и благонадежными,— производилось наконецъ соборнѣ, — совѣтомъ не только русской, но и восточной церкви. А если такъ, то на какія же изъ дѣйствій Никона можно указать (если только можно), какъ не такія, которыя прямо или косвенно содѣйствовали появленію раскола?

Первымъ такимъ дѣйствіемъ п. Никона мы признаемъ его распоряженіе касательно справщиковъ книгъ, бывшихъ при п. Іосифѣ. Извѣстно, что послѣ того, какъ рѣшено было дѣло исправленія книгъ, Никонъ прежнихъ справщиковъ удалилъ отъ печатнаго двора и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ. По видимому, такое распоряженіе Патріарха было не только естественно, но и совершенно необходимо. Справщики книгъ при п. Іосифѣ, по несомнѣнно дознаннымъ фактамъ, были люди не глубокаго ума, не большихъ свѣдѣній и кромѣ того люди зараженные тѣми самыми ошибочными мнѣніями, которыя всего болѣе смущали Никона. Значитъ, присутствіе ихъ на печатномъ дворѣ, участіе при исправленіи и изданіи книгъ не только не могло приносить никакой существенной пользы, напротивъ *могло* быть даже вредно. Не смотря на все вниманіе къ печатному дѣлу самого патріарха, они могли по прежнему вносить въ издаваемыя книги погрѣшности, если и не такія важныя, какъ было это при п. Іосифѣ, по крайней мѣрѣ такія, какихъ трудно избѣжать человѣку не совсѣмъ способному. А послѣ этого выборъ на печатный дворъ новыхъ лицъ болѣе даровитыхъ и способныхъ, чуждыхъ погрѣшностей, которыя прежде всего предположено было исправлять, былъ совершенно законною мѣрою со стороны Никона, рѣшившагося вполнѣ исправить наши богослужебныя книги. Но

если мы находимъ распоряженіе п. Никона касательно прежнихъ справщиковъ книгъ дѣйствіемъ не вполнѣ благоразумнымъ, то хотимъ сказать этимъ не то, будто Патріархъ не долженъ былъ избирать для предполагаемаго исправленія книгъ новыхъ справщиковъ, а то, что съ тѣми лицами, которыя несли труды изданія книгъ при п. Іосифѣ и въ первые годы его патріаршества, онъ долженъ былъ поступить иначе, чѣмъ какъ поступилъ. Избравъ новыхъ справщиковъ книгъ, онъ долженъ былъ, по благоразумію, до поры до времени оставить на печатномъ дворѣ и прежнихъ. Вреда особеннаго отъ этого не могло бы быть, а между тѣмъ отъ такого распоряженія не послѣдовало бы и того зла, какое принесло книжному дѣлу и всей церкви удаленіе этихъ лицъ отъ занимаемой ими прежде должности.

Не могло быть особеннаго вреда для книжнаго исправленія, если бы п. Никонъ, назначивъ для исправленія и изданія книгъ извѣстныхъ уже намъ образованныхъ мужей, оставилъ на печатномъ дворѣ и прежнихъ справщиковъ. Доказывать эту мысль нѣтъ большой необходимости. Самый отчаянный пессимистъ можетъ указать въ этомъ случаѣ только развѣ на то, что между прежними и новыми справщиками могли бы возникнуть въ такомъ случаѣ разнаго рода интриги и происки. Но кто не согласится, что при такомъ несчастіи страдали бы болѣе сами интригующіе, чѣмъ книжное дѣло, и что внимательный надзоръ Патріарха, на невниманіе котораго тогда никто не имѣлъ бы права жаловаться, могъ если не прекратить, по крайней мѣрѣ ослаблять внутренній раздоръ между его подчиненными. Что же касается опасенія, будто бы въ такомъ случаѣ желаніе Патріарха и согласныхъ съ нимъ новыхъ справщиковъ исправить опи-

бочныя мнѣнія прежнихъ печатныхъ книгъ касательно неправильнаго сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, чтеніе 8-го члена символа вѣры и др., могло встрѣтить противодѣйствіе въ прежнихъ справщикахъ, какъ бывшихъ представителями этихъ мнѣній; то всякій согласится, что умъ, довѣрчивый къ добру въ людяхъ, можетъ видѣть въ этомъ предметѣ и другую, совершенно противную сторону, именно, что, можетъ быть, тогда Аввакумъ и подобные ему сами убѣдились бы въ неправотѣ своихъ мнѣній и оставили бы ихъ. Потому что тогда, по самому порядку вещей, эти мнѣнія, въ слѣдствіе неодинаковаго отношенія къ нимъ прежнихъ и новыхъ справщиковъ, подверглись бы болѣе внимательному обсужденію, новые справщики — партія согласная съ Патріархомъ должна была бы тогда позаботиться о пріисканіи достаточныхъ основаній для своихъ требованій и перемѣнъ, и думать, что, если бы эти основанія были указаны, Аввакумъ и другіе не захотѣли бы упорствовать въ своихъ ошибкахъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго. «А еже намъ быти у него, патріарха, въ послушаніи и *безъ разсужденія* не прекословити ни въ чемъ, самое беззаконное се дѣло», писалъ Нероновъ царскому духовнику Степану Вонифатьеву. Значитъ, справщики прежніе не считали бы дѣломъ беззаконнымъ подчиняться волѣ Патріарха, желавшаго уничтожить въ прежнихъ книгахъ ученіе о двуперстіи и другія ошибочныя мнѣнія, если бы выслушаны были ихъ *разсужденія* объ этихъ предметахъ и предложены были на ихъ же *разсужденія* основанія ученія истиннаго. Тѣмъ болѣе вѣроятно подобное предположеніе, что нѣкоторыя изъ мнимыхъ нововведеній Никона, по свидѣтельству самихъ старообрядцевъ, не только не осуждались Іосифовскими справщиками, напротивъ одобрялись,

напр. партесное пѣніе, введенное Никономъ еще въ бытность его митрополитомъ новгородскимъ (¹), и что вообще Іосифовскіе справщики не прочь были отъ принятія троеперстія и др. «церковныхъ вещей,» если бы не препятствовали этому другія причины. «Со вселенскими патріархами, говорилъ однажды тотъ же Нероновъ самому Никону, нѣсмь противенъ, якоже глаголеши ты; но тебѣ единому не покаряюся... *мы тебѣ противны в церковныхъ вещьхъ*. Патріархи тебѣ писали, что креститися тремя перстами подобаетъ, непокоряющихся же подъ клятвою и запрещеніемъ устроити заповѣдаша: аще ты съ ними соглашался, азъ сему не противенъ, азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быти не хощу; да кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси страшенъ?» Значитъ, если бы Никонъ вмѣсто грознаго и строгаго осужденія прежнихъ справщиковъ, какъ людей неспособныхъ и зловредныхъ, оказалъ имъ милостивое снисхожденіе, положимъ, на первый разъ не заслуженное ими, и оставилъ ихъ при печатномъ дворѣ,—они могли бы согласиться съ нимъ въ «церковныхъ вещѣхъ» и постарались бы заслужить прощеніе за прежніе свои грѣхи. Предположенію нашему не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ указанныхъ лицъ, не смотря ни на какія принужденія и страданія, никакъ не хотѣли принять мнимыхъ нововведеній Никона и оставить своихъ ошибочныхъ мнѣній. Это было уже послѣ того, какъ Патріархъ отставилъ ихъ отъ печатнаго двора; значитъ, тутъ было другое дѣло, существовали другія причины. Какія—увидимъ послѣ. Да наконецъ если бы

(¹) Повѣсть о рожденіи, воспитаніи и о кончинѣ Никона, рукоп. нашей академ. библіотеки № 14.

и допустить, что *нѣкоторые* изъ Іосифовскихъ справщиковъ по прежнему остались бы упорными въ своихъ ошибкахъ,—зла отъ этого не могло бы быть большаго. Тогда их возгласы противъ мнимыхъ нововведеній необходимо теряли бы часть своего значенія отъ того самаго, что другіе изъ ихъ общества были бы согласны съ Патріархомъ. Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои на удаленіе отъ печатнаго двора Іосифовскихъ справщиковъ п. Никономъ смотрятъ какъ на мѣру «умную и благодѣтельную» и въ разсѣяніи ихъ по разнымъ мѣстамъ готовы видѣть «прекращеніе раскола,» который будто бы потому только распространился, что «нашлись Никону при дворѣ многочисленные и сильные враги» (¹). Нѣтъ, мы думаемъ иначе. Отставивъ отъ печатнаго двора и заточивъ потомъ по разнымъ мѣстамъ справщиковъ, первыхъ расколоучителей, Никонъ одержалъ побѣду только *видимую* и не особенно блестящую (потому что что-за торжество для патріарха послать въ заточеніе нѣсколькихъ поповъ и протопоповъ?). На самомъ же дѣлѣ такимъ распоряженіемъ Никонъ сдѣлалъ большую ошибку, которая вскорѣ и принесла свои горькіе плоды.

Зло, какое произошло отъ такого распоряженія, состояло въ томъ, что удаленные отъ печатнаго двора справщики, и прежде не совсѣмъ довольные Патріархомъ за его преобразованія, теперь сдѣлались самыми первыми и заклятыми его врагами. Оглашеніе ихъ Патріархомъ людьми неспособными и даже зловредными въ отношеніи къ исправленію книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оскорбило ихъ ученое самолюбіе до послѣдней степени. А между

(¹) Русск. Раск. Старообряд.—Щапова, стр. 45—49.

тѣмъ были причины въ самомъ ходѣ дѣлъ, по которымъ не слѣдовало бы раздражать этихъ людей. Не споримъ, что Патріархъ, любимецъ и другъ Царя, могъ (на сколько справедливо, увидимъ) считать себя выше козней и интригъ какихъ либо поповъ и протопоповъ; но все же, если не для собственной безопасности, то для успѣха дѣла, важнаго для всей церкви, не нужно было затрогивать слабыхъ сторонъ Іосифовскихъ справщиковъ. Эти попы и протопопы, положимъ, были гораздо ниже Патріарха, по своему іерархическому положенію; но все же и они пользовались необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ, слыли за философовъ своего времени, за людей «зѣло искусныхъ» въ словѣ Божіемъ и отеческихъ писаніяхъ, мало этого, имѣли даже значеніе при самомъ дворѣ. Начальникомъ печатнаго двора, на которомъ трудились Аввакумъ и его сотоварищи, былъ *князь* Львовъ, разумѣется, человѣкъ не безъ связей общественныхъ. У Аввакума въ числѣ духовныхъ дѣтей находились лица даже близкія къ царской семьѣ. Таковы придворныя боярыни изъ рода Морозовыхъ, Соковниныхъ, Урусовыхъ и др. Стефанъ Вонифатьевъ, сотрудникъ Аввакума и другихъ по изданію книгъ, былъ духовникомъ самого Царя. А послѣ этого само собой понятно, что непріязнь такихъ людей къ Патріарху могла имѣть свое значеніе. Не смотря на это, п. Никонъ не пощадилъ ихъ самолюбія и этимъ самымъ повредилъ не только себѣ лично, но и тому святому дѣлу, ради котораго собственно и удалилъ отъ печатнаго двора неспособныхъ справщиковъ.

Лишь только указанные попы и протопопы лишились своихъ мѣстъ, приносившихъ имъ столько почета, какъ немедленно стали разсѣявать въ народѣ и въ другихъ слояхъ общества неудовольствіе противъ Патріарха. И

такъ какъ не могли же они высказывать истинныхъ причинъ своего нерасположенія къ Никону, то, разумѣется, позаботились пріискать причины, хотя и ложныя, тѣмъ не менѣе не безопасныя для Патріарха. Книжное исправленіе, начатое Никономъ, и указало имъ путь къ отысканію этихъ причинъ. Личное нерасположеніе къ Патріарху замѣнено неудовольствіемъ на его преобразованія, жалобы на мнимую несправедливость Никона смѣнились клеветою на его нововведенія. Вездѣ и всѣмъ Іосифовскіе справщики стали проповѣдывать, что Патріархъ не исправляетъ книги, но портитъ, что онъ развращаетъ древнюю Вѣру и губитъ еретичествомъ церковь. Если мы возмемъ во вниманіе то обстоятельство, что эти мысли стали разсѣявать въ народѣ тѣ самыя лица, которыя при прежнемъ патріархѣ сами занимались изданіемъ «священныхъ книгъ,» которымъ, слѣдовательно, по мнѣнію большинства, лучше всякаго другаго могла быть извѣстна истина и ложь, православіе и ересь; то поймемъ, какъ опасна должна была быть подобная проповѣдь, особенно при общемъ нерасположеніи къ Патріарху духовенства и бояръ.

Не смотря на многія несомнѣнныя пастырскія достоинства, какими обладалъ Никонъ, нельзя сказать, чтобы онъ пользовался особенною любовію современнаго ему духовенства. И причина этого была опять въ самомъ же Патріархѣ, въ его характерѣ суровомъ до непреклонности, въ его управленіи строгомъ иногда до безпощадности. Не отвергаемъ того, что духовенство времени Никона далеко не соотвѣтствовало своему назначенію, что нужны были мѣры для исправленія безпорядковъ, какіе существовали въ клирѣ. Но зло было такъ давне, вошло въ жизнь духовныхъ такъ глубоко, что требовались осо-

бенная осторожность и благоразуміе при истребленіи его. Крутыми и строгими мѣрами едва ли можно было чего либо достигнуть, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ, кои уже погрязли въ этомъ злѣ. Еще можно было съ успѣхомъ дѣйствовать на молодое поколѣніе,—и внимательный надзоръ Никона за ставленниками нельзя не назвать мѣрою похвальною во всѣхъ отношеніяхъ; но едва ли можно было надѣяться на успѣшное исправленіе людей старыхъ, сжившихся съ своими недостатками. Между тѣмъ Никонъ, по возшествіи на патріаршій престолъ, объявилъ себя врагомъ всего безпорядочнаго и дурнаго, въ комъ бы это дурное ни существовало. Своевольныхъ и нерадивыхъ поповъ и протопоповъ онъ строго смирялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, лишалъ сана, заключалъ въ темницы, а иногда даже въ церкви смирялъ неисправныхъ рукою по малу [1]. Понятно, какъ все это должно было казаться тяжелымъ людямъ, привыкшимъ къ жизни свободной и своевольной, особенно священноцерковнослужителямъ московскимъ, изъ которыхъ многіе знали Никона еще простымъ священникомъ, подъ именемъ Никиты Минина [2], а иные были съ нимъ даже въ дружбѣ [3]. Неудовольствіе на Патріарха въ духовенствѣ было неизбѣжно, хотя и не совсѣмъ справедливо, и оно не замедлило явиться. Скоро вездѣ и почти всѣ стали кричать: «знаете ли, кто Патріархъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ?» Явились даже смѣльчаки, которые лично укоряли Патріарха въ его строгости, хотя и безъ успѣха. Было бы несправедливо укорять Никона за такую строгость, если

(1) Твор. Св. Отц. 1860 г. кн. 2, стр. 342.
(2) Ист. о Раск. пр. Игн. стр. 184.
(3) Твор. Св. Отц. стр. 268—269.

смотрѣть только на побужденіе, по которому онъ такъ немиролюбиво относился къ подчиненному ему духовенству; но нельзя не признать въ подобной строгости Патріарха непрактичности и слишкомъ идеальнаго воззрѣнія на дѣло, — недостака немаловажнаго во всякомъ правителѣ. Патріарху нужна была преданность низшаго духовенства; при помощи его и только одного его, онъ могъ провести въ толпу тѣ новые на взглядъ тогдашняго общества порядки и чины, какіе заводилъ Никонъ; а между тѣмъ онъ болѣе всего и вооружилъ противъ себя этихъ необходимыхъ помощниковъ. Зло отъ этого было очень велико. Клеветы справщиковъ Іосифовскихъ на Патріарха, будто бы развращающаго Вѣру, были встрѣчены большинствомъ духовенства, по личному нерасположенію къ Никону, съ сочувствіемъ, и бѣдному народу грозила опасность быть введеннымъ въ обманъ. Такъ и случилось, какъ увидимъ послѣ.

Не меньшую непріязнь питали къ Никону и бояре. Ихъ всего болѣе досадовала близость Патріарха къ престолу и особенная любовь къ нему Царя. Никонъ, какъ извѣстно, былъ не только другомъ Алексѣя Михайловича, но и первымъ совѣтникомъ его во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Этой чести Патріархъ не искалъ, но заслужилъ ее по праву, — своимъ умомъ, своею преданностію Царю, своимъ самоотверженіемъ на пользу отечества. Но, разумѣется, бояре подобныя достоинства Патріарха забывали, а помнили только одно его недостоинство, — то, что онъ былъ родомъ простой поселянинъ. Если бы все дѣло ограничилось этимъ, тогда, конечно, непріязнь бояръ къ Патріарху и козни, какія употребляли они къ его гибели, падали бы всею своею тяжестію на главу виновныхъ. Къ сожалѣнію, не такъ было на

самомъ дѣлѣ. Никонъ самъ часто давалъ боярамъ поводъ къ неудовольствіямъ разнаго рода и самъ былъ отчасти виною того, что интриги придворныя сосредоточились почти на немъ одномъ. Причиной этого былъ тотъ же строгій и подъ часъ рѣзкій характеръ Никона. Еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ Никонъ обращался со многими боярами такъ, что они писали: «лучше бы намъ въ Новой Землѣ за Сибирью, съ князь Иванъ Ивановичъ Лобановымъ пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ: какъ такъ сильно заставляетъ говѣть, — никого своею силою не заставишь Богу вѣровать.» Жалоба не отзывается нравственностію, но не лишена нѣкоторой справедливости. И вотъ тогда же придворная толпа бояръ стала кричать: «никогда такого безчестія не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ (1).» Царь Алексѣй Михайловичъ предостерегалъ Никона отъ подобныхъ столкновеній съ боярами, говоря: «добро, государь владыко святый, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному обличеніе мозоли ему есть;» однако Никонъ, какъ видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, не послушался совѣта добраго царя, знавшаго хорошо безпощадность боярской ненависти и злобу придворныхъ интригъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ своими строгими замѣчаніями противъ ихъ несовсѣмъ нравственной жизни, а нерѣдко и положительными мѣрами противъ ихъ своеволія, особенно выражавшагося въ пренебреженіи церковныхъ уставовъ и въ пристрастіи къ новымъ обычаямъ, несогласнымъ съ образомъ жизни благочестивыхъ предковъ. Появились ли

(1) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 57.

у бояръ вывезенные изъ польскаго похода латинскіе иконы и органы, Никонъ смѣло обличалъ ихъ за это въ храмѣ предъ лицемъ самого государя, и даже отбиралъ запрещенные предметы. Хотѣлось ли кому либо дозволить себѣ удовольствіе турецкаго омовенія, преступленіе становилось извѣстнымъ Патріарху и получало достойное наказаніе. Начиналъ ли извѣстный бояринъ поздно являться въ патріаршія палаты, онъ не оставался безъ должнаго замѣчанія со стороны Никона. Все это крайне раздражало бояръ, любившихъ жить по своей волѣ. Когда же царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ, подчинилъ Никону своего намѣстника и бояръ, которые безъ него не могли рѣшить никакого дѣла и должны были каждое утро являться къ нему съ докладами, а по возвращеніи изъ похода далъ ему титулъ «великаго государя,» — ненависть бояръ къ Патріарху достигла послѣднихъ предѣловъ. Особенно недовольны были такимъ порядкомъ вещей родственники Царя — Морозовы, Милославскіе, Стрѣшневы и другіе. Подъ вліяніемъ внушеній оскорбленнаго самолюбія, они рѣшили, во что бы то ни стало, низложить и погубить Патріарха. Для этой цѣли главнымъ орудіемъ противъ Патріарха они избрали такъ называемый монастырскій приказъ, учрежденный въ патріаршество Іосифа, въ которомъ засѣдали бояре съ правомъ разсматривать жалобы на духовныхъ и даже съ правомъ полнаго завѣдыванія монастырями и церквами селъ монастырскихъ. Мало по малу бояре, недовольные Никономъ, стали дѣлать чрезъ монастырскій приказъ распоряженія не только мимо Патріарха, но и съ открытымъ намѣреніемъ оскорблять его. Отъ духовныхъ имѣній они переходили къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игуменовъ именемъ Царя безъ всякаго сноше-

нія съ Никономъ. Понятно, какъ все это должно было раздражать Никона, защитника правъ русской церкви и величія высшей церковной власти. Онъ началъ доказывать всю неправоту подобнаго порядка дѣлъ и, въ порывѣ негодованія на своеволіе бояръ, позволялъ несовсѣмъ скромные отзывы о самомъ приказѣ, учрежденномъ по волѣ царя. Боярамъ того только и хотѣлось. Они стали представлять Никона въ глазахъ Царя преступникомъ, злоумышляющимъ противъ самодержавной власти. Эти ли клеветы бояръ на Никона предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, или что либо другое было причиною первыхъ неудовольствій между Царемъ и Патріархомъ, — неизвѣстно съ достовѣрностію; но неудовольствіе возникло, и этого достаточно было боярамъ, чтобы развязать руки на бо́льшую дерзость въ отношеніи къ Патріарху. И нельзя сказать, чтобы бояре показали себя въ этомъ случаѣ людьми достойными своего имени. Въ злобѣ они позволяли себѣ то, на что не рѣшился бы человѣкъ благородный. Одни, чтобы выразить свое презрѣніе къ Никону, называли именемъ его своихъ собакъ (Стрѣшневъ Семенъ). Другіе, чтобы раздражить Патріарха и тѣмъ вызвать его на новый какой либо неблагоразумный поступокъ, стали оскорблять патріаршихъ бояръ и чиновниковъ (стольникъ Хитровъ). Иные посягали на самую собственность Никона, и притомъ по полномочію монастырскаго приказа (Бабарыкинъ). А нѣкоторые, болѣе ярые, готовы были даже лишить жизни Патріарха (¹). Стрѣлъ было пущено много и многія достигали цѣли. Подъ вліяніемъ такихъ оскорбленій,

(¹) Бояре—судьи по дѣлу Бабарыкина писали: «и только бы онъ (Никонъ) былъ не такова чина, и мы бъ и жива его не отпустили» (Ист. Р. Церк. пр. Фил. IV, 49).

характеръ Никона, горячій и вспыльчивый, сдѣлался еще раздражительнѣе, и онъ дѣйствительно начинаетъ дѣйствовать оскорбительно и для Царя и для своего собственнаго достоинства. Но бояре не думали ограничиваться одними оскорбленіями, какія они причиняли Никону. Имъ хотѣлось погубить Патріарха, чтобы освободиться отъ его вліянія, и вотъ они всѣми мѣрами стараются стать между нимъ и Царемъ. Искусство вести интриги помогло имъ не допустить Патріарха до личныхъ откровенныхъ объясненій съ Царемъ, которыхъ оба они желали и которыя могли бы положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Царь, по проискамъ бояръ, перестаетъ являться на служенія Патріарха, не допускаетъ къ себѣ его самого, а между тѣмъ наговоры и клеветы на святителя такъ и кипятъ при дворѣ. Неудовольствіе Царя на Патріарха при помощи бояръ скоро перешло въ гнѣвъ и открытую вражду. Друзья сдѣлались врагами, вопреки собственному желанію. При такомъ положеніи дѣлъ, Никону, очень хорошо сознававшему свою правоту предъ Царемъ, трудно было не уѣхать изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, хотя бы даже безъ царскаго позволенія, а между тѣмъ этотъ поступокъ съ одной стороны выставлялъ своеволіе Патріарха, съ другой открывалъ врагамъ его обширное поле для козней. Выставляя предъ Царемъ непослушаніе Патріарха, бояре народу стали объяснять удаленіе святителя немилостію Царя за его мнимыя нововведенія. Такимъ образомъ къ толпѣ недовольныхъ Никономъ изъ духовенства, не безъ вины со стороны самого Патріарха, присоединилось не малое число изъ бояръ — съ неменьшимъ вліяніемъ на толпу, только съ бо́льшимъ умѣніемъ доводить свои козни до конца. Можно было опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ дѣло книж-

наго исправленія, начатое Никономъ, встрѣтитъ препятствіе и не принесетъ надлежащихъ плодовъ. Такъ и случилось.

Лишь только напечатаны были первыя исправленныя книги и стали разсылаться по церквамъ, какъ всѣ недовольныя Никономъ лица духовныя объявили себя противъ нихъ. Прежде всего возстали противъ новопечатныхъ книгъ справщики Іосифовскіе. Одни изъ нихъ стали проповѣдывать, что вообще въ новыхъ книгахъ повреждены древніе чины и уставы; другіе, болѣе смѣлые, прямо указывали эти, будто бы испорченные, чины; а нѣкоторые осмѣливались даже писать апологіи въ защиту старыхъ порядковъ. Іоаннъ Нероновъ каждый день являлся въ соборъ и запрещалъ дьячкамъ трегубить аллилуія. Протопопы Аввакумъ и Даніилъ «со отцы и братіею» сошлись на общее совѣщаніе и написали челобитную, въ которой жаловались на измѣненіе Патріархомъ двуперстнаго сложенія, на оставленіе земныхъ поклоновъ въ святую Четыредесятницу и др., и которую подали Царю. Діаконъ Ѳеодоръ, подобно другимъ, «новые законы и уставы обличая, народы учаше новинамъ не прилагатися, но древняго благочестія предѣлы держати.» По всей вѣроятности, съ такими же чувствами относились къ новоисправленнымъ книгамъ и прочіе справщики Іосифовскіе — Никита, Лазарь и др. Что же за причина была такого общаго нерасположенія этихъ лицъ къ трудамъ Патріарха? Было бы несправедливо объяснять все дѣло одною личною непріязнію указанныхъ лицъ къ Никону за то, что онъ лишилъ ихъ должности справщиковъ и объявилъ людьми неправославными; но далеко отъ истины, кажется, и то предположеніе, будто они дѣйствовали единственно по искреннему убѣжденію въ справедли-

вости тѣхъ мнѣній, которыя отстаивали. Мы уже имѣли случай указать нѣкоторыя свидѣтельства этихъ самыхъ лицъ, изъ которыхъ видно, что ревнители двуперстія и другихъ мнѣній, которыя патріархъ Никонъ призналъ ошибочными, отстаивали свои заблужденія не столько по приверженности къ нимъ, сколько по неудовольствію на Патріарха за то, что онъ вводилъ новыя мнѣнія самовластно и уничтожалъ прежнія насиліемъ и строгостію. Теперь представимъ нѣкоторыя новыя соображенія въ пользу той же мысли. Прежде всего во всѣхъ посланіяхъ Іосифовскихъ справщиковъ противъ мнимыхъ нововведеній Никона слишкомъ замѣтно раздраженіе этихъ лицъ противъ Патріарха. Читая сочиненія ихъ, видишь, что всѣ они пропитаны, такъ сказать, самою злою ненавистію къ Никону, переполнены самыми нелѣпыми, нерѣдко нарочито придуманными, клеветами на него; а это невольно наводитъ на мысль, что всѣ эти сочиненія писаны не столько въ защиту извѣстныхъ вѣрованій, сколько для посрамленія и униженія Патріарха. Далѣе: возстали противъ Никона и его исправленій прежніе справщики первые и притомъ *всѣ безъ исключенія*,—фактъ замѣчательный, который опять даетъ нѣкоторое основаніе думать, что они руководились въ этомъ случаѣ не столько привязанностію къ старымъ книгамъ, — не могли же всѣ они питать по крайней мѣрѣ одинаково сильную привязанность къ старинѣ, — сколько своимъ личнымъ нерасположеніемъ къ Патріарху, который сдѣлалъ непріятность всѣмъ имъ, и притомъ одну и ту же. За тѣмъ: многія изъ этихъ лицъ, послѣ того, какъ Никонъ, удалившись изъ Москвы, ждалъ суда и осужденія, оставляли свои мнѣнія и обращались къ православію, хотя нѣкоторыя только на время. Таковы: Іоаннъ Нероновъ, Никита, Ла-

зарь, діаконъ Θеодоръ, принесшіе покаяніе на соборѣ 1666 — 7 года. Подобное явленіе даетъ право по крайней мѣрѣ на такое заключеніе, что указанныя лица, если и держались своихъ мнѣній по привязанности къ нимъ, то все-таки эта привязанность находила себѣ не малую пищу въ личномъ нерасположеніи къ Патріарху, и вотъ, когда Никонъ уже былъ такъ сказать отмщенъ, она начинала слабѣть въ тѣхъ, кои не отличались твердостію характера. Наконецъ, не можемъ не указать еще на одинъ фактъ, который не мало подтверждаетъ нашу мысль. Въ числѣ жалобъ, которыя Нероновъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій высказывалъ Царю и самому Патріарху, есть между прочимъ жалоба на то, за чѣмъ Никонъ избралъ справщиками книгъ кіевскихъ иноковъ и ученаго Арсенія Грека. «Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ пріемлешь, говорилъ Нероновъ Никону; нынѣ у тебя то и святые люди: гречане и изъ Малыя Руссіи»... «Стани добрѣ, церковное чадо, жаловался тотъ же Нероновъ самому Царю, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ.» О чемъ же молили эти богомольцы? «Молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай; зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотятъ и сложенію перстовъ блядословно противятся, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ.» Имѣя въ виду то, что эти челобитчики за нѣсколько лѣтъ прежде сами печатали книги многихъ западныхъ иноковъ, какъ книги православныя (таковы: книга о вѣрѣ, большой и малый катихизисы и др.) и сами же говорили въ этихъ книгахъ ([1]), что церковь

([1]) Въ книгѣ о вѣрѣ л. 27 — 29.

греческая ни въ чемъ не отступила отъ православія, — мы можемъ объяснить приведенную выше жалобу Неронова только досадою Іосифовскихъ справщиковъ на Патріарха за то, что онъ на мѣсто «высоко ученыхъ великороссійскихъ протопоповъ и поповъ» поставилъ справщиками книгъ западныхъ иноковъ и нѣкоторыхъ грековъ. Исправленія этихъ лицъ клеймились именемъ ересей не потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а просто потому, что эти исправленія дѣлались не Нероновымъ и Аввакумомъ съ братіею, а «иностранными» пришельцами. Нашему взгляду на разсматриваемый предметъ не противорѣчитъ то обстоятельство, что нѣкоторые изъ Іосифовскихъ справщиковъ, и по низложеніи Никона, упорно держались своихъ мнѣній — до конца своей жизни. Во-первыхъ, мы уже сказали, что нельзя думать, будто этими людьми руководила одна только личная непріязнь къ Патріарху безъ отношенія къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ. Во-вторыхъ, и смотря на дѣло такъ, какъ мы смотримъ, можно объяснить упорство этихъ лицъ. Слава и громкая популярность имѣютъ съ себѣ слишкомъ много привлекательнаго, чтобы не увлечься ими; быть учителемъ вѣры, называть себя апостоломъ, разсылать свои посланія «ко всѣмъ вѣрнымъ на всемъ лицѣ земномъ» — какъ поступалъ Аввакумъ, — во всемъ этомъ столько заманчивости и обаянія, что можно, и не сознавая въ себѣ призванія на такое дѣло, рѣшиться однакоже на него. Притомъ не нужно забывать и того, что есть люди, которые, однажды рѣшившись идти по извѣстной дорогѣ вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, уже не способны оставить своего пути, хотя бы обстоятельства послѣ и перемѣнились, особенно, когда дѣло касается

такихъ вещей, измѣнчивость въ которыхъ не составляетъ чести для человѣка. Какъ бы впрочемъ ни было, только Іосифовскіе справщики, удаленные Никономъ отъ печатнаго двора, первые возстали противъ Патріарха и изданныхъ имъ, новоисправленныхъ книгъ. Что же предпринялъ Никонъ въ противодѣйствіе этимъ лицамъ и въ обезпеченіе успѣха своего дѣла?

Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, онъ убѣждалъ непокорныхъ подчиниться волѣ своего верховнаго пастыря; а потомъ, когда убѣжденія оказались недѣйствительными, онъ сослалъ болѣе упорныхъ въ разныя мѣста на заточеніе. Аввакумъ отправленъ, по его собственнымъ словамъ, «въ далечайшія сибирскія страны, въ самые глубочайшіе предѣлы, за великимъ озеромъ Байкаломъ.» Даніилъ, протопопъ костромской, по разстриженіи, посланъ въ Астрахань. Логгинъ, протопопъ муромскій, по лишеніи сана, отправленъ въ свой городъ Муромъ. Лазарь, попъ романовскій, и Никита, попъ суздальскій, разосланы были также по своимъ городамъ. Князь Львовъ, бывшій начальникомъ печатнаго двора, попалъ въ Соловки. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ, по лишеніи скуфьи, сначала содержался въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, потомъ сосланъ въ Спасо-каменный вологодскій и оттуда въ Кольскій монастырь. Одинъ только дьяконъ Ѳедоръ оставленъ былъ въ Москвѣ (можетъ быть потому, что замѣнить его, не какъ справщика, а дьякона благовѣщенскаго собора, было некому), да еще Стефанъ Вонифатьевъ, духовникъ Царя, — лице неприкосновенное. «Такимъ образомъ,» говорится въ одной книгѣ по поводу заточенія по разнымъ городамъ Іосифовскихъ справщиковъ, первыхъ вождей раскола, «п. Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно за-

конными, истинно церковными мѣрами. Всѣ главные защитники его были разсѣяны. И издатели служебника 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ п. Никона и царя Алексѣя Михаиловича «лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ» (¹). Кромѣ того, что въ этихъ словахъ есть историческая невѣрность въ томъ отношеніи, что, по всѣмъ соображеніямъ, нѣкоторые изъ Іосифовскихъ справщиковъ (²) были высланы изъ Москвы уже *послѣ* 1655 года,—намъ почему-то напоминили они наивность дѣтей, которые въ случаѣ какой либо опасности закрываютъ себѣ голову, или даже только глаза, и думаютъ, что они уже спасены. Ужели въ самомъ дѣлѣ п. Никонъ на свое распоряженіе касательно заточенія по разнымъ городамъ первыхъ вождей раскола могъ смотрѣть, какъ на мѣру—предупредить *дальнѣйшее движеніе* раскола? Ужели можно было думать, что, съ удаленіемъ этихъ лицъ изъ Москвы, расколъ прекратился, опасность миновалась? Не наоборотъ ли должно было заключать, что чѣмъ дальше уѣзжалъ какой либо Аввакумъ, тѣмъ дальше проникали и сѣмена раскола? Мы по крайней мѣрѣ такъ понимаемъ дѣло, и въ указанномъ распоряженіи Патріарха не только не видимъ «мѣры умной» для предупрежденія раскола, напротивъ видимъ ошибку, рѣшительно необъяснимую ничѣмъ, ненамѣренное средство распространить расколъ. Доказывать, что это такъ должно было быть, нѣтъ нужды, когда такъ случилось. Историческіе факты убѣдительнѣе всякихъ соображеній, а

(¹) Русск. Раск. Старообр. Щапов. стр. 45.

(²) Наприм. Даніилъ, см. Твор. Св. Отц. кн. 2. 1860 г. стр. 330—1; Аввакумъ, см. Правосл. Собес. 1858 г. Май, стр. 98.

они прямо доказывають ту мысль, что первые вожди раскола въ Москвѣ, по удаленіи своемъ изъ столицы, были первыми распространителями своихъ мнѣній и въ другихъ мѣстахъ. Сибирь обязана своимъ расколомъ Аввакуму, который, по словамъ Винограда Россійскаго, какъ «въ заточеніи живый, тако и вспять возвращаяся, всюду свободнымъ гласомъ и благодарственною душею древняго благочестія свѣтлость пресвѣтло проповѣдаше» — «обличая Никоніанство... пестрообразную прелесть,» по его собственнымъ словамъ. Лазарь лишь только прибылъ въ Романовъ, какъ началъ «свободнымъ языкомъ древлецерковное повѣдати благочестіе и Никонова новшества изобличать.» Никита «ревновалъ по благочестіи» въ своемъ Суздалѣ до того, что «прошеніе и книги жалобныя написалъ на новоисправленныя книги» (¹). Неласковый пріемъ новопечатныхъ книгъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1656 г. мы объясняемъ между прочимъ тѣмъ, что тамъ былъ въ это время князь Львовъ. Участь Даніила и Логгина была нѣсколько печальнѣе; оба они заключены были въ темницы и скоро скончались; но нѣтъ ничего невѣроятнаго допустить, что и они, если не въ Астрахани и Муромѣ, то по крайней мѣрѣ на пути не приминули принести свою лепту въ даръ расколу. Даже Іоаннъ Нероновъ, слабодушнѣйшій изъ всѣхъ другихъ, дѣлалъ свое дѣло, пиша изъ заточенія письма то къ духовнику царскому, то къ самой царицѣ и ходатайствуя предъ ними за свою «братію» и «церковь». Такимъ образомъ несомнѣнные историческіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что на удаленіе п. Никономъ Іосифовскихъ справщиковъ изъ столицы по разнымъ городамъ въ заточеніе нужно смотрѣть не

(¹) Объ всемъ этомъ см. въ Виноградѣ Росс. Денисова.

какъ на умную мѣру къ *предупрежденію раскола*; но какъ на большую ошибку со стороны Никона, бывшую причиной того, что расколъ, сначала обнаружившійся въ Москвѣ, былъ разнесенъ теперь повсюду. Трудно даже понять, какъ съ умомъ Никона можно было допустить такой промахъ.

Успокоенный удаленіемъ изъ столицы враговъ своихъ, прежнихъ справщиковъ книгъ, Никонъ продолжалъ начатое дѣло книжнаго исправленія съ энергіею, свойственною его пылкому и твердому характеру. Въ 1655 году вышелъ изъ печати новоисправленный служебникъ, а за тѣмъ вскорѣ издано нѣсколько другихъ книгъ. Патріархъ разослалъ (1656 г.) по церквамъ новые служебники и приказалъ отобрать прежніе. Мы далеки отъ того, чтобы вѣрить Денисову, который говоритъ, будто Никонъ для распространенія новыхъ книгъ употреблялъ «мучительства, томленія нестерпимыя, мученія страшныя, и ужасныя смерти и неповѣстительныя умертвія,» равно не считаемъ вѣрнымъ и того извѣстія, будто «новыхъ книгъ пріяти *всюду* не хотяху;» но знаемъ, что такое распоряженіе произвело во многихъ мѣстахъ волненіе, перешедшее потомъ въ явное возстаніе противъ новоисправленныхъ книгъ и за тѣмъ въ расколъ. Послѣ этого вопросъ о томъ, хорошо ли поступилъ Никонъ, когда приказалъ вдругъ отбирать прежніе неисправныя книги и на мѣсто ихъ вводить новыя, а не предоставилъ этого времени, представляется неизбѣжнымъ и довольно важнымъ. Какъ же рѣшаютъ его? Сущность отвѣта, какой обыкновенно даютъ на предложенный вопросъ, состоитъ въ томъ, что мѣра эта была *самая естественная*, а за тѣмъ слѣдуетъ указаніе на примѣръ п. Филарета, который

тобралъ уставъ 1610 г. и даже сжегъ его (1). Примѣръ, говорятъ, заразителенъ, тѣмъ не менѣе мы удерживаемся отъ подражанія ему и, вопреки мнѣнію почти общему, утверждаемъ, что указанная мѣра была вовсе не естественна и примѣръ п. Филарета не говоритъ ничего въ оправданіе Никона.

Неоднократно уже говорили мы, что патріархъ Никонъ имѣлъ несчастіе нажить себѣ много враговъ, которые еще прежде, чѣмъ явились на свѣтъ новоисправленныя книги, уже проповѣдывали, что Патріархъ не правитъ книги, а портитъ и развращаетъ Вѣру. Враги эти были теперь разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, но не разсѣялись ихъ ложныя убѣжденія. Напротивъ и словомъ и писаніемъ они всюду старались распространить мысли, которыхъ держались сами. Въ Соловецкомъ монастырѣ встрѣтили новоисправленныя книги уже съ предвзятою мыслію объ ихъ испорченности. Эта несправедливая мысль была, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ, скажемъ словами напыщеннаго витіи раскольническаго Денисова, «имѣли дивное ступаніе красныя ноги благовѣствовавшихъ» подобную несправедливость,—Аввакума, Лазаря и др. Что оставалось дѣлать Никону при такихъ обстоятельствахъ? Постараться, какъ бы и во чтобы то ни стало, показать неправоту распространявшагося мнѣнія, а для этого самою естественною мѣрою было разослать новоисправленныя книги, но ничуть не отбирать прежнихъ, чтобы люди, предубѣжденные противъ первыхъ, могли разрѣшать свои недоумѣнія, сличая ихъ съ послѣдними. Тогда каждому проповѣднику лжи можно было сказать: «пріиди и виждь, сличай и повѣряй, и ты най-

(1) Русск. Раск. Старообр. Щапов. стр. 50—51; снес. Ист. Русск. раск. Макарія, стр. 182.

дешь только перемѣну въ словахъ, новость въ выраженіяхъ, но ни чуть не порчу Вѣры. А если тебѣ не нравятся и новыя слова, поступай какъ знаешь, служи по прежнимъ книгамъ до поры-до времени, именно до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ поднятое личными врагами Патріарха волненіе, или пока не уничтожатся твои старыя книги, какихъ больше печатать уже не будутъ.» Кажется, все это такъ просто и естественно, что распространяться дальше было бы многословіемъ. Теперь посмотримъ, что должна была произвесть мѣра, употребленная Никономъ. Стоустая молва объ испорченности новыхъ книгъ уже бродила между народомъ. Люди самые скептическіе, до которыхъ только достигла она, ожидали новоисправленныхъ книгъ съ недовѣріемъ. Вотъ книги являются, но въ тоже время отбираются прежнія. Это почему? Эти книги не исправны, говорятъ посланные Патріарха. Какъ такъ? Уже ли же мы служили и молились Богу доселѣ не такъ, какъ слѣдуетъ? Ужели наши молитвы были не во спасеніе, а въ грѣхъ? Чего же смотрѣли люди, отъ которыхъ зависѣло это дѣло? А эти люди были наши святители-патріархи, по благословенію которыхъ издавались прежнія книги. Ужели же и они служили по неправымъ книгамъ? Многіе изъ этихъ вопросовъ, совершенно неизбѣжныхъ при такомъ порядкѣ вещей, до того важны, что положительный отвѣтъ на нихъ былъ бы страшнымъ ударомъ для вѣрующей души, и вотъ волей-неволей приходится отвѣчать отрицательно, а при такомъ отвѣтѣ мысль объ испорченности новыхъ книгъ является уже неизбѣжною. Случись при этомъ кому либо послушать проповѣдь Аввакума или подобнаго ему, и сомнѣніе его въ православіи новаго Патріарха необходимо перейдетъ въ твердую увѣренность касательно его еретичества. Такъ

и было въ тѣхъ мѣстахъ, куда уже проникли сѣмена лжеученія. А если мы припомнимъ, что говорили прежде о неудовольствіяхъ на Никона со стороны духовенства, то не удивимся, что такъ было почти повсюду, гдѣ появлялись новыя книги. Такимъ образомъ, обстоятельства, въ какихъ, по несчастію, находился Никонъ, дѣлали указанную мѣру вовсе неестественною, — мало того, — гибельною для Патріарха и вредною для церкви. Примѣръ патріарха Филарета ничего не доказываетъ. Мы даже удивляемся, какъ можно ссылаться на этотъ примѣръ, — такъ онъ не похожъ по обстановкѣ на обстоятельства патріаршества Никонова. Филаретъ, отецъ царя, прославляемый всѣми за страданія, перенесенныя въ плѣну за отечество, любимецъ духовенства за милости къ нему (1), — развѣ это-тоже, что Никонъ, незнатный родомъ, нелюбимый духовенствомъ, ненавидимый боярами, разладившій подъ конецъ съ Царемъ — другомъ?

Впрочемъ оставимъ на время безъ вниманія тѣ несчастныя обстоятельства, въ какихъ находился п. Никонъ и на которыя, какъ видно, онъ самъ не обращалъ вниманія, — и посмотримъ, благоразумно ли было бы съ его стороны распоряженіе объ отобраніи прежнихъ книгъ даже въ томъ случаѣ, если бы враги Патріарха не успѣли разсѣять въ народѣ лжи объ испорченности новыхъ книгъ?

При рѣшеніи этого вопроса неизбѣжно возникаетъ другой — о томъ, что могло побудить Патріарха къ такой мѣрѣ? Обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ — тотъ, что прежнія книги были испорчены. Правда; но что же изъ этого слѣдовало? По нашему мнѣнію, только — то, что эти книги нужно было исправлять и исправленныя разсылать

(1) Хроногр. Митр Пахомія 1639 г.

для употребленія въ церквахъ, *нимало не запрещая книгъ прежнихъ*. Не споримъ, что при такомъ положеніи дѣла зло еще продолжало бы существовать, но зло во-первыхъ слишкомъ небольшое, которое во-вторыхъ скоро прекратило бы свое существованіе. Мы сказали, что если бы прежнія неисправныя книги оставались въ употребленіи народа и по изданіи въ свѣтъ книгъ новоисправленныхъ, зла отъ этого большаго не было бы, и вотъ доказательства. Погрѣшности нашихъ прежнихъ книгъ, побудившія п. Никона къ изданію книгъ новыхъ, были, положимъ, многочисленны, но не особенно важны. Этимъ мы не отвергаемъ необходимости для Никона исправлять книги,—и неважныя ошибки въ книгахъ, предназначенныхъ для церковнаго употребленія и для наученія народа истинамъ Вѣры — достаточная причина къ исправленію этихъ ошибокъ,—а только хотимъ высказать ту мысль, что не слѣдовало предпринимать для уничтоженія неважныхъ погрѣшностей мѣръ особенно сильныхъ, которыя могли бы возбуждать въ массѣ волненія и недоумѣнія. А такова именно была мѣра, употребленная Никономъ. Намъ могутъ сказать, что погрѣшности старыхъ книгъ были не только многочисленны, но и важны, и могутъ указать въ этомъ случаѣ на неправильныя мнѣнія, внесенныя Іосифовскими справщиками въ печатныя книги. На это мы отвѣтимъ: какъ смотрѣть на дѣло. Прежде всего: эти мнѣнія существовали въ церкви гораздо прежде п. Никона, и однакожъ чрезъ это ни церковь не была не православною, ни члены ея не лишались спасенія. Значитъ, если бы эти мнѣнія оставались въ старыхъ книгахъ и послѣ изданія Никономъ новыхъ, православіе нашей церкви, и въ частности тѣхъ членовъ ея, которые до времени держались бы этихъ мнѣній, ни-

сколько не страдало бы. Говорятъ: «пока эти мнѣнія не были обличены и отвергнуты церковною властію, до тѣхъ поръ они были грѣхами невѣдѣнія извинительными, но послѣ уже другое дѣло;—послѣ обличенія ихъ церковію они сдѣлались уже мнѣніями раскольническими» (1). Не понимаемъ, какъ это сдѣлалось бы, если бы церковная власть, или лучше п. Никонъ, взявъ во вниманіе значеніе обрядовой стороны богослуженія въ дѣлѣ вѣры и спасенія, призналъ эти мнѣнія только ошибочными, но ничуть не ересію, и слѣдовательно отнесся бы къ лицамъ, зараженнымъ этими мнѣніями, только какъ къ людямъ заблуждающимъ, но ничуть какъ къ еретикамъ, или раскольникамъ. А Никону такъ и слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ, во-первыхъ потому, что нѣкогда онъ самъ держался этихъ самыхъ ошибочныхъ мнѣній,—значитъ, были причины, по которымъ съ одной стороны указанныя ошибки имѣли право, хотя бы и незаконное, на существованіе; съ другой—патріархъ Никонъ долженъ былъ быть снисходителенъ къ ошибкамъ, которыхъ не избѣжалъ самъ; во-вторыхъ, такъ смотрѣть на дѣло совѣтовалъ Никону патріархъ константинопольскій Паисій, который въ отвѣтъ на вопросы Никона о разныхъ, замѣченныхъ имъ въ русской церкви, погрѣшностяхъ, писалъ: «твое преблаженство сильно жалуеться на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различные чины растлѣваютъ нашу вѣру. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло еретики, которыхъ заповѣдуетъ намъ Апостолъ убѣгать по

(1) Истор. Русскаго раск. пр. Макар. стр. 146—147.

первомъ и второмъ наказаніи; и иное дѣло раскольники, которые хотя, повидимому, соглашаются въ главныхъ догматахъ православія, имѣютъ однакожъ и свои ученія, чуждыя каѳолической церкви; но если случится какой либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ чинахъ неважныхъ и несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ и догматовъ Вѣры,—каково, напримѣръ, время совершенія литургіи и под.,—то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія, лишь бы только непреложно сохранялась та же Вѣра. Церковь не отъ начала приняла все то чинопослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно, и въ разныхъ церквахъ нѣкоторые чины вводились разновременно, и прежде святыхъ Дамаскина, Косьмы и другихъ пѣснотворцевъ, мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ: все это однакожъ не производило раздѣленій между церквами, когда соблюдалась неизмѣнно таже Вѣра, и онѣ не считались ни еретическими, ни раскольническими. Такъ и нынѣ не должно думать, будто развращается наша вѣра православная, если одинъ кто либо творитъ послѣдованіе свое, немного различное отъ другаго — въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ Вѣры.» Этотъ мудрый совѣтъ, очевидно, касался чинопослѣдованій служебника, который Никонъ прежде всего и велѣлъ отбирать. Такъ же прямо и снисходительно совѣтовалъ Паисій Никону смотрѣть и на другія болѣе важныя разности, существовавшія въ то время въ нашей Церкви. Всего болѣе, какъ извѣстно, смущало Никона распространившееся въ ту пору двуперстіе, которое употребляли и для крестнаго знаменія и для благословенія священническаго. Паисій, основывая на преданіи обычай креститься тремя первыми перстами правой руки, писалъ о благословеніи именословномъ,

между прочимъ, вотъ что: «такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму, да благословятся вси языцы земстіи о сѣмени его, которое есть Іисусъ Христосъ — Іс Хс, — то Церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессіи; Іс Хс. *Какими бы перстами* кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа рукою священническою» (¹). Въ-третьихъ наконецъ—потому, что такой взглядъ на это дѣло есть дѣйствительно истинный. Наша церковь, позволивъ единовѣрцамъ употребленіе тѣхъ самыхъ разностей, противъ которыхъ вооружался п. Никонъ, не лишаетъ однакожъ ихъ чрезъ это надежды на спасеніе, — знакъ, что, по взгляду церкви, эти разности не важны. Не споримъ, что гораздо лучше было бы вдругъ уничтожить всѣ эти разности и другія погрѣшности, находившіяся въ нашихъ старыхъ книгахъ; но этого можно было достигнуть только постепенно, какъ постепенно появлялись указанныя ошибки. Крутыя мѣры въ подобныхъ случаяхъ всегда приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что масса никогда не бываетъ приготовлена къ мгновенной реформѣ надлежащимъ образомъ, и слѣдовательно кромѣ людей послушныхъ, которые всегда найдутъ причины покориться опредѣленію власти, могутъ встрѣтиться люди съ истинною привязанностію къ прежнему порядку вещей, и поэтому самому упрямые, которые или подымутъ ропотъ на нововведенія, или, если и примутъ ихъ; то неохотно, какъ что-то внѣшнее, насильственное, — во всякомъ случаѣ

(¹) Посланіе п. Паисія къ Никону напечатано въ Скрыжали ч. 1, стр. 639—760.

пользы мало. Не то бываетъ при реформахъ постепенныхъ. Часть людей передовыхъ, какихъ никогда не лишено общество, понявъ съ перваго же раза пользу и справедливость новыхъ учрежденій, если только дѣйствительно такова бываетъ реформа, немедленно переходятъ на сторону нововводителей и начинаютъ выражать въ своей жизни и дѣятельности новыя начала. Польза и правда—необходимый результатъ подобнаго порядка вещей—мало по малу становятся очевидными для всѣхъ и ощутительными для каждаго, такъ что и тѣ, кои еще *не созрѣли* до теоретическаго пониманія новыхъ началъ, не въ состояніи бываютъ противиться ихъ практической приложимости, — желаніе самому себѣ добра и невольное благоговѣніе предъ истиной заставляютъ и этихъ званныхъ включать себя въ число избранныхъ и пользоваться всѣми выгодами новаго порядка вещей. То же самое было бы, если бы патріархъ Никонъ рѣшился вводить въ практику церкви и употребленіе народное свои несомнѣнно полезныя и справедливыя исправленія постепенно и снисходительно. Пастыри церкви, если бы даже и нашлись между ними люди съ привязанностію къ указаннымъ погрѣшностямъ, скоро поняли бы свою ошибку и оставили бы ихъ, потому что существованіе этихъ ошибокъ основывалось въ существѣ дѣла не на сознаніи ихъ справедливости, но на безотчетномъ усвоеніи того, что было въ прежнихъ книгахъ. Самъ Никонъ въ оправданіе свое, что употреблялъ въ первые годы своего патріаршества двуперстіе, ссылался на то, что такъ было сказано въ «Θеодоритовомъ писаніи»; тоже говоритъ онъ и о другихъ, замѣчая притомъ, что само Θеодоритово писаніе внесено въ печатныя и рукописныя книги только *недав-*

двиіемъ (¹). Значитъ, стоило раскрыть грѣхи невѣдѣнія и показать, въ чемъ заключается правда, и истина восторжествовала бы надъ ложью. Пастыри въ свою очередь указали бы правду своимъ пасомымъ, и церковь русская не только избавилась бы отъ раскола, но даже не долго видѣла бы между своими членами незначительное обрядовое разногласіе,—тѣмъ болѣе, что самые источники этого разногласія или были не многочисленны,—таковы изданныя Іосифовскими справщиками книги, въ числѣ 6000 экземпляровъ, въ которыя внесено было ученіе о двуперстіи (²),—или должны были скоро уничтожиться сами собою—отъ времени, такъ какъ новыхъ изданій подобныхъ книгъ уже не было бы.

Не того долженъ былъ ожидать Никонъ при своей крутой и почти насильственной мѣрѣ,—отобраніи прежнихъ неисправныхъ книгъ, если бы, повторимъ, онъ даже не былъ въ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ уже была рѣчь. Прежде всего такою мѣрою ошибкамъ маловажнымъ давалось значеніе серьезныхъ заблужденій, которыхъ будто бы никакъ нельзя было терпѣть, хотя эти ошибки существовали цѣлыя столѣтія. Нужно ли говорить, что подобное обстоятельство могло и даже должно было оскорбить религіозное чувство всякаго, кто держался этихъ ошибокъ, хотя бы и безотчетно, а число такихъ людей составляло большинство: «единія точію зѣло престарѣлые люди того ученія не пріяша и не вняшу прелести нововводнаго арменоподражательнаго двоперстнаго сложенія (³)». Далѣе: такимъ распоряженіемъ унижались прежнія книги, какъ неисправныя, а между

(¹) Истор. Русск. раскол. стр. 170.
(²) 3-е посл. Игнат. Тоб. въ Прав. Собес. 1855 г. кн. 2, стр. 95—98.
(³) Тамъ же.

тѣмъ не уважать эти книги было невозможно. Если, какъ мы знаемъ, самъ Никонъ давалъ большое значеніе древнимъ церковнобогослужебнымъ книгамъ, говоря: «въ нихъ святіи Божіи человѣцы и велицыи ихъ творцы восточніи богословцы и учители Аѳанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинскій, Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, московскіе чудотворцы, и прочіи святіи воучающеся, Богови угодиша.... (¹)»; то что сказать о большинствѣ и массѣ менѣе образованной и въ слѣдствіе этого болѣе способной привязаться къ внѣшней обрядности? Опытъ говоритъ лучше всего; большая часть современниковъ Никона смотрѣла на древнія книги, какъ на святыя и необходимыя для спасенія. Но вотъ эти святыя книги начинаютъ отбирать, какъ неисправныя и поврежденныя, по которымъ не льзя ни служить, ни молиться Богу. Мы не удивились бы, если бы подобное распоряженіе возбудило въ народѣ ропотъ и негодованіе на Патріарха, даже безъ отношенія къ указаннымъ выше неблагопріятнымъ этому дѣлу обстоятельствамъ, — напротивъ, мы удивились бы, если бы ничего подобнаго не было. Да, наконецъ, если бы даже допустить, что привязанность современниковъ Никона къ прежнимъ церковнобогослужебнымъ книгамъ была не велика, — и въ такомъ случаѣ не слѣдовало, вводя въ употребленіе новыя книги, запрещать употребленіе прежнихъ, для того именно, чтобы не усилить этой привязанности. По странному свойству человѣческой природы, запрещенный плодъ почему-то особенно намъ нравится, — истина общеизвѣстная. Тоже бываетъ и съ запрещенными книгами. Онѣ невольно воз-

(¹) Описс. кн. Царск. т. II, стр. 156; у Шанова стр. 15, примѣч. 2.

буждаетъ въ человѣкѣ особенное къ себѣ уваженіе до того, что покупаются за большія деньги, хранятся, не смотря на опасность быть обличеннымъ въ нарушеніи закона, читаются и перечитываются нѣсколько разъ, съ особеннымъ вниманіемъ не только къ общему ихъ содержанію, но къ частнымъ мыслямъ, даже къ словамъ, въ которыхъ стараются найти особенный таинственный смыслъ. Это свойство человѣческой природы до того извѣстно всѣмъ и каждому, что люди, способные, какъ говорятъ, ловить рыбу въ мутной водѣ, иногда нарочито распускаютъ слухи о секвестрѣ, наложенномъ будто бы на ту или другую книгу, въ видахъ скорѣйшаго сбыта ея, что и бываетъ къ удовольствію глубокихъ психологовъ. Подобныхъ же результатовъ долженъ былъ ждать и Никонъ, когда приказалъ отбирать по церквамъ прежнія неисправныя книги. Отобрать всѣ книги онъ не могъ уже потому одному, что не зналъ числа ихъ; за исключеніемъ книгъ отобранныхъ, оставалось и должно было остаться въ народѣ еще не мало другихъ, избѣгнихъ повальнаго обыска; и вотъ эти-то книги, какъ подвергшіяся запрещенію, сдѣлались предметомъ еще бóльшаго благоговѣнія и любви, чѣмъ какими пользовались прежде. Такимъ образомъ мы думаемъ, что строгое запрещеніе Никона употреблять при богослуженіи старыя книги не только не содѣйствовало прекращенію раскола, напротивъ прямо и положительно помогло его распространенію и усиленію тѣмъ, что, обративъ особенное вниманіе всѣхъ на эти книги, оно заставило каждаго дорожить ими, а равно и находившимися въ нихъ ошибочными мнѣніями. Говорятъ: «народъ, горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностію принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмутили рас-

колоучители (1)». Правда, народъ любилъ Никона, но народъ только московскій, котораго Патріархъ защищалъ отъ неправдъ боярскихъ, спасалъ во время моровой язвы и голода, кормилъ сайками при выходахъ своихъ на служеніе (2), да еще, можетъ быть, новгородскій, видѣвшій тѣ же милости Никона. Между тѣмъ книги новоисправленныя посылались и туда, гдѣ, можетъ быть, только слыхали про Никона. А главное: любовь толпы, какъ бы она сильна ни была, явленіе слишкомъ эфемерное, чтобы прочности его можно было вѣрить съ несомнѣнностію. Примѣръ не далекъ и — поразительнѣйшій. Когда появился въ Новгородѣ голодъ, Никонъ, тогда еще митрополитъ новгородскій, не щадя ни хлѣба, ни денегъ, учредилъ въ своемъ домѣ еженедѣльную раздачу милостыни по воскресеньямъ деньгами, а въ простые дни хлѣбомъ; кромѣ того, ежедневно кормилъ бѣдныхъ по сту и болѣе человѣкъ, а для престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ устроилъ четыре богадѣльни. Новгородцы не находили словъ для выраженія своей благодарности и любви къ милостивому архипастырю. Но вотъ интригантъ Морозовъ, бывшій причиною бунта въ Москвѣ, возбуждаетъ мятежъ и въ Новгородѣ. Народъ взволновался и началъ грабежъ. Воевода Хилковъ рѣшился было успокоить мятежниковъ, но устрашенный угрозами, скрылся на митрополичьемъ дворѣ. Узнавъ объ этомъ, разъяренная толпа съ каменьями и дубинами устремилась къ архіерейскому дому. Никонъ, скрывъ воеводу во внутреннихъ своихъ покояхъ, приказываетъ отперетъ ворота своего дома, а самъ выходитъ изъ палатъ своихъ къ мятежникамъ и съ апостольскою кротостію начинаетъ говорить имъ: «любезныя дѣти!

(1) Русс. раск. старообр. Щапова, стр. 54.
(2) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848, № 5, ч. IV, стр. 33.

за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? Я всегда былъ съ вами и теперь не скрываюсь. Я пастырь вашъ и готовъ положить за васъ душу свою.» Что же дѣлаетъ народъ, такъ много облагодѣтельствованный Никономъ и такъ горячо любившій своего пастыря? Въ неистовствѣ кричитъ: «онъ измѣнникъ, онъ защищаетъ измѣнниковъ» и, съ звѣрскою лютостію бросясь на Никона, начинаетъ безъ пощады бить его дубьемъ и каменьями до того, что служители отнесли митрополита въ келью почти бездыханнаго ([1]). Нужно ли продолжать рѣчь далѣе?

Какъ же, спросятъ, долженъ былъ поступить п. Никонъ, при введеніи во всеобщее употребленіе новоисправленныхъ книгъ? Прежде мы уже высказали нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Теперь приведемъ слова объ этомъ одного пастыря нашей церкви—митрополита Платона. Сказавъ объ исправленіи Никономъ книгъ и разсылкѣ ихъ по всѣмъ церквамъ, митрополитъ Платонъ продолжаетъ: «но видится, что далѣе поступлено въ семъ случаѣ неосмотрительно. Велѣно новоисправленныя книги вездѣ принять, а старыя отбирать. А надлежало было *объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ предъ очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается, а только находятся нѣкоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности; а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ, никакова заблужденія и ереси церковь не признаетъ: сіе учинивъ, надлежало было оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ*. Вѣроятно, продолжаетъ Архипастырь, что симъ

([1]) Начертаніе житія и дѣяній Никона—арх. Аполлоса стр. 18—19, 1848. г.

поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ новоисправленныя книги взошли бы во употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежъ и расколъ. Невѣжи или суевѣры стали толковать, что аки-бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи, и что святые угодники аки-бы по тѣмъ книгамъ служа также погрѣшали. А были, можетъ быть, и такіе, кои не хотя лишиться собственности имъ принадлежащей, а надлежало имъ не малое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ, также роптали и къ возмутителямъ приставали. Хотя при семъ случаѣ слѣдовало нѣкоторое благоразумное употребить снисхожденіе; но вмѣсто того укрощаемы они были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало, который и доселѣ къ великому церкви россійской несчастію продолжается» ([1]). Замѣтимъ, что такъ говоритъ человѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ, писалъ свою исторію не такъ, какъ дѣлаютъ это дѣло «новѣйшіе писатели исторіи нашей, которые нерѣдко обстоятельствамъ ласкательствуютъ, и чрезъ то лишаютъ свои сочиненія любезнаго и привлекательнаго исторіи свойства, то есть, истины и безпристрастія» ([2]).

Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои считаютъ Никона совершенно невиннымъ въ дѣлѣ раскола, и всю вину зла слагаютъ на враговъ его. Каждому — свое.

([1]) Кратк. Цер. Росс. Истор., т. II, стр. 234 — 5.
([2]) Тамъ же т. I, стр. X.

Но говоря, что Никонъ поступилъ неосторожно, приказавъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ книгъ вводить книги новыя исправленныя, мы далеки отъ того мнѣнія нѣкоторыхъ, будто Никону не слѣдовало даже исправлять книги, такъ какъ народъ еще не былъ подготовленъ къ этому дѣлу ([1]). Книги требовали исправленія, потому что, какъ мы замѣчали выше, въ нихъ было много погрѣшностей и ошибокъ, а умственное и нравственное состояніе современниковъ Никона было вовсе не таково, чтобы исправленію этому могло возникнуть особенно сильное противодѣйствіе, если бы, разумѣется, не встрѣтились особенныя неблагопріятныя обстоятельства, устранить которыя было не невозможно при умѣньи вести дѣло съ надлежащимъ тактомъ. Правда, образованіе современниковъ Никона было не велико, нравственность стояла не на высокой степени, привязанность къ внѣшности была сильна; но все это было и прежде Никона, когда между тѣмъ исправленіе книгъ совершалось, хотя и не такое радикальное, и волненій изъ-за этого особенныхъ не происходило. При самомъ предшественникѣ Никона, патріархѣ Іосифѣ, исправленіе, или точнѣе передѣлка книгъ была очень немаловажная. Въ книги, изданныя въ это время, *первый разъ* внесены были многія изъ тѣхъ ложныхъ мнѣній, изъ-за которыхъ послѣ поднялся на Никона ропотъ, и однакожъ эти передѣланныя и испорченныя книги приняты были всѣми безпрекословно, привязанность къ книжной буквѣ не попрепятствовала никому согласиться на принятіе книгъ съ вставочными цѣлыми мыслями. Несчастный случай съ Діонисіемъ, троицкимъ архимандритомъ, не говоритъ ничего противъ нашихъ мы-

---

([1]) Дѣян. Петра Великаго — Голикова, т. XIII, стр. 40, изд. 1840 г.

слей. Знакомый съ подробностями этой исторіи знаетъ, что возстаніе толпы противъ исправленій, сдѣланныхъ Діонисіемъ, проистекало не изъ чистой привязанности къ буквѣ и обряду, а изъ нечистаго источника—личной непріязни къ исправителю нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ (1). По тѣмъ же причинамъ томился много лѣтъ въ темницѣ и первый исправитель нашихъ книгъ, преп. Максимъ Грекъ (2). Такимъ образомъ всѣ разсужденія нѣкоторыхъ писателей о глубокомъ невѣжествѣ нашихъ предковъ, объ испорченности нравовъ ихъ, о мертво-обрядовомъ направленіи религіозной жизни въ вѣкахъ, предшествовавшихъ появленію раскола, по нашему мнѣнію, суть не болѣе, какъ ученыя изслѣдованія о нашей старинѣ, не имѣющія *прямаго* отношенія къ вопросу о *происхожденіи* раскола. Правда, сближенія при этомъ бываютъ иногда очень удачны, но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла въ нихъ оказывается болѣе остроумія, чѣмъ правды (3).

(1) См. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. (1848 г. № 8) статью: «исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ»; а также въ Русскомъ Вѣстникѣ (1857 г. № 17) стат.: «русскіе исповѣдники просвѣщенія, въ XVII вѣкѣ».

(2) Истор. Слов. М. Евгенія т. II, стр. 29 — 31.

(3) Отъ этого нерѣдко происходятъ самыя курьезныя вещи—въ родѣ наприм. соприсутствія въ одной и той же книгѣ, и даже почти на одной страницѣ, слѣдующихъ мѣстъ: «расколъ произошелъ самъ собою въ слѣдствіе предварительнаго *вѣковаго развитія* въ нѣкоторой части русскаго народа особаго *мнимо-старообрядческаго направленія*»,—однакоже «въ слѣдствіе энергическихъ, умныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, совершенно былъ бы остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта *религіозно-обрядовая*, если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло», потому что «народъ, (который болѣе всего и былъ привязанъ къ обрядности), горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностію принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмутили расколоучители, бывшіе *личными* врагами, а также орудіями личныхъ и сильныхъ враговъ п. Никона» (Русск. Раск. Старообр. Щапо-

Состояніе умственное и нравственное нашихъ предковъ представляло почву, дѣйствительно, дурную, способную раждать плевелы, если бы врагъ вздумалъ сѣять ихъ, но не до того заглохшую, чтобы на ней искусная рука не могла возрастить добрыхъ плодовъ. Вообще мы не принадлежимъ къ категоріи тѣхъ, кои въ историческихъ событіяхъ видятъ какую-то логическую необходимость, и исторію считаютъ «потокомъ, ровно текущимъ по извѣстному направленію, и достигающимъ своей цѣли, которая хотя не предуставлена заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣлъ.» Не отвергая основныхъ *законовъ историческаго движенія*, которыми управляется каждое общество, мы въ тоже время даемъ полное значеніе въ общемъ ходѣ событій *личности*, а въ слѣдствіе этого думаемъ, что ходъ историческихъ событій «вовсе не прямолинейный, напротивъ, онъ идетъ прихотливыми извивами, то стремясь впередъ, то уклоняясь въ сторону, то возвращаясь назадъ, то отклоняясь вовсе отъ цѣли, или останавливаясь на извѣстной ступени», и все это—въ слѣдствіе сталкивающихся и переплетающихся *случайностей*. Понимая дѣло такъ, какъ мы сказали, мы не согласны допустить мысли, будто расколъ «произошелъ самъ собою, въ слѣдствіе предварительнаго вѣковаго развитія въ нѣкоторой части русскаго народа особаго мнимо-старообрядческаго направленія», напротивъ думаемъ, что онъ — произведеніе XVII вѣка и именно тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыми полно было время Никонова патріаршества, хотя на проявленіе раскола въ той, а не иной формѣ, и по нашему мнѣнію, не могли не имѣть и дѣйствительно имѣла неоспоримое вліяніе религіозная жизнь нашихъ предковъ въ вѣкахъ преднп-

---

ва, стр. 49—51). Кто не захочетъ видѣть въ этихъ мысляхъ противорѣчія, тотъ все-таки найдетъ въ нихъ путаницу.

ствовавшихъ XVII столѣтію. Высказывая эту мысль, мы считаемъ долгомъ сдѣлать одну оговорку: подъ расколомъ мы понимаемъ въ настоящемъ случаѣ не вообще обрядовое направленіе религіозной жизни нашихъ старообрядцевъ,— это направленіе началось въ нашей церкви еще въ XI вѣкѣ, продолжаетъ существовать и доселѣ въ большинствѣ простаго народа, но—возстаніе противъ церкви изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей извѣстнаго числа вѣрующихъ и наконецъ рѣшительное отдѣленіе отъ ней.

Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ повелѣніемъ Никона отбирать изъ церквей прежнія книги, не остановилось на одномъ волненіи; скоро оно перешло въ ропотъ и негодованіе на Патріарха и даже въ открытое возстаніе противъ него. Причиной этого были уже другія обстоятельства, почти нисколько не зависѣвшія отъ самого Никона. Тутъ являются главными дѣятелями враги Патріарха, прежде всего бояре, а за ними Іосифовскіе справщики книгъ. Лишь только Никонъ удалился въ Воскресенскій монастырь, бояре рѣшили воспользоваться удобной минутой для погубленія Патріарха. Разсыпая предъ Царемъ клеветы на Никона, съ цѣлію произвесть окончательный разрывъ между ними, оскорбляя на каждомъ шагу самого Патріарха поступками самыми беззаконными, но во имя Царя, — съ цѣлію раздражить Никона и вооружить его противъ Царя,—бояре въ тоже время начали распускать въ народѣ молву, будто Никонъ, врагъ православія и церкви, сдѣлался врагомъ самому Царю—и именно за свое еретичество. Это—съ цѣлію лишить Никона популярности въ народѣ. Но, вѣрно, не надѣясь собственными силами доказать еретичество Никоново, потому что сами не знали «ни православія ни

кривославія», бояре вспомнили, что есть еще недовольные Патріархомъ люди, если не съ большимъ авторитетомъ, за то съ большимъ знаніемъ вѣры,—это Іосифовскіе справщики, лишенные Никономъ своихъ мѣстъ и сосланные имъ въ заточеніе по разнымъ городамъ. Поэтому они рѣшились во что бы ни стало возвратить въ столицу «нужныхъ» людей, — съ цѣлію «образовать для себя партію церковную, которая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучрежденнаго имъ церковнаго порядка.» Милостивое вниманіе бояръ прежде всего обратилось на самаго заклятаго и самаго упорнаго врага Никонова — протопопа Аввакума. Въ скоромъ времени этотъ жаркій проповѣдникъ древняго благочестія и безпощадный обличитель мнимыхъ новинъ Никоновыхъ является изъ Сибири въ Москву «милосердіемъ скиптродержца» (1). Здѣсь «князи и бояре, по выраженію Денисова, тако любезно его пріяша, яко ангела Божія, и самому царю о немъ возвѣстиша, иже съ любовію того призвалъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивно подавъ, словеса мирная и жалостная съ воздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти.» По проискамъ бояръ, Аввакуму дано было право «о себѣ, яко хощетъ, да содѣваетъ,» т. е. предоставлена была полная свобода дѣлать, что ему угодно. И Аввакумъ не упустилъ случая воспользоваться для своихъ цѣлей даннымъ ему правомъ. Онъ началъ распространять свои мысли о погубленіи Патріархомъ старой вѣры съ такимъ успѣхомъ, что православные пастыри нашлись вынужденными жаловаться Царю на растригу въ томъ, что онъ «церкви запустошилъ,» т. е. увлекъ на свою сторону такое множе-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 443.

ство людей, что православные храмы сдѣлались пустыми,—и съ такою дерзостію, что осмѣлился подать самому Царю жалобное прошеніе, «чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона злодѣя» ([1]). По примѣру Аввакума и вмѣстѣ съ нимъ, въ надеждѣ на покровительство бояръ, а можетъ быть и по прямому внушенію ихъ, началъ въ это время распространять между жителями столицы подобное же лжеученіе другой Іосифовскій справщикъ—діаконъ Ѳеодоръ. Порицая мнимыя нововведенія Никоновы, онъ въ то же время дерзко клеветалъ не только на всѣхъ русскихъ архіереевъ, но и на восточныхъ патріарховъ, будто бы уклонившихся отъ православія, а наконецъ написалъ, подобно Аввакуму, прошеніе Государю, «дабы повелѣлъ Никонова отложити преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати благочестіе» ([2]). Сотрудниками Аввакуму и Ѳеодору являются и другіе распространители суевѣрія, любимцы бояръ: дворецкій и любимецъ стольника Салтыкова—Исаія, Авраамій ученикъ Аввакума, архимандритъ Покровскаго монастыря Спиридонъ Потемкинъ — изъ боярскаго рода Потемкиныхъ, Ѳеоктистъ — Златоустовскаго монастыря, ученикъ Іоанна Неронова и множество другихъ лицъ, или недовольныхъ Патріархомъ, или вооруженныхъ противъ него боярами, которые вели себя въ настоящемъ случаѣ такъ, что заслужили со стороны расколоучителей названіе «вѣрныхъ Никодимовъ, добрыхъ и преполезныхъ севретовъ.» Свобода, съ какою дѣйствовали, подъ крѣпкою защитою бояръ, расколоучители въ Москвѣ, развя-

([1]) Жит. Аввак.

([2]) Вин. Росс.; Доп. къ Акт. Ист. V, 451.

зала руки и другимъ лицамъ, недовольнымъ Патріархомъ, и находившимся вдали отъ столицы. Никита и Лазарь, ограничивавшіеся прежде одною проповѣдію въ пользу древняго благочестія, теперь написали каждый по челобитной и подали ихъ царю Алексѣю Михаиловичу, жалуясь въ нихъ на повреждение Никономъ старыхъ книгъ. Тоже дѣлали и другіе расколоучители, каждый по своимъ побужденіямъ, но всѣ въ надеждѣ на содѣйствіе бояръ ([1]). Даже тѣ лица, кои прежде покорялись волѣ Патріарха и соглашались на предпринятое имъ исправленіе книгъ, теперь объявили себя на сторонѣ раскола, сильнаго покровительствомъ князей и бояръ. Таковъ былъ Александръ, епископъ вятскій, подписавшійся подъ опредѣленіями московскаго собора 1656 года, одобрившаго между прочимъ книгу Скрижаль—съ ученіемъ о троеперстіи, и не смотря на это приславшій въ 1663 году къ Царю жалобную грамату на Никона, осуждая въ ней исправленіе символа и вообще богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ бояре, по своей личной неприязни къ Никону, покровительствовали расколоучителямъ, которые въ свою очередь своими клеветами на мнимое еретичество Патріарха, лишавшими его довѣрія народа, помогали боярамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, расколу не трудно было усилиться и распространиться, и онъ дѣйствительно усилился въ это именно время, по сознанію самихъ бояръ, писавшихъ народу по низложеніи Никона: «и яко оставленіемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовати осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ: въ неже между-патріаршества время блазнишася его ради мнози и явишася раскольницы и мятежницы православныя россійскія церкви, лестными ученми своими погу-

([1]) См. Ист. Р. р. изд. 2, стр. 186—7.

бившіи многія души» (1). Съ другой стороны, при такомъ положеніи дѣлъ, гибель Никона была неизбѣжна. Всѣ были противъ него и никто за него. Сами духовныя власти, не отрицая необходимости начатыхъ Никономъ исправленій, не считали нужнымъ признавать болѣе достоинства его, какъ патріарха. И вотъ когда, въ слѣдствіе челобитныхъ раскольническихъ о низложеніи Никона, составился соборъ въ 1660 году для разсужденія объ этомъ предметѣ, только голосъ одного человѣка (архимандрита полоцкаго Игнатія) былъ въ пользу Никона; остальные всѣ признали его достойнымъ лишенія не только престола, но и сана, хотя не имѣли даже права судить своего архипастыря (2). Самъ царь, опутанный интригами бояръ, велъ себя въ настоящемъ случаѣ ниже своего величія. Не отвергаемъ того, что доброму и мягкосердечному Алексѣю Михайловичу трудно было бороться съ козними бояръ и придворныхъ, осаждавшихъ его, по выраженію Майерберга, до того, что никому другому не было до него доступа. Тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать своего сожалѣнія о томъ, что Царь оставилъ Патріарха—любимца и друга въ жертву врагамъ его. Мы не знаемъ истинныхъ причинъ неудовольствія между Царемъ и Никономъ, но тѣ, которыя знаемъ, по нашему мнѣнію, далеко недостаточны были для того, чтобы забыть всѣ заслуги Никона предъ отечествомъ и самимъ Царемъ. А кажется, не слѣдовало бы забывать этихъ услугъ,—такъ онѣ были велики. Еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ съ опасностію жизни усмирилъ мятежъ, спасъ отъ смерти воеводу царева князя Хилкова и привелъ непокорныхъ въ

(1) Древн. Росс. Вивліоө. ч. III, стр. 404, собр. грам. IV, № 63, 182—185.

(2) Игнат. Истор. о расколахъ стр. 192—194.

послушаніе Царю. На престолѣ патріаршемъ Никонъ былъ первымъ и самымъ умнымъ совѣтникомъ Царя; ни одно государственное дѣло не рѣшалось, въ которомъ бы не участвовала мысль Никона; при участіи Никона, къ которому и обратился Хмѣльницкій съ просьбою о помощи, присоединена была къ Россіи Малороссія; по его совѣту начата война съ Польшею, кончившаяся такъ удачно, что Алексѣй Михайловичъ признанъ былъ преемникомъ Яну Казимиру. Когда Царь находился въ походѣ, семейство царское поручено было Алексѣемъ Михайловичемъ попеченію Патріарха. И Никонъ, не смотря на свирѣпствовавшую въ то время моровую язву, спасъ дорогихъ Царю лицъ, хотя для этого нужно было ему странствовать изъ одного мѣста въ другое, съ опасностію сдѣлаться жертвою язвы. Услуга эта, по признанію самого Царя, была такъ велика, что онъ «въ восторгѣ радости» тогда же называлъ Никона великимъ государемъ, приказавъ, не смотря на нежеланіе Никона, писать этотъ титулъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Плодомъ трудовъ Патріарха было и то, что въ началѣ 1656 г. молдавскій воевода Стефанъ просилъ Царя принять его подъ покровительство, что̀ и было сдѣлано, хотя и не надолго ([1]). Не говоримъ о другихъ заслугахъ Никона, какъ общественнаго дѣятеля, напр. о его благотворительныхъ учрежденіяхъ (богадѣльняхъ), которыя онъ заводилъ и въ Новгородѣ и въ Москвѣ, питая въ нихъ тысячи голоднаго народа; и указанныхъ достаточно, чтобы видѣть, что Никонъ по праву пользовался любовію Царя и высокимъ значеніемъ въ цѣломъ государствѣ. И однакожъ все это скоро было забыто Царемъ,—забыта была даже клятва, данная Никону, отрекавшемуся отъ престола, Царемъ и

([1]) Истор. Русс. Церкв. пр. Филар. IV, стр. 32—38.

народомъ — слушать его, какъ патріарха, во всемъ безпрекословно. Вотъ почему, не смотря на всѣ ошибки, допущенныя Никономъ, какъ человѣкомъ, наше сочувствіе невольно обращается къ нему и готово извинить ему многое за его страданія. И на оборотъ, чувствуется непреодолимая антипатія къ другимъ дѣятелямъ этой эпохи, виновникамъ гибели Патріарха. Всего менѣе, разумѣется, должно считать нравственно-виновнымъ въ этомъ дѣлѣ Алексѣя Михайловича. Но и онъ не безъ упрека, особенно за то двуличіе и нерѣшительность, съ какими дѣйствовалъ Царь въ отношеніи къ Никону, послѣ того, какъ бояре успѣли поселить между ними раздоръ, и которыя были причиной страданій Патріарха медленныхъ, но тѣмъ болѣе убійственныхъ. Пусть бы при первыхъ возникшихъ неудовольствіяхъ, если были на это серьезныя причины, Алексѣй Михайловичъ прямо объявилъ себя противъ Никона; тогда развязка послѣдовала бы скоро. Не такъ поступилъ Царь. Давъ замѣтить Никону свой гнѣвъ, побудившій Патріарха оставить Москву (1) онъ въ тоже время пишетъ ему самыя дружескія письма, въ которыхъ величаетъ Никона «великимъ государемъ, отцемъ,» а себя «сыномъ возлюбленнымъ» (2). Повѣривъ наглой клеветѣ бояръ, будто Никонъ проклиналъ Царя въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ, Алексѣй Михайловичъ въ гнѣвѣ приказываетъ произвести строгое

(1) «Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды,» писалъ Никонъ Царю, оставляя Москву и удаляясь въ Воскресенскій монастырь, «и того ради и соборовъ во святыхъ церквахъ лишаемы. Азъ же пришлецъ есмь на землѣ. И се нынѣ, поминая заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву, отхожду отъ мѣста и града сего. И ты имаши предъ Господомъ и Богомъ отвѣтъ дати» (Истор. Русской Церк. преосвящ. Филарета IV, стр. 44).

(2) Какихъ мученій стоило Никону это письмо Алексѣя Михайловича, см. объ этомъ Чтен. Моск. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. № 5, ч. IV, стр. 41—2.

изслѣдованіе; когда же доносъ оказывается несправедливымъ, посылаетъ Никону подарокъ, а бояръ-клеветниковъ оставляетъ безъ суда и наказанія. Созывается соборъ (въ 1660 г.) для разсужденія о дѣлахъ Никона, и когда недовольныя Патріархомъ духовныя власти опредѣляютъ лишить своего архипастыря — одни патріаршаго престола, другіе — самаго сана, повергая впрочемъ со смиреніемъ свое рѣшеніе на благоусмотрѣніе Царя (¹), Алексѣй Михайловичъ не дѣлаетъ ни того ни другаго, но и не оправдываетъ Никона, не смотря на то, что іерусалимскій патріархъ Нектарій, въ отвѣтъ на вопросы о царской и патріаршей власти, отправленные Алексѣемъ Михайловичемъ къ восточнымъ патріархамъ, ясно писалъ, что онъ ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ посла не нашелъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію Никона, и умолялъ Царя вспомнить заслуги Никона и возвратить его на патріаршій престолъ. Когда, по настоянію газскаго митрополита Паисія Лигарида, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ бояръ, Царь рѣшилъ созвать соборъ *для окончательнаго суда* надъ Никономъ и для этого послалъ пригласительныя грамоты къ восточнымъ патріархамъ,—и на этомъ соборѣ (1667 г.) Алексѣй Михайловичъ ведетъ себя самымъ двусмысленнымъ образомъ: то подходитъ къ Никону и со слезами на глазахъ говоритъ ему: «о святѣйшій! за чѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовясь къ собору, какъ бы на смерть? Или думаешь, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя во время язвы, и прежнюю нашу любовь» (²), изъявляя при этомъ желаніе мира; то, еще прежде прибытія Никонова на соборъ, убѣждаетъ Лазаря Барановы-

(¹) Ист. о раск. преосв. Игнат. стр. 192—193.
(²) Чтен. Моск. Общ. 1848 г. № 5. IV, стр. 46.

ча, епископа черниговскаго, не соглашавшагося на осужденіе Патріарха, помогать врагамъ Никона, говоря: «о епископе, еще ты патріарха Никона и не знаеши и не видалъ: но яко слышалъ еси, яко человѣкъ онъ ярь есть и нестерпимъ, молю же тя о семъ, егда будетъ привезенъ онъ на соборъ сей, потщися во всемъ помоществовати намъ» ([1]); и за тѣмъ, не смотря на то, что никто ничего не могъ сказать въ осужденіе Никона «кромѣ оныхъ трехъ мужей» — епископовъ: Павла Крутицкаго, Иларіона Рязанскаго и Меѳодія Мстиславскаго, которые, по неучтивому выраженію Шушерина, «яко звѣріе дивіи обскачюще блаженнаго Никона, рыкающе и вопіюще нелѣпыми гласы, и безчинно всячески кричаху, лающе» ([2]), да изъ бояръ—князя Долгорукова, — Царь все-таки согласился на опредѣленіе собора—лишить Никона сана и заточить на вѣчное покаяніе въ пустынную обитель, какъ простаго монаха. Наконецъ, послѣднее дѣйствіе царя Алексѣя Михайловича въ судѣ надъ Никономъ еще болѣе поражаетъ насъ своею несправедливостію. Не удовольствовавшись тѣми винами, которыя возвелъ на Никона соборъ, онъ позволилъ боярамъ издать еще гражданскій манифестъ, съ объявленіемъ причинъ осужденія Патріарха, и въ числѣ этихъ причинъ—помѣстить многія такія, въ которыхъ Никонъ совершенно не былъ виновенъ, или даже въ которыхъ виновенъ былъ самъ Царь ([3]). Конечно, народъ, ради котораго изданъ былъ этотъ манифестъ, можно было обмануть; но нельзя было надѣяться на тотъ же исходъ дѣла въ отношеніи къ потомству. А между тѣмъ этотъ же самый царь предъ смертію ни-

(1) Житіе Никона-Шушерина — рукоп. Новгор. Соф. Библ. № 1371 л. 28 об.

(2) Тамъ же л. 28.

(3) Ист. Р. Церк. пр. Филар. IV, стр. 52—54.

салъ въ завѣщаніи: «отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, *Богу тако изволшему*, прощенія прошу и разрѣшенія» (¹), хотя заточенному, по волѣ царя, Никону, не было *разрѣшено* пользоваться даже свѣтомъ дновнымъ, потому что окна его Бѣлозерской келліи заколочены были наглухо (²). Зная простой и мягкій характеръ Алексѣя Михайловича, мы далеки отъ того, чтобы во всѣхъ указанныхъ двуличныхъ поступкахъ его видѣть какой либо маккіавелизмъ,—для этого нужно слишкомъ много ума и не мало хитрости,—и думаемъ, что все это зависѣло единственно отъ слабодушія Царя, который, будучи поставленъ обстоятельствами, что́ называется, между двумя огнями—любовію къ Никону, которая хранилась въ сердцѣ Алексѣя Михайловича до послѣднихъ дней жизни, и ненавистію къ Патріарху бояръ, отъ вліянія которыхъ не было силъ освободиться, просто, какъ говорится, растерялся и не зналъ, что дѣлать, или лучше, поступалъ по требованію минуты, то подчиняясь интригамъ бояръ противъ Никона, то слѣдуя иногда влеченію сердца, еще не успѣвшаго разлюбить Патріарха—друга. Поэтому образъ дѣйствій Алексѣя Михайловича въ отношеніи къ Никону, со времени удаленія послѣдняго изъ Москвы и до самой смерти Царя, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе сожалѣніе, чѣмъ упрекъ.

Въ кого же, спросятъ насъ послѣ этого, бросить камень осужденія за появленіе раскола, причинившаго такъ много зла церкви православной? Бросать камней мы не намѣрены ни въ кого, а выскажемъ sine ira et studio

(¹) М. Плат. Церк. Ист. II, 364.
(²) Чт. Моск. Ист. Общ. 1848 г. № 5, ч. IV, стр. 48.

наше мнѣніе объ этомъ предметѣ, которое будетъ естественнымъ заключеніемъ изъ всего сказаннаго доселѣ. Почва для раскола, какъ ревнителя буквы и обряда, существовала въ нашей Церкви гораздо прежде XVII вѣка. Но это не значитъ, будто на этой почвѣ необходимо долженъ былъ рано или поздно произрасти «куколь душевредный» въ образѣ раскола, какъ возстанія извѣстнаго числа вѣрующихъ противъ церкви и наконецъ рѣшительнаго отдѣленія отъ нея, хотя бы изъ-за обрядовыхъ же разностей. Расколъ въ этомъ смыслѣ произошелъ вслѣдствіе условныхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка, по милости главныхъ дѣятелей этой эпохи на поприщѣ церковномъ и гражданскомъ, и есть въ этомъ отношеніи явленіе чисто *случайное*. Исправленія п. Никономъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ чиновъ нельзя считать причиною появленія раскола; оно могло совершиться безъ подобной катастрофы, если бы Никонъ велъ это дѣло не только согласно съ требованіями православія, но и сообразно съ практическою мудростію. Неосторожный поступокъ его съ Іосифовскими справщиками былъ первымъ поводомъ къ раздѣленію церковному, явившемуся впрочемъ сначала въ видѣ личной непріязни къ Патріарху только *нѣкоторыхъ*, недовольныхъ имъ, и сосредоточившемуся по преимуществу въ Москвѣ. Строгія мѣры Никона противъ этихъ нѣкоторыхъ усилили ихъ личное неудовольствіе къ нему и дали ему форму возстанія не только противъ Патріарха, но и противъ его святаго дѣла, — исправленія книжнаго, которое даже само по себѣ могло не нравиться многимъ. Заточеніе Никономъ непокорныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи дало случай разлиться злу широко и далеко, особенно при посредствѣ общаго нерасположе-

нія къ Никону за его взыскательность. Неблагоразумная мѣра, употребленная Никономъ, при введеніи въ церковное употребленіе новоисправленныхъ книгъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ, возбуждала до ропота даже и тѣхъ, кто не видѣлъ отъ него ни добра, ни худа, но слышалъ какимъ либо образомъ проповѣдь Аввакума, или кого либо изъ подобныхъ ему. Бояре, личные враги Никона за то, что онъ, справедливо пользуясь близостію къ Царю, не всегда осторожно прилагалъ къ нимъ эту близость, довершили остальное. По ихъ проискамъ и интригамъ, Никонъ лишается любви Царя, оставляетъ столицу, которая немедленно наводняется врагами его — расколоучителями, начавшими свободно переводить свою личную неприязнь къ Патріарху въ чужія души, заподозрѣвается даже народомъ въ своемъ православіи, — является расколъ, какъ средство въ рукахъ враговъ Патріарха погубить его, какъ необходимый продуктъ той закулисной механики, которую вели бояре для этой цѣли. Алексѣй Михайловичъ, растерявшійся до неспособности владѣть собою и своими рѣшеніями въ этомъ водоворотѣ страстей, противъ воли, нанесъ послѣдній ударъ Никону, рѣшившись на осужденіе его, — и расколъ, не сдерживаемый болѣе мощною рукою Никона, пошелъ открытою дорогою повсюду, и даже достигъ XIX столѣтія. Вотъ краткій очеркъ того пути, которымъ воспользовался «завистливый врагъ,» чтобы «всѣять на плодовитой нивѣ нашей православной державы куколь душевредный — душепагубные расколы (1)», — и тѣхъ причинъ, по которымъ расколъ, если можно выразиться такъ, шелъ съ минуты рожденія своего до возмужалости. А теперь не трудно уже видѣть, какая доля вины въ появленіи раскола при-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 445.

надлежитъ каждому изъ тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ возникъ. П. Никонъ стоитъ въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ. Но онъ виновенъ на столько, на сколько можетъ быть виновенъ человѣкъ съ самыми прекрасными стремленіями, только не всегда благоразумный въ выборѣ средствъ для своихъ цѣлей, не умѣющій приспособляться ни ко времени, въ которое живетъ, ни къ лицамъ, которыми окруженъ, ни къ обстоятельствамъ, въ которыя поставленъ, и отъ того часто вынужденный видѣть самыя дурныя слѣдствія отъ выполненія своихъ самыхъ добрыхъ намѣреній. Если мы при этомъ припомнимъ то обстоятельство, что Никонъ, какъ бы чувствуя свою неспособность быть общественнымъ дѣятелемъ, особенно въ ту эпоху, которая выпала на его долю, до упорства отказывался отъ патріаршаго престола и, только въ слѣдствіе клятвы Царя и народа — быть послушными ему во всемъ, принялъ въ свои руки жезлъ святителя Петра,— съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на тѣ невыразимо-тяжелыя страданія, какія весь этотъ вѣрный своимъ обязанностямъ мужъ, сперва при видѣ безпорядковъ, какіе существовали тогда и въ духовенствѣ и во всемъ обществѣ, потомъ—при неудачѣ въ своихъ предпріятіяхъ, когда благія намѣренія его не только не вели ни къ чему доброму, напротивъ дѣлались источникомъ новыхъ золъ, затѣмъ—по проискамъ враговъ, которые, какъ мы видѣли, въ своихъ козняхъ противъ Никона были находчивы до изобрѣтательности, разнообразны до неистощимости и коварны до злости, далѣе—отъ немилости и гнѣва Царя-друга, лишившаго любимца своего престола и заточившаго его, какъ бы перваго врага, до тѣсноты и скорби по самую смерть,—наконецъ, если обратимъ вниманіе на страданія Никона даже по смерти, потому что, скажемъ

словами преосв. Игнатія (¹), мнимое старообрядство искаженіемъ лица Никонова сдѣлало страшилище, которое кошмаромъ давитъ цѣлые милліоны людей, и притомъ не во снѣ, а на яву, не годъ и не десять лѣтъ, а вотъ уже скоро два столѣтія: то думаемъ, что не погрѣшимъ противъ справедливости, если, не смотря на всѣ ошибки Никона, отнесемся съ полнымъ сочувствіемъ къ этому замѣчательнѣйшему человѣку и отъ души пожалѣемъ о его злополучной судьбѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ ошибки Никона были *только грѣхами невѣдѣнія*. Да, пусть въ чемъ другомъ осуждаютъ Никона,—пусть указываютъ на его строгость, вспыльчивость, раздражительность и другіе недостатки, пусть глумятся надъ его плохимъ знаніемъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ и даже будто бы — богословскихъ наукъ (²),—вольному—воля; но было бы въ высшей степени не справедливо заподозрѣвать Никона въ *неблагонамѣренности*. Нѣтъ—это былъ «пастырь добрыя и вѣрныя души» (³), — невинный голубь, хотя и безъ мудрости зміи.

Не тѣми чувствами наполняется душа при мысли о другихъ лицахъ, прямо или косвенно содѣйствовавшихъ появленію и усиленію раскола, каковы были Іосифовскіе справщики книгъ и бояре. Аввакумъ и его сотоварищи первые положили начало раздѣленію церковному, когда возстали сами противъ начатаго п. Никономъ книжнаго исправленія и огласили предъ другими его мнимыя заблужденія и ереси. Они же всего болѣе помогали и распространенію раскола своею устною и письменною проповѣдію сперва въ Москвѣ, а за тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. На нихъ поэтому, какъ на «начальниковъ

(¹) Истор. о ересяхъ и расколахъ стр. 160

(²) Ист. Царств. Алексѣя Михаиловича—Берха, ч. 1, стр. 220.

(³) Церк. Ист. м. Плат. II, стр. 241.

воинства» раскольническаго, по сознанію самихъ *старообрядцевъ*, по преимуществу и должно бы пасть осужденіе за то зло, какое принесло святой церкви отдѣленіе отъ ней извѣстнаго числа вѣрующихъ, и за гибель душъ отдѣлившихся, — *если бы мы были несомнѣнно увѣрены*, что эти люди дѣйствовали только подъ вліяніемъ своихъ страстей и личной непріязни къ Патріарху. Но *кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11)? Правда, какъ мы выше показали, есть причины и основанія для подобной увѣренности; но, какъ тоже замѣчали мы, нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Іосифовскихъ справщиковъ и другаго начала, скрывавшагося въ ихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, хотя и ошибочныхъ. Трудно опредѣлить степень участія того и другаго начала, а этимъ самымъ затрудняется и рѣшительный приговоръ надъ указанными лицами, хотя не можемъ не замѣтить, что зло, совершенное ими, очень велико. Участіе бояръ въ дѣлѣ раскола было не прямое, а косвенное. Они только раздруживши Царя съ Патріархомъ, лишили послѣдняго возможности вести дѣло книжнаго исправленія свободно и, можетъ быть, съ меньшими ошибками, унизили Никона въ глазахъ народа клеветою на мнимое его еретичество и, заключивъ союзъ съ расколоучителями, дали имъ средства дѣйствовать съ большею свободою. Не смотря однакож на все это, бояре предъ судомъ правды безотвѣтно виновны. Это потому, что всѣ дѣйствія ихъ имѣли источникомъ своимъ единственно самое мелкое самолюбіе и самый низкій эгоизмъ, а между тѣмъ бояре знали, или по крайней мѣрѣ дожны были знать, что, возставая противъ Никона, они вредили самой святой церкви, — спасая свои вельможныя права, губили невинныя души другихъ.

Предполагать въ извиненіе боярамъ, что и сами они могли сочувствовать мыслямъ раскола, мы не *смѣемъ* (1), зная, что лишь только Никонъ былъ осужденъ, союзъ бояръ съ расколомъ прекратился, и они стали величать раскольниковъ не иначе, какъ «мятежниками православныя россійскія церкви, лестными ученіи своими погубившими многія души (2)». При чтеніи этихъ словъ невольно вѣришь Богдану Хмѣльницкому, который говорилъ, что отъ бояръ-современниковъ Никона нельзя было и ожидать «ничего путнаго» (3). Что касается Алексѣя Михайловича, то объ немъ уже была рѣчь прежде.

Такимъ образомъ никто изъ главныхъ и болѣе видныхъ дѣятелей церковныхъ и гражданскихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка не свободенъ отъ упрека въ дѣлѣ раскола, хотя каждому принадлежитъ *своя доля вины*. Невиновенъ былъ въ этомъ дѣлѣ, по нашему мнѣнію, одинъ только народъ. Онъ былъ обманутъ и введенъ въ заблужденіе лицами вліятельными, а между тѣмъ на его-то долю и выпали тѣ многочисленныя страданія, съ которыми соединено въ каждомъ государствѣ отдѣленіе отъ господствующей церкви людей заблуждающихся.

И. Нильскій.

---

(1) Хотя не отвергаемъ, что и нѣкоторые изъ бояръ были заражены расколомъ, только не Милославскіе, не Одоевскіе, не Трубецкіе и под. главные враги Никона (Ист. Р. Церк. преосв. Филар. IV, стр. 36).

(2) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. III, 404; сл. Русс. Раск. Старооб.— Щапова, стр. 339.

(3) Ист. Р. Церкв. преосв. Филар. IV, стр. 41.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОЛОГІИ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ МІРА И БУДУЩЕЙ ЕГО СУДЬБѢ,
ПРИ СВѢТѢ БОЖЕСТВЕННАГО ОТКРОВЕНІЯ.

Мнѣнія, не согластыя съ нашимъ взглядомъ на первые два стиха Моисеева бытописанія, какъ мы сказали, касаются главнымъ образомъ двухъ предметовъ: понятія о небѣ и понятія о землѣ. Мы разсмотримъ по порядку то и другое.

а) Что разумѣется и должно разумѣть подъ именемъ неба?

Подъ именемъ неба, которое въ соединеніи съ землею, по обыкновенному употребленію этихъ словъ въ свящ. Писаніи, означаетъ весь міръ [1], нѣкоторые не хотятъ разумѣть обыкновеннаго, вещественнаго неба, и разумѣютъ міръ духовный, ангельскій [2]. Такимъ образомъ слову: *небо* они приписываютъ здѣсь не простое, обыкновенное его значеніе, которое всего естественнѣе въ сказаніи свящ. Бытописателя, назначавшагося прежде

---

[1] Прав. Догм. Бог. преосв. Макарія, Т. 2, § 73. 2.

[2] Это мнѣніе принадлежитъ Оригену и блаж. Августину (Прав. Догм Бог. преосв. Макарія, Том. 2, § 64. Примѣч. 122). Но они же разумѣли ангеловъ и подъ первозданнымъ свѣтомъ (§ 62. Прим. 105. Зап. на кн. Бытія стр. 12).

всего для людей съ простыми взглядами того времени, а понимаютъ его въ смыслѣ несобственномъ, духовномъ. Что небо употребляется иногда метонимически, въ значеніи разумныхъ обитателей, населяющихъ небо, противъ этого, конечно, никто спорить не будетъ; можно только спорить касательно того, употребляется ли въ этомъ смыслѣ *небо въ ветхозавѣтномъ* свящ. Писаніи (1). Впрочемъ, если даже и принять за несомнѣнное, что *гдѣ нибудь* и употребляется слово *небо* въ смыслѣ міра духовнаго, ангельскаго,—слѣдуетъ ли отсюда, что и *въ настоящемъ мѣстѣ* оно употреблено не въ другомъ какомъ либо, а именно въ этомъ значеніи?... И что за необходимость была Моисею употреблять въ такомъ важномъ мѣстѣ переносное выраженіе? Если ему непремѣнно нужно было сказать о сотвореніи ангеловъ, почему бы ему не сказать прямо: Богъ сотворилъ ангеловъ? Скажутъ, что не легко и не безопасно было Моисею говорить объ ангелахъ прямо и ясно, по неспособности современниковъ его возвыситься къ предметамъ сверхчувственнымъ и по особенной ихъ склонности къ многобожію и идолопоклонству? Но развѣ свящ. Бытописатель не говоритъ прямо объ ангелахъ въ другихъ мѣстахъ богооткровенныхъ своихъ писаній? Говоритъ весьма ясно и открыто

(1) Христ. Штоккій въ еврейскомъ словѣ подъ словомъ שׁמים указываетъ два мѣста, гдѣ подъ небомъ будто бы разумѣется небо благодатное, духовное царство Божіе, небесная церковь, именно Исаіи 51, 16 и 65, 17; но эти мѣста нерѣшительны. Могутъ указать намъ на другія многочисленныя мѣста св. Писанія, въ которыхъ небу приписываются дѣйствія, возможныя только для тварей, одаренныхъ разумомъ и чувствомъ, напр. на тѣ мѣста, гдѣ небеса призываются къ прославленію Господа, или къ веселію. Но вмѣстѣ съ небомъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко побуждаются къ тѣмъ же самымъ, или подобнымъ дѣйствіямъ и другіе предметы неодушевленные, или твари неразумныя. См. Псал. 148, 3, 7—10. Исаіи 44, 23; 49, 13.

и во многихъ мѣстахъ; такъ нѣсколько ниже, у него является херувимъ стражемъ опустѣвшаго рая, и потомъ постоянно встрѣчаются *ангелы Господни* или *ангелы Божіи* (см. Быт. 16, 7. 19, 1. 24, 7. 28, 12. 32, 1 и друг.).

Говорятъ,—нужно подъ небомъ понимать міръ духовный, потому что а) онъ созданъ прежде видимаго міра, б) и потому что небу не приписывается здѣсь того нестроенія, въ какомъ представляется новосотворенная земля. Но первая причина нисколько не доказываетъ того, будто сотвореніе неба, упоминаемое въ первомъ стихѣ книги Бытія, означаетъ сотвореніе ангеловъ. Ангелы могли быть созданы еще прежде неба,—и бытописатель Моисей могъ опустить твореніе ангеловъ, занимаясь одними видимыми тварями. Вторая причина предполагаетъ, что если земля представляется въ началѣ не устроенною, а о небѣ того же не говорится, то значитъ небо было всегда благоустроено. Но необходимо ли вытекаетъ изъ словъ свящ. Бытописателя такое заключеніе?—Нѣтъ; на основаніи того взгляда на Моисеево сказаніе, который заимствованъ нами изъ Записокъ на книгу Бытія и изложенъ выше въ предварительныхъ замѣчаніяхъ, можно сказать и иначе: Моисей приписываетъ нестроеніе одной землѣ не потому, будто на небѣ такого нестроенія никогда не было, а потому что, какъ житель земли, писавшій для земныхъ обитателей, онъ занимается по преимуществу землею, или какъ сказано тамъ: «сказавъ о сотвореніи неба и земли, онъ оставляетъ первое и занимается послѣднею.» Но положимъ и такъ, что небу здѣсь дѣйствительно не приписывается никакого нестроенія. Что же? Слѣдуетъ ли отсюда, что подъ нимъ надобно разумѣть міръ духовный, ангельскій? Развѣ въ духовномъ небѣ, т. е., въ ангельскомъ мірѣ не было

нѣкогда также своего рода нестроенія, и нестроенія величайшаго—разумѣемъ паденіе денницы?...

Говорятъ,—нельзя разумѣть подъ небомъ неба видимаго; это небо не есть ни небо воздушное, ни небо звѣздное, ибо твердь создана во второй день и *украшена* свѣтилами въ четвертый день міозданія. Но въ самыхъ словахъ возраженія, не смотря на всю ихъ краткость, заключается уже и его рѣшеніе. Если во второй день міозданія создана *твердь*, или небо воздушное, а въ четвертый она *украшена* свѣтилами,—слѣдуетъ ли отсюда, что свѣтила до четвертаго дня міозданія вовсе *не существовали*? Никакъ не слѣдуетъ; только и слѣдуетъ то, что свѣтила *не украшали* тверди небесной, а отнюдь не то, что *ихъ вовсе не было*. При этомъ, конечно, спросятъ насъ: да развѣ могутъ быть свѣтила небесныя безъ тверди небесной, или развѣ могутъ существовать и свѣтила небесныя и твердь небесная, только неукрашенная свѣтилами? Мы отвѣчаемъ: и то и другое не только возможно, но и въ дѣйствительности до сихъ поръ—явленіе самое обыкновенное. Никто, конечно, не станетъ утверждать, вопреки всеобщему убѣжденію, что солнце, луна и прочія свѣтила небесныя когда нибудь исчезаютъ на небѣ, или когда нибудь теряютъ свой свѣтъ ([1]); напротивъ всякій несомнѣнно убѣжденъ въ томъ, что они съ того времени, какъ сотворены, существуютъ и свѣтятъ постоянно и непрерывно. Но развѣ мы каждый день видимъ солнце и каждую ночь видимъ луну и звѣзды? Развѣ небо воздушное или сводъ небесный постоянно бы-

([1]) Мы здѣсь не имѣемъ въ виду частныхъ случаевъ исчезновенія нѣкоторыхъ звѣздъ, замѣчаемаго астрономами; не имѣемъ въ виду ежемѣсячныхъ ущербовъ луны и затмѣній луны и солнца, а говоримъ вообще о всѣхъ свѣтилахъ небесныхъ.

ваетъ видимъ нами? Всякій знаетъ, что въ неясное время мы видимъ сводъ небесный покрытый облаками, но безъ свѣтилъ, а при густомъ туманѣ не видимъ и небеснаго свода. Значитъ, есть возможность существовать и свѣтиламъ небеснымъ безъ тверди небесной, и тверди небесной безъ свѣтилъ небесныхъ, при существованіи этихъ свѣтилъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ есть возможность и думать, что свѣтила небесныя въ четвертый день міроозданія не *сотворены*, какъ вещи до сихъ поръ не существовавшія, а только въ первый разъ *явились* по слову Творца *на тверди небесной; сотворены* же они, т. е. призваны къ бытію изъ небытія, сдѣланы изъ ничего дѣйствительно существующими тѣлами — свѣтилами не въ четвертый день творенія, а *въ* самомъ *началѣ*, вмѣстѣ *съ землею*, и что они-то и разумѣются у свящ. Бытописателя подъ именемъ неба, о сотвореніи котораго онъ говоритъ на первой строкѣ своего богодухновеннаго сказанія.

Мы считаемъ съ перваго же раза для всѣхъ очевиднымъ, что такой взглядъ на твореніе свѣтилъ небесныхъ не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго ни Вѣрѣ, ни нравственности. Основный догматъ, на которомъ зиждется вся наша Вѣра, вся наша духовная жизнь, который научаетъ насъ вѣрить, что все существующее получило бытіе свое отъ Бога и всецѣло зависитъ отъ Его премудрой воли, — останется въ полной своей силѣ, будемъ ли мы думать, что свѣтила небесныя сотворены Богомъ въ четвертый день, или въ первый, или еще раньше перваго дня. Въ послѣднемъ случаѣ измѣнится только взглядъ на событія, совершавшіяся въ первый, второй и четвертый дни творенія; твореніе свѣта, тверди и свѣтилъ надобно будетъ представлять себѣ, не какъ твореніе первоначальное, твореніе вновь предметовъ, доселѣ

не существовавшихъ, а какъ *первое явленіе на землѣ* того, что еще прежде было сотворено Богомъ. И мы увидимъ, что первыя два творенія не могутъ и существовать безъ третьяго; увидимъ, что и твореніе суши есть также не что иное, какъ явленіе прежде сотвореннаго... Вопросъ о томъ, достойно ли было богодухновеннаго Дѣеписателя — на ряду съ *твореніями* поставлять событія, которыя были лишь *явленіемъ* на землѣ прежде сотвореннаго,—конечно не затруднитъ насъ, если мы припомнимъ, что онъ разсматриваетъ твореніе *съ земли*, изъ Эдема, смотритъ на него глазами не ученаго натуралиста, а простаго наблюдателя, изображающаго предметы съ внѣшней, видимой для всѣхъ стороны. И если бы *явленіе* прежде сотвореннаго онъ изображалъ, какъ первоначальное *твореніе*... Но о явленіи онъ и говоритъ, какъ о явленіи, не представляя его въ видѣ творенія первоначальнаго. Мы видѣли, что небо, т. е. совокупность свѣтилъ небесныхъ, по его словамъ, сотворено (изъ ничего —*бара*) *въ началѣ*; затѣмъ онъ описываетъ другія творенія; но между ними нѣтъ *творенія* свѣтилъ небесныхъ—творенія первоначальнаго въ собственномъ смыслѣ. Въ описаніи этихъ твореній нѣтъ ни одной черты, которая бы давала основательный поводъ думать, что небесныя свѣтила сотворены не въ началѣ, а въ одинъ изъ шести дней творенія, напротивъ есть многое такое, что несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что они сотворены раньше.

Если мы обратимся къ сказанію свящ. Дѣеписателя о шестидневномъ твореніи и какъ можно внимательнѣе вникнемъ въ смыслъ его словъ,—въ нихъ мы не только не найдемъ ничего противнаго нашему мнѣнію, но почти на каждой строкѣ найдемъ его подтвержденіе. Начнемъ разбирать относящіяся сюда мѣста по порядку.

Правда, свящ. Дѣеписатель, сказавъ о сотвореніи неба и земли, сейчасъ же упоминаетъ о *тьмѣ* и потомъ говоритъ о *сотвореніи свѣта* въ первый день творенія. Но первое положеніе не опровергаетъ нашего мнѣнія о сотвореніи свѣтилъ *въ началѣ* вмѣстѣ съ землею, а второе не только не опровергаетъ его, но и подтверждаетъ. Они не опровергаютъ нашего мнѣнія, потому что, какъ житель земли, писавшій только для земныхъ жителей, пророкъ Моисей имѣетъ въ виду *землю*; онъ говоритъ и о существованіи тьмы *на землѣ*, и о появленіи свѣта также *на землѣ*.

Земля же бѣ невидима и неустроена, говоритъ онъ, *и тьма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды* — ст. 2. *Тьма верху бездны*. Если слова: земля и бездна считать въ настоящемъ случаѣ за слова однозначащія (Зап. на кн. Быт. стр. 9), а подъ землею разумѣть простую, обыкновенную землю, на которой мы теперь живемъ,—что всего естественнѣе и, какъ увидимъ послѣ, основательнѣе, то слова: *тьма верху бездны* должны значить тоже, что и слова: тьма покрывала землю. Потому-то самому, какъ увидимъ, 70 толковниковъ въ переводѣ этого стиха и называютъ землю *невидимою* (ἀόρατος), что она находилась во мракѣ. Если же тьма была *на землѣ*, то конечно отсюда не слѣдуетъ непремѣнно того, что свѣтилъ и свѣта въ это время не было; это могло происходить и отъ того, что свѣтъ ихъ, по какой бы то ни было причинѣ (объ ней скажемъ послѣ), не достигалъ до земли. Кромѣ того и самое еврейское названіе тьмы (חשך) не означаетъ совершеннаго отсутствія свѣта, какъ это увидимъ послѣ при объясненіи ея причины.

Въ первый день міозданія, по слову Божію, является свѣтъ, — но а) является, а не созидается вновь. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* (ст. 3). Пусть будетъ свѣтло! И стало свѣтло. Приэтомъ никакъ нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что объ этомъ твореніи (и еще о нѣкоторыхъ другихъ) не сказано того, что говорится о прочихъ твореніяхъ: *и сотвори Богъ*. Такъ какъ свѣтила были уже сотворены, то конечно и не за чѣмъ было творить свѣтъ вновь, а только надобно было употребить въ дѣло уже существующій свѣтъ б) Является только на землѣ, гдѣ была тьма, начинаетъ достигать до земли, до которой прежде не доходилъ, потому что мы видимъ, что вмѣстѣ съ появленіемъ свѣта сейчасъ же начинаются суточныя перемѣны дня и ночи, вечера и утра, составляющія *принадлежность земли*. *И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тьму нарече нощь; и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (ст. 4 и 5).

Такимъ образомъ появленіе свѣта *на землѣ* въ первый день творенія, точно такъ же, какъ и существованіе *на ней* до этого дня тьмы *не можетъ опровергать* мнѣнія о существованіи свѣтилъ еще *до перваго дня творенія*. Но мало того, — оно неоспоримо *доказываетъ* существованіе свѣтилъ по крайней мѣрѣ *съ перваго дня творенія*. Свѣтъ безъ свѣтила (¹) это—физическая невозможность! Если мы предположимъ, что свѣтила начали существовать и *свѣтить* только съ четвертаго дня творенія, въ такомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о возможности существованія свѣта

(¹) Также какъ и звукъ безъ звучащаго тѣла, или тяжесть безъ центра тяготѣнія. Подъ именемъ свѣтила мы разумѣемъ всякое свѣтящее тѣло: и солнце, и луну, и звѣзду, и горящую свѣчу.

и суточныхъ перемѣнъ раньше сотворенія свѣтилъ, *съ перваго дня творенія*, будетъ служить для насъ истиннымъ камнемъ претыканія. Единственное убѣжище наше будетъ заключаться въ предположеніи, что всемогущій Богъ производилъ все это *самъ*, *непосредственно*, Своею безпредѣльною силою, — предположеніи, которое равносильно сознанію въ неразрѣшимости этого вопроса. Положимъ, — мы скажемъ, что съ перваго до четвертаго дня творенія свѣтъ былъ не сосредоточенъ, а въ четвертый день творенія онъ сосредоточился въ свѣтилахъ: ясно ли будетъ для насъ, какъ могъ существовать свѣтъ прежде свѣтила, какъ могли быть на землѣ дни и ночи безъ солнца? Свѣтъ не сосредоточенный!.. Можетъ ли существовать свѣтъ безъ средоточія? Что такое свѣтъ? Причина, которая дѣлаетъ для насъ матеріальныя тѣла видимыми. Какимъ образомъ вещи дѣлаются для насъ видимыми при помощи свѣта? Дѣлаются видимыми такимъ образомъ, что свѣтъ, *распространяясь* (какимъ бы то ни было образомъ, — чрезъ движеніе ли частицъ, или чрезъ сотрясеніе эѳира — все равно) отъ свѣтящаго тѣла во всѣ стороны, *встрѣчаетъ* поверхность извѣстнаго тѣла, и, *отразившись* отъ этой поверхности, *входитъ* въ нашъ глазъ и отпечатлѣваетъ въ немъ изображеніе предмета. Ясно, что безъ *распространенія* свѣта не могутъ быть тѣла и *видимыми*, не можетъ быть и свѣта. А распространеніе свѣта уже необходимо предполаетъ мѣсто, *откуда* и *куда* онъ распространяется, необходимо заставляетъ насъ представлять себѣ одинъ, или нѣсколько пунктовъ въ міровомъ пространствѣ *свѣтящими*, а всѣ прочіе — *освѣщаемыми*. Если мы предположимъ, что каждая точка въ пространствѣ вселенной была *свѣтящею*, въ такомъ случаѣ, желая избѣгнуть необходимости допустить существованіе

нѣсколькихъ свѣтилъ, мы поставимъ милліоны ихъ въ каждомъ мѣстѣ, даже меньшемъ по объему, чѣмъ пламя свѣчи... И эти воображаемыя, микроскопическія свѣтила (по закону интерференціи свѣта) необходимо должны будутъ затемнять другъ друга. Что же такое будетъ свѣтъ *безъ средоточія*, свѣтъ *нераспространяющійся*, свѣтъ, разлитый по всему міру и находящійся, такъ сказать, *въ стоячемъ* состояніи, или — выходящій изъ каждой точки необъятнаго міроваго пространства? Это будетъ свѣтъ, при которомъ нельзя ничего видѣть... Положимъ,—мы укажемъ, какъ на примѣръ свѣта безъ средоточія, на свѣтъ, который бываетъ тогда, когда солнце закрыто облаками, на свѣтъ, какъ называютъ его, *разсѣянный*. Но развѣ этотъ свѣтъ безъ средоточія? Развѣ онъ *не распространяется*, или распространяется не изъ того же самаго солнца, отъ котораго идутъ и прямые лучи свѣта, когда нѣтъ облаковъ? Вся разница перваго свѣта отъ послѣдняго заключается только въ томъ, что онъ распространяется *не по прямымъ линіямъ*, не по радіусамъ, центромъ которыхъ служитъ солнце, а вслѣдствіе преломленія лучей свѣта въ атмосферѣ, — *по всѣмъ возможнымъ направленіямъ*. Стало быть, если свѣтъ, существовавшій въ первые дни творенія, мы будемъ считать за такой свѣтъ, какой бываетъ при неясномъ, облачномъ небѣ (такимъ свѣтомъ мы и намѣрены считать его), то невольно должны будемъ придти къ тому заключенію, что въ эти дни уже не только существовало, но и свѣтило солнце.

Но положимъ, что намъ удастся убѣдить кого нибудь въ возможности свѣта безъ средоточія. Какимъ же образомъ при такомъ — *несосредоточенномъ*, однообразно разлитомъ по всему міровому пространству, *стоячемъ* свѣтѣ — могли быть на землѣ утро и вечеръ, день и

ночь (¹)? Когда мы знаемъ, что свѣтъ *распространяется*, и распространяется *изъ одного средоточія*, тогда понятно, что сторона земли, обращенная къ средоточію свѣта, должна быть *освѣщена* и на ней долженъ быть день, между тѣмъ какъ на другой, противоположной ей сторонѣ земнаго шара, которая должна быть въ тѣни, будетъ ночь; а въ промежуточныхъ мѣстахъ будетъ, въ одномъ утро, въ другомъ—вечеръ. Но какъ объяснимъ мы возможность вечера, ночи и утра, допустивъ, что въ то время свѣтъ не приходилъ на землю изъ одного мѣста, какъ теперь, а однообразно распространенъ былъ по всему міровому пространству? Въ этомъ случаѣ на всей землѣ долженъ былъ бы существовать постоянный день. Посему-то для объясненія возможности суточныхъ перемѣнъ на землѣ въ первые три дня творенія, лучшіе богословы допускаютъ, 1) что первозданный свѣтъ не былъ свѣтъ безъ средоточія, что онъ не былъ разлитъ однообразно по всему міру, а занималъ только часть небеснаго пространства (²), въ которой мы необходимо и должны предположить существованіе солнца, если не хотимъ считать самую эту часть небеснаго пространства такимъ же свѣтиломъ, какъ солнце; 2) что земной шаръ и въ первые три дня творенія уже совершалъ постоянное обращеніе вокругъ соб-

(¹) Хотя свящ. бытописатель и говоритъ только о вечерѣ, утрѣ и днѣ, не упоминая прямо о ночи, — *и бысть вечеръ, и бысть утро — день единъ. второй, третій* и т. д.; но онъ упоминаетъ объ ней выше въ словахъ: *и нарече Богъ свѣтъ день, а тьму нарече нощь*. И естественно, что безъ ночи не могло бы быть и вечера съ утромъ. Но при подробномъ перечисленіи суточныхъ перемѣнъ онъ говоритъ *объ однихъ* только *свѣтлыхъ* суточныхъ временахъ, какъ о новомъ, необыкновенномъ явленіи, умалчивая о ночи, потому что существованіе ночи на землѣ, на которой еще такъ недавно была постоянная ночь, само собою подразумѣвается.

(²) Зап. на кн. Быт. стр. 20 и 13.

ственной оси (Прав. Догм. Богосл. т. 2, § 74—3), отъ того уже и въ первый день творенія новосотворенный свѣтъ, «занимавшій только одну часть небеснаго пространства», вслѣдствіе обращенія земли около оси, «долженъ былъ оставить горизонтъ Эдема» и произвести «конецъ перваго дня» (Записки на кн. Быт. стр. 14), или вечеръ, какъ это и теперь бываетъ.

Пойдемъ далѣе: во второй день творенія является твердь. Подъ именемъ *тверди* разумѣется *небо воздушное*. (Зап. на кн. Быт. стр. 4, 17 и 18) или *небесный сводъ*, который, по выраженію Псалмопѣвца и пророка Исаіи, Всемогущій Творецъ *простираетъ* ([1]) надъ нашими головами, *какъ кожу*, какъ полотно на шатрѣ (Псал. 103, 2, Ис. 40, 22), — небесный сводъ, который то бываетъ, по выраженію свящ. Псалмопѣвца, *одѣтъ облаки* (Псал. 146, 8), то представляется намъ открытымъ, во всей своей красѣ, въ видѣ великолѣпнаго голубаго купола. Но что такое небесный сводъ? Изъ чего онъ состоитъ? Какъ построенъ онъ въ природѣ? Въ настоящее время всякій, сколько нибудь образованный человѣкъ знаетъ, что это не есть какой нибудь *вещественный сводъ*, сооруженный изъ твердаго матеріала ([2]), напримѣръ изъ камня или металла. Давно прошли тѣ времена, когда люди простодушно вѣрили въ хрустальныя небеса, состоящія изъ нѣ-

---

([1]) *Простирать* по Еврейски выражается глаголами: מתח, נטה и רקע; отъ послѣдняго глагола и происходитъ слово רקיע, переводимое словомъ: *твердь* и означающее буквально: *распростертіе*, какъ изъясняется это слово въ Записк. на кн. Быт.

([2]) Ἐγὼ *οἶμαι*, говорилъ уже въ свое время и св. Григорій Нисскій, *σῶμα μὲν τοι στερρὸν καὶ ἀντίτυπον, εἴτε τι τῶν τεσσάρων, εἴτε τι καὶ παρὰ ταῦτα ἕτερον, καθὼς ἡ ἔξωθεν ἐφαντάσθη φιλοσοφία, μηδὲν περὶ τὸ στερέωμα θεωρεῖσθαι*. Greg. Nyss. Op. tom. 1 p. 14. A. Edit. Paris 1615.

скольких концентрических сводов съ безчисленными *эпициклами*, или приставными кругами и кольцами, на которых будто бы утверждены планеты (1); давно прошло время этих понятій, по которымъ все, не исключая и самой земли, держится будто бы на этомъ небесномъ сводѣ (2). Такой сводъ небесный, соединяющійся съ землею въ извѣстномъ мѣстѣ, доступномъ если не для всѣхъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторых людей, въ настоящее время существуетъ лишь въ произведеніяхъ народной фантазіи, въ ряду предметовъ баснословныхъ. Что же такое небо по современному о немъ понятію людей образованныхъ? Ни больше, ни меньше, какъ только лишь одно *свѣтовое явленіе*, происходящее частію отъ преломленія, частію отъ разложенія свѣтовыхъ лучей въ земной атмосферѣ (3), слѣдовательно явленіе чисто земное (4), котораго никакъ нельзя смѣшивать съ небомъ звѣзднымъ, хотя названіе неба и усвояется тверди, по привычкѣ видѣть свѣтила какбы утвержденными на тверди, отъ которой они на самомъ дѣлѣ отдѣлены поразительно огромными разстояніями (5), — *явленіе оптическое*, которое, подобно радугѣ, миражамъ и другимъ оптическимъ явленіямъ, существуетъ *реально* (какъ дѣйствительный, а не воображаемый пред-

(1) Лекц. Попул. Астрон. Зелен. стр. 114 — 120.

(2) См. Зап. на кн. Быт. стр. 17 примѣч.

(3) См. Gehlers Physikal. Wörterb. T. 5 стр. 256 — 258 подъ словомъ: Himmel.

(4) И въ свящ. бытописаніи Моисея твердь не отдѣляется отъ земли; онъ говоритъ о птицахъ, летающихъ *по земли по тверди небеснѣй* (Быт. 1, 20).

(5) Вся земная атмосфера, въ которой собственно и происходитъ явленіе тверди, простирается вверхъ лишь на нѣсколько десятковъ верстъ; между тѣмъ разстояніе земли отъ свѣтилъ небесныхъ измѣряется милліонами и билліонами верстъ.

метъ) можно сказать, лишь въ глазахъ наблюдателя. Кто не знаетъ этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ ежедневнаго опыта, что каждый изъ насъ видитъ *свое собственное* небо, потому что, гдѣ бы мы ни находились, мы всегда видимъ себя въ центрѣ небеснаго свода, подъ самою верхнею его точкою? Кому изъ образованныхъ не извѣстно также и того, что если человѣкъ всходитъ на высокую гору, или поднимается въ верхніе слои атмосферы на аэростатѣ, то по мѣрѣ удаленія его отъ земли голубой небесный цвѣтъ постепенно темнѣетъ и мало по малу можетъ совершенно исчезнуть, превратившись въ черный цвѣтъ? И такъ небо или твердь есть только явленіе свѣтовое, оптическое. Оно-то и сдѣлалось по волѣ Творческой видимымъ въ первый разъ на землѣ во второй день міроздания, что и выражается у свящ. дѣеписателя словами: *и сотвори Богъ твердь*. Какимъ образомъ всемогущій Творецъ сотворилъ твердь, это богодухновенный бытописатель изображаетъ слѣдующими словами: *и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію, и между водою, яже бѣ надъ твердію* (ст. 7),—словами, разъясненіемъ которыхъ мы займемся въ послѣдствіи времени. Въ настоящее же время для насъ важно знать только то, что небесный сводъ есть не что иное, какъ свѣтовое, оптическое явленіе. Какъ явленіе свѣтовое, которое можетъ произойти только лишь отъ обыкновеннаго свѣта, *распространяющагося изъ средоточій* (потому что только такой свѣтъ способенъ къ преломленію и къ разложенію), — небесный сводъ существованіемъ своимъ необходимо предполагаетъ и существованіе свѣтилъ небесныхъ. Такимъ образомъ во второй день міроздания необходимо должны были существовать и *свѣтить* солнце и прочія свѣтила небесныя,— заключеніе необходимое, если только мы не рѣшимся

утверждать того, что твердь, созданная во второй день, была не та твердь, которую мы видимъ теперь....

Простираясь, вслѣдъ за свящ. Дѣеписателемъ, еще далѣе, мы встрѣчаемся съ твореніемъ третьяго дня. Въ этотъ день на землѣ, только что освободившейся отъ воданаго покрова, который до сихъ поръ покрывалъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ увидимъ въ свое время, является первая органическая жизнь,—жизнь растительная,—жизнь для поддержанія и развитія которой такъ необходимы солнечный свѣтъ и теплота (¹), и которая слѣдовательно существованіемъ своимъ также необходимо предполагаетъ и существованіе свѣтилъ небесныхъ.

Потомъ мы приходимъ къ творенію четвертаго дня. Какъ описываетъ богодухновенный Дѣеписатель твореніе четвертаго дня? Его описаніе раздѣляется, по обыкновенію, на двѣ половины: онъ говоритъ сначала о повелѣніи Божіемъ касательно свѣтилъ небесныхъ, а потомъ о дѣйствіи этого повелѣнія.

Повелѣніе Божіе касательно небесныхъ свѣтилъ онъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *и рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ и между нощію: и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта. И да будутъ въ просвѣщеніе на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли: и бысть тако* (ст. 14 и 15). Изъ этихъ словъ

(¹) Не надобно забывать того, что не только тотъ свѣтъ, какой предполагаютъ нѣкоторые толкователи въ первые три дня творенія, свѣтъ несосредоточенный, разлитый по всему міровому пространству (какой долженъ быть это слабый свѣтъ!), а и настоящій солнечный свѣтъ не только можетъ быть, а и на самомъ дѣлѣ бываетъ (зимою), при всей своей яркости, безъ теплоты, необходимой для царства растительнаго. Что сказать объ этомъ воображаемомъ свѣтѣ безъ солнца?

видно, что Создателю угодно было повелѣть въ четвертый день, а) чтобы свѣтила небесныя *были*, явились *на тверди небесной*. Это значитъ, что до сихъ поръ ихъ не было *на тверди небесной*, хотя они могли существовать и прежде; б) чтобы свѣтила небесныя свѣтили *на тверди небесной*, освѣщали *землю*, обозначали на ней различіе временъ суточныхъ и годовыхъ. Это показываетъ, что аа) до этого дня свѣтила небесныя не свѣтили *на землю*, хотя и могли существовать, какъ свѣтила. А это справедливо. Правда, еще и съ перваго дня творенія появился свѣтъ, который мы считаемъ свѣтомъ солнечнымъ; но теперь должны освѣщать землю *всѣ свѣтила небесныя*, а не одинъ свѣтъ, происходящій отъ солнца; и самое солнце должно было съ этого времени свѣтить на землю ярче и сильнѣе, чѣмъ какъ освѣщало ее тогда, когда само не было видимо на землѣ и когда о всей землѣ можно было выразиться также точно, какъ теперь мы выражаемся о мѣстахъ, находящихся въ тѣни, хотя и получающихъ отъ солнца слабые (преломлённые или разсѣянные) лучи,—мѣстахъ, о которыхъ мы и до сихъ поръ обыкновенно говоримъ: «здѣсь нѣтъ солнышка, оно сюда не свѣтитъ» (т. е. не посылаетъ сюда прямыхъ лучей); бб) что до этого дня *свѣтила небесныя* не могли служить *для ознаменованія временъ суточныхъ и годовыхъ*; все это должно было начаться только съ четвертаго дня, съ котораго они должны были быть *въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта*. Правда, еще съ перваго дня творенія, какъ только появился на землѣ свѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начались на ней и суточныя перемѣны. *Богъ разлучилъ между свѣтомъ и между тьмою*, назвавъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью; въ этомъ отношеніи сходство доходитъ до тожества, потому что и свѣтила не-

бесныя явились для того, чтобы *владѣти днемъ и нощію и разлучати между свѣтомъ и между тьмою* (ст. 18). Но есть и разница. Въ первые три дня творенія, прежде чѣмъ свѣтила явились на тверди небесной, при помощи *одного свѣта* безъ свѣтилъ можно было узнавать только однѣ *суточныя* перемѣны,—отличать день отъ ночи, вечеръ отъ утра; съ четвертаго дня, по появленіи на тверди свѣтилъ, должна была открыться возможность различать и *суточныя перемѣны* (въ знаменія и во времена—*во дни*), только съ большею уже противъ прежняго точностію и подробностію, узнавая не только день и ночь, но и часы дня и ночи по положенію свѣтилъ небесныхъ (въ отношеніи къ меридіану мѣста),—и кромѣ суточныхъ перемѣнъ еще и *годовыя* (въ знаменія и во времена—*въ лѣта*), считая недѣли, мѣсяцы и годы по измѣненіямъ (фазисамъ) луны и положенію солнца (въ эклиптикѣ). Такимъ образомъ съ четвертаго дня творенія должно было явиться, по волѣ Божіей, и нѣчто новое, доказывающее впрочемъ только то, что свѣтила небесныя до этого дня не являлись на тверди небесной, и нѣчто старое, неопровержимо свидѣтельствующее о томъ, что они и до этого дня существовали, хотя и не были видимы съ земли.

Теперь посмотримъ, что сдѣлалось вслѣдствіе такого повелѣнія Божія. *И сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала нощи и звѣзды. И положи я Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и между тьмою: и видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ, и бысть утро день четвертый* (ст. 16—19). *И сотвори Богъ два свѣтила великая и звѣзды, и положи я на тверди небеснѣй.* Для человѣка, незнакомаго съ ев-

рейскимъ языкомъ и его идіотизмами, слова: *сотвори Богъ* могутъ послужить поводомъ думать, будто въ четвертый день міроздания сдѣлано было больше того, сколько предположено было сдѣлать по изъясненному нами смыслу Божественнаго повелѣнія о явленіи свѣтилъ небесныхъ; они могутъ привести его къ заключенію, что всемогущій Богъ въ этотъ день сначала еще *сотворилъ* свѣтила небесныя—положимъ и не изъ ничего, а потомъ уже поставилъ ихъ на тверди небесной, и что слѣдовательно свѣтила небесныя до этого дня вовсе не существовали, или по крайней мѣрѣ не свѣтили. Но если вникнуть въ смыслъ слова: *сотвори* и въ связь всей рѣчи, то заключеніе окажется невѣрнымъ. Слово *сотвори* (ויעש) въ настоящемъ мѣстѣ по еврейски выражается не глаголомъ: ברא, который «показываетъ произведеніе вещи новой и необычайной» (Зап. на кн. Быт. стр. 2), а такимъ глаголомъ (עשה), который значитъ: сдѣлалъ, устроилъ. Значитъ въ четвертый день міроздания свѣтила небесныя *не сотворены* вновь, а только *устроены*. И это устроеніе надобно понимать не въ общемъ смыслѣ, а въ частномъ—по отношенію къ землѣ; изъ словъ свящ. Дѣеписателя видно, что солнце устроено *какъ свѣтило дня*, а луна и звѣзды *какъ свѣтила ночи* (ст. 16);—всѣ эти свѣтила устроены такъ, чтобы *могли свѣтить на землю* и служить средствомъ для *различенія земныхъ временъ* (1).

(1) Такое ограниченіе, столь естественное и необходимое въ настоящихъ словахъ свящ. Дѣеписателя для устраненія противорѣчія между ними и словами, заключающимися въ 1 стихѣ, какъ извѣстно, послужило невинною причиною недоразумѣнія. И другіе, гораздо прежде насъ, видѣли, что Моисей, повѣствуя о сотвореніи свѣтилъ небесныхъ, выражаетъ такую мысль, что солнце, луна и звѣзды созданы собственно для земли, чтобы освѣщать ее и служить ей для обозначенія временъ (Прав. Догм. Бог. преосв. Мак. Т. 2, § 74—4). Но вмѣсто того, что-

Нам могутъ возразить, что у свящ. Бытописателя говорится особо какъ о твореніи (или устроеніи) свѣтилъ небесныхъ, такъ и о помѣщеніи ихъ на тверди небесной,—что оба дѣйствія у него представляются отдѣльными, совершившимися не разомъ, а одно послѣ другаго, потому что онъ говоритъ сначала: *и сотвори Богъ свѣтила*, а потомъ: *и положи я на тверди небеснѣй*. Мы отвѣчаемъ: эти два дѣйствія дѣйствительно *представляются* отдѣльными; но, по свойству еврейскаго языка,—составляютъ одно и тоже творческое дѣйствіе, а отнюдь не два различныхъ дѣйствія; тоже самое дѣйствіе, а отнюдь

бы такъ и думать, какъ онъ говоритъ, и считать это твореніе свѣтилъ не настоящимъ, первоначальнымъ твореніемъ, а твореніемъ *для земли*, или такимъ творческимъ дѣйствіемъ, которое только поставило ихъ въ возможность свѣтить на землю и разнообразить ея времена,— они оставались при томъ мнѣніи, что это — твореніе въ собственномъ смыслѣ,—*твореніе первоначальное*. Между тѣмъ, сознавая несправедливость той мысли, будто свѣтила небесныя существуютъ только для земли, неблагонамѣренные мыслители имѣли смѣлость упрекать Богодухновеннаго Дѣеписателя за мнимую погрѣшность, въ которой были виновны сами. На это обвиненіе можно конечно отвѣчать и такъ: Моисей не говоритъ, будто свѣтила небесныя созданы *только для одной* земли; если же онъ упоминаетъ здѣсь только объ одномъ частномъ назначеніи свѣтилъ небесныхъ по отношенію къ землѣ, умалчивая о другихъ цѣляхъ, это происходитъ не отъ погрѣшности писателя, а отъ того, что онъ, предположивъ главнымъ образомъ описать происхожденіе земли, касается другихъ тѣлъ небесныхъ только въ той мѣрѣ, какъ они относятся къ нашей планетѣ, разсматриваетъ свѣтила небесныя только съ одной стороны—съ той, которая видна съ земли. Но при этомъ непонятно будетъ то напряженное усиліе, съ какимъ онъ старается высказать мысль, повторенную имъ много разъ, что свѣтила съ этого дня должны были свѣтить *съ тверди небесной на землю;* эти слова будутъ чистымъ плеоназмомъ. Если же считать твореніе свѣтилъ небесныхъ въ четвертый день только *твореніемъ для земли и по отношенію къ землѣ*—твореніемъ, состоявшимъ лишь въ томъ, что они поставлены *на тверди небесной*, въ такомъ случаѣ и обвиненіе будетъ напраснымъ, и даже оправданіе излишнимъ; — въ такомъ случаѣ понятно будетъ и намѣреніе, по которому свящ. Писатель такъ усиленно выражаетъ мысль о сотвореніи свѣтилъ небесныхъ *для земли*.

не другое какое выражается еще и третьимъ предложеніемъ: *и бысть тако*, которое предшествуетъ двумъ первымъ. Всѣ эти три предложенія соединяются частицею *и* (еврейск. ו). Но еврейская частица ו, выражаемая въ славянскомъ переводѣ по большей части частицею *и*, а иногда частицами *же* и *а*, имѣетъ кромѣ этихъ еще и другія значенія. Между прочимъ она служитъ иногда частицею *пояснительною*,—соединяетъ такія предложенія, которыя выражаютъ не два или нѣсколько различныхъ дѣйствій, а одно и тоже дѣйствіе, изображаемое сначала въ общихъ словахъ, а потомъ въ болѣе подробномъ видѣ—съ поясненіемъ, или наоборотъ;—значитъ, соединяетъ такія предложенія, которыя служатъ лишь *поясненіемъ* одно другому; въ этихъ случаяхъ ее не слѣдуетъ и переводить по русски частицею *и*—частицею соединительною, а нужно выражать другими—*пояснительными* частицами, каковы: *то есть*, *именно*, *такимъ образомъ* [1], или слѣдуетъ совсѣмъ опускать ее, или кромѣ того, по требованію смысла рѣчи, соединять два предложенія въ одно, переводя одинъ глаголъ въ изъявительномъ наклоненіи, а другой въ дѣепричастіи (какъ это иногда и дѣлается въ греческомъ и славянскомъ переводахъ). Въ доказательство этого можно указать множество примѣровъ въ свящ. Писаніи (особенно въ Псалмахъ и Притчахъ); мы ограничимся только важнѣйшими, главнымъ образомъ тѣми, которые находятся въ самой же книгѣ Бытія, а отчасти—въ самомъ же сказаніи Моисея о твореніи. Возьмемъ напр. то мѣсто, въ которомъ описывается разлука Лота съ Авраамомъ: Быт. 13, 11. *И избра себѣ Лотъ*, говорится здѣсь, *всю окрестную страну Іорданскую, и отъиде Лотъ*

(1) Chr. Stock. Clav. linguae Sanctae. Partic. ו significat. V.

отъ востока, и разлучистася кійждо отъ брата своего. Никто конечно не станетъ понимать этого мѣста такъ, что *сначала* Лотъ удалился отъ востока или на востокъ (Зап. на кн. Быт. стр. 306) отъ Авраама, а *потомъ* два родственника—Лотъ и Авраамъ разстались другъ съ другомъ; всякій найдетъ гораздо лучшимъ перевести это мѣсто такъ: «Лотъ удалился отъ Авраама; *такимъ образомъ* родные разлучились». Или возьмемъ слова Ангела къ Аврааму—22, 16: *Мною самымъ кляхся, глаголетъ Господь, егоже ради сотворилъ еси глаголъ сей и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради*; здѣсь слова: *сотворилъ еси* и *не пощадѣлъ еси* выражаютъ конечно не два различныхъ, особыхъ дѣйствія. Сюда относится и одно мѣсто изъ книги Судей: 6, 25, гдѣ говоритъ Господь Гедеону: *возьми тельца упитаннаго отъ скотовъ отца твоего и тельца втораго*; слова: *и* тельца втораго должны быть переведены: *то есть* тельца втораго, потому что далѣе (ст. 28) видно, что взятъ только одинъ телецъ. Сюда же относятся и эти безчисленныя выраженія, въ родѣ слѣдующаго: *и бысть по глаголѣхъ сихъ*, (*и*) *Богъ искушаше Авраама*—Быт. 22, 1 (1), также всѣ выраженія въ родѣ слѣдующаго: *и глагола... и рече*, или: *и рече, глаголя*—слова, которыя въ подлинникѣ соединяются также частицею ו. И въ самомъ сказаніи Моисеевомъ о твореніи подобный образъ выраженія встрѣчается на каждомъ шагу. Такъ: въ первый день творенія, какъ извѣстно, сотворенъ свѣтъ; но кромѣ повѣствованія о явленіи свѣта тамъ еще говорится: *и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою, и нарече Богъ* и пр. Что-же?

(1) Здѣсь вторая частица *и* (какъ и слѣдуетъ), въ переводѣ опущена, но въ подлинникѣ она есть.

Это особыя дѣйствія? Нѣтъ, это лишь подробное развитіе предъидущаго дѣйствія. Во второй день Богъ сотворилъ твердь; кромѣ того въ повѣствованіи о сотвореніи тверди у свящ. Бытописателя говорится еще: *и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію и между водою, яже бѣ надъ твердію.* Но послѣдними словами выражается также не особое какое нибудь дѣйствіе Божіе, не новое твореніе, а только поясняется то, о чемъ въ предъидущемъ предложеніи сказано кратко: *и сотвори Богъ твердь,* — показывается то, какимъ образомъ сотворена была твердь (¹). Вслѣдъ за тѣмъ въ подлинникѣ еще прибавлены слова: *и было такъ,* помѣщенныя въ переводѣ сначала, и выражающія въ общихъ словахъ тоже, что сказано яснѣе и подробнѣе въ послѣдующихъ предложеніяхъ. Правда, твореніе третьяго дня не подходитъ подъ эту категорію, потому что здѣсь говорится не объ одномъ, а о двухъ разнородныхъ дѣйствіяхъ: именно въ этотъ день отдѣлена суша и произведено царство растительное. Но за то эти дѣйствія и у свящ. Бытописателя описываются не такъ уже, какъ излагаются дѣйствія, составляющія одно и тоже твореніе; они излагаются совершенно отдѣльно; каждому изъ нихъ предшествуетъ особое повелѣніе Божіе и за каждымъ слѣдуетъ особое одобреніе. И въ описаніи творенія четвертаго дня мы видимъ опять прежній образъ выраженія. Въ самомъ дѣлѣ словами: *да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй освѣщати землю и разлучати между днемъ и нощію, и да будутъ въ знаменія и во времена, и во дни, и въ лѣта, и*

(¹) «Бытописатель учитъ и тому, какимъ образомъ сотворена твердь; *и сотвори,* пишетъ онъ, *Богъ твердь и разлучи Богъ* и проч. Блажен. Θеодоритъ въ толк. на кн. Быт. въ Христ. Чт. за 1843 г. Ч. 3. стр. 333.

да будутъ въ просвѣщеніе на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли, или словами: *яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и между тьмою* — выражаются конечно не различныя, не особыя дѣйствія, имѣвшія слѣдовать, или слѣдовавшія одно за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ здѣсь излагаются. Здѣсь даже не каждое изъ послѣдующихъ предложеній служитъ объясненіемъ того, что сказано въ предъидущемъ, а нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ одно простое повтореніе предъидущаго. «Сіе можно приписать, скажемъ словами Записокъ на кн. Быт., только простотѣ и нѣкоторой небрежности древняго образа изъясняться, который преизобилуетъ иногда повтореніями» (стр. 182). Подобнымъ же образомъ надобно разсуждать и о тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ описывается дѣйствіе творческаго повелѣнія касательно свѣтилъ небесныхъ: *и бысть тако, и сотвори Богъ свѣтила, и положи я на тверди небеснѣй*. Они выражаютъ собою не три отдѣльныхъ, послѣдовательныхъ дѣйствія, а одно и тоже творческое дѣяніе, которое въ первомъ предложеніи высказывается кратко, въ самыхъ общихъ словахъ, во второмъ излагается опредѣленнѣе и подробнѣе, а въ третьемъ раскрывается еще съ большею опредѣленностію и подробностію. Въ русскомъ переводѣ эти три предложенія можно передать слѣд. образомъ: *такъ и было: Богъ устроилъ для земли свѣтила дня и ночи..., поставивъ ихъ на тверди небесной*. Вотъ въ чемъ состояло твореніе четвертаго дня!...

б) Что разумѣется и нужно разумѣть подъ землею?

Уклоняясь далеко отъ прямаго, буквальнаго смысла Моисеева сказанія въ понятіи о небѣ, нѣкоторые толковате-

ли также далеко отступаютъ отъ него и въ понятіи о землѣ. Вмѣсто того, чтобы разумѣть подъ нею планету, на которой мы живемъ (разумѣется не въ настоящемъ ея благоустроенномъ видѣ), они дѣлаютъ изъ земли *запасъ вещества,* которое, по ихъ мнѣнію, предварительно создано было Творцемъ изъ ничего и изъ котораго будто бы потомъ, въ теченіи шести дней, Онъ образовалъ *весь видимый міръ,* непосредственнымъ дѣйствіемъ своей силы, безъ всякаго участія силъ естественныхъ; это вещество они представляютъ не въ видѣ обыкновеннаго какого либо вещества, а въ видѣ *хаоса.* Откуда взялось такое мнѣніе? Въ священномъ Писаніи слово: *хаосъ* нигдѣ не встрѣчается ни разу; какъ слово, такъ и понятіе, имъ выражаемое, совершенно чужды священному языку; происхожденіе его—далеко не священное; оно служитъ памятникомъ древней языческой философіи (см. Зап. на кн. Быт. стр. 15 примѣч.). По мнѣнію древнихъ языческихъ мудрецовъ, это было вѣчное, самобытное вещество, изъ котораго совершенно случайно, самъ собою образовался весь видимый міръ (Прав. Догмат. Богосл. преосв. Мак. т. 2, § 53). Только нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Анаксагоръ) возвышались до того, что въ этомъ образованіи приписывали участіе и Богу (или уму) — участіе, которое впрочемъ ограничивалось лишь приведеніемъ въ движеніе этой нестройной массы. Такимъ образомъ ученіе о хаосѣ приходится въ близкомъ родствѣ съ матеріализмомъ и безбожіемъ! Самый язычникъ не могъ принимать его съ полнымъ убѣжденіемъ, которое возможно лишь для одного безбожника! Впрочемъ, не смотря на очевидную его нелѣпость, оно находило себѣ ревностныхъ послѣдователей и въ христіанскомъ обществѣ, даже въ лучшую эпоху его умственнаго развитія, и при-

томъ между такими мыслителями, каковы были Декартъ и Кантъ. Примѣняясь къ дѣтскимъ взглядамъ давно отжившей мысли, эти, такъ называемые, философы не считали для себя униженіемъ предполагать началомъ всѣхъ вещей вѣчный хаосъ, изъ котораго они, при помощи своей плодовитой фантазіи, почти безъ всякаго участія Творца, созидали весь этотъ прекрасный міръ. Нѣкоторые (напр. Декартъ и Зильбершлагъ) (¹), не имѣя силы совершенно подавить въ себѣ мысль о Богѣ, всемогущемъ Творцѣ природы, о которомъ постоянно говорили имъ вѣра и ихъ собственное сердце, и чувствуя невозможность объяснить все безотчетною случайностію, или дѣйствіемъ однихъ матеріальныхъ силъ, обращались и къ идеѣ о Богѣ-Творцѣ природы, но въ этомъ отношеніи не становились нисколько выше древнихъ язычниковъ. Въ такомъ видѣ ученіе о хаосѣ, или совершенно противоположно, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ много противорѣчитъ богооткровенному ученію о происхожденіи міра *всецѣло* отъ Бога. Предположеніе, что хаосъ существовалъ не самобытно, отъ вѣчности, а сотворенъ изъ *ничего* Богомъ, что изъ этого хаоса образовался видимый міръ не самъ собою, случайнымъ образомъ, а дѣйствіемъ тогоже самаго творческаго всемогущества,—что, наконецъ, подъ землею, которая сотворена въ началѣ, вмѣстѣ съ небомъ прежде перваго дня міозданія, и разумѣется у священнаго Бытописателя не что иное, какъ именно хаосъ, – это предположеніе, *повидимому*, примиряло ученіе древнихъ мудрецовъ съ Откровеніемъ. Но и въ этомъ *измѣненномъ* видѣ ученіе о хаосѣ не находило слишкомъ большаго сочувствія къ себѣ въ представителяхъ

(¹) Phys. Wört Gehlers. T. IV, стр. 1242, 1243, 1255.

древняго православнаго вѣрованія, каковыми были св. отцы и учители Церкви первыхъ вѣковъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ получали предварительное образованіе въ языческихъ школахъ. Разсматривая мнѣнія ихъ о сотвореніи міра, мы видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ говорятъ *о неустроенномъ веществѣ* или *матеріи*, которая сначала создана Творцемъ изъ ничего, а потомъ Имъ же самимъ *благоустроена*, не называя однакожъ этого вещества хаосомъ (¹); но вещество не устроенное и хаосъ, какъ его понимаютъ,—это двѣ вещи, до безконечности различныя; запасъ кирпича, песку и извести, пока изъ этого матеріала *не состроено* каменнаго дома, или домъ состроенный, но не отдѣланный тоже — *вещество не устроенное*, но ктожъ можетъ назвать это вещество хаосомъ?..... Другіе, и притомъ важнѣйшіе по своему авторитету, каковы св. Василій вел. и св. Златоустъ, какъ увидимъ послѣ, разсуждаютъ о первозданной землѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія касательно того, что они разумѣли подъ нею *настоящую землю*, не имѣвшую ничего общаго съ языческимъ хаосомъ. Изъ всѣхъ ихъ едва ли не одинъ блаж. Августинъ, который вообще объясняетъ Моисеево сказаніе о твореніи съ гораздо большею свободою, чѣмъ другіе (²), называетъ первозданное вещество положительно хаосомъ, но онъ высказываетъ чужое мнѣніе, котораго вовсе не выдаетъ за непреложную истину, не скрывая нисколько невысокаго его происхож-

---

(¹) Прав. Догмат. Богосл. Преосв. Мак. т. 2. § 73—1.

(²) Онъ думалъ напр., будто шесть дней *творенія* означаютъ 6 степеней *разумѣнія*, по которымъ ангелы постигаютъ естество вещей! Зап. на кн. Быт. стр. 5 и 6. И еще твореніе неба и свѣта разумѣлъ въ смыслѣ творенія ангеловъ, какъ мы видѣли выше.

денія. «Сначала, говоритъ онъ, создано вещество смѣшанное и неустроенное, изъ котораго произошло все, что явилось потомъ раздѣленнымъ и устроеннымъ. Сіе то вещество, *думаю*, *Греки* (т. е. языческіе философы) *называютъ хаосомъ*, какъ и въ другомъ мѣстѣ читаемъ: ты сотворилъ міръ отъ безобразнаго вещества (Прем. 11, 18), или по инымъ кодексамъ: *изъ вещества невидимаго* ([1]). Такой не рѣшительный образъ выраженія оставляетъ читателя въ недоумѣніи — принять ли ему это мнѣніе, или отвергнуть; но указаніе на источникъ, изъ котораго оно почерпнуто, разрѣшаетъ это недоумѣніе, предоставляя каждому полную свободу принять или отвергнуть его по своему усмотрѣнію. Потому что авторитетъ языческой философіи ни для кого не можетъ имѣть безусловно обязательной силы. По этому-то праву мы и позволяемъ себѣ обсудить это ученіе при свѣтѣ Откровенія и здравомыслящей науки, чтобы рѣшить, можетъ ли оно быть принято, или должно быть отвергнуто.

Что такое хаосъ? Это такой предметъ, которому нѣтъ и быть не можетъ точнаго опредѣленія; это тоже самое въ вещественной природѣ, что — отсутствіе всѣхъ логическихъ законовъ—въ мышленіи. Хаосъ—это что-то среднее между ничѣмъ и чѣмъ нибудь; это огромная масса ничтожества, гдѣ Анаксагоровы оміомеріи перемѣшаны съ Аристотелевыми стихіями міра и съ атомами Левкиппа и Демокрита, гдѣ и полно и пусто ([2]), гдѣ среди посто-

---

([1]) Прав. Догм. Богосл. Преосв. Мак. Т. 2, § 73—1. Приводимыя здѣсь бл. Августиномъ слова изъ книги Премудр. Соломоновой будутъ объяснены нами послѣ.

([2]) Пустота и полнота—это стихіи міра, по ученію древнихъ атомистовъ. По новѣйшимъ понятіямъ хаосъ есть также пустота: это видно

яннаго движенія чего-то, похожаго на ничто, среди движенія то вверхъ и внизъ, то взадъ и впередъ, то кругомъ,—среди круговоротовъ Анаксагоровыхъ и вихрей Декартовыхъ нашему глазу и мысли не на чѣмъ и остановиться. Что можно сказать о такомъ предметѣ? Ничего, или все, что кому угодно. И вотъ, говорятъ, будто это было вещество, не имѣвшее никакихъ положительныхъ и опредѣленныхъ качествъ (¹), хотя при этомъ сами же эти мыслители утверждаютъ, что въ немъ преобладали жидкія части, слѣдовательно, части уже съ опредѣленными качествами, и что, по преизбытку жидкихъ частей, это вещество болѣе всѣхъ, извѣстныхъ намъ тѣлъ, приближалось къ виду жидкости, а потому и названо у священнаго Дѣеписателя водою,—слѣдовательно опять было вещество съ опредѣленными качествами; думаютъ также, будто это было одно *чистое* вещество, вещество мертвое, безъ всякихъ силъ (²). Такое-то будто бы мертвое, безжизненное, неопредѣленное и безкачественное вещество и послужило началомъ творенія; изъ него-то будто бы премудрый и всемогущій Создатель и устроилъ вселенную, устроилъ Самъ непосредственно — силою своего могущества, безъ всякаго участія тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ въ такомъ стройномъ, удивительномъ порядкѣ дѣйствуютъ въ природѣ; этихъ силъ, говорятъ, вовсе не было въ хаосѣ; онѣ получили начало только при его образованіи.

изъ того, что, какъ увидимъ, названіе изумительной пустоты и бездны, усвояемое въ свящ. Писаніи первозданной землѣ, считается съ нимъ однозначущимъ; но вмѣстѣ и полнота, потому что заключалъ въ себѣ вещественные запасы для цѣлаго міра, похожіе съ виду на воду.

(¹) Такъ точно думали о своихъ атомахъ и древніе атомисты.

(²) Древніе атомисты также не говорятъ о силахъ, впрочемъ, можетъ быть, только потому, что не имѣютъ объ нихъ понятія.

Очевидно, что въ этомъ понятіи о хаосѣ заключаются три отдѣльныхъ мысли. Земля, о которой говорится въ первомъ и второмъ стихѣ кн. Бытія, по этому понятію представляется: 1) веществомъ, изъ котораго образованъ *весь видимый міръ;* 2) веществомъ *мертвымъ, хаотическимъ;* 3) веществомъ, изъ котораго образовался міръ *сверхъестественнымъ дѣйствіемъ всемогущества Божія, безъ всякаго участія естественныхъ дѣятелей.* Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ этихъ мыслей.

1. Противъ первой мысли съ достаточной силою убѣдительности говоритъ все то, что сказано нами о небѣ.

Мы видѣли уже, что слова свящ. Дѣеписателя: *въ началѣ сотвори Богъ небо* — означаютъ сотвореніе всѣхъ тѣлъ небесныхъ. Вмѣстѣ съ небомъ сотворена *земля;* вмѣстѣ со всѣми прочими тѣлами небесными сотворена одна небольшая планета, назначенная въ жилище человѣку,—сотворена земля, какъ также небесное тѣло. Порознь и сотворить ихъ было не возможно, потому что всѣ они составляютъ одно стройное цѣлое, въ которомъ нельзя ни прибавить, ни убавить ни одной части, не произведши разстройства и безпорядка въ цѣломъ; они сотворены всѣ вмѣстѣ, — *Живый во вѣки созда вся* (¹) *обще* (Сир. 18, 1). Но міръ созданъ не для самаго себя; Богу онъ также не нуженъ: онъ созданъ для разумныхъ существъ. Надобно было населить его. *Богъ, сотворивый землю*, скажемъ словами Пророка, *не вотще сотвори ю, но на вселеніе созда ю* (Иса. 45, 18). Какъ міръ, какъ одно цѣлое, составленное изъ безчисленнаго множества небесныхъ тѣлъ,—онъ былъ готовъ; какъ жилище ра-

(¹) Мы разумѣемъ здѣсь подъ словомъ: *вся* не хаосъ, потому что создать хаосъ едвали не значитъ тоже самое, что не создать ничего.

зумныхъ видимыхъ тварей—онъ не былъ готовъ ([1]). И вотъ мы видимъ, что земля была еще *невидима и неустроена;* какъ планета, какъ небесное тѣло, она была устроена и могла въ собственномъ и самомъ строгомъ смыслѣ назваться *землею,*—названіе, неприложимое къ хаосу; но не устроена была только *въ жилище человѣку;* потому-то слова: *не видима* и *не устроена* и замѣняются въ греческомъ переводѣ словами: *ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος,* изъ коихъ послѣднее значитъ именно: *неготовый,* а въ подлинникѣ словами, которыя означаютъ: *пуста* и *необитаема,* и которыя православною Церковію переводятся: —*необразована* и *пуста.* Человѣкъ не могъ на ней жить; потому что на ней не было свѣта и, кромѣ того, она была вся подъ водою: *и тьма верху бездны и Духъ Божій ношашеся верху воды;* на ней не было ни животныхъ, ни растеній, столь необходимыхъ человѣку. Нужно было *устроить* ее, *сдѣлать* ее *годною* для жительства человѣка, и вотъ мы видимъ, что Богъ, который, по словамъ Пророка, не вотще сотворилъ землю, но *на вселеніе* создалъ ее,—*Богъ сотворивый* (сотворивши) *землю, той раздѣли ю* (съ еврейск. благоустроилъ, приспособилъ ([2]) ее, — разумѣется *для населенія,* — Исаіи 45, 18). И дѣй-

---

([1]) *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю;* и *въ шести днехъ сотвори Господь* также *небо и землю* (Исх. 31, 17). Въ первый разъ они *сотворены изъ ничего* (бара), но *недокончены;* во второмъ случаѣ они *устроены* (аса) въ жилище разумныхъ тварей и так. обр. *докончены. И совершишася* (ויכלו—докончены, сдѣланы *всѣ*) *небо и земля, и все украшеніе ихъ* (Быт. 2, 1), говорится въ заключеніе повѣствованія о шестидневномъ твореніи.

([2]) *Раздѣли* по евр. כוננה. Глаголъ כון значитъ aptare, dirigere, *приспособилъ, устроилъ.* Отсюда происходитъ слово כן *такъ, правильно, какъ должно.* Значитъ глаг. *кунъ* можетъ быть переведенъ по русск. *сдѣлать такъ,* т. е. такъ, какъ нужно.

ствительно, вся слѣдующая за сотвореніемъ неба и земли творческая дѣятельность, изображаемая Моисеемъ въ первой главѣ книги Бытія, и направлена *единственно* и *исключительно* только къ тому, чтобы сдѣлать землю *обитаемою* для человѣка; на ней являются постепенно: свѣтъ, твердь, сначала одна, потомъ украшенная свѣтилами, суша, растенія и животныя, а наконецъ и самъ человѣкъ. Эти перемѣны всѣ безъ исключенія касались земли; мы видѣли уже, что даже появленіе свѣта, тверди и свѣтилъ— были явленія *земныя*, такъ что все шестидневное твореніе было не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ земли въ жилище человѣку (1). Если понимать Моисеево сказаніе такимъ образомъ (а понимать иначе не возможно, не дѣлая постоянныхъ отступленій отъ его прямаго смысла), если смотрѣть на шестидневную творческую дѣятельность, какъ только на *приспособленіе* земли (и можетъ быть другихъ тѣлъ небесныхъ) для жительства разумныхъ обитателей: то послѣ словъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо*, можетъ ли быть рѣчь о веществѣ, приготовленномъ для образованія изъ него *всего міра*?

2. Въ доказательство второй мысли, что первозданная земля была веществомъ мертвымъ, хаотическимъ, лишен-

(1) Мы не хотимъ этимъ сказать того, будто *вся* шестидневная Творческая дѣятельность ограничивалась одною землею, а выражаемъ только ту мысль, что та дѣятельность Творца, *которая изображается у Моисея*, ограничивалась одною землею; мы думаемъ, согласно съ авторомъ Запис. на книгу Быт., что кромѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя, по словамъ Моисея, совершались на землѣ, могли происходить въ это время такія или другія перемѣны и на другихъ тѣлахъ небесныхъ, но свящ. Дѣеписатель умалчиваетъ объ нихъ, занимаясь одною землею. Записк. на книг. Быт. стр. 20, 21 и 26. Такимъ обр. на всю исторію о шестидневномъ твореніи мы смотримъ, какъ на *геогонію;* а *космогонія* заключается только въ первомъ стихѣ кн. Бытія въ словахъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*.

нымъ всѣхъ вещественныхъ силъ, совершенно безкачественнымъ и неопредѣленнымъ, ссылаются на тѣ названія, которыя даются ей въ свящ. Бытописаніи, и которыя между тѣмъ скорѣе опровергаютъ, чѣмъ подтверждаютъ эту мысль.

Указываютъ на то, что земля называется въ переводѣ LXX толковниковъ *невидимою и неустроенною*, а въ подлинникѣ словами: *тогу вавогу*, которыя означаютъ изумительную пустоту; кромѣ того называется еще *бездною*. Но что касается до первыхъ словъ: *невидима и неустроена*, то смыслъ этихъ словъ такъ простъ и очевиденъ, особенно если прочитать ихъ въ связи съ дальнѣйшими словами, что они не требуютъ и объясненія. Какъ иначе и назвать землю, какъ не невидимой, когда она была подъ водою и находилась во мракѣ? Какъ иначе и назвать ее, какъ не неустроенной, когда нужно еще было совершиться надъ нею столькимъ перемѣнамъ для того, чтобы она могла назваться вмѣстѣ съ другими тварями добра зѣло (¹)? Въ подлинникѣ слова *невидима и*

(¹) Такъ объясняли эти слова великіе отцы и учители Церкви—св. Василій великій и св. Златоустъ. Вотъ какъ выражается первый изъ нихъ: «совершенное устройство земли означаетъ обиліе ея произведеній, прозябеніе всякаго рода растеній, появленіе высокихъ деревъ и плодовитыхъ и неплодовитыхъ, доброцвѣтность и благовоніе цвѣтовъ, и все то, что въ скоромъ времени должно было, по Божію повелѣнію, проникнувъ на землѣ, украсить породившую все сіе. А какъ ничего этого еще не было; то Писаніе справедливо наименовало землю неустроенною. Невидимою же названа земля по двумъ причинамъ: или потому, что не было еще зрителя земли человѣка, или потому что она погружалась въ глубинѣ, и отъ разливающейся на поверхности ея воды не могла быть видимою.... Сверхъ того, поелику не былъ еще сотворенъ свѣтъ, то неудивительно, что земля, по причинѣ неосвѣщеннаго надъ нею воздуха, лежащая во тьмѣ, и въ этомъ отношеніи названа въ Писаніи невидимою. Но поддѣлывающіеся подъ истину, не пріучившіе ума своего слѣдовать Писанію, а напротивъ того, по собственному своему усмотрѣнію, превращающіе смыслъ написаннаго, го-

неустроена (תהו ובהו) выражаются двумя словами: *тогу вавогу*. Но эти слова имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ какое имъ даютъ; оба они означаютъ дѣйствительно *изумительную пустоту*, но въ приложеніи къ землѣ значатъ: *ужасная пустыня*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ другимъ параллельнымъ мѣстамъ свящ. Писанія, въ которыхъ употребляются эти слова. Самъ пророкъ Моисей употребляетъ слово *тогу* въ смыслѣ пустыни въ своей прощальной пѣсни, въ которой, напоминая израильскому народу благодѣянія Божіи и обличая его неблагодарность, онъ, между прочимъ, говоритъ: *Онъ* (Богъ) посѣщалъ его (Израиля) своими милостями *въ землѣ пустой, въ унылой пустынѣ* (בתהו ילל), въ *необитаемой степи* (Втор. 32, 10). Пророки Исаія и Іеремія, описывая бѣдствія опустошительной войны, имѣвшія постигнуть людей за ихъ нечестіе, говорили, что земля будетъ *тогу* и *вогу*, т. е. превратится въ совершенную пустыню,—что разрушенные *города опустѣютъ* (קרית־תהו Іер. 4, 23. Ис. 24, 10; 34, 11). Праведный Іовъ говоритъ, что Богъ попускаетъ иногда людямъ блуждать по пустынѣ (בתהו), гдѣ нѣтъ и слѣ-

---

ворятъ, что сими словами означается матерія; ибо матерія, разсуждаютъ они, по природѣ своей невидима и неустроена; потому что, сама въ себѣ взятая, безкачественна, не имѣетъ никакого вида и очертанія» Бесѣд. 2 на Шестодн. Твор. св. От. т. 5. стр. 22 и 23. «Сказавъ намъ напередъ, по сотвореніи неба и земли, говоритъ св. Златоустъ,—*что земля бѣ невидима и неустроена*, (Моисей) присоединяетъ причину, почему она была невидима, т. е. потому, что была покрыта тьмою и водами» Бесѣд. 4 на кн. Быт. ч. 1. стр. 49, еще стр. 51. еще Бесѣд. 5 стр. 69. Туже мысль находимъ и у блаж. Ѳеодорита: «земля была *невидима*, говоритъ блаженный Отецъ, поелику погружена была въ водѣ, и *неустроена*, потому что не была еще украшена растеніями, не цвѣла лугами, рощами и жатвами» Толк. на кн. Быт. въ Христ. Чт. за 1843 г. част. 3, стр. 327.

да (Іов. 12, 24). Этого, кажется, довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, что пророкъ Моисей словами *тоху вавоху* выражаетъ не ту мысль, будто бы земля была въ какомъ-то неопредѣленномъ хаотическомъ состояніи, а ничего болѣе, какъ только то, что она была еще необитаемая для человѣка пустыня, что на ней не было ни людей, ни животныхъ, ни растеній, а была только одна вода,—*и Духъ Божій ношашеся верху воды*. Дѣйствительно ли вода, покрывавшая землю, была обыкновенная вода, — та самая жидкость, которая наполняетъ собою моря и рѣки,—и въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Слова Пророка до такой степени ясны и опредѣленны и такъ тѣсно связаны съ послѣдующими словами, что не допускаютъ ни малѣйшаго перетолкованія. Изъ послѣдующихъ словъ дѣеписанія мы видимъ, что эта вода во второй день міроздания отдѣлена была отъ воды, *яже бѣ надъ твердію*, т. е. какъ увидимъ послѣ, атмосферической, а въ третій отдѣлилась отъ суши; но другихъ перемѣнъ съ нею никакихъ не было; она осталась и остается доселѣ тѣмъ, чѣмъ была съ самаго начала. И такъ это была *настоящая вода* (1).

---

(1) «Извѣстны мнѣ правила иносказаній, говоритъ св. Василій в., хотя не самъ я изобрѣлъ ихъ, но нашелъ въ сочиненіяхъ другихъ. По симъ правиламъ, иные, принимая написанное не въ общеупотребительномъ смыслѣ, воду называютъ не водою, но какимъ нибудь другимъ веществомъ, и растенію, и рыбѣ даютъ значеніе по своему усмотрѣнію; даже бытіе гадовъ и звѣрей объясняютъ сообразно съ своими понятіями, подобно какъ и снотолкователи видѣнному въ сонныхъ мечтаніяхъ даютъ толкованія, согласныя съ собственнымъ ихъ намѣреніемъ. А я, слыша о травѣ, траву и разумѣю; также растеніе, рыбу, звѣря и скотъ,—все, чѣмъ оно названо, за то и принимаю... Сего, кажется мнѣ, не уразумѣли тѣ, которые по собственному своему уразумѣнію вознамѣрились придать нѣкоторую важность Писанію какими—то наведеніями и приноровленіями. Но это значитъ—ставить себя премудрѣе словесъ Духа, и подъ видомъ толкованія вводить собственныя

Какое помѣщеніе занимала вода на первозданной землѣ? —Напрасно нѣкоторые представляютъ себѣ первозданную землю комомъ грязи, въ которомъ вода смѣшана была будто бы съ другими, твердыми частями земнаго шара. Выше мы видѣли уже, какъ недостаточно для растворенія всей массы земной то количество воды, которое находится на землѣ. Гораздо лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ запискахъ на книгу Бытія; въ нихъ говорится, что «вода по своей плотности и тяжести занимаетъ средину между воздухомъ и землею: почему естественно долженствовала объимать поверхность земнаго шара» стр. 21. «Земля была вся покрыта водою, доколѣ воды не были собраны въ собраніе едино» (Тамъ же стр. 186) (1). Итакъ это была *земля, покрытая водою;* сверху вездѣ была вода, а подъ водою земля. Всемірный потопъ, бывшій потомъ во времена Ноевы, который, какъ увидимъ послѣ, разсматривается самимъ Откровеніемъ въ тѣсной связи съ первобытнымъ состояніемъ земли,—вотъ близкое подобіе первозданной земли! Бывъ по-

---

свои мысли. Посему такъ и будемъ разумѣть, какъ написано». Бесѣд. 9 на Шестодн. Тв. Св. Отт. Т. 5. стр. 157—159. Блаженн. Феодоритъ, разрѣшая вопросъ: Моисей не сказалъ намъ, что Богъ сотворилъ и воды?,—отвѣчаетъ: однакожъ сказалъ: *земля же бѣ невидима и неустроена и тьма верху бездны*; а симъ далъ знать, что вмѣстѣ съ землею сотворено и существо водъ. Толк. на кн. Быт. въ Христ. Чт. за 1843 г. ч. 3. стр. 327.

(1) Такой взглядъ какъ нельзя болѣе согласенъ съ мнѣніемъ знаменитыхъ вселенскихъ учителей—св. Василія в. и св. Златоуста. Вотъ слова перваго: «отъ разливающейся на поверхности ея (земли) воды (она) не могла быть видимою», Бесѣд. 2 на Шест. стр. 22. «*Земля бѣ невидима*. Какая же тому причина? Та, что земля имѣла надъ собою распростертую бездну. Что же за понятіе—бездна? Это — множество воды, въ которомъ невозможно достать нижняго предѣла» — стр. 28. «Воды, вѣроятно, со всѣхъ сторонъ омывали собою землю» Бесѣд. 3. стр. 49. «Онѣ то и покрывали лице земли, т. е. тьма и бездна водъ» говоритъ св. Златоустъ. Бесѣд. 3 на кн. Быт. ч. 1. стр. 30.

крыта со всѣхъ сторонъ водою, она должна была представляться взору эдемскаго наблюдателя въ видѣ безграничнаго моря, безбрежнаго океана. Какъ иначе и назвать ее въ этомъ состояніи, какъ не бездной?—Такъ и называетъ ее Тайнозритель творенія,—*и тьма верху бездны*. Намъ могутъ возразить, что вода, подъ которою скрывается земля, слѣдовательно *дно*, не можетъ быть названа *бездною*. Но еврейское слово *тегомъ* (תהום) употребленное Моисеемъ, въ переводѣ—*бездна*, означаетъ не бездонное вмѣстилище воды, невозможное въ дѣйствительности, а нѣчто *изумительное*, слѣдовательно пространство воды, изумляющее своею глубиною, или обширностію. И русское слово: *бездна*, не смотря на свой этимологическій составъ, по общепринятому употребленію, не означаетъ бездны въ собственномъ смыслѣ, а выражаетъ мысль о такой глубинѣ воды, гдѣ или не видно, или нельзя, или весьма трудно достать дно. Въ этомъ смыслѣ оно употребляется и въ св. Писаніи въ тѣхъ мѣстахъ славянскаго перевода, гдѣ въ еврейскомъ подлинникѣ употребляется слово *тегомъ*. Такъ бездною (*тегомъ*) не однократно называется тамъ и то море, *по дну* котораго чудесно проведенъ былъ Моисеемъ израильскій народъ (Пс. 105, 9. 76, 17. Исаія 63, 13), и то море, въ нѣдрахъ котораго провелъ три дня и три ночи пророкъ Іона (Іон. 2, 6), и вообще всякое море (Пс. 32, 7).

Такимъ образомъ въ Моисеевомъ описаніи первобытнаго состоянія земли, предшествовавшаго первому дню творенія, весьма ясно и опредѣленно говорится *о землѣ пустой и не обитаемой, о водѣ*, которая, безъ всякаго сомнѣнія, покрывала землю, обративъ ее въ безбрежное море, и *о безднѣ*, названіе которой, усвояемое св. Писаніемъ даже такимъ небольшимъ морямъ, какъ Аравійскій заливъ,—

очень хорошо шло къ тогдашнему состоянію земли, покрытой совершенно водою. Но нѣтъ здѣсь даже и самаго темнаго намека на то, будто это было какое-то неопредѣленное, хаотическое вещество безъ всякихъ свойствъ и качествъ. Еще менѣе доказательствъ можно найдти въ священномъ Писаніи въ пользу той мысли, будто это вещество было совершенно мертво и безжизненно, не обладало никакими силами,—даже и тѣми силами, которыя извѣстны въ наукѣ подъ именемъ силъ *неорганическихъ*, каковы силы физическія и химическія. А напротивъ можно найдти тамъ не одно доказательство въ подтвержденіе того, что по крайней мѣрѣ эти послѣднія (неорганическія) силы уже и въ то время существовали въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если несомнѣнно, что въ самомъ началѣ Богъ сотворилъ всѣ тѣла небесныя вмѣстѣ съ землею, то можно ли сомнѣваться, что вмѣстѣ съ тѣмъ получила бытіе и сила тяжести, которая каждому небесному тѣлу даетъ почти совершенно правильную шарообразную форму,—и тяготѣніе, которое изъ всѣхъ ихъ составляетъ одно стройное цѣлое,—и такъ называемая сила инерціи, которая даетъ движеніе этому огромному цѣлому, сохраняя то движеніе, какое было сообщено ей Творцемъ въ началѣ? Если несомнѣнно, что вода, какъ тѣло, занимающее по своей плотности *и тяжести* средину между воздухомъ и землею, *обнимала* поверхность земнаго *шара*, то можно ли сомнѣваться въ существованіи силы *тяжести*, которая и заставляетъ воду быть *поверхъ* земли и даетъ всей землѣ *шарообразную* форму? И могла ли бы вода быть водою безъ химическаго сродства и теплоты, изъ которыхъ первое составляетъ ее изъ двухъ разнородныхъ тѣлъ, а вторая, при извѣстныхъ градусахъ, даетъ ей видъ воды, видъ жидкости? Далѣе

мы видимъ тамъ воду подъ твердію и воду надъ твердію; (¹) вода подъ твердію имѣла *лицо* (פנים)—т. е. вполнѣ опредѣленную поверхность, какъ и теперь. Не слѣпой, безотчетный случай конечно далъ имъ такое размѣщеніе; не безъ всякой причины вода подъ твердію ограничилась свойственною ей поверхностію; нѣтъ, тутъ дѣйствовали тѣже самыя силы, которыя дѣйствуютъ и теперь,—сила теплотворная и сила тяжести, изъ коихъ первая одной части воды даетъ видъ жидкости, а другую обращаетъ въ пары, потомъ въ капли, вторая же первую часть воды оставляетъ внизу и даетъ ей ровный и гладкій уровень, а послѣднюю, какъ болѣе легкую, распространяетъ въ атмосферѣ. Это ли мертвый, безжизненный и не стройный хаосъ? (²).

Впрочемъ, разсуждая о томъ, была ли когда нибудь или нѣтъ одна мертвая матерія безъ силы, мы чрезъ это самое выходимъ изъ области Откровенія и переходимъ въ область тѣхъ отвлеченныхъ вопросовъ, которые составляютъ предметъ метафизики. Одинъ изъ этихъ вопросовъ и есть вопросъ объ отношеніи между матеріей и силой. Этотъ вопросъ, конечно, не заслуживалъ бы и серьезнаго разсмотрѣнія въ ряду предметовъ такой высокой важности, каковы священныя истины нашей Вѣры, если бы рѣшеніе его не имѣло такого огромнаго вліянія на уразумѣніе самихъ истинъ Вѣры. Вотъ почему мы рѣшаемся еще разъ взглянуть на этотъ предметъ, уже не при свѣтѣ Откровенія, а при свѣтильникѣ естественнаго любомудрія.

(¹) Мы разсматриваемъ воду надъ твердію, какъ воду атмосферическую; основанія для такого взгляда будутъ представлены послѣ.

(²) Мы предполагаемъ извѣстнымъ для всѣхъ, по крайней мѣрѣ образованныхъ читателей, что предлоги: *на*, *надъ* и *подъ* выражаютъ понятія, обусловливаемыя дѣйствіемъ силы тяжести, безъ которой они будутъ ничего незначущими словами.

Сила и матерія представляются намъ, правда, какъ что-то отличное другъ отъ друга; подъ матеріей мы разумѣемъ вещество, которое въ опытѣ представляется намъ въ видѣ *матеріальныхъ тѣлъ*, а подъ силами разумѣемъ *причины*, производящія тѣ перемѣны, какія замѣчаемъ въ матеріальныхъ тѣлахъ. Матерія—камень, сила—тяжесть, которая влечетъ его къ землѣ. Такъ мы *отличаемъ* матерію отъ силы. Но это различіе чисто логическое; оно существуетъ только лишь въ нашемъ представленіи: оно проистекаетъ единственно отъ того, что каждый предметъ мы хотимъ разсматривать съ различныхъ сторонъ, что мы отличаемъ причину и ея дѣйствіе. Но между этимъ *идеальнымъ различіемъ* и *реальнымъ раздѣленіемъ*—непроходимая бездна! Изъ того, что мы различаемъ *камень* и его *тяжесть*, никакимъ рядомъ посредствующихъ умозаключеній нельзя вывести того, что камень и тяжесть могутъ существовать отдѣльно и независимо другъ отъ друга, что камень можетъ быть безъ тяжести, а тяжесть безъ камня. Тоже самое будетъ, если вмѣсто камня и тяжести мы возьмемъ какое угодно вещество и какую угодно силу (1).

Изучая видимые нами предметы въ самыхъ малѣйшихъ ихъ частяхъ и свойства матеріальныхъ силъ во всѣхъ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ, новѣйшая наука открыла существованіе живыхъ и дѣятельныхъ силъ даже тамъ, гдѣ простой, непросвѣщенный взглядъ не видитъ ничего, кромѣ одного грубаго и мертваго вещества, и пришла наконецъ къ тому заключенію, что матерія «не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой

(1) Мы разумѣемъ здѣсь однѣ только не органическія силы и не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія распространять свои заключенія на всѣ другія силы.

можно отпрягать коня,—силу». (Слова Дюбуа Реймона). Замѣчая тѣсную, неразрывную связь между матеріей и силой, въ настоящее время считаютъ ихъ соединенными между собою такъ, что одно безъ другаго быть не можетъ, а нѣкоторые, такъ называемые динамисты, думали даже, что сама матерія въ своей сущности есть не что иное, какъ только проявленіе силъ. По этимъ теоріямъ въ одной каплѣ воды, въ одной пылинкѣ заключается цѣлый міръ, населенный живыми силами, безъ которыхъ вещество не могло бы и быть тѣмъ, чѣмъ есть. Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ будетъ напримѣръ капля воды, если уничтожить въ ней силу сцѣпленія, которая соединяетъ въ одно цѣлое безчисленное множество ея составныхъ частицъ? Чѣмъ будетъ она, если уничтожить химическое сродство, безъ котораго она разложится на два газообразныя вещества, а эти послѣднія, можетъ быть, разложатся еще на какія нибудь другія составныя начала, хотя теперь они и причисляются пока къ простымъ тѣламъ? Съ химическимъ же сродствомъ имѣетъ тѣсную связь электричество, съ электричествомъ магнетизмъ. Чѣмъ будетъ она, если уничтожить силу теплотворную, которая тó приводитъ ее въ твердое состояніе, тó даетъ ей видъ жидкости, тó обращаетъ ее въ пары? А съ теплотворомъ въ близкомъ родствѣ свѣтъ. Такимъ образомъ въ одной каплѣ воды заключаются всѣ извѣстныя намъ силы природы! Возмите какое угодно другое вещество и въ немъ подобнымъ образомъ вы откроете всѣ силы природы, хотя нѣкоторыя иногда по обстоятельствамъ и не обнаруживаются, какъ напр. сила сцѣпленія въ газообразныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ многія однакожъ обнаруживаютъ его со всею очевидностію, бывъ обращены въ жидкости, или въ твердыя тѣла. Вообще

безъ силъ не можетъ быть и вещества, а при силахъ вещество не можетъ быть въ хаотическомъ неопредѣленномъ состояніи, потому что силы, дѣйствуя постоянно и непрерывно, сейчасъ же дадутъ ему тотъ или другой видъ, то или другое расположеніе частей, тѣ или другія свойства. При такомъ взглядѣ на взаимное отношеніе между матеріей и силой,—они составляютъ какбы только двѣ стороны одного и тогоже недѣлимаго,—бытіе и явленіе, а хаосъ, какъ неопредѣленное, безкачественное вещество, какъ одна матерія безъ силы, становится отвлеченнымъ понятіемъ, которое можетъ существовать лишь въ одномъ воображеніи (¹). Можно ли послѣ этого думать, чтобы въ священномъ бытописаніи, которое прежде всего и главнымъ образомъ назначалось для людей простыхъ, подъ именемъ *земли*, *воды и бездны* разумѣлось такое отвлеченное понятіе?... Мы не думаемъ, и потому, оставляя въ сторонѣ мысль о хаотическомъ состояніи *стихій міра*, какъ мысль чуждую Откровенію и дошедшую до насъ *по преданію человѣческому*, какъ мысль, которая въ настоящее время можетъ только лишь служить памятникомъ незрѣлыхъ понятій давно устарѣвшей

(¹) Не можемъ не привести здѣсь весьма замѣчательныхъ словъ Св. Василія В. Предпишемъ себѣ, говоритъ великій Учитель Церкви, касательно земли правило—«не любопытствовать объ ея сущности, чтó она такое, не тратить времени на умствованія, изслѣдывая самое подлежащее, *не доискиваться какого-то естества, которое лишено качествъ* и, само въ себѣ взятое, *безкачественно*, но твердо помнить, что всѣ свойства, усматриваемыя въ землѣ, будучи восполненіемъ сущности, *входятъ въ понятіе бытія*. Покусившись отвлечь разумомъ отъ земли каждое изъ находящихся въ ней качествъ, *прійдешь ни къ чему*. Ибо если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли, дѣйствующія на вкусъ, или и другія, какія въ ней усматриваются: *то подлежащимъ останется ничто*». Бесѣд. 1 на Шестодн. Твор. Св. От. Т. 5. стр. 14.

языческой *философіи*, и держась со всею строгостію простаго и буквальнаго смысла богодухновенныхъ словъ бытописанія, мы вѣримъ, что это былъ не хаосъ, а *земля*, но земля безъ обитателей,—земля, покрытая водою и мракомъ. И какъ простъ и очевиденъ для всякаго становится послѣ этого смыслъ всего священнаго сказанія о первобытномъ состояніи міра до перваго дня творенія! Первоначально Богъ сотворилъ небо и землю, но земля не была еще устроена въ жилище человѣку, и потому была совершенно пуста; на ней не было и не могло еще быть никакихъ обитателей, потому что ([1]) она была еще вся покрыта водою и по лицу этой бездны разстилался мракъ.

3. Что сказать о третьей мысли, по которой изъ первозданнаго вещества Творецъ устроилъ въ шесть дней видимый міръ—самъ, непосредственно своею всемогущею силою, безъ участія силъ природы?

Сила этого вопроса въ томъ, можно ли объяснять священное сказаніе о твореніи міра понятнымъ для всѣхъ образомъ, приписывая нѣкоторое участіе въ этомъ дѣлѣ и естественнымъ силамъ природы, или нужно считать здѣсь все отъ начала и до конца непостижимою для насъ тайною Божественнаго всемогущества и премудрости.— Что Моисеево сказаніе о твореніи можно объяснять, это, думаемъ, не нужно и доказывать, потому что доказательствомъ этой истины будутъ служить всѣ тѣ объясненія, которыя были придуманы различными толкователями и между которыми многія носятъ на себѣ всѣ признаки истины. Вопросъ, значитъ, о томъ, какъ объяснять.

([1]) Мы не безъ основанія частицу и замѣняемъ частицею причинною; Еврейск. частица ו употребляется и въ этомъ значеніи; см. Быт. 6, 17 20, 3; 21, 2 и др. Chr. St. Clav. ling S. part. ו

Но мы думаемъ, что если можно *объяснять*, то конечно нужно объяснять (то, что можно объяснить) естественнымъ образомъ, потому что предметъ по свойству своему относится къ области естествовѣдѣнія, гдѣ все объясняется дѣйствіемъ силъ естественныхъ. Если объяснять все непосредственнымъ дѣйствіемъ всемогущества Божія, это объясненіе, вполнѣ удовлетворительное для Вѣры,—для ума будетъ служить не объясненіемъ, а сознаніемъ въ непостижимости предмета, потому что непосредственныя дѣйствія Божественнаго всемогущества относятся къ разряду такихъ предметовъ, которые выше нашего разумѣнія. Если съ другой стороны объяснять такъ, что объясняемый предметъ станетъ въ противорѣчіе съ общеизвѣстными законами природы, дѣйствующими въ настоящее время, то это будетъ не объясненіе, а затемнѣніе. Значитъ, если уже объяснять, то нужно объяснять согласно съ законами природы, заботясь только о томъ, чтобы не стать при этомъ въ прямое противорѣчіе и съ сказаніемъ Моисеевымъ, а сохранить и съ нимъ полное согласіе. Это объясненіе будетъ настоящее объясненіе, удовлетворительное и для Вѣры и для ума. Но такъ объяснить твореніе міра, скажутъ, невозможно; твореніе міра есть тайна, оно относится къ такимъ предметамъ, которые непостижимы для нашего ума и могутъ быть усвоены одною вѣрою. *Вѣрою*, скажутъ намъ словами Апостола, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Такъ, вѣрою; но *одною ли только* вѣрою? Нѣтъ ли тутъ чего нибудь такого, что мы можемъ разумѣвать и своимъ умомъ? Св. Апостолъ ясно говоритъ, что̀ собственно въ твореніи міра составляетъ тайну, непостижимую для человѣческаго ума и доступную только одной вѣрѣ; это про-

исхожденіе вещей изъ ничего, по одному слову Всемогущаго,—*глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти*. Дѣйствительно, это тайна, непостижимая для насъ. Тайною была она во времена апостоловъ;—не перестала быть тайною и теперь чрезъ 18 вѣковъ, несмотря на всѣ успѣхи естествовѣдѣнія, которые особенно были велики въ послѣднее время; напротивъ еще послѣ того, какъ Лавоазье точными опытами надъ сложеніемъ и разложеніемъ тѣлъ доказалъ, что въ природѣ не только ничто не происходитъ изъ ничего, а даже ничто и не обращается въ ничто, эта тайна сдѣлалась еще непостижимѣе. Итакъ непостижимая для насъ тайна творенія заключается собственно въ происхожденіи вещей *изъ ничего*. Есть тутъ кромѣ того и другая тайна: образованіе вещей *глаголомъ Божіимъ*, т. е. по волѣ творческой. Всякій знаетъ, что для Всемогущаго все возможно. Но какая связь между волею Творца и явленіемъ тварей, какой переходъ отъ творческаго повелѣнія къ его исполненію, этого, кромѣ одного Творца, опять никто не можетъ знать. Вотъ гдѣ собственно непостижимая тайна творенія! Но этимъ ли только ограничивалось великое дѣло творенія? Мы знаемъ уже, что твореніе міра состояло не въ одномъ произведеніи вещей *изъ ничего*, а еще и въ ихъ образованіи (¹). Первое есть дѣйствіе *исключительно* только одного всемогущества Божія;—кому и дѣйствовать, кромѣ Его, когда еще ничего нѣтъ? Дѣйствіемъ естественныхъ силъ, которыхъ не было въ то время и которыя и теперь, когда уже существуютъ и дѣйствуютъ по волѣ Божіей, не въ состояніи ничего произвести *изъ ни-*

(¹) Въ этомъ согласны всѣ безъ исключенія. Прав. Догм. Богосл. Преосв. Мак. 2 т. § 73—1,

чемъ, этого творенія никто и не станетъ объяснять, не отказываясь отъ здраваго смысла. Но во второмъ случаѣ есть полная возможность допустить къ участію въ твореніяхъ Божіихъ и силы природы, которыя самимъ же Творцемъ прежде были созданы и которыя и до сихъ поръ, такъ сказать, продолжаютъ Его твореніе, послѣ того, какъ самъ Онъ, по человѣкообразному выраженію священ. Дѣеписателя, *почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего унизительнаго ни для Творца, не нуждавшагося ни въ чемъ содѣйствіи, ни для достоинства Его творенія, которое, какъ обыкновенно говорятъ, составляло непосредственное дѣйствіе Божественнаго всемогущества,—всецѣло во всемъ своемъ составѣ. Другое дѣло, еслибы силы природы существовали самобытно и самостоятельно; въ такомъ случаѣ дѣйствительно употребленіе ихъ Творцомъ обнаружило бы въ Немъ недостатокъ всемогущества. Но вѣдь эти силы Имъ же самимъ созданы, и созданы конечно для того, чтобы навсегда служить орудіемъ Его премудрой воли; давая имъ бытіе, Онъ конечно далъ имъ и такія свойства, которыя нужны были Ему для достиженія Его премудрыхъ цѣлей, и на милліоны вѣковъ впередъ предвидѣлъ своимъ всевѣдѣніемъ всѣ дѣйствія, какія отъ нихъ должны произойти; кромѣ того и продолженіе ихъ существованія и дѣятельности постоянно поддерживалось и доселѣ поддерживается только Его же премудрымъ промысломъ, безъ котораго онѣ въ одно мгновеніе обратились бы въ первобытное ничтожество. Слѣдовательно Творцемъ будетъ все же Онъ самъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствуютъ силы природы. Мало того,— этого творческаго дѣйствія нельзя даже назвать и *посредственнымъ* въ отличіе отъ другаго *непосредственнаго*,

гдѣ Богъ дѣйствуетъ одинъ силою своего всемогущества, безъ всякихъ стороннихъ орудій. Слово *посредственный* предполагаетъ при твореніи, кромѣ Творца и твари, еще третіе посредствующее существо, отличное и *отдѣльное* отъ обоихъ ихъ.... Но развѣ силы природы составляютъ что нибудь отдѣльное отъ природы? Развѣ это особенныя какія нибудь существа, которыя занимаютъ средину между Творцомъ и вещественнымъ міромъ,—которыя ниже Бога, но выше матеріи? Мы видѣли уже, что матеріальныя силы и матерія въ существѣ своемъ—совершенно одно и тоже, что отдѣлять ихъ другъ отъ друга мы можемъ только *въ одномъ своемъ представленіи* при помощи разсудочнаго *отвлеченія*, которое въ *идеѣ* отличаетъ и *отдѣляетъ* другъ отъ друга причину и ея дѣйствіе, не смотря на то, что *въ дѣйствительности* они существуютъ *нераздѣльно*;—видѣли уже, какъ неосновательно поэтому то мнѣніе, будто Богъ сначала создалъ одну *мертвую* матерію, безъ всякихъ матеріальныхъ силъ, а потомъ надѣлилъ ее силами. Какъ двѣ *нераздѣльныя* стороны одного и тогоже предмета, составляющія одну и туже *сущность* матеріи, сила и матерія и не могли произойти иначе, какъ вмѣстѣ. Была ли, послѣ этого, даже и *возможность* дѣйствовать прямо и непосредственно *на матерію*, обходя, такъ сказать, ея силы?...Была ли *возможность* образовать что нибудь изъ матеріи безъ содѣйствія матеріальныхъ силъ, когда безъ этихъ силъ неможетъ даже и *существовать* матерія?... Впрочемъ если даже согласиться и съ тѣмъ, что было время, когда матерія была безъ всякихъ силъ, что именно таковою она была во время втораго творческаго дѣйствія, состоявшаго *въ образованіи* тварей изъ созданнаго прежде вещества, и что только въ это время она получила изъ рукъ Твор-

ии—Образователя свои силы: то и въ такомъ случаѣ нельзя считать всѣхъ творческихъ дѣйствій непосредственными дѣйствіями Божественнаго всемогущества, совершавшимися безъ всякаго участія силъ природы; напротивъ можно думать, что какъ только даны матеріи силы,—онѣ начали дѣйствовать, производя тѣ явленія, которыя и до сихъ поръ отъ нихъ происходятъ, и что въ этомъ собственно и состояло твореніе; иначе нужно предположить вмѣсто одного творенія два: одно непосредственное, а другое посредственное, именно: твореніе силъ, которыя доселѣ дѣйствуютъ въ природѣ, служа Промыслу орудіемъ для поддержанія и продолженія дѣлъ творенія; но очевидно, что первое при послѣднемъ становится лишнимъ. Конечно, не все въ твореніи можно объяснить въ настоящее время дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ природы; но мы не можемъ объяснить всего и изъ числа тѣхъ явленій, которыя совершаются теперь *предъ нашими глазами*, хотя и объясняемъ многое такое, что нѣсколько сотъ, или даже десятковъ лѣтъ тому назадъ составляло для всѣхъ неразрѣшимую тайну, и хотя нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ или сотъ лѣтъ разрѣшится многое такое, что для насъ теперь представляется непостижимымъ. Въ этомъ отношеніи съ перваго же раза можно замѣтить огромную разницу между явленіями, происходившими и происходящими въ природѣ *неорганической*, и между явленіями, совершавшимися и совершающимися въ природѣ *органической*. Первыя объяснить дѣйствіемъ извѣстныхъ намъ силъ довольно легко и просто, относятся ли эти явленія къ настоящему времени, или къ которому нибудь дню творенія, какъ это мы увидимъ послѣ; а онѣ-то собственно и относятся къ

области геологіи, науки о составныхъ частяхъ земнаго шара. Но послѣдніе и въ настоящемъ представляютъ натуралисту, занимающемуся разъясненіемъ этихъ тайнъ природы, огромныя, можно сказать, даже непреодолимыя трудности, которыя между тѣмъ увеличиваются во сто, или даже въ тысячу разъ, какъ скоро рѣчь зайдетъ о явленіяхъ того же рода, совершившихся вновь, въ первый разъ, при твореніи. Не легко объяснить дѣйствіемъ извѣстныхъ намъ силъ природы, образованіе растенія изъ зерна, или животнаго изъ зародыша (хотя участіе силъ природы въ этомъ случаѣ несомнѣнно); но въ тысячу разъ, разумѣется, труднѣе объяснить происхожденіе первыхъ растеній безъ семени, или первыхъ животныхъ не отъ животныхъ тогоже рода и вида ([1]). И до тѣхъ поръ, пока изъ реторты химика не выйдетъ растеніе или животное (а это въ настоящее время признается невозможнымъ), — до тѣхъ поръ происхожденіе растеній и животныхъ будетъ составлять не разрѣшимую тайну. Впрочемъ для насъ все равно, разрѣшится ли когда нибудь эта тайна, или на вѣки она останется тайной; — если разрѣшится, это будетъ служить доказательствомъ того, что и въ произведеніи этихъ тварей силы природы принимали (служебное) участіе, не доказывая нисколько того, что они явились на свѣтъ сами собою — безъ Творца; если же никогда не разрѣшится, то это можетъ служить скорѣе доказательствомъ ограниченности человѣческаго ума по отношенію къ великимъ и дивнымъ дѣламъ творенія, чѣмъ доказательствомъ того, будто и въ произведеніи этихъ тварей силы природы не

([1]) См. въ Прав. Обозр. за прошедшій 1860 годъ статью: «О первоначальномъ происхожденіи человѣческаго рода».

принимали ни малѣйшаго участія. Что же касается до тѣхъ событій изъ исторіи творенія, которыя мы и теперь можемъ объяснить по извѣстнымъ намъ законамъ природы —дѣйствіемъ силъ природы,—эти событія служатъ, разумѣется, неопровержимымъ доказательствомъ того, что Творецъ дѣйствовалъ при произведеніи этихъ твореній; хотя и непосредственно — силою своего всемогущества; но не безъ участія и силъ природы, Имъ же самимъ созданныхъ и охраняемыхъ, и служившихъ Ему орудіемъ для достиженія Его Божественныхъ цѣлей. Объясняя эти творенія естественнымъ образомъ, геологія также мало опровергаетъ истину происхожденія всѣхъ вещей *исключительно и всецѣло* отъ одного Бога-Творца міра, какъ мало другія естественныя науки, занимающіяся настоящимъ состояніемъ видимаго міра, опровергаютъ ту непоколебимую истину, что все въ мірѣ держится премудрымъ и всеблагимъ Божественнымъ Промысломъ,—объясняя явленія видимаго міра дѣятельностію естественныхъ силъ по законамъ естественной необходимости, которая безъ воли Божіей, конечно, не была бы и естественною необходимостію (²). А эти послѣднія, объясняя все естественнымъ образомъ, и не могутъ и не думаютъ противорѣчить той истинѣ, что и до сихъ поръ въ мірѣ Божіемъ безъ промыслительной воли Божіей не дѣлается рѣшительно ничего, что безъ нея не упадетъ даже воробей, даже волосъ съ головы человѣка. Когда метеорологъ начинаетъ объяснять происхожденіе дождя сгущеніемъ водяныхъ паровъ въ атмосферѣ, или физикъ—происхожденіе грозы и молніи—дѣйствіемъ атмосфернаго электричества, —не ужели они противорѣчатъ словамъ Господа Іисуса

(²) См. объ этомъ въ Прав. Догм. Богосл. Преосв. Мак. Т, 2, § 112.

Христа, Который говоритъ, что Отецъ Небесный дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ (Мѳ. 5, 45), также словамъ самаго Господа, который, перечисляя праведному Іову многочисленныя и разнообразныя свои творенія, между прочимъ, спрашиваетъ его: *кто уготова дождю велію пролитіе и путь молніи и грома*? (Іов. 38, 25),—наконецъ словамъ богодухновеннаго Псалмопѣвца, которыя повторяются и пророкомъ Іереміею (Іерем. 10. 13; сн. 14, 22), которыя могутъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ и по которымъ Господь возводитъ *облаки отъ последнихъ земли и молніи въ дождь творитъ* (Пс. 134, 7)? Конечно, здѣсь нѣтъ и тѣни противорѣчія; и тѣ и другія говорятъ истину, и нисколько не опровергаютъ другъ друга, а только разсматриваютъ предметъ—каждый съ своей точки зрѣнія и примѣнительно къ своей цѣли. Одни смотрятъ на первую Причину всего существующаго, имѣя въ виду цѣль нравственно-религіозную, другіе—на второстепенныя—*орудныя* причины, преслѣдуя свою цѣль—научную. Если бы послѣдніе считали силы природы *за что-нибудь самобытное и независимое*, въ такомъ случаѣ они противорѣчили бы Откровенію; но вопросъ о томъ, откуда взялись силы природы и чѣмъ поддерживается ихъ существованіе и ихъ дѣятельность, есть вопросъ, выходящій за предѣлы наукъ естественныхъ; всѣ эти науки, какъ науки опытныя (*эмпирическія*), занимаются только такими предметами, которые доступны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, которые подлежатъ опыту, или наблюденію; а такъ какъ дѣйствія Творца въ природѣ не только не подлежатъ матеріальнымъ нашимъ чувствамъ и не могутъ быть предметомъ опытовъ или наблюденій, но даже превышаютъ и человѣческое разумѣніе; то вопросъ объ этихъ дѣйствіяхъ не входитъ въ область ни одной естественной

науки; натуралистъ не можетъ касаться этого вопроса: онъ долженъ предоставить рѣшеніе его философу и богослову. Не выходя нисколько изъ границъ своей науки, опирающейся исключительно на опытѣ, не позволяя себѣ сдѣлать ни одного шагу безъ руководства опыта, онъ не можетъ сказать того, что силы природы, свойствами которыхъ онъ объясняетъ все, видимое нами въ мірѣ, произошли отъ Бога и поддерживаются Его премудрымъ Промысломъ; но не можетъ также точно и по той же самой причинѣ сказать и того, что эти силы вѣчны, самобытны и независимы, что онѣ составляютъ первую причину всего существующаго, а сами существуютъ безъ причины. Если же кто нибудь изъ естествовѣдовъ и допуститъ себя впасть въ это грубое заблужденіе матеріализма, онъ также далекъ будетъ и отъ своей науки, какъ далекъ отъ богооткровенной истины; его мысль вовсе не будетъ отголоскомъ науки; это будетъ злоупотребленіе наукой, и злоупотребленіе самое насильственное и противоестественное. До какой бы полноты и совершенства ни простирались наши познанія о свойствахъ силъ природы, хотя бы мы изучили ихъ еще въ милліоны разъ лучше того, чѣмъ какъ знаемъ ихъ въ настоящее время,—все же никакой опытъ не докажетъ намъ того, что указываемыя наукою причины явленій, происходящихъ въ природѣ,—сами для себя не имѣютъ никакой высшей причины. Напротивъ, изучая, подъ руководствомъ опыта, причины явленій и находя весьма часто, что одна причина происходитъ отъ другой, другая отъ третьей и т. д., кромѣ того, зная изъ исторіи, что для многихъ причинъ, считавшихся прежде первоначальными, въ послѣдствіи времени открыты другія причины, которыя сами зависятъ отъ новыхъ причинъ (укажемъ для примѣра на силу маг-

нитную, которая составляла нѣкогда причину первоначальную, а съ открытіемъ электромагнитизма—нашла для себя цѣлый рядъ новыхъ причинъ), — мы никакъ не можемъ останавливаться въ своихъ изъисканіяхъ на тѣхъ причинахъ, которыя наука находитъ въ матеріи, а отсюда уже весьма недалекъ переходъ къ идеѣ о высочайшей Божественной силѣ, которая служитъ причиной всѣхъ причинъ. Такъ надобно разсуждать о всѣхъ вообще естественныхъ наукахъ; тоже самое въ частности можно сказать и о геологіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она касается событій, относящихся или къ исторіи творенія, или къ исторіи послѣдующаго состоянія земли. Объясняя эти событія естественнымъ образомъ, она отнюдь не отвергаетъ и не можетъ отвергать того, что первой причиной этихъ событій была всемогущая сила Творца природы. Мало того,—лучшіе представители этой науки (о худшихъ не говоримъ, держась той мысли, что они не стоютъ даже и того, чтобы упоминать объ нихъ), въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ участіе высшей Божественной силы въ происхожденія извѣстнаго событія составляетъ такой же несомнѣнный фактъ исторія, какъ и самое событіе, прямо признаютъ это участіе несомнѣннымъ, наравнѣ съ истинами своей науки, хотя въ тоже время и объясняютъ это событіе дѣйствіемъ естественныхъ силъ, разсматривая, разумѣется, эти силы, какъ орудія Божественной воли. Такъ объясняютъ они происхожденіе всемірнаго потопа, такъ объясняютъ они причину и того грознаго явленія, которое причинило гибель нечестивымъ городамъ Содому и Гоморрѣ ([1]). Также точно могутъ быть объяс-

([1]) Ainsi, *tout en reconnaissant dans le récit de Moïse des circonstances extraordinaires*, говоритъ Бёданъ о потопѣ, qui indiquent *l'intervention surnaturelle de la volonté divine, pour châtier le genre humain,*

няемы и событія, совершавшіяся при твореніи, безъ всякаго противорѣчія Откровенію.

Впрочемъ и само Откровеніе изображаетъ дѣйствія Божіи при твореніи такими словами, которыя не только

---

nous voyons d'un côté la possibilité matérielle de cet affreux événement, et nous trouvons de l'autre le secret même des moyens, qui purent être mis en jeu, c'est à dire les soulèvements, les affaissements, les oscillations que les eaux purent en éprouver, qui deviennent dès lors *les instruments de la justice céleste*. Geolog. de Beudent. 1838. p. 331. § 377.—La mer morte, говоритъ онъ же, имѣя въ виду участь Содома и Гоморры,—est entourée des montagnes trachytiques, dont l'apparition fût, peut être, *une des causes médiates* du grand chatiment infligé aux villes coupables, que renfermaient cettes contrées p. 130. § 162. Трахитовыя скалы, окружающія Мертвое море, относятся къ числу горъ вулканическаго происхожденія; а дѣйствующіе вулканы извергаютъ, кромѣ многихъ другихъ веществъ, *сѣру* (Ест. Истор. земн. коры. — *Куторги*. 1858. стр. 166. 172. 95) и *соль* (также стр. 107); выходя изъ-подъ земли въ видѣ паровъ, первая или осѣдаетъ въ вулканическихъ трещинахъ, или выбрасывается вонъ, и загораясь на воздухѣ, распространяетъ въ атмосферѣ весьма удушливый газъ (сѣрнистой кислоты), а послѣдняя осаждается на землю въ видѣ мелкихъ кристалловъ и покрываетъ, какъ снѣгомъ, окружающія вулканъ окрестности, доставляя жителямъ немаловажныя выгоды. Эти черты чрезвычайно близко подходятъ къ Моисееву описанію событій, ознаменовавшихъ послѣдній день Содома и Гоморры; мы видимъ тамъ горящую сѣру *(жупелъ)*, падавшую сверху огненнымъ дождемъ (Быт. 19, 24); видимъ необыкновенную смерть Лотовой жены, обратившейся *въ столпъ соли* (ст. 26). «Превращеніе сіе, скажемъ словами Записокъ на книгу Бытія, можно представить такимъ образомъ: страхъ и жалость могли привести малодушную женщину въ изступленіе и безчувствіе; истеченія отъ пожара лютаго *сѣрою и солью* (солью, обращенною дѣйствіемъ сильнаго жара въ пары, или, какъ называется она въ книгѣ Второзаконія — 29, 23, *сожженною*) могли совершенно умертвить; а потомъ земля и воздухъ, также сѣрою и солью напитанные, довершить окаменѣніе» (стр. 408). Пропитанный насквозь солью и, по всей вѣроятности, покрытый и снаружи толстою корою этого же вещества, трупъ несчастной женщины естественно долженъ былъ представляться глыбой соли. Страшно разрушительныя дѣйствія вулканическихъ изверженій и всегдашнихъ ихъ спутниковъ —землетрясеній, думаемъ, не нужно описывать; пониженіе или возвышеніе почвы, могущее обратить сушу въ море и море въ сушу, — дѣло очень обыкновенное при землетрясеніяхъ. Что касается

не исключаютъ, а напротивъ даже допускаютъ участіе естественныхъ причинъ въ дѣлѣ творенія. Разсматривая тѣ черты, въ какихъ свящ. Бытописатель изображаетъ дѣйствія Творца, не трудно замѣтить, что онѣ представляются имъ въ четырехъ различныхъ формахъ: одно Богъ *творилъ* (ברא), другое *дѣлалъ* (עשה), или *образовывалъ* (יצר), а иное *дѣлалось* по Его повелѣнію—*да прораститъ земля, да изведутъ воды* и проч. Изъ всѣхъ, перечисленныхъ нами видовъ творческой дѣятельности, одинъ только глаголъ *бара*—означаетъ твореніе *изъ ничего* (1), а слѣдовательно твореніе въ собственномъ смыслѣ, совершающееся дѣйствіемъ одной всемогущей силы Божіей (потому-то дѣйствіе, имъ означаемое, и приписывается въ Свящ. Писаніи одному только истинному Богу). Вто-

---

до потопа, то участіе естественныхъ причинъ въ произведеніи этого великаго и грознаго событія, хотя оно было въ тоже время исполненіемъ небеснаго приговора надъ преступнымъ человѣчествомъ,—не можетъ подлежать никакому сомнѣнію (Зап. на кн. Быт. стр. 167. 180). И послѣ мы увидимъ, что, по свидѣтельству самаго Откровенія, здѣсь не все происходило сверхъестественнымъ образомъ и что вообще Премудрый Творецъ не употребляетъ безъ нужды сверхъестественныхъ мѣръ тамъ, гдѣ можно достигнуть той же самой цѣли — одними естественными средствами. Замѣтимъ вообще, что одно и тоже событіе можетъ и совершиться по волѣ Божіей, ясно и опредѣленно высказанной человѣку, и въ тоже время быть событіемъ естественнымъ и не быть чудомъ; въ доказательство этого можно указать на двукратное разрушеніе Іерусалима и ветхозавѣтнаго храма, которое, по ясному предсказанію пророковъ и самаго Христа Спасителя, имѣло быть послано отъ Бога въ наказаніе за беззаконія народа Божія, и которое между тѣмъ совершилось такимъ же естественнымъ образомъ, какъ и разореніе Москвы или Севастополя. Богъ управляетъ всѣмъ: и людьми и силами природы. *Всяческая работна* Ему. Псал. 118, 91.

(1) И то не всегда; иногда и онъ означаетъ образованіе чего либо изъ готовой матеріи (Правос. *Догм.* Бог. преосв. Мак. т. 2. § 55—1), и даже только одно преобразованіе, или возсозданіе; такъ въ извѣстныхъ всѣмъ словахъ покаяннаго Псалма: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже*.... слово *созижди* выражается въ подлинникѣ глаголомъ *бара*. См. также Псал. 101, 19.

рой глаголъ *аса*—значитъ: *сдѣлалъ, устроилъ*,—выражаетъ такое дѣйствіе, которое безразлично приписывается въ священномъ Писаніи не только Богу, но и человѣку ([1]) (Быт. 22, 12; 29, 26. Исх. 28, 15; 2 Парал. 20, 36 и мн. др.) и даже вещамъ неодушевленнымъ (Быт. 1, 11, 12 41 47. Псал. 106, 37. Ав. 3, 17), и которое слѣдовательно не только не устраняетъ участія силъ естественныхъ, а даже необходимо его предполагаетъ. Третій глаголъ *яцаръ*—значитъ *образовалъ, далъ форму*;—дѣйствіе, выражаемое этимъ глаголомъ, въ свящ. Писаніи усвояется между прочимъ горшечнику ([2]) (יוֹצֵר — *образователь* отъ глаг. *яцаръ*), который изъ глины приготовляетъ (формуетъ) посуду (2 Цар. 17, 28. Пс. 2, 9. Исаіи 30, 14; 45, 9. Іер. 18, 2. 6 и др.), и ваятелю, который подобнымъ же образомъ работаетъ статуи (Ис. 44, 9. 10. 12. Ав. 2, 18). Излишне и говорить объ участіи естественныхъ силъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ безъ силы притяженія вы никогда не могли бы слѣпить и двухъ кусковъ глины, безъ теплоты никогда не могли бы ихъ высушить и пр. Наконецъ четвертая форма творческой дѣятельности уже прямо выражаетъ мысль, что дѣло, хотя происходитъ и по повелѣнію Божію, но совершается другими дѣятелями, служащими орудіемъ Его творческой силы. Такъ какъ эти *орудные* дѣятели, и своимъ происхожденіемъ, и продолженіемъ

([1] и [2]) Когда св. Писаніе употребляетъ о Богѣ и о человѣкѣ одни и тѣже выраженія: *сдѣлалъ, образовалъ*, то дѣйствіе, приписываемое имъ равно и Богу и человѣку, естественнѣе представлять себѣ дѣйствіемъ *естественнымъ*; тогда оно возможно и Богу, и — разумѣется, въ меньшей степени и въ меньшихъ размѣрахъ — человѣку. Если же представлять это дѣйствіе *сверхъестественнымъ*, тогда оно будетъ возможно только Богу, потому что человѣкъ не можетъ *сверхъестественнымъ* образомъ сдвинуть съ мѣста и одной песчинки.

своего существованія и дѣйствованія обязаны всецѣло и исключительно всемогущей силѣ Творца и Промыслителя міра, то дѣйствіе, ими совершаемое, по всей справедливости, должно быть названо также дѣломъ Божіимъ. Но въ свящ. дѣеписаніи Моисеевомъ есть и еще одна черта, которая обнаруживаетъ близкое участіе творческой силы въ дѣлахъ, производимыхъ, по волѣ Божіей, естественными дѣятелями. По человѣкообразному изображенію Дѣеписателя непостижимый Творецъ и Промыслитель всего существующаго представляется вмѣстѣ *и наблюдателемъ* творенія. Какбы не довольствуясь еще тѣмъ, что всѣ вещественные дѣятели, каковы: *огнь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ буренъ, творящая слово Его* (Псал. 148, 8) – исполняютъ волю Его съ невообразимою точностію, потому что получили и бытіе и всѣ свои свойства изъ Его всемогущей десницы, Творецъ неусыпнымъ взоромъ слѣдитъ за своимъ созданіемъ, *смотритъ*, *хорошо* ли все дѣлается въ немъ,—*такъ ли*, какъ нужно, *и видитъ, что хорошо*... совершенно *такъ*, какъ слѣдуетъ: *и бысть тако*... *и видѣ Богъ, яко добро*... *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло!* При такомъ отношеніи Творца къ творенію не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы отличать и отдѣлять такъ называемыя *непосредственныя* дѣйствія Творца при твореніи отъ *посредственныхъ*, производимыхъ посредствомъ естественныхъ дѣятелей, и—вотъ причина, почему всѣ, перечисленные нами, виды творческой дѣятельности въ священномъ Писаніи постоянно между собою смѣшиваются. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сравненія различныхъ мѣстъ свящ. Писанія выходитъ, что *одно и тоже* Богъ и *творилъ* (бара) и *дѣлалъ* (аса) и *образовывалъ* (яцаръ) и *повелѣвалъ* производить другимъ дѣятелямъ. Такъ *небо* Онъ *сотворилъ* (Быт. 1, 1; 2. 4 и Исаіи 42, 5; 45, 18) и вмѣ-

стѣ *сдѣлалъ* (Быт. 2, 4. Псал. 135, 5); и въ тоже время оно *сдѣлалось* (Пс. 32, 6) и *сотворилось* по Его повелѣнію (Псал. 148, 5). Земля имъ *сотворена*, *сдѣлана и образована* (Быт. 1, 1; 2, 4. Исаіи 45, 18). Свѣтъ *является по Его повелѣнію* (Быт. 1, 3), отдѣлившись отъ тьмы (—4); но свѣтъ же Онъ и *образовалъ*, а тьму *сотворилъ* (Исаіи 45, 7). Твердь *явилась по Его повелѣнію* (Быт. 1, 6) и была Имъ *сдѣлана* (—7). Суша *явилась*, отдѣлившись, по слову Его, отъ моря (Быт. 1, 9); и сушу же Онъ *образовалъ и сдѣлалъ*, море также Онъ *сдѣлалъ* (Псал. 94; 5; 145, 6. Іон. 1, 9). Растенія *произведены*, по волѣ Божіей, *землею* (Быт. 1, 11. 12), по вмѣстѣ съ тѣмъ *сдѣланы* Богомъ (— 2, 4. 5). Свѣтила небесныя Онъ заставилъ явиться (Быт. 1, 14) или, что тоже, *положилъ* (ст. 17) на тверди небесной; они *сотворились* по Его повелѣнію (Пс. 148, 5), и Онъ ихъ *сдѣлалъ* (Быт. 1, 16. Псал. 103, 19; 135, 7). Гады и рыбы *произведены водами*, по творческому слову, которое вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣло и птицамъ летать по воздуху (Быт. 1, 20), и въ тоже время Богъ ихъ *сотворилъ* (— 21) и *образовалъ* (— 2, 19. Псал. 103, 26). Животныя земныя *произведены землею* (Быт. 1, 24); Богъ ихъ *сдѣлалъ* (— 25; 3, 1) и *образовалъ* (—2, 19). Человѣкъ Богомъ *сдѣланъ* (—1, 26), *сотворенъ* (—27) *образованъ* (—2, 7. 8). Наконецъ о всѣхъ тваряхъ въ совокупности говорится, что Богъ ихъ *сдѣлалъ* (Быт. 2, 2, Исх. 20, 11; 31, 17. Пс. 145, 5. 6. Неем. 9, 6) или *сотворилъ дѣлая* (ברא לעשות Быт. 2, 3). *Явленіе новыхъ* тварей (новыхъ родовъ и видовъ и новыхъ предметовъ) въ шестой день творенія кончилось, и въ седьмой—Всесильный *почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*. Но *твореніе* (повтореніе прежнихъ явленій и произведеніе новыхъ недѣлимыхъ) никогда не-

прекращалось и не прекратится до конца міра; неистощимая творческая дѣятельность продолжается доселѣ и будетъ продолжаться, пока существуетъ міръ, чрезъ *естественныя* орудія всеуправляющаго божественнаго промысла; Богъ творитъ и до сихъ поръ: «а) Онъ производитъ новыя твари, но не новые виды тварей; б) продолжаетъ твореніе сохраненіемъ законовъ естества, но не постановленіемъ новыхъ; в) новотворитъ въ царствѣ благости (2 Кор. 5, 17), промышляетъ въ царствѣ природы» (Зап. на кн. Быт. стр. 42). *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ*, говоритъ единородный Сынъ Божій, *и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17)! Можно ли послѣ этого строго различать и разграничивать въ дѣлѣ творенія (разумѣемъ не твореніе изъ ничего — твореніе въ собственномъ смыслѣ, а образованіе, или устроеніе) дѣйствія божественныя и явленія естественныя? Можно только тогда, если устранить въ твореніи міра всякое участіе силъ естественныхъ, а въ послѣдующемъ его состояніи — всякое участіе силы Божіей. Но это — двѣ крайности, равно далекія отъ истиннаго смысла Откровенія и вѣрнаго понятія о Богѣ и мірѣ Божіемъ!

Разсмотрѣвъ два важнѣйшихъ вопроса касательно творенія, именно, вопросы о первозданномъ небѣ и землѣ, — вопросы, рѣшеніе которыхъ мы считали необходимымъ для опредѣленія подлиннаго смысла Моисеева сказанія о твореніи, — мы теперь можемъ приступить, не опасаясь возраженій, и къ сравненію геологическаго ученія о происхожденіи земли съ повѣствованіемъ свящ. Бытописателя, и безпрепятственно можемъ опредѣлить взаимное отношеніе между ними.

Н. Г.

II.

НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

И ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ ХРИСТІАНСТВУ ([1]).

АѲИНСКАЯ ШКОЛА.

ПРОКЛЪ.

Съ половины IV вѣка Аѳины сдѣлались главнымъ пріютомъ неоплатонической философіи. Имя этого классическаго города и древность аѳинскихъ школъ привлекли къ нимъ большое число умовъ, ищущихъ образованія. У Григорія Назіанзина и Евнапія можно видѣть любопытныя подробности о состояніи аѳинскихъ школъ этого времени, о принятіи въ школы, порядкѣ ученія и раздѣленіи учебныхъ предметовъ и учебнаго времени. До нѣкоторой степени они замѣнили собой учрежденія Александріи. И неоплатоническая философія, не смотря на неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, дала въ Аѳинахъ новые побѣги и достигла въ системѣ Прокла своей высшей формальной полноты. Тѣсная связь ея съ Ямвлихомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но между тѣмъ, какъ въ школѣ Ямвлиха теологическое созерцаніе, мистическое ученіе о числахъ, теургія и ревность къ защитѣ политеизма усиливались въ ущербъ науки, и до того вытѣснили интересъ послѣдовательнаго философскаго мышленія, что

([1]) Христ. Чт. 1860 г. № IX, XII и 1861 г. № I.

во время Юліана школа находилась въ опасности совершенно потеряться въ практически-религіозной дѣятельности, — аѳинская школа, послѣ неудачи такихъ практическихъ стремленій, возвратилась снова къ строгому занятію діалектикою и соединила всѣ результаты своихъ предшественниковъ въ одной величественной, приведенной къ высшему единству, системѣ. Этимъ результатомъ она обязана прежде всего ревностному изученію Аристотелевыхъ сочиненій, которыя Ямвлихомъ и его учениками были оставлены въ нѣкоторомъ пренебреженіи, сравнительно съ восточными системами и неопиѳагорейскимъ ученіемъ, между тѣмъ какъ въ ту пору они нашли для себя знаменитыхъ объяснителей въ александрійскихъ перипатетикахъ Темистіѣ и Олимпіодорѣ (1). Если прибавимъ къ этому, что для религіозныхъ преданій также ни въ какомъ отношеніи не должно было съузиться мѣсто, которое назначилъ имъ Ямвлихъ, то опредѣлится задача, поставленная аѳинскою школою, — именно она состояла въ томъ, чтобы, на основаніи Плотинова платонизма, соединить все богатство, все достояніе религіозной и философской истины предшествовавшаго времени въ одной всеобъемлющей, методически построенной системѣ. Но чѣмъ полнѣе раскрывалась философія въ этомъ направленіи, тѣмъ яснѣе обнаруживался недостатокъ творческой силы, который, при всемъ діалектическомъ искусствѣ, кладетъ на произведенія этихъ мужей очевидную печать старѣющей науки. Отношеніе аѳинскихъ неоплатониковъ къ прежней философіи и къ положительной религіи — существенно схоластическое. И Проклъ особенно можетъ быть разсматриваемъ, какъ въ собственномъ смыслѣ схоластикъ

(1) *Brucker*, II, 484 sq. *Marin.* Vita Procli, 9.

между греческими философами. Платоновы сочиненія, изреченія боговъ и орфическія стихотворенія для этихъ послѣднихъ неоплатониковъ имѣли значеніе нормальнаго (догматизирующаго) свидѣтельства откровенія.

Человѣкомъ, который положилъ на неоплатоническую школу въ Аѳинахъ отличительную ея печать, и вообще строгою послѣдовательностію своей систематики привелъ неоплатонизмъ къ формальному заключенію, былъ *Проклъ*, родомъ византіецъ (412 — 485 г. по Р. Х.). Описаніе жизни его оставилъ намъ ученикъ и преемникъ его *Маринъ*, представившій въ своемъ учителѣ идеалъ возможнаго совершенства и счастія. Тутъ нѣтъ ни слова ни о его ученіи, ни о сочиненіяхъ; но за то онъ исчисляетъ всѣ роды добродѣтелей, которыми украшался его учитель; ступень за ступенью изображаетъ весь путь восхожденія его на высоту нравственнаго совершенства, на которой онъ сдѣлался подобенъ богамъ по силѣ и блаженству. Мы заимствуемъ изъ него только вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія.

Проклъ получилъ первое образованіе въ Ликіи; послѣ того слушалъ грамматиковъ, риторовъ и математиковъ въ Александріи, гдѣ познакомился также съ сочиненіями Аристотеля; наконецъ, желаніе узнать философію Платона привлекло его въ Аѳины, гдѣ преподавали платоническую философію Плутархъ и Сиріанъ. Плутархъ скончался (въ 434 г.), спустя два года послѣ прибытія Прокла, оставивши послѣ себя дочь Асклепигенію, которая посвятила Прокла въ халдейскія прорицалища и въ теургію. Послѣ него Проклъ слушалъ Сиріана около 15 лѣтъ и, наконецъ, по смерти его (въ 450 году) сдѣлался начальникомъ школы.

Судя по великому уваженію, какое Проклъ питалъ къ

этому своему наставнику, надо полагать, что онъ былъ даровитый мыслитель и что онъ имѣлъ большое вліяніе на своего воспріимчиваго и восторженнаго ученика. Въ древности были извѣстны многія его сочиненія (Suidas, V. Syrian): но до насъ дошло только одно — комментарій на Аристотелеву метафизику и нѣсколько отрывочныхъ мѣстъ у Прокла. Изъ нихъ видно, что хотя Сиріанъ и занимался Аристотелевыми сочиненіями, однакожъ находилъ высшую мудрость только у Платона, Пиѳагора, Ямвлиха и Орѳея, и старался соединить ее въ одну систематическую форму. Сообразно съ этимъ, въ изъясненіи Платона, у него преобладаетъ теологическое направленіе (θεολογικώτερον εἶδος τῆς ἐξηγήσεως. Procl. in Parmen. VI, 27).

Что касается до его философскихъ понятій, то онъ различаетъ ближайшимъ образомъ Одно, Божественный міръ, Душу, формы или силы, дѣйствующія въ матеріи и самую матерію; въ Божественномъ мірѣ — умственное (πρόοδοι νοηταί), умосозерцаемое(νοεραί) и надміровую душу (ὑπερκόσμιοι); въ умственномъ мірѣ—первый членъ—животное (αὐτοζῶον), второй — сущее (οὐσία), третій — умственное (νοητόν) — (Procl. in Tim. 99); во главѣ умосозерцаемаго міра онъ ставитъ деміурга, котораго называетъ также Зевсомъ; подлѣ него — тріаду деміургическихъ силъ. Отъ деміурга и одной изъ низшихъ деміургическихъ силъ происходитъ душа, въ жизни которой Сиріанъ различаетъ три состоянія: пребыванія въ себѣ, исхожденія изъ себя и возвращенія къ себѣ.

Преданіе сохранило еще нѣсколько теологическихъ и психологическихъ его положеній; напримѣръ, что зло происходитъ изъ взаимнаго отношенія существъ между собою, но что для цѣлаго и для божества нѣтъ никакого зла (Procl. in Tim. 113); что съ отрицаніемъ сво-

боды воли дѣлается ненужною всякая философія (Procl. de Provid. c. 53); наконецъ, къ особенностямъ его ученія надо отнесть и то, что всякая душа, даже наименѣе несовершенная, во всякій періодъ міра, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ должна ниспасть на землю (Procl. in Tim. 324).

Схоластическій характеръ философіи Прокла.

Если уже Сиріанъ прославился соединеніемъ логическаго метода и религіознаго энтузіазма, то у Прокла мы находимъ и то и другое въ высочайшей полнотѣ. Значеніе его съ этой стороны въ томъ и состоитъ, что онъ старался всю область неоплатонической вѣры обнять правильно начертанною логическою сѣтью, привесть этотъ хаосъ въ порядокъ, каждому отдѣльному предмету назначить его опредѣленное мѣсто и пополнить всѣ пробѣлы, которые бросались въ глаза, при этомъ стараніи примирить всѣ противорѣчія. Существеннымъ содержаніемъ своего ученія онъ обязанъ своимъ предшественникамъ, предъ которыми склоняется съ благоговѣйною вѣрою въ ихъ авторитетъ. Онъ самъ такъ ясно понимаетъ это, что выдаетъ себя только за истолкователя ихъ ученія: онъ полагаетъ Платоновы разговоры въ основаніе всѣхъ своихъ изслѣдованій въ нормальномъ значеніи откровеннаго свидѣтельства и обращается къ изреченіямъ поэтовъ, къ Гомеру и къ Гезіоду, къ мнимому Орфею и къ прорицалищу боговъ, какъ полнымъ авторитетамъ; онъ объяснялъ, какъ говоритъ его біографъ, вообще эллинскую и варварскую теологію и занимался ею, особенно изреченіями боговъ, въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, съ такимъ прилежаніемъ, что сочиненіе его

объ этомъ предметѣ возрасло до 70 тетрадей. Онъ до того проникнутъ былъ уваженіемъ къ этимъ откровеніямъ, что не рѣдко выражалъ враждебное наукѣ желаніе — уничтожить всѣ древнія сочиненія, кромѣ собранія оракуловъ и Тимея. Такого же настроенія были и нѣкоторые молодые и наиболѣе преданные теологіи неоплатоническіе предшественники его, и преимущественно Ямвлихъ, къ которымъ онъ старается выказать величайшее удивленіе. Но этотъ теологъ, который самъ смотритъ на свои научные труды, какъ на тайную мистагогію, — этотъ чтитель древнихъ боговъ, который день и ночь прилежно исполнялъ умилостивленія и священные обряды (1), который былъ посвященъ во всѣ мистеріи и хотѣлъ быть жрецомъ цѣлаго міра (2), — этотъ поэтъ, который посвящалъ плоды своей музы всѣмъ богамъ, — этотъ аскетъ, который воздерживался отъ употребленія мяса и съ богобоязненною совѣстію наблюдалъ посты самыхъ различныхъ культовъ, — этотъ ясновидящій, котораго благочестіе вознаграждено было пророческими сновидѣніями, явленіями боговъ, видѣніемъ сверхчувственныхъ образовъ, — этотъ чудотворецъ, который своею молитвою исцѣлялъ болѣзни и чародѣйствомъ измѣнялъ погоду, — этотъ мечтатель, который вслѣдствіе сонныхъ видѣній убѣжденъ былъ, что онъ служитъ членомъ гермесовой цѣпи и имѣетъ душу пиѳагорейца Никомаха, — этотъ человѣкъ, который такъ глубоко, какъ никто другой, погрязъ въ суевѣріяхъ своего времени и въ сумазбродныхъ понятіяхъ своей школы, — есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый неумолимый діалектикъ, который не затрудняется раздѣлять и вновь соединять понятія, — есть мужъ научно-образованный, у кото-

(1) Marin, c. 19.
(2) Ibid. c. 22.

раго все, даже сумазбродство его религіозныхъ фантазій, приводится въ систему, — отвлеченный мыслитель, за которымъ трудно слѣдовать въ той области, гдѣ прекращается всякое пособіе воззрѣнія. Однимъ словомъ, Проклъ, какъ мы уже сказали однажды, совершенный схоластикъ. Онъ обладаетъ рѣдкою силою мышленія, но это мышленіе не свободно въ самомъ началѣ и связано авторитетами и предположеніями всякаго рода. У него только формальная обработка даннаго ученія, въ которой и заключается для него все дѣло: и чѣмъ больше прилагаетъ онъ старанія и силы къ этой задачѣ, тѣмъ съ большею ясностію открывается у него неизбѣжная обратная сторона всякой схоластики, — безполезный и монотонный формализмъ. Система Прокла образуетъ собою не только заключительный пунктъ греческой философіи, но также соединительный членъ, связывающій ее съ средневѣковою наукою, которая между прочимъ его школѣ обязана своимъ направленіемъ.

При такомъ значеніи, какое Проклъ усвоилъ систематической формѣ, безъ сомнѣнія первою заботою его было опредѣлить законъ, по которому отдѣльное, частное связывается съ цѣлымъ. Въ существенныхъ чертахъ этотъ законъ высказалъ уже Плотинъ: это — происхожденіе многаго изъ одного и возвращеніе его къ одному, чѣмъ опредѣляется взаимная связь всѣхъ вещей и мѣсто каждой отдѣльной вещи въ этой связи. Но Проклъ строже разграничилъ отдѣльные моменты этого отношенія, и приложилъ законъ его ко всѣмъ частямъ системы съ большею полнотою и строгостію, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Всякое множество, говоритъ онъ въ своемъ теологическомъ наставленіи (1), причастно единству,

(1) Στοιχείωσις θεολογική (institutio theologica).

и потому предполагаетъ единство (с. 1, 5, 11, 21), съ другой стороны всякое единство производитъ множество (с. 21), и это произведеніе совершается не чрезъ дѣленіе или превращеніе, но въ слѣдствіе совершенства и избытка силы въ производящемъ, посредствомъ которой оно рождаетъ другое, не измѣняясь само въ себѣ (с. 27). Поэтому всякое произведеніе въ одно и тоже время отлично отъ производящаго и сходно съ нимъ, какъ съ своей причиной. Слѣдствіемъ этого двоякаго отношенія служитъ то, что все обращается къ своей причинѣ и стремится къ соединенію съ нею. Если мы хотимъ различать отдѣльные моменты этого теченія, — то всякое произведеніе находится въ трояскомъ отношеніи къ причинѣ, именно: 1) вслѣдствіе своего сходства съ нею оно остается въ ней, 2) выходитъ изъ нея и 3) возвращается къ ней (с. 35). Но обѣ стороны этого процесса соотвѣтствуютъ вполнѣ одна другой: всякое произведеніе какъ возникаетъ вслѣдствіе сходства съ своею причиною, отличаясь и отдѣляясь отъ нея несходствомъ, такъ должно возвращаться къ ней чрезъ уподобленіе ей. Итакъ одинъ законъ, которымъ опредѣляется все сцѣпленіе причинъ и дѣйствій и по которому располагается вся совокупность дѣйствительнаго (бытія)—законъ троичнаго развитія. Бытіе произведенія въ своей причинѣ, его выступленіе изъ нея и его возвращеніе къ ней суть три момента, въ безконечномъ повтореніи которыхъ происходитъ изъ первоначальнаго единства все разнообразіе произведеннаго бытія. Чѣмъ чаще это теченіе совершается въ нисходящемъ направленіи, чѣмъ глубже ниспускаемся мы въ ряду произведеній, тѣмъ дробнѣе и несовершеннѣе становится бытіе; наоборотъ чѣмъ выше восходимъ въ противоположномъ направленіи, тѣмъ оно ста-

новится совершеннѣе; потому что если каждое высшее существо и проходитъ чрезъ всѣ низшія существа своего порядка, то все-таки эти послѣднія не могутъ воспринять въ себя всѣхъ силъ высшаго. «Боги равномѣрно присущи всему, но не все присуще богамъ.» Слѣдовательно простѣйшія существа суть самыя совершенныя, а наиболѣе сложныя — самыя несовершенныя. Но чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ больше его сила, тѣмъ больше оно имѣетъ производительной способности; слѣдовательно сила всякой причины тѣмъ больше, чѣмъ она простѣе, и тѣмъ меньше, чѣмъ она сложнѣе: сумма ихъ дѣйствій и сумма ихъ признаковъ находятся въ обратномъ отношеніи; самыя общія понятія выражаютъ собою самыя высшія причины, самыя частныя понятія—самыя низшія причины, съ самою ограниченною силою. Воспроизвесть совокупность этихъ понятій, показать ихъ взаимныя отношенія и развитіе каждаго отдѣльнаго понятія по закону троичнаго теченія — вотъ въ чемъ состоитъ задача Прокловой науки и особенность его метода. Напротивъ то́, въ чемъ онъ самъ полагалъ особенность своего метода—(аналитическій методъ Платонова Парменида), совсѣмъ не сообразно съ его собственными представленіями.

Отличіе этой системы отъ Плотиновой.

Эта теорія Прокла отличается отъ Плотиновой, къ которой она безъ сомнѣнія примыкаетъ очень близко, не только дальнѣйшимъ развитіемъ, но нѣкоторыми не маловажными измѣненіями самыхъ ея основаній. Правда, общіе члены системы у того и другаго одинаковы. Происхожденіе многаго изъ Одного и возвращеніе его къ

Одному суть тѣ точки опоры, около которыхъ вращается система Плотина. Въ главныхъ частяхъ ея ясно выступаютъ одинъ за другимъ тѣже три момента, которые и Проклъ полагаетъ въ основаніе своей теоріи, какъ постоянную схему. Но у Плотина это дѣленіе опредѣляетъ только общій видъ системы, не касаясь подробностей ея состава; напротивъ, у Прокла онъ примѣняется со всею строгостію не только къ отдѣльнымъ сферамъ бытія, но и къ отдѣльнымъ предметамъ. Процессъ, господствующій въ цѣломъ, повторяется въ каждой отдѣльной части. Совокупность произведеннаго бытія представляетъ у одного простую линію, которая выходитъ изъ своей исходной точки въ прямомъ направленіи, у другаго спиральную линію, которая, послѣ каждаго новаго удаленія впередъ, возвращается къ своей исходной точкѣ, хотя при этомъ разстояніе, отдѣляющееее ихъ, постоянно увеличивается. Съ этимъ связано и то, что каждая сфера произведеннаго бытія у Прокла заключаетъ въ себѣ неопредѣленное множество отдѣльныхъ сферъ, такъ какъ каждое изъ опредѣленій ума, души и природы снова олицетворяется и дѣлится до безконечности. Хотя уже и прежніе неоплатоники предупредили Прокла на этомъ пути, но онъ послѣдовательнымъ примѣненіемъ своей троичной системы довелъ это направленіе до самыхъ отдаленныхъ результатовъ. Наконецъ замѣчательное уклоненіе отъ Плотина можно видѣть въ основныхъ положеніяхъ нашего философа объ объемѣ или пространствѣ дѣйствій, производимыхъ различными причинами. Такъ какъ Проклъ сравниваетъ отношечіе высшихъ причинъ къ низшимъ съ отношеніемъ общихъ понятій къ частнымъ, то онъ доходитъ до положенія, что дѣйствія высшихъ причинъ распространяются не только вверхъ,

но и внизъ гораздо дальше, чѣмъ дѣйствія низшихъ; въ бытіи, наприм. участвуютъ такія вещи, которыя совсѣмъ не имѣютъ жизни, въ жизни участвуютъ такія, которыя не имѣютъ мышленія. Это положеніе, очевидно несогласное съ общими положеніями неоплатонической системы, заимствовано Прокломъ изъ Аристотелева ученія.

Общій очеркъ философской теоріи Прокла.

Въ основаніе своей системы Проклъ, какъ и всѣ неоплатоники, полагаетъ Плотиново различіе божественнаго начала, ума (νοῦς), души и тѣлеснаго міра. Но если уже предшественники его, начиная съ Ямвлиха, не удовлетворялись этимъ простымъ разграниченіемъ, то Проклъ тѣмъ менѣе могъ на немъ остановиться. Равнымъ образомъ и въ описаніи отдѣльныхъ сферъ онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уклоненія отъ основателя школы.

Правда, онъ опредѣляетъ понятіе перваго существа также, какъ Плотинъ: онъ полагаетъ, что всякому множеству должно предшествовать одно, всякому доброму дѣлу—первоначальное добро, всему существующему—первая причина, и что эти три понятія означаютъ одно и тоже; онъ подробно распространяется о различіи первосущаго отъ ума (νοῦς) и отъ всего произведеннаго вообще; описывая это первосущее, какъ тайную, непосредственную, непостижимую и неизреченную причину всего, которая все производитъ и все возвращаетъ къ себѣ, онъ объясняетъ, что мы не можемъ знать, что она такое, а можемъ только знать, что она не есть; понятіе одного даетъ только отрицательное, а понятіе добра — только аналогическое представленіе о немъ; говоря въ строгомъ смыслѣ,—это не одно, а гораздо выше, чѣмъ

одно, одинаково возвышающееся какъ надъ всякимъ отрицаніемъ, такъ и надъ всякимъ утвержденіемъ; онъ отрицаетъ въ немъ всякое мышленіе, волю и всякое другое свойство, потому что они предполагаютъ непремѣнно бытіе другаго, на что они обращены или чѣмъ взаимно ограничиваются; онъ не хочетъ также подвести свою причинность ни подъ понятіе дѣятельности, ни подъ понятіе силы, и даже не поставляетъ ее подъ понятіе причины, потому что съ этимъ понятіемъ соединено представленіе дѣятельности и движенія. Все это уже заключается въ предѣлахъ Плотинова ученія, и если бы богословіе Прокла ограничивалось этими данными, оно ни чѣмъ не отличалось бы отъ Плотинова ученія. Но онъ ввелъ очень значительную новость чрезъ ученіе о самостоятельныхъ божественныхъ единствахъ (αὐτοτελεις ἑνάδες). Всѣ предшествовавшіе неоплатоники непосредственно выводили умосозерцаемый міръ изъ Одного; только Ямвлихъ вставилъ между тѣмъ и другимъ свое второе первосущество. Проклъ также не хотѣлъ начинать съ отвлеченнаго бытія, и придумалъ теорію единствъ. По основному положенію, что всякое единство производитъ однородное съ нимъ множество, безусловное Единство (ἕν, ενας), вслѣдствіе избытка силы или возможности также стремится проявить себя во множествѣ и производитъ число (множество единствъ); но число не уничтожаетъ и не уменьшаетъ того перваго единства; напротивъ само получаетъ его характеръ. Произведенія Первосущаго, единства, сами, не смотря на множество, составляютъ одно, потому что существуютъ совершенно другъ въ другѣ. Но они отличаются отъ Одного-Первосущаго, потому что это есть простое добро и одно: а каждое изъ нихъ есть опредѣленное добро и опредѣленное единство; въ Первосущемъ нѣтъ никакого различія:

напротивъ они, не смотря на свое абсолютное единство, различны по свойствамъ и силамъ, и находятся не въ одинаковой близости къ Первосущему. То не можетъ сообщаться ни чему другому и никакимъ образомъ не можетъ быть познано: а единства сообщимы, и въ своемъ сообщеніи познаваемы. Отъ нихъ-то, по понятію Прокла, происходитъ всякое дѣйствіе Божества на міръ; въ нихъ же и Промыслъ основалъ свое жилище: между тѣмъ какъ Первосущее находится внѣ всякаго положительнаго отношенія къ міру. Такимъ образомъ въ происхожденіи единствъ выразился общій законъ бытія: произшедши изъ Первосущаго одного, они подобны ему единствомъ, но въ тоже время отличаются отъ него и суть самостоятельныя *Генады*. Смѣшивая метафизическія опредѣленія съ религіозными представленіями, Проклъ считаетъ эти единства богами, самыми высшими изъ многихъ боговъ, которыхъ неоплатонизмъ признавалъ подлѣ Одного. Но очевидно, что они имѣютъ болѣе богословскаго, нежели философскаго интереса, который ничего не потерялъ бы, если бы къ Первосущему вмѣсто единствъ прямо примыкали разумныя субстанціи.

Къ божественнымъ единствамъ ближайшимъ образомъ примыкаетъ умосозерцаемое (въ обширнѣйшемъ смыслѣ). Но оно распадается на три формы, или на три класса. Каждую изъ трехъ формъ идеи онъ называетъ Богомъ, представляя такимъ образомъ одного Бога какбы тройственнымъ или трехличнымъ. Но всякое изъ трехъ началъ, въ свою очередь, также троично, хотя всѣ они своею совокупностію составляютъ одну троичность. Вообще это не столько различныя начала или лица, сколько различныя обнаруженія одного существа на разныхъ степеняхъ потенціи и разсматриваемыя притомъ съ раз-

личныхъ точекъ зрѣнія. Уже Ямвлихъ различалъ умственное или умосозерцаемое (νοητὸν) отъ мыслящаго или разумнаго. Ученикъ его Θеодоръ привнесъ третье начало диміургическое. Проклъ дѣлаетъ это послѣднее опредѣленнымъ видомъ разумнаго; но чтобы продолжить непрерывность развитія и законъ тройственнаго дѣленія, онъ вставляетъ между умосозерцаемымъ и разумнымъ родственное тому и другому начало—умосозерцаемое—разумное (νοητὸν ἅμα καὶ νοερὸν) и затѣмъ говоритъ также о трояких богахъ этого порядка мыслимыхъ или умосозерцаемыхъ, мыслимыхъ и мыслящихъ и разумныхъ. Пользуясь прежними разграниченіями, онъ обозначаетъ сущность перваго класса понятіемъ бытія, сущность втораго — понятіемъ жизни, полагая, что жизнь есть первое обнаруженіе бытія, третьяго — понятіемъ мышленія, которое предполагаетъ какбы возвратъ бытія къ самому себѣ. Сообразно съ этимъ отличительное свойство перваго порядка есть дѣйствительность, или благость, втораго—сила, третьяго—знаніе. Но такъ какъ все существуетъ во всемъ, то каждый изъ нихъ существуетъ въ другомъ, только въ каждомъ своимъ особеннымъ образомъ; первый содержитъ въ себѣ два остальные, какъ свои дѣйствія, а они содержатъ его, какъ свою причину.

Уже эти опредѣленія довольно запутанны, но мы должны слѣдовать за нашимъ схоластикомъ еще далѣе въ развѣтвленіяхъ его системы. Умосозерцаемое въ тѣсномъ смыслѣ распадается опять на три тріады. Первый и второй членъ первой тріады суть тѣ основанія всякаго бытія, какія мы находимъ еще у Платона, это предѣлъ и безпредѣльность, форма и матерія, составляющія въ своей совокупности цѣлость всякаго бытія. Предѣлъ Проклъ называетъ богомъ, который, исходя изъ перваго Бога,

все измѣряетъ и опредѣляетъ и весь родъ боговъ себѣ усыновляетъ. Къ нему-то безъ сомнѣнія относятся тѣ единства, о которыхъ мы упомянули выше и которыя суть не что иное, какъ идеальныя сущности вещей. Безпредѣльное есть неисчерпаемое могущество этого бога, то, изъ чего все происходитъ до самой матеріи. Общій продуктъ предѣла и безпредѣльнаго, третій членъ тріады есть сущность (οὐσία). Вторую тріаду Проклъ называетъ умосозерцаемою жизнію (νοητὴ ζωὴ) и вѣчностію (ἀιών). Какъ предѣлъ характеризуетъ первую тріаду, такъ безпредѣльное вторую. Первый членъ ея есть сущность (послѣдній членъ первой тріады), второй — возможность (δύναμις), соотвѣтствующая безпредѣльности первой тріады; произведеніе и единство ихъ есть жизнь; она, какъ средоточіе, даетъ опредѣленность цѣлому порядку, или классу. Характеръ третьей тріады составляетъ смѣшанное или конкретное бытіе. Такъ какъ эта тріада соотвѣтствуетъ уму, а умъ не можетъ быть безъ души: то члены ея суть не что иное, какъ душевныя силы—разумъ или мышленіе, свобода или желаніе и чувство. Послѣдняя тріада, или средоточіе ея — душа есть собственно творческое начало, диміургъ, царь и владыка міра. Творческая сила его не составляетъ въ немъ совершенства, но недостатокъ. Будучи причиною міра, онъ не есть ни первая, ни совершеннѣйшая причина, потому что совершеннѣйшей причины мы не можемъ ни обнять мыслію, ни выразить словами.—Всматриваясь въ эту непрерывную троичность, распадающуюся снова на три тріады, нельзя не пожалѣть, сколько потрачено (и совершенно напрасно) усилій, учености и діалектики на то, чтобы согласить противорѣчіе въ результатахъ понятій о Богѣ, пріобрѣтенныхъ путемъ діалектическимъ и эмпирическимъ. По-

строеніе, правда, художественное, но въ то же время совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное и потому безполезное. Стоитъ только посмотрѣть на главныя положенія ея, чтобы убѣдиться въ этомъ: Богъ самъ въ себѣ—это безусловное, которое выше всякаго бытія, потому что это состояніе его лучше всякаго бытія. Богъ міра есть единство, которое заключаетъ въ своемъ нѣдрѣ всѣ единства, т. е. всѣ совершенства во всѣхъ родахъ.—Троичность божественныхъ началъ, распадающаяся потомъ на новыя тріады, есть не что иное, какъ выраженіе Безпредѣльнаго въ совершеннѣйшемъ-тройственномъ числѣ, приблизительно къ нашему разумѣнію. Все это совершенно произвольно; потому что ни на чемъ не основано.

О сущности души Проклъ разсуждаетъ вообще такъ же, какъ и Плотинъ, считая ее среднимъ звѣномъ между умосозерцаемою и чувственною природою. Вслѣдствіе этого средняго положенія она заключаетъ въ себѣ всѣ вещи частію въ видѣ первообразномъ, частію въ видѣ отпечатковъ или отраженій идеи. Въ ученіи о безтѣлесности и безсмертіи души и о ея самостоятельной жизненной силѣ онъ почти повторяетъ выраженія Плотина. Души, обитающія въ тѣлѣ, существуютъ во времени только по своей дѣятельности, но по своей природѣ вѣчны. Душа и вообще духовное отличается отъ тѣлеснаго, какъ дѣятельное отъ страдательнаго, какъ форма отъ матеріи. Отличительнымъ признакомъ духовнаго бытія Проклъ полагаетъ способность самосознанія. Проклъ различаетъ три главныхъ класса душъ: души божественныя, демоническія и человѣческія; но каждый изъ этихъ главныхъ родовъ опять распадается на нѣсколько видовъ. Между божественными душами различаются θεοὶ ἡγεμονι-

χοί, *Θεοί ἀπόλυτοι* и *Θεοί ἐγκόσμιοι*. Гегемоническіе боги собственно творцы, отпечатлѣвающіе идеи въ чувственныхъ формахъ, раздѣляются на четыре тріады. Первая упорядочиваетъ вселенную въ цѣломъ ея составѣ, вторая проводитъ потокъ жизни въ отдѣльныя ея части, третья возвращаетъ вещи къ ихъ виновнику, и четвертая отправляетъ должность боговъ охранителей на этой ступени ([1]). *Θεοι ἀπόλυτοι*, боги міра дѣлятся также на четыре тріады. Проклъ помѣщаетъ въ этой категоріи олимпійскихъ боговъ, раздѣляя ихъ на четыре класса, на боговъ производителей (Зевсъ, Посидонъ, Гофестъ), охранителей (Гестія, Аѳина, Арей — Марсъ), оживителей (Деметра, Гера, Артемида) и руководителей (Гермесъ, Афродита, Аполлонъ). *Θεοί ἐγκόσμιοι*, энкосмическіе боги, находящіеся внутри міра, раздѣляются на два класса, на звѣздныя и стихійныя божества. Область ихъ дѣйствій опредѣляется самымъ названіемъ ихъ. Каждый изъ этихъ низшихъ боговъ окруженъ множествомъ демоновъ и душъ, которымъ они сообщаютъ свою силу и свое имя. Три класса ихъ находятся между собою въ отношеніи подчиненія: это — ангелы, демоны въ собственномъ смыслѣ и герои. Понятія Прокла объ этихъ существахъ ни чѣмъ не отличаются отъ представленія прочихъ философовъ и отъ народной вѣры. Они служатъ посредниками божества въ управленіи міромъ. Третій классъ душъ, послѣ божественныхъ и демоническихъ, составляютъ тѣ, которыя не имѣютъ неизмѣнной божественной природы, но колеблются между разумностію и неразумностію. Къ нимъ принадлежатъ и человѣческія души. Но такъ какъ понятіе Прокла о человѣкѣ тѣсно связано съ общимъ воззрѣніемъ

([1]) Plat. Theolog. VI 2, 7.

его на природу, то мы должны сказать о немъ напередъ нѣсколько словъ.

Что касается до общихъ основаній естественнаго бытія, то мы уже выше видѣли, что Проклъ, въ отличіе отъ Плотина, производитъ матерію непосредственно изъ высшихъ основаній. Вмѣстѣ съ этимъ онъ становится въ естественное противорѣчіе съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому матерія представляется источникомъ зла. По его мнѣнію, она, взятая сама по себѣ, не есть ни добро, ни зло, и существуетъ необходимо; но по отношенію къ другому она можетъ быть названа столько же доброю, сколько и злою: доброю,—потому что она также существуетъ ради добра, злою, — потому что она удалена отъ добра на величайшее разстояніе. Очевидно, Проклъ держится здѣсь больше Аристотелева, нежели Платонова ученія, какъ обыкновенно понимали ихъ со времени неоплатонизма. Въ срединѣ между тѣлесною областію и душею міра находится природа, которую онъ считаетъ безтѣлесною и безсознательною сущностію тѣлъ, совокупностію ихъ формъ (λόγοι). Но вообще его изслѣдованіе природы имѣетъ, какъ и нужно было ожидать этого, не столько физическое, сколько теологическое и телеологическое направленіе; и самъ онъ сильно порицаетъ Аристотеля за то, что тотъ исключительно держится физическихъ причинъ, пренебрегая теологическими. Онъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе о началѣ міра. Ученіе Платона о низшихъ богахъ, которые производятъ видимое и измѣняющееся бытіе, онъ замѣняетъ отношеніемъ димiурга къ божествамъ, находящимся внутри міра. Онъ вѣритъ въ одушевленность и божественность міра и отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ—солнца, звѣздъ и прочихъ небесныхъ тѣлъ—чѣмъ и объясняется симпатія всѣхъ час-

тей міра. Съ такою же ревностію, какъ и Плотинъ, и на тѣхъ же основаніяхъ, онъ доказываетъ совершенство міра и защищаетъ промыслъ отъ разныхъ нареканій. Руководительною мыслію этой теодицеи служитъ то стоическое и вмѣстѣ неоплатоническое положеніе, по которому все, какъ произведеніе высшихъ силъ, хорошо на своемъ мѣстѣ. Если что отличаетъ Прокла отъ Плотина, такъ это—только усиленное удареніе на свободу воли и стараніе отнести все зло въ мірѣ исключительно къ собственной виновности сотвореннаго. Чисто внѣшняго зла, какъ наприм. неравенства человѣческихъ участей, онъ не признаетъ дѣйствительнымъ зломъ, но частію безразличнымъ слѣдствіемъ міроваго порядка, частію средствомъ къ наученію и воспитанію человѣка, частію наказаніемъ за прежнюю виновность; если такое наказаніе часто достается виновнымъ слишкомъ поздно, это кромѣ цѣли исправленія оправдывается замѣчаніемъ, будто для порочнаго человѣка, если онъ чрезъ отсрочку наказанія коснѣетъ въ своей порочности, самымъ тяжкимъ мщеніемъ служитъ то, что это наказаніе распространяется также на членовъ его семейства и соотечественниковъ; но если и этихъ изъясненій недостаточно, то этотъ неоплатоническій философъ всегда имѣетъ въ запасѣ еще указаніе на виновность и заслугу въ предшествовавшей жизни. Вообще всякое зло, по понятію Прокла, имѣетъ первоначально свое пребываніе только въ душѣ; матерія же по своей природѣ не есть ни добро, ни зло; чисто тѣлесное зло есть только кажущееся, а существенное зло лежитъ въ наклонности души къ тѣлесному, на сколько эта наклонность возбуждаетъ въ ней дѣятельность, противорѣчущую истинному ея существу. Чрезъ свое соединеніе съ тѣлеснымъ міромъ душа вступаетъ въ связь

съ природою; она подвержена закону естественной необходимости или року, — напротивъ по своей высшей природѣ она состоитъ не подъ рокомъ, но подъ провидѣніемъ, которое, исходя отъ высшихъ боговъ, сообщаетъ только добро.

Это приводитъ насъ къ ученію о человѣкѣ, которое одно изъ всѣхъ частей естественной науки Проклъ обработалъ съ особенною тщательностію въ духѣ своей школы. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ руководствовался болѣе нравственными и теологическими, нежели строго антропологическими цѣлями. Общія понятія о существѣ души, которыя мы уже знаемъ, естественно должны относиться также и къ человѣческой душѣ, но Проклъ не соглашается съ стоиками и съ Плотиномъ на счетъ существенной однородности ея съ божественными душами, безстрастія и невозмутимой разумности ея высшей части; это мнѣніе находилось бы въ величайшемъ противорѣчіи не только вообще съ основными его понятіями объ отношеніи низшихъ порядковъ къ высшимъ, но также и съ его убѣжденіемъ именно въ необходимости для человѣка посторонней помощи. На этомъ же основаніи онъ объявляетъ себя противъ тожества демона съ личнымъ разумомъ каждаго (человѣка). Съ другой стороны онъ не допускаетъ, чтобы душа человѣческая могла когда либо сдѣлаться животною душею, потому что считаетъ невозможною какъ связь ея съ душей животныхъ, такъ тѣмъ болѣе переходъ ея въ животныхъ. Отличительнымъ признакомъ души, въ ея среднемъ положеніи между божественнымъ и смертнымъ, онъ признаетъ свободу воли, хотя онъ не показалъ согласія ея съ божественнымъ предвѣдѣніемъ, допустивши, что боги также о временномъ имѣютъ безвременное знаніе

и о неопредѣленномъ имѣютъ опредѣленное познаніе. Впрочемъ у человѣка свобода не такъ неограниченна, какъ у боговъ и демоновъ; хотя онъ свободенъ, но вмѣстѣ также подверженъ естественной необходимости или року. По этой необходимости всякая душа одинъ разъ въ каждомъ періодѣ міра нисходитъ въ земную жизнь; но въ частомъ вторженіи ея въ эту жизнь виновна сама душа. Въ своемъ состояніи предсуществованія душа также, какъ демоны и обитающіе въ мірѣ боги, существуетъ съ тѣломъ, потому что соединеніе съ тѣломъ составляетъ существенное свойство ея природы (¹). Разумѣется, что это тѣло есть нематеріальное — эѳирное тѣло, которое остается съ нею при возвращеніи въ высшій міръ, и которое также, какъ и самая душа, произошло непосредственно отъ Творца міра. Между этимъ нематеріальнымъ тѣломъ и земнымъ Проклъ вводитъ еще, въ качествѣ соединительнаго члена, третье, или также цѣлое количество такихъ тѣлъ, которыя душа принимаетъ еще до своего прибытія на землю, и которое удерживаетъ послѣ смерти до тѣхъ поръ, пока блуждаетъ въ области преходящаго бытія. Естественно, что еще труднѣе представить душу какъ въ состояніи предсуществованія, такъ и послѣ смерти, безъ низшихъ составныхъ частей собственнаго ея существа, мужества и желаній. Въ ученіи о душевныхъ дѣйствіяхъ Проклъ сдѣлалъ только одно особенное опредѣленіе. Понятія его о различіи движущей и познающей дѣятельности, и о послѣдовательныхъ явленіяхъ чувственнаго воспріятія, представленія, рефлексіи и разума суть въ главныхъ чертахъ только повтореніе Платоновыхъ и Аристотелевыхъ положеній. За

(¹) Ὁ δὲ ἄνθρωπος ψυχὴ ἐςὶ σώματι χρωμένη. Comm. Alcib. t. II. p. 199.

то мы у него встрѣчаемъ понятіе о высшихъ душевныхъ силахъ, которое, по крайней мѣрѣ въ такой опредѣленности, доселѣ еще не было высказано, — понятіе о душевной способности, возвышающейся надъ разумомъ. По древнему основному положенію, по которому подобное познается только подобнымъ, онъ не можетъ допустить, что божественное познается посредствомъ мышленія; поэтому онъ познаніе его относитъ къ особенному органу, который выше силы мышленія, къ божественному въ человѣкѣ. Но такъ какъ божественное вообще въ его системѣ совпадаетъ съ единичнымъ, то и эту высочайшую духовную силу онъ видитъ въ единичномъ существѣ души, или, какъ мы назвали бы это, въ чистомъ самосознаніи. Впрочемъ онъ не опредѣляетъ съ точностію этой стороны душевной жизни.

Равнымъ образомъ и ученіе его о возвышеніи души къ сверхчувственному міру содержитъ въ себѣ не много новаго. Какъ ни ревностно трудился Проклъ надъ возстановленіемъ древней религіи и какъ ни строго подчинялся самъ онъ религіознымъ упражненіямъ, однако этой сторонѣ неоплатоническаго ученія онъ далеко не посвятилъ въ своихъ сочиненіяхъ такогожъ вниманія, какъ созерцательнымъ изслѣдованіямъ. И если даже онъ прилежно занимался этимъ въ своихъ потерянныхъ комментаріяхъ: то все таки нельзя полагать, что онъ въ этомъ отношеніи значительно распространилъ или измѣнилъ преданіе своей школы. Два направленія, которыя проходятъ чрезъ всю его систему, научное и мистически-религіозное, пресѣкаются также и здѣсь.

Конечное становится тѣмъ, что оно есть, только при содѣйствіи божественныхъ силъ, которыя въ немъ дѣйствуютъ; божество постоянно присуще всему и дѣйству-

етъ въ каждой вещи въ той мѣрѣ, въ какой эта послѣдняя способна принять его дѣйствія; мы нуждаемся въ божественной помощи не только для нашихъ дѣйствій, но и для нашихъ мыслей и намѣреній; тѣмъ менѣе мы можемъ обойтись безъ нея въ самомъ важномъ случаѣ— въ дѣлѣ познанія истины. Поэтому Проклъ выражается, что все высшее знаніе основывается на божественномъ просвѣщеніи, и когда онъ описываетъ пути, по которымъ мы приходимъ къ божеству, то придаетъ вѣрѣ гораздо высшее значеніе, чѣмъ знанію. Этихъ путей, по его понятію, три, любовь, истина и вѣра; любовь посредствомъ прекраснаго ведетъ насъ къ истинѣ; истина открываетъ намъ сверхчувственный міръ; но самое высшее освященіе сообщаетъ намъ только вѣра, потому что вообще только она связываетъ нисшее съ высшимъ: не путемъ мышленія и вниканія проникаемъ мы въ глубочайшія таинства (мистеріи), а посредствомъ того спокойствія духа, при которомъ онъ входитъ въ чистое самосознаніе чрезъ всецѣлое погруженіе души въ непостижимое: этимъ погруженіемъ мы обязаны только вѣрѣ. Какъ же послѣ этого мы осмѣлимся пренебрегать вспомогательными средствами, какія даютъ вѣрѣ религіозныя упражненія, — пренебрегать молитвою, которая посредствомъ таинственныхъ символовъ соединяетъ молящихся съ богами и низводитъ на нихъ божественное благословеніе,—богослуженіемъ (теургіею), которое скорѣе, чѣмъ всѣ человѣческія добродѣтели, можетъ низвести въ дольній міръ божественныя силы, — освященіями, которыя божественнымъ огнемъ истребляютъ всѣ земныя нечистоты и наконецъ пророчествомъ, въ которомъ Проклъ также признаетъ драгоцѣнный даръ божества? По основнымъ положеніямъ неоплатонической системы возвраще-

ніе въ горній міръ возможно лишь тѣмъ же путемъ, который душа избрала при своемъ нисхожденіи изъ него; какъ же можемъ мы не воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ содѣйствовать намъ на этомъ пути, и именно какъ не выражать намъ своего благоговѣнія предъ всѣми богами, къ порядку которыхъ принадлежимъ мы? Едва ли нужно замѣчать, какъ съ этой точки зрѣнія могло быть оправдано всякое суевѣріе: собственный тонъ рѣчи нашего философа освобождаетъ насъ отъ всякаго другаго доказательства. Нѣтъ также нужды приводить и другихъ примѣровъ аллегорическаго способа объясненій, съ помощію котораго Проклъ съумѣлъ всю эллинскую и варварскую миѳологію обратить въ предметъ своей метафизической системы. Намъ не нужно также входить обстоятельно въ его выраженія о силѣ и значеніи божескихъ именъ, или разбирать его вѣру въ боговъ—покровителей каждаго отдѣльнаго народа. Вся его система есть не что иное, какъ философская апологія политеистической религіи; частныя же объясненія представляютъ въ философскомъ отношеніи слишкомъ незначительный интересъ.

По отношенію къ послѣдней цѣли эта преданность положительному авторитету безъ сомнѣнія у Прокла не можетъ имѣть никакого значенія. Религіозныя упражненія суть только средство; цѣль, которой они служатъ, есть духовное восхищеніе къ божеству. По взгляду Прокла выше научнаго знанія стоитъ непосредственное разумное познаніе, простое и нераздѣльное созерцаніе Первосущаго и божественныхъ единствъ, а выше этого созерцанія соединеніе съ первобытнымъ существомъ. Это послѣднее онъ, подобно Плотину, описываетъ, какъ энтузіазмъ, какъ спокойствіе духа и всецѣлое погруженіе души въ божество, какъ единотвореніе и обоженіе, при

которомъ дѣятельность мышленія прекращается, и духъ съ закрытыми очами озаряется божественнымъ свѣтомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ порицаетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что душа, оставляя все ничтожное, сама становится Единымъ и умосозерцаемымъ.

Если отъ этого заключительнаго пункта мы возвратимся къ цѣлому составу системы, которую Проклъ возстановилъ съ такимъ значительнымъ успѣхомъ, то мы не въ состояніи будемъ отказать ей въ обширности начертаннаго для нея плана, въ настойчивости, съ которою въ ней одна основная мысль проводится до самыхъ тончайшихъ ея развѣтвленій, и въ искусствѣ, съ которымъ изъ разнородныхъ составныхъ частей образуется одно соразмѣрное цѣлое. Но тѣмъ не менѣе эта система не оставляетъ удовлетворительнаго впечатлѣнія, ни сама по себѣ, ни въ сравненіи съ ученіемъ Плотина. Правда, и Плотинъ съ своими созерцаніями оставляетъ почву дѣйствительности: его первобытное существо, его умъ (νοῦς), его міровая душа суть созданія отвлеченія и фантазіи, которыхъ нельзя олицетворить безъ противорѣчія. Но все таки въ этихъ отвлеченіяхъ мы постоянно видимъ нѣчто дѣйствительное, что̀ лежитъ въ основаніи ихъ; въ Одномъ (ἓν) мы узнаемъ, какъ существенное его содержаніе, сильное стремленіе или чаяніе человѣческаго духа, который выступаетъ за предѣлы всякаго ограниченнаго и сложнаго бытія; въ умѣ (νοῦς) и душѣ мы видимъ отображеніе человѣческаго мышленія и существа, и вообще этотъ философъ не имѣетъ ни привычки, ни надобности посредствомъ усиленныхъ пріемовъ дѣленія и совокупленія понятій доходить до такихъ опредѣленій, при которыхъ становится невозможною для насъ всякая реальная аналогія. Въ другомъ мірѣ, который противопоставилъ

человѣкъ самому себѣ, нельзя не замѣтить его человѣческаго происхожденія: онъ не противорѣчитъ мышленію, какъ нѣчто совершенно чуждое ему,—оно само произвело его, и потому всегда чувствуетъ въ извѣстной степени свое родство съ нимъ, не смотря на его особенность. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ мы у Прокла. Основныя положенія его ученія достались ему изъ преданія нѣкогда существовавшей школы; съ философскими понятіями у него перемѣшано значительное число миѳическихъ представленій и религіозныхъ мнѣній, заимствованныхъ изъ различныхъ греческихъ и восточныхъ источниковъ; мышленіе завалено огромнымъ количествомъ готоваго матеріала, и по отношенію къ этому матеріалу связано вѣрою въ авторитетъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы оно могло свободно образовать этотъ матеріалъ и внутренно переработать его. Слѣдовательно ему остается только формальная дѣятельность внѣшней обработки. Ученія, дошедшія черезъ преданіе, могутъ быть уяснены, ближе опредѣлены, приведены въ порядокъ по логической схемѣ, но для самостоятельнаго развитія мыслей осталось очень мало мѣста. Хотя въ ученіи Прокла мы находимъ искусно сплоченное зданіе системы, но большая часть его опредѣленій недоступна для пониманія; реальныя отношенія и законы, которыхъ мы ищемъ въ каждомъ идеальномъ созданіи, въ каждомъ философскомъ ученіи, обезображены здѣсь такъ, что и признать нельзя; все зданіе системы возникло не изъ наблюденія дѣйствительнаго бытія, равно какъ не изъ внутреннихъ потребностей мыслящаго духа, но изъ одной логической послѣдовательности, посредствомъ которой отвлеченныя предположенія разрастаются и развѣтвляются все больше и больше, совсѣмъ не касаясь ожи-

вляющей ихъ почвы дѣйствительнаго бытія. Посему эта система не доставляетъ даже и такого удовольствія, какое чувствуется отъ смѣлой философской поэзии; напротивъ мы оставляемъ ее съ тѣмъ чувствомъ утомленія, которое можетъ быть произведено только напряженнымъ и много разъ возобновляемымъ, но всегда напраснымъ усиліемъ отыскать какое нибудь ясное понятіе вмѣсто безсодержательныхъ абстракцій и формулъ. Но чѣмъ менѣе этотъ формализмъ соотвѣтствовалъ реалистическому направленію классическаго міра, тѣмъ съ большею ясностію мы можемъ видѣть въ его господствѣ доказательство истощенія и предзнаменованіе паденія, которое непосредственно послѣ Прокла настало для неоплатонической школы (¹).

Если принять во вниманіе состояніе неоплатонической науки въ школѣ Прокла и внутреннюю невозможность ея дальнѣйшаго развитія, то нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что эта школа должна была пасть, хотя бы даже внѣшнее ея положеніе было и благопріятнѣе того, чѣмъ какое могло быть со времени торжества Христіанства. Уже въ то время, когда Проклъ прибылъ въ Аѳины, приверженцы древней религіи, послѣднею поборницею которой служила неоплатоническая философія, находились въ положеніи секты, не признаваемой государствомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ положеніе ихъ становилось исключительнѣй. Наконецъ эдиктомъ Юстиніана въ 529 г. строго предписано, чтобы впередъ никто больше въ Аѳинахъ не преподавалъ философіи. Большая часть членовъ неоплатонической школы, въ томъ числѣ Дамасцій и Сим-

(¹) Враждебное отношеніе его къ Христіанству выразилось въ сочиненіи, которое не сохранилось до настоящаго времени и о которомъ мы знаемъ только по опроверженію на него Іоанна Филопона—писателя VIII в. Philoponi, De aeternitate mundi contra Proclum, libri 18. Venet. 1535.

плицій, рѣшились переселиться въ Персію, гдѣ они надѣялись въ новомъ царѣ Хозроѣ найти государя-философа въ смыслѣ Платонова правителя. Однако они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Мирный трактатъ между Персіею и римскимъ государствомъ доставилъ имъ безпрепятственное возвращеніе, но аѳинская школа оставалась закрытою.

Впрочемъ неоплатонизмъ держался еще довольно долгое время самъ собою въ своей языческой вѣтви. Симплицій, по возвращеніи изъ Персіи, продолжалъ еще нѣсколько лѣтъ свою ученую дѣятельность; и даже во второй половинѣ VI столѣтія мы встрѣчаемъ въ молодомъ Олимпіодорѣ замѣчательнаго толкователя Платоновыхъ сочиненій. Но историческія обстоятельства, которыми условливалось дальнѣйшее существованіе неоплатонической школы, измѣнялись все болѣе и болѣе. Къ концу VI столѣтія совершенно вымерли и тѣ немногіе приверженцы древней религіи, которые оставались еще въ образованныхъ классахъ, и философія, до самой послѣдней минуты стоявшая подъ знаменемъ этой религіи, раздѣлила ея участь. Съ этого времени неоплатонизмъ, какъ и другія древнѣйшія системы, вошелъ въ число сагъ ученаго преданія, и въ этомъ видѣ имѣлъ значительное вліяніе на средневѣковую науку, которая главнымъ образомъ чрезъ него получила ученія Платона и Аристотеля. Но самостоятельное бытіе его уже на всегда прекратилось.

И. Чистовичъ.

О СИНАЙСКОМЪ МАНУСКРИПТѢ БИБЛІИ И О ДРУГИХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ТИШЕНДОРФА.

Въ ноябрской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія за прошлый годъ помѣщена была небольшая статейка о библіи, найденной Тишендорфомъ въ синайскомъ монастырѣ св. Екатерины. Въ одномъ англійскомъ критическомъ журналѣ (¹) за настоящій годъ мы встрѣтили о томъ же предметѣ разсужденіе англичанина. Англійскій журналъ сообщаетъ немало свѣдѣній и замѣтокъ такихъ, какихъ не было сдѣлано авторомъ статьи Православнаго Обозрѣнія, и мы считаемъ не лишнимъ и не безъинтереснымъ для русскихъ читателей сообщить замѣтки и сужденія англійскаго журнала въ нѣкоторомъ сокращеніи.

Если 1858 годъ, такъ начинаетъ англійскій журналъ свои разсужденія, замѣчателенъ въ исторіи канона библейскаго, то, вѣроятно, еще болѣе замѣчателенъ 1859 г. Въ первомъ манускриптъ библіи, писанный и употреблявшійся въ IV столѣтіи нашей эры, превосходящій всѣ другіе своею древностію, который долго сохранялся, какъ тайна, между сокровищами Ватикана и старательно сберегался отъ изслѣдованій ученыхъ, былъ въ первый разъ

(¹) Заглавіе журнала: «The Christian Remembrancer. A Quarterly Review. 1861.

напечатанъ. Это, полагали, единственное сокровище, которому подобнаго не существовало и нельзя было ждать въ будущемъ. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ со времени опубликованія ватиканскаго сокровища, ученый міръ былъ удивленъ извѣстіемъ, что профессоръ Тишендорфъ открылъ списокъ св. Писанія, равный ватиканскому по древности, какъ говорили, и относительно новаго Завѣта превосходящій его полнотою; и, замѣчательная противоположность, какъ одинъ манускриптъ сберегался, такъ сказать, въ митрополіи западнаго христіанства, такъ другой найденъ былъ въ той св. горѣ, гдѣ данъ былъ законъ, въ той странѣ, гдѣ, вѣроятно, нѣкоторыя изъ самыхъ первыхъ частей св. Писанія были въ первый разъ преданы письмени.

Это извѣстіе было принято съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ; родились естественно сомнѣнія если не въ подлинности, то въ древности вновь открытаго манускрипта. Любопытство было возбуждено до высшей степени относительно характера и содержанія этого новаго пособія для ознакомленія съ священнымъ текстомъ, какъ онъ существовалъ въ первенствующія времена.

Извѣстіе объ этомъ все больше и больше распространялось и, хотя ему не вѣрили вполнѣ, оно все больше и больше раздражало любопытство. Письмо профессора Тишендорфа изъ Каира, отъ 15-го марта 1859 г., возвѣщало объ этомъ открытіи и давало общій очеркъ манускрипта и его частей, достаточно точный для того, чтобы указать на великую важность и на вѣроятную древность открытаго памятника. Письмо адресовано было на имя саксонскаго министра духовныхъ дѣлъ Фонъ-Фалькенштейна и опубликовано въ приложеніи къ «Leipziger Zeitung» апрѣля 15-го 1859 года.

Вотъ оно въ сокращеніи:

«Благосклонность, оказанная мнѣ вашимъ превосходительствомъ при моемъ отъѣздѣ съ родины, ставитъ мнѣ въ пріятную обязанность адресовать вамъ первый отчетъ объ очень важномъ литературномъ открытіи, которымъ благая десница Божія удостоила мои новыя розысканія на востокѣ. Вы знаете, какую важность ученый міръ приписываетъ знаменитому ватиканскому манускрипту библіи, вы знаете, что въ теченіи цѣлыхъ столѣтій считали его однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ сокровищемъ папскаго книгохранилища; вамъ извѣстно, какія усилія нужно было употребить, и сколько трудностей преодолѣть, чтобы сличить одну страницу, съ какимъ нетерпѣніемъ съ 1828 г., ждали изданія Маи, предпринятаго по распоряженію папы, и какъ радостно принято было это изданіе въ Пасху 1858 г., послѣ 30 лѣтъ ожиданія.»

«Если я теперь скажу, что Провидѣніе сохранило въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ и такъ часто подвергавшихся грабежу монастырей востока манускриптъ, который равняется ватиканскому по характеру, объему и древности, и который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество предъ нимъ, то я не буду удивленъ, если нѣкоторые усомнятся въ моемъ палеографическомъ искусствѣ и предложатъ вопросы: да правда ли это? да возможно ли даже это? И однакожъ, когда я держалъ въ моихъ рукахъ первый разъ драгоцѣнные листы эти въ монастырской кельѣ, построенной при подошвѣ горы Моусея (Ghebel Mousa), мое собственное удивленіе и изумленіе были такъ велики, какъ только можете представить.»

«Манускриптъ, объ открытіи котораго я извѣщаю васъ, состоитъ изъ 346 чистыхъ и красивыхъ пергаментныхъ листовъ такого огромнаго формата, что два изъ нихъ потребовали бы цѣлой кожи газели. Письмо на каждомъ листѣ раздѣленное на четыре столбца — очень древняго характера и большею частію (особенно на внѣшней сторонѣ кожи) сохранилось съ удивительною раздѣльностію, но на внутренней по мѣстамъ менѣе

удобочитаемо, и гораздо болѣе трудно здѣсь рѣшительно отдѣлить многочисленныя и безъ сомнѣнія очень древнія поправки, которымъ кодексъ подвергался.»

«Всѣмъ извѣстно, что на такихъ манускриптахъ никогда не обозначается годъ написанія ихъ. Это задача палеографіи, посредствомъ прилежнаго изученія всѣхъ особенностей каждаго отдѣльнаго манускрипта, характера и формъ буквъ, способа ставить знаки препинанія, употребленія начальныхъ буквъ и подписныхъ и надписныхъ знаковъ, посредствомъ изученія пергамена, цвѣта чернилъ, древнихъ поправокъ и проч. болѣе или менѣе удовлетворительно опредѣлить ихъ древность. Что касается до этого манускрипта, то здѣсь едва ли нужно обозначеніе срока, чтобы указать столѣтіе; что онъ написанъ въ IV вѣкѣ— это можетъ быть подтверждено всѣми доказательствами, какія только признаются важными въ палеографической наукѣ, и подтверждено выше всякаго сомнѣнія.»

«*Ватиканскій* кодексъ, по моему и по мнѣнію другихъ ученыхъ людей, принадлежитъ IV-му столѣтію. Одинъ только греческій манускриптъ я и прежде помѣстилъ въ хронологическомъ отношеніи выше ватиканскаго, — это *Лейпцигскій* кодексъ — Friderico-Augustanus; но этотъ послѣдній, какъ я уже убѣдился, есть остатокъ того же самаго манускрипта, котораго дополнительныя составныя части я имѣлъ теперь счастіе отыскать.»

«Этотъ манускриптъ еще содержитъ во 1-хъ значительныя части ветхаго Завѣта, именно большую часть великихъ и малыхъ пророковъ, Псалмы, Іова, Іисуса Сирахова, Премудрость и разныя другія апокрифическія книги. Затѣмъ слѣдуетъ полный новый Завѣтъ. И здѣсь-то открытіе получаетъ необыкновенную важность. Только три огромные манускрипта библіи глубокой христіанской древности дошли до насъ отъ IV до IX вѣковъ. Самый удобовразумительный изъ нихъ *Лондонскій* кодексъ (Alexandrinus), въ которомъ нѣтъ однакожъ цѣлаго евангелія отъ Матѳея, равно какъ значительной части втораго посланія къ Коринѳянамъ и двухъ главъ евангелія Іоанна. Въ манускриптѣ вати-

канскомъ не достаетъ еще больше, именно Апокалипсиса и четырехъ Павловыхъ посланій и третьей части посланія къ Евреямъ. Но въ теперь найденномъ манускриптѣ новаго Завѣта есть все до одного листика. Это, кромѣ того, единственный манускриптъ новаго Завѣта изъ тысячелѣтнихъ — совершенно полный. Богословъ, понимающій важность, принадлежащую манускриптамъ этого времени при опредѣленіи апостольскаго текста, приметъ найденный, какъ главный авторитетъ. Онъ составляетъ новую поруку возможности опредѣлить и возстановить подлинный апостольскій текстъ, къ которому онъ, безъ сомнѣнія, больше другихъ приближается, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его чертахъ. Я съ своей стороны прибавлю, что мое изслѣдованіе манускрипта убѣждаетъ меня въ его полномъ совпаденіи относительно древности съ ватиканскимъ кодексомъ.»

«Я однакожъ, поименую двѣ другія составныя части того же самаго манускрипта, открытіе которыхъ одно было бы достаточно для того, чтобы считать мое новое путешествіе счастливымъ и успѣшнымъ. Непосредственно послѣ библіи самую цѣнную литературу церковную составляютъ писанія отцевъ апостольскихъ. У насъ есть лишь немногіе остатки этого рода, и эти немногіе большею частію существуютъ въ текстахъ сомнительныхъ, невѣрныхъ, или только въ переводахъ. Таково, напримѣръ, такъ называемое, *посланіе Варнавы*, которое если не составлено еще при жизни апостола Павла, то написано вскорѣ послѣ конца перваго столѣтія. Оно цитуется у Климента и Оригена во II и III столѣтіяхъ, даже какъ часть священнаго писанія, и еще позже на него указываютъ такіе писатели, какъ Евсевій, который относитъ его къ числу сомнительныхъ книгъ канона. Это посланіе равняется по величинѣ посланію апостола Павла къ римлянамъ; нѣкоторые манускрипты его найдены прежде, но все новые и всѣ одинаково — безъ первыхъ пяти главъ, текстъ которыхъ могъ быть пополненъ только изъ очень испорченнаго латинскаго перевода. Какъ велико было, значитъ, мое удивленіе, когда я нашелъ все посланіе въ этомъ манускриптѣ

всего Апокалипсиса! Я не могъ выпустить изъ рукъ пергамена, пока не прочиталъ и не скопировалъ всего текста. Богословы теперь перестанутъ уже читать по невѣрному греческому тексту позднаго манускрипта и по ошибочному латинскому переводу посланія, которое во II христіанскомъ столѣтіи было такъ почтительно употребляемо и такъ высоко цѣнилось.»

«Но радость моя и мое изумленіе достигли высшей степени, когда я сдѣлалъ слѣдующее открытіе. Я нашелъ отдѣльную часть въ 32 столбца — съ надписью: «*Пастырь.*» Это была первая часть сочиненія Ермы, также принадлежащаго ко II вѣку и также пользовавшагося почти апостольскимъ почетомъ. До самаго послѣдняго времени греческій текстъ Пастыря считали погибшимъ. Этотъ манускриптъ показываетъ, что въ самыя раннія времена Варнава и Ерма считались нѣкоторыми, какъ составныя части писанія, если ихъ авторитетъ и былъ другими оспариваемъ. Симонидъ доставилъ очень вѣрный, по общему признанію, текстъ Пастыря въ Лейпцигъ, снятый имъ частію съ манускрипта Аѳонской горы, частію съ трехъ папирусовыхъ листовъ XIV или XV вѣка. Послѣ того, какъ текстъ былъ опубликованъ въ декабрѣ 1855 года, и потомъ былъ повѣренъ болѣе тщательно мною, возникло значительное сомнѣніе касательно его, дѣйствительно ли текстъ этотъ текстъ древній, или только средневѣковой переводъ съ латинскаго. Я прямо объявилъ себя противъ послѣдняго взгляда, и мое мнѣніе подтверждается теперь этими листами, по крайней мѣрѣ 1,000 годами старшими, которые показываютъ, что лейпцигскій текстъ заимствованъ съ оригинала, но испорченъ, и это произошло вслѣдствіе средневѣковаго пользованія латинскимъ языкомъ.»

«Я радъ, что ученое посольство, порученное мнѣ русскимъ правительствомъ и покровительствуемое вами, въ самомъ началѣ имѣло результатомъ своимъ такое важное литературное открытіе. Въ надеждѣ на Императорскую благосклонность, я смѣю уже высказать предъ ученымъ міромъ надежду опубликовать этотъ манускриптъ. Тщательно повѣренная копія изъ 132,000 столб-

ценныхъ строкъ будетъ окончена въ началѣ апрѣля, если Господь поможетъ. Ватиканскій манускриптъ былъ извѣстенъ 300 лѣтъ прежде, чѣмъ питаемыя надежды были удовлетворены его публикаціей. Можетъ быть нужно лишь вмѣсто трехъ столѣтій столько же лѣтъ, чтобы обогатить христіанскую литературу этимъ самымъ драгоцѣннымъ документомъ, теперь мною открытымъ.»

«Константинъ Тишендорфъ.»

По возвращеніи въ Европу, Тишендорфъ провелъ нѣсколько времени въ Дрезденѣ, и здѣсь показывалъ богатыя сокровища, вывезенныя имъ съ Востока. Король саксонскій первый имѣлъ случай познакомиться съ синайскимъ манускриптомъ. «Счастливый открыватель положилъ его предъ королемъ, говоря, что онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ не дозволить ни одному глазу въ своей странѣ видѣть прежде его величества это сокровище христіанскаго міра.» Его смотрѣли потомъ, министръ Фонъ-Фалькенштейнъ и другіе; послѣ того онъ показываемъ былъ другимъ знатнымъ и ученымъ лицамъ, которые не замедлили высказать свое мнѣніе печатно, и интересъ открытія еще увеличился. За тѣмъ манускриптъ взятъ былъ въ Петербургъ, и вскорѣ послѣ этого было объявлено, что Императоръ намѣренъ напечатать ограниченное число факсимильныхъ копій и издать текстъ обыкновеннымъ шрифтомъ; затѣмъ было возвѣщено, что профессоръ Тишендорфъ готовитъ краткую записку о манускриптѣ съ факсимиле письма и нѣкоторыя замѣтки о чтеніи его.

Эта записка явилась въ прошломъ году (1). Мы убѣждены, что мы удовлетворимъ желанію своихъ читателей,

(1) Заглавіе ея слѣдующее: Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici auspiciis Imperatoris Alexandri II susceptae. Accessit catalogus Codicum nuper ex oriente Petropolin perlatorum: item Origenis Scholia in Proverbia

если изложимъ извлеченіе изъ этой записки, опубликованной счастливымъ ученымъ путешественникомъ.

Въ Маѣ 1844 г. Тишендорфъ въ первый разъ посѣтилъ монастырь св. Екатерины на Синаѣ. При этомъ онъ открылъ въ корзинѣ остатки очень древняго манускрипта перевода LXX. Тогда же онъ угадалъ цѣнность ихъ, и былъ очень счастливъ, что спасъ ихъ отъ участи, которой рѣшено было предать ихъ, т. е. отъ огня! Будучи въ очень худомъ положеніи, они были отданы ему и впослѣдствіи опубликованы имъ въ 1846 г. подъ заглавіемъ: Codex Friderico-Augustanus. Къ отрывкамъ, содержащимся въ этой публикаціи, мы скоро должны будемъ возвратиться. Это впрочемъ не было единственнымъ открытіемъ, сдѣланнымъ Тишендорфомъ въ 1844 году. Онъ тогда же открылъ болѣе значительную часть тогоже самаго манускрипта, часть, заключавшую всего Исаію, книги Маккавейскія и нѣкоторые другіе отрывки изъ ветхаго Завѣта. Но съ нею монахи не хотѣли разстаться. Тишендорфъ впрочемъ высказалъ имъ ея цѣнность и совѣтовалъ хранить ее со всевозможною тщательностію. И въ извѣстномъ смыслѣ они послѣдовали его совѣту; потому что, когда онъ во второй разъ сдѣлалъ имъ визитъ въ 1853 г., этой значительнѣйшей части манускрипта уже нигдѣ не могли отыскать. Тишендорфъ предположилъ, что она взята въ Европу. Еще впрочемъ въ 1844 г. онъ списалъ послѣднюю страницу Исаіи; и она была опубликована имъ въ его Monumenta Sacra въ 1855 г. Между тѣмъ стóитъ замѣтить, что Тишендорфъ, когда онъ въ первый разъ открылъ эти отрывки манускрипта, тогда же объявилъ, что они принадлежатъ IV вѣку.

Salomonis, partim nunc primum, partim secundum atque emendatius edita: cum duabus tabulis lapidi incisis. Edidit Tichendorf. Lipsiae. 1860.

Неутомимый собиратель и сыщикъ въ третій разъ посѣтилъ синайскую гору и былъ чрезвычайно благосклонно принятъ обитателями монастыря. Онъ прибылъ сюда 31 января 1859 г. Не имѣя намѣренія долго пробыть здѣсь, онъ 4 февраля послалъ своего слугу нанять муловъ, чтобы отправиться 7-го въ Египетъ. Въ этотъ день (т. е. 4 февраля) профессоръ предпринялъ прогулку съ однимъ изъ членовъ монастыря, котораго онъ называетъ *экономомъ*. Онъ подарилъ братіи нѣсколько печатныхъ экземпляровъ изданія LXX и новаго Завѣта; и предметъ разговора между нимъ и экономомъ въ продолженіи прогулки перешелъ къ переводу LXX. Послѣ прогулки, профессоръ зашелъ въ келью эконома, и здѣсь между разговорами послѣдній сказалъ Тишендорфу, что онъ имѣетъ у себя манускриптъ LXX. Профессоръ просилъ показать: манускриптъ былъ переплетенъ. И каково было удивленіе гостя, когда онъ увидѣлъ тѣ самые остатки манускрипта, части котораго онъ видѣлъ въ 1844 году, и потомъ напрасно отыскивалъ послѣ: Здѣсь былъ весь Исаія, котораго онъ видѣлъ въ 1844 году, но котораго не могъ найдти въ 1853 г. и другія книги ветхаго Завѣта, которыя мы изчислимъ послѣ. Но кромѣ этихъ остатковъ LXX здѣсь былъ весь новый Завѣтъ (totum ne minima quidem Cacuna deformatum) вмѣстѣ съ посланіемъ Варнавы и первой частію Пастыря Ермы. Тишендорфъ получилъ позволеніе взять драгоцѣнный документъ въ свою комнату, гдѣ онъ прежде всего благоговѣйно воздалъ благодареніе Богу за ниспосланное ему счастіе. О снѣ онъ, разумѣется, не думалъ; всю ночь провелъ въ перепискѣ посланія Варнавы. Манускриптъ, кажется, находился въ ризницѣ, откуда онъ взятъ былъ экономомъ.

Тишендорфъ просилъ братію препроводить манускриптъ

въ Каиръ, чтобы онъ тамъ могъ заняться перепиской его; на это предложеніе братія согласилась, какъ скоро они получатъ дозволеніе отъ своего начальства въ Каирѣ. Седьмаго февраля профессоръ выѣхалъ изъ монастыря; а 13 прибылъ въ Каиръ. Онъ не терялъ времени на полученіе требуемаго дозволенія; спустя 9 дней, посланный привезъ изъ Синая въ Каиръ драгоцѣнный пергаменъ. 24 Тишендорфъ имѣлъ рукопись въ своихъ рукахъ.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ онъ и два его друга окончили переписку. Въ манускриптѣ было болѣе 100,000 строкъ. Разными руками въ манускриптѣ сдѣланы были исправленія числомъ до 8000; исправленія эти всего болѣе отняли и времени и стоили хлопотъ, потому что естественно нужно было различить исправителей отъ первоначальнаго писца и другъ отъ друга.

Тогда у Тишендорфа блеснула мысль, не подарятъ ли синайскіе монахи манускрипта чрезъ его посредство Императору Русскому. Они приняли его мысль съ удовольствіемъ, но затрудненіе предстояло здѣсь въ полученіи формальнаго согласія на это, такъ какъ глава монастыря въ это время умеръ. Но они согласились позволить Тишендорфу взять манускриптъ съ собою въ Петербургъ, чтобы приготовить изданіе его (utpote datum ad tempus donec in perpetuum datum esse archiepiscopus collegii nomine significaret). Съ этимъ условіемъ кодексъ былъ переданъ Тишендорфу въ Каиръ 28 Сентября 1859 г.

Кажется, пишетъ англійскій журналъ, Порфирій, русскій архимандритъ замѣчательной учености, видѣлъ во время своего путешествія въ 1845—6 годахъ эти самые остатки, которые послѣ вышли въ свѣтъ, благодаря Тишендорфу; но хотя онъ останавливался на нѣкоторое

время въ монастырѣ, но не сдѣлалъ употребленія изъ нихъ ни для критицизма, ни для публикаціи, и въ своихъ замѣткахъ о востокѣ (вышедшихъ въ 1856 году), о письмѣ, времени и текстѣ манускрипта, говоритъ Тишендорфъ, о. Порфирій произноситъ ошибочныя сужденія. Архимандритъ въ самомъ дѣлѣ кажется не зналъ, что первая часть посланія Варнавы и почти весь Пастырь не существовали на подлинномъ греческомъ языкѣ.

Отъ исторіи открытія мы перейдемъ теперь къ плану, принятому для опубликованія его.

Согласно съ проектомъ, одобреннымъ Государемъ Императоромъ, синайскій кодексъ будетъ напечатанъ факсимиле, т. е. такъ, какъ онъ написанъ первоначальнымъ писцемъ (quemadmodum ipse prima manus exaravit). Къ счастію, почеркъ буквъ въ рукописи такъ ровенъ, что онѣ кажутся скорѣе печатными, чѣмъ письменными. Не только формы буквъ точно будутъ изображены, но также стороны манускрипта, столбцы на каждой страницѣ, число строкъ въ каждомъ столбцѣ, различныя пустыя пространства въ строкахъ, означающія начало и конецъ отдѣленій, и даже цвѣтъ чернилъ, который Тишендорфъ описываетъ какъ «болѣе темноватый, чѣмъ черный» (magis fuscum, quam nigrum). Это факсимиле будетъ также изображать то, что написано на полѣ первымъ и вторымъ исправителями, которые сами были очень древни; также, что эти корректоры отмѣтили какъ долженствующее быть опущеннымъ въ манускриптѣ,—отмѣтили или точками надъ буквами, или скобами (uncorum signis). Но перемѣны, сдѣланныя позднѣйшими корректорами, не будутъ представлены въ факсимиле; онѣ будутъ помѣщены въ примѣчаніяхъ. Кромѣ печатнаго факсимиле, долженствующаго представить, по возможности близко, полный

текстъ манускрипта, къ изданію будетъ присоединено двадцать фотографическихъ и литографическихъ таблицъ, которыя дадутъ точные снимки нѣсколькихъ отдѣльныхъ страницъ, вполнѣ достаточные для критической и библіографической оцѣнки рукописи.

Первый томъ факсимиле будетъ содержать тѣ части ветхаго Завѣта, которыя писаны въ четыре столбца. Второй — книги ветхаго Завѣта, писанныя стихометрически въ два столбца на страницѣ. Третій — новый Завѣтъ вмѣстѣ съ посланіемъ Варнавы и остатками Пастыря. Четвертый томъ — двадцать вышеупомянутыхъ таблицъ, предварительныя замѣчанія объ исторіи открытія и о времени манускрипта, объ отношеніи его текста къ тексту другихъ манускриптовъ и проч., съ критическими нотами на древнія исправленія; ко всему этому будутъ наконецъ присовокуплены факсимиле съ другихъ манускриптовъ для сличенія. Этаго знаменитаго факсимиле будетъ напечатано триста экземпляровъ. Издержки должны быть огромны: ихъ взялъ на себя Государь Императоръ, и щедрость Царя предназначаетъ отпечатанные экземпляры не для продажи, а для подарковъ по христіанскому міру. Трудъ этотъ явится въ Петербургѣ около половины 1862 г., чтобы, говоритъ журналъ, придать больщій блескъ тысячелѣтнему юбилею русской Имперіи, основанной Рюрикомъ, варяжскимъ генераломъ.» Не одна Императорская щедрость возбуждаетъ наше удивленіе, а и обѣщанная скорость исполненія—по истинѣ изумительная. При снятіи факсимиле съ Александринскаго кодекса, изданнаго Баберомъ, первый томъ вышелъ въ Лондонѣ въ 1812 г., третій въ 1826. Но профессоръ Тишендорфъ желаетъ удовлетворить любознательность ученаго міра возможно скорѣе. Письма, которыя

онъ получилъ отъ ученыхъ англійскихъ (a doctis Britannicis), даютъ знать, какъ сильно въ Англіи жаждутъ воспользоваться плодами его трудовъ.

Кромѣ этаго факсимильнаго Императорскаго изданія, Тишендорфъ опубликуетъ также, частію на издержки Императора, дешевое изданіе для общаго употребленія. Въ этомъ изданіи текстъ будетъ напечатъ не рукописными, а курсивными буквами, и слова будутъ раздѣлены; но они будутъ оставлены безъ удареній и безъ пунктуаціи, и напечатаны будутъ, какъ въ оригиналѣ, въ четыре столбца. Изданіе будетъ содержать также важную часть предисловія, критическія замѣчанія и факсимильную таблицу. Оно будетъ издано въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ, по частямъ; начать его предположено съ 1862 г., съ выпуска новаго Завѣта, вмѣстѣ съ посланіями Варнавы и съ отрывками Пастыря.

Теперь мы можемъ приступить къ описанію и къ изложенію содержанія синайскаго кодекса.

Кодексъ содержитъ 346½ листовъ. Ветхій Завѣтъ занимаетъ 199 листовъ. Новый, со включеніемъ Варнавы и Ерма,—147½ листовъ. Отрывки изъ ветхаго Завѣта начинаются первой книгой Паралипоменонъ, главами IX, X и XI, написанными на одномъ листѣ. Затѣмъ слѣдуетъ 6 листовъ, заключающихъ полную книгу Товитъ, начиная съ 11 гл. 2 стиха, съ той самой части, гдѣ часть манускрипта, прежде открытая и опубликованная, какъ Codex Friderico-Augustanus, прерывается (т. е. со словъ: τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν). Слѣдующіе 8 листовъ содержатъ всю книгу Юдиеь. Слѣдующіе 23 первую и четвертую книги Маккавейскія—полныя. 26 дальнѣйшихъ—всего Исаію, и первые шесть листовъ Іереміи (остальные съ X гл. 25 ст. до конца были прежде найдены и напечатаны въ из-

денія Codex Friderico-Augustanus). Слѣдующіе 40 листовъ содержатъ Іоиля, Осію, Іону, Наума, Аввакума, Софонію, Аггея, Захарію и Малахію. За симъ слѣдуютъ въ полномъ составѣ книги (βίβλοι τιχηρεῖς), писанныя стихометрически, въ два столбца на страницѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: 40 листовъ содержатъ псалмы, пятнадцать — Притчи, пять — Екклезіаста, три — Пѣснь Пѣсней, девять — Премудрость Соломона, двадцать пять — Іисуса Сирахова, пятнадцать — книгу Іова. Затѣмъ начинается новый Завѣтъ. Евангелія стоятъ на первомъ (какъ во всѣхъ манускриптахъ) мѣстѣ, затѣмъ Павловы посланія въ обыкновенномъ же порядкѣ, исключая того, что посланіе къ Евреямъ помѣщено между 2 къ Ѳессалоникійцамъ и 1 къ Тимоѳею, какъ и въ кодексахъ александрійскомъ и ватиканскомъ. Дѣянія Апостольскія помѣщаются уже за этими посланіями, потомъ соборныя посланія въ обычномъ порядкѣ, затѣмъ Апокалипсисъ, затѣмъ посланіе Варнавы (Βαρναβα επιςολη), а затѣмъ часть Пастыря (ποιμην). Между концемъ посланія Варнавы и началомъ Пастыря шесть листовъ затеряны. Очень возможно, что за Пастыремъ слѣдовали еще листы, которые погибли, подобно листамъ предшествовавшимъ Пастырю.

Самый важный вопросъ состоитъ въ томъ, къ какому вѣку относится манускриптъ?—Доказательства его вѣроятной древности Тишендорфъ располагаетъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Онъ написанъ на пергаменѣ прописными буквами, напоминающими почеркъ рукописей, найденныхъ въ Геркуланумѣ, и почеркъ другихъ папирусовыхъ манускриптовъ. Буквы замѣчательны особенною чистотою формы, квадратной или круглой; эта особенность ихъ соблюдена вполнѣ въ буквахъ меньшей величины на концахъ тѣхъ

строкъ, гдѣ мѣста оставалось мало. Общій видъ буквъ показываетъ, говоритъ Тишендорфъ, что манускриптъ писанъ между первымъ и пятымъ вѣкомъ.

2) Этотъ манускриптъ не имѣетъ заглавныхъ буквъ, которыя бы отличались отъ другихъ большею величиною. Такія заглавныя буквы начали употребляться вѣроятно не раньше V столѣтія. Онѣ находятся въ манускриптахъ александрійскомъ V вѣка и въ кэмбриджскомъ VI вѣка; но ни въ папирусовыхъ свиткахъ, ни въ самыхъ древнихъ манускриптахъ, напр. въ ватиканскомъ и въ отрывкахъ Октатевха, хранящихся въ Парижѣ, ихъ нѣтъ.

3) Въ кодексѣ синайскомъ очень ничтожная пунктуація и, гдѣ она есть, самаго простаго свойства. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ на ватиканскій и на папирусы.

4) Извѣстно, что ватиканскій манускриптъ имѣетъ три столбца на страницѣ, т. е. если открыть манускриптъ, то глазу представляется шесть столбцовъ. Изъ этаго расподядка Гугъ доказывалъ древность ватиканскаго манускрипта; онъ думалъ, что параллельное подлѣ-положеніе шести столбцовъ указываетъ на время перехода отъ свертковаго образа письма къ формѣ книгъ. Книга, думалъ онъ, намѣренно писалась столбцами, чтобы выглядывать похожей на свитокъ, къ которому читатели привыкли. Гугу неизвѣстны были другіе примѣры, кромѣ отрывка изъ Діона Кассія. Съ тѣхъ поръ найдены другіе, подтверждающіе его мнѣніе. Тѣмъ болѣе кодексу синайскому можно приписать глубокую древность, что онъ развернутый представляетъ не 6, а цѣлыхъ 8 столбцовъ.

Доказательствъ, заимствуемыхъ отъ правописанія, отъ порядка книгъ новаго Завѣта, отъ надписаній и подписаній, сдѣланныхъ при этихъ книгахъ (которыя крайне просты), отъ различныхъ исправленій, Тишендорфъ въ

своей запискѣ не приводитъ и обѣщаетъ впослѣдствіи изложить ихъ въ своихъ prolegomena при изданіи манускрипта. Онъ указываетъ только:

5) На отсутствіе въ манускриптѣ Аммоніева и Евсевіева раздѣленій св. Писанія. Они вошли въ общее употребленіе въ манускриптахъ Евангелій около половины IV вѣка. Кодексъ синайскій, подобно ватиканскому, не имѣетъ ни Аммоніевыхъ отдѣленій, ни Евсевіевыхъ десяти каноновъ, которыми обозначалось, что извѣстное отдѣленіе находится только у одного Евангелиста, а другое находится и у другаго или у всѣхъ другихъ.

6) Другой признакъ древности это—то обстоятельство, что посланіе Варнавы и отрывки Пастыря, повидимому, стоятъ въ манускриптѣ, какъ части св. Писанія. Эти писанія были (болѣе или менѣе) почитаемы quasi каноническими во второмъ и третьемъ вѣкахъ. Въ концѣ первой половины IV вѣка Евсевій помѣстилъ ихъ между спорными (ἀντιλεγόμενα) вмѣстѣ съ Дѣяніями св. Павла и Апокалипсисомъ св. Петра. Они были выпущены изъ списковъ св. книгъ, посланныхъ соборомъ Лаодикійскимъ въ 346 г. и соборомъ Кареагенскимъ въ 397 г. Къ концу IV вѣка всѣ уже вообще были согласны, что эти два сочиненія не принадлежатъ къ канону св. Писанія. Шесть листовъ затерянныхъ и находившихся между посланіемъ Варнавы и Пастыремъ очень могло быть, какъ думаетъ Тишендорфъ, заключали какое нибудь другое сочиненіе изъ сомнительныхъ, точно также, какъ и листы слѣдовавшіе за Пастыремъ. Въ александринскомъ манускриптѣ, напримѣръ, помѣщены два посланія Климента.

7) Слѣдующее за симъ доказательство древности заимствовано отъ двухъ очень замѣчательныхъ пропусковъ, встрѣчающихся въ этомъ манускриптѣ.

Евсевій, умершій въ 340 г., говоритъ, что въ его время послѣднихъ 12 стиховъ, которыми въ нашихъ спискахъ св. Писанія оканчивается Евангеліе Марка, не было почти во всѣхъ лучшихъ тогдашнихъ кодексахъ. Подобныя же извѣстія находятся у Григорія Нисскаго и Іеронима. Въ существующихъ теперь позднѣйшихъ (V вѣка) манускриптахъ греческихъ (т. е. въ трехъ раннихъ прописныхъ александринскомъ, Ефрема и Бэзы или кэмбриджскомъ, четырнадцати прописныхъ позднѣйшихъ, во всѣхъ курсивныхъ, равно въ семи манускриптахъ италійскаго перевода, во всѣхъ манускриптахъ Вульгаты и во всѣхъ сирійскихъ переводахъ) эти стихи есть. Вновь открытый манускриптъ, подобно ватиканскому, не имѣетъ этихъ 12 стиховъ, и этотъ фактъ, по мнѣнію Тишендорфа, указываетъ на время жизни Евсевія, какъ на время происхожденія манускрипта.

Еще св. Василій В. (около половины IV в.) говоритъ, что въ посланіи къ Ефесеямъ въ первомъ стихѣ послѣ слова: *сущимъ* въ древнихъ манускриптахъ не было слова: *во Ефесѣ*. Оригенъ также читаетъ безъ этого слова. Синайскій и ватиканскій манускрипты одни не имѣютъ въ текстѣ, написанномъ первымъ писцомъ, этихъ словъ и такимъ образомъ согласны съ древними списками, видѣнными св. Василіемъ Великимъ.

Таковы доказательства древности коротко изложенныя Тишендорфомъ для назначенія времени, къ которому относится манускриптъ. Доказательства эти безъ сомнѣнія впослѣдствіи будутъ изложены полнѣе. Теперь мы можемъ замѣтить, что каждый признакъ, взятый отдѣльно, далеко не имѣетъ рѣшительнаго характера.

1) Характеръ письма, какъ его описываетъ самъ Тишендорфъ, не доказываетъ, чтобы манускриптъ былъ ста-

ріе начала V вѣка; сравненіе факсимиле, напечатаннаго при запискѣ, съ другими образчиками письма древняго, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, заставляетъ отнести рукопись столько же къ IV, сколько къ V, а можетъ быть, и къ VI вѣку.

2) Недостатокъ заглавныхъ буквъ самъ по себѣ не доказываетъ древности манускрипта. Манускриптъ позднѣйшаго времени могъ быть переписанъ по древнему образцу въ этомъ отношеніи. Тоже самое можно сказать и о выпускахъ въ евангеліи Марка и въ посланіи къ Ефесеямъ.

3) Тоже самое надобно замѣтить и касательно пунктуаціи. Болѣе отчетливая пунктуація конечно указала бы на позднѣйшій срокъ, но и простая пунктуація древнихъ копій можетъ быть соблюдена въ позднѣйшихъ. Кодексъ Безы въ Кэмбриджѣ, писанный можетъ быть около половины VI вѣка, имѣетъ тоже самую ничтожную пунктуацію.

4) Гипотеза Гуга касательно столбцовой формы письма, какъ обозначающей переходный періодъ отъ свертковъ (volumen) къ книгамъ, гипотеза конечно остроумная и, можетъ быть, вѣрная, но кажется она требуетъ еще большаго количества фактовъ для своего подтвержденія.

5) Присутствіе Аммоніевыхъ отдѣленій и Евсевіевыхъ каноновъ въ текстѣ перваго писца безъ сомнѣнія доказывало бы, что манускриптъ, гдѣ эти раздѣленія и эти каноны встрѣчаются, долженъ быть написанъ послѣ извѣстнаго срока; но ихъ отсутствіе не доказываетъ, что манускриптъ былъ писанъ прежде изобрѣтенія ихъ. Александринскій манускриптъ, писанный около половины V вѣка, имѣетъ Аммоніево отдѣленіе и Евсевіевы каноны. Кодексъ Ephraemi rescriptus, писанный прежде половины

этаго столѣтія, имѣетъ отдѣленія и не имѣетъ канововъ. Кодексъ Базы, писанный около половины VI столѣтія, имѣетъ отдѣленія и не имѣетъ канововъ. Мы сообщаемъ собственныя данныя Тишендорфа.

6) Варнава и Пастырь занимаютъ въ синайскомъ кодексѣ положеніе, сходное съ тѣмъ, какое занимаютъ два Климентовыхъ посланія въ александрійскомъ. Если присутствіе Варнавы и Ермы указываетъ на древность синайскаго манускрипта, то присутствіе посланій Климента доказываетъ древность александрійскаго; конечно, могутъ быть другія основанія, доказывающія, что александрійскій манускриптъ есть манускриптъ позднѣйшаго времени, не смотря на присутствіе въ немъ этихъ посланій; но въ такомъ случаѣ и присутствіе въ синайскомъ кодексѣ Варнавы и Ермы, одно само по себѣ, не можетъ доказывать древности его. Тишендорфъ думаетъ, что александрійскій кодексъ написанъ около половины V вѣка «(medio fere saeculo quinto)». Почему же не поставить Варнаву и Ерму въ тоже отношеніе къ синайскому, въ какомъ находятся два посланія Климентовыхъ къ александрійскому? А если такъ, то почему нельзя считать и синайскаго манускрипта (по крайней мѣрѣ на основаніи одного этаго обстоятельства) написаннымъ тоже medio fere saeculo quinto?

Но какъ бы мы ни думали о каждомъ доказательствѣ, взятомъ порознь, надобно допустить, что, взятыя всѣ вмѣстѣ, доказательства эти въ своемъ окончательномъ результатѣ имѣютъ значительный вѣсъ. Они всѣ идутъ и ведутъ къ одному. Противу всѣхъ ихъ вмѣстѣ нельзя ничего сказать. И мы, доколѣ манускриптъ не будетъ повѣренъ опытнымъ палеографомъ, преждевременно стали бы опровергать его древность. Послѣднее убѣжденіе наше въ настоящее время то, что доказательства Тишендорфа имѣютъ значительную долю вѣроятности.

Теперь мы приступаемъ къ тому, что для читателей, любящихъ критическую оцѣнку, было бы самымъ интереснымъ, именно къ извлеченію изъ манускрипта нѣкоторыхъ мѣстъ разногласящихъ съ другими манускриптами.

Напередъ мы перечислимъ важнѣйшіе древніе манускрипты св. Писанія:

1) *Александринскій* манускриптъ, который, полагаютъ, написанъ въ половинѣ V вѣка; 2) *Ватиканскій* — IV вѣка; 3) кодексъ *Ephraemi rescriptus*, первой половины V вѣка; 4) кодексъ *Безы*, заключающій Евангелія и Дѣянія, или иначе называемый *Кембриджскій* — VI вѣка; 5) *Codex Regius* № 62 въ Парижѣ, манускриптъ позднѣйшій, но цѣнный по своему тексту, по его полнотѣ и четкости; 6) Кодексъ Евангелій—*Sangallensis*—IX в.; 7) *Дублинскій* кодексъ Rescriptus—св. Матеея VI вѣка.

Замѣтимъ, во 1-хъ, что кодексъ синайскій постоянно подтверждаетъ чтеніе болѣе древнихъ кодексовъ: особенно онъ сходится съ ватиканскимъ манускриптомъ, даже, когда этотъ манускриптъ различается отъ всѣхъ другихъ прописныхъ манускриптовъ. Случаевъ такихъ много: мы укажемъ только одинъ или два.

Ев. Мѳ. 3. 16. *καὶ εἶδε τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ καταβαῖνον ὡσεὶ περιςερὰν, καὶ ἐρχόμενον ἐπ' αὐτόν*.

Синайскій кодексъ подтверждаетъ ватиканскій, который одинъ только изъ всѣхъ не имѣетъ *καὶ* предъ *ἐρχόμενον*; видѣлъ Духа Божія, сходящаго, какъ голубь, грядущаго на Него.

Мѳ. 5. 22. *Всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно* (*εἰκῇ*)...

Слово *εἰκῇ* (напрасно) и синайскій и ватиканскій кодексы опускаютъ, равно какъ опускаютъ его нѣкоторые курсивные манускрипты. Касательно этого есть прямое

древнее свидѣтельство у греч. писателей и у Іеронима, что этаго слова не было въ правильныхъ спискахъ и что оно прибавлено. Іеронимъ ясно говоритъ: in plerisque codicibus antiquis additum non est.

Мѳ. 11, 19. *И оправдана мудрость чадами* (τέκνων) *ея.*

Вмѣсто τέκνων ватиканскій одинъ только изъ всѣхъ прописныхъ читаетъ ἔργων (дѣлъ); синайскій подтверждаетъ это. Чтеніе будетъ: *и оправдана мудрость дѣлами ихъ.* Какъ ни странно это кажется намъ, но бл. Іеронимъ удостовѣряетъ, что слово ἔργων читалось въ нѣкоторыхъ манускриптахъ его времени, и оно находится во многихъ древнихъ переводахъ. Это вновь доказываетъ древность синайскаго манускрипта.

1 Посл. Іоан. 5, 7—8. Въ синайскомъ кодексѣ эти стихи читаются: *яко тріе суть свидѣтельствующія духъ и вода и кровь,* безъ всякаго прибавленія.

Большею частію, но не всегда однакожъ, кодексъ синайскій сходится съ ватиканскимъ; рѣже онъ сходится съ другими прописными кодексами; иногда случается, что онъ разногласитъ и съ ватиканскимъ и со всѣми древними прописными манускриптами, и сходится съ курсивными позднѣйшими. Видно, что эти курсивные переписывались съ древнѣйшихъ, которыхъ текстъ и передавали по мѣстамъ въ большей точности, чѣмъ болѣе ихъ древніе скорописные. Вообще надобно сказать, что, когда ученый міръ будетъ имѣть возможность пользоваться Тишендорфовымъ манускриптомъ, много новыхъ вопросовъ подниметcя касательно тѣхъ или другихъ мѣстъ Писанія.

Извлеченій сдѣлано англійскимъ журналомъ столько, что если бы помѣщать всѣ ихъ, то ихъ достало бы на печатный листъ; еще больше ихъ представлено у Тишендор-

фа. Но мы оставимъ эту работу, потому что многія изъ извлеченій могутъ быть интересны только для специально изучающихъ священный текстъ, и требуютъ болѣе напряженнаго вниманія, чѣмъ какого вправѣ мы ожидать отъ всѣхъ читателей.

Послѣ образчиковъ чтеній разныхъ мѣстъ по новому манускрипту и сличенія ихъ съ чтеніями въ другихъ манускриптахъ, Тишендорфъ сообщаетъ въ своей брошюрѣ текстъ нѣкоторыхъ частей св. Писанія, напечатанныхъ въ столбцахъ и страницахъ какъ въ оригиналѣ, только курсивными буквами; слова отдѣлены у него одно отъ другаго, но нѣтъ ни ударений, ни пунктуаціи; къ этому присоединены у него замѣчанія о поправкахъ, сдѣланныхъ различными руками на этихъ напечатанныхъ частяхъ.

Послѣднія напечатанныя части текста взяты изъ конца Апокалипсиса, изъ начала посланія Варнавы и изъ первыхъ двухъ столбцовъ Пастыря. Эти два послѣднихъ извлеченія самыя интересныя. Въ концѣ книги Тишендорфа помѣщенъ очень красивый факсимиле страницы манускрипта, изъ котораго мы можемъ видѣть характеръ буквъ и образъ письма.

Но хотя синайскій манускриптъ превосходитъ своею цѣнностію всё другое, что открыто, но онъ никоимъ образомъ не составляетъ одного и единственнаго результата разъисканій профессора. Онъ сообщаетъ перечень и описаніе сокровищъ, которыя, если-бы они не блѣднѣли предъ его главнымъ открытіемъ, тоже возбудили бы значительный интересъ между учеными. 1) двѣнадцать палимпсестовъ; 2) двадцать прописныхъ греческихъ манускриптовъ; 3) восемьнадцать курсивныхъ греческихъ; 4) девять сирійскихъ; 5) одиннадцать коптскихъ; 6) семь арабскихъ; 7) девять еврейскихъ; 8)

два самаритянскихъ; 9) три славянскихъ; 10) одиннадцать абиссинскихъ; 11) пять армянскихъ; 12) два папирусовыхъ свитка съ греч. астрелябіей.

Было бы утомительно описывать въ подробностяхъ эти манускрипты, но мы, какъ особенность, можетъ замѣтить, что два самаритянскихъ манускрипта содержатъ пятокнижіе и очень древни. Болѣе подробное описаніе нѣкоторыхъ изъ 20 греческихъ скорописныхъ манускриптовъ можетъ дать читателямъ понятіе объ этихъ сокровищахъ.

1—6) Открывки изъ шести манускриптовъ новаго Завѣта, писанныя въ VI и VII столѣтіяхъ; первый отрывокъ—два листа, второй—шесть, третій—шесть, четвертый и пятый по листу, шестой—поллиста.

7) Кодексъ изъ 350 листовъ въ небольшую четвертую долю листа. Четыре Евангелія почти полныя; писанъ повидимому въ половинѣ IX вѣка. Тишендорфъ сообщаетъ нѣсколько образчиковъ чтеній по этому кодексу.

8) Нѣсколько частей списка четырехъ Евангелій, отрывки котораго онъ пріобрѣлъ въ первое путешествіе и продалъ въ Бодлейянскую библіотеку. Части прежде найденныя содержали Евангелія Марка и Луки почти полныя; пять отрывковъ изъ Евангелія Матѳея и два изъ Евангелія Іоанна. Теперь онъ нашелъ остальныя главы Іоанна и всё Евангеліе Матѳея, исключая 150 стиховъ. Тишендорфъ относитъ кодексъ къ первой половинѣ IX вѣка.

9) Сборникъ отдѣльныхъ чтеній изъ ветхаго Завѣта, писанный въ концѣ IX вѣка.

10) Отрывки изъ сборника чтеній новозавѣтныхъ, писаннаго въ концѣ IX вѣка.

11) Шесть листовъ и еще два изъ другаго манускрипта, содержащіе отрывки бесѣдъ Златоуста,—VIII вѣка.

12) Листъ, содержащій отрывокъ изъ патрологическаго трактата,—IX вѣка.

13) Листъ, содержащій Іереміи 2 гл. ст. 2—12,—IX вѣка.

14—20) Меньшіе отрывки.

Наконецъ профессоръ Тишендорфъ извѣщаетъ, что онъ во второй разъ посѣтилъ Патмосъ, и нашелъ здѣсь манускриптъ нѣсколькихъ книгъ Діодора Сицилійскаго, могущій пополнить одинъ пробѣлъ въ обыкновенныхъ изданіяхъ этаго древняго историка; также манускриптъ Схолій Оригена на притчи, болѣе полный, чѣмъ какіе были извѣстны доселѣ. Мы считаемъ постороннимъ для своей цѣли—входить въ подробный разборъ этихъ второстепенныхъ открытій.

Лица, интересующіяся исторіей греческаго новозавѣтнаго текста, и прежде были обязаны многимъ профессору Тишендорфу и его неутомимымъ трудамъ какъ по собиранію, такъ и по изданію столь многихъ оригинальныхъ документовъ, относящихся къ св. тексту. Теперь онъ далъ новый трудъ—важнѣйшій, чѣмъ всѣ прежніе: и если кодексъ синайскій оправдаетъ горячія ожиданія профессора, то мы можемъ вслѣдъ за нимъ воздать благодареніе Невидимому Пастырю Церкви, который посредствомъ этаго открытія вызвалъ на свѣтъ еще одного свидѣтеля подлинности и неповрежденности писаннаго слова Божія,—этихъ живыхъ глаголовъ истины, данныхъ Церкви, управляемой Духомъ Святымъ, въ руководство и укрѣпленіе до скончанія міра.

II.

СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ ВѢРЫ (1).

Въ то время, когда лжедогматы Арія, Евномія, Аполлинарія, духоборцевъ и другихъ еретиковъ съ ужасающею силою волновали Востокъ и Западъ, въ ряду первыхъ защитниковъ православной Вѣры и Церкви явился человѣкъ, родомъ изъ незначительнаго мѣстечка каппадокійской области, Аріанза, въ простой и бѣдной одеждѣ, съ станомъ нѣсколько сгорбленнымъ, съ головою, почти непокрытою волосами, съ некрасивымъ складомъ лица, изнуреннаго слезами, постомъ и бдѣніемъ, съ руками, загрубѣвшими отъ черныхъ работъ, съ грубымъ каппадокійскимъ произношеніемъ (2); но съ рѣдкими дарованіями ума, съ глубокимъ и основательнымъ знаніемъ св. Писанія и твореній отеческихъ, съ изумительнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія до тѣхъ поръ «собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады Аѳины» (3), съ краснорѣчіемъ строгимъ, рѣзкимъ и величественнымъ, съ душею пылкою и прямою, неумѣвшею привязываться къ чему бы то ни было на половину и чув-

(1) Статья эта предлагается вниманію читателей, какъ опытъ изложенія ученія св. отцевъ въ Патристикѣ.

(2) Твор. св. *Григорія Б.* въ русск. пер. ч. 3, стр. 172; снес., письмо *Василія В.* 14.

(3) Твор. *Григорія* ч. 4, стр. 281.

ствовать что бы то ни было слегка. Это былъ св. Григорій, сынъ Григорія и Нонны, у Бога испрошенный своею матерію и еще прежде рожденія посвященный Ему, какъ нѣкогда Самуилъ. Вся жизнь его, согласно съ обѣтомъ матери, была одушевлена однимъ главнымъ стремленіемъ—къ тому, чтобы, по его собственнымъ словамъ, «какбы замкнувъ чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самаго себя, безъ крайней нужды не касаясь ничего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго и носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми образами, быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зерцаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ, къ менѣе ясному лучезарнѣйшій, упованіемъ уже пожинать блага будущаго вѣка, сожительствовать съ ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и возноситься духомъ горѣ» (1). Углубляться умомъ въ богооткровенныя истины, раскрывать и уяснять ихъ себѣ, сколько было возможно, для св. Григорія было выше всѣхъ наслажденій въ жизни.— Сладость созерцанія, наполнявшаго его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню настоящимъ раемъ,—и много душевныхъ мукъ испытывалъ онъ, когда неотступныя просьбы тѣхъ, съ кѣмъ онъ связанъ былъ узами родства, дружбы, или Вѣры, отрывали его отъ собесѣдованія съ Богомъ и самимъ собою въ совершенномъ безмолвіи (2). А эти перерывы между тѣмъ случались въ его жизни такъ часто и продолжались иногда такъ долго! Пустыня была для него тѣмъ дороже, что

(1) Ч. 1, стр. 20.
(2) Ч. 4, стихотвореніе *о самомъ себѣ*.

нѣй ея онъ обыкновенно «былъ битъ или камнями или друзьями» (1), какъ онъ самъ энергически выражается. Потому-то, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: «желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ или ласточкой, чтобы бѣжать оттуда, гдѣ живутъ люди, и поселиться въ какой нибудь пустынѣ и жить въ одномъ убѣжищѣ со звѣрями, потому что они вѣрнѣе людей. Тамъ желалъ бы я провести свою однодневную жизнь безъ слезъ, безъ страха наказаній и безъ заботъ, имѣть одно преимущество предъ звѣрями—умъ, который вѣдаетъ Божество и небошественъ. Тамъ среди спокойной жизни я собиралъ бы свѣтъ ко свѣту» (2). «Иные уважаютъ или золото или серебро или продолжительную трапезу—эти дѣтскія забавы въ настоящей жизни; а другимъ дороги или прекрасныя шелковыя ткани, или поля, засѣянныя пшеницею, или стада четвероногихъ. Но для меня великое богатство—Христосъ. О, если бы мнѣ когда увидѣть Его чистымъ, неприкровеннымъ умомъ! Прочимъ же пусть владѣетъ міръ!» (3). Но чѣмъ пламеннѣе онъ стремился къ вѣдѣнію Бога и чѣмъ болѣе пріобрѣталъ его, тѣмъ съ большею горестію чувствовалъ недостаточность своего вѣдѣнія и слабость своихъ силъ постигнуть Безпредѣльнаго. «Мать моя—такъ въ одномъ стихотвореніи Григорій оплакиваетъ свой умъ, чувствуя, что онъ не можетъ выдти изъ положенныхъ для него здѣсь предѣловъ богопознанія—мать моя, для чего ты родила меня, когда я не могу ни мыслію постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяло, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе пренебесной, равносвѣт-

(1) Ч. 5, *эпитафія самому себѣ*.
(2) Ч. 4, стр. 321.
(3) Ч. 5, стр. 20.

лой Троицы; но большая часть, къ скорби моей, ускользнула отъ меня прежде, нежели насытился я свѣтомъ. А если бы здѣсь я могъ постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не сталъ бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ добрый часъ. Но спаси, спаси меня, Божіе Слово,—и, извлекши изъ горькой тины, веди въ иную жизнь, гдѣ чистый умъ, непокрываемый болѣе примрачнымъ облакомъ, ликуетъ предъ Тобою, о Пресвѣтлый» (1).

Потому-то, съ одной стороны, св. отецъ, при разсужденіи о догматахъ Вѣры, отличается необыкновенною смѣлостію. Его умъ нерѣдко прямо направляется къ рѣшенію такихъ вопросовъ, предъ трудностію которыхъ другіе отцы Церкви рѣшительно отступаютъ. Правда, иногда не просто благоговѣніе, а даже благоговѣйный трепетъ проникаетъ душу Григорія, когда онъ приступаетъ къ изслѣдованію истинъ Вѣры; но его любовь къ созерцанію, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, всегда беретъ свое,—и онъ отказывается въ изслѣдованіи догматовъ идти впередъ только тогда, когда не видитъ къ тому никакой возможности. Колебаніе своего духа предъ углубленіемъ въ таинства Вѣры, и вмѣстѣ рѣшительность прекрасно выразилъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. «Въ трепетъ приходитъ мой умъ, — говоритъ онъ, — приступая къ небеснымъ красотамъ: стало предо мною темное облако, и недоумѣваю, простирать ли впередъ, или остановить мнѣ слово. Вотъ путникъ пришелъ къ крутоберегой рѣкѣ и хочетъ ее перейти: но вдругъ поколебалось намѣреніе, онъ медлитъ своей переправой, долго борется въ сердцѣ, стоя на бе-

(1) Ч. 5 стр. 11; снес. ч. 3, стр. 152.

регу; то необходимость влагаетъ въ него смѣлость, то страхъ связываетъ рѣшимость; не разъ заноситъ онъ ногу свою въ воду и не разъ отступаетъ назадъ; однакоже послѣ всей борьбы нужда побѣждаетъ страхъ» (1). Своею смѣлостію, при разсужденіи о догматахъ, св. Григорій живо напоминаетъ Оригена; только онъ гораздо счастливѣе этого учителя въ своихъ попыткахъ уяснять для себя предметы темные; такъ какъ всегда остается въ надлежащихъ границахъ умозрѣнія (2), и, безъ сомнѣнія, потому, что, по его собственнымъ словамъ, онъ постоянно «имѣлъ руководителемъ Духа и съ Нимъ, какъ искреннимъ участникомъ и собесѣдникомъ, проходилъ настоящій вѣкъ» (3). Смѣлость умозрѣнія высказывается у св. Григорія и въ его языкѣ. Онъ обыкновенно говоритъ, какъ вдохновенный, сильно, рѣшительно, не боясь за то, что люди злонамѣренные перетолкуютъ его слова въ ущербъ ихъ смыслу. Напримѣръ, чтобы выразить мысль о близости разумной природы къ Богу, онъ не затрудняется сказать, что ангелъ есть нѣкоторая струя божественнаго свѣта, или что душа человѣческая есть частица божественная, а человѣкъ персть соединенная съ Божествомъ, богъ (4). Съ высоты истиннаго богосло-

---

(1) Ч. 4, стр. 236; снес. стр. 215,352 и мн. др.

(2) Vid. Basil. M. ep. 8; August. l. 1. contr. Julian. cap. 5.

(3) Ч. 3, стр. 132—133.

(4) Ч. 3, стр. 275; ч. 1, стр. 263; ч. 3, стр. 276. «Не для того ли Богъ ввелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частію Божества, не превозносились....» (ч. 2, стр. 7)?—«Кто возмется въ одинъ день образовать защитника истины, который долженъ.... возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить боговъ» (ч. 1, стр. 62; снес. ч. 4, стр. 230)? «Если низко будешь о себѣ думать; то я напомню тебѣ, что ты Христова тварь, Христово дыханіе, Христова дорогая часть, а потому вмѣстѣ небесный и земной, приснопамятное твореніе,—созданный богъ»

ва, котораго изображаетъ Моисеемъ стоящимъ на Синаѣ, св. Григорій своимъ неискреннимъ и злонамѣреннымъ слушателямъ говоритъ вотъ что: «кто злой и неукротимый звѣрь и вовсе неспособенъ вмѣстить въ себѣ того, что предлагается въ умозрѣніи и богословіи, тотъ не скрывайся въ лѣсу, съ тѣмъ коварнымъ умысломъ, чтобъ, напавъ нечаянно, подхватить какой нибудь догматъ или какое нибудь слово, и своими хулами растерзать здравое ученіе; но стань дальше, отступи отъ горы; иначе такой *каменіемъ побіенъ* и сокрушенъ *будетъ* (Евр. 12, 20), *злый злѣ погибнетъ* (Матѳ. 21, 41), потому что истинныя и твердо основанныя ученія для людей, похожихъ нравами на звѣрей, тоже, что камни»....(¹).

Съ другой стороны пламенный и необыкновенно даровитый любитель созерцанія, св. Григорій естественно является въ немъ самостоятельнымъ. Во все, что онъ находилъ въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ отеческихъ и въ произведеніяхъ внѣшней (свѣтской) мудрости, во все это онъ вдумывался глубоко, все это перерабатывалъ своимъ любознательнымъ умомъ и *усвоилъ* до того, что его ученіе, будучи вселенскимъ, есть въ тоже время его собственное ученіе, — будучи плодомъ Духа, въ тоже время есть плодъ и его собственнаго умозрѣнія. Встрѣчающіяся по мѣстамъ положенія языческихъ философовъ, въособенности Платона, являются у него не отрывочно, а сплоченныя и объединенныя самостоятельною работою его христіански-философской мысли. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состоитъ въ томъ,

---

(ч. 4, стр. 256). «(Христосъ) стезей узкой и трудной приводитъ къ Богу меня—бога изъ земли сотвореннаго, а не рожденнаго, и изъ смертнаго ставшаго безсмертнымъ» (ч. 4, стр. 295). См. и мн. др. мѣста.

(¹) Ч. 3, стр. 17—18; снес. ч. 4, стр. 215—216.

что о чемъ бы онъ ни разсуждалъ изъ ученія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи или сіяніи, какъ образахъ ума и созерцанія, всегда стоитъ на первомъ планѣ и, при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ, почти всегда выводитъ его изъ затрудненія. Это, можно сказать, его уголъ зрѣнія на предметы, при которомъ его ученіе получаетъ необыкновенную возвышенность. И при разсматриваніи этого ученія, нельзя не имѣть въ виду такой особенности его; иначе многое въ словахъ св. отца останется непонятымъ, или же и вовсе ускользнетъ отъ вниманія. Такимъ образомъ и умозрѣніе св. Григорія проникнуто тою же самою мыслію, какою—и вся его жизнь,—мыслію о созерцаніи ума; Григорій—*умъ* по своей жизни, *умъ* и по своему ученію (¹). Между тѣмъ, съ живѣйшею любовію предаваясь возвышеннымъ созерцаніямъ ума, онъ по тому же самому и съ тою же любовію искалъ для нихъ и соотвѣтствующихъ имъ формъ въ словѣ,—высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова. «Я органъ Божій, говоритъ онъ, и въ благозвучныхъ пѣснопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ которымъ все трепещетъ. Я пою не Трою, не счастливое плаваніе какого нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнѣженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царству-

(¹) Еще въ X в. Василій, архіепископъ кесарійскій, писалъ императору Константину: «что можетъ быть для тебя пріятнѣе того, чтобы видѣть и слышать Григорія и рѣчи о Григоріѣ—*умѣ*» (Bandini Fasciculus rerum ecclesiasticarum, 8. Florentiae 1763)?

ющаго горѣ великаго Бога, или же сіяніе пресвѣтлой моей во едино сочетаваемой Троицы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какія они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какова настоящая,—стройность, которой я ожидаю, потому что все стремится къ единству. Воспѣваю нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христосъ обожилъ меня, срастворивъ человѣческій образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; такъ какъ я не какое нибудь легко объяснимое произведеніе; я—произведеніе, въ которомъ смертный сопряженъ съ небеснымъ. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и всѣ дѣла міра, также цѣли и конецъ того и другаго, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другаго бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть, какъ гусли» (1). Потому-то св. Григорій выработалъ себѣ свой, оригинальный, возвышенный языкъ, поэтому самому чрезвычайно трудный для перевода; его рѣчь слагается изъ словъ и выраженій отборныхъ, имѣющихъ опредѣленный, обдуманный строй и указывающихъ на заботливость Богослова, чтобы какъ вся рѣчь, такъ и каждое его слово были достойнымъ выраженіемъ высокихъ мыслей. Блаженный Іеронимъ въ языкѣ Григорія видѣлъ сходство съ языкомъ знаменитаго софиста Палемона, о которомъ Филостратъ говоритъ, что рѣчь его «отзывается колкостію звучною, какъ олимпійская свирѣль» (2). Это сходство, дѣйствительно существующее, отнюдь не мѣшаетъ ей быть вполнѣ

(1) Ч. 4, стр. 350 — 351.

(2) *Hieron.* de vir. illustr., n. 117; cfr. *Philostrati* de vita Sophistarum, 1, 25.

оригинальною. Потому-то, далѣе, св. Григорій не имѣлъ обыкновенія говорить слова свои безъ приготовленія; мало того, пиша объ одномъ и томъ же въ другой разъ, онъ, случалось, написанное имъ прежде буквально повторялъ цѣлыми отрывками (¹), а не отдѣльными только выраженіями (²): въ сочиненіяхъ другаго писателя это было бы слѣдствіемъ слабости его дарованій, а въ твореніяхъ Григорія это служитъ только свидѣтельствомъ, что онъ чрезвычайно былъ разборчивъ въ выборѣ формъ для мысли и заботливо отливалъ ее въ ту только форму, которую находилъ самою лучшею изъ множества другихъ.

Соображая все это, мы легко поймемъ, почему древность упрочила за однимъ Григоріемъ названіе *Богослова*, и почему онъ имѣлъ такое огромное вліяніе на умы современниковъ, о которомъ Руфинъ, самъ находившійся подъ этимъ вліяніемъ, говоритъ слѣдующее: «Григорій, мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, славный словомъ и дѣлами, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церквамъ Іисуса Христа; онъ показалъ ученіе, равное своей жизни... Ничего нѣтъ честнѣе и свѣтлѣе его жизни, извѣстнѣе его краснорѣчія, чище и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія, такъ какъ онъ одинъ только таковъ; что о его вѣрѣ не могли, какъ обыкновенно бываетъ, спорить и несогласныя между собою партіи,—и та его заслуга предъ Богомъ и Божіими церквами, что кто ни осмѣлится допустить что-либо, несогласное въ вѣрѣ съ Григоріемъ, тѣмъ самымъ обли-

(¹) Свес. ч. 1. стр. 20 и ч. 2, стр. 163; ч. 3, стр. 259 и ч. 2, стр. 165; ч. 3, стр. 238—246, Слово на Богоявленіе, и ч. 4, стр. 154—162, Слово на святую Пасху.

(²) Особенно любимыхъ выраженій у св. Григорія не мало; съ нѣкоторыми мы встрѣтимся при самомъ изложеніи его ученія.

чаетъ уже себя въ томъ, что онъ самъ еретикъ. Ясный знакъ, что человѣкъ не держится правой вѣры, если онъ не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ» (1). Но Григорій и самъ сознавалъ, какъ высоко стоялъ онъ въ ряду своихъ современниковъ и какое могущественное вліяніе могъ имѣть своимъ богословіемъ на умы, хотя былъ чуждъ самомнѣнія до того, что, по его собственнымъ словамъ, «и во снѣ никогда не служилъ гордости и не поднималъ высоко бровей» (2). Такое сознаніе особенно высказалось въ его прощальномъ словѣ Константинополю, въ которомъ онъ своими трудами воскресилъ православіе, и съ которымъ разставался, чтобы только, для блага Церкви, утишить волны страстей, устремленныхъ на него лично. «Прости Анастасія, такъ говорилъ онъ въ заключеніе своего слова, прости Анастасія, получившая наименованіе отъ благочестія..! Прости мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ сначала мы прочно поставили скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ! Прости, высокій славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова,—храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи,—храмы, подобно узамъ связующіе разныя части города и присвоенные той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, — храмы, которые наполнилъ не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать со мною отчаяннымъ!.. Простите любители рѣчей моихъ, быстро и шумно стекавшіеся отовсюду, и эти трости скорописцевъ, пишущихъ явно и тайно, и эта рѣшетка, едва

(1) Rufini Aquil. Prolog. in libros Gregor. Nazianz. ab ipso translatos. Vid. ap. Billium Opp. S. Gregor. t. 1, p. 726 — 727.

(2) Ч. 4, стр. 329.

выдерживавшая напоръ тѣснившихся къ ней слушателей! Простите цари, и царскія палаты, и сановитые слуги царскіе, не знаю, вѣрные ли царю, а Богу большею частію невѣрные! Бейте въ ладоши, вопите громче, поднимайте оратора вашего вверхъ! Умолкъ для васъ злой и говорливый языкъ. Правда, онъ еще не совсѣмъ умолкнетъ и будетъ еще сражаться съ вами рукою и тростію; но въ настоящее время онъ умолкаетъ... Простите, Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ мы терпимъ нападеніе: свидѣтель тому Тотъ, который примиритъ насъ... Прости (*χαῖρέ μοι*) Троица, мое помышленіе и украшеніе! О, если бы Ты сохранилась у нихъ и сохранила ихъ — этотъ народъ мой (вѣдь онъ — мой, хотя жизнь моя и располагается иначе); о, если бы мнѣ слышать, что Тебя постоянно возносятъ и славятъ у него и словомъ и жизнію! Чада, *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20); помните, какъ побивали меня камнями» (¹).

Обратимся теперь къ самому богословію св. Григорія и посмотримъ, во-первыхъ, какъ онъ училъ о Богѣ Самомъ въ Себѣ.—По его ученію, Богъ есть высочайшій, безконечный Умъ или Свѣтъ,—эти слова для него однозначительны. Однакожъ, называя Бога обыкновенно Умомъ или Свѣтомъ, св. отецъ отнюдь не представляетъ Его мыслію или какою-то неопредѣленною разумною дѣятельностію, но разумнымъ бытіемъ, лицомъ. «Богъ, говоритъ онъ, есть свѣтъ высочайшій, неприступный, неизглаголанный, ни умомъ непостигаемый, ни словомъ неизреченный, просвѣщающій всякую разумную природу, тоже — въ духовномъ мірѣ, что—солнце въ чувственномъ, по мѣ-

(¹) Ч. 4, стр. 48—51; снес. ч. 5, стр. 256; т. 4, стр. 300—320, сонъ о храмѣ Анастасіи.

рѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый, только самъ для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее внѣ Его мало изливающійся» (¹). Но этотъ высочайшій Умъ, этотъ умопредставляемый Свѣтъ не только единъ, но вмѣстѣ Тріединъ. «Говорю же, продолжаетъ св. отецъ, о Свѣтѣ, созерцаемомъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, которыхъ богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости» (²). «Когда произношу слово: Богъ; вы озаряйтесь единымъ и тройственнымъ свѣтомъ,—тройственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ или къ Ѵпостасямъ,—единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности и слѣдственно Божества» (³). Такимъ образомъ, учитъ св. отецъ, одинъ высочайшій Свѣтъ является въ трехъ Свѣтахъ; однакожъ Троица нераздѣльна, хотя Отецъ, Сынъ и Святый Духъ — не одни имена, а Ѵпостаси. «Неслитность трехъ Ѵпостасей соблюдается въ единомъ естествѣ и достоинствѣ Божества. Сынъ не Отецъ; потому что Отецъ одинъ, но тоже, что Отецъ. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога, потому что единородный одинъ, но тоже, что Сынъ. И Три едино по Божеству; и Единое — три по личнымъ свойствамъ, такъ что нѣтъ ни единаго, въ смыслѣ Савелліевомъ, ни трехъ, въ смыслѣ нынѣшняго лукаваго раздѣленія» (⁴). «Не успѣю помыслить о Единомъ, какъ озаряюсь—Тремя. Не успѣю раздѣлить Трехъ, какъ возношусь къ Единому» (⁵). Какія же свой-

(1) Ч. 3, стр. 275.
(2) Тамъ же.
(3) Ч. 3, стр. 261.
(4) Ч. 3, стр. 210.
(5) Ч. 3, стр. 316.

ства служатъ отличіемъ одного Лица отъ другаго? «Личныя свойства, говоритъ Богословъ, принадлежатъ Имъ исключительнымъ образомъ, именно: Сыну—сыновство, Духу же — исхожденіе, а не сыновство... Отецъ есть истинно Отецъ и въ смыслѣ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуются наши отцы; потому что Онъ Отецъ въ единственномъ смыслѣ, т. е. своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ,—Отецъ единственный, т. е. не въ сочетаніи съ кѣмъ—либо,—Отецъ единственнаго Сына, т. е. единороднаго,—Отецъ исключительно, т. е. не бывшій прежде Сыномъ,—Отецъ всецѣло и всецѣлаго Сына (чего достовѣрно нельзя сказать о нашихъ отцахъ),—Отецъ изначала, т. е. не въ послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Сынъ есть истинно Сынъ; потому что Онъ единственный Сынъ единственнаго Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отецъ, — Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изъ начала, а не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не вслѣдствіе премѣненія совѣтовъ Его Божество, и не вслѣдствіе преуспѣянія Его обоженіе, такъ чтобы Отецъ не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ-Сыномъ. Духъ Святый есть истинно Святый; потому что никто другой не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и святость Духа не есть что-либо придаточное, но самоисточное...» (¹).

При этомъ разумъ естественно можетъ предложить себѣ такіе вопросы: во-первыхъ, какимъ образомъ, не смотря на троичность Божескихъ Лицъ, Богъ одинъ, и наоборотъ,—какимъ образомъ, будучи одинъ, Онъ вмѣстѣ и троиченъ? Во-вторыхъ, почему въ Богѣ именно три Лица, а не одно, не два или не четыре? Наконецъ, по-

---

(¹) Ч. 2, стр. 287, 288; снес. ч. 4, стр. 216—225.

чему догмат о Пресвятой Троицѣ открытъ не съ такою ясностію въ ветхомъ, какъ въ новомъ Завѣтѣ?

Имѣя въ виду первый вопросъ, святитель говоритъ: «чего ни разсматривалъ я самъ собою въ любознательномъ умѣ своемъ, чѣмъ ни обогащалъ разума, гдѣ ни искалъ подобія для сего, но не нашелъ, къ чему бы дольнему можно было примѣнить Божіе Существо. Если и отыскивается малое какое-то сходство; то гораздо больше ускользаетъ, оставляя меня долу съ тѣмъ, что̀ избрано для сравненія. По примѣру другихъ представлялъ я себѣ родникъ, ключъ и потокъ, и разсуждалъ: не имѣютъ ли сходства съ однимъ Отецъ, съ другимъ Сынъ, съ третьимъ Духъ Святый? Ибо родникъ, ключъ и потокъ нераздѣльны временемъ и сопребываемость ихъ непрерывна, хотя и кажется, что они раздѣлены тремя свойствами. Но убоялся, во-первыхъ, чтобъ не допустить въ Божествѣ какого-то теченія, никогда не останавливающагося; во-вторыхъ, чтобы такимъ подобіемъ не ввести и численнаго единства, такъ какъ родникъ, ключъ и потокъ въ отношеніи къ числу составляютъ одно, различны же только въ образѣ представленія. Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь—опасеніе, чтобы въ несложномъ Естествѣ не представить какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что̀ отъ солнца; во-вторыхъ, чтобы, приписавъ сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочія Лица и не содѣлать ихъ силами Божіими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны: такъ какъ лучъ и свѣтъ—не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца. Въ-третьихъ, чтобъ не приписать Богу и бытія и небытія (къ какому заключенію можетъ привести этотъ примѣръ); а это еще нелѣпѣе сказанна-

го выше. Слышалъ я также, что нѣкто находилъ искомое подобіе въ солнечномъ отблескѣ, который является на стѣнѣ и сотрясается отъ движенія водъ, когда лучъ, собранный воздушною средою и потомъ разсѣянный отражающею поверхностью, приходитъ въ странное колебаніе; потому что отъ многочисленныхъ и частыхъ движеній перебѣгаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, составляя не столько одно, сколько многое, и не столько многое, сколько одно, такъ какъ по быстротѣ сближеній и расхожденій ускользаетъ прежде, нежели уловитъ его взоръ. Но по моему мнѣнію, нельзя принять и этого. Во-первыхъ потому, что здѣсь слишкомъ видно приводящее въ движеніе; но первоначальнѣе Бога нѣтъ ничего, что приводило бы Его въ движеніе: Онъ Самъ причина всего. Во-вторыхъ потому, что и этимъ подобіемъ наводится прежняя мысль о движеніи, о сложности, о естествѣ непостоянномъ и зыблющемся, тогда какъ ничего подобнаго не должно представлять о Божествѣ. И вообще ничего не нахожу, что̀, при разсмотрѣніи представляемаго, остановило бы мысль на избираемыхъ подобіяхъ, развѣ кто съ должнымъ благоразуміемъ возметъ изъ образа что-нибудь одно и отброситъ все прочее. Наконецъ заключилъ я, что всего лучше отступиться отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко не достигающихъ до истины; держаться же образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣть руководителемъ Духа, и какое озареніе получено отъ Него, то сохраняя до конца, съ нимъ, какъ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходить настоящій вѣкъ, а по мѣрѣ силъ и другихъ убѣждать, чтобъ поклонялись Отцу и Сыну и Святому Духу — единому Божеству и

единой силѣ» (¹). Хотя здѣсь св. отецъ повидимому не отдаетъ предпочтенія ни одному изъ подобій, которыми онъ хотѣлъ уяснить для себя тайну единаго Бога въ Троицѣ; но то, что онъ Тріѵпостаснаго Бога любитъ называть *тройственнымъ Свѣтомъ*, *трисіяннымъ Божествомъ*, *свѣтозарною Троицею*, ясно показываетъ, что онъ отдавалъ предпочтеніе предъ всѣми подобіями подобію солнца, луча и свѣта. Кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ, согласно съ общимъ характеромъ своего богословскаго созерцанія, онъ объясняетъ тайну возлюбленной имъ Троицы указаніемъ въ человѣкѣ на душу, мысль и слово (²).

Но почему въ Богѣ три Лица—ни болѣе, ни менѣе? Вопросъ трудный не менѣе предъидущаго; но св. Григорій останавливается и на немъ, и даетъ такой удовлетворительный отвѣтъ, какого можно только пожелать при непостижимости догмата о Пресвятой Троицѣ: «Совершенная Троица, говоритъ онъ, изъ трехъ совершенныхъ, ибо Божество выступило изъ единичности по причинѣ богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства,—чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, послѣднее безпорядокъ; одно было бы совершенно въ духѣ іудейства, другое въ духѣ язычества и многобожія (³).

Если же, говоритъ св. отецъ, кто потребуетъ (въ ветхомъ Завѣтѣ) открытыхъ словъ вселюбезнаго Божества,

(¹) Ч. 3, стр. 131—133.
(²) Ч. 4, стр. 188.
(³) Ч. 2, стр. 222, снес. ч. 3, стр. 240.

то пусть такой знаетъ, что неблагоразумно его требованіе. Ибо, пока большей части смертныхъ не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать неудобоносимаго бремени на сердца, до крайности немощныя. Совершеннѣйшее слово благовременно не для начинающихъ. Кто станетъ слабымъ еще глазамъ показывать полный блескъ огня или насыщать ихъ непомѣрнымъ свѣтомъ? Лучше постепенно пріучать ихъ къ яркому блеску, чтобы не повредить и самыхъ пріемниковъ сладостнѣйшаго свѣта. Такъ и Слово, открывъ прежде всецѣлое Божество Царя-Отца, стало озарять свѣтомъ великую славу Христову, являемую немногимъ разумнымъ изъ людей, а потомъ, яснѣе открывъ Божество Сына, осіяло намъ и Божество свѣтозарнаго Духа. Для тѣхъ проливало оно малый свѣтъ, большую же часть предоставило намъ, которымъ потомъ обильно и въ огненныхъ языкахъ раздѣленъ Духъ, показавшій ясные признаки Божества, когда Спаситель вознесся отъ земли (1).

Вѣчно сіяя въ трехъ вѣчныхъ свѣтахъ (2), Богъ, когда восхотѣлъ, вызвалъ изъ небытія въ бытіе и свѣты временные, учитъ далѣе св. Григорій. Умственный взоръ его, постоянно созерцая Бога, какъ свѣтъ, естественно и въ созданіяхъ Божіихъ видитъ также свѣты. «Второй свѣтъ (послѣ Бога), говоритъ онъ, есть Ангелъ — какая-то струя или нѣчто причастное первому Свѣту; онъ находитъ для себя просвѣщеніе въ стремленіи къ первому Свѣту и въ служеніи Ему; и не знаю, по степени ли чина своего получаетъ просвѣщеніе, или, по мѣрѣ просвѣщенія, получаетъ чинъ. Третій свѣтъ есть человѣкъ,

(1) Ч. 4, стр. 221—222; срав. ч. 3, стр. 126—127.
(2) Ч. 4, стр. 325.

что̀ извѣстно и язычникамъ; ибо свѣтомъ (φῶς) называютъ какъ они вообще человѣка по силѣ внутренняго нашего слова ([1]), такъ и мы сами—тѣхъ изъ насъ, которые наиболѣе уподобляются Богу и приближаются къ Нему. Знаю и иной свѣтъ, которымъ отра̀жена или пресѣчена первобытная тьма,—эту первую основу небесной твари, т. е. какъ кругообразные пути звѣздъ, такъ и горнюю стражу, осіявающую цѣлый міръ» ([2]). Но какимъ образомъ Богъ проявилъ эти свѣты и вызвалъ міръ изъ небытія въ бытіе? Съ какою цѣлію? По какому побужденію?

«Такъ какъ благость, говоритъ св. отецъ, не довольствовалась тѣмъ, чтобы упражняться только въ созерцаніи себя самой, но требовала, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было как можно болѣе (таково свойство высочайшей благости); то Богъ измышляетъ, во-первыхъ, ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой свѣтлости; разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какбы невещественный и безплотный огонь, или другую какую природу, наиболѣе близкую къ сказанному. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны къ злу и имѣютъ движенія только къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и озаряемые отъ Бога непосредственно (земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня денница — по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ под-

([1]) Т. е. ума.
([2]) Ч. 3, стр. 275.

чиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, вовлекаютъ въ него и насъ. Такъ и по такимъ причинамъ сотворенъ Богомъ умный (νοητὸς) міръ, сколько о томъ могу философствовать, малымъ умомъ взвѣшивая великое.»

«Такъ какъ твари были благоугодны Богу, то Онъ измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый. И это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними,—составъ удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, и еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ и одно къ другому, и все ко всему стоитъ въ прекрасномъ отношеніи, служа къ полнотѣ цѣлаго міра. А этимъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и чуждое для Себя естество» (¹). Но «Богъ, восхотѣвшій устроить этотъ міръ, который состоитъ изъ видимаго и невидимаго и служитъ великимъ и дивнымъ проповѣдникомъ Его величія, сей Богъ для существъ присносущныхъ Самъ есть Свѣтъ, а не другой кто (ибо нуженъ ли свѣтъ вторичный для тѣхъ, которые имѣютъ свѣтъ высочайшій?). А существа дольнія и насъ окружающія прежде всего осіяваетъ Онъ этимъ видимымъ свѣтомъ. Великому Свѣту и прилично было начать міроzданіе сотвореніемъ свѣта, которымъ уничтожаетъ Онъ тьму и бывшія дотолѣ нестроеніе и безпорядокъ И,—такъ разсуждаю,—въ началѣ Богъ сотворилъ не этотъ органическій, принадлежащій солнечному тѣлу свѣтъ, но свѣтъ незаключенный въ тѣлѣ и солнцѣ, который уже послѣ данъ солнцу освѣщать всю вселенную. Послѣ того, какъ для другихъ тварей осуществилъ Онъ прежде вещество, а впослѣдствіи

(¹) Ч. 4, стр. 157.

облекъ въ форму, давъ каждому существу устройство частей, очертаніе и величину; тогда, чтобы сдѣлать еще бо́льшее чудо, осуществилъ здѣсь форму, прежде вещества (ибо форма солнца—свѣтъ), а потомъ уже присовокупляетъ вещество, создавъ око дня, то есть солнце (¹). Посему къ днямъ присоединяется нѣчто первое, второе, третье, и такъ далѣе до дня седьмаго, упокоивающаго отъ дѣлъ, и сими днями раздѣляется все сотворенное, приведенное въ устройство по неизреченнымъ законамъ, а не мгновенно произведенное Всемогущимъ Словомъ, для котораго помыслить или изречь значитъ уже совершить дѣло» (²).

«Итакъ умъ и чувство, столь различныя между собою, составили каждое свою область и отобразили собою величіе Зиждительнаго Слова, какъ безмолвные хвалители и ясноглаголивые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противуположностей—этого опыта высшей Премудрости, этой щедрости въ образованіи естествъ,—и не все еще богатство благости было обнаружено» (³). Послѣ того, какъ все это—земля, небо и море, составило міръ, нуженъ сталъ еще зритель Премудрости—матери всего и благо-

(¹) Св. Григорій, говоря о созданіи свѣта, какъ видно, представлялъ первоначально созданный свѣтъ не разлитымъ въ неопредѣленномъ пространствѣ, а сосредоточеннымъ въ формѣ солнца. Потому-то онъ видитъ въ этомъ и особенное чудо творческой силы; такъ какъ, по его мысли, солнце (т. е. свѣтъ въ видѣ солнца, одна форма солнца) свѣтило, а солнечнаго тѣла пока еще не существовало. Потому-то далѣе онъ не видитъ никакой трудности въ пониманіи словъ Бытописателя, начинающихся съ перваго дня: *и бысть вечеръ и бысть утро*, и говоритъ о дняхъ творенія, не пускаясь въ различеніе дней—до созданія солнца и послѣ созданія солнца.

(²) Ч. 4, стр. 143. 144.

(³) Ч. 4, стр. 157.

говѣйный царь земной. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяютъ уже чистые и присно-живущіе служители, непорочные умы, добрые ангелы, пѣснословцы, воспѣвающіе мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось и то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и безсмертными,—разумнаго человѣка, который бы увеселялся моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ ангеломъ изъ персти, пѣснопѣвцемъ моего могущества и моего ума». Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, безсмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему своей жизни; потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ—образъ Безсмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, я привязанъ къ здѣшней жизни; а, какъ частица божественная, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.—Такъ сопряженъ былъ первородный человѣкъ; впослѣдствіи же тѣло берется отъ плотей, душа же примѣшивается недовѣдомымъ образомъ, привходя со-внѣ въ перстный составъ, какъ знаетъ это Создавшій, который и въ началѣ вдохнулъ ее и сопрягъ образъ Свой съ землею. А другой, откликаясь на мою пѣснь, смѣло и слѣдуя многимъ, пожалуй, прибавитъ и слѣдующее разсужденіе. Какъ тѣло, первоначально составленное въ насъ изъ персти, сдѣлалось впослѣдствіи потокомъ человѣческихъ тѣлъ, въ одномъ человѣкѣ заключая другихъ; такъ и душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени соприходитъ въ образуемый составъ человѣка, рождаясь вновь, изъ первоначальнаго сѣмени удѣляемая многимъ, и въ

смертныхъ членахъ всегда сохраняющая постоянный образъ. Посему-то душа получаетъ въ удѣлъ умное господство» (1). Тѣже самыя мысли о твореніи св. отецъ выражаетъ и въ другомъ мѣстѣ, только короче и въ формѣ, болѣе ему свойственной. Онъ говоритъ: «(Умъ) восхотѣлъ создать умныя природы, небесную и земную—эти проницаемыя свѣтомъ зерцала перваго Свѣта, чтобъ одна, сіяя горѣ, пребывала великою свѣтоносною служительницею Царя, другая же имѣла славу здѣсь. Онъ источаетъ имъ Божество, чтобъ царствовать въ большемъ числѣ небесныхъ умовъ и для большаго числа быть блаженнотворнымъ свѣтомъ. Таково уже свойство Царя моего—сообщать блаженство. Но, чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не погналась за свѣтомъ и славой, тогда какъ всего лучше соблюдать мѣру, а чрезмѣрность всего хуже; высокое Слово, благо промышляя о будущихъ тваряхъ, отдалило, какъ отъ Троицы все окружающее престолъ Свѣта, такъ отъ ангельскихъ ликовъ смертную природу. Впрочемъ не много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо болѣе нашу природу; потому что мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ; природа же простая совершеннѣе. Изъ міровъ одинъ сотворенъ прежде. Это — иное небо, обитель богоносцевъ, созерцаемая однимъ умомъ, пресвѣтлая; въ нее вступитъ впослѣдствіи человѣкъ Божій, когда, очистивъ умъ и плоть, станетъ богомъ (εἴτε θεὸς τελέθησι). А другой—тлѣнный міръ созданъ для смертныхъ, чтобы благолѣпныя свѣтила проповѣдывали имъ о Богѣ своею красотою и своимъ величіемъ, и чтобы былъ царственный чертогъ для образа Бо-

---

(1) Ч. 4, стр. 242—244.

жія. Но и первый и послѣдній міръ созданы Словомъ великаго Бога» (1).

Итакъ Богъ, когда восхотѣлъ, сотворилъ міръ. При этомъ любознательному уму легко можетъ представиться вопросъ: въ чемъ же состояла дѣятельность Бога до сотворенія міра? «На это могъ бы отвѣчать самъ Богъ, говоритъ смиренно св. Ириней, а намъ св. Писаніе ничего о томъ не открыло» (2). «Я не скажу, подобнымъ образомъ говоритъ и бл. Августинъ, какъ сказалъ нѣкто, что Богъ готовилъ тогда геенну для покушающихся постигнуть непостижимое, а охотнѣе скажу: не знаю, не знаю» (3). Но св. Григорій не довольствуется незнаніемъ; его умъ усиливается и въ этотъ мракъ внести лучъ свѣта. На помощь его усиліямъ, какъ всегда, такъ и теперь является мысль объ умѣ и созерцаніи. Григорій—умъ не просто спрашиваетъ: что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра; но этотъ вопросъ ставитъ въ сообразной формѣ, именно: «*чѣмъ занята была Божія мысль* (τί κίννυτο θεία νόησις) прежде, нежели Всевышній, царствуя въ пустотѣ вѣковъ, создалъ вселенную и украсилъ ее формами?» Послѣ этого онъ уже не затрудняется дать слѣдующій отвѣтъ, вполнѣ удовлетворительный съ его точки зрѣнія: «Она созерцала вожделѣнную свѣтлость своей доброты, равную и ровносовершенную свѣтозарность трисіяннаго Божества, какъ извѣстно это единому Божеству и кому открылъ то Богъ. Мірородный Умъ разсматривалъ также въ великихъ своихъ умопредставленіяхъ Имъ же составленные образы міра, который произведенъ впослѣдствіи, но для Бога и тогда былъ настоящимъ. У Бога все предъ

(1) Ч. 4, стр. 229—230.
(2) Adv. haer. l. 2, c. 28, n. 3.
(3) Confession. l. XI, c. 12. 13.

очами: и что будетъ, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздѣлъ положенъ временемъ, что одно впереди, а другое позади, но для Бога все сливается въ одно и все держится въ мышцахъ великаго Божества. И такъ вотъ что *изобрѣлъ умъ мой* (τοὔνεκεν ὅσσον ἔτετμεν ἐμὸς νόος) (¹).

Для ясности приведемъ ученіе св. Григорія о твореніи къ слѣдующимъ положеніямъ: міръ сотворилъ Тріипостасный Богъ,—Отецъ, какъ вина предначинательная,—Сынъ, какъ вина исполнительная,—Духъ, какъ вина совершительная,—сотворилъ его не отъ вѣчности, а во времени или со временемъ; — однимъ мановеніемъ своей всемогущей воли; сотворилъ сначала разумныя существа, сродныя себѣ, какъ высочайшій Умъ, — существа духовныя, способныя созерцать высочайшій Свѣтъ непосредственно, и неудобопреклонныя къ отпаденію отъ Него, по причинѣ простоты своего существа и особенной близости къ Богу;—потомъ — все разнообразіе существъ міра—видимаго, вещественнаго, несроднаго Богу, озаряемаго свѣтомъ, подобно тому, какъ міръ духовъ или умныхъ сущностей озаряется самимъ Богомъ, — произведши все это не вдругъ, а постепенно; — наконецъ, человѣка, составивъ его изъ двухъ природъ—разумной и чувственной; заключивъ въ немъ и сродное Себѣ—умъ, который есть нѣчто царственное и владычественное, есть образъ Божій въ немъ, и несродное—тѣло, которое, какъ покровъ, не позволяетъ человѣку непосредственно созерцать Бога и тѣмъ низводитъ его на степень низшую ангеловъ, не только въ отношеніи къ созерцанію, но и къ богоугодной дѣятельности; сотворилъ Богъ міръ для того, чтобы міръ духовный и разумный, созерцая

(¹) *Григ. Б.* ч. 4, стр. 228—229.

Бога или непосредственно или посредственно, прославлялъ Его, и прославляя, блаженствовалъ, а міръ видимый и чувственный, имѣя въ человѣкѣ разумнаго представителя, былъ безмолвнымъ провозвѣстникомъ славы Божіей и отъ себя, *при посредствѣ свѣта*, возводилъ существа разумныя къ высочайшему Уму и Свѣту. Наконецъ, Богъ сотворилъ все такъ, что каждая вещь въ мірѣ и каждое существо были вполнѣ приспособлены къ своимъ цѣлямъ, съ тѣмъ различіемъ, что существа разумныя должны были достигать своихъ цѣлей свободно, а существа неразумныя и чувственныя—въ зависимости отъ существъ разумныхъ, или частнѣе—отъ человѣка.

«Такъ водруженъ широко основанный міръ великимъ безконечнымъ Умомъ, который все носитъ въ Себѣ и Самъ превыше всего.» «Но Богъ, говоритъ св. Григорій, какъ скоро устроилъ міръ, съ перваго же мгновенія, по великимъ и непреложнымъ законамъ движетъ и водитъ его, какъ кубарь, ходящій кругами подъ ударомъ. Ибо не самослучайно естество этого широкаго и прекраснаго міра, которому нельзя и вообразить чего-либо подобнаго, и въ продолженіи такого времени предоставленъ онъ не самослучайнымъ законамъ. Видалъ ли кто домъ, или корабль, или быструю колесницу, или щитъ и шлемъ, которые бы не были сдѣланы руками? Міръ не простоялъ бы столько времени, если бы въ немъ было безначаліе. И ликъ пѣвцевъ разстроится, если никто имъ не правитъ. Вселенной же несвойственно имѣть иного правителя, кромѣ Того, кто устроилъ ее» (1). Въ частности: «какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ видимыми, еще отражающими его облаками,

(1) Ч. 4, стр. 231.

изъ которыхъ идетъ дождь, распростираетъ многоцвѣтную радугу, и весь окружающій эѳиръ блещетъ непрерывными и постепенно слабѣющими кругами; такъ и природа свѣтовъ поддерживается въ бытіи тѣмъ, что высочайшій Свѣтъ лучами своими непрестанно осіяваетъ умы низшіе» ([1]). Въ управленіи міромъ и промышленіи о немъ по волѣ Божіей участвують и сами ангелы». Эти умы, говоритъ св. Григорій, получили каждый одну какую-либо часть вселенной, или приставлены къ одному чему нибудь въ мірѣ, какъ рѣшилъ это все Устроившій и Распредѣлившій, и все ведутъ къ одной цѣли, по мановенію Зиждителя всяческихъ» ([2]). «Каждому изъ нихъ дано особое начальство отъ Царя — имѣть подъ надзоромъ людей, города и цѣлые народы, и даже распоряжаться словесными жертвами земнородныхъ» ([3]). Между ними св. отецъ различаетъ девять чиновъ; но не говоритъ о Херувимахъ, Серафимахъ и Силахъ, о которыхъ упоминаетъ св. Писаніе, замѣняя ихъ, какъ можно догадываться, наименованіемъ Свѣтлостей, Умовъ и Восхожденій. «Мы должны также вѣровать, говоритъ св. Григорій, что нашъ Творецъ особеннымъ образомъ печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проходитъ среди различныхъ странностей, которыхъ причины для того, можетъ быть, и остаются неизвѣстными, чтобы мы, *не постигая ихъ, тѣмъ болѣе удивлялись надъ всѣмъ возвышающемуся Уму и тѣмъ болѣе любили Его*» ([4]).

П. Шалфеевъ.

([1]) Ч. 4, стр. 235.
([2]) Ч. 3, стр. 51.
([3]) Ч. 4, стр, 236.
([4]) Ч. 2, стр. 39—40.

II.

СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ ВѢРЫ.

(Окончаніе).

Если Богъ промышляетъ о мірѣ съ отеческою любовію, направляя все въ немъ къ благимъ и премудрымъ цѣлямъ; то спрашивается: откуда зло въ мірѣ? Начала зла, конечно, нельзя искать въ природѣ неразумной, которая выполняетъ законы вложенные въ нее Создателемъ необходимо; оно должно имѣть начало въ области существъ разумныхъ. И дѣйствительно, зло, или, выражаясь языкомъ св. Григорія, омраченіе началось съ высшихъ свѣтоносныхъ областей, со вторичныхъ свѣтовъ — ангеловъ. Между тѣмъ какъ, по словамъ св. отца, «Слово нарочито отдалило отъ Троицы все окружающее престолъ Свѣта, чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не погналась за свѣтомъ и славой; самый первый свѣтоносецъ, отличенный преимущественной славой, занесся слишкомъ высоко; онъ возмечталъ о царственной чести великаго Бога. Чрезъ это онъ сгубилъ свою свѣтозарность; съ безчестіемъ ниспалъ сюда и, захотѣвъ быть Богомъ, весь сталъ тьмою. Хотя и легокъ онъ по природѣ, однакоже низринулся до низкой земли .... И такъ какъ дерзость погубила его; то онъ увлекъ въ паденіе многихъ, именно всѣхъ, кого научилъ грѣху, какъ злоумышлен-

никъ, склонившій къ измѣнѣ царское воинство, увлекъ изъ зависти къ богомудрому сонму Царюющаго горѣ и изъ желанія царствовать надъ многими злыми. Съ тѣхъ поръ явились во множествѣ надземныя злобы, демоны, послѣдователи злаго царя—человѣкоубійцы, немощные, темные, зловѣщіе, призраки ночи, лжецы, дерзкіе, наставники въ грѣхахъ, бродяги, любители пьянства, смѣхотворцы, прорицатели, двурѣчивые, любители ссоръ, кровопійцы, преисподніе, скрывающіеся, безстыдные, учители волшебства. Они вмѣстѣ и ночь и свѣтъ, чтобы уловлять то тайно, то обманомъ. Это воинство таково же, каковъ и вождь» (1). Зная съ одной стороны, что св. Григорій первою изъ существенныхъ потребностей разумныхъ существъ поставляетъ знаніе, съ другой,—что словами: свѣтъ и озареніе или сіяніе, онъ означаетъ умъ и его дѣятельность, его мысли о паденіи денницы, высказанныя образно, мы можемъ точнѣе выразить такъ: «первый изъ сотворенныхъ духовъ, первый по богатству знанія и полнотѣ созерцанія, въ одну несчастную для себя минуту пришелъ къ мысли ужасающей своею гордостію, что онъ можетъ постигнуть всѣ тайны высочайшаго Ума, знать столько же, сколько знаетъ Богъ,—что поэтому онъ можетъ быть равенъ Богу и независимо отъ Него, силою своего ума, царствовать надъ всѣми прочими духами, сообщая имъ необходимое знаніе. Такую дерзкую мысль онъ попытался привести и въ дѣло. Но чрезмѣрнымъ превозношеніемъ онъ исказилъ свой умъ, лишился своего настроенія искать, находить и созерцать истину во всей ея чистотѣ,—и кромѣ того, въ наказаніе за свое превозношеніе, былъ отверженъ Богомъ, отъ

(1) Ч. 4, стр. 237—238, 414—315; снес. ч. 3, стр. 204, 241.

котораго исходятъ свѣтъ и истина. Утративъ же свѣтлость своего ума и бывъ отверженъ Богомъ, онъ сталъ завидовать всѣмъ находящимся въ законныхъ отношеніяхъ къ высочайшему Уму и вводить ихъ *въ тоже заблужденіе, въ которое впалъ и самъ.*» Но какимъ образомъ этотъ совершеннѣйшій изъ сотворенныхъ духовъ забылъ свои настоящія отношенія къ Богу и измѣнилъ имъ,—на это св. Григорій отвѣчаетъ только, что «одно лишь Божіе естество совершенно неизмѣнно» (1).

Грѣхъ, начавшись съ высшей области разумныхъ существъ, коснулся потомъ и человѣка. «Почтивъ человѣка свободою, говоритъ св. Григорій, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена оного, Богъ поставилъ его въ раю (чтобы ни значилъ рай) дѣлателемъ безсмертныхъ растеній — можетъ быть — божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ, поставилъ нагимъ по простотѣ и безъискуственности жизни, безъ всякаго покрова и огражденія, ибо такимъ надлежало быть первозданному. Далъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растеніями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо *познанія*, насажденное въ началѣ не злонамѣренно и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семъ устъ богоборцы и да не подражаютъ змію!), напротивъ того, оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что это древо, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно приступать могутъ только опытно усовершившіеся), но не хорошо для простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своихъ желаніяхъ,

(1) Ч. 4, стр. 237; снес. стр. 157.

подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока» [1]. Такимъ образомъ, по умозрѣнію св. Григорія, человѣкъ, поставленный въ раю, — для своего блаженства былъ предназначенъ отъ Бога упражняться въ созерцаніи вещей божественныхъ и ему было предоставлено право касаться своимъ созерцаніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ одного, не потому, чтобы созерцаніе его было безусловно вредно для человѣка, но потому, что этотъ предметъ (какой бы онъ ни былъ) былъ еще не по силамъ новосозданнаго ума человѣческаго. Понятно послѣ этого, какъ св. Григорій долженъ былъ представлять себѣ грѣхопаденіе перваго человѣка. Онъ долженъ былъ представлять это грѣхопаденіе, какъ *самонадѣянный порывъ ума* человѣческаго, вопреки заповѣди Божіей, *къ постиженію* того, что для него было еще *непостижимо*; а это, замѣтимъ далѣе, на языкѣ Григорія, значитъ тоже, что попытка сдѣлаться высочайшимъ Умомъ, Богомъ, *вѣдущимъ все доброе и лукавое*. Такимъ образомъ въ существѣ дѣла грѣхъ прародителей тоже, что и грѣхъ денницы: какъ тамъ, такъ и здѣсь — гордость, заносчивость ума. Различіе только въ томъ, что человѣкъ, по своей природѣ, былъ болѣе удобопреклоненъ къ грѣху и измыслилъ его не самъ, но увлекся обольщеніемъ уже падшей разумной силы, притомъ силы, высшей его. «Когда же по зависти діавола и обольщенію жены, которому она сама подверглась, какъ слабѣйшая, и которое произвела, какъ искусная въ убѣжденіи, человѣкъ забылъ данную ему заповѣдь и уступилъ горькому вкушенію;» тогда гибельныя слѣдствія грѣха не замедлили обнаружиться. «Первый въ Адамѣ, говорятъ

(1) Ч. 4, стр. 159 — 160.

св. отецъ, былъ пораженъ умъ, какъ говорятъ врачи о болѣзняхъ;» потому что умъ въ человѣкѣ есть нѣчто совершеннѣйшее и владычественное и такъ какъ, что приняло заповѣдь, то естественно и не соблюло заповѣди (1). А это на языкѣ св. Григорія значитъ, что прежде всего въ человѣкѣ показался образъ Божій; потому что образъ Божій онъ поставляетъ въ умѣ. Съ другой стороны тѣло, которое и въ первобытномъ состояніи человѣка было покровомъ для духа или ума, долженствовавшимъ, по мысли св. отца, утончаться по мѣрѣ восхожденія ума по степенямъ созерцанія, вслѣдствіе грѣха огрубѣло, сдѣлалось, такъ сказать, болѣе непроницаемымъ и взяло перевѣсъ надъ умомъ, увлекая его къ предметамъ и удовольствіямъ чувственнымъ. Сдѣлавшись же болѣе грубымъ и слѣдовательно болѣе сложнымъ, оно стало способнѣе къ тлѣнію и разрушенію. Человѣкъ тогда былъ осужденъ Богомъ на изгнаніе изъ рая, труды и смерть. Всѣ эти мысли св. отецъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «когда по коварству завистливаго человѣкоубійцы, вслѣдъ убѣдительности женскаго слова, человѣкъ вкусивъ преждевременно сладкаго плода и облекся въ кожаныя ризы—тяжелую плоть, и сталъ трупоносцемъ, потому что смертію Христосъ положилъ предѣлы грѣху; тогда вышелъ онъ изъ рая на землю, изъ которой былъ взятъ, и получилъ въ удѣлъ многотрудную жизнь; а къ драгоцѣнному растенію приставилъ Богъ хранителемъ пламенѣющую ревность, чтобы какой нибудь Адамъ, подобно прежнему, не взошелъ внутрь преждевременно и, прежде нежели бѣжалъ пожирающей снѣди, находясь еще во злѣ, не приблизился къ древу жизни... И этотъ новонасажден-

(1) Ч. 4, стр. 202—203.

ный грѣхъ къ злосчастнымъ людямъ перешелъ отъ прародителя; отсюда прозябъ колосъ» (¹).

Такимъ образомъ, грѣхъ прародителя, порча его, не остановился на немъ, а простерся на все его потомство. Кромѣ общихъ Адаму со всѣми его потомками явленій, имѣющихъ въ основаніи первородный грѣхъ,—помраченія ума, непрерывной борьбы духа съ плотію, болѣзней и смерти тѣла, зависимости отъ діавола, св. Григорій первороднымъ грѣхомъ объясняетъ и нѣкоторыя особенныя явленія въ родѣ человѣческомъ, именно: идолопоклонство и преобладаніе между людьми.

Происхожденіе идолопоклонства св. отецъ представляетъ такъ. Въ человѣкѣ есть необходимая потребность созерцать Бога,—и основаніе ея въ умѣ человѣка, который, будучи въ немъ чѣмъ-то царственнымъ, владычественнымъ и божественнымъ, естественно стремится къ Богу, высочайшему Уму. Но человѣческій умъ не можетъ созерцать Бога непосредственно, потому что на немъ есть покровъ—тѣло; онъ можетъ, по степенямъ созерцанія, восходить къ Богу только отъ разсматриванія міра и человѣка. Отсюда, какъ скоро въ грѣхопаденіи умъ человѣка отвратился отъ Бога, единаго своего начала, онъ съ своимъ стремленіемъ къ Богу остановился на мірѣ,—на совокупности и множественности его существъ и явленій, послѣ чего ему было уже легко признать Богомъ все, что въ мірѣ чѣмъ либо его особенно поражало и останавливало его вниманіе. Такимъ образомъ и были обоготворены сначала существа, силы и явленія природы—полезныя и вредныя, грозныя, страшныя, или пріятныя, потомъ люди, чѣмъ-либо выдавшіеся изъ ряда

(¹) Ч. 4, стр. 245.

другихъ, ихъ добродѣтели и самыя страсти, которыя побѣдить падшіе люди были не въ состояніи и которыхъ обоготвореніе извиняло ихъ.

«Такъ какъ всякая разумная природа, говоритъ св. отецъ, хотя стремится къ Богу и къ первой причинѣ, однакоже не можетъ постигнуть ее (особенно нашъ умъ, которому трудно выдти изъ круга тѣлесности, доколѣ онъ, при немощи своей, разсматриваетъ то, что превышаетъ его силы); то, истаевая желаніемъ, находясь какбы въ предсмертныхъ мукахъ и не вынося этихъ мученій, пускается онъ въ новое плаваніе, чтобы или обратить взоръ на видимое и изъ этого что-нибудь сдѣлать богомъ (по худому впрочемъ расчету; ибо что́ видимое выше и богоподобнѣе видящаго и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобъ видящій покланялся, а видимое принимало поклоненіе?), или же изъ красоты и благоустройства видимаго познать Бога, употребить зрѣніе руководителемъ къ незримому, но въ великолѣпіи видимаго не потерять изъ виду Бога. Отъ сего-то стали поклоняться, кто солнцу, кто лунѣ, кто множеству звѣздъ, кто самому небу вмѣстѣ съ свѣтилами, которымъ дали править въ мірѣ и качествомъ и количествомъ движенія, а кто стихіямъ: землѣ, водѣ, воздуху, огню, такъ какъ онѣ для всего необходимы и безъ нихъ не можетъ длиться жизнь человѣческая; иные же—что кому встрѣтилось въ ряду видимыхъ вещей, признавая богомъ все, представлявшееся для нихъ прекраснымъ. Нѣкоторые же стали поклоняться даже живописнымъ изображеніямъ и изваяніямъ, сперва родныхъ,—и это были люди, безъ мѣры предавшіеся горести и чувственности, желавшіе памятниками почтить умершихъ, а потомъ и чужихъ,—и это сдѣлали потомки, отдаленные отъ нихъ временемъ, сдѣлали потому, что не

знали перваго естества, и чествованіе, дошедшее до нихъ по преданію, стало какбы законнымъ и необходимымъ, когда обычай, утвержденный временемъ, обратился въ законъ. Но думаю, что иные, желая угодить властителямъ, прославить силу, изъявить удивленіе красотѣ, чтимаго ими современемъ сдѣлали богомъ, а въ содѣйствіе къ обольщенію присоединилась какая-нибудь басня. Тѣ же изъ нихъ, которые были болѣе преданы страстямъ, признали богами страсти или, какъ боговъ, стали чествовать гнѣвъ, убійство, похотливость, пьянство, и, не знаю, можетъ быть и еще что нибудь къ этому близкое; потому что въ этомъ находили (конечно недоброе и несправедливое) оправданіе собственныхъ грѣховъ. И однихъ боговъ оставили на землѣ, другихъ (что только и благоразумно) скрыли подъ землею, а иныхъ (смѣшной раздѣлъ!) возвели на небо. Потомъ, подчинившись своеволію и прихотямъ блуждающаго воображенія, нарекли каждому вымыслу имя какого нибудь бога или демона и, воздвигнувъ кумиры, которые приманивали къ себѣ своею драгоцѣнностію, узаконили чествовать ихъ кровью и тукомъ, а иные даже самыми гнусными дѣлами, сумазбродствомъ и человѣкоубійствомъ. Такимъ богамъ приличны были такія и почести. Даже позорили себя и тѣмъ, что воздавали божескую славу морскимъ чудовищамъ, четвероногимъ, пресмыкающимся,—тому, что въ этихъ породахъ наиболѣе гнусно и смѣшно, такъ что трудно опредѣлить, поклонявшіеся ли достойны большаго презрѣнія, или то, чему поклонялись» [1]. И корень всего этого зла въ первоначальномъ поврежденіи человѣка [2].

[1] Ч. 3, стр. 30—31.
[2] Ч. 3, стр. 244.

Діаволъ, между тѣмъ, употреблялъ всѣ усилія къ распространенію язычества. «Онъ, чтобы привлечь людей подъ власть свою, воспользовался ихъ невѣрно направленнымъ стремленіемъ найдти Бога и, обманувъ въ желаемомъ, водя какъ слѣпца, ищущаго себѣ пути, разсѣялъ ихъ по разнымъ стремнинамъ и низринулъ ихъ въ одну бездну смерти и погибели» (1). Такимъ образомъ, по мысли св. отца, на идолопоклонство и язычество надобно смотрѣть, какъ на выраженіе стремленія духа человѣческаго или ума къ высочайшему Уму, по причинѣ наслѣдственной порчи, остановившагося на тваряхъ и явленіяхъ міра, чтобы ихъ признать за боговъ. Падшій человѣческій умъ еще сохранилъ въ себѣ на столько вѣрности своему стремленію къ первому началу, что пустился на поиски за этимъ Началомъ, но, встрѣтивъ Его произведенія, возвыситься надъ ними до первой Причины уже не могъ,—особенно при враждебномъ дѣйствіи на него діавола, ума хитрѣйшаго, который обольстилъ и перваго человѣка.

Но если въ отношеніи къ Богу грѣхъ первородный выразился *идолопоклонствомъ* и язычествомъ, то во взаимномъ отношеніи людей онъ даетъ чувствовать себя, по ученію св. Григорія, *преобладаніемъ*. Оно явилось, какъ слѣдствіе изнурительнаго труда, съ которымъ долженъ былъ человѣкъ пріобрѣтать себѣ средства для жизни, по грѣхопаденіи. Изнурительный трудъ пріучилъ человѣка слишкомъ много дорожить своими пріобрѣтеніями, привелъ его къ мысли о собственности,—къ мысли, которая была бы рѣшительно неумѣстна въ томъ случаѣ, если бы люди, оставаясь вѣрны волѣ Божіей, пользовались

(1) Ч. 3, стр 82.

благами жизни безъ изнуренія, если бы имѣли ихъ въ изобиліи и всѣ равно могли почерпать ихъ изъ одного неизсякаемаго источника. Такимъ образомъ, какъ тамъ, по грѣхопаденіи, вмѣсто единаго Бога явилось у людей множество боговъ, такъ здѣсь вмѣсто одного общаго достоянія—множество собственностей съ своими собственниками; какъ тамъ обоготвореніе, начавшись съ видимой природы, простерлось и на самаго человѣка, такъ здѣсь пріобрѣтеніе собственности, начавшись съ вещей, простерлось наконецъ и на лица, дошло до порабощенія болѣе слабыхъ болѣе сильными, до распоряженія лицемъ, какъ вещью. «Бѣдность и богатство, свобода и рабство, говоритъ св. Григорій, все это уже впослѣдствіи явилось въ родѣ человѣческомъ. Эти всеобщія болѣзни вторглись вмѣстѣ съ грѣхомъ и суть его изобрѣтеніе. Но сначала такъ не было (Матѳ. 19, 3.). Тотъ, Который создалъ въ началѣ человѣка, далъ ему свободу и самовластіе, ограничивъ одною только заповѣдію, и обогатилъ его райскими радостями, желая, *чтобы блага эти перешли и на позднее потомство отъ одного, какъ отъ перваго сѣмени.* Свобода и богатство зависѣли только отъ исполненія закона; а истинная бѣдность и рабство явились, какъ слѣдствіе его нарушенія» ([1]). И въ другомъ мѣстѣ, изобразивъ неравенство между людьми, богатство и бѣдность, угнетеніе и рабство, Святитель говоритъ: «не будемъ отягчать ига и наказанія за первый нашъ грѣхъ. Да погибнетъ зло и первое основаніе зла—лукавый, *спящимъ намъ всѣявый плевелы* (Матѳ. 13, 25)... Вотъ что произведено древомъ и горькимъ вкушеніемъ и завистливымъ зміемъ и преслушаніемъ, за которое мы осуждены

([1]) Част. 2, стр. 29—30.

проводить жизнь въ потѣ лица... Грѣхъ есть мать нужды, нужда — любостяжательности, любостяжательность — войнъ, войны—даней...» (¹).

Наконецъ, грѣхъ, начавшійся съ высшей свѣтоносной области, озаряемой непосредственно Свѣтомъ духовнымъ, простерся чрезъ человѣка, связующаго собою два міра, невидимый и видимый, и на область, освѣщаемую свѣтомъ чувственнымъ. Онъ выразился, по Божію попущенію, безпорядками, воздыханіями твари, которая въ извѣстной мѣрѣ находится въ зависимости и отъ человѣка, какъ своего царя и зрителя премудрости Божіей, явленной въ ней. Слѣдствій грѣха прародительскаго въ твари св. отецъ не раскрываетъ, а говоритъ объ нихъ только въ общихъ чертахъ, какъ о воздыханіи твари, ожидающей свободы чадъ Божіихъ. Въ словѣ на Юліана, приведши слова Исаіи: *да возрадуется небо свыше и облацы да кропятъ правду* (45, 8), *да отрыгнутъ горы веселіе и холми радость* (49, 13), онъ продолжаетъ: «и вся тварь и небесныя силы раздѣляютъ наши чувствованія (присовокуплю это отъ себя), даже при событіяхъ, подобныхъ настоящему.—Тварь, работающяя тлѣнію, т. е. тѣмъ, которые долу раждаются и умираютъ, не только совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ въ ожиданіи конца ихъ и откровенія, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно, какъ нынѣ, силою Творца, невольно предана тлѣнію, — но также спрославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божіи» (²).

Итакъ міръ, по сотвореніи, подвергся разстройству во всѣхъ своихъ областяхъ, по винѣ существъ разум-

(¹) Ч. 2, стр 159.
(²) Ч. 1, стр. 94.

ныхъ, одаренныхъ свободою. Что же сдѣлалъ Богъ для его возстановленія и для возвращенія къ Себѣ отпадшихъ существъ, и, во-первыхъ, отпадшихъ духовъ?

Св. Григорій не говоритъ ничего о томъ, было ли дано Богомъ сколько нибудь времени падшимъ духамъ для покаянія и до нѣкотораго времени были ли они способны обратиться къ Богу. Его вниманіе главнымъ образомъ занято великимъ дѣломъ возстановленія падшаго человѣка и образа Божія въ немъ.

Основаніе для возстановленія человѣка заключается, по ученію св. Григорія, въ образѣ Божіемъ, находящемся въ человѣкѣ, который хотя омраченъ въ немъ, но сохранилъ свои существенныя черты, — въ умѣ, который хотя и отвратился отъ Бога, тѣмъ не менѣе съ мучительною жаждою искалъ этого свѣта, а также въ немощи естества человѣческаго, по которому наши прародители поддались обольщенію діавола. О послѣднемъ св. отецъ говоритъ такъ: «поелику вовсе не грѣшить свойственно Богу — первому и несложному естеству (ибо простота мирна и безмятежна), а также, осмѣлюсь сказать, естеству ангельскому или естеству ближайшему къ Богу, по причинѣ самой близости (потому что сложность есть начало мятежа): то Владыка не благоразсудилъ оставить тварь свою безпомощною и пренебречь ее, когда она въ опасности возмутиться противъ Него» (1).

Какія же средства употребилъ Богъ для возстановленія человѣка или, выражаясь языкомъ Григорія, для возвращенія этому померкшему свѣту его свѣтозарности? «Въ преграждение многихъ грѣховъ, говоритъ св. отецъ, какіе произращалъ корень поврежденія отъ разныхъ при-

(1) Ч. 3, стр. 276.

чинъ и въ разныя времена, человѣкъ и прежде *вразумляемъ* былъ многоразлично: словомъ, закономъ, пророками, благодѣяніями, угрозами, карами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями небесными, знаменіями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ, — все это имѣло цѣлію загладить поврежденіе» ([1]). Особеннымъ же средствомъ для этого былъ писанный Законъ, который св. Григорій называетъ «*свѣтомъ прообразовательнымъ*, соразмѣреннымъ съ силами пріемлющихъ его, прикрывающимъ истину и тайну великаго Свѣта» ([2]).

«Когда же евреи презрѣли законъ, и по причинѣ сильнѣйшихъ недуговъ человѣчества: человѣкоубійствъ, прелюбодѣяній, клятвопреступленій, мужеложства и сего послѣдняго изъ всѣхъ золъ, —идолослуженія и поклоненія твари вмѣсто Творца, стало нужно сильнѣйшее врачевство; тогда само Божіе Слово, предвѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, Начало отъ Начала, Свѣтъ отъ Свѣта, Источникъ жизни и безсмертія, Отпечатокъ Первообраза, Печать непереносимая, Образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и Слово Отца, приходитъ къ своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душею ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя превоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ (ибо надлежало и рожденіе почтить и дѣвство предпочесть); однакоже Происшедшій есть Богъ и съ воспріятымъ (человѣческимъ естествомъ) отъ Не-

---

([1]) Ч. 4, стр. 160.
([2]) Ч. 3, стр. 275; снес. ч. 4, стр. 164—165.

го единое изъ двухъ противоположныхъ — плоти и Духа, изъ которыхъ одинъ обожилъ, другая—обожена» ([1]). «Въ двухъ естествахъ единый есть Богъ — мой Царь и Христосъ; потому что соединенъ съ Божествомъ и изъ Божества сталъ человѣкомъ, чтобы, явившись среди земнородныхъ другимъ, новымъ Адамомъ, уврачевать прежняго Адама. Но Онъ явился, отвсюду закрывшись завѣсою; потому что иначе невозможно было бы приблизиться къ моимъ немощамъ, и притомъ нужно было, чтобы змій, почитающій себя мудрымъ, приступивъ къ Адаму, сверхъ чаянія встрѣтилъ Бога и о крѣпость Его сокрушилъ свою злобу, какъ шумное море сокрушается о твердый утесъ» ([2]). Воспріятіе Сыномъ Божіимъ естества человѣческаго въ единство Божеской vпостаси — *велія благочестія тайна*. Чтобы однакожъ сколько нибудь прояснить ее для себя, св. Григорій полагаетъ для соединенія двухъ естествъ во Іисусѣ Христѣ, Божескаго и человѣческаго, чѣмъ-то посредствующимъ умъ человѣческій. «О новое смѣшеніе! О чудное растворенiе!—восклицаетъ онъ.—Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотію» ([3]). Къ такому объясненію тайны вочеловѣченія Сына Божія, св. отцу естественно было обратиться, при своемъ взглядѣ на умъ человѣческій, какъ на что-то божественное, сродное Богу. Но было бы жестокою ошибкою на этомъ основаніи заключать, будто св. Григорій недалекъ былъ отъ заблужденія аполлинаристовъ, которые говорили: «Божество замѣняло во Христѣ умъ; потому и не было нужды въ человѣческомъ

([1]) Ч. 4, стр. 160—161.
([2]) Ч. 4, стр. 248.
([3]) Ч. 4, стр. 161. ч. 5, стр. 47.

умѣ. Въ Немъ было Слово Божественное, умъ полный; къ чему же тутъ умъ человѣческій?» Напротивъ, св. отецъ былъ жаркимъ противникомъ этихъ еретиковъ и на ихъ слова, приведенныя нами, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Божество съ одною плотію еще не человѣкъ, а также и съ одною душею, или съ плотію и душею, но безъ ума, который преимущественно отличаетъ человѣка. Итакъ, чтобы оказать мнѣ совершенное благодѣяніе, соблюди цѣлаго человѣка и присоедини Божество» (¹).

«Но когда, говоритъ св. Григорій, явился Предреченный пресвѣтлымъ свѣтильникомъ великаго Свѣта, предтечею въ рожденіи, предтечею и въ словѣ, вопіющимъ среди пустыни, что Христосъ мой есть Богъ, тогда сталъ Онъ посредникомъ двухъ народовъ,—одного дальняго, другаго ближняго, потому что былъ общимъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ» (²). Какимъ же образомъ этотъ великій посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ возстановилъ человѣчество и примирилъ его съ Богомъ?

Во-первыхъ, своимъ ученіемъ. Въ немъ Онъ сообщилъ людямъ истинное вѣдѣніе о Богѣ и ихъ отношеніи къ Богу, какъ Свѣтъ и Свѣтодавецъ (³). Во-вторыхъ—своимъ истощеніемъ съ минуты рожденія до крестной смерти. Этимъ Спаситель примирилъ Бога, прогнѣваннаго беззаконіями людей, и искупилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти. «Для нашего освобожденія, говоритъ св. Григорій, Онъ послужилъ плоти, рожденію, немощамъ нашимъ и всему, чѣмъ спасъ содержимыхъ подъ грѣхомъ» (⁴). «Но чтобы позналъ ты глубину мудрости и богатство не-

(¹) Ч. 4, стр. 200; снес. ч. 5, стр. 46—47.
(²) Ч. 4, стр. 249.
(³) Ч. 3, стр. 100. 252.
(⁴) Ч. 3, стр. 80.

изслѣдимыхъ судовъ Божіихъ, самыя жертвы не оставилъ Богъ вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися однимъ пролитіемъ крови; но къ подзаконнымъ жертвамъ присоединяется великая и относительно къ первому естеству, такъ сказать, незаклаемая Жертва—очищеніе не малой части вселенной и не на малое время, но цѣлаго міра и вѣчное» (1).

Наконецъ Христосъ — Спаситель совершилъ и совер-

(1) Ч. 4, стр. 165. Со времени Иринея и въ особенности Оригена, по причинѣ слишкомъ буквальнаго разумѣнія слова: λύτρον встрѣчающагося въ Новомъ Завѣтѣ, между нѣкоторыми ходило мнѣніе, что Спаситель далъ душу свою сатанѣ въ выкупъ за людей и тѣмъ освободилъ ихъ изъ-подъ владычества сатаны, у котораго они содержались въ плѣну. Эта мысль во времена св. Григорія ходила въ различныхъ видахъ. Нѣкоторые по грубости понятій допускали даже, что Христосъ — Спаситель вступилъ какбы въ торгъ съ сатаною и для освобожденія людей предложилъ Себя въ цѣну искупленія, и сатана согласился на условіе, но послѣ увидѣлъ, что обманулся; потому что не могъ удержать подъ своею властію Іисуса, имѣющаго Божественную святость и силу. Поэтому св. Григорій и останавливается на изслѣдованіи вопроса: «кому и для чего пролита сія изліянная за насъ кровь —кровь великая и преславная Бога и архіерея и жертвы?»—и говоритъ: «мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не иному кому, какъ содержащему во власти; то спрашиваю: кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому, то какъ это оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пощадить и насъ! А если Отцу, то, во-первыхъ, какимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Единороднаго пріятна Отцу, который не принялъ и Исаака, приносимаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы давъ овна? Или изъ сего видно, что пріемлетъ Отецъ, не потому, чтобы требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому, что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога, чтобы Онъ самъ избавилъ насъ, преодолѣвъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ? Таковы дѣла Христовы». Ч. 4. стр. 175. 176.

шаетъ спасеніе, какъ Царь, приводящій къ покорности и подчинившій своему царствію тѣхъ, которые добровольно признаютъ Его царемъ» ([1]). Онъ основалъ для людей на землѣ Церковь свою, благодатное царство, въ которомъ каждый человѣкъ можетъ найдти для себя всѣ средства къ тому, чтобы возстановить въ себѣ образъ Божій и соединиться съ Богомъ.

Этими богодарованными средствами служатъ св. таинства Церкви. Ученіе о таинствахъ въ твореніяхъ св. отца вообще не раскрыто полно. Онъ останавливаетъ свое вниманіе только на двухъ: Крещеніи и Евхаристіи, безъ сомнѣнія потому, что не имѣлъ случая нарочито говорить о другихъ таинствахъ.

Возстановленіе человѣка и его просвѣщеніе, учитъ св. Григорій, начинается крещеніемъ. Въ словѣ на крещеніе, перечисливъ нѣсколько свѣтовъ, св. отецъ говоритъ: «сверхъ того, свѣтъ въ собственномъ смыслѣ есть просвѣщеніе крещеніемъ, о которомъ у насъ нынѣ слово и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія.» И нѣсколько ниже: «сія благодать и сила крещенія не потопляетъ міра, какъ древле, но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ человѣкѣ и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную поврежденіемъ. Поелику же мы состоимъ изъ двухъ естествъ, т. е. изъ души и тѣла, изъ естества видимаго и невидимаго; то и очищеніе двоякое, именно: водою и Духомъ: и одно пріемлется видимо и тѣлесно, а другое въ тоже время совершается нетѣлесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самыя глубины; вспомоществуя первому рожденію, крещеніе

([1]) Ч. 3, стр. 81.

изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваряя безъ огня и возсозидая безъ разрушенія. Кратко сказать: подъ силою крещенія разумѣть должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты» ([1]). Въ другомъ мѣстѣ Святитель крещеніе называетъ очистительнымъ *огнемъ*, говоря: «знаю огнь очистительный, который *воврещи на землю* (Лук. 12, 49) пришелъ Христосъ, и Самъ сравнительно называемый *огнемъ* (Евр. 12, 29). Онъ истребляетъ вещество и злые навыки; почему Христосъ и хочетъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся (Лук. 12, 49); ибо желаетъ ускорить благодѣяніе, когда и *угліе огненное* даетъ намъ *въ помощь* (Ис. 47, 14, 15)» ([2]). Спасительная сила крещенія, по ученію св. Григорія, не зависитъ отъ нравственной чистоты крещающаго. «Не вникай, говоритъ онъ, въ достовѣрность проповѣдника или крестителя. У нихъ есть другой Судія, испытующій и невидимое; потому что человѣкъ зритъ на лице, Богъ же на сердце (1 Цар. 16, 7). А для очищенія тебя всякій достоинъ вѣры; только бы онъ былъ изъ числа получившихъ па то власть, не осужденныхъ явно и не отчужденныхъ отъ Церкви» ([3]). Далѣе,—хотя крещеніе очищаетъ человѣка отъ грѣховъ и соединяетъ съ Богомъ, освобождая отъ власти діавола, тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія этого врага не прекращаются и послѣ крещенія. «Если послѣ крещенія приразится къ тебѣ, говоритъ св. Григорій, *врагъ свѣта* и искуситель, то имѣешь чѣмъ побѣдить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь

([1]) Ч. 3, стр. 276 — 277.
([2]) Ч. 3, стр. 310.
([3]) Ч. 3, стр. 298 — 299.

Духа, симъ угасятся *вся стрѣлы лукаваго разженныя»* (¹).

Излагая ученіе о крещеніи, св. Григорій останавливается между прочимъ на слѣдующихъ вопросахъ: должно ли крестить младенцевъ, и какая судьба младенцевъ, отходящихъ отсюда безъ крещенія?

На вопросъ: крестить ли младенцевъ, которые еще не чувствуютъ ни вреда, ни благодати? — св. отецъ, имѣя въ виду и здѣсь умъ — развитіе сознанія въ человѣкѣ, отвѣчаетъ такъ: «непремѣнно, если настоитъ опасность. Ибо лучше безъ сознанія освятиться, нежели умереть незапечатлѣннымъ и несовершеннымъ. Доказательствомъ тому служитъ осмодневное обрѣзаніе, которое въ прообразовательномъ смыслѣ было нѣкоторою печатію и совершалось надъ неполучившими еще употребленія разума; а также помазаніе пороговъ, чрезъ неодушевленныя вещи, сохранившее первенцевъ. О прочихъ же малолѣтныхъ даю такое *мнѣніе:* дождавшись трехлѣтія, или нѣсколько ранѣе или нѣсколько позже, *когда* дѣти *могутъ уже понимать* нѣсколько или *произносить слова* таинства, хотя не понимая совершенно, однакожъ напечатлѣвая ихъ въ умѣ, мы должны освящать ихъ души и тѣла великимъ таинствомъ совершенія. Причина же этому слѣдующая: хотя дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, когда и разумъ придетъ въ зрѣлость и начнутъ они понимать таинство (потому что за грѣхи невѣдѣнія не взыскивается съ нихъ по причинѣ возраста); однакоже оградиться имъ крещеніемъ, безъ сомнѣнія, гораздо полезнѣе, по причинѣ внезапно встрѣ-

---

(¹) Ч. 3, стр. 279.

чающихся съ ними и никакими способами не предотвратимыхъ опасностей» (1).

Отвѣчая на послѣдній вопросъ—о судьбѣ младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія, св. отецъ говоритъ, что они «не будутъ у праведнаго Судіи ни прославлены, ни наказаны; потому что хотя не запечатлѣны, однакоже и не худы, и больше сами потерпѣли, нежели сдѣлали вреда. Не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія» (2). Конечно, здѣсь нельзя видѣть положительнаго образа мыслей Григорія о томъ, что будетъ съ некрещенными младенцами. Они, по его словамъ, не будутъ ни блаженны, ни несчастны. Но имѣя въ виду то, что св. Григорій говоритъ объ умѣ и его усильномъ стремленіи къ высочайшему Свѣту, при всемъ своемъ омраченіи и при всей связи съ тѣломъ, этимъ покровомъ, сдѣлавшимся еще непроницаемѣе по грѣхопаденіи прародителей, мы можемъ со всею вѣроятностію полагать, что св. отецъ допускалъ блаженство въ будущей жизни и младенцевъ, лично невинныхъ, которые тамъ, безъ сомнѣнія, только сначала находясь въ нерѣшительномъ состояніи и не заслуживая ни награды ни наказанія, естественно должны потомъ восходить отъ созерцанія къ созерцанію и отъ блаженства къ блаженству, и тѣмъ легче, что тамъ ихъ умы не будутъ омрачаться грубымъ покровомъ тѣла. Эта мысль была бы неумѣстна въ ученіи св. отца въ томъ только случаѣ, если бы онъ допускалъ рѣшительное состояніе некрещенныхъ младенцевъ — несчастное. Чего не досказалъ объ нихъ св. Григорій

(1) Ч. 3, стр. 301 — 302.
(2) Ч. 3, стр. 293 — 294.

Богословъ, то доказалъ и обстоятельно раскрылъ въ особомъ трактатѣ братъ друга Григоріева—Василія, Григорій Нисскій—очень можетъ быть—на основаніи словъ своего сомменника въ частной бесѣдѣ съ нимъ.

Объ Евхаристіи св. отецъ говоритъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и требуетъ особенно отъ священнослужителя, который совершаетъ священнодѣйствіе этого таинства, святаго, Богу преданнаго сердца, чистоты внутренней и внѣшней. Хлѣбъ и вино въ Евхаристіи онъ исповѣдуетъ истиннымъ тѣломъ и истинною кровію Христовою. Въ словѣ на Пасху, говоря о жезлахъ, которые были въ рукахъ израильтянъ при ядѣніи пасхальнаго агнца, онъ учитъ такъ: «законъ повелѣваетъ тебѣ взять жезлъ для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслію, когда слышишь о крови, страданіи и смерти Бога, и, думая стать защитникомъ Божіимъ, не впалъ въ безбожіе. Напротивъ того смѣло и не сомнѣваясь вкушай тѣло и пей кровь, если желаешь жизни» ([1]). А въ похвальномъ словѣ сестрѣ своей Горгоніи, онъ разсказываетъ частный случай изъ ея жизни, свидѣтельствующій о спасительной силѣ Евхаристіи не только для души, но и для тѣла ([2]).

Но чтобы св. таинства Церкви могли принести человѣку дѣйствительно пользу и служили для его возстановленія, для этого со стороны человѣка требуются вѣра и добрыя дѣла. «Какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, говоритъ св. Григорій, потому что многіе дѣлаютъ добро ради славы и по естественному расположенію, такъ и

([1]) Ч. 4, стр. 173.
([2]) Ч. 1, стр. 283—284.

вѣра безъ дѣлъ мертва» (1). Что же касается до того, какой образъ жизни предпочтительнѣе въ отношеніи къ нравственному преспѣянію человѣка, то понятно, что св. Григорій, уже при одномъ своемъ взглядѣ на умъ человѣка и при своемъ личномъ настроеніи, долженъ былъ отдавать предпочтеніе жизни созерцательной предъ дѣятельною, подвижнической предъ обыкновенною жизнію въ мірѣ. Не говоримъ объ основаніяхъ для этого предпочтенія, какія св. отецъ могъ находить въ св. Писаніи и въ ученіи Церкви. Впрочемъ, разсматривая тотъ и другой образъ жизни не безотносительно, а въ приложеніи къ частнымъ лицамъ, онъ соглашается, что для нѣкоторыхъ лучше проводить обыкновенный образъ жизни. «Чему отдать предпочтеніе, спрашиваетъ онъ, дѣятельной или созерцательной жизни?—и отвѣчаетъ: въ созерцаніи могутъ упражняться совершенные, а въ дѣятельности многіе. Правда, что то и другое и хорошо и вожделѣнно; но ты къ чему способенъ, къ тому и простирайся особенно» (2).

Сущность нравственно-христіанской жизни св. Григорій поставляетъ въ борьбѣ стремленій духовныхъ съ чувственными, разумныхъ съ неразумными, въ борьбѣ, изъ которой человѣкъ можетъ выдти побѣдителемъ только при благодатной помощи. «Два, говоритъ онъ, точно два во мнѣ *ума*: одинъ добрый,—и онъ слѣдуетъ всему прекрасному; а другой худой,—и онъ слѣдуетъ худому. Одинъ умъ ведетъ къ свѣту и готовъ покаряться Христу; а другой умъ плоти и крови влечется во мракъ, и согласенъ отдаться въ плѣнъ веліару. Одинъ увеселяется

(1) Ч. 2, стр. 296.
(2) Ч. 5, стр. 200; снес. ч. 2, стр. 5.

земнымъ, ищетъ для себя полезнаго не въ постоянномъ, но въ преходящемъ, любитъ пиршества, ссоры, обременительное пресыщеніе, срамоту темныхъ дѣлъ и обманы, идетъ широкимъ путемъ и, покрытый непроницаемою мглою неразумія, забавляется собственною гибелью; а другой восхищается небеснымъ и уповаемымъ, какъ настоящимъ, въ одномъ Богѣ полагаетъ надежду жизни, здѣшнее же, подверженное различнымъ случайностямъ, считаетъ ничего нестоющимъ дымомъ, любитъ нищету, труды и благія заботы, и идетъ тѣснымъ путемъ жизни. Видя ихъ борьбу, Духъ великаго Бога нисходитъ свыше и подаетъ помощь уму, прекращая возстаніе безпокойной плоти, или усмиряя волнующіяся воды черныхъ страстей» (¹). Потому-то, «добродѣтель не даръ только великаго Бога, почтившаго свой образъ; потому что нужно и твое стремленіе. Она не произведеніе и твоего только сердца; потому что потребна превосходнѣйшая сила. Хотя и очень остро мое зрѣніе, однакоже видитъ зримые предметы не само собою и не безъ великаго свѣтила, которое освѣщаетъ мои глаза и само видимо для глазъ. И къ преуспѣянію моему нужны двѣ доли отъ великаго Бога, именно: первая и послѣдняя, а также одна доля и отъ меня. Богъ сотворилъ меня воспріимчивымъ къ добру. Богъ подаетъ мнѣ и силу, а въ срединѣ я—текущій на поприщѣ. Я не очень легокъ на ногу, но не безъ надежды на награду напрягаю свои мышцы въ бѣгу; потому что Христосъ—мое дыханіе, моя сила, мое чудное богатство. Онъ дѣлаетъ меня и зоркимъ и доброшественнымъ. А безъ Него всѣ мы—смертныя игралища суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видывалъ,

(¹) Ч. 4, стр. 305 — 306.

чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха,—чтобы делфинъ плавалъ, гдѣ нѣтъ воды; такъ и человѣкъ безъ Христа не заноситъ вверхъ ноги» ([1]).

Когда пройдетъ опредѣленное Богомъ для возстановленія человѣчества время, одни изъ людей навѣки соединятся съ Богомъ, котораго искали въ теченіи земной жизни, и будутъ вѣчно блаженствовать; другіе будутъ отвержены за небреженіе о средствахъ возстановить нарушенный завѣтъ съ своимъ Творцемъ и будутъ преданы на вѣчное мученіе съ діаволомъ и его ангелами. Блаженство праведниковъ въ жизни будущей св. Григорій поставляетъ главнымъ образомъ и преимущественно въ созерцаніи высочайшихъ совершенствъ Тріединаго Бога. «Они, говоритъ св. отецъ, наслѣдуютъ неизреченный свѣтъ святой и царственной Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище, и всецѣло соединятся съ всецѣлымъ умомъ, въ чемъ одномъ и поставляю собственно царствіе небесное» ([2]). Но если праведниковъ въ будущей жизни ожидаетъ блаженное созерцаніе Троичнаго Свѣта; то грѣшникамъ, по ученію св. отца, угрожаютъ тамъ муки неугасимаго огня. Въ словѣ на св. Крещеніе, сказавши объ огнѣ, очищающемъ грѣховныя нечистоты, св. отецъ говоритъ: «знаю огонь и не очистительный, но карательный,—огонь, который за одно дѣйствуетъ съ червомъ неусыпающимъ, неугасимъ и увѣковѣченъ для злыхъ. Ибо все это показываетъ силу истребительную, если только не угодно кому и здѣсь представлять это человѣколюбивѣе и сообразно съ достоинствомъ наказующаго» ([3]). Какъ понимать эти слова св.

([1]) Ч. 4, стр. 255.
([2]) Ч. 2, стр. 56. 162.
([3]) Ч. 3, стр. 310 — 311.

отца?... Можно понимать и буквально; отвергать въ нихъ смыслъ буквальный мы не имѣемъ никакого основанія. Съ другой стороны творенія Богослова ведутъ насъ въ пониманіи вышеприведенныхъ словъ далѣе буквы. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ (этотъ высочайшій свѣтъ) пришествіемъ своимъ—немощь души, и для однихъ Онъ *свѣтъ*, а для другихъ *огонь*, смотря по тому, какое вещество встрѣчаетъ въ каждомъ» (¹). Между тѣмъ, по его мысли, и умъ человѣческій, будучи какъ бы частицей Божества, есть также свѣтъ, свѣтъ божественный и неугасимый (²); а слѣдовательно и онъ также можетъ быть для однихъ свѣтомъ, а для другихъ огнемъ. Соображая это съ тѣмъ, что говоритъ Святитель о неугасаемомъ огнѣ для грѣшниковъ и о блаженствѣ праведниковъ, и имѣя въ виду то, что онъ всегда останавливаетъ вниманіе не столько на чувственной сторонѣ человѣка, сколько на духовной, мысль св. отца, заключающуюся въ вышеприведенныхъ словахъ объ огнѣ карательномъ, мы можемъ съ бо́льшею полнотою и опредѣленностію выразить такъ: Богъ въ день суда представитъ грѣшникамъ, къ ихъ вѣчному стыду и мученію, во всемъ свѣтѣ ихъ нравственное безобразіе и недостоинство, содѣлаетъ ихъ безотвѣтными и подвергнетъ вѣчному отверженію отъ Своего лица (³). Въ ихъ душахъ между тѣмъ потребность созерцать Бога останется неизгладимою, потому что у каждаго изъ нихъ останется умъ. Такимъ образомъ и этотъ свѣтъ божественный и неугасимый, постоянно требуя сроднаго себѣ и не находя его, въ свою очередь будетъ

(¹) Ч. 1, стр. 290.
(²) Ч. 4, стр. 240.
(³) Ч. 2, стр. 56.

вѣчно мучить грѣшниковъ, будетъ не свѣтить имъ, а жечь, палить ихъ души. Конечно, этотъ огнь внутренній не исключаетъ внѣшняго огня вещественнаго.

Представляя Бога свѣтомъ, съ другой стороны видимый свѣтъ считая для міра чувственнаго тѣмъ же, что Богъ для міра духовнаго ([1]), св. Григорій при своей любви къ умозрѣнію не могъ, конечно, не останавливать своего вниманія и на связи дѣйствій великаго Свѣта духовнаго, направленныхъ къ возстановленію и просвѣщенію падшаго человѣка, съ особенными явленіями свѣта чувственнаго въ мірѣ видимомъ. Сознаніе этой связи очень замѣтно проглядываетъ у него въ словѣ на Крещеніе, гдѣ перечисливши нѣсколько свѣтовъ, онъ говоритъ такъ: «свѣтъ также прообразовательный и соразмѣренный съ силами пріемлющихъ его есть писанный Законъ, прикрывающій истину и тайну великаго Свѣта; *почему и лицо Моисеево имъ прославляется*.... Свѣтъ былъ и явившееся Моисею во огнѣ, когда видѣніе это пылало, но не сожигало купины, чтобы и естество показать и силу явить. Свѣтъ—и путеводившее Израиля въ столпѣ огненномъ и дѣлавшее пустыню пріятною. Свѣтъ—восхитившее Илію на огненной колесницѣ и не опалившее восхищаемаго. Свѣтъ—облиставшее пастырей, когда довременный Свѣтъ соединился съ временнымъ. Свѣтъ—и та красота звѣзды, предшествовавшей въ Виѳлеемъ, чтобы и волхвамъ указать путь и сопутствовать Свѣту, который превыше насъ и соединился съ нами. Свѣтъ—явленное ученикамъ на горѣ Божество, впрочемъ нестерпимое для слабаго зрѣнія. Свѣтъ — облиставшее Павла видѣніе и пораженіемъ очей уврачевавшее тьму душев-

---

([1]) Ч. 2, стр. 176—177.

ную. Свѣтъ — и тамошняя свѣтлость для очистившихся здѣсь, когда *праведницы просвѣтятся яко солнце* (Матѳ. 13, 43) и станетъ Богъ посредѣ ихъ, боговъ и царей, распредѣляя и раздѣляя достоинство тамошняго блаженства» (¹).

Такъ глубоко проникалъ св. Григорій въ тайны богословія; но въ тоже время онъ смиренно сознавалъ и со всею ревностію, достойною учителя вселенской Церкви, защищалъ противъ хвастливыхъ евноміанъ истину непостижимости существа Божія. Раскрытіе и этой истины, какъ и другихъ, при всемъ согласіи съ общимъ ученіемъ Церкви, у св. Григорія своеобразно. Во-первыхъ, раскрывая мысль, что Богъ непостижимъ, онъ имѣетъ въ виду не столько непостижимость Божію вообще для сотворенныхъ, ограниченныхъ существъ, сколько-непостижимость *для человѣка*. Потому-то на непостижимость существа Божія для ангеловъ онъ указываетъ какъ бы мимоходомъ; между тѣмъ какъ другіе учители Церкви говорятъ объ этомъ подробно, имѣя въ виду болѣе общее отношеніе существа Божія къ постиженію разумныхъ существъ: такъ, напримѣръ, св. Златоустъ раскрытію мысли, что существо Божіе непостижимо даже для ангеловъ, посвящаетъ все третье слово противъ аномеевъ и большую часть четвертаго. Во-вторыхъ, св. Григорій ограничиваетъ и свои разсужденія о непостижимости существа Божія для человѣка, именно—настоящею жизнію человѣка; онъ главнымъ образомъ разъясняетъ то, что знаніе человѣка о Богѣ, *пока человѣкъ находится въ здѣшней жизни*,—знаніе неполное, несовершенное, которое можетъ быть пріобрѣтаемо только мало по малу, при содѣйствіи самаго Бога.

(¹) Ч. 3, стр. 275—276.

Причины ограниченности и неполноты знанія человѣческаго о Богѣ въ здѣшней жизни св. отецъ находитъ съ одной стороны въ человѣкѣ. Пока человѣкъ живетъ еще на землѣ, онъ не можетъ освободиться вполнѣ отъ нравственной порчи, которая отъ прародителя переходитъ на каждаго изъ его потомковъ. Но чтобы бесѣдовать съ Чистымъ и всецѣло воспринимать свѣтъ Божества, намъ должно, по словамъ св. Григорія, сперва самихъ себя очистить, если не хотимъ потерпѣть одного съ Израилемъ, который не вынесъ славы лица Моисеева и потому требовалъ покрывала,—не хотимъ испытать и сказать съ Маноемъ, удостоеннымъ видѣнія Божія: *погибли мы, жена, яко Бога видѣхомъ* (Суд. 13, 22), — не хотимъ, подобно Петру, высылать съ корабля Іисуса, какъ недостойные такого посѣщенія,—не хотимъ потерять зрѣніе, подобно Павлу, до очищенія отъ гоненій вступившему въ сообщеніе съ Гонимымъ или, лучше сказать, съ малымъ блистаніемъ великаго Свѣта» ([1]). Притомъ же, какъ бы высоко ни стоялъ человѣкъ по степени своего нравственнаго преспѣянія; его духъ постоянно соединенъ въ этой жизни съ дебелою плотію, которая, какъ покровъ, или какъ мгла, отдѣлявшая нѣкогда израильтянъ отъ египтянъ ([2]), лежитъ на умѣ и не позволяетъ ему непосредственно созерцать чистый свѣтъ Божества. «Совершенно обнять мыслію столь высокій предметъ, говоритъ св. отецъ, не имѣютъ ни силъ ни средствъ не только люди оцѣпенѣвшіе, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно какъ и всякое рожденное естество, для котораго этотъ мракъ—эта грубая плоть слу-

---

([1]) Ч. 3. стр. 259. 147.
([2]) Ч. 3, стр. 28.

житъ препятствіемъ къ уразумѣнію истины» ([1]). Плоть препятствуетъ уму человѣческому всецѣло созерцать Бога, по мысли св. Григорія, собственно тѣмъ, что къ его чистому, единичному представленію о Богѣ, какъ Духѣ чистѣйшемъ, она всегда примѣшиваетъ представленія сложности, тѣлесности. «Намъ, *узникамъ земнымъ*, какъ говоритъ божественный Іеремія (Плач. 3, 34), намъ, покрытымъ этою грубою плотію, извѣстно то, что какъ невозможно обогнать свою тѣнь, сколько бы кто ни спѣшилъ,—потому что она на столько же подается впередъ, на сколько бываетъ захвачена,—или какъ зрѣніе не можетъ сблизиться съ зримыми предметами безъ посредства свѣта и воздуха, или какъ породы плавающихъ въ водѣ не могутъ жить внѣ воды; такъ и находящемуся въ тѣлѣ нѣтъ никакой возможности быть въ общеніи съ умосозерцаемымъ безъ посредства чего-либо тѣлеснаго. Ибо всегда привзойдетъ что-либо наше, сколько бы ни усиливался умъ прилѣпиться къ сродному и невидимому, какъ можно болѣе отрѣшаясь отъ видимаго и уединяясь самъ въ себя» ([2]). Съ другой стороны самъ Богъ, по любимому выраженію св. Григорія, нарочито *скрываетъ Себя во мракѣ*, открывая Себя человѣку въ этой жизни только отчасти, мало по малу,—по мѣрѣ его усилій просвѣщая его умъ и убѣгая отъ высоты и выспренности ума,—столько всегда удаляясь, сколько постигается ([3]). Для чего же? «Сколько можемъ постигать мы, говоритъ св. отецъ, это нужно, можетъ быть, для того, чтобы удобство пріобрѣтенія не дѣлало удобною и потерю пріобрѣтеннаго... А можетъ быть, нужно и для того, чтобы

([1]) Ч. 3, стр. 20.
([2]) Тамъ же стр. 28.
([3]) Ч. 1, стр. 63.

не потерпѣть намъ одной участи съ Денницею, чтобы, пріявъ въ себя всецѣлый свѣтъ, *не ожесточить выи предъ Господомъ Вседержителемъ* (Іов. 15, 25) и не пасть отъ превозношенія самымъ жалкимъ паденіемъ» ([1]); или же наконецъ для того, чтобы «постигаемымъ привлекать насъ къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе, чрезъ желаніе очищать и чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными» ([2]).

Но стѣсняя предѣлы богопознанія для человѣка въ этой жизни, св. отецъ распространяетъ ихъ въ жизни будущей. О богопознаніи въ томъ вѣкѣ онъ выражается, что мы тогда познаемъ Бога *всецѣло всецѣлымъ умомъ*, познаемъ Его *столько же, сколько сами Имъ познаны или сколько Онъ самъ знаетъ Себя*, что мы познаемъ относительно Троицы, *что она, какова и колика*. Вотъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ высказываетъ свои мысли объ этомъ предметѣ. Въ словѣ противъ евноміанъ, послѣ нѣкоторыхъ разсужденій о бытіи Божіемъ и непостижимости существа Божія, онъ говоритъ: «Бога, что Онъ по естеству и сущности, никто изъ людей никогда не находилъ и, конечно, никогда не найдетъ», — и за тѣмъ продолжаетъ: «а если и найдетъ когда-нибудь, то пусть разыскиваютъ и любомудрствуютъ объ этомъ желающіе. Найдетъ же, какъ я разсуждаю, когда это богоподобное и божественное наше, т. е. умъ нашъ и слово, соединится съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ Первообразу, къ которому теперь стремится. И это, какъ

([1]) Ч. 3, стр. 27—28; свес. ч. 2, стр. 40.
([2]) Ч. 3, стр. 238 — 239.

думаю, выражается въ томъ, весьма любомудромъ ученіи, по которому познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны» ([1]). Въ словѣ въ похвалу Ирона философа (или Максима), внушая ему не домогаться постигнуть образъ рожденія и исхожденія Божескихъ лицъ, св. Григорій выражаетъ свою мысль о будущемъ богопознаніи еще сильнѣе: «когда же домогаешься постигнуть (образъ рожденія и исхожденія), говоритъ онъ, тогда что̀ оставляешь Имъ самимъ (Рождающемуся и Исходящему), которые, по свидѣтельству Писанія, одни только знаютъ Другъ Друга и Другъ Другомъ познаются (1 Кор. 2, 11), или что оставишь тѣмъ изъ насъ, которые впослѣдствіи будутъ просвѣщены тамошнимъ свѣтомъ? Сдѣлайся прежде чѣмъ либо изъ сказаннаго или подобнымъ тому, и тогда познаешь столько, сколько они познаются Другъ Другомъ. Теперь же единственно учи вѣдать вотъ что: Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ покланяемую, въ которой и раздѣльность и единство непостижимы» ([2]). «Хочешь ли со временемъ стать богословомъ и достойнымъ Божества?» спрашиваетъ еще въ другомъ словѣ Богословъ и даетъ такое наставленіе: «соблюдай заповѣди и не выступай изъ повелѣній; потому что дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію... Намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). Если невозможно имѣть мнѣ здѣсь совершеннаго знанія, то что еще остается, чего могу надѣяться? Безъ сомнѣнія, скажешь: небеснаго царства. Но думаю, что оно есть не что иное, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго, а совершеннѣе всего (для насъ) вѣдѣ-

---

([1]) Ч. 3, стр. 33, 147, 239.
([2]) Ч. 2, стр. 288, 224.

ніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе частію да хранимъ, частію да пріобрѣтаемъ въ тамошнихъ сокровищахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе святыя Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ) въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ» (¹). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ приведенныхъ мѣстахъ св. Григорій допускаетъ совершенное и безусловное постиженіе человѣкомъ существа Божія въ жизни будущей, — такъ сильны его выраженія объ этомъ предметѣ. Но мы еще прежде замѣтили, какъ слѣдуетъ смотрѣть на сильный языкъ св. отца. Притомъ, самъ же онъ замѣчаетъ, что «Божество необходимо будетъ ограничено, если оно постигнется мыслію; потому что и понятіе есть видъ ограниченія» (²), или что «все небесное, а иное и пренебесное, хотя въ сравненіи съ нами гораздо выше естествомъ и ближе къ Богу, однакожъ дальше отстоитъ отъ Бога и отъ совершеннаго Его постиженія, нежели сколько выше нашего сложнаго, низкаго и долу тяготѣющаго состава» (³),—и допускаетъ въ блаженномъ созерцаніи, ожидающемъ святыхъ Божіихъ, степени (⁴), а это несовмѣстно съ понятіемъ о безусловномъ знаніи Бога. И такъ, какъ же понимать вышеприведенныя слова св. Григорія? Чтобы понять ихъ надлежащимъ образомъ, мы должны припомнить, какъ онъ смотритъ на умъ, и обратить вниманіе на то, что онъ говоритъ о состояніи ума въ жизни будущей. По мысли св. отца, умъ нашъ, нѣчто божественное въ насъ, можетъ созерцать Бога непосредственно, зрѣть Его, вос-

(¹) Ч. 2, стр. 174 — 175.
(²) Ч. 3, стр. 26.
(³) Ч. 3, стр. 19; снес. стр. 20.
(⁴) Ч. 3, стр. 33. 275 — 276.

принимать прямо лучъ Божества [1]. Въ настоящее время тѣло, будучи грубо, не позволяетъ ему непосредственно видѣть Бога и къ его единичному, цѣлостному взгляду на Бога примѣшиваетъ представленія сложности, тѣлесности; но въ жизни будущей оно не будетъ уже служить препятствіемъ уму въ созерцаніи, потому что тогда умъ, въ награду за свое стремленіе къ высочайшему Уму, силою любви соединится съ сроднымъ себѣ естествомъ, и духъ нашъ, послѣ того какъ смертное и преходящее пожерто будетъ жизнію, всецѣло поглотивъ въ себя плоть, сдѣлается съ нею единымъ умомъ и богомъ [2]; т. е. въ жизни будущей плоть просвѣтлится и сдѣлается какъ бы совершенно прозрачною, такъ что уму можно будетъ уже прямо зрѣть Бога. Такимъ образомъ, когда св. отецъ выражается, что мы тамъ познаемъ Бога всецѣло всецѣлымъ умомъ; это значитъ, что тогда мы будемъ имѣть на Бога взглядъ единичный, цѣлостный, безъ примѣси представленій сложности и тѣлесности, опредѣляемыхъ воспріятіемъ внѣшнихъ чувствъ. Когда онъ говоритъ, что нѣкогда познаемъ Бога столько же, сколько сами Имъ познаны или сколько Онъ самъ знаетъ Себя, что мы познаемъ образъ рожденія и исхожденія Сына Божія и Духа Святаго, познаемъ Троицу, что̀ Она, какова и колика; этимъ выражаетъ ту мысль, что нѣкогда мы будемъ знать о Богѣ не по силѣ вѣры и не по соображеніямъ разсудка, дѣлающаго большею частію догадки и предположенія, но— непосредственно, будемъ созерцать прямо единаго Бога въ Троицѣ — во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, подобно то́му, какъ зрѣніе прямо и непосредствен-

(1) Ч. 1, стр. 186.
(2) Тамъ же; срав. ч. 1, стр. 263; ч. 4, 229—230; ч. 5, стр. 128.

но воспринимаетъ свѣтъ, хотя въ тоже время онъ остается для зрѣнія необъятнымъ.

И это созерцаніе Троичнаго Свѣта было для св. Григорія предметомъ пламеннѣйшихъ желаній и молитвъ, какъ всегда, такъ особенно подъ конецъ его страдальческой жизни. Въ аріанзскомъ уединеніи, «вдали отъ городовъ и людей, бесѣдуя со звѣрями и утесами, обитая въ мрачной и дикой пещерѣ, въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня, имѣя ложемъ древесныя вѣтви, постелью жесткую власяницу и пыль на полу, омоченную слезами» ([1]), вселенскій Учитель питался одною надеждою—скоро узрѣть Бога, и утомленный скорбями жизни, едва переводя дыханіе, исхудалою отъ болѣзней, старости и поста рукою писалъ: «умъ мой былъ громкимъ проповѣдникомъ Троицы, а теперь видитъ предъ собою конецъ. Не приступай же ко мнѣ ты, нечистота! чтобъ мнѣ чистому срѣтить чистые, небесные Свѣты, когда ихъ озаренія падутъ на мою жизнь» ([2]). «Свѣтозарные ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный Свѣтъ Трисіяннаго Божества, примите недостойнаго Григорія священника»! ([3]) «Къ вамъ простираю руки, примите меня! Прощай міръ, прощай многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня» ([4])!

П. Шалфеевъ.

([1]) Ч. 4, стр. 308; срав. 325.
([2]) Ч. 5, стр. 27—28.
([3]) Приб. къ Твор. св. Отц. 1843 г. ч. 1, стр. 72.
([4]) Ч. 5, стр. 28.

III.

СПИСОКЪ

ВСѢХЪ ІЕРАРШЕСКИХЪ КАѲЕДРЪ

ВЪ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ,

за 1860 годъ,

СЪ ИМЕНАМИ ИХЪ ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ.

I.

Іерархія Константинопольская.

Всесвятѣйшій Архіепископъ Константинополя — Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ *Іоакимъ*.

А. Въ Турецкой Имперіи:

Митрополиты:

I. **Кесарійскій въ Каппадокіи, Протоѳронъ и Экзархъ всей Анатоліи *Паисій*.**

II. **Ефесскій и Экзархъ всей Азіи *Паисій*.**
Каѳедра въ Магнезіи.

Епископы:

1. **Иліопольскій и Ѳіатирскій *Діонисій*.**
Каѳедра въ Гюзель-Иссарѣ.

2. **Кринскій и Аніійскій *Амвросій*.**
Каѳедра въ Чесмѣ (древнемъ Кринѣ).

III. Ираклійскій и Редестскій и Экзархъ всей Ѳракіи и Македоніи *Панаретъ*.

Епископы:

1. Каллипольскій и Мадитскій *Григорій*.
Каѳедра въ Галлиполи (др. Каллиполь).
2. Миріофитскій и Перистасскій *Неофитъ*.
3. Метрскій и Аѳирскій *Захарія*.

IV. Митрополитъ Кизикскій и Экзархъ всего Геллеспонта *Іаковъ*.
Каѳедра въ Артаки.

V. Никомидійскій и Экзархъ всей Виѳиніи (1) *Діонисій*.
Каѳедра въ Смитѣ.

VI. Никейскій и Экзархъ всей Виѳиніи (2) *Іосифъ*.

VII. Халкидонскій и Экзархъ всей Виѳиніи (3) *Герасимъ*.
Каѳедра въ Кускунджукѣ, а постоянное мѣстопребываніе въ Константинополѣ.

VIII. Деркскій и Неохорійскій и Экзархъ всего Ѳракійскаго Воспора *Герасимъ*.
Каѳедра въ Ѳерапіи.

Епископъ:

Клавдіупольскій *Герасимъ*.
Каѳедра въ Тарапіи.

IX. Солунскій и Экзархъ всей Ѳессаліи *Неофитъ*.

---

(1) (2) (3) Обстоятельство, что три различные архіерея именуются экзархами всей Виѳиніи, показываетъ, что это только почетный титулъ, не болѣе.

Епископы:

1. **Китрскій** ***Θеоклитъ.***
Каѳедра въ Колидрѣ.

2. **Кампанійскій** ***Іероѳей.***
Каѳедра въ Колакіи.

3. **Платамонскій** ***Іаковъ.***
4. **Сервійскій и Козанскій** ***Евгеній.***
5. **Полянскій и Вардіоритскій** ***Мелетій.***
Каѳедра въ Дройранѣ.

6. **Петрскій** ***Агаѳангелъ.***
Каѳедра въ Влахоливадѣ.

7. **Ардамерійскій** ***Игнатій.***
Каѳедра въ Галатистѣ.

8. **Іерисскій и Святыя Горы** ***Іоанникій.***
Каѳедра въ Пизворо близъ Аѳона.
Всѣ сіи епископы мѣстопребываніе, почти постоянное, имѣютъ въ Солунѣ.

X. **Терновскій и Экзархъ всей Болгаріи** ***Григорій.***
Каѳедра въ Великомъ Терновѣ.

Епископы:

1. **Червенскій** ***Синесій.***
Каѳедра въ Рущукѣ.

2. **Ловчанскій** ***Иларіонъ.***
Каѳедра въ Ловчѣ.

3. **Врачанскій** ***Дороѳей.***

XI. **Адріанопольскій и Экзархъ всего Гемимонта** ***Кириллъ.***

Епископъ:

Перистерійскій ***Игнатій.***

XII. Амасійскій и Экзархъ всего Евксина *Софроній*.

XIII. Янинскій и Беллскій и Экзархъ всего Епира и Керкиры (Κερκύρας) *Парѳеній*.

Епископъ:

Парамиѳійскій *Діонисій*.

XIV. Брусскій и Экзархъ Виѳиніи *Константій*.

Каѳедра въ Бруссѣ (др. Прусѣ).

XV. Пелагонійскій и Экзархъ верхней Македоніи *Венедиктъ*.

Каѳедра въ Монастырѣ (имя города).

XVI. Неокесарійскій и Инейскій и Экзархъ Понта Полемонійскаго *Леонтій*.

Епископъ:

Никопольскій *Христофоръ*.

Каѳедра въ Кара-Иссарѣ (въ др. Никополѣ).

XVII. Дидимотихскій и Экзархъ всего Родона *Мелетій*.

XVIII. Иконійскій и Экзархъ всей Ликаоніи *Неофитъ*.

XIX. Веррійскій и Наусскій и Экзархъ Ѳессаліи *Ѳеоклитъ*.

XX. Босна-Серайскій и Экзархъ всей Далматіи *Діонисій*.

XIX. Писидійскій и Экзархъ Сиды, Мvръ и Атталіи *Мелетій*.

Каѳедра въ Кара-Иссарѣ (др. Апамеѣ-Киботѣ).

XXII. Критскій и Экзархъ Европы *Діонисій*.

Каѳедра въ Кандіи.

Епископы:

1. Аркадійскій *Григорій*.
2. Авлопотамскій и Ретимнійскій *Каллиникъ*.
Каѳедра въ Ретимнѣ.

3. Кидонійскій и Киссамскій *Каллистъ*.
Каѳедра въ Канеи (др. Кассамъ).

4. Петрскій *Игнатій*.
5. Іерскій и Ситійскій *Иларіонъ*.
Каѳедра въ Ситіи.

6. Херониссій *Мелетій* (¹).

XXIII. Трапезунтскій и Экзархъ всей Лазикіи *Константій*.
Каѳедра въ Трепизонтѣ (др. Трапезунтъ).

XXIV. Ларисскій и Экзархъ второй Ѳессаліи *Стефанъ*.

Епископы:

1. Стагонскій *Ѳеофилъ*.
Каѳедра въ Каламбакѣ, близъ монастыря Метеорскаго.

2. Гардикійскій *Анѳимъ*.
3. Ѳавмакійскій *Хрисанѳъ*.
4. Триккійскій *Анѳимъ*.

XXV. Артскій и Экзархъ всей Этоліи *Софроній*.

XXVI. Филиппопольскій и Экзархъ Ѳракіи и Драговитіи *Паисій*.

(¹) Въ Критѣ было до 1836 года 7 епископій, но одна изъ нихъ ламбійская, присоединена къ митрополіи.

Епископъ:

Левкійскій *Иларіонъ* (викарій въ Филиппополѣ).

XXVII. Родосскій и Экзархъ всѣхъ Кикладскихъ острововъ *Игнатій*.

Епископъ:

Лерскій *Діонисій*.

XXVIII. Серронскій (Серреній) и Экзархъ вс Македоніи *Никодимъ*.

XXIX. Драмскій и Экзархъ Македоніи *Мелетій*.

Епископъ:

Елевѳеропольскій *Анѳимъ*.

XXX. Смирнскій и Экзархъ Азіи *Хрисанѳъ*.

Епископъ:

Мосхонисійскій *Кириллъ*.

Мѣстопребываніе въ Митрополіи.

XXXI. Митилинскій и Экзархъ всего Лесбоса *Мелетій*.

Каѳедра въ Кастро.

XXXII. Анкирскій и Экзархъ всей Галатіи *Мелетій*.

XXXIII. Филадельфійскій и Экзархъ всей Лидіи *Іоанникій* (1).

XXXIV. Варнскій и Каварнскій и Экзархъ Черного Моря *Порфирій*.

Каѳедра въ Варнѣ.

XXXV. Самосскій и Икарійскій и Экзархъ Кикладовъ *Гавріилъ*.

Каѳедра въ Мегалѣ-Хори на Самосѣ.

---

(1) Прежде назывался еще председателемъ Венеціи (πρόεδρος τῆς Βενετίας).

XXXVI. Мелникскій *Діонисій*.

XXXVII. Преспонскій и Охридскій *Іоанникій*.

Каѳедра въ Охридѣ.

XXXVIII. Еноскій *Гавріилъ*.

XXXIX. Халдійскій и Херіанскій *Ѳеофилъ*.

Каѳедра въ Юмушъ-Ханѣ, въ Малой Азіи.

XL. Меѳимнскій и Экзархъ Лесбоса *Агаѳангелъ*.

Каѳедра въ Калленѣ.

XLI. Месимврійскій и Экзархъ Чернаго Моря *Никифоръ*.

XLII. Виддинскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Паисій*.

XLIII. Доростольскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Діонисій*.

Каѳедра въ Силистріи (др. Доростолъ).

XLIV. Сисанійскій и Сіатистскій и Экзархъ Македоніи *Мелетій*.

Каѳедра въ Сіатистѣ.

XLV. Софійскій и Экзархъ Болгаріи *Гедеонъ*.

XLVI. Визійскій и Мидійскій и Экзархъ Чернаго моря *Матѳей*.

XLVII. Анхіальскій и Экзархъ всего Чернаго моря *Софроній*.

XLVIII. Маронійскій и Экзархъ Родопа *Кириллъ*.

XLIX. Силиврійскій *Мелетій*.

L. Созопольскій и Экзархъ всего Чернаго моря *Прокопій*.

Каѳедра въ Созополѣ

LI. Ксанѳійскій и Перниѳорійскій *Панаретъ*.

Каѳедра въ Янидже.

LII. **Ганосскій и Хорскій и Экзархъ приморской Ѳракіи** ***Хрисанѳъ.***

Каѳедра въ Хорѣ.

LIII. **Хіосскій и Экзархъ всей Іоніи** ***Неофитъ.***

LIV. **Лимносскій и Экзархъ всего Егейскаго моря** ***Іоакимъ.***

LV. **Имвросскій и Экзархъ Егейскаго моря** ***Іоанникій.***

LVI. **Димитріадскій и Загорскій и Экзархъ Пеласгіи** ***Доровей.***

Каѳедра въ Загорѣ.

LVII. **Елассонскій** ***Игнатій.***

LVIII. **Приконисскій и Экзархъ всей Пропонтиды** ***Софроній.***

Каѳедра въ Алонѣ на островѣ Мармара (др. Преконисcѣ), на Мраморномъ морѣ.

LIX. **Кассандрійскій и Экзархъ Ѳермейскаго Залива** ***Игнатій.***

LX. **Горскій и Дирахійскій** ***Іосифъ.***

Каѳедра въ Дураццо (др. Диррахіи).

LXI. **Преславскій и Экзархъ Болгарской Мисіи** ***Веніаминъ.***

Каѳедра въ Шумлѣ.

LXII. **Погоніанскій** ***Панаретъ.***

Мѣстопребываніе въ Бухарестѣ.

LXIII. **Дринопольскій и Дельвинскій** ***Пантелеимонъ.***

Каѳедра въ Аргиро-Кастро.

LXIV. **Коскій (Κώσου) и Экзархъ Кикладовъ** ***Кириллъ.***

LXV. **Нисскій (Νύσσης) и Экзархъ нижней Мисіи** ***Іоанникій.***

Каѳедра въ Ниссѣ.

LXVI. **Скопійскій и Экзархъ нижной Мисіи** ***Іоакимъ.***

LXVII. Ерсекійскій (Ἐρσεκίου) и Экзархъ верхней Мисіи *Григорій.*

Каѳедра въ Мостаръ (въ Герцеговинѣ).

LXVIII. Кестендилійскій и Стипійскій *Діонисій.*

LXIX. Самоковскій и Экзархъ Болгаріи *Матѳей.*

LXX. Зворницкій и Экзархъ Далматіи *Аѳанасій.*

LXXI. Рашко-Пресренскій и Экзархъ верхней Мисіи *Мелетій.*

Каѳедра въ Пресренѣ.

LXXII. Нишавскій *Анѳимъ.*

Каѳедра въ Жарковѣ.

LXXIII. Касторійскій и Экзархъ всей древней Болгаріи *Никифоръ.*

LXXIV. Воденскій *Никодимъ.*

LXXV. Корицанскій (Κορυτζᾶς) и Селасѳорскій *Неофитъ.*

LXXVI. Фанарійскій и Фарсальскій и Экзархъ Ѳеіи *Неофитъ.*

Каѳедра въ Ферсалѣ.

LXXVII. Струмницкій и Экзархъ Болгарской Македоніи *Неофитъ.*

LXXVIII. Бѣлградскій *Анѳимъ.*

LXXIX. Гревенскій *Агапій.*

LXXX. Моглинскій *Мелетій.*

Каѳедра въ Емборѣ (селеніе).

LXXXI. Дебрскій *Геннадій.*

LXXXII. Велисскій *Анѳимъ.*

Каѳедра въ Коприли (др. Велессъ).

Архіепископы:

LXXXIII. Священнѣйшій Архіепископъ Литицкій *Іосифъ.*

LXXXIV. Боголюбивѣйшій Архіепископъ Карпатскій и Касскій *Меѳодій.*

Каѳедра въ Каксо.

Преосвященные, не имѣющіе епархій:

а) Живущіе въ Константинополѣ.

1. Макаріупольскій *Иларіонъ.*

Каѳедра при новооткрытой церкви Болгарской (тамъ же).

2. Памфильскій *Серафимъ.*

Каѳедра при церкви св. великомученика Георгія (въ Керемитъ-Махале).

3. Харіупольскій *Дороѳей.*

Каѳедра при церкви Введенія Пресвятыя Богородицы (въ Ставродромѣ).

4. Римнійскій *Панаретъ.*

Каѳедра при церкви святителя Николая (въ Токъ-Капи).

5. Анастасіопольскій *Хрисанѳъ.*

Каѳедра при церкви св. великомученика Ѳеодора Стратилата (во Вланіѣ).

6. Пеонійскій *Іеремія.*

Каѳедра при церкви Богородицы (въ Кумъ-Капи).

7. Мелитопольскій *Евгеній.*

Каѳедра при церкви св. великомученицы Киріакіи (въ Кандосколи).

8. Ксанѳопольскій *Кесарій.*

Каѳедра при церкви святителя Николая (въ Джубали).

9. Неаполійскій *Веніаминъ.*

Каѳедра при церкви святителя Николая (въ Галатѣ).

10. Аргиропольскій *Серафимъ*.

Каѳедра при церкви св. великомученика Димитрія въ Татавлѣ.

б) Живущіе въ селеніяхъ Босфора:

11. Бывшій Созоагаѳопольскій *Неофитъ*.

Каѳедра въ церкви Успенія Богородицы (Бешикъ-Таши).

12. Севастійскій *Паисій*.

Каѳедра при церкви св. Архангеловъ (въ Арнаут-Кіой).

Б. Въ княжествахъ, зависящихъ отъ Турціи:

а) Въ Валахіи:

Митрополитъ Унгро-Влахійскій и Экзархъ Плагинскій, и имѣющій степень митрополита Кесаріи Каппадокійской *Нифонтъ*.

Каѳедра въ Букарестѣ.

Епископы:

1. Римникскій (¹)....
2. Бузейскій....
3. Арджицкій....

Каѳедра въ Нерго-Водѣ.

б) Въ Молдавіи:

Митрополитъ Молдо-Влахійскій и Экзархъ Плагинскій *Веніаминъ*.

Каѳедра въ Яссахъ.

Епископы:

1. Романи-вайаварскій *Веніаминъ*.
2. Хусійскій (Χουσίου) *Іоанникій*.

(¹) Есть два мѣста этого имени въ Валахіи; это—главный городъ на рѣкѣ Алутѣ.

Въ Сербіи:

Архіепископъ Бѣлградскій, митрополитъ всей Сербіи *Михаилъ Іоанновичъ.*

Епископы:

1. Ужицкій *Іоанникій Нешковичъ.*
Каѳедра въ Карановцѣ.

2. Тимоцкій *Герасимъ.*
Каѳедра въ Неготинѣ.

3. Шабацкій.
Каѳедра въ Шабцѣ.

B. Внѣ Турецкой Имперіи:

На Іонійскихъ Островахъ:

Митрополиты:

1. Керкирскій *Аѳанасій.*
2. Кефалонійскій *Спиридонъ.*
Каѳедра въ Арюстолѣ.

3. Закинѳскій *Николай.*

Архіепископы:

4. Левкадійскій *Григорій.*
Каѳедра въ Санто-Мавро (др. Левкадіи).

5. Киѳирскій *Прокопій.*

Епископы:

6. Итакскій *Гавріилъ.*
7. Паксоскій *Хрисанѳъ.*

Въ Венеціи:

Бывшій Епископъ Далматинскій *Венедиктъ Кралевичъ*

II.

Іерархія александрійская.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Великаго Града Александріи и всего Египта, Пентаполя, Ливіи и Ѳеіопіи, Папа и Судія вселенной, *Каллиникъ.*

Каѳедра въ Каирѣ, мѣстопребываніе иногда въ Александріи.

Митрополитъ: (1).

Ливійскій и Экзархъ Африки *Аѳанасій.*

Постоянной каѳедры нѣтъ, а мѣстопребываніе въ Каирѣ.

Епископъ:

Ѳиваидскій *Никаноръ.*

Мѣстопребываніе въ Каирѣ.

---

(1) Митрополіи: Мемфійская, Пелусійская и Метелицкая съ давняго времени не существуютъ.

III.

Іерархія антіохійская.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Божія Града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, Отецъ отцевъ и Пастырь пастырей, *Іероѳей*.

Мѣстопребываніе въ Дамаскѣ.

Митрополиты:

1. Веррійскій и Экзархъ первой Сиріи, мѣстоблюститель [1] Іерапольскій, *Кириллъ*.
   Каѳедра въ Алеппѣ (др. Вереѣ).

2. Епифанійскій и Экзархъ второй Сиріи, мѣстоблюститель Апамейскій, *Варнава*.
   Каѳедра въ Хамѣ (др. Епифаніи).

3. Лаодикійскій и Экзархъ Ѳеодоріады *Артемій*.
   Каѳедра въ Латакіи (др. Лаодикіи).

4. Селевкійскій и Экзархъ первой Сиріи *Меѳодій*.
   Каѳедра въ Захлѣ.

---

(1) Мѣстоблюститель «Τοποτηρήτης» означаетъ іерарха, имѣющаго собственную епархію и управляющаго другою, низшею. Важность сего наименованія особенно видна на соборахъ, которые нерѣдки на востокѣ.

5. **Амидійскій и Едесскій, Экзархъ всей Месопотаміи,** ***Макарій.***

Каѳедра въ Діорберкирѣ (др. Амидѣ).

6. **Тирскій и Сидонскій и Экзархъ приморской Финикіи** ***Герасимъ.***

Каѳедра въ Хасбеѣ, у горы Аэрмона.

7. **Трипольскій и Экзархъ первой Финикіи Ливанской** ***Софроній.***

Каѳедра въ Триполи.

8. **Виритскій и Экзархъ приморской Финикіи** ***Іероѳей.***

Каѳедра въ Бейрутѣ (др. Виритѣ).

9. **Аданскій и Экзархъ первой и второй Киликіи, мѣстоблюститель Селевкіи Исаврійской,** ***Хрисанѳъ.***

Каѳедра въ Тарсѣ.

10. **Ѳеодосіопольскій и Экзархъ Великой Арменіи** ***Тимоѳей.***

Каѳедра въ Эрзерумѣ (др Ѳеодосіополѣ).

11, **Иліопольскій и Экзархъ Финикіи Ливанской....**

Каѳедра въ Бальбекѣ (др. Иліополѣ).

12. **Аркадійскій и Экзархъ горы Ливанской** ***Іосифъ.***

Мѣстопребываніе въ Триполѣ.

13. **Емесскій и Экзархъ Ливанской Финикіи** ***Григорій.***

Каѳедра въ Хумсѣ (др. Емессѣ).

14. **Пальмирскій и Экзархъ Финикіи Ливанской** ***Серафимъ.***

Мѣстопребываніе имѣетъ въ Валахіи, въ монастырѣ св. Спиридона.

IV.

Іерархія іерусалимская.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Святаго Града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, обонъ-полъ Іордана, Каны Галилейской и Святаго Сіона *Кириллъ*.

Митрополиты:

1. Петрскій въ Аравіи и Экзархъ третьей Палестины *Мелетій*.

Каѳедра въ Каракѣ, а мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

Архіепископы:

2. Газскій *Филимонъ*.
3. Неапольскій *Самуилъ*.
4. Севастійскій *Прокопій*.
5. Горы Ѳаворскія *Неофитъ*.

Всѣ они имѣютъ мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

Епископы:

Филадельфійскій *Прокопій*.

Каѳедра въ Сцальтѣ, а мѣстопребываніе также въ Іерусалимѣ.

6. **Птолемаидскій и Экзархъ Финикіи** ***Прокопій*.**
Каѳедра и мѣстопребываніе въ Акрѣ.

7. **Лидскій**

8. **Назаретскій и Экзархъ всей Галилеи** ***Ни-фонтъ*.**

9. **Іорданскій** ***Наѳанаилъ*.**

V.

Іерархія всероссійская.

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сѵнодъ.

а) епархіи перваго класса:

1. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и священно-архимандритъ Кіево-Печерскія Лавры *Арсеній*.

Викарій:

Епископъ Чигиринскій *Серафимъ*.

Мѣстопребываніе въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

2. Митрополитъ Новгородскій (онъ же и Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій и священно-архимандритъ Александро-Невскія Лавры, см. ниже 4) *Исидоръ*.

Викарій:

Епископъ Старорусскій *Ѳеофилактъ*.

Мѣстопребываніе въ Новѣгородѣ.

3. Митрополитъ Московскій и Коломенскій и священно-архимандритъ Троицко-Сергіевой Лавры *Филаретъ*.

Викарій:

Епископъ Дмитровскій *Леонидъ.*
Мѣстопребываніе въ Москвѣ.

4. Митрополитъ Санктпетербургскій.... (онъ же и Новгородскій, см. выше 2).

Викарій:

Епископъ Ревельскій *Леонтій.*
Мѣстопребываніе въ Санктпетербургѣ.

б) епархіи втораго класса:

1. Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій *Аѳанасій.*

Викарій:

Епископъ Чебоксарскій *Никодимъ.*

2. Архіепископъ Астраханскій и Енотаевскій *Аѳанасій.*
3. Епископъ Тобольскій и Сибирскій *Ѳеогностъ.*
4. Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій *Нилъ.*
5. — Псковскій и Порховскій *Евгеній.*
6. — Рязанскій и Зарайскій *Смарагдъ.*
7. Епископъ Тверскій и Кашинскій *Филоѳей.*
8. Архіепископъ Херсонскій и Одесскій *Димитрій.*
Каѳедра въ Одессѣ.

Викарій:

Епископъ Новомиргородскій *Антоній.*
Мѣстопребываніе въ Херсонѣ.

Епископъ Мелитопольскій *Кириллъ.*

9. Епископъ Таврическій и Симферопольскій *Алексій*.

Мѣстопребываніе въ Симферополѣ.

10. Митрополитъ Литовскій и Виленскій *Іосифъ*.

Каѳедра въ Вильнѣ.

Викаріи:

1. Епископъ Брестскій *Игнатій*.

Каѳедра въ Гроднѣ.

2. Епископъ Ковенскій *Александръ*.

Каѳедра въ Ковнѣ.

11. Архіепископъ Варшавскій и Новогеоргіевскій *Іоанникій*.

12. — Рижскій и Митавскій *Платонъ*.

13. — Могилевскій и Мстиславскій *Евсевій*.

14. — Черниговскій и Нѣжинскій *Филаретъ*.

15. — Минскій и Бобруйскій *Михаилъ*.

16. — Подольскій и Брацлавскій *Иринархъ*.

Каѳедра въ Каменцѣ-Подольскомъ.

Викарій:

Епископъ Винницкій *Израиль*.

17. Епископъ Кишиневскій и Хотинскій *Антоній*.

18 Архіепископъ Олонецкій и Петрозаводскій *Аркадій*.

Каѳедра въ Петрозаводскѣ.

19. — Донскій и Новочеркасскій *Іоаннъ*.

20. Епископъ Иркутскій и Нерчинскій *Парѳеній.*

в) Епархіи третьяго класса:

1. Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій *Леонидъ.*
2. — Калужскій и Боровскій *Григорій.*
3. — Смоленскій и Дорогобужскій *Антоній.*
4. — Нижегородскій и Арзамасскій *Нектарій.*
5. — Курскій и Бѣлгородскій *Сергій.*
6. — Владимірскій и Суздальскій *Іустинъ.*
7. Архіепископъ Полоцкій и Витебскій *Василій.*

Каѳедра въ Витебскѣ.

8. Епископъ Вологодскій и Устюжскій *Христофоръ.*
9. — Тульскій и Бѣлевскій *Никандръ.*
10. — Вятскій и Слободскій *Агаѳангелъ.*
11. — Архангельскій и Холмогорскій *Наѳанаилъ*
12. Архіепископъ Воронежскій и Задонскій *Іосифъ.*
13. Епископъ Костромскій и Галичскій *Платонъ.*
14. — Тамбовскій и Шацкій *Ѳеофанъ.*
16. — Орловскій и Сѣвскій *Поликарпъ.*
16. — Полтавскій и Переяславскій *Александръ.*
17. — Волынскій и Житомірскій *Антоній.*

Викарій:

Епископъ Острожскій *Іероѳей.*

Мѣстопребываніе въ Житомірѣ.

18. Архіепископъ Пермскій и Верхотурскій *Неофитъ*.

Викарій:

Епископъ Екатеринбургскій *Варлаамъ*.

19. Епископъ Томскій и Енисейскій *Порфирій*.

20. Архіепископъ Пензенскій и Саранскій *Варлаамъ*.

21. Епископъ Саратовскій и Царицынскій *Евеимій*.

22. — Харьковскій и Ахтырскій *Макарій*.

23. — Уфимскій и Мензелинскій *Филаретъ*.

24. — Симбирскій и Сызранскій *Евгеній*.

25. — Кавказскій и Черноморскій *Игнатій*.

26. Архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій *Иннокентій*.

Каеедра въ Ново-Архангельскѣ.

Викаріи:

1. Епископъ Новоархангельскій *Петръ*.
2. — Якутскій *Павелъ*.

27. Епископъ Самарскій и Ставропольскій *Ѳеофилъ*.

28. — Оренбургскій и Уральскій *Антоній*.

г) грузинскій экзархатъ:

Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій *Евсевій*.

Каеедра въ Тифлисѣ.

Викарій:

Епископъ Горійскій

1. Епископъ Имеретинскій *Гавріилъ*.
2. — Мингрельскій *Геронтій*.
3. — Гурійскій *Гавріилъ*.
4. — Абхазскій

ПРЕОСВЯЩЕННЫЕ, ЖИВУЩІЕ НА ПОКОѢ:

Архіепископы:

1. *Евгеній*, бывшій Ярославскій, Членъ Св. Сѵнода и Присутствующій въ Московской Сѵнодальной Конторѣ.

Мѣстопребываніе въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

2. *Ириней*, бывшій Иркутскій.

Мѣстопребываніе въ Толгскомъ монастырѣ Ярославской епархіи.

3. *Антоній*, бывшій Минскій.

Мѣстопребываніе близъ Минска, въ урочищѣ Пустынька.

4. *Евлампій*, бывшій Тобольскій.

Мѣстопребываніе въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ.

5. *Гавріилъ*, бывшій Рязанскій и Зарайскій.

Мѣстопребываніе въ Рязанскомъ Ольговѣ монастырѣ.

6. *Павелъ*, бывшій Черниговскій и Нѣжинскій.

Мѣстопребываніе въ Переяславскомъ монастырѣ Владимірской Епархіи.

7. *Анатолій*, бывшій Могилевскій и Мстиславскій.

Мѣстопребываніе въ Мозоловскомъ монастырѣ Могилевской Епархіи.

8. *Иліодоръ*, бывшій Курскій и Бѣлгородскій.

Епископы:

9. *Иннокентій*, бывшій Екатеринославскій.

Мѣстопребываніе въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

10. *Николай*, бывшій Тамбовскій.

Мѣстопребываніе въ Предтеченскомъ Трегуляевѣ монастырѣ Тамбовской епархіи.

11. *Іеремія*, бывшій Нижегородскій.

Мѣстопребываніе въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ.

12. *Іоанникій*, бывшій Кавказскій.

Мѣстопребываніе въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ Черниговской епархіи.

13. *Іоаннъ*, бывшій Гурійскій.

Мѣстопребываніе въ Гаенатскомъ монастырѣ Имеретинской епархіи.

14. *Германъ*, бывшій Имеретинскій.

15. *Іона*, бывшій Екатеринбургскій.

VI.

Іерархія острова Кипра.

Блаженнѣйшій и Святый Архіепископъ Новой Юстиніаны и всего Кипра *Макарій*, независимый отъ Патріярховъ.

Каѳедра въ Никосіи.

Епископы:

1. Паѳосскій *Харитонъ*.

Каѳедра въ Хрисороатисѣ.

2. Китійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Ларнакѣ.

3. Киринійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ монастырѣ св. великомученика Пантелеимона.

VII.

Іерархія церкви въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Блаженнѣйшій и Святый Патріархъ Сербскій, всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Сербскаго и Валахійскаго народа Митрополитъ, Архіепископъ Карловацкій *Іосифъ Раячичъ*.

Каѳедра въ Карловцахъ, въ Сремѣ.

Епископы:

1. **Арадскій, Велико-Варадинскій, Іенопольскій и Халмачскій *Прокопій Ивачковичъ*.**
   Каѳедра въ Арадѣ, въ Венгріи.

2. **Бачскій и Сегединскій *Платонъ Аѳонацковичъ*.**
   Каѳедра въ Новомъ-Садѣ, въ Венгріи.

3. **Будимскій, Свято-Андрейскій, Пештанскій, Стольно-Бѣлградскій, Мохачскій и Сигедскій *Арсеній Стойковичъ*.**
   Каѳедра въ Сентъ-Андрей, въ Венгріи.

4. **Буковинскій *Евгеній Гакманъ*.**
   Каѳедра въ Черновцѣ, въ Буковинѣ.

5. **Вершацкій, Лугошскій, Каранъ-Себешскій, Оршавскій и Мехадійскій** ***Емиліанъ Кенгелацъ.***
Каѳедра въ Вершцѣ, въ Банатѣ.

6. **Далматинскій и Бокко-Котторскій** ***Стефанъ Княжевичъ.***
Каѳедра въ Зарѣ.

7. **Карлштадскій, Костайницкій, Корбавскій и приморскихъ городовъ: Тріеста, Рѣки и Сеня Митрополитъ** ***Петръ Іоанновичъ.***
Каѳедра въ Плашкахъ, въ Кроаціи.

8. **Пакрачскій, Славонійскій, Пожегскій и всего Генералата Вараздинскаго** ***Стефанъ Крагуевичъ.***
Каѳедра въ Пакрацѣ, въ Славоніи.

9. **Темишварскій, Липовскій, Велико-Бечкерекскій и Панчевскій** ***Самуилъ Машировичъ.***
Каѳедра въ Темишварѣ.

10. **Трансильванскій** ***Андрей Шагуна.***
Каѳедра въ Германштадтѣ.

ЖИВУЩІЙ НА ПОКОѢ:

Венедиктъ Кралевичъ, **бывшій Епископъ Далматинскій.**
Мѣстопребываніе въ Венеціи.

VIII.

Іерархія горы синайской.

Блаженнѣйшій Архіепископъ Синая......
Мѣстопребываніе на Принцевыхъ островахъ.

IX.

Іерархія черной горы.

Митрополитъ Скандеріи и Морскаго Берега, Архіепископъ Цетинскій, Экзархъ Священнаго Престола Пекскаго, Владыка Черногорскій и Бердскій....

X.

Іерархія еллинская.

Священный Еллинскій Сунодъ въ Аѳинахъ.

Митрополитъ:

1. Аѳинскій (онъ же Архіепископъ Аттическій, Мегаридскій и Егинскій) *Неофитъ* (*Метаксасъ*).

Каѳедра въ Аѳинахъ.

Епископъ:

2. Ѳивскій и Левадійскій *Досиѳей* (*Асимакидисъ*).

Каѳедра въ Ѳивахъ.

Архіепископъ:

3. Халкидскій и Ксирохорійскій *Каллиникъ* (*Кампанисъ*).

Каѳедра въ Халкидѣ.

Епископъ:

4. Каристійскій и острова Скиро *Макарій* (*Калліархисъ*).

Каѳедра въ Кимѣ.

Архіепископъ:

4. Фѳіотидскій и Локридскій *Каллиникъ* (*Касторхисъ*).

Каѳедра въ Ламіи.

Епископъ:

6. Фокидскій, Парнасидскій и Доридскій *Даніилъ* (*Молохадисъ*).

Каѳедра въ Амфиссѣ.

Архіепископъ:

7. Акарнанійскій и Этолійскій *Ѳеофилъ* (*Влахопападопулосъ*).

Каѳедра въ Миссолонги.

Епископъ:

8. Евританійскій *Анѳимъ.*

Каѳедра въ Навпактѣ.

Архіепископы:

9. Арголидскій *Герасимъ* (*Пагонисъ*).

Каѳедра въ Навпліи.

10. Коринѳскій *Амфилохій* (*Гарделисъ*).

Каѳедра въ Коринѳѣ.

11. Идрскій, Спеційскій, Ерміонидскій и Тризинійскій *Неофитъ* (*Константинидисъ*).

Каѳедра въ Идрѣ.

Архіепископъ:

12. Патрскій и Илійскій *Мисаилъ* (*Апостолидисъ*).

Каѳедра въ Патрахъ.

Епископъ:

13. Калавритскій и Егалійскій *Варѳоломей.*

Каѳедра въ Калавритахъ въ Мореѣ.

Архіепископъ:

14. **Мантинійскій и Кинурійскій** ***Ѳеофанъ*** **(*Сіатистевсъ*).**

Каѳедра въ Триполѣ.

Епископъ:

15. **Гортинскій и Мегалопольскій** ***Филоѳей.***

Каѳедра въ Гортинѣ (Каритенѣ).

Архіепископъ:

16. **Мессинійскій, Каламскій и Милійскій** ***Прокопій*** **(*Георгіадисъ*).**

Каѳедра въ Каламахъ.

Епископъ:

17. **Трифилійскій и Олимпійскій** ***Григорій*** **(*Ротасъ*).**

Каѳедра въ Кипариссіи.

Архіепископъ:

18. **Монемвасійскій и Спартанскій** ***Діонисій*** **(*Сасанасъ*).**

Каѳедра въ Спартѣ.

Епископы:

19. **Гиѳійскій** ***Іероѳей.***

Каѳедра въ Гиѳіонѣ.

20. **Итильскій** ***Прокопій.***

Каѳедра въ Итилѣ.

Архіепископъ:

21. **Кикладскій (Сиро, Тино и Мило)** ***Даніилъ*** **(*лично Митрополитъ*).**

Кадедра въ Ермополѣ.

Епископы:

22. **Андросскій (Андро и Кеа)** ***Митрофанъ*** **(*Икономидисъ*).**

Каѳедра въ Андросѣ.

23. Наксосскій ***Парѳеній*** **(*Акиласъ*)**

Каѳедра въ Наксосѣ.

24. Ѳирскій...

Каѳедра въ Ѳирѣ (Санторино).

Епископы, живущіе на покоѣ:

***Самуилъ*, бывшій Эгинскій.**

***Макарій*, бывшій Асинскій.**

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о современномъ религіозномъ состояніи протестантской Германіи на основаніи свидѣтельства объ этомъ самихъ протестантовъ.

Произносить судъ о какомъ бы то ни было предметѣ, на основаніи лишь поверхностныхъ наблюденій его, неразумно; судить же и осуждать нравственно-религіозное состояніе цѣлой страны, безъ призванія, а тѣмъ болѣе безъ достаточныхъ данныхъ для сужденія, преступно. Наставленіе Спасителя: *не судите, да не судими будете*, ближе всего относится къ легкомысленному сужденію именно о томъ, что составляетъ дѣло собственной совѣсти каждаго. Что въ самомъ, повидимому, набожномъ фарисеѣ нерѣдко кроется закоренѣлый безбожникъ, и что въ отъявленномъ злодѣѣ живетъ иногда будущій сосудъ божественной благодати и свѣтило Христовой Церкви, —это извѣстно изъ первыхъ страницъ исторіи Христіанства, и должно было бы каждаго, желающаго бросить камень на ближняго, заставить напередъ строго обдумать то, за что онъ берется.

По счастію, русскій человѣкъ, такъ много отличающійся отъ другихъ европейцевъ въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, обладаетъ и этою великодушною наклонностію, которая часто ставится ему въ упрекъ, которая однакожъ отнюдь не унижаетъ ни христіанскаго, ни вообще

человѣческаго его достоинства,—это именно наклонностію замѣчать въ иностранной жизни скорѣе хорошія и пріятныя, чѣмъ дурныя и непріятныя стороны, и легко увлекаться первыми, не взвѣсивъ достаточно послѣднихъ: наклонность, правда, простирающаяся нерѣдко до крайности и въ такомъ случаѣ, какъ всякая крайность, конечно вредная и достойная сожалѣнія.

Путешествовавшіе по протестантской-Германіи любятъ разсказывать о солидномъ теченіи жизни нѣмцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, объ ихъ разумномъ участіи въ дѣлахъ общественныхъ, объ ихъ успѣхахъ по части наукъ, искусствъ, промышленности, объ идеальности ихъ семейнаго быта, объ отсутствіи между ними нищихъ и бродягъ, и т. д. А такъ какъ русскіе за границею изъ любопытства заходятъ между прочимъ и въ протестантскіе храмы, любятъ иногда послушать хорошаго проповѣдника и бываютъ не прочь потолковать о дѣлахъ Вѣры: то изъ этихъ разсказовъ не малая доля выпадаетъ и на счетъ религіозныхъ впечатлѣній. Готическій, полуосвѣщенный храмъ; отсутствіе въ немъ всякихъ слѣдовъ земнаго блеска и всякихъ украшеній; чинныя собранія вѣрующихъ, съ молитвенниками въ рукахъ задумчиво расположившихся на голыхъ скамьяхъ храма; ихъ общее пѣніе подъ медленные звуки хорошаго органа; появленіе на каѳедрѣ, одѣтой въ черномъ, обыкновенно скромной фигуры пастора, его благоговѣйная молитва отъ имени собранія, при этомъ обыкновенно встающаго со скамей и смолкающаго такъ, что кажется слышно біеніе сердца молящагося; его образованная рѣчь, одушевленная нерѣдко неподдѣльною любовію ко благу паствы — вотъ впечатлѣнія, иногда такъ сильно дѣйствующія на доброе и издѣтства набожное сердце русскаго, что онъ уми-

ляется до слезъ и отъ души готовъ съ протестантами молиться Богу. А тутъ, внѣ храма,—въ самомъ городѣ, то встрѣчается протестантская сестра милосердія, торопливо идущая въ сиротскую школу или къ постели умирающаго бѣдняка, то разнощикъ библій и другихъ назидательныхъ книгъ, за ничтожную цѣну кротко предлагающій сокровище Слова Божія; а тамъ — за городомъ, какъ нарочно попадается на глаза учитель народнаго училища, или же и самъ пасторъ, окруженный толпою веселыхъ мальчиковъ и въ дружеской бесѣдѣ съ ними поучающій ихъ единому на потребу: и вотъ всѣ эти и другія подобныя явленія протестантскаго міра, тѣмъ неотразимѣе дѣйствующія на воображеніе, чѣмъ они новѣе и неожиданнѣе, такъ поражаютъ воспріимчивый умъ и подвижной темпераментъ русскаго человѣка, что онъ не знаетъ, чтó наконецъ ему и думать о своемъ древнемъ Православіи и чужомъ, опасномъ протестантизмѣ, и потомъ, возвратившись къ себѣ въ отечество, дѣйствительно долго думаетъ и часто разсказываетъ о благочестивыхъ, удивительныхъ нѣмцахъ!

Добрая черта русскаго характера, такъ способнаго къ безпристрастному исполненію апостольскаго совѣта: *все испытывайте, хорошаго держитесь!* Если уже Промыслъ приводитъ кого либо въ сношенія съ иностранцами и иновѣрцами, кто бы они ни были, то съ христіанскимъ настроеніемъ согласнѣе, благороднѣе и во всѣхъ отношеніяхъ благотворнѣе, хотя и не зная ихъ хорошо, замѣчать въ нихъ все хорошее и съ этой стороны понимать ихъ жизнь, нежели, зная ихъ еще меньше или даже вовсе не зная, намѣренно или ненамѣренно видѣть въ нихъ только дурное и отзываться объ нихъ только съ этой стороны. Этою послѣднею мѣрою чаще всего

отмѣриваютъ намъ православнымъ нѣмецкіе богословы и пасторы. При всемъ ихъ углубленіи въ Слово Божіе и при всей энергіи ихъ пастырской дѣятельности, чувство чести и совѣсти нисколько имъ не мѣшаетъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, продолжать публично и печатно называть нашу православную Церковь *отжившею, засохшею въ своихъ обрядовыхъ формахъ, омертвѣвшею Церковію.* Даже наиболѣе либеральные богословы, и въ этомъ качествѣ пользующіеся большою извѣстностію и авторитетомъ въ ученомъ протестантскомъ мірѣ, подробнѣе характеризуютъ религіозное состояніе вообще всѣхъ православныхъ славянъ, напримѣръ, буквально въ такихъ чертахъ:

«Религія для славянъ есть не болѣе, какъ внѣшняя дисциплина, въ самомъ благопріятномъ случаѣ имѣющая значеніе только какъ приготовленіе къ Христіанству. Внутренняя религіозная сосредоточенность и научное углубленіе у нихъ мало встрѣчаются; очень чувственная, основная черта характера славянской національности, особенно обнаруживается въ религіозной области; греческое богослуженіе имѣетъ оттѣнокъ почти матеріалистическій; образа, церемоніи, драматическія сцены, символическія изображенія смѣняются въ немъ въ самыхъ различныхъ видахъ. Слова, живаго и прямо идущаго отъ сердца и совѣсти, у нихъ почти нѣтъ. Объ религіозномъ обученіи народа и рѣчи быть не можетъ. Глухой застой въ ученіи, въ богослуженія и въ управленіи, духовенство лишено всѣхъ условій умственной возбужденности и духовнаго достоинства. Можно сказать, что у славянскихъ народовъ Христіанство по большей части *окристаллизовалось:* ist crystallisirt.» (Allgemeine Kirchliche Zeitschrift von Prof. Dr. Schenkel. Erstes Heft. S. 10. Elberfeld, 1860.)

Въ ораторскихъ произведеніяхъ протестантскимъ про-

противникамъ особенно нравится изображать насъ подъ видомъ дикой маслины, къ которой рука цивилизаціи должна привить благородный ростокъ съ цвѣтущаго дерева германской (т. е. протестантской) жизни (¹). Впрочемъ, слыша такіе нелестные отзывы о себѣ, православный могъ бы, если бы только это было по христіански, нѣсколько утѣшиться тѣмъ, что въ устахъ протестантскихъ богослововъ такіе отзывы составляютъ чуть не похвалу сравнительно съ тѣми выраженіями, какими они, можно сказать, прямо въ глаза въ ученыхъ трудахъ своихъ преслѣдуютъ римскую церковь. Для этой церкви они и въ будущемъ не могутъ представить себѣ ничего сколько нибудь христіанскаго: *гнилая яма*, *тлѣющій трупъ*, *зараза всѣхъ сторонъ общественной и частной жизни* — вотъ ихъ энергическая терминологія на счетъ папы, іезуитовъ и всѣхъ ультрамонтановъ, къ которымъ для нихъ по необходимости относятся всѣ паписты, добросовѣстно исполняющіе постановленія своей церкви.

При всемъ томъ однакожъ, что нѣмецкій протестантизмъ такъ категорически судитъ и осуждаетъ другія христіанскія вѣроисповѣданія и въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ представляется иногда великодушному наблюденію иностраннаго путешественника, состояніе его въ Германіи отнюдь не такъ вожделѣнно, какъ кажется, и едва ли когда такъ серьезно озабочивало церковныя протестантскія правительства, какъ оно озабочиваетъ ихъ въ настоящее время.

Мы не думаемъ погрѣшить противъ христіанской любви къ иновѣрнымъ братьямъ нашимъ, указывая на суще-

---

(¹) Напр. въ брошюрѣ: Wesen und Untershied von Katholicismus und Protestantismus von Schaub; Heidelberg. 1860 S. 34.

ствующее у нихъ нравственно-религіозное зло, не по личнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ, всегда болѣе или менѣе пристрастнымъ и поверхностнымъ, а по тому, какъ они сами испытываютъ и изображаютъ его. Для русскаго это указаніе есть долгъ предъ отечественною Церковію, особенно въ такое время, когда умственное движеніе и личная свобода—эти два существенные элемента нравственно-религіозной жизни, возбужденные отчасти подъ вліяніемъ вѣянія изъ Европы, выступаютъ на первый планъ и въ новомъ видѣ готовы сложиться въ основаніе народной русской жизни: если когда, то въ такое время для Церкви особенно важно напоминаніе о томъ, чтó можетъ ожидать ее въ послѣдствіи времени, если это основаніе будетъ выработано и положено безъ прямаго участія и благословенія Церкви, безъ вліянія того Духа, которымъ въ нравственной народной жизни еще больше, чѣмъ въ физической, все живетъ, движется и существуетъ.

Протестантскія духовныя правительства, сказали мы, въ послѣднее время особенно озабочены нравственно-религіознымъ состояніемъ Германіи,—и есть почему озаботиться. Зло, лежащее въ основномъ началѣ самаго протестантизма, то есть, въ личномъ, совершенно свободномъ изслѣдованіи Слова Божія, другими словами: въ отверженіи всякаго на землѣ Божественнаго авторитета, слѣдовательно всякаго положительнаго Откровенія, — со всѣми послѣдствіями своими начинаетъ выступать наружу только въ послѣднее время; послѣдній плодъ этого независимаго изслѣдованія — рѣшительное невѣріе, сѣмена котораго съ церковныхъ каѳедръ такъ обильно сѣялись въ прошломъ и первой четверти нынѣшняго столѣтія, только теперь начинаетъ созрѣвать собственно въ народ-

ныхъ массахъ; опустошеніе, произведенное имъ въ умахъ и сердцахъ нѣкогда дѣйствительно простодушныхъ и набожныхъ нѣмцевъ, только теперь съ ужасающею послѣдовательностію проникаетъ во всѣ слои протестантскаго общества. Все, чтó въ первоначальномъ протестантизмѣ, въ первыхъ реформаторахъ оставалось истинно-христіанскаго, въ настоящее время большинствомъ безъ всякихъ околичностей признается остаткомъ католическихъ суевѣрій, данью слабостямъ человѣческой природы, — и отвергается, какъ явное противорѣчіе болѣе мудрому будто бы современному, господствующему повсюду духу времени. А это и есть именно тотъ духъ отрицанія, для котораго не существуетъ ни души человѣческой, какъ чего-то независимаго отъ тѣла, ни грѣха, ни слѣдовательно спасенія и Спасителя міра, для котораго вся система общественной нравственности; весь порядокъ гражданскаго и семейнаго быта, вся цѣль ежедневныхъ предпріятій и трудовъ — опредѣляются наибóльшею долею матеріальнаго блага, наилучшимъ удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей цѣлыхъ обществъ и каждаго человѣка въ частности. Все, чтó возвышаетъ человѣка надъ этою животною сферою, чтó напоминаетъ о долгѣ совѣсти, о Богѣ, о будущей жизни, чтó даетъ миръ душѣ и внутреннее счастіе среди всѣхъ превратностей жизни, чтó связуетъ общество самыми крѣпкими и вѣчными узами любви и единенія въ Богѣ—все это для большей части народныхъ массъ есть вредный призракъ воображенія, развращеннаго Библіею и духовенствомъ, есть злонамѣренная ложь, отрава истиннаго счастія человѣческаго рода.

Протестантскія церковныя правительства давно предвидѣли приближеніе этой опасности, и съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, именно со времени благотворнаго

толчка, даннаго всему нѣмецкому протестантизму Шлейермахеромъ и его школою, истощали и истощаютъ всѣ усилія къ возрожденію въ Германіи тѣхъ христіанскихъ убѣжденій, какими будто бы дышалъ періодъ реформаціи. Но ни *библейски-церковное, болѣе и болѣе усиливающееся направленіе и ревностная дѣятельность современнаго протестантскаго духовенства;* ни множество замѣчательныхъ богословскихъ факультетовъ при нѣмецкихъ университетахъ, защищающихъ достоинство и права богословія противъ матеріализма; ни повсюдное существованіе народныхъ школъ, широко открытыхъ вліянію мѣстныхъ пасторовъ; ни *общество Густава Адольфа*, при недавности своего существованія (съ 1833 г.), вліяніемъ своимъ успѣвшее оцѣпить весь протестантскій міръ въ самыхъ отдаленныхъ его предѣлахъ; ни ежегодные *сеймы протестантскихъ представителей всѣхъ націй* для совѣщаній о дѣлахъ вѣры и церкви на такъ называемыхъ Kirchentag (съ 1848 г.), ни усилія *внутренней миссіи*, съ учрежденія этого сейма и подъ его вліяніемъ стремящейся учеными средствами и благотворительными учрежденіями возбудить въ Германіи сочувствіе къ интересамъ Христіанства; словомъ — ничто не въ силахъ болѣе защитить массы народа отъ опустошенія, первая искра котораго лежитъ въ самомъ зародышѣ протестантизма и со всѣхъ сторонъ болѣе и болѣе раздувается современнымъ движеніемъ во всѣхъ сферахъ европейской жизни, и въ политической, и въ учено-литературной, и въ промышленной.

Въ какой степени это сужденіе справедливо, можно видѣть изъ двухъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ *Церковно-Евангелической* (¹) *Кон-*

(¹) Слово: *евангелическій* (христіанинъ, церковь, собраніе и т. п.)

ференціи, которая лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ организована изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ *всѣхъ протестантскихъ странъ Германіи* и ежегодно имѣетъ свои собранія въ Эйзенахѣ. Это свидѣтельство, какъ церковно-политическій документъ, относящійся ко всей современной Германіи, въ нашемъ вопросѣ имѣетъ особенную важность. Оно напечатано въ Protokolle der deutschen evangelischen Kirchen-Conferenz in Eisenach, abgehalten von 30 Juni bis 7 Julis 1859, S. 80—142. Другое свидѣтельство заимствовано совсѣмъ изъ противоположной стороны протестантскаго общества, изъ частныхъ замѣтокъ Colporteur'а—разнощика библій, сообщенныхъ имъ въ редакцію самаго древняго въ Германіи и весьма распространеннаго церковнаго журнала: Allgemeine Kirchenzeitung, издаваемаго въ Дармштадтѣ. Это послѣднее свидѣтельсвво замѣчательно не только потому, что Allgemeine Kirchenzeitung состоитъ подъ главнымъ надзоромъ дармштадтскаго Прелата, доктора Циммерманна и совершенно вопреки своему обыкновенію даетъ гласность статьѣ, крайне не лестной для протестантизма, но и особенно потому, что предъ авторомъ, какъ человѣкомъ наученымъ и неоффиціальнымъ, протестантское общество открываетъ себя у себя въ домѣ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ предъ пасторомъ въ храмѣ или при другихъ особенныхъ случаяхъ. Оно помѣщено въ 85 и 86 номерахъ указаннаго журнала за 1860 годъ.

въ нѣмецкой литературѣ прилагается безразлично какъ къ лютеранамъ, такъ и къ кальвинистамъ; большая часть и тѣхъ и другихъ, не отказываясь отъ частныхъ разностей въ догматическомъ ученіи, съ 1817 года на основаніи аугсбургскаго вѣроисповѣданія, какъ извѣстно, соединилась въ такъ называемую *Евангелическую Соединенную Церковь*.

Мы передадимъ по возможности буквальный переводъ этихъ свидѣтельствъ съ нѣкоторыми сокращеніями.

I.

Поводомъ для евангелической церковной конференціи, въ послѣднемъ засѣданіи ея (въ 1860 году эта конференція не собиралась), къ разсужденію о современномъ состояніи протестантизма послужило сдѣланное ей предложеніе Королевско-Саксонскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ—обсудить *степень христіанскаго просвѣщенія въ нѣмецкой евангелической церкви и указать долгъ церковныхъ правительствъ въ этомъ отношеніи*. Референтами по этому важному вопросу назначены были пользующіеся справедливо авторитетомъ въ евангелическихъ обществахъ главный придворный проповѣдникъ въ Дрезденѣ докторъ Liebner и по своимъ ученымъ и литературнымъ духовнымъ трудамъ весьма популярный въ Германіи прелатъ великаго герцогства Баденскаго докторъ Ullmann. Оба они составили и прочитали въ Конференціи весьма подробно доклады, сполна напечатанные въ помянутомъ нами протоколѣ.

И тотъ и другой докладъ, въ существѣ рѣшенія вопроса вполнѣ согласные между собою, раздѣляется на двѣ части: одну преимущественно теоретическую, излагающую факты, относящіеся къ данной тэмѣ,—другую, преимущественно практическую, изъ этихъ фактовъ выводящую практическія задачи для церковнаго правительства. Вотъ главные изъ этихъ фактовъ по докладу доктора Либнера, имѣющіе отношеніе къ нашему предмету:

«Первый фактъ есть — по истинѣ изумительное невѣ-

жество какъ образованнаго, такъ и необразованнаго класса въ томъ, чтó существенно относится къ Христіанству и Церкви и вообще къ религіи, — невѣжество не только отрицательное, то есть, *отсутствіе христіанскихъ понятій*, но и положительное, то есть, *господство понятій* чуждыхъ Христіанству, понятій *языческихъ и іудейскихъ*. Это невѣжество исходитъ отъ ложнаго пониманія Лица Христа Спасителя, которое совпадаетъ или съ евіонитскимъ лжеученіемъ о Немъ, какъ о простомъ человѣкѣ, или въ наилучшемъ случаѣ съ аріанскимъ лжемудрствованіемъ о Немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно одаренномъ свыше. А это ложное пониманіе Лица Христа Спасителя въ свою очередь находится въ тѣснѣйшей связи съ понятіемъ о Богѣ, о мірѣ и объ отношеніи міра къ Богу: здѣсь — съ одной стороны господствуетъ популярный деизмъ, съ другой столько же популярный пантеизмъ, соединеніе которыхъ въ полупантеистическихъ системахъ такъ называемые образованные люди считаютъ послѣднею мудростію богословія и, хотя они настаиваютъ на ученіе о Богѣ, какъ объ абсолютной личности, въ существѣ дѣла однакожъ не вѣрятъ ни въ деизмъ, ни въ пантеизмъ. Отсюда же съ необходимостію вытекаетъ и также господствуетъ ложное понятіе о грѣхѣ, который состоитъ будто бы въ неизбѣжной недостаточности ограниченнаго существа, въ естественной борьбѣ различныхъ потребностей организма его, изъ которыхъ будто бы только и можетъ слагаться и развиваться его жизнь, — и который не имѣетъ въ себѣ ничего собственно грѣховнаго, виновнаго и нечистаго, чтó нуждалось бы въ искупленіи, примиреніи и обновленіи; далѣе — ложное понятіе объ искупленіи, оправданіи и вообще обо всѣхъ моментахъ истиннаго Христіанства: *вотъ въ какихъ антихристіан-*

всякаго убѣжденія отрекается христіанское сословіе христіанскаго общества! Эти-то убѣжденія въ народномъ сознаніи успѣли сложиться въ своего рода систему, которая, выбравъ изъ христіанскаго ученія, что ей казалось подходящимъ, и отбросивъ все остальное, стоитъ совершенно внѣ дѣйствительнаго Христіанства и съ своей точки зрѣнія судитъ и рядитъ о Церкви и Христіанствѣ.»

Все это ученый богословъ сокращенно выражаетъ въ такомъ результатѣ: «нѣмецкое протестантское христіанство въ большей части своихъ членовъ не понимаетъ болѣе своего отечества — реформаціи. Все, что Лютеръ и его сподвижники имѣли здраваго въ понятіяхъ о Богѣ, грѣхѣ, Спасителѣ и спасеніи, что вызвало ихъ на борьбу съ злоупотребленіями папства, все это нынѣ считается ихъ слабою стороною, остатками ихъ суевѣрія. Какъ велико бѣдствіе церкви отъ такого положительнаго невѣжества, видно бываетъ всякой разъ, когда, напримѣръ, какое нибудь живое, выходящее изъ глубины Евангелія движеніе успѣетъ показаться на свѣтъ и затронуть народную среду: въ обществѣ тотчасъ обнаруживается недовѣріе, тотчасъ оно видитъ посягательство на просвѣщеніе, свободу народа» и т. п.

Между причинами такого жалкаго состоянія христіанскаго просвѣщенія между протестантами докторъ Либнеръ считаетъ долгомъ указать преимущественно на другой важный фактъ — на распространеніе популярныхъ изложеній философскихъ системъ позднѣйшаго времени и — стоящаго въ тѣсной связи съ философіею міровоззрѣнія такъ называемыхъ героевъ нѣмецкой національной литературы. «Какъ ни велико уваженіе, какого заслуживаетъ новѣйшая и преимущественно нѣмецкая философія, однако нельзя не согласиться, что она сдѣлалась популярною не

столько въ ея глубинѣ и въ томъ положительномъ содержаніи, которое отчасти соприкасается съ Христіанствомъ, сколько во второстепенныхъ отрицательныхъ элементахъ, — сдѣлалась умственнымъ достояніемъ нашего как образованнаго, такъ и необразованнаго класса народа, *которое онъ называетъ своимъ умомъ и которое*, говоритъ онъ, *не позволяетъ ему вѣрить въ Христіанство такъ, какъ оно дано въ Словѣ Божіемъ*, между тѣмъ какъ этотъ умъ его не есть умъ человѣка, созданнаго по образу Божію, но умъ, впечатлѣнный извнѣ, частица или лучше помраченное преданіе вольфовскаго, кантовскаго, гегелевскаго и т. п. ума, наилучшимъ образомъ приспособленнаго къ естественнымъ потребностямъ человѣка. Тысячи думаютъ формами этого ума и не могутъ иначе думать, хотя сами того не сознаютъ, и вовсе не догадываются, откуда имъ премудрость сія. Тоже должно сказать о міровоззрѣніяхъ героевъ нѣмецкой литературы. И изъ этого сокровища народъ усвоилъ себѣ въ плоть и кровь не столько великое и лучшее, сколько малое и дурное. И этимъ-то силамъ пасторы, богословы, церковные правители такъ долго предоставляли вырабатывать духовную народную субстанцію, и съ своей стороны не только не сдѣлали ничего равносильнаго и равноважнаго, что бы могло противодѣйствовать этимъ силамъ, но отчасти и сами увлечены были ихъ вліяніемъ...»

Докторъ Либнеръ, въ дальнѣйшемъ изложеніи своего отчета, утѣшаетъ себя и Конференцію *лучшимъ направленіемъ современнаго протестантскаго духовенства, особенно же богатыми средствами новѣйшаго богословія, вообще говоря, строго основаннаго на глубокомъ изученіи Слова Божія, церковныхъ символическихъ книгъ и современныхъ потребностей общества*, и всю историческую часть своего отчета заключаетъ такъ: «короче сказать:

великой недостатокъ христіанскаго просвѣщенія въ обществѣ очевиденъ; но съ другой стороны уже готово и богословіе, дающее возможность восполнить этотъ недостатокъ. Поелику же между богословіемъ и обществомъ—пропасть непроходимая; то задача состоитъ въ томъ: какъ осуществить ихъ соединеніе, *какъ это богословіе ввести въ народное сознаніе?»*

Краткое указаніе средствъ этого соединенія, весьма подробно разсмотрѣнныхъ Референтами, евангелическая церковная конференція выразила въ слѣдующемъ, единогласно принятомъ всѣми ея членами (около 25 высшихъ протестантскихъ духовныхъ сановниковъ Германіи), общемъ заключеніи по изложенному предмету:

«Конференція, по выслушаніи богатыхъ содержаніемъ отчетовъ гг. Референтовъ, проникнутая важностію обсужденнаго ими предмета, объявляетъ свое согласіе съ этимъ содержаніемъ въ томъ смыслѣ, что если всегда и вездѣ существенную обязанность и задачу церковнаго правительства составляло поощреніе всѣми зависящими отъ него средствами распространенія основательнаго и живаго, *библейски-церковнаго* познанія въ церкви и школѣ; то въ настоящемъ времени и въ современныхъ отношеніяхъ христіанскаго общества лежитъ особенное, всегда возобновляющееся побужденіе къ исполненію этой обязанности. Выражая свою почтительнѣйшую благодарность Королевско-Саксонскому Церковному Правительству за это, изъ устъ союзнаго церковнаго правительства особенно важное напоминаніе, Конференція объявляетъ свое согласіе и съ тѣмъ, чтобы не только вѣрно пользоваться существующими въ общинахъ средствами къ распространенію Слова Божія, каковы: проповѣдь, толкованіе Библіи, катехизація, христіанское наставленіе юношества въ

низшихъ и особенно въ высшихъ школахъ, — но чтобы поощрять и тѣ средства, которыя имѣютъ цѣлію—постоянное продолженіе научнаго углубленія духовенства (der Lehrstandes) въ богатство Слова Божія, особенно же поощрять *регулярныя собранія богословскихъ конференцій пасторовъ и кандидатовъ на пасторство*». (Protocolle der deutschen evangelischen Kirchen-Conferenz in Eisenach, abgehalten vom 30 juni bis 7 juli 1859, s. 21. 22).

2.

Черты изъ жизни колпортёра (разнощика библій) *въ одномъ изъ второстепенныхъ городовъ Германіи* ([1]).

Въ прекрасное лѣтнее утро, оставивши свой родной очагъ, съ тяжелою ношею, состоявшею изъ христіанскихъ назидательныхъ книгъ и картинокъ, приближался я къ одному богатому фабричному городу, имѣющему около 8,000 жителей, чтобы, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь, раскинуть мою мрежу и чрезъ распространеніе христіанскихъ назидательныхъ сочиненій дѣйствовать во славу Его царства. Побѣдивши первыя затрудненія изъ за полицейскаго позволенія для своихъ занятій въ городѣ и нашедши для себя пристанище, которое милосердый Спасъ и Господь мой указалъ мнѣ въ одномъ христолюбивомъ семействѣ, я въ полдень отправился на свой подвигъ.

([1]) Сама редакція вышеупомянутаго журнала, изъ котораго заимствована эта статья, замѣчаетъ, что авторъ ея принадлежитъ къ числу кроткихъ, христолюбивыхъ простолюдиновъ, который очевидно безъ всякой искуственности записалъ то, что самъ испыталъ. Страна, въ которой онъ трудится, относится къ средней Германіи.

Разнощикъ стучится въ дверь (для краткости Allgemeine Kirchen-Zeitung передаетъ разсказъ разнощика въ 3-мъ лицѣ). Ему отвѣчаютъ: войдите.

Онъ входитъ съ кипою картинъ въ рукахъ и съ мѣшкомъ книгъ на спинѣ, и предлагаетъ библіи, новые завѣты и цѣлый выборъ наилучшихъ христіанскихъ молитвословъ и другихъ назидательныхъ книгъ, начиная съ цѣлыхъ собраній проповѣдей до самыхъ небольшихъ статей цѣною въ одинъ пфеннигъ (около полушки). Разнощику съ удивленіемъ смотрятъ въ лицо и отвѣчаютъ коротко и ясно: намъ не нужно Слово Божіе, оно уже есть у насъ.

Разнощикъ вѣжливо спрашиваетъ: не нуженъ ли имъ можетъ быть молитвословъ, чтобы утромъ и вечеромъ всѣмъ вмѣстѣ по нему молиться Богу, просить Его о своихъ нуждахъ и благодарить за всѣ благодѣянія, которыя Онъ ежедневно и такъ щедро изливаетъ на насъ?

Хозяинъ дома отвѣчаетъ: намъ некогда молиться; утромъ рано всѣ принимаются за свою работу и работаютъ, пока опять не лягутъ въ постель; на другой день повторяется тоже.

Разнощикъ: но развѣ у васъ нѣтъ времени для принятія пищи? Развѣ вы не завтракаете, не обѣдаете и не ужинаете? Отъ чего же вы о тѣлѣ заботитесь, а о безсмертной душѣ вашей готовы совсѣмъ забыть?

Нѣсколько смущенный и по видимому обличаемый своею совѣстію хозяинъ отвѣчаетъ: да, вы правы; но утренняя и вечерняя молитва совсѣмъ вышла изъ употребленія; объ ней никто не думаетъ; по окончаніи работъ всѣ спѣшатъ или веселиться или прямо спать.

Разнощикъ: развѣ не безразсудно съ нашей стороны такъ безпечно жить для одного земнаго, день и ночь

мучиться изъ за того, что достанется въ пищу червямъ, и не думать о спасеніи нашей души?

Домохозяинъ остается при томъ, что у нихъ вовсе нѣтъ времени для молитвы и чтенія библіи. Разнощикъ отправляется дальше и стучится у дверей другаго дома.

Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ, какъ и въ первомъ домѣ, предлагаетъ свой товаръ, и снова ему отвѣчаютъ: мы не нуждаемся въ Словѣ Божіемъ и молитвословахъ; у насъ на верху цѣлые ящики и корзины съ книгами, и никто ихъ не читаетъ. Разнощикъ проситъ изъ большаго собранія ихъ назидательныхъ книгъ показать ему хоть одну. На это охотно соглашаются, но не находятъ въ комнатѣ ни одной книги. Наконецъ хозяйка дома приноситъ пачку журналовъ — политическихъ, историческихъ, и между ними одинъ религіознаго содержанія; выраженіе довольнаго лица ея показываетъ, что она высоко цѣнитъ свои книги; это, говоритъ она, дорогія для ней книги, — особенно въ религіозномъ журналѣ видитъ она большое сокровище и ни въ чемъ болѣе не нуждается. Но, увы — не знаетъ она, что ее обманули самымъ жалкимъ образомъ. Въ ея назидательныхъ книгахъ проповѣдуется самый сухой раціонализмъ, ученіе о добродѣтели безъ вѣры, безъ возрожденія, безъ оправданія, — а во многихъ книгахъ самое дерзкое невѣріе; и все это въ такомъ видѣ, что евангельская истина, какъ необходимое основаніе спасенія, отвергается самымъ тонкимъ образомъ, и содержаніе книги для естественнаго человѣка представляется столь привлекательнымъ, что онъ думаетъ видѣть въ ней одни ангельскія изображенія. Всѣ усилія убѣдить бѣдную женщину, что она обманута, разочаровать ее въ ея ложныхъ надеждахъ, остаются напрасными. Наконецъ она сознается, что и этихъ книгъ не читаетъ, да и вообще вовсе не имѣетъ для этого времени.

. Отправившись дальше, разнощикъ входитъ въ жилье одного ткача и находитъ отца, мать и дѣтей за работою. Наконецъ-то, думаетъ онъ, нашелъ онъ внесаніе, и ласково предлагаетъ Слово Божіе и другія христіанскія книги. Но тотъ же духъ невѣрія отвѣчаетъ ему и здѣсь: не нужно намъ Слово Божіе, и безъ того у насъ довольно книгъ; а для молитвъ — совсѣмъ нѣтъ времени; работай съ утра до вечера — вотъ наше дѣло! Какъ машина, мы привязаны къ работѣ; въ самый воскресный день хозяинъ фабрики заставляетъ работать; а не захочемъ работать, такъ безъ хлѣба останемся.

Разнощикъ: развѣ мы не обязаны Бога слушаться больше, чѣмъ людей? Развѣ не положено проклятіе на праздничную работу? И человѣкъ, созданный для вѣчности, развѣ не имѣетъ нужды въ успокоеніи себя отъ труда? Вѣдь онъ не звѣрь, созданный только для чувственной, земной жизни, а имѣетъ высшія потребности.

Работникъ въ отвѣтъ разсказалъ, какъ фабрикантъ за пять талеровъ достаетъ отъ начальства позволеніе на продолженіе работъ и въ воскресные дни, и потомъ силою заставляетъ людей работать. «Если бы я даже пріобщался въ воскресенье, и тогда, возвратившись домой, со всѣмъ семействомъ тотчасъ долженъ взяться за работу; а не успѣю приготовить данную работу къ понедѣльнику или вторнику, то хозяинъ не дастъ больше никакой работы.»

Съ прискорбнымъ сердцемъ оставилъ я, пишетъ разнощикъ, это жилье, такъ какъ дальнѣйшія старанія навести семейство на лучшія мысли не обѣщали никакого успѣха. Что особенно до крайности огорчило мое сердце, это то, что христіанское начальство письменно дозволяетъ нарушать святость воскреснаго дня. Такого рода

современныя событія напоминаютъ то прошлое время, когда Тетцель проходилъ по Саксоніи и за деньги продавалъ совершеніе и отпущеніе будущихъ грѣховъ! Горе, горе....

Разнощикъ странствуетъ дальше. Входитъ въ домъ, въ комнату, которые по человѣческому соображенію свидѣтельствуютъ о благосостояніи хозяевъ, и самымъ вѣжливымъ образомъ предлагаетъ свои книги. Хозяинъ дома сухо отвѣчаетъ: не нужно намъ Слово Божіе, лучше бы повѣсти о разбойникахъ. Нѣсколько озадаченный такимъ отвѣтомъ, разнощикъ отвѣчаетъ, что эти повѣсти ведутъ къ гибели, а Слово Божіе приводитъ къ жизни. Но хозяинъ дома остался при своемъ, что онъ вовсе не нуждается въ молитвѣ и еще меньше въ молитвословахъ. Съ глубокимъ чувствомъ сокрушенія вышелъ разнощикъ и изъ этого дома: ему казалось, будто онъ странствуетъ по мертвому полю, гдѣ ему повелѣно возвѣщать евангеліе мертвецамъ...

Входитъ въ слѣдующій домъ, гдѣ снова находитъ бѣдныхъ людей и думаетъ, авось либо здѣсь примутъ Слово Божіе. Но — и здѣсь то же невѣріе: не ходите вы больше съ христіанскими книгами, говоритъ разнощику отецъ семейства, — Христіанству скоро конецъ; носите разсказы о разбойникахъ и убійцахъ, скорѣе найдете сбытъ. О молитвѣ въ наше время никто не думаетъ: работать и работать, ѣсть и пить — вотъ дѣло человѣка! Промолюсь я цѣлый день — ничего не упадетъ для меня съ неба; а буду работать, — съ хлѣбомъ буду; молитва ровно ни къ чему не ведетъ.

Разнощикъ: Христосъ сказалъ: *небо и земля прейдутъ, но словеса мои не прейдутъ;* человѣкъ и всякая помощь міра прейдутъ, но не прейдетъ Христіанство; *не ослабимъ*

однимъ живетъ человѣкъ, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. Велико нынѣшнее невѣріе и отпаденіе отъ Христа: но Господь знаетъ своихъ и еще любитъ ихъ. Господь удержитъ за Собою побѣду надъ всѣми своими врагами.

Отецъ семейства: еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ этотъ городъ былъ христіанскимъ, благочестивымъ городомъ; когда, бывало, вечеромъ ударятъ въ колоколъ, молитва и пѣніе еще раздавались въ семейныхъ собраніяхъ; теперь же все это, кажется, совсѣмъ изчезло: духовныя пѣсни замолкли, а срамныя народныя каждый вечеръ слышны на улицахъ.

Разнощикъ продолжаетъ свое странствіе. Входитъ опять въ большой домъ, занимаемый знатными людьми. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, находится одна дама.

Разнощикъ: я продаю Слово Божіе: библіи, новые завѣты и другія христіанскія и молитвенныя книги.

Дама: я не молюсь.

Разнощикъ: отъ чего же вы не молитесь?

Дама: отъ того, что это безполезно.

Разнощикъ: нѣтъ, молитва не только не безполезна, а необходима. Что дыханіе для естественной жизни и пища для тѣла, тоже молитва и Слово Божіе для внутренняго человѣка. Если мы не будемъ ежедневно питать свое тѣло необходимою пищею, — оно зачахнетъ и должно наконецъ совсѣмъ погибнуть отъ голода, и если прекратится дыханіе, то съ нимъ вмѣстѣ прекратится и жизнь. Такъ точно и въ духовномъ отношеніи. Если мы не питаемъ себя ежедневно Словомъ Божіимъ: то внутренній нашъ человѣкъ чахнетъ, и если прекратилась наша молитва, то мы омертвѣли духомъ и, какъ мертвые духомъ, мы не наслѣдуемъ царства небеснаго.

Дама: я и не желаю царства небеснаго.

Разнощикъ: отъ чего же вы не желаете?

Дама: въ царствѣ небесномъ всѣ нищіе; я не хотѣла бы между нищими находиться...

Разнощикъ отправляется дальше, на противоположную сторону улицы, къ небольшому дому; взошедши въ комнату, въ которой стоятъ четыре ткацкихъ станка, онъ снова вѣжливо предлагаетъ свои книги. Никто не отвѣчаетъ. Тогда онъ беретъ изъ кармана небольшой молитвословъ Іоанна Габерманна, подходитъ къ одному изъ молодыхъ людей, работающихъ за станками, и предлагаетъ ему молитвословъ, какъ такую книгу, въ которой онъ утромъ и вечеромъ и во всякое время можетъ найти для себя назиданіе.

Молодой человѣкъ, нагло глядя разнощику въ глаза, отвѣчаетъ: я вовсе не христіанинъ,—я язычникъ.

Разнощикъ: не думаю; язычники бываютъ черные или смуглые, вы же съ виду скорѣе христіанинъ. Впрочемъ, можетъ быть вы правы: и между христіанами завелось много язычества.

Молодой человѣкъ: теперь никто не молится; принесите-ка лучше хлѣба да мѣшокъ съ деньгами—вотъ нашъ богъ! О книгахъ же вашихъ мы и знать ничего не хочемъ: деньги и деньги—вотъ въ чемъ нужда!

При этихъ словахъ всѣ, находившіеся въ комнатѣ работники, нагло засмѣялись.

Разнощикъ, посмотрѣвъ серьёзно молодому человѣку въ глаза, отвѣчалъ: когда вы предстанете предъ судище Христово и услышите вѣчный приговоръ Бога, и когда по всему небесному пространству раздается: онъ погибъ, на вѣки осужденъ,—слышите—на вѣки осужденъ! тогда вы не будете такъ дерзко, какъ сегодня, смѣяться.

Молодой человѣкъ какъ будто съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на разнощика.

Разнощикъ: подумайте о спасеніи вашей безсмертной души. Если бы вамъ пришлось только десять, двадцать или пятьдесятъ лѣтъ просидѣть въ подземной темницѣ, безъ дневнаго свѣта: какое бы это было мученіе! Но это мученіе было бы блаженствомъ сравнительно съ послѣднимъ приговоромъ: на вѣки погибъ! Вѣчность въ мукахъ, въ аду! Если не обратитесь, и васъ тоже постигнетъ.

Молодой человѣкъ съ прежнею наглостію: все, что вы говорите, вздоръ; въ библіи тоже — ложь. Моя душа благословляетъ хлѣбъ и мѣшокъ съ деньгами — вотъ мой богъ!

Съ этими словами въ комнатѣ снова раздался общій смѣхъ.

Съ тяжко-болѣзненнымъ сердцемъ оставляетъ разнощикъ это жилье и вздыхаетъ о крайнемъ развращеніи рода сего. Продолжая свое странствіе, онъ заходитъ въ типографію, ближе всего лежащую на его пути, и снова предлагаетъ свои книги.

Домохозяинъ: у насъ книжки не въ модѣ; были бы только деньги...

Затѣмъ домохозяинъ наговорилъ множество оскорбительныхъ для религіи выраженій, смѣялся надъ богооткровенными и человѣческими учрежденіями, надъ духовными и мірскими людьми, сохраняющими хотя тѣнь Христіанства, надъ миссіями и библіями.

Разнощикъ: что касается до миссій, то учредилъ ее самъ Господь, сказавшій: *идите въ міръ весь и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. И если бы тысячу лѣтъ тому назадъ англичане не пришли къ намъ, то и доселѣ мы были бы язычниками и не могли бы пользоваться благословеніями Христіанства.

Домохозяинъ: гораздо бы лучше было доселѣ оставаться въ язычествѣ. Притомъ онъ сжалъ свой кулакъ и, съ угрозою показывая его разнощику, прибавилъ: кажется и вы тоже изъ iезуитской компанiи? Это слышно по вашей рѣчи...

Разнощикъ вышелъ и спокойно направился къ дому, находившемуся на дворѣ за предъидущимъ. Входитъ въ небольшую, низенькую комнату, гдѣ повидимому прiютилась бѣдность. Мущина работаетъ у наковальни. Когда разнощикъ показалъ и предложилъ ему свои книги, бѣдный слѣсарь совершенно спокойно отвѣчаетъ ему: я ничему не вѣрю; что человѣкъ — что звѣрь — все равно; то, что мертво, не имѣетъ никакой жизни, — тоже и съ человѣкомъ. Природа — все! Раждаемся, извѣстное время живемъ, и умираемъ: смерть оканчиваетъ все!

Разнощикъ: нѣтъ, добрый человѣкъ, это не такъ. Видите вы солнце? Какъ вѣрно то, что оно на небѣ, какъ несомнѣнно, что мы теперь оба стоимъ, одинъ противъ другаго; также вѣрно и несомнѣнно то, что есть Богъ, есть вѣчность, есть воздаянiе, и что никакимъ другимъ путемъ мы не можемъ оправдаться и достигнуть спасенiя, какъ только чрезъ Iисуса Христа, Распятаго. Вѣрите ли вы или не вѣрите, тѣмъ не менѣе все это остается вѣчною, непреложною, божественною истиною.

Слѣсарь: съ несомнѣнностiю вы однакожъ не можете этого сказать?

Разнощикъ: о, да; вотъ Слово Божiе (у него въ рукахъ новый завѣтъ), которое пребываетъ вѣчно; оно вмѣстѣ съ нашимъ собственнымъ опытомъ подтверждаетъ, что Iисусъ Христосъ есть истинный Богъ, есть нашъ преблагословенный Искупитель и Спаситель. И если бы явился ангелъ съ неба и сталъ бы иначе возвѣщать объ

Нимъ, то я вмѣстѣ съ Павломъ сказалъ бы и ему: анаѳема!

Слѣсарь, помолчавъ, потрепалъ разнощика по плечу и сказалъ: желалъ бы я имѣть возможность вѣрить и былъ бы можетъ быть также счастивъ, какъ вы; ахъ, вы счастливый человѣкъ! Въ юности я много читалъ, но все такія сочиненія, изъ которыхъ пилъ лишь ядъ невѣрія. Чрезъ знакомство же съ однимъ евреемъ погибли послѣднія впечатлѣнія моего дѣтства, и вотъ досёлѣ ничему не могу вѣрить.

Съ участіемъ указалъ ему разнощикъ на библейскія обѣтованія, что если бы онъ пожелалъ вѣрить и сталъ просить вѣры въ молитвѣ, и если бы его сердце дѣйствительно болѣло объ его грѣхахъ и невѣріи, то Господь Богъ безъ сомнѣнія умилосердился бы надъ нимъ и даровалъ бы ему вѣру и блаженство.

Слѣсарь еще разъ вздохнулъ: ахъ, еслибы я могъ вѣрить!—и разнощикъ оставилъ это жилище съ убѣжденіемъ, что милостивый Спасъ безъ сомнѣнія умилосердится и надъ этимъ жалкимъ человѣкомъ.

Новый примѣръ безбожія представляетъ случай, когда разнощикъ, рано утромъ взошедши въ одно жилье и предложивши хозяину христіанскія книги, получилъ отъ него въ отвѣтъ: мнѣ вовсе не желательно быть на небѣ; лучше хотѣлъ бы я разводить огонь въ аду.

Одинъ пожилой мужчина, когда ему предложены были молитвы ко Святому Причащенію, отозвался: они не ходятъ ко Святому Причащенію, а если захотятъ ѣсть и пить, то могутъ это дѣлать и дома.

Эти и многіе подобные случаи, продолжаетъ въ своихъ запискахъ разнощикъ, могутъ самымъ разнороднымъ образомъ доказать, какъ глубоко коренится невѣріе нашего времени и какъ явно выступаетъ наружу внутреннее отпаденіе отъ Христа.

Это уже не то почитаніе Слова Божія, которое удерживаетъ человѣка на извѣстной степени честности, когда онъ, хотя и не вѣруетъ, по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ говоритъ о Богѣ и божественныхъ предметахъ, — не тотъ даже фарисейскій духъ, который любитъ украшаться собственною праведностію и добродѣтелями, но—полное отпаденіе. *Это есть безбожіе, которое отвергаетъ все божественное и нагло издѣвается надъ всѣмъ святымъ.* *Пройдите вы цѣлые города и деревни, исходите всѣ улицы отъ одного конца до другаго, побывайте въ каждомъ домѣ, въ каждомъ жильѣ, вездѣ найдете этотъ духъ лаодикійской Церкви: «разбогатѣли и сыты; а не знаютъ, что жалки, нищи, слѣпы и наги».* Библія для многихъ есть не что иное, какъ школьная книга; когда имъ предлагаетъ ее разнощикъ, они спѣшатъ отвѣтить, что ихъ дѣти еще не ходятъ въ школу, сами же они—родители вовсе не имѣютъ въ ней нужды. Молитва и домашнее богослуженіе для очень, очень многихъ есть дѣло совершенно стороннее; въ воскресный день работаютъ, а въ понедѣльникъ отуманиваютъ себя напитками и предаются плотскимъ удовольствіямъ. При всемъ томъ *недовольство — главная болѣзнь работающаго класса людей.* Въ наглыхъ разговорахъ между собою они часто издѣваются надъ хозяевами, отъ которыхъ зависитъ ихъ хлѣбъ, и—какъ бы имъ хотѣлось сбросить съ себя ихъ тяжкое иго! *Хозяева съ другой стороны и вообще высшій образованный классъ общества стали въ самыя холодныя, эгоистическія отношенія*

къ *работающему классу*: ядовитое дыханіе невѣрія заразило и эту часть общества; удовольствія свѣта составляютъ наивысшій предметъ и ихъ стремленій; увлеченные силою духа времени, спѣшатъ и они къ своей гибели. Цѣлыя общины съ головы до ногъ—въ неизлѣчимой болѣзни.

Конечно, и въ Содомѣ Господь имѣлъ своего Лота, и въ Вавилонѣ—вѣрныхъ своихъ, еще покланяющихся Ему; то тамъ, то здѣсь встрѣчается душа, которая любитъ Слово Божіе и крѣпко держится евангельской истины, и молитвами которой держатся основанія вселенной: но это — едва замѣтные оазисы среди неизмѣримой пустыни; разъединенные между собою, они со всѣхъ сторонъ открыты давленію и презрѣнію свѣта; гдѣ этотъ послѣдній торжествуетъ, тамъ они вздыхаютъ; гдѣ онъ ликуетъ громко въ своихъ безбожныхъ пѣсняхъ, тамъ тѣ едва, едва отваживаются въ своихъ утреннихъ и вечернихъ собраніяхъ возгласить свои благодарственные и молебные гимны, и то съ опасностію подвергнуться осмѣянію со стороны уличныхъ мальчиковъ.

Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ*.

14/26 Ноября, 1860 г.
Висбаденъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

Конференція с.-петербургской духовной академіи, не получивъ до настоящаго времени сочиненій на преміи покойнаго высокопреосвященнѣйшаго митрополита Григорія о православіи церкви россійской, и о церквахъ римско-католической и лютеранской, представленіе которыхъ назначено было къ 1-му октября 1860 года, симъ объявляетъ, что съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, для представленія означенныхъ сочиненій вновь назначенъ срокъ къ 1-му Января 1862 года тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ былъ въ прошедшемъ году, именно:

Высокопреосвященнѣйшій Григорій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, донесъ Святѣйшему Сvноду, что онъ находитъ весьма нужнымъ, чтобы были доказаны и даны во всеобщее въ Россіи свѣдѣніе три предмета, слѣдующіе: 1) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко была доказана Словомъ Божіимъ, опредѣленіями св. соборовъ и свидѣтельствами св. Отцевъ Церкви истина православной Церкви; при чемъ всякій безпристрастный и разсудительный могъ бы видѣть, что именно она есть истинно православная Христова Церковь; 2) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано, что патріархъ запад-

ной церкви, или папа, не есть глава, или властитель всей Христовой Церкви. Доказательства должны быть заимствованы изъ Слова Божія, опредѣленій св. соборовъ и свидѣтельствъ св. Отцевъ Церкви восточной и западной, съ яснымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какія въ наше время паписты употребляютъ для доказательства властительства папы во всей Христовой Церкви; 3) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано Словомъ Божіимъ и церковною исторіею православіе православной Церкви для лютеранъ, съ твердымъ, обстоятельнымъ, яснымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какими лютеранство защищаетъ свои мнѣнія. Каждый изъ сихъ трехъ предметовъ долженъ быть обработанъ особо. Желающіе принять на себя обработать который-либо изъ сихъ трехъ предметовъ имѣютъ представить свои сочиненія: лица, находящіяся въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ, въ конференцію с.-петербургской духовной академіи, а лица, находящіяся въ другихъ учебныхъ округахъ, въ конференціи духовныхъ академій своихъ округовъ. Академическія конференціи, разсмотрѣвъ присланныя имъ сочиненія безъ замедленія и опредѣливъ, которое изъ нихъ лучше и заслуживаетъ преміи, пересылаютъ всѣ, разсмотрѣнныя ими, сочиненія для окончательнаго рѣшенія въ конференцію с.-петербургской духовной академіи. Сочинители за каждое лучшее изъ сихъ трехъ сочиненій получаютъ премію. Каждое сочиненіе будетъ напечатано особо подъ именемъ сочинителя и съ выдачею ему ста экземпляровъ изъ напечатаннаго числа. Причемъ преосвященный митрополитъ представилъ три тысячи пять сотъ рублей сереб. (3,500 р.), какъ въ награду авторамъ означенныхъ сочиненій, такъ и въ обезпеченіе напечатанія оныхъ.

Академическая конференція поставила слѣдующія правила для представленія означенныхъ сочиненій:

1) Сочиненія могутъ быть представлены въ академическую конференцію съ подписью имени автора, или такъ, какъ обыкновенно представляются писанныя на конкурсъ сочиненія, авторы которыхъ желаютъ остаться неизвѣстными до присужденія, т. е. съ какимъ нибудь девизомъ на сочиненіи и съ тѣмъ же девизомъ на особомъ запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора.

2) Для разсмотрѣнія сочиненій въ с.-петербургской академической конференціи имѣетъ быть составленъ въ свое время особый комитетъ изъ членовъ конференціи, преимущественно знакомыхъ съ предметами означенныхъ сочиненій.

3) По окончаніи сего порученія, къ сроку, назначенному академическою конференціею, комитетъ представитъ мнѣніе свое въ конференцію, которая въ экстренномъ общемъ собраніи выслушаетъ докладъ комитета и сдѣлаетъ заключеніе касательно присужденія премій сочинителямъ.

4) Заключеніе свое конференція представитъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому и с.-петербургскому на архипастырское усмотрѣніе, и съ его утвержденія приступитъ какъ къ напечатанію сочиненій, такъ и выдачѣ премій сочинителямъ.

5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, если оно было представлено съ девизомъ, конвертъ съ означеніемъ имени автора распечатается въ собраніи академической конференціи, и на заглавномъ листѣ сочиненія, при печатаніи, будетъ означена, вмѣстѣ съ именемъ автора, и награда, которой оно удостоено.

6) Изъ напечатанныхъ экземпляровъ, которыхъ количество опредѣляется назначенною для того суммою, по выдачѣ изъ нихъ ста экземпляровъ каждому сочинителю, остальные имѣютъ быть обращены въ продажу, и вырученныя за нихъ деньги, равно и проценты, могущіе составиться на хранящійся до того времени капиталъ, присоединятся къ суммѣ, собранной по случаю пятидесятилѣтняго юбилея с.-петербургской духовной академіи и назначенной на преміи за лучшія ученыя и учебныя сочиненія по другимъ отраслямъ духовнаго образованія.

7) Въ случаѣ, если къ назначенному сроку не будутъ представлены вполнѣ удовлетворительныя и заслуживающія премій сочиненія по всѣмъ тремъ указаннымъ предметамъ, или даже ни по одному изъ нихъ, академическая конференція имѣетъ вновь объявить конкурсъ для представленія таковыхъ сочиненій на тѣхъ же основаніяхъ.

8) Изъ сочиненій, неудостоенныхъ преміи, представленныя съ подписью автора имѣютъ быть возвращены по принадлежности, иныя (болѣе удовлетворительныя), съ указаніемъ исправленій, которыя могутъ быть въ нихъ сдѣланы, и объ авторахъ ихъ будетъ публиковано въ духовныхъ журналахъ и доведено до свѣдѣнія высшаго начальства; а другія (менѣе удовлетворительныя) безъ указанія такихъ исправленій; представленныя же съ девизомъ не возвращаются, и конверты съ означеніемъ имени автора сжигаются неразпечатанными.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

Въ циркулярномъ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода отъ 22-го Ноября 1860 года значится: въ видахъ распространенія продажи въ Епархіяхъ книгъ, печатаемыхъ въ Сунодальныхъ Типографіяхъ, по назначеннымъ отъ Сунода цѣнамъ, Святѣйшій Сунодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго при ономъ Управленія,—опредѣляетъ: 1) предоставить епархіальнымъ Преосвященнымъ, по ближайшему ихъ усмотрѣнію, устроить открытую продажу книгъ, смотря по удобности: при Духовныхъ Консисторіяхъ, Семинаріяхъ или другихъ зданіяхъ Духовнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы продажа книгъ поручена была избраннымъ благонадежнымъ лицамъ; 2) ближайшему также усмотрѣнію мѣстныхъ Преосвященныхъ предоставить завести книжную продажу при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, гдѣ окажется возможнымъ; 3) съ сею цѣлію книги отпускать, по требованіямъ, изъ Сунодальныхъ книжныхъ лавокъ, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, съ уступкою 10% противъ цѣны, по каталогу назначенной, и съ пересылкою на счетъ типографскаго капитала; 4) уступку эту допускать въ собственное распоряженіе Преосвященныхъ, для удовлетворенія расходовъ по устройству книжныхъ складовъ, на пересылку по почтѣ денегъ, слѣдующихъ за книги, и въ

вознагражденіе за труды лицъ, на коихъ будетъ возложена продажа книгъ въ епархіяхъ; 5) книги, требуемыя на наличныя деньги изъ суммъ монастырскихъ, церковныхъ или другихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи епархіальныхъ начальствъ, отпускать безотчетно; 6) при требованіи же книгъ въ долгъ, выручаемыя отъ продажи ихъ деньги доставлять въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сvнодѣ, или въ Контору Московской Сvнодальной Типографіи, смотря по тому, откуда книги вытребованы были, по третямъ года, при чемъ въ требованіяхъ непремѣнно объяснять, на какую сумму осталось нераспроданныхъ изъ высланныхъ книгъ, для повѣрки каждый разъ оставшагося долга за книги со счетами Хозяйственнаго Управленія или Конторы Московской Сvнодальной Типографіи; 7) за симъ наблюденіе за продажею и цѣлостію высланныхъ въ епархіи книгъ предоставить распоряженію епархіальныхъ начальствъ; 8) для извѣстности о выписываемыхъ для продажи въ Епархіяхъ книгахъ, по распоряженію епархіальныхъ начальствъ, дѣлать публикаціи въ періодическихъ изданіяхъ; самыя же книги продавать по цѣнамъ, въ каталогѣ назначеннымъ; 9) независимо отъ сего, если кто изъ духовныхъ лицъ въ епархіяхъ пожелаетъ выписывать прямо на собственныя наличныя деньги печатаемыя въ Сvнодальныхъ Типографіяхъ книги для продажи при церквахъ или другимъ способомъ, какъ признаетъ удобнѣйшимъ, то отпускъ книгъ производить также съ уступкою 10% противъ цѣнъ, назначенныхъ въ каталогѣ; 10) дешевыя изданія, какъ то: Новый Завѣтъ на Славянскомъ языкѣ, Евангеліе Русское и Славяно-Русское и Букварь, печатаемый въ С. Петербургской Сvнодальной Типографіи, отпускать также съ такою уступкою противъ про-

дажныхъ цѣнъ, какую представится возможнымъ сдѣлать по соображенію Хозяйственнаго Управленія съ количествомъ издержекъ, на изданіе сихъ книгъ употребленныхъ; 11) но для однообразія въ разсчетахъ съ выписывающими означенныя дешевыя изданія и для удержанія вездѣ однообразныхъ на оныя цѣнъ, духовныя мѣста и лица при требованіи книгъ: Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ, Евангелія на Русскомъ и Славяно-Русскомъ нарѣчіяхъ, обязаны прилагать, сверхъ назначенныхъ цѣнъ, еще по пяти коп. на каждый экземпляръ, и затѣмъ должны продавать оныя внѣ столицъ по цѣнамъ не высшимъ тѣхъ, какія составятся изъ установленной для продажи сихъ книгъ цѣны и означенной прибавки на пересылку; и 12) что же касается до мелочной въ розницу, внѣ сихъ правилъ, выписки иногородными покупателями печатаемыхъ въ Сvнодальныхъ Типографіяхъ книгъ, то выписка оныхъ какъ изъ С. Петербургской, такъ и Московской Сvнодальныхъ книжныхъ лавокъ, остается на прежнемъ основаніи, т. е. требователи должны высылать деньги за пересылку книгъ, такъ какъ духовное вѣдомство не имѣетъ другихъ средствъ къ высылкѣ оныхъ, кромѣ отправленія чрезъ почту, съ платежемъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ по положенію. Для надлежащаго по сему исполненія, въ чемъ слѣдуетъ, Сvнодальнымъ Членамъ и всѣмъ прочимъ Преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ, а также Ставропигіальнымъ Лаврамъ и Монастырямъ послать печатные указы, съ объявленіемъ въ оныхъ, для должнаго исполненія, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: наблюсти, чтобы при продажѣ книгъ Священнаго Писанія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи отъ духовнаго вѣдомства, цѣны не превышали тѣхъ, которыя утверждены Святѣйшимъ Сvнодомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ, имѣя въ виду предоставить покупателямъ внѣ столицы бо́льшую возможность пріобрѣтать книги въ Сунодальныхъ Типографіяхъ печатаемыя и тѣмъ устранить поводъ къ чрезмѣрному возвышенію иногородными продавцами цѣнъ на оныя, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода, объявляетъ: 1) всѣмъ желающимъ на правѣ коммиссіонерскомъ производить продажу таковыхъ книгъ внѣ столицъ, будутъ отпускаемы, по ихъ требованіямъ, печатаемыя въ Сунодальныхъ Типографіяхъ книги изъ Сунодскихъ книжныхъ запасовъ какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, за наличныя деньги съ уступкою 10% противъ цѣны, по каталогу назначенной, и съ пересылкою на счетъ Хозяйственнаго Управленія на мѣста продажи. Желающіе на семъ основаніи открыть продажу Сунодальныхъ книгъ обязаны: а) войти о семъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ съ письменными отзывами, для дальнѣйшаго распоряженія, къ заключенію съ ними по сему предмету условій; б) самыя книги продавать на мѣстахъ по цѣнамъ въ издаваемыхъ отъ Святѣйшаго Сунода каталогахъ назначеннымъ; и в) дѣлать не менѣе двухъ разъ въ годъ въ ближайшихъ къ мѣстамъ продажи періодическихъ изданіяхъ публикаціи о выписываемыхъ ими книгахъ. 2) Мѣстамъ и лицамъ не же-

лающимъ принять на себя коммиссіонерской продажи Сvнодальныхъ книгъ, но пріобрѣтающимъ оныя въ значительномъ количествѣ будетъ дѣлаема уступка, а именно: при покупкѣ книгъ въ одинъ разъ на тысячу рублей и болѣе, 8%; а при покупкѣ книгъ на сумму отъ пяти сотъ до тысячи рублей, 6%, съ покупной цѣны, но съ пересылкою книгъ на счетъ самихъ покупателей. 3) Предполагаемая уступка какъ для лицъ, принявшихъ на себя коммиссіонерскую продажу книгъ, такъ и выписывающихъ оныя въ означенномъ выше, значительномъ количествѣ, не распространяется на нѣкоторыя дешевыя изданія, каковы: Новый Завѣтъ на Славянскомъ языкѣ, Евангеліе Русское и Славянорусское, Букварь и имъ подобныя, кои въ послѣдствіи могутъ быть напечатаны, если по соображеніямъ Хозяйственнаго Управленія съ количествомъ издержекъ на изданіе сихъ книгъ, не представится возможности дѣлать съ продажныхъ онымъ цѣнъ какую либо уступку. Для однообразія же въ расчетахъ съ выписывающими означенныя дешевыя изданія и удержанія повсюду внѣ столицъ одинаковыхъ на оныя цѣнъ, иногородные покупатели при требованіи книгъ: Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ, Евангелія на Русскомъ и Славянскомъ нарѣчіяхъ, обязаны прилагать сверхъ назначенныхъ цѣнъ еще по пяти копѣекъ на каждый экземпляръ и за тѣмъ лица, принявшія на себя коммиссіонерскую продажу сихъ книгъ, должны продавать оныя внѣ столицъ по цѣнамъ не высшимъ тѣхъ, какія составятся изъ установленной для продажи сихъ книгъ цѣны и означенной прибавки на пересылку; и 4) правила эти со дня объявленія имѣютъ силу въ теченіи трехъ лѣтъ.

Къ сему Хозяйственное Управленіе считаетъ долгомъ присовокупить, что выписка какъ изъ сего Управленія,

такъ и изъ Конторы Московской Сунодальной Типографіи, внѣ означенныхъ правилъ, по мелочамъ въ разницу, книгъ печатаемыхъ въ Сунодальныхъ Типографіяхъ, остается на прежнемъ основаніи, т. е. при требованіяхъ о высылкѣ книгъ должны быть прилагаемы и деньги сполна за книги по цѣнѣ каждой и за пересылку ихъ страховыя по суммѣ и вѣсовыя по вѣсу каждаго экземпляра, такъ какъ духовное вѣдомство не имѣетъ другихъ средствъ къ высылкѣ въ такомъ случаѣ книгъ, кромѣ отправки ихъ чрезъ почту съ платежемъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ по положенію.

III.

1. Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. По порученію и на иждивеніе Императорскаго Археологическаго Общества издалъ И. И. Срезневскимъ. Спб. 1860 г.

2. Начертаніе жизни, подвиговъ и чудесъ св. митрополита Филиппа и всея Россіи чудотворца. М. 1860 г.

Сказанія о жизни святыхъ людей нашей церкви составляютъ самую видную часть въ древней нашей литературѣ. Много было условій, которыя давали различныя направленія этой литературѣ; но никогда она не уклонялась отъ изображенія жизни и дѣлъ святыхъ. Такое явленіе можно, конечно, объяснять вліяніемъ Византіи, сильнымъ развитіемъ у насъ религіознаго авторитета, при которомъ замѣчательныя лица сами собою выдвигались впередъ и въ жизни и въ литературѣ; но неоспоримо, что ни вліяніе Византіи, ни развитіе религіознаго авторитета не имѣли бы такой прочной силы, если бы имъ не отвѣчала самая сущность дѣла, т. е. дѣйствительное множество угодниковъ, вызывавшихъ къ себѣ вниманіе

современниковъ и потомства. У насъ вѣра, говоря сравнительно, не вызывала много споровъ; умственное народное начало мало вносило своихъ объясненій, своихъ воззрѣній въ догматическую ея сторону ([1]), но за то приложеніе вѣры къ дѣлу, усвоеніе ея въ жизни составляетъ самую обширную область нашей исторической жизни, — область, въ которой сказались со всею ясностію богатство чувствъ и воспріимчивость славянской натуры. Нравственное самоусовершеніе при этомъ естественно должно было получить самое широкое развитіе, явилось много угодниковъ Божіихъ: и то и другое не могло пройдти незамѣченнымъ явленіемъ въ сознаніи народномъ, въ его литературѣ. Вотъ почему почти на два столѣтія раньше, чѣмъ на западѣ, у насъ явилось капитальное собраніе житій—Четьи Минеи, сокращаемыя и дополняемыя различнымъ образомъ впослѣдствіи времени.—Любопытно было бы послѣ этого знать, на сколько нынѣшнее время отвѣчаетъ въ этомъ отношеніи древнему? Каково религіозное самоусовершеніе въ настоящее время и каково сочувствіе къ нему народа и литературы? Но этотъ вопросъ не входитъ въ предѣлы настоящей нашей статьи; мы отлагаемъ его рѣшеніе до другаго, болѣе удобнаго случая, а теперь посмотримъ, насколько общество и литература даютъ свое вниманіе и сочувствіе древнему подвижничеству, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ только иночества.

И теперь есть много пишущихъ житія святыхъ и еще болѣе читающихъ ихъ. Появленіе и быстрая распродажа такихъ сочиненій служатъ достаточнымъ тому подтвер-

---

([1]) Разумѣемъ вѣру не въ предлежательномъ смыслѣ, не какъ ученіе вселенской Церкви, а въ смыслѣ историческомъ—вѣру въ народныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, вѣру народно-субъективную.

жденіемъ; но мы обратимъ вниманіе на другое явленіе, стоющее большаго вниманія по своей рѣдкости, необычайности. Житія святыхъ составляютъ въ настоящее время важнѣйшій предметъ изученія у всѣхъ интересующихся нашею древнею народною жизнію, а такихъ людей теперь съ каждымъ годомъ становится больше и больше. При современномъ направленіи науки руской исторіи, старающейся воскресить древнюю нашу жизнь въ подлинномъ ея видѣ, старающейся въ особенности раскрыть народную дѣятельность, житія святыхъ являются богатѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ источникомъ. Такимъ образомъ, съ различныхъ сторонъ, иногда очень далекихъ одна отъ другой, сходятся люди къ изученію одного и того же предмета—житій святыхъ,—люди благочестивые для воспитанія своего религіознаго чувства и улучшенія жизни, и люди ученые—для изученія древняго быта русскаго народа. Безъ сомнѣнія, не всегда бываетъ такое рѣзкое раздѣленіе настроеній и цѣлей между тѣми и другими; безъ сомнѣнія, часто случается, что благочестивые читатели житій святыхъ соединяютъ въ себѣ также ученость, а ученые изслѣдователи этихъ житій—благочестіе. Но допустимъ, что въ большинствѣ случаевъ раздѣленіе это существуетъ. И тогда такое сближеніе благочестія и науки на одномъ пунктѣ очень важно и можетъ приносить хорошіе плоды. Люди благочестивые при этомъ могутъ получить основательныя познанія объ обстоятельствахъ жизни святыхъ изъ рукъ людей ученыхъ, а люди ученые могутъ располагаться къ религіозному настроенію отъ самаго изученія жизни святыхъ людей, проникнутыхъ глубокою религіозностію и всецѣлымъ посвященіемъ себя Богу. Мы предполагаемъ, что послѣдняя мысль наша можетъ вызвать у иныхъ людей улыбку. Но мы просимъ

такихъ людей обратить вниманіе на то неоспоримое явленіе, съ какимъ уваженіемъ у насъ знатоки старины относятся къ нашей древней религіозной жизни и знаменитымъ ея дѣятелямъ.

Всѣ эти соображенія невольно заставляютъ думать, что настоящее время одно изъ самыхъ счастливыхъ къ обнародованію подвиговъ святыхъ людей нашей церкви.

Отсюда само собою открывается, какъ нужно передавать свѣдѣнія о жизни святыхъ въ настоящее время. По нашему мнѣнію, нужно объединять обѣ указанныя цѣли изученія жизни святыхъ; нужно составлять очерки, сказанія и т. п. жизни святыхъ такъ, чтобы они удовлетворяли и благочестивому чувству и разуму. При этомъ сами собою объединятся двѣ стороны жизни каждаго святаго—сторона, такъ сказать, благодатная, сверхъестественная,—рядъ предуказаній Божіихъ, откровеній, чудесъ, и сторона естественная,—рядъ человѣческихъ усилій къ подвигамъ. Нельзя не согласиться, что въ общеизвѣстныхъ у насъ житіяхъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ по преимуществу раскрывается первая сторона жизни святыхъ, — въ нихъ по преимуществу излагается исторія дѣйствій благодати въ данномъ лицѣ. Допуская, что такой пріемъ имѣетъ основаніе въ томъ, что благодать Божія неизмѣримо выше, величественнѣе воли и дѣлъ чисто человѣческихъ, мы не можемъ не замѣтить, что этотъ взглядъ иногда развиваемъ былъ очень сильно и велъ къ очень важнымъ особенностямъ подобныхъ трудовъ. Въ такихъ житіяхъ разсказъ о благодати въ данномъ лицѣ сопровождался уже не личными особенностями его, а только чувствами авторовъ, и въ заключеніи всего выходило, что описываемая личность исчезала, такъ что разсказъ легко могъ быть прилагаемъ къ разнымъ ли-

цамъ. Читатель посему выноситъ изъ чтенія такихъ житій знаніе о томъ, что благодать Божія ознаменовывала себя извѣстными чудесами; душа его можетъ при этомъ наполняться соотвѣтствующими такому знанію чувствами, но болѣе полное, практическое назиданіе, усвоеніе, осуществленіе въ собственной жизни высокихъ качествъ святаго не легко затѣмъ слѣдуетъ, между прочимъ, потому, что способъ пріобрѣтенія святыми этихъ качествъ, подробности ихъ усилій и внутренней борьбы или неизвѣстны читателю, или представляются очень смутно. Вотъ почему такъ важно, даже собственно для назиданія, изображать въ житіи святаго всѣ его человѣческія особенности и всю обстановку его жизни. Тогда каждый ясно увидитъ, какимъ путемъ святой достигалъ своего совершенства. Тутъ даже слабости паденія человѣка, впослѣдствіи прославленнаго Богомъ, какъ полезны, какъ та именно сторона его жизни, которая ближе къ намъ, понятнѣе, какъ начало, отъ котораго мы сами должны и можемъ идти за нимъ. Умное, благонамѣренное изложеніе всего этого, конечно, не ослабитъ въ насъ благоговѣнія къ святымъ, а сдѣлаетъ житія ихъ еще болѣе поучительными, не говоримъ уже о томъ, что оно нисколько не противорѣчитъ ни священному Писанію, проповѣдующему о седьмикратномъ паденіи въ день праведника, ни собственному сознанію святыхъ, всегда считавшихъ себя грѣшными и, конечно, не по ложному смиренію. Послѣ этого мы уже ближе можемъ подойдти къ вопросу, какъ писать жизнь святыхъ.

1) Самое обыкновенное и, повидимому, легкое дѣло— это передать сказаніе о жизни святаго современное ему, или близкое, если оно есть. Такія сказанія, каковы бы они ни были, имѣютъ всегда то важное достоинство,

что передаютъ намъ черты современности, отъ которой не можетъ освободиться никакой писатель. Но само собою разумѣется, что этотъ способъ, при всѣхъ своихъ драгоцѣнныхъ преимуществахъ, можетъ представлять также много неудобствъ и иногда быть невозможнымъ. Можетъ не оказаться современнаго святому житія, а вмѣсто его позднѣйшее, — можетъ то и другое быть очень слабаго достоинства, не отвѣчающаго достоинству святаго; можетъ то и другое, даже при неоспоримыхъ достоинствахъ, быть неразумительно для настоящаго времени, не только по изложенію, но и по самому содержанію; можетъ, наконецъ, вовсе не быть ни современнаго, ни ближайшаго къ святому житія его, а между тѣмъ этотъ святой извѣстенъ не только по святцамъ, но и по преданію и разсѣяннымъ въ разныхъ документахъ свѣдѣніямъ о немъ. Отсюда 2) новый способъ передавать свѣдѣнія о такихъ лицахъ—способъ самостоятельнаго (въ большей или меньшей степени) изложенія ихъ подвиговъ, напримѣръ, переводы прежнихъ житій на современный языкъ съ поясненіями и вполнѣ самостоятельное, новое описаніе ихъ жизни, болѣе или менѣе удовлетворяющее требованіямъ благочестивой любознательности и науки. Послѣдній способъ, конечно, въ возможно лучшемъ видѣ, неоспоримо имѣетъ преимущество предъ всѣми другими; потому что можетъ удовлетворять бо́льшему количеству требованій людей читающихъ подобныя произведенія, но также неоспоримо, что онъ и труднѣе всѣхъ другихъ способовъ. Здѣсь уже нельзя обойтись безъ данныхъ и взглядовъ современной науки исторіи, а знакомство съ ними, критическій ихъ выборъ, тѣмъ болѣе самостоятельная ихъ разработка — дѣло не легкое. Посмотримъ теперь, какой изъ указанныхъ пріемовъ и какъ прило-

женіе къ дѣлу въ перечисленныхъ нами въ заглавіи статьи книгахъ.

Изданіе г. Срезневскаго, очевидно, сдѣлано по первому способу. Здѣсь издано житіе Бориса и Глѣба, какъ оно найдено въ сборникѣ Сильвестра, извѣстнаго дѣятеля при Іоаннѣ IV. Но странно было бы издавать для публики это житіе, носящее на себѣ признаки глубокой старины (XIV в.), безъ поясненій. Поясненія эти оказывались здѣсь рѣшительно необходимыми, и почтенный авторъ дѣйствительно сдѣлалъ ихъ, но въ особенномъ родѣ. Г. Срезневскій не вышелъ при этомъ изъ круга своихъ спеціальныхъ занятій, изъ колеи археологической. Его объясненія, помѣщенныя въ началѣ изданія,—часто археологическаго и филологическаго характера. Здѣсь подробно описанъ памятникъ, изъ котораго взято сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, указаны съ археологическою точностію особенности языка и по преимуществу буквъ, въ немъ встрѣчающихся, по мѣстамъ изъ сборника сдѣланы выписки о разныхъ предметахъ, не имѣющихъ связи съ сказаніемъ, и тому подобныя вещи. Археологи, филологи, безъ сомнѣнія, высоко оцѣнятъ эти объясненія, но масса публики, мы думаемъ, пропуститъ ихъ и, пожалуй, выразитъ недоумѣніе, почему всѣ эти вещи поставлены впереди, а не сзади сказанія или въ примѣчаніяхъ; ей, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣе этихъ прекрасныхъ, конечно, и дорогихъ вещей, но мало доступныхъ, самое сказаніе о жизни Бориса и Глѣба, и къ нему она будетъ обращаться прежде всего, минуя археологическія и филологическія объясненія г. Срезневскаго, за исключеніемъ развѣ выписокъ изъ жизни другихъ святыхъ, помѣщенныхъ тутъ же. Г. Срезневскій, повидимому, удовлетворивъ прежде всего требованіямъ археологовъ и фило-

логовъ, какъ избранниковъ науки и просвѣщенія, обратилъ вниманіе и на публику,—издалъ прежде сводъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изъ разныхъ рукописей настоящимъ русскимъ шрифтомъ ([1]), а потомъ уже какъ оно написано въ Сильвестровскомъ памятникѣ, fac-simile его, съ находящимися въ немъ картинками. Такимъ образомъ публика можетъ здѣсь получить практическій урокъ археологіи и филологіи. Безъ сомнѣнія, она очень благодарна за это г. Срезневскому, но, вѣроятно, у нея есть и другія желанія,—вѣроятно, она желала бы также найдти въ этомъ же изданіи переводъ сказанія не только на современный шрифтъ, но и на современный языкъ; а можетъ быть, она желала бы встрѣтить и нѣкоторыя объясненія изъ исторіи того времени. Конечно, желанія эти можно назвать нерекомендующими познанія публики, но едва ли ихъ можно считать желаніями немногихъ; а въ такомъ случаѣ они получаютъ серьезное значеніе, и отъ члена Академіи Наукъ естественно бы ожидать вѣрнаго пониманія нуждъ читающей публики и большаго вниманія къ нимъ, если они не заключаютъ въ себѣ ничего дурнаго, а что дурнаго вышло бы, если бы сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ было издано въ томъ именно видѣ, въ какомъ мы здѣсь желали? Желали же мы этого не только въ интересахъ читающей публики, которые, конечно,

---

([1]) Впрочемъ, мы не можемъ утверждать рѣшительно, что это сдѣлано для массы читающей публики. Очень вѣроятно, даже болѣе вѣроятно, что и сводъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ сдѣланъ для специалистовъ-археологовъ и филологовъ, и русскій шрифтъ явился здѣсь независимо отъ указанныхъ нами соображеній, почему въ немъ и попадаются характеристичныя, древнія буквы—славянскія, т. е. неспеціалисты забыты здѣсь совершенно, изданіе сдѣлано не для нихъ, между тѣмъ предметъ книги слишкомъ важенъ и интересенъ для массы публики.

всегда должны стоять высоко, но также и по нашему уваженію къ трудамъ г. Срезневскаго; намъ и, безъ сомнѣнія, многимъ очень естественно желать, чтобы не только археологи, филологи и вообще спеціалисты по русской исторіи и русскому языку признавали громадное достоинство и важность трудовъ г. Срезневскаго, но и неспеціалисты, — вся публика; чтобы въ сужденіяхъ о немъ тѣхъ и другихъ не было разлада, къ чему нынѣшній его трудъ можетъ подавать поводъ; но, что еще болѣе важно, намъ и всякому, конечно, изъ читающей публики желательно, чтобы между спеціалистами и неспеціалистами, между наукою и жизнію было побольше живой связи и взаимнаго сочувствія. Не имѣй мы въ виду этихъ соображеній, мы охотно присоединили бы нашъ голосъ къ голосу археологовъ, филологовъ и высказали бы здѣсь г. Срезневскому одни похвалы и благодарность.

Во второмъ сочиненіи мы встрѣчаемъ крайности совершенно противоположнаго рода. Неизвѣстный авторъ начертанія жизни, подвиговъ и чудесъ св. митрополита Филиппа излагаетъ намъ жизнь такого лица, котораго древнее житіе, дѣйствительно, неудобно печатать безъ многочисленныхъ поясненій. Причинъ этому очень много. Св. митрополитъ русскій Филиппъ II, современникъ Іоанна IV, принадлежитъ къ тѣмъ свѣтлымъ лицамъ, которые вмѣстѣ съ видною, славною жизнію для Бога, соединяли видную, славную жизнь общественную. Онъ совершалъ великія дѣла и въ узкой келліи, въ тѣсныхъ стѣнахъ монастырскихъ, довѣдомыя сначала небольшому кругу людей, и—также дѣла общественнаго, высокаго служенія, дѣла, затрогивавшія убѣжденія и интересы многихъ людей. Разумѣется, вполнѣ удовлетворительнаго раскрытія всѣхъ такихъ дѣлъ трудно ожидать даже отъ

такого полнаго житія, каково древнее житіе св. Филиппа, составленное современнымъ ему инокомъ Соловецкаго монастыря,—потому уже одному, что полное знакомство и оцѣнка такихъ дѣлъ нелегко могли быть доступны лицу того времени, что̀ дѣйствительно и подтверждается упомянутымъ житіемъ. Людямъ, принимающимся за описаніе такихъ лицъ, невольно представляется задача собрать все объ ихъ жизни, привесть въ извѣстность, оцѣнить и представить въ одномъ очеркѣ. Нашъ авторъ сознаӆъ это требованіе и, взявши въ основаніе своего начертанія указанное нами житіе, излагаетъ жизнь св. Филиппа современнымъ языкомъ и дополняетъ древнее житіе свѣдѣніями о жизни этого лица и его времени изъ другихъ источниковъ. Какъ же именно излагаетъ и какъ дополняетъ? Авторъ явно находился подъ сильнымъ вліяніемъ древняго житія св. Филиппа,—житія писаннаго въ XVI столѣтіи съ обыкновенными литературными недостатками того времени,—многорѣчивостію и высокопарностію. Это повело къ тому особенно важному неудобству, что не вездѣ передана авторомъ мысль подлинника. Впрочемъ, этотъ недостатокъ еще легко исправимъ, потому что въ этой же книгѣ напечатано почти все древнее житіе, къ которому конечно всякій и обратится. Но есть въ концѣ другой недостатокъ, который не такъ легко искупается. Дополняя древнее житіе св. Филиппа новыми свѣдѣніями, авторъ мало того, что руководствуется не многими сочиненіями, но онъ вовсе не хочетъ знать современнаго состоянія науки русской исторіи. Для него послѣдній критеріумъ — Карамзинъ, на немъ онъ основывается, не подозрѣвая, что если у Карамзина драгоцѣнны и незамѣнимы свѣдѣнія, то на его взгляды меньше всего можно полагаться. Отсюда странное мнѣ-

ніе автора, будто бояре, воспитывавшіе Іоанна, намѣренно развращали его, будто перемѣна въ Іоаннѣ произошла вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева и. т. под. Но, что всего важнѣе, увлекшись торжественностію и картинностію изложенія и древняго жизнеописателя и Карамзина, авторъ мало самъ углублялся въ жизнь св. Филиппа, въ ея значеніе и не оцѣнилъ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ и величественныхъ сторонъ жизни этого великаго святителя, хотя матеріалы для нея были у него тутъ же подъ руками и оцѣнка ея какъ бы сама напрашивалась въ его начертаніе жизни, подвиговъ и чудесъ св. Филиппа. Какая же именно это сторона?

Жизнь святыхъ тѣмъ собственно и знаменита, что они возвышаются высоко надъ всѣмъ суетнымъ, земнымъ. Не распространяясь здѣсь о способахъ такого возвышенія, мы покажемъ только, что трудность этого дѣла бываетъ очень различна. Легче достигать этой цѣли, заключаясь въ монастырь, нежели живя въ мірѣ среди многочисленныхъ случаевъ къ искушенію. Но мало того, въ мірѣ бываютъ особенныя условія, которыя способны удесятерить эту трудность. Такова была именно трудность возвышаться надъ земнымъ и въ крайности рвать съ нимъ нравственныя связи у всего нашего бѣлаго духовенства и іерарховъ, — трудность въ томъ самомъ, что составляло громадное средство къ успѣхамъ церкви. Мы разумѣемъ здѣсь установившееся у насъ со временъ Владиміра и утвердившееся вѣками единеніе іерархіи съ обществомъ и властію гражданскими. Единеніе это, опираясь на каноническомъ образцѣ восточной Церкви, глубокомъ благочестіи русскаго народа и отчужденія нашей іерархіи отъ вмѣшательства въ дѣла мірскія, составило въ народѣ могущественное, всеобъемлющее

преданіе. Изъ этого порядка, повторяемъ, можно было легко извлекать пользу для Вѣры и Церкви, но стать вдругъ выше его, въ крайней нуждѣ, во имя Вѣры же— было дѣломъ очень и очень нелёгкимъ. Въ такомъ именно положеніи и былъ митрополитъ Филиппъ ([1]). Ему пришлось, подобно не многимъ изъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ, показывать, что это единеніе, составлявшее какъ бы неизмѣнное явленіе, правило русской жизни, не должно быть обращаемо во вредъ вѣрѣ народа и его нравственности, что дружескія отношенія митрополита къ князю не должны быть выше всего этого. Іерарху латинскаго вѣроисповѣданія въ подобномъ случаѣ легче было бы такое дѣло. Онъ по преданію, по принципу становится въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе ко всякой власти свѣтской, да и его можетъ защитить папа. Нашему великому іерарху пришлось бороться съ Іоанномъ IV безъ той и другой поддержки. При этомъ намъ невольно приходитъ еще сравненіе уже изъ нашей исторіи. Одного имени съ св. Филиппомъ II русскій митрополитъ Филиппъ I почти ровно за столѣтіе предъ тѣмъ тоже долженъ былъ открыто вооружиться противъ князя Іоанна III, по случаю предположеннаго тогда торжественнаго въѣзда въ Москву съ религіоз-

---

([1]) Борьба св. Филиппа съ Іоанномъ IV происходила собственно изъ за опричины установленной Іоанномъ,—учрежденія по его свойствамъ и слѣдствіямъ въ высшей степени безнравственнаго и гибельнаго для народа. По тогдашнему положенію митрополита, по народнымъ понятіямъ объ немъ, св. Филиппъ необходимо долженъ былъ высказать или свое одобреніе или порицаніе такому учрежденію. Онъ сначала думалъ идти срединою—не вмѣшиваться въ это дѣло. Но это оказалось невозможнымъ не только потому, что несчастный народъ просилъ заступничества митрополита, но и потому, что опричина имѣла нѣкоторыя особенности религіозной общины, и между тѣмъ попирала правила Церкви.

ною церемоніею папскаго посла Антонія, и грозилъ выйдти изъ Москвы, въ случаѣ этого въѣзда, противоположными воротами. Но тогда можно было выйдти и было куда дѣваться; тогда еще были нѣкоторыя области почти независимыя отъ Іоанна III. Филиппу II некуда было удалиться отъ Іоанна IV, котораго власть легла такъ крѣпко и жестоко надъ всею Россіею. Можно было видѣть одинъ выходъ-мученичество. Мало того, Филиппъ II не имѣлъ даже поддержки вблизи себя, въ своемъ духовномъ кругу. Здѣсь не только никто не поддерживалъ его, но напротивъ всѣ видѣли въ его рѣшеніи противодѣйствовать неистовствамъ Іоанна дерзость небывалую и неоправдываемую каноническимъ правомъ. Нужно было имѣть много достоинства, чтобы при этой трудной обстановкѣ поднять такъ высоко знамя Вѣры, и прежде всего нужно было имѣть много достоинства, чтобы среди этого тумана и грязи понять, что теперь лучшая минута, можетъ быть, единственная — дать громадное нравственное торжество Вѣрѣ, озарить яснымъ свѣтомъ отуманенные умы современниковъ, пробудить убитыя, подавленныя и опозоренныя ихъ религіозныя чувства. Это дѣйствительно былъ страшный ударъ для Іоанна, не знавшаго ни въ чемъ узды, сдерживающей буйныя его страсти и азіатскіе пріемы управленія. Но это-то и дѣлаетъ особенно славнымъ митрополита Филиппа II, который объявилъ разрывъ въ такое время и съ такимъ человѣкомъ, во имя интересовъ Вѣры.—Авторъ, повторяемъ, имѣлъ подъ руками всѣ необходимые матеріалы для такого взгляда. Онъ даже какъ бы невольно подчинился указанію этихъ матеріаловъ, но нѣсколько странно. Такъ онъ говоритъ, что св. Филиппъ, въ мірѣ Вареоломей, бывшій въ числѣ царедворцевъ и сверстниковъ Іоанна въ молодые его годы, удалился отъ

двора потому, что не хотѣлъ раздѣлять замыслъ бояръ, рѣшившихся будто бы развратить Іоанна, на что нѣтъ основаній ни въ древнемъ житіи, ни въ другихъ памятникахъ историческихъ, но вовсе не раскрылъ величія Филиппа въ его борьбѣ съ Іоанномъ, хотя разсказываетъ самъ, какъ современные ему духовные убѣждали Филиппа не начинать этой борьбы, какъ они на него злобились за эту борьбу и какъ пресмыкались предъ Іоанномъ во время суда надъ Филиппомъ, т. е. авторъ уменьшилъ заслугу Филиппа, гдѣ не слѣдовало, (ибо конечно легче бросить дворъ, когда тамъ составляется явно гнусный замыселъ, нежели бросить просто по его развращенности) и не раскрылъ ея тамъ, гдѣ она сама бросается въ глаза. Всѣ эти замѣчанія мы высказали, имѣя въ виду строгія требованія науки, но мы готовы ослабить ихъ нѣсколько въ виду значительной неразвитости нашей церковной исторіи и въ виду одной особенности разсматриваемаго нами сочиненія, о которой уже упоминали и которая неоспоримо составляетъ лучшее его достоинство и стоитъ подражанія,—мы разумѣемъ напечатанное въ немъ въ примѣчаніяхъ почти все древнее житіе св. Филиппа. На этой части труда автора можно успокоиться и отчасти забыть недостатки его самостоятельнаго труда.

М......

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ФРАНЦІИ.

Принимая на себя пріятную обязанность сообщать читателямъ Христіанскаго Чтенія извѣстія о новѣйшихъ замѣчательныхъ явленіяхъ римскокатолическаго міра, преимущественно во Франціи, мы хотимъ прежде всего объяснить характеръ нашихъ предполагаемыхъ занятій по этой части.

Во-первыхъ, слѣдуя заповѣди Спасителя о любви ко всѣмъ, мы далеки отъ мысли своими извѣстіями возбуждать къ кому бы то ни было враждебное расположеніе, противное духу истиннаго христіанина. Это не то значитъ, чтобы мы имѣли въ виду скрывать все дурное; но—мы не намѣрены оставлять безъ вниманія все хорошее и изъ-за непріятнаго нашему взгляду закрывать глаза на то, что́ истинно утѣшительно, отрадно и достолюбезно. Возставая противъ заблужденія, страсти, деспотизма, мы не будемъ враждовать на человѣка, который по слабости природы служитъ ихъ несчастнымъ орудіемъ. *Любите враговъ вашихъ*, сказалъ Господь, *благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за тѣхъ, кто васъ обижаетъ и гонитъ*. Итакъ, братья христіане, да не будетъ въ насъ другихъ помышленій при нашихъ христіанскихъ занятіяхъ, кромѣ помышленій о любви, молитвѣ и мирѣ.

Во-вторыхъ, мы удалимъ отъ себя любопрѣніе. Суетная словопрительность противна духу Церкви Божіей, то есть, духу кротости, смиренія и назиданія. Къ чему опровергать то, что въ теченіе тысячи лѣтъ нѣсколько сотъ тысячъ разъ было опровергнуто со всею ясностію и удовлетворительностію? Поэтому, какъ кажется, мы всего лучше сдѣлаемъ, если предоставимъ явленіямъ и событіямъ римско-католическаго міра говорить самимъ за себя, безъ излишнихъ съ нашей стороны разсужденій.

Впрочемъ на первый разъ мы считаемъ необходимостію познакомить нашихъ читателей съ дѣйствующими лицами въ новѣйшихъ событіяхъ римско-католической церкви, а также съ принятымъ ими языкомъ для выраженія своихъ мыслей и убѣжденій.

Мы, православные русскіе, называемъ всѣхъ западныхъ христіанъ, имѣющихъ церковное общеніе съ епископомъ или папою римскимъ, безразлично римскими католиками, приписывая всѣмъ имъ одинаковый образъ мыслей объ іерархическомъ значеніи римскаго епископа и о всѣхъ другихъ особенностяхъ въ вѣроученіи, которыми римская церковь съ извѣстнаго времени отдѣлилась отъ единства съ Церковію вселенскою. На самомъ же дѣлѣ западные христіане, соблюдающіе общеніе съ римскимъ епископомъ, имѣютъ далеко не одинаковый образъ мыслей какъ о самомъ іерархическомъ значеніи римскаго епископа, такъ и о всѣхъ другихъ особенностяхъ въ своемъ вѣроученіи. Главнымъ образомъ они составляютъ двѣ противоположныхъ партіи (не упоминая о подраздѣленіяхъ меньшей важности), изъ которыхъ каждая имѣетъ собственное имя и по отношенію къ которымъ слова: *римскій*, или *католическій*, удерживаютъ только нарицательный смыслъ. Слово: *римскій* большею частію на ихъ языкѣ

значитъ не то, что дѣйствительно находится въ извѣстномъ итальянскомъ городѣ-Римѣ; но тожественно съ словомъ *истинный*. Равнымъ образомъ слово *католическій* значитъ у нихъ тоже, что *вселенскій* или *православный*. Итакъ каждая изъ упомянутыхъ двухъ партій называетъ и почитаетъ себя римскою и католическою церковію, то есть, церковію истинною и вселенскою, или православною, отвергая всякое право на такое наименованіе у своей противной стороны, и называетъ своихъ противниковъ то бѣдными и заблуждающимися братіями, которымъ должно открыть глаза, то ненаученными вѣрѣ, то даже еретиками.

Эти двѣ партіи не раздѣлены между собою географически, такъ, чтобы можно было указать, гдѣ конецъ одной и начало другой. Одна изъ нихъ называется ультрамонтанскою, или по ту сторону горъ; другая цизмонтанскою, или по эту сторону горъ, и галликанскою. Въ прежнее время, дѣйствительно, одна изъ нихъ господствовала преимущественно за Альпами, то есть, въ Италіи; а другая по эту сторону горъ—во Франціи: но въ настоящее время онѣ перемѣшаны между собою вездѣ, хотя и теперь это географическое раздѣленіе между ними не вполнѣ еще лишено своего значенія. Между тѣмъ религіозныя убѣжденія, понятія и стремленія названныхъ двухъ партій весьма различны между собою.

Ультрамонтаны представляютъ собою ярыхъ приверженцевъ раскола и отжившей старины. Ихъ имя, по связи ученія и убѣжденій, всего приличнѣе производить отъ имени древняго фанатика и раскольника Монтана, по имени котораго послѣдователи его назывались въ древности монтанистами. Ультрамонтанское ученіе въ главныхъ чертахъ своихъ есть ученіе монтанское, возведенное до крайней степени ослѣпленія. Между тѣмъ какъ

апостолы молили Господа, чтобы увѣровавшіе по ихъ слову преспѣвали въ разумѣніи вѣры и, младенчествуя злобою, не были дѣтьми по уму, монтанисты требовали, и еще гораздо болѣе ультрамонтаны требуютъ отъ своихъ приверженцевъ самой безусловной слѣпой вѣры, рѣшительнаго отреченія отъ разума и свободы и всесовершенной преданности влеченію извращеннаго чувства. Превосходя въ этомъ отношеніи монтанистовъ, ультрамонтаны запрещаютъ даже чтеніе свящ. Писанія; нужно ли прибавлять, что всякое развитіе человѣческихъ познаній въ ихъ глазахъ есть преступленіе, за которое въ прежнія времена они влекли на костеръ и подвергали пыткамъ инквизиціи? Мало того, не обращая вниманія на слова Спасителя къ самарянской женщинѣ: «*повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу;... но настанетъ время, и настало уже, что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо таковыхъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ; Богъ есть духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ*» (Іоанн. 4, 21. 23 и 24), — не обращая вниманія на эти божественныя слова, монтанисты все христіанское совершенство полагали главнымъ образомъ въ строжайшемъ соблюденіи извѣстныхъ опредѣленныхъ обрядовъ и съ изувѣрнымъ ослѣпленіемъ считали соблюдавшихъ истинное ученіе Господа недостойными названія истинныхъ христіанъ. Ультрамонтаны же не только внѣшнему обрядовому богослуженію своего общества придаютъ такую монтанистическую, или языческую, важность; но и все вообще вѣроученіе свое, по звуку словъ и сопоставленію буквъ христіанское, излагаютъ въ такихъ чувственныхъ понятіяхъ, что оно представляется большею частію

противоположнымъ ученію Христову и носящимъ въ себѣ признаки идолопоклонства.

Если мы согласимся, что идолопоклонство есть усвоеніе божественныхъ свойствъ ограниченному созданію, а вмѣстѣ съ этимъ воздаваніе творенію такого почтенія, которое приличествуетъ единому Богу, и поклоненіе образу вмѣсто того, что изображается имъ; то это понятіе весьма точно характеризуетъ существенную и отличительную часть убѣжденій ультрамонтанской секты. Ультрамонтаны убѣждены со всею положительностію и безъ всякаго истолкованія, что глава христіанской Церкви есть римскій епископъ, — что Церковь есть едина не потому, что одинъ Господь и одни и тѣже для всѣхъ дарованныя Имъ средства ко спасенію, но потому, что одинъ епископъ римскій ,—что Церковь есть не богоосновaнное учрежденіе для спасенія людей, имѣющее главою своею Бога и освящающее вѣрующихъ богодарованными средствами ко спасенію чрезъ посредство служенія богопоставленной іерархіи, но просто — общество людей, признающихъ власть римскаго епископа. Римскаго епископа они почитаютъ непогрѣшимымъ. Обѣтованіе Господа о непоколебимости Церкви они относятъ не къ Церкви истинной, но къ церкви въ буквальномъ смыслѣ римской, то есть, той самой, которая находится въ итальянскомъ городѣ Римѣ; несокрушимую силу Церкви, равно какъ и независимость, полагаютъ въ непобѣдимости армій римскаго епископа и неприкосновенности его владѣній. Впрочемъ , приписывая римскому епископу божественныя свойства, ультрамонтаны съ обыкновенною непослѣдовательностію людей, подавляющихъ всякое размышленіе о Вѣрѣ , называютъ его не Богомъ истиннымъ, но только постояннымъ представителемъ Божества на

землѣ и земнымъ богомъ. Такъ, въ недавнее время одинъ польскій ультрамонтанистъ, нѣкто Владиславъ Кульчицкій, въ своей брошюрѣ, которую прославилъ похвалами французскій ультрамонтанскій журналъ «Міръ» (le Monde), возвѣстилъ людямъ, что преемникъ св. Петра есть такой представитель Бога, которому подчинена вся земля, la terre lui est soumise,—что онъ есть уполномоченный Того, Кто все создалъ и Кто получилъ отъ Отца въ наслѣдство обладаніе всѣми народами (1). Эта полуязыческая секта, запятнавшая себя кровью инквизиціи, злоупотребляя именемъ римскаго епископа, въ недавнее время провозгласила новое противохристіанское ученіе о Пресвятой Дѣвѣ Маріи; впрочемъ, мы вовсе не имѣемъ намѣренія излагать вполнѣ ея догматической системы, но предоставляемъ самимъ читателямъ судить по изложенной части ея вѣроученія о другихъ частяхъ, которыя всѣ одинаково запечатлѣны характеромъ чувственности.

Подобнаго рода религіозныя понятія всегда приводятъ своихъ приверженцевъ къ отождествленію религіозной жизни съ политическою. Такъ въ древнемъ языческомъ мірѣ римскіе императоры были вмѣстѣ и верховными первосвященниками. Такъ въ наше время мусульманскій падишахъ есть вмѣстѣ и калифъ, или преемникъ духовной власти Магомета, — китайскій богдыханъ есть вмѣстѣ и сынъ неба, или верховный жрецъ своего народа. Сообразно съ этимъ направленіемъ, отождествляющимъ небо и землю, духъ и плоть, власть небесную и власть земную, царство Божіе и царство человѣческое, ультрамонтаны вездѣ имѣютъ свой особый по-

(1) Il est le mandataire de celui par qui tout a 'été fait et qui a reçu du Pére les nationes en héritage.

литическій образъ мыслей. Вотъ слова одного французскаго писателя, объясняющаго, чтó разумѣютъ въ этомъ отношеніи во Франціи подъ названіемъ ультрамонтанства. «Во всякомъ обществѣ не столь юномъ, какъ напримѣръ, общество Соединенныхъ Штатовъ, необходимо существуетъ партія, опирающаяся на преданія вѣковъ минувшихъ. Противиться всякому нововведенію, всякому преобразованію и исправленію, хотя бы даже спасительному, въ законахъ, вѣрованіяхъ и нравахъ, — таковъ предметъ этой партіи, такова ея цѣль, таково ея постоянное стремленіе. Поддерживая, какъ нѣчто необходимое или божественное, все, что остается отъ стараго порядка вещей, она въ тоже время старается воскресить отжившее. Партія эта — вмѣстѣ политическая и религіозная (потому что въ раждавшихся обществахъ религія и гражданскій законъ смѣшивались между собою почти всегда) и состоитъ изъ элементовъ весьма разнородныхъ. Члены духовенства всѣхъ степеней, землевладѣльцы, слѣпо преданные порядку и видящіе порядокъ въ спокойствіи, а спокойстіе въ неподвижности, — весьма рѣдко тотъ или другой членъ средняго состоянія, или среднихъ сословій, и наконецъ — масса лицъ, принадлежащихъ къ бѣдному невѣжественному классу и живущихъ милостынею и милостью людей богатыхъ и знатныхъ, словомъ: представители того, что есть въ человѣческомъ обществѣ самаго высокаго и самаго низкаго, самаго почтеннаго и самаго презрѣннаго, — вотъ изъ какихъ лицъ составляется во всякой странѣ эта вѣчная и старая партія послѣдователей отжившимъ преданіямъ, которую называютъ въ Турціи партіей улемовъ, а во Франціи клерикальною или ультрамонтанскою. Въ послѣдней изъ этихъ странъ, о которой одной идетъ пока рѣчь, этотъ необходимый эле-

ментъ всякаго стараго общества представляетъ особенный характеръ. Здѣсь элементъ этотъ не національнъ, какъ въ Англіи, или въ Турціи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже противенъ принципу національности и политической независимости правительства. Ультрамонтанская партія, по своему образу мыслей, по своимъ правиламъ и дѣйствіямъ, охотно ставитъ себя въ зависимость отъ посторонней власти, которая для нея есть не только духовная власть, не имѣющая предѣловъ, но еще, по этому же, и первенствующая власть въ дѣлахъ свѣтскихъ. Члены ультрамонтанской, или клерикальной партіи прежде всего—римскіе католики. Отечество ихъ—ихъ церковь; Франція—не болѣе, какъ одинъ изъ ея департаментовъ. Ихъ столица — Римъ; ихъ государь — папа, а лице, занимающее французскій тронъ, только намѣстникъ этого государя. — Понятно, что у французскаго народа, проникнутаго сильнымъ чувствомъ независимости, такого рода ученіе никогда не могло привлечь на свою сторону большинства. Короли, представители и основатели французской національности, всегда боролись съ этимъ ученіемъ. Отъ Лудовика святаго до Лудовика XVIII, всѣ они, какъ Лудовикъ XIV, старались держать себя въ равномъ разстояніи и отъ религіознаго разрыва съ папою и отъ политической зависимости» (1).

Приведенный отрывокъ отчасти показываетъ не только кругъ господства ультрамонтанской партіи, но и тѣ силы, которыми она держится, — это приверженность къ феодальнымъ порядкамъ среднихъ вѣковъ и грубое невѣжество, свойственное черни. Притомъ же, кто въ душѣ

(1) Изъ газеты Nord, по переводу въ «Сѣверной Пчелѣ», № 227, стр. 934, — на 13-е число Октября 1860 г.

деспотъ, тотъ не можетъ не одобрять ученій, подавляющихъ всякую свободу мысли и воли. Кто преданъ чувственности, тотъ не можетъ не любить общества, въ которомъ религія, порабощенная плоти, указываетъ легкое средство къ успокоенію совѣсти во внѣшнихъ пожертвованіяхъ, или извѣстныхъ такъ называемыхъ дѣлахъ благочестія. Въ комъ пылкое и самоотверженное чувство, по недостатку надлежащаго руководства при воспитаніи, сильно развито на счетъ здраваго разсудка; тотъ легко проникается фанатическимъ изувѣрствомъ. Таковы психологическія причины, объясняющія возможность существованія въ наше время ультрамонтанской партіи! Деспотизмъ, чувственность и недостатокъ умственнаго развитія — это такое обширное поле въ человѣческомъ обществѣ, что ультрамонтанство, не смотря ни на какія пораженія, смѣло можетъ глядѣть на свою будущность и обѣщать себѣ продолжительное господство въ мірѣ, тѣмъ болѣе, что при обаятельномъ для толпы внѣшнемъ блескѣ, свойственномъ чувственности, оно не называется своимъ собственнымъ именемъ, но гордо прикрываетъ себя именемъ Христіанства!

Кромѣ изложенныхъ психологическихъ началъ, ультрамонтанская партія, какъ и всякое раскольническое общество, держится силою взаимнаго надзора и общей, нерѣдко дурно разсчитанной, выгоды. Никакъ не должно думать, чтобы всѣ предводители ея раздѣляли ея убѣжденія; но ихъ общественное положеніе, ихъ матеріальныя средства, наконецъ, ихъ происхожденіе и связи окружаютъ ихъ такою крѣпкою стѣною, что волею или неволею они должны бороться за ея выгоды. Къ сожалѣнію, располагая избраніемъ папы, она держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть западной церкви и чрезъ то имѣетъ въ

своемъ распоряженіи почти всѣ епископскія каѳедры. Общеизвѣстный и могущественный орденъ іезуитовъ, въ разныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и проявленіяхъ проникая повсюду, составляетъ ея коренную опору. Наконецъ историческія преданія ультрамонтанской секты, искусство и поэзія служатъ ей не менѣе важными поддержками, какъ нѣкогда служили язычеству въ борьбѣ съ Христіанствомъ.

Другая, цизмонтанская сторона западныхъ христіанъ, не прерывающихъ церковнаго общенія съ епископомъ римскимъ, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія и сочувствія. Преимущественно сосредоточиваясь во Франціи, она обыкновенно называется однако не французскою, но галликанскою, то есть, именемъ того христіанскаго народа, который въ древности соблюдалъ истинную вѣру вселенской Церкви и отъ котораго, послѣ его порабощенія, французы заимствовали первыя начала Христіанства. Христіанская Церковь между галлами, народомъ, въ древности населявшимъ нынѣшнюю Францію, основана и распространена была греческими христіанами Малой Азіи. Первыми епископами галловъ, сколько извѣстно, были св. Поѳинъ и св. Ириней, епископы ліонскіе, ученики св. Поликарпа, епископа смирнскаго, который, посылая въ разныя страны проповѣдниковъ Евангелія, такимъ образомъ послужилъ основанію Христіанства не только въ Галліи, но даже въ Германіи и Британіи. Галликанская церковь, первоначально имѣя греческихъ епископовъ, безъ сомнѣнія, имѣла и греческое богослуженіе. Впослѣдствіи она сблизилась съ церковію римскою и усвоила латинскій богослужебный языкъ; но всегда была вѣрна православію и чужда ультрамонтанскихъ предразсудковъ. Впослѣдствіи, когда французы завоевали

Галлію и приняли христіанскую вѣру, французская церковь постоянно болѣе и болѣе подчинялась вліянію церкви римской и наконецъ послѣ продолжительной и упорной борьбы подпала ея власти въ то самое время, когда выраженіе со стороны римскихъ епископовъ подобныхъ притязаній на власть въ церквахъ грековосточныхъ послужило причиною уклоненія въ расколъ всей церкви римской, а за нею и всего западнаго христіанскаго міра. Но духъ христіанской свободы и независимости, одушевлявшій нѣкогда церковь галликанскую, никогда не былъ совершенно подавленъ во Франціи. Всегда находилось въ ней значительное число просвѣщенныхъ христіанъ, возстававшихъ противъ заблужденій и предразсудковъ ультрамонтанства, вліяніе которыхъ, въ слѣдствіе того, съ теченіемъ времени было значительно ограничено разнаго рода договорами между французскимъ и папскимъ правительствами; так что церковь французская, не расторгая общенія съ римскимъ дворомъ, получила преимущественно предъ всѣми другими римско-католическими церквами исключительныя права свободы въ церковномъ управленіи (libertes de l'eglise gallicane). Это же самое стремленіе къ церковной независимости было причиною того, что она усвоила себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое древнее названіе, напоминавшее время совершенной ея свободы и свободнаго соблюденія ею православія во всей чистотѣ, равно какъ вполнѣ выражающее цѣль ея стремленій.

Мы не намѣрены здѣсь писать исторіи галликанской церкви для изображенія ея борьбы съ ультрамонтанствомъ и ея стремленій образовать изъ себя церковь чистую, православную, вполнѣ оправдывающую свое древнее знаменитое имя. Кто имѣетъ желаніе подробно прослѣдить

это, тому рекомендуемъ прекрасную исторію французской церкви (l'Histoire de l'église de France) глубоко ученаго и даровитаго аббата Гетте (Guettée),—сочиненіе, написанное въ духѣ безпристрастія и любви къ православію. Мы даже желали бы, чтобы кто нибудь, знающій французскій языкъ, посвятилъ свой досугъ переводу этой книги на русскій языкъ, въ полной увѣренности, что это будетъ полезно и для него самого и для всей нашей публики. Тѣ же, кто не читаетъ по французски, могутъ достаточно ознакомиться съ особенностями галликанской церкви по сочиненію одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, покойнаго протоіерея Дмитрія Степановича Вершинскаго, подъ заглавіемъ: «о галликанской церкви въ настоящемъ устройствѣ ея». Тѣмъ не менѣе намъ необходимо представить въ общихъ чертахъ теперь же, чѣмъ должна быть галликанская церковь по своему оффиціальному положенію, и въ какомъ она состояніи находится на самомъ дѣлѣ.

Оффиціальнымъ выраженіемъ галликанизма служитъ декларація французскаго духовенства, составленная подъ редакціею знаменитаго Боссюэта, 19 марта, 1682 года. Этою деклараціею утверждены были слѣдующія четыре постановленія: 1., такъ какъ преемники св. Петра, и даже вся Церковь, имѣютъ отъ Бога власть только въ дѣлахъ Вѣры и спасенія; то гражданская верховная власть не подчинена церковной въ дѣлахъ мірскихъ. 2., И та власть, которую преемники св. Петра имѣютъ въ дѣлахъ духовныхъ, не выше власти Вселенскаго Собора, сего истиннаго представителя всей каѳолической Церкви, опредѣленіямъ котораго долженъ повиноваться всякій христіанинъ, какого бы ни былъ званія и достоинства 3., Папа долженъ пользоваться своею властію по отношенію ко всей

церкви сообразно съ постановленіями, принятыми всею церковію, а по отношенію къ галликанской — сообразно съ обычаями и законами, имѣющими силу во Франціи и признававшимися *съ древнихъ временъ* самимъ папскимъ престоломъ. 4., Хотя папа имѣетъ главное участіе въ рѣшеніи вопросовъ догматическихъ, и его декреты касаются всѣхъ церквей, однако его сужденіе не есть *непреобразуемо* (irreformable), если не будетъ на него согласія церкви.»—Такимъ образомъ галликанцы совершенно справедливо усвояютъ непогрѣшимость не папѣ, но Церкви. Докладчикъ собранія 1682 года, Шуазёль, епископъ турнейскій (Tournai), въ окружномъ посланіи къ епископамъ галликанской церкви объявилъ, что, удерживая мнѣніе о непогрѣшимости папъ и ихъ власти надъ соборами (т. е. заблужденія ультрамонтанской или папистической партіи), не возможно остаться не только французомъ, но и христіаниномъ. Людовикъ XIV, утвердивши эту декларацію, объявилъ ее государственнымъ закономъ, повелѣвши содержащееся въ ней ученіе преподавать во всѣхъ, а особенно въ духовныхъ, учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Не смотря на папскія протестаціи, это повелѣніе не однократно повторено было преемниками Людовика XIV. Послѣ революціи, по возстановленіи дружественныхъ сношеній съ Римомъ, французское правительство, 25 февраля 1810 года, опять подтвердило силу деклараціи 1682 года и до настоящаго времени требуетъ, чтобы духовенство строго сообразовалось съ нею. Такъ какъ постановленія Тридентинскаго Собора (1545—1563 г.), заключающія въ себѣ полное выраженіе и подтвержденіе ультрамонтанства, не были приняты галликанскою церковію; то и всѣ рѣшенія папскаго совѣта, или такъ называемой священной коллегіи кардиналовъ, учрежден-

ной Сикстомъ V (1588 г.) для истолкованія постановленій Тридентинскаго Собора, какбы основныхъ церковныхъ законовъ, долженствующихъ имѣть приложеніе ко всѣмъ частнымъ случаямъ, для галликанской церкви не имѣютъ значенія. Равнымъ образомъ галликанская церковь никогда ни признавала ни ультрамонтанскихъ законовъ касательно инквизиціи, ни такъ называемаго очистительнаго указателя (index expurgatorius) ультрамонтанской цензуры, осуждающаго всѣ противопапистическія сочиненія, и орденъ іезуитовъ, цвѣтъ и сила ультрамонтанъ, можно сказать, никогда не былъ терпимъ ею. Наконецъ отношенія галликанской церкви къ папѣ, совершенно прерванныя въ 1791-мъ году, со всею подробностію вновь были подтверждены при Наполеонѣ I конкордатомъ, или договоромъ 15-го іюля 1801 года между папскимъ и французскимъ правительствами и пояснены сверхъ того въ прибавленныхъ къ нему такъ называемыхъ «органическихъ постановленіяхъ» (les atricles organiques). Вотъ главнѣйшія узаконенія наполеоновскаго конкордата:

«Католическая вѣра свободно и открыто будетъ исповѣдуема во Франціи, безъ всякаго противодѣйствія правительственнымъ распоряженіямъ, дѣлаемымъ въ видахъ общественной безопасности. Папскій престолъ въ согласіи съ французскимъ правительствомъ опредѣлитъ во Франціи новое распредѣленіе епархій.—Папа предложитъ всѣмъ прежнимъ епископамъ Франціи, въ 1791 году сверженнымъ галликанскою церковію за непризнаніе такъ называвшейся «Гражданской Конституціи духовенства»(Constitution civile du clergé), утвержденной Людовикомъ XVI-мъ 27-го декабря 1790 г. и имѣвшей цѣлью возстановить древнія права галликанской церкви во всей силѣ,— предложитъ имъ сложить

съ себя свою власть, въ случаѣ же отказа съ ихъ стороны будетъ считать ихъ лишенными всякой власти по силѣ своего полномочія и признаетъ въ санѣ всѣхъ епископовъ, съ 1791 года занявшихъ во Франціи ихъ мѣсто по избранію галликанской церкви. — Папа не можетъ самъ собою, безъ согласія правительства, поставлять архіепископовъ и епископовъ для французскихъ епархій, ни перемѣщать ихъ съ одной каѳедры на другую; не можетъ учреждать самовольно новыхъ епархій, или уничтожать прежнія; не можетъ никого требовать къ себѣ на судъ, такъ чтобы всякій судился во Франціи и французами; не долженъ вмѣшиваться въ распоряженія церковными имуществами, по отобраніи которыхъ правительство обязалось дать (и дѣйствительно дало) галликанскому духовенству потребное содержаніе; не можетъ дѣлать денежныхъ сборовъ во Франціи, подъ какимъ бы ни было предлогомъ и наименованіемъ; не можетъ самъ собою увеличить пошлинъ за епископскія ставленныя грамоты, или исполнять обязанности, лежащія на мѣстныхъ епископахъ, — подвергать церковнымъ наказаніямъ, отлучать отъ церкви, запрещать или поставлять священниковъ; епископы передъ посвященіемъ и вступленіемъ въ должность даютъ присягу въ вѣрности правительству, и проч.— Никакой буллы, никакой папской грамоты, никакого папскаго распоряженія, опредѣленія, извѣщенія, утвержденія въ должности, коротко сказать, ни одного слова отъ имени папы, какого бы оно ни было значенія и содержанія, хотя бы касалось самыхъ обыкновенныхъ предметовъ и самыхъ ничтожныхъ случаевъ, не можетъ быть пропущено, опубликовано, напечатано, или приводимо въ исполненіе во Франціи безъ разрѣшенія французскаго правительства. Профессоры семинарій будутъ преподавать

своимъ воспитанникамъ извѣстныхъ четыре постановленія деклараціи французскаго духовенства, 1682-го года, и епископы представятъ министру вѣроисповѣданій ручательство въ этомъ. Въ томъ случаѣ, когда какая нибудь епископская каѳедра будетъ вакантна, епархіею будетъ управлять митрополитъ. Генеральные викаріи по смерти епископа будутъ безостановочно отправлять свои обязанности впредь до опредѣленія его преемника. Приходскіе священники будутъ по церковному чиноположенію совершать только тѣ браки, которые напередъ заключены гражданскимъ порядкомъ,»—и проч. и проч.

Послѣ разнаго рода возраженій, жалобъ, колебаній и протестацій, конкордатъ былъ утвержденъ папою Піемъ VII-мъ 13 августа 1801 года, и постановленія его приняты къ исполненію при общей радости галликанской церкви, которая прославила обнародованіе конкордата и органическихъ постановленій торжественнымъ праздникомъ, 18 апрѣля 1802-го года.

Такимъ образомъ, судя по документамъ, церковь галликанская совершенно независима отъ ультрамонтанской секты, и римскій епископъ остается для нея только первенствующимъ по чести иноземнымъ епископомъ, безъ всякихъ правъ суда и участія въ ея управленіи. Мало того, слѣдуя указаніямъ оффиціальнымъ, мы можемъ удостовѣриться, что и къ другимъ особенностямъ ультрамонтанской секты она также мало прикосновенна. Внутренній порядокъ ея управленія есть синодальный, или соборный, слѣдовательно вполнѣ соотвѣтствующій божественному благоустройству христіанской Церкви. Хотя тридцать девятымъ органическимъ постановленіемъ признано за лучшее, чтобы галликанская церковь имѣла однообразіе въ обрядовомъ богослуженіи; однако она ни-

когда не считала обрядоваго однообразія догматическою необходимостію и доселѣ имѣетъ около десяти обрядниковъ (rituels) въ разныхъ своихъ епархіяхъ. Правда, французская церковь вмѣстѣ со всѣми другими западными церквами и значительными религіозными общинами проповѣдуетъ «исхожденіе Святаго Духа и отъ Сына,» — давнишній ультрамонтанскій догматъ; но она проповѣдуетъ его, не какъ догматъ, подобно ультрамонтанской сектѣ, а какъ старинное мѣстное мнѣніе западныхъ церквей. Притомъ же галликанская церковь не имѣетъ общепринятаго катихизиса, котораго выраженія были бы оффиціально обязательны для всѣхъ ея членовъ. Словомъ, не входя въ настоящее время безъ нужды въ подробный разборъ ея вѣроученія, можно сказать, что она, очевидно, стремится быть вѣрною преданіямъ своей древности, и слѣдовательно — древнему и всегда неизмѣнному православію.

Такова галликанская церковь по своему оффиціальному положенію!

Такою же, по видимому, она должна бы быть и на самомъ дѣлѣ; но въ дѣйствительности совсѣмъ не то. Мы сдѣлали выше выписку объ ультрамонтанахъ изъ одного французскаго изданія. Авторъ французъ, описывая кругъ существованія ультрамонтанской партіи во Франціи, рисуетъ ее раскольническою сектою, которая не иначе можетъ представить себѣ истинную Церковь, какъ съ патріархомъ въ главѣ ея, возсѣдающимъ на каѳедрѣ, поднятой отъ пола ступенекъ на двѣнадцать, или пожалуй болѣе, не иначе воображаетъ себѣ православіе, какъ въ старомодномъ шитомъ платьѣ, съ небритою бородою и съ множествомъ безконечныхъ церемоній, наконецъ не довольна никакимъ современнымъ правительствомъ, желая

видѣть на тронѣ, по старинному, королей слабыхъ, развратныхъ, менѣе всего думающихъ о своемъ долгѣ и своихъ обязанностяхъ, но въ замѣнъ того преданныхъ ханжеству, обрядности и папѣ, — королей, при которыхъ бѣднымъ можно было жить сложа руки, милостынею, а богатымъ, по примѣру короля, распутствовать, тѣснить рабочій классъ народа и буянить, подавляя всякую искру мысли, чести и дѣйствительныхъ стремленій на пути къ исправленію. Подобная партія живо напоминаетъ намъ наши раскольническія секты; тѣмъ не менѣе мы сильно ошиблись бы, если бы подумали, что ультрамонтаны, или, какъ въ нашихъ русскихъ изданіяхъ чаще называютъ ихъ, клерикалы имѣютъ во Франціи, — не по логическому развитію событій, но въ дѣйствительности, — тоже самое значеніе, какъ у насъ раскольники. Огромная разность положенія сходныхъ партій въ двухъ, замѣтимъ между прочимъ, весьма сходныхъ между собою обществахъ заключается въ томъ, что наша церковь имѣла силу разъ навсегда стряхнуть съ себя средневѣковую моль невѣжества, праздности и ханжества, рѣшительно разорвавши всякую связь съ расколомъ; напротивъ галликанская церковь противоестественно поддерживаетъ съ своими раскольниками насильственную унію. Въ этомъ мы должны видѣть не свою доблесть, но слѣдствіе исторической разности въ положеніи двухъ церквей и безмѣрную къ намъ милость Божію. Наша лѣнь со всѣми необходимыми ея ассистентами была не менѣе французской и наши ультрамонтаны ни въ какомъ отношеніи не были менѣе яры и ретивы, чѣмъ ихъ галльскіе собраты. Но между тѣмъ, какъ нашихъ раскольниковъ соборъ восточныхъ патріарховъ осудилъ, какъ противниковъ православія, французскихъ—римскій патріархъ всегда поддер-

живалъ и поддерживаетъ со всею энергіею главы раскола. Оттого разорвать связь съ ультрамонтанами для галльской церкви значило и значитъ тоже самое, что разорвать связь со всѣми другими западными церквами христіанскаго міра и поставить себя на западѣ въ уединенное положеніе. Но, конечно не безъ соизволенія воли Божіей, она доселѣ не сдѣлала этого. Французская церковь, дозволимъ себѣ сказать, благоговѣя предъ непостижимыми судьбами Промысла, — въ ряду другихъ западныхъ церквей имѣетъ великое призваніе — быть ихъ передовою руководительницею. Сколько мы можемъ сравнивать теченіе событій, она всегда въ исторіи западнаго христіанскаго общества занимала то передовое, по уразумѣнію истиннаго Христова ученія, мѣсто, которое на востокѣ всегда принадлежало и принадлежитъ церкви греческой. Такимъ образомъ, находясь въ связи съ другими западными церквами и пользуясь ихъ родственнымъ единеніемъ, она братски ведетъ ихъ за собою по своему пути и, — кто уразумѣлъ умъ Господень, или кто былъ совѣтникомъ Господу? — быть можетъ, приведетъ ихъ вмѣстѣ съ собою къ единству со всѣми Божіими церквами; тогда какъ, оттолкнувши ихъ отъ себя и оторвавши отъ нихъ руку, она оставила бы ихъ гибнуть въ неисходномъ мракѣ. При этомъ мы должны замѣтить и еще, что, между тѣмъ какъ западные раскольники, или паписты въ теченіе вѣковъ успѣли развить въ себѣ твердую политическую систему, поддерживаемую римскимъ дворомъ, всегда желающимъ властвовать на развалинахъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ властей, раздробленныхъ, разрозненныхъ и вслѣдствіе того ослабленныхъ до безсилія, — въ нашихъ раскольникахъ идея подобной системы была легко подавлена въ

самомъ зародышѣ, потому что была противна преданіямъ апостольской руководительницы нашей — православной греческой церкви и духу содержимаго ею православнаго ученія Іисуса Христа, единаго всѣхъ Учителя, заповѣдавшаго нашимъ пастырямъ, что Церковь Его есть царство не отъ міра сего и что самъ Онъ, какъ основатель Церкви, приходилъ совсѣмъ не для того, чтобы быть судьею въ дѣлахъ мірскихъ. Изъ этого сравненія легко понять, что между тѣмъ, какъ русская церковь поступила вполнѣ благоразумно и послѣдовательно, разорвавъ всякую связь съ своими неразумными приверженцами средневѣковаго невѣжества; церковь галликанская съ не меньшею историческою послѣдовательностію, можетъ быть, даже не съ меньшимъ благоразуміемъ медлитъ этимъ разрывомъ ко благу большинства западныхъ церквей. Но въ замѣнъ того, церковь галликанская должна съ своими ультрамонтанами вести борьбу упорную, непрерывную, всестороннюю и большею частію равносильную, а иногда, говоря по плоти, даже неравную.

Вотъ эта-то великая борьба въ римско-католическихъ церквахъ и преимущественно во Франціи,—борьба истины съ заблужденіемъ, свѣта со тьмою, православія съ расколомъ, Христова ученія съ человѣческою гордостію и чувственностію, будетъ предметомъ нашихъ посильныхъ наблюденій.

Мы надѣемся, что наши извѣстія не будутъ безъ-интересны для сыновъ православной Церкви: потому что истиннымъ ученикамъ Господа свойственно любить другъ друга, какъ бы они ни были раздѣлены, и православнымъ сынамъ Церкви близка къ сердцу борьба за православіе. — *Нѣцыи убо по зависти и ревности, друзіи же и за благоволеніе Христа проповѣдуютъ. Ови убо отъ ре-*

нія Христа возвѣщаютъ нечисть, мняще печаль нанести узамъ моимъ: ови же отъ любве, вѣдяще, яко во отвѣтъ благовѣствованія лежу. Что убо? — Обаче всяцѣмъ образомъ, аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемь есть,—и о семъ радуюся (Филипп. 1, 15—18),— такъ смотрѣлъ на подобныя обстоятельства апостолъ Павелъ.

И. Чельцовъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости. Заведеніе священниками школ для мальчиковъ и дѣвочекъ; важность для отечества сельскихъ школъ. Бытъ Якутовъ на островѣ Аттѣ. Случаи самосожигательства, кровосмѣшенія и святотатства. Начальственныя распоряженія по вѣдомству православнаго исповѣданія.

Согласно съ ходатайствомъ пресвященнаго Черниговскаго, опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 8-го декабря 1860 года, разрѣшено изданіе *Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, по представленной преосвященнымъ программѣ.

ПРОГРАММА ЧЕРНИГОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Часть оффиціальная.

I. Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству; указы и распоряженія Святѣйшаго Сvнода общіе, указательные и относящіеся собственно къ черниговской епархіи; ра-

споряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи, или значительной части оной.

II. Извѣстія о новыхъ духовныхъ учрежденіяхъ, о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о Высочайшихъ наградахъ и изъявленіи благодарности и благословенія отъ лица Святѣйшаго Сѵнода и епархіальнаго начальства за особенныя заслуги.

III. Назначеніе и увольненіе должностныхъ лицъ по мѣстной консисторіи, семинаріи, училищамъ, попечительству и священнослужительскимъ мѣстамъ епархіальнаго вѣдомства. Распоряженія начальства объ открытіи новыхъ приходовъ, или упраздненіи существовавшихъ, по особеннымъ мѣстнымъ уваженіямъ, объ увеличеніи или сокращеніи приходовъ и измѣненіи въ штатахъ оныхъ.

IV. Вызовъ просителей и лицъ духовнаго званія къ явкѣ въ консисторію, въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, въ семинарское правленіе и проч., на основаніи существующихъ на сей предметъ постановленій.

V. Объявленіе о праздныхъ священно-и-церковнослужительскихъ мѣстахъ при церквахъ, о постройкахъ и подрядахъ по епархіальному вѣдомству, о пожертвованіяхъ въ пользу монастырей, церквей и проч.

VI. Свѣдѣнія о постройкѣ и освященіи церквей, объ улучшеніи благосостоянія духовенства, объ особенныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ въ епархіи, о крещеніи иновѣрцевъ, присоединеніи къ православію, успѣхахъ православія въ мѣстахъ, населяемыхъ раскольниками.

VII. Свѣдѣнія объ открытіи сельскихъ приходскихъ школъ, о содѣйствіи духовенства народному образованію, объ успѣхахъ распространенія грамотности въ народѣ.

VIII. Извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ по разнымъ мѣстамъ епархіальнаго управленія, какъ то: по консисторіи, семинаріи, попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія, духовнымъ училищамъ, богодѣльнямъ и проч.

Часть неоффиціальная.

1. Краткія выписки изъ твореній св. отцевъ и писателей духовныхъ, имѣющія отношеніе къ духовнымъ нуждамъ паствы и къ руководству пастырей по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

2. Указаніе для священнослужителей предметовъ, о коихъ нужнѣе предлагать ученіе народу, смотря по его мѣстнымъ недугамъ нравственнымъ, а также наставленіе, какимъ образомъ благоуспѣшнѣе излагать и преподавать такія ученія.

3. Описанія, по частямъ, всего, что въ епархіи есть особенно примѣчательнаго касательно историческихъ событій и древностей церковныхъ, св. иконъ, утварей, крестныхъ ходовъ, священныхъ урочищъ и проч.

4. Пастырскія наставленія паствѣ; лучшія изъ поученій и бесѣдъ, особенно образцы простыхъ наставленій, при разныхъ случаяхъ, для поселянъ.

5. Духовные для нравственной жизни совѣты, особенно поучительные опыты и наставленія въ прохожденіи пастырскаго служенія.

6. Житія святыхъ или въ полномъ видѣ, или въ частяхъ, какъ примѣры благочестія; назидательныя размышленія.

7. Извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ въ Церкви Христовой.

8. Приглашенія къ участію въ благочестивыхъ предпріятіяхъ на помощь страждущимъ.

9. Указаніе назидательныхъ и полезныхъ для благочестія книгъ, съ краткимъ показаніемъ ихъ содержанія.

— Самарской епархіи, бузулукскаго уѣзда, села Страхова священникъ *Александръ Черемшанскій*, постоянно отличающійся преподаваніемъ своимъ прихожанамъ катихизическихъ поученій, въ послѣднее время убѣдилъ ихъ, чтобы тѣ изъ нихъ, у коихъ есть малолѣтнія дѣти, отдавали къ нему для обученія ихъ грамотѣ, соглашаясь заниматься обученіемъ ихъ безплатно. Прихожане съ охотою приняли предложеніе священника и 15-го сентября 1860 года у священника Черемшанскаго въ домѣ школа открыта, въ которой на первый разъ помѣстилось 14-ть мальчиковъ и 13-ть дѣвочекъ.

Помѣщикъ села Страхова, статскій совѣтникъ *Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ*, который всегда съ похвалою отзывался объ этомъ священникѣ, узнавши о заведеніи имъ у себя домашней школы, изъявилъ полную готовность устроить приличное и достаточное помѣщеніе для этой школы.

Такъ какъ въ приходѣ священника Черемшанскаго есть деревни другихъ вѣдомствъ, жители коихъ также охотно соглашаются отдавать къ священнику Черемшанскому въ школу дѣтей своихъ, то у г. Аксакова испрашиваемо было согласіе на допущеніе въ эту школу дѣтей другихъ вѣдомствъ, на что онъ съ своей стороны изъявилъ полное согласіе (¹).

— Княгининскаго уѣзда, села Большаго Мурашкина дьячекъ *Иванъ Кармазинскій*, со времени поступленія во дьячка, именно съ 1830 года марта 9-го дня, по бѣдности прихода, постоянно занимался и занимается обученіемъ дѣтей жителей села Большаго Мурашкина и, при своемъ постоянно хорошемъ поведеніи, въ теченіи трид-

(¹) Изъ донесенія Св. Синоду пр. Ѳеофила, епископа самарскаго и ставропольскаго, отъ 31-го октября 1860 года.

цати-лѣтней его службы успѣлъ обучить чтенію и письму болѣе полутораста человѣкъ. Почетные жители села Большаго Мурашкина единогласно свидѣтельствуютъ какъ о добромъ поведеніи дьячка Кармазинскаго, такъ и о его похвальной дѣятельности ([1]).

— Лукояновскаго уѣзда, заштатнаго города Починокъ, христорождественской церкви дьячекъ *Иванъ Тиховъ* съ самаго поступленія къ должности, съ 1843 по 1847 годъ, занимался въ своемъ домѣ обученіемъ дѣтей жителей разнаго вѣдомства въ заштатномъ городѣ Починкахъ, — будучи принятъ вмѣстѣ съ тѣмъ частно обучать дѣтей въ починковскомъ приходскомъ училищѣ, а въ 1847 году, когда число учениковъ въ приходскомъ училищѣ уменьшилось, съ разрѣшенія департамента государственнаго коннозаводства, утвержденъ помощникомъ наставника, гдѣ занимался, до замѣщенія въ 1849 году проходимой имъ должности студентомъ семинаріи, весьма прилежно. Съ 1849 года по настоящее время Тиховъ продолжаетъ обучать приходскихъ мальчиковъ въ своемъ домѣ до 30-ти человѣкъ каждогодно; обучаетъ же онъ ихъ кромѣ чтенія и чистописанія, закону Божію, священной исторіи, пѣнію, ариѳметикѣ и, по желанію родителей, россійской грамматикѣ. Сами жители заштатнаго города Починокъ и мѣстный протоіерей отзываются, что Тиховъ производитъ обученіе съ большимъ усердіемъ и ревностію, имѣя неослабное наблюденіе за нравственностію дѣтей. При обозрѣніи епархіи преосвященнымъ усмотрѣно, что въ его домѣ обучается мальчиковъ до 30-ти человѣкъ и дѣвочекъ до 30-ти же человѣкъ, и что училище, нахо-

([1]) Изъ донесенія св. Суноду преосв. Антонія, бывшаго епископа нижегородскаго, отъ 17 Іюня 1860 года.

дящееся въ его домѣ, въ удовлетворительномъ состояніи ([1]).

— Въ концѣ минувшаго октября въ 3-хъ приходахъ Бугурусланскаго уѣзда священники открыли въ своихъ домахъ школы для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей прихожанъ своихъ: 1) въ селѣ Большихъ-Толкаяхъ священникъ *Иванъ Вороновъ* обучаетъ 9-ть мальчиковъ и 5-ть дѣвочекъ чтенію, молитвамъ и заповѣдямъ Господнимъ, а жена его согласилась обучать дѣвочекъ необходимой въ хозяйствѣ работѣ, — какъ то: шить, прясть, и проч.; 2) въ Аманацкой слободѣ священникъ *Димитрій Горьковскій* также обучаетъ въ своемъ домѣ дѣвочекъ и мальчиковъ; и 3) въ двухштатномъ приходѣ села Пбряйкина священникъ *Левъ Щегловъ* съ женою обучаетъ въ своемъ домѣ 8 дѣвочекъ, а того же села священникъ *Василій Танкредовъ* обучаетъ 12-ть мальчиковъ. Изъ нихъ особенно священникъ Горьковскій успѣшно началъ обучать дѣтей своихъ прихожанъ, такъ что палата государственныхъ имуществъ изъ сосѣдственнаго села перемѣстила въ его приходъ казенное училище, съ тѣмъ, чтобы ему быть наставникомъ въ этомъ училищѣ. Протоіерей г. Бугуруслана *Павелъ Любимовъ* надѣлилъ вышеозначенныя вновь открытыя школы собственными азбуками славянской и гражданской печати ([2]).

— Вытегорскаго уѣзда въ кондушскомъ приходѣ, 14-го сентября сего 1860 года, открыто училище для обученія дѣтей женскаго пола закону Божію, чтенію, чистописанію, священной исторіи, церковному пѣнію и рукодѣлію.

([1]) Изъ донесенія тогоже преосвященнаго отъ 23 августа 1860 года.

([2]) Изъ донесенія Св. Синоду пр. Өеофила, епископа самарскаго и ставропольскаго, отъ 10 ноября 1860 года.

Начало открытія сего училища положилъ священникъ сей церкви Димитрій *Смирновъ*, который изъявилъ самъ желаніе преподавать законъ Божій и обучать церковному пѣнію, а содѣйствовали въ этомъ дѣлѣ: а) зять его, тойже церкви сверхштатный пономарь Иванъ *Зотиковъ*, который для помѣщенія училища предоставилъ свой домъ; б) жена его *Зотикова*, сестра священника Смирнова, Евдокія Васильева, изъявившая вмѣстѣ съ племянницей своей священническою дочерью Анастасіею *Поспѣловою* желаніе обучать дѣвочекъ безмездно чтенію, чистописанію, священной исторіи и рукодѣлью; и в) мѣстный церковный староста Андрей Поликарповъ *Игнатьевъ*, который содержаніе училища обезпечилъ тѣмъ, что весь ремонтъ по дому, книги, бумагу, перья и все нужное для рукодѣлья, равно освѣщеніе, отопленіе, наемъ сторожа и все требующееся на содержаніе дома въ порядкѣ принялъ на себя, первоначально на три года и уже употребилъ на устройство училища и классныя принадлежности сто двадцать руб. сер. Вслѣдствіе донесенія о семъ пр. Аркадіемъ, архіеписк. олонецк., Святѣйшій Сvнодъ 8-го декабря 1860 года положилъ: всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ объявить благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Въ январской книжкѣ *Странника* за настоящій годъ помѣщены извѣстія о двухъ училищахъ, заведенныхъ священниками рязанской епархіи: Михаиломъ Красавцевымъ и Несторомъ Тепловымъ. Училище о. Михаила, существующее съ 1852 г. въ г. Ряжскѣ, предназначено къ образованію дѣвицъ и выпустило уже второй четырехгодичный курсъ воспитанницъ. Училище о. Нестора открыто въ селѣ Кипчаковѣ для мальчиковъ 9 марта 1859 года. Въ числѣ учениковъ находились первое время по открытіи школы два сына священника, и примѣръ учредителя

школы, посылавшаго своихъ дѣтей въ нее, возбудилъ охоту и въ поселянахъ, которые на-перерывъ спѣшили отдавать въ наученіе своихъ дѣтей. Предметы обученія въ обоихъ училищахъ почти одинаковы; это—чистописаніе, чтеніе по славянски и по граждански, молитвы, краткая священная исторія съ краткимъ же катихизисомъ, отчасти грамматика—именно правописаніе, и отчасти же ариѳметика, и объясненіе литургіи и церковныхъ обрядовъ.

— *Въ Запискахъ Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства*, напечатанъ протоколъ одного изъ засѣданій общества. Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее: «г-нъ президентъ общества сообщилъ собранію, что онъ, желая содѣйствовать распространенію грамотности между народомъ, какъ первой ступени къ цивилизаціи, безъ которой не можетъ быть настоящаго улучшенія быта крестьянъ, пригласилъ многихъ священниковъ Владимірской губерніи, извѣстныхъ ему какъ ревнителей просвѣщенія, открыть въ домахъ ихъ школы для безвозмезднаго обученія крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Болѣе, чѣмъ отъ 20 священниковъ, въ короткій срокъ получено изъявленіе полнаго сочувствія и готовности къ этому приглашенію, и уже въ настоящее время съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго начальства приступлено въ разныхъ мѣстахъ къ безплатному обученію дѣтей. О числѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые будутъ обучаться въ этихъ безвозмездныхъ школахъ, священники хотѣли доставлять обществу свѣдѣнія.»

Мы представили извѣстія объ открытіи частныхъ сельскихъ школъ священниками и причетниками епархій;

Олонецкой, Рязанской, Нижегородской, Самарской, Владимірской. Привѣтъ доброму дѣлу и благодарность безкорыстному усердію лицъ, заботящихся объ образованіи меньшихъ братій! Дай Богъ, чтобы всѣ другія епархіи и въ поименованныхъ епархіяхъ другіе священники и причетники послѣдовали добрымъ примѣрамъ. Открытіе сельскихъ школъ частными лицами — явленіе утѣшительное и достойное подражанія, и мы съ удовольствіемъ заносимъ факты скромнаго, но истинно-полезнаго служенія отечеству нашихъ священниковъ и причетниковъ въ свою лѣтопись. Правительству за всѣмъ не усмотрѣть, всего не передѣлать, что̀ могутъ сдѣлать для образованія русскаго народа старанія и усердіе частныхъ лицъ. Доказательствомъ служатъ воскресныя школы, въ короткое время распространившіяся по всей Россіи. О пользѣ и необходимости воскресныхъ городскихъ школъ было бы излишне говорить: самая быстрота, съ какою увеличивается число ихъ, лучше всего говоритъ о потребности въ нихъ. Но воскресныя школы удовлетворяютъ только потребностямъ образованія городскихъ населеній, и главнымъ образомъ ремесленныхъ: земледѣльческое населеніе Россіи, населеніе самое многочисленное и важное въ нашемъ по преимуществу земледѣльческомъ государствѣ, отъ городскихъ воскресныхъ школъ мало можетъ получить для себя пользы; потому что ремесленники, по самому свойству своихъ занятій, большею частію будутъ жить въ городахъ. Для сельскихъ населеній нужны сельскія школы, и нужда въ нихъ особенно ощутительна въ настоящее время. Одинъ французскій историкъ Брои удивляется мудрости, съ какою Церковь Христова въ первые вѣка Христіанства начала уничтоженіе языческаго рабства не вдругъ, а постепенно. «Иначе, говоритъ онъ,

древній міръ, питавшійся производительностію рабскаго труда, былъ бы подвергнутъ опасности погибнуть съ голоду. Мгновенное уничтоженіе рабства отдало бы землю населеніямъ, безъ руководства не умѣвшимъ воздѣлывать ее, потому что древній рабъ — это было существо, неимѣющее инстинкта животныхъ и очень мало понятливости человѣческой. Много времени нужно было для того, чтобы создать и укрѣпить въ людяхъ то уваженіе къ себѣ самимъ и къ другимъ, то почтеніе къ труду, тѣ чувства достоинства и независимости, которыя сдѣлали новѣйшія общества способными поддерживать свое существованіе усиліями труда свободнаго.» Мы далеки отъ того, чтобы приравнять состояніе нашихъ крестьянъ къ состоянію древняго раба: но думаемъ, что грамотность и первоначальныя знанія теперь особенно нужны будутъ русскому сельскому населенію. На канунѣ великой реформы въ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, вслѣдствіе которой обязательный трудъ крестьянъ долженъ будетъ уступить мѣсто труду свободному, чуждому посторонней опеки, не можемъ безъ радости и полнаго сочувствія говорить о заведеніи духовенствомъ сельскихъ школъ. Нашъ крестьянинъ скоро лишится принудительнаго руководства со стороны болѣе образованнаго помѣщичьяго сословія; ему самому отдадутся въ полную свободу и въ независимое распоряженіе его время и его силы: очевидно, ему нужно дать образованіе, которое бы помогло ему безъ сторонней опеки благоразумно устроить порядокъ своей жизни и распорядиться своимъ временемъ и своими трудами съ пользою для себя и для государственнаго земледѣлія. Сельскія школы въ этомъ случаѣ—вопіющая необходимость. Особенно важно здѣсь то, чтобы одновременно открыть школы и для мальчиковъ и

для дѣвочекъ; воспитаніе послѣднихъ сдѣлаетъ дѣло распространенія грамотности и образованія сельскихъ сословій болѣе прочнымъ; женщины какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ менѣе заняты и рѣже оставляютъ свой домъ, чѣмъ мужчины, и грамотная крестьянка, особенно въ зимнюю и раннюю весеннюю пору, могла бы въ послѣдствіи учить грамотѣ своихъ дѣтей дома.

До сихъ поръ сельскія школы основывались изъ частныхъ лицъ либо помѣщиками, либо священниками и причетниками. Ожидая отъ помѣщиковъ въ будущемъ увеличенія числа школъ въ своихъ имѣніяхъ и содѣйствія другимъ въ этомъ дѣлѣ, мы все таки самаго дѣятельнаго участія въ дѣлѣ образованія сельскихъ сословій ждемъ отъ духовенства. *Пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ*, сказалъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, когда тѣ возбраняли имъ приближаться къ Нему, можетъ быть опасаясь, чтобы приходъ ихъ не прервалъ начатой Спасителемъ бесѣды. И для лицъ, поставленныхъ прилагать дѣло искупленія къ каждому въ частности, т. е. для священниковъ, можетъ быть, трудно отъискать другой видъ служенія обществу, кромѣ служенія исполненіемъ своихъ священныхъ обязанностей, который бы приличествовалъ ихъ сану и положенію, какъ самое тѣсное и привѣтливое сближеніе съ молодымъ поколѣніемъ членовъ Христовой Церкви, и самое искреннее стремленіе образовать ихъ умъ и сердце. Намъ кажется, что учрежденіе священниками сельскими школъ для дѣтей своихъ прихожанъ не можетъ не сопровождаться для нихъ самихъ благодѣтельными слѣдствіями. Сельскіе священники, въ настоящее время, рѣзко возвышаются своимъ образованіемъ надъ неграмотной массой прихожанъ. Въ нѣкоторыхъ глухихъ уѣздахъ поло-

женіе ихъ походитъ на положеніе англійскаго колониста, поселяющагося среди грубаго населенія вновь открытаго на океанѣ острова: есть приходы, въ которыхъ единственныя грамотныя лица — это лица, принадлежащія къ причту, которыя остаются единственными мѣстными цивилизаторами. Скука, огрубѣлость и нѣкоторые пороки, справедливо замѣчаемые и стольже несправедливо осуждаемые въ русскомъ духовенствѣ, составляютъ прямыя слѣдствія его одинокаго прозябанія. Во время своего воспитанія въ семинаріи священникъ жилъ и обращался съ товарищами, людьми одного съ нимъ умственнаго уровня. Съ выходомъ на мѣсто въ село начинается совсѣмъ другое: помѣщики, если они есть въ приходѣ, рѣдко сближаются съ священникомъ, въ разговорѣ съ крестьянами не много можно найдти удовольствія, книгъ нѣтъ при церквахъ, выписать не на что. Начинается жизнь скучная, однообразная: мудрено ли, что священники, и особенно даровитые между ними, у которыхъ силы просятъ дѣятельности, не имѣя съ кѣмъ и чѣмъ заняться вокругъ себя, ищутъ искуственными средствами ускорить, уразнообразить движеніе своей жизни или посредствомъ вина или посредствомъ новаго процесса въ консисторіи съ благочиннымъ, съ своимъ причтомъ или съ сосѣднимъ священникомъ. Для священниковъ были бы истиннымъ благодѣяніемъ занятія въ сельскихъ школахъ: ими они наполнили бы скучно тянущееся въ деревнѣ, особенно въ глубокую осень и зимой, время своей жизни, и въ тоже время въ этихъ занятіяхъ открыли бы возможность практическаго приложенія пріобрѣтенныхъ ими въ семинаріи знаній, которыя теперь безъ употребленія и ими самими большею частію забываются. Вмѣстѣ съ тѣмъ они приготовили бы для своихъ преемниковъ

грамотное поколѣніе прихожанъ, съ которыми сталъ бы возможенъ обмѣнъ мыслей и чувствъ.

Мы не намѣрены здѣсь входить въ практическія подробности устройства сельскихъ школъ; этотъ предметъ потребовалъ бы себѣ слишкомъ много мѣста, и мы когда нибудь впослѣдствіи возвратимся къ нему. Но здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что на нашъ взглядъ корреспондентъ «Русскаго Вѣстника» г. Георгіевскій (Соврем. Лѣт. 1861 г. № 1) во множествѣ требъ въ обширныхъ приходахъ напрасно видитъ препятствіе для священника заниматься дѣломъ распространенія грамотности между своими прихожанами. Въ обширныхъ приходахъ существуетъ по два и по три священника, дьяконъ, кромѣ того нѣсколько дьячковъ и пономарей, и въ случаѣ отлучки священника, его дѣло можетъ исполнить дьяконъ, дьячекъ или пономарь: грамотность, первыя правила ариѳметики не такія трудныя науки, чтобы для передачи ихъ крестьянскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ не годились дьяконъ или причетники. Выше указали мы нѣсколько примѣровъ школъ, заведенныхъ причетниками, и обученіе въ нихъ идетъ между тѣмъ удовлетворительно. А кромѣ того жены священниковъ, дьяконовъ, самыхъ причетниковъ? Всѣ онѣ почти умѣютъ читать. За тѣмъ еще остается огромное количество лицъ, вполнѣ способныхъ подъ надзоромъ священника заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей,—это окончившіе курсъ семинаріи или уволенные изъ нея воспитанники, остающіеся иногда по пяти лѣтъ и болѣе безъ мѣста, люди, не занятые ни чѣмъ, обыкновенно отъ бездѣлья въ эту пору дичающіе, которые за малое вознагражденіе могли бы помогать священнику. А такія лица въ нѣкоторыхъ покрайней мѣрѣ епархіяхъ чуть ли не существуютъ во всякомъ приходѣ. На содер-

жаніе школы, на книги, можно было бы учредить при церквахъ особыя кружки для сбора добровольныхъ подаяній, или осенью, когда крестьяне бываютъ по богаче, чрезъ церковныхъ старостъ дѣлать сборы деньгами, или еще лучше хлѣбомъ. Можетъ быть отъ сбора осталось бы что нибудь и на жалованье окончившимъ курсъ или уволеннымъ воспитанникамъ семинарій. Но, повторяемъ, мы не хотимъ въ этихъ замѣткахъ разсматривать вопроса о сельскихъ школахъ со стороны ихъ практическаго устройства. Мы хотѣли только показать нужду въ нихъ для сельскихъ сословій и пользу, какую могутъ извлечь для себя духовные изъ заведенія ихъ. Сельское духовенство должно серьозно приняться за это дѣло. Изъ грамотныхъ мальчиковъ могли бы составляться при церквахъ пѣвчіе, а для будущаго времени помощники духовенству въ самыхъ школахъ и вообще въ распространеніи грамотности по деревнямъ. Трудно начало: впослѣдствіи дѣло значительно облегчится.

Иногда отъ лицъ духовныхъ слышатся жалобы на упадокъ вліянія ихъ. Для общественнаго значенія и вліянія человѣка нужно желаніе и усиліе сдѣлать что нибудь полезное для общества: трудитесь на пользу общую, и ваше вліяніе возстановится въ прежней и даже большей силѣ. Безкорыстными и самоотверженными усиліями въ пользу образованія сельскихъ населеній воспитайте въ нихъ уваженіе и къ себѣ и другимъ, уваженіе къ труду, дайте имъ бо́льшія средства воспользоваться даруемымъ имъ правомъ на свободный трудъ съ бо́льшею пользою для себя и для государственнаго земледѣлія, и тогда, повѣрьте, и послѣдующія поколѣнія не забудутъ услуги, оказанной вами. Безмездные труды ваши доставятъ вамъ

всеобщее уваженіе, сочувствіе и содѣйствіе (1), а отсутствіе вознагражденія навѣрно (по крайней мѣрѣ желательно было бы это!) уравновѣсится отсутствіемъ излишнихъ затрудненій въ родѣ формальныхъ дозволеній, отношеній, донесеній и т. под.

На ряду съ такими утѣшительными событіями, какъ открытіе въ разныхъ епархіяхъ священниками и причетниками сельскихъ школъ, которыя, надѣемся, вызовутъ соревнованіе въ русскомъ сельскомъ духовенствѣ, заносимъ въ нашу лѣтопись нѣсколько фактовъ мрачныхъ, но которые прямо указываютъ на необходимость для сельскихъ сословій бо́льшаго образованія умственнаго и нравственнаго.

Въ прошломъ году «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщили извѣстія о двухъ случаяхъ самосожигательства, бывшихъ въ Олонецкой и Московской губерніяхъ, вслѣдствіе особаго рода помѣшательства, извѣстнаго подъ именемъ mania religiosa. Въ 11 № «Вѣдомостей» 1861 года помѣщено извѣстіе еще объ одномъ изъ такихъ случаевъ. «Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, деревни Бурковой крестьянинъ Яковъ Григорьевъ 13-го декабря разложивъ костеръ дровъ въ своемъ овинѣ, поджегъ его и, нанеся себѣ нѣсколько ранъ топоромъ на ногахъ и на лѣвой рукѣ, легъ животомъ на горѣвшій костеръ, но, будучи не въ силахъ вынести боли, сталъ кричать. На крикъ сбѣжались сосѣди и сняли Григорьева съ костра.

(1) Лица, которыя желали бы посильными денежными и др. пожертвованіями содѣйствовать открытію и удобствамъ сельскихъ школъ при церквахъ, могутъ доставлять свои пожертвованія въ редакцію «Христіанскаго Чтенія». А она будетъ препровождать ихъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ, предварительно напечатавъ о нихъ въ своемъ журналѣ.

При допросѣ Григорьевъ показалъ, что онъ желалъ пострадать для спасенія души и грѣшнаго тѣла.»

Неизвѣстно, принадлежалъ ли крестьянинъ Григорьевъ къ числу раскольниковъ, у которыхъ религіозное изувѣрство составляетъ историческое ихъ наслѣдство. Но слѣдующій случай самосожженія, помѣщенный въ 14 № «Вѣдомостей», былъ съ раскольникомъ. Въ истекшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ одинъ изъ казанскихъ мѣщанъ, тайно принадлежавшій къ какой-то старообрядческой сектѣ, затопивши у себя въ дому печь, голый бросился туда, вмигъ былъ охваченъ пламенемъ и прежде, чѣмъ кто нибудь успѣлъ войдти въ комнату, сгорѣлъ.»

Сообщенные нами случаи показываютъ конечно недостатокъ здравыхъ религіозныхъ понятій при возбужденномъ религіозномъ настроеніи. Слѣдующій разсказъ обнаруживаетъ извращеніе самыхъ природныхъ инстинктовъ, при чемъ допущены два самыхъ противоестественныхъ преступленія. Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда близъ Долецъ, содержатель постоялаго двора, безсрочно отпускной рядовой Иванъ Воронцовъ (46 лѣтъ) изобличенъ въ преступной связи съ дочерью своею Аксиньею (23 лѣтъ). По изслѣдованію оказалось, что Воронцовъ прижилъ съ дочерью двоихъ дѣтей. Одного ребенка они скрыли, трупъ котораго найденъ у нихъ въ сараѣ; другимъ въ настоящее время Аксинья беременна. Воронцовъ и дочь его Аксинья въ кровосмѣшеніи сознались; они взяты подъ стражу и преданы суду; — кровосмѣшеніе отца съ дочерью и дѣтоубійство съ согласія отца и матери!..

На ряду съ случаями религіознаго изувѣрства газеты разсказываютъ нѣсколько случаевъ совершенно противоположнаго порока,—святотатства. Въ г. Гайсинѣ проживающій тамъ по паспорту бобринецкій мѣщанинъ Ма-

кій Берленко, 12-го ноября прошлаго года войдя въ соборную церковь во время богослуженія, скрылся на хорахъ и оставался тамъ, пока церковь не была заперта. Послѣ сего разбилъ ящикъ и взялъ изъ него 4 руб. 38 коп. сер., а когда за тѣмъ церковь отперли для отправленія вечерни, онъ незамѣтно вышелъ. Во всемъ этомъ Берленко сознался добровольно (Сѣвер. Пч. 1861 г. № 3). Другой случай былъ въ Пензенской губерніи. Въ селѣ Боголюбовкѣ Городищенскаго уѣзда 3 декабря изъ церкви черезъ взломъ замковъ у двери и у кружки похищены деньги, количество которыхъ еще неизвѣстно (Сѣв. Пч. № 9).

Эти случаи самыхъ странныхъ преступленій ясно свѣта доказываютъ настоятельную потребность приняться за образованіе многочисленнѣйшаго низшаго сословія, за раскрытіе въ немъ добрыхъ природныхъ инстинктовъ, за сообщеніе ему здравыхъ понятій религіозныхъ, что все вмѣстѣ поведетъ необходимо и къ улучшенію его матеріальнаго быта. А при улучшеніи послѣдняго едва ли будутъ возможны такіе факты, какъ описанные нами случаи святотатства: по всей вѣроятности крайняя нищета и голодъ вынудили преступную рѣшимость обокрасть храмы Божіи, и мы съ сожалѣніемъ указываемъ на ихъ преступленія.

Теперь отъ болѣе близкихъ, отъ единоплеменныхъ перейдемъ къ болѣе отдаленнымъ иноплеменнымъ единовѣрцамъ и соотечественникамъ, обитающимъ въ Американскихъ владѣніяхъ Россіи, которымъ ихъ горькое полудикое существованіе даетъ право на такое же сочувствіе образованныхъ христіанъ и друзей человѣчества, какимъ проникнуто письмо одного передоваго распространителя

христіанской цивилизаціи въ этомъ краѣ. Мы разумѣемъ письмо преосвященнаго епископа новоархангельскаго, присланное имъ въ редакцію Душеполезнаго Чтенія [1], въ которомъ онъ повѣствуетъ о своемъ плаваніи по Восточному океану. Сообщаемъ изъ него нѣсколько извлеченій. Изъ Аяна онъ отправился 11 октября 1859 года на желѣзномъ пароходѣ. «Съ перваго же раза вѣтры намъ не благопріятствовали, а у Курильскихъ острововъ встрѣтилъ насъ штормъ такой свирѣпый, что съ громадныхъ волнъ срывалъ гребни, превращалъ ихъ въ водяную пыль, какъ зимой бываетъ въ степяхъ въ большую вьюгу; такъ онъ разсѣявалъ воду въ воздухѣ, такъ что и свѣта Божьяго не видно было; а волны то и дѣло хлестали на палубу... Потомъ за Курильской грядой, послѣ четырехдневнаго довольно спокойнаго плаванія, опять подули сильные противные вѣтры... Нашъ пароходъ отъ большой качки и ударовъ волнъ расшатался, открылась большая течь въ среднемъ трюмѣ, въ которомъ положены были вмѣстѣ съ компанейскою кладью и всѣ мои вещи и архіерейская ризница». Ризница и вещи преосвященнаго Петра потонули. Капитанъ при видѣ опасности потопленія направляетъ пароходъ на ближайшій островъ Атту, обитаемый алеутами. Островъ отстоялъ всего 200 верстъ, но пароходъ вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ прибылъ туда уже на 5 день. За тѣмъ преосвященный описываетъ островъ, бытъ аттскихъ алеутовъ и свое трехмѣсячное пребываніе между ними, пока поправляли пароходъ. «По неимѣнію лѣса на островѣ, пишетъ онъ, кромѣ выкидываемаго изъ моря, алеуты, до 240 душъ обоего пола, живутъ здѣсь въ землянкахъ, сырыхъ, холодныхъ, въ которыхъ воздухъ убійственно удушливъ отъ

---

[1] Ноябрьск. кн. 1860 г.

гнилости... Не много лучше была и та клѣтушка, въ которой и я жилъ или, лучше сказать, страдалъ. (Онъ помѣстился въ жилищѣ компанейскаго прикащика). Правда, это была не простая землянка, а хижина, построенная изъ досокъ, обложенная дерномъ; въ ней были комнаты, зало и спальня, каждая въ одну квадратную сажень, если не меньше. На нашу бѣду дождь ливмя лилъ каждый день до декабря; чрезъ дернъ вода протекала до стѣнъ клѣти, которыя отъ того были всегда мокры, покрылись плесенью, на гниломъ полу въ углахъ даже грибы росли... Хотя желѣзный каминъ былъ въ спальнѣ, но отъ него было не столько тепла, сколько угара. Пока топится, жаръ отъ него нестерпимый, такъ что нельзя возлѣ него сидѣть, да и дымомъ наполнялись всѣ мои палаты. Когда закрывали отверстіе или трубу камина, то отъ углей былъ угаръ. И дымъ и угаръ не давали возможности сидѣть въ комнатѣ, а выдти не куда. Подъ открытымъ небомъ нельзя было прогуливаться, потому что непрерывно почти лилъ дождь и вѣтеръ дулъ съ такою силою, что песокъ и мелкій камешникъ какъ пыль развѣвалъ, и на ногахъ трудно было стоять... Когда дождь не много поутихнетъ, выйдешь бывало на берегъ прогуляться, чтобы сколько нибудь разсѣять горе; но видишь, что небо мрачно, вѣтеръ со свистомъ бушуетъ, море страшно шумитъ, разъяренныя волны съ ревомъ бросаются на прибрежные камни и отъ удара превращаются въ кипящую пѣну, такъ что сердце сжимается отъ страха, при мысли, какъ намъ плыть въ Ситху по такому бурному морю на пароходѣ ненадежномъ... Въ письмѣ нельзя высказать и сотой доли того, сколько горести перечувствовало тогда мое сердце, и утѣшенія больше никакого не было, кромѣ чтенія единственной книги—

библіи, найденной у одной старухи. Мои книги всѣ погибли, какія со мною были. Въ каютѣ моей сохранилась священническая риза съ эпитрахилью. Въ ней я служилъ въ часовнѣ всенощные, обѣдницы, молебны. Алеуты усердно ходили къ богослуженію, особенно много было дѣтей всѣхъ возрастовъ. Не смотря ни на какой вѣтеръ, дождь или вьюгу, всѣ бѣгомъ бѣгутъ въ часовню. Одинъ алеутъ — писарь довольно хорошо знаетъ пѣніе и чтеніе церковное; онъ читаетъ и поетъ въ часовнѣ, какъ можетъ мірянинъ. Отъ него научаются и другіе алеуты; на память знаютъ многія стихиры, ирмосы и поютъ довольно хорошо. На Рождество Христово почти всѣ перебывали у меня, славили Христа на алеутскомъ и славянскомъ языкахъ, пѣли хоромъ мастерски, и нѣкоторые даже говорили рѣчи.» Особенно поразительны тѣ строки въ письмѣ преосвященнаго, гдѣ онъ касается жизни алеутовъ. «Алеуты живутъ, можно сказать, въ бѣдственномъ положеніи: въ землянкахъ сыро и холодно, а топить не чѣмъ; одежды мало, а дѣти почти полунагіе ходятъ и зимою; большихъ рѣкъ нѣтъ, а въ малыхъ мало рыбы, въ морѣ ловить не удобно, да и неводовъ нѣтъ, а крючьями не много можно наловить. Потому они особенно зимою терпятъ голодъ, иногда по два и по три дня нечего бываетъ ѣсть, кромѣ травныхъ корней и морской капусты. Хлѣба и овощей тоже нѣтъ. Природа на островѣ гористая, каменистая, безплодная, дикая, угрюмая. Но алеуты, съ малолѣтства не видя ничего лучшаго, вѣрно привыкли къ своему житью, безъ ропота переносятъ всѣ трудности, такъ что мнѣ стыдно было предъ ними за свое малодушіе. Господь, можетъ быть, для того и привелъ меня на островъ видѣть, какъ живутъ бѣдные алеуты, чтобы поучиться у нихъ терпѣнію и преданности во-

лѣ и провидѣнію Божію, и чтобы послѣ не малодушествовать среди встрѣчающихся трудностей, въ которыхъ не будетъ недостатка въ Америкѣ.» Едва ли въ Русскомъ царствѣ есть еще подобныя мѣста, гдѣ бы въ такой высокой степени сама природа пріучала обитателей къ терпѣнію, какъ это на американской оконечности Русскаго государства, и гдѣ бы цивилизація предстояло такъ много сдѣлать въ будущемъ для благополучія края. Православная Церковь идетъ впереди ея, внося въ терпѣніе дикарей нравственный характеръ христіанскаго подвига: да послѣдуетъ за нею общественная благотворительность и да облегчитъ она страданія этихъ отдаленныхъ и иноплеменныхъ собратій по вѣрѣ. Преосвященный Петръ отправился съ острова 24 января, прошлаго года, а 8 февраля былъ уже въ Ситхѣ; въ концѣ мая онъ намѣревался опять предпринять вмѣстѣ съ губернаторомъ путешествіе по русскимъ колоніямъ на островахъ и материкѣ. Молимъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ благовѣстника архипастыря, подвизающагося въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ отечества, отъ тѣхъ бѣдствій, какія пришлось потерпѣть ему въ прошлую поѣздку.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 29-го ноября 1860 г. положено: почетному блюстителю андроніевскаго духовнаго училища, почетному гражданину Владиміру *Спиридонову*, за пожертвованіе имъ 130 рублей на покрытіе расходовъ по передѣлкѣ въ училищномъ домѣ печей, объявить благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 8-го декабря

1860 г. положено: почетному блюстителю оренбургскаго уѣзднаго училища, 2 гильдіи купцу Петру *Ковалеву*, за стараніе и труды его по передѣлкѣ училищнаго дома, съ употребленіемъ на сей предметъ до 300 руб. изъ своей собственности, объявить благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— Жена умершаго с. петербургскаго почетнаго гражданина Авдотья *Пивоварова* представила въ углическій женскій монастырь два пятипроцентные билета: одинъ въ тысячу, а другой въ десять тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ перваго изъ нихъ употреблялись на поддержаніе монастырской больницы, устроенной ея мужемъ, а со втораго — на пропитаніе 30-ти бѣдныхъ сестеръ въ монастырской трапезѣ. Вслѣдствіе донесенія о семъ пр. архіепископа ярославскаго Нила, Святѣйшій Сунодъ, опредѣленіемъ $\frac{\text{30-го ноября}}{\text{14-го декабря}}$ 1860 г., положилъ, упомянутой *Пивоваровой*, за благочестивое ея приношеніе въ пользу означеннаго монастыря двухъ билетовъ, всего на сумму 11 тысячъ рублей, объявить благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода $^{5}/_{24}$ декабря 1860 года положено: согласно съ представленіемъ кіевскаго епархіальнаго начальства, священника кіевской епархіи села Новой Гребли, *Луку Трембовельскаго*, за построеніе въ томъ селѣ собственнымъ иждивеніемъ каменной, вмѣсто ветхой деревянной, церкви, возвести въ санъ протоіерея.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода $\frac{\text{7-го декабря 1860}}{\text{4-го января 1861}}$ годовъ положено: коммерціи совѣтнику *Марку Пименову*, петрозаводскому купцу *Гавріилу Сывороткину*, градскому головѣ *Василью Трофимову*, с.-петербургскому купцу

Феодору Попову и пудожскому купцу *Ивану Малокрошечному*, а также всѣмъ вообще чинамъ и жителямъ города Петрозаводска, принесшимъ пожертвованія въ пользу вновь строющагося въ семъ городѣ каѳедральнаго собора и оказавшимъ благочестивое усердіе на пользу церкви принятіемъ личнаго труда при означенной постройкѣ, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 5-го января 1861 года положено: священнику г. Москвы воскресенской, на ваганьковскомъ кладбищѣ, церкви *Іоанну Тихомирову*, за пожертвованіе имъ въ тамошнюю семинарскую церковь серебряной вызолоченной дарохранительницы, стоющей до 411 рублей, и почетному блюстителю андроніевскаго духовнаго училища, почетному гражданину *Владиміру Спиридонову*, пожертвовавшему 202 руб. 30 коп. на покупку сукна для сюртуковъ казеннокоштныхъ учениковъ андроніевскаго училища, — объявить благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 21-го сентября 1860 года, согласно съ ходатайствомъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора и на основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 15-й день апрѣля 1859 года, опредѣлено: потомственнаго почетнаго гражданина *Ѳедора Королева* назначить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при с.-петербургской духовной академіи.

— Святѣйшій Сѵнодъ опредѣленіемъ отъ 12-го августа 1860 года постановилъ: царскосельскаго 2-й гильдіи купца *Александра Эвелева* опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при с.-петербургской семинаріи.

— Его Императорское Величество, въ 3-й день дека-

бря 1860 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Сѵнода о назначеніи настоятеля заиконоспасскаго училищнаго монастыря, ректора московской духовной академіи, архимандрита *Сергія* на каѳедру епископа курскаго.

— Вслѣдствіе опредѣленій Святѣйшаго Сѵнода отъ $\frac{\text{7-го ноября}}{\text{14-го декабря}}$ 1858 года, $\frac{\text{16-го ноября}}{\text{11-го декабря}}$ 1859 года, господинъ исправляющій должность оберъ-прокурора, князь Урусовъ, входилъ съ представленіемъ въ сибирскій комитетъ о награжденіи орденомъ св. Станислава 3-й степени тайши 14-го класса *Хамакова*, за содѣйствіе при обращеніи, въ 1857 году, въ христіанскую вѣру изъ язычества болѣе 1,000 человѣкъ монголобурятъ и бурятъ, а также медалями на станиславской лентѣ — золотыми: купцовъ — *Останина*, *Перфильева* и *Постникова*, и серебряными: купцовъ — *Лишманова*, *Грязнаго* и купеческаго сына *Метелева*, за службу ихъ въ должности церковныхъ старостъ и за пожертвованія въ пользу церквей. Государь Императоръ на журналѣ комитета, въ 3-й день октября 1860 года, Высочайше соизволилъ написать собственноручно: «исполнить», а представленный Его Императорскому Величеству при этомъ журналѣ проэктъ указа капитулу орденовъ о награжденіи Хамакова орденомъ св. Станислава 3-й степени, удостоился въ тотъ же день Высочайшаго подписанія.

— Его Императорское Величество, въ 22-й день сентября 1860 года, Высочайше соизволилъ пожаловать кавалерами ордена св. Владиміра 4-й степени, за тридцати-пятилѣтнюю въ классныхъ чинахъ безпорочную службу, слѣдующихъ чиновниковъ православнаго духовнаго вѣдомства.

Статскихъ совѣтниковъ:

Оберъ-контролеровъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сvнодѣ *Павла Васильева* и *Андрея Филимонова;*

Надворныхъ совѣтниковъ:

Секретаря минской консисторіи *Петра Шабаловскаго* и инспектора и старшаго учителя яренскаго уѣзднаго дух. училища *Якова Шаламова;*

Коллежскихъ ассесоровъ:

Старшаго помощника бухгалтера хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сvнодѣ *Владиміра Сергѣева* и помощника секретаря и столоначальника нижегородской консисторіи *Ивана Городкова;*

Титулярныхъ совѣтниковъ:

Столоначальника и исправляющаго должность казначея московской Святѣйшаго Сvнода конторы *Александра Щученко* и столоначальника екатеринославской консисторіи *Сильвестра Молчанова.*

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода, въ 3-й день декабря минувшаго 1860 года, Высочайше утвердить соизволилъ предположеніе Святѣйшаго Сvнода о предоставленіи лицамъ дворянскаго сословія, опредѣляемымъ въ должность почетныхъ блюстителей по хозяйственной части при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, правъ государственной службы, подобно почетнымъ смотрителямъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, съ отнесеніемъ означенной должности по академіи къ VII,

по семинаріямъ и училищамъ дѣвицъ духовнаго званія къ VIII и по низшимъ духовнымъ училищамъ въ IX классу.

— По опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода отъ 24-го ноября 1860 года, ректоръ и профессоръ богословскихъ наукъ симбирской семинаріи, архимандритъ *Іосифъ* перемѣщенъ на таковую же должность въ литовскую семинарію; по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода 30-го ноября, ректоръ тифлисской семинаріи, архимандритъ *Фотій* перемѣщенъ на должность ректора и профессора богословскихъ наукъ въ костромскую семинарію, при чемъ положено вызвать его въ С.-Петербургъ для исправленія въ текущемъ 1861 году чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія; ректоромъ же и профессоромъ тифлисской семинаріи опредѣленъ ректоръ костромской семинаріи, архимандритъ *Викторинъ;* по опредѣленію отъ того же числа инспекторъ смоленской семинаріи, архимандритъ *Іона* опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ симбирскую семинарію.

— Именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Святѣйшему Сѵноду, въ 24-й день декабря 1860 года, повелѣно: ректору тифлисской духовной семинаріи, архимандриту *Викторину*, быть членомъ грузино-имеретинской сѵнодальной конторы, вмѣсто архимандрита *Фотія*, увольняемаго отъ сей должности.

— Ректоръ кіево-подольскаго духовнаго училища, игуменъ *Модестъ* опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 14-го декабря 1860 года назначенъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи въ минскую семинарію, а на его мѣсто смотрителемъ кіево-подольскаго училища перемѣщенъ смотритель кіево-софійскаго училища, іеромонахъ *Наркиссъ*.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 10-го января 1860 года положено: 1) на имѣющуюся въ московской духовной академіи вакансію ректора и профессора богословскихъ наукъ назначить ректора московской семинаріи, архимандрита *Савву;* 2) на мѣсто ректора московской семинаріи перевести ректора виѳанской семинаріи, архимандрита *Игнатія;* 3) ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ виѳанскую семинарію назначить инспектора московской академіи, архимандрита *Порфирія.*

— По распоряженіямъ господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, опредѣлены на духовно-училищную службу: 1-го декабря 1860 года, — старшій врачъ заведеній астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Ольдекопъ* — преподавателемъ медицины въ астраханскую семинарію; астраханской городовый врачъ, коллежскій ассесоръ *Длужневскій* — врачемъ при астраханской семинарской больницѣ, оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; 8-го: кандидатъ московской духовной академіи, *Евгеній Благовѣщенскій* — наставникомъ въ тверскую семинарію; кандидатъ той же академіи *Егоръ Богоявленскій* — наставникомъ въ полтавскую семинарію; воспитанникъ казанской духовной академіи, *Петръ Никольскій* — смотрителемъ въ петровское духовное училище; 13-го: кандидатъ московской духовной академіи *Михаилъ Прокошевъ* — наставникомъ въ вологодскую семинарію; 20-го: кандидатъ той же академіи, *Семенъ Звѣревъ* — наставникомъ въ костромскую семинарію; 13-го декабря: исправляющій должность смотрителя лысковскаго духовнаго училища студентъ казанской духовной академіи *Михаилъ Масловскій* утвержденъ въ сей должности.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 26-го октя-

бря 1860 года баккалавръ с.-петербургской духовной академіи, іеромонахъ *Антоній* за отличное усердную и исправную службу удостоенъ званія *соборнаго* іеромонаха кіево-печерской лавры.

— Государственный Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 24-го октября, мнѣніемъ своимъ положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что вскрытіе мертвыхъ тѣлъ священниковъ, діаконовъ и монаховъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ (ст. 1730 уст. судебной медиц. Св. Зак. изд. 1857 г., т. XIII), допускается на общемъ основаніи съ соблюденіемъ лишь слѣдующихъ правилъ: 1) чтобы вскрытіе сихъ труповъ производилось съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, при депутатѣ съ духовной стороны; въ крайнемъ же случаѣ, когда по отдаленности и по другимъ обстоятельствамъ, нельзя благовременно получить разрѣшенія архіерея, оно можетъ быть произведено съ согласія духовнаго правленія или благочиннаго, также при депутатѣ съ духовной стороны, и 2) засвидѣтельствованная слѣдователемъ копія съ протокола осмотра тѣла должна быть на мѣстѣ сообщена депутату, а имъ представлена епархіальному архіерею, при обстоятельномъ донесеніи.

— Блаженнѣйшій патріархъ константинопольскій *Іоакимъ* посланіемъ отъ 22-го минувшаго октября извѣщаетъ Святѣйшій Всероссійскій Сѵнодъ о восшествіи на святѣйшій, патріаршій апостольскій и вселенскій престолъ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 2-го января утверждены въ ученыхъ степеняхъ кончившіе въ 1860 году курсъ наукъ воспитанники казанской духовной академіи: Кириллъ Мысовскій, Петръ Знаменскій, Алексѣй Никольскій, Иванъ Емельяновъ, Θеодоръ Кибердинъ, Александръ Кибердинъ и Θеодоръ Гурьевъ въ степени магист-

ра; Иванъ Морошкинъ, Василій Петровскій, Димитрій Окотинъ, іеродіаконъ Евсевій (Лещинскій), Стефанъ Никольскій, Кронидъ Лавровъ и Егоръ Шавровъ — въ степени кандидата съ правомъ на полученіе степени магистра, если представятъ новыя вполнѣ удовлетворительныя свои сочиненія; Иванъ Любимовъ, Василій Рождественскій, Иванъ Тютюковъ, Яковъ Лебединскій, Петръ Никольскій, Павелъ Соколовъ, Василій Пьянковъ, Левъ Парадизовъ, Өедоръ Ливановъ, Иванъ Юневскій и Иванъ Воскресенскій — въ степени кандидата безъ вышеозначеннаго права.

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода 12-го января, перемѣщены: профессоръ виѳанской семинаріи Евгеній Голубинскій баккалавромъ въ московскую духовную академію, профессоръ калужской семинаріи Петръ Леонардовъ профессоромъ же въ виѳанскую семинарію; инспекторъ и учитель вятскаго духовнаго училища кандидатъ Павелъ Кибардинъ учителемъ въ вятскую семинарію; смотритель ярославскаго духовнаго училища Петръ Преображенскій уволенъ отъ сей должности, а на мѣсто его назначенъ инспекторъ того же училища кандидатъ Иванъ Покровскій; инспекторъ кіево-софійскаго духовнаго училища надворный совѣтникъ Турчинскій назначенъ смотрителемъ сего училища; кандидатъ московской духовной академіи Михаилъ Невскій опредѣленъ наставникомъ въ калужскую семинарію.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 31-го минувшаго декабря 1860 года положено: симбирскаго 2-й гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина, Андрея Щербакова опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при симбирской семинаріи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 12-го января

1861 года положено: 2-й гильдіи купца Кондратія Блохина опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при уфимской семинаріи и состоящемъ при оной духовномъ училищѣ.

— Ректоръ воронежской духовной семинаріи, настоятель воронежскаго акатова алексѣевскаго монастыря архимандритъ Иларіонъ опредѣленъ настоятелемъ второкласснаго троицкаго макарьева желтоводскаго монастыря нижегородской епархіи съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 12-го января 1861 года положено: 1) на мѣсто увольняемаго отъ должности ректора воронежской семинаріи архимандрита Иларіона, назначить находящагося въ С. Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректора полтавской семинаріи архимандрита Θеодосія, съ предоставленіемъ въ управленіе его воронежскаго акатова алексѣевскаго второкласснаго монастыря; 2) на его мѣсто ректоромъ полтавской семинаріи и профессоромъ богословія перемѣстить ректора костромской семинаріи архимандрита Фотія, — и 3) ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ костромской семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ богородицкаго игрицкаго второкласснаго монастыря опредѣлить инспектора иркутской семинаріи іеромонаха Митрофана, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 12-го января 1861 года положено: владимірскаго 2-й гильдіи купца Ивана Лосева опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственнной части при владимірской духовной семинаріи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 12-го января 1861 года положено: лицамъ духовнаго и свѣтскаго зва-

нія, пожертвовавшимъ въ пользу вновь открытаго въ городѣ Пензѣ училища дѣвицъ духовнаго званія 2190 рублей 60 копѣекъ, а равно попечительницѣ означеннаго училища Богдановой и ктитору преображенской церкви купцу Макарѣву, за пожертвованіе ими для училища и ученицъ разныхъ необходимыхъ вещей, первою на 172 руб., а вторымъ на 71 рубль 95 копѣекъ преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 12-го января 1861 года положено: начальника китаевской пустыни іеромонаха Макарія опредѣлить смотрителемъ богуславскаго училища и настоятелемъ тамошняго николаевскаго монастыря.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ОТЪ РЕДАКЦІИ «ХРИСТ. ЧТЕНІЯ.»

1) Въ пользу христіанъ сирійскихъ поступили въ редакцію слѣдующія пожертвованія: 50 коп. отъ Троицкой Церкви въ селѣ Верхо-Тишанки, Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи; 1 руб. 50 коп. отъ священника Христорождественской Церкви въ г. Ковровѣ Алексѣя Радугина.

2) Открывая въ своемъ журналѣ отдѣлъ для внутреннихъ извѣстій, редакція покорнѣйше проситъ лицъ духовныхъ, а равно и другихъ, сообщать въ оную свѣдѣнія и извѣстія о существующихъ и вновь открываемыхъ священнослужителями сельскихъ школахъ, также о событіяхъ и происшествіяхъ, какою нибудь стороною касающихся вѣры и нравственности народной и могущихъ быть обнародованными. Она съ благодарностью приметъ всѣ такія извѣстія на страницы своего журнала; пересылку ихъ принимаетъ на свой счетъ.

Бесѣды о Православной Вѣрѣ Христовой, говоренныя священникомъ *Василіемъ Фортунатовымъ*. Спб. 1860 года. 80 к., вѣс. за 1 ф.

Жизнь Схимонаха Зосимы, въ Бозѣ почившаго блаженнаго старца. М. 1860 года. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Изреченія Схимонаха Зосимы и извлеченія изъ сочиненій его. М. 1860 года. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Исторія Естественная для юношества, Царство Пернатыхъ. Изданіе *Кораблева и Сирякова*. Съ 183-мя рисунками птицъ, напечатанное въ 12-ю д. листа, около 600 страницъ текста. Спб. 1860 года. 2 р. 50 к., съ черными, 4 р. съ превосходно раскрашенными рисунками, вѣс. за 3 ф.—Тоже прежде изданный отдѣлъ животныхъ Млекопитающихъ, 3 р. съ черными и 4 р. съ раскрашенными рисунками. вѣс. за 3 ф.

Русскій Государственный Банкъ, его уставъ, правила и формы до нынѣ обнародованныя имъ для руководства казенныхъ мѣстъ, обществъ и частныхъ лицъ. Составилъ *С. Кораблевъ* Спб. 1861 года. 50 к., съ пересылкою 75 к.

Исторія всеобщая въ разсказахъ для дѣтей. Соч. *Аме-Флери*. Изданіе Кораблева и Сирякова, напечатанное въ 18-ю долю листа, въ 6 томикахъ, содержащее въ себѣ: т. 1. *Исторія древняя*, т. 2. *Исторія Греціи*, т. 3. *Исторія Римская*, т. 4. *Исторія Среднихъ вѣковъ*, т. 5. *Исторія Новая*, т. 6. Миѳологіи Персовъ, Египтянъ, Грековъ, Латинянъ, и Скандинавовъ, съ 15-ю листами рисунковъ. 5 р., съ перес. 6 р.

Иногородные особы благоволятъ обращаться съ требованіями въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Кораблева и Сирякова.

III.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПАПСТВА.

При взлядѣ на обширную драму событій, быстро совершающихся на западѣ Европы, мы, члены православной Церкви, не можемъ не видѣть, что эти событія и для насъ не должны оставаться безъ живаго значенія и интереса. Давно подавляемыя желанія, воззрѣнія, которыя едва могли быть высказываемы въ кругу друзей, требованія, исполненіе которыхъ еще надавно считалось невозможнымъ, начинаютъ теперь въ области римскаго христіанства ясно обнаруживаться, изъявлять свои права. Общественныя отношенія членовъ римской церкви между собою и къ гражданской власти требуютъ нынѣ обновленія, и согласно съ духомъ нашего времени люди «современные» направляютъ свои усилія къ тому, чтобы измѣнить и преобразовать все устарѣвшее, обезображенное, безполезное и вредное. Подъ вліяніемъ современныхъ стремленій такимъ образомъ колеблется средневѣковое зданіе обветшалыхъ правъ и угнетающихъ предразсудковъ римскаго ультрамонтанства.

Время, въ которое мы живемъ, есть время важныхъ

и многознаменательныхъ переворотовъ, время умственныхъ движеній и обновленія во всей Европѣ. Громъ оружій, разразившійся по ту сторону Альповъ, заставилъ Европу проснуться и покинуть свои мечты о всеобщемъ мирѣ и безмятежномъ развитіи на прежнихъ началахъ. Борьба партій и началъ, разгорѣвшаяся нынѣ съ новою, давно небывалою силою, не предвѣщаетъ притомъ скораго успокоенія. Въ этой борьбѣ первое мѣсто безъ сомнѣнія принадлежитъ движеніямъ совершающимся въ римскокатолическомъ мірѣ. Политическіе вопросы, правда, выступили нынѣ на первый планъ, вызывая движеніе страстей, новыхъ надеждъ и опасеній; но съ другой стороны и церковные вопросы Рима съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ новое значеніе, болѣе животрепещущій интересъ. Для каждаго очевидно, что связь между тѣми и другими вопросами, политическими и церковными, такъ тѣсна на западѣ, что первые не могутъ быть рѣшены безъ послѣднихъ, и что поэтому ни тѣ, ни другіе въ частности не могутъ приковать къ себѣ исключительное вниманіе наблюдателя. Мы можемъ вообще сказать съ рѣшительностію, что на пути историческаго развитія западныхъ европейскихъ народовъ церковные вопросы снова стоятъ на очереди, какъ во времена реформаціи, и что тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ ихъ существенно обусловливается дальнѣйшая судьба запада, свободное, правильное развитіе народныхъ силъ и гражданскихъ учрежденій, благоустройство нравственнаго и общественнаго быта.

Что нынѣ поднятые и занимающіе Европу вопросы находятся въ самой близкой аналогіи съ тѣми, которые, слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, во времена реформаціи вызвали продолжительную и ожесточенную борьбу страстей и противорѣчивыхъ интересовъ,—это очевидно

для всякаго, кто съ безпристрастнымъ и спокойнымъ взглядомъ слѣдитъ за ходомъ совершающихся предъ нами движеній. Снова, какъ тогда, папство своими незаконными (ультрамонтанскими) притязаніями, своими отсталыми идеями вооружаетъ противъ себя духъ времени и общее сознаніе, выработанное у западныхъ народовъ историческимъ ходомъ новѣйшихъ событій. — Послѣдніе десять лѣтъ представляютъ намъ рядъ попытокъ со стороны папства къ возобновленію устарѣлыхъ средневѣковыхъ притязаній; но успѣхъ, увѣнчавшій отчасти эти притязанія и выразившійся въ заключенныхъ между римскою куріею и различными западными державами конкордатахъ, только послужитъ къ тому, чтобы еще болѣе вооружить западные народы противъ папства, и вызвать къ жизни рѣшительную, почти общую оппозицію. Въ то самое время, когда приверженцы ультрамонтанства въ упоеніи торжествовали по случаю новыхъ своихъ побѣдъ, подготовлялась мало по малу та сильная и рѣшительная борьба, которая нынѣ угрожаетъ папству ужаснымъ паденіемъ съ высоты его искуственнаго и мнимаго величія. Между тѣмъ какъ въ Англіи умный и дѣятельный кардиналъ Виземанъ уже мечталъ объ окончательной побѣдѣ надъ англійскимъ протестантствомъ, самъ глава римской церкви долженъ былъ въ минувшемъ году выслушать, какъ старшій сынъ его совѣтуетъ ему отказаться отъ части его свѣтскихъ владѣній и даже даетъ ему понять, что святѣйшему отцу не мѣшало бы — и съ точки зрѣнія христіанской и по простому благоразумію — совершенно отказаться отъ притязаній свѣтскаго владыки. Въ то же время ультрамонтанистамъ пришлось быть свидѣтелями того, какъ въ самомъ отечествѣ папства опоры ихъ зданія одна за другою рушатся, падаютъ и из-

чезаютъ, увлеченныя наплывомъ современныхъ идей и событій: незаконно наложенныя на италіанскій народъ оковы папскаго деспотизма насильно разрываются; области, издавна находившіяся подъ тяжкимъ игомъ гражданскаго правительства папы, отпадаютъ отъ него, присоединяясь къ общей итальянской семьѣ, и христіанская свобода начинаетъ вливать новую теплоту и жизнь въ жилы окаменѣвшаго полуострова.

Положеніе, въ которое нынѣшній императоръ Франціи ставитъ себя къ папству, достойно нашего особеннаго вниманія, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, не останется безъ вліянія на ходъ церковныхъ дѣлъ запада. Какъ извѣстно, Наполеонъ III-й по преимуществу обязанъ римскокатолическому клиру пріобрѣтеніемъ императорской короны. Французское духовенство освятило своимъ сочувствіемъ гражданскіе перевороты, сопровождавшіе въ 1848-мъ году изгнаніе короля и возстановленіе республиканскаго образа правленія; парижскій архіепископъ умеръ, напутствуя въ вѣчпость раненныхъ поборниковъ революціи, и оплакиваемый на баррикадахъ приверженцами народнаго движенія. Тотъ же клиръ снова явился въ передовыхъ рядахъ своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ, когда нужно было положить печать законности на катастрофу 2-го декабря 1852 г., доставившую императорскій вѣнецъ президенту юной республики. Тогда органы римскокатолическаго клира, не только во Франціи, но и въ Германіи, не переставали восхвалять Наполеона «какъ возстановителя олтарей» и предвѣщали, что императорская Франція въ союзѣ съ императорскою Австріею положитъ начало новой, небывалой еще, эрѣ побѣды и торжества для римской церкви; это считалось дѣломъ рѣшеннымъ не только въ Парижѣ и Ліонѣ, но и въ Кёльнѣ, и въ Мюн-

стерѣ, и въ Майнцѣ, и въ Фрейбургѣ. Какъ же теперь случилось, что тотъ самый человѣкъ, который такъ недавно былъ идоломъ, окруженнымъ со стороны ультрамонтанъ постояннымъ еиміамомъ лести и угодничества, теперь вдругъ сдѣлался для той же ультрамонтанской партіи мишенью всевозможныхъ нападеній, самыхъ изысканныхъ обвиненій?

Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что нынѣшнее правительство Франціи собственно никогда не поставляло себѣ цѣлію поддерживать папство для него самаго. Уже Наполеонъ I показалъ Европѣ, что Французская Имперія, возстановляя олтари ультрамонтанъ, имѣетъ лишь въ виду поддержать саму себя, и что римской церкви во Франціи можетъ угрожать самое глубокое униженіе, какъ скоро она дерзнетъ, согласно съ своими принципами, коснуться ступеней императорскаго престола. Нынѣшній властитель Франціи слишкомъ дальновиденъ и проницателенъ и слишкомъ долго жилъ въ разныхъ слояхъ народа, чтобы не видѣть, что для ультрамонтанства не можетъ быть блестящей будущности. Онъ очень хорошо знаетъ, какъ глубоко вѣра въ ультрамонтанскую систему вѣроученія и церковнаго устройства потрясена у всѣхъ католическихъ народовъ; онъ знаетъ, что современная разработка наукъ, результаты которыхъ постепенно проникаютъ въ общее сознаніе европейскихъ народовъ, находится въ самой рѣзкой противоположности съ теократическими воззрѣніями строгихъ папистовъ и что ревностные приверженцы и поборники ультрамонтанства обыкновенно бываютъ очень мало религіозны, тогда какъ на оборотъ люди истинно вѣрующіе и благочестивые вовсе не преданы папизму. Наполеонъ знаетъ, что вся сила ультрамонтанства заключается въ мнимой

солидарности средневѣковыхъ началъ, внутренняя слабость которыхъ однако нынѣ съ особенною ясностію обнаруживается въ питаемомъ ультрамонтанами страхѣ предъ всякимъ научнымъ изысканіемъ и въ ихъ систематическомъ духовномъ деспотизмѣ.

Наполеонъ III принялъ ультрамонтанскій клиръ подъ свое покровительство, какъ орудіе своей политики, но съ тѣхъ поръ, какъ клиръ римскій не можетъ болѣе оказать ему никакихъ услугъ, это покровительство кончилось. Никогда вообще смѣшеніе церковныхъ и гражданскихъ интересовъ, соединеніе духовной власти съ свѣтскою не обнаруживало пагубнаго вліянія своего на церковныя дѣла въ такой степени, какъ нынѣ. Папа, который берется за мечъ, чтобы вести кровавую войну съ своими возмутившимися подданными, папа, который подвергаетъ сотни и тысячи мирныхъ гражданъ всѣмъ ужасамъ междоусобной войны, и притомъ дѣлаетъ это единственно для того, чтобы удержать на своей головѣ вѣнецъ свѣтскаго владычества, совершенно вопреки прямымъ заповѣдямъ единой истинной главы Церкви, Іисуса Христа, — такой папа не можетъ въ наше время удержать за собою въ сознаніи народовъ значеніе истиннаго намѣстника Христова и раздаятеля небесныхъ благъ, хотя бы онъ и отличался прекрасными личными качествами души и сердца. Люди вѣрующіе съ сомнѣніемъ качаютъ головою при взглядѣ на такого преемника св. Петра, а невѣрующіе встрѣчаютъ притязанія и жалобы папы насмѣшливою улыбкою. Здравый смыслъ даже той части римскокатолическаго народа, которая искренно еще предана началамъ своей церкви, не можетъ не видѣть въ вопросѣ о свѣтской власти папы предмета посторонняго для дѣла вѣчнаго спасенія. Не нужно при-

темъ имѣть какія нибудь особенно глубокія и специально научныя познанія, чтобы знать, какъ первоначально возникала эта власть папская, нынѣ такъ горячо отстаиваемая на бумагѣ ультрамонтанами. Каждому извѣстно, на самомъ западѣ, что въ теченіи первыхъ 5—6 вѣковъ Христіанства ни одному римскому епископу никогда не приходило на мысль считать себя главою христіанской церкви и стремиться къ какому либо гражданскому владычеству. Не ранѣе какъ уже въ 8-мъ вѣкѣ папѣ Григорію II удалось не слишкомъ законными средствами усвоить себѣ свѣтскую власть надъ римскимъ экзархатствомъ, а папѣ Захаріи отнять у Лонгобардскаго царя области: Нарни, Осимо и Анкону. Скоро однако папа снова долженъ былъ отказаться отъ власти, пріобрѣтенной незаконною хитростію. Маіоръ—домъ франкскихъ королей Пипинъ послѣ опять отдалъ въ управленіе папѣ Стефану II римское экзархатство, присовокупивъ къ нему еще пріобрѣтенныя имъ (Пипиномъ) въ средней Италіи области, однако не иначе, какъ подъ условіемъ верховнаго владычества франкскихъ королей. Кто знакомъ съ исторіею этого времени, тотъ вообще не можетъ удивляться тому, что наслѣдіе, столь незаконно пріобрѣтенное папами, не можетъ принести хорошихъ плодовъ для духовныхъ интересовъ римской Церкви. Спаситель сказалъ: *царство мое нѣсть отъ міра сего*, и потому тотъ, кто, выдавая себя за намѣстника Христова, при помощи хитрости и насилія пріобрѣтаетъ себѣ мірской вѣнецъ, этимъ становитъ себя въ прямое противорѣчіе съ словомъ Божіимъ и съ духомъ Церкви Христовой. Это противорѣчіе навлекло на папство праведный судъ Божій, выразившійся то въ унизительной для римской церкви борьбѣ съ императорскою властію, то

въ отпаденіи почти всего германскаго племени отъ церковнаго единенія съ Римомъ вслѣдствіе реформаціи, то въ постепенномъ искаженіи истинно-духовнаго характера Церкви, въ чисто матеріальномъ духѣ и направленіи, поставившемъ судьбу римской церкви въ полную зависимость отъ хода гражданскихъ и политическихъ дѣлъ. Наконецъ въ наше время мысль объ отступленіи папской церкви отъ пути, указаннаго ей Спасителемъ и всѣмъ духомъ христіанской Церкви, проникла во внутреннѣйшее сознаніе самихъ католическихъ народовъ.

Европейскіе народы въ настоящее время нисколько не сочувствуютъ теократическому деспотизму, угнетенію совѣсти и іезуитскому воспитанію; напротивъ нынѣ почти повсюду высказывается потребность въ оживленіи истинно христіанскаго духа; вездѣ на западѣ выражается жажда новой церковной жизни, освобожденной изъ подъ мрачныхъ сводовъ средневѣковаго папства, столпы котораго, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, уже сгнили и оказались не состоятельными для дальнѣйшаго поддержанія западной церкви. Долговѣчный, горькій опытъ показалъ народамъ запада, каковы плоды, прозябающіе на древѣ римскаго папства; этотъ опытъ былъ таковъ, что ни у кого нѣтъ нынѣ охоты возстановить инквизиціонный судъ и ужасы Варѳоломеевскихъ ночей.

Запрещеніе, наложенное въ прошедшемъ году во Франціи на «Univers», лучшій изъ литературныхъ органовъ ультрамонтанства, доказываетъ, что императорское правительство Франціи уже не опасается открытой борьбы съ клерикальною партіею. Правительство и не обмануло́сь въ своихъ расчотахъ: римскокатолическое народонаселеніе Франціи равнодушно смотрѣло на ударъ, поразившій въ «Univers» самое начало ультрамонтанства.

Правительство могло при своемъ рѣшительномъ образѣ дѣйствій вполнѣ разсчитывать на сочувствіе просвѣщенныхъ и образованныхъ людей. Между тѣмъ папа съ незатаённою горечью выразилъ протестъ противъ дѣйствій своего «старшаго сына» и собралъ подъ знаменами Ламорисьера армію изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а самъ между тѣмъ въ своей столицѣ принужденъ остаться подъ охраненіемъ или скорѣе присмотромъ французскаго гарнизона. Въ Неаполѣ подъ предводительствомъ Гарибальди, при быстромъ и рѣшительномъ гражданскомъ переворотѣ, обнаружилось также въ полномъ свѣтѣ, какъ мало народъ сочувствуетъ клерикальной системѣ съ ея іезуитами и прочими принадлежностями.

Австрія, истощенная чрезмѣрными усиліями послѣдней войны, постоянно угрожаемая внутренними смутами своихъ разнородныхъ подданныхъ, слѣдитъ съ безпокойствомъ за грозными для ея владычества тучами, собравшимися на итальянскомъ горизонтѣ; она потому рѣшается относительно папы держаться принципа невмѣшательства, и въ тоже время дѣлать уступки духу и потребностямъ времени, вводя у себя церковныя и гражданскія реформы.

Англія между тѣмъ явнымъ участіемъ своимъ поощряетъ реформы, совершающіяся въ Италіи, и очевидно, какъ страна протестантская, какъ передовая двигательница просвѣщенія, не можетъ не сочувствовать вполнѣ паденію папства.

Что же теперь сказать о такомъ многознаменательномъ положеніи дѣлъ? Какую участь можно предсказать римскокатолической церкви? — Возстановленіе прежняго ультрамонтанства послѣ успокоенія взволнованныхъ нынѣ страстей? Но разразившаяся надъ западомъ буря есть

плодъ не частнаго временнаго столкновенія народныхъ правъ и интересовъ, а выраженіе глубокой и давнишней болѣзни, таящейся въ самомъ сердцѣ римской церкви, и называемой обыкновенно ультрамонтанствомъ; болѣзнь эта такова, что никакія насильственныя и искусственныя мѣры уже не въ состояніи заглушить боль и примирить западное общество съ папскою системою. Думаемъ поэтому, что, не ошибаясь, можемъ утверждать, что владычество ультрамонтанства кончилось на западѣ и никогда болѣе не возобновится въ прежней силѣ. Слѣпое упорство папы въ отстаиваніи мнимыхъ правъ его на главенство въ Церкви и на гражданское владычество только усиливаетъ ярость волнъ, имѣющихъ вѣроятно скоро окончательно прорвать слабую ультрамонтанскую плотину. Задача тогда въ томъ, чтобы найти новое, лучшее русло для взволнованнаго потока, такъ, чтобы этотъ послѣдній—вмѣсто того, чтобы производить гибельное наводненіе—могъ благотворно орошать землю и способствовать живой и плодоносной растительности. Что же,—не протестанству ли предстоитъ новое торжество, не ему ли назначено внести новую жизнь въ одряхлѣвшій организмъ папства? Знаемъ, что многіе изъ протестантовъ отвѣчаютъ въ настоящее время утвердительно на этотъ вопросъ и льстятъ себя надеждою на скорое утвержденіе протестантскихъ началъ въ предѣлахъ подвластныхъ Наполеону и Виктору-Эммануилу. Знаемъ и то, что эти надежды повидимому уже начинаютъ оправдываться новымъ успѣхомъ протестантскихъ миссіонеровъ въ Сѣверной Италіи и во Франціи, гдѣ библейскія общества протестантовъ, благодаря новымъ началамъ вѣротерпимости и слабости поборниковъ папы, ревностно начали заботиться о распространеніи св. Писанія на народныхъ языкахъ и гдѣ

уже успѣли образоваться нѣкоторые новые протестантскіе приходы изъ бывшихъ членовъ римской церкви. Но чтобы убѣдиться въ томъ, какъ неосновательно изъ подобныхъ частныхъ явленій нынѣшняго переходнаго періода вывести заключеніе о будущемъ торжествѣ протестанства въ странахъ римскокатолическихъ,—для этого нужно только бросить безпристрастный взглядъ на состояніе самихъ протестантскихъ обществъ и предложить себѣ вопросъ: имѣетъ ли протестанство въ самомъ себѣ тѣ жизненныя начала, которыя должны служить задаткомъ будущаго, правильнаго раскрытія и приложенія истанно христіанскихъ идей въ церковно-религіозномъ быту западно-европейскихъ народовъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не намѣрены въ настоящемъ случаѣ утомлять вниманіе нашихъ читателей подробною характеристикою протестантскихъ обществъ. Достаточно для нашей цѣли сказать, что протестантство, какъ фактически показываетъ современное его положеніе, носитъ въ самомъ себѣ начало своего распаденія, оказывается совершенно неспособнымъ какъ къ стройному устройству церковныхъ дѣлъ, такъ и къ огражденію своихъ членовъ отъ наплыва пантеистическихъ и мистическихъ идей. Мало того,— тѣ значительныя и многознаменательныя реакціонныя движенія, которыя нынѣ проявляются въ разнообразномъ видѣ во всемъ протестантскомъ обществѣ и направлены къ возстановленію церковнаго авторитета, низринутаго реформаціею XVI вѣка вмѣстѣ съ папскими притязаніями, служатъ лучшимъ и непререкаемымъ свидѣтельствомъ того, какъ по неумолимой логикѣ исторіи новѣйшее раскрытіе протестантства изобличаетъ въ сознаніи самихъ его послѣдователей несостоятельность его коренныхъ началъ. Богочеловѣческій характеръ истинной Цер-

кви, то гармоническое соединеніе божественнаго съ человѣческимъ,—первообразомъ котораго служитъ неслитное и нераздѣльное соединеніе двухъ естествъ въ лицѣ Главы и Основателя Церкви — одинаково нарушается и матеріалистическимъ направленіемъ римскаго христіанства и спиритуализмомъ протестантства, лишеннаго всякой положительной церковной опоры. Нѣтъ, то объединяющее начало, которое одно способно примирить двѣ противоположныя крайности, выработанныя въ двухъ огромныхъ сферахъ западнаго христіанства, въ папствѣ и протестантствѣ, есть *идея Православія*. Какъ нѣкогда на древнемъ востокѣ тѣ же крайности выразились въ области христологіи у несторіанъ и монофизитовъ, такъ нынѣ эти крайности повторяются въ папствѣ и протестантствѣ только въ приложеніи къ антропологической сторонѣ Христіанства. И какъ тогда по устроенію Божественной Главы Церкви эти крайности, не смотря на обширное свое распространеніе и кажущуюся силу, должны были служить къ тому лишь, чтобы болѣе сознательно и прочно утвердить для всѣхъ будущихъ временъ истинное ученіе о лицѣ Іисуса Христа, средоточіи Христіанства; такъ точно и нынѣ продолжительная и горячая борьба двухъ великихъ западныхъ крайностей мало по малу подготовляетъ путь сознательному усвоенію и раскрытію тѣхъ началъ, которыя мы называемъ идеею нашего Православія. Если мы обратимся къ фактическому положенію дѣлъ, то не встрѣтимся ли мы уже и теперь съ такими явленіями, которыя подтверждаютъ наши мысли и отчасти раскрываютъ предъ нами завѣсу будущаго? Обратимся опять къ Франціи: императоръ французовъ, ограничивая нынѣ свѣтскую власть папы и ультрамонтанскія притязанія римскаго клира, въ тоже вре-

мя дѣятельно покровительствуетъ началамъ галликанизма, который быстро начинаетъ усиливаться между французами. Но галликанскія начала почти тождественны съ православными; это есть какъ бы остатокъ того истинно апостольскаго преданія, которое по отдѣленіи западной церкви отъ восточной, болѣе и болѣе стало омрачаться на западѣ преданіями человѣческими. Покровительствуя галликанизму, императоръ французовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что теократическое владычество папы, нѣкогда бывшее виною раздѣленія церквей, потеряло на западѣ свое значеніе и такимъ образомъ на развалинахъ ультрамонтанства должна начаться спасительная реакція, которая нѣкогда при послѣдовательномъ своемъ развитіи должна возвратить западъ въ лоно той Церкви, отъ которой онъ нѣкогда незаконно отдѣлился. Мы нисколько не воображаемъ себѣ, чтобы Наполеонъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ дознанной имъ религіозной правды; но онъ имѣетъ ясное понятіе о потребностяхъ народа, о требованіяхъ времени, о силѣ господствующихъ идей и о тѣхъ сѣменахъ будущаго, которыя таятся въ нѣдрахъ настоящаго; а потому мы считаемъ себя въ правѣ называть образъ дѣйствій его многознаменательнымъ при рѣшеніи настоящаго нашего вопроса. Тѣ же знаменія будущаго переворота въ пользу истиннаго ученія можно бы указать въ современныхъ намъ движеніяхъ англійскихъ и германскихъ протестантовъ, въ пьюзеизмѣ первыхъ, въ конфессіонализмѣ и такъ называемой «ортодоксіи» послѣднихъ; — но этимъ мы вышли бы за предѣлы предмета настоящей статьи.

Всякій, для кого Христіанство есть истинный свѣтъ и соль міра, всѣ, для кого дорогъ крестъ Господень, какъ непреложный залогъ нашего искупленія и спасенія, не

могутъ не слѣдить съ живымъ участіемъ за дальнѣйшими событіями, имѣющими совершиться на западѣ въ области церкви и религіи. Мы съ своей стороны надѣемся снова къ нимъ возвратиться.

Ив. Осининъ.

СЕКРЕТНАЯ ИНСТРУКЦІЯ,

или отвѣты римской куріи на вопросы, предложенные ей италіанскою іерархіею.

Италіанская іерархія, по случаю вторженія новаго правительства, представляла на рѣшеніе римской куріи свои вопросы и недоумѣнія, и совѣстный судъ въ Римѣ, извѣстный подъ именемъ Sacra Poenitentiaria, подъ строжайшимъ, сколько возможно, секретомъ (sub strictiori quo fieri potest secreto), препроводилъ къ кардиналамъ, архіепископамъ, епископамъ и прочимъ мѣстнымъ предстоятелямъ (locorum Ordinariis) отвѣты на ихъ вопросы и рѣшенія ихъ недоумѣній. Эта инструкція въ настоящее время обнародована въ неаполитанской газетѣ: Il Pungolo № 37 c. 39. Въ ней вполнѣ выразился духъ папской политики. Представляемъ этотъ документъ, въ русскомъ переводѣ, какъ заслуживающій, по нашему мнѣнію, вниманія и православныхъ читателей.

Т. С.

Священная Пенитенціарія, всегда помышляющая о спасеніи душъ и желающая призрѣть ихъ во Господѣ возможно-лучшимъ для нея образомъ, разсмотрѣвъ особенныя обстоятельства, съ благосклоннаго согласія нашего святѣйшаго владыки папы Пія IX, препровождаетъ ко всѣмъ вообще и къ каждому въ частности достопочтен-

нѣйшимъ отцамъ церкви, св. римской церкви кардиналамъ, архіепископамъ, епископамъ и отцамъ во Христѣ, равно какъ архіепископамъ и епископамъ и прочимъ возлюбленнѣйшимъ во Христѣ мѣстнымъ предстоятелямъ, коихъ области заняты вторгшимся правительствомъ, слѣдующіе отвѣты и объясненія, уже однажды данныя, на недоумѣнія, предложенныя этой священной Пенитенціаріи, и сообщаетъ относительно ихъ особенныя полномочія, которыми они сами или ихъ генеральные викаріи и другія способныя къ тому духовныя лица, отъ нихъ поставленныя по обстоятельствамъ времени, могутъ пользоваться въ предѣлахъ ихъ епархій, для пользы ввѣренной имъ паствы, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, заявляя во всякомъ особенномъ случаѣ апостольскую (папскую) власть, имъ сообщенную настоящею грамотою.

Недоумѣнія:

1. Могутъ ли быть приглашаемы духовенствомъ къ церковнымъ служеніямъ правительственныя власти, и, если явятся безъ приглашенія, можетъ ли духовенство оказывать имъ обычныя почести?

О. Нѣтъ — относительно первой части; относительно второй—пусть сохраняетъ страдательное положеніе (passive se habeat).

2. Можно ли принимать въ церкви муниципальные магистраты и оказывать имъ почести?

О. Да, но съ условіемъ, чтобы эти магистраты не были склонны ни къ какимъ дѣйствіямъ, осужденнымъ папскою грамотою отъ 26-го марта 1860 года.

3. Можно ли читать на литургіи и другихъ служеніяхъ молитву за короля (pro Rege), когда она будетъ предписана правительствомъ?

О. Нѣтъ.

4. Позволительно ли пѣть молебенъ въ случаѣ провозглашенія новаго правительства и въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ?

О. Нѣтъ.

5. Позволительно ли принимать участіе въ религіозной церемоніи, предписанной сардинскими законами въ день годичнаго воспоминанія уложенія?

О. Нѣтъ.

6. Позволительно ли иллюминовать собственную квартиру въ случаѣ утвержденія новаго правительства и въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ?

О. Нѣтъ, гдѣ впрочемъ не будетъ угрожающей опасности великаго вреда, или не произойдетъ отъ этого соблазнъ.

7. Позволительно ли возлагать на себя знаки новаго правительства, какъ-то: кокарды, трехцвѣтныя ленты и пр.?

О. Нѣтъ, гдѣ впрочемъ не будетъ угрожающей опасности великаго вреда, или не произойдетъ отъ этого соблазнъ.

8. Какъ должны поступать мѣстные предстоятели и духовники съ тѣми кающимися, которые принимали участіе въ нападеніи и возмущеніи?

О. Виновные пусть сперва исполнятъ епитимію согласно съ грамотою нашего святѣйшаго владыки отъ 26-го марта 1860 года, и потомъ пусть обратятся въ священную Пенитенціарію съ рекомендаціею отъ духовника въ случаяхъ тайныхъ, или мѣстнаго предстоятеля — въ случаяхъ общеизвѣстныхъ.

9. Какъ должны поступать настоятели приходскихъ церквей при совершеніи браковъ тѣхъ лицъ, которыя подверглись церковнымъ наказаніямъ?

О. Относительно мужчинъ надобно стараться, чтобы подверженные церковнымъ наказаніямъ примирились съ церковію надлежащимъ образомъ, но, если отказываются примириться, и настоятелю приходской церкви угрожаетъ опасность великаго вреда, если онъ не согласится на бракъ, то онъ можетъ согласиться, и мѣстный предстоятель можетъ дозволить ему присутствовать при совершеніи брака.

10. Какъ должны поступать мѣстные предстоятели относительно королевскаго «быть по сему» (Regium placet et exequatur), котораго правительство требуетъ для буллъ, грамотъ и другихъ рескриптовъ папскихъ?

О. Не должно смущать частныхъ лицъ, которыя, во избѣжаніе вреда, обращаются къ правительству за королевскимъ «быть по сему», но мѣстные предстоятели пусть сохраняютъ, сколько могутъ, въ этомъ дѣлѣ страдательное положеніе, и если правительство потребуетъ отъ нихъ прошеній подобнаго рода, то пусть изложатъ свое мнѣніе по законамъ справедливости и по буквѣ и духу священныхъ каноновъ.

11. Могутъ ли чиновники оставаться на своихъ мѣстахъ при вторгшемся правительствѣ?

О. Это можетъ быть терпимо, если только дѣло не идетъ о должностяхъ, которыя прямо и близко имѣютъ вліяніе на грабительство или на сохраненіе этого грабительства, и если можно исполнять эти должности, не опасаясь ни малѣйшаго нарушенія законовъ божественныхъ и церковныхъ.

12. Могутъ ли духовные и другіе администраторы благотворительныхъ заведеній, поставленные мѣстными предстоятелями, продолжать управленіе въ зависимости отъ правительства, завладѣвшаго этими заведеніями?

О. Священная Пенитенціарія, по особенному нарочитому дозволенію папы, даетъ всѣмъ мѣстнымъ предстоятелямъ вообще и каждому въ частности полномочіе, особенною властію апостольскою (папскою), оказывать снисхожденіе поименованнымъ лицамъ, такъ чтобы они могли удерживать и исполнять должность администратора, если впрочемъ для этого не требуется никакая присяга въ вѣрности или въ присоединеніи къ означенному правительству, и если это дѣлается съ цѣлію и условіемъ попеченія о пользѣ благотворительныхъ заведеній и полнаго удержанія отъ отчужденія имѣній, имъ принадлежащихъ, и въ зависимости отъ епископа и мѣстнаго предстоятеля, которому одному обязаны давать отчетъ въ своей администраціи. А епископы и мѣстные предстоятели, относительно администраціи благотворительныхъ заведеній, пусть сохраняютъ страдательное положеніе и пусть не представляютъ никакого доказательства своего положительнаго потворства правительству, и пусть отвѣчаютъ ему только тогда, когда оно будетъ спрашивать ихъ.

14. Какимъ правиламъ должны слѣдовать мѣстные предстоятели относительно уничтоженія церковнаго суда и сдачи процессовъ, находящихся въ ихъ куріи (консисторіи), если ихъ потребуетъ правительство?

О. Священная Пенитенціарія римская, по особенному нарочитому уполномоченію отъ папы, съ благосклоннаго согласія его святѣйшества нашего владыки, означеннымъ мѣстнымъ предстоятелямъ предоставляетъ слѣдующую власть, именно:

Прекращать безъ шума и формы суда (absque strepitu et figura judicii) тяжбы между мірскими и монашествующими духовными лицами, разсматривая предварительно

документы, представляемые обѣими сторонами, и соблюдая всегда правосудіе.

Дозволять всякому, чтобы благотворительныя заведенія и духовныя лица въ гражданскихъ дѣлахъ обращались къ мірскимъ судіямъ, и чтобы могли также обвинять (accusare valeant) въ уголовныхъ дѣлахъ чисто свѣтскихъ, которыя отнюдь не подвергаютъ опасности смертной казни (quae periculum capitis nullimode afferunt), если только обвинители, принадлежащіе къ духовному чину, не могутъ иначе защитить своей невинности, сдѣлавъ однакожъ прежде надлежащій протестъ, согласно съ священными канонами.

Дозволять всѣмъ духовнымъ лицамъ и благотворительнымъ заведеніямъ представляться на судъ къ мірскимъ судіямъ какъ дѣйствительнымъ, такъ и страдательнымъ образомъ, для производства собственныхъ дѣлъ единственно гражданскихъ и свѣтскихъ.

Дозволять также имъ, если ихъ позовутъ въ свѣтскій судъ, производить, для собственной защиты, также дѣла гражданскія и уголовныя.

Дозволять, чтобы акты и документы епископской куріи (консисторіи), касающіеся до дѣлъ свѣтскихъ, были взяты изъ духовнаго архива (tabulario ecclesiastico) и препровождены къ свѣтской власти, если эта власть требуетъ ихъ оффиціально, сдѣлавъ впрочемъ возможно-лучшимъ и дѣйствительнымъ образомъ декларацію, изъ которой бы видно было, что духовная власть дѣлаетъ это, уступая важности обстоятельствъ, изъ послушанія инструкціи, полученной ею отъ святаго сѣдалища.

15. Могутъ ли мѣстные предстоятели, приходскіе настоятели, бенефиціаты и другіе администраторы церковныхъ имѣній отдать правительству опись доходовъ (red-

ditus) съ этихъ имѣній, если потребуютъ ее отъ нихъ подъ опасеніемъ тяжкихъ наказаній?

О. Позволяется имъ это сдѣлать, вмѣстѣ впрочемъ съ письменнымъ протестомъ отъ администраціи о необходимости отдачи во избѣжаніе бо́льшихъ золъ, и это для охраненія правъ церкви. И потомъ нашъ святѣйшій владыка желаетъ, чтобы мѣстные предстоятели, прежде или послѣ отдачи, если это возможно, сдѣлали предъ правительствомъ совокупный протестъ въ указанномъ смыслѣ, въ почтительной формѣ, но съ евангельскою свободою.

Настоящая инструкція должна быть хранима подъ строжайшимъ, сколько возможно, секретомъ отъ того, кто ее получитъ, и осторожно приводима въ дѣйствіе, когда истинная необходимость этого потребуетъ. Кто уполномоченъ на вышеозначенныя дѣйствія, тотъ постарается избѣжать соблазна, заявляя съ благоразуміемъ предоставленное ему апостольское (папское) дозволеніе.

Дано въ Римѣ изъ священной Пенитенціаріи 6 октября 1860 года.

Подп. Кардиналъ *Каджано* (Cagiano).

Пейрано (Peirano), Секретарь священной Пенитенціаріи.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Каноникъ *Фенли* (Fenli).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Образованность Германіи и образованность Сѣверной Америки: на которую изъ двухъ походитъ образованность русская; существенный недостатокъ ея, причины и слѣдствія онаго; народныя школы—первоначальное средство къ устраненію недостатка. Лѣтопись сельскихъ школ: школы ночныя; поощренія священникамъ отъ министерства государственныхъ имуществъ; чего можно ждать въ будущемъ отъ народнаго образованія и въ какомъ духѣ производить оное. — Пожертвованія въ пользу народнаго образованія. Благотворительныя учрежденія: крестовоздвиженская община сестеръ милосердія, открытіе больницы при ней для бѣдныхъ женщинъ; богадѣльный домъ въ Ораніенбаумѣ и объявленіе попечителя онаго. Лѣтопись преступленій: убійства, самоубійства, святотатства, дѣтоубійства. Средство уменьшить число преступленій.

«Настоящую лѣтопись мы позволимъ себѣ начать сравненіемъ образованности Германіи съ образованностію Сѣверной Америки. Несомнѣнно, что съ половины XVIII в. Германія произвела бо́льшее число глубокихъ мыслителей, чѣмъ всякая другая страна, пожалуй можно сказать, чѣмъ всѣ другія страны, вмѣстѣ взятыя. Но покровительственная система управленія сильнѣе еще дѣйствовала въ Германіи, чѣмъ во Франціи. Даже лучшія германскія правительства постоянно вмѣшивались въ жизнь народа,—никогда не оставляя его самому себѣ, всегда смотря за его интересами и вмѣшиваясь въ самыя обыкновенныя дѣла ежедневной жизни. Кромѣ того германская литература, хотя теперь первая въ Европѣ, своимъ происхожденіемъ обязана скептическому движенію, которое предшествовало французской революціи. До половины

XVIII в. германцы, не смотря на немногія славныя имена, какъ напр. Кеплера и Лейбница, не имѣли литературы—дѣйствительно цѣнной; и первый толчокъ, данный германскому уму, произошелъ отъ столкновенія его съ французскимъ умомъ и подъ вліяніемъ тѣхъ извѣстныхъ французскихъ ученыхъ, которые, въ царствованіе Фридриха В., стекались въ Берлинъ, — городъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ главной квартирой философіи и науки. Отсюда произошли нѣкоторыя особенности образованности въ Германіи, которыя теперь мы укажемъ только коротко. Германскій умъ, мгновенно возбужденный французскимъ къ произрастанію, развивался неправильно; онъ дѣйствовалъ порывисто, съ бо́льшею быстротою, чѣмъ какой требовалъ уровень отечественной цивилизаціи. И теперь нѣтъ въ западной Европѣ націи, въ которой бы былъ такой обширный промежутокъ между учеными и простымъ народонаселеніемъ. Германскіе философы и ученые обладаютъ такою ученостію и такою широтою мысли, которыя ставятъ ихъ родину во главѣ цивилизованнаго міра. Германскій народъ болѣе суевѣренъ, болѣе подверженъ предразсудкамъ и, не смотря на заботы правительства объ его воспитаніи, на дѣлѣ болѣе невѣжественъ и болѣе не способенъ управляться самъ собою, чѣмъ обитатели Франціи и Англіи. Такой расколъ между двумя классами составляетъ естественный результатъ того искуственнаго возбужденія, которое столѣтіе назадъ особенно послужило одному классу и такимъ образомъ разстроило правильную пропорцію общественнаго развитія. Благодаря этому, высшіе умы въ Германіи такъ опередили общій прогрессъ націи, что здѣсь нѣтъ сочувствія между двумя сторонами; и въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ привести ихъ въ соприкоснове-

ніе. Ея великіе писатели обращаются не къ своей странѣ, а другъ къ другу. Они имѣютъ въ виду выдѣляющихся и ученыхъ читателей, и потому употребляютъ ученый языкъ; они обращаютъ свой родной языкъ въ нарѣчіе, конечно сильное и очень богатое, но такое трудное, такое отвлеченное, такъ полное запутанныхъ оборотовъ рѣчи, что для низшихъ германскихъ классовъ оно рѣшительно не понятно. Отъ этого произошли нѣкоторыя важныя особенности германской литературы. Лишенная обыкновенныхъ читателей, она свободна и отъ обыкновенныхъ предразсудковъ толпы. Но съ другой стороны это самое обстоятельство произвело то отсутствіе практическихъ знаній, то безразличіе къ матеріальнымъ и физическимъ интересамъ, въ которыхъ справедливо упрекаютъ германскую литературу. Естественнымъ образомъ все это еще болѣе увеличило тотъ первоначальный разрывъ и усилило то разстояніе, которые отдѣляютъ германскихъ мыслителей отъ того тупаго и трудящагося класса, который, хотя лежитъ сряду подъ ними, еще остается внѣ вліянія отъ ихъ знаній, остается несогрѣваемый пыломъ ихъ генія».

«Въ Америкѣ напротивъ мы видимъ образованность совсѣмъ противоположнаго характера. Мы видимъ здѣсь страну, въ которой такъ мало людей вполнѣ невѣжественныхъ, какъ ни въ одной, и за то, правду сказать, такъ мало людей высоко ученыхъ, какъ тоже ни въ одной. Въ Германіи классъ мыслителей и классъ практическій разъединены совершенно; въ Америкѣ они совершенно соединены. Въ Германіи ежегодно являются новыя открытія, новыя философемы, открываются новыя области знанія, увеличивающія его предѣлы. Въ Америкѣ подобныя изысканія въ полномъ пренебреженіи; со вре-

менъ Іонафана Едвардса не явилось здѣсь ни одной замѣчательной метафизики; мало вниманія обращаютъ американцы и на физическія знанія; и исключая только юриспруденцію, ничего почти не сдѣлано Америкой для тѣхъ обширныхъ областей знанія, надъ которыми германцы непрерывно трудятся. Итогъ американскаго образованія не великъ; но за то образованность здѣсь разлита по всѣмъ классамъ; итогъ германскаго образованія огроменъ, но за то ограничивается однимъ классомъ. Который изъ этихъ двухъ видовъ образованности имѣетъ на своей сторонѣ больше преимуществъ, мы теперь рѣшать не будемъ. Для нашей цѣли достаточно сказать, что въ Германіи есть серьезный недостатокъ въ распространеніи образованія; въ Америкѣ не менѣе серьезный недостатокъ въ прибавленіи, увеличеніи самаго образованія. Цивилизація слагается изъ увеличенія образованія самаго въ себѣ и изъ распространенія его по народу, и очевидно, что ни одна страна не можетъ никогда приблизиться къ полному и совершенному образцу ея, если, обработывая одну изъ этихъ сторонъ до крайности, она будетъ пренебрегать другою. Въ самомъ дѣлѣ, отъ недостатка равновѣсія между двумя элементами цивилизаціи и въ Америкѣ и въ Германіи происходятъ тѣ великія, но противоположныя, бѣдствія, которыя, надобно опасаться, нелегко могутъ быть уничтожены и которыя, пока они не уничтожены, будутъ препятствовать успѣху обѣихъ странъ, не смотря на преимущества, которыя на короткое время можетъ доставить такая односторонняя дѣятельность.... Лучше всѣхъ дѣло цивилизаціи идетъ въ Англіи; здѣсь приращеніе знанія и пространственное его распространеніе идутъ рука объ руку. Здѣсь образованіе менѣе зависитъ отъ вліянія иностранныхъ или внѣшнихъ дѣятелей»...

Мы представили извлеченіе изъ послѣдняго лучшаго сочиненія по философіи исторіи, принадлежащаго англичанину Боклю (Buckle) ([1]) для того, чтобы, помимо собственныхъ разсужденій, которымъ могутъ не повѣрить свѣтскіе образованные читатели, словами европейской знаменитости наметить характеръ отечественной образованности. Достаточно самаго поверхностнаго знанія исторіи нашей ученой и изящной литературы, происхожденія и развитія нашего образованія, чтобы сказать, что образованность русская гораздо ближе подходитъ къ германской, чѣмъ къ американской, и во всякомъ случаѣ далека отъ совершенства англійской. У насъ найдутся въ образованномъ классѣ лица, лучше германцевъ, знакомыя съ трудами германскихъ ученыхъ, знающія въ подробностяхъ философемы Гегеля и Бенеке, открытія Гумбольта, историко-богословскія изслѣдованія Неандера, Мэлера, Бунзена, Фейэрбаха и Шлейермахера, найдется еще больше лицъ, воспринявшихъ въ себя послѣдніе результаты германской науки, хотя и незнакомыхъ съ нею въ подробностяхъ, читавшихъ съ болѣе или менѣе отчетливымъ пониманіемъ творенія Гете и Шиллера, найдется много, говоримъ, лицъ, лучше германской массы знакомыхъ съ германской образованностію: но мы не скажемъ преувеличенія, если скажемъ, что на каждую тысячу такихъ лицъ придется въ нашемъ отечествѣ не меньше милліона лицъ, не знакомыхъ не только съ германскою, но и съ нашею русскою образованностію, которымъ незнакомы творенія и даже имена русскихъ богослововъ и проповѣдниковъ, русскихъ поэтовъ и ученыхъ, и на тысячу грамотныхъ придется въ нашемъ отечествѣ не меньше 100,000 без-

([1]) См. History of civilization in England. By Henry Thomas Buckle. Vol. 1. 2 edit, pp. 217—221.

грамотныхъ. Конечно, подобная несоразмѣрность между возрастаніемъ отечественнаго образованія въ себѣ самомъ и въ распространеніи его по народу, можетъ быть, болѣе поразительная, чѣмъ въ Германіи, имѣла свои историческія причины. И у насъ, какъ въ Германіи, образованность явилась вслѣдствіе столкновенія Россіи съ Европой и поддерживалась, начиная съ Петра до послѣдняго времени, исключительно почти правительствомъ, которому ни множество населенія, ни огромныя пространства Россіи не дозволяли, и наконецъ, особенно въ началѣ, неохота и русская лѣнь препятствовали одинаково и одновременно озаботиться образованіемъ всѣхъ классовъ Россіи. Вотъ почему у насъ такъ разорваны мѣстопребыванія образованности, и книжная почта отъ города до города везетъ богатства литературныя, изрѣдка развѣ сдавая на станціи тощіе тюки книгъ—для помѣщика или для священника ближняго села. «Степи,» сказалъ одинъ пылкій ревнитель просвѣщенія, «плохіе проводники образованности»; у насъ въ Россіи такія степи, такіе плохіе проводники тянутся отъ города до города, и большею частію отъ одного губернскаго до другаго губернскаго. Огромныя пространства, лежащія между русскими городами, огромныя населенія земледѣльческія, обитающія на этихъ пространствахъ, рѣшительно невѣжественны, и большинство безграмотно. Въ ту пору, когда въ Казани или въ Харьковѣ толкуютъ люди образованные о послѣднихъ открытіяхъ астрономіи и медицины, о вліяніи, произведенномъ на европейскую науку Гегелевой философіей, о матеріалистически-скептическомъ направленіи Фейербаха, о замѣчательныхъ трудахъ позднѣйшихъ по филологіи и исторіи, на разстояніи двухъ—трехъ верстъ отъ этихъ городовъ обитаетъ въ деревнѣ цѣлая сотня людей,

до сихъ поръ увѣренныхъ, что солнце ходитъ вокругъ земли, не знающихъ, что кровь въ человѣкѣ обращается, изъ богословія знающихъ двѣ, три церковныхъ молитвы, и за прочтеніемъ письма отъ сыновей или братьевъ, находящихся въ солдатахъ или въ столицахъ на заработкахъ, отправляющихся въ селю къ пономарю или ожидающихъ, когда священникъ пріѣдетъ въ село съ требой. Есть ли, спрашиваемъ, еще въ мірѣ страна, въ такой мѣрѣ однородная по племени, населяющему ее, и значитъ въ такой мѣрѣ одинаково воспріимчивая къ умственному образованію, и такъ въ тоже время разорванная, такъ несходная по развитію и образованію умственному?

Эта разорванность классовъ образованнаго и необразованнаго у насъ въ Россіи не могла не сопровождаться тѣми же слѣдствіями, какими сопровождались подобныя явленія въ Германіи. Нашъ языкъ, можетъ быть, вслѣдствіе особеннаго склада русскаго ума, «любящаго свѣтъ и просторъ», еще не пріобрѣлъ той туманности, отвлеченности и такихъ мудреныхъ оборотовъ, какъ языкъ нѣмецкій. Но искуственность и книжность русской рѣчи развиваются постоянно и чрезвычайно затрудняютъ бесѣду русскую между образованными сословіями, которыя, можетъ быть, не всегда по капризу и для моды говорятъ на легкомъ французскомъ языкѣ. А до какой степени нашъ ученый и литературный языкъ удалился отъ разговорныхъ формъ языка простонароднаго, это замѣтитъ всякій, и если бы не дворники, не извощики, не лакеи, то ученый и образованный классъ Россіи затруднился бы понимать русскаго простолюдина, и барину на оборотъ чрезвычайно трудно было бы говорить языкомъ понятнымъ для простолюдина.—Еще болѣе замѣтны слѣдствія разорванности цивилизованнаго и нецивилизованнаго

класса въ жизни и мысли русской. У насъ на разстояніи двухъ верстъ, иногда десяти саженъ, можно встрѣтить домъ, устроенный со всею утонченностію европейскаго комфорта, и грязныя, курныя избы простолюдиновъ, отъ рождества до пасхи и отъ пасхи до рождества невымываемыя, а потомъ вымываемыя съ помощію заступа, ножей и струговъ. У насъ талантливый и ловкій простолюдинъ въ десять, пятнадцать лѣтъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, изъ нищаго дѣлается милліонеромъ, чтобы потомъ его сынокъ или внукъ спустилъ эти милліоны со всѣми пріемами европейскагó утонченнаго мотовства, не сдѣлавъ никакого прямо полезнаго для окружавшей его среды приложенія изъ своихъ богатствъ. Точно также быстро у насъ даровитыя личности пріобрѣтаютъ, вспомоществуемыя правительствомъ, при пособіи богатыхъ казенныхъ кабинетовъ и книгохранилищъ, богатства учености, знакомятся съ образованностію не только своей, но и европейской, чтобы размотать потомъ все это богатство въ односторонней приверженности къ какому нибудь чужому, уже развившемуся государственному учрежденію (напр. англійскому), къ какой нибудь западной, философской системѣ (большею частію матеріалистической) и т. под., не принесши нисколько пользы народной жизни. Русская образованность—точно ручей, катящійся съ страшной быстротой съ высокой горы, игриво, шумно и съ брызгами пробѣгающій мимо родныхъ береговъ, жаждущихъ орошенія себѣ и не орошаемыхъ, пріятный для того, чтобы посмотрѣть на его чистыя брызги, позабыться подъ его шумъ, но вовсе негодный для судоходства, напр., для рыбной ловли, или для другаго какого полезнаго употребленія. Все дѣло у нашихъ умныхъ людей и ограничивается теоріями и проэктами — смѣлыми и удивитель-

ными по своей высотѣ, но потому именно и безполезными для жизни, что они слишкомъ высоки не для составителей ихъ, а для лицъ, въ пользу которыхъ хлопочутъ они. Когда-то наша порывистая образованность будетъ походить на многоводную рѣку, которая бы текла по всему пространству Россіи ровно и величественно, и которой весенніе разливы затопляли бы всѣ окрестности, оставляя на нихъ плодородіе и тучность.

У насъ жизнь и идея, теорія и практика какъ-то не вяжутся между собой; начнутъ толковать о пользѣ соединенія частныхъ капиталовъ въ акціонерныя компаніи, — въ теоріи выходитъ хорошо, а компаніи между тѣмъ лопаютъ. Начнутъ писать о пользѣ гласности, чудо какія благія послѣдствія выходятъ, пока дѣло гласности только еще обсуживается: позволятъ приложить къ дѣлу, и выходитъ, за немногими исключеніями, или пошлая клевета, или грязная сплетня, или площадной пасквиль. Жизненна та ученость, могуча та образованность, которая выходитъ изъ духа народнаго, которая не спѣшитъ забирать какъ можно больше свѣденій и воззрѣній со стороны, которая выводитъ свои лучшія положенія, свои аксіомы изъ окружающей жизни, и въ самыхъ высокихъ, отвлеченныхъ взглядахъ отвѣчаетъ требованіямъ общества, среди котораго живутъ ученые, и въ самомъ обществѣ находитъ необходимыя условія своего приложенія. Мы говоримъ такъ не съ цѣлію осудить образованность отечественную,—ея недостатки имѣли свои историческія причины, а съ цѣлію—привести эти недостатки къ ясному пониманію и указать причины ихъ. Наша образованность — образованность, по преимуществу, германская, образованность идеальная, образованность не практическая, потому что она образованность не народа, который

лучше всего самъ съумѣлъ бы посудить о своихъ нуждахъ и о средствахъ удовлетворить имъ, и котораго, какъ можно скорѣе, нужно стараться довести до подобнаго умѣнья, а образованность, сравнительно съ массой, ничтожнаго образованнаго класса, который живетъ идеями, нахватанными имъ на скоро, со стороны, и у котораго въ мысляхъ не окружающая дѣйствительность, а благородныя иллюзіи. Единственное средство — помочь дѣлу отечественнаго прогресса — это развить массы народа, чтобы они приблизились къ образованнымъ классамъ Россіи, и сами заговорили о своихъ нуждахъ, о своихъ убѣжденіяхъ: тогда прекратилась бы возможность русскимъ ученымъ вслѣдъ за германскими жить своею собственною жизнію, кланяться *идоламъ*, вывезеннымъ съ чужой стороны, какъ называетъ Бэконъ одностороннія убѣжденія извѣстныхъ кружковъ, и составлять блестящія, но обманчивыя теоріи. Жизнь тогда указывала бы наукѣ предметы изслѣдованій, сдерживала бы смѣлость мысли и отрезвляла бы ея порывы: а наука освѣщала бы жизнь и руководила ею. Тогда русскій мыслитель, подобно англійскимъ, позадумался бы, надѣемся, враждебно, презрительно или какъ нибудь поверхностно отнестись къ вѣрѣ отцевъ и къ другимъ вѣковымъ убѣжденіямъ русскаго народа, какъ это случается теперь, когда судятъ не на основаніи русской жизни, а на основаніи западныхъ философемъ, которыя и у самихъ германцевъ не имѣютъ значенія для толпы, какъ замѣчаетъ Беккль.

Народное образованіе тоже самое, что народное богатство. Надобно не увеличивать только сумму богатства, въ сколь бы немногихъ рукахъ богатство ни находилось, а стараться, чтобы богатства, сколько возможно, шире охватывали народную жизнь, надобно стараться не о

томъ, чтобы въ народѣ были страшные богачи, а чтобы сколько возможно болѣе было лицъ достаточныхъ и зажиточныхъ, которые, если бы не могли имѣть дорогихъ кушаньевъ, то имѣли бы, по крайней мѣрѣ, сытныя и здоровыя, которые если бы не носили сотенныхъ и тысячныхъ мѣховъ, за то не страдали бы отъ холода. Нѣтъ нужды, чтобы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ былъ университетъ, академія или гимназія: но весьма нужно, чтобы не только въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ была школа. Нѣтъ необходимости, чтобы каждый русскій зналъ исторію Россіи, какъ профессоръ или университантъ, богословіе, какъ студентъ академіи или священникъ, сельское хозяйство, какъ агрономъ: но надобно добиваться того, чтобы изысканія Соловьева, богословія Макарія и Антонія, лекціи Киттары и Совѣтова не оставались вещами, столь же извѣстными большинству русскаго населенія, какъ озера и горы луны.

Вотъ почему мы и въ прошедшемъ номерѣ своего журнала и въ настоящей лѣтописи своей восторженно готовы говорить о каждой новой школѣ для народнаго образованія, хотя бы съ самымъ ограниченнымъ кругомъ обученія въ нихъ, наклонны радостнѣе привѣтствовать открытіе новой народной школы, чѣмъ выходъ въ свѣтъ 10 тома исторіи Соловьева, или другаго какого почтеннаго сочиненія. Это единственное средство—не распространить, конечно, образованность русскую, такъ быстро растущую въ высоту и глубину, а подготовить почву для этого дѣла. Журналы послѣдняго времени извѣщаютъ еще о новыхъ школахъ въ селахъ, и мы съ удовольствіемъ заносимъ ихъ извѣстія въ нашу лѣтопись.

— Полтавской губерніи, Зеньковскаго уѣзда въ селѣ Гнилищѣ, принадлежащемъ генералъ-маіору Роту, сыномъ владѣльца, по желанію крестьянъ, устроена школа для приходящихъ учениковъ. Дѣти находятся въ школѣ отъ 8 до 12 часовъ утра; предметы преподаванія: чтеніе, письмо, законъ Божій, ариѳметика и начальныя основныя понятія географіи; законъ Божій преподаетъ мѣстный священникъ, а всѣ остальные предметы самъ основатель.

— Псковской губерніи, въ Великолуцкомъ уѣздѣ открыты двѣ школы въ имѣніяхъ Ѳ. Д. Голенищева-Кутузова и С. И. Лыкошина. Въ первой изъ нихъ принимаетъ личное и непосредственное участіе дочь Голенищева-Кутузова.

— Газета «*Кавказъ*» извѣщаетъ, что въ октябрѣ прошлаго года открыты въ Нальчикѣ, укрѣпленіи Терской области, двѣ безплатныхъ школы, одна для дѣвочекъ, другая для мальчиковъ, въ которыхъ уже обучается до 40 дѣтей всѣхъ сословій, преимущественно же отставныхъ нижнихъ чиновъ. Школы учреждены заботами начальника Кабардинскаго округа и нѣкоторыхъ служащихъ въ Нальчикѣ. Содержатся онѣ на счетъ добровольныхъ пожертвованій и находятся подъ покровительствомъ графа Евдокимова. Въ преподаваніи участвуютъ нѣсколько дамъ и мѣстный священникъ. Теперь открыта еще школа въ Хасафъ-Юртѣ.

— Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и затѣмъ во многихъ другихъ журналахъ помѣщено извѣстіе объ открытіи 12 ноября 1859 года сельской школы для крестьянскихъ мальчиковъ въ деревнѣ Клемятинѣ, Смоленской губерніи Бѣльскаго уѣзда; 8 января 1861 года въ томъ же имѣніи въ селѣ Поповѣ послѣдовало открытіе женской крестьянской школы, которая помѣщена въ удобномъ для заведенія гос-

подскомъ флигелѣ. При открытіи новаго училища дѣвочки числомъ 22 и мальчики, ученики одноовотчинной съ ними клемятинской школы, числомъ до 27, собрались къ обѣднѣ вмѣстѣ съ своими родителями и родными. Послѣ литургіи мѣстный священникъ, благочинный Павелъ Лосевскій сказалъ рѣчь о пользѣ грамотности вообще и для женскаго пола въ крестьянскомъ быту въ особенности. Послѣ того въ помѣщеніи школы протоіерей Бѣльскаго собора и ректоръ духовнаго училища Іоаннъ Аѳонскій совершилъ соборнѣ водоосвященіе и молебствіе, и въ заключеніе произнесъ дѣтямъ пастырское поученіе. По окропленіи учениць святой водой, онѣ были переданы по имянному списку на попеченіе наставницы школы Ольги Петровны Цвѣтковой, вступившей въ эту должность по назначенію преосвященнаго Антонія, епископа смоленскаго, изъ воспитанницъ смоленскаго училища для дѣвицъ духовнаго званія. При открытіи школы присутствовалъ и штатный смотритель Бѣльскихъ училищъ г. Сухановъ. Предъ обѣдомъ ученики клемятинской школы заявили предъ публикой свои успѣхи въ церковномъ пѣніи и заключили торжество гимномъ: *Боже Царя храни*. Ново и дико показалось сначала матерямъ *просвѣщать* дочерей своихъ, которыхъ онѣ готовили къ сельскому быту безъ всякихъ *затѣй* и *выдумокъ*; но первый шагъ всегда труденъ. Крестьянки, видя, что ихъ дочки весело и съ понятіемъ принялись за азбуку въ собраніи многихъ своихъ сверстницъ,—не только не огорчаются болѣе этимъ заморскимъ нововведеніемъ, но сами уже поощряютъ малютокъ къ прилежанію и просятъ наставницу учить ихъ всему доброму и наставлять всему хорошему. При такихъ знаменательныхъ обстоятельствахъ открыта первая женская крестьянская школа въ Бѣльскомъ уѣздѣ.

— Слѣдующее извѣстіе свидѣтельствуетъ не только о безкорыстіи и самоотверженіи учредителя школы, но и о его изобрѣтательности.

Въ 27 верстахъ отъ города Кишинева въ селѣ Резенахъ, существуетъ съ 1844 г. народная школа для дѣтей тамошнихъ поселянъ. Основанная священникомъ этаго села, школа въ началѣ имѣла до 70 учениковъ, но въ послѣдствіи, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ къ ея поддержанію, число учащихся мало по малу сократилось и дошло до 20 мальчиковъ и дѣвочекъ. При видѣ такой неудачи, почтенный учредитель придумалъ средство достигнуть лучшихъ результатовъ. Принимая въ соображеніе, что одни только воскресные уроки не много могутъ приносить пользы, потому что въ продолженіи недѣли ученики легко забывали выученное ими, и видя, что работы, которымъ подвержены взрослыя дѣти поселянъ, занимаютъ у нихъ весь день, и слѣдовательно мѣшаютъ посѣщенію школы, онъ рѣшился давать имъ уроки по вечерамъ. Съ этой цѣлію онъ открылъ двѣ *ночныя* школы для молодыхъ людей, отъ 15 до 20 лѣтъ и болѣе; энергическія усилія благороднаго священника увѣнчались успѣхомъ: въ настоящее время число учащихся въ обѣихъ школахъ простирается до 50 человѣкъ и съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается. Книги, необходимыя для школы, куплены частію на церковныя деньги, частію на пожертвованныя самимъ учредителемъ. Уроки обыкновенно начинаются въ 8 часовъ вечера. Всѣ учащіеся раздѣлены на десятки, изъ которыхъ каждый десятокъ имѣетъ своего представителя; по первому звуку рожка они сходятся къ своему старшему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ школу и когда черезъ четверть часа является священникъ, ученики чинно сидятъ уже на своихъ мѣстахъ.

— Въ біографіи одного русскаго агронома, покойнаго ярославскаго помѣщика Е. Ст. Карновича, напечатанной въ *Земледѣльческой Газетѣ*, сообщается между прочимъ фактъ, могущій служить опроверженіемъ высказываемаго у насъ мнѣнія, будто бы грамотность вредна для нашихъ крестьянъ. Вотъ этотъ фактъ: «заботливость о развитіи у крестьянъ образованія и нравственности Карновичь вполнѣ выказалъ въ своей *Пятницкой Горѣ* (1). При его домѣ въ его имѣніи существуетъ школа уже 38 лѣтъ. Сначала въ ней учились одни мальчики, но лѣтъ десять тому назадъ стали обучаться и дѣвочки, такъ что нынѣ почти всѣ Карновичевы крестьяне и дворовые люди, начиная съ 45 лѣтъ, грамотные. Кромѣ того, вслѣдствіе ли осмысленнаго и умнаго управленія, или по причинѣ того благодушія, съ какимъ Карновичъ всегда обращался съ крестьянами, они отличаются трезвостію, прилежаніемъ къ работѣ и вообще добрымъ нравомъ. Въ запискѣ, изъ которой мы заимствуемъ между прочимъ и это свѣденіе, — продолжаетъ Земледѣльческая Газета—говорится, что во всю жизнь Карновича не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ его крестьянъ оказался замѣшаннымъ въ какомъ нибудь безпорядочномъ дѣлѣ: ссорѣ, дракѣ и т. п.».

— Изъ годовыхъ отчетовъ по ярославскому епархіальному вѣдомству видно, что въ послѣднее десятилѣтіе обучалось въ домахъ священноцерковнослужителей до 12,000 человѣкъ. Обученіе обыкновенно производилось по славянской азбукѣ, часослову и псалтири. (Ярослав. Епарх. Вѣд.)

Иниціатива частныхъ лицъ въ заведеніи сельскихъ школъ вызывается и поощряется и правительствомъ. Въ нѣкоторыхъ, подвѣдомственныхъ министерству госуд. иму-

(1) Названіе имѣнія.

ществъ, казенныхъ селеніяхъ давно уже существуютъ училища для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей. Многія изъ этихъ училищъ въ теченіи времени пріобрѣли прочныя основанія для своего существованія. Изъ доходовъ государственныхъ имуществъ они получаютъ ежегодно сумму на жалованье учителямъ, на учебныя пособія, имѣютъ удобныя помѣщенія въ нарочито устроенныхъ домахъ, и подчинены палатамъ государственныхъ имуществъ, а наблюденіе за преподаваніемъ поручено дирекціи училищъ. Учителями въ этихъ школахъ большею частію мѣстные приходскіе священники, въ нѣкоторыхъ и особые преподаватели, обучающіе при посредствѣ и участіи священниковъ. Но такихъ училищъ еще немного до сихъ поръ. Ихъ заводили наиболѣе въ селеніяхъ многолюдныхъ. Въ настоящее время министръ государственныхъ имуществъ, въ видахъ возможно большаго распространенія училищъ въ казенныхъ селеніяхъ, предписалъ палатамъ: 1) пригласить священниковъ, дьяконовъ, причетниковъ и ихъ женъ производить обученіе крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, молитвамъ, чтенію, письму и счету, а дѣвочекъ кромѣ того и свойственнымъ въ крестьянскомъ быту рукодѣліямъ; 2) обученіе производить или въ собственныхъ домахъ священнослужителей, или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ; 3) расходы на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ книгъ, какъ-то: букварей, молитвенниковъ, прописей и пр., а также учебныхъ пособій отнести на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи, оставляя буквари въ собственность тѣхъ, которые успѣшно окончили ученіе; 4) производящихъ съ полнымъ успѣхомъ обученіе предоставляется управляющему палатой представлять къ денежнымъ наградамъ: тѣхъ, у которыхъ, по удостовѣре-

ніе, обучается успѣшно постоянно болѣе 12 учениковъ и учениць,—къ 25 руб., а болѣе 25—къ 50 рублямъ съ тѣмъ, чтобы въ представленіяхъ по этому предмету обозначались въ подробности заслуги представляемаго къ наградѣ, въ особенности же число успѣшно окончившихъ обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, а о послѣднихъ обозначать, сверхъ того, обучались ли онѣ рукодѣлію.

Мы представили извѣстіе о школахъ сельскихъ, какія могли собрать. О школахъ воскресныхъ городскихъ мы не говоримъ ничего: о нихъ подробно пишутъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ. Рвеніе, съ какимъ заводятся онѣ въ городахъ, усердіе частныхъ лицъ помогать и своими трудами и своими капиталами дѣлу образованія бѣдныхъ городскихъ или живущихъ въ городахъ дѣтей, заслуживаетъ похвалы отъ Бога и отъ людей, соревнованія отъ прогрессистовъ въ духѣ вѣры и любви христіанской и отъ прогрессистовъ, служащихъ этому дѣлу изъ-за благородства самаго дѣла. Возвращаясь къ нашей точкѣ зрѣнія о необходимости какъ можно болѣе широкаго распространенія образованности въ массѣ народа, мы скажемъ, что съ заведеніемъ воскресныхъ школъ въ городахъ и сельскихъ въ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ, русская цивилизація вступаетъ на новый путь своего развитія, переставая быть исключительною принадлежностію класса ученаго и сословій образованныхъ, какъ въ Германіи. Дай Богъ, чтобы она не спотыкаясь, ровнымъ и разумнымъ шагомъ шла по этому пути, не оставляя и того, которому слѣдовала до сихъ поръ. Дай Богъ, чтобы слова Монарха: «да развивается по всюду и съ новыми силами стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной

дѣятельности» (Высоч. манис. 19-го марта 1856 года), находили какъ можно болѣе вѣрноподданныхъ исполнителей. «Только пусть бы у насъ, съ одной стороны, духовное образованіе шло въ живомъ и разностороннемъ вниманіи къ разнымъ средамъ земной дѣйствительности, а съ другой свѣтское образованіе съ благородной свободой обозрѣвало бы все дѣйствительное и мыслимое во свѣтѣ Христовомъ; тогда и мысль Петрова о просвѣщеніи Россіи совершилась бы и весь народъ раздѣлилъ бы благо и дары просвѣщенія. Безъ образованія вообще, и безъ образованія самаго простаго народа, очевидно, свѣтъ Православія не можетъ раскрыться такъ, чтобы имъ все свѣтилось ко благу востока и запада и всего міра. Дай Богъ, чтобы это исполнилось у насъ не такъ, какъ было съ избраннымъ народомъ Божіимъ, у котораго истина Божія, обезсиленная въ большинствѣ фарисейскимъ духомъ, открылась чрезъ Христа только избраннымъ и чрезъ нихъ пронеслась во весь міръ съ отверженіемъ остальной іудейской толпы, — но дай Богъ намъ, хоть по немногу дойти до того, чтобы торжественно исполнилось вотъ это золотое слово покойнаго Гоголя: «и воспразднуется свѣтло Христово воскресеніе прежде у насъ, нежели во всякой другой землѣ». Современное наше положеніе—это не просто борьба новаго со старымъ, это походитъ скорѣе точно *на пожаръ* (¹). Въ нашей общественной жизни до нынѣ примется человѣкъ за высшіе духовные интересы и идеи и измѣняетъ уже Петровскому настроенію и направленію проводить эти духовные интересы и идеи и въ самое положительное земное. Возмется за это послѣднее и перестанетъ уже обращать свое дѣло въ

(¹) Выраженіе Гоголя.

служеніе Христу.... Долго ли этому быть? Вникните въ существо и исторію Православія, посмотрите на вопіющія духовныя нужды человѣчества, пожалѣйте, что угодно, востокъ или западъ, Америку или собственное отечество наше, допетровскую Россію или имъ преобразованную. Все говоритъ какъ объ особенномъ назначеніи *нашемъ*, нашей православной Россіи—дружно всѣмъ мірскимъ и духовнымъ послужить такому раскрытію свѣта и силы Православія, чтобы освятить имъ все земное, оживить все человѣческое по благодати и истинѣ самаго Христа, такъ безмѣрно возлюбившаго *человѣчество*, такъ глубоко снизшедшаго къ землѣ, Агнца Божія, вземлющаго грѣхи *міра*.... Пора, пора всякому на всякомъ мѣстѣ съ разумнымъ сознаніемъ дѣла взяться за вѣрную службу самому Христу, также досточтимую, также Ему угодную, какъ и подвижническое служеніе пустынника, пламенѣющаго молитвою за весь міръ Божій. Кто личнымъ участіемъ, кто доброхотными подаяніями, кто совѣтами и указаніями, всѣ вообще сочувствіемъ пособимъ великому дѣлу распространенія образованности по градамъ, по дебрямъ и весямъ пространнаго отечества нашего. Особенно вы, пастыри церкви, дружно и смѣло возмитесь за это дѣло, явитесь сугубыми благовѣстниками и Вѣры и просвѣщенія отечественнаго, каждый въ своемъ приходѣ. Отъ васъ прямѣе и ближе всего ожидать подвиговъ любви и благотворительности на пользу сельскихъ населеній, страдающихъ отъ умственной бѣдности. Отъ вашего горячаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія одинаково много выиграютъ и Вѣра и просвѣщеніе, соединенныя въ святой союзъ; Вѣра, положенная въ основаніе просвѣщенія, не найдетъ себѣ противника и при завершеніи его; просвѣщеніе въ свою очередь получитъ въ вашихъ рукахъ жизнь и силу,

согрѣваемое и оживляемое Вѣрой, и, постепенно увеличиваясь въ объемѣ, ровно и твердо поведетъ нашъ народъ къ счастію временному и блаженству вѣчному. *Жатва многа*: благословеніе и помощь Божія, несомнѣнно, снизойдутъ на разумныхъ дѣлателей.

Отъ принимающихъ непосредственное личное участіе въ распространеніи образованія по массѣ простолюдиновъ переходя теперь къ тѣмъ, которые способствуютъ этому своими пожертвованіями, съ особенною радостію, какъ примѣръ, достойный всякаго подражанія, указываемъ на пожертвованіе, сдѣланное въ пользу петербургскихъ воскресныхъ школъ Государыней Императрицей Маріей Александровной. По Ея повелѣнію доставлены начальству с.-петербургскаго учебнаго округа для этихъ школъ слѣдующія книги духовнаго и нравственнаго содержанія: *Примѣры благочестія* — 125 экземпляровъ; *Нравоучительныя повѣсти* — 125 экз.; *Притчи* Крумахера — 125 экз.; *О вѣрѣ и жизни христіанской* — 125 экз.; *Букварь* — 350 экз. Другой примѣръ благотворительности на этотъ предметъ представилъ преосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній. По его предложенію собравшимися поздравить его съ новымъ годомъ пожертвовано въ пользу предполагаемаго къ открытію училища дѣвицъ духовнаго званія болѣе 2,000 руб. сер., изъ коихъ значительнѣйшія пожертвованія: 1) 1,000 (кромѣ прежде пожертвованныхъ на этотъ предметъ 3,000 руб.) подписано самимъ его высокопреосвященствомъ; 2) 500 руб., княземъ Васильчиковымъ; 3) 300 руб., княгиней В. С. Голицыной и 4) 100 руб., преосвященнымъ викаріемъ кіевскимъ Серафи-

момъ. Еще болѣе значительное пожертвованіе сдѣлано въ Уфѣ въ пользу открытой уже женской гимназіи,—оно простирается до 15,000 руб. сер. Главными пожертвователями были: гг. Шиковъ, Балашевъ, Дашковъ, Базилевскій, графъ Нессельродъ и графиня Коссаковская. С.-Петербургское городское общество изъявило желаніе жертвовать по одной тысячѣ рублей ежегодно для воспитанія 25 бѣднѣйшихъ приходящихъ дѣвицъ въ женскихъ гимназіяхъ столицы. Въ прошедшей лѣтописи своей мы извѣщали о той готовности, съ какою священники Владимірской губерніи приняли приглашеніе президента юрьевскаго общества къ заведенію школъ при церквахъ. Ковровскій купецъ Виноградовъ, имѣя въ виду затрудненіе, которое встрѣчаютъ крестьяне въ пріобрѣтеніи книгъ для чтенія и нравственнаго назиданія, а съ другой стороны тѣ ошибки, которыя дѣлаютъ они, покупая книги у лукошечниковъ, препроводилъ къ президенту 1,000 руб. сер., съ просьбою купить на эти деньги книги соотвѣтствующаго содержанія, для составленія изъ нихъ не большой библіотеки къ употребленію крестьянъ села Алексина, Покровскаго уѣзда, приходской церкви того села.

— Мы далеко не исчислили всѣхъ жертвовавшихъ въ пользу народнаго образованія; но не въ томъ дѣло, кто именно и сколько жертвуетъ, а утѣшительно то, что частныя лица озабочены поданіемъ христіанской помощи тѣмъ населеніямъ Россіи, которыя безъ ихъ участія долго бы не испытали еще на себѣ благотворныхъ слѣдствій просвѣщенія. Христіанская любовь должна простираться къ несчастнымъ даже по собственной винѣ, и о нихъ любящее сердце христіанина должно заботиться и болѣть, изыскивая средства сдѣлать что нибудь въ пользу ихъ просвѣщенія и образованія. И мы съ удовольствіемъ про-

читали извѣстіе, что при Рязанскомъ тюремномъ замкѣ существуетъ библіотека, въ которой болѣе 400 книгъ. Священникъ Лосевъ, состоящій при замкѣ и принимающій самое заботливое участіе въ своей несчастной паствѣ, замѣчаетъ, что въ арестантахъ видно большею частію направленіе хорошее, и что на дурныхъ людей они прямо указываютъ сами, какъ на негодяевъ. Въ нѣкоторыхъ арестантахъ пробуждается любовь къ ученью, и неумѣющіе сами выучиваются читать и писать. Дѣтей въ острогѣ также учатъ грамотѣ. Любовь, если только ею проникнется обращеніе съ арестантами, поселитъ и въ ихъ преступныхъ сердцахъ лучшія чувства и расположенія.

Желаемъ обратить вниманіе читателей еще на два учрежденія, устроенныя частною благотворительностію для дѣлъ христіанскаго милосердія къ болящимъ и престарѣлымъ. Прежде всего мы скажемъ объ извѣстной всей Россіи Крестовоздвиженской Общинѣ Сестеръ Милосердія. 12-го января было въ Общинѣ скромное торжество по поводу открытія при ней не большой женской больницы. Но здѣсь мы позволимъ себѣ говорить устами очевидца и участника въ этомъ торжествѣ, приславшаго въ редакцію «Русскаго Вѣстника» полное любви и сочувствія письмо (напеч. въ 4 № Совр. Лѣт.).

«Въ одномъ имени Крестовоздвиженской Общины слышится отголосокъ войны, живая память о скромныхъ подвигахъ геройскаго самоотверженія. Это имя неразрывно связано съ воспоминаніемъ о скорбной эпохѣ 1854 и 1855 годовъ. При этомъ имени невольно пробуждается сочувствіе, и хочется знать, что сталось съ этими жен-

цами, которыя, бывало, такъ безстрашно, подъ непріятельскими бомбами, совершали свое святое служеніе скорби и страданію, что сталось съ тѣмъ дѣломъ любви и мира, которое онѣ взяли на себя? Многіе ли знаютъ объ этомъ? Многихъ ли занимаетъ вопросъ объ этомъ? Надо сказать правду: много въ послѣднее время открыли мы слабыхъ сторонъ въ своей дѣятельности, много обнаружилось недостатковъ въ нашемъ характерѣ, и въ томъ числѣ одинъ, кажется, самый печальный, — недостатокъ постоянства въ томъ, что мы полюбили, на что бросались, недостатокъ твердости въ томъ, что задумали и на что рѣшались. Сколько у насъ было начато добрыхъ дѣлъ, сколько завелось полезныхъ предпріятій, и съ какимъ еще жаромъ, съ какимъ увлеченіемъ! Взглянемъ вокругъ себя, что за работа кипитъ у насъ, — точно титаны работаютъ въ своей кузницѣ; еще лѣтъ десятокъ, и, пожалуй, мы опередимъ передовыя страны Европы въ своемъ развитіи.... Порывы къ просвѣщенію, порывы къ промышленнымъ предпріятіямъ, порывы къ искусству, порывы къ филантропіи, даже порывы служебной честности, — сколько благородныхъ порывовъ! Но вотъ, порывъ успокоивается, мало-по-малу ослабѣваетъ, повозка наша вязнетъ въ первой котловинѣ — устанешь скакать галопомъ, — попадаются горы, а подъемъ на гору такой тяжелый и медленный. Приходится стать, и дожидаться новыхъ порывовъ.»

«Мы увлекаемся, это правда: правда и то, что наши увлеченія, большею частію, честныя увлеченія, что имъ нельзя не сочувствовать. Но посреди настоящихъ порывовъ, остановимся на минуту, оглянемся назадъ, позаботимся узнать, что сталось съ увлеченіями и порывами прежняго времени. Кое-когда, слышишь, раненый сол-

церъ, искалеченный солдатъ разсказываетъ товарищамъ, какъ онъ искалъ и отыскалъ въ Петербургѣ добрыхъ сестеръ Николаевской батареи, — вотъ и все: услышишь и забудешь. Между тѣмъ, не всѣ знаютъ, что община крестовоздвиженскихъ сестеръ не пропала, не разсыпалась; она дѣлала свое дѣло, правда, тихо, безъ шуму, безъ волненія.... Истинная любовь совершаетъ въ тишинѣ свое дѣло, ей приходится работать надъ больнымъ тѣломъ, надъ больною душой, а больному необходимы тишина и покой. Большинству публики почти вовсе неизвѣстно скромное существованіе Общины. Только чернорабочіе, когда выходятъ изъ больницы, бѣдные люди, когда ихъ отпускаютъ перевязанныхъ и одѣтыхъ изъ *больницы для приходящихъ*, вспоминаютъ объ Общинѣ, вспоминаютъ, правда, втихомолку, не передъ людьми, а передъ Богомъ.»

«Дѣятельность сестеръ, расширяясь съ теченіемъ времени, потребовала и болѣе обширнаго помѣщенія. Основательница Общины, Великая Княгиня Елена Павловна, пріютившая ее подъ своимъ кровомъ по возвращеніи изъ Крыма, предоставила Общинѣ купленный года полтора тому назадъ большой домъ около Калинкина моста, въ томъ мѣстѣ города, гдѣ всего болѣе больныхъ и бѣдныхъ, потому что эти люди составляютъ настоящую семью для сестеръ Общины. Тутъ у нихъ подъ рукою два отдѣленія больницы чернорабочихъ, дѣтская больница, больница морскаго вѣдомства, въ которой онѣ постоянно ходятъ за больными въ память о Севастополѣ и по чувству признательности за все участіе, которое имъ было высказано со стороны морскаго министерства; наконецъ, тутъ же, подъ рукою у нихъ все рабочее фабричное населеніе, стало быть самое бѣдное и безпомощное сословіе, какое

только есть въ нашемъ огромномъ городѣ. При такой обстановкѣ, когда входимъ въ домъ, невольно кажется съ перваго взгляда, что это домъ скорби и страданія; ожидаешь самыхъ мрачныхъ, самыхъ тяжкихъ впечатлѣній. Выходитъ противное. Въ этомъ домѣ чувствуешь, что тутъ утѣшеніе въ скорби и въ страданіи. По краямъ большаго двора, съ трехъ сторонъ расположены зданія Общины: въ глубинѣ двора довольно большой садъ. Въ нижнемъ жильѣ главнаго корпуса — комнаты для пріема бѣдныхъ, больница для приходящихъ, куда является каждое утро множество больныхъ: сестры перевязываютъ имъ раны подъ руководствомъ заботливаго врача Общины, Василія Ивановича Тарасова. Это — рабочіе люди: имъ нельзя оставить работу; извѣстно, что они не любятъ обращаться къ помощи врача, покуда можно терпѣть; а терпятъ они обыкновенно до тѣхъ поръ, пока болѣзнь повалитъ, и ихъ свезутъ въ больницу. Сюда же приходятъ лѣчиться наемные люди, живущіе службой; они боятся потерять мѣсто, если лягутъ въ больницу; сюда приходятъ бѣдные изъ всѣхъ частей города, а бѣдность значитъ болѣзнь, — и еще какое множество болѣзней! Всѣхъ этихъ приходящихъ можно здѣсь встрѣтить каждый день въ 11-ть часовъ утра.»

«Въ нижнемъ жильѣ помѣщаются сверхъ того кухня, службы, столовая сестеръ и нѣсколько комнатъ для нихъ. Во второмъ ярусѣ — церковь. Она помѣщена въ прекрасной залѣ съ колоннами. Въ церкви полный свѣтъ отъ большихъ оконъ; иконостасъ отдѣланъ просто, но съ большимъ вкусомъ, иконы въ немъ прекрасной работы. Какимъ-то духомъ яснаго благочестія вѣетъ въ этомъ храмѣ. Заглянемъ въ алтарь: тамъ есть вещь, на которую нельзя смотрѣть равнодушно. Это большая бомба,

которая упала однажды къ сестрамъ въ походную больницу; сестры привезли ее съ собой изъ Крыма, поставили на ней число, водрузили на ней крестъ, и теперь бомба эта служитъ жертвенникомъ, на которомъ постоянно приносятся въ ихъ церкви молитвы за усопшихъ. Настоятельница, наставница и всѣ испытуемыя, состоящія у ней подъ надзоромъ, живутъ въ этомъ же ярусѣ; кромѣ того, тутъ же общая зала, въ которой по вечерамъ читаются вслухъ духовныя книги и преподаются элементарные уроки врачебнаго искусства. Далѣе, въ третьемъ ярусѣ однѣ только спальни, въ которыхъ сестры размѣщаются по двѣ или по три, будто сестры въ большой семьѣ. Вообще посѣтителя съ перваго раза поражаетъ во всемъ домѣ какой-то духъ семейной жизни; видишь порядокъ, безъ формализма; встрѣчаютъ тебя безъ пустыхъ церемоній, просто и открыто, какъ обыкновенно встрѣчаютъ добрые, но сильно занятые люди. И правду сказать, сестры сильно заняты.»

«Съ 28-го декабря 1860 года, имъ еще прибавилось дѣла, но и радости прибавилось! Послушайте, какъ онѣ говорятъ о «нашей больницѣ!» 28-го декабря день памятный для сестеръ: въ этотъ день приняты были первыя больныя въ эту больницу, назначенную не только для служенія больнымъ, но и для приготовленія къ служенію. Новая больница должна служить для всей общины образцомъ, какъ ходить за больными, какія наблюдать при этомъ предосторожности и пр., словомъ сказать, образцомъ и нравственнаго и физическаго ухода за бѣдными женщинами, которыя будутъ въ ней помѣщаемы.

Здѣсь всего только 15 кроватей; комнаты не велики, но просторны; воздуху много; вентиляція и отопленіе устроены по лучшему способу, какой только можно было

выбрать. Ни малѣйшей роскоши — чистоту нельзя назвать роскошью. Вся прислуга состоитъ исключительно изъ однѣхъ испытуемыхъ, подъ руководствомъ сестры, которая пріобрѣла достаточно опытности въ Крыму, и всю жизнь, всю душу посвятила своему призванію. Въ этой-то школѣ образуются испытуемыя прежде, чѣмъ возмутся за настоящее дѣло въ большихъ больницахъ; здѣсь онѣ проникаются тѣмъ духомъ, который должны носить повсюду съ собою; здѣсь, пріучаясь съ любовію отдавать себя своему призванію, онѣ пріучаются любить Общину, которая предлагаетъ имъ тайный чудный путь къ душевному спасенію, связываетъ ихъ братствомъ по сердцу, и готовитъ имъ почетный пріютъ подъ старость, въ исходѣ полезной жизни. Таково было святое призваніе діакониссъ въ первые вѣка Христіанства: имена ихъ связаны съ лучшими преданіями восточной церкви: вспомнимъ, напримѣръ, жизнь св. Павлы, св. Олимпіады. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка и не прервалась вѣчная нить дѣятельной любви христіанской, только не всегда ее видно между множествомъ другихъ нитей, изъ которыхъ сплетается общественная жизнь наша».

«Благослови Боже общину св. Воздвиженія! Нельзя не сочувствовать мирной ея дѣятельности, нельзя не пожелать всею душею, чтобъ еще во многихъ и многихъ сердцахъ пробудилось горячее, благодатное желаніе принять участіе въ святомъ ея дѣлѣ служенія ближнему.»

Другое благотворительное учрежденіе, на которое мы желаемъ обратить вниманіе своихъ читателей—это богадѣленный домъ для престарѣлыхъ и убогихъ женскаго пола, при церкви Святой Живоначальной Троицы въ Ораніенбаумѣ, —и попечитель его считаетъ долгомъ довести до свѣ-

дѣнія боголюбезныхъ и христолюбивыхъ благотворителей слѣдующее: 1) Заложенный въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны и супруга Ея 28-го Іюля 1860 года новый богадѣльный домъ при церкви Святыя Живоначальныя Троицы вчернѣ оконченъ и приготовленъ будетъ къ освященію и открытію 28-го іюля сего 1861 года. 2) Домъ устроенъ на 32 лица убогихъ и престарѣлыхъ женскаго пола, въ четырехъ больши комнатахъ, по 8 человѣкъ въ комнату, съ отдѣльною комнатою для больныхъ и съ запасными при самомъ домѣ и во флигелѣ, такъ что всѣхъ старушекъ можетъ быть помѣщено въ немъ удобно и просторно 40, и даже болѣе. 3) Такъ какъ богадѣльный домъ будетъ содержимъ единственно на добровольныя приношенія христіанскихъ благотворителей, то естественно онъ будетъ наполняемъ старушками и убогими по мѣрѣ поступленія таковыхъ приношеній. 4) Приношенія могутъ быть постоянныя и временныя. Подъ постоянными разумѣемъ вѣчные, неприкосновенные капиталы, съ употребленіемъ однихъ процентовъ. Чтобы учредить вѣчную кровать въ память родныхъ, или за здравіе и спасеніе свое собственное, нужно будетъ основать капиталъ въ 2,000 руб. сер., за одинъ разъ въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ и не далѣе семи. Временныя приношенія будутъ принимаемы во всякое время. Каждой кровати, на содержаніе которой ежегодно будетъ вносимо 100 руб. сер. (за годъ или за полгода впередъ), на равнѣ съ вѣчною кроватью, предоставлено будетъ право именоваться именемъ и фамиліею благотворителя живаго или усопшаго. 5) Въ богадѣльный домъ будутъ принимаемы убогія и престарѣлыя всякаго званія какъ благороднаго и средняго сословій, такъ и простаго. Такъ какъ

помѣщеніе состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ нумеровъ, съ особенными запасными отдѣленіями при самомъ домѣ и во флигелѣ, то представляется полная возможность размѣщать старушекъ сообразно званію каждой, и больныхъ особо отъ здоровыхъ. 6) За благотворителей постоянныхъ, внесшихъ вѣчные капиталы, и временныхъ, содержащихъ одну, или двѣ кровати, или отдѣльный нумеръ, будетъ теплиться неугасимая лампада въ общей столовой богадѣльнаго дома предъ св. иконами Святыя Живоначальныя Троицы и Царицы небесной кіевопечерской и тихвинской, которыми (иконами) благословлены старушки изъ Божія храма Святыя Троицы въ новоселье ихъ въ 1832 году. 7) Кромѣ сего предполагается установить совершеніе въ Божіемъ храмѣ Святыя Троицы молитвенныхъ памятованій какъ о живыхъ, такъ и объ усопшихъ благотворителяхъ богадѣльнаго дома. О дняхъ и порядкѣ совершенія сихъ памятованій представлено на разрѣшеніе духовнаго начальства и, по воспослѣдованіи онаго, объявлено будетъ о томъ особо. Благочестивые и христолюбивые благотворители, желающіе усердствовать постоянными или временными приношеніями въ пользу учреждаемаго богадѣльнаго дома, благоволятъ обратиться письменно или лично къ нижеподписавшемуся.

Попечитель объ устройствѣ Богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумѣ, усердный молитвенникъ предъ престоломъ Божіимъ о спасеніи всѣхъ благотворителей, ораніенбаумской придворной Ея Императорскаго Высочества церкви св. Пантелеймона священникъ Гавріилъ Любимовъ.

Богадѣльный домъ Святыя Живоначальныя Троицы въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ; краткая лѣтопись о существующей

богадѣльнѣ и предположенія о благоустройствѣ учреждаемаго богадѣльнаго дома.

«Богадѣльный домъ при церкви Святыя Троицы извѣстенъ до сихъ поръ подъ скромнымъ именемъ: *Богадѣльни.*

«Богадѣльня сія помѣщается въ оградѣ кладбища, при самой церкви Святыя Троицы, во флигелѣ, въ одной связи и подъ одною крышею съ квартирою просфирни и сторожа церкви. Помѣщеніе состоитъ въ одной комнатѣ, съ русскою печкою и лежанкою. Въ такомъ видѣ она явилась уже въ послѣдующее время, въ 1832 году. Первое начало ея относится къ 1818 году. До тѣхъ поръ была на кладбищѣ одна избушка для сторожа. Въ 1818 году благочестивая болярыня, блаженной памяти супруга вице-адмирала Марѳа Аѳанасьевна Коробка, предложила мѣстному духовенству со старостою и обществу устроить богадѣльню. Тогда же отпущено было обществомъ потребное количество лѣсу изъ городскаго участка, и устроены были двѣ избушки, каждая съ однимъ окномъ: одна для сторожа, а другая для богадѣльни. Почти всѣ издержки по устройству госпожа Коробка приняла на себя. Строеніе началось въ октябрѣ, а къ празднику Святыя Троицы въ 1819 году богадѣльня была уже готова, и въ ней помѣщены были 7 старушекъ. Госпожа Коробка купила старушкамъ каждой: по кровати, тюфяку волосяному, и подушкѣ волосяной и по одѣялу, и вообще снабдила богадѣльню всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ.

«Изъ вещей домашняго хозяйства до сихъ поръ еще цѣлы и въ употребленіи квашня, въ которой мѣсятъ хлѣбы, и квасникъ, въ которомъ держатъ квасъ.

«Имя блаженной памяти Марѳы Аѳанасьевны до сихъ поръ живо у старушекъ. Она не преставала благодѣтельствовать старушкамъ во все время своей жизни (скончa-

лась въ 1847 г.) и какъ свидѣтельствуютъ записки о. протоіерея Андрея Благовѣщенскаго, моего предмѣстника, (поступившаго въ Ораніенбаумъ въ 1811 году), содержала одну старушку на свой счетъ и ежемѣсячно вносила на содержаніе ея деньги.

«21-го августа 1820 года изволила посѣтить богадѣльню Блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна. Еще жива старушка (1), которая привѣтствовала Государыню Императрицу и свидѣтельствуетъ, что Государыня Императрица была одѣта просто, въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлой шляпкѣ, и не узнать бы Ее, высокую гостью, когда бы не сказали, что идетъ Государыня. Тогда же Государыня Императрица пожаловала на богадѣльню священнику (нынѣ протоіерею) Андрею Благовѣщенскому 300 руб. ас., а старушкамъ особенно прислала въ даръ каждой: по суконному одѣялу, простынѣ, по кофтѣ, юпкѣ (2) и наволочкѣ. Одно одѣяло и одна простыня еще до сихъ поръ хранятся у старушекъ, какъ святыни.

«28-го августа 1823 года Государыня Императрица снова пожаловала на богадѣльню 150 руб. ас.

«Изъ частныхъ лицъ, послѣ госпожи Коробки, особенно благодѣтельствовалъ богадѣльнѣ бывшій староста церкви Святыя Троицы, маіоръ Николай Гавриловичъ Мореховъ.

«Въ 1832 году придѣлана была къ богадѣльнѣ изба въ два окна, куда помѣщена была просфирня. Такъ какъ для одной просфирни помѣщеніе это было велико, а старуш-

(1) Ирина Козырева 76 лѣтъ. Она находится въ богадѣльнѣ 18 лѣтъ, всего живетъ на кладбищѣ 48 лѣтъ. Мужъ ея былъ 30 лѣтъ сторожемъ при церкви Святыя Троицы.

(2) Верхняя комнатная одежда, употребляемая у русскаго народа вмѣсто сарафана или платья.

ки чрезвычайно были стѣснены въ маленькой избушкѣ, съ однимъ окномъ; то и положено было старушекъ перевести въ квартиру просфирни, съ двумя окнами, а просфирню въ избушку богадѣльни. При семъ къ 7 кроватямъ прибавлена еще одна и тогда же домашнимъ образомъ опредѣленъ штатъ на 8 кроватей, который до сихъ поръ и сохранялся.

«Въ 1846 году, уже при моемъ служеніи въ Ораніенбаумѣ, весь флигель, состоящій изъ трехъ помѣщеній: для сторожа на углу, ближе къ церкви, для просфирни въ срединѣ (которое и посѣщала Государыня Императрица) и для богадѣльни, на другомъ углу, былъ разобранъ и за ново исправленъ, и въ такомъ видѣ онъ остается до нынѣ.

«Содержаніе старушекъ въ богадѣльнѣ ничѣмъ не обезпечено. Единственно, что онѣ имѣютъ вѣрнаго, это 50 руб. ас. которые, согласно завѣщанію, ежегодно на нихъ издерживаются изъ доходовъ церковнаго дома, отказаннаго бывшимъ мѣщаниномъ Доронинымъ (впослѣдствіи монахъ Θеодосій) въ пользу церкви Святыя Троицы въ 1833 году. Въ отчетахъ о Церкви Святыя Троицы и о богадѣльнѣ при ней такъ показывается: *богадѣльня на 8 человѣкъ;— въ ней содержатся убогія, питаемыя мірскимъ иждивеніемъ*. Дѣйствительно, въ мое пятнадцатилѣтнее служеніе въ Ораніенбаумѣ, старушки или сами ходили за собираніемъ милостыни по городу и дачамъ, или добрые люди приносили имъ хлѣба и соли въ ихъ убогую хижину, а иногда давали по платочку, ситцу на платье и т. п. (¹). Часто случалось, и нынѣ нерѣдко бываетъ, что

(¹) Съ благодарностію воспоминаютъ старушки при семъ доброе имя благочестивой Елены Петровны Струбинской. Каждое лѣто эта благочестивая жена что нибудь оставляетъ старушкамъ на память о себѣ и

старушки не имѣютъ у себя насущнаго хлѣба, особенно съ тѣхъ поръ, когда онѣ всѣ стали слѣпы, хромы, больны и, потерявъ силу ходить, въ этомъ самомъ лишились послѣдняго способа доставать себѣ милостыню. Такое горькое положеніе старушекъ естественно не могло не трогать моей души, и мой долгъ былъ изыскивать средства обезпечить ихъ насущнымъ хлѣбомъ, равно какъ и тепломъ, въ которомъ онѣ также нуждались и очень много. Милосердый Господь видимо благословилъ мои искреннія, теплыя желанія.

«Въ октябрѣ 1853 года, въ слѣдствіе моего ходатайства, Государыня Великая Княгиня Елена Павловна, Августѣйшая покровительница нашего города, изволила пожаловать на богадѣльню отопленіе и освѣщеніе, написавъ собственноручно на моей запискѣ по сему предмету: «Согласна на отпускъ 4-хъ саженей дровъ (трехполѣнныхъ) и свѣчь одинъ пудъ, пока я живу.»

«Въ началѣ 1856 года, В. Ив. Гурьяновъ, староста церкви Святыя Троицы, составляя, по случаю посѣтившей его тяжкой болѣзни, духовное завѣщаніе о своемъ имуществѣ, назначилъ на вѣчныя времена неприкосновенный капиталъ въ богадѣльню 750 р. сер., съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ употребляемы были на содержаніе старушекъ.

«Идя далѣе на пути улучшенія быта, естественно было остановиться сколько на томъ, что настоящее ихъ убѣжище тѣсно, сыро, холодно, темно, столько и еще болѣе на томъ, что многія ихъ присныя и ближнія остаются совершенно безъ всякаго крова и безъ всякихъ средствъ существованія. Я издалъ книжку: «церковныя торжества

своемъ супругѣ и родителяхъ, прахи которыхъ покоятся на кладбищѣ Святыя Троицы.

въ Ораніенбаумѣ въ 1857 году,» принесъ оную на пользу старушекъ и собралъ отъ сего малыя лепты.

«Повторивъ потомъ изданіе въ большемъ количествѣ экземпляровъ и приложивъ приономъ проэктъ новаго дома, я предложилъ это благочестивымъ христіанамъ всей Россіи ([1]), самъ же лично, съ разрѣшенія Государыни Великой Княгини, Августѣйшей покровительницы города, обратился къ извѣстнымъ благотворителямъ въ столицѣ, и Господь еще видимѣе благословилъ мои труды: я получилъ полную надежду на осуществленіе плана устроить новый домъ для старушекъ. И просили мы тогда отъ лица города со старостою церкви Святыя Троицы у Ея Императорскаго Высочества мѣста для устройства новаго дома. Мѣсто съ огородомъ и садомъ, болѣе полдесятины, близъ и противъ самаго храма Божія, пожаловано. Два извѣстныхъ благотворителя изъявили усердіе положить капиталы на вѣчное время въ обезпеченіе существованія новаго дома. Одна благочестивая жена Л.... принесла на спасеніе души своей и благочестиваго усопшаго друга ея болярина Петра 4,000 руб. сер. съ желаніемъ оставить оные неприкосновеннымъ капиталомъ и пользоваться одними процентами, содержа на проценты двѣ кровати ихъ фамиліи: одну въ память ея, другую въ память мужа. Чего болѣе было желать отъ добрыхъ людей, чего лучшаго должно было просить у Господа, послѣ такихъ видимыхъ знаменій благословенія Божія и христіанскаго участія боголюбивыхъ благотворителей въ предпринятомъ мною дѣлѣ?! Рѣшено было положить основаніе новому богадѣльному дому и соединить это радостное торжество

([1]) Въ декабрѣ 1859 года книжка: «Церковныя торжества въ Ораніенбаумѣ въ 1857 г.», разослана была при газетахъ въ количествѣ 23,000 экземпляровъ.

съ храмовымъ праздникомъ св. Великомученику и Цѣлителю Пантелеймону, подъ небеснымъ покровомъ котораго находятся всѣ живущіе въ нашемъ городѣ и особенно служитель сего святаго храма его, усердный молитвенникъ о васъ предъ симъ престоломъ Господнимъ. И вотъ, мы уже во храмѣ угодника Божія Пантелеймона, мы уже начали славить Господа, Царицу Небесную и св. Пантелеймона и просить ихъ милости и благословенія на всѣ наши добрыя дѣла и начинанія и особенно на продолженіе и окончаніе богоугоднаго и спасительнаго дѣла — устройства богадѣльнаго дома, и преосв. архипастырь раздѣляетъ и благословляетъ наши молитвы, и сонмъ пастырей и сослужители ихъ вмѣстѣ съ ними молятся, и всѣ вы, благочестивые христіане, дальніе и ближніе, призванные и сами пришедшіе сюда, сочувствуете и сорадуетесь намъ въ нашей радости духовной, и принимаете живое участіе въ общеблагочестивомъ дѣлѣ. Истинно, благодареніе Господу Богу и Царицѣ Небесной за всѣ ихъ милости нашему малому граду и особенно мнѣ грѣшному, недостойному молитвеннику. Истинно чувствуемъ и цѣнимъ ваше, возлюбленные благочестивые христіане, родное соучастіе въ нашихъ духовныхъ, свѣтлыхъ праздникахъ, и молимъ, и не престанемъ молить нашего небеснаго покровителя, угодника Божія Пантелеймона, да благословитъ онъ свыше васъ всѣхъ, и да испроситъ у Отца Небеснаго вамъ самимъ небесныхъ и земныхъ благъ столько, сколько нужно оныхъ для спасенія душъ и для счастія и радости на землѣ сей.

«Продолжимъ бесѣду нашу о новомъ богадѣльномъ домѣ. Домъ предположенъ на 32 лица убогихъ и престарѣлыхъ женскаго пола въ четырехъ большихъ комнатахъ, по восьми человѣкъ въ комнату. Но будетъ еще особое по-

мѣщеніе для больныхъ, и имѣется въ виду одна свободная, запасная комната, такъ что всѣхъ старушекъ можетъ быть помѣщено въ немъ удобно и просторно до 40, и даже болѣе. Старушками онъ наполняться будетъ по мѣрѣ того, какъ будетъ открываться возможность содержать ихъ на приношенія благотворителей. Приношенія могутъ быть постоянныя и временныя. Подъ постоянными разумѣемъ вѣчные неприкосновенные капиталы, съ употребленіемъ однихъ процентовъ. Чтобы основать вѣчную кровать въ память родныхъ, или свою собственную, нужно будетъ положить капиталъ въ 2,000 р. сер. Временныя приношенія на всѣхъ вообще старушекъ будутъ принимаемы во всякое время, а на содержаніе одной, двухъ, или болѣе старушекъ въ теченіе одного года, двухъ лѣтъ и такъ далѣе, съ именемъ благотворителей, не иначе могутъ быть допускаемы, какъ за полгода или за годъ впередъ.

«Въ богадѣльный домъ при церкви Святыя Троицы будутъ принимаемы убогія и престарѣлыя всякаго званія, какъ благороднаго, такъ и другихъ. Такъ какъ помѣщеніе будетъ состоять изъ 5 и даже болѣе отдѣльныхъ номеровъ, то будетъ полная возможность раздѣлить старушекъ на разряды: благородныя будутъ въ однихъ номерахъ съ благородными, другаго званія съ подобными имъ, а больныя также особо отъ здоровыхъ.

«За спасеніе всѣхъ благотворителей, постоянныхъ, — внесшихъ вѣчные капиталы, и временныхъ, содержащихъ одну или двѣ кровати, будетъ теплиться неугасимая лампада въ общей столовой богадѣльнаго дома предъ святыми иконами Святыя Живоначальныя Троицы и Царицы Небесной: Псковопечерской и Тихвинской, которыми иконами благословлены старушки изъ самаго храма Божія Святыя Троицы въ новоселье ихъ въ 1832 году.

Кромѣ сего на вѣчное время, пока будетъ стоять Божій храмъ Святыя Троицы и будетъ существовать при немъ богадѣльный домъ, въ храмѣ Божіемъ будутъ совершаться:

«1) О здравіи, спасеніи и благоденствіи живыхъ благотворителей всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Святой и Животворящей Троицѣ, и съ молитвами Богу Отцу, Богу Сыну, и Богу Духу Святому, божественная литургія и благодарственное молебствіе Святой Троицѣ, съ молитвою, 21-го іюня, на память св. мученика Іуліана Тарсійскаго, въ тотъ самый день, въ который послѣдовало освященіе храма Божія Святыя Троицы, назадъ тому 103 года [1].

«2) О памяти и оставленіи грѣховъ и объ упокоеніи душъ усопшихъ благотворителей: а) панихида 20-го іюня, предъ всенощнымъ бдѣніемъ наканунѣ 21-го іюня, и б) литіи: во вторникъ Ѳоминой недѣли, въ субботу предъ праздникомъ Святыя Троицы (Пятьдесятницы), въ Димитріевскую субботу (предъ 26 числомъ октября) и въ мясопустную субботу, и

«3) Какъ живые, такъ и усопшіе благотворители и ихъ сродники, во всѣ вышепоказанные дни въ молитвахъ о нихъ будутъ поминаемы по именамъ на проскомидіи въ божественныхъ литургіяхъ, равно и во всѣ прочіе дни, въ которые будетъ приносима въ храмѣ Святыя Троицы безкровная жертва.

«На всѣ сіи молитвенныя памятованія о благотворителяхъ будетъ испрошено въ свое время изволеніе Благовѣрной Государыни Великой Княгини Елены Павловны и Высочайшее утвержденіе. Предоставляется всякому благочестивому христіанину усердствовать постоянными и

---

[1] Освященіе храма св. Троицы послѣдовало 21-го іюня 1757 года.

временными приношеніями на пользу богадѣльнаго дома, и симъ увѣковѣчить имя свое, или родныхъ, близкихъ сердцу, не на землѣ, а на небѣ; ибо чрезъ молитвы въ храмѣ Божіемъ имена христіанъ вписываются въ книгу Господню на ряду съ именами св. ангеловъ и св. Божіихъ человѣковъ. *Си заповѣдую вамъ, да любите другъ друга.* Такъ заповѣдалъ Господь своимъ ученикамъ; такъ заповѣдуетъ и угодникъ Божій Пантелеймонъ, каждый разъ, когда мы молимся ему ([1]).

«Самъ угодникъ Божій въ точности исполнилъ слово Господне. Все богатое имѣніе, оставшееся ему отъ богатыхъ родителей, онъ роздалъ бѣднымъ и нищимъ, и самъ послѣ служилъ имъ молитвою за нихъ и исцѣленіями, какъ безсребренникъ — врачь и чудотворецъ. Кому же ближе должна быть сія Господня заповѣдь изъ устъ угодника Божія: *си заповѣдую вамъ, да любите другъ друга*, какъ не служителю сего храма его и молитвеннику за васъ предъ святымъ престоломъ, какъ не вамъ, молящимся въ семъ храмѣ и пришедшимъ раздѣлить наши духовные праздники и радости? Итакъ, возлюбленные, помогите продолженію и окончанію богоугоднаго дѣла устройства богадѣльнаго дома при церкви Святыя Живоначальныя Троицы. Молитвенникъ вашъ предъ угодникомъ Божіимъ все сдѣлалъ для сего дѣла, что только можно желать и потребовать отъ него по сему предмету: видитъ это Господь, видитъ это угодникъ Божій Пантелеймонъ, извѣстно это и между вами, благочестивыми христіанами. Теперь осталось дѣло за вами, я началъ, вы продолжите и окончите, и благословитъ ваши щедрыя жертвы и скудныя

([1]) Начало Евангелія, читаемаго св. Пантелеймону на молебнахъ, всенощныхъ бдѣніяхъ и божественныхъ литургіяхъ въ день и память его, отъ Іоанна гл. XV, ст. 17.

но усердныя лепты угодникъ Божій, руками святителя и архипастыря, и принесетъ ихъ предъ престолъ Божій, и помянетъ ихъ Господь, и сотворитъ вамъ и вашимъ приснымъ живымъ и усопшимъ велицую милость и здѣсь — на землѣ, и тамъ на небѣ — въ царствіи небеснаго Отца. А что вѣрно мое слово о вѣчной молитвѣ за всѣхъ благотворителей, и о памятованіи ихъ предъ престоломъ Божіимъ, — это уже утвердила Благоварная Государыня, земная покровительница наша. Послушайте, что написано на сей дскѣ:

«Въ царствованіе Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи, изволеніемъ Благоварной Государыни Великой Княгини Елены Павловны, въ присутствіи Августѣйшей Дочери Ея, Благоварной Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны и Супруга Ея, заложенъ сей Богадѣльный домъ для престарѣлыхъ и убогихъ женскаго пола, Преосвященнымъ Нектаріемъ, Епископомъ Выборгскимъ, Ректоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи, при сослуженіи Архимандритовъ: Платона и Поликарпа, Протоіереевъ: Василія, Андрея и Петра, Священниковъ: Настоятеля храма — Гавріила, Антонія, Григорія, Аѳанасія, Симеона, Александра, Павла, Александра, Леонида и Павла, Іеродіакона Іосифа, и Діаконовъ: Михаила, Самуила, Николая и Виктора, на землѣ, пожалованной Государынею покровительницею города Ораніенбаума, Великою Княгинею Еленою Павловною, на счетъ добровольныхъ приношеній отъ христіанскихъ благотворителей, пожертвованныхъ въ вѣчное поминовеніе и молитвы предъ престоломъ Божіимъ во храмѣ Святыя Живоначальныя Троицы о здравіи и спасеніи живыхъ и объ упокоеніи со святыми усопшихъ благотворителей и сродниковъ ихъ,

лѣта отъ Рождества Христова 1860 года, мѣсяца Іюля 23-го дня, въ Четвергъ, въ праздникъ явленія Иконы Смоленскія, Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, Одигитріи, на память Святыхъ Апостоловъ и Діаконовъ: Прохора, Никанора, Тимона и Пармена» (1).

Это утвердила земная покровительница, утверждаетъ это и небесный покровитель нашъ угодникъ Божій Пантелеймонъ, благословеніемъ архипастыря и святителя Божія Нектарія, при молитвахъ и соучастіи сего сонма пастырей и служителей ихъ. Итакъ, возлюбленные, несите ваши жертвы и лепты на начатое богоугодное и спасительное дѣло. Благослови, св. Владыко, приносить оныя во спасеніе душъ христіанскихъ.

Читано на всенощномъ бдѣніи св. Великомученику и цѣлителю Пантелеймону, наканунѣ 27-го іюля 1860 года, попечителемъ объ устройствѣ Богадѣльнаго дома, мѣстнымъ священникомъ Гавріиломъ Любимовымъ.

Отъ такихъ событій, какъ быстрое увеличеніе числа воскресныхъ школъ, открытіе школъ сельскихъ, пожертвованія въ пользу народнаго образованія, заботливость объ отвергаемыхъ гражданскимъ закономъ и призрѣваемыхъ закономъ Христовой любви, подвиги общины сестеръ милосердія и устройство богадѣльнаго дома для престарѣлыхъ и увѣчныхъ старухъ,—отъ событій, въ которыхъ сказываются лучшіе порывы и благороднѣйшія стремленія человѣческой природы, согрѣтой духомъ евангельской любви, какъ-то не охотно переходитъ мысль

(1) Надпись на мѣдной доскѣ, положенная въ основаніи богадѣльнаго дома при церкви Святыя Живоначальныя Троицы въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ.

пишущаго эту лѣтопись къ тѣмъ фактамъ воровства, убійства, дѣтоубійства, которыхъ такъ много записано въ газетахъ прошлаго мѣсяца. Съ чувствомъ грусти, съ искреннимъ желаніемъ исправленія преступниковъ и съ молитвою о небесномъ милосердіи къ нимъ, заносимъ нѣсколько фактовъ въ свою лѣтопись. — Калужской губерніи, Ковельскаго уѣзда деревни Госьковой родные братья, казенные крестьяне Іовъ и Маноитъ Григорьевы, 18 декабря, расчищая около своихъ дворовъ снѣгъ, поссорились между собою за то, что Іовъ бросалъ снѣгъ къ дому брата; во время ссоры Іовъ ударилъ Маноита по головѣ бывшей у него въ рукахъ желѣзной лопатой, отъ чего послѣдній въ тоже время лишился чувствъ и чрезъ два дня умеръ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи 18 лѣтняя дочь служителя села Кудымкорскаго графини Строгановой Настасья Косыхъ нанесла себѣ по горлу ножемъ рану и отъ того умерла. — Херсонской губерніи, Ананьевскаго уѣзда въ деревнѣ Грушевкѣ управляющій имѣніемъ помѣщика Корбе, Августинъ Тхоржевскій, нанесъ сильные побои палкой крестьянину Акиму Биглюну, отъ которыхъ онъ чрезъ два дня умеръ. — Въ одномъ 49 № Сѣверной Пчелы разсказываются случаи шести самоубійствъ и двухъ убійствъ. — Особенно поразительный случай убійства описанъ въ Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и перепечатанъ потомъ въ 36 № Сѣверной Пчелы.

Въ прошедшей Лѣтописи мы разсказали два случая святотатства и одинъ случай дѣтоубійства. Газеты прошлаго мѣсяца указываютъ еще нѣсколько случаевъ сказанныхъ преступленій. Вятской губерніи въ г. Малмыжѣ, на 21 декабря изъ кладбищенской Церкви чрезъ взломъ четырехъ замковъ неизвѣстно кѣмъ похищено денегъ 125

р. Въ Воронежской губерніи Валуйскаго уѣзда въ селѣ Никитовкѣ, 3-го января изъ приходской церкви похищено изъ сундуковъ со взломомъ замковъ причетникомъ г. Коротояка, Покровской Церкви Васильемъ Смирницкимъ 989 р. 55 к. Ярославской губерніи Любимскаго уѣзда въ селѣ Подчайгородкѣ священноцерковнослужители, войдя 6 января въ Церковь, застали въ ней причетника того же села Ивана Иванова съ деньгами, вынутыми имъ изъ церковнаго ящика, въ которомъ по повѣркѣ не оказалось 58 копѣекъ. Въ селѣ Альшани Орловскаго уѣзда, въ ночи на 5 число января обокрали приходскую церковь; дверь въ караулку, находящуюся возлѣ церкви, была завязана веревкою, такъ что караульщикъ, бывшій тамъ, съ трудомъ только могъ вырвать пробой и выдти; ударивъ въ набатъ, онъ созвалъ ближайшихъ прихожанъ, съ которыми и осмотрѣлъ церковь. При осмотрѣ оказалось слѣдующее: въ двери колокольни задвижка была отломлена, пробой выдернутъ и замокъ поврежденъ; въ дверяхъ же церкви верхній замокъ отпертъ и испорченъ, нижняя задвижка согнута, сундукъ, въ которомъ хранилась кошельковая сумма, похищенъ. Всего похищено на 557 р. 20 к. Отъ церкви къ пролегающей мимо ея дорогѣ на небольшомъ разстояніи видны были слѣды человѣка и некованной лошади. Въ 38 № Петербургскихъ вѣдомостей разсказывается также случай дѣтоубійства и утопленіе убитаго младенца въ рѣкѣ матерью — вдовой. А въ Херсонской губерніи крестьянка Александровскаго уѣзда Настасья Грищенкова, родивши младенца, бросила его въ печь, гдѣ онъ и найденъ былъ уже мертвымъ.

Вообще надобно сказать, что случаи дѣтоубійства и случаи подкидыванія младенцевъ—незаконнорожденныхъ, которые отъ холода и не бывъ скоро замѣчены, иногда

тоже умираютъ, такіе случаи повторяются довольно часто. Убійство младенца матерью — такое преступленіе, противъ одной мысли о которомъ должна была бы судорожно сотрястись въ матери каждая жилка, вскипѣть каждая капля крови. Но всю тяжесть этаго преступленія не надобно измѣрять лишь очевидной его противоестественностію. Вспомнимъ, что младенецъ убивается матерью и переходитъ въ другую жизнь, не омытый водами крещенія.

Итакъ рука объ руку съ самыми утѣшительными явленіями въ русской жизни идутъ преступленія, изъ которыхъ нѣкоторыя поражаютъ глубиной паденія преступниковъ. Жестокости, побои, воровства, убійства, грабежи, дѣтоубійства, братоубійства, такъ часто описываемыя въ газетахъ, составляютъ темную сторону общественной жизни русскаго народа, печалящую каждаго друга человѣчества. Мы не принадлежимъ къ числу мечтателей, которымъ на концѣ человѣческаго прогресса видится еще здѣсь на землѣ полное торжество добра и совершенное уничтоженіе зла: на землѣ всегда на ряду съ проявленіями добра шли и проявленія зла, и безъ сомнѣнія до конца міра будетъ происходить упорная борьба между началами добрыми и началами злыми. Полное торжество добра наступитъ, но не здѣсь. Но усилія человѣческія, не достаточныя къ тому, чтобы уничтожить вполнѣ зло, вполнѣ достаточны къ тому, чтобы ослабить его силу и сдѣлать болѣе рѣдкими проявленія его. И средство для этого одно—союзъ Вѣры и просвѣщенія, союзъ искренній и крѣпкій. Большая часть преступленій, описанныхъ нами, совершены лицами необразованными или полуобразованными, лицами бѣднаго класса. Съ чувствами любви христіанской начните и продолжайте образованіе

бѣдныхъ простолюдиновъ, насадите въ нихъ правила любви Христовой другъ къ другу, доставьте имъ знаніе, умѣнье и искусство—благоустроить свое внѣшнее, часто гнетущее состояніе: человѣкъ — не сатана, онъ способенъ исправиться и тѣмъ скорѣе, чѣмъ любвеобильнѣе и сердечнѣе будетъ ваше участіе къ судьбѣ его. Земныя знанія помогутъ ему улучшить временную свою судьбу; Вѣра — благоустроитъ его душу; конечно и тогда преступленія не прекратятся совершенно, но по крайней мѣрѣ уменьшится ихъ число. Воръ воруетъ, разбойникъ грабитъ, убійца убиваетъ въ первые по крайней мѣрѣ разы не по прихоти, а по нуждѣ, отъ голода или бѣдности, при грубости не развитаго образованіемъ ума и при очерствелости сердца, не согрѣтаго внушеніями Вѣры.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТ И НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— *Высочайшій рескриптъ на имя преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго.*

Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ! Постоянно заботясь объ утвержденіи и преуспѣяніи православія въ любезномъ отечествѣ Нашимъ, вы явили нынѣ новый подвигъ благочестивой, пламенной ревности къ пользамъ церкви, предпринявъ и окончивъ сборъ священной утвари и ризъ для возобновляемыхъ, по указаніямъ Нашимъ, сельскихъ церквей могилевской епархіи.

По одному пастырскому слову вашему, первопрестольная столица, едва успѣвшая окончить вспомоществованія православнымъ церквамъ турецкихъ владѣній, приняла на себя новыя значительныя пожертвованія и въ самое короткое время принесла въ даръ могилевской епархіи всѣ необходимые для богослуженія предметы, изъ коихъ многіе, по изяществу и цѣнности, могли бы служить украшеніемъ и для столичныхъ храмовъ.

За столь достохвальные, подъятые вами труды, увѣнчанные полнымъ успѣхомъ, Мнѣ пріятно выразить вамъ душевную признательность, предоставляя благодарить, отъ Моего имени, лицъ въ семъ благомъ дѣлѣ вамъ содѣйствовавшихъ.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С. Петербургѣ.
30-го декабря 1860 г.

— *Высочайшій рескриптъ на имя преосвященнаго Нила, архіепископа ярославскаго.*

Преосвященный владыко и архипастырь! Въ память счастливаго для насъ событія, рожденія въ 1-й день Іюня любезнѣйшаго сына нашего Великаго Князя Димитрія Константиновича, я и жена препровождаемъ при семъ вашему преосвященству золотую лампаду, прося васъ установить ее при мощахъ святителя Димитрія, ростовскаго чудотворца, и благословить сіе смиренное приношеніе.

Поручая себя и все семейство Мое молитвамъ вашимъ, пребываю навсегда искренно доброжелательнымъ

«КОНСТАНТИНЪ».

17-го декабря 1860 г. (Яросл. Епарх. Вѣд.)

— Государь Императоръ, согласно удостоенію Святѣйшаго Сѵнода и положенію комитета гг. министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть наградить пономаря гродненскаго софійскаго собора Ивана Юхнѣвича, за спасеніе, во время бывшаго 4-го Іюня 1856 г. въ селеніи Абелино пожара, двухъ лицъ отъ сгорѣнія, золотою медалью на владимірской лентѣ.

— Господинъ исправляющій должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, князь Урусовъ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода $\frac{7\text{-го мая}}{9\text{-го іюня}}$ 1858 года, входилъ чрезъ комитетъ министровъ съ представленіемъ о награжденіи помѣщика, Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, Адама Бояровскаго, за исправленіе находящихся въ его имѣніи трехъ православныхъ церквей, орденомъ св. Анны 3-й степени. — Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Бояровскому означенную награду.

— Государь Императоръ, въ 24-й день прошлаго декабря мѣсяца, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода объ учрежденіи женской общины въ селѣ Верхтеченскомъ, Пермской губерніи, на изложенныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, въ 7-й день января 1861 года, Всемилостивѣйше наградить соизволилъ врача иркутскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій главнаго управленія восточной Сибири, надворнаго совѣтника Ивана Касаткина, за отлично-усердную службу его при означенномъ училищѣ, орденомъ св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною.

— По распоряженіямъ господина оберъ-прокурора Свя-

тѣйшаго Сvнода, 14-го января: учитель пермской семинаріи Александръ Воскресенскій уволенъ отъ духовно-училищной службы; кандидатъ казанской духовной академіи Иванъ Ювенскій опредѣленъ смотрителемъ въ симбирское духовное училище; — 17-го: учитель рязанской семинаріи Павелъ Доброхотовъ уволенъ отъ службы; на мѣсто его опредѣленъ кандидатъ московской духовной академіи Ѳеодоръ Толеровъ; кандидатъ той же академіи Митрофанъ Лащенковъ опредѣленъ смотрителемъ ахтырскаго духовнаго училища.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода, послѣдовавшимъ въ слѣдствіе представленія высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с. петербургскаго, положено: почетному блюстителю по хозяйственной части при с.-петербургской духовной семинаріи, купцу Ѳзелеву, пожертвовавшему въ 1860 году 3,000 р. сер. въ пользу семинарской церкви, преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода, за его усердіе къ храму Божію и сдѣланное пожертвованіе.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 30-го минувшаго января положено: за сдѣланныя въ пользу церкви въ домѣ ярославскаго подворья въ С.-Петербургѣ благочестивыя приношенія: 1) царскосельскимъ 1-й гильдіи купцомъ Петромъ Голенищевымъ устройство на свой счетъ новаго иконостаса и приготовленіе разныхъ относящихся къ благоустройству и благолѣпію храма принадлежностей, всего на сумму до 3 тысячъ руб. сер.; 2) неизвѣстнымъ лицомъ пожертвованіе: а) чугунныхъ, бронзированныхъ перилъ на два клироса, б) такого же аналоя, в) бронзовой вызолоченной лампады къ царскимъ вратамъ и г) двухъ бронзовыхъ канделябръ; 3) женою иностранца Беттерлингъ двухъ серебряныхъ вы-

золочеными иконъ, а также всѣхъ потребныхъ къ освященію храма принадлежностей, и 4) княгинею Елисаветою Ивановною Урусовою иконы съ тремя частицами честныхъ мощей св. благовѣрныхъ великихъ князей ярославскихъ Θеодора, Давида и Константина, во имя которыхъ освящена церковь,—объявить упомянутымъ жертвователямъ благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра иностранныхъ дѣлъ, въ 10-й день декабря 1860 года, Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить начальника духовной миссіи нашей въ Пекинѣ архимандрита Гурія, въ воздаяніе отлично-усердной его службы, къ ордену св. Анны 2 степени, украшенному Императорскою короною.

— Въ приказѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, отъ 20 января 1861 года, изображено:

Опредѣляются: отставной подпоручикъ Макаровъ—канцелярскимъ чиновникомъ въ канцелярію Святѣйшаго Сунода, съ производствомъ штатнаго содержанія (съ 7 декабря 1860 г.); отставной титулярный совѣтникъ Васильевъ—помощникомъ секретаря Святѣйшаго Сунода (съ 17 января 1861 года).

Назначаются: помощникъ секретаря Святѣйшаго Сунода коллежскій ассесоръ Россовъ—секретаремъ самарской консисторіи (по опредѣленію Святѣйшаго Сунода съ 5 января 1861 года); инспекторъ кіево-софійскаго училища надворный совѣтникъ Турчинскій — смотрителемъ тогоже училища (съ 12 января 1861 г.); канцелярскій чиновникъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сунодѣ коллежскій регистраторъ Анцыфоровъ—помощникомъ суноцскаго казначея (съ 14 января 1861 г.).

По духовно-учебному управленію при Святѣйшемъ Сѵнодѣ:

Указами Правительствующаго Сената 22-го декабря 1860 года—произведены: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: причисленный къ Управленію Антонъ Барюкевичъ (съ 31 іюля 1859 г.).

Изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощникъ бухгалтера Михаилъ Долговъ (съ 12 сентября 1860 г.) и помощникъ столоначальника Михаилъ Даниловъ (съ 12 октября 1859 г.).

Опредѣляется: бывшій учитель рижской семинаріи студентъ Комаровъ — канцелярскимъ чиновникомъ средняго оклада (съ 11 января 1861 года).

Увольняется отъ службы, по прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ: канцелярскій чиновникъ коллежскій секретарь Штейнбергъ (съ 10 января 1861 года).

— Святѣйшій Сѵнодъ, принимая во вниманіе представленныя преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ уваженія, по коимъ признано необходимымъ вмѣсто положенной по штату 1834 года при московскомъ епархіальномъ преосвященномъ должности письмоводителя, учредить должность секретаря, съ назначеніемъ въ помощь сему послѣднему канцелярскаго служителя, опредѣленіемъ 16-го ноября 1860 г. предоставилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода, повергнувъ о семъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, испросить Высочайшее Его Величества соизволеніе какъ на учрежденіе помянутой должности, съ отнесеніемъ оной, сравнительно съ таковою же при митрополитѣ новгородскомъ и с.-петербургскомъ, по росписанію должностей и по мундиру къ VIII классу, а по пенсіи къ VII разряду, такъ и на назначеніе окладовъ жалованья секретарю по 700 руб., а канцелярскому при немъ служителю

но 250 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ счетъ потребной на сіе издержки въ количествѣ девятисотъ пятидесяти руб. сер. въ годъ были обращены 200 р. 5 к. сер., производимые нынѣ въ жалованье письмоводителю при московскомъ епархіальномъ архіереѣ, а остальные за тѣмъ 749 р. 95 к. отпускаемы изъ духовно-учебныхъ капиталовъ впредь до того времени, когда откроется возможность отнести этотъ расходъ на другой источникъ. Определеніе это высочайше утверждено 3-го декабря.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода $\frac{\text{16-го января}}{\text{2-го апрѣля}}$ 1861 года положено: аптекаря г. Каменца, дворянина Кассіана Петаласа опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при подольской духовной семинаріи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода $\frac{16}{30}$ января 1861 года положено: ростовскаго 1-й гильдіи купца Павла Кокуева опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при саратовской семинаріи.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, въ 4-й день минувшаго февраля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сунода о возведеніи состоящей въ г. Краснослободскѣ, пензенской епархіи, успенской женской общины въ общежительный третьеклассный монастырь, на изложенномъ въ томъ опредѣленіи основаніи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода 12 января 1861 года разрѣшено изданіе *тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей* по представленной преосвященнымъ епископомъ тамбовскимъ Ѳеофаномъ программѣ. Программа эта такова:

Часть оффиціальная.

Въ ней имѣютъ быть помѣщаемы:

a) Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству, указы и распоряженія Святѣйшаго Сѵнода, какъ общіе, такъ и относящіеся собственно къ тамбовской епархіи и не подлежащіе тайнѣ.

b) Извѣстія о новыхъ духовныхъ учрежденіяхъ, о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о Высочайшихъ наградахъ и изъявленіи благословенія и благодарности отъ лица Святѣйшаго Сѵнода, особенно по тамбовской епархіи.

c) Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи, или значительной части оной, и требованія отъ подвѣдомственныхъ мѣстъ разныхъ свѣденій.

d) Назначеніе и увольненіе должностныхъ лицъ по мѣстной консисторіи, семинарскому и духовному правленіямъ, училищнымъ и священнослужительскимъ мѣстамъ епархіальнаго вѣдомства.

e) Вызовъ просителей или подсудимыхъ къ явкѣ въ консисторію, въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, въ семинарское правленіе и проч., на основаніи существующихъ на сей предметъ узаконеній.

f) Объявленіе о праздныхъ священнослужительскихъ мѣстахъ при церквахъ, о постройкахъ и подрядахъ по епархіальному вѣдомству, о пожертвованіяхъ въ пользу монастырей, церквей и проч.

g) Извлеченіе изъ годовыхъ отчетовъ по разнымъ мѣстамъ епархіальнаго управленія, какъ-то: по консисторіи, семинаріи, попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія, сиротовоспитательному заведенію для дѣвицъ духовнаго званія, приходскимъ училищамъ, богадѣльнямъ и проч.

Часть неоффиціальная.

Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто:

1) Краткія выписки изъ твореній св. отцевъ и писателей духовныхъ, имѣющія отношеніе къ духовнымъ нуждахъ паствы и къ руководству паствы по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

2) Указаніе для священнослужителей предметовъ, о коихъ во дни праздничные, воскресные и постные нужнѣе предлагать поученія народу, смотря по его мѣстнымъ недугамъ нравственнымъ; а также наставленіе, какимъ образомъ благоуспѣшнѣе излагать и преподавать такія поученія; сверхъ того и самыя поученія, преимущественно извлеченныя изъ св. отцевъ, или составленныя по ихъ примѣру.

3) Описаніе, по частямъ, всего, что въ епархіи есть особенно примѣчательнаго, касательно историческихъ событій и древностей церковныхъ, церквей, св. иконъ, утварей, крестныхъ ходовъ, священныхъ урочищъ и проч.

4) Лучшія изъ поученій и бесѣдъ, произносимыхъ по разнымъ мѣстамъ епархіи, особенно образцы простыхъ наставленій при разныхъ случаяхъ; для поселянъ ряды катехизическихъ поученій, бесѣды на воскресные и праздничные апостолы и евангелія, на псалтирь, пареміи и другія части св. Писанія.

5) Извѣщеніе о богоугодныхъ подвигахъ и пожертвованіяхъ, извлеченіе изъ газетъ и журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ о всемъ замѣчательномъ для Вѣры и Церкви.

6) Приглашенія къ участію въ благочестивыхъ предпріятіяхъ и на помощь страждущимъ; пастырскія наставленія, относящіяся ко всей паствѣ, по какимъ либо особеннымъ случаямъ и событіямъ въ епархіи.

7) Назидательныя размышленія, духовные совѣты, примѣры благочестія въ различныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни, синаксари, содержаніе церковныхъ службъ или ихъ переводъ съ греческаго, разсказы по исторіи библейской и церковной, правила домашняго воспитанія въ сельскомъ быту.

8) Указаніе назидательныхъ и полезныхъ для благочестія книгъ, съ краткимъ показаніемъ ихъ содержанія.

Объявленіе объ изданіи Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Священнослужители церкви, въ каждой епархіи, самымъ мѣстомъ служенія своего разобщены болѣе или менѣе;

жизнь большей части ихъ, такъ сказать, замкнута въ границахъ своего прихода, иногда мало соприкасаясь жизни того духовнаго круга, къ которому они принадлежатъ. Въ особенности это можно сказать о сельскихъ пастыряхъ церкви. Исполненіемъ своихъ обязанностей, а отчасти и самыми способами содержанія привязанный къ мѣсту своего жительства, сельскій священникъ нерѣдко узнаетъ о дѣятельности другихъ сопастырей и дѣятельности епархіальнаго управленія только изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя, по особымъ случаямъ, сообщаются ему въ предписаніяхъ ближайшаго начальства. Но когда жизнь лица, обязаннаго служить обществу, удаляется отъ жизни общей,— она, какъ извѣстно, иногда мало-по-малу лишается возбудительной силы, можетъ ослабѣть и истощиться, или принять направленіе, несоотвѣтствующее своему призванію. Такимъ образомъ, самымъ положеніемъ приходскаго духовенства указывается необходимость въ особомъ литературномъ изданіи, при посредствѣ котораго съ одной стороны пастыри церкви входили бы въ болѣе сознательное и болѣе живое сношеніе между собою, и въ коемъ съ другой стороны — высказывалась бы дѣятельность какъ епархіальнаго начальства, такъ и подвѣдомственныхъ ему лицъ. — Потребность въ подобномъ изданіи для кіевской епархіи еще болѣе усилена нынѣ стремленіемъ духовенства кіевской епархіи къ учрежденію училищъ при церквахъ. Отличная дѣятельность въ семъ родѣ нѣкоторыхъ пастырей церкви, самыя средства къ открытію и содержанію училищъ, разные пріемы и способы обученія, будучи приведены въ общую извѣстность, безъ сомнѣнія, послужатъ къ улучшенію народнаго образованія и много облегчатъ трудъ въ этомъ дѣлѣ.

Имѣя въ виду удовлетвореніе этимъ потребностямъ,

кіевское епархіальное начальство исходатайствовало у Святѣйшаго Сѵнода разрѣшеніе — издавать въ настоящемъ 1861 году Епархіальныя Вѣдомости.

Служа органомъ церкви, заключающейся въ предѣлахъ кіевской епархіи, кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться при кіевской духовной консисторіи, по слѣдующей программѣ, утвержденной Св. Сѵнодомъ:

ПРОГРАММА КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Кіевскія епархіальныя вѣдомости будутъ состоять изъ двухъ частей: самыхъ *вѣдомостей* и *прибавленій* къ нимъ.

I) *Епархіальныя Вѣдомости:*

1) Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству.

2) Указы и распоряженія Св. Сѵнода, какъ общіе, такъ и касающіеся собственно кіевской епархіи, изъявленія благословенія и благодарности отъ лица Св. Сѵнода.

3) Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи или значительной ея части; извлеченія изъ отчетовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія.

4) Назначеніе и увольненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленіямъ въ кіевской епархіи, и извѣстія о священно-и церковно-служительскихъ вакансіяхъ.

5) Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей кіевской епархіи.

II) *Прибавленія* къ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ:

1) Пастырскія наставленія, касающіяся всей паствы; слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ; лучшія поученія, катихизическія бесѣды и рѣчи священнослужителей кіевской епархіи; назидательныя размышленія и духовные совѣты, касающіеся потребностей кіевской паствы.

2) Историко-статистическія свѣдѣнія о приходахъ, церквахъ, монастыряхъ и духовенствѣ кіевской епархіи, о духовныхъ училищахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, біографіи іерарховъ,

замѣчательныхъ священнослужителей, воспитателей духовнаго юношества, благотворителей церкви, ходатайниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ благочестивою жизнію; описаніе нравовъ, религіозныхъ обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ въ кіевской епархіи.

3) Извѣстія о школахъ грамотности при церквахъ кіевской епархіи и указаніе лучшихъ способовъ обученія.

4) Грамоты, акты и другіе замѣчательные документы, касающіеся церквей, монастырей и духовенства кіевской епархіи.

5) Краткія библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, а также извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

6) Епархіальная хроника: разныя свѣденія о современномъ состояніи церкви, духовенства и кіевской паствы.

Кіевскія епархіальныя вѣдомости будутъ выходить съ 1-го марта 1861 года, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ, выпусками отъ $1^1/_4$ до 2-хъ листовъ.

Цѣна годовому изданію, съ пересылкою и безъ пересылки, три рубля серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи; 2) въ духовныхъ правленіяхъ кіевской епархіи и у благочинныхъ; и 3) у редактора—священника П. Лебединцева, на Подолѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться въ *редакцію кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей*, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція епархіальныхъ вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кіевской епархіи сообщать ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

МЕЛКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІИ.

Папское правительство и печальная исторія синьора Байокки, характеризующая римское правосудіе. Сходство римскаго управленія съ турецкимъ; отношеніе христіанской Европы къ турецкому правительству; турецкій заемъ и отзывы о немъ Молинари. Христіане въ Турціи. — Предсказаніе доктора Кеммина о скончаніи міра; успѣхъ его въ Англіи; объясненіе этого страннаго предсказанія. Замѣчательный случай фанатическаго изувѣрства въ протестантскомъ мірѣ: эльберфельдскіе молельщики. Еще случаи религіознаго суевѣрія и основаннаго на немъ неистовства: недавній и древній; чѣмъ отличается современное суевѣріе отъ прежняго?—Вѣсти съ востока: фанатизмъ сирійскихъ мусульманъ усиливается; преданіе, придающее Дамаску особенный почетъ въ глазахъ мусульманъ; предсказанія, увеличивающія и питающія въ магометанахъ чувства изувѣрства и вражды къ христіанамъ; новое проявленіе фанатизма. Европейская коммиссія въ Сиріи; ея проэктъ. Французы, къ счастію, остаются въ Сиріи до мая. Вѣсти изъ другихъ провинцій Турціи. Ноты русскаго и французскаго посланниковъ турецкому правительству. Присоединеніе римско-католиковъ Сиріи и Александріи къ православной Церкви.

Въ англійскомъ журналѣ Athenaeum — въ прошломъ году помѣщено письмо одного изъ его корреспондентовъ о событіи, характеризующемъ съ одной стороны папское правительство, а съ другой тѣ мѣры, какія римско-католическіе патеры издавна употребляютъ къ привлеченію въ монашество лицъ болѣе или менѣе религіознаго направленія и къ скрытію вопіющихъ преступленій между ихъ собратами. Письмо довольно длинно, и мы представимъ его въ сокращеніи.

Главный дѣятель въ этомъ событіи—синьоръ Байокки, человѣкъ хорошихъ нравственныхъ правилъ, пользовавшійся уваженіемъ въ Римѣ, гдѣ одинъ изъ его братьевъ занимаетъ профессорскую каѳедру, а другой—духовный, по видимому, стоялъ во время описываемыхъ происшествій на сторонѣ враговъ его. Синьоръ Байокки въ 1854 году жилъ въ Римѣ съ женой, 16-лѣтнимъ сыномъ и 18-лѣтнею дочерью, когда одинъ священникъ — экс-куратъ поселился въ нижнемъ этажѣ дома Байокки; патеръ скоро познакомился съ членами семейства, обитавшаго на верху. Немного спустя сынъ и дочь объявили намѣреніе посвятить себя монастырской жизни, въ особенности же дочь, молодая дѣвушка Анна, которая вошла *въ самую тѣсную дружбу* съ патеромъ. И въ приличное и въ неприличное время, не смотря на запрещенія отца, она продолжала посѣщать патера. Запрещенія отца дочери и укоры женѣ, что она благопріятствуетъ посѣщеніямъ, произвели то, что патеры римскіе стали называть его «атеистомъ и сектаторомъ, посредствомъ безнравственнаго воспитанія старающимся отклонить своихъ дѣтей отъ святаго призванія». Байокки, чтобы спасти себя отъ подобныхъ несправедливыхъ упрековъ, а дочь отъ заразительнаго сообщества патера, котораго онъ во всѣхъ документахъ прямо называетъ именемъ *«обольстителя,»* изъявилъ дочери свое согласіе отдать ее въ монастырь.

Не того хотѣлось патеру, и дѣвушка вдругъ исчезла изъ родительскаго дома. Байокки началъ обвинять патера, что онъ спряталъ ее и помогъ ея бѣгству, горько укорялъ и жену за сообщничество въ исчезновеніи дочери. Соблазнитель не отпирался, но возвратить жертву отказался. Жена тайно бѣжала изъ дому мужа. Больше

2-хъ мѣсяцевъ онъ не могъ добиться никакихъ свѣдѣній ни о той, ни о другой; наконецъ кардиналъ викарій Рима, потребовавъ къ себѣ Байокки, приказалъ взять ему дочь и жену обратно безъ слѣдствія. Байокки протестовалъ, соглашаясь взять бѣжавшихъ не прежде, какъ по преданіи *обольстителя* суду и по освобожденіи его самого отъ обвиненій въ безнравственности, атеизмѣ и сектаторствѣ.

Въ такомъ положеніи дѣла находились довольно долгое время; 25 Апрѣля 1857 г. уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ тогоже кардинала викарія объявилъ сеньору Байокки, что женѣ его дозволено жить врозь отъ него, а дочь его находится въ пріютѣ для молодыхъ женщинъ и видѣть ее ему запрещается. Когда несчастный отецъ спросилъ основаній такого приговора, ему съ злобной усмѣшкой отвѣчали: «вы требовали совершенства въ этомъ мірѣ, а такъ какъ ни отъ жены, ни отъ дочери нельзя ожидать его, то и признано за лучшее принять именно такое рѣшеніе.»

Несчастный супругъ и отецъ, потерявъ всякую надежду получить удовлетвореніе отъ римскихъ судовъ, послалъ къ самому Папѣ прошеніе, исполненное самыхъ горячихъ изъявленій вѣрноподданнической преданности и безграничной вѣры въ верховнаго главу Церкви. Папа оставилъ аппеляцію безъ всякаго распоряженія.

Скоро и сынъ Байокки, единственное существо, оставшееся при немъ въ его опустѣломъ домѣ, исчезъ безъ всякаго повода и сверхъ всякаго ожиданія. Полиція, куда отецъ обратился за свѣдѣніями, сказала ему, что причиной бѣгства сына было его похвальное намѣреніе поступить въ монастырь и что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ это дѣло. Мальчикъ однакоже, какъ

оказалось, поступилъ не въ монастырь, а въ папскіе егеря. Спустя слишкомъ годъ, выгнанный изъ службы сынъ и убѣжавшая жена, понуждаемые голодомъ, возвратились въ свой домъ. Но сынъ, спустя годъ, опять скрылся изъ дома, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возвратился и опять былъ принятъ. Но онъ началъ вести безпорядочную и развратную жизнь: видно, совѣты патера и знакомство съ нимъ помогли ему!...

Между тѣмъ, по случаю бѣгства своего сына, Байокки подалъ второе прошеніе Папѣ, подобно первому неимѣвшее послѣдствій. Розыски его продолжались безостановочно, просьбы о возвращеніи потерянныхъ дѣтей подавались каждый разъ, какъ только представлялась хоть нѣкоторая надежда на успѣхъ. 14 января 1860 г. онъ получилъ извѣстіе, что дочь его находится въ терезіанскомъ монастырѣ. Женщинамъ, которыхъ онъ упросилъ повѣрить справедливость извѣстія, сперва привратница, а потомъ настоятельница монастыря сказали, что Клара-Тереза — монастырское имя дочери — носила нѣкоторое время монашескую одежду въ монастырѣ, но потомъ *была освобождена отъ обѣтовъ по причинѣ слабаго здоровья* и возвратилась въ міръ довольно давно. Затѣмъ его увѣдомили, что такъ какъ два дяди съ материней стороны отказались принять къ себѣ дочь его, то духовникъ терезіанскаго монастыря помѣстилъ ее въ одномъ изъ пріютовъ, имя котораго неизвѣстно.

Байокки поспѣшилъ къ духовнику: духовникъ отказался дать просимое извѣстіе. Доведенный до отчаянія, отецъ въ послѣдній разъ написалъ Папѣ прошеніе, прося его помощи и заступленія. Въ послѣднемъ прошеніи замѣтно уже колебаніе ум , разстроеннаго страшнымъ гнетомъ незаслуженныхъ бѣдствій. Несчастный страда-

лецъ пишетъ, что онъ въ третій разъ уже обращается къ милосердію его святѣйшества. Въ первый разъ онъ обращался къ нему—какъ къ верховной власти въ государствѣ, во второй—какъ къ намѣстнику Бога на землѣ, въ третій—онъ обращается къ нему, какъ единственной власти, способной восторжествовать надъ демономъ. Затѣмъ съ болѣзненнымъ крикомъ и раздирающею жалобой онъ молитъ о дарованіи ему «всеисцѣляющаго папскаго благословенія», какъ будто пытаясь найдти утѣшеніе въ слѣпой вѣрѣ въ непогрѣшимаго главу католицизма: «святой отецъ, восклицаетъ онъ, дайте ваше благословеніе несчастному отцу, который повергается къ стопамъ вашимъ.» Папа, по прежнему, ничего не сдѣлалъ въ пользу просителя.

Сеньора Байокки скоро позвали въ одну нотаріальную контору, которая потребовала съ него денежнаго взноса на поступленіе дочери его въ другой монастырь. Отецъ отказалъ: тогда противъ него изданъ былъ декретъ о секвестрѣ его имѣнія за сумму, признанную необходимою для содержанія его дочери.

Не желая подчиниться столь несправедливому приговору, Байокки рѣшился переселиться въ Америку и разсказать всему свѣту о незаслуженно перенесенныхъ имъ страданіяхъ во всѣхъ журналахъ, которые только захотятъ помѣстить его исторію на своихъ страницахъ. Совсѣмъ приготовившись къ отправленію, онъ получилъ извѣстіе, что дочь его находится въ пріютѣ св. Онуфрія, основанномъ княземъ Торлонія. Отецъ отправился къ князю, чтобы поручить дочь его покровительству и обѣщать въ пользу ея извѣстный капиталъ. Паспортъ его былъ уже готовъ, какъ князь увѣдомилъ его, что противъ него возникло уголовное дѣло *о покушеніи на жизнь дочери и также о другихъ еще болѣе гнусныхъ преступ-*

леніяхъ противъ ней, которыя, по словамъ его обвинителя, сдѣлали необходимымъ удаленіе экскуратомъ дѣвушки изъ родительскаго дома.

Сначала Байокки отказался вѣрить этой ужаснѣйшей изъ всѣхъ клеветъ своихъ враговъ, но вдова и дочь одного изъ близкихъ его друзей убѣдили его наконецъ въ справедливости извѣстія. Онѣ сами въ качествѣ свидѣтельницъ были призываемы въ трибуналъ, и обѣщались было сообщить ему сущность обвиненій, но потомъ отказались отъ этого. Главные обвинители были выбраны изъ римскаго духовенства.

Ужасная исторія кончается слѣдующимъ образомъ: обманутый, оклеветанный, разоренный своими врагами отецъ, потерявшій дочь и нравственно лишившійся жены и сына, живетъ теперь во Флоренціи и по временамъ страдаетъ почти совершеннымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, вслѣдствіе перенесенныхъ имъ страданій; его маленькое наслѣдственное имѣніе находится въ рукахъ неправедныхъ блюстителей закона, а несчастная дочь, надо полагать, живетъ въ скромномъ пріютѣ св. Онуфрія.

Верховный первосвященникъ царствуетъ по прежнему въ Римѣ, покровительствуемый корпусомъ французовъ....

Описывая изувѣрства и убійства, совершавшіяся въ Римѣ въ XV вѣкѣ подъ покровительствомъ и при участіи папъ Сикста IV и Александра VI, Ранке восклицаетъ: «такъ, — одно было мѣсто на землѣ, гдѣ были возможны подобныя злодѣйства, и это мѣсто было тамъ,

гдѣ полнота свѣтской власти соединялась съ крайней высотой духовнаго могущества». Съ XV в. во наше время обстоятельства нѣсколько измѣнились: вмѣсто одного правительства, допускающаго всѣ возможныя несправедливости, теперь два: папское и турецкое. Но папское правительство большинство государствъ Европы находитъ несовременнымъ и дикимъ: на турецкое тоже самое большинство смотритъ иначе.

Послѣднее правительство, которое во всю свою исторію отличалось постоянно несправедливостями и жестокостями въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, которое, при многочисленныхъ внушеніяхъ со стороны, отдѣлывается обѣщаніями исправиться, не думая объ исполненіи ихъ, признается необходимымъ въ мірѣ большинствомъ просвѣщенныхъ европейскихъ націй. Исторія Турціи со времени крымской войны должна была бы, кажется, убѣдить Европу, что политическое возрожденіе Оттоманской имперіи, при ея условіяхъ религіозныхъ, могло бы совершиться развѣ чудомъ. Раздраженіе турковъ противъ христіанъ вслѣдствіе обѣщаннаго послѣднимъ равенства съ первыми выказалось въ неслыханныхъ сценахъ убійствъ въ Джеддѣ и Сиріи, которыя, если не будутъ заблаговременно приняты какія либо спасительныя мѣры, по всей вѣроятности, повторятся и поведутъ къ гибели небольшаго христіанскаго элемента, послѣ столькихъ катастрофъ по судьбамъ Промысла уцѣлѣвшаго въ Малой Азіи и другихъ мѣстахъ, населенныхъ оттоманами.

Объ алчности турецкихъ властей, о фанатизмѣ турокъ, о дурномъ употребленіи капиталовъ турецкимъ правительствомъ, о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ христіанами отъ мусульманъ и о несправедливостяхъ турецкихъ судовъ къ жалующимся на жестокости христіанамъ всѣ гово-

рятъ, вездѣ пишутъ, и все таки находятся люди, которые готовы, оставивъ всѣ христіанскія и даже человѣческія убѣжденія въ сторонѣ, своимъ вліяніемъ и своими капиталами содѣйствовать укрѣпленію этого правительства, мотающаго деньги, и поправленію финансовъ фанатическаго народа.

Въ прошломъ году французскій банкиръ Миресъ открылъ заемъ въ пользу турецкаго правительства въ 400 милліоновъ франковъ. Можетъ быть, люди въ родѣ Миреса думаютъ поддерживать Турцію для того, чтобы доказать міру, какъ гнусна власть мусульманъ надъ христіанами!... Въ 1 № современной лѣтописи Рускаго Вѣстника помѣщены превосходныя саркастическія замѣчанія извѣстнаго бельгійскаго политико-эконома объ этомъ займѣ. «Вотъ, наприм., пишетъ Молинари, г. Миресъ спрашиваетъ у капиталистовъ 400 милліоновъ для устройства финансовъ преемника Мухаммедова. Еврей, служащій агентомъ турку для доставленія ему христіанскихъ денегъ! Не правда ли, какое трогательное братство? Это—прогрессъ, которому нельзя не порадоваться, только, признаюсь, я плохо довѣряю обезпеченію, которое турецкое правительство можетъ дать христіанскимъ капиталамъ. Когда я проѣзжалъ чрезъ Константинополь на возвратномъ пути изъ Россіи (¹), я былъ пораженъ красотой и богатствомъ дворца Дольма—Баче и многихъ другихъ, которые султанъ повелѣлъ себѣ выстроить и разукрасить въ послѣднее время; я также много слышалъ толковъ о расходахъ и долгахъ серальскихъ дамъ, которыя обнаруживаютъ похвальное соревнованіе въ поощреніи торговли армянскихъ купцовъ; за

(¹) Въ прошломъ году.

то, когда мнѣ вздумалось проникнуть во внутренность столицы повелителя правовѣрныхъ, то я нашелъ только огромную помойную яму, гдѣ однѣ дикія собаки исполняютъ должность чистильщиковъ; я видѣлъ покрытыхъ рубищами солдатъ и чиновниковъ, которые болѣе пяти мѣсяцевъ не получали жалованья и увѣряли меня, что въ провинціяхъ жалованье не выдавалось уже болѣе 18-ти мѣсяцевъ. Я спрашиваю себя, неужели государство, управляемое такимъ образомъ, представляетъ необходимыя гарантіи для помѣщенія капиталовъ? Съ другой стороны я также задаю себѣ вопросъ, не принимаетъ ли на себя человѣкъ нѣкотораго нравственнаго обязательства, ссужая свои деньги на устройство какого либо предпріятія или на поддержку какого либо правительства, что въ сущности одно и тоже? Мы сильно порицаемъ, и совершенно справедливо, поведеніе солдатъ наемниковъ, продающихъ свою кровь первому встрѣчному, нисколько не заботясь о нравственномъ значеніи дѣла, которому они берутся служить; мы энергически возстаемъ противъ тѣхъ швейцарскихъ республиканцевъ, которые идутъ защищать въ Неаполѣ и Римѣ дѣло деспотизма. Неужели же менѣе предосудительно ссужать деньги на дурное дѣло, на вредное предпріятіе, чѣмъ предлагать ему личныя услуги? Не заслуживаетъ ли это еще бо́льшаго осужденія?. Неужели мы не можемъ по всей справедливости осудить капиталистовъ, которые безусловно снабжаютъ деньгами правительство отсталое и продажное, служащее бичемъ населеній, надъ которыми оно тяготѣетъ, и еще обагренное кровію христіанъ, перерѣзанныхъ въ Сиріи? Честные капиталисты постыдились бы употребить свои капиталы на торговлю неграми-язычниками. Какимъ же образомъ они не колеблются помо-

гать правительству, которое держитъ въ положеніи, близкомъ къ рабству, столько милліоновъ христіанъ, принадлежащихъ къ ихъ собственному племени? Не составляетъ ли это одной изъ печальныхъ аномалій нашего времени и не доказываетъ ли это намъ, что многаго и очень многаго не достаетъ для нравственнаго образованія нашихъ капиталистовъ?—Къ счастію здравый смыслъ общества нерѣдко дѣйствуетъ вопреки всѣмъ коммерческимъ уловкамъ и хитросплетеніямъ частныхъ лицъ. Это доказываетъ холодность, съ какою Англія и Франція приняли возгласы Миреса о богатствѣ и благосостояніи Оттоманской имперіи, имѣвшей счастіе сдѣлать заемъ въ 54 на сто. И если на поддержку Миресу съ его корыстолюбіемъ не явится французское правительство съ своими политическими видами: то сомнительно, чтобы объявленный заемъ удался (1).

Между тѣмъ отношенія мусульманъ къ христіанамъ, турецкихъ властей къ тѣмъ и другимъ нисколько не улучшаются. Фуадъ-Паша, отправленный въ Сирію для слѣдствія и для наказанія виновныхъ въ тамошнихъ убійствахъ, высказалъ двуличную политику. Несчастія и голодъ сирійскихъ христіанъ неизлечимы и невыразимы. Нашъ городъ, пишетъ бейрутскій корреспондентъ Сѣверной Пчелы, есть долина плача. Робкое за свое существованіе турецкое правительство по крайней мѣрѣ щедро на обѣщанія: мусульманское населеніе въ своемъ фанатизмѣ не знаетъ робости. Европейскую коммиссію, назначенную для разбора сирійскихъ дѣлъ и состоящую изъ повѣренныхъ пяти великихъ державъ, жители Дамаска

(1) По послѣднимъ извѣстіямъ Миресъ арестованъ и содержится въ тюрьмѣ.

встрѣтили угрозами. На всѣ расспросы англійскаго коммиссара жители открыто отвѣчали, что христіанамъ предстоитъ большая опасность.—Послѣ нѣскольких засѣданій въ Бейрутѣ, уполномоченные отвергли справедливость приговоровъ Фуада—Паши по дѣлу о наказаніи друзовъ, виновныхъ въ убійствѣ христіанъ и обратились съ протестомъ къ Портѣ.

Ни казни убійцъ сирійскихъ, ни посѣщенія другихъ провинцій турецкихъ великимъ визиремъ не удерживаютъ мусульманъ время отъ времени нагло издѣваться надъ христіанами, простирая свою смѣлость даже въ отношеніи къ представителямъ европейскихъ державъ. Въ Корицанѣ, албанскомъ городѣ, разбойники, вторгшись въ тамошнее англійское консульство, украли слишкомъ 70,000 піастровъ и подожгли канцелярію. Въ г. Иотинѣ турки убили трехъ христіанъ и мѣстное правительство не обратило на это никакого вниманія. Въ деревнѣ Элвасанѣ, разломавъ двери храма св. Николая, фанатики похитили всѣ драгоцѣнности. Въ деревнѣ Малэ на островѣ Критѣ одинъ албанецъ, ворвавшись въ деревенскую кофейню, выстрѣлилъ въ священника, пришедшаго туда увѣщавать жителей, чтобы они заплатили рекрутскую повинность, и ранилъ его. Потомъ бросился съ ножемъ на другаго христіанина и умертвилъ его; затѣмъ сильно ранилъ еще пять христіанъ, которые теперь, можетъ быть, уже не существуютъ. Особенно замѣчательны обстоятельства недавнихъ кипрскихъ убійствъ, сообщенныхъ тамошнимъ корреспондентомъ Сѣверной Пчелы. Нѣсколько времени назадъ, киприты, выведенные изъ терпѣнія угнетеніями и злодѣйствами турокъ, составили коммиссію и послали ее въ Порту, чтобы она довела до свѣдѣнія правительства всѣ тѣ муки и ужасныя бѣдствія, какія терпятъ граж-

дане отъ мѣстныхъ властей. Главнѣйшими и дѣятельнѣйшими членами этой коммиссіи были Георгій Исаити и Стефанъ Репаносъ. Но послы были брошены въ тюрьму, какъ лжецы и клеветники. Послѣ, вслѣдствіе вмѣшательства пенискаго правительства, ихъ выпустили изъ тюрьмы и отправили въ отечество въ сопровожденіи вновь назначеннаго посла и чиновника—слѣдователя, уполномоченнаго наказать виновныхъ. Прибывъ на мѣсто, продажный чиновникъ укрылъ доказательства беззаконій и злодѣйствъ и вынудилъ еще у жителей благодарственную просьбу турецкимъ властямъ. Между тѣмъ г. Исаити отравили, а Репаноса застрѣлили. «Подобныя злодѣйства, пишетъ корреспондентъ, повторяющіяся почти каждый день, доводятъ жителей до отчаянія; не предвидя ничего отраднаго, они оставляютъ свои дома и бѣгутъ, такъ что островъ вѣроятно скоро запустѣетъ.»

Европа, хлопочущая о свободѣ въ Италіи, позволяющая и помогающая падать Неаполю и Австріи за отсталость и деспотизмъ управленія, и въ тоже время признающая полезнымъ и необходимымъ существованіе Турціи съ ея продажнымъ и мотающимъ правительствомъ и съ фанатическимъ народонаселеніемъ, уже пять вѣковъ купающимся въ крови христіанъ, предотвращающая и деньгами и вліяніемъ ея паденіе!..

Напряженное и запутанное состояніе европейскихъ дѣлъ, смуты въ Австріи, въ Италіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, рѣзня въ Сиріи, убійства совершаемыя мусульманами въ другихъ турецкихъ провинціяхъ, постоянныя противорѣчія себѣ дипломаціи европейской внушили одному шотландскому доктору мысль о скоромъ преставле-

нія свѣта, именно въ 1867 или 1868 году. Извѣстіе о немъ, помѣщенное въ 12 № Сѣверной Пчелы, написано въ насмѣшливомъ тонѣ. Но многихъ грамотныхъ простолюдиновъ, любящихъ въ чтеніи самый процессъ чтенія, и во всякомъ случаѣ неспособныхъ различать тона насмѣшливаго отъ серьезнаго, это извѣстіе очень заняло. Между дворниками, извощиками, кухарками, лакеями и горничными пошли по Петербургу толки: читавшіе передавали не читавшимъ, слышавшіе разсказывали неслышавшимъ о скоромъ преставленіи свѣта. Что это извѣстіе заинтересовало и показалось правдоподобнымъ нашимъ простолюдинамъ, это объясняется невѣжествомъ ихъ и странной наклонностію полуобразованныхъ людей къ таинственному, необыкновенному и чудесному: но какимъ образомъ ученый докторъ Кэммингъ могъ дойти до смѣлости предсказывать день кончины міра въ слухъ цивилизованнѣйшей націи, какимъ образомъ это предсказаніе можетъ собирать на митинги тысячи англійскаго народа и служить предметомъ разсужденій въ англійскихъ журналахъ? Вопросъ этотъ тѣмъ труднѣе для рѣшенія, что въ подробностяхъ раскрытія этого предсказанія у Кэмминга нелѣпость слѣдуетъ за нелѣпостію. Мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько извлеченій изъ Сѣверной Пчелы:

«Немногіе останутся столько довольны событіями прошлаго года, какъ докторъ Кэммингъ, знаменитый шотландскій проповѣдникъ, спеціально занимающійся предсказаніями о кончинѣ міра. Всѣ совершившіеся и совершающіеся факты, всѣ противорѣчія политики съ исторіей, дипломаціи съ политикой, словъ съ дѣйствіями и чести съ словами, вся эта полнѣйшая гармонія «цивилизаціи» съ варварствомъ, «идеи» — съ насиліемъ, кавуровой политики съ полицейской и инквизиціонной системой, господ-

ствующей теперь въ освобожденной Италіи, революціонныхъ попытокъ второй имперіи съ легитимистскими и клерикальными симпатіями ея державнаго представителя, словомъ, вся эта печальная путаница политическихъ понятій, эти своего рода государственные перевороты противъ нравственности и исторіи, ставящіе въ тупикъ необладающихъ пророческимъ даромъ политиковъ, приходятся какъ нельзя болѣе кстати доктору Кэммингу. Никакое событіе не озадачитъ его: чѣмъ больше противорѣчій, тѣмъ лучше; чѣмъ непонятнѣе факты, тѣмъ понятнѣе должно быть свѣтопреставленіе, имѣющее совершиться въ 1867 году. Усердіе доктора Кэмминга въ проповѣдываніи кончины міра неутомимо, многостороннe и дѣятельно, такъ что вызвало собою цѣлую прорицательную литературу и обратило на себя вниманіе публики. Недовольный дѣйствіемъ двухъ составленныхъ имъ предсказаній въ видѣ брошюръ, имѣвшихъ уже столько изданій и замѣчательныхъ тѣмъ, что тайны божественнаго міроправленія разоблачаются въ нихъ слогомъ газеты Times и что Лорду Пальмерстону предоставляется для важнѣйшая роль въ конечной катастрофѣ міра, знаменитый проповѣдникъ путешествуетъ изъ города въ городъ, для распространенія въ народѣ своего ученія проповѣдями и чтеніями. На прошедшей недѣлѣ онъ сказалъ въ самомъ Лондонѣ въ шотландской церкви въ Ковентгартенѣ подобную проповѣдь, при чемъ сдѣлалъ оцѣнку событіямъ 1860 г., чтобы показать, что «ожидаемый день приближается». Шотландскій прорицатель не имѣетъ недостатка въ авторитетахъ; такъ докторъ Арнольдъ, извѣстный филологъ, высказалъ убѣжденіе, что кончина міра близка; лордъ намѣстникъ Ирландіи, хотя условно, держится того же мнѣнія... «Это ясно!» говоритъ докторъ Кэм-

нимъ. Событія въ Сиріи, которыя, благодаря французскому занятію, должны повести ко всеобщей войнѣ, война съ Китаемъ..., смуты въ Индіи и Америкѣ, дѣло освобожденія Италіи, которое должно повести къ низложенію папы, этого библейскаго антихриста (впрочемъ въ одной изъ своихъ брошюръ докторъ Кэмминг придаетъ это лестное названіе Людовику Наполеону), короче: все доказываетъ, что намъ остается существовать не болѣе шести лѣтъ.»

Что же это значитъ? Что же, Кэмминг сумасшедшій? Но тогда и журналы, помѣщающіе на своихъ страницахъ эти нелѣпыя предсказанія и разбирающіе ихъ серьезно, издаются сумасшедшими редакторами? Тогда лица, покупающія брошюры его, лица, собирающіяся слушать его проповѣди, тоже сумасшедшіе? Не слишкомъ ли много будетъ тогда сумасшедшихъ на свѣтѣ? Но какъ же, спрашивается, объяснить себѣ эти странныя явленія? Здѣсь я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ недавно-скончавшагося англійскаго историка, видѣвшаго въ своемъ отечествѣ много подобныхъ причудъ суевѣрія.

«Достаточно, говоритъ Маколей, самаго обыкновеннаго знанія исторіи, самой ничтожной наблюдательности надъ жизнію, чтобы понять, что ни образованность, ни проницательность не обезпечиваютъ противъ величайшихъ заблужденій касательно предметовъ невидимаго міра. Бэль и Чиллингвортъ, оба страшнѣйшіе скептики, оба по искреннему убѣжденію сдѣлались католиками. Джонсонъ, недовѣрчивый ко всему другому, охотно допускалъ между тѣмъ привидѣнія. Онъ не вѣрилъ существованію Оссіана, но охотно вѣрилъ во вторичное видѣніе. Не вѣрилъ въ землетрясеніе Лиссабона, и вѣрилъ въ духовъ съ нѣтускнѣвшими формами. По всѣмъ этимъ причинамъ меня не

удивляютъ всевозможныя причуды суевѣрія. Мы были свидѣтелями, какъ люди не то, чтобы слабоумные и необразованные, а напротивъ одаренные талантами и способностями, доставившими имъ почетныя мѣста въ наукѣ и въ жизни, извѣстные ученые, искусные діалектики, тонкіе наблюдатели жизни и нравовъ, объясняющіеся на неизвѣстныхъ языкахъ, производившіе удивительныя излеченія, приходили въ палату общинъ съ откровеніями отъ Бога касательно государственныхъ вопросовъ. Мы знали одну старуху, которая обладала только искуствомъ ворожить и получила воспитаніе судомойки, и которая была между тѣмъ возведена въ пророчицы, которую окружали десятки тысячъ преданныхъ послѣдователей, изъ которыхъ многіе и по положенію и по образованію стояли неизмѣримо выше ея, и все это происходило въ XIX вѣкѣ, и все это совершалось въ Лондонѣ. Отъ чего бы это? Отъ того, что касательно дѣлъ Божіихъ не больше открыто человѣку въ XIX в., чѣмъ въ I-мъ, и не больше Лондону, чѣмъ самому дикому приходу на Гебридскихъ островахъ. То вѣрно, что въ вещахъ касающихся этой жизни и этого міра, человѣкъ становится все мудрѣе и мудрѣе. Но не менѣе вѣрно и то, что относительно высшихъ силъ и будущаго состоянія, человѣкъ остается при одномъ и томъ же откровеніи Божіемъ, отрѣшаясь отъ котораго, онъ можетъ быть такимъ же безпомощнымъ и глупымъ, какъ въ первый день по рожденіи.»

Значитъ, не дѣлая доктора Кэммина сумасшедшимъ, можно объяснить странныя пророчества его. Относительно истинъ, выходящихъ изъ границъ человѣческого вѣдѣнія, странныя суевѣрія также возможны среди цивилизованнѣйшихъ націй міра, какъ и среди малообразованныхъ, столь же возможны у докторовъ богословія и

намѣстниковъ Ирландіи, какъ и у петербургскихъ дворниковъ и кухарокъ. Слова Спасителя: *о дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели, ни Сынъ, токмо Отецъ*, и заповѣдь Премудраго: *высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ себе не испытуй, яже ти повелѣнна сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ, во избыточныхъ дѣлъ твоихъ не любопытствуй*,—относятся къ вѣкамъ варварства и прогресса, къ странамъ цивилизованнымъ и дикимъ, къ людямъ ученымъ и неумѣющимъ грамотѣ.

Отъ суевѣрія, равно какъ и отъ изувѣрства и религіознаго изступленія спасти можетъ только Церковь Христова и полное послушаніе ея руководству. Тутъ не помогутъ ни образованность, ни усилія правительствъ. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующее событіе, случившееся въ Пруссіи въ недавнее время, событіе, напоминающее фанатизмъ нашихъ раскольниковъ XVIII вѣка.

Изъ Эльберфельда пишутъ въ «Preussische Zeitung» отъ 23 Февраля, что тамошній старшій бургомистръ Лишке лично производилъ слѣдствіе въ тамошнемъ городскомъ сиротскомъ домѣ и представилъ слѣдующее донесеніе: «извѣстно, что на второй недѣлѣ января нынѣшняго года (отъ 6-го до 18-го числа) предписáны были евангелическимъ союзомъ въ Англіи общія молитвенныя собранія для испрошенія новаго ниспосланія Святаго Духа. Такія собранія были во многихъ мѣстахъ и здѣсь въ Эльберфельдѣ, и на нихъ стекалось много богомольцевъ. Въ началѣ вышеупомянутой недѣли, надзирательница сиротскаго дома Христина Дальвикъ разсказала старшинѣ этого заведенія, г. Клугу, что на канунѣ въ одной изъ рабочихъ комнатъ четверо мущинъ совершали общую молитву

въ вышеозначенномъ смыслѣ, что одинъ изъ нихъ просилъ служанокъ молиться вмѣстѣ съ ними, но что онѣ сочли это неприличнымъ и потому поручили ей, надзирательницѣ, просить г. Клуга учредить подъ своимъ руководствомъ общее молитвенное собраніе для всѣхъ служащихъ въ сиротскомъ домѣ. Г. Клугъ охотно согласился на это и во все продолженіе недѣли, каждый вечеръ, отъ 9 до 10 часовъ, въ большой залѣ сиротскаго дома происходили молитвенныя собранія, исключительною цѣлію которыхъ было испрошеніе Святаго Духа на сиротъ. Сами дѣти не принимали участія въ этихъ молитвахъ. 13-го января одна изъ воспитанницъ, дѣвушка 17-ти лѣтъ, первая сказала г. Клугу, что чувствуетъ сильное душевное безпокойство о своихъ грѣхахъ и потребность въ молитвѣ, вскорѣ за тѣмъ пришла другая 18-ти лѣтняя дѣвушка и объявила, что чувствуетъ тоже самое. Въ продолженіи двухъ недѣль (отъ 18-го до 27-го января) примѣру ихъ послѣдовали еще семь дѣвицъ. Вечеромъ въ понедѣльникъ, 28-го числа, г. Клугъ нашелъ мальчика Шмица сидящимъ на лѣстницѣ и громко молящимся о прощеніи ему грѣховъ. Клугъ поставилъ его въ примѣръ другимъ мальчикамъ и сказалъ, что «хорошо было бы, если бы и они когда нибудь смирились такъ предъ Господомъ». Въ тотъ же день донесли ему, что слышали, какъ одинъ мальчикъ началъ толковать другому первый псалом; сверхъ того, въ погребѣ нашли четырехъ мальчиковъ, громко молящихъ Бога о помилованіи. Въ слѣдующую ночь семь мальчиковъ встали съ постели и цѣлую ночь молились на колѣняхъ. На другой день они продолжали молиться и къ нимъ присоединилось еще нѣсколько другихъ. Въ среду, 30-го числа, тридцать мальчиковъ пришли просить г. Клуга назначить имъ особенную комнату для мо-

литвы. Клугъ исполнилъ ихъ желаніе. Когда одинъ изъ мальчиковъ открылъ главу изъ пророчествъ Исаіи и просилъ г. Клуга сказать имъ проповѣдь на эту главу, послѣдній исполнилъ и эту просьбу и потомъ оставилъ ихъ однихъ. Возвратясь, онъ нашелъ ихъ всѣхъ молящимися на колѣнахъ. Въ четвертокъ, 31-го числа, опять собралось для молитвы около двадцати мальчиковъ. На этотъ разъ и г. Клугъ молился вмѣстѣ съ ними на колѣнахъ.

До сихъ поръ все ограничивалось внезапнымъ смущеніемъ совѣсти въ дѣтяхъ и потребностью колѣнопреклоненной молитвы и покаянія въ своихъ грѣхахъ, но вечеромъ 31 числа стали обнаруживаться новыя явленія. Въ этотъ вечеръ опять было общее собраніе, къ которому допущены были и дѣти, числомъ до шестидесяти человѣкъ. Послѣ молитвы мальчикъ Фоллеръ, который до того времени смѣялся надъ молившимися дѣтьми и говорилъ, «что не хочетъ себѣ спасенія», вдругъ почувствовалъ сильное безпокойство и побѣжалъ въ погребъ, гдѣ нашелъ нѣсколько товарищей колѣнопреклоненно молящихся объ обращеніи его, Фоллера. Услыша это, Фоллеръ впалъ въ сильныя судороги, которыя продолжались и на другой день и не разъ возобновлялись въ послѣдствіи. Во все продолженіе этого болѣзненнаго состоянія онъ былъ въ полной памяти, но не могъ говорить и только указывалъ на различныя мѣста въ Библіи; когда г. Клугъ читалъ ихъ и молился съ нимъ, то онъ на время успокоивался. Въ пятницу, 1-го февраля, волненіе распространилось въ особенности между дѣвицами. Г. Клугъ нашелъ ихъ большую часть молящимися въ разныхъ углахъ. Въ субботу вечеромъ, 2-го числа, было опять общее собраніе; на этотъ разъ на немъ присутствовало около двадцати дѣтей. На этомъ собраніи г. Клугъ въ

молитвѣ своей благодарилъ Бога за все происшедшее въ домѣ на истекшей недѣлѣ. Вдругъ одинъ изъ дѣтей, одиннадцати-лѣтній мальчикъ, началъ громко молиться; его примѣру послѣдовали семь или восемь его товарищей. Они молились за себя, за своихъ совоспитанниковъ, за сирійскихъ христіанъ, за мусульманъ, за пострадавшихъ отъ наводненія въ Голландіи, и т. д. Фоллеръ опять впалъ въ судороги, но вскорѣ послѣ того снова запѣлъ благодарственный гимнъ; наконецъ, двѣ взрослыя женщины (смотрительница за малолѣтними, Генріетта Ламоттъ и ключница Прюмерсъ) почувствовали, по выраженію Клуга, «столь сильную тоску и раскаяніе въ сердцѣ», что принуждены были вывести ихъ изъ залы. Въ воскресенье, 3-го февраля, опять было чрезвычайное молитвенное собраніе. Вскорѣ послѣ него Клугу пришли сказать, что религіозное волненіе проникло и въ младшіе классы; дѣвочки метались на своихъ постеляхъ, молились и громко кричали. Одна семилѣтняя дѣвочка просила Бога, чтобъ онъ внушилъ помощнику учителя С. (къ которому въ классъ она ходитъ) какъ можно лучше объяснять истинный духъ Евангелія; другая дѣвочка лежала, по словамъ Клуга, «въ ледяномъ оцѣпенѣніи», изъ чего видно, что этотъ ребенокъ лишился чувствъ, тогда какъ прочіе сохранили сознаніе даже посреди самыхъ сильныхъ судорогъ. Въ тотъ же вечеръ не осталось почти ни одной дѣвочки въ спокойномъ состояніи; всѣ молились и кричали въ залахъ, корридорахъ, на лѣстницахъ; все это продолжалось до глубокой ночи. Далеко за полночь слышно было, какъ дѣвочки, сидя на лѣстницѣ, пѣли духовныя пѣсни. Въ понедѣльникъ, 4-го февраля, Клугъ, по просьбѣ дѣтей, опять назначилъ общее молитвенное собраніе, на которомъ четыре мальчика упали и были вынесены въ силь-

ныхъ судорогахъ; одинъ изъ нихъ, по имени Петръ Мейеръ, кричалъ нѣсколько дней спустя послѣ того. Въ четвертокъ, 5-го, многія дѣти пришли домой, горько раскаяваясь въ своихъ грѣхахъ, и около двадцати дѣвочекъ начали просить Клуга, чтобъ онъ молился съ ними: онъ исполнилъ желаніе ихъ и къ нимъ присоединилось двадцать мальчиковъ. Съ этого дня дѣло приняло новый оборотъ: около пятидесяти дѣтей вдругъ занемогли судорогами. (Г. Графе сооообщаетъ въ своей статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Сѣятель», что 5-го февраля, дѣти начали одинъ за другимъ плакать и молиться, пока наконецъ не упадали на постель въ совершенномъ изнеможеніи. Число заболѣвшихъ такимъ образомъ было столь велико, что они лежали на постеляхъ по десяти человѣкъ рядомъ, громко рыдая отъ душевнаго волненія и отъ сильной тѣлесной боли. 7-го числа заболѣло вдругъ двадцать человѣкъ дѣтей). Многіе изъ дѣтей заболѣвали внезапно и безъ видимой внѣшней причины, но случалось и такъ, что нѣсколько человѣкъ дѣтей начинали просить Бога объ обращеніи того или другаго товарища, восклицая: «Господи! вниди въ него, порази его, низвергни его во прахъ!» и т. д. Въ слѣдствіе чего мальчикъ, о которомъ шла рѣчь, немедленно падалъ въ судорогахъ.

Всѣ эти случаи были, по просьбѣ моей, подробно описаны мнѣ старшимъ директоромъ, г. Графе. Клугъ называлъ эту болѣзнь судорогами; въ отчетѣ директору она названа была «конвульсіями». Согласно съ замѣчаніемъ одного изъ директоровъ, Клугъ объявилъ однакожъ, что, по мнѣнію врача заведенія, доктора Урнера, болѣзнь эта не можетъ назваться судорогами, потому что послѣднія необходимо сопряжены съ болѣзненнымъ состояніемъ мозга, тогда какъ болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, происхо-

дитъ отъ разстройства нервной системы. Вообще, болѣзнь состояла въ томъ, что дѣти, не теряя сознанія, лишались способности говорить, кричали, рыдали, хватались руками за что ни попало, и метались на постели такъ сильно, что должно было всякую минуту опасаться, чтобъ они не разбили себѣ головы о кровать. Это состояніе продолжалось у однихъ долѣе, у другихъ менѣе; одинъ мальчикъ въ теченіе двухъ дней пришелъ въ себя только на часъ. Съ иными дѣтьми припадокъ случался только разъ, съ другими по два и по три раза. Болѣзнь продолжается уже двѣ недѣли, считая съ 5-го ч., но въ послѣднее время значительно уменьшилась. Третьяго дня, въ воскресенье, 17-го числа, было только 12 больныхъ; вчера вечеромъ я осматривалъ домъ и не видалъ ни одного ребенка въ судорогахъ; дѣвочки, сидя въ большой залѣ за работой, пѣли духовныя пѣсни, но спокойно и подъ присмотромъ старшихъ. Въ одной изъ комнатъ нашелъ я до двадцати мальчиковъ, собравшихся около перваго помощника гувернера, Ромейса; всѣ они были блѣдны и имѣли болѣзненный видъ. Это были дѣти, оправившіеся отъ болѣзни на дняхъ. На вопросъ мой: чѣмъ они занимались, они отвѣчали: разсказывали другъ другу разныя исторіи. Прочіе мальчики были заняты работой въ разныхъ частяхъ дома. Только на лѣстницѣ попались мнѣ четверо мальчиковъ, и на вопросъ мой, что они дѣлали, отвѣчали, что они молились. Случившійся тутъ помощникъ смотрителя замѣтилъ, что они молились въ той комнатѣ, куда обыкновенно сажаютъ провинившихся подъ арестъ. Одинъ изъ мальчиковъ казался въ необычайномъ волненіи; не дожидаясь вопросовъ съ моей стороны, онъ объявилъ мнѣ, что они молились о томъ, чтобъ «Богъ защитилъ ихъ щитомъ вѣры отъ пламен-

ныхъ стрѣлъ злаго духа». Тогда я разсказалъ Клугу этотъ случай и замѣтилъ, что онъ имѣетъ связь съ явленіями послѣднихъ дней; онъ отвѣчалъ мнѣ въ недоумѣніи, что «нельзя запретить дѣтямъ молиться». Очевидно, этотъ человѣкъ не имѣетъ точнаго понятія о необходимости строгаго порядка въ домѣ.

Всѣ представленныя мною показанія собралъ я отъ Клуга, и немедленно записалъ главные пункты. Всѣ эти показанія были подтверждены главнымъ директоромъ, г. Графе, дополненія котораго подтвердилъ г. Клугъ. Оба остальные директора, по видимому, наблюдали болѣзнь только поверхностно, но и въ ихъ свидѣтельствахъ нѣтъ никакого противорѣчія вышеизложенному описанію. Наконецъ, г. Графе изложилъ дѣло точно въ такомъ видѣ, какъ я представилъ его здѣсь, и напечаталъ свою статью въ назидательномъ журналѣ «Сѣятель». Остается приступить теперь къ разсужденію, какъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ лица, которымъ ввѣрено непосредственное управленіе домомъ, и что предстоитъ еще дѣлать исполнительнымъ властямъ. 1) На вопросъ мой старшинѣ сиротскаго дома, бывшему учителю въ элементарныхъ классахъ, Клугу, что онъ сдѣлалъ, чтобъ утишить волненіе и снова привести дѣтей къ спокойствію и порядку, онъ отвѣчалъ, что не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ ничего; что все случившееся было непосредственно дѣломъ Божіимъ, сопротивляться которому онъ считалъ преступленіемъ; что онъ могъ только радоваться и радуется до сихъ поръ въ полномъ убѣжденіи, что многіе изъ дѣтей пріобрѣли себѣ душевное спасеніе; что единственною обязанностію его было поощрять дѣтей къ молитвѣ, какъ онъ и дѣлалъ по мѣрѣ силъ своихъ. Это сознаніе достаточно доказываетъ справедливость показаній, свидѣтельствующихъ,

что Клугъ велъ себя сначала до конца болѣзни, какъ истинный фанатикъ, нисколько не трогаясь страданіями дѣтей, кричавшихъ и рыдавшихъ кругомъ его въ жестокихъ судорогахъ. На вопросъ мой, что онъ дѣлалъ ночью, когда дѣти вскакивали съ постелей и бѣгали по заламъ, корридорамъ, лѣстницамъ и погребамъ, онъ отвѣчалъ также, что не дѣлалъ ничего, кромѣ того, что совѣтовали ему дѣлать его сердечное участіе и радость о благочестіи дѣтей, т. е., что онъ молился вмѣстѣ съ ними, считая тѣлесную болѣзнь ничтожною въ сравненіи съ душевнымъ миромъ, долженствовавшимъ быть ея слѣдствіемъ. Должно въ особенности обратить вниманіе на вліяніе поведенія г. Клуга на развитіе болѣзни. Въ слѣдствіе ежедневныхъ молитвенныхъ собраній въ сиротскомъ домѣ, стали проявляться въ дѣтяхъ волненія и потребность общей молитвы. На первомъ собраніи, къ которому допущены были дѣти, въ одномъ изъ нихъ случился первый припадокъ судорогъ. Не смотря на это, Клугъ съ непостижимымъ упорствомъ продолжалъ назначать ежедневныя собранія, отчего дѣти и начали занемогать толпами. Въ статьѣ Графе, напечатанной въ «Свѣтелѣ», именно сказано о ночи на 3-е февраля: «въ умиленіи сердца старшина молилъ Господа и т. д.; чѣмъ долѣе молился онъ, тѣмъ громче становился стонъ и плачь дѣтей и т. д.» 2). О приставленныхъ въ домѣ смотрителяхъ и прислугѣ Клугъ отозвался съ величайшею похвалою, говоря, что всѣ они изъявили полную готовность поощрять дѣтей къ покаянію и молитвѣ и тѣмъ оказали ему большую помощь, такъ какъ онъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ бы успѣть молиться со всѣми дѣтьми во всѣхъ углахъ дома. Онъ прибавилъ, что удостовѣрился при этомъ случаѣ, какъ хорошо имѣть въ домѣ истинно

христіанскихъ помощниковъ. Подробности участія смотрителей и пр. въ этомъ дѣлѣ откроются при дальнѣйшемъ слѣдствіи; мнѣ извѣстно только, что надзиратель надъ дортуарами вставалъ съ дѣтьми въ ночи на 28-е января и молился съ ними до утра. 3) О поведеніи директора сиротскаго дома достаточно свидѣтельствуетъ статья г. Графе и потому считаю лишнимъ говорить о немъ. Въ дополненіе приведу только слѣдующія слова изъ протокола директоровъ: «члены дирекціи собрались сего дня, чтобы быть очевидными свидѣтелями чуда, совершеннаго безконечною благостію Божіею надъ дѣтьми нашего сиротскаго дома. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ г. Клугомъ, видно, что это чудо совершилось безъ всякаго вмѣшательства человѣческаго, за что мы и не можемъ достойно возблагодарить Бога». Смѣю надѣяться, что городская исполнительная власть, назначившая этихъ директоровъ, не одобритъ ихъ сужденій. 4) Накопецъ должно замѣтить, что и сиротскій врачъ дѣйствовалъ, по видимому, за одно съ директорами и старшиною. По крайней мѣрѣ, онъ равнодушно смотрѣлъ на страданія дѣтей и не счелъ нужнымъ извѣстить о происходившемъ ни меня, ни главнаго директора благотворительныхъ учрежденій. Сколько извѣстно, онъ даже не предписывалъ врачебныхъ средствъ; этотъ пунктъ также слѣдуетъ разъяснить».

Этотъ прискорбный случай религіознаго изступленія, напоминающій возбужденное духовное настроеніе Игнатія Лойолы послѣ полученія имъ раны и до вступленія въ орденъ Театинцевъ, и первыхъ квакеровъ, въ Англіи и Америкѣ—нерѣдкость. Тамъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *пробужденія* (revival), состоящаго въ такой высокой степени душевнаго напряженія, при которомъ ли-

цамъ, приведеннымъ въ это состояніе, представляются всякія видѣнія. Въ Эльберфельдѣ—пробужденіе сопровождалось еще судорогами, криками и другими истерическими припадками, потому, что жертвой фанатизма и изувѣрства евангельскихъ духовныхъ особъ были здѣсь молодыя дѣвушки и мальчики. Бѣдные дѣти! Одна піэтистская газета, именно «*Сѣятель*», имѣла еще дерзость хвалить это событіе, какъ утѣшительное явленіе. На западномъ берегу Африки недавно безпрепятственно было совершено повелителемъ Дагомея ужасное жертвоприношеніе въ честь отца его: надъ могилой отца заклано было, одни говорятъ, — 2000, другіе, — 7000 человѣкъ. Англійскій консулъ Футъ прибылъ туда съ чрезвычайнымъ полномочіемъ отъ своего правительства заключить обязательный договоръ съ повелителемъ Дагомея относительно прекращенія на будущее время подобныхъ жертвоприношеній. – Христова Вѣра уничтожила для своихъ последователей человѣческія и вообще кровавыя жертвоприношенія и учредила одну безкровную Жертву,—и въ христіанскомъ мірѣ не возможны такія проявленія изувѣрства, какъ на западномъ берегу Африки. Но и здѣсь являются время отъ времени тоже страшныя зрѣлища суевѣрія и фанатизма—въ родѣ Эльберфельдскихъ молельщиковъ. Подобныя зрѣлища особенно часто повторяются въ протестантскихъ земляхъ, гдѣ каждый воленъ создавать себѣ свои системы богопочитанія и религіозной жизни, каждый равно воленъ и не вѣровать ни во что и доходить до послѣднихъ степеней религіознаго экстаза.

«Journal des Villes et Campagnes» разсказываетъ еще болѣе поразительный случай суевѣрія, чѣмъ предсказанія д-ра Кеммина о кончинѣ міра, взволновавшія англійскую публику. Въ провинціи Кастеллонѣ проживало се-

мейство, состоявшее изъ двухъ супруговъ и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей было 16, средней 13 и младшей 9 лѣтъ. Оно жило тихо и согласно и только умственное разстройство отца, повторявшееся ежемѣсячно кратковременными припадками, нарушало семейное счастіе. Случилось такъ, что какой-то кудесникъ навѣстилъ жену больнаго и увѣрилъ ее, что въ домѣ у нея водятся черти, всего пятеро, и первый изъ нихъ — ея мужъ, котораго поэтому надобно убить. Въ доказательство своего мнѣнія колдунъ показалъ какую-то книгу съ изображеніемъ пяти дьяволовъ. И мать и дочь повѣрили ему на слово. Дня чрезъ два, 26-го января, когда мать и дочери занимались въ кухнѣ, больной воротился домой и легъ спать. Едва онъ заснулъ, какъ мать шепнула дочерямъ: «пора», схватила топоръ и подойдя къ мужу однимъ ударомъ разнесла ему голову. Въ теченіе ночи и мать и дочь, вооруженные чѣмъ попало, такъ усердно добивали мнимаго дьявола, что по изслѣдованію врача на трупѣ оказалось около 1,500 ранъ».

Суевѣрія господствуютъ и будутъ господствовать между частными лицами до конца міра, но они потеряли по крайней мѣрѣ юридическую силу. Было время, когда колдуновъ судили и на нихъ возводили самыя невозможныя преступленія. Среди мрака среднихъ вѣковъ, когда явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, не умѣли объяснить на основаніи законовъ природы, вѣра въ участіе дьявола въ произведеніи подобныхъ явленій и въ близкія сношенія его съ отрекшимися отъ Бога людьми, вѣра въ колдовство и чародѣйство могла укорениться тѣмъ легче, что находила поддержку въ высшихъ властяхъ, а процессъ надъ чародѣями формально введенъ былъ въ Германію папскою буллою, на основаніи которой для подоб-

ныхъ дѣлъ возникъ особый видъ производства подъ названіемъ колдовскаго молота (Hexenhammer). Такимъ образомъ суевѣріе и неистовство въ преслѣдованіи людей, подозрѣваемыхъ въ сообществѣ съ сатаной и называемыхъ колдунами и вѣдьмами, пріобрѣли юридическую опору. При перестройкѣ рижскаго зàмка въ одномъ изъ подвальныхъ его сводовъ открыты кипы дѣлъ, заключающія въ себѣ много памятниковъ древняго лифляндскаго судопроизводства, — вызывающаго въ настоящемъ поколѣніи чувство ужаса и вмѣстѣ отрадное сознаніе, что успѣхи просвѣщенія изгнали суевѣріе по крайней мѣрѣ изъ судовъ. Какъ ни понятны въ прошедшемъ эти исчадія суевѣрія, мы считаемъ не лишнимъ знакомить нашихъ современниковъ, потому что и въ наше время иногда слышатся голоса противъ просвѣщенія.

Изъ числа такихъ процессовъ надъ чародѣями во множествѣ найденныхъ въ кипахъ дѣлъ рижскаго зàмка «*Юридическій журналъ*» разсказываетъ слѣдующій.

«Въ 1632 году, столярный мастеръ Генрихъ Пуллекенъ и жена его Маргарита, представъ предъ ландрихтера Р. округа, обвиняли Магдалину Кукъ въ сообществѣ съ дьяволомъ и въ заколдованіи, силою его, поименованной обвинительницы, родившей, на четвертомъ мѣсяцѣ супружескаго сожитія, мертвую лягушку. Магдалина будто бы разсчитывала на бракъ съ Пуллекеномъ и въ теченіе двухъ лѣтъ не переставала его преслѣдовать, между тѣмъ какъ онъ домогался руки настоящей своей жены, Магдалину же взять за себя отнюдь не хотѣлъ, какъ женщину уже старую и непользовавшуюся хорошею репутаціею. Привязчивость Магдалины вывела его наконецъ изъ терпѣнія, и онъ на-прямикъ высказалъ ей, что жениться на ней не намѣренъ и получилъ уже со-

гласіе Маргариты. Озлобленная такимъ объясненіемъ, Магдалина осыпала его проклятіями, незваною явилась даже на свадьбу и за свадебнымъ столомъ пожелала молодой, вмѣсто ребенка, родить, на радость мужу, лягушку. Гости въ негодованіи выбросили ее изъ дома и во время произшедшей оттого свалки, Магдалина, въ порывѣ ярости, будто бы закричала: «хотя бы мнѣ пришлось выйти за дьявола, а уже сдѣлаю я, что родишь ты лягушку.» Далѣе въ протоколахъ значится, что обвинители представили въ судъ какую-то засохшую массу, называя ее мертвою лягушкою, и судья замѣчаетъ, что предъявленная масса дѣйствительно, въ свѣжемъ состояніи, могла походить на лягушку, такъ какъ и теперь величиною съ нея.

За симъ приведена въ судъ Магдалина Кукъ для выслушанія обвиненія. Судья отмѣчаетъ, что она не замужняя, не имѣетъ родителей, 48 лѣтъ отъ роду, протестантскаго вѣроисповѣданія и чрезвычайно злобной наружности.

По прочтеніи обвинительнаго акта, Магдалина, хотя и созналась въ произнесенныхъ ею угрозахъ, но неуклонно отпиралась отъ всякихъ сношеній съ дьяволомъ и отъ высказаннаго ею будто бы желанія выйти за него замужъ, для заколдованія Маргариты. Она была только раздражена измѣною Пуллекена, который сладкими своими рѣчами внушилъ ей увѣренность, что женится на ней; но вдругъ, покинувъ ее, предпочелъ ей молодую Маргариту; съ дьяволомъ же она ни въ какихъ сношеніяхъ не состоитъ и никогда на него не ссылалась, такъ какъ для достиженія своей цѣли, избрала совершенно другой путь.

Вопросъ: Но вѣдь путей здѣсь только два: одинъ къ Богу, другой къ сатанѣ; такъ какимъ же пошла она, если виновна въ рожденіи лягушки?

Отвѣтъ: Я дѣйствительно увѣрена, что Маргарита, по моему желанію, родила лягушку; но достигла я этого не помощью дьявола.

Вопросъ: Какъ же иначе?

Отвѣтъ: Я отправилась въ Укскгольскую церковь и когда всѣ вышли, за алтаремъ молилась о томъ, чтобы Маргарита родила лягушку.

Вопросъ: Въ такомъ случаѣ она обращалась къ дьяволу, ибо Господь такихъ молитвъ не выслушиваетъ.

Отвѣтъ: О дьяволѣ я нисколько не думала, равно я прежде на него не ссылалась.

Послѣ того приступлено къ допросу присутствовавшихъ на свадьбѣ лицъ, которыя своими показаніями вполнѣ подтвердили приведенныя въ обвиненіе доказательства, угрозы и воззванія къ дьяволу. Но при очной ставкѣ съ ними Магдалина, «нисколько не обуздываемая достоинствомъ судилища», съ шумомъ и крикомъ обличала свидѣтелей во лжи, а когда они присягою подкрѣпили истину своихъ показаній, въ бѣшенствѣ закричала имъ: «и всѣмъ вамъ не миновать пасти дьявола».

Дальнѣйшими допросами судья домогался привести Магдалину къ сознанію сношеній ея съ дьяволомъ, принимая за достовѣрное рожденіе Маргаритою лягушки и притомъ вслѣдствіе козней Магдалины и при помощи сатаны.

Но Магдалина упорно стояла на своемъ, и какъ при всеобщемъ убѣжденіи въ дѣйствительности сообщества ея съ дьяволомъ, къ дѣлу не доставало нагляднаго доказательства, то постановлено рѣшить этотъ вопросъ *Божіимъ судомъ*. Въ торжественномъ засѣданіи такой предварительный приговоръ объявленъ Магдалинѣ въ присутствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, и по представле-

ніи ей на выборъ очищенія себя огнемъ или водою, она рѣшилась на послѣднее

Неизлишнимъ считаемъ упомянуть, что въ то время ландгерихты (земскіе суды) не имѣли постояннаго мѣста засѣданія въ извѣстномъ городѣ, а ландрихтеры (земскіе судьи), смотря по надобности, разъѣзжали по имѣніямъ, творя судъ, къ которому привлекали возникшія въ сосѣднихъ помѣстьяхъ дѣла. Такъ въ настоящемъ случаѣ засѣданіе происходило въ имѣніи Д*.

Для исполненія состоявшагося предварительнаго приговора, на берегу находящагося вблизи имѣнія озера, возведены надъ водою помостки съ площадкою для членовъ суда и прочихъ причастныхъ лицъ, и здѣсь, въ назначенное утро, открыто засѣданіе. Сначала пасторъ сталъ увѣщевать Магдалину сознаться, что она дѣйствительно вступила въ союзъ съ дьяволомъ, и всячески старался убѣдить ее, что безъ его помощи ей было бы невозможно произвести предсказаннаго ею рожденія Маргаритою лягушки; но Магдалина дерзко отвергла увѣщанія и упорствовала въ увѣреніи, что могла достигнуть и достигла своей цѣли лишь съ помощью Бога, а не дьявола.

При такомъ упрямствѣ приступлено къ исполненію предварительнаго приговора. Магдалину, не смотря на ея сопротивленіе, опутали большею крѣпкою сѣтью, какъ мѣшкомъ, связали сѣть надъ головою подсудимой, и затѣмъ присутствовавшій помощникъ палача внезапно сильнымъ толчкомъ сбросилъ ее съ помостковъ въ воду.

Магдалина однако не пошла ко дну, а, вопреки сѣти, удерживалась надъ водою при каждомъ изъ трехъ купаній, которымъ подверглась согласно приговору. Судья замѣчаетъ въ протоколѣ, что при каждомъ паденіи она испу-

скала громкій крикъ и хотя по причинѣ опутавшей ее сѣти не могла произвести обыкновенныхъ движеній плаванія, но быстрыми колебаніями тѣла держалась положенное время надъ водою; послѣ чего вытащили ее окончательно.

Далѣе судья отмѣчаетъ въ протоколѣ, что и за симъ Магдалина не обнаружила раскаянія, какъ слѣдовало изобличенной уже Божіимъ судомъ грѣшницѣ, а напротивъ шумѣла и ругалась, а по снятіи съ нея сѣти, въ бѣшенствѣ бросилась къ судьѣ, плюнула на него и съ пѣною у рта закричала: «желаю, чтобы дьяволъ побралъ такого подлеца и чтобы вы горѣли въ аду, какъ сальная свѣча.»

За такое неприличное поведеніе помощникъ палача трижды, чрезъ мокрую сорочку, ударилъ ее плетью. Магдалина же все не унималась, продолжала кричать и ругаться и наконецъ отведена въ тюрьму.

Дальнѣйшаго слѣдственнаго протокола въ дѣлѣ не оказывается, а въ заключеніи къ протоколу о произведенномъ испытаніи водою сказано, что за симъ слѣдуетъ приступить къ постановленію окончательнаго приговора.

Этo замѣчательное рѣшеніе Юридическій Вѣстникъ представляетъ въ полнотѣ:

Вслѣдствіе взведеннаго Генрихомъ Пуллекеномъ и женою его Маргаритою на незамужнюю Магдалину Кукъ обвиненія въ заколдованіи брачнаго ихъ союза, королевскій ландгерихтъ Р* округа признаетъ: «Изъ дѣла видно, что обвиненная не только отреклась отъ Бога, которому отдалась въ св. крещеніи, но пристала къ дьяволу, жила съ нимъ въ очевидной тѣсной связи, постоянно сама говорила о бракѣ съ нимъ и приняла на себя злобный видъ (Physiognomia); равно безстыдно признается,

что желала Маргаритѣ родить лягушку, какъ-то и случилось въ четвертомъ мѣсяцѣ ея супружества, а также, что событіе это совершилось ея, Магдалины, стараніями, богохульнымъ образомъ утверждая, что достигла того молитвами къ Господу; между тѣмъ, какъ извѣстно, всемилосердый Богъ не выслушиваетъ такихъ гнусныхъ молитвъ, а видны здѣсь опять затѣи Магдалины съ возлюбленнымъ ея сатаною, силою котораго она вселила въ чрево Маргариты лягушку, что пойметъ не только всякій ребенокъ, но явствуетъ и изъ обстоятельствъ дѣла, такъ какъ, на основаніи состоявшаго приговора, надъ Магдалиною произведено троекратное испытаніе водою или такъ называемое колдовское купанье (Hexentaufe), продолжавшееся каждый разъ пять минутъ по часамъ, но, не смотря на связанныя оконечности, она не тонула, а оставалась на поверхности воды, какъ гусь, и слѣдовательно была поддерживаема дьяволомъ: въ силу чего, по совѣщаніи съ духовенствомъ и дабы, по божественному милосердію, защитить и спасти ее отъ вѣчнаго огня, постановили: въ очистительное для нея наказаніе и въ предостереженіе другимъ, предать Магдалину Кукъ огню, пепелъ же ея не разсѣявать на четыре вѣтра, а глубоко зарыть на мѣстѣ сожженія.»

Приговоръ сей 20-го сентября 1632 года палачемъ и помощникомъ его преотчетливо выполненъ надъ Магдалиною.

Приводя это извлеченіе изъ «Юридическаго Журнала», мы имѣли въ виду ознакомить нашихъ читателей съ любопытнымъ памятникомъ ослѣпленій нашихъ предковъ и показать, на сколько шире было прежде поприще для дѣятельности суевѣрнаго воображенія и для неистовствъ невѣжественныхъ обвинителей и судей.

Что Вѣра допускаетъ возможность людямъ вдаваться въ суевѣрія и фанатизмъ, это не можетъ служить для ней укоромъ. Можно фанатически и суевѣрно понять самыя святыя природныя чувства, и никто не осудитъ за это самыхъ чувствъ. Чувства любви материнской къ дѣтямъ—чувства святыя, но и ими можно злоупотребить фанатически.

Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ Journal d'Jsle et Vilaine. «Мишель и жена его, земледѣльцы въ Плейбертъ-Кристѣ, женатые лѣтъ около 13 и прижившіе троихъ дѣтей, жили, по видимому, очень несогласно. Жена ревновала мужа и постоянно досаждала ему упреками, мужъ часто бивалъ жену и разъ даже выразился, что онъ и совсѣмъ убьетъ ее, если она не поторопится умереть. Жену это встревожило. «Что если онъ убьетъ меня, думала она, что будетъ съ моими дѣтьми; пусть лучше они умрутъ, чѣмъ сдѣлаются нищими или мошенниками». 19-го января этого года несчастная женщина взяла съ собой дочь лѣтъ семи и четырехлѣтняго сына, и, подойдя къ протекавшему неподалеку ручью, столкнула обоихъ въ воду. Потомъ, не обращая вниманія на жалобные крики ихъ, она хладнокровно дождалась, пока дѣти затонули, и, воротясь домой, бросила послѣднюю трехмѣсячную дочь въ кадку съ водой, а пока ребенокъ захлебывался, снова побѣжала къ ручью, вытащила трупы ребятишекъ на берегъ, пришла домой, вынула изъ кадки трупъ дочери, положила ее на постель, заперла дверь квартиры и, бросивъ ключъ мужу, работавшему тутъ же неподалеку, объявила властямъ о своемъ преступленіи, говоря: «не боюсь людскаго правосудія; боюсь суда Божьяго». На другой день все населеніе Плейбертъ-Кристской общины отъ мала до велика провожало

на могилу три маленькіе гробика. Слезы градомъ катились у многихъ, и всѣ говорили, что только безуміе могло вынудить несчастную мать на это тройственное дѣтоубійство».

Теперь отъ запада снова обратимся къ востоку, отъ иновѣрцевъ — къ единовѣрцамъ и сообщимъ позднѣйшія извѣстія оттуда.

Бейрутскій корреспондентъ сообщаетъ въ газетѣ Monde слѣдующія любопытныя подробности о настроеніи мусульманъ въ Сиріи. «Мусульманскій фанатизмъ этого города пробуждается сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде, въ виду французской арміи, расположенной въ разстояніи одного перехода отъ города. Они разсылаютъ воззванія ко всѣмъ врагамъ христіанства,—друзамъ, бедуинамъ, маронитамъ. Окружающіе Абдель-Кадера алжирцы, не раздѣляющіе чувствъ своихъ единовѣрцевъ противъ христіанъ, хотѣли было даже удалиться съ гостепріимной для нихъ территоріи, опасаясь вмѣшательства въ смуты. Фуадъ-Паша, понимая опасность, пополняетъ запасы продовольствія.... Дамаскъ для мусульманъ городъ священный по преимуществу. Магометъ, по сказанію мѣстнаго преданія, жилъ здѣсь въ наложничествѣ съ одною еврейкою рѣдкой красоты. Лжепророкъ ей наскучилъ, и она умертвила его какъ-то ночью, а чтобы избавиться отъ подозрѣнія, отрубила ему ноги. Когда въ домъ Магомета пришли послѣдователи его ученія, то она сказала имъ, что пророкъ ушелъ въ рай къ гуріямъ, что она хотѣла его удержать, но не могла, и что онъ оставилъ въ ея рукахъ свои ноги. Ноги дѣйствительно были ими найдены, но ученики пришли въ большое затрудненіе: пола-

гая, что ноги понадобятся пророку въ раю, они не рѣшались предать ихъ погребенію; они возложили ихъ на верблюда, предоставляя мнимому пророку направить его путь по своему усмотрѣнію. Верблюдъ пошелъ и остановился лишь въ Меккѣ. Мусульмане воздвигли на томъ мѣстѣ гробницу, въ которой покоются если не прахъ, то ноги Магомета; но Дамаскъ въ самомъ дѣлѣ остается послѣднимъ его жительствомъ и будетъ, думаютъ мусульмане, послѣднимъ убѣжищемъ для всѣхъ его вѣрныхъ послѣдователей. Мусульмане крайне суевѣрны: люди, вѣрятъ они, не могутъ идти противъ судьбы и что въ ней написано, должно совершиться. Вслѣдствіе того, не довольствуясь слѣпою вѣрою въ коранъ, они жадно отдаются предсказаніямъ. А предсказаній много и всѣ сходятся къ тому, что франки одолѣютъ турокъ. Когда одинъ французскій дворянинъ временъ Людовика XIV вступилъ на службу въ армію шаха, то султанъ такъ былъ озабоченъ безпокойствомъ за свои границы, что просилъ короля французскаго отозвать дворянина во Францію. Среди дамасскихъ улемовъ издавна сохраняется предсказаніе, гораздо важнѣйшее всѣхъ прочихъ, но оно столь неблагопріятно исламизму, что они всѣми силами стараются скрывать его отъ христіанъ. Не смотря на то, одному изъ важнѣйшихъ бейрутскихъ негоціантовъ лѣтъ 17-ть назадъ удалось добыть списокъ съ этого замѣчательнаго предсказанія. Документъ сталъ извѣстенъ. Мусульмане, не смотря на нелѣпость предсказанія, считаютъ его ниспосланнымъ свыше и сообразуютъ съ нимъ свое поведеніе. Предсказаніе даетъ ключъ ко всѣмъ прошлогоднимъ сирійскимъ событіямъ, поразившимъ Европу, и къ тѣмъ, которыми мусульмане впредь угрожаютъ христіанамъ на востокѣ. Не смотря на то, что надъ друзами производит-

ся судъ, не смотря на присутствіе французскихъ войскъ, фанатизмъ мусульманъ время отъ времени продолжаетъ обнаруживаться. Moniteur de l'armée отъ 17-го января сообщаетъ, что друзы произвели нападеніе на двѣ деревни, въ которыхъ на половину жило христіанъ. Христіане заблаговременно успѣли бѣжать въ Дамаскъ: остались только три старика. Друзы хотѣли умертвить ихъ, но мусульманки заступились за нихъ, говоря, что эти три богатыхъ христіанина всегда отличались милосердіемъ къ бѣднымъ мусульманамъ. Друзы согласились на этотъ разъ пощадить, но на будущее время ни одному христіанину, сказали они, не будетъ отъ нихъ пощады. Затѣмъ сожгли церковь и ограбили нѣкоторые изъ покинутыхъ христіанами домовъ. Это нападеніе произвело сильное впечатлѣніе въ Дамаскѣ. Не смотря на увѣренія турецкихъ властей, христіане глубоко встревожены. Положеніе Сиріи тѣмъ тревожнѣе, что турецкія власти утрачиваютъ свое обаяніе даже между мусульманами. Друзы напримѣръ отказали губернатору платить дань. Члены европейской коммиссіи съ прежнимъ усердіемъ занимаются своимъ дѣломъ, и составили проэктъ, по которому Сирія въ административномъ отношеніи должна быть отдѣлена отъ другихъ частей турецкой имперіи, должна составить особое вице-королевство, поставленное подъ покровительство великихъ державъ Европы: Франціи, Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи. Проэктъ, составленный турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Али-Пашей, рѣшительно возстаетъ противъ подобнаго устройства Сиріи. По всей вѣроятности этотъ противорѣчащій европейскому проэктъ будетъ послѣднею лебединою пѣснію турецкаго единовластія въ Сиріи, и вліяніе Европы утвердится съ этихъ поръ прочно въ этой области.

5-го марта (т. е. 22 февраля) кончится срокъ пребыванія французскихъ войскъ въ Сиріи, который опредѣленъ по конвенціи, заключенной въ августѣ прошлаго года, а между тѣмъ именно на мартъ мѣсяцъ указываютъ дамасскія пророчества объ избіеніи христіанъ. Вотъ почему оставленіе Сиріи европейскими войсками въ настоящую минуту было бы крайне опасно: съ удаленіемъ европейскихъ войскъ, немедленно возобновились бы кровопролитія, возобновились бы прошлогодніе ужасы. 20 февраля собралась въ Парижѣ конвенція для рѣшенія вопроса о мѣрахъ, какія слѣдуетъ предпринять для устройства дѣлъ въ Сиріи. Турція проситъ о выводѣ французскихъ войскъ послѣ 5-го марта; англійскіе журналы, опасаясь преобладанія французскаго вліянія, а можетъ быть и властолюбивыхъ замысловъ Наполеона, поддерживаютъ такую просьбу; французскіе напротивъ предлагаютъ присоединить къ французскому отряду отряды изъ другихъ великихъ государствъ Европы. Среди этого разногласія видовъ французскаго и англійскаго народовъ рѣшеніе французской конференціи касательно продленія занятія французами Сиріи зависѣло отъ правительствъ Россіи, Австріи и Пруссіи и отъ того, чувства ли человѣколюбія и участія къ сирійскимъ христіанамъ, которымъ можетъ угрожать по удаленіи французскихъ войскъ фанатизмъ мусульманъ, возмутъ верхъ при рѣшеніи вопроса, или чувство опасенія за возрастаніе вліянія Франціи въ Сиріи. Императорское правительство наше двумя депешами министра Горчакова, одной къ посланнику въ Константинополѣ, другой къ послу въ Парижѣ объявило себя за продленіе срока пребыванія французскихъ войскъ въ Сиріи долѣе 5-го марта. «По нашему мнѣнію, пишется въ первой депешѣ, военное занятіе Ливана французскими войсками не должно

имѣть иныхъ границъ, кромѣ полнаго осуществленія цѣли, для которой оно было предпринято съ согласія великихъ державъ. Намъ невозможно допустить, чтобы ея задача была исполнена и чтобы страна возвратилась къ нормальному состоянію, которое бы дѣлало безполезнымъ продолженіе занятія. Мы убѣждены напротивъ, что спасительное дѣйствіе, до сихъ поръ произведенное, происходитъ преимущественно отъ французскихъ войскъ и что удаленіе ихъ будетъ сигналомъ тѣмъ сильнѣйшей реакціи противъ дѣйствій правосудія и обузданія, которыхъ они были причиной и поддержкой, какъ уполномоченные великихъ державъ. Въ этомъ заключается не только вопросъ человѣчности, долженствующій преобладать надъ всякимъ другимъ соображеніемъ, но также и вопросъ первостепеннаго интереса для Европы...; великія державы, возложившія эту задачу на Францію, сдѣлались бы виновными въ несчастіяхъ, которыя могутъ послѣдовать отъ этого». «Не только Сирія», пишетъ министръ русскому послу въ Парижѣ, «не кажется намъ вступившею снова въ нормальное состояніе, могущее сдѣлать пребываніе французскихъ войскъ безполезнымъ и заставить желать ихъ отозванія, но мы полагаемъ, что спасительные результаты, произведенные до сихъ поръ, происходятъ преимущественно отъ присутствія французскихъ военныхъ силъ и что дѣйствія справедливости и обузданія, которымъ они содѣйствовали, могутъ сдѣлаться возбужденіемъ къ новымъ мщеніямъ и новымъ безпорядкамъ, если онѣ удалятся изъ страны, не окончивъ своей задачи... Если конференція, считая подобно намъ продолженіе военнаго занятія необходимымъ, найдетъ полезнымъ увеличить его силу или усиленіемъ состава французскихъ войскъ или присоединеніемъ къ нимъ войскъ одной или нѣсколькихъ

другихъ державъ, то вы не дѣлайте на это никакого возраженія». Это человѣколюбивое и довѣрчивое рѣшеніе Императорскаго правительства было принято Пруссіей, но Австрія не благосклонно смотрѣла на предлагаемое рѣшеніе. Не смотря впрочемъ на противодѣйствіе Австріи и Турціи, опредѣлено на конференціи занятіе Сиріи французскими войсками продлить до мая мѣсяца, — о чемъ лордъ Джонъ Россель и объявилъ въ парламентѣ.

Вѣсти изъ другихъ провинцій Турціи объ участи христіанъ печальны. Корреспондентъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» (въ 40 №) между прочимъ пишетъ: «путешествіе великаго визиря Киприсли-Паши по пограничнымъ провинціямъ Турціи съ цѣлію изслѣдовать положеніе края и жалобы христіанъ на злоупотребленія мѣстныхъ властей, было похоже на путешествія подобнаго рода всѣхъ прочихъ пашей.... Великій визирь, не одушевленный искреннимъ желаніемъ добра, поставилъ себѣ первымъ долгомъ и главнымъ правиломъ провозглашать въ пышныхъ фразахъ благодѣтельныя намѣренія правительства, относительно всего народонаселенія, безъ различія вѣры и національности, и вездѣ собирать благодарственные адресы султану и его министерству за благодѣянія и попечительность ихъ къ райямъ (христіанамъ), которые умираютъ отъ голода и холода, подъ гнетомъ безчисленныхъ податей, подъ бичемъ лихоимцевъ, ножемъ разбойниковъ, подъ градомъ оскорбленій послѣдняго негодяя баши-бузука, рекрута или недоросля. Правда, что минуты пребыванія визиря были какъ бы минутами роздыха для каждой мѣстности; но тотчасъ все, по удаленіи его, возобновлялось по прежнему, въ томъ же порядкѣ и въ той же мѣрѣ. Одна лишь зима, препятствуя разбойникамъ и негодяямъ наводнять дороги, грабить и убивать мир-

ныхъ жителей, ожидается послѣдними съ надеждой и радостію, какъ дѣйствительная покровительница ихъ.»

Нашъ русскій посланникъ въ Константинополѣ князь Лобановъ-Ростовскій обратился къ турецкому правительству съ протестомъ противъ неточныхъ данныхъ, приводимыхъ великимъ визиремъ въ отчетѣ его о путешествіи по христіанскимъ областямъ Турціи. Такъ какъ свѣдѣнія, полученныя русскимъ посланникомъ и изслѣдованія секретаря русскаго посольства Демидова въ Адріанополѣ противорѣчили выводамъ визиря, то князь присоединилъ къ своему возраженію энергическую ноту въ пользу созванія въ Константинополѣ постоянной конференціи, изъ уполномоченныхъ великихъ державъ, которая бы исключительно занялась судьбою христіанскихъ населеній Порты. Французскій посолъ Лавалеттъ поддержалъ требованіе русскаго посланника, и ноты обѣихъ державъ составлены почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такимъ образомъ въ рѣшеніи судьбы восточныхъ христіанъ наступаетъ новый фазисъ,—хотятъ поставить не только Сербію, Молдавію, Валахію и Сирію, но самую Порту подъ протекторатъ великихъ державъ. Предлагаемая Россіей и Франціей постоянная конференція будетъ защитительною инстанціею для христіанскихъ подданныхъ Порты въ ихъ жалобахъ на правительство султана и слѣдовательно контроль Европы непосредственно распространится надъ всею имперіею Абдулъ-Меджида. Тогда христіанскіе подданные Турціи могли бы вздохнуть свободнѣе. Только можно опасаться, спасительный проэктъ Россіи и Франціи не сокрушился бы о зависть и недовѣріе другихъ великихъ державъ Европы, которыя не разъ уже отказывали христіанамъ турецкимъ въ рѣшительныхъ средствахъ помочь ихъ бѣдственному

положенію, по побужденіямъ зависти и недовѣрія другъ къ другу.

Въ заключеніе лѣтописи о дѣлахъ востока мы можемъ сообщить радостную новость. — Корреспондентъ Сѣверной Пчелы пишетъ (см. № 24), что наканунѣ праздника Рождества Христова совершено въ Константинополѣ соединеніе мелхитовъ или римскокатоликовъ Сиріи и Александріи съ православной Христовой Церковію. Уже нѣсколько времени здѣсь жили послы мелхитовъ-клирики: ГавріилъЦипара и Іоаннъ Хавянъ. Переговоры съ ними, прерванные по случаю патріаршаго избранія, начались тотчасъ съ восшествіемъ на патріаршій престолъ Іоакима и вскорѣ получили радостный исходъ. По этому дѣлу нарочно было созвано собраніе Константинопольскаго Сѵнода. Упомянутые представители введены были въ собраніе антіохійскимъ патріархомъ. Ихъ приняли всѣ стоя. Затѣмъ они прочитали по гречески и арабски «свое исповѣданіе православной вѣры», послѣ того пали на колѣна предъ святѣйшимъ патріархомъ вселенскимъ, который помазалъ ихъ св. мѵромъ, прочитавъ надлежащую благодарственную молитву. Такъ окончилась эта церемонія, присоединившая къ православной церкви около 50,000 христіанъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ».

1) Открывая въ своемъ журналѣ отдѣлъ для внутреннихъ извѣстій, редакція покорнѣйше проситъ лицъ духовныхъ, равно и другихъ сообщать въ оную свѣдѣнія о

существующихъ и извѣстія о вновь открываемыхъ священнослужителями сельскихъ школахъ, также о событіяхъ, какою либо стороною касающихся вѣры и нравственности народной; она съ благодарностію приметъ всѣ такія извѣстія на страницы своего журнала; пересылку ихъ принимаетъ на свой счетъ.

2) Вполнѣ признавая всю важность образованія сельскихъ населеній для Вѣры и Отечества и зная бытъ сельскихъ священниковъ, которые кромѣ личнаго труда и усердія, почти ничего больше не могутъ жертвовать въ пользу сельскихъ школъ, редакція проситъ лицъ, которыя желали бы посильными денежными и другими пожертвованіями содѣйствовать открытію и удобствамъ сельскихъ школъ при церквахъ, доставлять пожертвованія на ея имя. А она будетъ доставлять ихъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ для распредѣленія по школамъ, предварительно напечатавъ о нихъ въ своемъ журналѣ.

съ Аѳонской горы и разговоръ съ преждебывшими единомышленниками мнимыми старобрядцами о Прав. Церкви, о ея таинствахъ, пастыряхъ и обрядахъ, 364 стр. Сочин. инока Мелетія. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб 25 коп.

Желающіе пріобрѣсти означенныя книги могутъ относиться съ требованіями лично и письменно въ Александро-Невскую лавру къ сборщикамъ Пантелеймонова монастыря: іеромонаху Макарію и монаху Мелетію.

ловинымъ. Съ приложеніемъ описанія для составленія **Домашней и дорожной аптеки**. М. 1860 года. 1 р., вѣс. за 3 ф.

О сохраненіи здравія и жизни, съ показаніемъ всѣхъ употребительныхъ пищъ, приправъ и напитковъ, ихъ лекарственныхъ свойствъ, вліянія на организмъ человѣческій, разныхъ терпераментовъ, и способы леченія болѣзней наружныхъ и внутреннихъ. Съ прибавленіемъ словаря болѣзнямъ. М. 1859 года. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Исторія Англіи для дѣтей, Карла Диккенса. Переводъ съ англійскаго *Анны Зонтагъ*. М. 1860 года. 2 тома 2 р., вѣс. за 3 ф.

Записки Іосифа Гарибальди. 2 части. Спб. 1861 года. 1 р. 20 к., вѣс. за 2 ф.

Наставленіе земледѣльцу *I. Журдье*. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями въ примѣненіи къ Россіи *Ѳ. И. Вараксина*. Съ 109-ю политипажами. Спб. 1860 года. 1 р. вѣс. за 1 ф.

Руководство къ практическому и теоретическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ. Соч. Курсель-Сенёля. Перев. съ франц. Изданный подъ редакціей *В. Вешнякова*. Спб. 1860 года. 2 р. 25 к. вѣс. за 3 ф.

Судебный Слѣдователь. Руководство, служащее къ производству слѣдствій, содержащее изложеніе законовъ о производствѣ уголовныхъ слѣдствій, съ присовокупленіемъ формъ дѣловыхъ актовъ и бумагъ, сюда относящихся, какъ-то: постановленій, протоколовъ, сношеній, описей, показаній, составленное по изданію Свода Законовъ 1857 года и на основаніи измѣненій, произведенныхъ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей 8-го іюня 1860 года. *В. И. Рыкушинымъ*. Спб. 1861 года. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя *Владиміра Яковлева*. I т. Спб. 1855 года. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Главнѣйшія техническія примѣненія пара, электричества и свѣта. Паровыя машины, электрическіе телеграфы, гальванопластика и свѣтопись (фотографія). Д-ра *Маля и Раука*. Со многими политипажами. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, писанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Записки *Александра Б*. 2 части. Спб. 1861 года. 3 р., вѣс. за 3 ф.

Иногородныя особы благоволятъ обращаться съ требованіями въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Кораблева и Сирякова.

III.

РЕФОРМАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Предпринимая изобразить въ краткомъ очеркѣ состояніе реформатской церкви въ Голландіи, мы имѣемъ въ виду собственно времена настоящія. Но протестантская Голландія и во времена прошедшія принимала такое значительное участіе въ религіозной и умственной жизни Европы, что нельзя не остановить на минуту вниманіе на ея прошедшемъ. Мы ограничимся впрочемъ только бѣглымъ взглядомъ на богословскую дѣятельность Голландіи въ прошедшемъ, — дѣятельность тѣмъ болѣе важную, что въ ней нѣкоторымъ образомъ отражается и жизнь церковная и религіозная.

Прошедшее протестантской Голландіи ограничивается тремя столѣтіями, съ половины 16-го до половины 19-го. Просмотримъ ихъ одно за другимъ.

I. Съ первой половины 16-го столѣтія, и даже въ теченіе всего 15-го вѣка, религіозная реформа уже подготовлялась въ сѣверныхъ провинціяхъ Голландіи. При сильномъ вліяніи, которое имѣлъ Геертъ Гроте (Жерардъ великій), родившійся въ Девентерѣ въ 1340 году, и при благотворныхъ дѣйствіяхъ, которыя оказывало въ Голландіи и Германіи такъ называвшееся «Общежительное Братство» или «Братство доброй воли» (Іеронимiане,

Григоріанцы ([1]) основанное Геертомъ Гроте,—устное и писанное ученіе Ѳомы Кемпійскаго, Весселя, Ганефорта, Агриколы, Эразма, Писторіуса, Меннона, Блока, которые всѣ были нидерландцы, породило такія религіозныя убѣжденія, которыя во многомъ были совершенно противоположны ученію Рима. Самъ Лютеръ выразилъ свое удивленіе, нашедши свои собственныя убѣжденія въ томъ, что̀ было писано и проповѣдано болѣе, чѣмъ за полвѣка до него, Ганефортомъ Гронингенскимъ. Неудивительно потому, что сочиненія Лютера, Цвинглія, Кальвина и другихъ реформаторовъ, въ особенности же Меланхтона, произвели сильное вліяніе на нидерландскіе умы. Многіе начали открыто отдѣляться отъ римской церкви и называться по имени Лютера или Кальвина. Впрочемъ движеніе умовъ первоначально имѣло здѣсь нѣчто особенное и характеристическое, приближаясь болѣе къ Меланхтону и Цвинглію, нежели къ другимъ реформаторамъ; но тѣсныя сношенія съ нидерландскими реформатами южныхъ провинцій, фламандцами и валлонами ([2]), превосход-

---

([1]) Societé des fréres de la vie commune, — Brüder des gemeinsamen Lebens oder vom guten Willen: См. Brockhaus Convers. Lexic. том. 3. стр. 343.

([2]) Валлоны-реформаты валлонскихъ или южныхъ нидерландскихъ провинцій, въ которыхъ господствуетъ языкъ французскій, каковы: Люттихъ, Геннегау, Фландрія и южный Брабантъ. Они были основателями валлонскихъ реформатскихъ общинъ въ Голландіи; и то, что̀ въ этой странѣ называется валлонскою церковію, есть, другими словами, французско-реформатская церковь. Не неумѣстно показать здѣсь мимоходомъ отношеніе сихъ общинъ къ голандской реформатской церкви. Это отношеніе членовъ къ тѣлу, — но членовъ, имѣющихъ, нѣкоторымъ образомъ, отдѣльную, самостоятельную жизнь, по ихъ происхожденію и особому характеру. Валлонскіе реформаты имѣли постоянно свою церковную организацію и свой синодъ въ южныхъ провинціяхъ. Съ самаго водворенія ихъ въ Семи Соединенныхъ провинціяхъ, по дѣятельному участію, которое они принимали въ дѣлахъ

ство церковной организаціи у сихъ послѣднихъ и рѣшительное преобладаніе идей Кальвина какъ въ ихъ вѣроученіи, такъ и въ церковномъ управленіи, — весьма много способствовали тому, чтобы дать перевѣсъ кальвинизму въ нидерландской церкви и ввести въ нее валлонско-кальвинистическое исповѣданіе вѣры, состав-

---

новаго своего отечества, съ общаго согласія, было положено на Дортрехтскомъ соборѣ въ 1578 г., чтобы церкви нидерландская и валлонская или французская имѣла каждая свои особые синоды, не переставая однакожъ составлять одну и туже церковь, представляемую однимъ общимъ синодомъ. Такимъ образомъ валлонскія реформатскія общины продолжали составлять отдѣльное общество въ нидерландской реформатской церкви, соединенное съ сею послѣднею однимъ и тѣмъ же исповѣданіемъ вѣры, но съ нѣкоторыми разностями относительно другихъ символическихъ и литургическихъ книгъ, и одинаковымъ церковнымъ устройствомъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями, происходившими изъ особенныхъ потребностей. Живя своею собственною жизнію, эти общины никогда не переставали дѣйствовать благотворно среди голландской церкви, не только чрезъ превосходныхъ наставниковъ, которыми въ теченіе 17-го столѣтія снабжали университетскія каѳедры, — не говоримъ уже о знаменитыхъ людяхъ, искавшихъ въ Голландіи убѣжища къ концу этого и послѣдующаго столѣтій, — но и духомъ умѣренности и миролюбія, которымъ вообще отличались валлонскія общины среди церковныхъ разногласій и споровъ, равно какъ и примѣромъ своихъ полезныхъ мѣръ, распоряженій и учрежденій. Ихъ отдѣльное существованіе, происходившее въ началѣ собственно отъ различія языка, продолжается доселѣ, — не столько по этой причинѣ, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, христіане валлонскихъ общинъ обыкновенно понимаютъ голландскій языкъ, — сколько въ слѣдствіе повсемѣстнаго употребленія французскаго языка, прочности положенія, которую пріобрѣли валлонскія общины, и тѣхъ правъ и уваженія, которыми пользуются и которыя умѣютъ поддержать. Такимъ образомъ очевидно, что валлонскія церкви имѣютъ происхожденіе нидерландское, и древнѣе отмѣненія нантскаго эдикта, а не основаны французскими изгнанниками послѣ этого горестнаго для протестантовъ событія. Большая часть валлонскихъ общинъ, существующихъ доселѣ, основаны прежде конца 16-го столѣтія; амстердамская въ 1578 г., гарлемская и и миддельбургская въ 1579 г., утрехтская въ 1580; лейденская въ 1584; дордрехтская и дельфтская въ 1586; гагская въ 1595; роттердамская въ 1605 г. Собраніе актовъ валлонскихъ синодовъ, которые созываемы

ленное валенсьеньскимъ пасторомъ Гюи де Бре (Gui de Brès) [1].

Исповѣданіе вѣры Гюи де Бре, одобренное Кальвиномъ и очень мало отличающееся отъ символа французскаго реформатскаго общества, сдѣлалось такимъ образомъ исповѣданіемъ вѣры нидерландской церкви. Пасторы были сначала приглашаемы подписываться къ нему, а съ 1586 г. были къ тому обязываемы. Но первоначальный духъ реформаціи въ сихъ провинціяхъ сталъ скоро оказываться не согласнымъ съ строгими послѣдствіями многихъ началъ, высказанныхъ въ исповѣданіи. Принимая его вообще, многіе не соглашались въ объясненіи нѣкоторыхъ членовъ, особенно 16-го, въ которомъ говорится о предопредѣленіи. Смягчаемый одними, въ смыслѣ предопредѣленія подъ условіемъ вѣры, объясняемый другими въ смыслѣ супралапсаризма [2], этотъ членъ сдѣлался меж-

---

были ежегодно, восходитъ до 1563 г. Подлинники сихъ актовъ тщательно сохраняются въ архивахъ валлонскихъ общинъ. Онѣ были въ частыхъ братскихъ сношеніяхъ съ французскою реформатскою церковію и оказывали ей помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Излишне упоминать, что у нихъ находили себѣ убѣжище многіе единовѣрные изгнанники, потомки коихъ хотя совершенно приняли голландскую народность, продолжаютъ однако принадлежать къ ихъ стаду.

(1) Извѣстно, что война съ Испаніею освободила такъ называемыя Семь Провинцій отъ испанскаго владычества. Въ южныхъ провинціяхъ, напротивъ, оно восторжествовало и утвердилось, и тѣмъ подавило въ нихъ реформу на долгое время. Въ слѣдствіе этого большое число фламандцевъ и валлоновъ поселилось среди своихъ сѣверныхъ собратьевъ, и вѣроисповѣданіе Соединенныхъ Провинцій приняло характеръ болѣе кальвинистическій, чѣмъ какъ можно было ожидать по его происхожденію.

(2) Предестинаціане раздѣляются на супралапсаристовъ и инфралапсаристовъ. Первые утверждаютъ, что Богъ прежде грѣхопаденія Адамова (supra или ante lapsum) и независимо отъ него, не принимая въ разсужденіе ни добрыхъ, ни худыхъ дѣлъ, предназначилъ однихъ людей ко спасенію, другихъ къ погибели, для того единственно, чтобы

ду арминіанами и гомаристами предметомъ сильныхъ споровъ, которые въ первые годы 17 столѣтія такъ глубоко раздирали и волновали нидерландскую церковь. Въ слѣдствіе ихъ созванъ былъ Дордрехтскій Соборъ, считающійся вселенскимъ въ реформатской церкви, на которомъ присутствовали церковные представители изъ Англіи, Эмдена, Бремена, Пфальца, Нассау, изъ Женевы и прочей Швейцаріи. Опредѣленія сего собора, не выходя изъ предѣловъ инфралапсаризма, осудили арминіанскія мнѣнія. Противъ ученія о божественномъ избраніи, зависящемъ отъ обращенія или ожесточенія грѣшниковъ, постановлено было ученіе объ избраніи свободномъ, ни на чемъ неоснованномъ,—однихъ ко спасенію, другихъ къ осужденію, хотя первые не лучше и не достойнѣе послѣднихъ; противъ арминіанскаго ученія о смерти Христовой, понесенной за всѣхъ, но спасительной для однихъ вѣрующихъ,—ученіе о смерти претерпѣнной только за тѣхъ, которыхъ Богъ отъ вѣчности назначилъ ко спасенію; вопреки ученію, которое, признавая необходимость для человѣка благодати Божіей въ дѣлѣ спасительной вѣры, оставляетъ однакожъ мѣсто собственнымъ желаніямъ и усиліямъ человѣка къ достиженію сей благодати,—ученіе о совершенномъ безсиліи человѣка къ исправленію своей, всецѣло развращенной, природы, и о неспособности его быть расположеннымъ къ этому; въ противоположность ученію о томъ, что благодать Божія

на однихъ явить свою благость, на другихъ — правосудіе; послѣдніе учатъ, что Богъ положилъ это опредѣленіе по предвѣденію паденія перваго человѣка, — infra или post lapsum, и въ слѣдствіе сего паденія. По мнѣнію первыхъ, предметъ предопредѣленія—человѣкъ, поколику онъ могъ быть сотворенъ и пасть, по ученію послѣднихъ — человѣкъ сотворенный и падшій.

не дѣйствуетъ на волю человѣка непреодолимо, — ученіе о ея непреоборимой силѣ и дѣйственности въ избранныхъ; противъ ученія о возможности потери благодати и совершеннаго паденія христіанина, — ученіе о томъ, что, хотя возрожденные могутъ пасть глубоко, Богъ однако не попускаетъ такого паденія, чтобы они могли потерять благодать усыновленія и снова подпасть вѣчной погибели. Вотъ пять знаменитыхъ правилъ Дордрехтскаго собора. Тѣ, которые не хотѣли признать сихъ догматическихъ опредѣленій, отдѣлились отъ церкви, или были изъ нея изгнаны. Общій духъ нидерландской церкви сохранялъ долгое время отпечатокъ этихъ споровъ и этихъ опредѣленій; богословскія науки очень долго не оставляли того направленія, которое дали взволнованнымъ умамъ жаркія разсужденія о столь важныхъ и глубокихъ предметахъ. Это можно видѣть и въ проповѣдяхъ, и въ сочиненіяхъ академическихъ наставниковъ. Главныя богословскія каѳедры этого времени были въ университетахъ: Лейденскомъ, основанномъ въ 1575 г., Франскерскомъ, осн. въ 1583 г., Гронингенскомъ — въ 1614 г.; въ Атенеяхъ: Девентерскомъ, осн. въ 1630 г., и Амстердамскомъ—въ 1632 г., равно какъ въ академіяхъ: Утрехтской, осн. въ 1636 г., и Гардервейкской—въ 1648 г. Богословіе, которому служили органами эти учебныя заведенія, имѣло единственною цѣлію — излагать и поддерживать ученіе національной церкви въ томъ видѣ, какъ истолковалъ оное Соборъ, согласно, по его мнѣнію, съ словомъ Божіимъ, чистымъ и неповрежденнымъ. Возобновлять изслѣдованіе сего ученія, относительно сообразности его съ св. Писаніемъ, казалось безполезнымъ, даже опаснымъ; это значило показывать недовѣрчивость, сомнѣніе, и подвергаться опасности впасть въ ересь. По-

сему истолковательное богословіе было въ это время въ большомъ небреженіи и даже отличнымъ лингвистамъ, каковы: Андрей Риве и Людовикъ де Дьё—въ Лейденѣ, Друзій, Амезій и Схотанъ—въ Франскерѣ, равно какъ Гомаръ и Епископій, не безъ труда удалось поднять изученіе библейскихъ языковъ, бывшее долгое время въ пренебреженіи. Впрочемъ и у нихъ экзегетика, порабощенная принятому ученію и боясь стать съ нимъ въ разногласіе, большею частію не выходила изъ предѣловъ буквальнаго смысла. Всѣхъ ихъ превзошелъ Гроцій; но герменевтическія заслуги его не были оцѣнены по достоинству его современниками. Мнѣнія его считались арминіанскими, и потому все выходившее изъ подъ его пера возбуждало подозрѣнія въ противоположной партіи. Догматика въ это время имѣла многихъ и знаменитыхъ представителей: кромѣ Арминія (+1611) и Епископія, наслѣдовавшаго ему на профессорской каѳедрѣ въ Лейденѣ, достаточно упомянуть о Гомарѣ, профессорѣ сначала въ Лейденѣ, потомъ въ Гронингенѣ, — Андреѣ Риве, Марезіи, Макковіи, который ввелъ схоластическія формы въ изложеніе системы. Амезій франскерскій и Альтингъ гронингенскій, противники сихъ формъ, старались ввести методу болѣе приличную святому Писанію. Усилія ихъ впрочемъ приняты были публикою очень неблагосклонно. Футій утрехтскій, принадлежавшій къ числу знаменитостей своего времени (1589—1676), былъ приверженцемъ схоластики, хотя и старался исправить ея злоупотребленія; онъ больше успѣлъ въ своихъ усиліяхъ — отнять у богословія того времени крайнюю сухость его для сердца; его аскетика имѣла большой успѣхъ. Не успѣвши поднять бывшее въ совершенномъ упадкѣ нравственное богословіе, онъ имѣлъ счастіе освободить вѣро-

ученіе своей церкви отъ справедливаго упрека ремонстрантовъ, что оно хорошо для умозрѣнія, но безплодно для практики. Братья Теллинкъ предшествовали ему на этомъ пути.

Наконецъ, въ 1637 г., явился новый голландскій переводъ св. Писанія, предположенный съ давняго времени, но окончательно опредѣленный Дордрехтскимъ соборомъ, который самъ назначилъ переводчиковъ и пересмотрщиковъ. Восторжествовавъ своими достоинствами надъ нерасположеніемъ, съ которымъ встрѣтили его въ началѣ, онъ продолжалъ пользоваться большимъ и заслуженнымъ уваженіемъ.

II. Опредѣленія Дордрехтскаго собора, принимаемыя съ покорностію вѣры, изъясняемыя по правиламъ схоластики, были въ полной силѣ, когда, въ половинѣ 17-го столѣтія, начало обнаруживаться новое направленіе во многихъ умахъ. Вліяніе Декартовой философіи поколебало во многихъ вѣру въ истину всякаго ученія, принятаго на основаніи авторитета другихъ. Начали сомнѣваться во всякомъ догматѣ, исповѣдуемомъ безъ предварительнаго и основательнаго изслѣдованія ученія, содержащагося въ св. Писаніи. Такимъ образомъ начала и методъ Кокцея (Франскеръ, Лейденъ 1603—1669) нашли себѣ хорошо приготовленную почву. Отвергая формы и утонченности чисто схоластическія, Кокцей принималъ безусловно вѣроученіе, содержимое церковію (реформатскою); но онъ хотѣлъ, чтобы изученіе и преподаваніе догматовъ другимъ было библейское, и чтобы оно состояло не въ примѣненіи св. Писанія къ принятому вѣроученію, а въ изученіи самаго св. Писанія, для открытія итиннаго смысла его. Вотъ правило истолкованія, которому онъ слѣдовалъ: «слова Писанія означаютъ все,

что контекстъ и параллельныя мѣста позволяютъ имъ означать». «Іисусъ Христосъ и Его Церковь: вотъ цѣль пророчествъ; все въ ветхомъ Завѣтѣ предъуготовляетъ къ нимъ и предъизображаетъ ихъ; послѣ завѣта дѣлъ, нарушеннаго грѣхомъ, слѣдуетъ завѣтъ закона Моисеева, домостроительство сѣней и рабства, приводящее ко Христу, прообразующее Его и пріобрѣтенныя Имъ блага; наконецъ, по отмѣненіи сего, новый Завѣтъ во Христѣ, домостроительство исполненія и свободы». Кокцей имѣлъ множество послѣдователей между богословами, изъ коихъ нѣкоторые развили до крайности мысли его относительно пророчествъ и прообразованій, а другіе, болѣе картезіанцы, чѣмъ онъ самъ, или увлеченные произвольнымъ объясненіемъ св. Писанія, удалились во многомъ отъ принятаго ученія своей церкви. Изъ послѣдователей его болѣе другихъ замѣчательны: 1) Бальтазаръ Беккеръ (1634—1698), амстердамскій пасторъ; онъ хотя допускалъ существованіе діавола и видѣлъ въ немъ причину перваго грѣха, смотрѣлъ однакожъ на него, какъ на врага побѣжденнаго и плѣненнаго, не имѣющаго теперь личнаго вліянія на людей. Онъ развилъ эти мысли въ своемъ сочиненіи: «Очарованный міръ». Книга эта нанесла смертельный ударъ многимъ народнымъ предразсудкамъ; но за главную мысль, утверждаемую и раскрываемую въ семъ сочиненіи, будтобы Іисусъ Христосъ и Его апостолы приспособлялись къ заблужденіямъ своихъ современниковъ, Беккеръ былъ отрѣшенъ отъ должности и отлученъ отъ церкви;—2) Роель (Франскеръ, Утрехтъ 1633 — 1718), утверждавшій, что въ дѣлѣ вѣры должно принимать только то, что прямо и ясно проистекаетъ или изъ разума, или изъ Откровенія. Согласно съ симъ началомъ, онъ отвергалъ вѣчное рожденіе Сына отъ Отца,

какъ несообразное съ совѣчностію Сына со Отцемъ, и изъяснялъ рожденіе или сыновство втораго Лица Святыя Троицы въ смыслѣ Его посланничества отъ Отца въ міръ;—3) Флакъ Зутфенскій пасторъ († 1690); онъ скорбитъ, что ученіе церкви обезображено столькими утонченностями догматическими. «Божественныя откровенія, —вотъ, по его мнѣнію, единственный для человѣка источникъ истины и предметъ изученія. Нужно принимать формулы (исповѣданія вѣры), подъ условіемъ, предписаннымъ въ Швейцаріи, «что если послѣ мы будемъ болѣе просвѣщены св. Писаніемъ, то будемъ покоряться Богу и Его Слову» (а не формуламъ). Онъ утверждаетъ, что праведность Христова не можетъ сдѣлаться въ собственномъ смыслѣ нашею праведностію; что св. Павелъ, говоря о невозможности оправдаться дѣлами закона, имѣетъ въ виду единственно законъ Моисеевъ и установленія іудейскія; и что человѣкъ не можетъ оправдаться безъ дѣлъ вѣры. Мысли этихъ трехъ богослововъ произвели продолжительное и почти всеобщее волненіе въ церкви нидерландской, и были причиною того, что Валькернскій округъ или классъ (¹) къ формуламъ согласія присоединилъ въ 1693 г. пять прибавочныхъ членовъ: касательно поврежденія человѣческаго разума, вѣчнаго рожденія Сына отъ Отца, вліянія ангеловъ и демоновъ, оправданія грѣшника предъ Богомъ и вмѣненія грѣха Адамова. Еще до появленія сихъ результатовъ Кокцеева ученія, поборники протестантской ортодоксіи произвели сильныя нападенія на самаго виновника онаго. Въ 1655 г., Эссеній (Утрехтъ), Горнбекъ (Лейденъ), Марезій, а

(¹) О раздѣленіи Голландіи, въ церковномъ отношеніи, на округи или классы будетъ сказано ниже.

въ 1665 г. врагъ картезіанской философіи, Футій (Voetius), — начали борьбу. Пастыри и овцы раздѣлились на кокцеянъ и футіанъ,—двѣ партіи, пережившія почти цѣлымъ вѣкомъ тѣхъ, чьи имена носили, и часто бывшія очень далеко отъ того, чтобы быть представителями ихъ взглядовъ. Футіане, особенно въ первое время, отличались строгою внѣшностію и духомъ нетерпимости; кокцеяне были мягче и снисходительнѣе и не любили стѣснять своей свободы. Строгое наблюденіе дня покоя было однимъ изъ главныхъ предметовъ спора между двумя партіями. Футій производилъ заповѣдь объ этомъ изъ закона Моисеева, и даже возводилъ ее ко временамъ райскимъ. По Кокцею заповѣдь эта была отмѣнена новымъ Завѣтомъ, и освященіе перваго дня недѣли сдѣлалось установленіемъ мудрымъ, справедливымъ, но свободнымъ. Отсюда происходило весьма часто намѣренное, рѣзкое и возмутительное различіе въ образѣ празднованія онаго у той и другой партіи. Споры церковные еще болѣе были растравлены страстями политическими. Футіане были оранжисты, кокцеяне принадлежали къ партіи государственныхъ штатовъ. Когда въ 1672 г., партія Статгудера (государственнаго правителя) восторжествовала,—расколъ подобный тому, какой былъ между ремонстрантами (арминіанами) и контраремонстрантами, казался неизбѣжнымъ; и онъ совершился бы, еслибы не вмѣшалась власть гражданская. При посредствѣ амстердамскаго магистрата, заключена была въ 1677 г. конвенція между двумя партіями, которыя обязались терпѣть одна другую, и получили право имѣть каждой равное число пасторовъ (1),

(1) Этотъ равный раздѣлъ пасторовъ двухъ оттѣнковъ, къ которымъ послѣ прибавился третій—партіи Лампеянъ (по имени Лампе), продолжалъ строго соблюдаться въ Амстердамѣ, при всякомъ новомъ назна-

Примѣръ Амстердама произвелъ всюду благотворное дѣйствіе. Буря была утишена, и предоставлено было времени совершенно успокоить взволнованные умы.

Въ послѣдствіи времени противники кокцеянскаго богословія чѣмъ ближе знакомились съ его духомъ и вникали въ его начала, тѣмъ болѣе оставляли свои предубѣжденія противъ него. Хотя еще продолжались споры о нѣкоторыхъ предметахъ, особенно о пророчествахъ; но, благодаря основательнымъ, глубокимъ и убѣдительнымъ проповѣдямъ нѣкоторыхъ пасторовъ, каковы Фанъ Гиффенъ († 1701) и Утрейнъ,—двѣ враждебныя партіи примирились между собою. Футіане увидѣли, что не мѣшало воспользоваться методою Кокцея, кокцеяне,—что нельзя пренебрегать философскими выводами, хотя и должно остерегаться въ богословіи схоластическихъ утонченностей. Такимъ образомъ возникла смѣшенная школа, къ которой принадлежали люди съ большими достоинствами, каковы: Маркъ (Франскеръ Гронингенъ, Лейденъ 1655—1751), извѣстный преобразователь футіанскаго богословія и экзегетики; это былъ человѣкъ съ умомъ глубокимъ, обладавшій основательными и обширными познаніями; произведенія его, носящія печать большой зрѣлости, пользовались большимъ уваженіемъ долгое время послѣ

ченія пастора, даже и тогда, когда имена кокцеянъ и футіанъ совершенно утратили свое первоначальное значеніе. Консисторія была раздѣлена на три отдѣленія, соотвѣтствовавшія тремъ вышеупомянутымъ оттѣнкамъ. Когда надлежало избрать пастора футіанской, кокцеянской, или лампейской партіи, отдѣленіе консисторіи, котораго дѣло касалось, представляло консисторіи трехъ кандидатовъ, для избранія одного изъ нихъ. Только лѣтъ тридцать тому, эти отдѣленія оставили свои особенныя названія. Самыя отдѣленія сохранились и досελѣ и каждое изъ нихъ, въ свою очередь, исполняетъ предварительныя формальности избранія; но это только мѣра порядка, безъ догматическаго значенія.

его смерти; Витсіусъ, (Франскеръ, Утрехтъ, Лейденъ, 1636 — 1708) пріобрѣвшій всеобщее уваженіе за свою ученость, благочестіе и христіанскую любовь. Онъ избралъ своимъ девизомъ слова: in necessariis unitas, in minus necessariis libertas; in omnibus sapientia et charitas (¹); Кампегіусъ Витринга (Франскеръ 1659—1722), пріобрѣвшій европейскую извѣстность. Школа его, въ которой были ученики изъ всего протестантскаго міра, образовала большое число основательныхъ богослововъ, признавая единственнымъ авторитетомъ истину, почерпаемую въ св. Писаніи.—Лампе (Утрехтъ, Бременъ † 1729), старавшійся замѣнить сухость ученаго кокцеянизма направленіемъ болѣе живымъ и плодотворнымъ для сердца. Онъ успѣлъ въ этомъ такъ, что многіе благонамѣренные кокцеяне приняли названіе лампеянъ, въ отличіе не только отъ футіанъ, но и отъ прежнихъ кокцеянъ. Обширность и самостоятельность его познаній въ св. Писаніи обнаруживаются въ его ученомъ комментаріи на Евангеліе св. Іоанна. Духъ умѣренности и миролюбія, которымъ отличались эти знаменитые ученые, не вдругъ перешелъ въ массу футіанъ или приверженцевъ старыхъ понятій; духъ партій затихъ и, можно сказать, погасъ совершенно только подъ благотворнымъ вліяніемъ ученаго и благочестиваго сочиненія осьмидесятилѣтняго пастора Моммерса (1736), который, самъ принадлежа къ партіи футіанъ, въ сочиненіи своемъ показалъ, что разногласія между кокцеянскою и футіанскою партіями касались не существа дѣла, а методы, и не должны препятствовать водворенію совершеннаго мира между собратьями.

(¹) Въ необходимомъ.—единство, въ ненеобходимомъ — свобода, во всемъ—мудрость и любовь.

Валлонскія общины, не оставаясь совершенно внѣ общаго движенія, умѣли удержаться въ положеніи независимомъ. Вообще валлоны участвовали только издали въ борьбѣ ремонстрантовъ и антиремонстрантовъ. По своему кальвинистическому происхожденію, они раздѣляли образъ мыслей послѣднихъ. Преданные исповѣданію вѣры, въ принятіи коего послѣдовала имъ вся нидерландская церковь (nostra quia vestra, писалъ имъ въ 1606 г. синодъ южной Голландіи), терпя другъ друга при различіи образа мыслей, избѣгая споровъ, столь частыхъ между другими, они мало входили въ великую борьбу съ кокцеянами и футіянами. Ихъ богословіе какъ въ наукѣ, такъ и въ проповѣди, было ярище и болѣе исполнено жизни, нежели богословіе футіанъ, къ которымъ впрочемъ они были близки. Не смотря на единство языка и образованія съ реформатами Франціи, напрасно старались вовлечь ихъ въ богословскіе споры этой страны. Но они обращали полное участія вниманіе на споры, возбужденные Лапласомъ (1643), о вмѣненіи грѣха Адамова, на поднятый Пажаномъ вопросъ (1677) о меньшемъ, нежели какъ обыкновенно думаютъ, поврежденіи человѣка и о меньшемъ участіи благодати Божіей въ дѣлѣ его обращенія; и особенно, на сочиненіе Амирольта (Amirault, 1649), принятое съ большимъ одобреніемъ во Франціи,—о первоначальномъ и общемъ опредѣленіи Божіемъ относительно удовлетворенія І. Христомъ за грѣшниковъ и призванія ихъ ко спасенію, и о опредѣленіи послѣдующемъ и частномъ относительно избранія однихъ и отверженія другихъ. Въ 1685-мъ г. многочисленное стеченіе изгнанниковъ было причиною значительнаго размноженія валлонскихъ церквей; валлонскій синодъ принималъ съ участіемъ и любовію гонимыхъ единовѣрцевъ своихъ, но въ

тоже время заботился о сохраненіи въ своемъ обществѣ принятаго ученія и мира. Роттердамскій синодъ (1686 г.) потребовалъ отъ прибывшихъ изъ Франціи пасторовъ, кромѣ принятія исповѣданія вѣры и правилъ дордрехтскаго собора, «непремѣннаго обѣщанія не разсуждать, ни публично, ни частнымъ образомъ, о предметахъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ тому, что опредѣлено на дордрехтскомъ соборѣ, и возмущавшихъ нѣкоторое время миръ и спокойствіе церквей во Франціи.» Обязательство въ этомъ смыслѣ было немедленно подписано безъ малаго двумя стами пасторовъ. Надзоръ за этимъ, сопровождавшійся иногда строгими мѣрами, продолжался довольно долгое время. Когда въ 1700 г. явилось изданіе переложенныхъ Конрартомъ псалмовъ, съ значительными измѣненіями, переводъ этотъ встрѣтилъ такое нерасположеніе, что, не смотря на неоспоримое превосходство его предъ переводомъ Маро и Безы, введеніе его замедлено было тридцатью годами, и валлонскій синодъ отказалъ женевскимъ реформатамъ, просившимъ принять эту псалтирь въ Голландіи, какъ она была уже принята у нихъ. Стараясь сохранить братство и миръ, синодъ остановилъ дерзкія нападенія изгнаннаго французскаго пастора Жонкура на кокцеянъ, отрѣшивъ его отъ мѣста, которое онъ занималъ въ Гагѣ (1708 г.). Синодъ 1730 г. низложилъ пастора Павла Мати, въ слѣдствіе сильнаго волненія, произведеннаго во всей нидерландской церкви сочиненіями его о Троицѣ, которая, по его мнѣнію, состоитъ въ единеніи Отца, имѣющаго въ себѣ полноту Божества, съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, которые произведены имъ прежде творенія міра.

Пасторы-выходцы, наиболѣе прославившіеся въ валлонскихъ церквахъ, были: Клодъ и дю-Боскъ, пріобрѣт-

шіе извѣстность еще во Франціи, Журье, Баснажъ, Давидъ Мартинъ, Бенуа, Жакело, и особенно Жакъ Соренъ. Подъ вліяніемъ этихъ даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей, валлонская проповѣдь отличалась основательностію, практическимъ направленіемъ, назидательностію и плодотворностію для сердца, чего не имѣла тогда, и долгое время послѣ, проповѣдь нидерландская. Послѣдняя вообще была переполнена сухою ученостію и мистицизмомъ и притомъ очень часто небрежна по отдѣлкѣ. Со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы на это; но нидерландскіе національные проповѣдники не воспользовались образцами, которые были у нихъ предъ глазами. Врачевство должно было явиться послѣ и изъ другаго мѣста. Многочисленнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ подъ пера валлонскихъ писателей первой половины 18-го вѣка, долгое время принадлежала честь наставлять и назидать реформатское народонаселеніе Европы. Кромѣ проповѣдей, особенно Сорена, достаточно упомянуть объ его историческихъ рѣчахъ и катихизисѣ; о катихизисѣ Супервиля, исторіи Іудеевъ—Баснажа, его же исторіи реформатскихъ церквей; историческихъ лѣтописяхъ Баснажа Флоттенвиля, словарѣ Шофеніе; исторіи церкви Лесюёра (Le Sueur), новомъ Завѣтѣ де Шеза (de Chais) и особенно о Библіи Давида Мартина, которая по сіе время считается ручною книгою.

Валлонскій синодъ принималъ въ XVIII столѣтіи самое дѣятельное участіе въ страданіяхъ своихъ единовѣрныхъ собратьевъ во Франціи. Онъ ходатайствовалъ предъ полномочными, собранными въ Утрехтѣ для заключенія мира въ 1714 году, чтобы получить отъ Людовика XIV сколько нибудь свободы вѣроисповѣданія для его протестантскихъ подданныхъ и не переставалъ посылать по-

собія галернымъ невольникамъ и заниматься ихъ освобожденіемъ, при посредничествѣ голландскаго посланника во Франціи и капеляна, который всегда былъ изъ числа валлонскихъ пасторовъ. Протестантскіе выходцы въ нѣмецкихъ государствахъ, особенно въ Пфальцѣ и Вюртенбергѣ, никогда не получали отъ него отказа въ своихъ къ нему просьбахъ о помощи и защитѣ. Синодъ былъ въ частыхъ братскихъ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Женевѣ и французской Швейцаріи, и никогда не переставалъ принимать живое участіе въ тяжкомъ положеніи реформатской церкви въ Литвѣ и Польшѣ. Посылая туда значительныя денежныя пособія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался, при посредничествѣ голландскаго правительства, и съ успѣхомъ, доставить преслѣдуемымъ собратіямъ покровительство государей Россіи и Пруссіи. Но особенно дѣятельное и неослабное участіе принялъ валлонскій синодъ въ положеніи піемонтскихъ вальденсовъ. Онъ вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ этимъ обществомъ посредствомъ особеннаго учрежденія ([1]), которое и до сихъ поръ продолжаетъ по отношенію къ симъ старшимъ сынамъ реформаціи дѣло древнихъ валлоновъ.

III. Около половины XVIII столѣтія, бóльшая часть представителей богословія въ нидерландскихъ университетахъ оставила древнія футіанскія и кокцеянскія преданія. Вѣрные ученію реформатской церкви, но, согласно съ намѣреніемъ реформаторовъ, не столько по буквѣ, сколько по духу символическихъ книгъ, изучая св. Писаніе съ умомъ, болѣе просвѣщеннымъ и проницательнымъ, чѣмъ въ предшествующемъ вѣкѣ, они проложили

([1]) Комитетъ, занимающійся дѣлами вальденсовъ.

себѣ свой особый путь, не задумываясь предъ послѣдствіями и не порабощая себя какой либо методѣ. Во главѣ сихъ ученыхъ богослововъ стоялъ Венема († 1787), въ продолженіе полувѣка слава франскерской академіи и свѣтило нидерландской церкви и всего протестантскаго богословія. Его комментаріи на ветхій Завѣтъ, особенно на псалмы и на 12 малыхъ пророковъ,—труды величайшей важности по тогдашнему времени, — продолжаютъ и доселѣ пользоваться большимъ уваженіемъ. Альберти († 1762), ученикъ Витринги, какъ и Венема, и трудившійся, подобно ему, въ свободномъ духѣ ихъ наставника, отличался въ Лейденѣ, гдѣ возбудилъ пламенную ревность къ критическому изученію новаго Завѣта. Еще прежде него, Албертъ Схультенсъ Лейденскій, знаменитый оріенталистъ, составитель комментаріевъ на Іова и Притчи († 1750), далъ изученію еврейскаго языка — въ сравненіи его съ арабскимъ — новое направленіе, имѣвшее весьма важные результаты для изъясненія ветхаго Завѣта. Это нововведеніе, не нравившееся приверженцамъ прежняго порядка вещей, встрѣтило упорное сопротивленіе. Оно обнаружилось многочисленными полемическими сочиненіями, низложеніемъ пасторовъ, и нѣкотораго рода коалиціею, имѣвшею цѣлію изгнать изъ церкви, при посредствѣ новаго національнаго синода, большое число богослововъ, докторовъ и проповѣдниковъ, зараженныхъ, какъ говорили, вольнодумствомъ. Это раздраженіе умовъ, столь мало согласовавшееся съ духомъ времени, скоро утихло. Сочиненія Жанъ-Жака Схультенса, профессора лейденскаго университета († 1778), и Венемы показали ясно, что основательное, благонамѣренное и благочестивое изученіе св. Писанія, независимо отъ принятыхъ системъ и символовъ, не подрываетъ главныхъ реформат-

скихъ догматовъ, а утверждаетъ и уясняетъ ихъ. Такимъ образомъ свободное изслѣдованіе церковнаго ученія, постоянно болѣе и болѣе сближаемое съ изученіемъ св. Писанія, одержало верхъ. Это не значитъ однакожъ, что борьба партій совершенно кончилась. Мнѣнія Клемана (1775) «о тѣсномъ отношеніи между нравственностію человѣка и сверхъестественными дарами благодати Божіей», равно какъ ученіе Лесажатенъ-Брука (1784) объ удовлетворительной силѣ страданій Христовыхъ, заключающейся болѣе въ общности дѣла, нежели въ его частностяхъ, подали поводъ къ жаркимъ спорамъ и церковнымъ процессамъ, которые, безъ вмѣшательства свѣтской власти, кончились бы низверженіемъ многихъ духовныхъ лицъ. Отсюда возникли новыя пренія о правѣ правительства вступаться въ дѣла церкви. Въ тоже время сильно волновалъ умы вопросъ о спасеніи: всеобщее ли оно, и предлагается ли всѣмъ людямъ безъ исключенія, или частное, назначенное однимъ избраннымъ. Защитники перваго мнѣнія, между коими отличался Гамельсфельдъ утректскій, были названы *Новымъ Сектомъ*, въ противоположность *Старому Секту*, — названію, данному другой партіи. Споръ поднялъ другіе вопросы: о причащеніи и о правѣ приступать къ нему. Многочисленныя богословскія сочиненія, породившіяся изъ этихъ споровъ и изъ споровъ послѣдующихъ временъ, исполнены иногда страсти и раздраженія, но часто ознаменованы печатію глубокой учености.

Между тѣмъ Голландія невольно должна была обратить вниманіе на антирелигіозное движеніе, обнаружившееся во второй половинѣ XVIII столѣтія. Не коснувшись ея предѣловъ, оно дало богословской ея дѣятельности особенное направленіе и новое развитіе. Вскорѣ люди раз-

личныхъ мнѣній, прежніе противники, соединились, чтобы общими силами противустать французскому невѣрію, англійскому деизму и нѣмецкому раціонализму. Среди споровъ и разсужденій о прежнихъ богословскихъ предметахъ, начали появляться сочиненія, вызванныя новымъ направленіемъ умовъ. Главнымъ предметомъ ихъ въ Голландіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, была: естественная религія, вѣротерпимость и религіозная свобода. Обо всемъ этомъ разсуждали въ очень свободномъ духѣ. Сочиненія Волтера, Руссо, Мармонтеля и др. много способствовали тому, чтобы вывести на сцену эти вопросы; но, къ сожалѣнію, не всѣ довольно ясно видѣли смѣсь истины и заблужденій въ смѣлыхъ теоріяхъ, облеченныхъ въ блестящія формы. Отсюда возникла жаркая полемика между защитниками вѣротерпимости и свободы вѣроисповѣданія по ихъ началу, равно какъ и важности естественной религіи, — и тѣми, которые, въ справедливомъ сопротивленіи злоупотребленіямъ, позволили себѣ увлечься до нападеній на самое начало. Къ первымъ принадлежали: Де-Кокъ, Синистра, Фанъ-деръ-Марккъ, Ноземанъ; къ послѣднимъ: Боннетъ, фанъ-деръ-Кемпъ, Гофстедъ. Многія учрежденія этого времени служатъ доказательствомъ благочестивой и просвѣщенной ревности о защитѣ христіанской вѣры и вмѣстѣ возрастающаго нерасположенія къ спорамъ. Сюда относится установленіе наградъ, съ цѣлію размножить проповѣди, которыя были введены для отраженія нападеній невѣровъ и нововводителей, съ условіемъ никогда не служить къ поддержанію и возобновленію прежнихъ догматическихъ споровъ (1751 — 1792). Волтеріанское невѣріе и сочиненія Пристлея и Стейнбарта были поводомъ къ учрежденію трехъ періодическихъ премій за лучшее сочиненіе на темы, которыя наз-

начаются примѣнительно къ потребностямъ богословскихъ наукъ: золотая медаль или 250 флор., *изъ капитала, завѣщаннаго Столпомъ*, въ Лейденѣ (1753); медаль, въ 400 флор., установленная *обществомъ Тейлера*, въ Гарлемѣ (1778); медаль того же достоинства, съ прибавочными 200 флор., назначенная *Гаагскимъ обществомъ защиты главнѣйшихъ истинъ христіанской религіи противъ настоящихъ враговъ ея.* Съ самаго начала, эти три общества, особенно послѣднее, не преставали оказывать большія услуги. Въ своихъ сборникахъ они доселѣ продолжаютъ издавать награжденныя преміями сочиненія отличнѣйшихъ отечественныхъ богослововъ и многихъ иностранныхъ ученыхъ, въ разрѣшеніе важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Серьезное вниманіе, которое обращали въ Голландіи, въ половинѣ XVIII-го вѣка, на развитіе богословскихъ наукъ въ Германіи, обнаружилось не только стараніемъ остерегаться столь увлекательной тогда, но раціоналистической методы Земмлера и Стейнбарта, но и пріемомъ, сдѣланнымъ экзегетическимъ началамъ Эрнести,—особенно относительно изученія новаго Завѣта. Шагомъ умѣреннымъ, но твердымъ, шли съ сими началами по пути, проложенному Гроціемъ, стараясь, посредствомъ изъясненія грамматическаго и историческаго, постигнуть точный смыслъ Писанія, и такимъ образомъ опредѣлить то, что оно представляетъ намъ, какъ истину христіанскую. Особенно Абремъ Гронингенскій слѣдовалъ этой методѣ (1775). Фанъ Форестъ († 1833), Буріусъ Брусъ († 1799), те-Ватеръ († 1822), — всѣ въ Лейденѣ, — Херинга въ Утрехтѣ († 1840) — держались того же пути. Эти отличные богословы имѣли многочисленныхъ учениковъ, которые ревностно и съ успѣхомъ шли по данному ими на-

правленію. Настоящіе представители науки продолжают слѣдовать тѣмъ же *царскимъ путемъ*, какъ называютъ его въ Голландіи, при открытіи подлиннаго смысла Писанія и божественной истины, которую оно содержитъ. Въ изъясненіи ветхаго Завѣта отличался Шрёдеръ, въ Гронингенѣ. Онъ былъ подражателемъ Венемы и Алберта Схультенса. Его рукописныя лекціи о псалмахъ и пророкахъ распространялись по Европѣ. Въ Лейденѣ, Генрихъ Албертъ Схультенсъ, внукъ Алберта (✝ 1793), при глубокой учености обладавшій изящнымъ вкусомъ, чтимый многочисленными своими учениками какъ оракулъ и отецъ, озарилъ новою славою имя, уже дважды знаменитое. Образовавшіеся въ школѣ сихъ великихъ мужей, преемники ихъ, особенно ванъ-деръ-Пальмъ, въ Лейденѣ (✝ 1838), Паро, въ Утрехтѣ (✝ 1838), Муттинге, въ Гронингенѣ (✝ 1824), отличались превосходнымъ преподаваніемъ и учеными трудами, плодами коихъ пользуется настоящее поколѣніе.

При такомъ изученіи св. Писанія, догматика болѣе и болѣе выходила изъ предѣловъ старинныхъ системъ церковнаго вѣроученія и обветшалой философіи, и сдѣлалась совершенно библейскою. Голлебекъ въ Лейденѣ (✝ 1796), Шевалье въ Гронингенѣ (✝ 1795), Манже въ Франекерѣ (✝ 1791), Брусъ, Мунтингъ, ванъ-Форетъ, Геринга, Клариссъ (сей послѣдній въ Лейденѣ ✝ 1846) передѣлали совершенно систему богословія. Сохраняя старинныя раздѣленія, они старались опредѣлять и излагать догматы, слѣдуя свободному изслѣдованію Писанія. «Pars Theologiae Christianae Theoretica» Мунтинга (1801), и «Compendium Theologiae Christianae» — ванъ-Форета (1808) представляютъ общее состояніе богословскихъ понятій въ томъ видѣ, какъ оно установилось въ послѣдніе годы

XVIII столѣтія, и какъ оно сохранялось, безъ большихъ пореній, въ продолженіе первыхъ 25 лѣтъ настоящаго столѣтія. Это — умѣренный супранатурализмъ, который охотно усвояетъ себѣ плоды основательнаго изученія библіи, но тщательно избѣгаетъ нѣмецкаго раціонализма и отражаетъ его набѣги на нидерландскую область. Кантовскіе взгляды ванъ-Геверта на авторитетъ разума въ дѣлѣ религіи, опровергнутые Боннетомъ (Bonnet) утрехтскимъ, нашли мало сочувствія. Съ большимъ неудовольствіемъ встрѣчены были сочиненія Регенбогена Франекерскаго († 1814), отличнаго богослова и экзегета, но раціоналиста, не столько въ духѣ Павлюса и Аммона, сколько въ духѣ Бретшнейдера. Напротивъ, апологетическія сочиненія были принимаемы съ любовію, какъ напр. «Защищеніе Библіи»—Гамельсфельда (проф. въ Утрехтѣ † 1812), автора полнаго перевода библіи съ объяснительными замѣчаніями, весьма высоко цѣнимаго въ то время, не смотря на слишкомъ подновленный языкъ перевода. Замѣчательное произведеніе Мунтинга: «исторія человѣчества по библіи» — представляетъ умственное и религіозное развитіе рода человѣческаго, среди постепеннаго ряда божественныхъ откровеній, и старается, посредствомъ археологическихъ изысканій, очень рѣдкихъ до того времени, пролить плодотворный свѣтъ на содержаніе Писанія. Комментаріи дордрехтскаго пастора Босфельда на посланія апостола Павла, вышедшіе въ свѣтъ 1798—1815, открыли на посланія новые взгляды, которые были найдены тогда очень смѣлыми, но заставили подумать. Въ томъ же духѣ Босфельдъ написалъ еще въ 1785 г. «трактатъ о главнѣйшихъ истинахъ христіанской религія,» вышедшій въ свѣтъ только послѣ его смерти, въ 1825 году, и произведшій, даже тогда, силь-

ное впечатлѣніе. Въ 1831 году, пасторъ ванъ-Виллигенъ, замѣчательный уже многими богословскими сочиненіями, изложилъ съ полною свободою «сущность религіи,» такъ какъ оно открывается изъ тщательнаго изслѣдованія ученія Іисуса Христа и Его апостоловъ. Ученая публика одобрила болѣе методу, чѣмъ результаты этого сочиненія. Другъ автора, арнгеймскій пасторъ Донкеръ Курцій, имѣвшій подобно ему большой вѣсъ въ голландской церкви, доказалъ въ 1826 г. существенное различіе между сею методою и нѣмецкимъ раціонализмомъ.

Нравственное богосасвіе, слабо разработываемое доселѣ, не смотря на превосходное сочиненіе Витринги, заняло теперь принадлежащее ему мѣсто въ ряду богословскихъ наукъ. Произведеніе, тогда классическое, нѣмецкаго богослова Рейнгарда послужило важнымъ пособіемъ голландскимъ богословамъ, старавшимся поднять эту науку въ своемъ отечествѣ. Ихъ сочиненія немногочисленны; но профессоры Ро, Кларисъ и другіе тщательно занимались ею на своихъ академическихъ лекціяхъ.

Хотя голландскій народъ сохранилъ нѣкоторую привязанность къ старымъ понятіямъ, онъ принималъ однакожъ безъ большой недовѣрчивости и даже съ возраставшимъ одобреніемъ то, что многіе не переставали называть *Новымъ Свѣтомъ*,—особенно чувствуя, что онъ дѣйствительно животворенъ для сердца и нравственности. Въ этомъ отношеніи, «Аскетика» благочестиваго и краснорѣчиваго дордрехтскаго пастора Киста, изданная въ 1804 г., и читанная съ жадностію, принесла очень много пользы. Тоже было съ весьма популярнымъ сочиненіемъ лейденскаго пастора Эделинга: «Путь Спасенія», напечатаннымъ въ 1818 г. Это—историческое изложеніе божественныхъ откровеній по порядку Писаній, оканчиваю-

щееся ясным изображеніемъ истины в жизни христіанской: просто и удобопонятно изложенные результаты глубокаго вѣдѣнія, говорящіе равно уму и сердцу. Многочисленныя изданія сего сочиненія, быстро расходившіяся, не смотря на объемъ и цѣну книги, свидѣтельствуютъ о его рѣдкомъ успѣхѣ. Эти произведенія Кисте и Эделнага много способствовали установленію и утвержденію религіозныхъ понятій голландскаго народа. Но это довольно общее направленіе умовъ вызвало реакцію. Оставленіе старыхъ понятій возбудило въ нѣкоторыхъ сожалѣніе и жалобы, которыя приняли характеръ болѣе рѣзкій и рѣшительный, нашедши себѣ выраженіе въ поэтѣ Бильдердейкѣ († 1832), — замѣчательномъ человѣкѣ, который подвергается различнымъ сужденіямъ, но у котораго никто не оспариваетъ рѣдкаго генія, обширной образованности и пылкаго, глубокаго ума. Его бесѣды и сочиненія имѣли огромное вліяніе, особенно на извѣстный кругъ молодыхъ людей, восторженныхъ почитателей его генія, изъ коихъ многіе съ прекрасными способностями соединяли высокое положеніе въ обществѣ, и которые, бывъ напитаны его идеями и стараясь распространить ихъ, образовали такъ называемую *школу Бильдердейка*. Этотъ зародышъ оппозиціи не остановилъ впрочемъ общаго движенія умовъ и наукъ. Благодаря ему, появлялись и были принимаемы съ удовольствіемъ многія прекрасныя сочиненія, ученыя и доступныя для народа. Не возможно впрочемъ не остановиться на минуту на Фанъ-деръ-Пальмѣ, проф. лейденскаго университета (1763 — 1838), коего краснорѣчивое слово, какъ оратора и писателя, производившее какъ бы нѣкое магическое дѣйствіе при его жизни, не престаетъ плѣнять читателей и слушателей и по его смерти. Таковы въ особенности «Би-

бліи» по заглавію «для юношества», но по содержанію для всѣхъ возрастовъ, изданная 1810 — 1834 г. фонъ-деръ-Пальмомъ, проф. лейденскаго университета. Это—послѣдовательное изъясненіе на библейскую исторію, въ которомъ всюду видѣнъ отличный оріенталистъ, истолкователь библіи, одаренный тонкимъ чувствомъ прекраснаго и вѣрнымъ тактомъ; языкъ въ немъ — образецъ простоты и благородства. Это произведеніе способствовало распространенію основательнаго знанія всей священной исторіи, особенно же ветхозавѣтной. Важнѣйшій трудъ того же автора — переводъ всей библіи (1819—1825), съ введеніемъ въ каждую книгу, перечнемъ содержанія въ началѣ каждой главы и съ многочисленными объяснительными замѣчаніями, принятый съ большимъ одобреніемъ, продолжаетъ служить важнымъ пособіемъ для богослововъ, и употребляется при домашнемъ богослуженіи во многихъ семействахъ. Проповѣди ванъ-деръ-Пальма,—образецъ нашедшій себѣ многихъ подражателей и весьма достойный этого,—очень много способствовали настоящему цвѣтущему состоянію голландскаго церковнаго краснорѣчія, которое теперь не то, что было сто лѣтъ тому назадъ. Благодаря примѣру, поданному ванъ-деръ-Пальмомъ, проповѣдываніе освободилось отъ прежнихъ своихъ недостатковъ, сухой учености—по содержанію, и небрежности — по формѣ. Изъясненіе Писаній составляетъ его основаніе; наученіе и назиданіе—цѣль. Слогъ проповѣдей вообще простъ и исполненъ достоинства, равно далекъ отъ небрежности и изысканности. Эта счастливая перемѣна началась еще съ 1768 г., вслѣдствіе всѣми почувствованной необходимости, и послѣ нѣкоторыхъ похвальныхъ опытовъ, которые подготовили ее. Вниманіе, которое было тогда обращаемо на аскетиче-

скія сочиненія англичанъ, заставило замѣтить и рекомендовать ихъ методу проповѣданія, особенно методу Доддриджа. Голлельбекъ лейденскій трудился надъ этимъ съ успѣхомъ. Боннетъ утрехтскій пытался снова ввести прежнюю нидерландскую методу, стараясь однакожъ изгнать догматическую сухость, которую споры кокцеянъ и футіанъ привнесли въ нее. Гейлоненъ утрехтскій старался особенно очистить проповѣдь отъ напыщеннаго и высокопарнаго слога, введеннаго слѣпымъ подражаніемъ проповѣдямъ въ родѣ Гервеевыхъ (Hervey). Голландская гомилетика продолжала совершенствоваться. Валлонскіе проповѣдники, которые долгое время стояли выше голландскихъ, увидѣли въ нихъ своихъ соревнователей и даже соперниковъ въ проповѣданіи основательномъ и проникнутомъ духомъ христіанскимъ. Между голландскими проповѣдниками можно бы упомянуть о многихъ, прославившихся своимъ церковнымъ витійствомъ; но, ограничиваясь умершими, считаемъ достаточнымъ назвать, — впрочемъ безъ большаго разбора, — троихъ Клариссовъ (Амстердамъ, Лейденъ, Гронингенъ), фанъ-деръ-Руста (Гарлемъ), Киста (Дордрехтъ), Вейса (Гага), Гернагу (Утрехтъ), Деккеръ-Курція (Арнгеймъ), Боргера (проф. лейд. унив.), сильнаго словомъ, и своею преждевременною смертію причинившаго всеобщую скорбь. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы голландскій языкъ былъ болѣе извѣстенъ въ странахъ иноземныхъ, произведенія голландской церковной каѳедры оказались бы достойными серьезнаго вниманія.

Въ обществахъ меннонитовъ и ремонстрантовъ допускалось болѣе свободы въ ученомъ и народномъ преподаваніи богословія, чѣмъ вообще въ реформатской церкви Голландіи. Посему реформатскіе богословы переходили

иногда въ эти общества, чтобы пользоваться свободою мысли и слова, въ которой отказывали имъ въ тѣхъ церквахъ, къ которымъ они принадлежали. Эти общества имѣли благотворное вліяніе на развитіе церковнаго витійства. Гульсгофъ — у меннонитовъ (+ 1795) и Стюартъ — у ремонстрантовъ (+ 1826) пріобрѣли заслуженную славу своею ученостію и особенно даромъ проповѣдничества. Общество ремонстрантовъ дѣлало въ 1795 г. реформатскимъ синодамъ предложеніе о сближеніи или даже соединеніи двухъ отдѣльныхъ обществъ; но оно было отвергнуто, частію по политическимъ обстоятельствамъ того времени. Въ лютеранскомъ обществѣ возникли распри въ слѣдствіе сопротивленія нѣкоторыхъ перенесеннымъ изъ нѣмецкихъ университетовъ свободнымъ мыслямъ, иногда слишкомъ разногласнымъ съ принятыми понятіями. Растравленныя антипатіями политическими, эти распри заставили въ 1791 г. значительное число лютеранъ отдѣлиться отъ господствующей церкви и образовать отдѣльное общество, подъ именемъ *возстановленной лютеранской церкви*.

Мы дошли до *временъ настоящихъ*. Не ограничиваясь одними движеніями нидерландскаго богословія, представимъ здѣсь краткій очеркъ организаціи нидерландской церкви и нѣкоторыя подробности, какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ разсужденіи жизни религіозной.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

И НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своимъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ

обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для Насъ завѣщаніе

предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ россійскому дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего дворянскаго общества каждой губерніи, дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ главномъ по сему дѣлу комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственость опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго кростьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многочисленности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ мировыхъ посредниковъ, и образовать изъ нихъ уѣздные мировые съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно во всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіи двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ лю-

дямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіяся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится бо́льшая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на буду-

щее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіянскому, *всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII; 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное благороднымъ дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся

сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу господина министра иностранныхъ дѣлъ, въ 17-й день января 1861 года, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать начальнику духовной миссіи нашей въ Пекинѣ, архимандриту *Гурію* панагію въ шестьсотъ рублей.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода 13-го Февраля положено: Витебскаго 1-й гильдіи купца *Димитрія Ки-*

селева опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части въ полоцкую духовную семинарію.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода $\frac{\text{18-го Января}}{\text{13-го Февраля}}$ 1861 года положено: московскому и богородскому 3-й гильдіи купцамъ Макару *Соколову* и Льву *Курочкину*, за усердіе ихъ къ храму Божію и сдѣланныя ими въ пользу церквей пожертвованія преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Въ слѣдствіе ходатайства преосвященнаго иркутскаго, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣленіемъ своимъ $\frac{\text{18-го Января}}{\text{13-го Февраля}}$ 1861 года положилъ преподать благословеніе иркутскому 3-й гильдіи купцу Николаю *Кончіоти*, за сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ учениковъ тамошняго духовнаго уѣзднаго училища, на сумму 269 руб. серебромъ.

— Согласно опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода отъ 14-го декабря 1860 года, господинъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода входилъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ утвержденіи при с. петербургскомъ александро-невскомъ духовномъ училищѣ должности эконома и смотрителя зданій, съ отнесеніемъ оной по расписанію должностей къ X классу, по пенсіи къ VIII, и по мундиру къ X разрядамъ и съ назначеніемъ содержанія по 300 руб. сер. въ годъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, на что въ 5-й день января 1861 года и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

— Его Императорское Величество въ присутствіи своемъ въ С.-Петебургѣ февраля 18-го дня 1861 года, соизволилъ отдать по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія слѣдующій приказъ:

Оберъ-контролеръ хозяйственнаго управленія при Свя-

тѣйшемъ Сvнодѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Польновъ*, увольняется отъ настоящей должности съ оставленіемъ при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Сvнода и съ зачисленіемъ относительно правъ службы по V-му классу.

— Избранный въ почетные блюстители полоцкой семинаріи по хозяйственной части, витебскій 1-й гильдіи купецъ Димитрій *Киселевъ* пожертвовалъ для улучшенія ученической кладовой 200 рублей и на украшеніе семинарской церкви разныхъ церковныхъ вещей на 74 руб. серебромъ.

— Въ приказѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода отъ 31-го декабря 1860 года, изображено:

Указами Правительствующаго Сената 28-го ноября 1860 года произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники:

Профессоры семинарій тамбовской—Павелъ *Остроумовъ* (съ 14 августа 1846 г.), тверской—Никаноръ *Авсеневъ* (съ 22 Ноября 1859 г.) и врачь и преподаватель медицины въ волынской семинаріи Александръ *Нѣмекша* (съ 10 мая 1855 г.)

Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники:

Врачи и преподаватели медицины въ семинаріяхъ: калужской – Алексѣй *Добронравовъ* (съ 16 февраля 1859 г.); костромской—Левъ *Даниловъ* (съ 15 Мая 1859 г.); учитель калужской семинаріи Василій *Волковъ* (съ 30 сентября 1842 г.), и инспекторъ и учитель кіево-подольскаго духовнаго училища Иванъ *Гаевскій* (съ 1 января 1859 г.).

Изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры:

Врачъ и преподаватель медицины въ казанской семинаріи Андрей *Добрынинъ* (съ 18 сентября 1857 г.), учители семинарій: вологодской—Василій *Изюмовъ* и Иванъ *Голицынъ*, московской—Алексѣй *Бажановъ* и Степанъ *Си-*

ворцевъ (всѣ четверо съ 9 декабря 1856 г.); духовныхъ училищъ: данковскаго—инспекторъ и учитель Филиппъ *Остроуховъ* (съ 24 августа 1850 г.); учители: тверскаго—Козьма *Чекалкинъ* (съ 9 декабря 1856 г.), 2-го тамбовскаго —(старшій) Иванъ *Архангельскій* (съ 20 ноября 1859 г.).

Изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники:

Учитель тобольскаго духовнаго училища Θедоръ *Карповъ* (съ 12 октября 1857 г.).

Изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари:

Учители духовныхъ училищъ: елисаветградскаго — (старшій) Иванъ *Загорскій* (съ 28 августа 1858 г.), и сызранскаго Гавріилъ *Ласточкинъ* (съ 26 іюля 1859 г.).

Изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари:

Старшій учитель шацкаго духовнаго училища Димитрій *Алмазовъ* (съ 15 октября 1853 года г.).

Утверждены въ чинахъ: титулярнаго совѣтника:

Учитель тобольской семинаріи кандидатъ Македонъ *Емельяновъ* (съ 28 іюля 1849 г.).

Коллежскаго секретаря:

Инспекторъ и старшій учитель глазовскаго духовнаго училища Василій *Ольшанскій*, по степени кандидата казанской духовной академіи (12 декабря 1856 г.).

Коллежскаго регистратора:

Учитель калужскаго духовнаго училища Василій *Воскресенскій*, по степени студента тамошней семинаріи (съ 1 марта 1846 года); врачъ и преподователь медицины въ харьковской семинаріи лекарь *Добровольскій*, сверхъ настоящихъ должностей,—безмезднымъ врачемъ при тамошнемъ духовномъ училищѣ (съ 13 декабря 1860 г.); архиваріусъ литовской консисторіи коллежскій секретарь

[illegible]ловскій—смотрителемъ дома виленскаго училища дѣвицъ духовнаго званія (съ 30 ноября 1860 г.); служащій въ тверской губернской строительной и дорожной коммиссіи титулярный совѣтникъ *Малининъ*—казначеемъ конторы московской синодальной типографіи (съ 15 декабря 1860 г.); студентъ московской семинаріи *Сахаровъ*—помощникомъ корректора въ московскую синодальную типографію (съ 8 декабря 1860 года).

Увольняются отъ службы, по прошеніямъ:

Врачъ харьковскаго духовнаго училища коллежскій совѣтникъ *Вилькомирскій* (съ 13 декабря 1860 года). За болѣзнію—казначей конторы московской синодальной типографіи коллежскій ассесоръ *Андреевъ* (съ 15-го декабря 1860).

По хозяйственному управленію при Святѣйшемъ Сѵнодѣ:

Опредѣляется:

Отставной коллежскій ассесоръ *Алексѣевъ* — старшимъ столоначальникомъ (съ 8 декабря 1860 года).

Назначаются:

Младшій контролеръ надворный совѣтникъ *Савиновъ*—старшимъ контролеромъ, старшій помощникъ контролера коллежскій ассесоръ *Виноградовъ*—младшимъ контролеромъ; помощникъ секретаря при директорѣ титулярный совѣтникъ *Дашковъ*—старшимъ помощникомъ контролера. (Всѣ трое съ 8 Декабря 1860 года); младшій помощникъ контролера губернскій секретарь *Вихвелинъ* — помощникомъ секретаря при директорѣ (съ 22 декабря 1860 года).

По канцеляріи Святѣйшаго Сѵнода:

Опредѣляется:

Кандидатъ императорскаго московскаго университета

Покровскій — помощникомъ секретаря (съ 28 декабря 1860 года).

Назначаются:

Оберъ секретарь статскій совѣтникъ *Биливинъ*—начальникомъ синодальнаго архива, съ завѣдываніемъ экспедиціею управляющаго; начальникъ синодальнаго архива коллежскій ассесоръ *Цейдлеръ*—редакторомъ, редакторъ коллежскій ассесоръ *Колосовскій* — оберъ-секретаремъ. (Всѣ трое по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода 16 декабря 1860 года).

Увольняются отъ службы, по прошенію, за болѣзнію:

Помощникъ секретаря коллежскій секретарь *Говорковъ* (съ 19 декабря 1860 г.).

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 15-го февраля 1861 года положено: почетнымъ блюстителямъ по хозяйственной части, при пензенской семинаріи, инсарскому второй гильдіи купцу, Петру *Бѣлоярцеву*, и при пензенскомъ училищѣ—почетному гражданину, Алексѣю Сергѣеву, пожертвовавшимъ по 150 руб. сер. каждый на исправленіе ветхостей въ семинарской больницѣ, объявить благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу господина министра иностранныхъ дѣлъ, въ 10-й день декабря 1860 года Высочайше повелѣть соизволилъ: въ уваженіе особыхъ заслугъ протоіерея посольской церкви въ Парижѣ Іосифа *Васильева* по устройству православнаго храма въ Парижѣ увеличить содержаніе его до 3000 рублей сер. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы добавляемые къ содержанію 1095 руб. сер. въ годъ были назначены лично о. Васильеву безъ увеличенія оклада занимаемаго имъ мѣста.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода $\frac{\text{22-го января}}{\text{13-го февраля}}$ 1861 года положено преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя въ пользу церквей пожертвованія нижеслѣдующимъ лицамъ: *по московской епархіи:* купеческой женѣ Татьянѣ Зотовой; звенигородскаго уѣзда, покровской, села Перхушкова церкви церковному старостѣ крестьянину Абраму Гаврилову; броницкаго уѣзда, крестовоздвиженской, въ селѣ Татаринцовѣ, церкви священнику Алексѣю Львову; преображенской, села Спасскаго, что на Нудолѣ, церкви церковному старостѣ крестьянину Николаю Варѳоломееву Лебедеву; церковному старостѣ, московской знаменской за петровскими воротами церкви, московскому 3-й гильдіи купцу Гавріилу Борисову; *по тобольской епархіи:* прихожанамъ: градо-ялуторовскаго срѣтенскаго собора, 3-й гильдіи купцу Ивану Семенову; градо-петропавловской покровской церкви уволенному отъ службы казаку Петру Зорину; тюменскому 2-й гильдіи купцу Ивану Рѣтникову, и тюменскому 3-й гильдіи купцу Ѳедору Грушевскому; тобольскому мѣщанину Михаилу Попову; генералъ-губернатору западной сибири Гафорду; крестьянину тобольскаго округа, деньщиковской волости, деревни Чембакчиной Василью Пуртову; омскаго вѣдомства отставному хорунжему Борису Бутакову; курганскому 2-й гильдіи купцу Семену Березину; ялуторовскому 3-й гильдіи купцу Николаю Балакшину; березовскаго округа отставному хорунжему Андрею Тупалеву; омскому земскому исправнику Ивану Куликову; градотарской параскевіевской церкви церковному старостѣ купцу Ивану Тимоѳѣеву; прихожанину градо-ялуторовской вознесенской церкви надворному совѣтнику Николаю Попову; тюменскаго уѣзда деревни Зырянской крестьянамъ Василію

и Димитрію Пятковымъ; елабужскому купцу Стефану Емельянову, отставному урядвику Александру Зеленину; отставному урядвику Новоникольской станицы Егору Иконникову; тобольскому купцу Николаю Неволину; сургутскому мѣщанину Николаю Телюцкому; семипалатинскому 2-й гильдіи купцу Петру Токареву, ишимскаго вѣдомства деревни Оськиной крестьянину Якову Мельникову, тюменскому 1-й гильдіи купцу Алексѣю Гласкову, сургутскому 3-й гильдіи купцу Стефану Суханову, тобольскому 3-й гильдіи купцу Николаю Тарунину, тобольскому мѣщанину Василью Жарникову, титулярному совѣтнику Діонисію Шелуткову, отставному унтеръ-офицеру Алексѣю Плеханову, омскаго вѣдомства Николаевской станицы казаку Ивану Третьякову, омскаго воскресенскаго собора церковному старостѣ купцу Ивану Перфильеву, сургутскому мѣщанину Григорью Телюцкому; — *по рязанской епархіи:* штабъ-ротмистру Александру Лихареву, Спасскаго уѣзда села Константинова церковному старостѣ крестьянину Вонифатію Прохорову; — *по кишиневской епархіи:* содержательницамъ въ г. Кишиневѣ образцоваго женскаго пансіона дѣвицамъ Анастасіи и Екатеринѣ Ризовымъ; коллежскому регистратору Іосифу Молчанову, дворянину Герасиму Фонзгуры, вдовѣ генералъ-маіора Маріи Марковой; — *по нижегородской епархіи:* нижегородскому 3-й гильдіи купцу Ивану Комарову, купцу Дмитрію Усову, церковному старостѣ ярморочнаго собора московскому купцу Петру Боткину, помѣщику Александру Стобеусу: — *по полоцкой епархіи:* церковному старостѣ витебской петропавловской церкви мѣщанину Ивану Коткову; — *по орловской епархіи:* броницкому 2-й гильдіи купцу Павлу Хоботову, чиновнику Ивану Винокорову 1-му, коллежской совѣтницѣ Варварѣ Юрасовской;

церковнымъ старостамъ: сѣвской кладбищенской варваринской церкви, сѣвскому 3-й гильдіи купцу Никифору Зайцову, брянской градской смоленской церкви, брянскому 3-й гильдіи купцу Николаю Чурилину, брянской воскресной церкви, брянскому мѣщанину Василью Черепнину, сѣвскаго уѣзда села Радоища, крестьянину Матвѣю Жукову, сѣвскаго уѣзда села Шарова крестьянину Ефрему Аношенкову;— *по пермской епархіи*: енисейской губерніи г. Красноярска купцу Василью Власьевскому; — *по томской епархіи*: церковному старостѣ канскому 2 й гильдіи купцу Игнатію Некрасову; — *по саратовской епархіи*: саратовскаго уѣзда села Вязовки крестьянину Тимоѳѣю Смирнову; — *по самарской епархіи:* церковному старостѣ самарскому 1-й гильдіи купцу Антону Шихобалову; — *по вѣдомству главнаго священника армій и флотовъ*: командиру арестантской № 20 роты капитану Никитину.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СТРАННИКЪ

ДУХОВНЫЙ, УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ

Священникомъ, М. Б. Василіемъ Гречулевичемъ.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА «СТРАННИКА» ЗА 1861 ГОДЪ.

(За январь, февраль и мартъ).

Отдѣлъ I, повѣствовательный.

Краткій очеркъ жизни преосвященнаго Евфимія, епископа имеретинскаго. *Священника Георгія Хелидзе.* Протоіерей Василій Іоанновичъ Слѣсаревъ. *Николая Рамановскаго.* Новгородскій митрополитъ Іовъ, жизнь его и переписка съ разными лицами. *Иларіона Чистовича.* Іеросхимонахъ Алексій (изъ записокъ келейника его, іеромонаха Іоны). *Князя Дмитрія Урусова.* Леонтъ Михайловичъ Сушковъ. *Статскаго совѣтника Петра Иванова.* Опасно шутить грѣхомъ. *Протоіерея Матвея Шаревскаго.*

Отдѣлъ II, учено-литературный.

Слово на новый годъ. *Преосвященнаго Гаврiила, епископа юрiйскаго.* Слово на новый годъ. *Протоіерея Василія Нордова.* Слово въ недѣлю предъ просвѣщеніемъ. *Преосв. архіепископа Анатолія.* Письмо священника къ молокану о чудотворныхъ иконахъ. *Протоіерея Евфимія Остромысленскаго.* Молитва дитяти за всѣхъ, на канунѣ новаго года (стихотвореніе со шведскако, изъ Топеліуса) *В. Головина.* Напутствіе (стихотвореніе). *А. Стурдзы* Цѣль жизни (стихотвореніе). *В. Бажанова.* Законность присяги. *Капитона Бѣляевскаго.* Поученіе на день срѣтенія Господня. *Прот. Григорія Дебольскаго.* Слово въ день срѣтенія Господня. *Свящ. Александра Гумилевскаго.* Слово въ недѣлю мясопустную. *Свящ. Θеодосія Левицковскаго.* Ангелъ смерти (стихотвореніе со шведскаго, изъ Валлина). *В. Головина.* Слово въ недѣлю сыропустную. *Соборнаго іеромонаха Аθанасія.* Наставленія духовнымъ дѣтямъ. *Архимандрита Аѳанита.* Слово въ недѣлю третью великаго поста, крестопоклонную. *Соборнаго іеромонаха Аθанасія.* Поученіе по прочтеніи молитвъ къ исповѣди. *Священника Александра Пантелеймонова.* Авель (со шведскаго, изъ Карлена). *В. Головина.* Два Ангела. *В. Бажанова.*

Отдѣлъ III, библіографическій.

Нѣсколько статей о св. апостолѣ Павлѣ, архимандрита Ѳеодора.—О православіи въ отношеніи къ современности въ разныхъ статьяхъ. Его-же. Изданіе «Странника». *Священника Павла Матвѣевскаго.* Изъ Ecclesiastic and Theologian, за августъ 1860, по поводу недавно вышедшей брошюры подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о восточномъ вопросѣ» *Протоіерея Евгенія Попова.* Начертаніе житія, подвиговъ и изреченій святителя Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца. *Михаила Кояловича.* Философскій лексиконъ. *Профессора Карпова.* Изъ Literary churchman a critical Record of religions publications», по поводу изданія въ Аѳинахъ перваго тома Фотіева номоканона, *Протоіерея Евгенія Попова.* Памятная книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ. Письма о Хрисіанской жизни, выпуски 1-й (изд. 2), 2-й, 3-й и 4-й. *Священника Павла Матвѣевскаго.* О необходимости священства противъ безпоповцевъ. Сочиненіе баккалавра с.-петербургской духовной академіи, Андрея Предтеченскаго.—Зеркало для старообрядцевъ, непокоряющихся православной Церкви, или ясное и подробное описаніе старообрядческихъ заблужденій съ опроверженіемъ оныхъ и воззваніе ихъ къ истинной Христовой Церкви. Сочиненіе новороссійской епархіи, Бѣлорусской губерніи, Бѣлицкаго повѣта, успенскаго старообрядскаго монастыря настоятеля іеромонаха Сергія, бывшаго строителемъ верхняго успенскаго монастыря, что на Большомъ Иргизѣ. Изданіе второе, иждивеніемъ московскаго купца Владиміра Андреевича Сапелкина (съ литографированнымъ его портретомъ). Слова къ паствѣ вологодской, говоренныя преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ харьковскимъ и Ахтырскимъ, во время управленія вологодскою паствою. Изданіе второе.—*Священника Михаила Архангельскаго.*

Отдѣлъ IV, современная хроника.

Назначеніе на архіерейскую каѳедру.—Распоряженія по духовно-учебному вѣдомству.—17-е декабря 1860 г. въ Смольномъ Монастырѣ. Открытіе воскресной школы при сызранскомъ уѣздномъ училищѣ, для дѣтей ремесленнаго класса. Рѣчь при открытіи въ г. Курскѣ дѣтскаго пріюта для сирыхъ и бѣдныхъ дѣтей разныхъ сословій.—Училище для дѣвицъ всѣхъ сословій въ г. Ряжскѣ.—Училище въ селѣ Кипчаковѣ, Ряз. губ. —Веркольская обитель преп. Артемія.—Освященіе новаго храма въ Перекопской станицѣ на Дону.—Миссіонерскія извѣстія (изъ письма преос. Петра, епископа новоархангельскаго)—Избраніе патріарха на константинопольскій престолъ. — Патріаршее служеніе.—Некрологъ—(январь).

Рѣчь сунодальнаго члена, высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по рукоположенія преосв. Сергія, епископа курскаго и бѣлгородскаго, 1 января 1861 года.—Распоряженія по духовно-учебному вѣдомству.—Назначеніе новаго срока для представленія сочиненій на премін покойнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Григорія.—Распоряженіе на счетъ распространенія книгъ, печатаемыхъ Св. Сунодомъ.— Разрѣшеніе изданія Черниговскихъ, Тамбовскихъ и Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. — Учрежденіе Верхнетеченской общины.—Открытіе женскаго училища въ Кондушскомъ приходѣ, Олон. губ.—Пожертвованіе въ пользу женскаго монастыря. — Пожертвованія въ пользу духовныхъ училищъ. —Предоставленіе почетнымъ блюстителямъ духовно-учебныхъ заведеній правъ государственной службы.—Распоряженіе о школахъ въ казенныхъ селеніяхъ.—Разныя пожертвованія въ пользу восточныхъ христіанъ, въ Іерусалимъ, на Аѳонъ и проч. (февраль).

Сообщеніе Св. Суноду о новомъ патріархѣ константинопольскомъ.—Высочайшій рескриптъ, по случаю устройства священной утвари для церкви могилевской епархіи. — Рѣчь высокопреосвященнѣйшаго митрополита Арсенія, по случаю годичнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго митрополита кіевскаго и галицкаго Филарета.— Рѣчь при отбытіи преосвященнѣйшаго Евсевія, архіеп. иркутскаго, на каѳедру могилевской епархіи. — Рѣчь при первомъ вступленіи преосв. Пароенія, епископа иркутскаго и нерчинскаго, въ иркутскій архіерейскій домъ. Распоряженія по духовно-учебному вѣдомству. — Учрежденіе при александроневскомъ училищѣ должности эконома и смотрителя зданій.—Пожетвованія въ пользу духовно-учебныхъ заведеній.— Возведеніе успенской женской общины пензенской епархіи на степень монастыря.—Награжденіе начальника Пекинской миссіи.—Награжденіе за содѣйствіе къ обращенію язычниковъ. — Возведеніе въ санъ протоіерея за построеніе каменной церкви.— Приношенія въ пользу церкви.—Поученіе при послѣднемъ служеніи въ сельской церкви запечатанной по ветхости, 20 января 1861 года. Воскресная школа въ г. Ряжскѣ, и школы грамотности въ подгородныхъ г. Ряжска слободахъ Фофоновой, Захупотской и Стрѣлецкой.—Открытіе школы въ селѣ Старой-Вербкѣ, Подольской губерніи.—Разныя пожертвованія въ пользу восточныхъ христіанъ, въ Іерусалимъ, на Аѳонъ и пр. — Замѣчательное пожертвованіе.—(Мартъ).

Отдѣлъ V, смѣсь:

Зимній вечеръ, картина изъ семейнаго быта сельскаго священника. *Студента Григорія Полисадова.* О необходимомъ

условіи истиннаго образованія русскаго народа (по поводу открытія воскресныхъ школъ).—*Свящ. Леонида Петрова.* Утѣшеніе матери въ тяжкой разлукѣ съ дѣтьми, *Елисаветы Балдауровой.* Памятный балъ въ воскресенье передъ масляницей (истинное происшествіе). *Баронессы Маріи Боде.* О распространеніи трезвости въ народѣ, какъ о долгѣ пастырей. *Священника Іоанна Янушевскаго.* Придорожные кресты. *Свящ. Георгія. Польскаго.*

Приложеніе:

Словарь къ евангельскому повѣствованію. При этомъ томѣ приложенъ *портретъ* преосвященнаго митрополита Іова, къ статьѣ о немъ, помѣщенной въ I отдѣлѣ февральской книжки.

Подписка на дух. журналъ «Странникъ» за 1861 годъ принимается для жителей г. С.-Петербурга преимущественно въ конторѣ сего журнала, при типографіи. принадлежащей редакціи, у Владимірской церкви, въ домѣ барона Фредерикса № 15. Г. г. иногородные благоволятъ надписывать свои требованія исключительно такъ: *Въ редакцію дух. журнала «Странникъ» въ С.-Петербургъ.* Подписавшіеся на журналъ по выходѣ въ свѣтъ этой мартовской и даже слѣдующей апрѣльской книжки, получатъ вмѣстѣ съ нею и первыя книжки, начиная съ январской. Подписная цѣна за годовое изданіе (12 книжекъ): *3 р. 50 к. с.*, а съ доставкою на домъ, или пересылкою во всѣ города и почтовыя конторы Россіи: *4. р. с.*

По этой же цѣнѣ можно еще получать: «Странникъ» и за 1860 г., но позднѣйшіе г. г. подписчики получатъ сперва 9 книжекъ, т. е. съ іюля до декабря включительно, и первыя три —за январь, февраль, отпечатанныя третьимъ изданіемъ и за мартъ, отпечатанную 2-мъ изданіемъ; остальныя-же три (апрѣль, май и іюнь) будутъ высланы по отпечатаніи ихъ вновь вторымъ изданіемъ, одна за другою.

Редакторъ и издатель: законоучитель Императорскаго Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, священникъ М. Б. *Василій Гречулевичъ.*

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,»

ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОРАБЛЕВА И СИРЯКОВА,

по Садовой улицѣ, противъ Гостинаго двора, въ д. Балабина

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

О третьей книгѣ Эздры. Опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ. *Михаила Шаврова.* СПб. 1861 г. 75 к., вѣс. за 1 ф.

О Молитвѣ за умершихъ. Протоіерея Казанскаго собора *Тимоѳея Никольскаго.* Изданіе четвертое. Спб. 1861 г. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Жизнь Іоанна, св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня. Спб. 1860 года. 60 к., вѣс. за 1 ф.

Сказанія о жизни Серафима іеромонаха, пустынника и затворника Саровской Пустыни, съ присовокупленіемъ очерка жизни первоначальницы Дивѣевской женской обители, Агафіи Семеновны Мельгуновой. Изданіе 2-е. Спб. 1856 г. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Поучительный Гласъ Пастыря въ храмѣ Божіемъ. *Е. П. С.* Спб. 1861 года. 75 к., вѣс. за 1 ф.

Обзоръ Исторіи христіанской Вѣры отъ Рождества Христа Спасителя до временъ просвѣтителя русской земли св. Равноапостольнаго Великаго князя Владиміра, а также ересеначальниковъ и гонителей христіанства отъ первыхъ вѣковъ до XIX-го. С.-пб. 1861 г. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Разборъ Римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи священнаго Писанія и Преданія первыхъ вѣковъ христіанства до перваго вселенскаго собора. Архимандрита *Никанора,* ректора рижской духовной семинаріи. 2 выпуска. Спб. 1858 г. 2 р., вѣс. за 3 ф.

Объ исповѣди и приготовленіи къ ней. Протоіерея *А Знаменскаго.* Спб. 1859 г. 30 к., вѣс. за 1 ф.

Бесѣды о молитвѣ Господней. Спб. 1860 года. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Размышленія кающагося грѣшника о Страшномъ Судѣ, или о второмъ Пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю и всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ. Сочин. *А. Славина.* Изданіе второе, дополненное. Спб. 1861 г. 25 к., вѣс. за 1 ф.

Страсти Христовы и Святая Великая Страстная седмица. Соч. *Славина.* Спб. 1861 г. 25 к., вѣс. за 1 ф.

Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Цѣна за 4 тома въ годъ 12 руб., съ пересылкою 13 р. 50 к., при подпискѣ томъ 1-й выдается, а на остальные билетъ.

О современномъ военномъ искусствѣ. Соч. генеральнаго штаба полковника *Астафьева.* 2 части, съ планами. Спб. 1861 г. 5 руб. 50 к., вѣс. за 4 ф.—Отдѣльно часть 2-я 4 р., вѣс. за 2 ф.

Полевая служба войскъ, или предначертаніе правилъ рекрутской школы, ротнаго, батальоннаго и полковаго ученія до расположенія для боя дивизіи включительно. Состав. Капитанъ *Кеннигъ*, на основаніи идей, изложенныхъ въ сочиненіи о современномъ военномъ искуствѣ полковникомъ *Астафьевымъ.* Съ планомъ. Спб. 1860 г. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Что такое военное хозяйство. (По поводу книги подполковника Аничкова «военное хозяйство»), Соч....ва Спб. 1861 г. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Переписка старика съ свѣтскою дѣвушкою. Соч. А. К....го. Спб. 1859 г. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Географическій Атласъ всѣхъ частей свѣта, составленный *Шилеромъ.* Переведенъ съ нѣмецкаго и сверенъ съ новѣйшими курсами географіи, принятыми въ руководство въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, *Андреемъ Чайскимъ.* Второе изданіе, вновь выгравированное *на мѣди*, исправленное и дополненное, Кораблева и Сирякова. Атласъ этотъ состоитъ изъ 33 картъ, напечатанныхъ на лучшей бумагѣ и тщательно иллюминованный. Спб. 1860 года. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Иногородныя особы благоволятъ обращаться съ требованіями въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Кораблева и Сирякова.

III.

РЕФОРМАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(Окончаніе).

До 1795 г., когда произошла въ Голландіи политическая революція, реформатская церковь соединенныхъ провинцій была церковію господствующею, церковію государственною, національною. Въ сіе время этотъ характеръ и это преимущество были у нея отняты. Она не столько жалѣла объ этой потерѣ, сколько безпокоилась о непрочности своего положенія общественнаго и невѣрности матеріальныхъ средствъ къ существованію, — по причинѣ безпрестанныхъ политическихъ перемѣнъ, начавшихся съ того времени и продолжавшихся около двадцати лѣтъ. Въ 1814 и 1815 г. политическое состояніе Голландіи было преобразовано на основаніяхъ, болѣе сообразныхъ съ идеями тогдашняго времени, чѣмъ съ прежнею ея исторіею. Реформатская церковь не получила прежнихъ своихъ правъ церкви господствующей, и не искала ихъ. Она довольствовалась занять мѣсто на ряду съ другими вѣроисповѣданіями, которымъ основный законъ предоставлялъ одинаковую свободу и обѣщалъ одинаковое покровительство; и если сопротивлялась попыткамъ преобладанія со стороны другихъ вѣроисповѣданій, за то никогда не старалась воспользоваться своимъ численнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, чтобы выйти изъ со-

стоянія совершеннаго равенства. Между тѣмъ отношенія къ государству были уже не тѣ. Церковное устройство, опредѣленное дордрехтскимъ соборомъ въ 1618 и 1619 году, не было пересматриваемо съ того времени. Сверхъ того оно никогда не было утверждено государствомъ, ни совершенно приведено въ исполненіе. Итакъ необходимо было пересмотрѣть или даже преобразовать церковное устройство. Къ этому приступлено было въ 1816 году.

Нѣсколько словъ о прежнемъ порядкѣ вещей помогутъ вѣрнѣе оцѣнить тотъ, который существуетъ нынѣ. Прежняя церковная администрація въ Голландіи мало отличалась отъ администраціи французской реформатской церкви, до 1685 г. Всякая мѣстная церковь имѣла свою *консисторію*, состоявшую изъ пасторовъ, старѣйшинъ и діаконовъ. Консисторіи сами избирали своихъ членовъ, представляя ихъ прихожанамъ. Извѣстное число сосѣдственныхъ церквей, отъ двадцати до сорока, составляли такъ называемый *классъ*. Всѣ пасторы и нѣкоторые изъ старѣйшинъ сихъ церквей составляли *классное собраніе*. Это собраніе было первымъ начальствомъ въ классѣ, имѣло въ рукахъ обширную власть, особенно въ дѣлахъ, относящихся къ служенію пасторовъ. Классныя собранія каждой изъ провинцій, составлявшихъ голландскую республику и совершенно независимыхъ другъ отъ друга, составляли чрезъ своихъ депутатовъ *провинціальный синодъ*. Эти провинціальные синоды должны были, по закону, чрезъ каждые два года, составлять чрезъ своихъ депутатовъ *общій* или *національный соборъ*; но разныя обстоятельства, политическія и церковныя, препятствовали исполненію этого постановленія. Послѣ дордрехтскаго собора (1618 — 1619) не было ни одного общаго

или національнаго собора. Всѣ другія собранія не переставали совершаться съ большою регулярностію; и синоды провинціальные старались поддерживать между собою общеніе, присылая взаимно депутатовъ, которымъ усвоялось право засѣданія.

Организація 1816 года измѣнила довольно чувствительно этотъ порядокъ вещей. Она была дѣломъ правительства, которое, хотя совѣтовалось съ предстоятелями церкви, слѣдовало однакожъ, прежде всего, своимъ собственнымъ видамъ, и ввело самовластно новый церковный регламентъ, заставивъ замолкнуть возраженія, поднявшіяся со всѣхъ сторонъ. *Консисторій* не коснулись. Оставили *классы* и *классныя собранія*; но ихъ значеніе, нѣкогда столь важное, ограничилось тѣмъ, что они составляли списокъ шести кандидатовъ, которыхъ предлагали для избранія каждаго члена *классной дирекціи*, имѣвшей, среднимъ числомъ, шесть или семь членовъ и правившей дѣлами класса. Изъ сихъ шести членовъ *провинціальная дирекція* избирала трехъ, между коими король дѣлалъ свой выборъ. Эти провинціальныя дирекціи замѣнили прежніе провинціальные синоды и состояли изъ одного пастора отъ каждаго класса, избраннаго королемъ изъ числа шести, представленныхъ классною дирекціею и сокращенныхъ до трехъ провинціальною дирекціею. Каждый пасторъ — членъ дирекціи провинціальной былъ по праву президентомъ дирекціи своего класса. Члены сихъ двухъ дирекцій засѣдали въ продолженіи трехъ лѣтъ, могли быть снова избираемы и большею частію избирались. Между членами этихъ дирекцій былъ одинъ старѣйшина, который избирался только на одинъ годъ и не могъ быть снова избранъ прямо послѣ того на другой. Провинціальныя дирекціи назначали ежегодно

каждая по одному депутату; сіи депутаты, собранные вмѣстѣ, составляли *общій синодъ*.

Этотъ общій регламентъ могъ быть измѣненъ только королемъ, съ согласія синода. Регламенты частные, выходящіе отъ синода, чтобы имѣть силу закона, долженствовали быть утверждены королемъ, а синодальныя постановленія меньшей важности — прописаны министромъ вѣроисповѣданій. Какъ ни благонамѣренно было правительство по отношенію къ церкви (и оно доказало это своими дѣйствіями),—это вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церкви показалось слишкомъ несправедливымъ и возбудило неудовольствіе и ропотъ, которые, особенно послѣ 1830 года, дѣлались сильнѣе и сильнѣе. Правительство само признало свою несправедливость, дало мало по малу церкви больше свободы и не противилось пересмотру церковнаго регламента синодомъ. Этотъ пересмотръ, начатый до 1848 года, въ слѣдствіе событій того времени, получилъ большій объемъ и большую важность. Многія духовныя лица были того мнѣнія, что, освобождая церковное управленіе отъ преобладающаго вліянія на него правительства, надлежало въ тоже время перемѣнить въ немъ олигархическій его характеръ, который слишкомъ отдѣлялъ его отъ народа и отъ консисторій, и сблизить его съ послѣдними, такъ чтобы оно находило въ нихъ свое основаніе и свою силу. Консисторіи, составленныя изъ членовъ, назначенныхъ приходами; классное собраніе — изъ депутатовъ, избранныхъ консисторіями, съ правомъ высшей церковной власти въ классѣ, и съ комитетомъ, который бы былъ его представителемъ, когда оно не созвано; классныя собранія, составляющія чрезъ своихъ депутатовъ *общій синодъ*, — синодъ достаточно многочисленный, съ комитетомъ, ко-

торый бы представлялъ его въ промежутокъ годичныхъ его засѣданій: — вотъ основанія новаго церковнаго регламента, который былъ разсматриваемъ и принятъ временно синодомъ въ 1848 г., но устраненъ, по окончательномъ разсмотрѣніи онаго въ слѣдующемъ году. Церковная организація, которая была, наконецъ, введена, сохраняетъ инстанціи, установленныя въ 1816 г.; но классному собранію предоставлено не право управленія, а только право разсужденія и предварительнаго голоса. Оно назначаетъ членовъ дирекцій классной и провинціальной. Представленіе дирекціями шести и трехъ кандидатовъ и избраніе одного изъ нихъ королемъ — отмѣнено. Провинціальныя дирекціи назначаютъ, по прежнему, депутатовъ въ синодъ. Число старѣйшинъ, засѣдающихъ во всѣхъ сихъ собраніяхъ, увеличено, и время ихъ службы уравнено со временемъ службы пасторовъ. Наконецъ, что касается до постановленій и распоряженій синода,— утвержденіе короля и прописка министра болѣе не требуются.

Эта организація, утвержденная синодомъ 9-го сентября 1851 г., признана правительствомъ. За тѣмъ вышелъ въ 1853 г., законъ «о церковныхъ общинахъ,» который признаетъ за церковію право устроиться и управляться самой собою, сообщая только правительству о своихъ распоряженіяхъ,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, по вмѣшательству интересовъ государства, требуется его согласіе.

Таково устройство голландской церкви въ настоящее время. Вотъ ея внѣшнее состояніе:

Голландская реформатская церковь считаетъ около 1.750,000 членовъ, раздѣленныхъ на 1,272 общины или прихода, при которыхъ состоитъ 1,511 пасторовъ. Каж-

дая община, городская или сельская, управляется консисторіею, состоящею изъ пастора или насторовъ прихода, старѣйшинъ и діаконовъ, избираемыхъ изъ прихожанъ. Вообще, старѣйшины и діаконы оставляютъ должность, послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы, обыкновенно чрезъ два года, и снова избираются не иначе, какъ по истеченіи нѣкотораго времени. По закону церкви, право избранія пасторовъ, старѣйшинъ и діаконовъ принадлежитъ самимъ прихожанамъ, но на самомъ дѣлѣ оно въ рукахъ консисторій, которыя служатъ представителями приходовъ, и предлагаютъ на ихъ утвержденіе избранныхъ уже кандидатовъ. Синодъ 1854 года постановилъ правила для консисторій и для избранія пасторовъ, которыя даютъ силу закону; но они были устранены провинціальными дирекціями. Вообще замѣчаютъ въ церковныхъ дирекціяхъ обратное стремленіе къ порядку вещей, бывшему до 1848 года.

Извѣстное число близкихъ между собою приходовъ образуютъ *классъ*; нидерландская церковь считаетъ 45 такихъ классныхъ округовъ. Пасторы каждаго класснаго округа, соединенные съ равнымъ числомъ старѣйшинъ, назначаемыхъ консисторіями, составляютъ *классное собраніе*. Эти собранія завѣдываютъ общими дѣлами класса, и назначаютъ на три года *классную дирекцію*, изъ пяти, семи или девяти членовъ, изъ коихъ двѣ трети—пасторы.

Въ каждой изъ одиннадцати провинцій Голландіи соединенные классы составляютъ вмѣстѣ *вѣдомство провинціальное*, общіе интересы коего завѣдываются *провинціальною дирекціею*, назначаемою на три года и состоящею изъ столькаго числа пасторовъ, сколько классовъ въ вѣдомствѣ, и меньшаго числа старѣйшинъ, которые всѣ избираются классными собраніями.

17 валлонскихъ церквей, при коихъ состоитъ 25 пасторовъ, не принадлежатъ къ этимъ класснымъ округамъ, а составляютъ особое вѣдомство. Ихъ консисторіи, чрезъ своихъ кандидатовъ, образуютъ *годичное собраніе*, для разсужденія объ общихъ интересахъ. Собраніе назначаетъ на три года изъ семи членовъ комитетъ, который, подъ именемъ *коммиссіи для дѣлъ валлонскихъ церквей Голландіи*, или *валлонской коммиссіи*, составляетъ главное управленіе валлонскихъ церквей. Валлонская коммиссія имѣетъ права и преимущества провинціальной дирекціи, исполняя также, когда нужно, обязанности классной дирекціи.

Депутаты этихъ двѣнадцати дирекцій,—дирекцій провинціальныхъ голландскихъ и валлонской коммиссіи, — образуютъ *общій синодъ*. Каждая изъ сихъ дирекцій уполномочиваетъ ежегодно для сей цѣли одного пастора, и три изъ нихъ, по очереди, каждая по одному старѣйшинѣ. Церкви голландскихъ колоній хотя больше зависятъ отъ правительства, чѣмъ церкви метрополіи, также бываютъ представляемы въ синодѣ однимъ изъ членовъ *коммиссіи церквей для Индіи*. Синодъ назначаетъ себѣ ежегодно президента и вице-президента. Секретарь его, избираемый на всю жизнь, присутствуетъ въ синодскихъ собраніяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Равнымъ образомъ имѣютъ право засѣданія, съ такимъ же голосомъ, три профессора, уполномоченные ежегодно тремя богословскими факультетами: лейденскимъ, утрехтскимъ и гронингенскимъ. Право засѣданія предоставлено также государственному коммиссару, посылаемому королемъ. Это обыкновенно бываетъ начальникъ департамента протестантскихъ вѣроисповѣданій, который можетъ брать съ собою своего оффиціальнаго секретаря. Синодъ собирается однажды въ годъ (исключая экстренныхъ случаевъ),

въ мѣсяцѣ іюлѣ, и продолжается, по меньшей мѣрѣ, одинъ мѣсяцъ. Отъ одного синода до другаго, текущія дѣла поручаются синодской коммиссіи изъ шести членовъ, назначаемыхъ синодомъ на три года, къ которымъ онъ ежегодно присоединяетъ свою контору и одного изъ профессоровъ богословія.

Синодъ есть высшая церковная власть какъ въ дѣлѣ законодательства, такъ и относительно дисциплины и администраціи. Онъ завѣдываетъ съ полною властію общими дѣлами. Мѣстныя дѣла, подлежащія вѣденію консисторій или дирекцій классныхъ и провинціальныхъ, поступаютъ на его разсмотрѣніе только по просьбамъ изъ первой или второй инстанціи. Что касается до составленія или пересмотра общихъ уставовъ, синодъ представляетъ ихъ въ формѣ проэкта дирекціямъ провинціальнымъ, которыя подаютъ свое мнѣніе, и спрашиваютъ иногда мнѣнія классныхъ дирекцій, классныхъ собраній и даже консисторій. Разсмотрѣвши сіи мнѣнія и сдѣлавши примѣнительно къ нимъ измѣненіе въ своемъ проэктѣ, какое признаетъ полезнымъ, синодъ передаетъ уставъ, для окончательнаго приговора, въ провинціальныя дирекціи, которыя подвергаютъ его голосамъ. Когда уставъ принятъ въ дирекціяхъ рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ, онъ вводится, какъ церковный законъ. Для всякаго измѣненія *органическихъ* церковныхъ законовъ требуется большинство двухъ третей голосовъ.—Консисторіи, ограниченныя нѣкоторыми общими правилами, особенно относительно избранія пасторовъ, пользуются впрочемъ большою независимостію въ управленіи церковными дѣлами своихъ приходовъ, которые, съ своей стороны, оказываютъ имъ большое довѣріе и готовность слушать ихъ голоса. Классныя собранія могли бы имѣть

такое же вліяніе на консисторіи своихъ округовъ; но, исключая валлонскихъ церквей, этотъ центръ жизни и взаимныхъ отношеній развитъ слабо и оказываетъ мало дѣйствія въ нидерландской реформатской церкви. Высшая власть церковная въ дирекціяхъ, сосредоточиваясь въ рукахъ малочисленныхъ собраній, отдѣленныхъ отъ консисторіи, еще менѣе имѣетъ вліянія на жизнь церковную; тѣмъ меньше можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ синодъ—верховное собраніе изъ шестнадцати дѣйствительныхъ членовъ. Въ этой олигархической формѣ многія видятъ большой недостатокъ организаціи голландской церкви. Она не препятствуетъ высшей власти поддерживать въ церкви достаточный порядокъ; но она дѣлаетъ ее слишкомъ мало увѣренною въ согласіи и опорѣ приходовъ и консисторій, чтобы смѣло и съ успѣхомъ предпринимать важныя дѣла, требующія содѣйствія ума, силъ и доброй воли всѣхъ. Тѣ, которые отдаютъ преимущество олигархическому началу, думаютъ, напротивъ, что участіе большинства въ управленіи церковію не повело бы къ сохраненію въ ней порядка и мира, а скорѣе дало бы возможность завладѣть симъ управленіемъ такимъ людямъ, коихъ ревность обнаруживается дѣятельностію болѣе безпокойною, чѣмъ благоразумною и просвѣщенною.

Допущеніе къ пастырскому служенію есть одно изъ важнѣйшихъ правъ церковной власти. Доселѣ она не принимала большаго, даже достаточнаго участія въ надзорѣ за образованіемъ юношества. Хотя церковь имѣетъ право и средство, для приготовленія будущихъ пастырей, основывать свои особенныя заведенія, она продолжаетъ пользоваться богословскими факультетами трехъ университетовъ, зависящихъ отъ государства, по той простой причинѣ, что эти факультеты назначены исключительно

для реформатской церкви; прочія вѣроисповѣданія, какъ протестантскія, такъ и римско-католическое, имѣютъ каждое свою особую семинарію. Есть, безъ сомнѣнія, большая несообразность въ томъ, что наставники, на которыхъ лежитъ обязанность образовать будущихъ служителей церкви, назначаются правительствомъ безъ всякаго участія церкви; но доселѣ не нашли никакого средства помочь бѣдѣ, на которую многіе жалуются, особенно приверженцы такъ называемой конфессіональной партіи (то есть, держащейся исповѣданія вѣры), которые, указывая на гронингенскій университетъ, говорятъ, «что въ немъ богословская школа, обративши Евангеліе въ усовершенствованный платонизмъ, завладѣла всѣми каѳедрами, и царствуетъ единовластно, не встрѣчая ни въ комъ прекословія себѣ» (1). Другіе, напротивъ, считаютъ это зло вовсе не такъ великимъ на практикѣ, какъ оно кажется въ теоріи. Послѣдніе видятъ даже пользу въ такомъ образѣ назначенія наставниковъ, полагая, что онъ обезпечиваетъ для добросовѣстныхъ ученыхъ, каковыми считаются нынѣшніе профессоры университетовъ, свободу въ преподаваніи, столь будто бы благотворную для науки, хотя противъ этой-то самой свободы нѣкоторые и вооружаются, называя ее вольностію.—Впрочемъ условія опредѣленія въ должность пастора, какъ и самое опредѣленіе, зависятъ единственно отъ церкви. Она въ своемъ регламентѣ опредѣляетъ свойства испытанія, которому ищущій пастырскаго званія долженъ подвергнуться предъ провинціальною дирекціею, а для валлонскихъ пасторовъ — предъ валлонскою коммиссіею; и это испы-

(1) Le parti anti-revolutionnaire et confessionnel, par Mr. G. Groen van Prinsterer, pag. 23. 1860.

танie строго (¹). Получившie образованie въ чужихъ краяхъ могутъ быть допускаемы къ экзамену, но на особенныхъ условiяхъ и подъ особеннымъ ручательствомъ. Экзаменъ требуется и отъ пасторовъ изъ иностранцевъ, если только они прежде не имѣли постоянныхъ приходовъ. Но, съ экзаменомъ, или безъ экзамена,—ни одинъ иностранецъ не допускается къ пастырскому служенiю иначе, какъ получивши предварительно согласie церковнаго управленiя и правительства.

Отношенiя между церковiю и государствомъ, какъ можно уже было замѣтить, отзываются и теперь порядкомъ вещей того времени, когда реформатская церковь была церковiю государства. И неудивительно. Не говоря уже о историческихъ воспоминанiяхъ, учрежденiяхъ и древнихъ обычаяхъ,—слишкомъ много общихъ интересовъ и

(¹) Не неумѣстно упомянуть здѣсь и о другихъ экзаменахъ. Всѣхъ ихъ четыре: 1) предуготовительный или прiемный, 2) на степень кандидата, 3) на степень доктора и 4) на должность пастора.

Для экзамена предуготовительнаго требуется: логика, всеобщая исторiя, основанiя математики, еврейскiя древности и языки: латинскiй, греческiй, еврейскiй и халдейскiй.

Для экзамена на степень кандидата: богословская энциклопедiя, священная критика, священная герменевтика, введенie въ св. Писанie, преимущественно новозавѣтное, экзегетика в. и н. Завѣта, метафизика, богословie естественное и библейское, богословie догматическое и нравственное, церковная исторiя.

Для экзамена на степень доктора: свящ. герменевтика и экзегетика в. и н. Завѣта, богословie догматическое, символическое и нравственное; богословie практическое, то есть: литургическое, гомилетическое, катихизическое и пастырское, и церковное право. Сверхъ сего пишется на латинскомъ языкѣ и защищается разсужденie о богословскомъ предметѣ.

Для пасторскаго или церковнаго экзамена: экзегетика в. и н. Завѣта, свящ. герменевтика, свящ. критика, церковная исторiя, богословie догматическое, нравственное и практическое. При этомъ требуется свидѣтельство отъ профессоровъ котораго либо изъ университетовъ, что кандидатъ слушалъ лекцiи по упомянутымъ предметамъ.

точекъ соприкосновенія между государствомъ и церковію, заключающею въ своихъ нѣдрахъ двѣ трети націи, самыя просвѣщенныя, самыя богатыя, самыя древнія,— чтобы возможно было совершенное раздѣленіе между ними. Плата жалованья 1400 пастор. [1] и выдача имъ пенсіи по выслугѣ 40 лѣтъ подаютъ поводъ къ постояннымъ сношеніямъ между ними и правительствомъ. Жалованье пасторамъ и профессорамъ богословія, пенсія выдаваемая пасторамъ, выслужившимъ опредѣленный срокъ, съ одной стороны составляютъ долгъ уплачиваемый церкви государствомъ за прежнія, присвоенныя имъ церковныя имущества; съ другой—употребляемыя на это деньги получаются съ церковныхъ же имѣній, управляемыхъ государствомъ или по крайней мѣрѣ подъ его надзоромъ. Дѣла, возникающія изъ сихъ разнаго рода отношеній государства къ церкви, завѣдываются *департаментомъ протестантскихъ вѣроисповѣданій*, коего начальникъ, одинъ изъ министровъ короля, представляетъ интересы церкви въ совѣтѣ правительства. Но эти отношенія, почти всегда ознаменованныя доброжелательностію и пользою для церкви, нисколько не стѣсняютъ ея свободы во всемъ, что относится къ духовной области.

Посредствомъ особенныхъ регламентовъ, составленныхъ и соблюдаемыхъ съ большою тщательностію, голландская церковь наблюдаетъ также за другими важными интересами, которые касаются ея. Сюда относятся: 1) Религіозное образованіе народа, даваемое вездѣ и преимущественно пасторами, къ которымъ въ большихъ приходахъ по необходимости присоединяются на помощь катихи-

---

[1] Пасторы получаютъ, среднимъ числомъ, отъ 1000 до 1200 флор. или около 530—630 руб.; сельскіе пасторы отъ 600 до 800 флор.; пасторы самыхъ большихъ городовъ 1800—2200 флор.

заторы, приготовляемые къ этому съ особенною тщательностію; 2) Благотворительныя учрежденія, состоящія въ завѣдываніи діаконовъ. Нѣтъ ни одной церкви, которая бы не имѣла, для содержанія своихъ бѣдныхъ, средствъ часто значительныхъ, происходящихъ отъ сборовъ, приношеній и завѣщанныхъ капиталовъ и имѣній. Очень многія церкви имѣютъ также для бѣдныхъ особенныя заведенія, пріюты, школы, богадѣльни для сиротъ и престарѣлыхъ людей; 3) Церковное благочиніе, для наблюденія за религіозною жизнію и за порядкомъ въ церкви. Въ настоящее время правила сего благочинія мало прилагаются къ отдѣльнымъ лицамъ, какъ это дѣлалось до половины 18-го вѣка; но все таки это не совсѣмъ вышло изъ употребленія; а относительно пасторовъ дисциплина наблюдается строго и неопустительно; 4) Церковныя имущества, то есть, храмы, пасторскіе домы, капиталы, земли, принадлежащія церквамъ. Управленіе ими подчинено правиламъ неизмѣннымъ и сколько возможно одинаковымъ. Чтобы предотвратить и остановить злоупотребленія, правительство принимаетъ въ наблюденіи за этимъ матеріальнымъ интересомъ гораздо больше участія, нежели въ другихъ церковныхъ дѣлахъ; и какъ это участіе бываетъ иногда слишкомъ исключительно, то и составляетъ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ предметовъ въ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Порядокъ, который послѣднее въ семъ случаѣ сохраняетъ, не былъ бы, — говорятъ недовольные—нарушаемъ и тогда, когда бы власть церковная не была отстраняема часто столь несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ образомъ.

Изъ тысячи реформатскихъ сельскихъ приходовъ, и даже болѣе, многіе не въ состояніи поддерживать церковныя зданія и строить новыя. Посему, въ слѣдствіе о-

продѣленія синода, дѣлается ежегодно въ пользу нуждающихся церквей сборъ, доставляющій обыкновенно отъ 30 до 40,000 флорин., или нѣсколько болѣе 15 или 20 тысячь рублей. По причинѣ несоразмѣрности жалованья пасторовъ съ потребностями жизни въ Голландіи, придумали средства увеличить содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно особенно скудно. Множество фондовъ, общихъ и мѣстныхъ, состоитъ въ распоряженіи церкви, для обезпеченія пенсіи вдовамъ пасторовъ. Занимаются также пріисканіемъ средствъ къ составленію капитала, коего проценты предположено употреблять на увеличеніе числа приходскихъ церквей, въ настоящее время весьма несоразмѣрнаго съ потребностями. Возникаютъ новыя селенія, какъ по причинѣ увеличенія народонаселенія, такъ и въ слѣдствіе осушенія болотистыхъ мѣстъ и обработки земель, считавшихся досолѣ негодными. Впрочемъ почти вездѣ замѣчается рѣзкая несоразмѣрность между числомъ пасторовъ и числомъ прихожанъ, и чувствуется потребность устранить ее;—между тѣмъ не всегда легко получить, и даже не всегда можно требовать пособій отъ государства, которое обязано только выдавать положенное жалованье.

Кромѣ реформатской церкви, въ Голландіи много другихъ протестантскихъ обществъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ цвѣтущемъ состояніи.

Ремонстранты или арминіане, отдѣлившіеся отъ реформатской церкви во время догматическихъ споровъ, волновавшихъ Голландію въ началѣ 17-го столѣтія, имѣютъ 27 общинъ, съ 5,000 прихожанъ и 25 пасторами. Они образуютъ вмѣстѣ одно *братское общество,* управляемое консисторіями и *общимъ собраніемъ*; имѣютъ въ Амстердамѣ особую семинарію для образованія своихъ буду-

щихъ пасторовъ, управляемую однимъ профессоромъ; строго наблюдаютъ за ученіемъ и имѣютъ свои особые законы и обычаи относительно опредѣленія въ пастырскую должность. По своему церковному управленію, они имѣютъ менѣе отношеній къ государству, нежели реформаты.

Лютеране аугсбургскаго исповѣданія многочисленнѣе всѣхъ. Ихъ считается около 55,000, при 56 церквахъ, изъ нихъ 9 вспомогательныхъ, съ 58 пасторами. Приходы амстердамскій и роттердамскій, особенно первый, очень многочисленны. Лютеране имѣютъ свои консисторіи и свой синодъ, свои установленія и обычаи; ихъ церковное управленіе не отличается существенно отъ реформатскаго и ставитъ ихъ почти въ такія же отношенія къ правительству. Они имѣютъ въ Амстердамѣ свою богословскую семинарію съ двумя профессорами.

Несогласіе съ новыми идеями, перенесенными изъ Германіи, заставило, къ концу прошлаго столѣтія, нѣкоторое число лютеранъ отдѣлиться отъ своихъ единовѣрцевъ и составить особенное общество, подъ именемъ *«возстановленной лютеранской церкви»*. Ихъ считается до 11,000, въ 5 приходахъ, съ 11 пасторами. Церковное управленіе ихъ мало отличается отъ управленія другихъ лютеранъ. Богословскія науки преподаются студентамъ однимъ изъ пасторовъ, въ Амстердамѣ, и профессорами тамошняго атенея и семинарій.

Менониты или Телеобаптисты получили начало свое во время тѣхъ преобразовательныхъ движеній, предшествовавшихъ реформѣ Лютера и Кальвина, изъ которыхъ выродился анабаптистическій фанатизмъ 16-го столѣтія. Тѣ, которые не захотѣли раздѣлять всѣ его сумасбродства, составили особое религіозное общество, подъ руководствомъ

Меннона Симонса Фрисландскаго, и стали называться его именемъ. Меннониты, въ числѣ около 40,000, составляютъ 123 общины при 124 пасторахъ. Извѣстно, что они допускаютъ крещеніе только взрослыхъ. Состоя большею частію изъ людей зажиточныхъ, меннонитскія общины не нуждаются въ пособіяхъ со стороны правительства, и стараются имѣть съ нимъ какъ можно менѣе сношеній. Онѣ соединены другъ съ другомъ только братскими отношеніями, и имѣютъ сообща въ Амстердамѣ богословскую семинарію, управляемую двумя профессорами.

Будучи совершенно независимы другъ отъ друга, эти религіозныя общества однакожь связаны между собою и съ реформатскою церковію общими интересами и братскими чувствами. Случается иногда, что пасторы сихъ мелкихъ обществъ замѣняютъ другъ друга на церковной каѳедрѣ. Равнымъ образомъ и пасторы реформатскіе не отказываются, когда бываетъ надобность, проповѣдывать у ремонстрантовъ, меннонитовъ и лютеранъ. Обыкновенно въ молитвенныхъ собраніяхъ замѣчается большая смѣсь протестантовъ всѣхъ наименованій. Есть много семействъ смѣшанныхъ, коихъ члены принадлежатъ къ разнымъ протестантскимъ обществамъ, безъ всякаго вреда для домашняго спокойствія и жизни религіозной. Во всякомъ общеполезномъ христіанскомъ дѣлѣ всѣ сіи разныя общества являютъ такое согласіе и единодушіе, какъ будто бы составляли всѣ одно великое христіанское семейство.

Одни *реформаты диссиденты* не участвуютъ доселѣ въ этомъ братскомъ согласіи. Они отдѣлились отъ голландской реформатской церкви во время волненій, причиненныхъ, лѣтъ 20 или 25 тому, сопротивленіемъ нѣкоторыхъ церковному порядку и догматическими спорами,—

волненій, увеличенныхъ неблагоразумными мѣрами обуздавія со стороны гражданской власти. Число ихъ, простиравшееся въ первые годы слишкомъ до 40,000, послѣ не увеличилось. Многіе раздѣляютъ ихъ догматическіе взгляды, но не одобряютъ ихъ отдѣленія отъ великой семьи реформатской. Они составляютъ 200 общинъ при меньшемъ числѣ пасторовъ. Эти общины раздѣлены на многія отрасли, далеко не сходящіяся между собою. Съ самаго отдѣленія отъ реформатской церкви, диссиденты держатся въ отдаленіи отъ всѣхъ протестантскихъ обществъ, и не предвидится, чтобы они скоро сближались съ ними.

Эти подробности организаціи голландской реформатской церкви уже показываютъ нѣкоторымъ образомъ, что у голландцевъ есть дѣятельность въ жизни церковной, и что эта дѣятельность происходитъ не изъ оффиціальнаго механизма, а изъ жизни религіозной. Правда, что эта дѣятельность — нерѣдко тревожная и мятежная; правда, что и въ жизни религіозной многое нужно исправить. Въ ней встрѣчается нетерпимость ко всему непротестантскому, обнаруживающаяся иногда страннымъ образомъ въ жизни общественной и домашней; далеко не свободна она и отъ той духовной гордости, которая составляетъ общій недугъ протестантовъ, а особенно реформатовъ, которые считаютъ христіанъ другихъ вѣроисповѣданій младенцами по вѣрѣ, а себя самихъ чуть «не пришедшими въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста Христова.» За всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ Голландіи вообще принимаютъ религію серьёзно, и занимаются ею столько же по потребности сердца, сколько по наслѣдственной вѣрности благочестивымъ обычаямъ. Эта національная религіозность сильно поддержи-

ляются пасторами, въ которыхъ нельзя не признать высокаго нравственнаго достоинства. Въ числѣ 1600 пасторовъ, ученые составляютъ большинство. Вообще они отличаются вѣрою и благочестіемъ, которыя видны какъ въ домашней ихъ жизни, такъ и въ жизни общественной, и обнаруживаются обширною дѣятельностію христіанскою. Самое служеніе ихъ заставляетъ ихъ принимать участіе въ дѣйствіяхъ многочисленныхъ учрежденій, основанныхъ въ видахъ нравственности и просвѣщенія. Кромѣ того, что они составляютъ душу всѣхъ предпріятій, имѣющихъ цѣль существенно религіозную,—все, что дѣлается съ цѣлями человѣколюбивыми, рѣдко обходится безъ ихъ опоры и содѣйствія. Ихъ вліяніе на первоначальное образованіе дѣтей очень чувствительно; и весьма дѣятельное участіе, которое, къ большой для него пользѣ, они принимали, по приглашенію правительства, въ надзорѣ за публичными школами, уменьшилось только вслѣдствіе гордой требовательности ультрамонтанской партіи и уступокъ, которыя правительство почло нужнымъ ей сдѣлать. Добрымъ примѣрамъ, подаваемымъ всюду духовенствомъ, постоянному, сильному и благотворному вліянію его на народъ приписываютъ главнымъ образомъ это распространеніе просвѣщенія и это отсутствіе революціонныхъ волненій, которыми Голландія можетъ похвалиться.

Одно изъ мѣрилъ жизни религіозной есть хожденіе къ общественному богослуженію. Большая часть голландскихъ реформатовъ исполняетъ эту обязанность неопустительно. Можно полагать навѣрное,—особенно относительно сельскихъ жителей,—что болѣе половины реформатскаго народонаселенія каждое воскресенье собирается въ церквахъ. Въ городахъ, особенно большихъ, пропорція не

такъ благопріятна. Всѣ сомнѣнія, это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка ревности, но частію также и отъ недостатка помѣщенія въ церквахъ. Церкви въ большихъ голландскихъ городахъ, наприм. четыре въ Роттердамѣ и десять въ Амстердамѣ, какъ онѣ ни обширны, не могутъ вмѣстить и четвертой части реформатскаго народонаселенія. Часто бываетъ въ нихъ такая тѣснота, что невозможно дышать; половина собранія помѣщается такъ худо, что не можетъ хорошо видѣть и слышать проповѣдника; а дурной обычай, существующій въ Голландіи, какъ и во многихъ другихъ протестантскихъ странахъ, — платить за мѣста въ церкви затрудняетъ для весьма многихъ самый входъ въ нее. Эта трудность часто бываетъ причиною небреженія объ общественномъ богослуженіи, или, по крайней мѣрѣ, благовиднымъ предлогомъ къ этому. Она же очень много способствуетъ успѣхамъ сепаратистовъ: тамъ чувствуютъ себя спокойно и привольно тѣ, которые видятъ себя отталкиваемыми въ другомъ мѣстѣ. — Но пріятно видѣть, какъ бѣдный классъ, который по означеннымъ причинамъ, не участвуетъ въ обыкновенномъ общественномъ богослуженіи, съ большимъ усердіемъ собирается къ богослуженію, установленному исключительно для него. Не менѣе утѣшительно значительное стеченіе народа, которое привлекаютъ публичныя чтенія единственно для рабочаго класса, какъ наприм. въ Роттердамѣ, гдѣ они бываютъ подъ руководствомъ пасторовъ всѣхъ протестантскихъ обществъ, три раза въ недѣлю, въ трехъ различныхъ мѣстахъ, отъ 8 до 9 часовъ вечера. — Общественное богослуженіе совершается въ воскресенье, въ мѣстахъ многолюдныхъ до четырехъ разъ (7 и 10 час. утра, 2 и 5 или 6 час. вечера), въ другихъ три раза, или, — даже въ самыхъ

малыхъ приходахъ,—по крайней мѣрѣ два раза. Сверхъ сего, въ городахъ, какъ и во многихъ сельскихъ церквахъ, бываетъ богослуженіе нѣсколько разъ на недѣлѣ, и привлекаетъ большое стеченіе богомольцевъ. Причащеніе совершается неопустительно четыре раза въ годъ, и въ городахъ, два воскресенья сряду, обыкновенно привлекаетъ большое число причастниковъ.—Домашнее богослуженіе [1] значительно распространилось въ послѣдніе годы. — Юношество, почти безъ исключенія, ходитъ слушать особенное катихизическое ученіе, преподаваемое въ собраніяхъ, сколько возможно, малочисленныхъ, дабы катихизаторъ могъ заниматься съ каждымъ ученикомъ отдѣльно. Катихизическіе уроки продолжаются обыкновенно нѣсколько лѣтъ. Слишкомъ молодыхъ не любятъ допускать къ причащенію. Обыкновенный возрастъ — 18 лѣтъ и болѣе. Причастіе не дается или откладывается при неудовлетворительности познаній и религіозныхъ расположеній молодыхъ людей. Для юношества рабочаго класса, катихизическое ученіе, предшествующее исповѣданію вѣры, ограничивается временемъ гораздо кратчайшимъ. Для вознагражденія этой краткости, преподается законъ Божій въ такъ называемыхъ *діаконскихъ училищахъ* и въ *воскресныхъ школахъ*. Катихизическое ученіе преподается лѣтомъ и зимою.

Свидѣтельствомъ жизни религіозной въ Голландіи служатъ также многочисленныя учрежденія, посвященныя распространенію вѣры Христовой. Таковы *общества*: *миссейское*, *библейское и религіозныхъ сочиненій*. Два первыя считаютъ, то и другое, отъ 7 до 8 тысячь членовъ, вносящихъ извѣстную сумму, и получаютъ, разнаго ро-

---

[1] Оно состоитъ въ чтеніи и изъясненіи Библіи и молитвѣ.

да пожертвованіями, каждое отъ 60 до 90 тысячь флориновъ (32—50 тыс. рубл.) въ годъ. Члены каждаго изъ сихъ обществъ составляютъ большое число отдѣленій, зависящихъ отъ одной, главной дирекціи, находящейся для перваго — въ Роттердамѣ, для двухъ другихъ — въ Амстердамѣ. Во многихъ мѣстахъ миссейское общество ежемѣсячно собирается для молитвы и совѣщаній о своихъ дѣлахъ, причемъ сообщаются также свѣденія объ успѣхахъ миссіонерскихъ и библейскихъ трудовъ, въ предѣлахъ и за предѣлами Голландіи. Общія годичныя собранія двухъ первыхъ обществъ, особенно миссейскаго, возбуждаютъ всегда живое участіе въ народѣ. Миссейское общество трудится въ пользу многочисленныхъ народовъ, окружающихъ голландскія колоніи въ Азіи. Труды, которыхъ стоило ему водворить своихъ миссіонеровъ на самомъ островѣ Явѣ, увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Что касается до американскихъ колоній Голландіи, дѣло распространенія Христовой вѣры тамъ поручено обществу моравскихъ братьевъ, одна отрасль коего съ давняго времени поселилась въ Голландіи, и пользуется общею любовію и нѣкоторыми преимуществами. Труды знаменитаго миссіонера Гутцлафа, приготовленнаго къ этому апостольскому дѣлу голландскимъ миссейскимъ обществомъ, подали случай къ основанію особеннаго общества для распространенія христіанства въ Китаѣ. Другое общество основано для обращенія евреевъ; оно установило во многихъ мѣстахъ публичныя молитвенныя собранія.—Библейское общество раздаетъ ежегодно болѣе 30,000 экземпляровъ полной Библіи и новаго Завѣта. Оно не щадило ни издержекъ, ни трудовъ для составленія хорошаго перевода Библіи на столь богатый и трудный яванскій языкъ. Ветхій Завѣтъ былъ напечатанъ

лѣтъ шесть тому, а новый имѣлъ уже не одно изданіе. Въ настоящее время общество старается о переводѣ Библіи на языкъ баттаковъ (Суматра), дажаковъ (Борнео) и бугисовъ (Целебесъ или Макасаръ). Оно посылаетъ способныхъ людей для изученія языковъ, и занимается составленіемъ ихъ грамматикъ. Каждое изъ вышеупомянутыхъ обществъ имѣетъ свою организацію, не зависящую отъ церковнаго управленія. Духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ этихъ обществъ; но находитъ себѣ въ этомъ равно ревностныхъ помощниковъ въ мірянахъ. Общества эти не суть учрежденія исключительно реформатскія, но въ нихъ общими силами и дружно трудятся для великаго дѣла христіане всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій: лютеране, ремонстранты, реформаты и друг.; только телео-баптисты основали свое особое миссійское общество. На ряду съ сими обществами можно указать на множество другихъ человѣколюбивыхъ учрежденій. Многія изъ нихъ имѣютъ цѣлью духовную пользу тѣхъ низшихъ слоевъ общества, въ которыхъ недостатокъ попеченій, точно приспособленныхъ къ ихъ нуждамъ, даетъ полную волю безпорядочной жизни и происходящей отъ нея бѣдности. Есть частныя общества для распространенія чтенія Библіи и улучшенія религіозной жизни между бѣдными, посредствомъ посѣщенія ихъ на дому, и многочисленные пріюты для малолѣтнихъ дѣтей рабочихъ. Основаны школы, такъ называемыя *оборванными*, для дѣтей самаго низшаго и бѣднѣйшаго класса, живущихъ безъ всякаго присмотра; — частныя общества (независимо отъ нарочито для сего назначеннаго заведенія) для предохраненія юныхъ кающихся грѣшницъ отъ возврата къ безпорядочной жизни; — въ Амстердамѣ и Утрехтѣ заведенія для приготовленія діаконо-

нассъ—присмотрщицъ за больными, которыхъ разбираютъ во всѣ стороны Голландіи. Всюду стараются объ улучшеніи нравственнаго и религіознаго состоянія арестантовъ, особливо молодыхъ. Одно частное общество трудится надъ этимъ около сорока пяти лѣтъ, занимаясь участью арестантовъ по ихъ освобожденіи. Древнѣе всѣхъ сихъ учрежденій общество, называемое *для общей пользы*, которое неослабно продолжаетъ свое дѣло, начатое въ 1784 г. Цѣль его — способствовать, особенно въ низшихъ классахъ, благочестію, нравственности и просвѣщенію въ духѣ христіанской вѣры. Съ этою цѣлію оно издаетъ простыя и удобопонятныя сочиненія о предметахъ религіи, исторіи, естественныхъ наукъ и промышленности. Оно ввело не только въ городахъ, но и во многихъ деревняхъ, вечера для чтенія, вообще посѣщаемыя очень усердно. Это именно общество дало первый и сильный толчекъ къ улучшенію элементарнаго образованія. Основанныя имъ школы представили образецъ той методы обученія, которая принята и теперь. Оно не размножаетъ болѣе своихъ школъ, послѣ того, какъ цѣль его, кажется, достигнута. Съ самаго начала своего существованія и доселѣ, распространяя либеральныя мысли, оно непрестанно слышитъ упреки, что его либерализмъ ведетъ къ индеферентизму и невѣрію. Оно считаетъ 16,000 членовъ, раздѣленныхъ на округи. Мы почли нужнымъ представить эти подробности потому, что это общество—существенно голландское; прочія общества достаточно извѣстны по сходству ихъ съ такими же учрежденіями въ другихъ странахъ.

Вышеупомянутыя человѣколюбивыя учрежденія не суть исключительно протестантскія по началу; но почти таковы они на дѣлѣ. Римскіе католики принимаютъ въ нихъ

очень мало участія и, кажется, уклоняются отъ этого болѣе и болѣе. Отношенія ихъ къ протестантамъ съ нѣкотораго времени не очень дружественныя. Они имѣютъ на своей сторонѣ численный перевѣсъ въ южныхъ частяхъ Голландіи, которыя въ началѣ не принадлежали къ республикѣ Соединенныхъ Провинцій; образуютъ массу около 600,000 ч. и слѣдовательно составляютъ большинство народонаселенія. Почти такое же число католиковъ перемѣшано между двумя милліонами протестантовъ въ семи древнихъ провинціяхъ. Ультрамонтанскій духъ, доселѣ не такъ замѣтный, сталъ видимо вторгаться и усиливаться между ними. Тонъ и поступки не массы, а партіи, дѣятельной и сильной, сдѣлались жёстче и наступательнѣе. Искусство, съ которымъ эта партія старается ослабить и совершенно подавить протестантскія общины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ католицизмъ въ силѣ и, сверхъ того, подорвать протестантовъ въ ихъ промышленности конкурренціею, страшною только ея матеріальными средствами,—заставило протестантизмъ стать въ оборонительное положеніе. Въ этихъ видахъ образовались четыре общества, между тѣмъ какъ другаго рода общество, основанное лѣтъ шесть тому, имѣетъ цѣлію распространять протестантскую вѣру между голландскими католиками. Можно бы войдти здѣсь въ нѣкоторыя любопытныя подробности, но это заставило бы насъ выдти изъ предѣловъ предположеннаго нами краткаго и общаго очерка. Перейдемъ къ другому, болѣе важному предмету.

Это—вопросъ объ обязательной силѣ исповѣданій вѣры или символовъ,—вопросъ весьма трудный, подавшій поводъ къ весьма различнымъ сужденіямъ. Ограничимся изложеніемъ фактовъ.

Голландская реформатская церковь имѣетъ свое осо-

бое и отличительное ученіе, выраженное въ ея символическихъ книгахъ, каковы: исповѣданіе вѣры Гюи-де-Бре, катихизисъ Урсина или гейдельбергскій и правила дордрехтскаго собора. По первоначальному намѣренію, церковь реформатская, законно представляемая на общихъ синодахъ, должна была подвергать эти символическія книги постоянно новому разсмотрѣнію, чтобы видѣть, не нужно ли чего нибудь измѣнить или исправить, и такимъ образомъ достигать болѣе и болѣе совершеннаго согласія съ словомъ Божіимъ. Нидерландская церковь дѣлала это до 1619 года. Послѣ того не было общихъ синодовъ, слѣдовательно и пересмотра символическихъ книгъ. Обнаружилось неизбѣжное разногласіе между дѣйствительнымъ вѣрованіемъ церкви—съ одной стороны, и ученіемъ символическихъ книгъ—съ другой,—не относительно общаго ихъ духа, а въ разсужденіи разныхъ отдѣльныхъ пунктовъ. И когда, по истеченіи двухъ столѣтій (1816 г.), нашли нужнымъ измѣнить церковную организацію, оказалось уже невозможнымъ изъявить, какъ это было въ 1619 г., совершенное согласіе «на всѣ члены и пункты» ученія, содержащагося въ символическихъ книгахъ. Не было возможности и пересмотрѣть сихъ книгъ: новый общій синодъ, очень не многочисленный и состоявшій изъ членовъ, назначенныхъ однимъ правительствомъ, чувствовалъ самъ, что не имѣлъ на это права. Положено было требовать отъ пасторовъ обязательства въ искреннемъ принятіи «ученія, содержащагося, согласно съ словомъ Божіимъ, въ формулахъ единства, принимаемыхъ нынѣ нидерландскою церковію.» Сохраненіе ученія реформатской церкви, разумѣемаго въ этомъ смыслѣ, было вмѣнено въ обязанность всѣмъ, занимавшимъ какую либо должность въ церкви; и церковное на-

чальство должно было смотрѣть за этимъ. Между тѣмъ выраженіе: «ученіе, содержащееся, согласно съ словомъ Божіимъ, въ формулахъ единства»,—скоро показалось не опредѣленнымъ и двусмысленнымъ. Значило ли это: принимать ученіе, *потому что* оно согласно съ словомъ Божіимъ, или *въ той мѣрѣ, какъ* оно согласно съ нимъ?— *quia*, или *quatenus*, *поелику*, или *поколику?* Возникли разногласія, которыя дали новое развитіе догматическимъ спорамъ, кои затихли было во время сильныхъ потрясеній Европы, но поднялись снова, вскорѣ послѣ измѣненія церковной организаціи въ 1816 году. Желая устранить двусмысленность оффиціальнымъ изъясненіемъ формулы, синодъ 1841 года объявилъ, что «въ силу обязательства, которое должны давать всѣ пасторы, церковь не хочетъ отъ нихъ, чтобы они, во всѣхъ членахъ и пунктахъ, сообразовались съ ученіемъ, заключающимся въ символическихъ книгахъ; что, однакожъ, не довольствуясь частнымъ принятіемъ того или другаго догмата, взятаго отдѣльно, она требуетъ общаго согласія съ ученіемъ, содержащимся въ сихъ книгахъ, какъ составляющимъ, по своему свойству и духу, сущность и основаніе исповѣданія вѣры, принятаго реформатскою церковію;—исповѣданія, выраженіе коего повторяется при каждомъ совершеніи причащенія, когда причастники приглашаются исповѣдать торжественно свою благоговѣйную покорность божественному авторитету св. Писанія и свою смиренную, утѣшительную и освятительную вѣру въ единаго Спасителя грѣшниковъ».—Это исповѣданіе, повторяемое при каждомъ причащеніи, состоитъ въ томъ, что причастники даютъ, въ формѣ отвѣта на четыре вопроса, слѣдующія увѣренія: «Вѣруемъ, что истинное и полное ученіе спасенія, открытое Богомъ, содержится въ кни-

гахъ ветхаго и новаго Завѣта.—Вѣруемъ, что наши грѣхи дѣлаютъ насъ непотребными и достойными наказанія предъ Богомъ; они суть для насъ предметъ отвращенія, которое побуждаетъ насъ къ смиренію и раскаянію.— Вѣруемъ, что Богъ, единственно по своему милосердію, даровалъ намъ единаго и совершеннаго Искупителя нашего въ Своемъ Единородномъ Сынѣ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, коего тѣло было преломлено за насъ и кровь пролита за насъ въ оставленіе грѣховъ. Мы принимаемъ Его съ истинною вѣрою, какъ содѣлавшагося для насъ премудростію отъ Бога, праведностію, освященіемъ и искупленіемъ.—Мы рѣшились стоять твердо въ этомъ исповѣданіи, силою Святаго Духа, укрѣплять нашу вѣру, исправить наше поведеніе, жить съ нашими ближними въ любви и взаимномъ согласіи, и такимъ образомъ дѣлами доказать нашу благодарность Богу за дарованную Имъ милость». — Это объявленіе синода было всѣми одобрено. Оно уничтожило двусмысленность и уменьшило неопредѣленность требованія синода 1816 года. Не смотря на то, со многихъ сторонъ требовали настоятельно новаго, болѣе яснаго опредѣленія относительно ученія, которое надлежало считать сущностію и основаніемъ реформатскаго вѣроисповѣданія, и возставали противъ неограниченной свободы въ проповѣданіи и школьномъ преподаваніи. Эти требованія были представлены еще съ бо̀льшею настойчивостію въ синодъ 1854 г., по случаю избранія двухъ пасторовъ, одного въ Гагу, другаго въ Амстердамъ,—избранія, которому нѣкоторые воспротивились по причинѣ ихъ образа мыслей. Церковная власть, хотя и нашла въ сочиненіяхъ одного изъ обвиняемыхъ въ неправомысліи нѣкоторыя мнѣнія, уклоняющіяся отъ ученія, заключающагося въ символическихъ

книгахъ, не видѣла однакожъ ни въ самыхъ мнѣніяхъ, ни въ ихъ отношеніи къ обязательству, которое пасторы даютъ при ихъ опредѣленіи въ эту должность, — достаточныхъ основаній осудить обвиняемаго пастора. Вынужденный, по случаю этаго суда, снова высказать свое мнѣніе относительно символовъ, сдѣлавшихся предметомъ жаркихъ споровъ, синодъ привелъ на память и подтвердилъ синодальнымъ манифестомъ объявленіе 1841 года. Онъ полагалъ, что стараться выразить ученіе, принятое реформатскою церковію, яснѣе и удовлетворительнѣе, нежели какъ это сдѣлалъ синодъ 1841 года, и желать сжать выраженіе онаго въ какой либо новой формулѣ, достаточно краткой, точной, опредѣленной и полной, довольно соотвѣтствующей разнымъ оттѣнкамъ мнѣній, чтобы быть принятою всѣми, — это значило бы желать невозможнаго. Самая попытка въ этомъ, съ его стороны, была бы столько неблагоразумна, сколько она выходитъ изъ круга его правъ. Считая злоупотребленіе свободы, которою пользуется голландская церковь, глубоко прискорбнымъ, — если оно дѣйствительно есть, — и желая, чтобы всякой преданный церкви остерегался самаго вида чрезмѣрной либеральности, синодъ изъявляетъ свое полное убѣжденіе, что всякая преграда этой свободѣ увеличила бы несогласія и смуты, но не была бы противъ нихъ средствомъ. Онъ требуетъ настоятельно, чтобы всѣ любящіе церковь и привязанные сердцемъ къ ея ученію, оставивъ то, что раздѣляетъ и отдаляетъ, соединялись тѣснѣе и тѣснѣе въ живой вѣрѣ во Іисуса Христа и въ братской любви; чтобы не забывали, что эта вѣра и эта любовь составляютъ существенное условіе согласія, и что тамъ, гдѣ оно есть, нѣтъ нужды въ совершенномъ согласіи догматическихъ мнѣній, для того, чтобы жизнь Хри-

стова развивалась въ каждомъ изъ Его членовъ, какъ и въ Церкви, которая составляетъ Его тѣло.

Тотъ же синодъ, при пересмотрѣ устава о допущенія къ пастырскому служенію, измѣнилъ формулу обязательства такимъ образомъ, что устранилъ его двусмысленность и неопредѣленность, которыя столь долгое время подавали поводъ къ жалобамъ. Теперь поступающій на должность пастора приглашается «искренно объявить, что, согласно съ началомъ церкви христіанской вообще и реформатской въ особенности, онъ принимаетъ отъ всего сердца и съ искреннею вѣрою святое слово Божіе, содержащееся въ книгахъ ветхаго и новаго Завѣта; и что потому самому имѣетъ намѣреніе и желаніе, со всею вѣрностію, защищать сущность и основаніе ученія, заключающагося въ формулахъ согласія, принятыхъ въ голландской реформатской церкви; что, слѣдовательно, будетъ искренно и отъ всего своего сердца, по мѣрѣ дарованныхъ ему способностей, возвѣщать всю волю Божію, въ особенности Его благодать во Христѣ Іисусѣ, какъ единственное основаніе спасенія».... (прочее не относится къ ученію). Иностранные пасторы, поступающіе въ голландскую церковь или временно служащіе въ ней, должны давать такое же обязательство.

Изъ всего этого видно, что вопросъ о исповѣданія вѣры, бывшій предметомъ серьёзныхъ разсужденій, то жаркихъ, то спокойныхъ, еще ожидаетъ своего рѣшенія. Формулы 16-го столѣтія не могутъ болѣе служить точнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ религіозныхъ вѣрованій голландскихъ реформатовъ настоящаго времени. Въ этомъ всѣ они согласны, но расходятся въ томъ, каково должно быть исповѣданіе вѣры, которое бы замѣнило теперешнее. Должна-ли реформатская церковь составить испо-

вѣданіе общее, которое было бы истиннымъ выраженіемъ вѣры всѣхъ ея членовъ,—исповѣданіе вѣры, которое, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего должно быть религіознымъ и христіанскимъ, но также и *реформатскимъ*, которое соотвѣтствовало бы происхожденію церкви, вытекало изъ ея прошедшаго, обнаруживало ея истинное начало, которое, однимъ словомъ, показывало бы ея право и причину быть тѣмъ, что она есть,—церковію реформатскою, отличною отъ всякаго другаго общества христіанскаго и протестантскаго? Многіе оспариваютъ нужду и возможность такого открытаго объявленія началъ, полагая, что начала, доселѣ общепризнаваемыя, составляютъ достаточное единство, какое только нужно; что хотѣть бóльшаго единства значило бы идти къ разъединенію; а что касается до другихъ пунктовъ, считаемыхъ необходимыми для охарактеризованія реформы, то, если взойдти къ ихъ началу и отдѣлить отъ нихъ то, что есть только дѣло ума и нуждъ времени,—они подойдутъ подъ истинныя начала, общія всей великой семьѣ христіанской. По мнѣнію другихъ, напротивъ, возможно и нужно замѣнить выраженіями ясными и точными, прибранными съ общаго согласія, ту неопредѣленность, которую исповѣданіе вѣры, изложенное въ общихъ чертахъ (какъ наприм. вышеприведенное исповѣданіе вѣры приступающихъ къ причащенію), распространяетъ на многіе члены вѣры, относительно коихъ оно, по видимому, допускаетъ многія и глубокія разногласія. Эта разность во мнѣніяхъ не есть, говорятъ, необходимость, которой церковь должна покориться; это — недостатокъ, который она можетъ исправить. Ибо, говорятъ, такова истина и таковъ умъ человѣческій, что, когда одинъ хорошо развитъ, а другая хорошо изслѣдована, разногласія разрѣшаются, на-

конецъ, въ совершенное единство. Равнымъ образомъ понятіе о церкви, церкви отдѣльной, объ обществѣ людей, образовавшемся въ слѣдствіе общей вѣры въ особенныя истины,—самое это понятіе заключаетъ уже въ себѣ требованіе вѣры общей, и отвергаетъ смѣшеніе разногласныхъ мнѣній. Сверхъ того, реформатская церковь исповѣдуетъ ученіе особое, характеристическое, которое составляетъ для нея причину и право быть особенною церковію и которое она сохранила, когда хотѣли устранить или замѣнить его ученіемъ противнымъ. Оно дало всему ея организму особенный характеръ и форму. Не слѣдуетъ оставлять его; напротивъ оно должно быть выставлено на видъ со всею ясностію. И если это ученіе совершенно истинно; если можно сдѣлать изъ него выводы неизмѣнной практической важности: то необходимо, чтобы въ исповѣданіи вѣры церкви и во всемъ проявленіи ея жизни оно удержало свое мѣсто, сохраняя такимъ образомъ церкви ея особенный и реформатскій характеръ. Формулы такого исповѣданія вѣры, удобопріемлемой для всѣхъ и реформатской—нѣтъ; но она возможна, говорятъ; труды размышленія и христіанской науки должны ее приготовить; время расположитъ умы оцѣнить и принять ее. Держащіеся такихъ мыслей жалѣютъ, что синодъ по сіе время не одобрялъ ихъ и что, будучи самъ, безъ сомнѣнія, не въ состояніи и не въ правѣ осуществить ихъ, по крайней мѣрѣ не открываетъ пути, чтобы помочь теченію времени и направленію умовъ разрѣшить эту проблемму. Приверженцы противоположной системы напротивъ хвалятъ благоразумную осторожность синода и не видятъ, какое дѣятельное участіе онъ могъ бы принять въ осуществленіи желаній, которыхъ они, при своей точкѣ зрѣнія, не раздѣляютъ.

Споры о значеніи и обязательной силѣ символическихъ книгъ находятся въ тѣсной связи со спорами объ ученіи. Мы будемъ имѣть мѣсто говорить объ нихъ, бросивъ, напослѣдокъ, взглядъ на богословскія науки въ Голландіи.

Академіи гардервейкская равно какъ и франскеркская, нѣкогда столь славная и цвѣтущая, закрыты. Девентерскій Атеней служитъ только стороною богословскимъ наукамъ. Съ успѣхомъ занимаются ими въ университетахъ лейденскомъ, утрехтскомъ и гронингенскомъ, равно какъ и въ амстердамскомъ Атенеѣ. Богословскій факультетъ въ Лейденѣ составляютъ: заслуженный профессоръ фанъ-Генгель, занимавшій прежде каѳедру экзегетическаго богословія; Схольтенъ по догматическому богословію, съ которымъ соединяется введеніе къ книгамъ новаго Завѣта, и по богословію естественному, — имѣя своимъ помощникомъ экстраординарнаго профессора Принса, для церк. исторіи и нравствен. богословія. Ординарная каѳедра экзегетическихъ наукъ и пастырскаго богословія, занимаемая профессоромъ Кюненомъ, весьма много утратила съ неожиданною смертію проф. Нименмейера, умершаго на 41-мъ году своего возраста. Его сочиненія, между прочими о посланіи къ Ефесеямъ и о посланіяхъ св. Іоанна, суть драгоцѣнное наслѣдство, оставленное имъ богословію отечественной церкви. Профессоры Рютгерсъ и Юейнболь занимаются восточными языками и еврейскими древностями. Въ Утрехтѣ богословскій факультетъ состоитъ изъ професоровъ: Бумана—для экзегетики и богословія естественнаго, Финке—для догматики и пастырскаго богословія, Теръ-Гара—для церковной исторіи и нравственнаго богословія, и Аудеса—для восточныхъ языковъ.

Въ Гронингенѣ богословскія науки читаютъ профессоры: Гофстеде-де-Гротъ—церковную исторію и естественное богословіе. Паро—богословіе нравственное, экзегетику ветхаго Завѣта и библейскую герминевтику. Богословская энциклопедія и догматическое богословіе преподаются попеременно сими двумя профессорами. Проф. Мурлингъ читаетъ экзегетику и пастырское богословіе; проф. Фалетонъ преподаетъ восточные языки. Въ Амстердамѣ богословіе преподается въ Атенеѣ, равно какъ и въ разныхъ протестантскихъ семинаріяхъ. Воспитанники разныхъ вѣроисповѣданій, не переставая принадлежать къ своимъ религіознымъ обществамъ, охотно пользуются средствами образованія, которыя представляютъ имъ богословскія каѳедры другихъ исповѣданій, безъ всякаго препятствія со стороны церковныхъ дирекцій, отъ которыхъ они зависятъ. Ремонстранты, лютеране, обыкновенные и принадлежащіе къ возстановленной лютеранской церкви, поручаютъ иногда преподаваніе богословія реформатскимъ профессорамъ. Въ амстердамскомъ Атенеѣ богословскія науки читаются проф. Моленъ; въ лютеранской семинаріи—проф. Миллисомъ и Домела Нивенгейзомъ; въ телеобаптистской—проф. Мюллеромъ и фанъ—Гильсе. По смерти проф. ремонстрантской семинаріи Амори фанъ-деръ-Гуфена, въ которомъ протестантская церковная каѳедра въ Голландіи потеряла одного изъ отличнѣйшихъ ораторовъ, богословіе преподается въ ней пасторомъ Стюартомъ. Эти ученые преподаютъ догматику каждый съ точки зрѣнія своего общества. Почти всѣ они, особенно Миллисъ и фанъ—Гильсе, занимаются истолкованіемъ св. Писанія; Моль преимущественно церковною исторіею, Домела Нивенгейзъ-богословіемъ естественнымъ и нравственнымъ, Фетъ-исключительно восточными языками и еврейскими древностями.

Впрочемъ специальные ученые и профессоры не суть единственные представители богословской науки въ Голландіи. Многіе изъ пасторовъ не перестаютъ распространять кругъ богословскихъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ университетахъ. Когда нужно бываетъ замѣщать академическія каѳедры, всегда находятъ между ними многочисленныхъ кандидатовъ. Голландскіе богословы, профессоры и пасторы пишутъ для публики, но не такъ много, какъ ихъ собратья въ другихъ странахъ. Иностранные журналы говорятъ иногда объ ихъ сочиненіяхъ. Но нельзя судить о состояніи наукъ въ Голландіи по числу или обширности печатаемыхъ книгъ. Это относительно скудное число печатныхъ сочиненій происходитъ частію отъ того, что голландская публика слишкомъ малочисленна для сбыта большаго числа ученыхъ сочиненій; частію отъ національнаго характера голландцевъ. Голландскій ученый больше думаетъ, чѣмъ пишетъ; онъ любитъ больше выражать свою мысль словомъ, нежели перомъ, и писать не столько на бумагѣ, сколько въ умѣ и сердцѣ тѣхъ, кого призванъ наставлять и образовать. Нѣкоторыя изъ ученыхъ сочиненій пишутся, по-прежнему, на латинскомъ языкѣ, который употребляется еще въ академическомъ преподаваніи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Впрочемъ употребленіе этого языка уменьшается, да и не поощряется опытомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ перестал быть общимъ языкомъ науки, и сочиненія, писанныя на немъ, имѣютъ въ ученомъ мірѣ менѣе ходу, чѣмъ прежде.

Нѣсколько словъ о наукахъ входящихъ въ составъ богословскаго факультета.

Восточное языкознаніе обнимаетъ собою языки: еврейскій, арабскій, сирскій, халдейскій, а иногда и другія

семитическія нарѣчія. Г. Роорда, ученикъ отличнаго оріенталиста Гамакера, съ смертію коего наука понесла чувствительную потерю, издалъ на латинскомъ языкѣ двѣ грамматики, одну еврейскую, другую арабскую, — очень высоко цѣнимыя произведенія. Проф. Фетъ напечаталъ грамматику сирскаго языка, равно какъ,—на языкѣ голландскомъ,—еврейскую грамматику, болѣе элементарную, чѣмъ руководство Роорды, для облегченія изученія еврейскаго языка въ гимназіяхъ, въ которыхъ онъ, съ нѣкотораго времени, введенъ преимущественно въ пользу будущихъ студентовъ богословія. Изданіе арабскихъ манускриптовъ, изъ коихъ нѣкоторые очень обширны, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ голландскихъ оріенталистовъ. Языкомъ яванскимъ преимущественно занимается проф. Роорда, въ рукахъ коего этотъ языкъ облекся въ научную форму. Стараніямъ этого отличнаго филолога обязано миссейское общество тѣмъ, что труды по переводу Библіи на яванскій языкъ приведены къ счастливому окончанію.—Профессоры восточныхъ языковъ посвящаютъ особенное стараніе истолкованію ветхаго Завѣта; другіе профессоры богословія раздѣляютъ иногда съ ними эти труды.

Науки, относящіяся къ *истолкованію св. Писанія*, занимаютъ важное мѣсто въ богословскихъ занятіяхъ; таковы: герминевтика, критика, исагогика и экзегетика въ собственномъ смыслѣ. По части *герминевтики* есть замѣчательная книга проф. Паро. *Исагогикою* тщательно занимается лейденскій проф. Схольтенъ.—Между трудами по части *критики* заслуживаетъ особеннаго вниманія сочиненіе Дудеса, въ настоящее время Роттмастера въ ердамѣ: «О критикѣ новозавѣтнаго текста»,—удостоенное преміи «обще-

ства Тейлора». Авторъ представляетъ въ немъ, послѣ исторіи самаго текста, исторію критики текста въ ея началѣ, отъ Эразма до Миллія, въ ея развитія, отъ Бенгеля до Грисбаха, и въ ея относительной зрѣлости, до которой она доведена трудами послѣднихъ временъ. За тѣмъ онъ показываетъ начала, путь и правила, которымъ должно слѣдовать, равно какъ и пособія, которыми можно пользоватся, чтобы достигнуть цѣли критики текста, то есть, возстановленія первобытнаго текста, который, не смотря на противныя мнѣнія Шлейермахера и Лахмана, онъ полагаетъ возможнымъ отыскать. Наконецъ, онъ прилагаетъ свою методу ко многимъ мѣстамъ новаго Завѣта.—Дудесъ издалъ также много другихъ богословскихъ сочиненій, которыя были приняты съ большимъ одобреніемъ, хотя и не встрѣтили во всѣхъ одинаковаго согласія съ экзегетическими и догматическими выводами автора. Въ истолкованіи онъ слѣдуетъ грамматическо-исторической методѣ по началамъ Винера, пополненнымъ присоединеніемъ психологическо-религіознаго начала истолкованія. Молодые богословы не иначе допускаются къ пастырскому служенію, какъ по выслушаніи трехлѣтняго курса экзегетики ветхаго и новаго Завѣта, и подвергаются строгому и продолжительному испытанію посредствомъ длинныхъ отрывковъ оригинальнаго текста изъ того и другаго Завѣта. Экзаменъ откладывается, если результатъ по этой части признается неудовлетворительнымъ. Привыкши, такимъ образомъ, съ молодыхъ лѣтъ къ тщательному и основательному толкованію, многіе изъ голландскихъ богослововъ продолжаютъ и послѣ посвящать свои занятія этой наукѣ, составляющей главное основаніе голландско-реформатскаго богословія. Заслуженный профессоръ Фанъ-Генгель, много способство-

вавшій утвержденію и развитію этой науки, не перестаетъ, на старости лѣтъ, заниматься ею и поддерживать ея употребленіе въ Голландіи. За границею извѣстны его латинскіе комментаріи на «нѣкоторыя мѣста новаго Завѣта», 1824, на «посланіе къ Филиппійцамъ», 1838, «на 1 Коринѳ. XV», 1851, и на «посланіе къ Римлянамъ», 1855. Его убѣжденія въ необходимости новаго голландскаго перевода Библіи, изложенныя имъ предъ синодомъ и сообщенныя публикѣ въ его сочиненіяхъ, дали опору настоятельнымъ требованіямъ, чтобы принялись за это дѣло. Послѣ многихъ годичныхъ засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію этого важнаго вопроса, синодъ рѣшилъ въ 1853 году приступить къ этому дѣлу, начавъ новымъ Завѣтомъ, и пригласилъ многихъ изъ отличнѣйшихъ голландскихъ ученыхъ взяться быть переводчиками или пересмотрщиками перевода. Между сими богословами нѣкоторые принадлежатъ къ другимъ протестантскимъ обществамъ. Четырнадцать изъ приглашенныхъ приняли предложеніе. Это—профессоры богословскихъ факультетовъ лейденскаго и гронингенскаго, пасторы: амстердамскій — Спейкеръ, роттердамскій — Принсъ, дордрехтскій — Бломъ и гронингенскій—фанъ-Герверденъ; ремонстрантскій профессоръ Амори фанъ-деръ-Гуфенъ († 1855) и меннонитскіе пасторы Гартингъ, Фиссерингъ и Испъ,—всѣ отличные богословы. Они составили комитетъ, въ непосредственной связи съ синодомъ, чтобы трудиться на основаніяхъ и по правиламъ, которыя были постановлены съ общаго согласія. Синодъ принялъ на себя издержки. Проф. фанъ-Генгель назначенъ былъ президентомъ, пасторъ Спейкеръ, которому преимущественно обязаны успѣхомъ мысли и плана, — вице-президентомъ, пасторъ Принсъ—секретаремъ. Положено было не

уклоняться отъ обыкновеннаго греческаго текста, изданія Эльзевира 1624 года, развѣ только когда очевидные выводы критики того потребуютъ. Переводу будетъ предшествовать общее введеніе ко всѣмъ книгамъ новаго Завѣта. Будетъ частное введеніе въ каждую книгу отдѣльно, съ показаніемъ содержанія въ началѣ каждой главы. Указаны будутъ параллельныя мѣста. Сверхъ того будутъ прибавлены примѣчанія, для показанія разностей чтенія, разногласныхъ, но правдоподобныхъ толкованій, мѣстъ, служащихъ къ уясненію, равно какъ и замѣчанія необходимыя для уразумѣнія текста, но отнюдь не догматическія. Труды по переводу раздѣлены между четырьмя отдѣленіями сотрудниковъ такимъ образомъ, что въ каждомъ изъ нихъ одинъ изъ трехъ его членовъ — переводчикъ, а двое остальные служатъ ему совѣтниками. Пересмотръ перевода порученъ коммиссіи изъ пяти членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего помощника, въ случаѣ надобности, заступающаго его мѣсто; для пересмотра каждой части труда переводчикъ оной присоединяется къ пересмотрщикамъ. По окончаніи труда, будетъ обращено особое вниманіе на одинаковость и чистоту языка. Точно также будетъ приступлено и къ переводу ветхаго Завѣта, въ слѣдствіе опредѣленія синода 1854 года. Оріенталисты Роарда, Юйенболь, Фетъ и Кюненъ, которымъ было поручено сдѣлать планъ, постановили для этого труда основанія и правила, которыя были одобрены. Относительно примѣчаній, введеній общаго и частныхъ къ каждой главѣ, правила не отличаются отъ тѣхъ, которыми положено руководствоваться при переводѣ новаго Завѣта. Обозначивъ на поляхъ принятое раздѣленіе главъ и стиховъ, выставлять содержаніе въ началѣ главныхъ отдѣловъ каждой книги, а въ писа-

ніяхъ пророческихъ—въ началѣ каждаго новаго пророчества. Основаніемъ перевода будетъ служить текстъ обыкновенный или мазоретскій, изданій фанъ-деръ-Гохта и Михаелиса, отъ котораго будутъ уклоняться только въ случаѣ крайней нужды, обозначая это всякой разъ. Трудъ раздѣленъ между профессорами университетовъ и пасторами разныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій. То, что будетъ переведено однимъ переводчикомъ, будетъ пересмотрѣно двумя другими, которыхъ изберутъ всѣ сотрудники вмѣстѣ. — Не мало еще лѣтъ пройдетъ, безъ сомнѣнія, пока это обширное предпріятіе будетъ приведено къ окончанію. Отнюдь не намѣрены вводить оффиціально новый переводъ въ употребленіе и замѣнить имъ старый въ общественномъ богослуженіи. Единственная цѣль сего великаго труда—предложить голландскимъ христіанамъ переводъ св. Писанія, сдѣланный людьми самыми просвѣщенными, съ соблюденіемъ единства и всѣхъ условій вѣрности и согласія его съ подлинникомъ, могущихъ внушить довѣріе; — между тѣмъ какъ дѣло будетъ само себя рекомендовать своими достоинствами и плодами. Нельзя однакожъ умолчать, что это предпріятіе, — хотя одобряется и поощряется со многихъ сторонъ, — очень далеко отъ того, чтобы быть по мыслямъ всѣхъ. Признавая, что желательно было бы имѣть лучшій переводъ св. Писанія, многіе однакожъ полагаютъ, что не настало время трудиться надъ этимъ общими силами и оффиціальнымъ образомъ, съ надеждою на вѣрный успѣхъ. Тѣ, которые такъ думаютъ, отказываютъ въ своемъ содѣйствіи. Ихъ отсутствіе въ коммиссіи переводчиковъ не остается незамѣченнымъ и вредитъ общему участію и довѣрію, которыя необходимы въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ новый переводъ св. Писанія.

Чтобы способствовать уразумѣнію св. Писанія въ народѣ, печатается «библейскій словарь для христіанскаго семейства»,—изданіе замѣчательное, надъ которымъ трудится общество отличныхъ богослововъ.

Церковная исторія, къ которой относятся также патристика, символика, исторія догматовъ и исторія отечественной церкви, изучается тщательно въ университетахъ и находитъ многихъ любителей въ религіозной публикѣ, встрѣчающей съ большимъ участіемъ сочиненія въ этомъ родѣ, соединяющія въ себѣ общепонятность съ учеными достоинствами. Таковы, напримѣръ: «картины изъ реформаціи,»—сочиненіе утрехтскаго профессора Теръ Гара, удостоенное преміи «гагскаго общества,» и «картины изъ церковной исторіи,» изданіе періодическое, надъ которымъ трудятся отличные люди духовнаго званія. Весьма замѣчательны церковноисторическія сочиненія амстердамскаго пастора Бруса, назначенныя для лицъ духовныхъ и государственныхъ, — въ которыхъ онъ, съ рѣдкимъ остроуміемъ и знаніемъ духа времени и направленія умовъ, собралъ весьма поучительные и назидательные историческіе уроки.—По изученію и разработкѣ источниковъ исторіи Церкви вообще и отечественной въ особенности, науки весьма много обязаны профессору Ройярду, Кисту и Молю. Съ 1829 года первые двое издавали «архивъ исторіи церкви, особенно голландской.» По смерти Ройярда (1854), изданіе было продолжаемо Кистомъ и Молемъ. Это — собраніе монографій, критическое изложеніе источниковъ, забытыхъ или неизвѣстныхъ. Труды этихъ ученыхъ и ихъ сотрудниковъ, по важности своей, часто заставляютъ жалѣть, что малоизвѣстность голландскаго языка дѣлаетъ голландскую литературу столь мало доступною для иностранцевъ. Очень немногія изъ сочине-

ній Ройярда переведены на нѣмецкій языкъ. Сюда относится его прекрасный трудъ: «объ основаніи и развитіи новыхъ европейскихъ государствъ подъ вліяніемъ христіанства до конца среднихъ вѣковъ.» Это сочиненіе, удостоенное преміи «утрехтскаго общества,» составило эпоху въ голландской духовной литературѣ. Возводя средніе вѣка до 6-го столѣтія, когда европейскіе народы начинаютъ свое развитіе, авторъ показываетъ ускореніе и оплодотвореніе сего развитія христіанствомъ, отъ 7-го столѣтія до 9-го; возобновленіе варварскихъ временъ въ 9-мъ и слѣдующемъ вѣкѣ, но смягченіе ихъ христіанскою вѣрою; наконецъ, отъ 12-го до 16-го в. совершенную зрѣлость народовъ, идущихъ къ дальнѣйшему развитію. На нѣмецкій языкъ переведено также сочиненіе Ройярда «о конкордатахъ съ Римомъ,» достойное того вниманія, которое оно обратило на себя въ то время, какъ вопросъ о сихъ конкордатахъ волновалъ многія нѣмецкія государства, особенно же Голландію. Изъ сочиненій Киста переведены на нѣмецкій языкъ два его трактата, одинъ «о происхожденіи епископской власти въ христіанской церкви, въ связи съ положеніемъ первыхъ христіанскихъ обществъ,» — въ которомъ онъ, въ тоже время, доказываетъ подлинность и важность посланій св. Игнатія Богоносца. Другой его трактатъ представляетъ «исторію ученія христіанства, въ ея отношеніи къ исторіи церкви и догматовъ, — какъ особенную отрасль историческаго богословія.» Изданное на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе Дельпрата, бывшаго валлонскаго пастора въ Роттердамѣ, «О Жерардѣ Великомъ (Геертъ Гроте) и общежительномъ братствѣ,» — сочиненіе, обратившее на себя вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, — важно въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ нравственнымъ и обществен-

нымъ состояніемъ сѣверной Голландіи, особенно провинцій оверейссельской и гронингенской, въ 14-мъ и 15-мъ вѣк., и показываетъ, какъ сѣверъ Германіи обязанъ симъ двумъ нидерландскимъ областямъ большою частію своего умственнаго развитія. Нѣсколько другихъ сочиненій писаны на латинскомъ языкѣ, каковы напримѣръ: «Compendium Historiae Ecclesiae Christianae,» «Chrestomathia Patristica, профессора Ройярда; «De Ecclesia Graeca,» «De nchoata, non dum perfecta sacrorum emendatione» «De religionis christianae indole practica, uti antea semper, sic omnino hodie multum neglecta,» 1853,—профессора Киста; «Chartae theologicae, librorum censuras et doctrinae sacrae miscella continentes,» 1853 г.; также «Memoria Johannis Clarisse Theologi»—утрехтскаго профессора Бумана. Это послѣднее сочиненіе знакомитъ съ однимъ изъ отличнѣйшихъ голландскихъ богослововъ позднѣйшаго времени и съ самымъ его временемъ; оно отличается сверхъ того, равно какъ и предъидущее, изяществомъ латинскаго языка, очень рѣдкимъ въ наше время.

Еще нѣсколько словъ *о проповѣдничествѣ*. Находятъ, что оно не подвинулось впередъ послѣ первой четверти этого столѣтія, да и не имѣло въ этомъ нужды, потому что для него было достаточно удержаться на той высотѣ, на которую оно было возведено въ это время; и полагаютъ, что оно не спустилось съ нея. Въ проповѣдяхъ преобладаетъ направленіе дидактическое, не исключая впрочемъ и другихъ родовъ поученій. Предметомъ ихъ наиболѣе служитъ общепонятное изъясненіе и приложеніе содержанія св. Писанія, говорящее уму и сердцу. Голландскіе христіане ищутъ въ проповѣдяхъ назиданія и вмѣстѣ поученія. Чтобы удовлетворить желаніямъ и потребностямъ слушателей, нужна проповѣдь основатель-

ная по содержанію и тщательно обработанная по формѣ. Чтобы приготовиться къ ней, нуженъ трудъ и время. Очень понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, въ Голландіи должны найдтись хорошіе проповѣдники, — и ихъ довольно. Особенное вниманіе обратили на себя въ послѣднее время гагскій пасторъ Дермутъ, краснорѣчіемъ зрѣлымъ и сильнымъ, и пасторъ Амори-фанъ-деръ-Гуфенъ, коего краснорѣчіе, исполненное важности и помазанія, доставило ему славу рѣдкую въ Голландіи, и имѣло сильное вліяніе на проповѣдниковъ всѣхъ протестантскихъ обществъ. Многіе пасторы издаютъ собранія своихъ проповѣдей, и народъ любитъ читать ихъ. Въ числѣ сихъ собраній есть и на французскомъ языкѣ, изданныя валлонскими пасторами, какъ прибывшими изъ Франціи и Швейцаріи, такъ и нидерландскими валлонами. Изъ послѣднихъ можно упомянуть о собраніи проповѣдей роттердамскаго пастора Гюе, какъ о замѣчательномъ образцѣ одного изъ родовъ голландскаго церковнаго краснорѣчія. Оно содержитъ поученія христіанской философіи, очень цѣнимыя слушателями, для которыхъ назначены. Во Франціи переведены голландскія поученія очень любимаго роттердамскаго проповѣдника Остерзее, съ плодовитостію ума и воображенія соединяющаго увлекательный слогъ, котораго невозможно передать въ переводѣ. При имени Остерзее, кстати упомянуть объ немъ, какъ объ авторѣ замѣчательнаго сочиненія: «Жакъ Соренъ, страница изъ исторіи церковнаго краснорѣчія,» 1855 г. Ему же принадлежитъ «жизнь Іисуса,» въ трехъ большихъ томахъ,— сочиненіе ученое и религіозное, написанное для людей образованныхъ, принятое и читаемое публикою съ большимъ одобреніемъ и сочувствіемъ. Въ видѣ продолженія сего сочиненія, Остерзее напечаталъ «Христологію,» на-

значенную для той же публики. Также подъ заглавіемъ: «Жизнь Іисуса,» издано произведеніе амстердамскаго пастора Мейбома, достойное серьезнаго вниманія, но отличающееся отъ сочиненія Остерзее догматическими разностями, происходящими отъ различія богословскихъ взглядовъ у двухъ авторовъ.

Разность богословскихъ взглядовъ и направленій, столь естественная и даже неизбѣжная въ протестантизмѣ, основаніе коего есть свобода изслѣдованія, съ особенною силою проявляется въ реформатской Голландіи. Представимъ нѣкоторыя черты сихъ взглядовъ въ связи съ тѣмъ, что имѣемъ сказать *объ ученіи догматическомъ* въ голландской церкви.

Въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ возникъ и развился, особенно въ гронингенскомъ университетѣ, взглядъ на Евангеліе, составляющій эпоху. Три профессора богословскаго факультета въ этомъ университетѣ, Паро, Гофстеде-де-Гротъ и Мюрлингъ, съ общаго согласія, приняли особенныя начала, взгляды и методу въ преподованіи богословія или, какъ они выражаются, въ дѣлѣ приготовленія служителей Христовыхъ. Эти взгляды и эта метода предполагаютъ и пополняютъ себя взаимно, и составляютъ такимъ образомъ одно цѣлое, которое они изложили въ своемъ «наставленіи для богослова, Encyclopedia Theologi Christiani, in scholarum suarum usum breviter delineata a Hofstede de Groot et L. G. Pareau,» ed. 3, 1851. — Вотъ главные черты ихъ взглядовъ, по этому руководству: «Христіанство — это Христосъ, живущій посреди людей, чтобы образовать ихъ для своей жизни. Пришедши съ неба, чтобы жить здѣсь на землѣ совершенною жизнію, Онъ образовалъ и раскрылъ духъ этой жизни въ нѣсколькихъ ученикахъ, и передавая чрезъ

нихъ этотъ духъ, составилъ такимъ образомъ общество вѣрныхъ или Церковь, которую Онъ продолжаетъ распространять посредствомъ этой жизни, составляющей ея средоточіе и основаніе. Будучи превыше видимаго міра, Іисусъ не престаетъ жить посреди Своей церкви; присущь въ ней и животворитъ ее. Для распространенія сей жизни въ душахъ, Онъ употребляетъ служеніе (ministerium) своихъ. Всѣ должны исполнять это служеніе, особенно же тѣ, въ которыхъ жизнь Іисусова обитаетъ въ изобиліи и которые, въ тоже время, имѣютъ разумѣніе и сознаніе оной. Это — богословы. Съ юныхъ лѣтъ они должны быть приготовлены къ жизни въ духѣ Христовомъ. Академическое образованіе, долженствующее служить къ развитію въ нихъ этой жизни вообще, назначается преимущественно для того, чтобы раскрыть въ нихъ разумѣніе и сознаніе оной. Чтобы дойдти до этого, нужно прежде всего объективное знаніе жизни Христовой, Его жизни на землѣ (изъясненіе новаго Завѣта) и Его жизни въ церкви (церковная исторія). За тѣмъ нужно, чтобы богословъ имѣлъ ясное созерцаніе жизни Христовой въ томъ видѣ, какъ она должна осуществиться въ каждомъ христіанинѣ (нравственное ученіе). Онъ долженъ также знать тѣ особенныя свойства, которыя она должна принять въ немъ, чтобы онъ могъ вдохнуть ее въ другихъ (богословіе практическое, т. е. пастырское). Нужно, наконецъ, чтобы онъ далъ себѣ ясный и раздѣльный отчетъ въ томъ, что созерцалъ и принялъ жизнь Христову (богословіе догматическое), и чтобы умѣлъ выставить на видъ превосходство этой жизни (апологетика).

Независимо отъ способностей и расположеній умственныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ, необходимыхъ для изученія каждой изъ сихъ частей, нужны еще познанія положительныя.

I. Для объективнаго знанія жизни Христовой нужны:

1) *Изъясненіе новаго Завѣта.* Оно требуетъ предварительно, кромѣ знанія языковъ, тщательнаго изученія ветхаго Завѣта, особенно въ отношеніи къ исторіи народа израильскаго, еврейскимъ древностямъ и Моисеевой теократіи; нужно также знаніе іудейства послѣ плѣна, греческаго языка перевода семидесяти толковниковъ и апокрифовъ. Изъясненіе должно быть грамматическое, историческое, логическое и психологическое; въ отношеніи историческомъ нужно обращать вниманіе на нравы и понятія того времени, не забывая, что апостолы и особенно Іисусъ Христосъ стояли выше своего вѣка. Изъясненіе должно имѣть цѣлію заставить почувствовать и понять, что̀ Іисусъ Христосъ сказалъ и сдѣлалъ, что̀ Онъ былъ и что̀ есть, дабы тѣмъ лучше преобразоваться по Его подобію. Для этого нужно сперва созерцать Іисуса Христа прямо, какъ Онъ самъ Себя открылъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ свящ. писателями, потомъ размышлять о сужденіяхъ сихъ послѣднихъ относительно лица Іисусова, — сужденіяхъ, несомнѣнно, безошибочныхъ, — но «тайна Христова превосходитъ всякій умъ (Еѳес. III).» Съ экзегетикою, или критикою смысла, должна идти рука объ руку, но не предшествовать ей, критика текста и канона.» Эта теорія раскрыта въ особомъ трактатѣ: «Hermeneutica Codicis sacri, edidit. L. G. Pareau. 1846.»

2) *Церковная исторія.* «Она должна быть изучаема также съ цѣлію познать Іисуса Христа и Его божественное дѣло въ возрожденіи рода человѣческаго, дабы богословъ такимъ образомъ усвоилъ себѣ все, что можетъ быть извѣстно о жизни Христовой. Ибо Іисусъ Христосъ продолжаетъ открывать Себя въ церкви, которая есть Его тѣло; Онъ живетъ въ ней и управляетъ ею духовно.

Это должно разумѣть въ такомъ смыслѣ, что откровеніе Христа въ новомъ Завѣтѣ остается критеріемъ Его откровенія въ исторіи Церкви, такъ что мы можемъ признавать въ сей послѣдней истиннымъ и божественнымъ только то, что совершенно согласно съ свѣдѣніями объ Іисусѣ Христѣ, почерпаемыми изъ новаго Завѣта. Исторія Церкви должна быть *критическою*, *прагматическою* и *христіански*, религіозно прагматическою, показывая, при причинахъ человѣческихъ, Іисуса Христа и Бога чрезъ Него дѣйствующими въ свободныхъ людяхъ, — и *эклектическою*, то есть, давать, посредствомъ точнаго повѣствованія о нѣкоторыхъ подробностяхъ, живое понятіе о цѣломъ.» Въ этомъ духѣ составлены «Institutiones Historiae Ecclesiae Christianae a P. Hofstede de Groot ed. altera 1852.»

II. Послѣ изученія объективной жизни Христа, нужно *изученіе жизни Христовой въ христіанинѣ богословѣ*.

1) «Изученіе сей жизни въ христіанинѣ вообще: то есть, *наставленіе нравственное*, или изложеніе дѣйствія Божія и дѣйствія Іисуса Христа самаго и чрезъ людей, дабы сіи приняли отъ Спасителя эту божественную жизнь, которая открылась въ Немъ; другими словами, это — изложеніе образа, коимъ божественная жизнь возникаетъ и раскрывается въ человѣкѣ, и коимъ царство Божіе распространяется въ родѣ человѣческомъ. Посему нужно философически и исторически изложить, съ одной стороны, какова природа человѣка, его грѣховное состояніе и его потребности; съ другой — что такое Іисусъ Христосъ, какую цѣль Онъ предполагаетъ Себѣ, или Богъ чрезъ Него; и, наконецъ, какимъ образомъ, посредствомъ не только своего ученія, но особенно дѣйствія всей своей жизни и своего лица, равно какъ и чрезъ свою Церковь, Іисусъ

Христосъ раскрываетъ природу человѣка, удовлетворяетъ его потребностямъ и желаніямъ, производитъ его исправленіе и ведетъ къ усовершенствованію какъ каждаго человѣка отдѣльно, такъ и всю христіанскую Церковь, весь родъ человѣческій.» Эти начала раскрыты въ сочиненіи: «Initia institutionis Christianae moralis: edidit L. G. Pareau 1842.»

2) За тѣмъ нужно изученіе средствъ, — первоначально тѣхъ, которыя употреблялъ самъ Іисусъ Христосъ, — при помощи коихъ богословъ можетъ сообщать другимъ (пастырь пасомымъ), свою собственную духовную жизнь, жизнь во Христѣ и чрезъ Христа. Это — *богословіе практическое*, ученіе о пастырской жизни или о томъ попеченіи, которое надобно имѣть о церкви. Эта наука раздѣляется на катехетику, гомилетику, литургику, церковное благочиніе, церковное право и апостольское служеніе. Это послѣднее состоитъ въ дѣятельномъ участіи, которое должно быть принимаемо въ общемъ благѣ церкви, въ развитіи ея жизни и въ ревностномъ распространеніи оной.» Этотъ предметъ раскрытъ съ особеннымъ тщаніемъ въ книгѣ, писанной на голландскомъ языкѣ, професоромъ Мурлингомъ, о «христіанскомъ пастырствѣ.»

III. Жизнь Христова — какъ она открывается въ новомъ Завѣтѣ и въ церкви, и какъ она должна осуществиться въ человѣкѣ, или христіанская религія, должна быть изучаема и излагаема исторически-философическимъ образомъ. Таково *богословіе догматическое*.

1) *Богословіе естественное* или философское есть его введеніе. Оно изслѣдываетъ и излагаетъ истинную *идею* религіи, и отличается такимъ образомъ отъ догматики христіанской, которая имѣетъ предметомъ своимъ *осу-*

ществленіе сей идеи Богомъ, чрезъ Іисуса Христа, въ человѣчествѣ. Профессоръ Гофстеде излагаетъ этотъ предметъ въ сочиненіи: «Institutiones Theologiae naturalis, ed. 3, 1845.»

2) *Догматика* имѣетъ источникомъ *духъ истины*, дарованный Христомъ, духъ изслѣдованія, разумѣнія и порядка, побуждающій богослова составлять себѣ теорію христіанства. Эта теорія, хотя относится къ одному и тому же предмету, необходимо носитъ на себѣ отпечатокъ индивидуальныхъ разностей, равно какъ потребностей и просвѣщенія, которыя, смотря по времени, бываютъ неодинаковы; итакъ она не можетъ быть одинакова у всѣхъ и во всякое время. Но, при всѣхъ измѣненіяхъ, ея исходною точкою было и должно быть лице Іисуса Христа, основывающаго религію безусловно истинную, единую, совершенную, которая есть учрежденіе для воспитанія человѣка въ подобіе Божіе. Итакъ догматика должна начинаться Іисусомъ Христомъ, основаніемъ зданія (*Христологія*). Іисусъ Христосъ, совершенный образъ Божій, явившійся среди людей, явилъ Бога, сообщивъ то, что должно знать о Немъ (*богословіе*). Іисусъ Христосъ, разсматриваемый какъ идеалъ человѣка, руководствуетъ къ познанію человѣка; знакомитъ съ его природою, способною сдѣлаться богоподобною; открываетъ назначеніе человѣка, состоящее въ достиженіи сего подобія; показываетъ, какъ настоящее его положеніе далеко отъ этого подобія (*антропологія*). Іисусъ Христосъ, наконецъ, долженъ быть разсматриваемъ какъ путь для человѣка къ достиженію подобія съ Нимъ (*сотеріологія — ученіе о спасеніи*); въ ученіе объ этомъ входитъ и *эсхатологія*, ученіе объ участи человѣка за гробомъ.

3) Къ философическому изложенію христіанства нужно

присовокупить одобреніе или подтвержденіе онаго (recommendatio), — *апологетику*; это одобреніе основывается на совершенствѣ и спасительности христіанской религіи и ея исторической истинѣ. Подтвержденіе исторической истины заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе источниковъ, особенно Евангелій, равно какъ посланій апостольскихъ и писаній ветхозавѣтныхъ, служащихъ къ познанію объ Іисусѣ Христѣ. Въ немъ заключается также ученіе о неповрежденности, подлинности и исторической истинѣ св. Писаній и о богодуховенности священ. писателей. Въ двоякомъ отношеніи, — въ отношеніи исторической истины и совершенства, апологетика разсматриваетъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, Іисуса Христа, христіанскую церковь и христіанскую религію; сію послѣднюю она разсматриваетъ въ духовной жизни истиннаго христіанина, въ его жизни общественной и церковной. Она выставляетъ на видъ особенно то преимущество сей религіи, что чѣмъ серьёзнѣе изслѣдованіе, которому она подвергается, тѣмъ болѣе открывается ея истина.» Въ этомъ духѣ написана книга: «Compendium Dogmatices et Apologetices a L. G. Pareau et P. Hofstede de Groot, 1848».

Вотъ краткій очеркъ взглядовъ и методы гронингенской школы. Имя ея извѣстно и за предѣлами Голландіи, но единственно по сочувствію или оппозиціи, которыя она возбудила. При общемъ почти одобреніи того, что находятъ въ этомъ богословіи практическаго, и довольно благосклонномъ пріемѣ, который оказывается заключающимся въ немъ мистическимъ элементамъ, гронингенскихъ учителей упрекаютъ въ томъ, что, при странномъ взглядѣ, который они имѣютъ на жизнь Іисуса Христа и Его ученіе, важность первой совершенно затмѣваетъ важность, которую должно имѣть для насъ послѣднее. Ихъ

коряютъ также, что они не даютъ ветхому Завѣту того ѣста, которое ему принадлежитъ, и смотрятъ на апоголовъ и свящ. писателей новаго Завѣта только какъ ı достовѣрныхъ свидѣтелей, а не какъ на непогрѣшиые авторитеты. Но несравненно важнѣе слѣдующія ихъ кеученія, подрывающія самыя основанія христіанской ѣры. 1) Аріанское ученіе о лицѣ Іисуса Христа, котоый, по ихъ мнѣнію, есть существо въ высшей степени ричастное Божескаго естества, коего причастны и люди, ь низшей степени. Онъ оставилъ свое небесное состоя.е, подобное состоянію Бога, чтобы открыть здѣсь на ›млѣ Его высочайшее естество, живя жизнію святою, эдобною жизни Божіей, въ состояніи земномъ, подобномъ ; состоянію Божію, а состоянію человѣческому, и все это эоявленіе лица Спасителя, отъ перваго начала до конца эеменъ, способствовало вмѣстѣ и развитію божественной изни въ Немъ самомъ и спасенію человѣчества. 2) Ихъ глядъ на отношеніе между страданіями Іисуса Христа и ющеніемъ грѣховъ. По ихъ мнѣнію, грѣхи прощаютвъ слѣдствіе смерти Іисуса Христа потому, что эта ерть, высшее проявленіе грѣха человѣка, любви Божіей вѣрности Іисусовой, необходима была для того, чтобы сусъ сдѣлался Спасителемъ человѣчества, чтобы челокъ былъ приведенъ къ раскаянію, и чтобы Богъ могъ, кимъ образомъ, простить, освятить и спасти его. Ученіе о Духѣ Святомъ, который, по ихъ мнѣнію, ъ духъ Божій и Христовъ, сила, божественная жизнь, орую Богъ сообщаетъ человѣку и поддерживаетъ въ ъ чрезъ Іисуса Христа. Вотъ главныя заблужденія нингенской богословской школы, подающія поводъ къ жой полемикѣ и въ реформатской Голландіи. Гронинскіе богословы раскрываютъ и защищаютъ свои взгля-

ды въ основанномъ имъ въ 1837 году періодическомъ изданіи «Истина въ Любви», имѣющемъ большой кругъ читателей.

Профессоръ Схольтенъ преподаетъ въ лейденскомъ университетѣ христіанскую догматику въ философской формѣ, какъ и въ Гронингенѣ, но съ болѣе строгими научными пріемами. Онъ пользуется большою извѣстностію въ Голландіи, имѣетъ всегда многочисленныхъ слушателей на своихъ лекціяхъ, которыя изложены имъ въ очень основательныхъ сочиненіяхъ. Въ своей книгѣ «о началахъ ученія реформатской церкви» онъ допускаетъ два начала: *формальное* и *матеріальное*. *Формальное* начало реформатской церкви состоитъ въ томъ, чтобы признавать св. Писанію единственнымъ источникомъ и пробнымъ камнемъ истины христіанской, отличать въ Писаніи слово Божіе, и считать критеріемъ слова Божія въ Писаніи свидѣтельство Святаго Духа, а свидѣтельство Святаго Духа, по его мнѣнію, есть сознаніе согласія, которое находится между откровеніемъ, сообщаемымъ Богомъ посредствомъ разума и нравственнаго и религіознаго чувства человѣка, освобожденнаго отъ рабства грѣховнаго, — и откровеніемъ христіанскимъ, содержащимся въ Писаніи. Начало *матеріальное* — это въ истинномъ смыслѣ исповѣданіе того, что Богъ, и именно чистая Его благодать и милость о Христѣ Іисусѣ есть единственный источникъ спасенія. Въ дальнѣйшемъ развитіи системы представляется, «что это начало, какъ начало религіи совершенной, положено Іисусомъ Христомъ, раскрыто апостоломъ Павломъ въ преніяхъ его съ іудействомъ и язычествомъ, составляю предметъ спора между Пелагіемъ, который его отвергаетъ, и Августиномъ, который его преувеличиваетъ, освобождено протестантизмомъ отъ глу-

бокихъ поврежденій, которымъ оно подверглось въ римской церкви, охранено имъ противъ социніанъ, которые не признаютъ его, и противъ анабаптистовъ и меннонитовъ, которые даютъ ему слишкомъ много силы, развито полнѣе у реформатовъ, чѣмъ у лютеранъ, и защищено первыми противъ возраженій ремонстрантовъ. Надлежащимъ образомъ понимаемое и развиваемое въ своихъ слѣдствіяхъ, это начало, по мнѣнію Схольтена, не ведетъ къ открытію противоборства между причинностію въ Богѣ (causalitas) и самопроизвольностію въ человѣкѣ; не исключаетъ нравственной свободы, подъ которою разумѣется сила возрожденнаго Христомъ человѣка исполнять законъ своей природы; ибо, освобожденная отъ рабства злу, чрезъ общеніе съ Богомъ, воля человѣка неуклонно и сама собою стремится къ добру. Это начало не противорѣчитъ и совершенствамъ Божіимъ: правосудію, святости и любви, но оно заставляетъ допустить возстановленіе, подъ конецъ, всего въ первобытное состояніе (apocatastasis), какъ высшую и послѣднюю цѣль вѣчнаго домостроительства Божія.»

Развивая начала свои до крайнихъ слѣдствій, отбиваясь отъ противорѣчій и непослѣдовательностей, авторъ находитъ въ своей системѣ мѣсто почти для всѣхъ предметовъ теоретическаго богословія. Совокупность его мыслей по этому предмету или, другими словами, его христіанская догматика изложена имъ въ латинскомъ сочиненіи: Dogmaticae Christianae initia, in auditorum usum, pars formalis, 1853, pars materialis, 1854.»

Богословіе, преподаваемое въ утрехтскомъ университетѣ, имѣетъ также свое особенное направленіе. Вообще оно совершенно согласуется съ преданіями національной нидерландской церкви. Эта вѣрность принятому ученію

болѣе или менѣе наслѣдственна въ утрехтскомъ богословскомъ факультетѣ. Но это направленіе получило въ последнее время новое развитіе, — съ тѣхъ поръ, какъ проф. Ройярдъ умѣлъ своими сочиненіями дать сильный толчекъ изученію всего, что касается нидерландской церкви, прежде и послѣ реформаціи. Проф. Финке, читающій догматику, издалъ въ 1846 г. «Libri Symbolici Ecclesiae Reformatae Nederlandicae». Убѣжденный, что эти книги содержатъ истинное откровенное ученіе, авторъ, подчиняя ихъ впрочемъ аналогіи ученія, заключающагося въ св. Писаніи, смотритъ на нихъ какъ на одинъ изъ источниковъ догмат. богословія нидерландской церкви. Въ этомъ духѣ составлено сочиненіе. «Theologiae Christianae Dogmaticæ Ecclesiæ Reformatæ Nederlandicæ Compendium; in scholarum suarum usum scripsit H. E. Vinke, part. I, II, 1853, 1854». Въ немъ излагается ученіе нидерландской церкви въ томъ видѣ, какъ авторъ находитъ его въ книгахъ символическихъ; но онъ раскрываетъ его, сообразуясь съ Писаніемъ, коего происхожденіе и авторитетъ суть основаніе вѣры; онъ пополняетъ и исправляетъ его, гдѣ нужно, по этой нормѣ. — Богословіе излагается въ порядкѣ, представляемомъ формулою крещенія. *Отецъ*. Дѣйствіе Его всевѣденія неопредѣлимо; несмотря на кажущееся противоборство между всевѣденіемъ Божіимъ и свободою человѣка, то и другая остаются основными пунктами. Грѣхъ не есть необходимая принадлежность природы человѣческой. Богъ сотворилъ человѣвѣка добрымъ. Предопредѣленіе есть воля Божія спасти людей туне во Христѣ, то есть, тѣхъ, которые вѣруютъ въ Него, и лишить спасенія невѣрующихъ. Высшая цѣль опредѣленія Божія есть тайна, которая сокрыта отъ насъ, но которая будетъ намъ открыта, когда настанетъ

царство Христово. *Син.* Въ *Христологіи* авторъ утверждаетъ Божественное предсуществованіе Іисуса. Пришедши отъ Отца къ людямъ, чтобы быть имъ отъ Него премудростію, праведностію, освященіемъ и искупленіемъ, Онъ совершилъ свое дѣло, живя среди людей и образовавъ въ нихъ такимъ образомъ новую жизнь. Своими страданіями, своею смертію, которыя претерпѣлъ вмѣсто насъ, Онъ пріобрѣлъ намъ прощеніе нашихъ грѣховъ; между этою смертію и этимъ прощеніемъ — отношеніе непосредственное, отношеніе причинности, отношеніе необходимости, не только субъективной, въ отношеніи къ людямъ, но и объективной въ разсужденіи Бога. Вся эта часть раскрывается при помощи тщательнаго разбора словъ І. Христа и апостоловъ. (По этому предмету есть замѣчательное сочиненіе того же автора, удостоенное преміи Гагскаго общества въ 1835 г.).—І. Христосъ, вознесшійся во славѣ, продолжаетъ свое дѣло, продолжаетъ его лично, а не силою только и дѣйственностію служенія, которое совершилъ во время своей земной жизни (1). Относительно истинной вѣры христіанской, проф. Финке говоритъ въ особомъ сочиненіи, что она имѣетъ предметомъ своимъ Бога, который поставилъ Сына своего Спасителемъ міра и Господомъ, засвидѣтельствовалъ объ Немъ Евангеліемъ, показалъ намъ въ Немъ свою любовь и открылъ Себя въ Немъ. Эта вѣра состоитъ въ томъ, чтобы мы принимали сію истину умомъ и сердцемъ, всею душою; проникались ею такъ, чтобы она заставляла насъ пребывать въ Богѣ чрезъ І. Христа, съ твердою надеждою на Него и съ естественными слѣдствіями этого,—утѣшеніемъ, освященіемъ и самоотвер-

(1) Третья часть о Св. Духѣ еще не вышла.

женіемъ. Тотъ, кто имѣетъ эту вѣру, есть истинный христіанинъ и истинный членъ реформатской церкви, можетъ быть въ ней пастыремъ и наставникомъ, и никто не имѣетъ права исключить его изъ нея, сообразуется ли онъ съ символическими книгами, или объявляетъ, что не можетъ принять и учить тому, что ему кажется въ сихъ книгахъ не совсѣмъ согласнымъ съ св. Писаніемъ или выходящимъ изъ предѣловъ содержанія онаго. При сей вѣрѣ можетъ быть братская любовь и согласіе, помощь и польза для всѣхъ среди самаго разногласія богословскихъ взглядовъ; и только отъ ея спасительнаго дѣйствія волнующаяся церковь можетъ ожидать возвращенія мира. «Проф. Финке выразилъ эти мысли въ академической рѣчи, напечатанной подъ заглавіемъ: «Oratio de verae fidei christiane notione, nostris praesertim temporibus, memoriâ tenendâ et in omnium animis imprimendâ, habita Trajecti ad Rhenum ad XXVI m. Martii 1855, quum magistratum academicum deponeret.»

Представленный нами очеркъ показываетъ, что въ голландской реформатской церкви господствуетъ большое разногласіе въ богословскихъ взглядахъ. Оно поддерживаетъ между главными богословами жаркіе споры, часто основательные и полезные. Но уваженіе, которое стараются сохранить другъ къ другу во время сихъ споровъ, не всегда можетъ удерживать препирающихся въ предѣлахъ мира и братской любви, особенно когда дѣло идетъ о такихъ богословскихъ пунктахъ, которые считаютъ существенными въ религіи. Еще труднѣе отношенія, въ разсужденіи этого, между двумя противоположными религіозными партіями, изъ коихъ къ одной принадлежитъ большинство голландскихъ богослововъ, а другая гораздо малочисленнѣе и состоитъ изъ людей равно ученыхъ и благочести-

выхъ, которые не одобряютъ того духа, который, по ихъ мнѣнію, вообще господствуетъ въ богословскихъ наукахъ въ ихъ отечествѣ, и возстаютъ особенно противъ направленій гронингенскаго и лейденскаго. Впрочемъ во всѣхъ трехъ университетахъ духъ кажется имъ нечистымъ и зараженнымъ, то гуманизмомъ, свѣтлымъ и прозрачнымъ, но безъ глубины, то слишкомъ сухимъ идеализмомъ, то недостаткомъ глубины духовной. Они винятъ вообще указанныя выше направленія въ томъ, что они не углубляются достаточно въ самую сущность истины христіанской, которая, по ихъ мнѣнію, лучшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ выражена въ принятомъ ученіи церкви и въ ея исповѣданіяхъ вѣры. Это общее и громко высказываемое неодобреніе составляетъ между тѣми, которые раздѣляютъ его, какъ бы узы, соединяющія ихъ въ особую партію, которая носитъ названіе *противуреволюціонной*, *конфессіональной*, то есть, строго держащейся исповѣданій вѣры, и *православной* (orthodoxe). Въ ней много людей высокихъ и важныхъ въ церкви и въ государствѣ. Таковы напр. гг. Грунъ-фанъ-Принстерерь и Дакоста. Грунъ,—ораторъ, историкъ, писатель первостепенный,—изложилъ свои религіозные, церковные и политическіе взгляды съ весьма замѣчательнымъ талантомъ во многихъ сочиненіяхъ, каковы, между прочими: «невѣріе и революція», «право реформатской церкви» и вышедшее въ прошломъ году: «противуреволюціонная и держащаяся исповѣданія вѣры партія (le parti confessionnel) въ голландской реформатской церкви». Послѣднее сочиненіе написано по поводу статьи пастора валлонской церкви въ Гагѣ-Тротте, обвиняющаго *ортодоксальную партію* въ чрезмѣрной привязанности къ дордрехтскимъ канонамъ, преграждающей будтобы путь всякому прогрессу въ церк-

ая и убивающей въ ней всякую жизнь. — Обращенный еврей Дакоста, — поэтъ, богословъ, писатель съ пылкою и благочестивою душею, — производитъ сильное вліяніе на голландскую публику. Его многочисленныя сочиненія о важнѣйшихъ богословскихъ предметахъ принимаются съ большимъ сочувствіемъ людьми, принадлежащими къ разнымъ, даже самымъ противоположнымъ партіямъ. — Приверженцы сей партіи единодушны въ жалобахъ, но не совсѣмъ согласны относительно средствъ, какъ помочь бѣдѣ. Одни думаютъ, что надобно держаться символическихъ книгъ гораздо строже и полнѣе, нежели какъ это дѣлается. Содержащееся въ нихъ ученіе, говорятъ они, есть достояніе церкви, и церковь въ правѣ требовать отъ своихъ пастырей, чтобы они уважали и защищали ея достояніе. Но они не хотѣли бы однакожъ для сего настаивать на совершенно буквальномъ принятіи ни формулъ исповѣданія, ни даже самой сущности того или другаго догмата, содержащагося въ исповѣданіяхъ вѣры. Другіе, желая дать болѣе мѣста прогрессу въ уразумѣніи истины, хотятъ, чтобы голландская церковь искала для своей вѣры такой формулы, въ которой бы было столькоже глубины, истины и согласія съ вѣрою церкви, сколько, по ихъ мнѣнію, имѣла формула, составленная въ вѣкъ реформаціи; — хотятъ, чтобы церковь искала ее путемъ науки и вѣры, имѣя постоянно въ виду свои догматическія преданія и, такимъ образомъ, остерегаясь тѣхъ ложныхъ взглядовъ и направленій, которые они осуждаютъ. Обвиняемые защищаются, и упрекаютъ своихъ противниковъ то въ неудовлетворительности ихъ доводовъ и выводовъ, то въ несообразности ихъ желанія заставить другихъ слѣдовать вполнѣ такой системѣ, существенные пункты коей они сами оставля-

ютъ. Послѣ отвѣта новыя возраженія, новыя опроверженія,—и споры съ обѣихъ сторонъ бываютъ иногда очень жаркіе, слишкомъ жаркіе...

Съ этими преніями о вѣрѣ тѣсно соединены споры о системѣ первоначальнаго образованія, равно какъ и о настоящемъ церковномъ управленіи. Противники возстаютъ противъ перваго потому, что оно даетъ юношеству дурное умственное направленіе и не сообщаетъ ему никакихъ понятій о религіи, преподаваніе коей совершенно изгнано изъ низшихъ школъ; не одобряютъ послѣдняго, потому что оно служитъ преградою тому, чтобы богословское и религіозное направленіе, которое имѣетъ въ нихъ своихъ представителей, получило въ церкви свое мѣсто и свое право. Споры о подобныхъ вопросахъ, какъ по собственному ихъ свойству, такъ особенно въ слѣдствіе общественнаго устройства Голландіи и религіознаго характера ея народа, не ограничиваются сравнительно тѣснымъ кругомъ богословскаго міра, но вовлекаютъ въ свое движеніе всѣхъ, кто считаетъ себя способнымъ понимать религіозные и церковные вопросы, и даже возбуждаютъ народную толпу принимать въ нихъ участіе, въ которомъ часто бываетъ болѣе ревности, чѣмъ знанія дѣла. Эти споры поддерживаютъ въ нидерландской церкви постоянныя безпокойства и религіозныя антипатіи въ ея служителяхъ и народѣ. Трудно открыть начало всего этого. Для сего нужно было бы подняться ко временамъ прошедшимъ; и какъ бы высоко мы ни поднялись, мы открыли бы только развитіе зародышей, уже существовавшихъ прежде. Не должно впрочемъ думать, чтобы это противоборство двухъ религіозныхъ партій производило совершенное раздѣленіе въ нидерландской реформатской церкви, и чтобы, при серьёзныхъ разногласіяхъ,

не хотѣли замѣчать серьезныхъ также пунктовъ, на счетъ которыхъ можно сблизиться и согласиться. Не рѣдко случается, что тѣже богословы, которые съ жаромъ ратуютъ другъ противъ друга въ богословскихъ предметахъ, братски сходятся въ другихъ отношеніяхъ, и дружно работаютъ для общаго блага національной церкви.

Но это не значитъ, что согласіе можетъ легко и скоро возстановиться въ голландскомъ богословскомъ мірѣ. Онъ не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, какъ глубокъ раздоръ въ его церкви и какъ важны предметы его споровъ и разногласій. Дѣло идетъ не о простыхъ богословскихъ преніяхъ: самые серьезные, самые важные для религіозной жизни вопросы занимаютъ и раздѣляютъ на два стана голландскихъ богослововъ. На поприщѣ изслѣдованія христіанской истины представляется, съ одной стороны, разумъ и его права, съ другой—слово Божіе и подобающая ему покорность. При изъясненіи фактовъ и явленій внутренней, духовной жизни человѣка, всегда встрѣчается его нравственная свобода и верховное владычество Божіе. Въ великомъ вопросѣ объ искупленіи является, съ одной стороны, способность нравственной природы человѣка побѣждать о Христѣ грѣхъ, который прирожденъ ему; съ другой эта же природа, глубоко поврежденная грѣхомъ, но освященная и возрожденная Христомъ такими средствами, которыя навсегда останутся для насъ неизслѣдимою тайною. Вотъ тѣ вопросы, которые волнуютъ голландскую реформатскую церковь и раздѣляютъ ея пастырей и пасомыхъ. Очевидно, что тогда только можетъ прекратиться это волненіе въ церкви и раздѣленіе между ея служителями, когда удовлетворительно для всѣхъ рѣшатся вышеупомянутые вопросы и будутъ примирены усматриваемыя въ нихъ противорѣчія,

хотя только кажущіися, но тѣмъ не менѣе рѣзкія и, для простого разума человѣческаго, какъ бы исключающія другъ друга. Когда же настанетъ это рѣшеніе, это примиреніе? И дождемся ли мы ихъ здѣсь на землѣ?... Итакъ въ голландской реформатской церкви, которая,—какъ и вообще протестанство, особенно же реформованное, — поставила разумъ человѣческій на мѣсто вѣры, которая одна постигаетъ тайны Божіи и дѣлаетъ для насъ невидимое видимымъ и ожидаемое существующимъ; — въ церкви, которая не признаетъ одного, высшаго, непререкаемаго и для всѣхъ обязательнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, а даетъ полный просторъ изслѣдованіямъ всѣхъ и каждаго,—въ голландской церкви никогда не утихнутъ волненія, никогда не будетъ совершеннаго мира между ея учителями. Всякой будетъ смотрѣть на истину по своему; изъ различныхъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ всякій будетъ избирать ту или другую, смотря по направленію своего ума или влеченію своего сердца. Будутъ стараться примирить противуположные взгляды; но, какъ каждый занятъ своимъ взглядомъ и даетъ ему предпочтеніе предъ другими, — не возможно, чтобы онъ отдалъ имъ надлежащую справедливость; уступка, которую онъ имъ сдѣлаетъ, не удовлетворитъ тѣхъ, которые ихъ держатся. Одно средство сойтись: отступиться отъ началъ; а кто согласится на это? Итакъ, при серьёзномъ, настойчивомъ и религіозномъ характерѣ голландцевъ, реформатская ихъ церковь будетъ долго, долго представлять собою прискорбное, хотя и очень любопытное и поучительное, зрѣлище борьбы противуположныхъ убѣжденій, высказываемыхъ открыто и искренно, защищаемыхъ и опровергаемыхъ упорно, съ жаромъ, изъ благочестивой ревности о вѣрѣ Христовой, изъ любви къ

истинѣ. Дай только Богъ, чтобы съ этою благочестивою ревностію по Богѣ и съ этою любовію къ познанію истины чаще соединялась и любовь братская, христіанская; ибо «знаніе надмѣваетъ, а любовь назидаетъ (1 Кор. 8, 1)».

Окончимъ здѣсь нашъ очеркъ состоянія голландской реформатской церкви, въ отношеніи религіозномъ, церковномъ и ученомъ. Ограничившись, по необходимости, нѣсколькими главными чертами, мы выбрали изъ нихъ тѣ, которыя почли достойными вниманія и любопытства русскихъ читателей. Слишкомъ неполный, хотя, въ тоже время, и слишкомъ обширный, — недостатки неизбѣжные въ статьяхъ этого рода, — представленный нами очеркъ можетъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько, познакомить желающихъ съ такою церковію, которая, имѣвъ нѣкогда большое значеніе въ протестантскомъ христіанствѣ, теперь занимаетъ въ немъ очень, даже слишкомъ не важное мѣсто, хотя, можетъ быть, потому, что мало знаютъ ее.

Протоіерей А. Судаковъ.

ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ 19-го ФЕВРАЛЯ.

Древній міръ предъ пришествіемъ Искупителя: свобода древняго міра—свобода собственно однихъ правителей. Римская имперія: всеобщее, въ извѣстномъ смыслѣ, рабство въ ней. Новый законъ—законъ любви и новая свобода; число участвовавшихъ въ благахъ новой свободы при смерти и сряду по вознесеніи Искупителя. Человѣчество спустя 33½ года по рожденіи Спасителя: три начала жизни его—законъ языческій, законъ іудейскій и законъ христіанскій. Средства къ пріобрѣтенію свободы по законамъ іудейскому и языческому—насильственныя, внѣшнія; средства къ пріобрѣтенію свободы по закону христіанскому внутреннія, отвергающія всѣ внѣшнія, насильственныя мѣры. Что такое въ первое время была свобода подданныхъ христіанъ? Распространеніе ея безъ всякихъ насилій въ пользу ея и среди всевозможныхъ препятствій и гоненій противъ нее. Христіанство торжествуетъ: обнаруженіе новой свободы на первомъ вселенскомъ соборѣ.—Дальнѣйшая исторія свободы на западѣ; начала языческія входятъ въ жизнь и мѣшаютъ развитію новой свободы; языческое направленіе властей, языческія возстанія подданныхъ; слѣдствія этого; папскій деспотизмъ. Возстаніе и деспотизмъ ума. Возможность деспотизма въ области науки и литературы. Проявленіе деспотизма въ современной русской литературѣ. Деспотизмъ матеріализма надъ спиритуализмомъ. Чего можно ожидать отъ славянскаго ума?

Просимъ читателей, по поводу освобожденія дарованнаго крестьянамъ, припомнить другую эпоху освобожденія всего міра отъ рабства и, перенесшись мыслію за 1860 лѣтъ, представить слѣдующія событія и картины. Повѣствованія и соображенія наши основаны на несомнѣнныхъ данныхъ исторіи.

Видъ земли не измѣнился со времени созданія міра. Горы стояли твердо, рѣки текли, моря волновались по преж-

нему, какъ текли онѣ и волновались за 5508 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Неорганическія тѣла сохраняли свои первобытныя формы. Но родъ человѣческій, которому предназначалось Творцемъ господство надъ землей и надъ всѣмъ движущимся на ней, измѣнился страшно, и былъ среди другихъ твореній скорѣе рабомъ, чѣмъ господиномъ. Вотъ общій очеркъ или главныя черты картины міра за 1860 лѣтъ. Посмотримъ теперь въ частности на тогдашнее человѣчество.

Націи древняго міра, нѣкогда сильныя, теперь или клонятся къ паденію или уже пали. Лишь нѣкоторыя удерживаютъ свою независимость, въ родѣ Китая и Парѳіи. Всѣ тѣ народы, среди которыхъ рѣшались судьбы древняго міра и которые участвовали въ исторической его жизни, подвластны теперь одному народу, который самъ себя покорилъ одному лицу изъ своей среды. Сѣверныя орды германцевъ и славянъ продолжаютъ свои скучные, однообразные переходы съ мѣста на мѣсто, отъискивая себѣ лучшихъ жилищъ: онѣ рабски слѣдуютъ своимъ обычаямъ и преданіямъ, повелѣвавшимъ разумъ приносить въ жертву суевѣрію, а кровь проливать за независимость и господство. Униженіе, столь всеобщее почти въ древнемъ мірѣ, было прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ той свободы, къ которой стремился древній человѣкъ въ теченіи пяти съ половиною тысячелѣтій.

Какова была древняя свобода, въ чемъ она состояла, это видно изъ идей, въ то время господствовавшихъ, относительно ея сохраненія и возстановленія. На сѣверѣ Европы слышались побѣдные крики, и германскія племена хвалились своей свободой, понимая свободу, какъ право покорять и управлять другими. На востокѣ народы спали сномъ недѣятельности, который нерѣдка пре-

рывался мечтами о свободѣ: когда подобныя мысли показывались, римскій или пареянскій правитель налагалъ на управляемыхъ новыя, болѣе тяжкія цѣпи, и тѣ опять погружались въ прежнюю дремоту. Въ римскихъ провинціяхъ оставалось еще, хотя подавленное, чувство свободы и желанія возвратить ее, но если подданные возставали, то возставали не затѣмъ, чтобы сдѣлаться свободными, а затѣмъ, чтобы сдѣлаться владыками. Іудеи, напримѣръ, вѣровали въ свою свободу, что она нѣкогда наступитъ,-но они вѣровали въ нее, не только какъ въ освобожденіе ихъ страны отъ иноземныхъ князей и правителей, а какъ въ возведеніе ихъ самихъ къ первенству и господству надъ всѣми народами. Вездѣ свобода понимается, какъ господство надъ другими. Римлянинъ смиренно покоряется императорскому деспотизму; но его утѣшеніемъ служитъ то, что онъ стоитъ выше другихъ народовъ—покоренныхъ, и юридически или теоретически участвуетъ въ господствѣ надъ ними. Ихъ онъ не считаетъ въ правѣ возстать противъ владычества императора, а себя еще продолжаетъ считать. Онъ возстаетъ, попытка не удается, — онъ умираетъ,—удается, онъ дѣлается свободнымъ для того, чтобы властвовать самому на мѣстѣ низверженнаго предшественника.

Древняя свобода была свободой собственно правителей. Потому-то она и составляла предметъ желаній и стремленій тѣхъ, которые сами или которыхъ предки были нѣкогда правителями. Самая чувствительная потеря была потеря господства; пріобрѣтеніе господства было предметомъ, изъ за котораго бились самымъ ожесточеннымъ образомъ. Покоренный народъ, возставая, говорилъ и себѣ и другимъ, что онъ сражается за свободу,—покоряясь, онъ оплакивалъ, по его словамъ, свободу. Но

это потому, что свобода и господство были одно и тоже въ языческой мысли. Свобода въ навѣстномъ смыслѣ принадлежала однимъ правителямъ, и больше никому.

Сохранять подобную свободу или возстановлять ее у народовъ, потерявшихъ ее, не было надобности человѣчеству. Правящіе классы востока и запада составляли только малую часть жившихъ въ ту пору поколѣній. Изъ тысячи, изъ милліона не было человѣка, который въ той или другой степени, въ отношеніи къ большему или меньшему числу лицъ, не былъ бы рабомъ. Міру крайне нужна была такая свобода, которая принадлежала бы его безчисленнымъ подданнымъ столько же, сколько до тѣхъ поръ принадлежала она его малочисленнымъ правителямъ. Свободы однихъ правителей было недостаточно: требовалась свобода для подданныхъ. Конечно, эта свобода не столько политическая, сколько духовная. Въ возможности подобной свободы за 1860 лѣтъ легко было усомниться самому проницательному уму. И на самомъ дѣлѣ, она казалась такою невозможностію, что въ древнемъ мірѣ мало было мыслей, еще меньше дѣлъ возбуждено понятіемъ о ней или желаніемъ ея. Нарѣдка и на короткое время древній человѣкъ воображалъ или желалъ этой свободы, и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ (напримѣръ Будда, Кремуцій Кордъ или Тразея Петъ): а потомъ или умерщвляли его, и его свободный голосъ замиралъ въ толпѣ предателей—подданныхъ, въ пользу которыхъ онъ хлопоталъ, или же погружался въ господствующее рабство, что было столько же легко, сколько и безопасно. Эгоизмъ—основа всей дѣятельности падшаго человѣчества, какъ суровая зима, заморозилъ окончательно въ теченіи 5500 л. человѣческую свободу, особенно въ лучшемъ, высшемъ ея значеніи. Ея горячія струи скрылись подъ ледяными

утесами разнаго рабства, которые въ теченіи тысячелѣтій росли въ толщину и въ ширину, пока отдѣльные утесы рабства восточнаго и греческаго не слились въ страшной массѣ рабства римскаго. Засвѣтитъ ли когда нибудь солнце свободы, расплавятъ ли когда нибудь его горячіе лучи эти ледяныя громады древняго рабства, столько времени росшія и крѣпшія? Получитъ ли языческій подданный, закованный по рукамъ и по ногамъ, угнетенный и унижаемый, свободу?—Это должно было казаться невозможнымъ.

Такъ оно и казалось всѣмъ, пока не совершились въ мірѣ чудныя перемѣны. Въ древнемъ мірѣ не было закона, покровительствовавшаго свободѣ подданнаго, особенно свободѣ высшей, духовной. Всѣ постановленія обязывали его только служить господству другихъ, безъ надежды на освобожденіе въ какомъ либо отношеніи. Вездѣ права правителя силились подавить права подданнаго. Если послѣдній могъ быть освобожденъ, то другими законами, а не тѣми, которые существовали, законами не человѣческими, потому что человѣческіе законы поддерживали свободу однихъ правителей. Свобода подданныхъ не могла установиться въ мірѣ, пока Богъ не открылъ своего закона.—Какъ непосредственное слѣдствіе свободы однихъ только правителей, господствовала въ древнемъ мірѣ *система насильственнаго объединенія*, по которой одинъ народъ старался группировать около себя другіе, а самъ онъ устроивалъ общественный свой бытъ такъ, чтобы *многіе* служили возвышенію и благополучію *не многихъ*, и чтобы многіе и тѣломъ и духомъ обязаны были находиться въ униженіи у немногихъ.

Войдемъ въ болѣе еще частныя черты картины древняго міра за 1860 лѣтъ.

Большая часть міра въ ту пору входила въ составъ трехъ почти смежныхъ между собою государствъ: Пареіи, бывшей прежде персидской провинціей, и потомъ сдѣлавшейся независимымъ государствомъ: пареянскій царь въ своихъ денежахъ римскому гордо могъ называть себя *царемъ царей*. На востокъ отъ Пареіи лежали земли, принадлежавшія китайской имперіи, которой пространство увеличилось вслѣдствіе происшедшихъ около того времени завоеваній. На западъ отъ Пареіи тянулись обширныя владѣнія Рима. Не смотря на различіе племенъ и учрежденій, въ этихъ трехъ имперіяхъ вездѣ господствовала одна и таже система централизаціи.

На югъ и сѣверъ отъ этихъ имперій лежали территоріи неблагоустроенныя. У большей части народовъ, обитавшихъ здѣсь, господствующею была страсть къ войнѣ, страсть, которой древній міръ обязанъ всѣми формами своей централизаціи. И лишь только начиналась между этими племенами гражданская жизнь, она тотчасъ принимала тѣже самыя формы централизаціи, въ которыя сложилась въ Китаѣ, Пареіи и Римѣ. Самымъ воинственнымъ и свободолюбивымъ народомъ были германцы: но лишь только война успокоивалась покореніемъ ли этихъ народовъ или ихъ торжествомъ, не оказывалось никакихъ другихъ средствъ къ благоустроенію края, какъ только посредствомъ централизаціи.

Таковъ былъ міръ и родъ человѣческій, въ политическомъ отношеніи, обитавшій въ немъ за 1860 лѣтъ. Теперь обратимъ вниманіе читателей на одну часть картины тогдашняго міра, именно на римскую имперію.

Нигдѣ насильственное объединеніе народовъ не развилось такъ широко и не было организовано такъ систематически, какъ въ Римѣ. И нигдѣ, повидимому, не было пред-

назначено такому государственному порядку господствовать столь продолжительное время, какъ здѣсь; потому что римляне, правда въ этой порѣ нравственно изнемогшіе, имѣли наготовѣ преемниковъ своему господству въ своихъ сѣверныхъ сосѣдяхъ — германцахъ. — Составляя часть земли, римская имперія была на самомъ дѣлѣ почти безпредѣльна. Ея провинціи, числомъ 18, простирались до Евфрата на востокѣ, до горъ и пустынь Африки на югѣ, до Дуная и Рейна на сѣверѣ, а на западъ до Атлантическаго океана. «Ни Евфратъ, ни Ливія, ни Дунай, ни Кадиксъ не удовлетворяли римлянъ», пишетъ Іосифъ Флавій, «хотя за ними начинались страны уже ненаселенныя. Жадные взоры ихъ простирались за предѣлы міра» (1). Тотъ же писатель, исчисляя «безчисленныя націи,» входившія въ составъ римскаго государства, говоритъ: «аѳиняне, отразившіе Ксеркса, лакедемоняне, стоявшіе крѣпко при Ѳермопилахъ и Платеѣ, македоняне, еще бредившіе какъ во снѣ о Филиппѣ и Александрѣ и о господствѣ надъ міромъ, пять сотъ городовъ Азіи, лежащихъ при Евксинскомъ Понтѣ, иллирійцы и далматцы, галлы, племена Лузитаніи и Кантабріи, Африка въ длину и ширину—всѣ покорялись римской власти» (2). Численное количество подданныхъ Рима при началѣ нашей эры простиралось до 100 милліоновъ, если не превосходило этой цифры (3).

Въ центрѣ имперіи лежалъ полуостровъ Италія, въ центрѣ Италіи высился городъ Римъ, давшій свое имя имперіи. Подати, должности административныя, религіоз-

(1) Josephus, Bell. Jud. II. 16, 4.

(2) Тамже II. 16, 4. Сравн. Thiewy—Historie de eo Gaule sous la domination Rom., tom. 1, p. p. 93 и слѣд.

(3) Champaguy-Les Césars, tom. III. p. 384.

ные обряды,—все централизовалось въ Римѣ. Владыки города являлись владыками имперіи. Въ провинціяхъ перестали произносить имя свободы. Но слово это слышалось еще въ Римѣ. Здѣсь многіе имѣли право и основаніе считать себя участвующими въ господствѣ надъ міромъ, и значить въ свободѣ, по ихъ понятію. Сравнительно съ другими подданными имперіи свободные, римляне были тѣмъ не менѣе подданными. По имени господа и владыки, на дѣлѣ они были рабами въ извѣстномъ отношеніи. Централизація, сосредоточившая власть надъ міромъ въ ихъ рукахъ, ихъ самихъ повергла въ рабство власти болѣе абсолютной, чѣмъ ихъ собственная надъ покоренными.

Эта власть была власть римскаго императора, который, по силѣ *закона de imperio* или *lex regia*, служившаго привѣтствіемъ со стороны сената императору, объявлялся изъятымъ отъ законовъ. Но абсолютность или независимость власти и дѣйствій можно было обѣщать, но неудобно было осуществить на дѣлѣ. Римскій императоръ свое господство получалъ и поддерживалъ зависимостію отъ придворныхъ и отъ солдатъ. Войска, возведшія своего перваго великаго кесаря въ императорское достоинство, его преемникамъ внушали чувства страха и опасеній. Августъ рѣшился разставить свои легіоны по провинціямъ, отдѣлилъ отъ нихъ особенный корпусъ — преторіанскую гвардію и для своей безопасности разставилъ ихъ въ стѣнахъ столицы. Но скоро защита стала столь же страшной для императоровъ, какъ и опасность, противъ которой она была придумана... Не одной преторіанской силы должны были страшиться императоры. Централизація сосредоточила въ ихъ рукахъ всѣ возможныя, самомельчайшія отправленія власти: необходимы были

ближайшіе помощники. И кругомъ преемственно слѣдовавшихъ императоровъ собиралась все болѣе и болѣе многочисленная толпа министровъ и любимцевъ. Къ этимъ должностямъ могли доходить только хитрыя и пронырливыя лица, предъ которыми императоры, возвысившіе и избавившіе ихъ, оказывались часто столь же безсильными, какъ и послѣдній ихъ подданный. За всесильными фаворитами тянулась толпа подчиненныхъ придворныхъ, завистливо и ревниво смотрѣвшихъ на высшихъ и втайнѣ строившихъ крамолы. Рабы и вольноотпущенники, доносчики и льстецы, съ каждымъ царствованіемъ измѣнявшіеся въ личномъ составѣ, но съ каждымъ увеличивавшіеся въ числѣ, составляли римскій дворъ. «Большая часть нашихъ государей», писалъ одинъ консулъ въ концѣ 1-го вѣка, «хотя владыки своихъ подданныхъ, были рабами вольноотпущенниковъ, которыми переполненъ дворъ. По ихъ совѣтамъ и желаніямъ они управляютъ. Ихъ ушами они слышатъ, ихъ устами говорятъ. Чрезъ нихъ, или лучше отъ нихъ, мы получаемъ наши консульства, наши преторства.» Такимъ образомъ число лицъ, отъ которыхъ зависѣлъ человѣкъ, державшій въ своихъ рукахъ императорскую власть, удвоилось: не только страшилъ его ропотъ недовольной арміи, его спутывали придворныя интриги. Гдѣ обѣ эти стороны соединялись, тамъ императору оставалось одно— покориться; когда онѣ спорили между собою, тогда онъ могъ еще пріобрѣсти нѣчто похожее на свободу и независимость.

Такова была римская власть въ своемъ источникѣ—въ Римѣ. Ея централизація превосходила все, что было до тѣхъ поръ извѣстно міру. Никогда ни прежде, ни послѣ такія громадныя территоріи, столько разнообразныхъ на-

родностей не собирались подъ одну власть, сколько ихъ собрано было мечемъ Рима. Этотъ городъ среди своихъ завоеваній и междоусобій почти растерялъ всѣхъ своихъ гражданъ, которымъ онъ обѣщалъ свободу или господство. Онъ былъ наполненъ тѣми, которымъ сулилъ онъ нѣкогда полное подчиненіе и гибель. Владыки вселенной сами стояли предъ императорами, какъ рабы. Императоръ, въ свою очередь, страшась съ одной стороны придворныхъ, съ другой солдатъ, ни въ чемъ не находилъ защиты и основъ своей власти, кромѣ подкупа или интриги.

Въ такомъ государствѣ никто не могъ быть свободенъ въ психологическомъ отношеніи. Не было властей, которыя бы безопасно и надежно ограждали и поддерживали свободу; не было законовъ, вполнѣ обезпечивавшихъ пользованіе ею. Подданные и правители равно не были свободными, въ этомъ отношеніи. Римляне были свободны по стольку, по скольку они были выше своихъ провинціальныхъ подданныхъ. Члены арміи или администраціи были свободны по стольку, по скольку они стояли выше сравнительно съ жителями Рима. Подкупъ и пресмыкательство были единственными средствами возвышенія, сила единственнымъ закономъ, обезпечивавшимъ пользованіе пріобрѣтеннымъ возвышеніемъ. Но никакое возвышеніе не заключало прочной свободы. Придворный интриганъ не имѣлъ свободы. Командиръ въ лагерѣ тоже. Менѣе всѣхъ былъ свободенъ въ этомъ смыслѣ императоръ. Отсутствіе свободы было повсюдное, атмосферой рабства дышали и жили всѣ.

Такова была римская власть вездѣ — въ провинціяхъ и въ Римѣ. Деспотизмъ иначе не могъ поддерживать себя, какъ самыми хитрыми и насильственными угнетеніями. Ему ничего не могли противопоставить ни граждане, ни

провинціалы, кромѣ напрасныхъ и безцѣльныхъ возстаній; потому что успѣхъ возстанія лишь измѣнялъ имя деспота и составъ придворныхъ лицъ и начальниковъ армій. Безсердечныя жестокости со стороны правителей, безплодныя усилія со стороны подданныхъ и многочисленная трата человѣческихъ жизней замыкали древнюю жизнь міра, думавшаго на угнетеніи другихъ основать свое счастіе и свою свободу. Люди и жили и умирали въ какой-то апатіи, жили по милосердію правителей, умирали по первому ихъ приказанію, даже намеку. «Если бы я описывалъ даже внѣшнюю войну, если бы я описывалъ смерть людей, падшихъ за республику, то и тогда надоѣло бы мнѣ это однообразіе и отвратило бы отъ меня читателей; не смотря на славу такой кончины, имъ бы опротивѣло наконецъ это вѣчное описаніе смерти, да смерти. А тутъ еще къ тому же это рабское терпѣніе, эта масса у себя дома пролитой крови утомляютъ душу и сдавливаютъ сердце тоской. Одной милости прошу у читателя: да будетъ мнѣ позволено не чувствовать отвращенія къ этимъ людямъ, которые такъ низко давали себя губить» (¹), такъ заключаетъ Тацитъ свое описаніе смертей, предписанныхъ систематическими деспотами и принятыхъ апатическими рабами. Міръ древній—умиралъ. Рабство закралось и покорило самый умъ, самыя чувства, желанія и убѣжденія.

Одному народу предсказано было, что помощь міру придетъ, когда исполнится мѣра бѣдствій человѣческихъ. Но и сами іудеи, ожидавшіе отмщенія за себя, господства и царя себѣ, завоевателя міра, ожидавшіе всего въ Мессіи, и своего освободителя, подателя свободы, толь-

(¹) Тац. кн. 16, гл. 16.

ко не по истинному, а по своему извращенному о семъ понятію, потому не поняли и не приняли, когда свобода была подана. Язычники еще менѣе готовы были принять новую свободу. Но она приближалась и низошла въ рабствующій міръ незамѣтно. Безконечная благость Божія, зорко слѣдившая за усиливающимся рабствомъ, уже отверзала входъ въ міръ свободѣ новаго христіанскаго міра.

Дѣло освобожденія началось не въ Римѣ. Спаситель началъ свое дѣло тѣмъ, что явился на землѣ, дабы извести насъ въ истинную свободу! Онъ объявилъ, что согласно съ древнимъ пророчествомъ, *Онъ пришелъ проповѣдать евангеліе нищимъ, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу* (1).

Своимъ смиреннымъ послѣдователямъ Онъ постепенно открывалъ и любовь Божію къ міру, и отношеніе, въ какомъ человѣкъ долженъ находиться къ Богу. Для человѣка открытъ былъ новый взглядъ на человѣческую жизнь. Онъ долженъ перестать обращать свои взоры къ злобнымъ или сквернымъ божествамъ, а съ этихъ поръ онъ долженъ будетъ обращать ихъ къ Отцу, Сыну и Святому Духу—Божеству чистѣйшей любви и безконечныхъ совершенствъ. Богъ приближается къ человѣку съ своей высоты, чтобы поднять его рабствующій духъ изъ горькаго униженія, выработаннаго человѣческимъ самолюбіемъ и насиліемъ въ теченіи $5^1/_2$ тысячелѣтней исторіи его существованія, и объявляетъ человѣку, что онъ получитъ животъ вѣчный (1).

(1) Лук. 4, 18.
(2) Іоан. 6, 40. 47.

Непостижимо торжественно было тогдашнее состояніе человѣчества. Оно получило откровеніе о своемъ происхожденіи, о своей жизни и своемъ назначеніи. Его истинныя права были открыты. Обязанности были опредѣлены. Какъ тѣ, такъ и другія открыты провозглашеніемъ закона любви. Законъ—заповѣдуетъ любить прежде всего Бога; вторая заповѣдь Христова—была любить ближнихъ. Заповѣдь любить Бога высказана Спасителемъ однажды. Заповѣдь любить человѣка, казавшаяся тогдашнимъ людямъ, столь раздѣленнымъ между собою и съ исторически воспитанною наклонностію притѣснять или ненавидѣть другъ друга, нежданною и болѣе трудною, заботливо и настойчиво повторяетъ Спаситель нѣсколько разъ. *Вы слышали*, говорилъ Спаситель въ первой своей бесѣдѣ, *что сказано: люби ближняго твоего и не ненавидь врага твоего* (Лев. 19, 17, 18). *А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитеся за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ* ([1]). Между послѣдними наставленіями ученикамъ встрѣчаемъ еще болѣе настойчиво высказанное повелѣніе: *сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ... Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга* ([2]).

Необходимость и всю благовременность закона любви другъ къ другу особенно въ то время постигнетъ тотъ лишь, кто обратитъ вниманіе на предшествовавшую исторію языческаго міра, на эти вѣка раздѣленій іудеевъ отъ эллиновъ, націй отъ націй, угнетеній одного народа другимъ, почти всѣхъ римлянами, низшихъ сословій

(1) Мѳ. 5, 43. 44.

(2) Іоан. 15, 12. 17.

высшими, рабовъ гражданами, всѣхъ вообще императоромъ, мирныхъ жителей—арміями. И законъ любви вышелъ не отъ перемѣняющихся кесарей, угнетавшихъ міръ, а отъ неизмѣннаго и возлюбившаго міръ Бога. Законъ любви заповѣдывалъ людямъ дѣлать то, что имъ необходимѣе всего было дѣлать особенно для поправленія своего безвыходнаго положенія. Законъ былъ данъ безусловно, на всѣ времена, для всѣхъ людей.—Онъ заповѣдывалъ то, что было полезно и благодѣтельно столько же *для немногихъ*, сколько и для *многихъ*, или лучше для всѣхъ; угрозы и наказанія преступникамъ также всеобщи, какъ всеобщи обѣтованія наградъ исполнителямъ. Немногіе ставились, въ противоположность всѣмъ языческимъ постановленіямъ, въ такую же покорность закону, какъ и многіе, и многіе обязывались къ такому же полному повиновенію, какъ и не многіе. Когда человѣчеству открывался подобный законъ, равно обязательный для всѣхъ кастъ, для всѣхъ сословій, возвышавшій, безъ зрѣнія на внѣшнія отличія, исполнителей и каравшій преступниковъ, кто бы они ни были?

Человѣкъ съ новымъ закономъ получалъ и новыя права. Право человѣка есть власть исполнять свою обязанность, и пользоваться тѣмъ, что сообразно съ достоинствомъ его природы и съ благою волею о немъ Творца его. Обязанности даны всѣмъ безъ исключенія, значитъ и права главныя даны были тоже всѣмъ безъ исключенія. Немногіе не должны ограничивать ихъ въ другихъ, не отказывая въ нихъ себѣ самимъ. Всѣ люди получили обязанности и права любить Бога, любить другъ друга, любить самаго себя. Свобода служить Богу была новая свобода. Свобода любить Бога и любить человѣка была новая свобода. Это была свобода подданныхъ такъ же, какъ и всѣхъ.

Правители не исключались. Но въ исполненіи новаго закона Христовой любви они являлись уже равными подданнымъ. Высшій между людьми, онъ подданный Бога. И какъ подданный, онъ сталъ болѣе свободенъ, чѣмъ какъ правитель. *Вы знаете*, сказалъ І. Христосъ двумъ своимъ ученикамъ, просившимъ Его о важныхъ начальственныхъ мѣстахъ въ Его царствѣ, *вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слуга. И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ всѣмъ рабъ* (¹). *Вы же не нарицайтеся учители*, говорилъ І. Христосъ толпѣ народа, *единъ бо есть вашъ учитель Христосъ* (²).

Не вдругъ могли подобнымъ образомъ устроиться общества человѣческія, чтобы правители языческіе перемѣнились на правителей христіанскихъ, которые бы съ любовію брали на себя трудъ служить нуждамъ подчиненныхъ, ихъ благосостоянію и счастію. Первые духовные начальники христіанъ—апостолы представили высокіе примѣры подобнаго рода правителей. Чтобы эти самые идеалы вошли въ общую жизнь міра, для этого не достаточными оказались всѣ прошедшіе съ того времени 18½ вѣковъ. Нужно замѣтить, что для сего потребно не столько время, сколько искреннее желаніе и стараніе христіанъ усвоить себѣ духъ христіанскій – евангельскій.

Люди издавна не умѣютъ иначе награждать своихъ лучшихъ благодѣтелей, какъ насильственною смертію. И благодѣтели вслѣдствіе этого иначе и не печатлѣютъ своихъ

(¹) Мѳ. 20, 25—27. Марк. 10, 35—45.
(²) Мѳ. 23, 8—10.

ученій, какъ мученическою смертію. — Самъ Спаситель міра, даровавшій роду человѣческому истинную свободу, распятъ на крестѣ. На страшной горѣ уста Богочеловѣка не произнесли ни одного звука укоризны послѣдователямъ, оставившимъ Его; за іудеевъ, осудившихъ Его на распятіе, за римлянъ, согласившихся на приговоръ іудейскій и распинавшихъ Его, Онъ только молился, чтобы имъ было отпущено согрѣшеніе ихъ. — Іудеи отвергли своего Спасителя, они не хотѣли понять Его. Его жизнь казалась оскорбленіемъ, Его смерть поруганіемъ всѣхъ ихъ надеждъ на свободу. Римляне — тѣ даже не замѣтили Его. А которые и замѣтили (число ихъ было впрочемъ самое ограниченное), тѣ не находили никакой связи между Христомъ и своими мечтами о свободѣ, т. е. о господствѣ. Только не большому числу Его послѣдователей, обратившихся къ новому ученію еще при жизни Учителя, и увѣровавшихъ въ Него, Онъ даровалъ духовную, истинную свободу, основавъ ее на законѣ любви, даровалъ имъ *область чадомъ Божіимъ быти.*

Теперь просимъ читателей припомнить положеніе, въ какомъ находился человѣческій родъ $33^1/_2$ года спустя послѣ рожденія Спасителя: существовало три начала жизни, изъ которыхъ два старыхъ сходились между собой и въ требованіяхъ и въ цѣляхъ и въ средствахъ, и вновь открытое, противоположное обоимъ во всемъ.

Законъ іудейскій былъ первымъ началомъ жизни. Онъ происходилъ отъ Бога; но въ теченіи вѣковъ человѣческія преданія такою толстою корою покрыли его, что онъ сдѣлался, въ большей части, человѣческимъ. И какъ законъ человѣческій, т. е. какъ произведеніе человѣческаго самолюбія, онъ поддерживалъ *древнюю* свободу. Законъ

іудейскій заповѣдывалъ іудеямъ отдѣляться отъ другихъ народовъ, чтобы они не заражались идолопоклонствомъ. Но іудеи думали объ этомъ иначе. Поклоненіе истинному Богу считалось ими правомъ на отдѣленіе себя отъ другихъ народовъ, пока эти народы не будутъ присоединены къ нимъ въ качествѣ подданныхъ. Въ правѣ управлять состояла свобода, по мнѣнію іудеевъ,—значитъ она была совершенно сходна въ этомъ случаѣ съ свободою, какъ ее понимали другіе древніе народы. Но была и разница между правами іудеевъ на обладаніе и между притязаніями на то другихъ племенъ. Въ другихъ мѣстахъ централизація поддерживалась только законами человѣческими. Въ Іудеѣ централизація была особаго вида, но болѣе грозна, потому что здѣсь она основывалась на законѣ, который, не смотря на человѣческія прибавленія, считался божественнымъ. Къ такому-то закону апеллировали іудеи противъ тяготѣвшаго надъ ними римскаго владычества. Отвѣтъ закона, по ихъ понятіямъ, могъ быть только слѣдующій: «они должны возстать противъ Рима.» Это представлялось необходимымъ условіемъ ихъ полной свободы. Они должны покорить Римъ и вселенную: безъ этого, по ихъ мнѣнію, нельзя имъ получить дѣйствительной свободы. Пока все это не совершится, іудейская свобода не установится.—Подъ такими вліяніями образовались и воззрѣнія первыхъ учениковъ Спасителя до поступленія къ сему божественному Учителю. Притомъ Учитель ихъ объявилъ, что онъ пришелъ *не разорить, а исполнить законъ* іудейскій: могли ли они сомнѣваться, что Онъ намѣренъ освободить ихъ отъ римскаго господства? Могли ли они не придти къ мысли, что имъ самимъ предстоитъ участіе во владычествѣ? Было бы трудно ждать отъ нихъ противнаго. Интересы родины и вѣры возвышались

святостію, еще приписываемою закону, величіемъ, еще принадлежавшимъ избранному граду Іерусалиму, полному синагогъ [1] и богомольцевъ. Послѣдній вопросъ, какой сдѣлали ученики воскресшему и возносящемуся Спасителю, высказалъ ихъ задушевныя надежды: *Господи*, спрашивали они, *аще въ лѣто сіе устроеши царствіе Израилево?* [2] Перейдемъ теперь къ другому началу жизни современнаго Спасителю человѣчества.

Языческій законъ былъ законъ человѣческій, и, какъ законъ человѣческій, онъ поддерживалъ свободу въ ея древней формѣ. *Многіе* считались существами, обязанными служить. *Немногіе*, имѣвшіе господство, были почитаемы одни предназначенными или имѣющими право на свободу. Немногіе постепенно становились все болѣе и болѣе немногими. Одно или два сословія, одинъ или два человѣка въ цѣломъ народѣ владѣли господствомъ, и потому столь же малое число владѣло и свободой. Пропорція, въ какой немногіе стояли къ многимъ, нигдѣ такъ не уменьшалась, какъ въ римской имперіи. Въ ней потерялась большая часть древнихъ націй, между тѣмъ сами побѣдители предались своему единоличному владыкѣ. Владыка въ свою очередь покорялся тѣмъ изъ среды своихъ подданныхъ, которыхъ онъ не могъ не бояться. Самая атмосфера, казалось, была пропитана рабствомъ разнаго рода и всегдашнимъ спутникомъ рабства—общимъ взаимнымъ недовѣріемъ, и это было прямымъ слѣдствіемъ той свободы, какую поддерживалъ языческій законъ. Однакожъ всегда и среди римлянъ и среди провинціяловъ находились лица, пытавшіяся дышать болѣе

(1) Витринга (De Syn. Vet., p. 28), на основаніи извѣстій Талмуда, насчитываетъ до 480 синагогъ въ одномъ Іерусалимѣ.

(2) Дѣян. 1, 6.

свободно. Свобода для римлян была — возвращеніе къ древнему государственному устройству; для провинціаловъ—она была возвращеніемъ ихъ старинныхъ учрежденій и независимости. Для всѣхъ почти язычниковъ возстановленіе свободы — значило возвращеніе господства. Въ этомъ видѣ только и допускалъ свободу римскій законъ, какъ законъ языческій.

Оба эти закона проповѣдывали почти одинаковыя средства освобожденія отъ рабства, — для римлянъ это междуусобія и бунты, которые были такъ часты въ эпоху, предшествовавшую непосредственно императорской и въ императорскую,—для іудеевъ и другихъ провинціаловъ—возстанія и войны противъ римлянъ (въ родѣ возстанія при Веспасіанѣ іудеевъ подъ предводительствомъ Елеазара и Іоанна Гильды и послѣ подъ предводительствомъ Варкохава, въ родѣ возстанія нумидійцевъ подъ предводительствомъ Такфарины, галльскихъ и германскихъ племенъ подъ предводительствомъ Цивилиса, Классика и другихъ). Эти возстанія или эти попытки пріобрѣсти свободу были на самомъ дѣлѣ попытками возвратить господство, которымъ обладали предки этихъ народовъ. Отъ Іудеи до Британіи раздавались призывные крики къ оружію, раздавались изъ устъ лицъ, искавшихъ свободы для того, чтобы управлять, а не для того, чтобы сдѣлаться свободными. Возстанія и бунты не удавались; да если бы они и удались, человѣчество не много бы выиграло въ дѣлѣ свободы, — одни деспоты лишь замѣнились бы другими. Грозный римскій деспотизмъ и народы и отдѣльныхъ лицъ держалъ въ эту пору еще въ твердыхъ рукахъ.

Третій законъ—*законъ свободы, основанной* не на господствѣ надъ другими, а *на любви къ другимъ*, свободы,

не возбуждавшей востаній, а готовой все перенести, послѣднія степени униженія—свободы, при которой власти однакожъ становились въ служебное отношеніе къ подданнымъ, по духу любви и смиренія, а подданные въ повиновеніе, вытекающее изъ любви ко властямъ. Въ то время, о которомъ мы разсказываемъ, исповѣдниковъ закона новой духовной свободы, обнимавшей всѣхъ, и высшихъ и низшихъ безъ исключенія, было такъ мало, что ихъ могла вмѣстить одна комната на Сіонѣ (Дѣян. 1, 16). Что же могли сдѣлать эти люди для искорененія рабства въ мірѣ, если бы они обратились къ силѣ, когда стотысячныя арміи іудейскія падали въ борьбѣ за свободу? Но не въ духѣ Христіанства никакія возстанія, никакіе бунты, никакое насиліе, и не ими оно внесло въ міръ, погибавшій отъ рабства, особенно духовнаго, сѣмена новой свободы.

Осѣненные высшей помощію, воспріявъ Святаго Духа, первые послѣдователи І. Христа и проповѣдники новой свободы быстро пронесли и распространили свое ученіе по міру. Апостолы стали распространять свое ученіе новой свободы по духу Евангелія, и съ особеннымъ усердіемъ внялі слову ученія новаго тѣ, которые больше всего страдали отъ угнетеній и деспотизма древняго закона, низшіе и загнанные классы общества. Мудрые міра сего и знатные не многіе обратились, какъ свидѣтельствуетъ Ап. Павелъ (1 Кор. 1, 26). Впрочемъ и увѣровавшіе изъ людей высшаго сословія предостерегались отъ злоупотребленія своей высотой. Апостолъ Павелъ внушалъ настоятельно господамъ воздерживаться отъ жестокости по отношенію къ ихъ рабамъ и помнить, что и для господъ и для рабовъ на небѣ есть Господь, который не смотритъ на лица. Низшіе равно

обязывались не тяготиться своимъ низкимъ общественнымъ положеніемъ. *Раби*, пишетъ тотъ же Апостолъ, *послушайте господій своихъ по плоти*, и, прибавляетъ, *со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христу: не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко раби Христовы, творяще волю Божію отъ души* (Еф. 6, 5—6). Дѣтямъ заповѣдывалось: *чада послушайте родителей своихъ о Господѣ* (6, 1), родителямъ: *отцы не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (6, 4), женамъ повелѣвалось: *жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу* (5, 22), мужьямъ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь* (5, 25). Въ Христіанствѣ нѣтъ различія между іудеемъ и эллиномъ (Римл. 10, 12), въ немъ нѣтъ, говоритъ Апостолъ Колоссянамъ, *ни іудея, ни эллина, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, ни варвара, ни скиеа, ни раба, ни свободнаго, но вся и во всѣхъ Христосъ... Надъ всѣми же сими стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства* (Кол. 3, 11. 14). *Мнози едино тѣло есмы о Христѣ*, повторяетъ Апостолъ римлянамъ (12, 5. 1 Кор. 12, 20). Образъ мыслей Апостола относительно такъ развитаго въ римскомъ мірѣ рабства, вообще относительно существовавшихъ тогда между людьми общественныхъ различій, особенно ясно изложенъ въ его посланіи къ Филимону. Филимонъ — это былъ ранній и ревностный обращенный, жившій въ Колоссахъ во Фригіи: между нимъ и Апостоломъ существовали отношенія самаго полнаго довѣрія (¹). Во время своего темничнаго заключенія въ Римѣ, ап. Павелъ встрѣтилъ раба по имени Онисима, принадлежа-

(¹) Филим. ст. 7.

щаго его колосскому другу. Характеръ раба былъ худъ, и его присутствіе въ Римѣ было слѣдствіемъ его побѣга отъ господина. Но Апостолъ, вѣрный началамъ Христовой любви, принялъ и ободрилъ раскаявшагося раба. Прошу тебя за своего сына, пишетъ онъ другу, за сына, котораго *я родилъ*, т. е. обратилъ въ Христіанство *во узахъ моихъ*. Филимонъ ли вызывалъ раба своего, или самъ рабъ рѣшился добровольно возвратиться въ Колоссы, только Онисимъ сдѣлался подателемъ письма къ Филимону, писаннаго Павломъ собственноручно. Заповѣдуя своему другу принять покаявшагося раба, *не аки раба, но выше раба—брата возлюбленнаго*, какъ тотъ принялъ бы самого Павла, Апостолъ беретъ на себя все, чѣмъ могъ бы быть виноватъ Онисимъ. *Надѣяся на послушаніе твое, написахъ тебѣ, вѣдый, яко и паче, еже глаголю, сотвориши*. Всякій, кто прочитаетъ это трогательное ходатайство за раба, пойметъ, что Христіанство не желало и не могло желать, чтобы какъ нибудь дурно и насильственно и жестоко обходились даже съ провинившимися рабами. Рабъ — это братъ возлюбленный, это — другъ! Могло ли же, спрашивается, въ чистомъ Христіанствѣ долго существовать рабство, какъ особое сословіе людей, обойденныхъ, униженныхъ, угнетенныхъ другими сословіями, когда Апостолъ заповѣдуетъ раба — бѣглаго принять какъ возлюбленнаго брата, какъ себя, т. е. какъ друга? Рабство—психологически немыслимо въ обществѣ, проникнувшемся сознательно началами любви христіанской. И кто бы еще могъ быть исключенъ изъ области новой свободы, когда христіанская любовь установляла братство между рабомъ и господиномъ?

Новая свобода — всѣ обязанности лица въ отношеніи къ себѣ самому и къ другимъ основывала на болѣе вы-

сокихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ Богу. Отвѣтственность каждаго лица предъ Богомъ сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ каждой христіанской общины. Затѣмъ въ зависимости отъ этой личной и одинаковой для всѣхъ безъ исключенія отвѣтственности предъ Богомъ шли обязанности—для низшихъ уважать неприкосновенность высшихъ и защищать ихъ отъ страстей низшихъ,—для высшихъ обязанностію была неприкосновенность низшихъ, защищавшая ихъ отъ страстей высшихъ. Обязанности каждаго лица относительно себя самого иначе не могли быть выполнены, какъ чрезъ уваженіе въ каждомъ другомъ лицѣ его личности, образомъ Божіимъ украшенной. Противоположность христіанскихъ общинъ, устроенныхъ на подобныхъ началахъ, устройству языческихъ обществъ не могла не быть скоро замѣченною. Члены первыхъ смотрѣли на Бога, какъ на существо, предъ которымъ они всѣ одинаково отвѣтственны,—смотрѣли на ближнихъ, какъ на людей, которые имѣютъ всѣ одинаковыя обязанности къ Богу, долженствующія быть исполненными. На самихъ себя смотрѣли, какъ на существъ, которымъ никто не долженъ мѣшать исполнять свои обязанности къ Богу и ближнимъ. Личность человѣческая въ усвоеніи новаго закона находила для себя возстановленіе отъ своего поразительнаго угнетенія древними законами. Новая свобода освобождала всѣхъ лично и, кто бы захотѣлъ стѣснять другихъ, тотъ прежде всего самъ долженъ былъ бы отказать себѣ въ личной свободѣ.

Читатель! если вы хотите познакомиться съ взглядами Христіанства на свободу и рабство и сравнить эти взгляды съ современными понятіями о свободѣ и рабствѣ, чтобы узнать, насколько шире и выше первые, для этого просмотрите новый завѣтъ и исторію первыхъ трехъ вѣковъ

христіанской Церкви, когда она не вступила еще въ тѣсныя связи съ гражданскимъ обществомъ. Здѣсь вы найдете и самыя чистыя понятія и самое чистое приложеніе ихъ. Мы лишь наметили нѣкоторыя черты различія языческаго и іудейскаго взгляда на свободу, и взгляда христіанскаго. Теперь обратимъ вниманіе на средства пріобрѣтенія свободы, допущенныя Христіанствомъ, и на средства, употреблявшіяся язычниками.

Чудный, знаменательный разсказъ находится въ 26 главѣ евангелія Матѳея. Іисусъ Христосъ, окончивъ въ Геѳсиманскомъ саду молитву, *приходитъ къ ученикамъ своимъ и говоритъ имъ: вы все еще спите и почиваете: вотъ приближился часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ; вотъ приблизился предающій Меня. И когда еще говорилъ Онъ, вотъ Іуда, одинъ изъ двѣнадцати, пришелъ, и съ нимъ множество народа съ мечами и копьями, отъ первосвященниковъ и старѣйшинъ народныхъ. Предающій же Его далъ имъ знакъ, сказавъ: кого я облобызаю, тотъ и есть; возмите Его. И, тотчасъ подойдя къ Іисусу, сказалъ: радуйся, равви, и облобызалъ Его. Іисусъ же сказалъ ему: другъ, для чего ты здѣсь? Тогда подошли и возложили руки на Іисуса и взяли Его. И вотъ одинъ изъ бывшихъ со Іисусомъ, простерши руку, извлекъ мечъ свой и, ударивъ раба первосвященникова, отсѣкъ ему ухо. Тогда говоритъ ему Іисусъ: возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ. Или думаешь, что Я не могу умолить Отца моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ ангеловъ?... Въ тотъ часъ сказалъ Іисусъ народу: какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и копьями взять Меня; каждый день съ вами сидѣлъ Я, уча въ храмѣ, и вы не брали Меня* (Мѳ. 26,

45—55). Въ сознаніи полной правоты и высшей невинности своей Спаситель не хочетъ низвести съ неба легіоны ангеловъ, противъ самаго страшнаго насилія, какое когда либо совершалось въ мірѣ, сдерживаетъ даже порывъ любви къ Себѣ въ своемъ ученикѣ, любви болѣе законной и достойной, чѣмъ какая когда либо волновала человѣческую грудь, сдерживаетъ потому, что порывъ этотъ хотѣлъ обнаружиться насиліемъ противъ насилія. Въ нашъ вѣкъ насильственныхъ переворотовъ, съ рѣками проливаемой крови, полезно почаще обращать вниманіе на подобныя страницы евангелія... Едва ли есть такой видъ дѣятельности человѣческой, противъ котораго бы такъ ратовало Христіанство въ своемъ ученіи и такъ чуждалось въ своей исторіи, какъ насиліе. Отказываясь отъ насилія надъ лицами, даже хотя бы это насиліе могло быть употреблено для такихъ великихъ вещей, какъ распространеніе Евангелія, или защита Божественнаго Учителя, Христіанство учило обращенныхъ прежде всего отказаться отъ всякой мысли пріобрѣсти новую свободу тѣми же средствами, которыми пріобрѣталась древняя свобода. *Всяка душа*, писалъ ап. Павелъ, *властемъ предержащимъ да повинуется* (Римл. 13, 1). *Воспоминай тѣмъ*, писалъ онъ Титу, епископу критской церкви, *начальствующимъ и владѣющимъ повиноватися и покарятися* (Тит. 3, 1). Вмѣсто насильственнаго сверженія съ себя чьей бы то ни было власти, христіанинъ направлялся подчиниться ей съ большимъ послушаніемъ, чѣмъ язычникъ. *Потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ*, т. е. изъ страха возбудить непослушаніемъ гнѣвъ, *но и за совѣсть*. Ибо *нѣсть власть аще не отъ Бога* (Римл. 13, 1. 6). Такимъ образомъ новая свобода не была освобожденіемъ подданныхъ отъ всякой власти. Рабъ могъ оста-

ваться въ рабствѣ, и Климентъ Римскій, описывая освобожденіе въ первомъ вѣкѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его рабовъ, говоритъ, что «не насиліемъ или возстаніемъ сдѣлано было оно, а что многіе между нами сами отдавались въ рабство, чтобы освободить другихъ» (что бы сказали объ этомъ новѣйшіе возмутители?). Человѣкъ, занимавшій низкое положеніе въ обществѣ, могъ оставаться въ немъ. Никто—ни низкій, ни кабальный не долженъ былъ освобождаться или возвышать себя какими нибудь насильственными внѣшними средствами. Высокій или знатный не должны были быть низводимы внѣшними средствами и людьми, не имѣющими на то права.

Іудеи и язычники возстаніями и бунтами думали пріобрѣсти свободу, и не пріобрѣли: христіане чуждались всѣхъ насильственныхъ мѣръ, они не старались силой ниспровергать древнюю централизацію, древнее рабство, и на самомъ дѣлѣ достигали цѣли, къ которой шли. Чего тѣ не могли пріобрѣсти, то было легко достижимо для христіанъ. Ученики, избранные Спасителемъ, лица, обращенныя учениками, были уже одѣты въ свѣтлую ризу свободы духовной. Она не спасала ихъ отъ угнетеній общаго рабства, отъ насилій и страданій, щедро разсыпаемыхъ римскимъ деспотизмомъ на всѣ классы тогдашняго общества, а особенно на низшіе. Но она ставила ихъ по духу выше всѣхъ тѣхъ угнетеній, которыя существовали между язычниками. Высшія, духовнѣйшія силы язычника оставались въ бездѣйствіи, а между тѣмъ надъ этими силами невозможенъ никакой контроль. Только низшія силы вынаруживались въ тѣхъ изъ язычниковъ, которые искали свободы,—силы, которыя правитель всегда могъ остановить. Не такъ было у христіанъ. Какъ они ни были затаптываемы, ихъ униженіе, ихъ подчине-

ніе касалось только низшихъ силъ, и не касалось высшихъ. Высшія силы ихъ были ихъ собственныя, имъ исключительно принадлежавшія силы, и надъ ними никакой контроль былъ невозможенъ. Правитель могъ распоряжаться ихъ тѣлами; онъ могъ запрещать имъ занятія и должности, которыя могли доставить имъ значеніе въ обществѣ; онъ могъ останавливать, подобно Юліану, ихъ умственное развитіе и образованіе. Но онъ не могъ уже властвовать надъ ихъ умами, надъ ихъ вѣрованіями, надъ ихъ привязанностями. Для него не возможно было повелѣвать ихъ любовію къ Богу и людямъ, ихъ вѣрою во Христа. Свободные упражнять свои духовныя силы, христіане были свободны въ самой высшей области человѣческой мысли и дѣятельности. Эта свобода, сперва обнявшая только высшія сферы человѣческаго духа, открыла человѣчеству первый выходъ изъ древняго рабства. Но свобода не могла остановиться на этомъ. Ея внутреннею необходимостью было распространяться со всякимъ поколѣніемъ, со всякимъ вѣкомъ, охватывать другія, менѣе высокія сферы мысли и дѣятельности человѣческой, самыя силы физическія. Христіанинъ могъ выносить болѣзненнѣйшія агоніи, подъ которыми сгибались непреклоннѣйшіе характеры. Процессъ распространенія свободы не могъ быть быстръ, но конецъ его сталъ несомнѣненъ, направленіе было дано: свобода, сперва сдѣлавшая христіанина способнымъ упражнять независимо свои высшія силы, наконецъ должна сдѣлать его способнымъ упражнять всѣ силы своего существа и проникнуть всѣ отправленія его дѣятельности. Свобода начала свое дѣло съ отдѣльныхъ лицъ. Отъ нихъ она распространилась на частныя общины христіанскія и на все христіанское общество. Извѣстная степень политической

независимости была пріобрѣтена христіанскими общинами немедленно. Христіане не могли собираться вмѣстѣ, не оскорбляя римскихъ статутовъ, воспрещавшихъ всякаго рода ассоціаціи (т. е. добровольно составляющіяся въ обществѣ общества), не имѣющія особеннаго дозволенія начальства, — даже компаніи для тушенія пожаровъ. Они не могли выбирать себѣ священнослужителей и совершать свое богослуженіе, безъ открытаго оскорбленія религіозныхъ обрядовъ, жрецовъ и боговъ имперіи.

Лицемъ къ лицу новая свобода христіанина и древній деспотизмъ язычника встрѣтились въ первый разъ въ Антіохіи. Случай замѣчательный! Самый знаменитый въ то время представитель свободы христіанской былъ представленъ самому высшему во всей имперіи представителю и источнику деспотизма—императору Траяну. Императоръ прибылъ въ Антіохію. Извѣстія о христіанскихъ подданныхъ, о независимости и непоколебимости ихъ убѣжденій, извѣстія, посылаемыя ему губернаторами, становились все болѣе и болѣе тревожными. Императоръ рѣшился пріостановить свои приготовленія къ внѣшнимъ предпріятіямъ, чтобы разомъ покончить съ начавшею проявляться внутри самой имперіи независимостію. Онъ приказываетъ привести къ себѣ главу христіанской общины въ Антіохіи. Здѣсь привыкшій къ безусловной покорности императоръ въ первый разъ встрѣчается съ независимымъ образомъ мыслей, надъ которымъ безсильными оказываются всѣ аттрибуты и средства деспотизма. Епископа отвозятъ изъ Антіохіи въ Римъ, чтобы онъ погибъ въ виду цѣлаго міра и чтобы смерть его произвела дѣйствіе страха на христіанъ и на язычниковъ. Послѣдніе, можетъ быть, еще болѣе стали рабами, но для первыхъ казнь Игнатія стала лишь примѣромъ твердости.

Противоположность между христіанскими и языческими подданными еще яснѣе чувствовалась преемниками Траяна—Адріаномъ и Антонинами. Другіе подданные были унижены, и не возвышали своего голоса: одни христіане выказывали независимость духа. Императорская римская централизація сочла себя въ опасности. На дѣлѣ христіане вовсе не были страшны: они искреннѣе повиновались, чѣмъ язычники, когда повиновеніе не требовало чего нибудь противнаго убѣжденіямъ вѣры. Но ихъ появленіе, ихъ возрастаніе смущало императоровъ: чтò въ самомъ дѣлѣ можно было сдѣлать съ этими людьми, когда на нихъ не дѣйствовали ни казни, ни обѣщанія выгодъ? Они не возставали, конечно, подобно іудеямъ: но, сами терпя нападеніе отъ имперіи, они были несокрушимы въ своихъ убѣжденіяхъ, не поддавались ни на шагъ. Нѣтъ, императоры не хотѣли терпѣть подобной независимости. Начались новыя нападенія на христіанъ и при Маркѣ Авреліѣ достигли полной силы. Но чѣмъ сокрушительнѣе дѣйствовалъ деспотизмъ, тѣмъ ярче выступала независимость и непреклонность христіанъ. Немощные старцы, въ родѣ 86-лѣтняго Поликарпа Смирнскаго, слабыя рабыни, въ родѣ Бландины, оказывались духовно могущественнѣе владыкъ міра. Бландина—лице замѣчательное въ исторіи христіанской свободы. Христіане трепетали за твердость этой женщины, только-что обратившейся ко Христу и уже арестованной. Опасенія оказались напрасными. Пытки продолжались надъ нею цѣлый день съ ранняго утра до поздней ночи, солдаты, пытавшіе ее, утомлялись и нѣсколько разъ перемѣнялись, чтобы отдохнуть, — такъ звѣрски, такъ усиленны были исполняемыя ими истязанія. Бландина не теряла твердости. «Ея ободреніемъ и утѣшеніемъ, какъ писали пере-

жившіе ее братія ліонскіе, служили часто повторяемыя ею слова: «я христіанка, но мы вамъ ничего худаго не сдѣлали.» Ее отвели въ тюрьму. Отсюда ее вмѣстѣ съ малолѣтнимъ христіаниномъ Понтикомъ (15 лѣтъ) выводили въ циркъ, чтобы они смотрѣли на предсмертныя муки умиравшихъ христіанъ. Надѣялись зрѣлищемъ смерти—покорить свободное убѣжденіе христіанки-рабы и малолѣтняго христіанина. Напрасно! Вновь испробовали пытки, чтобы заставить ихъ покориться волѣ императора, губернатора и языческихъ подданныхъ. Мальчикъ до конца сохранилъ вѣру во Христа. Бландину, противъ которой, какъ противъ рабыни, были особенно воспламенены и власти и зрители, сѣкли, стращали дикими звѣрями, ей прижигали огнемъ разные члены: ничто не помогало. Наконецъ она нашла смерть на рогахъ быка. Что же значитъ послѣ этого цезарскій деспотизмъ, когда новая вѣра, съ новой независимостью убѣжденій, сдѣлала предметомъ удивленія слабыхъ мальчиковъ и презираемыхъ дотолѣ рабовъ и рабынь? Рабыня не уступала цезарской волѣ, конечно, только въ дѣлѣ вѣры: но и это исключеніе было оскорбительно для императорскаго самовластія, предъ которымъ безотвѣтны были высшіе сановники Рима. О, это—плохой знакъ! Это мужество умирать страшнѣе было всякихъ открытыхъ восстаній для древняго языческаго владыки, уважавшаго свою волю и не знавшаго воли другихъ! За тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе напрягали императоры свои силы противъ этой независимости духа христіанъ, преданныхъ вѣрѣ своей, все многочисленнѣе становились казни христіанъ, а христіанство распространялось все дальше и шире. Вотъ какъ, безъ всякихъ внѣшнихъ насилій со стороны исповѣдниковъ христіанства, распространялась истина Христова; она распростра-

нялась среди всевозможныхъ препятствій со стороны, среди всевозможныхъ насильственныхъ мѣръ остановить распространеніе. Кровь христіанъ была, скажемъ словами древняго апологета, сѣменемъ новыхъ христіанъ! Предостерегая государственныхъ людей отъ распространенія истинъ вѣры и всякихъ другихъ истинъ мѣрами насилія, одинъ современный историкъ (¹) говоритъ: «тѣмъ, которые проповѣдуютъ о долгѣ употреблять силу для распространенія истины, не худо бы помнить, что заблужденіе, не могущее соперничать противъ истины, стоящей одиноко, нерѣдко оказывалось больше, чѣмъ соперникомъ, оказывалось побѣдителемъ, когда истина вступала въ союзъ съ внѣшнею силою.» Тѣмъ болѣе, прибавимъ мы, разсыплется заблужденіе, вступившее въ союзъ съ силой противъ истины, отвергающей для своего успѣха всякое насиліе, и тѣмъ неумѣстнѣе насильственно распространить какую бы то ни было истину, чтобы уничтожить противоположное ей заблужденіе; такіе порывы только мѣшаютъ дѣлу истины. Повторяемъ: истинно христіанская дѣятельность, какъ она обнаружилась особенно въ первые вѣка христіанства и потомъ во все продолженіе истинной Христовой Церкви, ни мало не противорѣчитъ тѣмъ не многимъ лучшимъ правиламъ, выработаннымъ міромъ въ теченіи всей новой исторіи и сдѣлавшимся аксіомами, и безконечно превосходитъ всѣ, еще не установившіяся въ жизни человѣчества и колеблющіяся теоріи. Пойдемъ дальше, минуя времена гоненій.

Имперія отказалась наконецъ отъ безнадежной борьбы съ Христіанствомъ. Она вступила въ союзъ съ Христовой Церковію—въ лицѣ Константина, и здѣсь въ первый

(¹) Маколей.

разъ раскрылось истинное употребленіе Церковію правъ своихъ. Еще при апостолахъ установился соборный образъ рѣшенія дѣлъ. Потомъ также, хотя съ большимъ затрудненіемъ, составлялись соборы епископовъ, гдѣ предстоятели Церкви, не опасаясь никого и ничего, говорили о предметахъ вѣры и благочинія церковнаго. Въ началѣ IV вѣка возникли споры касательно празднованія Пасхи, явилась ересь Арія, и христіанское общество волновалось. Константинъ Великій рѣшился созвать соборъ епископовъ, чтобы положить конецъ смутамъ въ христіанскомъ мірѣ. Указъ объ этомъ за его подписомъ быстро облетѣлъ концы имперіи. Христова Церковь радостно приняла планъ Константина собрать въ одно мѣсто всѣхъ ея представителей. Началось великое движеніе по всей имперіи отъ одного конца до другаго. Надежда помочь доброму дѣлу, любовь къ миру, чрезвычайность зрѣлища и даже любопытство увидѣть Константина, даровавшаго христіанамъ гражданскія права,—возбуждали народы къ непривычной дѣятельности. Народонаселеніе имперіи было приведено въ нѣкоторое изумленіе и всеобщее броженіе. Міряне и даже язычники участвовали въ общемъ движеніи. Всѣхъ поразила новость готовившагося зрѣлища. Вотъ уже три столѣтія не собиралось ни въ одномъ пунктѣ имперіи свободнаго собранія; голосъ сознательнаго убѣжденія не прерывалъ нѣмаго молчанія языческихъ подданныхъ, рабски распростиравшихся предъ деспотизмомъ; молчаніе это развѣ изрѣдка прерывали пересоленные панегирики римскихъ сенаторовъ своимъ императорамъ, римскихъ риторовъ — всѣмъ высшимъ лицамъ, да стоны жертвъ языческихъ и христіанскихъ исповѣдниковъ. И это въ первый еще разъ, на памяти десяти языческихъ поколѣній, собирались вокругъ государя люди

съ сознаніемъ собственнаго личнаго достоинства, собирались не для того, чтобы льстить или обманывать, но чтобы непринужденно разсуждать предъ его глазами. Тутъ прямодушныя совѣщанія, звуки искренняго убѣжденія, звуки истины долженствовали пробудить сознаніе въ гражданахъ имперіи, давно уже забывшихъ про свободу и права свои. Мѣстомъ собранія перваго никейскаго собора была Никея.

«Первая встрѣча этихъ благочестивыхъ мужей сопровождалась трогательными сценами. Соединенные одною вѣрою и общими испытаніями, они знали другъ друга только по слухамъ о заслугахъ и страданіяхъ каждаго. Невыразимой радостію для нихъ было встрѣчаться другъ съ другомъ, обниматься и толковать о бѣдствіяхъ, какія долго они терпѣли, и о неожиданномъ настоящемъ счастіи. Тутъ можно было видѣть лицемъ къ лицу самыхъ славныхъ слугъ Божіихъ. Первое мѣсто занимали лица, уцѣлѣвшія отъ гоненій и носившія на тѣлѣ своемъ знаки славнаго исповѣданія вѣры. Когда входилъ Пафнутій, епископъ ѳиваидскій, влача ногу, мускулы которой были перерѣзаны, при его работѣ въ каменоломняхъ, когда онъ проходилъ по собранію съ испорченнымъ по повелѣнію Максимина правымъ глазомъ, когда Павелъ, епископъ Неокесаріи на Евфратѣ, поднималъ для благословенія руку, изувѣченную огнемъ, всѣ умилялись и спѣшили лобызать слѣды этихъ святыхъ ранъ. Не меньшее вниманіе привлекали къ себѣ и пустынники, чрезвычайная строгость которыхъ составляла любимый предметъ домашнихъ разсказовъ въ христіанскихъ семействахъ. Вотъ св. Іаковъ Низибійскій, въ одеждѣ изъ козьяго и верблюжьяго волоса, что уподобляло его Іоанну Крестителю. Онъ жилъ много лѣтъ на пустынныхъ границахъ Месо-

потамiи и Персiи, питаясь сырыми растенiями и дикими плодами. Вотъ Потамонъ, епископъ Ираклiи на Нилѣ, который могъ описать внутреннiй бытъ монастыря Писпирскаго и обрисовать потретъ св. Антонiя; вотъ и св. Спиридонъ, епископъ кипрскiй, дѣтская мягкость и простой нравъ котораго вошли тогда въ пословицу и который пасъ овецъ своихъ даже тогда, когда сдѣлался епископомъ; когда воры забрались въ его овчарню, онъ сказалъ: «отъ чего же вы не потрудились спросить у меня, а рѣшились лучше похитить?» Рядомъ съ ними и св. Николай, еп. Мирскiй, подобно Iисусу Христу, другъ дѣтей, память о которомъ, не сохраненная исторiей, сохранилась въ преданiяхъ. За тѣмъ слѣдовали ученые, писатели, имена коихъ стали извѣстными по ихъ проповѣдямъ и сочиненiямъ: Θеодоръ Тарсiйскiй, воспитанникъ аѳинскiй; Леонтiй Кесарiйскiй, учитель Григорiя Назiанзена; Евстаѳiй Антiохiйскiй, Макарiй Палестинскiй, Маркеллъ Анкирскiй—не спокойный, но сильный духомъ и, въ числѣ прочихъ, важное лицо тогдашняго времени, почтенный Александръ Александрiйскiй, опиравшiйся на юнаго своего помощника св. Аѳанасiя, за которымъ всѣ признавали уже таланты и горячую энергiю. Среди этихъ восточныхъ мужей: Педротъ Ираклiйскiй, Протогенъ Сардскiй, Александръ Θессалоникскiй, Евсторгiй Миланскiй, Капитонъ Сицилiйскiй, Никiй, еп. Дiнье въ Провансѣ, Цецилiй Карѳагенскiй, другъ Константина, Осiя Кордовскiй въ Испанiи, предсѣдатель собора, наконецъ замѣнявшiе римскаго епископа св. Сильвестра, коему старость не позволила быть тутъ, два депутата-священника, Витонъ и Викентiй, представляли западъ. Два варвара: одинъ Персъ—Iоаннъ, другой – Готъ — Θеофилъ дополняли это собранiе представителей рода человѣчес-

каго. Здѣсь слышались различныя произношенія и даже нарѣчія; тѣмъ болѣе трогательнымъ долженствовало казаться нравственное *единеніе* всѣхъ собравшихся ([1])».

Соборы епископовъ потомъ повторялись постоянно. Однихъ вселенскихъ соборовъ было 7; гораздо больше собралось помѣстныхъ. Церковь вообще знала для себя одно высшее законодательное управленіе—управленіе соборное. Мѣста личному произволу въ общемъ управленіи Церкви не давалось, хотя нерѣдко императорская власть, а впослѣдствіи власть папская вторгались съ своими притязаніями — подчинить себѣ соборный образъ рѣшенія дѣлъ.

Мы укажемъ еще примѣръ. *Вы знаете*, сказалъ Іисусъ Христосъ двумъ ученикамъ своимъ, просившимъ Его о первыхъ начальственныхъ мѣстахъ въ Его царствѣ, *что князи народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слуга. И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ всѣмъ рабъ* (Мѳ. 20, 25—27. Марк. 10, 35 — 45). Правило это такъ ясно, такъ просто, что казалось бы бери его и прилагай къ дѣлу всѣ начальствующіе въ христіанскихъ обществахъ; притомъ оно такъ прямо вытекаетъ изъ закона любви къ ближнимъ. Но родъ человѣческій казалось забылъ о немъ и забылъ надолго.

Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ (Мѳ. 20, 28). *Благоволю* (т. е. нахожу удовольствіе) *въ досажденіяхъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніяхъ*,

---

([1]) Broglie, L'Église et l'Empire Romain au IV siecle, tom. II. chap. IV. pp. 17—21.

въ тѣснотахъ о Христѣ (2 Кор. 12, 10), говорилъ одинъ изъ апостоловъ — первыхъ начальниковъ христіанскихъ общинъ. Будемъ надѣяться, по крайней мѣрѣ желать, чтобы наступило и такое время, когда властію не будутъ называть сборъ тѣхъ или другихъ правъ безъ обязанностей, или обязанностей безъ правъ, — т. е. въ последнемъ случаѣ ношу тягостей различныхъ, налагаемыхъ подданными на извѣстныхъ лицъ и принимаемыхъ и носимыхъ изъ тщеславія, а когда власть будетъ свободно употреблять свои права и радостно исполнять свои обязанности, проникнутая любовію къ управляемымъ ближнимъ, и окруженная и защищаемая ихъ любовію и повиновеніемъ.

Обратимся къ дальнѣйшимъ судьбамъ христіанской свободы. Чрезъ три слишкомъ вѣка послѣ Рождества Христа Спасителя, Христова Церковь изъ гонимой стала господствующею. Во время гоненій она проповѣдывала повиновеніе властямъ, воздвигавшимъ на нее гоненія, не вмѣшивалась никогда въ дѣла гражданскія: нельзя было ожидать, чтобы она во время союза и покровительства ей со стороны гражданскихъ властей стала употреблять какія нибудь мѣры насилія. Міръ былъ спасенъ, сѣмена истинной свободы были посѣяны въ немъ, но остались и плевелы прежней жизни. «Спаситель не перестроивалъ общественныхъ формъ, не касался частныхъ положеній того или другаго лица, а училъ тому, чѣмъ долженъ быть всегда и вездѣ каждый человѣкъ — мущина и женщина, богатый и бѣдный, образованный и необразованный, господинъ и рабъ, царь и подданный, членъ республики и членъ монархіи, еврей и римлянинъ, грекъ и скиѳъ. Такимъ образомъ Его ученіе, заключая въ себѣ требованія всеобщія и вѣчныя, обнимающія жизнь каж-

даго человѣка во всѣхъ степеняхъ его развитія, само по себѣ неизмѣнно и всегда одно и тоже... Оно, поэтому, безконечно выше всякаго человѣческаго развитія, какъ все божественное выше человѣческаго, неизмѣнное постоянно измѣняющагося, сущность формы. Будучи само неподвижно и неизмѣнно, оно составляетъ жизненное начало всякаго человѣческаго движенія впередъ къ совершенству, всякой перемѣны къ лучшему,—и прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ постояннаго разъясненія и приложенія христіанскихъ требованій къ жизни, которая не стоитъ, но постоянно движется, приноситъ съ собой новыя и новыя явленія, производитъ новыя перемѣны, вызываетъ новые вопросы». Христова Церковь встрѣтила первое общество, давшее членамъ ея покровительство, готовымъ, имѣвшимъ уже тысячелѣтнюю исторію. Не въ ея правилахъ было перестроивать насильно гражданскія отношенія. Они не столько по духу, сколько по формѣ остались прежними, т. е. начала централизаціи также почти дѣйствовали при Константинѣ и Ѳеодосіѣ, какъ они дѣйствовали при Августѣ и Траянѣ. Главное, что она могла сдѣлать въ эту пору, касалось не строя общества, а участи отдѣльныхъ лицъ, смягченія казней, большихъ удобствъ выпуска на волю рабовъ, взятіе подъ нѣкотораго рода покровительство лицъ гонимыхъ, обидимыхъ. Много сама она попрежнему терпѣла отъ самовластія императоровъ, отъ интригъ придворныхъ и въ Римѣ и потомъ въ Константинополѣ. Званіе римскихъ императоровъ—само собой продолжало въ нѣкоторой мѣрѣ древнюю централизацію: среди христіанскаго общества стали находиться рабы и льстецы, подобные окружавшимъ Нерона или Тиберія. На западѣ скоро были порѣшены дѣла съ Имперіей. Она пала.

Варвары заняли ея мѣсто и съ приходомъ ихъ дѣла лишь усложнились. Они, какъ мы сказали, стремились къ господству надъ другими, и принесли съ собою древнія языческія понятія о свободѣ, т. е. какъ о господствѣ. Принимая христіанство кучами, большею частію по приказу своихъ вождей, они въ жизни оставались большею частію язычниками. Процессъ перерожденія къ новой свободѣ долженствовалъ быть слишкомъ длиненъ въ рукахъ такихъ заправителей перерожденія. Теперь приразились другъ къ другу элементы жизни языческой (римской и германской) и элементы христіанской. Среди борьбы, которая завязалась въ VI в. и продолжалась до конца XV, между элементами общественной жизни западной Европы начала христіанскія приняли въ рукахъ людей характеръ языческій, а языческія нѣсколько одухотворились и очистились христіанскими. Въ церковь проникла феодальная система съ феодальнымъ рабствомъ, потомъ языческая централизація съ рабскими подданными; изъ феодализма языческаго выродилось христіанское рыцарство. Церковь долгое время была на западѣ побѣдительницей, но она побѣдила не во имя свободы подданныхъ, а во имя древняго деспотизма языческаго. Григорій VII сдѣлалъ въ Римѣ тоже, что сдѣлалъ за одиннадцать вѣковъ Юлій Цезарь, и Иннокентій III царствовалъ также самовластно въ Римѣ и мірѣ, какъ Августъ; Александръ VI совершилъ не меньше преступленій (или точнѣе подъ его покровительствомъ его родственники), чѣмъ Тиберій или Неронъ. Насиліе вторглось здѣсь въ ту самую область, въ которой Христіанство заботливо предотвращало оное. Карлъ великій принимаетъ на себя обязанность распостранять вмѣстѣ съ своею властію и христіанскую вѣру между саксонцами: впослѣдствіи короли испанскіе и португальскіе обращали жи-

довъ въ Христіанство такъ, что тѣ должны были выбирать или Христову вѣру или висѣлицу, и упорствующихъ дѣйствительно умерщвляли, чтобы потомъ малолѣтнихъ дѣтей насильно воспитывать въ Христіанствѣ. Современные Карлу великому папы свою духовную власть употребляютъ для утвержденія императорскаго единовластія въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Этимъ способомъ надѣялись сплотить западное христіанство въ одно цѣлое, духовнымъ главою котораго долженъ стать папа, а свѣтскимъ—императоръ. Эта мысль тѣмъ легче укоренялась впослѣдствіи, что распри о первенствѣ между римскимъ епископомъ и константинопольскимъ патріархомъ (особенно съ ученѣйшимъ Фотіемъ) довели давно уже существовавшій разладъ до полнаго отдѣленія западной церкви отъ православной восточной. Съ тѣхъ поръ церковь и государства христіанскаго запада управлялись двумя мечами; и если императоръ, какъ старшій сынъ церкви, только чрезъ папское коронованіе получалъ освященіе и утвержденіе въ своемъ санѣ, то и папа избирался лишь съ согласія императора. Отношенія гражданскія и отношенія духовныя перепутываются на западѣ самымъ страннымъ образомъ: папа не только самъ дѣлается государемъ, онъ входитъ съ своими духовными правами въ непринадлежащую ему область международныхъ, государственныхъ и гражданскихъ отношеній, и мѣры гражданскихъ наказаній употребляетъ для поддержанія, распространенія своей власти и для сохраненія чистоты католицизма. Духовная римская инквизиція повторила всѣ казни, всѣ пытки, всѣ роды поруганій и наказаній, изобрѣтенныхъ древнимъ языческимъ деспотизмомъ; мало этого, — Римъ католическій изобрѣлъ новый родъ насилія—насилія духовнаго; его іезуиты въ видѣ наставниковъ опутывали, ско-

вывали самыя убѣжденія христіанъ, еще когда они были юношами—въ видѣ духовныхъ отцевъ, они опутывали совѣсти лицъ возрастныхъ; наконецъ, сами онѣ были опутаны той страшной централизаціей, которая проходила по католической іерархіи вообще и въ особенности по ихъ ордену и вслѣдстіе которой они сами лишались всякой личной свободы убѣжденій и дѣйствій (sis cadaver!). Міръ ни прежде, ни послѣ не видалъ такого духовно-свѣтскаго деспотизма, какой создали римскіе папы, воспользовавшись эпохой духовно-религіознаго направленія въ жизни римско-германскихъ народовъ. Папы продолжали употреблять смиренно-христіанскій титулъ: *рабъ рабовъ Божіихъ:* но что значилъ этотъ титулъ при догматѣ о непогрѣшимости папской, въ силу котораго опредѣленія соборовъ прежнихъ и вновь составлявшихся, имѣли силу потому только, что ихъ принималъ папа—въ силу котораго истина опредѣлялась не очевидностію ея и здравыми доказательствами, а просто капризнымъ движеніемъ ума римскаго первосвященника, при догматѣ о непогрѣшимости, которая будто-бы необходимо обнаруживается въ папѣ, даже когда дѣло касается не только истинъ вѣры и правилъ дисциплины церковной, но и простыхъ открытій астрономіи, механики и другихъ положительныхъ наукъ. И долго держалъ папскій деспотизмъ и религіозную совѣсть, и свободную науку въ рабствѣ, пока наконецъ реформація и произведенное съ нею возбужденіе умовъ въ западной Европѣ не перемѣнили положенія дѣлъ, т. е. не перемѣнили формы того же рабства, какъ покажемъ впослѣдствіи.

Если деспотизмъ и рабство, съ насиліемъ и угнетеніемъ, прокрались въ тѣ учрежденія западнаго міра, которыя считались хранителями Христіанства, если языче-

скіе элементы заразили на западѣ чистоту католицизма:. то тѣмъ легче деспотизмъ и рабство могли существовать въ другихъ сферахъ жизни Запада. Бокъ-о-бокъ съ папствомъ и часто поддерживаемые имъ явились деспотизмъ феодальный со множествомъ рабовъ, правительственный съ огромными арміями и многочисленными чиновниками. Централизація языческая нашла себѣ въ устахъ Людовика XIV извѣстную формулу: *государство—это я*; а равно она обнаруживалась и въ стремленіи къ господству въ Европѣ, попеременно Франціи, Испаніи, Австріи, составляющемъ сущность внѣшнихъ отношеній европейскихъ государствъ въ послѣдніе три вѣка, и въ послѣдній разъ блистательно выразившемся въ походахъ и завоеваніяхъ Наполеона I-го. Міръ христіанскій, не проникнутый духомъ Христовымъ, по прежнему думалъ благоустроить счастіе человѣчества на насиліи, покореніи и угнетеніи народовъ народами, сословій сословіями. Но, слава Богу, прошло это время—на несчастіи другаго созидать собственное счастіе. Не къ тому ведетъ міръ христіанская исторія. Въ эту-то пору господства языческихъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ европейскія государства нахватали себѣ разноплеменныхъ національностей,—зло, которое съ 1848 года производитъ столько затрудненій и столько горя Европѣ и грозитъ еще большими. Среди этихъ-то языческихъ стремленій, господствовавшихъ въ западной Европѣ, образовались въ ея народахъ языческія наклонности и свойства: въ международныхъ отношеніяхъ правительствъ недовѣріе, скрытность, отсутсвіе прямоты и искренности дипломатическихъ сношеній, въ подданныхъ разныхъ государствъ затаенная ненависть къ властямъ, неповиновеніе и революціонныя тенденціи.

И если народы европейскіе избавились отъ римской централизаціи, то избавились благодаря опять вѣрѣ Христовой. Первое возстаніе противъ деспотизма было сдѣлано во имя свободы вѣры. Такъ это было въ Германіи при Карлѣ V, въ Голландіи при Филиппѣ II и въ Англіи. Противъ нехристіанскаго начала жизни и средства были употреблены нехристіанскія, на языческія притѣсненія отвѣчали языческими же возстаніями и это сопровождалось плачевными слѣдствіями. Люди, торжествующіе надъ угнетателями посредствомъ насилія или возстанія, послѣ сами научаются насиловать другихъ. «Протестантскіе правители, пишетъ Маколей, преслѣдовали сектантовъ, которые на дѣлѣ были такими же протестантами, какъ и они сами. Въ Пфальцѣ кальвинистскій князь преслѣдовалъ лютеранъ, въ Саксоніи лютеранскій князь преслѣдовалъ кальвинистовъ. Шведы изгоняли всякаго, кто хотя въ чемъ нибудь противорѣчилъ аугсбургскому исповѣданію. Въ Англіи тюрьмы были наполнены людьми, которые не смотря на то, что были ревностными реформатами, не во всѣхъ пунктахъ вѣроученія и дисциплины были согласны съ дворомъ (1).» Поведеніе англичанъ, послѣ низверженія Іакова, относительно ирландцевъ — католиковъ возмутительно, поведеніе французскихъ террористовъ страшно, не многимъ лучше поведеніе современнаго Кавура...

Изъ угнетеній высшихъ низшими, изъ возстаній низшихъ противъ высшихъ, изъ насилій побѣдителей надъ побѣжденными, изъ замѣнъ одного деспотизма другимъ, прежняго вида насилія новымъ, грубаго болѣе тонкимъ, слагается исторія западной Европы, видимо впрочемъ съ теченіемъ времени дающая все больше и больше мѣста

(1) Прав. Обозр. 1860 г. № 5.

началамъ христіанскимъ, и когда-то, когда поймутъ намъ возможность безъ насилій и возстаній, честнымъ путемъ любви христіанской и христіанского самоотверженія начать постепенный рядъ мѣръ — на пользу народовъ, отдѣльныхъ сословій и частныхъ лицъ. Здѣсь припоминаются намъ дивныя слова русскаго писателя: «во всемірной исторіи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя казалось вычеркнулъ и уничтожилъ бы, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя дороги избирало человѣчество, стремясь къ вѣчной истинѣ: тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги. Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ идутъ люди. И сколько разъ уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону.... Умѣли таки среди бѣлаго дня добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ? гдѣ дорога? Видитъ теперь все ясно грядущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ, на него же, на него, на текущее поколѣніе, и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки ([1]).» Мы остановимся теперь на послѣднихъ заблу-

([1]) Слова Гоголя.

жденіяхъ или въ послѣднемъ проявленіи языческихъ деспотизма и рабства въ западной Европѣ.

Говорятъ, самые жестокіе офицеры бываютъ тѣ, которые выслуживаются изъ рядовыхъ. Точно также нѣтъ жесточе господъ, которые когда-то были рабами. Двигателями большей части страшныхъ событій, совершавшихся въ Римѣ именемъ цезарей, были вольноотпущенники. И умъ, такъ долго стѣсненный, такъ долго рабствовавшій предъ папствомъ, получивъ послѣ реформаціи просторъ, съ какой-то злобной радостію предался самоуслажденію своимъ вновь пріобрѣтеннымъ господствомъ. Съ особенной охотой отыскивались всѣ поводы къ нареканію на Христіанство, новыя открытія въ области естественныхъ или историческихъ наукъ, открытія, имѣвшія очень непродолжительную значимость, старались ставить въ параллель и въ укоризну Христіанству. Люди талантливые спѣшили пріобрѣсти себѣ репутацію въ свѣтѣ кощунствомъ надъ нравственными заповѣдями евангелія, или надъ догматами церкви: «во французскую революцію каждый претендентъ на образованность, по свидѣтельству одного историка, считалъ своей непремѣнной обязанностію презирать отечественную вѣру столько же, сколько онъ находилъ нужнымъ знать отечественную литературу» (¹). Но не одинъ низверженный господинъ — т. е. римская церковь — испыталъ господство или деспотизмъ ума. Умъ, освобожденный отъ папской опеки, уже не зналъ предѣловъ своей власти и своей тиранніи: онъ во все вмѣшивался, судилъ, осуждалъ и присуждалъ, не задумываясь и не раздумывая долго, какія дорогія вещи онъ присуждаетъ къ гибели. «Что это такое?» — скажутъ свѣтскіе читатели — да

(¹) Прав. Обозр. 1860 г. № 5.

вы преслѣдуете, милостивый государь, мракобѣсіе? да что же такое жизнь безъ ума? что такое самое Христіанство безъ разумнаго убѣжденія въ немъ?» Постойте, постойте, господа! Мы ненавидимъ всякое мракобѣсіе столько же, сколько всякую тиранію, хотя бы это была тираннія науки, тираннія литературы, тираннія, которою, мимоходомъ сказать, какъ справедливо замѣтилъ Гротъ (Русс. Вѣстн. 1861 г. 2 кн.), отличается русская современная журналистика, мы уважаемъ свободу свою столько же, сколько и чужую. Но чтобы не оставить мѣста предположенію, что мысль о деспотизмѣ ума—пугало, созданное фантазіей пишущаго эти строки, мы приведемъ слова писателя, пользующагося европейской извѣстностію, «Черта отличающая состояніе человѣческаго разума въ XVIII вѣкѣ», пишетъ Гизо, «это—всеобщность, всеобъемлемость свободнаго изслѣдованія. До тѣхъ поръ, и особенно въ XVI в., кругъ свободнаго изслѣдованія былъ ограниченъ, одностороненъ; онъ обнималъ собою иногда одни только религіозные вопросы, иногда вмѣстѣ съ ними и политическіе, но притязанія его заключались въ извѣстныхъ предѣлахъ. Напротивъ того въ XVIII в. свободное изслѣдованіе принимаетъ универсальный характеръ: религія, политика, чистая философія, общество и человѣкъ, нравственная и вещественная природа,—все въ одно и тоже время становится предметомъ изученія, сомнѣнія, системы; древнія науки преобразовываются, рядомъ съ ними возникаютъ новыя. Движеніе распространяется по всѣмъ направленіямъ, хотя и проистекаетъ изъ одного и тогоже побужденія. Кромѣ того движеніе это запечатлѣно особымъ, страннымъ характеромъ, не имѣющимъ, можетъ быть, ничего себѣ подобнаго во всемірной исторіи, характеромъ отвлеченнымъ, чи-

сто созерцательнымъ... Двигатели, участники этихъ великихъ споровъ, остаются чуждыми всякаго рода практической дѣятельности; это теоретики, мыслители, которые наблюдаютъ, судятъ, говорятъ, но никогда не вмѣшиваются въ событія... Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ: онъ имѣлъ огромное вліяніе на ходъ событій. Онъ сообщилъ идеямъ того времени замѣчательный характеръ безпредѣльности и непрактичности. Никогда философія не стремилась такъ упорно къ обладанію надъ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не была такъ чужда ему. Рано или поздно, надобно было обратиться къ дѣйствію; умственное движеніе должно было перейти во внѣшнія событія,— и чѣмъ полнѣе было раздѣленіе ихъ, тѣмъ труднѣе была ихъ встрѣча, тѣмъ сильнѣе ихъ столкновеніе. Можно ли послѣ того удивляться другой, отличительной чертѣ тогдашняго состоянія человѣческаго духа — чрезвычайной смѣлости его? До того времени въ минуту величайшей дѣятельности своей онъ всегда сдерживался извѣстными преградами; человѣкъ всегда жилъ посреди фактовъ, изъ которыхъ одни внушали ему уваженіе и до извѣстной степени останавливали стремленія его. Въ XVIII в. совсѣмъ не было кажется внѣшнихъ фактовъ, предъ которыми склонялся бы человѣческій разумъ, которымъ бы онъ сколько нибудь подчинялся; онъ ненавидѣлъ или презиралъ общественное устройство. Отсюда родилось въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ преобразовать все существующее въ мірѣ: онъ сталъ приписывать себѣ нѣкоторымъ образомъ творческую силу; учрежденія, мнѣнія, права, общество, и самъ человѣкъ—все представлялось ему подлежащимъ передѣлкѣ, и человѣческій разумъ принялъ на себя исполненіе подобной задачи... Человѣческій духъ достигнулъ почти абсолютной власти; въ свою

очередь онъ возъимѣлъ чрезмѣрное довѣріе къ самому себѣ... Это обладаніе неограниченной властію имѣло въ это время пагубное вліяніе на человѣческій духъ; онъ совратился съ истиннаго пути своего, съ презрѣніемъ и ненавистью сталъ относиться къ дѣйствительнымъ фактамъ и общепринятымъ идеямъ; а эта незаконная ненависть привела его къ заблужденію и тиранніи. Дѣйствительно, къ торжеству человѣческаго разума, въ концѣ XVIII в., присоединилась доля заблужденія и тиранніи— доля несомнѣнно значительная: не будемъ обманывать себя, и признаемся въ этомъ открыто и громко. Эта доля заблужденія и тиранніи была въ особенности послѣдствіемъ упоенія, въ которое повергнутъ былъ человѣческій разумъ безпредѣльностію пріобрѣтенной имъ власти (1).»

Итакъ—и въ области науки, въ области литературы возможны деспотизмъ и рабство, деспотическое отношеніе однихъ взглядовъ къ другимъ, всѣхъ вообще къ фактамъ жизни и къ отдѣльнымъ личностямъ. Рабство и деспотизмъ здѣсь тѣмъ страшнѣе еще, что искусство писать красно и сильно можетъ вербовать рабовъ и держать ихъ въ рабствѣ, не давая замѣтить подчинившимся ихъ рабскаго положенія. Сколько бѣдъ происходитъ отсюда—объ этомъ могутъ судить лучше всего тѣ бѣдные люди, которые, обольстясь возгласами журналовъ о пользѣ и несомнѣнныхъ выгодахъ помѣщенія въ частныя компаніи капиталовъ, потеряли свои послѣдніе трудовые и нетрудовые деньги, и надъ которыми теперь остроумно подсмѣиваются тѣже самые журналы. Можно надѣяться, что многое множество истинъ и убѣжденій, теперь выдаваемыхъ за несомнѣнныя, навязываемыхъ каждому, испытаютъ участь акцій, т. е. потеряютъ свою цѣну, и

(1) Ист. цив. въ Евр. Спб. 1861 г. стр. 373 — 377.

надъ ними лѣтъ чрезъ 5 — 6 будутъ смѣяться, можетъ быть, тѣже самые писатели. Риторическія украшенія, сильныя метафоры и гиперболы, помимо всего другаго, должны быть выгнаны изъ литературы по тому одному, что они составляютъ одно изъ самыхъ общеупотребительныхъ и обыкновенныхъ орудій литературнаго деспотизма. Въ эпохи правительственнаго деспотизма, какъ напр. во времена регентства или Людовика XV, возможны и считаютъ сами себя законными невѣроятныя явленія: занятіе высшихъ мѣстъ лицами недостойными и злоупотребленіе власти. Тѣже самыя черты характеризуютъ эпохи литературнаго деспотизма и рабolѣпства. Во времена господства его возможно встрѣтить самыя странныя и самыя грустныя явленія: частныя правительственныя распоряженія, цѣлыя системы государственнаго устройства оцѣниваются лицами изъ науки государствовѣдѣнія знающими двѣ-три истины, политико-экономическіе вопросы рѣшаютъ писатели, порядочно изучившіе одно лишь богословіе, серьезные богословскіе, историческіе и философскіе труды вѣнчаетъ и развѣнчиваетъ присяжный фельетонистъ; эти лица тономъ непогрѣшимыхъ папъ судятъ, рядятъ обо всемъ; способны раскритиковать руководство къ наукѣ, изъ котораго сами въ первый разъ познакомились съ наукой; способны написать критику на новую теорію паровыхъ машинъ, не имѣя основныхъ понятій о законахъ механики и о силѣ паровъ; способны представить идіотомъ и помѣшаннымъ почтеннаго ученаго, больше тридцати лѣтъ изучавшаго свой предметъ, знакомаго съ древней и новѣйшей литературой его, потому лишь, что онъ имѣлъ несчастіе знать дѣло и позволялъ себѣ мыслить самостоятельно, а не по моднымъ современнымъ образцамъ. Въ деспотическихъ странахъ востока пригово-

ры составляются безъ законнаго судопроизводства и безъ предварительныхъ слѣдствій: нерѣдко литературные рецензенты произносятъ окончательные приговоры сочиненіямъ, изъ которыхъ наудачу прочитали два-три листика. Для деспотическихъ писателей вѣрованія массъ презрѣнныя суевѣрія, мнѣнія учрежденія народа — гниль, мнѣнія знаменитыхъ отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ — тѣмъ себѣ мнѣнія отсталыхъ «узколобыхъ» людей, которые слова правды и дѣла собственно не говорили; «тономъ шарлатанской ироніи» говорятъ они о такихъ ученыхъ. По сочиненію, написанному безъ всякаго таланта и безъ знанія дѣла о вѣрѣ православной, по двумъ-тремъ лицамъ духовнымъ, о которыхъ распространились неточные преувеличенные слухи, презрительно отзываться объ отечественной церкви, обозвать все духовное сословіе — тунеядцами, невѣжественными, ретроградами — не деспотизмъ ли это? Въ началѣ XIII вѣка крестоносцы Иннокентія III — самаго деспотическаго папы — въ войнѣ противъ альбигенсовъ взяли городъ Безьеръ и, говорятъ, спросили папскаго легата, какъ отличить православныхъ жителей города отъ еретиковъ; легатъ отвѣчалъ: «убивайте всѣхъ, Господь узнаетъ и спасетъ своихъ.» Много ли лучше этого отвѣта приговоры, произносимые современными писателями противъ цѣлыхъ учрежденій, противъ цѣлыхъ сословій? Сознаніе своего торжества, своей силы литература выражаетъ въ деспотическую эпоху своего развитія самымъ высокомѣрнымъ тономъ; одинъ писатель иногда говоритъ чуть отъ лица всѣхъ образованныхъ людей, даже чуть-чуть не отъ имени всего народа, если не всего міра. Мертвымъ нѣтъ пощады, если только они не стояли на точкѣ зрѣнія современныхъ писателей. Поэтъ — краса родины — изобличается въ отсутствіи патріотизма,

нарядности... Говорятъ, Неронъ имѣлъ мужество издѣваться надъ трупомъ убитой, по его приказанію, матери: и деспотическій писатель, убивая историческую личность, какъ будто медлитъ, засматривается на обезображенный имъ же образъ ея, чтобы нѣсколькими риторическими возгласами еще понадѣяться надъ нею на прощанье. Съ живыми обходятся нисколько не лучше, какъ покажемъ сейчасъ. При господствѣ деспотизма, угодничество развивается быстро; принятыя мнѣнія делѣются наставниками, потому что ихъ желаютъ слушать ученики, проповѣдуются писателями, потому что ихъ хочетъ читающая публика: атмосферой взаимнаго раболѣпства дышутъ наука и учащіеся, литераторы и публика, и всѣ, одни сознательно, другіе не сознавая, вращаются въ заколдованномъ кругѣ понятій и убѣжденій. «Замѣчательно, говоритъ Гротъ, что рѣдко кто изъ здравомыслящихъ литераторовъ рѣшается искренно высказывать свои мнѣнія въ печати. Причины того понятны. Съ одной стороны они боятся утратить популярность въ одной или нѣсколькихъ многочисленныхъ журнальныхъ партіяхъ, съ другой стороны нѣкоторые ужъ слишкомъ заботливо охраняютъ свое дорогое имячко отъ всякаго, даже и справедливаго, нападенія или упрека. Такимъ образомъ люди, ясно понимающіе дѣло, уклоняясь отъ полемики, не выражаютъ своихъ мыслей о томъ, что почти ежедневно видятъ въ литературѣ, и ложные взгляды развиваются на свободѣ». «Проповѣдуя свободу мнѣній, многіе журналы наши поступаютъ деспотически въ области мысли, и въ журнальной критикѣ нашей менѣе, нежели въ общественной жизни, замѣтны успѣхи гуманности,» говоритъ тотъ же писатель (¹). — Особенно поражаютъ насъ своимъ презритель-

(¹) Русск. Вѣстн. 1861 г. № 2, стр. 941. 967.

нымъ тономъ нѣкоторые журналы, смѣющіеся надъ всѣмъ и надъ всѣми, надъ дѣйствіями самыми добрыми, надъ дѣятелями самыми благородными и безкорыстными; по видимому, они хотятъ дать знать, что всѣ другіе такъ себѣ говорятъ или дѣлаютъ разные пустяки, что вотъ, если бы они серьезно заговорили о своихъ идеяхъ или если бы они принялись дѣйствовать, вотъ тогда свѣтъ узналъ-бы и истинную мудрость и получилъ бы истинное благо. Деспотическіе восточные дворы отличались всегда множествомъ пошлыхъ интригъ, клеветъ, недоказанныхъ слуховъ, направленныхъ придворными другъ противъ друга: подобныя же интриги, намеки, слухи отличаютъ литературу въ ея деспотическомъ фазисѣ развитія или вѣрнѣе характеризуютъ взаимныя отношенія главныхъ ея дѣятелей и предводителей литературныхъ партій; одинъ передъ другимъ они стараются поскорѣе захватить и пошире распространить свою власть съ низверженіемъ власти другихъ.

Въ Римѣ любили смотрѣть на бой гладіаторовъ и на звѣриныя травли; народъ тѣшился смертію подобныхъ себѣ людей. Цезари охотно и въ обиліи давали подобныя зрѣлища. Въ средніе вѣка и при началѣ новыхъ находили особенно полезнымъ и нравственнымъ жечь еретиковъ при многолюдныхъ собраніяхъ; для этого намѣренно выбирались большіе праздники, и тогдашніе люди спѣшили насладиться смертными муками своихъ собратій. Образованные люди теперь чуждаются, конечно, подобныхъ зрѣлищъ. Но и у нихъ, даже у ихъ вожатаевъ— пишущей братіи, зрѣлища эти лишь утончились. Отбичевать печатно человѣка, несогласнаго съ ихъ кодексомъ убѣжденій, иногда самыхъ отвлеченныхъ, во время еще писанья подобныхъ экзекуцій предоставлять себѣ, какъ

публика будетъ наслаждаться пріемами и мастерствомъ бичеванья и бойко описываемыми страданіями внушаемыхъ прозъ его читателямъ, въ одномъ мѣстѣ журналъ говоритъ объ уваженіи къ личности человѣка, кто бы онъ ни былъ, а черезъ нѣсколько страницъ называетъ кого нибудь дуракомъ, дикимъ звѣремъ, людоѣдомъ, высказываетъ, что такого-то господина очень выгодно было-бы помѣстить въ звѣринцѣ: какъ хотите, а мы здѣсь видимъ одинъ деспотизмъ въ писателяхъ, никакого уваженія къ личности относительно, и въ читающей публикѣ немного звѣрской жадности — тѣшиться тѣмъ, какъ бичуютъ, уворовываютъ духовную личность ближняго. Мы думаемъ, что въ задачи литературы въ благородномъ ея значеніи не входитъ — воспитывать въ читателяхъ такія негуманныя наклонности, такое презрѣніе къ личности другаго, и что лица, восхищающіяся подобными выходками, не очень далеко ушли въ своемъ развитіи отъ тѣхъ массъ народа, которыя сопровождали печальныя процессіи san benito, что писатели и читатели не проникнуты гуманностію, а больше только говорятъ о ней, и во всякомъ случаѣ чужды любви христіанской, съ чувствомъ скорби вскрывающей ошибки и недостатки ближнихъ и никогда не дающей права — бить, безжалостно поражать другаго, а нерѣдко еще незаслуженно, по слѣпотѣ или по темнымъ слухамъ, и всегда почти представляя дѣло въ преувеличенномъ видѣ. Обозначая позорное лице довольно недвусмысленными намеками и подъ очень прозрачными вымыслами, которые даютъ читателямъ возможность узнать опредѣленную личность, писатель однако отнимаетъ у обвиняемаго право и самую возможность оправдаться. Есть ли, спрашиваемъ, здѣсь равномѣрность и справедливость? Не своевольное ли это насиліе надъ частными ли-

цены литературы, не есть ли это злоупотребленіе ею своихъ правъ? — Осуждать и присуждать безъ законнаго суда и слѣдствія, покровительствовать доносчикамъ, отнимая въ тоже время всѣ средства къ оправданію у подсудимыхъ — до подобнаго судопроизводства нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, исключая нѣкоторыхъ областей царства русской литературы? А не мѣшало бы помнить этимъ писателямъ, что ихъ приговоры предаютъ позору человѣческія личности предъ огромнымъ числомъ людей, и что потому ихъ прямая обязанность — только послѣ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій и послѣ самаго безпристрастнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ смягчающихъ и увеличивающихъ вину — рѣшаться на обнародованіе своего приговора надъ тѣмъ или другимъ преступникомъ. Единственно, что могло бы еще примирять насъ съ этими позорящими литературу деспотическими проявленіями, это предположеніе въ писателяхъ искреннихъ *слезъ при видимомъ міру смѣхѣ*; но, къ несчастію, во многихъ случаяхъ такое предположеніе оказывается рѣшительно неумѣстнымъ. Кромѣ высокомѣрно-обиднаго смѣха, кромѣ строгости безпощадной, кромѣ желанія потѣшиться бичеваньемъ другаго, невидно ничего, ни слезъ, ни снисходительности, ни любви и состраданія. Скажутъ, смѣхъ безжалостенъ, личности каррикатурятся, краски кладутся гуще и темнѣе, это правда; но вѣдь высокая цѣль, какую имѣютъ въ виду писатели обличительные, какъ напр. наученіе гуманному обращенію съ низшими, отъученіе отъ взятокъ, вообще служеніе обществу, можетъ оправдывать нѣсколько это безцеремонное, несдержанное обращеніе съ живыми и мертвыми отдѣльными личностями. Но тогда, м. г., оправдайте ужъ кстати вмѣстѣ съ собой всѣхъ Доминиковъ и западныхъ Монфор-

товъ, Филиппа II, Гальбу и Торквемаду, всѣхъ инквизиторовъ и іезуитовъ: и они тоже допускали насиліе, негуманно дѣйствовали въ видахъ достиженія очень хорошихъ цѣлей. Каждый видъ деспотизма, господствовавшаго въ мірѣ христіанскомъ, имѣетъ своихъ мучениковъ: девятнадцатый вѣкъ создалъ новыхъ мучениковъ въ Россіи — мучениковъ литературнаго деспотизма. Наступитъ время, и оно, надѣемся, недалеко, когда потомки наши съ негодованіемъ и отвращеніемъ будутъ произносить имена нынѣшнихъ литературныхъ инквизиторовъ, употреблявшихъ мѣры духовнаго насилія для поддержанія ученія прогресса, и подивятся, какъ теперь дивимся мы своимъ средневѣковымъ предкамъ, какъ это общество наше позволяло такъ безнаказанно ругаться надъ своими членами и даже находило еще въ этомъ удовольствіе. «Уже и теперь,» замѣчаетъ Гротъ, «лучшая часть нашего общества часто совершенно расходится съ взглядами нѣкоторыхъ органовъ нашей періодической литературы. Можетъ быть, масса нашихъ читателей еще питается и руководится журнальными мнѣніями, хотя ужъ и въ этой массѣ нѣтъ прежняго безусловнаго уваженія къ печатному слову. Но справедливо и то, что наше общественное мнѣніе, то есть, итогъ сужденій мыслящихъ круговъ, образуется независимо отъ журналовъ и по большей части несогласно съ ними. Взгляды и приговоры общества гораздо болѣе здравы и вѣрны, нежели многіе журнальные отзывы! Тѣмъ значительнѣе разница между этими послѣдними и сужденіями здравомыслящихъ литераторовъ [1]». Лицъ съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи тѣмъ дальше, тѣмъ будетъ становиться больше въ русскомъ

---

[1] Русск. Вѣстн. 1861 г. № 2, стр. 910. 911.

обществѣ, и когда нибудь оно постановитъ прочныя гарантіи противъ самоуправства и деспотизма литературы: христіанскій міръ предназначенъ къ свободѣ, въ духѣ Евангелія, и онъ не потерпитъ долго деспотизма, хотя бы и тонкаго литературнаго. «Сколько кумировъ нынѣшняго поколѣнія забудется, когда возстановится въ полномъ блескѣ честь многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые теперь въ пренебреженіи!» А доколѣ въ ожиданіи этого лучшаго времени мы считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее: ничто такъ не замедлитъ роста истины въ наукѣ, правды въ жизни, честности въ дѣлахъ, гуманности въ сношеніяхъ, которыя,—это несомнѣнно,—русская литература стремится воспитать въ русскомъ народѣ, какъ деспотическое, насильственное, чуждое терпимости и снисходительной умѣренности дѣйствованіе ея съ этою цѣлію. Такое дѣйствованіе только возбуждаетъ къ литературѣ недовѣрчивость,—и было бы истинно жаль, если бы когда нибудь это случилось.—Оставляя отечественную литературу, мы воротимся опять къ обще-европейскому развитію.

Въ развитіи тиранніи ума въ Европѣ есть еще одна особенность, которая вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Человѣка, не потерявшаго среди *анализовъ* самочувствія своей личности, ощущающаго, внутреннимъ зрѣніемъ видящаго свою духовность, а равно человѣка благочестиваго и искренно преданнаго Христовой вѣрѣ непріятно можетъ поражать это съ каждымъ годомъ усиливающееся реально-матеріялистическое направленіе и въ жизни и въ наукѣ. Оно господствуетъ, оно вытѣсняетъ—и въ лицѣ нѣкоторыхъ представитетелей своихъ довольно ожесточенно и деспотически—противопожное ему спиритуалистическое направленіе и время отъ времени потрясаетъ то тѣ, то другія учрежденія, болѣе родствен-

ныя спиритуализму. Но это господство матеріалистическаго и положительнаго направленія и въ жизни и въ наукѣ составляетъ законный результатъ исторіи, а у насъ въ Россіи, по изслѣдованіямъ г. Костомарова, оно пріобрѣло особенную силу будто потому, что соотвѣтствуетъ кореннымъ свойствамъ велико-русской натуры практической, матеріалистически положительной. (¹) Было время, именно всѣ средніе вѣка, когда о матеріализмѣ не было и помину, когда спиритуализмъ царствовалъ въ западномъ христіанскомъ мірѣ безраздѣльно, когда къ тѣлу, къ внѣшней общественной и частной жизни, относились презрительно, при тогдашнемъ порядкѣ, или точнѣе при тогдашней неурядицѣ въ общественной и частной жизни, и всѣ эти бѣды приписаны были господствовавшимъ спиритуалистическимъ началамъ. Понятно теперь, почему человѣчество такъ круто повернуло въ другую сторону, ища въ новомъ направленіи жизни обновленія для себя, почему наука и жизнь охотнѣе ждутъ для себя всего хорошаго отъ взглядовъ и знаній опытныхъ, точныхъ, а не отъ средневѣковыхъ спиритуалистическихъ воззрѣній. Прежде видѣли спасеніе міра въ многочисленныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, въ духовныхъ созерцаніяхъ, въ составленіи чудесныхъ легендъ, постоянныхъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ и, живя въ мірѣ идей, забывали міръ видимый. Въ немъ шла страшная путаница, жить человѣку приходилось плохо. Теперь видятъ спасеніе для человѣчества въ желѣзныхъ дорогахъ, въ свободной торговлѣ, въ нарѣзныхъ пушкахъ, въ паровыхъ машинахъ: внѣшній міръ сталъ лучше, но зато «*душа обѣднѣла*», нравственныя понятія путаются, коле-

(¹) См. Основа 1861 г. № 2. «*Двѣ русскія народности*».

блются, законность падаетъ, признаннаго и твердаго ничего не остается; поэзія начинаетъ мало говорить душѣ, и ее заставляютъ служить всему въ мірѣ, только меньше всего — духовному чувству красоты, жить въ мірѣ стало безопаснѣе и удобнѣе, но за то скучнѣе. Прежде въ средніе вѣка какбы не умѣли возвышенныя идеи, святыя чувства вѣры и любви Христовой воплощать въ. общественной, вообще внѣшней жизни, считая это какбы поруганіемъ ихъ: теперь научились люди множеству благородныхъ дѣлъ, усвоили много прекрасныхъ частныхъ житейскихъ правилъ, и не рѣшаются, мало этого, намѣренно силятся не допустить сведенія частныхъ благородныхъ стремленій и поступковъ — къ общему высокому настроенію духа, считая все незримое вымысломъ фантазіи и порожденіемъ невѣжества. Прежде масса людей были спиритуалисты въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, и жили больше, какъ эгоистическіе матеріялисты: теперь люди въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ показываютъ несравненно больше спиритуалистичоскихъ началъ, или очищенности, такъ сказать, благовидности поступковъ, и въ своихъ воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и стремленіяхъ являются по большей части эгоистическими матеріялистами. Теперь матеріялистъ дѣйствуетъ съ энергіей и чистотой идеалиста: прежде идеалистъ дѣйствовалъ и жилъ съ своекорыстіемъ и апатіей матеріялиста. Мы не будемъ продолжать параллели дальше: прогрессъ и поступаніе къ лучшему жизни въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнны. Замѣтимъ только, что не слѣдуетъ безусловно охуждать прежнюю эпоху и столь же безусловно восхищаться переживаемою нами. Каждой свое — suum cuique. Мы видимъ тогдашнія заблужденія и тогдашнюю односторонность, и не видимъ собственныхъ, не видимъ, какъ мы

ударились въ другую крайность, въ устройство внѣшности на счетъ глубины и истины внутренняго содержанія. Ни одна односторонность не доставитъ человѣчеству полнаго или по крайней мѣрѣ возможнаго на землѣ счастія, хотя міръ искони вѣковъ развивается посредствомъ развитія односторонностей, взаимнаго прираженія и борьбы между ними. «Но всякая тираннія», повторимъ слова Гизо, примѣняя ихъ къ настоящему случаю, будетъ ли это тираннія матеріалистическаго направленія надъ идеалистическимъ или обратно, «носитъ сама въ себѣ источникъ слабости и злоупотребленій». Законное сосуществованіе ихъ и свободное раскрытіе ихъ, съ подчиненіемъ низшаго высшему, въ какое ставитъ оба направленія Христіанство, вотъ, по нашему искреннему убѣжденію, самый благопріятный для всевозможныхъ интересовъ человѣка, временныхъ и вѣчныхъ, порядокъ. Мы—русскіе начали свою собственно-историческую жизнь въ эпоху усиленія на западѣ Европы точнаго, матеріалистическаго направленія,—вотъ что, на нашъ взглядъ, а не матеріалистическій характеръ нашей натуры, содѣйствовало у насъ распространенію практическаго, реальнаго развитія. И если только Промыслъ судилъ славянскому племени самобытное развитіе и свою особенную долю служенія человѣчеству: то, вѣрно, это развитіе и это служеніе примутъ тогда иной характеръ, чѣмъ этотъ заимствованный со-стороны. Мы охвачены, мы порабощены западнымъ развитіемъ, забывая, что нѣкоторыя особенности его зависѣли отъ особенныхъ же, для насъ совершенно чуждыхъ, историческихъ обстоятельствъ. Мы до сихъ поръ рабы его. Благородный, но безсильный, скорѣе преждевременный, чѣмъ *«запоздалый»* протестъ славянофиловъ походилъ на вопль *умирающаго гладіа-*

тора (1), въ послѣднія мгновенья представлявшаго родину—*свободный жизни край*. Стоя за самобытность развитія славянскаго племени, они нигдѣ не находили поддержки себѣ; потому что простой народъ, вслѣдствіе невѣжества, не могъ сознать идеи славянофиловъ и выразить къ нимъ сочувствіе; потому что классъ образованный съ рабскимъ удивленіемъ смотрѣлъ на *громадно-несущуюся жизнь* запада и охотнѣе пилъ и пьетъ доселѣ воду не широко раскинувшагося и бурнаго моря романо-германской цивилизаціи, не совсѣмъ чистую нерѣдко, чѣмъ чистую влагу изъ родника славянской жизни. Спѣшимъ оговориться, чтобы насъ невѣрно не перетолковали, что мы не противъ сближенія съ западомъ и усвоенія оттуда плодовъ историческаго развитія, а противъ того рабскаго усердія, съ какимъ большею частію хлопочутъ о перенесеніи на русскую почву разнаго рода истинъ — философскихъ, экономическихъ, соціалистическихъ, противъ того рабскаго восторга, какимъ иногда привѣтствуютъ у насъ даже мимолетные капризы западнаго ума. Христіанство столь же осуждаетъ исключительность народной жизни, сколько и рабство ея; оно изъ каждой человѣческой личности стремится образовать свободную, съ опредѣленнымъ характеромъ личность, изъ каждаго народа—самостоятельный, независимый народъ; оно столько же осуждаетъ деспотизмъ и жестокость правителей, сколько неповиновеніе и возстанія подданныхъ.

Западъ не умѣлъ иначе освобождать себя отъ разныхъ видовъ рабства, какъ посредствомъ возстаній и посредствомъ замѣны одного деспотизма другимъ: событіе 19 Февраля представило міру новый способъ освобожденія—

---

(1) Лермонт. Ч. II. стр. 393; изд. 1860 г.

во имя закона христіанской любви и безъ всякаго нарушенія повиновенія ко властямъ. «Есть ли», спросимъ мы вмѣстѣ съ Погодинымъ, «въ исторіи Европейской всемірной событіе чище, выше, благороднѣе этого, событіе равное, подобное этому? Найдите, укажите мнѣ его». Терпѣніе и благодушіе крестьянъ освобожденныхъ напоминаютъ намъ терпѣніе и покорность первыхъ христіанъ, эпоху перваго установленія въ мірѣ свободы подданныхъ; любовь къ подданнымъ Александра II — другую любовь Божественнаго Началовождя въ распространеніи на землѣ свободы; самоотверженіе дворянъ и ихъ труды — самоотверженіе и труды первыхъ благовѣстниковъ новой свободы въ мірѣ. И за тѣмъ во всей исторіи міра не найдется ничего подобнаго недавно совершившемуся событію. Образованныя сословія, особенно духовное, употребляютъ безкорыстныя усилія освободить массы народа отъ рабства невѣжеству. Не минуетъ, можетъ быть, больше двухъ поколѣній со времени великаго, безпримѣрнаго событія, какъ русскій народъ, освобожденный отъ гражданскаго и умственнаго рабства, заявитъ свою свободу и въ мірѣ человѣческаго мышленія, отнесясь вполнѣ самостоятельно къ спиритуализму и матеріализму, къ вѣрѣ и знанію, положитъ на вѣсы міроваго развитія свою тяжеловѣсную думу, и высшіе духовные интересы человѣка, съ которыхъ началось дѣло освобожденія міра отъ рабства, освободитъ изъ подъ тиранніи реализма, не для того, чтобы первые деспотически господствовали надъ послѣднимъ, а чтобы они свободно сосуществовали и раскрывались. Безпримѣрный подвигъ въ жизни гражданской, кто знаетъ, можетъ быть произведетъ безпримѣрныя послѣдствія въ мірѣ умственномъ и нравственномъ.

Письмо настоятеля русской посольской церкви въ Парижѣ о. протоіерея І. Васильева къ нантскому епископу Жакмэ ([1]).

«Парижъ, 12-го марта 1861 г.»

«Ваше Преосвященство! (Monseigneur).

Одинъ римскій католикъ недавно доставилъ мнѣ пастырское посланіе (Le mandement), обнародованное вами въ вашей эпархіи по случаю нынѣшняго великаго поста. Почтенная особа, сообщившая мнѣ ваше посланіе, искренно любитъ истину, и, обращаясь ко мнѣ, имѣла только цѣлію то, чтобы удостовѣриться въ справедливости тѣхъ обвиненій, которыя вы дѣлаете противъ русской церкви. Лице это питаетъ большую довѣренность къ вашему епископскому слову; но тѣмъ не менѣе ваше обвиненіе казалось ему столь страннымъ, что онъ не могъ отказать себѣ въ желаніи составить себѣ болѣе ясное и положительное понятіе о предметѣ вашихъ обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, ваше преосвященство, слова̀ ваши направлены къ тому, чтобы отрицать въ нашей церкви существованіе всякой вѣры и всякой христіанской независимости; по вашимъ словамъ русская церковь готова принести свою вѣру въ жертву волѣ гражданскаго Самодержца.

([1]) Извлечено изъ Journal de Saint-Petersbourg.

Я желалъ бы вѣрить, ваше преосвященство, что подобное обвиненіе не могло выйдти изъ устъ епископа; но къ несчастію, ваши слова такъ опредѣленны, что они не оставляютъ мѣста никакому сомнѣнію; вы прямо говорите такъ: «мы не думаемъ, чтобы во всѣхъ этихъ избранныхъ классахъ (dans toutes ces classes d' êlite) во Франціи былъ хотя одинъ человѣкъ столь слабый, что онъ могъ бы сказать такъ, какъ говорятъ въ Россіи: «если Государь считаетъ нужнымъ измѣнить мое вѣроисповѣданіе и перемѣнить мою вѣру, я слѣдую его предписаніямъ.» Во Франціи подобныя слова были бы противоестественны; ибо, благодареніе Богу, мы французы, и останемся таковыми всегда».

Если бы, ваше преосвященство, дѣствительно у насъ въ Россіи общественное сознаніе стояло на такой низкой степени развитія, то немного было бы чести для французовъ въ томъ, чтобы усвоять себѣ преимущество предъ русскими, и мнѣ трудно было бы понять, за чѣмъ вы такъ сильно стараетесь хвалить себя тѣмъ, что вы французы на вѣки. Но мнѣ приходится притомъ сдѣлать вамъ, в. пр., весьма важное замѣчаніе по поводу вашей національной гордости: не учитъ ли св. ап. Павелъ, какъ васъ, такъ и меня, что предъ очами Божіими нѣтъ болѣе ни грековъ, ни варваровъ, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народы безъ различія племени призваны быть чадами Божіими и составлять единую, нераздѣльную семью во Христѣ Іисусѣ?

Можете ли вы назвать себя отголоскомъ этаго истиннаго христіанскаго начала, когда вы противопоставляете одно другому чувства народной гордости, когда вы побуждаете своихъ соотечественниковъ къ тому, чтобы

смотрѣть съ презрѣніемъ на народъ, носящій на челѣ своемъ печать Христову, когда вы призываете ихъ къ тому, чтобы, подражая самонадѣянному фарисею, воскликнуть: *нѣсмы, якоже прочіи человѣцы*?

В. пр., я уважаю свободу убѣжденій; но не согласитесь ли вы однако со мною въ томъ, что *истина* должна для всякаго христіанина быть неизмѣннымъ правиломъ при составленіи какихъ бы то ни было убѣжденій и сужденій? Съ прискорбіемъ я долженъ утверждать, что это-то именно правило не уважено вами. Я весьма далекъ отъ мысли предполагать, что вы намѣренно и сознательно искажаете истину. Церковь, къ которой я имѣю счастіе принадлежать, внушила мнѣ такое высокое понятіе о значеніи христіанскаго епископа, что я не могу рѣшиться думать о человѣкѣ, облеченномъ въ этотъ святой санъ,—хотя бы въ церкви отчужденной отъ нашей, — что онъ можетъ унизить себя до злонамѣренной клеветы. Если бы подобная клевета дѣйствительно имѣла мѣсто, я отвратилъ бы глаза свои, чтобы не видѣть ее; слѣдуя примѣру Сима и Іафета, я бросилъ бы покрывало на наготу отца. И такъ, в. пр., я хочу вѣрить, что ваше обвиненіе противъ русской церкви не намѣренная клевета; считаю однако долгомъ своимъ присовокупить и то, что подобная ошибка менѣе извинительна у пастыря, чѣмъ у простыхъ вѣрующихъ. Пусть извѣстные журналы открываютъ столбцы свои для такихъ заблужденій: въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; пусть они, увлекаясь пристрастіемъ и духомъ партій, усиливаются поддержать извѣстную клевету противъ очевидной, обличающей ее истины: я нахожу это совершенно понятнымъ; пусть далѣе простые вѣрующіе, занимаясь чтеніемъ этихъ жур-

наловъ, по незнанію повторяютъ то, что внушаютъ имъ эти послѣдніе: опять и это весьма естественно. Но епископъ! возможно ли предполагать, чтобы слово его служило слѣпымъ отголоскомъ заблужденія, распространеннаго людьми, которые именно у него должны были поучаться лучшему образу мыслей? Возможно ли было ожидать подобнаго явленія особенно тогда, когда этотъ епископъ издаетъ пастырское посланіе къ паствѣ своей, и когда онъ выражается не тономъ предположеній и догадокъ, напротивъ говоритъ языкомъ рѣшительнымъ, не допускающимъ по видимому никакихъ возраженій?

Чтобы доказать высказанное вами мнѣніе о русской церкви, вамъ необходимо утвердить одно изъ двухъ предположеній: либо что наша церковь приписываетъ русскому Императору нѣчто въ родѣ непогрѣшимости въ разрѣшеніи вопросовъ относительно вѣры, или же что она такъ лишена всякой внутренней силы, что, не усвояя Императору никакой непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры, тѣмъ не менѣе считаетъ себя обязанною слѣпо подчиняться авторитету, подверженному заблужденіямъ въ дѣлахъ догматическихъ.

Что касается до перваго изъ этихъ предположеній, то оно прямо опровергается ученіемъ русской церкви; что же касается до втораго, то противъ него говоритъ вся исторія нашей церкви.

Я не хочу, в. пр., оскорблять васъ предположеніемъ, будто вы раздѣляете ни на чемъ неосновное, но весьма распространенное во Франціи, заблужденіе, что русскій Императоръ есть верховный первосвященникъ и глава нашей церкви. Вы безъ сомнѣнія знакомы съ ученіемъ русской церкви объ этомъ предметѣ. Я не позво-

лю себѣ думать, что ваши богословскія познанія ограничиваются знакомствомъ съ римскою церковью, и что вы совсѣмъ не позаботились пріобрѣсти нѣкоторое понятіе о другихъ христіанскихъ церквахъ, ибо въ этомъ случаѣ ваши богословскія познанія были бы болѣе поверхностны, чѣмъ познанія простыхъ священниковъ руской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, у нас въ Россіи не довольствуются тѣмъ, чтобы познакомиться съ ученіемъ и исторіею восточной церкви; но изучаютъ также римскую церковь по ея собственнымъ памятникамъ. Нельзя поэтому также никогда сказать о насъ, что мы, разбирая спорные вопросы, отдѣляющіе насъ отъ римской церкви, взводимъ на эту послѣднюю несправедливыя обвиненія. Мы осуждаемъ разные пункты римскаго ученія на основаніи дѣйствительнаго знакомства съ римскою церковью.

И такъ, в. пр., вы конечно знакомы съ ученіемъ руской церкви; вамъ извѣстно, слѣдовательно, что она — вмѣстѣ со всею восточною церковью, которой она часть— остается вѣрною первоначальному устройству Вселенской Церкви;—устройству, которое было уважаемо и римскою церковью въ теченіи первыхъ 8-ми вѣковъ христіанства; вы знаете, что наша церковь приписываетъ догматическую непогрѣшимость исключительно только самой же Церкви, выражающей голосъ свой въ согласныхъ опредѣленіяхъ ея пастырей, и утверждающей Вѣру общую и неизмѣнную; вамъ извѣстно, что она всегда признавала существенное и коренное различіе между властію духовною и гражданскою, что она всегда воздавала *Кесарева Кесареви и Божія Богови*; вы знаете также, что она признаетъ единственною главою Вселенской Церкви Іисуса Христа, управляющаго ею посредствомъ слугъ своихъ, епископовъ, при содѣйствіи священниковъ.

Что касается до Государя, то русская церковь чтить власть Его, дарованную Богомъ, подобно всякой другой, законно установленной власти; она подчиняется Ему во всѣхъ дѣлахъ, касающихся гражданскаго управленія; она пользуется Его покровительствомъ, но никогда она не присвояла Ему никакого духовнаго авторитета. Русскіе епископы, единственные руководители ввѣренной ихъ попеченію паствы, не злоупотребляютъ своимъ авторитетомъ для возстанія противъ Императора, будучи вѣрноподданными сего послѣдняго; и Императоръ, какъ вѣрный и почтительный сынъ церкви, уважаетъ духовный авторитетъ епископовъ, не уступая ни чего изъ правъ своихъ по управленію гражданскими дѣлами. Изъ обоюднаго уваженія этихъ двухъ властей, одной къ другой, проистекаетъ въ Россіи совершенное между ними согласіе; между тѣмъ какъ вездѣ, гдѣ эти двѣ власти смѣшиваются и соединяются въ одномъ лицѣ, мы встрѣчаемъ лишь неизбѣжный безпорядокъ и постоянные смуты, за исключеніемъ развѣ того случая, когда общественный духъ дошелъ до послѣдней степени униженія и безусловнаго рабства. И таково именно, в. пр., по смыслу вашего паст. посланія, состояніе общественнаго духа въ Россіи. Но, позволяя своему перу начертать подобное обвиненіе, вы вѣроятно ошиблись въ опредѣленіи времени и мѣста. Вы думали, что рѣчь идетъ о Франціи во времена Карла Великаго, который такъ рѣшительно провозгласилъ измѣненіе неизмѣннаго вселенскаго символа. Никогда подобныхъ явленій не бывало въ Россіи; никогда Государь не имѣлъ притязаній на право измѣнять символъ или управлять духовными дѣлами. Вы такимъ образомъ сдѣлали совершенно несправедливое обвиненіе

разомъ противъ одной великой христіанской церкви и противъ достойнаго Императора, друга Франціи.

Чтобы оправдать сдѣланное вами обвиненіе,—если т. е. вы не согласитесь отказаться отъ него и сознаться въ своей ошибкѣ,—вамъ остается только одно: именно, утверждать, что русскій Императоръ злоупотребляетъ своею властію для порабощенія церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы не можете не согласиться и съ тѣмъ, что злоупотребленіе есть только нарушеніе закона, есть не болѣе, какъ исключеніе, предполагающее существованіе общаго правила. Впрочемъ, русская церковь предвидѣла возможность злоупотребленія со стороны гражданской власти, и потому не оставила этого вопроса безъ опредѣлительнаго отвѣта. На страницѣ 152 и 153-й православнаго катихизиса вы можете прочитать слѣдующее:

«Вопросъ: какъ должно поступить, если бы случилось, что родители или начальники потребовали бы чего либо противнаго вѣрѣ или закону Божію? Отвѣтъ: тогда должно сказать имъ, какъ сказали апостолы начальникамъ іудейскимъ: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите*. И должно претерпѣть за вѣру и законъ Божій все, что бы ни послѣдовало. См. Дѣян. 4, 19».

Вы видите такимъ образомъ, что ученіе православной русской церкви совершенно противоположно всякому смѣшенію властей, и что эта церковь нисколько не виновна въ этой трусливой низости, которую вы приписываете ей съ такою щедростію и вмѣстѣ такъ оскорбительно.

Отъ ученія, постановленій и духа нашей церкви, вовсе не подтверждающихъ вашего обвиненія, я перейду те-

верь съ вами въ область исторіи, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, также мало благопріятствуетъ вамъ.

Православная каѳолическая церковь Россіи есть дщерь восточной православной церкви. Это названіе есть въ тоже время слова ея неизмѣнной твердости въ вѣрѣ и апостольскаго мужества ея пастырей.

Претерпѣвъ на ряду съ западными своими собратіями кровавыя гоненія въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, пастыри восточной церкви должны были за тѣмъ въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ одни переносить наибольшую часть тѣхъ невзгодъ и преслѣдованій, которыя были возбуждены ложными братіями, чадами Церкви, возмутившимися противъ своей матери, и императорами, благопріятствовавшими ересямъ. Но измѣнили ли отцы наши вѣру свою предъ лицемъ этихъ императоровъ? отказались ли они отъ истины? не превозошли ли они напротивъ въ мужествѣ пастырей западныхъ, испытанія которыхъ въ этомъ періодѣ бывали слабѣе и случались гораздо рѣже?

Согласитесь, ваше преосвященство, что папа Ливерій и отцы Риминійскаго собора на западѣ составляютъ довольно мрачную картину въ сравненіи съ свѣтлыми личностями Аѳанасіевъ, Василіевъ, Григоріевъ Великихъ и Іоанновъ Златоустовъ. И не думайте, чтобы преемники этихъ великихъ святителей были чужды той же доблестной твердости; исторія доказываетъ вамъ противное. Когда ересь иконоборцевъ возмутила внутренній миръ церкви, то не на патріарховъ ли константинопольскихъ пала вся тяжесть преслѣдованій? И не противились ли эти послѣдніе съ мужествомъ волѣ императоровъ, поддерживавшихъ ересь? Не знакомы ли вы съ именами тогдашнихъ свя-

тыхъ патріарховъ и исповѣдниковъ вѣры, Кира, Германа, Константина и Тарасія?

Не переносилъ ли потомъ св. патріархъ Игнатій съ мужествомъ всѣ преслѣдованія, воздвигнутыя противъ него преступнымъ императоромъ и развратнымъ дворомъ его, — и не дѣлалъ ли онъ этого для того, чтобы остаться вѣрнымъ долгу истиннаго поборника вѣры и нравственности? Чтò сказать о достопочтенномъ патріархѣ Фотіѣ, память и характеръ котораго постоянно на западѣ подвергаются клеветѣ и ложнымъ нареканіямъ, и котораго у васъ всегда хотятъ запятнать именемъ продажнаго царедворца? Не соглашался ли онъ гораздо охотнѣе на то, чтобы насильственнымъ образомъ быть низведеннымъ съ своей каѳедры, томиться въ темницѣ и переносить пытки, — чѣмъ на то, чтобъ умалчивать о преступленіяхъ императора Василія? Вспомните также о святомъ сопротивленіи пастырей восточной каѳолической церкви, когда Палеологи по видамъ политическимъ хотѣли подчинить церковь свою безусловной власти папъ во время ліонскаго и флорентинскаго соборовъ, — и вы глубоко убѣдитесь въ твердости вѣры и христіанскомъ мужествѣ, всегда отличавшихъ восточную каѳолическую церковь. Ужели вы также считаете ничтожною ту твердость восточныхъ епископовъ, по которой они сохранили христіанскую вѣру въ ея чистотѣ и цѣлости подъ тяжкимъ игомъ исламизма? Не въ наши ли даже дни совершилось славное мученичество патріарха Григорія и другихъ епископовъ, пострадавшихъ по волѣ султана въ 1821-мъ году? Незадолго предъ тѣмъ на западѣ прославляли мужество Пія VII-го, какъ въ наши дни величаютъ твердость Пія IX-го, — гдѣ рѣчь только о потерѣ нѣкоторыхъ

временныхъ выгодъ; — и между тѣмъ не слышно ни одного слова похвалы этимъ восточнымъ мученикамъ, достойнымъ церкви первенствующей!

Сдѣлавшись наслѣдниками столь прекраснаго преданія и укрѣпляемые такими доблестными примѣрами, пастыри русской церкви всегда дѣйствовали сообразно съ своимъ высокимъ призваніемъ. Было бы слишкомъ долго указывать вамъ на тѣ славные подвиги и страданія, которымъ они подвергали себя въ плачевный періодъ порабощенія нашего отечества татарами. Неизвѣстно ли вамъ мученичество митрополита Филиппа, дерзнувшаго упрекать царя Іоанна IV-го за его жестокости и неурядицы, и принявшаго смерть въ вознагражденіе за свою апостольскую ревность? Нужно ли напоминать вамъ о томъ, что патріархъ Гермогенъ охотнѣе согласился умереть голодомъ въ темницѣ, въ которую заключили его поляки, — чѣмъ сдѣлаться измѣнникомъ противъ вѣры и отечества? Я остановлюсь еще на событіяхъ болѣе общихъ, когда русскіе государи находились въ разногласіи съ своими пастырями или съ цѣлою страною. Два примѣра могутъ быть достаточны, чтобы убѣдить васъ въ томъ, что ваши обвиненія противъ Россіи столько же ошибочны, сколько оскорбительны.

Въ числѣ епископовъ, присутствовавшихъ на флорентинскомъ соборѣ и принявшихъ участіе въ преніяхъ о предполагавшемся возсоединеніи церквей, восточной и западной, находился Исидоръ, митрополитъ русскій. Великій князь Россіи, Василій, и русскіе епископы не ждали никакого серьезнаго исхода отъ преній этого собора, находившагося больше подъ управленіемъ политическихъ видовъ, чѣмъ истинно религіозныхъ побуж-

деній; вмѣстѣ съ тѣмъ они подозрѣвали пристрастіе къ Риму въ Исидорѣ, получившемъ свое воспитаніе на западѣ. Поэтому они старались отговорить митрополита отъ намѣренія ѣхать въ Флоренцію. Но все было напрасно. Великій князь и епископы тогда удовольствовались тѣмъ, что взяли съ митрополита клятву въ неизмѣнной вѣрности православной вѣрѣ. Возвращаясь съ флорентинскаго собора и находясь еще на пути, Исидоръ — безъ предварительнаго совѣщанія съ русскими епископами — обнародовалъ указы о состоявшемся уже, по его мнѣнію, соединеніи церквей. Этотъ образъ дѣйствій повергъ всю русскую церковь въ смущеніе. По пріѣздѣ своемъ въ Москву Исидоръ объявилъ себя папскимъ легатомъ «отъ апостольскаго ребра» (a latere), и при первомъ же богослуженіи, совершенномъ имъ, онъ обнаружилъ, что сдѣлался измѣнникомъ противъ вѣры и обрядовъ своей церкви. Среди всеобщаго недоумѣнія великій князь Василій возвысилъ голосъ свой противъ вѣроломнаго пастыря. Но замѣтьте, в. пр., великій князь не считалъ голоса своего рѣшительнымъ приговоромъ; онъ предоставилъ собору русскихъ епископовъ произнести окончательный судъ. Не надѣясь, безъ сомнѣнія, на благопріятный исходъ своего дѣла, обвиненный не дождался соборнаго рѣшенія, и убѣжалъ въ Римъ, гдѣ получилъ кардинальское достоинство въ награду за свою ультрамонтанскую ревность.

Это событіе вполнѣ доказываетъ, что если клиръ и народъ русскій согласны были съ своимъ государемъ въ этомъ дѣлѣ, то причина согласія заключалась не въ безусловномъ подчиненіи себя волѣ княжеской, но въ томъ только, что князь первый поднялъ голосъ противъ Иси-

дора, какъ измѣнника вѣры и собственныхъ клятвъ. Великій князь такимъ образомъ былъ въ этомъ случаѣ лишь покровителемъ и органомъ выраженія вѣры страны своей.

Укажу вамъ на другой случай противоположнаго рода.

Когда Димитрій, послѣдній отпрыскъ древняго дома Рюрика, потерпѣлъ мученическую кончину, одинъ діаконъ, Григорій, имѣвшій нѣкоторое сходство съ умершимъ княземъ, возымѣлъ преступное намѣреніе выдать себя за него, утверждая, что онъ будто бы чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти. Убѣжавъ въ Польшу, онъ тамъ нашелъ себѣ искусныхъ помощниковъ въ іезуитахъ, которые вознамѣрились сдѣлать этого обманщика орудіемъ для осуществленія видовъ своихъ на русскую церковь. Наставленный іезуитами въ духовныхъ и свѣтскихъ наукахъ, поддерживаемый польскимъ оружіемъ и опираясь на могуществѣ папы, доставившаго самозванцу признаніе со стороны европейскихъ державъ, Лжедимитрій побѣдоносно достигъ Москвы.

Не думайте однако, в. пр., что онъ успѣхомъ своимъ обязанъ собственно интригамъ Рима, оружію Польши или кознямъ іезуитовъ. Всѣ эти средства не увѣнчали бы его предпріятія успѣхомъ, если бы въ Россіи не было того глубокаго чувства вѣрности, которое руссиій народъ питаетъ къ своему законному государю. Лжедмитрій старался дѣйствовать на это чувство; онъ выдавалъ себя за законнаго наслѣдника престола, и потому занялъ престолъ Рюрикова дома. Затѣмъ онъ началъ дѣйствовать въ пользу исполненія того тайнаго договора, который онъ заключилъ съ іезуитами, и который состоялъ въ томъ, чтобы насадить въ Россіи ученіе и обычаи римской церкви. Хитрые совѣтники самозванца знали лучше вашего

преосвященства характеръ русскихъ и ихъ глубокую привязанность къ своей вѣрѣ. Они не надѣялись легко преодолѣть эту привязанность, и не совѣтовали своему ученику, самозванцу, прибѣгать къ тѣмъ приказаніямъ во имя царскаго авторитета, къ тѣмъ прямымъ указамъ, которые, по вашему мнѣнію, составляютъ столь же вѣрное, сколько и легкое, средство къ тому, чтобы заставить русскихъ измѣнить свою вѣру.

Іезуиты болѣе расчитывали на свое обыкновенное средство, на лукавство. Не касаясь прямо догматовъ, Лжедимитрій сначала коснулся обрядовъ и обычаевъ, относящихся къ религіозной жизни русскаго народа: онъ дѣйствовалъ осторожно, и старался постепенно ввести обычаи ультрамонтанскіе. Но, не смотря на свои предосторожности, онъ скоро возбудилъ противъ себя православное сознаніе русскихъ, которые заподозрили его намѣренія. Тотчасъ ревность по вѣрѣ восторжествовала въ Россіи надъ вѣрностію государю. Началось страшное возстаніе. Самозванецъ былъ объятъ такимъ страхомъ, что, съ цѣлію убѣжать, бросился изъ одного изъ дворцовыхъ оконъ, и при этомъ лишился жизни.

Если бы вы, в. пр., знакомы были съ этимъ событіемъ, то могли ли бы вы произносить свое столь оскорбительное обвиненіе противъ преданности моихъ соотечественниковъ своей вѣрѣ? Впрочемъ, одинъ только самозванецъ изъ числа лицъ, царствовавшихъ въ Россіи когда либо, подвергалъ вѣру нашу опасности. Наши законные государи, далекіе отъ мысли искажать вѣру своихъ подданныхъ, напротивъ всегда служили образцами самой тщательной вѣрности вѣрѣ своихъ предковъ; они никогда не касались святаго ковчега, всегда поддерживаемаго руками пастырей.

Когда Петръ Великій посѣтилъ Францію, ученые сорбоннской академіи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы представить ему записку о соединеніи галликанской церкви съ русскою. Французскіе богословы разчитывали, можетъ быть, слишкомъ много на авторитетъ государя. Но Петръ Великій не оправдалъ ихъ надеждъ; онъ сказалъ имъ, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла духовныя, и что все, что онъ можетъ сдѣлать въ угожденіе сорбоннскимъ ученымъ, заключается въ томъ, чтобы передать предложеніе ихъ на разсмотрѣніе святѣйшему синоду Россіи. Не забудьте при этомъ, что именно Петру Великому по преимуществу приписываютъ похищеніе духовной власти надъ русскою церковью.

Я напрасно ищу въ исторіи моего отечества такихъ событій, которыя могли подать вамъ поводъ къ тому сужденію о русской церкви, которое вы выразили; нигдѣ я не нахожу для этого данныхъ. Не опираетесь ли вы, можетъ быть, на событіи современномъ намъ, на возсоединеніи двухъ съ половиною милліоновъ русскихъ уніатовъ съ восточною каѳолическою церковью? Это событіе искажено въ западныхъ повѣствованіяхъ частію по не знанію дѣла, частію по пристрастію. Хотятъ приписать обращеніе этихъ многочисленныхъ вѣрующихъ слѣпому подчиненію волѣ Императора Николая I-го. Но подобное мнѣніе совершенно ошибочно; и если вы держитесь его, вамъ не трудно будетъ замѣтить, что вы этимъ только бросаете камень на свою собственную церковь. Въ самомъ дѣлѣ, уніаты принадлежали къ вашей церкви, слѣдовательно, они — если допустить высказанное мнѣніе — у васъ собственно научились такъ плохо цѣнить вѣру и подчинять свои убѣжденія волѣ человѣка! Между тѣмъ,

могу васъ увѣрить на основаніи дѣйствительнаго знанія дѣла, что *нынѣ ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ разлучити* ихъ (Рим. VIII, 38. 39) отъ православной каѳолической Церкви, къ которой они привязаны всею душею.

Естественно, в. пр., что вы скорбите о томъ, что ваша церковь лишилась этихъ христіанъ; но несообразно съ требованіями справедливости и любви отрицать въ нихъ всякое убѣжденіе. Если бы вы съ безпристрастіемъ пообсудили всѣ событія, относящіяся къ этой уніи, то вы признали бы истинность словъ, находящихся на медали, которая была сдѣлана въ память объ этомъ событіи, столь счастливомъ для церкви моего отечества. Слова эти слѣдующія: «отторгнутые насиліемъ, присоединенные любовію.»

Извините, ваше преосвященство, за значительный объемъ этого письма. Обвиненіе, сдѣланное вами противъ русской церкви, такъ важно, что я не могъ отвѣтить на него лишь нѣсколькими словами. Я слишкомъ уважаю вашъ священный санъ, чтобы позволить себѣ противопоставить вашимъ словамъ одно голословное отрицаніе. Возражая вамъ, я долженъ былъ опираться на факты.

Почту себя счастливымъ, в. пр., если это письмо возвратитъ васъ къ тѣмъ чувствамъ справедливости и любви, которыхъ мы заслуживаемъ столько же, какъ и всякій другой. Эти чувства, столь возвышенныя сами по себѣ и столь приличныя вамъ, какъ пастырю церкви, имѣютъ еще ту выгоду, что они могутъ служить средствомъ къ сближенію церквей, нѣкогда бывшихъ въ братскомъ, дружномъ отношеніи между собою; и эти церкви

никогда не раздѣлились бы, еслибъ желаніе нарушить законный авторитетъ и частные интересы не восторжествовали надъ любовію къ истинѣ и христіанскимъ братолюбіемъ.

Позволяю себѣ, слѣдуя древнему и почтенному обычаю, точно соблюдаемому въ нашей церкви, просить у вашего преосвященства ваше благословеніе, и цѣловать вашу архипастырскую руку, благословляетъ ли она меня или нѣтъ.

Честь имѣю пребыть и проч.

І. Васильевъ,

протоіерей и настоятель русской посольской церкви въ Парижѣ.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,»

ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОРАБЛЕВА И СИРЯКОВА,

по Садовой улицѣ, противъ Гостинаго двора, въ д. Балабина

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

Книга Іова въ русскомъ переводѣ съ краткимъ объясненіемъ. Напечатанная въ Вяткѣ. 1860 года. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Слово въ день Рождества Христова и Бесѣда о Красномъ Пасхальномъ яйцѣ. Соч. Магистра Іеромонаха *Іоасафа*. Спб. 1861 года. 10 к., вѣс. за 1 ф.

Начертаніе житій святыхъ на весь годъ, извлеченныя изъ Четь-миней св. Димитрія митрополита ростовскаго и составленныя на русскомъ языкѣ архимандритомъ *Иринеемъ*. 4 части. М. 1861 г. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Мысли старообрядца принадлежащаго рогожскому кладбищу. М. 1861 года. 30 к., вѣс. за 1 ф.

Духовная пища на каждый день года. Спб. 1861 г. 30 к., вѣс. за 1 ф.

Катихизическія поученія о Молитвѣ Господней и Евангельскихъ Блаженствахъ, священника *Петра Орнатскаго*. Спб. 1860 г. 30 к., вѣс. за 1 ф.

Письма Духовнаго Отца къ духовнымъ дѣтямъ. Существенное достоинство этихъ писемъ:—Вѣрность взгляда на выполненіе христіанскихъ обязанностей, простота и удобопонятность изложенія и горячая любовь, коею пропитано каждое слово. С. П. Б. 1861 г. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Положеніе о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости Высочайше утвержденное Его Императорскимъ Величествомъ 19 февраля 1861 года. Цѣна 1 р., въ сафьянномъ корешковомъ переплетѣ 1 р. 60 к., за перес. за 5 фун.

Словарь иностранныхъ словъ (объяснительный) употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. *В. Углова*. Изданіе второе. Спб. 1860 г. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Ариѳметика въ вопросахъ и отвѣтахъ съ задачами и примѣрами на каждое правило, приспособленная къ народному обученію. *Ѳ. Ѳедорова*. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное, Кораблева и Сирякова. Спб. 1856 г. 50 к.

Практическій учебникъ Рисованія и Черченія по правиламъ Перспективы. Состав. художникомъ *И. Захаровымъ*. Съ 24-мя листами рисунковъ. Изданіе Кораблева и Сирякова. Спб. 1858 г. 1 р., вѣс. за 1. ф.

Разговоры русскіе, французскіе и нѣмецкіе съ присовокупленіемъ идіотизмовъ и пословицъ. Сост. А. *Степановымъ*. Изданіе *Кораблева и Сирякова*. Спб. 1852 г. 50 к.

Краткая русская азбука или букварь. Съ Молитвами, заповѣдями, основными законоположеніями и нравоученіями. Изданіе третье, Кораблева и Сирякова. Спб. 1861 г. 10 к. *Выписывающіе вдругъ неменѣе десяти экземпляровъ за пересылку не платятъ*.

Полная французская азбука для русскихъ дѣтей. Съ подробнымъ объясненіемъ произношенія, примѣрами для чтенія, разговоровъ и переводовъ. Изданіе *Кораблева* и *Сирякова*. Спб. 1858 г. 30 к., вѣс: за 1 ф.

Полная нѣмецкая азбука съ молитвами, грамматическими правилами, разговорами и примѣрами для переводовъ съ нѣмецкаго на русскій и съ русскаго на нѣмецкій языки: Изданіе *Кораблева и Сирякова*. Спб. 1853 г. 30 к., вѣс. за 1 ф.

Прописи или образцы русскаго чистописанія, писанныя *Сидневымъ*, гравиров. на мѣди *Чайскимъ*. Изданіе Коралбева и Сирякова. Спб. 1853 г. 75 к. съ пересылкою.

Краткое Хронологическое Обозрѣніе русской исторіи. Изданіе *Кораблева и Сирякова*. Спб. 1850 г. 40., вѣс. за 1 ф.

Географія (краткая) Россійской имперіи. Состав. *А Ивановымъ*. Изданіе Кораблева и Сирякова. Спб. 1861 г. 25 к., вѣс. за 1 ф.

Философскіе бесѣды Платона въ русскомъ переводѣ. — Евтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія Платона, подробныхъ введеній и объяснительныхъ примѣчаній. Перев. *А Клевановъ*. М. 1861 г. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Обозрѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа. По Целлеру составилъ *А. Клевановъ*. Съ приложеніемъ въ русскомъ переводѣ 4-хъ изслѣдованій французскаго философа Кузена. М. 1861 г. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества, составленное *Э. Рѣго*. Изданіе второе. М. 1859 г. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Практическій ростовскій огородникъ. Собраніе дватцати лѣтнихъ опытовъ ростовскаго огородника *В. П. Капустина*. М. 1857 г. 1 р. 50 к.

Наставленіе земледѣльцу *I. Журдье*. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и примѣчаніями къ Россіи *Ѳ. И. Вараксина*, съ 109 политипажами. Спб. 1860 г. 1 р., за пересылку за 2 ф.

Практическое руководство къ садоводству и огородничеству *А. Муратова*. М. 1859 г. 1 руб., за перес. за 1 ф.

Иногородныя особы благоволятъ обращаться съ требованіями въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Кораблева и Сирякова.

III.

О партіяхъ, на которыя раздѣляется въ настоящее время англиканская церковь (1).

Въ нѣдрахъ англиканской церкви, также какъ и въ нѣдрахъ политическаго общества Англіи, всегда, въ томъ или другомъ видѣ, съ большею или меньшею силою, существовали три главныя партіи; но въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, въ слѣдствіе взаимныхъ препирательствъ, онѣ еще болѣе обозначились, чѣмъ когда либо. По общепринятому выраженію, онѣ извѣстны подъ именемъ «Low Church, High Church и Broad Church parties». Если въ толкованіи этихъ названій держаться буквальнаго значенія словъ—low—*низкій*, high—*высокій* и broad—*широкій*, то окажется, что первая партія—такъ названа по причинѣ *низости*, т. е. бѣдности ея взглядовъ на церковь; вторая по причинѣ высоты или возвышенности ея взглядовъ на церковь; а третья потому, что, не усвояя себѣ возвышенности *high church party* и не стѣсняя себя односторонностію *low church party*, старается, по видимому, идти въ *широту* и дѣлаетъ себя доступною для той и другой партіи. Это названіе «широкой партіи», безъ сомнѣнія, досталось ей (только уже въ переводѣ съ латинскаго на англосаксонскій) отъ тѣхъ богослововъ 17-го вѣка, которые въ англіи извѣстны были подъ именемъ «*Latitudinarii* propter latitudinem principiorum» и которые не рѣдко изъ прикрытыхъ кальвинистовъ дѣлались подъ конецъ откры-

(1) По англійскимъ источникамъ.

тыми социніанами. Болѣе близкое знакомство съ этими тремя партіями показываетъ однакоже, что это раздѣленіе очень не полно: ибо каждая изъ нихъ имѣетъ еще свои подраздѣленія, въ которыхъ съ новою своеобразностію выражаются выводы главнаго начала, принятаго тою или другою партіею. Наконецъ и самыя эти подраздѣленія часто имѣютъ свои особенные оттѣнки.

Конечно не безполезно было бы исторически прослѣдить всѣ эти партіи, начиная съ самой реформаціи, и притомъ показать, въ какой степени онѣ принадлежатъ прежнимъ временамъ и въ какой настоящему времени и т. п. Но это розысканіе вышло бы изъ предѣловъ, предполагаемыхъ нами на сей разъ. Мы разсмотримъ теперь дѣленія и сѣченія въ нѣдрахъ англиканской церкви только въ настоящемъ, существующемъ ихъ видѣ.

Изъ партій выше поименованныхъ *Low Church party*, называющая впрочемъ себя не иначе, какъ «Евангелическою—Evangelical», полагаютъ, сильнѣе прочихъ по своему вліянію и числу. Она возникла вмѣстѣ съ возникновеніемъ религіозной жизни, т. е. въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія; она была плодомъ реакціи, послѣдовавшей за длиннымъ періодомъ духовно-религіознаго, можно сказать, оцѣпенѣнія.

Термометръ англиканской церкви въ первые тридцать лѣтъ царствованія Георга III стоялъ на точкѣ замерзанія. Бутлера (1) и Берклея (2) уже не было въ живыхъ,

---

(1) Іосифъ Бутлеръ, LL. D., епископъ дурганскій, тотъ самый, которому принадлежитъ знаменитое сочиненіе — «Аналогія Религіи естественной и откровенной.» Онъ отличался великими дарованіями, глубокими свѣдѣніями и необыкновенною силою духа. Благочестіе его, строгое и вмѣстѣ пламенное, простиралось до аскетизма.

(2) Георгъ Берклей, епископъ клойнскій, одаренъ былъ великимъ остроуміемъ и пламеннымъ воображеніемъ. Онъ былъ такъ любезенъ

да не было имъ и преемниковъ. На каѳедрахъ епископскихъ возсѣдала, можетъ быть, школьная ученость, но не живая вѣра; въ духовенствѣ царствовало какое-то коснѣніе, облѣненіе и апатическое равнодушіе. Напрасно Веслей, воспитанный нѣкогда оксфордскимъ университетомъ, пытался внести въ церковь свою духъ вѣры и ревности: попытки его кончились только тѣмъ, что и онъ самъ и его послѣдователи увидѣли себя, волей-неволей, внѣ ограды англиканской церкви. То былъ, какъ всѣ сознаются, вѣкъ нравственнаго тлѣнія: торжники не только входили въ церковь, но и изгоняли изъ нея любящихъ вѣру и церковь; чуть ли не вездѣ открыто говорили о достиженіи низкихъ цѣлей и столькже или-еще болѣе—низкими средствами. Говорить о началахъ вѣры и нравственности значило тогда обличать себя въ фанатизмѣ. Отъ того-то конечно и безжизненная, если не бездушная реторика Блера считалась въ то время образцемъ въ дѣлѣ христіанскаго вѣропроповѣданія.

Наконецъ, этотъ вѣкъ религіозно-нравственнаго застоя заключился великимъ взрывомъ, пробудившимъ Европу отъ ея дремоты. Атеизмъ, восторжествовавшій во Франціи, самымъ торжествомъ своимъ сдѣлалъ то, что въ Англіи воскресло христіанство. Среди бури ожила здѣсь вѣра; забытыя истины нашли себѣ снова ревностныхъ проповѣдниковъ. То, чему церковь учила въ своихъ *Articuli Fidei*, въ своихъ *Homiliae*, въ своемъ служебникѣ—Common prayer book, скоро послышалось и на церковныхъ каѳедрахъ, въ устахъ пастырей и учителей.

Съ этого-то періода времени евангелическая партія и

и такъ всякій любилъ, что поэтъ Попъ (Pope) сказалъ о немъ: «To Berkeley every virtue under heaven—всѣ добродѣтели, какія есть[illegible] на землѣ, найдутся въ Берклеѣ». Сочиненія его въ 4-хъ том. 4,

начала принимать ту форму, которую она и доселѣ удерживаетъ. Въ началѣ она заключала въ себѣ разные оттѣнки богословскаго воззрѣнія на предметы вѣры. Но когда великія истины христіанства были уже утверждены въ сознаніи англиканской церкви, и слѣдовательно когда усвоеніе и защищеніе ихъ перестали быть отличительнымъ знакомъ духовнаго и братскаго общенія; то, естественно, должны были, въ слѣдъ за симъ, получить особенное знаменованіе второстепенные пункты вѣроученія христіанскаго, и слѣдовательно яснѣе обозначиться исключительное направленіе богословствующей мысли. Лозунгомъ евангелическаго, какъ говорятъ, стана сдѣлались тогда, и нынѣ остаются, слѣдующія слова: во первыхъ, «обращеніе», и во вторыхъ, «оправданіе вѣрою». Со временемъ были прибавлены къ нимъ, и съ большимъ усиліемъ удерживаются и понынѣ, еще слѣдующія слова: «библія, и только библія есть правило вѣры».

Каждое изъ этихъ условныхъ выраженій можетъ быть принимаемо и толкуемо въ разномъ смыслѣ, — или какъ живое начало дѣятельности, или какъ нѣчто въ родѣ краеугольнаго камня технической системы. Такъ «обращеніе» въ устахъ нѣкоторыхъ значитъ то, что, дабы дѣйствія наши могли имѣть какую либо духовную цѣнность, прежде всего должна послѣдовать въ насъ перемѣна, а именно себялюбіе нашей земной природы должно смѣниться чистотою высшей жизни, жизни въ Богѣ; въ устахъ же другихъ значитъ въ особенности то, что всякій человѣкъ, въ извѣстный день или часъ, долженъ испытать извѣстныя ощущенія и въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ. Равно «оправданіе вѣрою» можетъ быть выраженіемъ той истины, что миръ и святость

проистекают только изъ сознательнаго единенія со Христомъ, а не въ слѣдствіе простаго соблюденія тѣхъ или другихъ обрядовъ; или, напротивъ, можетъ быть обращено въ схоластическое выраженіе, часто заключающее въ себѣ только извѣстную разность во взглядѣ, но не различіе—distinctio sine differentia. Точно также и словами—«библія, и только библія есть правило вѣры», указывается иногда только на участіе каждаго частнаго лица въ толкованіи св. Писанія при посредствѣ тогоже Писанія, а иногда прямо отвергается ими всякое обязательное послушаніе церкви, какъ единой истинной толковательницѣ слова Божія.

Старая евангелическая партія, партія Мильнера ([1]), Мартина ([2]) и Вильбефорса ([3]), держалась своихъ характеристическихъ ученій съ ихъ практической и положительной стороны, а не въ полемическомъ и отрицательномъ ихъ видѣ. Отъ того-то она и принесла много добра Англіи. Представители ея въ парламентѣ, христіански филантропическимъ своимъ направленіемъ, много подняли тонъ общества. Усиліямъ этой партіи принадлежитъ уничтоженіе торговли невольниками, улучшеніе тюремныхъ заведеній, смягченіе уголовныхъ законовъ и т. п. Этой же партіи обязаны своимъ происхожденіемъ и такъ называемыя «школы для оборванцевъ—Ragged Schools».

([1]) Іосифъ Мильнеръ, А. М. благочестивый и ученый богословъ и церковный историкъ. Какъ проповѣдникъ, пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ. Извѣстенъ въ особенности по своей «History of the Church of Christ.» ум. въ 1797.

([2]) Мартинъ—Генрихъ—капелланъ остъ-индской компаніи, знаменитый миссіонеръ. Записки его имѣли семь изданій. Ум. въ 1812.

([3]) Вильямъ Вильберфорсъ—знаменитый государственный сановникъ, филантропъ и религіозный писатель. Онъ первый началъ говорить объ уничтоженіи торговли неграми. Ум. въ 1833 г.

Въ религіозномъ отношеніи дѣятельность ея равно довольно замѣчательна. «Общество миссіонеровъ—Missionary Society», содержащее теперь не менѣе двухъ тысячъ пасторовъ и учителей, и занимающее въ настоящее время въ разныхъ колоніяхъ болѣе ста станцій; «Библейское общество», въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, переведшее св. Писаніе на сто восемдесятъ восемь языковъ и пустившее въ ходъ сорокъ три милліона экземпляровъ; «Общество для построенія церквей», въ одной честерской епархіи, въ короткое время, построившее болѣе двухъ сотъ новыхъ церквей; «Общество для вспоможенія пасторамъ—Pastoral Aid Society», содержащее на свой счетъ 300 пасторовъ и болѣе ста помощниковъ ихъ изъ міряиъ, и наконецъ учрежденіе новаго церковнаго званія, подъ именемъ «чтецовъ Писанія—Scripture Readers», выбираемыхъ изъ простаго класса народа и посылаемыхъ на проповѣдь въ мѣстахъ, быть можетъ, недоступныхъ обыкновенному пастору—и началомъ своимъ и настоящимъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ обязаны евангелической партіи.

Съ другой стороны справедливость требуетъ сказать, что она далеко не тѣмъ стала, чѣмъ была въ началѣ, или по крайней мѣрѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Главная причина тому, надо полагать, заключается въ односторонности началъ усвоенныхъ ею, а еще болѣе въ односторонности развитія этихъ началъ, дошедшей до такъ называемаго *пуританизма*, какъ мы сейчасъ то увидимъ.

Такъ, выродившаяся изъ старой евангелической партіи, партія, извѣстная подъ именемъ *Пуританской* или *Рекордитской* (отъ газеты «Record», служащей ей главнымъ органомъ), изъ ученія объ *оправданіи вѣрою* выводитъ заключеніе, будто нравственность, какъ нравствен-

ность, не имѣетъ никакой цѣны; на ученіи объ *обращеніи человѣка силою благодати* строитъ систему фаталистическаго предопредѣленія; принимаемое же ею *исключительное главенство св. Писанія* простираетъ до отрицанія всякаго значенія авторитета церкви и преданія. Въ первомъ случаѣ она не только учитъ, что вѣра есть единственный источникъ всякаго добра, но что истинность ея должна быть доказываема не дѣлами, а чувствами; и вѣру опредѣляетъ не иначе, какъ согласіемъ на слѣдующее предложеніе: «вѣрую, что я спасенъ». Отсюда начинается одинъ изъ этихъ наиболѣе рѣшительныхъ формализмовъ, гдѣ поклоненіе духомъ и истиною положительно замѣняется формою словъ, въ родѣ шибболета. Отъ того-то, и въ дѣлѣ проповѣди, проповѣдникъ этой школы или умолчитъ или слегка скажетъ только объ обязательности нравственнаго закона; цѣль его не въ томъ, чтобы побуждать слушателей къ добродѣтели и святости, а въ томъ, чтобъ убѣждать ихъ въ безпомощности ихъ положенія. «Грѣхи вѣрующихъ, по ученію его партіи, отпускаются имъ даже прежде, чѣмъ они учинены.» Напротивъ и самыя высокія добродѣтели человѣка невѣрующаго не что другое какъ «блистательные грѣхи — splendid sins».

Извѣстны крайности, къ которымъ ведетъ фаталистическое толкованіе предопредѣленія: и всѣхъ этихъ крайностей не чужды и рекордиты. Одинъ пасторъ въ семъ духѣ позволялъ себѣ даже извращать самые тексты св. Писанія. Такъ онъ читалъ напр: «тако возлюби Богъ *избранныхъ* (вмѣсто: міръ)»; «Не пріидохъ, да сужду *избраннымъ* (вмѣсто: мірови), но да спасу *избранныхъ* (вмѣсто: міръ).

Въ отношеніи къ третьему пункту особенно странное

уклоненіе замѣчается въ томъ, что по теоріи своей партія рекордитовъ усвояетъ одинаковое достоинство и ветхому и новому Завѣту, а на дѣлѣ буквально іудействуетъ: законъ Моисея она ставитъ выше Евангелія. Нѣкоторые изъ наиболѣе знаменитыхъ вождей ея стараются даже возстановить обрядъ обрѣзанія. Есть брошюра, написанная Шарлоттою—Елизаветою, такъ много уважаемою въ глазахъ этой партіи, въ которой прямо говорится, что епископу Александру (первому агликанскому епископу въ Іерусалимѣ) надлежало бы именно надъ его сыновьями совершить обрядъ обрѣзанія.

Но наиболѣе поразительный примѣръ іудействующаго направленія пуританской партіи представляется въ извѣстномъ ея ученіи, будто день Господень или Воскресенье есть тоже самое, что іудейская суббота. Согласно съ симъ началомъ, новые пуритане требуютъ, чтобы воскресный день провождаемъ былъ съ строгостію, неизвѣстною даже и въ законѣ Моисея. Доказательствомъ тому можетъ, между прочимъ, служить и слѣдующая пѣсенка, которую заставляютъ они учить своихъ дѣтей и дома и въ школахъ. Приведемъ по крайней мѣрѣ ея начало:

We must not play on Sunday;
But we may play on Monday,
On Tuesday and on Wednesday,
On Thursday, Friday, Saturday,
Till Sunday comes again.
We must not laugh on Sunday;
But we may laugh on Monday
etc. то есть:

«Намъ не должно играть въ воскресенье; а намъ можно поиграть въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвертокъ пятокъ и субботу, пока опять не придетъ воскресенье.

Намъ не должно смѣяться въ воскресенье; а намъ можно посмѣяться въ понедѣльникъ, вторникъ» и т. д.

Вотъ почему такъ естественно, при видѣ подобныхъ крайностей пуританизма, должна была почти современно открыться въ англиканской церкви реакція — въ противоположномъ направленіи. Какъ въ семнадцатомъ столѣтіи нетерпимость кальвинизма подала поводъ арминіевой теологіи восторжествовать въ Англіи; такъ въ наше время уродливости пуританской партіи помогли быстро развиться мнѣніямъ «High Church», въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Болѣе явственно и болѣе систематически движеніе этой партіи обозначилось въ 1833 г. и выразилось въ такъ называемыхъ «Tracts for the Times — въ трактатахъ, требуемыхъ настоящимъ временемъ». Въ числѣ составителей этихъ трактатовъ были очень замѣчательные писатели, какъ напр. д-ръ Пьюзей и д-ръ Ньюманъ. Отъ того-то партія эта въ самомъ началѣ прозвана была противниками ея именемъ «трактаріанцевъ» и «пьюзеитовъ». Направленіе Ньюмана чуть ли и въ самомъ началѣ не было въ духѣ романизма или латинизма; и потому скоро можно было придти къ заключенію, чѣмъ должно было кончиться первоначальное движеніе этой партіи, имѣвшей, по видимому и «bona fide», въ виду главнымъ образомъ развитіе началъ и преданій англиканской церкви. Ньюманъ написалъ извѣстную свою книгу, подъ заглавіемъ «Опытъ *развитія* христіанскаго ученія», заключилъ ее словами: «Nunc dimittis tuum servum, Domine», etc. и тотчасъ же сдѣлался самымъ ревностнымъ поборникомъ ультрамонтанизма. И говорить нечего о волненіи въ религіозно-церковномъ мірѣ, свидѣтелемъ котораго привелось быть пишущему эти строки. Д-ръ Пьюзей, и другъ и сотрудникъ Ньюмана, остался вѣренъ

своимъ прежнимъ англиканскимъ началамъ и теоріямъ, и доселѣ остается, при всей своей рѣшительной непритязательности на славу и на вліяніе, во главѣ этой партіи.

Эти начала и теоріи англиканской системы принадлежатъ впрочемъ столько же прежнимъ, сколько и настоящимъ временамъ. Наше дѣло раскрыть ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ.

«Англиканецъ — Anglican» принимаетъ ученіе, что «*мы оправдываемся вѣрою*», но въ тоже время равно держится и той истины, что «*насъ судить будутъ по дѣламъ нашимъ*». Онъ признаетъ, что обращеніе наше должно быть совершено силою благодати Божіей, но въ тоже время утверждаетъ, что христіане возрождаются въ купели крещенія. Онъ допускаетъ *исключительное владычество Писанія*, но присовокупляетъ, что «*церковь имѣетъ власть въ препирательствахъ по предметамъ вѣры*». И эту церковь, облеченную особенною властію, онъ отличаетъ отъ всѣхъ прочихъ протестантскихъ церквей ея апостольскимъ, какъ онъ выражается, происхожденіемъ. Такимъ-то образомъ лозунгомъ этой школы служатъ слѣдующія Слова — «Судъ (въ смыслѣ оправданія) по дѣламъ», «возрожденіе въ купели крещенія», «власть церкви» и «апостольское преемство».

Что до перваго пункта, то въ немъ существенно не расходятся между собою умѣренный англиканецъ и умѣренный евангеликъ. И тотъ и другой соглашаются, что дѣлами своими человѣкъ не можетъ оправдаться предъ Богомъ; и тотъ и другой соглашаются, что безъ святости и освященія (sanctification) не можетъ быть спасенія. Разница въ томъ только, что евангелическая партія черезъ-чуръ оперлась на первое возникновеніе въ насъ

религіозной жизни и черезъ-чуръ много ввѣрилась дѣйствію въ насъ этого духовно-религіознаго побужденія (impulse), воображая, что оно само собою будетъ возводить насъ отъ одной степени до другой въ дѣлѣ освященія нашей грѣховной природы. Англиканецъ понялъ эту ошибку, и поправилъ ее ученіемъ болѣе систематическимъ и болѣе практическимъ.

По второму же пункту, т. е. относительно «возрожденія въ купели крещенія», эти партіи расходятся рѣшительнѣе. Рекордиты, какъ мы видѣли выше, усвояя имя христіанина только немногимъ «избраннымъ», de facto по крайней мѣрѣ ставятъ христіанскій міръ наравнѣ съ языческимъ. Англикане, вопреки сему небратолюбивому ученію, утверждаютъ, что всѣ христіане, какъ христіане, находятся въ состояніи, въ духовномъ отношеніи, различномъ отъ состоянія язычниковъ. Они учатъ, что всѣ члены видимой церкви суть избранные Божіи; и что всѣ, пріявшіе св. крещеніе, суть члены видимой церкви и, будучи таковыми, всѣ облагодѣтельствованы духовными дарами, потребными для спасенія.

По третьему пункту, т. е. относительно «власти церкви», разность между тѣми и другими становится еще ощутительнѣе. Тогда какъ первые чуть ли не рѣшительно все въ дѣлахъ вѣры оставляютъ на произволъ такъ называемаго «private judgement» т. е. частнаго суда, послѣдніе напротивъ желали бы сдѣлать власть церкви «jus de non appellando», и желали бы сего, частію для того, чтобы имѣть возможность положить предѣлъ вѣчнымъ сомнѣніямъ и совопрошеніямъ, частію для того, чтобы оградить сею властію въ особенности меньшихъ своихъ братій, главнымъ же образомъ для того, чтобы, при посредствѣ сего послушанія и покорности, воздѣлывать въ себѣ

и въ другихъ тѣ прекрасныя добродѣтели, которыя неразлучны съ навыками послушанія и покорности. Къ сожалѣнію, на пути къ этой истинѣ, лежатъ для англиканъ большія трудности. «И мы готовы признать», говорятъ имъ ихъ противники, «власть истинной церкви; но гдѣ эта церковь? и гдѣ ея ученіе»? Естественно, англикане отвѣчаютъ, что эта церковь есть церковь англиканская, и что ученіе ея заключается въ ея литургіи и такъ называемыхъ членахъ ея вѣры (Liturgia и Articuli Fidei). Но эти члены и эта литургія таковы, что понимаются и толкуются различно; слѣдовательно тутъ требуется живой и властный голосъ для утвержденія единомыслія. «Гдѣ же этотъ живой и властный голосъ, могущій разрѣшить сомнѣнія?» Опять стольже естественно англикане отвѣчаютъ, что онъ можетъ слышаться въ устахъ ея епископовъ, и что ея пресвитеры (священники), поставленные тѣми епископами, служатъ живыми глашатаями — каждый — для своего стада и въ своемъ кругу. Но здѣсь-то и окрывается главная трудность; раждается новый, неразрѣшимый вопросъ: а что дѣлать міранину и кого слушать ему, когда онъ и видитъ и слышитъ и знаетъ, что эти поставленные для него глашатаи разногласятъ и разномыслятъ между собою, что собирательный голосъ епископовъ безмолвствуетъ, и что сіи послѣдніе равно противорѣчатъ другъ другу, какъ и пресвитеры?

Между тѣмъ возникаетъ еще новый вопросъ, а именно: «какъ знать, что англиканское учрежденіе—anglican establishment есть та истинная церковь, которая одна можетъ имѣть права на власть учителя и вождя?» Англійское богословіе отвѣчаетъ, что истинная церковь имѣетъ два неотъемлемыя свойства: единство и видимость. Истина есть одна; слѣдовательно и истинная церковь одна.

И эта единая церковь имѣетъ повсюду такой признакъ, по которому она можетъ быть найдена и отличена всѣми. Въ каждой землѣ она образуетъ собою то тѣло правомыслящихъ (orthodox) христіанъ, которое управляется епископами, имѣющими апостольское преемство. Посему-то диссентеръ, раскольникъ, отступающій отъ своего прихода или отъ стада, къ которому онъ принадлежитъ, отрекается отъ общенія съ апостолами. Но симъ отвѣтомъ вопросъ въ сущности дѣла еще не рѣшается. Въ предѣлахъ тойже самой протестантской Англіи есть римская церковь, равно управляемая епископами, апостольское преемство которыхъ неоспоримо, а что всего болѣе—производится изъ того самаго источника, изъ котораго производятъ и преемство англиканской іерархіи. И между тѣмъ эта церковь ученіе англиканское находитъ еретическимъ, а епископовъ англиканскихъ не преемниками апостоловъ, а просто узурпаторами или лже-епископами. Къ кому же долженъ обращаться испытующій за рѣшеніемъ?

И вотъ здѣсь-то, можно сказать, начинается поворотный кругъ для многихъ. Видя, что нельзя успѣшно сражаться избраннымъ ими оружіемъ, они дѣлаютъ отступленіе, и ограждаютъ себя безотчетною мыслію, будто они стоятъ на средней дорогѣ — viâ mediâ. Прежнія притязанія они полагаютъ уже не въ основаніе своей системы, а просто въ украшеніе и дополненіе. На семъ основаніи и къ диссентерамъ оказывается больше снисхожденія. Даже протестанты нѣмецкіе и т. п. признаются братьями, хотя съ оговоркою, что имъ не достаетъ правильнаго и властнаго авторитета въ дѣлѣ управленія церковію. Слѣдовательно и апостольское преемство, само собою, перестаетъ быть въ ихъ глазахъ

неотъемлемою принадлежностію церкви, а дѣлается только чѣмъ-то въ родѣ генеалогической цѣпи, связующей англиканскую епископальную систему съ древностію, и вообще настоящее съ прошедшимъ. Слѣдовательно и вся власть церкви необходимо заключается только въ тѣхъ притязаніяхъ на послушаніе ей, которыя ученый имѣетъ на неученаго или учитель на ученика.

Тѣмъ не менѣе и эта партія имѣетъ своего рода заслуги въ отношеніи къ господствующей здѣсь церкви. Основаніе обществъ «протестантскихъ» сестеръ милосердія, увеличеніе числа колоніальныхъ епископій, улучшеніе церковной архитектуры и церковнаго пѣнія, введеніе стѣнной византійской иконописи, заведеніе лучшаго устройства въ церквахъ, напр. уничтоженіе прежнихъ *реws*—какихъ-то отдѣльныхъ клѣтей для каждаго семейства и замѣненіе ихъ простыми сѣдѣньями или скамьями и т. п., распространеніе приходскихъ школъ, введеніе болѣе частой службы, напр. по средамъ и пятницамъ, и совершеніе оной съ наибольшимъ благочиніемъ и т. п. можно считать плодомъ дѣятельности такъ называемыхъ трактаріанцевъ.

Но не то еще говорятъ они сами о себѣ. Разными учеными пріемами усвоивъ англиканской церкви всѣ необходимыя принадлежности и свойства Церкви вселенской — каѳолической и облекшись въ разные виды церковности, они позволяютъ себѣ и думать и говорить и проповѣдывать, что ихъ церковь никогда не отрывалась положительно отъ общаго состава Христовой Церкви, и слѣдовательно они были и остаются въ соединеніи съ нею, и слѣдовательно, какъ англиканская церковь можетъ именовать себя *англо-каѳолическою*, и они могутъ называть себя *англо-каѳоликами*. Въ слѣдъ за симъ от-

крытіемъ явились и доселѣ продолжаются слѣдующія напр. выраженія: «anglo-catholic church, anglo-catholic priest, anglo-catholic education, даже anglo-catholic coffins (т. е. гробы).»

Само собою разумѣется, что для защищенія и прикрытія подобной теоріи въ самой вещи они принуждены бываютъ нерѣдко искать себѣ убѣжища въ католицизмѣ, и именно въ ближайшемъ къ нимъ западномъ, римскомъ католицизмѣ.

Для православнаго читателя любопытнѣе и занимательнѣе однакожъ то, какъ эта «anglo-catholic party» положеніе свое въ отношеніи къ римскому католицизму защищаетъ положеніемъ православной каѳолической церкви.

«Да будетъ навсегда у насъ въ памяти, говоритъ пасторъ T. W. Allies — Еллйсъ, въ своей весьма замѣчательной книгѣ, подъ заглавіемъ: «The church of England cleaved from the charge of schism by the decrees of the seven ecumenical counsils and the tradition of the Fathers» (см. стр. 495—508), «да будетъ въ памяти, что тѣже доводы, которыми винятъ англійскую церковь въ схизмѣ, будутъ имѣть силу (!) равно и въ отношеніи къ восточной и россійской церкви. Тутъ дѣло идетъ не о возстаніи какой либо области противу вселенской Церкви, а о возстаніи одного патріарха западнаго, съ частію его епископовъ, противу четырехъ патріарховъ Востока съ ихъ епископами, и противу этой великой, еще ничѣмъ не сокрушенной фаланги (phalanx) Сѣвера, которую Константинополь стяжалъ для древней вѣры и которая обѣщаетъ теперь отразить приливъ ереси и невѣрія отъ осаждаемыхъ престоловъ Востока. По крайней мѣрѣ на семъ пунктѣ они свидѣтельствуютъ съ нами за одно. Причины, имѣвшія такое сильное вліяніе на возвышеніе рим-

ской власти на Западѣ, вовсе не оказали подобнаго дѣйствія на Востокѣ, напротивъ—ихъ дѣйствіе было въ обратномъ направленіи. Престолъ константинопольскій и теперь еще тамъ, гдѣ онъ поставленъ соборомъ Халкидонскимъ и чѣмъ призналъ его императоръ Юстиніанъ, т. е. вторымъ престоломъ міра: и все это время онъ не переставалъ утверждать, что въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ Римъ считается *первымъ*, онъ считается *вторымъ*... Константинополь доселѣ сохраняетъ конституцію (constitution) вселенской Церкви, которую, по словамъ св. Григорія, епископы пытались измѣнить. Зло, которое онъ предвидѣлъ, вышло отъ его собственныхъ преемниковъ: «дѣло всемогущаго Бога, дѣло вселенской Церкви», т. е: преимущества и права епископовъ и священниковъ, вопреки притязаніямъ «вселенскаго папы», и теперь, какъ древле, приводятся во свидѣтельство неизмѣннымъ Востокомъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ симпатіи съ ересіархами 16-го вѣка: синодъ виѳлеемскій также рѣшительно предалъ анаѳемѣ Лютера и Кальвина, какъ и соборъ тридентинскій... Здѣсь все таже древняя патріаршая система, все тѣже древніе престолы — константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій. Здѣсь все тотъ же составъ ученія, все тѣже седмь таинствъ, все тоже *Realis presentia*, все таже мощная сакраментальная и сацердотальная система, какъ обиталище духовной силы, которая обличаетъ и страшитъ міролюбца и низвергаетъ еретика. Здѣсь есть всѣ тѣ знаменія истины, на которыя римскій католикъ имѣетъ притязанія: но здѣсь есть еще нѣчто, чего у Рима нѣтъ; здѣсь слышится тотъ же самый протестъ, который и мы дѣлаемъ, противу единоначальной власти, совершенно отличной отъ власти патріаршей; здѣсь съ тоюже аппел-

ляціей, какъ и мы, обращаются къ древнимъ Соборамъ и къ неподкупному и неумолкаемому голосу Отцевъ Церкви... Здѣсь все тоже и догматическое и іерархическое зданіе, какъ и въ то время, когда св. Григорій обращался къ Анастасію Антіохійскому и Евлогію Александрійскому... *Мы*, надо сознаться, сражаемся съ нашими противниками не съ полнымъ успѣхомъ. Долгое подчиненіе нашей церкви Риму, разнообразныя обязательства, которыя лежатъ на насъ въ отношеніи къ ней, совершенное извращеніе церковной и догматической системы въ 16-мъ вѣкѣ, страшные пороки нашихъ реформаторовъ, связи съ тѣми, которыхъ ученіе теперь переработалось въ социніанизмъ, невѣріе и анархія, неспособность наша—высвободиться отъ всѣхъ этихъ вліяній, чрезвычайно неудовлетворительное положеніе государства нашего къ церкви—все это говоритъ противъ насъ, все это сказывается въ умѣ и сердцѣ, которыя хотятъ жить древностію и ищутъ чистоты апостольской церкви... Но свидѣтельство церквей Востока не знаетъ этихъ лишеній. Онѣ никогда не были подчинены Риму и кому либо, кромѣ своихъ собственныхъ патріарховъ; не онѣ получали христіанство отъ Рима, но Римъ отъ нихъ, какъ сказалъ св. Василій... Имъ незнакома реформація, реформація, произведенная такими людьми, которыхъ жизнь была соблазномъ для всего христіанскаго міра; онѣ не знаютъ ни лютеранской, ни кальвинской ереси; и жизнь ихъ не подъѣдается ерастіанизмомъ..... Ктому же и римская церковь вступала въ сношенія съ ними, какъ съ частями истинной церкви... Наконецъ восточная церковь дала о себѣ наилучшее, наиубѣдительнѣйшее свидѣтельство проявленіемъ въ себѣ дѣйствительной жизни. Ея, и именно *со времени отдѣленія ея отъ Рима*, — обсто-

ятельство, требующее особеннаго вниманія — принадлежитъ наизамѣчательнѣйшее обращеніе, какое только совершилось въ послѣднее осмисотлѣтіе, обращеніе ко Христу цѣлаго, великаго народа. Россія съ ея епископами, съ ея духовенствомъ, съ ея монастырями, съ ея христіанскимъ народонаселеніемъ, съ ея древнимъ благочиніемъ, съ ея полною церковной организаціей, Россія, обращенная проповѣдію иноковъ и миссіонеровъ епископовъ, служитъ свидѣтельствомъ, что греческая церковь, (кто бы возмнилъ тутъ прекословить?) есть истинный членъ единаго Тѣла... Римъ, со времени отдѣленія его отъ Востока, не можетъ похвалиться подобнымъ обращеніемъ, т. е. такимъ, которое было бы стольже огромно, стольже совершенно и стольже неизмѣнно вѣрно. И на эту-то великую массу Римъ доселѣ не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія. То одно уже служитъ рѣшительнымъ опроверженіемъ его притязаній быть *самому по себѣ* каѳолическимъ, что, внѣ общенія съ нимъ, есть соборъ восточныхъ епископовъ, есть церковь, имѣющая и апостольское происхожденіе и апостольское управленіе, съ тоюже догматическою системою, какъ и онъ самъ, съ тѣми же сильно развитыми аскетическими началами, какъ и у него, съ тѣми же притязаніями на чудеса, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что характеризуетъ Церковь. И это церковное тѣло, ктому еще, такъ велико, что, предположивъ даже не-существованіе римской церкви, въ немъ одномъ можно видѣть исполненіе тѣхъ обѣтованій Божіихъ о Церкви, о которыхъ мы читаемъ въ Писаніи. И сія-то церковь, подобно намъ, не допускаетъ этого притязанія, въ силу котораго и она и мы считаемся въ глазахъ Рима схизматиками.—И не допускаетъ его не триста лѣтъ, но съ того самаго времени, какъ оно было въ первый

разъ сдѣлано. Истинно, чего не достаетъ съ нашей стороны, то восполняется греческою церковію. Это живое, неумолкаемое, тысячелѣтнее свидѣтельство приложите еще къ необиновенному и всегда неизмѣнному голосу всей нераздѣльной древней церкви!»

И однакоже этотъ голосъ, не смотря на живое, разумное, благочестное сознаніе его,—не только вышеприведеннымъ писателемъ, но и многими и прежде и послѣ него, остается для самой истины едвали не голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ слѣдствіе ли отсутствія здѣсь болѣе полной представительной системы православія, въ слѣдствіе ли недостатка болѣе сильнаго и болѣе дѣйственнаго вліянія истины православія на мыслящіе здѣсь умы, въ слѣдствіе ли такъ сказать привычки англиканской церкви уживаться съ разными, съ давнихъ временъ существующими въ ней, противорѣчіями, въ слѣдствіе ли наконецъ разныхъ предъубѣжденій здѣшней массы, нарочито поддерживаемыхъ приверженцами романизма,—трудно рѣшить, да вопросъ сей и не входитъ въ рядъ нашихъ изслѣдываній — только суемудріе дѣлаетъ то, что истина, какъ мы видѣли, сознается и однакоже не усвояется.

Broad-church party, упомянутая нами въ самомъ началѣ, выступая здѣсь въ свою чреду, говоритъ, что, съ ея всесторонними взглядами и съ ея особеннаго рода вѣротерпимостію, она можетъ удовлетворить всѣмъ обозначеннымъ нами требованіямъ и ожиданіямъ ищущаго истины. Скажемъ же нѣчто въ заключеніе и о сей партіи. Она извѣстна подъ разными именами; приверженцы ея называютъ ее «умѣренною, католическою или широкою» (— broad), т. е. открытою для всѣхъ; противники ея называютъ ее латитудинарною или индефферентною. Во всякомъ случаѣ отличительнымъ характеромъ ея служитъ

притязаніе быть доступною для всѣхъ, въ дѣлѣ единенія съ нею. Лозунгомъ ея служатъ—любовь или христіанское благоснисхожденіе и терпимость. Приверженцы ея за то именно и любятъ англійскую церковь, за что обыкновенно ее упрекаютъ, т. е. за ея неопредѣленность, двусмысленность и вообще шаткость. Они думаютъ, что, при допущеніи главныхъ, существенныхъ условій къ христіанскому единенію, всѣ остальные пункты разности могутъ быть оставлены безъ вниманія; и на семъ основаніи говорятъ, что врата церкви также широко должны быть отверсты, какъ и врата неба.

Ученіе этой партіи тоже, что и партій—«High» и «Low church». Воплощеніе и примиреніе, обращеніе на путь спасенія силою благодати и оправданіе вѣрою служатъ основными членами ея символа. Разнятся же она отъ прочихъ партій тѣмъ, что сіе ученіе не исключительно усвояетъ протестантизму, но находитъ его равно у всѣхъ христіанъ,у христіанъ всѣхъ вѣковъ и временъ. Отъ-того-то и римскихъ и восточныхъ христіанъ она считаетъ своими братьями, оставаясь въ тоже время твердою и пламенною поборницей протестантизма. Въ отличіе ея отъ прочихъ партій вообще можно сказать то, что она допускаетъ положительную и отвергаетъ отрицательную сторону англиканской и другихъ евангелическихъ системъ. Вмѣстѣ съ Low church она учитъ, что Писаніе есть единственное правило вѣры, и въ тоже время дѣлаетъ отсюда выводъ, отъ котораго отказались бы приверженцы «Low church», что всѣ вѣрующіе въ Писаніе суть *присные въ вѣрѣ*. Вмѣстѣ съ «High church» она допускаетъ, что насъ судить будутъ по дѣламъ, и отсюда выводитъ заключеніе, что спасеніе наше зависитъ не отъ исполненія тѣхъ или другихъ обрядовъ церкви, но

только отъ нашей жизни; что плоды Духа служатъ единственнымъ доказательствомъ присутствія въ насъ Духа. Въ ученіи о *видимости церкви*, она рѣшительнѣе и ближе подходитъ къ «High church», а именно утверждаетъ, что церковь есть Богомъ учрежденное на землѣ общество для проявленія присутствія здѣсь Божія, для свидѣтельствованія о Его безконечныхъ совершенствахъ и для отраженія ихъ какъ въ ея священно-дѣйственныхъ обрядахъ, такъ и въ самыхъ ея членахъ. На семъ основаніи она желала бы возстановить и разные древніе обычаи, какъ напр. каждодневно совершать службу въ церкви, какъ можно чаще пріобщаться св. таинъ, почитать память святыхъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, строить по дорогамъ часовни и ставить кресты, заводить монашескіе ордена и т. п. Все это, по мнѣнію ея, служитъ къ осуществленію идеи христіанскаго братства и къ обращенію міра на путь спасенія.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и убѣжденій жилъ, дѣйствовалъ и умеръ знаменитый здѣшній педагогъ д-ръ Арнольдъ, которому школа «Рогби» обязана такой великой славой. Не меньшую знаменитость тѣмъ же практическимъ направленіемъ и въ томъ же духѣ и на томъ же поприщѣ пріобрѣлъ въ настоящее время Деканъ *Dawis*. Онъ доказалъ, и съ успѣхомъ, что и обыкновенная приходская школа можетъ очень много сдѣлать въ дѣлѣ воспитанія, и въ дѣлѣ воспитанія самаго простаго юношества. Его книги и метода приняты теперь во всѣхъ здѣшнихъ благоустроенныхъ школахъ.

Вліянію этой партіи на массу народа не мало содѣйствуетъ то, что она не только не возстаетъ противъ невинныхъ удовольствій, но старается еще возвысить и освятить ихъ сочетаніемъ ихъ съ общимъ служеніемъ ре-

лигіи. Разсказываютъ, что, подъ руководствомъ одного пастора, въ мануфактурныхъ городахъ Іоркшира, не рѣдко выполняются ораторіи Генделя простыми работниками.

Тѣмъ не менѣе должно сказать, что эта партія не представляетъ собою никакого правильно организованнаго тѣла партіи. У ней даже нѣтъ и газетнаго органа. «Иначе-де и быть не можетъ», отвѣчаютъ ея приверженцы. «Тогда, какъ одни воюютъ съ Римомъ, а другіе сражаются съ Женевой, мы, говорятъ они, боремся съ плотію и діаволомъ; а эти враги не такъ-то видимы, не такъ-то осязаемы; слѣд. у насъ потому нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ лозунговъ, которыми такъ легко обозначаются разныя партіи».

Выше означенные такъ называемые «*католическіе* взгляды Broad-Church Party» естественно не допускаются приверженцами другихъ партій. Вотъ какъ обыкновенно сіи послѣдніе возражаютъ защитникамъ первой: «вы хотите и A и B принять въ ограду церкви на томъ основаніи, что между ними нѣтъ существенной разности. Но столь же мало разности между B и C, между C и D, между D и E и т. д. Почемужь вамъ, на семъ основаніи, не принять и всѣ буквы, какія есть въ алфавитѣ? Другими словами: если Д-ръ Пьюзей и Горамъ (онъ отвергалъ opus operatum въ таинствѣ крещенія) равно оба допускаются вами; то какъ вамъ можно будетъ исключить унитаріанина, іудея, деиста и пантеиста?»

Другое возраженіе еще ощутительнѣе. «Всеобщая терпимость», говорятъ имъ, «всегда не разлучна бываетъ съ всеобщимъ индифферентизмомъ». И дѣйствительно: отказавшись отъ догматической положительности, нѣтъ ничего легче, особенно для умовъ безпокойныхъ, какъ впасть въ скептицизмъ. Замѣчено, что натуры тяжелыя,

лѣнивыя, лишенныя сильныхъ убѣжденій, просто въ семъ случаѣ мертвѣютъ. Естественное же и обычное ослѣпленіе человѣка при подобныхъ обстоятельствахъ почти всегда превращается въ совершенное равнодушіе ко всему, даже къ величайшимъ и святѣйшимъ истинамъ. Равнодушіе, какъ извѣстно, подобно сенсуализму, кончаетъ свой вѣкъ во тьмѣ невѣрія.

Отъ того-то и надо предполагать, что партія эта не будетъ долговѣчна. Отъ того-то справедливо замѣчаютъ ей противники ея, что «истина не есть мнѣніе, и вѣра не есть разсужденіе»; ибо и исторія и Писаніе говорятъ, что «*вѣра есть побѣда, побѣдившая міръ*».

Не легко опредѣлить относительное значеніе всѣхъ вышеозначенныхъ партій, на которыя раздѣляется англійская церковь. Для сей цѣли прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ, а именно: обращаютъ вниманіе на выборы духовныхъ въ конвокаціи или повременныя синодальныя собранія, на доходы разныхъ религіозныхъ обществъ, на число подписчиковъ тѣхъ газетъ, которыя издаются различными партіями, на число голосовъ, которыя подаются по случаю разныхъ спорныхъ религіозно-церковныхъ пунктовъ при общемъ ихъ обсужденіи и, наконецъ, на списокъ духовенства, въ которомъ не рѣдко довольно ясно обозначаются взгляды и направленіе каждаго духовнаго и т. п. И при помощи сихъ и подобныхъ тѣмъ средствъ приходятъ къ заключенію, что изъ 18,300 англійскаго духовенства (не включая сюда ирландское протестантское духовенство) приходится на

High Church party, съ ея подраздѣленіями на англиканскую и трактаріанскую партіи . . 7,000.

На *Low Church party*, съ ея подраздѣленіями на евангеликовъ и рекордитовъ . . . . . 6,500.

На *Broad Church party*, съ ея оттѣнками то той, то другой партіи. . . . . 3,500.

Остальное число—1,300 падаетъ на сельское духовенство, живущее въ горныхъ округахъ; но его характеристика еще не довольно ясно опредѣлена.

Изъ двадцати осьми епископовъ и архіепископовъ Англіи, тринадцать, по духу и направленію своему, принадлежатъ къ *High Church*, десять къ *Broad Church*, и пять къ евангелическимъ партіямъ.

Заключимъ сіи замѣчанія о партіяхъ англійской церкви хотя простою переченью вообще всѣхъ церквей и религіозныхъ обществъ, существующихъ на англійской землѣ, по переписи, сдѣланной англійскимъ правительствомъ въ 1851 г. и, по ея же указанію, означимъ еще число этихъ церквей и обществъ.

Наименованіе церквей и религіозныхъ обществъ.	Число церквей и религіозныхъ обществъ.
Протестантскія церкви.	
Господствующая церковь Англіи и Ирландіи.	14,077.
Пресвитеріанская шотландская церковь	18.
Соединенная пресвитеріанская церковь.	66.
Пресвитеріанская такъ называемая *церковь въ Англіи*	76.
Реформированные ирландскіе пресвитеріане	1.
Индепенденты или конгрегаціоналисты.	3,244.
Баптисты.	
Генеральные	93.
Партикулярные	1,947.
Seventhday Baptists—седьми дней баптисты т. е. баптисты, празднующіе не первый, а седьмый день недѣли	2.

Наименованіе церквей и религіозныхъ обществъ.	Число церквей и религіозныхъ обществъ.
Шотландскіе баптисты	15.
Новаго генеральнаго союза баптисты	183.
Баптисты, безъ всякаго другаго прилагательнаго.	550.
Общество друзей т. е. квакеры	371.
Унитаріане	229.
Моравы или соединенные братья	32.
Весленскіе методисты.	
Первоначальнаго союза	6,579.
Новаго союза	297.
Первоначальные методисты	2,871.
Библейскіе христіане	481.
Весленское методистское общество—association	419.
Индепенденты—методисты	20.
Весленскіе реформаты	339.
Кальвинистскіе методисты.	
Валлійскіе кальвино-методисты	828.
Союза графини Гунтингдонъ	109.
Сандеманіане или Гласенты	6.
Новая церковь	50.
Братья	132.
Изолированныя конгрегаціи — Isolated congregations	539.
Иностранныя церкви.	
Лютеране	6.
Французскіе протестанты	3.
Нидерландская реформатская церковь	1.
Римскіе католики	500.
Греческая церковь	3.

Наименованіе церквей и религіозныхъ обществъ.	Число церквей и религіозныхъ обществъ.
Германскіе католики	1.
Итальянскіе реформаты.	1.
Католическая и апостолическая церковь (иначе ирвингиты).	32.
Послѣднихъ дней святые, или мормоны . . .	222.
Іудеи	53.

NB. И распредѣленіе и наименованія церквей и обществъ сдѣланы согласно съ упомянутой переписью.

Протоіерей Евгеній Поповъ.

Лондонъ. 20 Декабря, 1860 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола». Записки Александра Б. изданіе Д. Е. Кожанчикова. Санктпетербургъ. 1861.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какого вниманія отъ образованнаго общества въ правѣ ожидать себѣ книга г-на Б., заглавіе которой мы выписали въ началѣ. Не смотря на то, что въ нашей литературѣ, особенно духовной, явилось въ послѣднее время не мало сочиненій, касающихся той или другой стороны раскола, мы однако-же готовы счесть за самохвальство, если бы кто нибудь сказалъ, что онъ *знаетъ* расколъ, — знаетъ не внѣшній его обликъ, замѣтный и для не совсѣмъ наблюдательнаго глаза, а ту внутреннюю жизнь раскола, которая способна ускользнуть отъ самаго проницательнаго наблюдателя, и не узнавъ которой, едва ли можно и думать о направленіи этой жизни на лучшую, разумную, спасительную дорогу. Не споримъ, что нынѣ встрѣча съ людьми, которые могутъ сказать, что раскольники уважаютъ старыя книги, молятся двумя перстами, чтятъ осьмиконечный крестъ, и под.—не рѣдкость. Но едва ли найдется человѣкъ, который бы съумѣлъ разсказать вамъ вѣрно и отчетливо нравы и обычаи раскольниковъ, ихъ взглядъ на современное положеніе вещей, ихъ отношеніе къ правительству и церкви,—пружины, которыми движется

эта огромная машина, принципы, во имя которыхъ совершаются въ расколѣ иногда самыя поразительныя для сторонняго человѣка вещи, причины, по которымъ расколъ такъ устойчивъ въ своемъ statu, quo..., страданія и горе раскольниковъ, ихъ радости и надежды, симпатіи и антипатіи, вѣрованія и убѣжденія, — однимъ словомъ, тотъ заповѣдный міръ, въ которомъ вотъ уже два столѣтія живетъ расколъ не только вдали отъ образованнаго и движущагося впередъ общества, но и въ противорѣчіи его началамъ. А между тѣмъ, не зная всего этого, можно ли отыскать специфически-полезный пластырь для исцѣленія этого больнаго организма? А вѣдь пора подумать и объ этомъ. Два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ одна половина русскаго общества пошла одною дорогою, другая избрала себѣ особый путь. Силы разъединены, - потеря для общества ясна, какъ день.

Книга г-на Б., по своему предмету и задачѣ, представляетъ *первую* попытку — познакомить общество съ расколомъ, какъ онъ есть самъ въ себѣ. Она заключаетъ въ себѣ библіографическій разборъ сочиненій, писанныхъ раскольниками въ пользу раскола.

Нѣтъ нужды доказывать, что узнать духъ и сущность раскола во всей полнотѣ и обстоятельности, изучить его, такъ сказать, въ самомъ основаніи, проникнуть въ самую глубину старообрядства, можно не иначе, какъ чрезъ тщательное изученіе самыхъ его источниковъ, т. е. сочиненій, писанныхъ самими раскольниками. Всѣ голословныя положенія, въ какихъ обыкновенно сообщаютъ свѣдѣнія о старообрядствѣ, всѣ выдержки изъ сочиненій раскольническихъ, какія обыкновенно дѣлаются для этой цѣли, никогда не ознакомятъ съ расколомъ такъ, какъ могутъ ознакомить съ нимъ сочиненія самихъ расколь-

никовъ. Здѣсь часто самая маловажная, по видимому, черта, самая незначительная замѣтка, самое пустое сказаніе могутъ пролить на расколъ гораздо больше свѣта, чѣмъ всѣ самые многочисленные и разнообразные выводы и соображенія, какія дѣлаютъ иногда на основаніи этихъ сказаній. Мы не хотимъ этимъ сказать того, будто изученіе письменности раскольнической — *единственное* средство къ изученію раскола. Нѣтъ, хотя раскольники писали и пишутъ много, тѣмъ не менѣе есть не мало вещей въ расколѣ, которыя могутъ быть узнаны только личнымъ наблюденіемъ и близкимъ знакомствомъ съ самими раскольниками, потому что писать объ нихъ или неудобно или очень трудно. Но, не составляя *единственнаго* средства къ изученію раскола. знакомство съ письменностію раскольническою все-таки служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и надежныхъ къ этому пособій. Вотъ почему мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ трудъ г-на Б., хотя онъ знакомитъ насъ только «съ нѣкоторыми раскольническими сочиненіями.» Первый шагъ сдѣланъ; быть можетъ, найдутся лица, которыя въ состояніи будутъ продолжать начатое, и расколъ рано или поздно предстанетъ предъ нами безъ таинственнаго покрывала, подъ которымъ онъ прячется доселѣ.

Еще одно слово: авторъ «Описанія», высказывая цѣль, съ которою онъ издалъ въ свѣтъ свой трудъ, между прочимъ говоритъ: «читателямъ, ревнующимъ по расколѣ и способнымъ размышлять о немъ, это сочиненіе можетъ показать, какимъ баснямъ они обучаются, отрицаясь истиннаго благочестія (стр. 2)». Этимъ г. Б. хочетъ сказать, что обнародываніе письменности раскольнической, служа для лицъ православныхъ важнымъ средствомъ къ изученію раскола, можетъ быть полезно и для самихъ

раскольниковъ въ томъ отношеніи, что они, не видя въ книгахъ своихъ ничего, кромѣ басней, поймутъ свое заблужденіе и обратятся на истинный путь. Дай Богъ, чтобы такъ случилось, только мы сильно сомнѣваемся въ этомъ. Напротивъ, мы готовы даже раздѣлять опасеніе нѣкоторыхъ, чтобы печатное изданіе раскольническихъ сочиненій не послужило *на первыхъ порахъ* во вредъ нѣкоторымъ раскольникамъ, именно тѣмъ, которые доселѣ держались своихъ мнѣній по одному довѣрію къ своимъ наставникамъ, а теперь узнаютъ и самыя основанія для этихъ мнѣній. Да и самъ г. Б. говоритъ, что многія изъ разобранныхъ имъ сочиненій, даже для людей, только еще предрасположенныхъ къ принятію раскольническихъ мыслей, весьма и весьма опасны ([1]). Это впрочемъ не значитъ, будто по этому не нужно и выдавать въ свѣтъ сочиненій въ родѣ «Описанія», — пользу подобныхъ изданій мы уже указали, — а говоритъ только о томъ, что появленіе въ свѣтъ подобныхъ сочиненій *необходимо должно* вызвать болѣе усиленную дѣятельность въ пользу православія со стороны тѣхъ, на комъ лежитъ этотъ священный долгъ, и притомъ дѣятельность не только кабинетную, письменную, теоретическую, но и устную, живую, болѣе дѣйственную. Тогда раскольники, увидя несостоятельность *самыхъ основаній* своего ученія и притомъ *всѣхъ*, убѣдятся въ истинѣ скорѣе, чѣмъ теперь, когда часто нужно бываетъ дѣйствовать не на умъ ихъ, всегда готовый принять истину, коль скоро сознательно убѣдится въ ней, а просто на предубѣжденіе, всегда недовѣрчивое и рѣдко воспріимчивое къ мнѣнію противоположному. Впрочемъ мы были бы не искренни, если бы въ настоя-

---

([1]) См. книг. ч. I, стр. 14 ч. II, стр. 36 и 37.

щемъ своемъ замѣчаніи не сказали ничего болѣе, кромѣ того, что сказали. Въ вышеприведенныхъ словахъ г. Б. есть еще одна статья, на которую нельзя не обратить вниманія и потому, что она важна сама по себѣ, и еще болѣе потому, что она показываетъ взглядъ автора на расколъ, по которому г. Б. не видитъ въ немъ ничего, кромѣ *басней*. Странно было бы подробно опровергать такой взглядъ. Замѣтимъ только, что нужно имѣть много смѣлости и мало способности къ умозаключеніямъ, чтобы высказать такой взглядъ. *Многое* изъ того, что содержится въ книгахъ раскольническихъ и чему вѣрятъ раскольники, существовало въ нашей древней церкви, принималось тысячами нашихъ предковъ за истину, защищалось тоже, какъ истина, немалымъ числомъ нашихъ іерарховъ, предстоятелей церкви.... Сущность дѣла еще болѣе показываетъ несправедливость взгляда г-на Б. на расколъ. Нужно только прочитать внимательно и съ обсужденіемъ напр. разобранное въ «Описаніи» сочиненіе, подъ названіемъ: «Брачное Врачевство».,—чтобы увѣриться въ справедливости этой мысли. Наконецъ, высказанный г-мъ Б. взглядъ на расколъ рѣшительно не мирится съ его дальнѣйшими замѣтками, какія онъ высказываетъ по поводу того или другаго сочиненія. Для примѣра указываемъ на слѣдующее мѣсто изъ «Описанія»: «эти четыре сочиненія (Діаконовы вопросы и отвѣты, отвѣты Софонтіевскіе и Поморскіе) составляютъ одинъ трудъ самой способной, между расколоучителями, головы (послѣ мы увидимъ, что это неправда), трудъ, выработанный годами, получившій въ исторіи раскола значеніе первостепенное, до сихъ поръ служащій для защитниковъ раскола обильнымъ источникомъ средствъ этой защиты, трудъ, противъ котораго всякій изъ обличителей раскола старался сказать

и не могъ не сказать что-либо и *никто еще не исчерпалъ все его содержаніе* (¹)», т. е. никто еще не опровергъ всѣхъ положеній, высказанныхъ раскольниками въ указанныхъ сочиненіяхъ. Подобныхъ замѣчаній и даже такихъ: «это одно изъ разумнѣйшихъ старообрядческихъ сочиненій (²)» въ «Описаніи» не мало, и всѣ они ясно показываютъ, что г. Б. или составлялъ свое предисловіе, не зная еще сочиненій, о которыхъ брался писать, или просто хотѣлъ щегольнуть фразой, не вникая хорошо въ ея смыслъ. Съ послѣднимъ мы болѣе согласны; и потому-то позволили себѣ ограничиться при разборѣ этой фразы самыми краткими замѣтками.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній, высказанныхъ нами по поводу «Описанія,» обратимся теперь къ частнымъ замѣткамъ о самомъ трудѣ г-на Б.

Предметъ «Описанія,» какъ мы уже замѣчали и какъ видно изъ самаго «Описанія,» составляютъ «сочиненія, написанныя глаголемыми старообрядцами въ защиту старообрядства, какъ историческія, такъ и учительныя или обличительныя, касаются ль они всего старообрядства (такихъ, сколько мы знаемъ, и нѣтъ), или только отдѣльной какой-либо его части», не всѣ изъ раскольническихъ сочиненій, а только тѣ, «какія были у автора подъ руками». Было бы несправедливо указывать, какъ сдѣлала это Сѣверная Пчела (№ 41, 1861 г.), на то, почему г. Б. не разобралъ въ своемъ «Описаніи» всѣхъ раскольническихъ сочиненій, которыхъ, замѣтимъ, у нихъ тысячи; но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что г. Б. не выполнилъ своего обѣщанія. Кромѣ разобранныхъ сочи-

(¹) Ч. II, стр. 304.
(²) Тамъ же, стр. 328.

неній, онъ имѣлъ (какъ увидимъ это послѣ) подъ руками и другія, и даже болѣе важныя многихъ разобранныхъ, заимствовалъ изъ нихъ нѣсколько свѣдѣній, но разбора этихъ сочиненій въ книгѣ мы не находимъ. Отъ чего это произошло, знаетъ только г. Б.

Порядокъ, въ какомъ разобраны въ «Описаніи» сочиненія раскольническія, слѣдующій: сначала рѣчь о сочиненіяхъ историческихъ, за тѣмъ—во второй части—разсматриваются сочиненія учительныя или обличительныя. Въ каждой изъ этихъ частей сочиненія разсматриваются въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ. Мы не можемъ согласиться, чтобы избранный г-мъ Б. порядокъ расположенія частей былъ вполнѣ удаченъ. Не споримъ, что при такомъ порядкѣ въ книгѣ представляется болѣе научности и логическихъ пріемовъ; но изъ-за этой формы теряетъ сущность дѣла, которую прежде всего и нужно имѣть въ виду. Кромѣ того, что такое расположеніе частей неудобно и почти даже невозможно, потому что *большая часть* раскольническихъ сочиненій (какъ видно изъ самаго «Описанія») имѣютъ содержаніе смѣшанное-историческое и догматическое вмѣстѣ,—при подобномъ дѣленіи трудно, если не невозможно, о каждомъ писателѣ, сочиненія котораго входятъ въ «Описаніе,» составить *полное* понятіе, такъ какъ разныя по содержанію сочиненія одного и того же лица должны въ такомъ случаѣ разсматриваться въ разныхъ мѣстахъ и не въ одно время,—тѣмъ болѣе трудно прослѣдить, какъ развивалось какое-либо ученіе у того или другаго писателя, въ сочиненіяхъ его, написанныхъ въ разныя времена; а безъ этого можно ли составить о какомъ-либо писателѣ понятіе даже *вѣрное?* Этимъ мы и объясняемъ нѣкоторые промахи, допущенные г-мъ Б., при обрисовкѣ того или

другаго раскольническаго писателя, а равно и ненужныя повторенія. По нашему мнѣнію, всего лучше сочиненія, написанныя однимъ лицемъ, и разсматривать въ одномъ мѣстѣ,—въ порядкѣ времени, въ которое они появлялись на свѣтъ. Не споримъ, что и при этомъ можетъ быть *неполнота* въ свѣдѣніяхъ о писателѣ, но эта неполнота произойдетъ только или отъ неумѣнья сочинителя воспользоваться всѣми данными для своей цѣли, или отъ недостатка самыхъ данныхъ. Впрочемъ и самъ г. Б. не строго держится указаннаго порядка въ своемъ «Описаніи». Отъ того въ числѣ учительныхъ сочиненій можно встрѣтить сочиненія чисто историческаго содержанія. Подтвержденіе на это мы представимъ ниже.

Хронологія въ «Описаніяхъ,» подобныхъ разсматриваемому, вещь, по нашему мнѣнію, весьма важная. Чѣмъ лучше съумѣетъ авторъ расположить разбираемыя сочиненія въ приблизительно-хронологическомъ порядкѣ, тѣмъ больше будетъ выигрывать сущность дѣла. Это потому, что задача «Описанія,» какъ думаемъ мы, должна состоять не въ томъ только, чтобы ознакомить насъ съ письменностію раскольническою и съ ея содержаніемъ, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на основаніи самыхъ источниковъ раскола показать, какъ и подъ какими вліяніями расколъ, слабый и малоразумный въ началѣ, развивался съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, пріобрѣталъ новыя силы, мужалъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ становился сознательнѣе, тверже, непобѣдимѣе. Все это, какъ всякій знаетъ, было въ расколѣ и есть, и это-то самая интересная сторона его, съ которою познакомиться мы можемъ только въ томъ случаѣ, когда прослѣдимъ за письменностію раскольническою шагъ за шагомъ, отъ начала до конца, въ той постепенности, съ какою про-

исходили въ расколѣ самыя событія. Къ сожалѣнію, авторъ «Описанія» смотрѣлъ на хронологію съ другой точки зрѣнія. Онъ расположилъ раскольническія сочиненія въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ только *для порядка*, не имѣя въ виду указанныхъ соображеній. Отъ того въ «Описаніи» г-на Б. такой формализмъ, столько сухости самой мертвой, что нужно имѣть много терпѣнія, чтобы со вниманіемъ прочитать его книгу. А между тѣмъ можно было бы вложить въ этотъ мертвый матеріалъ живую мысль, если бы къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ г. Б. присоединялъ еще свѣдѣнія напр. о томъ, какъ тѣ пункты ученія старообрядческаго, которые явились съ самаго начала раскола, разнообразились при дальнѣйшемъ развитіи старообрядства и принимали особенные оттѣнки у разныхъ расколоучителей,—если бы при разборѣ каждаго новаго (слѣдующаго по порядку времени) сочиненія онъ показалъ его связь по содержанію (преимущественно въ ученіи) съ сочиненіями предшествовавшими, и то, что содержится въ немъ особеннаго въ этомъ отношеніи, выставилъ на видъ, какъ новость, и въ тоже время объяснилъ причину появленія этой новости, а равно и отношеніе ея къ ученію, какое существовало въ расколѣ до появленія въ свѣтъ того или другаго сочиненія. Не споримъ, что это—трудъ нелегкій, но за то онъ былъ бы болѣе живой и полезный. Впрочемъ мы благодарны г-ну Б. и за тѣ свѣдѣнія, какія онъ сообщаетъ о разсматриваемыхъ имъ сочиненіяхъ въ своемъ «Описаніи». А эти свѣдѣнія такого рода: «о каждомъ сочиненіи—прежде: А) свѣдѣнія касательно внѣшней его стороны, именно, свѣдѣнія объ историческихъ обстоятельствахъ сочиненія: а) его писателѣ, о тѣхъ особенно обстоятельствахъ жизни писателя, которыя сопро-

вождали на свѣтъ появленіе его сочиненія; б) о мѣстѣ и времени написанія сочиненія; в) побужденіяхъ къ написанію и назначеніи сочиненія; г) о впечатлѣніи и вліяніи, какія сочиненіе произвело или можетъ производить,—потомъ,—Б) свѣдѣнія касательно внутренней стороны сочиненія, именно, свѣдѣнія: а) о главномъ предложеніи, главной мысли или идеѣ сочиненія; б) его планѣ; в) выдержанности того и другаго—идеи и плана въ отдѣльныхъ частяхъ сочиненія; г) обстоятельности каждой изъ частей; д) общемъ характерѣ, языкѣ и замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ сочиненія, наконецъ, е) о значеніи сочиненія въ отношеніи къ старообрядству» (1). «Разумѣется, *всѣ* эти свѣдѣнія, замѣчаетъ авторъ, будутъ сообщаемы тамъ, *гдѣ это возможно*». И оказалось, что почти *нигдѣ невозможно*. За чѣмъ же послѣ этого было и обѣщать невозможное, или, по крайней мѣрѣ, трудно исполнимое? Соблюдена форма, наставлено много буквъ, указано много рубрикъ... схоластическое направленіе автора достаточно высказалось.

На первомъ мѣстѣ стоитъ въ «Описаніи» сочиненіе, подъ названіемъ: «Житіе Протопопа Аввакума», писанное самимъ же Аввакумомъ. Касательно представленнаго г-мъ Б. разбора этого сочиненія можно замѣтить, что авторъ не довольно разъяснилъ отношенія Аввакума къ современному обществу московскому и особенно къ боярамъ, а отношенія эти были значительны и близки и многое могутъ объяснить въ жизни протопопа. Кромѣ того, многое высказываетъ здѣсь авторъ голословно, безъ ясныхъ доказательствъ. Напр. г. Б. говоритъ, что приступъ «Житія» представляетъ въ себѣ «совершенное от-

---

(1) Ч. I, стр. 1 и 2.

сутствіе порядка и логическаго смысла», что онъ «нелѣпъ» (¹). Читатель, не прочитавъ подлинныхъ словъ приступа (они не приведены въ «Описаніи»), остается въ недоумѣніи, правда ли это, такъ какъ разнаго рода выдержки изъ «Житія» показываютъ, что Аввакумъ мыслилъ довольно правильно и писалъ довольно искусно. Да и самъ сочинитель говоритъ, что Аввакумъ, «какъ показываетъ его жизнь и особенно сочиненія, имѣлъ умъ отъ природы замѣчательный, развитый чтеніемъ многихъ памятниковъ тогдашней письменности» (²). Съ этимъ отзывомъ трудно мирится отзывъ сочинителя о приступѣ «Житія». Положимъ, что, «по недостатку образованія систематическаго», Аввакумъ могъ «вдаваться въ величайшія крайности, странности и противорѣчія, способенъ былъ писать нелѣпости, подобныя письмамъ его о святой Троицѣ, о Христовомъ воплощеніи и во адъ сошествіи;» но все это больше касается убѣжденій Аввакума, чѣмъ способности его писать со смысломъ. Этимъ мы не отвергаемъ въ Аввакумѣ возможности написать нелѣпость (область возможности слишкомъ обширна), а только указываемъ на то, что упрекъ сочинителя Аввакуму касательно приступа «Житія» намъ представляется голословнымъ. Конечно, слушатели въ аудиторіи, для которыхъ и писались записки г-на Б. (предисл.), могли повѣрить ему на-слово; но всѣхъ трудно заставить быть въ роли довѣрчиваго ученика. Кромѣ указанныхъ недостатковъ, намъ представляется самая характеристика Аввакума, начертанная «неокрѣпшею рукою» г-на Б., не довольно опредѣленною и даже не довольно вѣрною. По-

(¹) Тамъ же стр. 14.
(²) Тамъ же стр. 8.

ложимъ, что Аввакумъ «характеръ имѣлъ въ высшей степени порывистый и въ тоже время непреклонный,» что онъ «былъ помѣшанъ на своей мнимой святости ([1]), на своихъ страданіяхъ за вѣру отцевъ, на вѣрѣ въ высшее свое призваніе;» но мы не понимаемъ, какъ все это «было причиною и всѣхъ его поступковъ дерзкихъ, невыносимыхъ для другихъ, и всѣхъ его несчастій «еще въ молодости до столкновенія его съ п. Никономъ» ([2]), когда ничто не вызывало Аввакума на такое самомнѣніе, кромѣ развѣ его священническаго и затѣмъ протопопскаго сана. Напр. въ Юрьевцѣ Повольскомъ Аввакума едва не убили; но это несчастіе приключилось ему не за вѣру его въ высшее призваніе, а просто потому, что онъ, по обязанности пастыря, сталъ укорять жителей Юрьевца въ распутствѣ ([3]); за подобную же ревность пастырскую пострадалъ Аввакумъ и на первомъ своемъ мѣстѣ, именно за то, что однажды «скоморохомъ пришедшимъ съ медвѣдями онъ хари и бубны изломалъ.» Не споримъ, что средство вразумленія—слишкомъ сильное; но нужно не знать времени, въ которое жилъ Аввакумъ, чтобы строго осуждать его за это. Всѣ эти и другія столкновенія Аввакума съ разными лицами г. Б. объясняетъ «неугомонностію» или неуживчивостію Аввакума и видитъ въ этомъ дурную сторону его характера. А на основаніи сей-часъ сказаннаго нами можно объяснить дѣло и иначе, именно,—добросовѣстнымъ исполненіемъ Аввакумомъ пастырскихъ обязанностей, что не нравилось его

([1]) Авторъ забылъ, что въ «книгѣ на крестоборную ересь» Аввакумъ подробно развиваетъ мысль, что онъ—«человѣкъ грѣшенъ, безобразенъ, безславенъ»... ч. II, стр. 4.

([2]) Ч. II, стр 8—9.

([3]) Тамъ же стр. 11.

пасомымъ, не отличавшимся, какъ видно, особенною чистотою нравовъ. Вообще подъ перомъ г-на Б. Аввакумъ выходитъ чѣмъ-то только мрачнымъ и тяжелымъ, а между тѣмъ были и хорошія стороны въ этой замѣчательной личности. Напр. развѣ можно было пропустить безъ вниманія слѣдующія замѣчательныя слова Аввакума, справедливость которыхъ несомнѣнна: «егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много..., не почивая, азъ, грѣшный, прилѣжа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градамъ и селамъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію» (¹)?

О слѣдующихъ за тѣмъ въ «Описаніи» сочиненіяхъ старца Авраамія и діакона Ѳеодора нельзя сказать ничего, кромѣ развѣ того, что не было нужды «Вопросъ и Отвѣтъ старца Авраамія» (сочиненіе историческое) отдѣлять отъ другаго его сочиненія—«Посланія къ Нѣкоему Боголюбцу» (сочиненія учительнаго), когда изъ того и другаго авторъ привелъ мѣста, содержащія *одно и тоже ученіе* объ антихристѣ (²), и что изъ сочиненій Ѳеодора діакона разсмотрѣны г-мъ Б. только печатныя его произведенія, самыя ничтожныя по содержанію, а о другихъ, существующихъ въ рукописяхъ, болѣе замѣчательныхъ и болѣе хактеристичныхъ, нѣтъ ни слова, хотя *можно* было бы сказать что либо и объ нихъ, если бы даже этихъ сочиненій не было подъ руками у г-на Б. Въ Православномъ Собесѣдникѣ (за іюль и августъ 1859 г.) была довольно подробная рѣчь объ этомъ предметѣ, равно какъ

(¹) Ч. I, стр. 10.
(²) Тамъ же стр 20 и 21; срав. ч. II, стр. 58—61.

была рѣчь и объ Аввакумѣ (май и авг. 1858 г.), на что авторъ «Описанія» также не обратилъ вниманія, хотя это было бы очень пригодно ему при составленіи характеристики Аввакумовой.

Содержаніе «Исторіи» Саввы Романова, довольно извѣстное уже по другимъ сочиненіямъ о расколѣ ([1]), изложено въ «Описаніи» подробно, большею частію подлинными словами Саввы, но и не безъ пропусковъ; въ концѣ прибавлено нѣсколько замѣчаній, не новыхъ, но дѣльныхъ. Въ разборѣ «Исторіи Соловецкой» прежде всего бросается въ глаза непомѣрная растянутость въ изложеніи жизни Семена Денисова,—тѣмъ болѣе утомительная, что все это изложено подлинными словами «Исторіи Выговской Пустыни.» Ужели г-нъ Б. думаетъ, что онъ дѣлаетъ большое одолженіе наукѣ и публикѣ, когда вмѣсто того, чтобы сказать, что Семенъ Денисовъ, по возвращеніи своемъ изъ Шунги, куда онъ былъ взятъ на допросъ Самаринымъ, былъ принятъ выговцами съ радостію, которую выражали они пѣніемъ молебновъ, и, по праву настоятеля, обозрѣвалъ всѣ подчиненныя ему мѣста и лица, сопровождая свои посѣщенія приличными наставленіями, — начинаетъ разглагольствовать слѣдующимъ образомъ: «когда пріѣхалъ онъ въ свой монастырь, вси братія срѣтоша его у монастыря, и шедше въ часовню, совершили молебное пѣніе, и Симеонъ поучалъ братію», затѣмъ онъ отправился «на коровій дворъ», и «вси» здѣшніе обитатели «срѣтоша его у вратъ и поклонишася, радостными слезами радуясь, и, пришедше въ часовню, пѣша молебное пѣніе, и воздаша ему поздрав-

([1]) Ист. Р. раск. Пр. Мак. стр. 240—258 изд. 2-е.

леніе; и поучивъ ихъ довольно, онъ съѣхалъ на Лексу,— и тамо братія срѣтоша его и возрадовашася радостію великою, и, шедше въ часовню, пѣша молебенъ, и Симеонъ даде всѣмъ поздравленіе и поучи братію довольно; и шедъ въ больницу, посѣти всѣхъ больничныхъ и на одрѣ лежащихъ, и поучи ихъ!?» ([1]) и т. д. Ивану Филипову, писателю Исторіи Выговской Пустыни, изъ которой и взяты эти выписки, еще простительно подобное многословіе; но въ авторѣ «Описанія» оно необъяснимо. А таковы по языку почти всѣ историческія свѣдѣнія, сообщаемыя г-мъ Б. о жизни раскольническихъ писателей. Вмѣсто себя онъ заставляетъ говорить другихъ. — Въ концѣ разбора исторіи Соловецкой есть нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Денисовымъ. Хотя большая часть этихъ замѣчаній нерѣдко *буквально сходны* съ подобными же замѣчаніями въ прежде изданныхъ сочиненіяхъ ([2]); тѣмъ не менѣе они составляютъ лучшую часть разбора Исторіи. Тоже самое нужно сказать и о разборѣ другаго сочиненія Семена Денисова, именно: «Винограда Россійскаго». И здѣсь указаны и опровергнуты авторомъ «Описанія» ложныя свѣдѣнія, передаваемыя Денисовымъ, опровергнуты дѣльно, но опять сходство многихъ изъ замѣчаній г-на Б. съ подобными же критическими замѣтками прежде изданныхъ книгъ—изумительное ([3]). Есть впрочемъ и различіе.

([1]) Ч. I, стр. 85; см. также стр. 88.

([2]) Сравн. «Опис.» ч. I, стр. 111—121, §§ 1, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 13, 15, 16 и др. съ Ист. русск. раскола Пр. Макар. стр. 234 — 239, изд. 2-е.

([3]) См. «Опис.» ч. 1. стр. 155—157; снес. Ист. Русск. раск стр. 204 210—211; Ист. Др. и нст. Прав. Хр. Церк. — Высокопреосв. Григ. ч. II, стр. 304—5, изд. 1855 г.

Напр. преосвященный Григорій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи указываетъ, какъ на клевету Денисова и ложь, на слѣдующее извѣстіе Винограда Россійскаго, будто Варлаамъ митрополитъ ростовскій, проживавшій въ Москвѣ во время смерти п. Іосифа, предвидя въ Никонѣ «мятежника и смутителя всероссійскаго, хотящаго новинами поколебати св. Церковь», молился Богу, чтобы Онъ не далъ ему увидѣть Никона, когда тотъ возвращался изъ Соловецкаго монастыря съ мощами святителя Филиппа, для срѣтенія которыхъ нужно было выдти Варлааму, и будто, по молитвѣ Варлаама, Господь сотворилъ слѣдующее знаменіе: «у митрополита Варлаама, мало Никону не дошедшу, подломишася нозѣ, и онъ, на рукахъ поддержащихъ его двухъ архидіаконовъ, предаде свою душу Господеви», — тогда какъ Варлаамъ скончался за день до внесенія св. мощей въ Москву. Г-нъ Б. почему-то не обратилъ вниманія на этотъ вымыслъ Денисова. Или онъ считаетъ извѣстіе Денисова справедливымъ? Ничего не говоритъ также авторъ «Описанія» о разсказѣ Денисова касательно первой встрѣчи Никона съ м. Аѳоніемъ, предшественникомъ Никона на новгородской каѳедрѣ, а этотъ разсказъ замѣчателенъ.

Въ разборѣ «Житія Инока Корнилія» прежде всего бросается въ глаза *излишнее* желаніе г-на Б. показать свое знакомство съ раскольническими сочиненіями, желаніе, окончившееся многословіемъ. Опредѣляя время написанія «Житія», авторъ «Описанія» говоритъ: «Иванъ Филиповъ, написавшій «Исторію Выговской Пустыни» не позже 1740 года, въ этой исторіи своей выражается о «Житіи Корнилія», какъ уже написанномъ и извѣстномъ между его читателями (гл. 7). Изъ первой главы «Жи-

тія» видно, что оно написано, когда настоятели выговскаго общежительства Даніилъ былъ еще живъ (нач. гл. 7), а Андрей Денисовъ уже умеръ, т. е. между 1730 годомъ смерти Андрея и 1737 годомъ смерти Даніила. А въ шестой главѣ *прямо* говорится, что «повѣсть сія описася лѣта 7239—1731» (гл. 8) ([1]). Отъ чего жъ бы и не сказать *прямо*, что «Житіе Корнилія» написано 1731 года? Разбирая нѣкоторыя ложныя извѣстія, находящіяся въ «Житіи», въ опроверженіе мысли, будто Никонъ, будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, уже слагалъ персты по новому и въ доказательство того, что Никонъ слагалъ персты по старому, будучи еще патріархомъ, авторъ ссылается на слово отвѣщательное, находящееся въ Скрыжали (стр. 180). Зная, какъ мало раскольники вѣрятъ этой книгѣ, не худо было бы указать на свидѣтельство болѣе убѣдительное для старообрядцевъ. И такое свидѣтельство г-нъ Б. могъ и долженъ былъ знать, перечитывая Виноградъ Россійскій, въ которомъ говорится, что Никонъ только съ 1654 г. началъ «триперстное сложеніе въ крестномъ знаменіи износити» и только въ 1655 году утвердилъ это «новшество», какъ «*догматъ*». Есть еще неточныя указанія. Напр. на стр. 181 говорится, что въ «Житіи Корнилія» есть между прочимъ сказаніе о пребываніи патріарха іерусалимскаго Ѳеофана въ Москвѣ, и въ подтвержденіе этого авторъ указываетъ на 5 гл. «Житія», а при изложеніи содержанія 5-й главы (стр. 172) объ этомъ нѣтъ ни слова; находится же это извѣстіе въ 4-й главѣ (стр. 171).

Въ концѣ разбора «Повѣсти» о Никонѣ авторъ «Описа-

([1]) «Описан.» ч. I, стр. 167—8.

нія», по принятому плану, помѣстилъ нѣсколько очень дѣльныхъ замѣтокъ о ложныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ «Повѣстію.» Но основанія для нѣкоторыхъ замѣтокъ приведены г-мъ Б. не вполнѣ удовлетворительныя. Такъ, говоря, что въ «Повѣсти» извѣстіе о томъ, будто Никонъ, будучи еще священникомъ, переселился въ Москву «для непостоянства жены своея», — не справедливо, г-нъ Б. замѣчаетъ: «на дѣлѣ Никонъ перемѣстился въ Москву, по предложенію московскихъ купцовъ, которые, узнавъ о пастырскихъ добродѣтеляхъ его и благочестія, приходили къ нему принять его благословеніе и сдѣлали ему это предложеніе, въ слѣдствіе чего онъ и перемѣстился съ своею супругою (¹).» Въ доказательство справедливости своихъ словъ, авторъ «Описанія» ссылается на 315 стр. 1-й ч. исторіи Берха: «Царствованіе Алексѣя Михаиловича». Не знаемъ, по какому изданію сдѣлалъ этотъ цитатъ г-нъ Б., но въ изданіи 1831 года въ первой части указанной исторіи только 314 страницъ. Да и во всей исторіи Берха нѣтъ этого извѣстія, а есть только замѣтка такого рода: «достигши до званія священника, прожилъ онъ (Никонъ) въ Москвѣ 10 лѣтъ и разведясь вдругъ съ женою своею, ушелъ въ Анзерскій скитъ» (²). Кромѣ того есть въ «повѣсти» ложныя сказанія, на которыя авторъ «Описанія» не обратилъ вниманія. Напр. по «Повѣсти» «Господеви Богу попустившу за многія грѣхи возведенъ бываше Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ на престолъ великоновгородской митрополіи». Между тѣмъ, по свидѣтель-

(¹) Ч. I, стр. 191.
(²) Ч. I, стр. 76.

ству нѣкоторыхъ изслѣдователей раскола, Никонъ былъ посвященъ въ новгородскаго митрополита іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, бывшимъ въ это время въ Москвѣ ([1]). Нужно было бы разъяснить этотъ вопросъ, а между тѣмъ г-нъ Б. вовсе не упомянулъ объ этомъ извѣстіи «Повѣсти»,—даже при изложеніи ея содержанія ([2]). Равнымъ образомъ не обращено вниманія авторомъ «Описанія» на разсказъ «Повѣсти» о взглядѣ на Никона ростовскаго митрополита Варлаама и о смерти послѣдняго,—разсказъ, похожій на повѣствованіе о томъ же предметѣ Денисова въ «Россійскомъ Виноградѣ». Наконецъ есть въ «Повѣсти» сказаніе, которое, по своей важности, могло бы быть замѣчено и выставлено на видъ, тогда какъ г-нъ Б. только вскользь упомянулъ объ немъ ([3]), при изложеніи общаго содержанія «Повѣсти»,—сказаніе о томъ, что, когда Никонъ еще въ Новгородѣ сталъ вводить въ церковное употребленіе «партесное многоусугубляемое пѣніе»,—ему сочувствовалъ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ самихъ сподвижниковъ Іосифовскихъ, именно, духовникъ царскій, Стефанъ Вонифатьевъ.

Въ разборѣ «Исторіи Выговской Пустыни» обратили наше вниманіе слѣдующія слова автора «Описанія»: «на всѣ событія Филиповъ (писатель исторіи) смотритъ съ своей точки зрѣнія, и изображаетъ ихъ пристрастно, односторонне: напр. въ разсказѣ о разглагольствіи выговскихъ пустынножителей съ іеромонахомъ Неофитомъ, выговцы представлены торжествующими, а іеромонахъ

([1]) Ист. Русск. Раск. Преосв. Мак. стр. 182, изд. 2-е. Жизнеописаніе Никона сост. арх. Аполл. стр. 15.
([2]) Ч. I, стр. 186.
([3]) Ч. I, стр. 187.

разбитымъ и посрамленнымъ на всѣхъ пунктахъ. Но повѣрить эти разсказы и показать ихъ односторонность, по недостатку записей отъ лица православныхъ, невозможно ([1]).» Послѣ этого на какомъ же основаніи г. Б. заподозриваетъ Филипова, какъ писателя, въ пристрастіи и односторонности?... Въ разсказѣ Филипова о разглагольствіи выговцевъ съ іеромонахомъ Неофитомъ, по нашему мнѣнію, не видно пристрастія Филипова къ своей сторонѣ. Неофитъ дѣйствительно оказался несостоятельнымъ предъ выговцами *послѣ* того, какъ они представили ему свои «Отвѣты»; а о событіяхъ *до* этого времени Филиповъ говоритъ, не скрывая слабыхъ сторонъ своихъ собратій, напр. того, что выговцы до составленія Отвѣтовъ отговаривались явиться къ Неофиту на состязаніе изъ опасенія быть побѣжденными.

Говоря о жизни Ивана Алексѣева, писателя «Исторіи о Бѣгствующемъ Священствѣ», авторъ «Описанія» между прочимъ замѣчаетъ: «въ сочиненіяхъ Ивана Алексѣева мы встрѣчаемъ слѣдующіе крайніе годы его жизни (изложеніе которой, прибавимъ, растянуто г-мъ Б. длиннѣе, кажется, самой жизни): самый ранній 1728, когда Алексѣевъ былъ въ поморскихъ странахъ и сносился съ Андреемъ и Симеономъ Денисовыми по нуждѣ о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и когда онъ долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ около 20 лѣтъ жизни; самый поздній 1758, когда Алексѣевъ написалъ свое «Обличительное Слово на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ ([2]).» Здѣсь г-мъ Б. допущены двѣ неточности. Во первыхъ: «Обличительное Слово», какъ значится въ концѣ его и

([1]) Тамъ же стр. 260.
([2]) Ч. I, стр. 271.

какъ замѣтилъ объ этомъ (¹) самъ г. Б., «написася лѣта 7267, декабря 10»; а это значитъ въ 1759, а не 58 году. Во вторыхъ: г. Б. говоритъ (²), что сочиненіе «О Тайнѣ Брака», принадлежащее тому же Ивану Алексѣеву, явилось на свѣтъ «лѣта міра бытія 7270, октября», т. е. въ 1762 году. Отъ чего же авторъ «Описанія» оставилъ эту справедливую замѣтку безъ вниманія и *самымъ позднимъ* годомъ жизни Алексѣева назначилъ 1758 годъ? Можетъ быть, г. Б. сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли сочиненіе «О Тайнѣ Брака» есть произведеніе пера Алексѣева? Но во-первыхъ, такое предположеніе не мирится съ высказанными г-мъ Б. объ этомъ предметѣ мыслями (³); во-вторыхъ, тогда и «Обличительное Слово» нельзя будетъ съ рѣшительностію приписать Алексѣеву, потому что всѣ основанія, по которымъ г. Б. считаетъ его произведеніемъ Алексѣева, тѣсно связаны съ книгою «О Тайнѣ Брака» (⁴); значитъ, тогда нельзя было бы указать и на 1758 годъ, какъ самый поздній въ жизни Алексѣева. Съ цѣлію исправить неточность, мы замѣтимъ, что по свидѣтельству позднѣйшихъ раскольничоскихъ писателей (Павла Любопытнаго) и книга «О Тайнѣ Брака» и «Слово Обличительное» несомнѣнно принадлежатъ Алексѣеву, что по свидѣтельству того же Павла Любопытнаго, Алексѣевъ былъ стародубскій государственный крестьянинъ и «скончался честно въ Стародубѣ 1776 года, отъ рожденія своего 67 лѣтъ (⁵).» Значитъ, родился

(¹) Стр. 270.
(²) Тамъ же.
(³) Стр. 265—6, 272.
(⁴) Стр. 270.
(⁵) «Каталогъ или библіотека писателей старовѣрч. церкви и всѣхъ ихъ твореній»—Павла Любопытнаго; его же—«историч. словарь старовѣрч. церкви»,— рукоп. моей библіот. №№ 18 и 21.

Алексѣевъ въ 1709 году и, находясь въ поморскихъ странахъ въ 1728 году, дѣйствительно имѣлъ отъ роду около 20 лѣтъ.

Съ отзывомъ г-на Б. объ Иванѣ Алексѣевѣ мы вполнѣ согласны, и даже готовы сказать объ Алексѣевѣ, какъ писателѣ, еще болѣе хорошаго, чѣмъ сколько сказано о немъ авторомъ «Описанія.» Дѣйствительно, это былъ человѣкъ «съ огромною начитанностію», замѣчательнѣйшихъ природныхъ дарованій, правда, безъ школьнаго, систематическаго образованія, тѣмъ не менѣе способный писать умно, бойко, послѣдовательно и логично, разумѣется, не безъ промаховъ, но это — недостатокъ, нечуждый никому. Жаль только, что г. Б., имѣя подъ руками *многія* сочиненія Алексѣева, ограничился, вопреки своимъ словамъ, разборомъ одной только его «Исторіи о Бѣгствующемъ Священствѣ»,—сочиненія, нужно сказать, менѣе другихъ замѣчательнаго. Другое дѣло—книга Алексѣева «О Тайнѣ Брака», а равно и мелкіе трактаты его, перечисленные въ «Описаніи» (¹). Тутъ Алексѣевъ рисуется весь, со всѣми своими особенностями, съ умомъ довольно свѣтлымъ и здравымъ, съ начитанностію громадною, съ извѣстною мѣрою безпристрастія, такъ что, вопреки собственной наклонности къ безбрачію, вопреки укоренившемуся издавна у безпоповцевъ (особенно у ѳедосѣевцевъ) обычаю—жить безбрачно,—онъ защищаетъ бракъ, какъ дѣло святое, законное и необходимое, — съ своимъ раціоналистическимъ (это рѣдкость) взглядомъ на вещи, по которому онъ не нашелъ дерзкимъ сказать, что Евангеліе, ученіе Христа и Апостоловъ (древ-

---

(¹) — Стр. 262.

нихъ стариковъ, по выраженію Алексѣева), ученіе древней Церкви, выразившееся въ соборныхъ опредѣленіяхъ и писаніяхъ св. Отцевъ, вотъ истинный источникъ и критерій истины. А *старикамъ* раскольническимъ можно и нужно вѣрить только тогда, когда они учатъ согласно съ указанными авторитетами (въ «Словѣ Облич.»). У кого изъ раскольническихъ писателей можно встрѣтить такой въ этомъ родѣ прямой и свободный, не подавленный предразсудками и привязанностію къ своимъ домашнимъ до-никоновскимъ авторитетамъ, образъ мыслей? Здѣсь же, въ оставленныхъ безъ разбора сочиненіяхъ Алексѣева, можно было бы найдти и гораздо больше мыслей, пригодныхъ для православнаго обличителя раскола, (напр. сочиненія Алексѣева: «о Власти Преосвященнаго Чина», «о Вѣчности Священства Христова»,—въ которыхъ онъ доказываетъ важность и необходимость въ церкви епископовъ, цѣликомъ могутъ идти въ обличеніе поповцевъ), а равно и свѣдѣній о внутренней жизни нѣкоторыхъ, какъ безпоповщинскихъ (напр. ѳедосѣевцевъ въ книгѣ «О Тайнѣ Брака» и въ «Словѣ Обличит.»), такъ и поповщинскихъ толковъ (напр. въ сочиненіи: «о Истинной Церкви доказательства, кую и врата адовы одолѣти не могуть», особенно же въ отвѣтѣ «Мужу Честному, приславшему къ намъ четыре вѣкія вопросы»). Повторяемъ, это слишкомъ замѣтный пропускъ, и мы не можемъ даже объяснить себѣ, почему г. Б. позволилъ себѣ оставить безъ разбора указанныя сочиненія Алексѣева, когда у него достало терпѣнія описать напр. челобитныя Никиты, Лазаря, Соловецкую, и мало замѣчательныя сами по себѣ, и довольно извѣстныя по печатнымъ книгамъ, въ которыхъ эти челобитныя опровергаются,—или напр. «Сло-

во о Мученикахъ (¹)», не представляющее ничего новаго сравнительно съ прежде разобранными сочиненіями. А вѣдь съ Алексѣева начался въ безпоповщинѣ новый періодъ развитія нѣкотораго ученія, напр. о бракѣ. Эти-то моменты въ расколѣ всего болѣе и важны, по нашему мнѣнію.

Въ сужденіи автора «Описанія» о Герасимѣ Фирсовѣ, писателѣ «Посланія къ Брату смиреннаго инока» (ч. II), намъ кажется, больше строгости, чѣмъ правды. «Въ собственныхъ соображеніяхъ сочинителя, говоритъ авторъ «Описанія», дѣльнаго нѣтъ ничего: личныя сужденія его о смыслѣ, важности и особенно *подлинности* свидѣтельствъ (которыя привелъ Фирсовъ въ подтвержденіе своего ученія о сложеніи перстовъ) весьма шатки (²)». Съ послѣднимъ мы согласны, хотя не можемъ не замѣтить, что требованіе критической оцѣнки древнихъ памятниковъ отъ простаго старца соловецкой обители, жившаго въ XVII вѣкѣ, едвали справедливо, когда мы знаемъ, что и болѣе видныя и болѣе образованныя личности этого времени отказывались опредѣлять *подлинность* того или другаго древняго сочиненія. Не забудемъ, что самъ московскій соборъ 1667 года, касаясь напр. Стоглава (книги), ничего не сказалъ о его подлинности, а только опредѣлилъ: «соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макарія митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, еже писано неразсудно про-

(¹) Ч. II, стр. 328 и др.

(²) Стр. 70.

стотою и невѣжествомъ въ книзѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденія неправедно положиша, мы православніи патріарси... и весь освященный соборъ тую неправедную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ и клятву ни во что же вмѣняемъ, якоже и не бысть»... Но первый упрекъ, сдѣланный г-мъ Б. Фирсову, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливъ. Въ собственныя соображенія Фирсовъ пускается *преимущественно* при рѣшеніи возраженій, какія сдѣланы были противъ двуперстія въ Скрыжали, изданной п. Никономъ. Въ Скрыжали было замѣчено, что тремя перстами—пальцемъ (большимъ) и двумя меньшими послѣдними ([1]), какъ неравными и отдѣленными другъ отъ друга, нельзя изображать таинства Святыя Троицы, соприсносущной и равнославной, что «равными и подобными персты святая, соприсносущная, сопрестольная и равнославная Троица почитается.» Отвѣчая на это возраженіе, Фирсовъ сперва свидѣтельствами изъ Отцевъ старается доказать, что «образованіи тѣлесными невозможно мѣрити необразуемое Таинство тройческое»,—а потомъ, желая поразить православныхъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, говоритъ, что и три первые персты (употребляемые православными для крестнаго знаменія) также «неравны и неподобны къ себѣ», что «средній выше указательнаго, великій же палецъ кратокъ и дебелъ паче обоихъ, и отнюдъ видомъ неприличенъ симъ, и мѣстомъ отстоитъ отъ нихъ»,—что поэтому и этими перстами неудобно «образовати божественное» таинство Трои-

([1]) Раскольники учатъ, что двумя перстами—указательнымъ и среднимъ они изображаютъ два естества въ Іисусѣ Христѣ, а тремя—пальцемъ съ двумя послѣдними—таинство Пресвятыя Троицы.

цы. Отвѣтъ ловкій, показывающій гибкость и оборотливость ума. Отселѣ можно видѣть, что въ такихъ вопросахъ, каковъ вопросъ о перстосложеніи, не столько сильны и убѣдительны могутъ быть разсужденія, сколько—исторія,—то, какъ было прежде. И это едва ли не лучшее средство рѣшать спорные вопросы объ обрядахъ. Тою же простотою и мѣткостію отличается отвѣтъ Фирсова и на другое возраженіе Скрыжали, состоящее въ томъ, будто бы исповѣдующіе въ двухъ перстахъ, указательномъ и среднемъ, «таинство смотрѣнія Бога Слова, Божество и человѣчество», впадаютъ не-хотя въ ересь Несторія, мудрствовавшаго «двѣ ѵпостаси во единомъ Христѣ»,—впадаютъ въ ересь именно тѣмъ, что, означая сыновнюю ѵпостась прежде въ трехъ перстахъ (пальцѣ большомъ—съ двумя послѣдними), изображающихъ Святую Троицу, затѣмъ «особь ину (ѵпостась) повѣдая быти въ указательномъ и великосреднемъ». Фирсовъ опять прежде всего говоритъ: «мы употребленіемъ перстовъ указательнаго и великосредняго не двѣ ѵпостаси мудрствуемъ во единомъ Христѣ, якоже вы коварнѣ и лестнѣ глаголите... Сима двѣма перстома исповѣдаемъ единаго Господа нашего Іисуса Христа, единаго по составу (т. е. по лицу, по ѵпостаси, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ древней литературѣ слово: составъ, см. напр. кн. о вѣрѣ л. 40), отъ двою же различну естеству, въ совершенное единство неслитнѣ стекшихся... Якоже тогда плотію на земли поживе, и на небеси неразлученъ со Отцемъ и Духомъ бѣ: тако и здѣ три персты являютъ Его неразлучна со Отцемъ и Духомъ на небеси; два же перста — Того же Единаго, плотію живша на земли.» Въ этомъ отвѣтѣ замѣчательно довольно правильное и ясное пони-

маніе Фирсовымъ высочайшихъ догматовъ нашей Вѣры— о Троицѣ и воплощеніи Бога Слова. Всякій можетъ видѣть, что это—не бредни Аввакума относительно высокихъ таинствъ Вѣры (¹), а довольно точное изложеніе православнаго ученія. Такимъ образомъ, вопреки автору «Описанія», мы соглашаемся съ Денисовымъ, который говоритъ, что «посланіе Фирсова есть добрѣйшее изображеніе мудрости его»,—мы радуемся отъ души, что еще въ XVII вѣкѣ у насъ были простые соборные старцы, такъ сознательно усвоявшіе себѣ догматы Вѣры, хотя и заблуждавшіе въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ частностяхъ. Вотъ почему, говоря о Фирсовѣ, мы позволили себѣ подробности, которыя, пожалуй, покажутся инымъ излишними. Но Фирсовъ не ограничился приведенными словами при рѣшеніи втораго возраженія Скрыжали. Онъ говоритъ еще, что православные, несправедливо обвиняя другихъ въ ереси, скорѣе—сами еретики, такъ какъ въ троеперстіи Христосъ Спаситель сугубъ естествомъ не проповѣдуется, по Евтиху и Діоскору, «смѣшающимъ и сливающимъ Христа во едино естество», и по Аполлинарію, который училъ, что «разумныя души Христосъ не пріялъ, вмѣсто души Божеству довольно сущу»,—«по Сергію и Пиру и Павлу» константинопольскимъ, и «Анорію римскому и Кириллу александрійскому, Ѳеодору ѳаранскому и Макарію антіохійскому, дерзнувшимъ изрещи едино хотѣніе и едино дѣйство во Христѣ Бозѣ нашемъ». Мы привели эти послѣднія слова Фирсова для того, чтобы показать не силу замѣчанія Фирсова противъ православнаго перстосложенія, а его знаніе догматовъ Вѣры и знакомство съ церковною исторіею, — достоинства, ко-

(¹) См. объ нихъ въ «Описаніи» ч. II, стр. 38—43.

торыхъ г-ну Б. не слѣдовало опускать изъ виду, при составленіи характеристики Фирсова, какъ писателя. Не споримъ, что начитанность Фирсова, его знакомство съ отеческою письменностію и памятниками древности не таковы, чтобы предъ ними могъ склонить голову современный образованный человѣкъ; но не нужно забывать, что мы живемъ во второй половинѣ XIX столѣтія...

Въ разборѣ *челобитныхъ* прежде всего бросаются въ глаза длинныя выписки изъ Актовъ Историческихъ ([1]). Къ чему это? Не лучше ли было бы изложить дѣло языкомъ яснымъ и современнымъ? Вѣдь Акты Историческіе—нерѣдкость, если бы кому-либо вздумалось справиться съ подлинными словами. Намъ хотѣлось бы словъ автора «Описанія», а онъ заставляетъ читать цѣлыя страницы, писанныя еще въ XVII вѣкѣ... Не можемъ не указать еще и на нѣкоторыя неточности. Г-нъ Б. къ числу обличеній Никиты и Лазаря, высказанныхъ только ими и уже не повторявшихся, относитъ между прочимъ 10-е обличеніе Никиты и 53-е Лазаря. На самомъ дѣлѣ эти обличенія встрѣчаются и въ позднѣйшихъ раскольническихъ сочиненіяхъ. 10-е обличеніе Никиты повторено напр. въ «Книгѣ Никодимовой» (Хр. Чт. 1860 г. ноябр. стр. 500), а 53-е обличеніе Лазаря находится напр. въ Книгѣ объ Антихристѣ изъ 35 статей (рукоп. нашей академ. библіот. № 69, л. 39 об.).

Тѣ же недостатки, какіе мы сей-часъ указали, находятся и въ разборѣ «Діаконовыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ». Прочитайте напр. ч. II, стр. 136—145, и вы увидите, какъ искусно авторъ «Описанія» *переписываетъ* древніе памятники. Утомительно до невѣроятности, и все это безъ

([1]) См. напр. «Опис.» ч. II, стр. 76 и 78, 86—87.

нужды, безъ прямаго отношенія къ дѣлу. Впрочемъ, это мелочи, и мы спѣшимъ указать болѣе важныя вещи. Писателемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ» авторъ «Описанія» считаетъ Андрея Денисова по слѣдующей причинѣ: «все содержаніе этихъ вопросовъ, говоритъ онъ, пріемъ изложенія, новые предметы въ нихъ введенные, распорядокъ многихъ вопросовъ, даже частныя выраженія во многихъ мѣстахъ, слишкомъ сходны съ духомъ, направленіемъ, порядкомъ изложенія и частными выраженіями «Поморскихъ Отвѣтовъ»... Это приводитъ насъ къ несомнѣнному почти предположенію, что писала эти вопросы та же, способнѣйшая изъ раскольническихъ рукъ, рука, которая, по свидѣтельству рукописнаго жизнеописанія Андрея Денисова, писала и «Отвѣты Діаконовы» и «Поморскіе Отвѣты»,—рука Андрея Денисова (¹). Не споримъ, что «Отвѣты Діаконовы» писаны Андреемъ Денисовымъ (Поморскіе Отвѣты составлялись многими, только подъ редакціею Денисовыхъ Андрея и Семена), но не соглашаемся признать его же произведеніемъ и «Вопросы Діаконовы». Основанія, на которыхъ опирается въ своемъ мнѣніи г. Б., недостаточны для цѣли. Во-первыхъ, сходство разныхъ сочиненій въ духѣ, содержаніи, пріемахъ изложенія, даже въ выраженіяхъ, еще не можетъ вести къ *несомнѣнному* предположенію, что эти сочиненія вышли изъ-подъ пера одного и того же писателя, если нѣтъ другихъ данныхъ для подобнаго предположенія; это сходство легко можетъ быть объяснено изъ другаго источника—единствомъ воспитанія, образованія, направленія разныхъ писателей, а раскольники учатся всѣ въ одной школѣ... Во-вторыхъ, и что̀ важнѣе, сходство между

(¹) Ч. II, стр. 160 и 161.

«Діаконовыми Вопросами» и «Поморскими Отвѣтами» далеко не такъ близко, чтобы то и другое сочиненіе приписывать одному и тому же лицу. Если и встрѣчается рѣчь объ однихъ и тѣхъ же предметахъ въ томъ или другомъ сочиненіи, это отъ того, что тамъ и здѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ же расколѣ. Иное дѣло «Діаконовы Отвѣты;» въ нихъ очень замѣтно (напр. въ статьѣ о еретикѣ Мартинѣ и др.) перо главнаго составителя и редактора «Поморскихъ Отвѣтовъ»—Андрея Денисова. Мы можемъ даже сказать, что сходства большаго между «Діаконовыми Вопросами» и «Поморскими Отвѣтами» не *могло* быть, если бы даже допустить, что писателемъ того и другаго сочиненія былъ одинъ и тотъ же Андрей Денисовъ. «Поморскіе Отвѣты», какъ извѣстно всѣмъ, писаны выговцами на вопросы Неофита (1723 г.); слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ только предметахъ, о которыхъ спрашивалъ выговцевъ Неофитъ. Значитъ—далѣе—въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» Денисовъ *долженъ* былъ писать о многомъ такомъ, что могло и не придти ему въ голову, при составленіи (въ 1716 г.) «Діаконовыхъ Вопросовъ», если бы дѣйствительно онъ писалъ ихъ. Другое дѣло—сходство «Отвѣтовъ Діаконовыхъ» съ «Поморскими». Здѣсь оно *возможнѣе*, потому что, пиша «Діаконовы Отвѣты,» Денисовъ *долженъ* былъ рѣшать вопросы Питирима, изъ которыхъ многими могъ воспользоваться и дѣйствительно воспользовался для своей цѣли ученикъ Питирима—Неофитъ при состязаніи съ выговцами. Такимъ образомъ основанія, по которымъ г. Б. почти несомнѣнно предполагаетъ, что писателемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ» былъ Андрей Денисовъ, мы находимъ недостаточными. Мало этого: мы можемъ представить основанія *противъ* такого предположенія. Между «Вопросами

Діаконовыми», по справедливому замѣчанію самого г-на Б., строгаго порядка и логической послѣдовательности нѣтъ ([1]). Нерѣдко писатель вопросовъ объ одномъ и томъ же предметѣ спрашиваетъ не разъ, не два, а нѣсколько разъ, повторяя въ разныхъ мѣстахъ одну и туже мысль (таковы вопросы объ аллилуіи, о перстосложеніи и др.); между вопросами почти нѣтъ такихъ, которые бы касались заблужденій *собственно безпоповщинскихъ*, исключая 167 вопр. о томъ, достоитъ ли несвященному иноку исповѣданія человѣческая пріимати. Впрочемъ и этотъ вопросъ могъ быть предложенъ *поповцемъ*, потому что и поповцы, за неимѣніемъ бѣглыхъ поповъ, иногда исповѣдаются простымъ инокамъ, и даже міранамъ. Напротивъ всѣ вопросы направлены къ подтвержденію мыслей, которыхъ держатся и поповцы и безпоповцы, т. е. общихъ заблужденій раскольническихъ, а нѣкоторые (напр. вопр. 169, 213, 217, 222 и др.) прямо показываютъ въ писателѣ ихъ поповца; вопросъ же 240 изложенъ такъ, какъ не могъ изложить его безпоповецъ, который въ книгѣ о вѣрѣ находитъ главное основаніе для своего ученія объ антихристѣ. Между вопросами есть не мало, какъ сознается въ этомъ и г. Б., пустыхъ и мелочныхъ ([2]). Все это даетъ основаніе думать, что «Діаконовы Вопросы» писаны рукою *менѣе способною и опытною*, чѣмъ рука Андрея Денисова, и *болѣе миролюбивою*, чѣмъ рука *безпоповца*. Далѣе: 130 вопросовъ были посланы Питиримомъ діаконовцамъ 1 января 1716 года, а свои 240 вопросовъ діаконовцы представили Питириму того же 1716 года 1 августа. Въ такой короткій срокъ едва ли діако-

([1]) Ч. II, стр. 146.
([2]) Ч. II, стр. 157.

новцы успѣли бы отыскать въ Москвѣ Андрея Денисова и убѣдить его написать вопросы (по жизнеописателю Денисова, онъ долго не соглашался на составленіе и отвѣтовъ, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе со стороны безпоповцевъ). Да и что за-нужда была діаконовцамъ обращаться въ этомъ случаѣ къ Денисову, когда и сами они, при всей своей «неграмотности и невѣдѣніи превыспренней богословіи», могли написать Питириму *вопросы?* И между ними были люди (діаконъ Александръ, Варсанофій и др.), на-столько по крайней мѣрѣ знавшіе грамату и богословіе, чтобы не затрудниться составленіемъ такихъ безпорядочныхъ вопросовъ, каковы «Діаконовы Вопросы.» Иное дѣло было писать *отвѣты* на вопросы Питирима. Отвѣчать,—знакомая всѣмъ истина,—всегда труднѣе, чѣмъ спрашивать, и въ этомъ случаѣ діаконовцы не безъ причины обратились за помощію къ Денисову. Мы готовы допустить даже такое предположеніе, что діаконовцы, не въ состояніи будучи сами написать *Отвѣты*, нарочито составили (сами) и послали Питириму *Вопросы*, чтобы этимъ выиграть время, какое требовалось для отысканія помощника въ составленіи отвѣтовъ. Иначе трудно объяснить рѣшимость діаконовцевъ безпокоить Питирима вопросами. Наконецъ послѣднее и самое главное основаніе, по которому мы не рѣшаемся признать Андрея Денисова составителемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ»,—то, что жизнеописатель Денисова, говоря о написаніи имъ «*Отвѣтовъ*», ни слова не сказалъ о составленіи имъ «Вопросовъ.» Подобный пропускъ необъяснимъ, если бы то и другое сочиненіе вышли изъ-подъ пера одного и того же Денисова. Предполагать, что жизнеописатель Денисова или не зналъ этого, или не хотѣлъ писать объ этомъ, нельзя. Разсказъ его о Денисо-

нѣ, какъ писателѣ «Отвѣтовъ,» рѣшительно опровергаетъ то и другое предположеніе. Остается еще одно: говоря о помощи Денисова діаконовцамъ, не разумѣлъ ли жизнеописатель его подъ этою помощію составленія Денисовымъ не только отвѣтовъ, но и вопросовъ? Кромѣ того, что подобное предположеніе слишкомъ произвольно, оно опровергается свидѣтельствомъ другаго писателя раскольническаго, *безпоповца, поморца*—Павла Любопытнаго. Въ своемъ «Каталогѣ Писателей старовѣрческой церкви», перечисляя сочиненія Андрея Денисова, онъ говоритъ, что Денисовъ «написалъ по убѣжденію поповщины, или старообрядцевъ, важные, разительные, духомъ благочестія и убѣжденія исполненные *отвѣты*, называемые діаконовы, Питириму нижегородскому епископу»,—а о «Вопросахъ Діаконовыхъ» ни слова. Пропустить такое объемистое сочиненіе, если бы оно было написано Денисовымъ, Павелъ Любопытный не могъ, потому что главная задача его «Каталога»—указать по возможности *всѣ* вообще сочиненія раскольническихъ писателей, и онъ дѣйствительно указываетъ самыя мелкія и незначительныя, напр. слова Андрея Денисова на срѣтеніе Господне, въ недѣлю мясопустную и др. А послѣ всего этого мы считаемъ несправедливымъ и другое предположеніе г-на Б., будто и такъ называемые «Софонтіевскіе Отвѣты» писаны тѣмъ же Андреемъ Денисовымъ (1). Объ этомъ не говоритъ ни слова ни жизнеописатель Денисова, ни Павелъ Любопытный. А «то, что 1) Софонтіевскіе Отвѣты набросаны хоть наскоро и небрежно, но рукою весьма способною и опытною, и что 2) въ Софонтіевскихъ Отвѣтахъ есть обличенія на православную Церковь, какія можно видѣть

(1) Ч. II, стр. 169, сн. стр. 304.

только въ Діаконовыхъ *Вопросахъ*, писанныхъ Андреемъ Денисовымъ, а въ прежнихъ памятникахъ старообрядческой письменности нигдѣ,»—еще не доказываетъ того, что и Софонтіевскіе Отвѣты составлены Андреемъ Денисовымъ. Потому что, какъ мы сказали, нельзя согласиться, чтобы *самые Вопросы Діаконовы* вышли изъ—подъ пера Денисова, а опытныя руки бывали въ расколѣ всегда, и не мало, которыя самими обстоятельствами времени принуждены были писать о такихъ предметахъ, о которыхъ *въ прежнихъ памятникахъ старообрядческой письменности* не было, да и *не могло быть* рѣчи, такъ какъ многіе изъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, напр. въ Діаконовыхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, вышли на сцену уже только при Питиримѣ,—таково, между прочимъ, соборное дѣяніе на еретика Мартина. Послѣ всего сказаннаго, мы не согласны съ мнѣніемъ г-на Б., будто на Діаконовы *Вопросы* можно смотрѣть, какъ на легко набросанную программу для замѣчательнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ изъ учительныхъ раскольническихъ сочиненій, — для «Поморскихъ Отвѣтовъ» (¹).

Кстати о Поморскихъ Отвѣтахъ. Г-нъ Б. надѣется говорить объ нихъ (²), вѣроятно, въ слѣдующихъ выпускахъ своего «Описанія», и уже заранѣе сообщаетъ читателямъ свой взглядъ на это сочиненіе, называя его «замѣчательнѣйшимъ *во всѣхъ отношеніяхъ* изъ учительныхъ раскольническихъ сочиненій.» Что хотѣлъ сказать этими словами г-нъ Б. о «Поморскихъ Отвѣтахъ»? Не выражается ли ими тотъ взглядъ на Поморскіе Отвѣты, по которому въ этомъ сочиненіи *нѣкоторые* думаютъ видѣть *сводъ всего* старооб-

(¹) Ч. II, стр. 161.
(²) Тамъ же стр. 304.

рядческаго ученія, символическую книгу раскола, и *потому считают* Поморскіе Отвѣты однимъ изъ лучшихъ пособій къ изученію догматической стороны раскола? Если такъ, то мы позволяемъ себѣ высказать и на этотъ счетъ нѣсколько замѣчаній, которыя, быть можетъ, окажутся несовсѣмъ безполезными для будущаго описателя Поморскихъ Отвѣтовъ. Намъ кажется, что указанный выше взглядъ на Поморскіе Отвѣты не вполнѣ справедливъ, чтобы не сказать больше. И вотъ основанія, почему мы думаемъ такъ.

Поморцы, которымъ Неофитъ предлагалъ вопросы, принадлежали, какъ и нынѣ принадлежатъ, къ такъ называемой сектѣ безпоповщинской; естественно послѣ этого, что и вопросы свои Неофитъ направлялъ *преимущественно* противъ тѣхъ заблужденій, которыхъ держатся безпоповцы, а слѣдовательно и въ отвѣтахъ поморцевъ можно и должно ожидать раскрытія и доказательствъ главнымъ образомъ ученія *безпоповщинскаго*. Объ ученіи, которое составляетъ отличіе поповщины, въ Поморскихъ Отвѣтахъ почти нѣтъ ни слова (есть нѣсколько словъ о священникахъ, безъ причины оставляющихъ своего епископа, см. нач. отв. 102; но и это касается не столько поповцевъ, сколько всѣхъ вообще раскольниковъ, преимущественно же первоначальныхъ проповѣдниковъ раскола). Съ другой стороны, такъ какъ поморцы, пиша свои Отвѣты, должны были сообразоваться въ нихъ съ тѣми вопросами, какіе имъ были предложены Неофитомъ; то само собою понятно, что и о своемъ безпоповщинскомъ ученіи они могли и должны были говорить столько и о томъ именно, сколько и чего касались самые вопросы; отъ того о многихъ и изъ безпоповщинскихъ заблужденій въ Поморскихъ Отвѣтахъ также почти нѣтъ ни слова, напр.

объ антихристѣ, его царствованіи въ русской церкви, истребленія имъ священства и таинствъ и пр. Наконецъ поелику вопросы были предложены поморцамъ лицемъ, уполномоченнымъ не только отъ власти церковной, но и гражданской, и отвѣты на нихъ поморцевъ могли и должны были сдѣлаться извѣстными той и другой власти; то слѣдствіемъ этого было то, что даже и на прямые вопросы Неофита, касавшіеся того или другаго заблужденія безпоповцевъ, поморцы давали отвѣты не прямые, уклончивые, косвенные, а не рѣдко даже совершенно ложные. Опасеніе оскорбить власть церковную или гражданскую было причиной того, что поморцы лицемѣрили на каждомъ шагу, объ одномъ умалчивали, о другомъ говорили ложь,—вообще, по выраженію *одного* поповца, «сущее свое мудрованіе не явили, и написали во отвѣтахъ другое» ([1]). Такъ напр. на вопросъ Неофита, какъ считаютъ поморцы церковь великороссійскую,—православною или неправославною, поморцы уклоняются отъ прямаго отвѣта и говорятъ, что они сомнѣваются только въ истинности тѣхъ мнимыхъ нововведеній, которыя допущены будто бы нашею церковію «несогласно древнему благочестію; суда же какова на ню, или порицанія собою наносити опасаемся» ([2]), а между тѣмъ извѣстно, что поморцы, какъ и всѣ вообще безпоповцы, считаютъ Церковь православную не только церковію еретическою, но даже царствомъ антихриста. Равнымъ образомъ, отвѣчая на вопросъ Неофита, православенъ ли, по мнѣнію старообрядцевъ, благочестивый императоръ Петръ Великій и Святѣйшій Правительствующій Синодъ,

---

([1]) Отв. 36 Пешехонова. Послѣ этого замѣтку «Странника» (Май, стр. 92), мы считаемъ несправедливою.

([2]) Вопр. и отв. 48.

поморцы не только не высказывают объ этомъ своего настоящаго мнѣнія, но прямо начинают говорить ложь, утверждая, будто бы они, послѣдуя ученію Христа: воздавать Божія Богови, а Кесарева Кесарю—и наставленію ап. Петра—бояться Бога и чтить царя, «всепресвѣтлѣйшаго императора Петра Великаго, отца отечествія, богохранимаго самодержца... всеговѣйно почитаютъ, всеусердно прославляютъ, всежеланно благодарствуютъ и благодарствовати и почитати никогда не престанутъ»,—что они «его государскаго благочестія не истязуютъ, но Господа Бога за его милосердое величество молятъ, по реченному псалмопѣвца: Господи, спаси царя и услыши ны, въ овь же аще день призовемъ тя»,—что наконецъ они не только никогда не называли и не называютъ его еретикомъ, но подобнаго или «инаго нечестнословія не точію глаголати, но и слышати не хотятъ и даже ужасаются произносить такія слова» ([1]). А между тѣмъ не болѣе, какъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ написанія Поморскихъ Отвѣтовъ, одинъ изъ жителей выгорѣцкаго монастыря (Иванъ Круглый) доносилъ св. Синоду, что поморцы не молятся за царскій домъ, и уже послѣ такого доноса поморцы на своемъ совѣтѣ положили, чтобы «не навести на себя и другихъ напраснаго гнѣва: въ тропаряхъ и кондакахъ и стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ... Императорское Величество поминать вездѣ по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцевъ сіе просто было и не было нужды *до сего времени*» ([2]). Точно также на вопросы Неофита, на какомъ основаніи поморцы «отъ церквей Божіихъ народъ отлучаютъ и возмущаютъ, гла-

---

([1]) Отв. 52.
([2]) Ист. выг. пуст. стр. 77.

голюще, что нынѣ нѣсть въ церкви спасенія», и «за каковыя именно вины нынѣ въ церкви люди не спасаются, но погибаютъ», писатели Поморскихъ Отвѣтовъ отвѣчали, что они «возмущенія какова народомъ не творятъ»,—что тѣ, «кои древлецерковное благочестіе намятуютъ и содержатъ», содержатъ его «кромѣ ихъ», а тѣ, кои «въ новопреданныхъ уставахъ пребывати изволиша... въ томъ никогда же отъ нихъ запинаеми бываютъ», что наконецъ спасаются ли, или не спасаются сыны нынѣшней русской церкви, объ этомъ поморцы судить не дерзаютъ (1). А между тѣмъ извѣстный дьячекъ шумскаго погоста Халтуриновъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Неофитова изъ поморья, доносилъ св. Синоду, что настоятели выгорѣцкаго монастыря: Даніилъ, Симеонъ и др. «по градомъ и по селамъ ѣздятъ, и людей прельщаютъ ученіемъ своимъ, и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестятъ и исповѣдываютъ, и свадьбы вѣнчаютъ и людей причащаютъ и подговариваютъ, и со градовъ увозятъ дѣвокъ» (2), а о томъ, допускаютъ ли поморцы возможность спасенія въ нынѣшней русской церкви, извѣстно всякому; царство антихриста, чѣмъ считаютъ поморцы нынѣшнюю русскую церковь, не спасаетъ своихъ членовъ, но погубляетъ. Въ отвѣтѣ 99 поморцы говорятъ, что они вѣруютъ «св. ап. Павлу и святымъ учителемъ церковнымъ, возвѣщающимъ жертвѣ тайной приноситися въ воспоминаніе Господне даже *до скончанія вѣка*», а на самомъ дѣлѣ учатъ, что въ царство антихриста таинство Евхаристіи будетъ истреблено и что нынѣ, такъ какъ человѣкъ беззаконія царствуетъ уже, нѣтъ нигдѣ

(1) Вопр. и отв. 77 и 78.
(2) Ист. выг. пуст. гл. 26

жертвы тѣла и крови Господней. Не упоминаемъ о многомъ другомъ, что изложено поморцами въ отвѣтахъ ихъ Неофиту совершенно иначе, чѣмъ какъ бываетъ у нихъ на самомъ дѣлѣ (напр. имя Іисусъ, троеперстіе, четвероконечный крестъ въ Поморскихъ Отвѣтахъ трактуются только какъ нововведенія, на самомъ же дѣлѣ имя—Іисусъ — поморцы, какъ и другіе безпоповцы, считаютъ именемъ антихриста, троеперстіе и четвероконечный крестъ —печатію антихриста); и указанныхъ нами примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что на основаніи Поморскихъ Отвѣтовъ нельзя узнать даже ученія поморцевъ-безпоповцевъ въ его настоящемъ видѣ, не только ученія поповцевъ, а тѣмъ болѣе-всѣхъ вообще раскольниковъ. Не смотря впрочемъ на это, поморскіе отвѣты могутъ и должны служить весьма важнымъ пособіемъ къ изученію раскола въ догматическомъ отношеніи—къ изученію тѣхъ особенно пунктовъ старообрядческаго ученія, которые извѣстны подъ именемъ *заблужденій общихъ всѣмъ раскольникамъ* и которые изложены преимущественно въ 50 отвѣтѣ, гдѣ поморцы рѣшаютъ вопросъ: какія именно отступленія допустила у себя нынѣшняя православная церковь, изъ за которыхъ собственно и отдѣляются отъ ней старообрядцы? Вопросъ обширный, но и рѣшеніе его не менѣе пространно. Все, что можно было сказать, сказано здѣсь, такъ что старообрядцы болѣе уже и не касаются этого вопроса, но при всякомъ случаѣ, когда нужно бываетъ отвѣчать, православна ли нынѣшняя церковь, или и она «преложилась въ различныя ереси», говорятъ только: «различить сего иначе не можно, какъ съ довольнымъ размышленіемъ и прилежнымъ вниманіемъ читать должно поморскія къ Синоду отвѣты» (¹). Кромѣ того,

(¹) Книг. о скрыт. свящ. лицъ, рукоп. нашей акад. библіот.

имѣя подъ руками многія очень рѣдкія и очень древнія книги, составители Поморскихъ Отвѣтовъ нерѣдко въ подтвержденіе своихъ заблужденій ссылаются на такія свидѣтельства, которыхъ нельзя встрѣтить въ другихъ старообрядческихъ сочиненіяхъ; владѣя не малыми дарованіями, они въ защиту своихъ мнѣній иногда приводятъ такія доказательства изъ умственныхъ соображеній, къ какимъ способенъ не всякій раскольникъ, хотя бы то и пишущій. Что касается до уваженія, какое питаютъ къ Поморскимъ Отвѣтамъ старообрядцы, особенно безпоповцы, то оно, можно сказать, безпредѣльно. Въ этомъ, можетъ быть, и заключается особенное значеніе Поморскихъ Отвѣтовъ, по этому-то и необходимо обращаться къ нимъ при изученіи раскола, какъ къ книгѣ, каждое слово которой раскольники считаютъ драгоцѣннымъ бисеромъ... Объяснить это глубокое уваженіе раскольниковъ къ поморскимъ отвѣтамъ не трудно. Многія изъ лицъ, писавшихъ эти отвѣты, были люди замѣчательныхъ дарованій (напр. братья Денисовы) и какъ при жизни пользовались, такъ и по смерти пользуются самымъ глубокимъ уваженіемъ отъ своихъ собратій; Поморскіе Отвѣты составлены, между прочимъ, на основаніи всѣхъ прежнихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, раскольническихъ сочиненій и так. обр. представляютъ собою книгу, въ которой слышенъ голосъ не только «великаго сказателя словесъ Божіихъ, подобнаго Іоанну Златоусту — Андрея Денисова (¹),»—«сладковѣщательной ластовицы — Семена Денисова (²)», «благоревностныхъ мужей: Трифона Петрова, Ивана Филипова и др.», но и великихъ, по ихъ

(¹) Ист. Выг. пуст. гл. 23.
(²) Тамъ же гл. 1.

понятію, страдальцевъ за вѣру: Лазаря, Никиты (пустосвята), отцевъ соловецкихъ...какая умилительная для раскольника коллекція! Наконецъ, Поморскіе Отвѣты не могутъ не обращать на себя вниманія старообрядцевъ и по тѣмъ слѣдствіямъ, какія они имѣли для раскола. Какъ скоро Отвѣты были поданы Неофиту, онъ не только перестать требовать поморцевъ для устнаго съ собою собесѣдованія—съ прежнею настойчивостью, напротивъ видимо сталъ уклоняться отъ разглагольствія съ ними и никакъ не хотѣлъ дозволить чтенія Отвѣтовъ. Хотя это зависѣло отъ того, что, получивъ книгу Отвѣтовъ, Неофитъ увидѣлъ, что теперь однихъ устныхъ собесѣдованій было бы недостаточно для вразумленія заблуждающихъ, а равно и чтенія Отвѣтовъ нельзя допустить безъ опроверженія изложеннаго въ нихъ ученія, а для этого нужно было бы написать такую же книгу, требовалось и много средствъ и не мало времени; однако раскольники могли понять и дѣйствительно поняли уклончивость Неофита по своему: они заключили изъ ней, что Отвѣты, написанные ими, Неофитъ «чести отрицаше, аки зѣло правдиво писанныя и обличити я чимъ невозможныя», и такимъ обр. признали ихъ такою книгою, противъ которой нечего было сказать и самому представителю Св. Синода. И хотя немедленно, по порученію же Св. Синода, на Поморскіе Отвѣты написано было преосвящ. Ѳеофилактомъ «Обличеніе», въ которомъ «неправда раскольническая» была доказана ясно; но такъ какъ это сочиненіе долго (до 1745 года) оставалось въ рукописи, то ложное мнѣніе о правотѣ и достоинствѣ Поморскихъ Отвѣтовъ осталось между раскольниками и послѣ 1723 года, когда написано Обличеніе, остается между нѣкоторыми изъ нихъ и доселѣ.

Еще одно слово касательно «Діаконовыхъ и Софонтіевскихъ Отвѣтовъ». Отъ недосмотра ли издателя, или отъ чего либо другаго, только въ размѣщеніи библіографическихъ замѣтокъ объ этихъ сочиненіяхъ допущена въ книгѣ путаница. Авторъ хотѣлъ, кажется (1), какъ и слѣдовало, сперва говорить о «Діаконовыхъ Отвѣтахъ», потомъ о «Софонтіевскихъ», а въ книгѣ вышло на оборотъ. Вѣроятно, отъ этого произошло и то, что замѣтки о «Діаконовыхъ Отвѣтахъ» начинаются въ «Описаніи», что называется, ex abrupto... (ч. II. стр. 195.)

Слѣдующихъ въ «Описаніи» за «Діаконовыми Отвѣтами» раскольническихъ сочиненій мы не имѣли подъ руками. Тѣмъ не менѣе можемъ сказать кое-что и объ нихъ, по поводу разсматриваемой нами книги. Прежде всего—нѣсколько словъ о писателѣ «Брачнаго Врачевства», которому г. Б. приписываетъ и нѣкоторыя другія сочиненія, именно: 1)«Брачное Исповѣданіе», 2)«Священный Театръ, или Обличеніе сборышей балчужнаго и филипова толка суевѣра», 3) «Изобличенный Кривовѣръ», 4) «Благословенно-нерукоположенный креститель» и 5) «Существенное Образованіе законнаго брака» (разбора послѣднихъ пяти сочиненій въ книгѣ нѣтъ). Дѣйствительно, всѣ указанныя сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же лицемъ и именно Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ, на что, между прочимъ, указываютъ двѣ буквы, находящіяся въ заглавіи «Брачнаго Врачевства»,—П. Л. Авторъ «Описанія» объ этомъ писателѣ раскольническомъ сообщаетъ самыя краткія и неопредѣленныя свѣдѣнія, показывая-

(1) На стр. 304,—въ послѣднихъ замѣткахъ о «Діаконовыхъ отвѣтахъ», г. Б. говоритъ: «замѣтимъ что только *нижеслѣдующіе* Софонтіевскіе отвѣты»... а между тѣмъ рѣчь о Софонтіевскихъ отвѣтахъ идетъ въ книгѣ *прежде*.

щія только, что это былъ раскольникъ, кажется, безпоповецъ, не филипповскаго толка, и не ѳеодосіевскаго, но согласія новоженовъ (1). Мы имѣемъ возможность дополнить эти скудныя свѣдѣнія о Павлѣ Любопытномъ. «Павелъ Анофріевъ, господинъ Любопытный, говорится въ «Каталогѣ Писателей старовѣрческой церкви», имъ самимъ составленномъ, поморской церкви знатный членъ, обѣихъ столицъ Петрополя и Москвы, примѣрный защитникъ Христовой церкви и писатель въ пользу и славу оной.» Родился онъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія (первое сочиненіе Павла Любопытнаго написано въ 1793 г.). Оставшись въ раннихъ годахъ сиротою, онъ проживалъ сперва въ Москвѣ у одного раскольника, по имени Максима Терентьева, пивовара, близъ нѣмецкаго рынка. Этотъ-то Максимъ Терентьевъ и научилъ Павла Любопытнаго грамотѣ и «учености» по старымъ книгамъ. Какъ показываютъ сочиненія Любопытнаго, онъ съ усердіемъ слушалъ уроки своего наставника и съ умѣньемъ воспользовался пріобрѣтенными свѣдѣніями. Переселившись въ Петербургъ, онъ своими познаніями скоро обратилъ на себя вниманіе здѣшнихъ самыхъ сильныхъ по связямъ и богатыхъ раскольниковъ. Мы не можемъ сказать опредѣленно, какую собственно роль игралъ Павелъ Любопытный между петербургскими раскольниками; но, какъ показываютъ сочиненія его, роль эта была не маловажная. Онъ писалъ напр. «Воззванія ко всей въ Петрополѣ поморской церкви» о лучшемъ устройствѣ малоохтенской раскольнической часовни, о выборѣ для нея попечителей, о заведеніи при ней больницы, — составлялъ «планы» о изобрѣтеніи обильныхъ источниковъ на содержаніе какъ

(1) Ч. II, стр. 305—306.

часовни, такъ и больницы,—сочинялъ «уставы» о благочиніи «малой Охты поморской церкви» — внѣшнемъ и внутреннемъ, говорилъ «слова» на обновленіе часовни, при выборахъ попечителей (напр. Артемія Петрова) и «поздравительныя рѣчи» отъ лица малой Охты — людямъ съ значеніемъ въ расколѣ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы въ Петербургъ (напр. Варварѣ Грачевой), за что получалъ иногда по 200 р.,—составлялъ «формы» клятвы «приходящимъ въ православную вѣру отъ внѣшнихъ»,—«чины» обрученія, вѣнчанія, благословенія снѣдей въ день Пасхи, —принятія «Христовою церковію обращающихся паки къ оной»,—дѣлалъ наставленія малоохтенскимъ старостамъ (напр. Григорію Грачеву) о надлежащемъ исполненіи ими обязанностей ихъ, — писалъ наставленія самимъ «попечителямъ поморской церкви о благоустройствѣ и благочиніи малой Охты часовни»,—составлялъ «отвѣты вышнему начальству отъ лица поморской церкви»,—наконецъ писалъ «воззванія» даже «ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ и ихъ пастырямъ (?) о нерадѣніи ихъ въ просвѣщеніи и призрѣніи единовѣрцевъ своихъ, страждущихъ отъ міра въ разныхъ мѣстахъ за благочестіе». Все это показываетъ, что Павелъ Любопытный имѣлъ большое значеніе между раскольниками не только петербургскими, но и другихъ мѣстъ ([1]). Это былъ, по своему вліянію на

([1]) Въ доказательство этой послѣдней мысли достаточно указать на то, что когда напр. московскіе раскольники захотѣли пригласить (въ 1824 г.) въ Москву «къ совершенію обряда брачнаго таинства» (какого— не знаемъ) другихъ — иногородныхъ раскольниковъ,—«воззваніе» объ этомъ «ко всему христіанству» поручено было написать Павлу Любопытному; не можемъ при этомъ не упомянуть и о томъ обстоятельствѣ, что Любопытнымъ написано до 30 «трогательныхъ и убѣжденія исполненныхъ посланій о созиданіи и благолѣпіи церковномъ, въ *разныя мѣста*, къ пастырямъ церкви (?) ученымъ и благочестивымъ мужамъ». Вліяніе же Любопытнаго на петербургскихъ раскольниковъ не

расколъ, что-то въ родѣ Денисовыхъ или Ильи Алексѣича Ковылина, хотя, можетъ быть, и не занималъ такого виднаго поста, какъ тѣ. Съ другой стороны, уже по указаннымъ нами трудамъ Любопытнаго можно судить, что это былъ человѣкъ замѣчательнѣйшихъ дарованій и неутомимый въ дѣятельности; а если прибавимъ, что кромѣ указанныхъ сочиненій, онъ написалъ еще болѣе 50 сочиненій какъ историческихъ, такъ и учительныхъ или обличительныхъ, то въ опроверженіе ученія другихъ толковъ и согласій, равно ученія православнаго, то въ защиту своей секты; тогда еще болѣе подивимся способностямъ, начитанности и трудолюбію этого человѣка (1). Любя самъ «грамоту», какъ средство «истинно вѣровать», Павелъ Любопытный заботился, чтобы и другіе его единовѣрцы, по крайней мѣрѣ, молодое поколѣніе также было грамотно. Съ этою цѣлію онъ написалъ (въ 1807 г.) «Убѣдительное и трогательное воззваніе къ петербургскому пастырю (?) Ѳеодору Петровичу Бабушки-

---

ограничивалось одними малоохтенскими прихожанами, хотя они составляли большинство петербургскаго раскольническаго населенія, но простиралось на прихожанъ и другихъ часовенъ, напр. находившейся въ Моховой. Любопытный оставилъ даже «Описаніе всѣхъ священныхъ вещей этой часовни».

(1) Всѣхъ сочиненій написалъ Павелъ Любопытный, какъ значится въ его «каталогѣ», 97. Здѣсь же замѣчено имъ: «есть ли благоугодно будетъ Творцу небесъ, ежели позволятъ обстоятельства и силы природы; то Павелъ Любопытный за непремѣнный долгъ поставляетъ и предположилъ къ исчисленнымъ его твореніямъ еще вновь сочинить пятьдесятъ разныхъ предметовъ, которые могутъ служить для образованія всѣхъ старовѣрческихъ церквей, частію ради огражденія православной вѣры и ея послушниковъ, частію для обличенія враговъ благочестія и наставленія въ нравственности,—частію во всей полнотѣ церковной исторіи и критики въ прозѣ и стихахъ. Сихъ предопредѣленныхъ книгъ имѣется подробный каталогъ». Удалось ли Павлу Любопытному исполнить свое желаніе, не знаемъ; по всѣмъ соображеніямъ, нѣтъ.

ну о возстановленіи въ Петрополѣ дѣтскаго (раскольническаго) училища.» Во все время своего пребыванія въ Петербургѣ, Павелъ Любопытный жилъ у одного мѣщанина, Карпа Иванова Новосадова, бывшаго уставщикомъ въ моленной на Охтѣ, что въ домѣ купца Долгова, который завѣдывалъ существовавшимъ еще въ то время Даниловымъ Выговскимъ монастыремъ. Съ образованіемъ Павелъ Любопытный соединялъ въ себѣ еще знаніе искусствъ. Онъ былъ довольно порядочный живописецъ, но это искусство и было причиною его смерти. Въ числѣ многихъ картинъ и портретовъ, Любопытный еще въ 1798 году написалъ одну картину особеннаго рода, представлявшую *храмъ славы*, въ которомъ Павелъ изобразилъ себя сѣдящимъ на престолѣ. Однажды (¹), во время отсутствія Любопытнаго изъ квартиры, эта картина, а равно и другія его произведенія, были взяты полиціей. Возвратясь домой и видя сундуки свои открытыми и всѣ вещи разобранными, Павелъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Опасаясь, чтобы и самому не попасть въ руки полиціи, онъ немедленно бѣжалъ изъ Петербурга въ Ярославскую губернію, гдѣ и скрылся у одного огородника. Но вскорѣ онъ впалъ въ болѣзнь, которая иногда происходитъ отъ страха, и умеръ (²).

(¹) Не раньше впрочемъ 1829 года; надпись на «каталогѣ старовѣр. писателей» гласитъ, что онъ «собранъ тщаніемъ Павла Любопытнаго, въ *Санктпетербургѣ*, 1829 года»,—а въ «историческомъ словарѣ» это сочиненіе помѣщено предпослѣднимъ; на этомъ основаніи можно думать, что несчастіе, о которомъ будетъ рѣчь ниже, случилось съ Павломъ если не въ 1829 году, то вскорѣ послѣ этого.

(²) Всѣ эти свѣдѣнія составлены нами на основаніи двухъ, имѣющихся у насъ подъ руками, его сочиненій: «каталога старовѣрческихъ писателей» и «историческаго словаря», въ которыхъ находится перечень всѣхъ сочиненій Любопытнаго, съ означеніемъ даже, когда какое изъ нихъ писано. Кромѣ того, пособіемъ служила намъ замѣтка неиз-

Въ числѣ многихъ сочиненій, Павелъ Любопытный написалъ и указанныя нами выше: «Брачное Врачевство» и др. Это мы говоримъ не на основаніи только находящихся въ концѣ надписи «Брачнаго Врачевства» двухъ буквъ: П. Л., но потому, что какъ въ «Каталогѣ», такъ и въ «Словарѣ» всѣ перечисленныя выше сочиненія указаны, какъ произведенія пера Павла Любопытнаго. Только здѣсь они имѣютъ нѣсколько другія заглавія, болѣе подробныя [1].

Выше мы уже замѣчали, что Павелъ Любопытный зналъ и читалъ многое, много и писалъ. Къ этому теперь прибавимъ еще, что писалъ Любопытный такъ ловко, живо и мѣтко, какъ могутъ писать не многіе раскольники. Достаточно прочитать въ «Описаніи» выдержки изъ его «Брачнаго Врачевства», чтобы убѣдиться въ справедливости высказанныхъ нами положеній. И мы не можемъ объяснить себѣ, почему г. Б. такъ поверхностно отозвался объ этомъ сочиненіи, замѣчая, что «свое предложеніе (т. е. что сущность брака состоитъ будто бы не въ вѣнчаніи, а во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты) сочинитель вообще доказываетъ слабо, неискусно и неосмотрительно», что если это сочиненіе нѣкоторыми частями своими и заслуживаетъ серьёзнаго вниманія и опроверженія, то «не по развитію доказательствъ, но по мысли своей и намекамъ на доказательства» [2]. Намъ думается на оборотъ, что въ «Брачномъ Врачевствѣ» высказано Любопытнымъ столько доказательствъ очень мѣт-

вѣстнаго лица, находящаяся въ концѣ «каталога», по рукописи Императорской публичной библіотеки № 131.

(1) Напр. «брачное врачевство бракоборцамъ съ картиною и стихами»; или: «изобличенный кривовѣръ, въ названіи еретиковъ благочестивыми, съ картиною и стихами» и под.

(2) Ч. II, стр. 317—318.

кихъ и соображеній очень умныхъ, что первое впечатлѣніе отъ прочтенія этой книги, особенно въ человѣкѣ не коротко знакомомъ съ практикою древней церкви, можетъ быть самое невыгодное для православнаго ученія о бракѣ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы *основная* мысль Любопытнаго была *вполнѣ* вѣрна; но все же и сама она (согласіе жениха и невѣсты—*необходимое* условіе для брака, хотя и не одно оно) и многія изъ приведенныхъ Павломъ доказательствъ не лишены справедливости, силы и убѣдительности, меньшей, разумѣется, сравнительно съ убѣдительностію ученія православнаго ([1]), но гораздо большей сравнительно съ убѣдительностію мыслей, высказанныхъ напр. въ «Увѣщаніи ко всѣмъ христіанамъ.» А между тѣмъ это послѣднее сочиненіе г. Б. называетъ «однимъ изъ разумнѣйшихъ старообрядческихъ сочиненій» ([2]).

Касательно «Посланія раскольниковъ сибирскихъ къ московскимъ» мы считаемъ нужнымъ замѣтить только то, почему это сочиненіе помѣщено въ «Описаніи» въ числѣ сочиненій *учительныхъ*, тогда какъ по содержанію своему оно чисто *историческое?* Не понимаемъ также, почему г. Б. помѣстилъ указанное сочиненіе прежде «Увѣщанія ко всѣмъ христіанамъ», написаннаго не позже 1823 года ([3]), тогда какъ «Посланіе» написано въ 1833 году ([4]). Это не значитъ—разсматривать сочиненія въ *хронологическомъ порядкѣ*, которому еще менѣе слѣдовалъ

([1]) Рекомендуемъ желающимъ прочитать въ Тв. Св. Отц. за 1858 г. кн. 2, статью: «о церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака», гдѣ многія изъ мыслей Любопытнаго разобраны и опровергнуты, а вмѣстѣ изложено православное ученіе.

([2]) «Опис.» ч. II, стр. 328.

([3]) «Опис.» ч. II, стр. 322.

([4]) Тамъ же стр. 318.

авторъ «Описанія», когда въ слѣдъ за «Увѣщаніемъ» помѣстилъ разборъ «Слова о Мученикахъ и о новыхъ страдальцахъ за Церковь Божію и за древле-православную вѣру христіанскую и за вся старыя вѣры», сочиненія, по мнѣнію г. Б., одного изъ *старѣйшихъ* старообрядческихъ сочиненій (1), или по крайней мѣрѣ написаннаго не позже 1811 года (2), все же *прежде* и «Посланія» и «Увѣщанія», а равно и другое сочиненіе: «Догматъ Христовой церкви о ключахъ», написанное не позже 1822 года, значитъ, *прежде* «Посланія.» Мы далеки отъ мысли считать эти промахи дѣломъ важнымъ, но указываемъ ихъ потому, что допустить подобные промахи можно, по нашему мнѣнію, только при большомъ невниманіи къ дѣлу, или—крайней поспѣшности, также мало извинительной. Касательно послѣдняго изъ указанныхъ сочиненій считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ. Полное заглавіе этого сочиненія такое: «Догматъ Христовой церкви о ключахъ, сочиненный въ Санктпетербургѣ, 1822, VII, 13, П. Л.» На основаніи буквъ—П. Л. «можно было бы полагать, говоритъ авторъ «Описанія», что лице, писавшее это сочиненіе, тожественно съ П. Л., написавшимъ «Брачное Врачевство». Но достовѣрность такого предположенія ослабляется тѣмъ, что 1) въ перечнѣ сочиненій, приложенномъ къ «Брачному Врачевству», въ рукописи, которую мы имѣли подъ руками,— принадлежащихъ этому П. Л., сочиненіе «Догматъ о ключахъ» не числится; къ тому же въ этомъ сочиненіи въ первомъ примѣчаніи къ предисловію, сочинитель пишетъ: «Зри въ моей *апологіи*», сочиненіе, которое опять въ упомянутомъ перечнѣ не числится; тѣмъ, что 2) складъ

(1) Тамъ же. стр. 329.

(2) Тамъ же.

рѣчи, до нелѣпости высокопарный въ «Догматѣ о ключахъ», много разнится съ простымъ естественнымъ складомъ рѣчи въ «Брачномъ Врачевствѣ» (1). Напрасно г. Б. не вѣритъ въ справедливость своего предположенія. «Догматъ о ключахъ» дѣйствительно написанъ тѣмъ же самымъ П. Л., — Павломъ Любопытнымъ, рукою котораго составлено и «Брачное Врачевство» и который оставилъ послѣ себя не одну, а нѣсколько *апологій*. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ и «Каталогъ» и «Словарь» его. Здѣсь кстати замѣтимъ, что выводы изъ филологическихъ соображеній должны дѣлаться съ крайнею осторожностію, и что какъ сходство въ языкѣ разныхъ сочиненій, на чемъ, между прочимъ, г. Б. основалъ свое предположеніе объ Андреѣ Денисовѣ, какъ писателѣ «Діаконовыхъ Вопросовъ» (2), не можетъ быть доказательствомъ того, что они писаны одною рукою, такъ и разность «въ складѣ рѣчи»—еще не достаточная причина, по которой сочиненій съ такою разностію нельзя было бы приписать одному и тому же лицу. Мы отказываемся объяснить, почему Павелъ Любопытный, такъ мастерски составившій «Брачное Врачевство»,—«складомъ рѣчи простымъ и естественнымъ, языкомъ довольно правильнымъ» (3), допустилъ въ «Догматѣ о ключахъ» складъ рѣчи, дѣйствительно, высокопарный до нелѣпости, до безсмыслицы (4). Но не отказываемся, на основаніи одного этого различія, считать оба эти сочиненія произведеніемъ одного и того же лица, по причинамъ вышеуказаннымъ.

Кромѣ поименованыхъ сочиненій, въ «Описаніи» есть

(1) «Опис.» ч. II, стр. 232.

(2) Тамъ же стр. 101.

(3) Тамъ же стр. 317.

(4) Можетъ быть одно предположеніе: крайняя порча, и, можетъ быть, даже передѣлка рукописи отъ переписчика.

еще небольшой перечень книгъ «ѳеодосіанскаго толка» (¹), безъ разбора ихъ (къ чему это?), и помѣщены въ видѣ послѣсловія двѣ «выписки» (²), въ высшей степени интересныя. Первая трактуетъ объ участи лицъ, «піющихъ табакъ, чай и кофій» (всѣмъ изрекается проклятіе),—во второй рѣшается вопросъ, «отъ чего уставися сіе горѣлиное вино душепагубное человѣкомъ». Читая эти выписки, дивишься и спрашиваешь себя, ужели, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX столѣтіи могутъ быть люди съ такимъ міровоззрѣніемъ? Къ сожалѣнію, не только *могутъ* быть, но *есть* цѣлыя тысячи такихъ странныхъ головъ на Руси...

Мы указали, по возможности, недостатки, замѣченные нами въ «Описаніи», имѣя въ виду одно: исправить допущенныя въ немъ неточности и пополнить недосказанное не въ ущербъ достоинствамъ труда г-на Б., а единственно для пользы науки. А достоинства въ «Описаніи» есть, и мы не можемъ не указать ихъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *трудолюбіе* автора «Описанія». Перечитать—не бѣгло, а со вниманіемъ и, можетъ быть, не одинъ разъ,—столько рукописей, писанныхъ нерѣдко небрежно и всегда съ грамматическими неправильностями, такъ непріятно дѣйствующими на глазъ образованнаго человѣка,—рукописей часто безъинтересныхъ по содержанію и иногда нечуждыхъ безсмыслицы въ изложеніи,—это—такой трудъ, для этого нужно столько терпѣнія, требуется такая усидчивость, что странно было бы не оцѣнить всего этого, если бы даже и вздумалось комулибо смотрѣть на подобный трудъ, какъ на одну *механическую работу*. Далѣе: собственныя соображенія г-на Б.,

(¹) «Опис.» ч. II, стр. 328.
(²) Ч. II, стр. 338—340.

хотя ихъ въ книгѣ очень не много, нерѣдко отличаются мѣткостію, простотою и естественностію. Наконецъ изложеніе, гдѣ авторъ начинаетъ говорить отъ себя, хотя это случается съ нимъ довольно рѣдко (онъ, какъ мы замѣчали, любитъ излагать свѣдѣнія языкомъ самыхъ рукописей),—живое, рѣчь бойкая, языкъ правильный и часто сжатый. Что же касается *всего содержанія* книги, то для людей, занимающихся изученіемъ раскола, въ немъ есть свѣдѣнія *драгоцѣнныя* какъ историческія, такъ особенно догматическія. Даже вообще изучающій русскую исторію, какъ гражданскую, такъ особенно церковную, можетъ пріобрѣсть для себя «Описаніе», какъ книгу, которая можетъ быть полезна ему во многихъ случаяхъ. Дай Богъ, чтобы обнародываніе подобныхъ документовъ не остановилось на этомъ первомъ опытѣ. Тогда изученіе жизни, нравовъ, религіозныхъ стремленій и вѣрованій значительной части нашего народа пошло бы успѣшнѣе. А вѣдь не знать всего этого не только стыдно, но, можетъ быть, и не безвредно.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи книги. Д. Е. Кожанчиковъ, не мало издавшій въ послѣднюю пору разнаго рода сочиненій, этимъ послѣднимъ изданіемъ хотѣлъ, кажется, показать, что съ каждымъ новымъ разомъ онъ намѣренъ дѣлать свои изданія все лучше и лучше. Бумага великолѣпная, шрифтъ весьма красивый,—изданіе чисто европейское. Даже опечатокъ, которыхъ можно было опасаться въ книгѣ, гдѣ иногда приходилось печатать безсмыслицу, очень не много. Не много только цѣна книги не-европейская.

И. Нильскій.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

И НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать установленную за человѣколюбивые подвиги золотую медаль на Владимірской лентѣ священнику села Войновки, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, Кириллу Михалюкову, за спасеніе имъ, въ 1859 году, съ опасностію собственной жизни, отъ потопленія въ р. Ингульцѣ, крестьянина Моисея Макаренко.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 16-го марта 1861 года положено: 1) петрозаводской 2-й гильдіи купца Гавріила Сывороткина опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при олонецкой семинаріи; 2) виленской 1-й гильдіи купца Василія Розенталя опредѣлить на таковую же должность при литовской семинаріи.

— Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ представилъ въ Святѣйшій Сѵнодъ справку, составленную въ московской духовной консисторіи изъ донесеній благочинныхъ, о лицахъ духовнаго званія, которыя съ особеннымъ усердіемъ занимаются преподаваніемъ въ городскихъ и сельскихъ училищахъ, или заводятъ у себя школы. Изъ этой справки открывается, что

А) Въ заведенныхъ до 1860 года училищахъ занимаются преподаваніемъ слѣдующія лица:

1) Въ городѣ Волоколамскѣ, при рождественской, на Возмищѣ, церкви занимается обученіемъ дѣтей государственныхъ крестьянъ священникъ Илья Малининъ, и училище найдено во всѣхъ отношеніяхъ въ удовлетворительномъ состояніи.

2) Московскаго уѣзда: а) села Покровскаго священникъ Іоаннъ Малининъ; б) села Архангельскаго, Никольскаго тожъ, священникъ Іоаннъ Отрадинскій; в) села Черкизова священникъ Іоаннъ Знаменскій, и г) села Петровскаго близь Угрѣши священникъ Георгій Бриліантовъ занимаются обученіемъ поселянскихъ дѣтей, по собственному усердію, безмездно.

3) Подольскаго уѣзда, села Острова священникъ Василій Смирновъ и діаконъ Аѳанасій Соколовъ занимаютъ должность наставниковъ,— первый въ островскомъ писарскомъ училищѣ, а второй — въ первоначальномъ островскомъ же сельскомъ училищѣ для дѣтей государственныхъ крестьянъ, и проходятъ должность свою рачительно.

4) Въ бронницкомъ уѣздѣ занимается обученіемъ поселянскихъ дѣтей, по собственному усердію, священникъ погоста Усерска Валеріанъ Шумовъ.

5) Волоколамскаго уѣзда, въ гробановскомъ, тимашевскомъ и буйгородскомъ училищахъ, для дѣтей казенныхъ крестьянъ, наставники священники: Іоаннъ Гренковъ, Василій Величкинъ и Василій Смирновъ, въ особенности послѣдній, ревностно проходятъ возложенныя на нихъ должности.

6) Изъ наставниковъ въ богородскомъ уѣздѣ, съ особеннымъ усердіемъ занимается обученіемъ поселянскихъ

дѣтей крестовоздвиженскій въ Селинѣ священникъ Георгій Алексѣевъ Смирновъ.

7) Коломенскаго уѣзда: а) села Бояркина священникъ Дмитрій Соколовъ обученіе поселянскихъ дѣтей продолжаетъ безмездно, съ должнымъ усердіемъ и довольно успѣшно; б) въ селѣ Подберезникахъ, въ казенномъ училищѣ, священникъ Θеодоръ Лебедевъ проходитъ должность наставника тщательно.

8) Въ рузскомъ уѣздѣ села Михайловскаго священникъ Іоаннъ Смирновъ заботится о доведеніи казеннаго училища до надлежащаго порядка и устройства.

Б) Въ открытыхъ въ 1860 году училищахъ:

1) Бронницкаго уѣзда при успенской, села Гжели, церкви занимается обученіемъ крестьянскихъ дѣтей удѣльнаго вѣдомства священникъ Виталій Лебедевъ вмѣстѣ съ женою.

2) Серпуховскаго уѣзда въ устроенныхъ отъ помѣщика графа Орлова—Давыдова училищахъ, для первоначальнаго обученія крестьянскихъ дѣтей, въ приходахъ церквей: князе—владимірской, села Семеновскаго, Отрада тожъ, богородицерождественской села Талѣжи и крестовоздвиженской, что на Люторищѣ, постоянныхъ наставниковъ изъ крестьянъ руководствуютъ мѣстные священники, и должность сію проходятъ безмездно.

В) Вновь открыты училища въ 1860 году стараніемъ священниковъ, для безмезднаго обученія дѣтей:

1) Въ г. Дмитровѣ при успенскомъ соборѣ; 2) московскаго уѣзда въ селѣ Литвиновѣ священникомъ Іоанномъ Никольскимъ; 3) того же уѣзда, въ селѣ Нетесовѣ священникомъ Павломъ Соловьевымъ; 4) того же уѣзда,

въ селѣ Коньковѣ священникомъ Іоанномъ Зерчаниновымъ; 5) того же уѣзда, въ селѣ Бусиновѣ священникомъ Николаемъ Кудрявцевымъ; 6) дмитровскаго уѣзда, въ селѣ Ильинѣ священникомъ Василіемъ Бѣляевымъ; 7) богородскаго уѣзда, въ селѣ Куньѣ священникомъ Аѳанасіемъ Пономаревымъ, съ назначеніемъ для сего собственнаго флигеля и съ заготовленіемъ книгъ и другихъ нужныхъ для ученія пособій на свое иждивеніе; 8) звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Архангельскомъ священникомъ Николаемъ Тропаревскимъ; 9) того же уѣзда, въ селѣ Карауловѣ священникомъ Григоріемъ Успенскимъ; 10) того же уѣзда, въ селѣ Петровскомъ священникомъ Георгіемъ Срѣтенскимъ; 11) клинскаго уѣзда въ селѣ Соголевѣ священникомъ Сумеономъ Соловьевымъ; 12) звенигородскаго уѣзда въ селѣ Рубцовѣ, священникомъ Василіемъ Скворцовымъ; 13) волоколамскаго уѣзда въ селѣ Бѣлой Колпи, священникомъ Николаемъ Смирновымъ съ діакономъ; 14) того же уѣзда, въ селѣ Ботовѣ священникомъ Михаиломъ Розановымъ; 15) рузскаго уѣзда, въ селѣ Полуэктовѣ священникомъ Іоанномъ Соловьевымъ.

— Преосвященный тобольскій представилъ Святѣйшему Синоду о священно и церковнослужителяхъ, которые по собственному усердію, безвозмездно, съ особенною ревностію занимаются въ городскихъ и сельскихъ первоначальныхъ училищахъ тобольской губерніи. Таковы слѣдующіе священнослужители:

Въ городѣ Тобольскѣ: преподаватель въ воскресной школѣ священникъ Левъ Иваницкій (онъ же законоучитель тобольской гимназіи); законоучитель благовѣщенскаго приходскаго училища священникъ Петръ Кудреватыхъ; законоучитель богородице-рождественскаго приходскаго училища священникъ Порфирій Низковскій.

Въ округѣ: въ селѣ Березовскомъ священникъ Василій Понизовскій; въ селѣ Птицынскомъ священникъ Константинъ Бурдуковъ.

Въ городѣ Тюмени: законоучитель тюменской женской школы священникъ Стефанъ Баженовъ.

Въ городѣ Туринскѣ: при женскомъ монастырѣ, въ училищѣ дѣвицъ и приходскомъ училищѣ, протоіерей Іоаннъ Тиховъ.

Въ ялуторовскомъ округѣ: въ селѣ Новоуковскомъ благочинный священникъ Θеодоръ Пѣнскій; въ селѣ Терсюкскомъ священникъ Іоаннъ Блохинъ; въ слободѣ Суерской священникъ Василій Солярскій.

Въ курганскомъ округѣ: въ селѣ Кривинскомъ священникъ Арефьевъ; въ селѣ Утякскомъ священникъ Пырьевъ; въ селѣ Чернавскомъ священникъ Лебедевъ; въ селѣ Введенскомъ причетникъ Пырьевъ; въ селѣ Чинѣевскомъ пономарь Ребринъ.

Въ городѣ Ишимѣ: въ женской школѣ священникъ Іоаннъ Вишневскій.

Въ округѣ въ слободѣ Усть-ламенской священникъ Стефанъ Дергачевъ; въ селѣ Каменскомъ діаконъ Стефанъ Меθодьевъ.

Въ городѣ Тарѣ: діаконъ Василій Кузнецовъ, занимающійся обученіемъ дѣтей и пользующійся особеннымъ довѣріемъ общества.

Въ городѣ Омскѣ: въ заштатномъ городѣ Тюкалѣ, благочинный священникъ Симеонъ Софоновъ и причетникъ Говоровъ.

Въ городѣ Березовѣ: протоіерей Іоаннъ Заборовскій въ приходскомъ училищѣ и женской школѣ, гдѣ ученицъ 13-ть.

— Начальникъ калужской губерніи, въ письмѣ своемъ къ господину оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода, графу Александру Петровичу Толстому, отъ 12-го октября 1860 года сообщилъ слѣдующее: «Въ г. Козельскѣ, діаконъ тамошней благовѣщенской церкви Ѳедоръ Васильевъ Вырскій съ 1833 года занимается обученіемъ бѣдныхъ дѣтей. Всеобщее довѣріе, которое онъ снискалъ себѣ своими усердными и достойными трудами въ дѣлѣ воспитанія, постепенно увеличивало число его учениковъ и учеиицъ, такъ что въ нынѣшнемъ году, не смотря на скудныя средства свои, онъ открылъ у себя въ домѣ, безъ обязательной платы, для приходящихъ обоего пола дѣтей, преимущественно бѣдныхъ родителей всѣхъ сословій, училище. Исполняя обязанности преподавателя наукъ, онъ поручилъ обученіе дѣвочекъ дочери своей Александрѣ, въ которой онъ имѣетъ весьма хорошую помощницу, пользующуюся всеобщимъ расположеніемъ какъ учениць, такъ и ихъ родителей. Въ настоящее время, въ этой школѣ учатся 80 мальчиковъ и 95 дѣвочекъ. Столь благородное заявленіе дѣломъ своего участія къ пользамъ общества и къ успѣху народнаго образованія нельзя не признать вполнѣ заслуживающимъ поощренія: и о такой безкорыстной предпріимчивости и дѣятельности діакона Вырскаго, какъ принадлежащаго къ духовному состоянію, онъ, начальникъ губерніи, счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода. По этому же предмету получено г-мъ оберъ-прокуроромъ и отношеніе преосвященнаго епископа калужскаго Григорія, въ которомъ онъ изъяснилъ, что діаконъ козельской благовѣщенской церкви Ѳедоръ Васильевъ Вырскій, какъ открылось по дознанію, дѣйствительно съ самаго поступленія своего въ г. Козельскъ, именно

съ 1833 года, началъ заниматься обученіемъ мѣщанскихъ и частію купеческихъ дѣтей, и обучалъ ихъ чтенію, письму и ариѳметикѣ. Въ 1850 же году начала помогать Вырскому въ обученіи дѣтей дочь его Александра, обладающая особенною способностію заниматься съ дѣтьми, почему увеличилось количество учениковъ, и явились ученицы, а вмѣстѣ съ симъ стало возрастать и довѣріе гражданъ къ нему, такъ что въ 1860 году, когда діакону Вырскому формально разрѣшено завести у себя школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, явилось тѣхъ и другихъ по 100 человѣкъ, въ числѣ коихъ оказались и дѣти крестьянъ подгородныхъ. Нынѣ обучаетъ онъ съ дочерью дѣтей чтенію, письму, закону Божію, ариѳметикѣ и грамматикѣ, не дѣлая впрочемъ никакого принужденія ученикамъ своимъ въ изученіи сихъ предметовъ; а дѣвочки сверхъ того обучаются нужнымъ и приличнымъ для нихъ рукодѣльямъ. Школа состоитъ въ собственномъ домѣ діакона Вырскаго; въ ученики принимаетъ онъ дѣтей и бѣдныхъ и небѣдныхъ гражданъ и крестьянъ, кто пожелаетъ отдать ему; а посему многихъ обучалъ и обучаетъ безмездно; за нѣкоторыхъ же получаетъ отъ родителей посильную небольшую плату.

— Его Императорское Величество, въ 23-й день февраля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе Святѣйшаго Сунода о присоединеніи мечей къ знакамъ ордена св. Анны 3-й степени, Всемилостивѣйше пожалованнаго въ 1855—1856 годахъ протоіереямъ полковъ: лейбъ-уланскаго курляндскаго Его Величества Димитрію Овсянкину, пѣхотныхъ: литовскаго Іоанну Мищенкову, брестскаго Гавріилу Прокливитантову и священнику днѣпровскаго пѣхотнаго полка Ксенофонту Ѳедорову.

— Циркулярнымъ отношеніемъ духовно-учебнаго управ-

ленія отъ 19-го ноября 1848 года объявлено было по духовно-учебному вѣдомству постановленіе Святѣйшаго Сунода касательно принятія въ духовныя училища лицъ свѣтскаго званія. Во 2-мъ пунктѣ сего постановленія изображено: «дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ податному состоянію, не иначе принимать въ духовныя училища, какъ если они представятъ формальныя свидѣтельства объ увольненіи сихъ дѣтей обществомъ, къ которому принадлежатъ, равно и объ утвержденіи приговора отъ общества Правительствующимъ Сенатомъ». Нынѣ Святѣйшій Сунодъ, принявъ во вниманіе, что означенное правило постановлено было примѣнительно къ прежде дѣйствовавшему закону (Св. 1842 г. т. IX ст. 260), по которому лица податныхъ состояній увольняемы были въ бѣлое духовенство не иначе, какъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, и что въ позднѣйшее время законъ этотъ отмѣненъ и увольненіе лицъ податныхъ состояній предоставлено окончательному разрѣшенію начальника губерніи, а по смыслу 4639 ст. 1 ч. II т. Св. Зак. Общ. Губ. Учрежд. (изд. 1857 г.), приговоры сельскихъ обществъ, засвидѣтельствованные волостными правленіями, объ увольненіи государственныхъ крестьянъ въ другія дозволенныя сословія, утвержденію Правительствующаго Сената не подлежатъ, постановилъ: поручить духовно-училищнымъ начальствамъ, чтобы при пріемѣ въ училища лицъ податнаго состоянія, за измѣненіемъ въ изданіи Св. Зак. 1857 г. 260 ст. IX т. Св. Зак. (изд. 1842 г.), не руководствовались впредь состоявшимся по сему предмету въ 1848 году постановленіемъ Святѣйшаго Сунода, а сообразовались бы съ дѣйствующими нынѣ узаконеніями.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода отъ 28-го марта положено: почетному блюстителю кинешемскаго духов-

наго училища, почетному гражданину 1-й гильдіи купеческому сыну Ивану Алексѣеву Полѣнову, за пожертвованіе имъ на разныя потребности вышеозначеннаго училища 411 руб. сер., преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода отъ 16-го марта 1861 года положено: учителю переяславскаго духовнаго училища священнику Александру Свирѣлину, за пожертвованіе въ распоряженіе Святѣйшаго Сvнода 948 экземпляровъ составленной имъ книги подъ заглавіемъ: «Краткое объясненіе храма, его принадлежностей, утвари церковной и праздниковъ церковныхъ», преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Въ приказѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода отъ 23-го февраля 1861 года, изображено:

ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ:

Указомъ Правительствующаго Сената 22-го февраля 1861 года произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники:

Членъ общаго присутствія *Николай Сычевъ* (съ 20 декабря 1860 г.) и начальникъ художественной экспедиціи *Юрій Львовъ* (съ 13 августа 1860 г.).

Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники:

Младшій контролеръ *Яковъ Виноградовъ* (съ 9 декабря 1860 года).

Изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники:

Младшій помощникъ контролера *Николай Введенскій* (съ 20 октября 1860 г.).

Изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари:

Канцелярскій чиновникъ *Николай Дьяковъ* (съ 19 сентября 1860 г.).

Изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари:

Бывшій помощникъ синодскаго казначея, а нынѣ младшій помощникъ контролера *Павелъ Некрасовъ* (съ 1 іюня 1860 г); бывшій канцелярскій чиновникъ, а нынѣ помощникъ синодскаго казначея *Михаилъ Анцыфоровъ* (съ 22 сентября 1860 г.), и канцелярскій чиновникъ *Владиміръ Редель* (съ 23 октября 1860 года).

Переименованъ изъ прапорщиковъ въ коллежскіе регистраторы:

Канцелярскій чиновникъ *Петръ Чешковъ.*

Назначается:

Начальникъ отдѣленія канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода коллежскій совѣтникъ *Стефановичъ* — оберъ-контролеромъ (съ 21 февраля 1861 г.).

Увольняется отъ службы, по прошенію, за болѣзнію:

Инспекторъ московской синодальной типографіи коллежскій совѣтникъ *Рене-Семенъ*, съ мундиромъ должности присвоеннымъ (съ 14 февраля 1861 г.).

ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ УПРАВЛЕНІЮ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ:

Опредѣляются:

Красноярскій городовой врачь коллежскій ассесоръ *Лазаревъ*, сверхъ настоящей должности, безмездным врачемъ при красноярскомъ духовномъ училищѣ (съ 19 января 1861 г.); ординаторъ новгородскаго военнаго госпиталя надворный совѣтникъ *Добронравовъ*, сверхъ настоящей должности, безмездным врачемъ при новгородскомъ духовномъ училищѣ (съ 14 февраля 1861 года).

Увольняется отъ службы по прошенію:

Учитель воронежской семинаріи коллежскій совѣтникъ *Мишинъ* (съ 14 января 1861 г.).

ПО КАНЦЕЛЯРІИ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Назначается:

Старшій столоначальникъ надворный совѣтникъ *Лапинъ* —начальникомъ отдѣленія (съ 21 февраля 1861 г.).

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода 15-го марта, перемѣщены: профессоръ нижегородской семинаріи Алексѣй Никольскій на службу въ казанскую семинарію;—инспекторъ и учитель никольскаго духовнаго училища Иванъ Кузнецовъ—наставникомъ въ вологодскую семинарію.

— По распоряженіямъ господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода—17-го марта: учитель рязанской семинаріи по классу гражданской исторіи, кандидатъ Ѳедоръ Толеровъ назначенъ преподавателемъ священнаго Писанія въ той же семинаріи, а на мѣсто его переведенъ инспекторъ веневскаго духовнаго училища кандидатъ Александръ Сахаровъ,—учитель тульской семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ, кандидатъ Доримедонтъ Прилуцкій, перемѣщенъ на вакансію наставника священнаго Писанія въ той же семинаріи;—27-го марта: учитель угличскаго духовнаго училища, кандидатъ Алексѣй Яновскій, перемѣщенъ наставникомъ въ ярославскую семинарію;—29-го марта: профессоръ новгородской семинаріи Димитрій Ганкевичъ уволенъ отъ сей должности, для поступленія на службу въ епархіальное вѣдомство.

— Святѣйшій Сvнодъ, по разсмотрѣніи дѣла по ходатайствамъ епархіальныхъ начальствъ о награжденіи разныхъ лицъ за службу въ должности церковныхъ старостъ и за пожертвованія въ пользу церквей, $\frac{\text{16-го декабря 1860}}{\text{16-го марта 1861}}$ годовъ, между прочимъ, опредѣлилъ слѣдующимъ церковнымъ старостамъ, по вниманію къ полезному прохожденію ими старостинскихъ должностей и въ поощреніе ихъ къ

дальнѣйшей усердной службѣ, преподать благословеніе Святѣйшаго Сунода:—кіевскому 3-й гильдіи купцу Николаю *Скидану*, старорусскому 3-й гильдіи купцу Стефану *Красильникову*, 3-й гильдіи купеческому сыну Ивану *Терешину*, бумажной фабрики дѣйствительной статской совѣтницы Кайдановой мастеровому Андрею *Черкышеву*, псковскому 3-й гильдіи купцу Силѣ *Васильеву*, помѣщику коллежскому ассесору Степану *Васильеву*, холмскому 3-й гильдіи купцу Никифору *Горскому*, торопецкому 3-й гильдіи купцу Ивану *Рудину*, помѣщичьему крестьянину Аѳанасію *Милякову*, углицкому 3-й гильдіи купцу Дмитрію *Русинову*, старицкому 3-й гильдіи купцу Василію *Чернятину*, тверскому 3-й гильдіи купцу Петру *Чубарову*, 5-й волости 3-го округа херсонскаго поселенія поселянину унтеръ-офицеру Ѳеодосію *Дымову*, 6-й волости 3-го округа херсонскаго поселенія поселянину Ивану *Новаку*, 7-й волости 3-го округа херсонскаго поселенія поселянину Ѳеодосію *Билецкому*, 8-й волости 3-го округа херсонскаго поселенія поселянину Григорію *Ризниченко*, 11-й волости 3-го округа херсонскаго южнаго поселенія поселянину Василію *Распитину*, могилевскому 1-й гильдіи купцу Степану *Полякову*, казаку Ивану *Соломеннику*, крестьянину Кондрату *Гоцуляку*, помѣщичьему крестьянину Петру *Воловодовскому*, горнаго луганскаго литейнаго завода 3-й гильдіи купцу Гавріилу *Ѳедорову*, дорогобужскому 3-й гильдіи купцу Михаилу *Елисѣеву*, арзамасскому 3-й гильдіи купцу Николаю *Скорнякову*, балахнинскому 3-й гильдіи купцу Василію *Сотухину*, вольноотпущенному отъ графини Толстой крестьянину Ивану *Усову*, курскому 3-й гильдіи купцу Аркадію *Можайскому*, помѣщику надворному совѣтнику Дмитрію *Левшину*, казенному крестьяннину Варлааму *Ѳедотову*, города Тамбова 3-й гильдіи купеческому сыну Дмитрію *Кокушкину*, города

Елатьмы 3-й гильдіи купцу Андрею *Колабаеву*, тамбовскому 3-й гильдіи купцу Николаю *Носову*, борисоглѣбскому 3-й гильдіи купцу Евиму *Гаврилову*, государственному крестьянину Димитрію *Грѣхову*, мастеровому Ѳерапонту *Зубову*, саратовскому 3-й гильдіи купцу Семену *Сапожникову*, харьковскому 3-й гильдіи купцу Семену *Ѳедорченко*, государственному крестьянину Леонтію *Поляеву*, отставному казаку Мирону *Корягину*, и нарвскому 3-й гильдіи купцу Михаилу *Пыжкину*.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, въ 18-й день минувшаго марта Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода о возведеніи херсонесской обители святаго Владиміра, близъ Севастополя, на степень первокласснаго монастыря по окладу западныхъ епархій, съ тѣмъ, чтобы потребная на содержаніе сего монастыря сумма 3185 рублей серебромъ отпущена была въ текущемъ году изъ государственнаго казначейства, а съ будущаго 1862 года вносима была въ смѣту расходовъ Святѣйшаго Сѵнода.

— Его Императорское Величество, во вниманіе къ отличноусердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ епископовъ: тверскаго Филоѳея и кишиневскаго Антонія, въ 23-й день апрѣля 1861 года, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ихъ въ санъ архіепископа.

— Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть: протоіерея московскаго каѳедральнаго архангельскаго собора, Александра Горскаго, наградить наперснымъ крестомъ, отъ Сѵнода выдаваемымъ, и камилавкою.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ 15-й день апрѣля 1861 года, Всемилостивѣйше соизволилъ наградить почетнаго блюстителя по хозяйст-

венной части въ с.-петербургской семинаріи, царскосельскаго 2-й гильдіи купца, Александра Эзелева, за пожертвованія его въ пользу означенной семинаріи, серебряною медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать законоучителю патріотическаго института, протоіерею Мокіевскому, наперсный крестъ, украшенный бриллiантами и гранатами.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 15-й день минувшаго апрѣля на имя капитула россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ, настоятель посольской церкви нашей въ Аѳинахъ архимандритъ Петръ, сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени, во вниманіе къ отлично-усердной и ревностной службѣ его, засвидѣтельствованной начальствомъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, въ 1-й день апрѣля Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ $\frac{17\text{-го февраля}}{10\text{-го марта}}$ текущаго года о возведеніи ардатовской покровской оренской общины, нижегородской епархіи, на степень третьекласснаго общежительнаго монастыря на изложенныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 18-го апрѣля 1861 года положено: почетнаго гражданина, временнаго московскаго 2-й гильдіи купца, Алексѣя Толоконникова опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при московской духовной академіи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, состоявшимся 21-го апрѣля 1861 года, положено: потомственнаго почетнаго гражданина, второй гильдіи купца, Арсенія Оловянишникова, опредѣлить въ должность почетнаго

блюстителя по хозяйственной части въ пропской семинаріи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода, состоявшимся 21-го апрѣля 1861 года, положено: почетному блюстителю по хозяйственной части далматовскаго духовнаго училища, челябинскому второй гильдіи купцу, потомственному почетному гражданину, Евгенію Разанову, за пожертвованіе имъ на расходы по означенному училищу и состоящей при ономъ бурсѣ 1200 рублей серебромъ, преподать благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода 29-го апрѣля положено: на открывшуюся вакансію ректора и профессора богословскихъ наукъ орловской семинаріи опредѣлять инспектора новгородской семинаріи архимандрита Феогноста, съ назначеніемъ его настоятелемъ мценскаго третьеклассного петропавловскаго монастыря.

— Господинъ сунодальный оберъ-прокуроръ, графъ Толстой, довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сунода, что въ пользу церкви ярославскаго подворья въ С. Петербургѣ поступили отъ разныхъ благотворителей слѣдующія пожертвованія: 1) на св. престолъ серебряный вызолоченный 84 пробы ковчегъ, вѣсомъ 8 фунтовъ, въ видѣ храма съ колоннами и пятью главами (работы Сазикова), заключающій въ себѣ Голгоѳу съ тремя крестами и пещеру съ гробомъ, подъ круглымъ хрустальнымъ колпакомъ ;2) серебряная вызолоченная дароносица съ полнымъ приборомъ 84 пробы, вѣсомъ въ 60 золотниковъ; 3) къ образу съ св. мощами гравированная серебряная вызолоченная риза, 84 пробы, вѣсомъ 1 фунтъ 30 золотниковъ, убранная каменьями; къ сему же образу чеканной работы кіотъ, вызолоченный чрезъ огонь, мѣрою въ аршинъ; 4) двѣ деревянныя рѣзныя вызолоченныя тумбы въ видѣ налоевъ, для храмоваго образа и для святцевъ; 5) двѣ из-

стыя большія фарфоровыя свѣчи, съ изображеніями на нихъ иконъ Спасителя и Божіей Матеріи; двѣ такія же свѣчи, лакированныя, съ изображеніями на нихъ св. угодниковъ, и восемь свѣчь футлярныхъ въ люстрѣ; 6) траурныя бархатныя одежды, обшитыя широкимъ серебренымъ гасомъ, бахрамою и кистями на престолъ, жертвенникъ, налой и два стола, съ особыми къ нимъ коврами, и 7) зеленый коверъ къ престолу и предъ иконостасомъ. Доводя о семъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сvнода, его сіятельство присовокупляетъ, что всѣ означенныя вещи внесены въ опись имущества церкви ярославскаго подворья.

Вслѣдствіе сего Святѣйшій Сvнодъ, опредѣленіемъ 29-го марта / 4-го апрѣля сего 1861 года, положилъ: неизвѣстнымъ жертвователямъ, за благочестивое приношеніе ихъ, въ пользу церкви ярославскаго подворья, утварныхъ и ризничныхъ вещей, объявить благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать іеромонаху троицкой сергіевской лавры Сvмеону золотой наперсный крестъ, съ таковою же цѣпочкою, за труды его по снятію съ иконы смоленской Божіей Матери, что въ кремлевскомъ вознесенскомъ монастырѣ, копіи, жертвуемой Ея Величествомъ въ православную церковь, воздвигаемую въ селѣ Рашъ въ Албаніи.

— Государь Императоръ, во вниманіе къ засвидѣтельствованію начальства о ревностномъ исполненіи духовныхъ требъ іеромонахомъ тихвинскаго монастыря Кирилломъ во время кругосвѣтнаго плаванія на отрядѣ судовъ, возвратившихся въ прошедшемъ году, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, капитана 1-го ранга Попова, Всемилостивѣйше пожаловать изволилъ сему священнослужителю въ награду наперсный крестъ изъ кабинета Его Величества.

— Секретарь Государыни Императрицы сообщилъ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, что Ея Величество, по просьбѣ учредительницъ Высочайше учрежденнаго общества для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи, лишившагося покровительницы въ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, соизволила изъявить согласіе на принятіе сего общества подъ Августѣйшее свое покровительство и съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣла ему, оберъ-прокурору, испросить на это предварительно Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества. Въ 18-й день минувшаго февраля на сіе воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

— Г. синодальный оберъ-прокуроръ довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что благочинный пермской епархіи, екатеринбургскаго уѣзда, каменскаго завода, священникъ Матөей Поповъ препроводилъ въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ 100 рублей, пожертвованные крестьянскою вдовою означеннаго завода Өевроньею Ходяковою, на поминовеніе о здравіи Өевроніи и чадъ ея, и объ упокоеніи умершаго мужа ея Іоанна и сродниковъ его, для отсылки въ одинъ изъ русскихъ монастырей, на аөонской горѣ, безъ поименованія таковаго. Вслѣдствіе сего, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ 26-го февраля / 16-го марта сего 1861 года, поручилъ хозяйственному при ономъ управленію означенныя деньги отослать, чрезъ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ общежительный Пантелеймоновскій монастырь на Аөонѣ.

О совершеніи молитвенныхъ поминовеній за благотворителей Богадѣльнаго дома при Церкви Святыя Живоначальныя Троицы, въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, опредѣленіемъ

$^{20}/_{27}$ февраля текущаго 1861 года, разрѣшилъ совершать на вѣчное время въ Божіемъ храмѣ Святыя Троицы:

1) Всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Святой и Живоначальной Троицѣ и молитвами Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, Божественную Литургію и благодарственное молебствіе Святой Троицѣ, съ молитвою, 21 іюня, на память Святаго Мученика Іуліана Тарсійскаго, въ день, въ который послѣдовало освященіе храма Божія Святыя Троицы въ 1757 г., съ возношеніемъ на ектеніяхъ именъ живыхъ благотворителей.

2) О памяти и оставленіи грѣховъ и объ упокоеніи душъ усопшихъ благотворителей: а) панихиду 20 іюня, предъ всенощнымъ бдѣніемъ, наканунѣ 21 іюня и б) литіи: во вторникъ Ѳоминой недѣли, въ субботу предъ праздникомъ Святыя Троицы (пятидесятницы), въ Димитріевскую субботу (предъ 27 числомъ октября), и въ Мясопустную субботу.

и 3) Какъ живыхъ, такъ и усопшихъ благотворителей и ихъ сродниковъ поминать въ вышепоказанные дни поименно во время совершенія проскомидіи на Божественныхъ Литургіяхъ, равно и во всѣ прочіе дни, въ которые будетъ приносима во храмѣ Святыя Троицы безкровная жертва.

Попечитель объ устройствѣ богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумѣ, священникъ о. Гавріилъ Любимовъ, съ истинною радостію спѣшитъ извѣстить о семъ Боголюбезныхъ и Христолюбивыхъ благотворителей.

ОПЕЧАТКИ И НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

Въ майской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» въ статьѣ: *Въ воспоминаніе 19-го февраля* допущены слѣдующія погрѣшности, которыя спѣшимъ исправить:

НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
стран. 369. строк. 6. *избавившіе*	*избравшіе*
стр. 372, строки 8 и 9. *Дѣло освобожденія началось не въ Римѣ. Спаситель началъ свое дѣло тѣмъ, что......*	*Дѣло освобожденія началось тѣмъ, что нашъ Господь и Спаситель явился на землѣ......*
стран. 416, 11 строка сверху. *относились презрительно, при тогдашнемъ порядкѣ, или точнѣе...*	*относились презрительно. Много бѣдъ вытерпѣлъ міръ при тогдашнемъ порядкѣ, или точнѣе...*
стр. 419. 8 строка. *не широко раскинувшагося*	*изъ широко раскинувшагося*

наго Сына Ея въ Виѳлеемѣ. Во 2-й о жизни и добродѣтеляхъ Пресвятой Дѣвы, отъ рожденія Ею Сына Божія въ Виѳлеемѣ, до принятія Имъ крестной смерти на Голгоѳѣ, для спасенія рода человѣческаго—и въ 3-й о жизни и добродѣтеляхъ Пресвятой Дѣвы, отъ времени страданія Сына Ея до дня успенія. Цѣна 1 р. 50 коп., за перес. за 2 фун.

Памятная книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ. М. 1860 г. 1 р. 50 к., за перес. за 2 фун.

Служба и Акаѳистъ Пресвятой Богородицы совершаемыя въ день празднества св. чудотворной Ея иконы, именуемой: *Утоли моя печали*. Спб. 1860 г. 70 к., вѣс. за 1 ф.

Упражненіе въ геометріи, съ подробными рѣшеніями. Состав. *И. Хмырова*. Книга первая. Спб. 1861 г. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Дифференціальное исчисленіе. Состав. Дингеръ. Перев. съ нѣмецкаго *А. Эшлиманъ* и *М. Лапчинскій*. Спб. 1861 г. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Богослуженіе, праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ евреевъ. Состав. *А. Алексѣевъ*. Новгородъ. 1861 г. 60 к., вѣс. за 1 ф.

Сборникъ разныхъ свѣденій о С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Спб. 1861 г. 20 к., вѣс. за 1 ф.

О причинахъ появленія въ русской церкви *раскола*, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. *Д. Опоцкаго*. Спб. 1861 г. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Открытіе Америки, историческій разсказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго *Е. Далеескаго* Съ чертежемъ и картою. Спб. 1861 г. 75 к., съ перес. 1 руб.

Рѣшиловское дѣло. Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія, *И. Чистовича*, 1861 г. 1 руб.

Историческій атласъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Состоящій изъ 23 картъ большаго формата. Составленный *К. Твелькмейеромъ*, преподавателемъ исторіи въ первомъ кадетскомъ Корпусѣ. Учебное пособіе для Военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1861 года, цѣна 4 рубля.

Шагъ впередъ, или вѣрнѣйшій путь для помѣщиковъ къ устройству ихъ благосостоянія въ настоящее время, Спб. 1861 года, 60 коп.

Иногородныя особы благоволятъ обращаться съ требованіями въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Карабасова и Сряжкова.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1861 ГОДЪ.

I.

Христіанская жизнь и дѣятельность.

II.

Учено—Богословскія изслѣдованія.

III.

Современное обозрѣніе церковныхъ дѣлъ и богословской литературы.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1861.

ЯНВАРЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи с. петербургской духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ канцеляріи Правленія с. петербургской духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859 и 1860. Каждый экземпляръ отдѣльно—по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 р. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859 и 1860 годовъ остается прежняя.

Изъ печати вышло новое изданіе Хр. Чтенія за 1848 годъ. Бесѣды св. Златоуста и Церковную Исторію Евсевія, помѣщенныя въ этомъ году, можно получать и отдѣльными книгами. Цѣна каждой 2 руб. и на пересылку за два фунта.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ канцеляріи Правленія с. петербургской дух. Акад. продаются книги:

1) Слова и Рѣчи преосвященнаго Макарія, епископа харьковскаго и ахтырскаго. 1859 г. Т. I и II. Цѣна 2 руб. 50 к. сер. съ пересылкою.

2) Исторія Русскаго Раскола, *его же*. Новое изданіе. Цѣна 2 руб. сереб. съ пересылкою.

3) Исторія Русской Церкви, *его же*. Томы I, II и III. С.п.б. 1857. Цѣна за всѣ три тома съ пересылкою 5 руб. сереб., а за каждый томъ въ отдѣльности—1 р. 67 к. сер.

4) Православно-Догматическое Богословіе, соч. *его же*, (новое компактное изданіе).

— Т. I, заключающій въ себѣ I и II т. прежняго изданія; ц. 2 р. 50 к. съ перес.

— Т. II, заключающій въ себѣ III, IV и V т. прежняго изданія; ц. 3 р. 50 к. съ перес.

5) Пастырское Богословіе, соч. *Кирилла*, епископа мелитопольскаго. Изд. *третье*. Цѣна 1 р. сер.; на перес. за 2 ф.

6) Темы для поученій къ простому народу, съ указаніемъ главыхъ мыслей и мѣстъ св. Писанія, къ нимъ относящихся.—Пособіе для проповѣдниковъ Слова Божія въ сельскихъ церквахъ. Соч. архим. *Викторина*, ректора костромской Семинаріи. Изданіе второе, Спб. 1859 года. Цѣна съ пересылкою 1 р. сер.

6) Минуты уединенныхъ размышленій христіанина, соч. *его же.* Ц 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.

7) Темы для поученій къ простому народу, съ указаніемъ главныхъ мыслей и мѣстъ св. Писанія, къ нимъ относящихся.—Пособіе для проповѣдниковъ Слова Божія въ сельскихъ церквахъ. Соч. архим. *Викторина*, ректора костромской Семинаріи. Изданіе второе, Спб. 1859 года. Цѣна съ пересылкою 1 р. сер.

8) Истинный Другъ духовнаго юноши. — Практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ Училищъ. Соч. *его же.* Спб. 1858 г. Цѣна 1 р. сер. на перес. за 2 ф.

9) О заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ, соч. *Ловягина.* Цѣна 1 р., на перес. за 2 ф.

10) Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ Христіанскаго Чтенія. Цѣна (съ пересылкою) 50 к. сер.

11) Разборъ римскаго ученія о главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви первыхъ трехъ вѣковъ. Соч. рект. рижской д. Семинаріи, А. *Никанора.* Выпуски 1 и 2. Цѣна кажд. вып. 1 р., на перес. за 2 фун.

12) Исторія с. петербургской д. Академіи. Соч. профессора *И. Чистовича.* Цѣна 2 руб. сер.; на перес. за 2 фун.

13) Исторія прав. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ с. петербургской епархіи. Соч. *его же.* Цѣна 1 р.. на перес. за 1 фун.

14) Систематическое изложеніе Логики. Соч. профессора *Карпова.* Цѣна 1 р. 50 к., на перес. за 2 фун.

15) Римскій новый догматъ о зачатіи Пресвятыя Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ св. Писанія и Преданія св. Отцевъ. Цѣна 35 к. безъ перес.

16) Сужденіе православнаго Грека о способѣ соединенія Церквей, какой предлагаетъ Гагаринъ въ своей брошюркѣ: La Russie sera-t-elle catholique? Цѣна 25 к., на пересылку за 1 фун.

17) Литовская церковная Унія. Изслѣдованія *М. Кояловича.* Т. I. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. сер.

18) Объ антихристѣ противъ раскольниковъ. Соч. баккалавра с. п. бургской д. Академіи *И. Нильскаго.* Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви. *Филарета*, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго (съ портретомъ автора) Спб. 1859 г. 3 тома. Цѣна съ пересылкою 5 руб. сер.

Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Сочиненіе *Его же* 1860 г. цѣна 2 р. сер., на перес. за 2 фунта.

О необходимости священства, противъ безпоповцевъ. Соч. баккалавра *А. Предтеченскаго.* Цѣна съ пересылкою 1 руб.

Печатать позволяется. Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*